

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ASSOCIATES PROGRAM

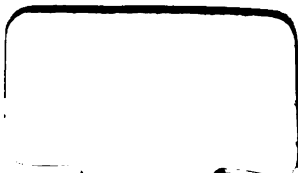
In grateful recognition
of

**Stephen Philip Erdberg
Class of 1964**

for generous support of the
Harvard College Fund

1992-1993

The Harvard College Library

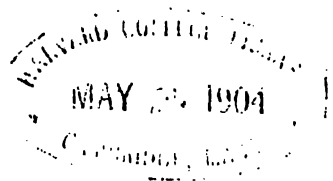

~~Сенатская типография~~

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССІІ.

1904.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л ь С Т В Е Н Н ы я Р А С П О Р Я Ж Е Н І я .

I. Именной Высочайшій указъ	3
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	7
IV. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія	18
V. Отъ управления пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ	22
VI. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	23
VII. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	27
VIII. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	35
Отъ ученаго комитета мин. нар. пр.	36
Отъ постоянной комиссіи народныхъ чтеній	38
Н. А. Насѣкинъ. Корейцы Пріамурскаго края	1
Л. Д. Воронцова. Икона Богоматери „Неопалимая Купина“	62
А. Л. Погодинъ. Очеркъ развитія латышской этнографіи за послѣднія пятнадцать лѣтъ	89

К Р И Т И К А И В И Б Л И О Г Р А Ф І я .

М. Грушевскій. Львовское ученое общество имени Шевченка и его вклады въ изученіе Южной Руси	117
Е. О. Будде. Толковый словарь живого великорусскаго языка <i>Владимира Даля</i> . Третье изданіе, подъ редакціей проф. <i>И. А. Бодуэна-де-Куртене</i> . Т. I. Выпускъ 1—3 (А — Влгѣтъ). С.-Пб. 1903	148
Д. К. Петровъ. <i>Л. Шпелевичъ</i> . „Довъ-Кихотъ“ <i>Сервантеса</i> . Опытъ литературной монографіи. С.-Пб. 1903	163
А. И. Соболевскій. 1) О нѣкоторыхъ архаизмахъ и новообразованіяхъ праславянскаго языка. Морфологическіе этюды <i>Г. А. Ильинскаю</i> . Прага. 1902. 2) Сложныя мѣстоименія и окончаніе родительнаго падежа единственнаго числа, мужскаго и средняго рода неличныхъ мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ. Этимологическое изслѣдованіе <i>Г. А. Ильинскаю</i> . Варшава. 1903	180
— Книжныя новости	183

См. 3-ю стр. обложки.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССІІ.

1904.
МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1904.

PSlav 318.10

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный Правительствующему Сенату.

23-го января 1904 года. „Министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника *Земера*—Всемиловѣйше увольняемъ, согласно прошенію, по болѣзни, отъ занимаемой имъ должности, съ назначеніемъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ“.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (21-го ноября 1903 года). *Объ отпускѣ изъ казны средствъ на содержаніе и оборудованіе Мурманской біологической станціи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ отпускѣ изъ казны средствъ на содержаніе и оборудованіе Мурманской біологической станціи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ отпускѣ изъ казны средствъ на содержаніе

и оборудованіе Мурманской біологической станціи, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить съ 1 января 1904 г. въ Мурманской біологической станціи должности: завѣдующаго сею станціею изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, и лаборанта съ присвоеніемъ: 1) завѣдующему VI класса по должности, VI разряда по шитью на мундирѣ, оклада содержанія въ *три тысячи руб.* въ годъ (въ томъ числѣ 1.500 рублей жалованья и 1.500 рублей столовыхъ), при квартирѣ натурою и правъ на пенсію по учебной службѣ и 2) лаборанту — вознагражденія *по шестисотъ рублей* въ годъ, при квартирѣ натурою, но безъ правъ государственной службы.

II. На содержаніе при названной (отд. I) станціи библіотеки и лабораторіи, на наемъ машиниста и прислуги и на хозяйственные расходы станціи ассигновать съ 1 января 1904 г. *по четыре тысячи девятисотъ рублей* въ годъ.

III. Вызываемый означенными въ отдѣлахъ I и II мѣрами ежегодный расходъ, въ размѣрѣ *восьми тысячъ пятисотъ рублей*, отнести на счетъ государственнаго казначейства.

IV. На оборудованіе Мурманской біологической станціи отпустить изъ средствъ казны *пятнадцать тысячъ рублей* съ отнесеніемъ сего расхода на кредиты, подлежащіе ассигнованію министерству народнаго просвѣщенія въ 1904 и послѣдующихъ годахъ на строительныя ея надобности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдательствовавшими и членами.

(Собр. узак. и расп. прав., 27-го января 1904 г., № 13, ст. 123).

2. (1-го декабря 1903 года). *Объ установленіи входной платы съ посѣтителей Севастопольской біологической станціи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ установленіи входной платы съ посѣтителей Севастопольской біологической станціи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра на-

роднаго просвѣщенія объ установленіи входной платы съ посѣтителей Севастопольской біологической станціи, *мнѣніемъ положила*:

I. Установить съ посѣтителей Севастопольской біологической станціи въ теченіе трехъ дней въ недѣлю, назначаемыхъ для сего физико-математическимъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, входную плату, въ размѣрѣ *тридцати* копѣекъ съ лица, съ тѣмъ, чтобы въ остальные дни доступъ посѣтителей на станцію оставался свободнымъ и бесплатнымъ.

II. Суммы, поступающія отъ взиманія означенной въ отдѣлѣ I платы, зачислять въ спеціальныя средства министерства народнаго просвѣщенія, для удовлетворенія хозяйственныхъ надобностей Севастопольской біологической станціи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.
(*Тамъ же*, ст. 132).

3. (1-го декабря 1903 года). *Объ отпускѣ средствъ на наемъ рабочихъ столовъ на зоологической станціи доктора Дорна въ Неаполь.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ отпускѣ средствъ на наемъ рабочихъ столовъ на зоологической станціи доктора Дорна въ Неаполь, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сальскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія, объ отпускѣ средствъ на наемъ рабочихъ столовъ на зоологической станціи доктора Дорна въ Неаполь, *мнѣніемъ положила*:

I. Отпускать изъ государственнаго казначейства въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1904 года по *три тысячи семисотъ* рублей ежегодно на наемъ четырехъ рабочихъ столовъ на зоологической станціи доктора Дорна въ Неаполь.

II. Означенный въ отдѣлѣ I расходъ обратить въ 1904 году на счетъ кредита, внесеннаго на изъясненную надобность въ равной суммѣ къ условному отпуску въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія того же года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателямъ и членами.
(*Тамъ же*, ст. 139).

4. (5-го января 1904 года). *Объ открытіи въ с. Павловскомъ, Томской губерніи, учительской семинаріи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ открытіи въ с. Павловскомъ, Томской губерніи, учительской семинаріи Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи, и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи въ с. Павловскомъ, Томской губерніи, учительской семинаріи, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить, съ 1-го іюля 1904 г., въ селѣ Павловскомъ, Томской губерніи, учительскую семинарію съ примѣненіемъ къ ней: 1) дѣйствующихъ постановленій объ учительскихъ семинаріяхъ министерства народнаго просвѣщенія (уст. уч. зав., изд. 1893 г., ст. 2382—2395 и 2397—2410); 2) отдѣла I и статей 1—6 отдѣла II Высочайше утвержденного, 11-го марта 1902 г., мнѣнія государственнаго совѣта (собр. узак., ст. 514), и 3) Высочайше утвержденного, 11-го марта 1902 г., штата учительскихъ семинарій въ селѣ Великіе Сорочинцы, городѣ Повомосковскѣ и селѣ Ровномъ.

II. Ассигновать изъ государственнаго казначейства на содержаніе означенной (отд. I) семинаріи: въ 1904 г.—*двѣнадцать тысячъ руб.* и начиная съ 1905 г. по *двадцать четыре тысячи рублей* въ годъ.

III. Могущіе образоваться отъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе семинаріи, остатки обращать на наемъ для нея помѣщенія впредь до устройства собственнаго дома, а также на хозяйственное и учебное ея обзаведеніе.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(7-го января 1904 года, № 3). *Объявляется* Высочайшая благодарность: директору Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи, статскому совѣтнику Аркадію *Вознесенскому*, бывшему вычислителю Николаевской главной астрономической обсерваторіи, нынѣ хранителю при обсерваторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета коллежскому ассессору Алексѣю *Педашенко* и хранителю при сей же обсерваторіи, неимѣющему чина Виктору *Ахматову*, за оказанныя ими заслуги гидрографической экспедиціи по изслѣдованію озера Байкала.

(23-го января 1904 года, № 7). *Назначаются*: старшій врач дѣтской больницы Принца Петра Ольденбургскаго, врач-консультантъ при С.-Петербургскихъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Руссовъ*—консультантомъ по дѣтскимъ болѣзнямъ Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны, съ 3-го января, съ оставленіемъ его въ занимаемыхъ имъ должностяхъ; статскій совѣтникъ *Ралли*—вновь почетнымъ попечителемъ Байрамчской учительской семинаріи, на три года.

Утверждаются дѣйствительный статскій совѣтникъ *Миллютинъ*, статскій совѣтникъ *Эманъ* и надворный совѣтникъ *Паиутинъ*—вновь почетными попечителями: первый—Череповецкаго реальнаго училища, второй—Егорьевской прогимназіи и послѣдній—Елисаветградской гимназіи, всѣ трое, согласно избранію, на три года.

Перемещается директоръ Екатеринославской гимназіи, статскій совѣтникъ *Драгошъ*—директоромъ Аккерманской гимназіи.

(30-го января 1904 года, № 8). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, докторъ медицины *Яроцкій*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго университета, по кафедрѣ специальной патологии и клиники.

Назначаются: хранитель геологическаго кабинета и приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета и преподаватель института гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I, магистръ минералогіи и геогнозіи, надворный совѣтникъ *Полыновъ*—исправляющимъ должность ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета, по кафедрѣ минералогіи и геологіи; дѣло-

производитель второго департамента министерства юстиціи и приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ международнаго права, надворный совѣтникъ *Шалландъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго университета, по кафедрѣ государственнаго права.

Утверждаются: егермейстеръ Высочайшаго двора графъ *Шереметевъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Рыковъ* и корнетъ запаса *Баштынкъ*—вновь почетными почитателями: первый—Бѣлгородской гимназіи, второй—Мелитопольскаго реального училища и послѣдній—Бахмутской гимназіи, всѣ трое, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ графа Шереметева егермейстеромъ.

По С.-Петербургскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: преподаватели: гимназій: С.-Петербургскихъ: 7-й, *Волковъ*—съ 1-го іюля 1901 г. и *Камтерфельдъ*—съ 1-го августа 1903 г., 5-й, *Милгайловскій*—съ 22-го августа 1903 г., Императорскаго человѣколюбиваго общества: *Мазюкевичъ* и *Герениусъ*, оба съ 1-го августа 1903 г., частной К. Мая: *Липовскій*—съ 1-го сентября 1903 г. и *Лоренцъ*—съ 30-го сентября 1903 г., Архангельской: *Зотиковъ*—съ 1-го іюля 1903 г. и *Корчакинъ*—съ 1-го августа 1903 г., Императорской Николаевской Царскосельской, *Мухинъ*—съ 1-го сентября 1903 г., реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго 3-го, *Роцинъ* и частнаго Богинскаго, *Будде*, оба—съ 1-го августа 1903 г., Череповецкаго: *Гурьяновъ*—съ 1-го августа 1903 г., *Ивановъ*—съ 30-го марта 1903 г. и *Мюллеръ*—съ 24-го августа 1903 г., Выборгскаго, *Радашевичъ*—съ 1-го августа 1903 г., Вологодскаго Александровскаго, *Масленниковъ*—съ 1-го августа 1903 г., Архангельскаго Императора Петра I низшаго механико-техническаго училища, *Думетовъ*—съ 1-го іюня 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватели: С.-Петербургскихъ гимназій: 2-й, *Тихомировъ* и 10-й, *Пирожковъ*, оба—съ 1-го сентября 1903 г., 12-й, *Моаньяръ*—съ 1-го іюня 1903 г., Архангельской, *Климаъ*—съ 16-го іюня 1903 г., Череповецкаго реального училища, *Бурмачевскій*—съ 26-го января 1902 г., училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ: *Грюнвальдтъ* и *Дитманъ*, оба—съ 1-го августа 1903 г.; руководитель слесарной мастерской Архангельскаго Императора Петра I низшаго механико-техническаго училища *Семеновъ*—съ 15 августа 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: преподаватели С.-Петербургскихъ гимназій: 7-й, *Цытовичъ*—съ 1-го іюля 1902 г., 6-й, *Ма-*

лина—съ 12-го іюля 1900 г., Императорскаго человѣколюбиваго общества, *Бюль*—съ 18-го ноября 1902 г., Введенской, *Глушковъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; бывший преподаватель Архангельской гимназіи, нынѣ въ оставкѣ, *Рудницкій*—съ 1-го октября 1902 г.; врачъ Горопецкой женской прогимназіи *Гришбертъ*—съ 14-го октября 1899 г.; преподаватели С.-Петербургской 6-й гимназіи, сверхштатный Павелъ *Соболевъ*—съ 1-го іюля 1902 г., С.-Петербургскаго учительскаго института, *Мотиланскій*—съ 19-го октября 1902 г., училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, *Родинъ*—съ 26-го іюня 1901 г.; воспитатель Охтенскаго низшаго механико-техническаго училища *Фроловскій*—съ 1-го августа 1902 г.; наставники учительскихъ семинарій: Псковской, *Волошиновъ*—съ 1-го ноября 1902 г., Иванъ *Малышевъ*—съ 24-го ноября 1902 г., Гатчинской, Александръ *Соболевъ*—съ 16-го сентября 1902 г.; учитель-инспекторъ Устьсысольскаго городского училища Александръ *Малышевъ*—съ 16-го іюля 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Грязовецкаго, *Созыкинъ*—съ 1-го мая 1903 г., Вельскаго, *Кашинъ*—съ 1-го іюля 1903 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго частнаго Богинскаго, *Воробьевъ*—съ 7-го октября 1903 г., Вологодскаго Александровскаго, *Пятышевъ*—съ 1-го августа 1903 г.; сверхштатный лаборантъ инженерной лабораторіи технологическаго института Императора Николая I *Холмогоровъ*—съ 1-го іюня 1903 г.; учителя городскихъ училищъ: Устьсысольскаго, *Макарыинъ*—съ 1-го іюля 1902 г., при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ, *Зананковъ*—съ 1-го августа 1903 г.; бывший почетный смотритель Солявычегодскаго городского училища, *Смирновъ*—съ 25-го апрѣля 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощникъ классныхъ наставниковъ Гатчинскаго реального училища имени Императора Александра III *Лаурсонъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; учитель Старорусскаго городского училища *Фроловъ*—со 2-го іюля 1901 г.; почетный смотритель Новоржевскаго городского училища *Бахъ*—съ 6-го іюля 1901 г.; журналистъ и архивариусъ канцеляріи попечителя *Гордакъ*—съ 5-го октября 1903 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *циберицкіе секретари*: учитель Солецкаго двухкласснаго приходскаго училища *Чистовскій*—съ 1-го сентября 1902 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учитель С.-Петербургской двухклассной, имени Комиссарова-Костромскаго, школы *Артышевъ*—съ 9-го іюня 1903 г.

Утверждаются: въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессо-*

сора: преподаватели: гимназій: С.-Петербургскихъ: 2-й, *Гензель* — съ 5-го октября 1899 г., 5-й, *Толкачевъ* — съ 1-го августа 1899 г., Петергофской Императора Александра II: *Миняевъ* — съ 1-го августа 1899 г. и *Устьинскій* — съ 29-го сентября 1898 г., реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго 3-го, сверхштатный, *Чеботаревъ* — съ 1-го іюля 1899 г., Гатчинскаго имени Императора Александра III, *Головинъ* — съ 1-го августа 1899 г., Кронштадтскаго, *Мамбре* — съ 20-го мая 1899 г., Великолуцкаго, *Серебацкій* — съ 15-го сентября 1899 г.; бывший старшій лаборантъ Томскаго технологическаго института, нынѣ сверхштатный лаборантъ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I *Гарднеръ* — съ 1-го іюля 1901 г.; *коллежскаго секретаря*: учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Казанскаго четырехкласснаго, *Линьковъ* — съ 16-го октября 1898 г., Яренскаго, *Русиновскій-Пуццато*, Красноборскаго, *Стабриковъ*, Кемскаго, *Астафьевъ*, Опочецкаго, *Николаевъ* и Порховскаго, *Рейтенбордъ*, всѣ пятеро — съ 1-го іюля 1899 г., Лужскаго, *Константиновъ* — съ 22-го августа 1898 г.; сверхштатные учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Андреевскаго, *Комаровъ* — съ 30-го сентября 1898 г., Выборгскаго четырехкласснаго, *Козыревъ* — съ 1-го сентября 1898 г., С.-Петербургскаго Рождественскаго, *Корехинъ* — съ 10-го октября 1898 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: С.-Петербургской Введенской, *Сидоровъ* — съ 4-го сентября 1899 г., Нарвской, *Сысоевъ* — съ 16-го августа 1899 г.; учитель-завѣдывающій Александровскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ *Долиновъ* — съ 1-го іюля 1899 г.; хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Смирновъ* — съ 5-го іюля 1902 г. и лаборантъ химической лабораторіи того же университета *Юницъ* — съ 7-го октября 1902 г., оба — по диплому первой степени Императорскаго университета; *кубернскаго секретаря*, помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Ньровецкій* — съ 31-го мая 1903 г., по диплому второй степени Императорскаго университета; *коллежскаго регистратора*: домашніе учителя: *Зандигъ* — съ 10-го января 1902 г., *Геллеритремъ* — съ 10-го мая 1903 г., *Бъликовъ* — съ 20-го марта 1903 г. и *Зепревъ* — съ 1-го ноября 1902 г.

По Московскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: учителя гимназій: Московской 5-й, *Тарасовъ* — съ 15-го іюня 1903 г., Московской 4-й, *Степаненко* — съ 1-го іюля 1903 г., Московской 10-й, *Флеровъ* — съ 16-го мая 1903 г., Сергіевской, Сергіево-посадской, *Куд-*

Улицевъ—съ 16-го августа 1903 г.; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Владимірской, *Дроздовъ*—съ 19-го ноября 1902 г. и Рязанской, *Одницевъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; преподаватели: Усачевско-Чернявскаго женскаго училища, *Хитровъ*—съ 21-го марта 1903 г. и Калужской женской гимназіи, *Добромысловъ*—съ 11-го октября 1902 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: учителя гимназій: Московской 10-й, *Крыловъ*—съ 30-го сентября 1903 г., Смоленской, *Аксеновъ*—съ 1-го декабря 1902 г., Тверской, *Переслени*—съ 1-го іюля 1903 г. и частнаго реальнаго училища Мазинга, въ Москвѣ: *Нечаевъ*—съ 1-го августа 1903 г. и *Первухинъ*—съ 1-го сентября 1903 г.; члены-соревнователи попечительнаго совѣта Комиссаровскаго техническаго училища: *Цыпмаковъ*—съ 1-го іюля 1903 г. и *Мясниковъ*—съ 28-го іюня 1903 г.; преподаватель рисованія и черченія Иваново-вознесенскаго низшаго механико-техническаго училища *Шейманъ*—съ 1-го августа 1903 г.; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Владимірской, *Декатовъ*—съ 1-го марта 1902 г., Орловской, *Цуриковъ*—съ 24-го января 1902 г., Рязанской, *Жаворонковъ*—съ 1-го марта 1902 г.; преподаватели: Усачевско-Чернявскаго женскаго училища, *Секъ*—съ 21-го сентября 1896 г., женскихъ гимназій: Калужской, *Савельевъ*—съ 27-го мая 1903 г., 1-й Тульской, *Манинъ*—съ 10-го іюня 1902 г., частной Перепелкиной, въ Москвѣ, *Басистовъ*—съ 18-го іюля 1903 г.; врачъ Егорьевской женской прогимназіи *Левенштейнъ*—съ 16-го января 1901 г.; учитель общеобразовательныхъ предметовъ Тверской школы ремесленныхъ учениковъ *Вурнословъ*—съ 1-го января 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: помощники инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета: *Никифоровъ*—съ 24-го августа 1901 г., *Никольскій*—съ 7-го іюня 1902 г. и *Гарскій*—съ 30-го сентября 1902 г.; учителя гимназій: Московской 2-й, *Кашинъ*—съ 21-го сентября 1902 г., Московской 4-й, *Позверкъ*—съ 1-го сентября 1902 г., Московской 10-й, *Вюнеръ*—съ 27-го марта 1902 г., Рязанской, *Клоде*—съ 29-го сентября 1893 г., Александровской Серпуховской, *Всеволодовъ*—съ 16-го сентября 1901 г., Сергіевской, Сергіево-посадской, *Чертковъ*—съ 24-го сентября 1902 г., Тверской: *Платоновъ*—со 2-го іюля 1902 г., *Ислюматовскій*—съ 20-го августа 1902 г., *Шпесеръ*—съ 7-го января 1903 г.; учитель приготовительнаго класса Московской 1-й гимназіи *Виноградовъ*—съ 1-го іюля 1903 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Московской 4-й гимназіи *Фортуатовъ*—съ 16-го февраля 1903 г.; членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комиссаровскаго техническаго

училища *Жаринъ*—съ 20-го сентября 1903 г.; преподаватели: Московскаго промышленнаго училища, *Найдеръ*—съ 7-го ноября 1902 г., Касимовскаго средняго семикласснаго техническаго училища, *Гусевъ*—съ 10-го августа 1902 г.; учителя женскихъ гимназій: Тверской Марининской: *Масловъ*—съ 23-го января 1902 г. и *Иллюминарскій*—съ 1-го декабря 1902 г., частной, Арсеньевой, въ Москвѣ, *Росинскій*—съ 4-го февраля 1903 г.; учителя-инспекторы: Песоченской школы ремесленныхъ учениковъ, *Бекеневъ*—съ 1-го февраля 1900 г., городскихъ училищъ: Макаревскаго на Унжѣ, *Герасимовъ*—съ 1-го іюля 1901 г., Троицесергіевскаго, *Соколовъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; учителя городскихъ училищъ: Калужскаго 2-го, *Иванцовъ*—съ 7-го ноября 1902 г., Боровскаго, *Изъиковъ*—съ 7-го ноября 1902 г., Кологривскаго, *Курочкинъ*—съ 16-го апрѣля 1902 г., Вяземскаго, *Горчаковъ*—съ 15-го октября 1902 г., Вельегонскаго, *Арсеньевъ*—съ 1-го іюля 1903 г. и Вышневолоцкаго (сверхштатный), *Родионовъ*—съ 25-го ноября 1902 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета *Федоровъ*—съ 16-го іюня 1902 г.; врачъ Вяземской Императора Александра III гимназій Смоленскаго земства *Янковскій*—съ 25-го іюня 1901 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Московской 5-й гимназій *Гонель*—съ 15-го марта 1903 г.; члены-соревнователи попечительнаго совѣта Комиссаровскаго техническаго училища: *Цымаковъ*—съ 1-го іюля 1903 г. и *Никифоровъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Московскаго промышленнаго училища *Маликовъ*—съ 12-го сентября 1903 г.; врачъ Саложковскаго ремесленнаго училища *Стахановъ*—съ 4-го апрѣля 1900 г.; учитель и руководитель работъ Павловскаго ремесленнаго училища *Алексеевъ*—съ 29-го сентября 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Меленковскаго, *Залинаевъ*—съ 1-го января 1901 г., Малоярославецкаго, *Халкинъ*—съ 31-го августа 1902 г., Костромскаго, *Дроздовъ*—съ 15-го сентября 1901 г., Солигаличскаго, *Раевскій*—съ 11-го сентября 1902 г., Съвскаго, *Головачевъ*—съ 10-го марта 1900 г., Трубчевскаго, *Мухинъ*—съ 1-го августа 1901 г., Саложковскаго, *Кабаковъ*—съ 16-го сентября 1900 г., Данковскаго, *Постниковъ*—съ 15-го августа 1902 г., Вышневолоцкаго, *Абросимовъ*—съ 29-го октября 1902 г., Старицкаго, *Голубевъ*—съ 15-го августа 1902 г., Рыбинскаго (сверхштатный), *Докукинъ*—съ 1-го сентября 1900 г. и учитель-завѣдывающій Писцовскимъ министерства народнаго просвѣщенія училищемъ *Гребенниковъ*—съ 21-го сентября 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные

совѣтники: помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Кантеревъ*—съ 6-го марта 1903 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Елецкой, *Антоновскій*—съ 1-го марта 1900 г., Московской 6-й, *Аппинъ*—съ 26-го мая 1900 г., Ржевской, *Абрамовъ*—съ 30-го октября 1900 г., Рязанской прогимназіи, *Павловъ*—съ 1-го января 1902 г.; учитель приготовительнаго класса Ржевской гимназіи *Новицкій*—съ 1-го іюня 1903 г.; учитель завѣдывающій 2-мъ Брянскимъ городскимъ училищемъ *Борисовъ*—съ 1-го февраля 1900 г.; почетный смотритель Касимовскаго городского училища *Салазкинъ*—съ 23-го декабря 1902 г.; учителя городскихъ училищъ: Калужскаго 2-го, *Марпоринъ*—съ 1-го августа 1901 г., Юрьевецкаго, *Веселовскій*—съ 19-го августа 1900 г., Тульскаго, *Муратовъ*—съ 28-го августа 1899 г., Жиздринскаго, *Файнелъ*—съ 10-го іюня 1901 г.; помощникъ учителя Коломенскаго городского училища *Картелевъ*—съ 7-го сентября 1902 г.; письмоводитель Московской гимназіи имени Медвѣдниковыхъ *Введенскій*—съ 28-го февраля 1898 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: помощники инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго техническаго училища: *Смирновъ* и *Славскій*, оба—съ 6-го марта 1903 г.; письмоводитель Вяземской Императора Александра III гимназіи Смоленскаго земства *Поповъ*—съ 10-го декабря 1902 г.; учителя женскихъ гимназій: Бѣжецкой, *Лисицынъ*—съ 27-го сентября 1897 г. и 1-й Тульской, *Тоичкинъ*—съ 21-го января 1894 г.; учителя городскихъ училищъ: Галичскаго, *Корольковъ*—съ 27-го мая 1902 г., Чухломскаго, *Кулакинъ*—съ 1-го сентября 1901 г., Болховскаго (сверхштатный), *Титовъ*—съ 10-го ноября 1901 г., Касимовскаго (сверхштатный), *Морозовъ*—съ 11-го февраля 1900 г.; помощникъ учителя Порѣчскаго городского училища *Буаевъ*—съ 13-го октября 1901 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комиссаровскаго техническаго училища *Мухлинъ*—съ 1-го сентября 1903 г.; почетные смотрители: 2-го Московскаго городского училища, *Андреевъ*—съ 22-го апрѣля 1903 г. и Тульскаго ремесленнаго училища, *Шембель*—съ 25-го іюня 1901 г.; учитель искусствъ Тверскаго городского училища, *Ожожокъ-Ожданокъ*—съ 1-го августа 1901 г.; помощники учителя городскихъ училищъ: Гороховецкаго, *Рыжовъ*—съ 17-го іюня 1898 г., Вяземскаго, Захарій *Ивановъ*—съ 1-го января 1895 г., Кашинскаго, *Смирновъ*—съ 24-го октября 1900 г., Краснохолмскаго, Иванъ *Ивановъ*—съ 15-го августа 1901 г. и Бѣжецкаго (бывшій, нынѣ въ отставкѣ), *Трофимовъ*—съ 27-го октября

1901 г.; домашній учитель Московской дирекціи народныхъ училищъ *Рубцовъ* — съ 21-го мая 1903 г.; учителя приходскихъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго, *Шапошниковъ* — съ 1-го октября 1898 г., Ковровскаго, *Предтеченскій* — съ 28-го февраля 1894 г., Буйскаго, *Матасовъ* — съ 1-го іюля 1902 г. и 1-го Мценскаго, *Серіевскій* — съ 1-го іюля 1902 г.; въ *коллегскіе регистраторы*: почетный смотритель Чернскаго городского училища *Жучковъ* — съ 7-го октября 1902 г.; учителя приходскихъ училищъ: Серпуховскаго, *Серіевъ* — съ 13-го октября 1900 г. и при Рязанской прогимназіи, *Головинъ* — съ 12-го ноября 1900 года.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: *коллегскаго ассессора*: лаборанты при механической лабораторіи Императорскаго Московскаго технического училища, инженеръ-механики: *Калишиковъ* и *Кустовъ*, оба — съ 23-го января 1903 г.; учителя: гимназій: Бѣльской, *Ушаковъ* — съ 11-го февраля 1899 г. и Вяземской Императора Александра III Смоленскаго земства, *Смирновъ* — съ 5-го іюня 1899 г., реальныхъ училищъ: Костромскаго, *Поповъ* — съ 1-го августа 1898 г. и Нижегородскаго Владимірскаго, губернской секретарь *Пановъ* — съ 15-го октября 1898 г.; воспитатель Петровско-Александровскаго пансіонъ-пріюта Московскаго дворянства *Шкляревскій* — съ 11-го декабря 1897 г.; преподаватель Московскаго промышленнаго училища *Жувена* — съ 28-го августа 1899 г.; инспекторъ Павловскаго ремесленнаго училища, инженеръ-технологъ *Берсеневъ* — съ 7-го сентября 1898 г.; врачъ частной женской гимназіи Перепелкиной, въ Москвѣ, *Воробьевъ* — съ 12-го ноября 1892 г., по степени доктора медицины и преподаватель той же гимназіи *Куренинскій* — съ 1-го августа 1899 г.; *коллегскаго секретаря*: помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Московской 1-й, *Сироткинъ* — съ 1-го августа 1899 г., Московской 5-й, *Сергій Соколовъ* — съ 1-го іюня 1899 г., реальныхъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго, *Митюшинъ* — съ 12-го февраля 1899 г., Костромскаго, *Егоровъ* — съ 1-го августа 1898 г., Брянскаго средняго семикласснаго технического училища: *Антроповъ* и *Васильевскій*, оба — съ 1-го августа 1899 г.; учителя городскихъ училищъ: Киржачскаго, *Рачковъ* — съ 25-го ноября 1896 г., Иваново-Вознесенскаго, *Анатолій Соколовъ* — съ 22-го августа 1898 г., Малоарсланецкаго, *Саввы Бѣляева*, *Куріянновъ* — съ 1-го августа 1898 г.; Александровскаго Княгининскаго, *Макаровъ* — съ 25-го октября 1898 г., Жиздринскаго Михайловскаго, *Шнейдеръ* — съ 12-го января 1900 г., Малоархангельскаго, *Семновъ* — съ 1-го іюля 1894 г., Болховскаго, *Заусайловъ* — съ 1-го августа 1898 г., Рязскаго, *Доро-*

шинъ—съ 22-го августа 1898 г. и Чернскаго, *Панкинъ*—съ 12-го іюля 1898 г.; *губернскаго секретаря*, учитель приготовительнаго класса Московскаго частнаго реальнаго училища Воскресенскаго *Горячій*—съ 17-го февраля 1899 г.; *коллежскаго регистратора*: помощники учителя городскихъ училищъ: Васильскаго, *Сухарьковъ*—съ 15-го сентября 1898 г. и Бѣжедкаго (бывшій, нынѣ учитель Бѣжедкаго приходскаго училища), *Смирновъ*—съ 1-го августа 1898 года.

Производится изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*, бывшій врачъ Ярославской Марининской женской гимназіи, нынѣ въ отставкѣ, *Алексинскій*, на основаніи п. 3 ст. 792 уст. служб. прав. (св. зак. т. III, изд. 1896 г.).

По Харьковскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: инспекторы народныхъ училищъ Воронежской губерніи: *Любимовъ*—съ 13-го ноября 1902 г. и *Холмиъ*—съ 1-го января 1903 г.; учителя: женскихъ гимназій: Харьковской Е. Н. Драшковой, *Діаковскій*—съ 9-го мая 1903 г., Пензенской 2-й, *Дружининъ*—съ 6-го марта 1903 г. и Новочеркаскаго реальнаго училища, *Кауфманъ*—съ 1-го іюля 1903 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: инспекторъ народныхъ училищъ Курской губерніи *Рудъ*—съ 12-го мая 1900 г.; Императорскаго Харьковскаго университета: бібліотекаръ *Рубинскій*—со 2-го апрѣля 1895 г., штатный ассистентъ *Ножниковъ*—съ 7-го марта 1903 г. и помощникъ бібліотекаря *Федосъевъ*—со 2-го января 1898 г.; помощникъ прозектора Харьковскаго ветеринарнаго института *Поповъ*—съ 18-го мая 1899 г.; учителя: Старобѣльскаго Александровской гимназіи, *Жижневскій*—съ 1-го августа 1903 г., реальныхъ училищъ: Тамбовскаго, *Липпе*—съ 16-го августа 1902 г. и Новочеркаскаго, *Лебедевъ*—съ 28-го октября 1902 г.; врачи: Новочеркаскаго реальнаго училища, *Фришке*—съ 1-го марта 1903 г., городскихъ училищъ: Славянскаго, Харьковской губерніи, *Архангельскій*—съ 31-го декабря 1902 г. и Бѣгородскаго, Курской губерніи, *Вейсбергъ*—съ 16-го декабря 1902 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: сверхштатный ассистентъ Харьковскаго ветеринарнаго института *Копеевъ*—съ 19-го іюня 1902 г.; учителя Новочеркаскаго реальнаго училища: *Аванасъевъ*, *Ектовъ*, оба—съ 27-го августа 1900 г. и *Эйбертъ*—съ 1-го сентября 1900 г.; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Купянскаго, Харьковской губерніи, *Бьлоусенко*, Курской губерніи: Обоянскаго, *Куликовъ*, Суджанскаго, *Насидкинъ*, Грайворонскаго, *Нерода* (исправляющій должность), Щигровскаго, *Оринскій*

(исправляющій должность), Новооскольскаго, *Плетневъ* (исправляющій должность) и Бѣлгородскаго, *Фурсовъ* (исправляющій должность), Донской области: 1-го Донскаго, *Бановъ*, Сальскаго, *Морозовъ* и Каменскаго, *Ястребовъ* (исправляющій должность), всѣ десятеро — съ 1-го іюля 1902 г.; лаборанты Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III: *Пашиковъ* и *Ситниковъ*, оба — съ 15-го апрѣля 1903 г.; учителя городскихъ училищъ: Купянскаго, Харьковской губерніи, *Поповъ*, — Борисоглѣбскаго: Тамбовской губерніи, *Манягинъ* (исправляющій должность) и *Соловьевъ* (исправляющій должность), Сальскаго, Донской области, *Печковский* (исправляющій должность), Курской губерніи: Суджанскаго: *Коробка* (исправляющій должность) и *Ланкаревъ* (исправляющій должность), Курскаго, *Каплинскій* (исправляющій должность), Тимскаго, *Поповъ* (исправляющій должность), Обоянскаго, *Рыжковъ* (исправляющій должность), Бѣлгородскаго, *Тимоновъ* (исправляющій должность) и Дмитріевскаго, *Щекинъ* (исправляющій должность), всѣ одиннадцать—съ 1-го іюля 1902 г. и Путивльскаго ремесленнаго училища „Маклаковыхъ“, *Савельевъ*—съ 7-го ноября 1902 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: помощникъ бібліотекаря Императорскаго Харьковскаго университета *Кирилловъ* — съ 1-го марта 1902 г.; сверхштатный помощникъ прозектора Харьковскаго ветеринарнаго института *Кратъ* (онъ же Палъевъ)—съ 9-го марта 1903 г.; учитель Усть-Медвѣдицкаго реальнаго училища *Кузнецовъ*—съ 1-го апрѣля 1903 г.; врачи: техническихъ училищъ: Таганрогскаго средняго, *Шимановскій*—съ 7-го іюня 1893 г. и Новочеркаскаго атаманскаго, *Поповъ*—съ 23-го іюля 1892 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Усть-Медвѣдицкаго реальнаго училища *Вихлянецъ*—съ 1-го іюля 1903 г.; учителя городскихъ училищъ: Пензенскаго 2-го, *Коняевъ* — съ 27-го августа 1903 г., Курской губерніи: Грайворонскаго, *Матвѣичевъ* — съ 29-го сентября 1902 г., Рыльскаго, *Шпаковъ* — съ 8-го декабря 1901 г. и Путивльскаго ремесленнаго училища „Маклаковыхъ“, *Савельевъ* — съ 29-го іюля 1901 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: бывший экономъ пансіона Пензенской 1-й гимназіи, нынѣ въ отставкѣ, *Воскресенскій*—съ 11-го марта 1892 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Харьковской 3-й, *Константиновъ* — съ 1-го марта 1901 г. и Бѣлгородской ево королевскаго высочества герцога Эдинбургскаго, *Зиборовскій* — съ 1-го февраля 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Курскаго, *Филиповъ*—съ 10-го августа 1902 г.; Пензенской губерніи: Пензенскаго 2-го, *Тарасовъ*, Чембарскаго, *Гу-*

сезъ, оба—съ 22-го сентября 1901 г., Саранскаго, *Кочкинъ*—съ 16-го октября 1901 г., Керевскаго, *Лоховъ*—съ 25-го сентября 1901 г. и 1-го Донскаго, *Колесниковъ*—съ 5-го февраля 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: инспекторъ студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института *Полухтовъ*—съ 21-го марта 1903 г.; учителя городскихъ училищъ: Курской губерніи: Щигровскаго, *Бураковъ*—съ 14-го декабря 1897 г., Рыльскаго, *Ионовъ* (сверхштатный)—съ 27-го мая 1898 г. и Сальскаго, Донской области, *Траиминъ* (исправляющій должность)—съ 1-го сентября 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: почетный смотритель Моршанскаго городского училища, Тамбовской губерніи, *Фанталовъ*—съ 13-го января 1903 г.; письмоводители: Бѣлгородской ево королевскаго высочества герцога Эдинбургскаго гимназін, *Лобачевскій*—съ 4-го іюня 1903 г., реальныхъ училищъ: Павловскаго, *Кумсковъ*—съ 23-го іюля 1891 г. и Новочеркасскаго, *Олжикъ*—съ 3-го февраля 1902 г.; учителя приходскихъ училищъ: Курскаго Пушкинскаго 8-го, *Осоцкій*—съ 25-го декабря 1902 г., Донской области: Качалинскаго, *Желтухинъ*—съ 1-го сентября 1898 г. и Березовскаго, *Каменновъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя приходскихъ училищъ: Курской губерніи: Курскаго 1-го, *Марковъ*—съ 24-го апрѣля 1903 г., Щигровскаго, *Беспидинъ*—съ 15-го сентября 1901 г., Донской области: Топилинскаго, *Дьяконовъ*—съ 1-го сентября 1899 г., Липовскаго, *Кузнецовъ*—съ 1-го февраля 1900 г., Кочетовскаго, *Лозинъ*—съ 1-го сентября 1887 г., Калединскаго, *Лобачевъ*—съ 26-го октября 1902 г., Потемкинскаго, *Никитинъ*—съ 1-го мая 1903 г., Комаровскаго, *Слюсаревъ*—съ 1-го января 1903 г. и Гурѣвскаго, *Секретевъ*—съ 1-го марта 1902 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго советника*: прозекторы Императорскаго Харьковскаго университета: *Бокариусъ*—съ 24-го мая 1902 г. и *Павловъ*—съ 30-го мая 1895 г. и преподаватель Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Серебряковъ*—съ 1-го января 1903 г.; *коллежскаго ассессора*: сверхштатный лаборантъ Императорскаго Харьковскаго университета *Кориунъ*—съ 23-го мая 1903 г., по степени доктора медицины; учителя: Старобѣльской Александровской гимназін, *Деревенскій*—съ 1-го іюля 1899 г. и Бобровской прогимназін, *Стоббе*—съ 1-го августа 1899 г.; *титularнаго советника*: Императорскаго Харьковскаго университета: сверхштатный ассистентъ *Рябилинскій*—съ 7-го декабря 1898 г. и бывший штатный ординаторъ, *Хажинскій*—съ

12-го февраля 1898 г., оба по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: помощникъ классныхъ наставниковъ Курскаго реального училища *Кореневъ*—съ 20-го августа 1899 г.; учителя городскихъ училищъ: Краснокутскаго двухкласснаго „Герасима Дашкевича“, Харьковской губерніи, *Расторгуевъ*—съ 12-го февраля 1899 г. и Каменскаго, Донской области, *Ивановъ*—съ 1-го іюля 1895 г.

IV. ПРАВИЛА И ПОЛОЖЕНІЯ, УТВЕРЖДЕННЫЯ МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (18-го января 1904 года). *Правила о книжныхъ складахъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.*

(Утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 18-го января 1904 года).

§ 1. Книжные склады при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія открываются исключительно для продажи такихъ книгъ и изданій, которыя предназначены для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и для народнаго чтенія.

Примѣчаніе. Означенные книжные склады могутъ быть открываемы и при тѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, при коихъ существуютъ народныя библіотеки.

§ 2. Книжные склады при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ могутъ быть учреждаемы учебнымъ и другими вѣдомствами, земствами, общественными управленіями, попечительствами о народной трезвости, частными обществами и лицами.

§ 3. Расходы по устройству и содержанію сего рода складовъ относятся на счетъ ихъ учредителей, причемъ на сей предметъ могутъ быть назначаемы, по мѣрѣ имѣющихся средствъ, пособия изъ суммы, ассигнуемой ежегодно по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на общія нужды народнаго образованія въ каждой губерніи.

§ 4. Означенные книжные склады открываются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ разрѣшенія мѣстнаго губернатора: а) при начальныхъ училищахъ, подчиненныхъ училищнымъ совѣтамъ, по ходатайствамъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, а при начальныхъ училищахъ, подчиненныхъ непосредственно дирекціямъ народныхъ училищъ, инспекторовъ народныхъ училищъ и б) при городскихъ по положенію 1872 г. училищахъ и другихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ,

не упомянутыхъ въ предыдущемъ пунктѣ, по ходатайствамъ директора народныхъ училищъ.

Примѣчаніе. Книжные склады при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ освобождаются отъ платежа государственнаго промысловаго налога и выборки торговыхъ документовъ.

§ 5. Разрѣшеніе на открытіе склада при низшемъ учебномъ заведеніи дается лишь въ томъ случаѣ, если имѣется на сію согласіе учредителей учебнаго заведенія.

§ 6. Завѣдываніе книжнымъ складомъ при низшемъ учебномъ заведеніи возлагается на одно изъ преподающихъ въ немъ лицъ, съ предварительнаго его согласія, тою же властію, которая разрѣшаетъ открытіе склада (§ 4). Завѣдывающему складомъ, при имѣющихся на то средствахъ, можетъ быть назначаемо за труды особое вознагражденіе.

Примѣчаніе. Если книжный складъ открывается при такомъ низшемъ учебномъ заведеніи, при которомъ существуетъ народная бібліотека, то завѣдываніе книжнымъ складомъ и бібліотекою можетъ быть возлагаемо на одно и то же лицо.

§ 7. Въ означенныхъ книжныхъ складахъ могутъ находиться только тѣ книги и изданія, которыя допущены министерствомъ народнаго просвѣщенія въ низшія учебныя заведенія и бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія о книгахъ и изданіяхъ, означенныхъ въ семъ §, печатаются въ каталогахъ и повременныхъ спискахъ, издаваемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

§ 8. Въ каждомъ складѣ ведется списокъ поступающихъ въ него книгъ и изданій, съ обозначеніемъ полнаго заглавія каждой книги и изданія, а также года и мѣста напечатанія, имени автора и издателя.

§ 9. Продажа книгъ и изданій изъ склада производится лишь во внѣклассное время, причемъ порядокъ веденія дѣла въ складѣ устанавливается учредителемъ склада по соглашенію съ завѣдывающимъ онымъ.

§ 10. Общій надзоръ за книжными складами при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ возлагается на директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Губернатору принадлежитъ право во всякое время производить общую и внезапную ревизію складовъ и временно закрывать склады, въ случаѣ обнаруженія обстоятельствъ, противныхъ общественному порядку и спокойствію.

§ 11. Завѣдывающій складомъ доставляетъ ежегодно инспектору народныхъ училищъ свѣдѣнія о числѣ и общей стоимости книгъ и изданій, отпущенныхъ изъ склада въ теченіе отчетнаго года.

2. (18-го января 1904 года). *Правила о народныхъ бібліотекахъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.*

(Утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 18-го января 1904 года).

§ 1. Подъ народными бібліотеками при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ разумѣются: а) тѣ учительскія и ученическія бібліотеки сихъ учебныхъ заведеній, которыя предоставлены для общаго пользованія и б) особыя бібліотеки при тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ, открываемыя какъ въ соединеніи съ вышеупомянутыми учительскими и ученическими бібліотеками, такъ и отдѣльно отъ нихъ.

§ 2. Означенныя народныя бібліотеки могутъ быть учреждаемы учебнымъ и другими вѣдомствами, земствами, общественными управленіями, попечительствами о народной трезвости, частными обществами и отдѣльными лицами.

Примѣчаніе. Особыя бібліотеки при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (§ 1, п. б) могутъ быть предоставляемы учредителями или въ полную собственность, или во временное пользованіе сихъ учебныхъ заведеній.

§ 3. Расходы по устройству и содержанію сего рода народныхъ бібліотекъ относятся на счетъ ихъ учредителей, при чемъ, кромѣ того, на сей предметъ могутъ быть назначаемы, по мѣрѣ имѣющихся средствъ, пособія изъ суммы, ассигнуемой ежегодно по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на общія нужды народнаго образованія въ каждой губерніи.

§ 4. Означенныя народныя бібліотеки открываются съ согласія учредителей учебныхъ заведеній: а) при начальныхъ училищахъ, подчиненныхъ училищнымъ совѣтамъ, съ разрѣшенія уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, а при начальныхъ училищахъ, подчиненныхъ непосредственно дирекціямъ народныхъ училищъ, съ разрѣшенія инспекторовъ народныхъ училищъ и б) при городскихъ по положенію 1872 г. училищахъ и другихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не упомянутыхъ въ предыдущемъ пунктѣ, съ разрѣшенія директора народныхъ училищъ.

§ 5. Завѣдываніе каждою народною бібліотекою при низшемъ учебномъ заведеніи возлагается на одно изъ преподающихъ въ немъ

лицъ, желающихъ принять это порученіе, тою же властью, которая разрѣшаетъ открытіе библіотеки (§ 4). Предварительно возложенія завѣдыванія библіотекою на извѣстное лицо, должно быть испрошено согласіе на то мѣстнаго губернатора. Завѣдывающимъ библіотеками, при имѣющихся на то средствахъ, можетъ быть назначено за труды особое вознагражденіе.

§ 6. Въ народныя библіотеки при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ могутъ быть пріобрѣтаемы только тѣ книги и періодическія изданія, которыя допущены вообще для народныхъ библіотекъ и читаленъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе 1. Свѣдѣнія о таковыхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ печатаются въ каталогахъ и повременныхъ спискахъ, издаваемыхъ означеннымъ министерствомъ.

Примѣчаніе 2. Въ учительскія и ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, открытыя для общаго пользованія (§ 1, п. а), книги и періодическія изданія пріобрѣтаются по правиламъ, установленнымъ относительно библіотекъ этихъ учебныхъ заведеній.

§ 7. Въ каждой библіотекѣ ведется списокъ имѣющихся въ ней книгъ и періодическихъ изданій, съ обозначеніемъ полнаго заглавія каждой книги и періодическаго изданія, а также года и мѣста напечатанія, имени автора и издателя.

§ 8. Выдача книгъ изъ библіотекъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ производится лишь во внѣклассное время, при чемъ порядокъ выдачи книгъ устанавливается завѣдывающимъ библіотекою, по соглашенію съ ея учредителями. Чтеніе книгъ въ самой библіотекѣ не разрѣшается. За пользованіе книгами изъ библіотеки можетъ быть, по желанію учредителей, назначаема плата, размѣръ коей утверждается властію, разрѣшающей открытіе библіотеки (§ 4).

§ 9. Общій надзоръ за народными библіотеками при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ возлагается на директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Губернатору принадлежитъ право во всякое время производить общую и вѣззাপную ревизію библіотеки, а также устранять завѣдывающаго библіотекою и временно закрывать библіотеку, въ случаѣ обнаруженія обстоятельствъ, противныхъ общественному порядку и спокойствію.

§ 10. Завѣдывающей библіотекою доставляетъ ежегодно инспектору народныхъ училищъ свѣдѣнія: а) о числѣ книгъ и періодическихъ изданій, пріобрѣтенныхъ въ теченіе отчетнаго года, и объ об-

шесѣ числѣ всѣхъ книгъ и періодическихъ изданій, состоящихъ въ библіотекѣ къ концу отчетнаго года и б) о числѣ произведенныхъ выдачъ книгъ въ теченіе того же отчетнаго года.

У. ОТЪ УПРАВЛЕНІЯ ПЕНСИОННОЙ КАССЫ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

Къ 1-му января 1904 года по отдѣлу XXX специальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія, „капиталь пенсiонной кассы народныхъ учителей и учительницъ“, состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

Наличными деньгами	11.701 р. 33 к.
‰ бумагами	1.677.100 „ — „
Изъ нихъ:	
3 ⁸ / ₁₀ ‰ конверсiон. облигацій на.	56.700 „ — „
4‰ свид. государственной ренты.	25.000 „ — „
4 ¹ / ₂ ‰ облигацій С.-Пб. гор. кред. общества .	137.700 „ — „
„ „ Московск. гор. кред. общ. .	133.000 „ — „
„ закл. лист. Московск. земельн. банка. .	138.000 „ — „
„ „ „ Бессар.-Тавричesk. „ .	173.800 „ — „
„ „ „ Донскаго „ .	137.000 „ — „
„ „ „ Полтавскаго „ .	149.400 „ — „
„ „ „ Кіевскаго „ .	138.100 „ — „
„ „ „ Яросл.-Костромск. „ .	143.900 „ — „
„ „ „ Виленскаго „ .	125.200 „ — „
„ „ „ Нижегород.-Самарскаго „ .	149.600 „ — „
„ „ „ Земск. банка Херсонск. г. .	154.700 „ — „
5‰ „ „ Тифлиск. двор. зем. банка. .	15.000 „ — „
Итого	1.677.100 р.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Васильевъ, В. И.* 1) Ариметика цѣлыхъ чиселъ. Изданіе 7-е. М. 1904. Стр. 80. Цѣна 25 коп.—2) Ариметика дробныхъ чиселъ. Изданіе 6-е. М. 1904. Стр. 79. Цѣна 25 коп.—3) Ариметика. Отношенія, пропорціи и способы рѣшенія задачъ на правила: тройныя, процентовъ, учета векселей и пр. Изданіе 5-е. М. 1904. Стр. 79. Цѣна 25 коп.“ (Всѣ 3—изданія А. Д. Ступина)“.

— „*Виноградовъ, Павелъ.* Учебникъ всеобщей исторіи. Часть I. Древній міръ. 8-е изданіе. М. 1904. Стр. IX+186. Цѣна 60 коп.“ (для VIII класса мужскихъ гимназій).

— „*Виноградовъ, Павелъ.* Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. 7-е изданіе. М. 1903. Стр. II+197+XIII. Цѣна 90 к.—Часть III. Новое время. 7-е изданіе. М. 1903. Стр. 245. Цѣна 90 к.“ (для мужскихъ гимназій).

— „*Desprésaux, E.* Première année de français à l'usage des étrangers. Librairie N. Kummel. Riga. 1903. Стр. 128. Цѣна не обозначена.“ (для подготовительныхъ классовъ женскихъ гимназій и прогимназій).

— „*Злотчанскій, П.* Прямолинейная тригонометрія. 5-е изданіе, Е. П. Распопова. Одесса. 1904. Стр. 126. Цѣна 75 коп.“

— „*Шульцъ, А.* Иллюстрированная нѣмецкая азбука. 8-е изданіе, Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 79. Цѣна 45 коп.“ (для подготовительныхъ классовъ женскихъ гимназій).

— „*Шульцъ, А.* Новая практическая нѣмецкая грамматика. I-я часть: этимологія. Изданіе Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 136. Цѣна 75 коп.“

— „*Шульцъ, А.* Новый практический элементарный курсъ нѣмецкаго языка. Изданіе Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. 1-й годъ

обученія. 6-е изданіе. Стр. 126.—2-й годъ обученія. 4-е изданіе. Стр. 112. Цѣна каждой части 60 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Baunbach, Rudolf*. Ausgewählte Erzählungen. Съ разрѣшенія автора для русскихъ учебныхъ заведеній обработалъ *К. Р. Беренсъ*. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе *С. А. Манштейна*, 2-е. С.-Пб. 1904. Стр. 102 (въ текстѣ)+88(въ приложеніяхъ). Цѣна съ приложеніями 60 коп. въ переплетѣ.“ (также и въ ученическія, среднего и старшаго возрастовъ, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Вэриеръ, Отто*. Пчела, ея строеніе и внутренніе органы въ картинахъ, съ краткимъ текстомъ. Переводъ *В. П. Гольдингеръ*. Изданіе книги. маг. Гросманъ и Кнебель. М. 1900. Стр. 24+III. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (также и для низшихъ училищъ, въ качествѣ класснаго пособия, приобретаемаго на средства самихъ учебныхъ заведеній).

— „*Елпатьевскій, К.* Разказы и стихотворенія изъ русской исторіи. 2-е изданіе дополн. С.-Пб. 1904. Стр. VIII+432. Цѣна 1 р.“ (для младшихъ классовъ).

— „Животныя и растенія всѣхъ странъ. 24 раскрашенныя картины. Изданіе Гросманъ и Кнебель. М. 1901. Цѣна наклееннымъ 2 р. 40 к., наклееннымъ на полотно, въ видѣ 3-хъ большихъ стѣнныхъ таблицъ 5 р., сброшюрованнымъ, въ видѣ атласа, въ иллюстр. перепл. 3 р.“ (также и для низшихъ училищъ, въ качествѣ класснаго пособия, приобретаемаго на средства самихъ учебныхъ заведеній, а сверхъ того и въ ученическія библиотеки этихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки).

— „*Зейфертъ, А.* Свинья, ея строеніе и внутренніе органы въ картинахъ, съ краткимъ текстомъ. Переводъ *В. П. Гольдингеръ*. Изданіе книги. маг. Гросманъ и Кнебель. М. 1900. Стр. 76+X. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (также и для низшихъ училищъ, въ качествѣ класснаго пособия, приобретаемаго на средства самихъ учебныхъ заведеній).

— „*Зейфертъ, А.* Собака, ея строеніе и внутренніе органы въ картинахъ, съ краткимъ текстомъ. Переводъ *В. П. Гольдингеръ*. Изданіе книги. маг. Гросманъ и Кнебель. М. 1900. Стр. 76+XII. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (также и для низшихъ училищъ, въ качествѣ класснаго пособия, приобретаемаго на средства самихъ учебныхъ заведеній).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Арбузовъ, В., В. Мининъ, А. Мининъ и Д. Назаровъ.* Сборникъ арифметическихъ задачъ. Изданіе 7-е, В. Думнова. М. 1903. Стр. IV+77. Цѣна 50 коп.“

— „*Арсеньева, С. Д.* Разказы изъ русской исторіи. Царствующій домъ Романовыхъ. Изданіе училищнаго совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ. С.-Пб. 1903. Вып. I. Стр. IV+162. Цѣна 60 коп.—Вып. II. Стр. 157. Цѣна 60 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Берге, Ф.* Иллюстрированная естественная исторія. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. С. Полятскаго* съ предисловіемъ *К. А. Тимирязева.* Изданіе книжн. маг. I. Кнебель. М. 1903. Стр. XI+297. Цѣна 2 р. 75 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Рождественская звѣзда. Сборникъ разсказовъ и сказаній. Изданіе 2-е. М. 1899. Стр. 189. Цѣна 1 р. 20 коп.“ (для младшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Спасенный и другіе разказы. М. 1899. Стр. 261. Цѣна 1 р.“ (для средняго и старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Забѣлинъ, Ив. Е.* Русское искусство. Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ. Изданіе книжн. маг. Гросманъ и Кнебель. (Вопросы науки, искусства, литературы и жизни. № 23). М. 1900. Стр. 160. Цѣна 80 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Кайгородовъ, Дм.* Изъ родной природы. Хрестоматія. Часть II. Изданіе А. С. Суворина. С.-Пб. 1903. Стр. II+176. Цѣна 1 р.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Коммере, Ж. Ж.* Руссо и воспитаніе естественное. Перевелъ *П. Д. Первозъ.* М. 1903. Стр. 96. Цѣна 40 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Ловжинъ, А. М.* О преподаваніи географіи (по Гр. X. Hart-

тапп'у). Изданіе т-ва «Литература и наука». С.-Пб. 1903. Стр. 49. Цѣна 40 коп.“ (для VIII класса женскихъ гимназій).

— „*Львовъ, В. П.* Первое знакомство съ природою. Вып. V. Пасткомья. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1903. Стр. 70. Цѣна 40 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Мижусевъ, П. Г.* Янгъ Амось Коменскій. Изданіе М. М. Ледерле. (Нашему юношеству рассказы о хорошихъ людяхъ. № 16). С.-Пб. 1896. Стр. 60. Цѣна 10 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ семинарій).

— „*Павловъ, А.* Учебникъ ботаники въ восходящемъ порядкѣ. Часть 2-я. Растенія сѣмянныя. М. 1903. Стр. (109—419)+I карта. Цѣна 1 р. 70 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ и городскихъ училищъ).

— „*Риозина, З. А.* Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Мидіи, второго Вавилонскаго царства и возникновенія Персидскои державы. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1903. Стр. XVI+522. Цѣна 2 р. 50 коп., въ перепл. 3 р.“ (для старшаго возраста, а также и для выдачи учащимся въ награду).

— „*Риль, Алоизій.* Джіордано Бруно. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе П. П. Гершунипа и К°. (Общеобразовательная библіотека подъ общео ред. П. А. Рубакина. Вып. XV). С.-Пб. 1903. Стр. 52. Цѣна 30 коп.“ (для старшаго возраста).

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бѣлоруссовъ, И.* Учебникъ теоріи словесности. Изданіе 20-е, доп. и перераб., В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 124. Цѣна 50 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета и чтобы продажная цѣна ея была понижена до 40 коп.).

— „*Износковъ, Н.* Краткій курсъ естественной исторіи. Изданіе 9-е, пересм. и испр. Казань. 1903. Стр. II+362+IV. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для женскихъ гимназій и прогимназій).

— „*Павловъ, А.* Учебникъ ботаники въ восходящемъ порядкѣ. М. 1903. Часть I-я. Растенія споровыя. Стр. 116. Цѣна 80 коп.—Часть II-я. Растенія сѣмянныя. Стр. (109—419)+I карта. Цѣна 1 р. 70 коп.“

(для реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена и цѣна ея понижена).

б) въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Frenssen, Gustav.* Jörn Uhl. Russische Schulausgabe von *M. Brueneek.* (Deutsche Autoren. Bd. 15). Kiew. 1903. Стр. 112+24. Цѣна 60 коп.“ (для среднихъ и старшихъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи продажная цѣна книги была понижена до 50 коп. и книга была исправлена по замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Baldwin, D. M.* Психологія въ ея примѣненіи къ воспитанію. Переводъ съ англ. *H. H. Спиридонова.* Изданіе книжн. маг. «Книжное дѣло». М. 1904. Стр. 42. Цѣна 20 коп.“—допустить въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Reyehler, A.* Физико-химическія теоріи. Переводъ съ франц. *Ю. С. Залькинда* и *В. И. Яровскаго* подъ ред. *А. А. Яковкина.* Изданіе И. П. Базлова. С.-Пб. 1903. Стр. X+375. Цѣна 2 р. 50 коп.“—признать заслуживающею рекомендаціи министерства, посредствомъ особаго циркуляра, для пріобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ класному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Борисовъ, Ѳ.* Сборникъ грамматическихъ упражненій по русскому правописанію. Изданіе 2-е, *К. И. Тихомирова.* М. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Браунштейнъ, М.* Дивре Гаюмимъ, т. е. Еврейская исторія. Изданіе «Ахіасафъ». Часть I. Варшава. 1897. Стр. 204+41.—Часть II. Варшава. 1899. Стр. 204.—Часть III. Варшава. 1903. Стр. 232.“ (для еврейскихъ учебныхъ заведеній).

— „*Вахтсеровъ, В. П.* Русскій букварь для обученія письму и чтенію русскому и церковно-славянскому. Изданіе 12-е. М. 1904. Стр. 62+I. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Ганъ, И. К.* Карманный словарь для правописанія по Гроту. Изданіе 3-е, испр. и доп. Вильна 1902. Стр. 74. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Гортовъ, А. К.* Прямой почеркъ. Систематическія русскія прописи. 2-е изданіе К. Н. Тихомирова. М. 1903. Стр. 16. Цѣна 7 коп.“

— „*Грековъ, Ѳ. В.* Образцы обученія письму. 1) Часть 1-ая. Первоначальное русское и церковно-славянское письмо. Изданіе 8-е. М. 1903. Стр. 20. Цѣна 10 коп. — 2) Часть 1-я. Первоначальное русское письмо. Изданіе 9-е. М. 1904. Стр. 16. Цѣна 8 коп.“ (для городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ, а также для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Корхамиди, П. М.* 1) Живое слово. Элементарный учебникъ русскаго языка по наглядно-переводному методу для греческихъ училищъ. Вып. 1-й. Изданіе 3-е. Тифлисъ. 1903. Стр. 195. Цѣна 40 коп.— 2) То же для армянскихъ училищъ. Вып. 1-й. Изданіе 3-е. Тифлисъ. 1903. Стр. 188. Цѣна 40 коп.— 3) То же для грузинскихъ училищъ. Изданіе 3-е. Тифлисъ. 1903. Стр. 195. Цѣна 40 коп.“ (для тѣхъ училищъ, для коихъ онѣ предназначены).

— „*Краевичъ, К. Д.* Физика ежедневныхъ явленій. Изданіе 4-е, испр. и дополн. А. Л. Гершуномъ. С.-Пб. 1903. Стр. 153. Цѣна 70 коп.“ (для тѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается физика).

— „*Некрасовъ, Н. Я.* Послѣ азбуки. 3-ья книга. 3-ій годъ обученія. Изданіе 4-е, Петерб. уч. маг. С.-Пб. 1904. Стр. 230. Цѣна 45 коп.“

— „*Сатаровъ, В. Н.* Практическій курсъ элементарной грамматики. Изданіе 5-е, К. Тихомирова. М. 1903. Стр. 156+IV. Цѣна 15 коп.“

— „*Сатаровъ, В. Н.* Родные посѣвы. 1-я послѣ букваря книга

для класснаго чтенія. Изданіе К. Тихомирова. М. 1904. Стр. 122. Цѣна 25 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Сатаровъ, В. Н. Русскій букварь для совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Изданіе 2-е. М. 1904. Стр. 72. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Сумскій, В. Краткая русская грамматика. 3-ій годъ обученія. Изданіе 4-е, В. В. Думнова. М. 1901. Стр. 40. Цѣна 10 коп.“

— „Сумскій, В. Сборникъ упражненій къ правиламъ начального обученія. Изданіе 7-е, испр., В. В. Думнова. М. 1904. Стр. 76. Цѣна 20 коп.“

— „Тихомировъ, А. Прописи для народныхъ школь. Изданіе 7-е, К. Тихомирова. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Тихомировъ, Д. И. 1) Начатки грамматики. 17-е изданіе. М. 1903. Стр. 126. Цѣна 15 коп.—2) Книга для церковно-славянскаго чтенія. Часть 1-я. Изданіе 23-е. М. 1904. Стр. 7 лк. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „Тихомировъ, Д. И. Элементарный курсъ грамматики. 70-е изданіе. М. 1904. Стр. 156. Цѣна 20 коп.“ (для городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ, а также и для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Ушинскій, К. Родное слово для дѣтей младшаго возраста. С.-Пб. 1904. Годъ 1-й. Изданіе 127-е. Стр. 112. Цѣна 25 коп.— Годъ 2-й. Изданіе 110-е. Стр. 188+IV. Цѣна 35 коп.“

— „Фридбергъ, А. С. Сафа Л'Неэмумимъ, т. е. учебникъ древне-еврейскаго языка. Варшава. 1902. Части I и II. Стр. VIII+180+52+52+67.“ (для еврейскихъ учебныхъ заведеній).

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Данненбергъ, А. О простыхъ звукахъ русскаго языка и о значеніи буквъ русской азбуки. Самара. 1902. Стр. 18. Цѣна 10 коп.“

— „Корханиди, П. Методическое руководство къ преподаванію русскаго языка по руководству того же автора: «Живое слово». Тифлисъ. 1903. Стр. 88. Цѣна 30 коп.“

в) въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній ¹⁾:

— „*Арциговская, Е.* Зубы и уходъ за ними. Изданіе ред. журн. «Народное образованіе». (Школьн. библ. Кн. 16). С.-Пб. 1903. Стр. 8. Цѣна 5 коп.“

— „*Газдановъ, И.* Рельефная карта Кавказа. Масштабъ 100 в. въ англ. дюймѣ. Цѣна 5 руб.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Жизнь и подвиги преподобнаго Серафима Саровскаго. Изданіе ред. журн. «Народное образованіе» (Школьн. библ. Кн. 6). С.-Пб. 1903. Стр. 24. Цѣна 5 коп.“

— „*Ивановъ, Александръ (Стронинъ).* Разказы о жизни земной. Изданіе 2-е, испр., П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 46. Цѣна 15 коп.“

— „*Иксуль, К.* Кичей, покаявшійся разбойникъ. Изд. ред. журн. «Народное образованіе». (Школьн. библ. Кн. 2). С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 7 коп.“

— „*Катаевъ, И.* Императоръ Александръ I. Изданіе Д. И. Тимковскаго (Очерки по русской исторіи для школь и народнаго чтенія. Подъ ред. М. В. Довнаръ-Запольскаго и А. А. Кизеветтеръ). М. 1903. Стр. 170. Цѣна 30 коп.“ (также и въ ученическія, средняго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Мечевъ, Т.* Школьное чтеніе. Стихотворенія для чтенія въ лицахъ. Изданіе ред. журн. «Народное образованіе». С.-Пб. 1902. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Миловидовъ, Г. А.* Родная поэзія въ объяснительномъ чтеніи. Орель. 1904. Стр. IV+316. Цѣна 1 руб. 25 коп.“ (для городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Мироносицкій, А.* На школьномъ пчельникѣ. Изданіе ред. журн. «Народное образованіе». (Школьн. библ. Кн. 10). С.-Пб. 1903. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Михаилъ, іеромонахъ.* Первые мученики за вѣру Христову.

---

¹⁾ Сочиненія, допущенныя въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Изданіе ред. журн. «Народное образованіе» (Школьн. библ. Кн. 1). С.-Пб. 1903. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Михаилъ, іеромонахъ*. Святые мученики времени Траяна и Адриана. Изданіе ред. журн. «Народное образованіе». (Школьн. библ. Кн. 14). С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 7 коп.“

— „*Мѣшковъ, Д. В.* Русскому народу о незабвенныхъ защитникахъ Севастополя. М. 1904. Стр. 50. Цѣна не обозначена.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Первовъ, П. Д.* Жители крайняго сѣвера (эскимосы). Изданіе И. И. Кудряшова. М. 1903. Стр. 43. Цѣна 15 коп.“

— „*Перельшнцъ, Н. И.* Сынокъ-кормилецъ. Изъ малорусскаго быта. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 40. Цѣна 25 коп.“

— „*Полянскій, И. И.* Воздухъ и вода. Изданіе ред. журн. «Народное образованіе». (Школьн. библ. Кн. 15). С.-Пб. 1903. Стр. 36. Цѣна 10 коп.“

— „*Рудневъ, Я. И.* Аравія и Синай. Изданіе ред. журн. «Народное образованіе». (Школьн. библ. Кн. 17). С.-Пб. 1903. Стр. 39. Цѣна 7 коп.“

— „*Рудневъ, Я.* Сирія, Палестина и Месопотамія. Изданіе ред. журн. «Народное образованіе». (Школьн. библ. Кн. 5). С.-Пб. 1903. Стр. 31. Цѣна 5 коп.“

— „*Тритъ, Мери.* Мои наблюденія надъ муравьями. Изданіе ред. журн. «Народное образованіе». (Школьн. библ. Кн. 12). С.-Пб. 1903. Стр. 20. Цѣна 5 коп.“

— „*Тритъ, Мери.* Пауки и осы. Переводъ съ англ. *Б. И.* Изданіе ред. журн. «Народное образованіе». (Школьн. библ. Кн. 8). С.-Пб. 1903. Стр. 19. Цѣна 5 коп.“

— „*Троицкій, Д. И.* Великій Новгородъ. Изданіе ред. журн. «Народное образованіе». (Школьн. библ. Кн. 13). С.-Пб. 1903. Стр. 47. Цѣна 20 коп.“

— „*Хабачевъ, А.* Чтенія по пчеловодству. Вып. I. О выборѣ подходящаго улья. Стр. 16. Цѣна 4 коп.—Вып. II. О лѣтнемъ уходѣ за пчелами. Стр. 35. Цѣна 6 коп.—Вып. III. Объ исправленіи неблагополучныхъ пчелиныхъ семей. Стр. 16. Цѣна 4 коп. Изданіе *К. И. Тихомирова*. (Сельскохозяйственная бібліотека. Отдѣлъ пчеловодства). М. 1903.“

— „*Челокъ, А.* № 1. Лѣсникъ Пиколай. Изъ жизни медвѣдей. С.-Пб. 1904. Стр. 19.—№ 2. Разбойники лѣса. Изъ жизни рысей.

С.-Пб. 1904. Стр. 16.—№ 3. Исторія волчьего семейства. Изъ жизни волковъ. С.-Пб. 1904. Стр. 20.—№ 4. Несуразный звѣрь. Изъ жизни лосей. С.-Пб. 1904. Стр. 20.—№ 5. Отчего я не сдѣлался охотникомъ. Изъ жизни дикихъ козъ. С.-Пб. 1904. Стр. 13.—№ 6. Мой ежикъ. Изъ жизни ежей. С.-Пб. 1904. Стр. 16.—№ 7. Сусликъ. Изъ жизни сусликовъ. С.-Пб. 1904. Стр. 18.—№ 8. Степной орелъ. Изъ жизни орловъ. С.-Пб. 1904. Стр. 16.—№ 9. Скопа. Изъ жизни рѣчныхъ скопъ. С.-Пб. 1904. Стр. 24.—№ 10. Какъ моя сорока попала въ газету. Изъ жизни сорокъ. С.-Пб. 1904. Стр. 19.—№ 11. Несчастливая птица. Изъ жизни кукушекъ. С.-Пб. 1904. Стр. 16.—№ 12. Синицы. Изъ жизни синицъ. С.-Пб. 1904. Стр. 21.—№ 13. Водяной. Изъ жизни оляпокъ. С.-Пб. 1904. Стр. 18.—№ 14. Баба. Изъ жизни пеликановъ. С.-Пб. 1904. Стр. 16.—№ 15. Живой камень. Изъ жизни черепахъ. С.-Пб. 1904. Стр. 15.—№ 16. Слово знаетъ. Изъ жизни змѣй. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна каждой книжки 5 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Чижовъ, Е.* Звѣздные вечера. Первое знакомство со звѣздами и созвѣздіями. М. 1903. Стр. 113 + II. Цѣна 25 коп.“

— „*Яковлевъ, Л. (Л. Ставровскій).* Разсказъ объ Амурѣ и о Зеленомъ Клину. № 305. М. 1902. Стр. 63. Цѣна 3 коп.“

— „*Яценко, А.* Звѣрки-землекопы. (Кротъ и сусликъ). Изданіе ред. журн. «Народное образованіе». (Школьн. библ. Кн. 4). С.-Пб. 1903. Стр. 12. Цѣна 5 коп.“

г) въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки ¹⁾:

— „*Власовъ, И.* Къ вопросу о луговомъ мотылькѣ (*Botys sticticalis* L). Изданіе Вѣдомостей С. Х. и С. Промышленности. Кіевъ. 1902. Стр. 18. Цѣна 15 коп.“

— „*Гайке, И. И.* Практическое плодоводство (для среднихъ и восточныхъ губерній). М. 1903. Стр. 191. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Горелейченко, К. М.* Около здоровья крестьянъ. Ставрополь. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „*Дремцовъ, С. П.* Бесѣды объ улучшеніи луговъ и о посѣвѣ травъ. Изданіе В. С. Маишеева. (Сельская библ. № 1). Вятка. 1899. Стр. 54. Цѣна 20 коп.“

¹⁾ Книги, допущенныя въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки, считаются допущенными также въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— „*Заикинъ, Ф.* Бесѣды о травосѣяніи въ крестьянскихъ хозяйствахъ южной полосы Россіи. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*. Книжка 9-ая). М. 1901. Стр. 16. Цѣна 2 коп.“

— „*Зандъ, Жоржъ.* Заколдованный или говорящій дубъ. Сказка. Переводъ съ франц. *Н. И. Перельмина*. Изданіе М. В. Клюкина. (Библ. сказокъ). М. 1899. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“

— „*Ильинскій, А. И.* Свѣтлякъ. Повѣсть. М. 1902. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“

— „*Кабештовъ, И. И.* Практическіе совѣты по свиноводству. 2-е изданіе, А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1903. Стр. 73. Цѣна 60 коп.“

— „*Крыловъ.* Басни. Полное собраніе. Изданіе 4-е, А. Я. Панафидина. М. 1902. Стр. 315. Цѣна 15 коп.“

— „*Львовъ, Вл.* 1) Новая Земля, ея природа, животный міръ, промыслы и населеніе. М. 1903. Стр. 75. Цѣна 25 коп.—2) Русская Лапландія и русскіе лопари. М. 1903. Стр. 81. Цѣна 25 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Малицкій, П. И.* Тула. Историческій очеркъ города. Тула. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Мурашкинцевъ, Н.* Ветеринарія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству (ветеринарное акушерство). Изданіе К. П. Тихомирова. М. 1901. Книжка 1-я. Стр. 40. Цѣна 10 коп. — Книжка 2-я. Стр. 20. Цѣна 5 коп. — Книжка 3-я. Стр. 44. Цѣна 12 коп. — Книжка 4-я. Стр. 38. Цѣна 6 коп.“

— „*Мусинъ-Пушкина, О. И.* Какъ вести пчелъ въ ульѣ Дадана. 2-е испр. изданіе, А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1902. Стр. VIII + 83. Цѣна 25 коп.“

— „Народное благо. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ семейнаго чтенія и самообразованія. 6-й годъ изданія. М. 1903. Цѣна на годъ съ дост. и перес. 3 р.“

— „*Носиловъ, К. Д.* Въ городахъ Хингана. Изъ недавнихъ событий въ Манчжуріи. (Школы. библ.) М. 1904. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Отчетъ комиссіи по организаціи общеобразовательныхъ чтеній для фабрично-заводскихъ рабочихъ города Москвы за 1902—1903 академическій годъ. М. 1903. Стр. 105. Цѣна не обозначена.“

— „Раздѣль. Разсказъ крестьянина. № 38. М. 1902. Стр. 32. Цѣна 1½ коп.“

— „Рахмановъ, В. В. О работахъ, вредныхъ для здоровья, и о томъ, какъ убережь себя отъ нихъ. № 183. М. 1898. Стр. 170. Цѣна не обозначена.“

— „Семья и ея задачи. Книга для родителей и воспитателей, составленная родителями и друзьями дѣтей подъ ред. Акселя Арстала. Разработ. и доп. для русскихъ читателей переводъ съ норвежскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. Стр. 461. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 коп.“

— „Соковининъ, П. Н. Уходъ за кобылой и выращиваніе жеребятъ. Изданіе 2-е. Курскъ. 1903. Стр. 20. Цѣна 10 коп.“

— „Тихомировъ, А. Умъ и воля животныхъ. М. 1903. Стр. 67. Цѣна не обозначена.“

— „Чеговъ, Ан. Бѣлолобий. Разсказъ. Изданіе М. В. Клюкина (Добрыя души. № 36). М. 1899. Стр. 15. Цѣна 3 коп.“

— „Эберсъ, Г'. «Человѣкъ бо есмь». (Ното sum). Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. Москва. Стр. 340. Цѣна 1 р.“

— „Эртель, А. И. Повѣсть о жадномъ мужикѣ Ермилѣ. Изданіе Посрединка. № 23. М. 1902. Стр. 63. Цѣна 3 коп.“

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „Паруцкій, В. Уроки финскаго языка. Часть 1-я. С.-Пб. 1904. Стр. 113. Цѣна 1 р.“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ введено обученіе финскому языку, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее ея изданіе было тщательно исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданія: „Грековъ, Ѳ. В. Образцы обученія письюму. Часть 2-ая. Французское и нѣмецкое письмо. М. 1904. Стр. 16. Цѣна 15 коп.—

Часть 5-я. Письмо шрифтами рондо, готическимъ, фрактурнымъ, славянскимъ и др. Изданію 5-е. М. 1904. 24 табл. Цѣна 40 коп.—допустить въ качествѣ учебныхъ пособій для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку „*Волковъ, Н.* Русская масленица и историческія данныя о ней. Владикавказъ. 1897. Стр. 31. Цѣна не обозначена.“—допустить въ учебныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ: „Природа и люди Россіи. Общедоступныя книжки подъ ред. *А. А. Ивановскаго.* Изданіе книжки маг. *С. Курнинъ* и К°. М. 1901. 1) *Пирамидова, В.* Прибалтійскій край. Стр. 32. Цѣна 10 коп.—2) *Добрякова, А. Ф.* Остязки. Стр. 32. Цѣна 10 коп.—3) *Вульфсонъ, Э. С.* Киргизы. Стр. 79. Цѣна 10 коп.“—допустить для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Изданіе: „*Вѣстникъ учителей рисованія.* Ежемѣсячный художественно-педагогическій журналъ. Редакторъ-издатель *А. Н. Смирновъ.* Подписная цѣна 3 р. въ годъ.“—допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ учительскія бібліотеки городскихъ училищъ.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу, составленную инженеръ-технологомъ *Л. Лейхманомъ,* подъ заглавіемъ: „Руководство по крашенію кожи. С.-Пб. 1902 г. Цѣна 3 руб.“—допустить въ основныя и учебныя бібліотеки химико-техническихъ училищъ, а равно и въ фундаментальныя бібліотеки ремесленныхъ учебныхъ заведеній по кожевенной специальности.

— Книгу *В. Пантелеева,* подъ заглавіемъ: „Общіе методы анализа въ нефтяномъ производствѣ. Москва. 1903 г. Цѣна 1 р.“—допустить въ фундаментальныя бібліотеки химико-техническихъ училищъ.

— Книгу, подъ заглавіемъ: „Э. Жераръ. Электрическая тяга. Переводъ съ французскаго Шателена и Миткевича. С.-Пб. 1902 г. Цѣна 6 р.“ — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

— Книгу, подъ заглавіемъ: „Методическое руководство къ преподаванію кройки, съ примѣрными уроками по кройкѣ и домашнему счетоводству. Составила Э. Надеждина, начальница Кронштадтской женской прогимназіи съ общеобразовательно-профессиональными при ней классами. Цѣна, съ чертежами для класснаго обученія кройкѣ 2 р. 50 к.“ — одобрить для женскихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаются рукодѣлія.

— Книгу: „Ж. Лафбаръ. Практическое руководство для электротехниковъ. Электрическія установки и управленіе ими. Переводъ съ франц. языка Ѳ. Ф. Александрова. Изд. П. В. Луковникова, С.-Пб. 1902 г. Цѣна 2 р. 75 к.“ — одобрить для библіотекъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

— Книгу Б. П. Налимова: „Бесѣды по вопросамъ гигиены въ плодовомъ саду. Астрахань. 1903 г. Цѣна 75 к.“ — допустить въ библіотеки тѣхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, въ которыхъ преподается садоводство и плодоводство.

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Въ засѣданіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 8-го декабря 1903 года слушали (ст. V): мнѣніе о книгѣ:

Штоль, Г. В. Разказы изъ исторіи для школы и для дому (sic!). Переводъ съ нѣмецкаго. Книга первая. Передняя Азія и Греція. Стр. 193.—Книга вторая. Римская исторія. Стр. 158. Изданіе третье, исправленное. С.-Пб. 1903. Цѣна 1 р. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбисникова.

По выслушаніи доклада спеціалиста, предсѣдатель ученаго комитета предъявилъ комитету четыре экземпляра книги Г. В. Штоля „Разказы изъ исторіи для школы и для дому“ въ изданіяхъ разныхъ годовъ. На заглавныхъ листахъ и на обложкахъ этихъ экземпляровъ значится слѣдующее: На 1-мъ экземплярѣ: „Типографія Г. Мордуховскаго (бывш. Неклюдова), Офиц. № 7 — 14. 1874 г.“.

Цензурнаго дозволенія нѣтъ. На 2-мъ экземплярѣ: „Изданіе второе, исправленное. Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. остр., 8 линіи, № 45) 1884 г.“. Цензурное дозволеніе отъ 15-го октябріа 1883 г. На 3-мъ экземплярѣ: „Изданіе третье, исправленное. Въ типографіи В. Безобразова и Комп. 1890 г.“, а на оборотѣ титула: „Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 4-го ноябріа 1889 года“. Наконецъ, на 4-мъ экземплярѣ представленномъ нынѣ книгопродавцемъ Карбасниковымъ: „Изданіе третье, исправленное. Типографія и литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27. 1903 г.“ Цензурнаго дозволенія нѣтъ.

Изъ сличенія означенныхъ экземпляровъ оказалось, что всѣ они совершенно тождественны не только по содержанію текста, не заключающаго въ себѣ и въ позднѣйшихъ изданіяхъ никакихъ исправленій или измѣненій противъ изданія 1874 года, но и по числу страницъ, по качеству и цвѣту бумаги, значительно пожелтѣвшей отъ времени, по характеру шрифта и по опечаткамъ, какъ въ текстѣ книги, такъ даже и въ приложенномъ къ ней перечнѣ опечатокъ; иными словами всѣ эти экземпляры различаются между собою только обложкою и заглавнымъ листомъ. Изъ этого съ полною несомнѣнностью можно заключить, что книгопродавецъ Карбасниковъ, представляя въ ученый комитетъ отпечатанную 30 лѣтъ тому назадъ книгу въ новой обложкѣ, на которой проставленъ 1903 годъ и отмѣчено „изданіе третье, исправленное“, имѣлъ въ виду ввести въ заблужденіе ученый комитетъ и вызвать содѣйствіе послѣдняго къ распространенію въ публикѣ залежавшагося изданія путемъ опубликованія о выходѣ въ свѣтъ этого, яко бы новаго изданія 1903 г., въ спискахъ книгъ, печатающихся ежемѣсячно въ *Журналѣ Министерства*.

Посему и принимая во вниманіе, что книга Штоля „Разказы изъ исторіи для школы и для дому“ въ настоящее время значительно устарѣла по содержанію, необходимо:

1) признать представленную книгопродавцемъ Карбасниковымъ книгу не заслуживающею никакого поощренія со стороны министерства народнаго просвѣщенія;

2) исключить ее, какъ устарѣлую по содержанію, изъ „Опыта каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній въ-домства министерства народнаго просвѣщенія“ и изъ „Каталога книгъ и періодическихъ изданій для бесплатныхъ народныхъ читаленъ“, въ коихъ она помѣщена въ изданіи 1884;

3) выписку изъ настоящаго журнала ученаго комитета напеча-

тать къ извлеченіи въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* и въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*;

4) копію выписки препроводить для свѣдѣнія въ главное управленіе по дѣламъ печати;

и 5) на будущее время при разсмотрѣніи представляемыхъ въ ученый комитетъ новыхъ изданій книгъ тщательно сравнивать ихъ съ прежними изданіями.

Ученый комитетъ, обсудивъ вышеизложенное, единогласно присоединился къ заключенію г. предсѣдателя.

Изложенное опредѣленіе комитета утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.

ОТЪ ПОСТОЯННОЙ КОМИССИИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ.

Учрежденная по Высочайшему повелѣнію постоянная коммиссія народныхъ чтеній въ виду событій на Дальнемъ Востокѣ приступила къ составленію серіи брошюръ для чтеній въ аудиторіяхъ и для домашняго чтенія подъ общимъ заглавіемъ „Дальній Востокъ“. Въ настоящее время готовятся къ печати слѣдующія чтенія: 1) „О Японіи и японцахъ“. И. А. Лухмановой; 2) „О Корей“. Генералъ-лейтенанта Д. О. Мерганаго; 3) „Манчжурія“. Приватъ-доцента В. Л. Комарова; 4) „Движеніе Россіи на Дальній Востокъ“. Л. Г. Жданова; 5) „Какъ началась война Россіи съ Японіей“. Приватъ-доцента А. А. Пиленко; 6) „Воспоминанія изъ Русско-Китайской войны“ (по Манчжуріи). А. В. Верещагина; 7) „О судьбахъ христіанства въ Японіи и Корей“. Свящ. Г. С. Петрова. Кромѣ того уже изданы два чтенія „Китай“ и „Новыя русскія владѣнія на Дальнемъ Востокѣ“ (Квантунскій полуостровъ). Брошюры будутъ выпущены по возможно дешевой цѣнѣ отъ 4 до 8 копѣекъ. Картины къ нимъ, по указанію коммиссіи, готовятся С.-Петербургскими мастерскими учебныхъ пособій и игръ (Троицкая, 9), В. А. Беренштамъ (Вас. островъ, 12 лпія, 7 — 43), А. Д. Минъ (Бассейналъ, 7) и типо-литографіей „Евг. Тиле преемники“ (Адмиралтейскій каналъ, 17).

Съ требованіями обращаться въ Постоянную коммиссію народныхъ чтеній (Стремлянная, 13).

КОРЕЙЦЫ ПРИАМУРСКОГО КРАЯ.

1.

Краткій историческій очеркъ переселенія корейцевъ въ Южно-Уссурійскій край.

Первое движеніе въ Южно-Уссурійскій край корейскихъ переселенцевъ обнаружилось въ 1863 году, когда 13 семей тайно бѣжали къ намъ изъ своего отечества, вслѣдствіе нужды и голода, вызванныхъ безконечными вымогательствами алчныхъ корейскихъ чиновниковъ. 21-го сентября 1864 года начальникъ Новгородскаго поста донесъ военному губернатору, что корейцы поселились на р. Тизинхэ и прилежно занимаются хлѣбопашествомъ, и просилъ разрѣшенія открыть имъ сбытъ хлѣба, преимущественно гречихи, въ казну, построить мельницу и оказать пособіе, уплативъ ихъ долгъ 200 руб. китайцу Ла за сѣмена и продовольствіе во время зимы. Представленіе это было охотно уважено. Генераль-губернаторъ Корсаковъ, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, письмомъ отъ 16-го ноября 1864 г. за № 581, просилъ адмирала Казакевича, въ виду особой важности заселенія края, „оказывать туземцамъ“, желающимъ „прочно поселиться“ въ нашихъ предѣлахъ, покровительство и пособіе продуктами, на первое время лишь въ самомъ необходимомъ размѣрѣ, изъ экстраординарныхъ суммъ.

Такимъ образомъ началось корейское переселеніе. Въ 1865 году на р. Тизинхэ было уже до 60 семей, въ 1866 г. до 100. Въ пособіе имъ выдавались: чумиза, покупавшаяся по 35 коп. за пудъ, и быки, въ коровами, купленные, средней цѣной, по 12 руб. у манчжуръ.

За первые три года выдано было корейцамъ изъ суммъ морского министерства: чумизы на 1,032 руб. 40 коп. и скота на 286 рублей.

Съ 1865 года стали появляться у насъ зажиточные эмигранты, между коими нашелся даже дворянинъ-чиновникъ (Шямбонъ-Цой) Пигуго Хангъ, жившійся съ 3-ми женами и 17 рабами, которые, разумѣется, были освобождены нашимъ правительствомъ, съ обязательствомъ съ ихъ стороны отработать своему хозяину ту сумму, за которую они были куплены.

Въ 1867 году былъ у насъ сильный неурожай, повергнувшій корейцевъ въ полное бѣдствіе. Генераль-губернаторъ Корсаковъ, посѣтившій край въ июнѣ 1868 года, сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ имъ провіанта изъ интендантскихъ складовъ, съ тѣмъ, чтобы корейцы отработали этотъ провіантъ на каменно-угольныхъ копяхъ, гдѣ ими и было отработано 149 руб. 83 коп., а остальные 50 руб. 71 коп. были сложены.—Неурожаемъ 1867 и 1868 гг. былъ и въ Корей, слѣдствіемъ чего былъ голодъ, отъ котораго корейцы толпами хлынули въ наши предѣлы.—Переходъ корейцевъ начался съ послѣднихъ чиселъ сентября 1869 года. Сначала корейцы прибывали малыми партіями, но въ концѣ ноября и началѣ декабря вдругъ перешло ихъ до 4500 душъ. Переходъ ихъ совершался большею частью черезъ манчжурскую границу, преимущественно ночью и въ разныхъ мѣстахъ, такъ что пограничные караулы, корейскіе, манчжурскіе и наши, по своей ограниченности, не имѣли никакой возможности воспрепятствовать этому переходу. Впрочемъ, манчжурскіе солдаты, по словамъ корейцевъ, проявили при этомъ свою дѣятельность тѣмъ только, что, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ послѣднихъ, грабили ихъ насколько возможно, отнимая одежду, деньги, скотъ и даже женщинъ, а иныхъ и убивали. Наша граница въ это время была свидѣтельницей ужасныхъ сценъ и эпизодовъ. Корейское правительство, противясь эмиграціи своихъ подданныхъ, усилило на границѣ стражу и довело мѣры строгости до крайней степени. Пограничные корейскіе солдаты дѣлали на бѣглецовъ цѣлыя облавы, толпами гнали ихъ назадъ, стрѣляли въ нихъ изъ луковъ и ружей и поголовно убивали всѣхъ мужчинъ, оставляя только въ живыхъ женщинъ, и долго еще спустя послѣ того на корейскомъ берегу Тумень-улы валялись трупы стариковъ и дѣтей. Грабили переселенцевъ также манзы, но эти еще работали на нашей территоріи больше.—Въ это время настали вдругъ сильные холода, и масса корейцевъ, которымъ уже удалось переселиться на нашу сторону, изуренные, больные и голодные, не успѣвъ пере-

щиться до Владивостока и другихъ болѣе населенныхъ мѣстъ, сотнями гибли въ лѣсахъ и пустыняхъ. Многіе изъ служащихъ въ край русскихкихъ призрѣли у себя корейскихъ сиротъ дѣтей.

Большая часть перешедшихъ къ намъ корейцевъ не имѣли никакихъ средствъ къ существованію и, въ виду трудности прокормить такое значительное число пришельцевъ въ безлюдной пустынѣ, наша администрація въ лицѣ адмирала Фуругельма и военного губернатора Приморской области предварительно употребила всѣ средства убѣдить корейцевъ добровольно возвратиться назадъ,—и съ этой цѣлью поручила нашему пограничному комиссару, князю Трубецкому, отправиться съ переводчикомъ къ корейскому пограничному начальнику, для переговоровъ о принятіи корейцевъ обратно, съ тѣмъ, чтобы имъ не сдѣлала никакого притѣсненія и наказанія за переходъ къ намъ, и чтобы имъ оказано было, по возвращеніи, пособіе со стороны корейскаго правительства. Князь Трубецкой и заключилъ въ этомъ смыслѣ договоръ съ корейскимъ начальникомъ. Для отстраненія же съ ихъ стороны всякаго недоувѣрія къ обѣщаніямъ ихъ начальника, предложено было князю Трубецкому, кромѣ переводчика, взять съ собою еще одного выборнаго изъ вновь пришедшихъ корейцевъ.

Заручившись этимъ договоромъ, адмиралъ Фуругельмъ отправился въ корейскую деревню Тизинхэ, гдѣ тогда проживали уже 642 семейства вновь прибывшихъ корейцевъ, чтобы убѣдить ихъ къ обратному возвращенію, и вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать о причинѣ перехода ихъ къ намъ. Для этого онъ собралъ въ Тизинхэ всѣхъ почетныхъ стариковъ и объявилъ имъ, что тѣ, которые не имѣютъ никакихъ средствъ къ существованію, не могутъ у насъ оставаться и непременно должны возвратиться назадъ въ Корею, если же они не пожелаютъ этого, то для удаленія ихъ будетъ употреблена военная сила. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ имъ о результатѣ переговоровъ нашего комиссара съ пограничнымъ ихъ начальникомъ и обѣщалъ дать имъ, на время пути, продовольствіе до границы и подводы для дѣтей и слабыхъ женщинъ. Предложеніе это было передано старикамъ съ тѣмъ, чтобы они передали его всѣмъ собравшимся около дома корейцамъ.

По непродолжительномъ совѣщаніи, корейцы рѣшительно объявили, что готовы умереть на нашей землѣ съ голода, если бы русское правительство отказало имъ въ помощи, но назадъ не воротятся, ихъ ожидаетъ неминуемая поголовная смерть, согласно ихъ законамъ, чему они были еще недавними свидѣтелями; что обѣщанію своего начальника они не вѣрятъ, да если бы, сверхъ обыкновенія, и дарована

была имъ жизнь по возвращеніи, то молодые, у которыхъ у всѣхъ обрѣзаны уже волосы, во всякомъ случаѣ будутъ казнены; а потому, несмотря на то, что русскіе намѣрены выгнать ихъ военною силою, они все-таки согласны лучше умереть отъ русскаго оружія, чѣмъ быть казенными своими. Тогда адмиралъ Фуругельмъ, имѣя въ виду пользу отъ заселенія Приморской области корейцами и то еще, что, по возвращеніи назадъ, всѣ они будутъ казнены, послѣ такого рѣшительнаго съ ихъ стороны отказа, не счелъ себя вправѣ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, а рѣшился дозволить имъ остаться у насъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ принять возможныя мѣры къ обезпеченію существованія ихъ, тѣмъ болѣе, что переселеніе къ намъ около 6500 душъ корейцевъ принесло бы, по мнѣнію адмирала, существенную пользу краю чрезъ доставленіе ему хорошихъ и дешевыхъ чернорабочихъ, въ которыхъ край очень нуждался.

Мѣры, принятыя адмираломъ Фуругельмомъ для обезпеченія существованія пеннущихъ корейцевъ, заключались въ слѣдующемъ: сначала необходимо было привести въ точную извѣстность численность корейцевъ состоятельныхъ, т. е. такихъ, которые не нуждаются въ помощи, и несостоятельныхъ, не имѣющихъ никакихъ средствъ къ жизни. Дѣломъ этимъ адмиралъ поручилъ заняться переводчику манчжурскаго языка, титулярному совѣтнику Макарову, который, по тщательной разборкѣ, донесъ, что изъ 982 семей, численностью въ 5915 душъ (за исключеніемъ помѣщенныхъ въ Владивостокѣ, Никольскомъ и въ Астраханскомъ), проживающихъ въ Тизинхѣ и Янчихѣ, не нуждаются въ помощи всего 309 семей или 2070 душъ; остальные же, всего 673 семейства или 3845 душъ, не имѣютъ положительно никакихъ средствъ къ жизни.

По приведеніи въ извѣстность этого дѣла, военный губернаторъ тотчасъ же распорядился назначить 20 корейцевъ на угольные работы въ Посетѣ; 50 человекъ предложилъ командиру 1-го батальона принять для производства инженерныхъ работъ въ урочищѣ Новокіевскомъ, по недостатку нижнихъ чиновъ въ этомъ баталіонѣ, съ тѣмъ чтобы размѣстить ихъ по казармамъ, по 10 человекъ на роту, и продовольствовать изъ котла вмѣстѣ съ нижними чинами, вычитая стоимость ихъ продовольствія изъ производимой имъ платы, по 26 коп. за урокъ; 50 корейцевъ мастеровыхъ: плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ и каменьщиковъ, приказалъ отправить во Владивостокъ для производства пригготовительныхъ работъ по случаю перенесенія порта, и, кромѣ того, назначить на работы по устройству южно-уссурийской

новой дороги сколько возможно больше людей, выслать полковнику Дьяченко из Владивостока 1000 руб., въ добавокъ къ полученнымъ имъ отъ майора Забаровскаго 1300 руб. на наемъ рабочихъ на этотъ предметъ; корейцевъ, помѣщенныхъ въ Раздольномъ и Астраханскомъ, приказалъ употребить на вырубку дровъ для казенныхъ пароходовъ, плавающихъ по Уссуріи, озеру Ханка и по Сейфуну, съ платою по 2 руб. за сажень однопольныхъ дровъ въ Астраханскомъ и по 3 руб. въ Раздольномъ; корейцевъ изъ Никольскаго приказалъ частью распределить по китайскимъ фанзамъ на рѣкахъ Лефу и Даубихэ, а остальныхъ направить въ Раздольное для рубки дровъ; для корейцевъ, помѣщенныхъ въ казармахъ 1-го баталіона для производства инженерныхъ работъ, предложилъ главному смотрителю провіантскихъ магазиновъ Приамурскаго края, бывшему въ то время въ Посѣсть, отпустить изъ Новгородскаго магазина 550 пуд. хорошей ржи по требованію командира баталіона, 1000 пуд.—по требованію, для Уссурійской дороги, полковника Дьяченко и около 3000 пуд. изъ Владивостокскаго магазина по требованію К. Л. Эголина, за наличныя деньги по 1 руб. 80 коп. за пудъ, съ тѣмъ, чтобы деньги эти начальники частей обязались удерживать съ заработной платы корейцевъ въ возможно большемъ размѣрѣ, для погашенія долга ихъ казны за всѣ отпущенные продукты.

Такъ какъ главный смотритель провіантскихъ магазиновъ заявилъ военному губернатору, что рожь, состоящую въ Новгородскомъ магазинѣ, необходимо разсортировать, то адмиралъ для этой работы приказалъ, по недостатку нижнихъ чиновъ въ Новгородской командѣ, употреблять тѣхъ же корейцевъ, съ платою по 26 коп. въ день, съ цѣлью, между прочимъ, опредѣлить количество негодной ржи; то же самое приказалъ произвести и во Владивостокскомъ магазинѣ. Рожь, оказавшюся при разсортировкѣ негодной, приказалъ выдавать несостоятельнымъ корейцамъ, остающимся безъ работъ, въ такомъ количествѣ, чтобы только поддержать ихъ жизнь до іюля, когда они могутъ уже довольствоваться огородными овощами—дынями, огурцами и пр. Выдачу эту адмиралъ Фуругельмъ поручилъ производить Макарову въ слѣдующемъ размѣрѣ: съ 15-го января по 15-ое апрѣля по 15 фунтовъ ржи на взрослого и по 10 на малолѣтка въ мѣсяцъ, а съ 15-го апрѣля по іюль, когда уже появятся травы, мушція, въ смѣшеніи съ мукой, служить пищей, по 10 фун. на взрослого и по 7 на малолѣтка; съ 1-го же іюля всякая имъ выдача должна прекратиться. При этомъ снабдилъ Макарова книгой для записыванія означенной выдачи

посемейно, такъ какъ произведенная имъ уже выдача и имѣющая производиться впредь должна считаться на нихъ въ долгу и быть возвращена современемъ въ казну.

Главной причиной перехода къ намъ корейцевъ въ зиму 1869 г. послужилъ повсемѣстный неурожай во всѣхъ провинціяхъ сѣверной Кореи, вслѣдствіе необыкновеннаго наводненія и инея, бывшаго 30-го—31-го августа и уничтожившаго на корню всѣ хлѣба, какъ въ сѣверной Корей, такъ и у насъ около Посьета, до полного отсутствія и признака зерна въ колосьяхъ. Другой причиной явилось твердое убѣжденіе корейцевъ, что въ Россіи они получаютъ полноправность, которой были лишены въ Корей до того, что никто не располагалъ не только своей собственностью, но и жизнью. Убѣжденіе это они получили изъ рассказовъ корейцевъ, жившихъ уже 4 года въ подданствѣ Россіи.

По принятіи вышеизложенныхъ мѣръ, администраціи осталось позаботиться наконецъ и о томъ, чтобы означенныхъ корейцевъ снабдить будой для посѣва, на что, на всѣхъ неимущихъ, потребовалось не болѣе 300 пуд., которые и предложено было закупить въ Шанъ-хаѣ, такъ какъ въ Хунъ-чунѣ буды почти не было и цѣна ея съ 30 коп. возросла до 3 руб. серебряной монетой за пудъ. На покупку нужнаго количества буды было поручено есаулу Ставнскому заключить контрактъ съ кѣмъ либо изъ владивостокскихъ купцовъ, съ тѣмъ, чтобы буда была доставлена ко времени посѣва. Эта мѣра была необходима потому, что если бы корейцы не были обезпечены обѣщаніемъ, то ихъ пришлось бы кормить казеннымъ хлѣбомъ въ теченіе еще одного года. Кредитъ на покупку буды адмиралъ Фуругельмъ испросилъ у генераль-губернатора Восточной Сибири, по 2 руб. сер. за пудъ, всего 600 руб. Еще тогда военный губернаторъ Приморской области предлагалъ генераль-губернатору взять изъ числа корейцевъ 50 чел. въ солдаты, съ выдачей отъ казны по 300 руб. за каждаго рекрута; эти деньги предполагалось обратить частью на пополненіе сдѣланныхъ на нихъ затратъ, частью на выдачу семействамъ рекрутъ.

Затѣмъ адмиралъ Фуругельмъ тогда же приказалъ полковнику Дьяченко всѣхъ корейцевъ изъ Личихэ и желающихъ изъ Тизинхэ переселить ранней весной вглубь Приморской области, на Суйфунъ, Лефу и Даубихэ, а на ихъ мѣстахъ оставить вновь прибывшихъ корейцевъ, чтобы дать имъ возможность скорѣе поправиться, съ тѣмъ однако, чтобы и этихъ современемъ переселить туда же, ибо пребываніе ихъ близъ границы считалось неудобнымъ.

Направленные такимъ образомъ, корейцы кромѣ деревень на р. Тигрѣ и Янчихэ, образовали слѣдующія селенія:

	Душъ обоюго пола.
1) Фуругельмовская, на р. Даубихэ	127
2) Казакевичева, на р. Лифухэ	147
3) Карсаковка, бывш. 1-я Михайловка	280
4) Кроуновская, „ 2-я „	329
5) Пудыловка, „ Лючихэза	490
6) Синельникова, ...	93

Всего въ этихъ 6 корейскихъ селеніяхъ состояло:

Семействъ	330
Душъ обоюго пола	1,466

Для вспомошествованія этимъ корейцамъ въ теченіе 1869—1871 и въ началѣ 1872 г. выдано въ пособіе на всѣхъ корейцевъ:

Муки	6,223 пуд.	3 фунт.
Ярицы	2,179 „	27 ¹ / ₂ „
Ячменя	473 „	12 „
Проса	575 „	27 „
Гречихи	283 „	20 „
Картофеля	18 „	34 „
Соли	24 „	12 „
Деньгами	495 руб.	26 коп.

Въ томъ же 1871 г. генераль-губернаторъ Синельниковъ приказалъ селить корейцевъ на Амурѣ, и на препровожденіе ихъ туда полковнику Рябикову выдано 500 рублей.

Всего на продовольствіе корейцевъ, за все время ихъ заселенія, употреблено казеннаго провіанта 35 тыс. пуд., которые, по положенію военнаго совѣта, Высочайше утвержденному 17-го апрѣля 1871 г., со счетовъ казны сложены.

II.

Административное дѣленіе корейскихъ селеній.

Всего въ предѣлахъ Приморской области находится 32 корейскихъ селенія. Изъ нихъ въ административномъ отношеніи 31 селеніе принадлежатъ къ Южно-Уссурийскому округу Приморской области и подчинены на

общемъ основаніи, какъ и русскіе крестьяне, начальнику Южно-Уссурийскаго округа, мѣстопробываніе котораго находится въ с. Никольскомъ. Изъ этихъ селеній 22 принадлежатъ къ составу Посъетскаго уч. и образуютъ самостоятельную Янчихинскую область, съ волостнымъ правленіемъ съ с. Янчихэ и приставомъ въ ур. Новокиевскомъ; 4 деревни принадлежатъ къ составу Суифунскаго уч., съ приставомъ въ с. Раздольномъ, и образуютъ также самостоятельную Карсаковскую волость,—волостное правленіе находится въ с. Карсаковскомъ; 2 корейскія деревни Верхне-Уссурийскаго уч. входятъ въ составъ русской Иваловской волости, съ волостнымъ правленіемъ въ с. Иваловскомъ и приставомъ къ ур. Анучино; 3 деревни принадлежатъ къ Сучанскому уч., при чемъ одна деревня входитъ въ составъ Цамухинской волости, съ волостнымъ правленіемъ въ сел. Шкотовъ, а двѣ приписаны къ Сучанской вол., съ волостнымъ правленіемъ въ сел. Владиміро-Александровскомъ, — мѣстопробываніе пристава въ томъ же сел.; 1 деревня, Осиповка, принадлежитъ къ 1 уч. Софійскаго округа и входитъ въ составъ Хабаровскаго корейскаго городского управленія—приставъ въ гор. Хабаровскѣ. Кромѣ того, въ гор. Владивостокѣ имѣется корейскій городской участокъ, въ вѣдѣніи котораго находятся: мѣстность, называемая „Купферова падь“, населенная охъдлыми корейцами, и всѣ корейцы, живущіе въ гор. Владивостокѣ. Корейцы, живущіе въ с. Никольскомъ и его окрестностяхъ, подчинены китайско-корейскому Никольскому общественному управленію, и, наконецъ, корейцы, живущіе въ гор. Хабаровскѣ, находятся въ вѣдѣніи Хабаровскаго корейскаго городского управленія.

Корейцы, прибывшіе на жительство на русскую территорию до 1884 г., по распоряженію русскаго правительства, оставлены на постоянное жительство въ Россіи, какъ пожелавшіе вступить въ русское подданство, съ соблюденіемъ всѣхъ требованій русскаго закона, а корейцамъ, прибывшимъ послѣ 1884 г., объявлено чрезъ два льготныхъ мѣсяца выселиться на свои средства на Амуръ между Хабаровскомъ и Никольскомъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ ушли изъ района волости неизвѣстно куда.

III.

Географическій и экономическій обзоръ корейскихъ селеній.

Изъ 32 корейскихъ деревень, находящихся въ предѣлахъ Приморской области, 22 расположены по долинамъ рр. Посъетскаго участка

и площадь ими занимаемая граничатъ: съ юга и юга-востока Кореей и заливомъ Петра Великаго, съ запада и сѣверо-запада Манчжуріей и съ сѣвера Суйфунскимъ участкомъ; 4 деревни находятся въ Суйфунскомъ участкѣ и занимають долины рр. Шуфана, Лици-хэ и часть долины Суйфуна; 2 деревни по долинамъ рр. Лефу и Даубихэ; 3 деревни въ Сучанскомъ участкѣ по долинамъ рр. Моихэ, Сучана и Таудеми и одна деревня, Осиповка, въ 1-мъ участкѣ Софійскаго округа, въ 7 верстахъ отъ Хабаровска, на правомъ берегу Амура.

IV.

Сельское хозяйство и промысла.

Главное занятіе корейцевъ составляетъ хлѣбопашество. Кореецъ—хозяинъ участка—живетъ среди своего поля и корейская деревня совсѣмъ не напоминаетъ нашу русскую, гдѣ дома дружно держатся вмѣстѣ, иногда черезчуръ близко другъ отъ друга, почему такъ и опасны пожары въ русскихъ деревняхъ; корейскія же фанзы разбросаны по всей долинѣ, занимаемой деревней, и рѣдко можно встрѣтить группу, состоящую изъ нѣсколькихъ фанзъ вмѣстѣ. — Деревьевъ нигдѣ не видно вблизи фанзъ и посѣвы расположены вокругъ дома, ключьями. Выходитъ кореецъ лѣтомъ на работу въ 3 часа, работаетъ до 10-ти, завтракаетъ, въ полѣ же, вареной чумидзѣй, отдыхаетъ послѣ ѣды съ $\frac{1}{2}$ часа и затѣмъ снова работаетъ; въ 3 часа обѣдаетъ въ полѣ, если далеко отъ дома, иначе приходитъ домой. И затѣмъ, примѣрно, съ 5 часовъ по полудни и до поздняго вечера продолжаетъ работу.

Посѣтскіе корейцы пшеницу совсѣмъ не сѣютъ, и нѣсколько произведенныхъ въ Янчихэ опытовъ посѣва ея дали плохіе результаты; сѣютъ же весьма разнообразныя сорта хлѣбовъ и огородныхъ растений или овощей. При этомъ, изъ русскихъ хлѣбовъ очень мало гречихи, но много овса, главнымъ же образомъ и болѣе всего засѣваютъ чумидзу, кукурузу и буду нѣсколькихъ сортовъ ярь-буду, мочи-цой мельче нашего проса, желтую; бѣлую буду-цой; красную цхари и черную, наше просо, ки-данъ-и. Болѣе всего въ Посѣтскомъ участкѣ сѣется чумидзы фунади. Сѣется она въ началѣ мая, фунтовъ по 15 на обыкновенную десятину (49 разъ 80 с.) и, при хорошемъ урожаѣ, съ десятины получается до 300 пудовъ, слѣдовательно, самъ — 800. Чистаго пшена изъ пуда зерна получится, по обдиркѣ, не болѣе

20 фунтовъ. Средняя цѣна пуда чистаго зерна 1 рубль 5 коп., следовательно, при затратѣ на сѣмена 65 коп., получается до 160 рублей съ десятины; но труда такая десятина стоитъ большого — она требуетъ очень тщательнаго посѣва, и ее нужно пройти плугомъ два раза: разъ черезъ полтора мѣсяца послѣ сѣва (ростокъ не болѣе вершка) и второй разъ черезъ 2 недѣли послѣ сѣва; полють передъ каждой пропашкой, и еще 2 раза, а иногда и три, черезъ каждыя 2 недѣли; при тщательномъ уходѣ за посѣяннымъ хлѣбомъ, каждый рабочій можетъ унѣтъ воздѣлать и посѣять не болѣе 2-хъ десятинъ въ лѣто.

Кромѣ того сѣется фасоль—бобы, 4 сорта: бѣлые, черные, красные и нестрые; сѣютъ ихъ для себя; посѣвъ начинается въ срединѣ мая, по 3 пуда на десятину, а получаютъ отъ 70 — 100 пудовъ; стручки идутъ въ кормъ скоту, а солома въ топливо. Цѣна—40 коп. пудъ. Бобы въ хозяйствѣ корейца играютъ большую роль; изъ нихъ готовится соя, безъ приправы которой не обходится ни одно почти корейское блюдо. Приготовление сои слѣдующее: бобы варятъ въ котлѣ до полнаго размяченія, толкутъ и превращаютъ въ родъ тѣста, которое дѣлится на куски, фунтовъ по 3, подвѣшиваемые къ потолку кухни для высушиванія. Сушка продолжается до 3-хъ мѣсяцевъ, послѣ того ихъ снимаютъ, вновь намачиваютъ въ кадкѣ до 10 сутокъ, отливаютъ на пудъ сои 5 фунтовъ соли, перекладываютъ въ глиняный горшокъ, и соя готова къ употребленію. Такая густая соя называется чанъ и служитъ для приготовления супа и приправы къ кушаньямъ. Жидкая соя, а чирени, готовится иначе, куски сои размачиваютъ въ водѣ—на пудъ нужно не менѣе 3-хъ ведеръ воды, — мочатъ 5 сутокъ и вынимаютъ изъ воды; куски идутъ для приготовления чана, а воду изъ подъ сои варятъ часовъ 12, и изъ 3-хъ ведеръ выходитъ не болѣе $\frac{1}{2}$ ведра, куда прибавляютъ 10 фунтовъ соли. Такая жидкая соя—чирени—тоже служитъ для приправы къ рыбѣ, мясу, салату и т. п.

Затѣмъ идетъ каолинъ (гаолинъ)—сорго, гичто въ родѣ проса, но гораздо крупнѣе, краснаго цвѣта. Изъ него готовится каша—таби, квасъ—камджи и водка—сули. Онъ служитъ хорошей пищей также лошадямъ.—Лчмень сѣется въ началѣ апрѣля. Конопля идетъ на выдѣлку холста для одежды, туфель, веревокъ, матаузъ, неводовъ, нитокъ; изъ сѣмянъ жмутъ масла. Кка, по китайски суза, въ родѣ конопли, но только зерно гораздо мельче; изъ него дѣлаютъ травяное масло, похожее на горчичное. Кукуруза окшики, 2 сорта:

бѣлая, съ крупными зернами — хып-шу-ки и желтая, съ круглыми зернами—май-шу-ки; на десятину сѣютъ 20 фунтовъ и получаютъ пудъ до 200. Растетъ хорошо на всякой землѣ, лишь бы не на сырой. Какъ зерно, такъ и стебли идутъ на кормъ скоту. Кукурузу мелютъ, и въ зернѣ она идетъ въ пищу. Пудъ продается по 50 коп. За послѣдніе годы какъ кукуруза, такъ и каолянъ стали требоваться на заводъ кушца Пыликова, и въ прошломъ году корейцы четырехъ деревень Суйфунскаго участка сильно увеличили посѣвъ кукурузы и каоляна.

Затѣмъ идутъ всевозможные огородные овощи, какъ-то: капуста, баклажаны, дыни, арбузы, огурцы, картофель, чеснокъ, лукъ, салатъ 3-хъ сортовъ, редиска, рѣпа, смлжи — полевой лукъ, морковь, перецъ стручковый, табакъ манчжурскій,—растетъ хорошо, въ особенности по р. Суйфуну; свѣтается въ концѣ апрѣля, а въ началѣ іюня пересаживается на поля. Табакъ собираютъ 2 раза: въ началѣ или въ концѣ августа и началѣ сентября. Собранные листьы складываютъ въ ямы, прикрываютъ польшиной травой и держатъ тамъ не менѣе 5 сутокъ; затѣмъ листьы закручиваютъ между двумя веревками и вѣшаютъ на дворѣ (на ночь) и, въ случаѣ дождя, закрываютъ травяными циновками; сушатъ ихъ на солнцѣ цѣлый мѣсяцъ, а послѣ просушки связываютъ въ небольшіе пучки, по 10 листовъ въ пучкѣ, затѣмъ 10 пучковъ, фунта въ 1½ вѣсомъ, связываютъ вмѣстѣ и въ такомъ видѣ пускаютъ въ продажу, или хранятъ для собственнаго употребленія. Цѣна пучку копѣекъ 25; пудъ стоитъ 6 рублей. Ранѣе сѣяли табакъ въ довольно значительномъ количествѣ, но такъ какъ онъ сильно истощаетъ почву и требуетъ большого ухода, то получаемая отъ него выгода не окупаетъ труда, почему теперь корейцы сѣютъ его лишь для собственнаго употребленія.

Посѣвъ разнаго хлѣба въ корейскихъ хозяйствахъ по разнымъ участкамъ не одинаковъ; такъ, въ Посыетскомъ участкѣ, при 3-хъ десятинномъ хозяйствѣ, кореецъ засѣваетъ 10 корейскихъ десятинъ—корейская мѣра хора-гори равняется ½ нашей крестьянской десятины, т. е. 1.060 саж.

5	хора-гори	овесъ
2	”	нумидза
1	”	бобы
2	”	кукуруза, суза, каолянъ, табакъ и разн. огор. ов.

Въ Сучанскомъ уч. засѣваютъ:

3	хора-гори	буда
1 ¹ / ₂	"	пшеница
1	"	овесъ
1 ¹ / ₂	"	ячмень
4	"	кукуруза, каолянъ, суза, табакъ, огородные овощи.

Въ Суйфунскомъ и Съверо-Уссурійскомъ уч.:

8	хора-гори	ярица, пшеница
1 ¹ / ₂	"	ячмень
1 ¹ / ₂	"	бобы
4 ¹ / ₂	"	буда
1 ¹ / ₂	"	кукуруза, каолянъ, конопля, табакъ, овощи и пр.

Корейская хлѣбная мѣра семи, по китайски дань; въ Сучанѣ болѣе употребительно китайское названіе, при чемъ для каждаго хлѣба вѣсъ „семи“ разный, такъ:

	Цѣны въ рубляхъ.			
	Посьетскъ	Суй-фунск.	Съв. Уссур.	Сучанскъ.
Пшеница 18—20 пуд.	—	12—14	8—10	7—10
Бобы (на Сучанѣ . . . . .)	6	8	10	10
Каолянъ 12 п. дань.)	7—8	10—12	8—10	10
Чис. буда	18	12	30	20—25
Чумидза не отд. 12 пуд.	4	н е с ѣ ю т ѣ		
Овесъ 10 пуд.	4—5	3—3,50	6	6
Ячмень } 12 пуд.	4—5	7—8	7—5	4—5
Греча }				
Картофель	18	2,50—3	3	4,50
Кукуруза 14—15 пуд.	5—6	5—6	4—5	4—5
Суза 10 пуд.	10	8	8	8

Главнымъ образомъ хлѣбъ сбывается:

Въ Посьетскомъ участкѣ ¹/₃ въ войска; овесъ, картофель, ²/₃ во Владивостокъ.

Въ Суйфунскомъ участкѣ. Овесъ сбывается войскамъ: пшеница, ярица, ячмень, греча—въ казну, на заводъ Пьянкова и на мельницы Линдгольма и Галичева.

Въ Сѣверо-Уссурійскомъ участкѣ. Овесъ—войскамъ; пшеницу и ярицу въ сулевые заводы, въ Романовку и манзамъ.

Въ Сучанскомъ участкѣ. Овесъ отправляютъ во Владивостокъ; буду и пшеницу мѣняютъ манзамъ на товары и продаютъ промышленникамъ жень-шеня.

Землю для посѣва пшеницы и ярицы готовятъ, если успѣютъ, осенью, или весной въ началѣ апрѣля, тотчасъ послѣ Пасхи и тутъ же и сѣютъ. Пашутъ грядами, углубляя вершка на 2, и гряда выходитъ въ 4 вершка вышины; разстояніе между грядами около 2 четвертей; слой земли всегда отваливаютъ влѣво, а другой работникъ идетъ вслѣдъ за плугомъ съ тубе (приборъ для сѣянія) и сѣетъ по бороздѣ; гдѣ же плохая земля, за сѣятелемъ идетъ 3-й работникъ съ мѣшкомъ или корзиной, наполненной сухимъ навозомъ, тутъ же на пашиѣ приготовленнымъ въ кучкахъ, и посыпаетъ на сѣмена рукою; съ плугомъ корецъ идетъ по той же грядѣ обратно и заваливаетъ слоемъ земли, не толще дюйма, посѣянные сѣмена, при чемъ, конечно, ни одно зерно не остается наружу. Овесъ сѣется такъ же, но безъ удобренія земли и безъ подготовки ея; овесъ сѣютъ 4 пуда на десятину, а получаютъ до 180 пудовъ. При сухой веснѣ пашню, послѣ посѣва, проходятъ деревянными катками, длиною, по оси, аршина въ 2 и въ диаметрѣ вершковъ въ 6 и вѣсомъ пуда въ 2. Въ него впрягается обыкновенно лошадь или быкъ. Каткомъ придавливаются гряды для того, чтобы они не подвергались быстрому вывѣтриванію и высыханью.

Буда, охори, каолянъ, просо (кицани) сѣются иначе. Плугъ употребляется другой—хучи, а не катаги; разница между ними заключается въ томъ, что у катаги лемехъ имѣетъ видъ 3-хъ угольной лопаты, шириною въ 6 и длиною въ 8 вершковъ; онъ надѣвается на изогнутый рычагъ, конецъ котораго служитъ рукою и къ нему приделана поперечная грядиль. При паханіи лемехъ идетъ въ боковомъ къ поверхности почвы положеніи; новая почва отламывается кусками, разработанная же рассыпается. Запрягаютъ въ катаги либо 2 быка, либо 2 лошади, въ хучи же въ крайности можно запречь одного быка или одну лошадь.

Катаги служатъ для разработки цѣлины, хучи же для этой цѣли не пригоденъ. У хучи рычагъ короче на 2 четверти, чѣмъ у катаги;

лемехъ тотъ же. Пашутъ имъ, держа плугъ въ вертикальномъ положеніи (въ катаги въ наклонномъ). Пускаютъ лемехъ не глубже вершка, при чемъ земля отваливается, конечно, на обѣ стороны; вслѣдъ за плугомъ идетъ сѣятель съ тубе. Плохую землю обрабатываютъ выше-сказаннымъ способомъ. Затѣмъ идетъ 4-й работникъ и ногами засыпаетъ сѣмена, 5-й затаптываетъ ихъ, 6-й окончательно углаживаетъ гряду, выбираетъ камни. Такого рода запашка, очевидно, требуетъ много людей, и малочисленные семейства соединяются для совмѣстной работы, что также дѣлаютъ, если у отдѣльныхъ хозяевъ не имѣется достаточно рабочаго скота.

Нѣкоторые корейцы, чтобы выиграть въ экономіи земли овощныя растенія, какъ то: дыни, тыквы, огурцы, красныя бобы, сузу, салатъ—сѣютъ подъ кукурузою (овощи сѣютъ въ концѣ мая). При посѣвѣ употребляется особый снарядъ, по корейски тубе. Онъ состоитъ изъ деревянной палки, одна сторона которой выдолблена въ видѣ трубки, въ $1\frac{1}{2}$ вершка въ діаметрѣ; трубка эта пропущена въ круглую тыкву, въ которую насыпается мелкое зерно (просо, буда, чумиза, суза); крупное зерно (кукуруза, каолянъ, бобы, овесъ и т. п.) сѣется руками. Сѣятель держитъ палку съ тубе подъ лѣвой подмышкой въ наклонномъ положеніи, правой же рукой стучитъ по трубкѣ тоненькой палочкой. Зерно идетъ изъ трубки черезъ вставленный пучекъ травы, въ которомъ зерно застрѣваетъ и отъ удара палки по трубкѣ сыплется ровной струей. Длина тубе аршина 2. Орудіями для ручной работы служатъ хоми, родъ нашей мотыги, состоящей изъ деревянной ручки, длиною въ 1 аршинъ, къ которой присажень 3-хъ угольный тонкій кусокъ желѣза, загнутый подъ прямымъ угломъ, длиною въ 5 вершковъ и шириною въ 4 вершка. Другой родъ мотыгъ—каакци—совершенно русская кайма. Молотятъ цѣнами въ родѣ нашихъ, только самое било состоитъ не изъ одной толстой палки, а изъ 3 тонкихъ. Вѣютъ лопатами, какъ и у насъ, и корытами: въ большое корыто набираютъ зерно, работникъ становится на скамейку и тихонько сыпетъ зерно внизъ; этотъ способъ возможенъ только при среднемъ вѣтрѣ.

Буду, просо, каолянъ, чумидзу, ячмень, гречу, овесъ корейцы руютъ каменными катками, плянъ-шхезо, или деревянными ступками. Катокъ устраивается слѣдующимъ образомъ: устанавливается каменный жерновъ отъ 2—3 аршинъ въ діаметрѣ, на немъ двигается круглый каменный катокъ, длиною 1 аршинъ $\frac{1}{2}$ вершка, діаметромъ $2\frac{1}{2}$ и 3 четверти, и вѣсомъ до 8 пудовъ. Жерновъ имѣетъ въ центрѣ деревянный неподвижный стержень; катокъ же помѣщается въ де-

ревянной рамкѣ. Противъ центра катка, гдѣ въ камнѣ находятся углубленія въ рамѣ, съ обѣихъ сторонъ находятся чугуныя шпильки, вращающіеся свободно въ вышесказанныхъ углубленіяхъ. Къ наружному концу рамы прикрѣпляется веревка, въ которую и запрягается осель, быкъ или лошадь съ завязанными глазами, и ходятъ вокругъ жернова (нянъ-пхани). На стержень надѣвается деревянная перекладина, къ концамъ которой, на веревкахъ, подвѣшивается деревянный же ящикъ, сверху открытій и съ дырочками въ днѣ. Въ ящикъ насыпается зерно, катокъ же, при своемъ движеніи, толкаетъ ящикъ, изъ котораго и сыплется зерно на жерновъ подъ катокъ; когда оболочки раздавлены, то ихъ провѣиваютъ на вѣялкахъ такого же устройства, какъ и наши. На каткѣ можно рушить до 10 пудовъ въ день, работая 10 часовъ.

Такая жерновая мельница называется по корейски пинъза. Водяныя ступки, по корейски мурбон, устраиваютъ такъ: воду отводятъ изъ рѣчки или ручья въ сторону маленькою канавкою, въ концѣ которой устроена небольшая яма, куда вода изъ канавы падаетъ небольшою струей (маленькимъ водопадомъ) въ корыто, выдолбленное въ одномъ концѣ бревна, со ступой на другомъ. Бревно положено свободно, перпендикулярно къ канавкѣ, на двухъ вилкахъ; вода, падая въ корыто, приподнимаетъ ступу, которая опускается, при чемъ выливается изъ корыта вода. Подъ ступой находится деревянная круглая колода, куда насыпается зерно, въ количествѣ отъ 2 до 4 пудовъ; для того чтобы размолоть это количество зерна, нужно отъ 6 до 12 часовъ времени.

Земля у корейцевъ никогда не отдыхаетъ, не истощается же она благодаря, во 1-хъ, грядовой пашнѣ, при которой половина земли отдыхаетъ,—гдѣ въ нынѣшнемъ году были хлѣба, тамъ въ слѣдующемъ останется свободное мѣсто, и во 2-хъ, благодаря перемѣнной системѣ: одинъ годъ сѣется буда, на другой — пшеница, ярица или бобы (бобы имѣютъ хорошее вліяніе на почву). На скатахъ горъ пахутъ поперечными бороздами, чтобы вода не размывала пашню.

Въ Яичихѣ корейцы Кушними-ханъ и Ханъ-ени пробовали сѣять пшеницу, но результаты получились самыя неудовлетворительныя.

Скотоводство.

Корейскій скоть ростомъ меньше нашего и манчжурскаго, масть преимущественно рыжая. Держать скота корейцы очень мало, лишь

для полевой работы, и весьма рѣдко для завода. Продають обыкновенно устарѣвшій скотъ, замѣняя его молодымъ, покупаемымъ въ Корей. На быкахъ и коровахъ, кромѣ плуговой работы, ѣздятъ верхомъ, въ телѣгахъ, возятъ тяжести, а также возятъ выюки тамъ, гдѣ не имѣется дорогъ. Молока корейцы не пьютъ вовсе, а потому коровъ не доятъ, и все молоко идетъ для теленка, который сосетъ мать болѣе года. Весь скотъ корейцы держатъ на приколѣ, такъ какъ пастбищъ нигдѣ нѣтъ; пускають въ поле лишь на короткое время, по уборкѣ хлѣба, въ октябрѣ (оригинально видѣтъ небольшого поросенка, привязаннаго на короткой веревочкѣ); на ночь скотъ самъ возвращается и дома еще получаетъ кормъ. И зиму и лѣто скотъ держатъ въ прекрасно устроенныхъ хлѣвахъ, такого же устройства, какъ домъ у самого хозяина: плотно убитый полъ, крыша такая же, какъ въ фанзахъ, такія же окна, заклеенныя промасленной бумагой; имѣются стоки для мочи. Въ Посѣетскомъ участкѣ скотъ помѣщается въ самой фанзѣ и ясли выходятъ въ кухню. Кормятъ скотъ соломою чумидзы, буды, проса, мелко нарѣзанной кукурузы—въ нерабочее время; бобами, бобовыми жмыхами (выжимки изъ подъ сои), ячменемъ, зерномъ кукурузы, свареннымъ съ солью—въ рабочее. Быковъ и коровъ начинаютъ употреблять въ работу съ 3-хъ лѣтъ; случаютъ очень рано—2-хъ лѣтъ.

Лошади у корейцевъ малорослы, но достаточно сильны,—корейская лошадь можетъ легко нести выюкъ отъ 6—8 пуд. Многія изъ нихъ очень недурно идутъ рысью, при чемъ большую часть изъ нихъ искусственно приучаютъ къ иноходи, для чего соединяють у молодыхъ лошадей подпругами ноги накрестъ. Лошадей начинаютъ употреблять на работы съ 4-хъ лѣтъ; стоимость лошади отъ 25 до 70 руб. Въ Посѣетскомъ участкѣ лошади употребляются для верховой и выючной ѣзды, въ другихъ участкахъ запрягають ихъ въ плуги, телѣги и сани. Кормятъ какъ лошадей, такъ и рогатый скотъ мелко нарѣзанной соломою, во время же работы даютъ овесъ и ячмень. При хозяйствахъ, въ особенности въ Посѣетскомъ участкѣ, держатъ ослевъ, преимущественно для работы на круподержкахъ. Стоимость осла отъ 9 до 15 руб.

Свиней держатъ въ каждомъ хозяйствѣ преимущественно для себя, такъ какъ корейцы очень любятъ свиное мясо, и безъ свинины не обходится ни одинъ праздникъ, ни одинъ обрядъ. Свиньи постоянно на заборѣ, такъ какъ болѣе всего портятъ хлѣба. Кормятъ ихъ исключительно разнаго рода мякиной, обваривая ее кипяткомъ.

Птицеводство.

Изъ птицъ въ Посыетскомъ участкѣ держатъ корейцы только куръ; въ другихъ участкахъ имѣютъ утокъ и гусей.

Овцеводство.

Овецъ держать весьма незначительное количество, только въ 4-хъ деревняхъ Суйфунскаго уѣзда, причину чего нужно видѣть въ незнакомствѣ корейцевъ съ этимъ животнымъ, такъ какъ въ Корей, за недостаткомъ пастбищъ, овецъ совсѣмъ не знаютъ.

Пчеловодство.

Пчеловодство совсѣмъ не существуетъ, хотя въ Корей таковое есть.

Ремесла.

Корейцы вообще плохіе ремесленники. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ всѣ ихъ производства не сдѣлали большихъ успѣховъ, одной изъ главныхъ причинъ чего, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать то обстоятельство, что въ каждомъ почти домѣ производятся всѣ предметы первой необходимости самими членами семьи и на сторону сбыта не имѣютъ. Хлѣбонашество доставляетъ земледѣльцу все, въ чемъ онъ нуждается. Зимой же каждая семья хлопочетъ о томъ, чтобы заготовить въ свободное время все, въ чемъ можно нуждаться круглый годъ. Мужчины заготавливаютъ дрова и лѣсъ, гонягъ сули, приготавливаютъ растительное масло, сою. Женщины прядутъ пеньку, ткуютъ грубую, но прочную ткань, вполне пригодную для ежедневнаго употребленія. Кореецъ самъ приготавливаетъ себѣ платье, соломенные и веревочные башмаки, корзинки, метлы, веревки, мотаузы, цыновки, плетни для забора и деревянныя части земледѣльческихъ орудій. Въ случаѣ нужды онъ исправляетъ стѣны, крышу и занимается плотничной работой. Словомъ, онъ не нуждается ни въ комъ, но, какъ легко понять, работаетъ каждую вещь только при нуждѣ, довольствуясь самыми простыми и первобытными способами, не достигая усовершенствованія въ производствахъ.

Спеціальныя рабочіе существуютъ только для такихъ ремеселъ, которыя требуютъ особыхъ инструментовъ и умѣнья ими пользоваться. Обыкновенно каждый изъ ремесленниковъ, взявъ свои инструменты на спину, идетъ куда его зовутъ, и, окончивъ работу, отправляется

вновь въ другое мѣсто. Даже тѣ изъ нихъ, какъ напримѣръ, кузнецы, горшечники, плавильщики бронзовой и чугунной посуды, которымъ нужно имѣть особое помѣщеніе для ихъ работъ, не устраняются окончательно нигдѣ. Горшечники, напримѣръ, идутъ, куда ихъ звали, останавливаются въ фанзѣ, отправляются въ окрестности за глиною и тутъ же выдѣлываютъ грубый фарфоръ; покончивъ заказъ, отправляются далѣе. Горшечники занимаются своимъ ремесломъ только въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, остальное время года занимаются заготовкою дровъ, рубкою лѣса и т. п.

Кузнецы поступаютъ такимъ же образомъ, работая въ году всего 2 мѣсяца; въ мартѣ исполняютъ всѣ нужныя поправки въ земледѣльческихъ орудіяхъ, а въ октябрѣ готовятъ и ремонтируютъ орудія, служащія для рубки и пилки лѣса, топоры, пилы и пр., остальное время года кузнецы также занимаются хлѣбопашествомъ. Всѣ ремесленники корейцы пришли изъ-за границы, своихъ же ремесленниковъ между нашими корейцами совсѣмъ мало. Въ селѣ Корсаковскомъ есть постоянная литейная для отливки чугунной и бронзовой посуды, чугунныхъ лемеховъ самаго примитивнаго устройства; благодаря этому недавно открывшемуся производству, лемехъ, прежде стоившій 5 руб., продается на этой литейной по 1½ рубля. Чугунъ и желѣзо собирается по деревнямъ изъ лому.

Бумагу, которой требуется очень много, корейцы получаютъ изъ Кореи, гдѣ эта отрасль промышленности дошла до большой степени совершенства. Дѣлаютъ ее изъ коры тутоваго дерева; бумага эта толще и прочнѣе китайской и похожа на полотно. Желтую бумагу для писемъ дѣлаютъ изъ овсяной соломы. Употребленіе бумаги до безконечности разнообразно: изъ нея готовятъ шляпы, мѣшки, фитили для свѣчей, башмачныя подошвы и т. п. Будучи промаслена, она, по своей дешевизнѣ, съ успѣхомъ замѣняетъ клеенку и служитъ матеріаломъ для дождевыхъ зонтовъ и непромокаемыхъ плащей; окна и двери затягиваютъ ею же.

Стирка бѣлья производится слѣдующимъ образомъ: бѣлье кладутъ въ щелокъ, затѣмъ вытаскиваютъ и бьютъ дощечками болѣе узкими, чѣмъ наши скалки. Крахмалятъ бѣлье хлѣбнымъ клейстеромъ; такъ какъ большая часть корейской одежды состоитъ изъ сметанныхъ и просто склеенныхъ кусковъ, то ихъ разнимаютъ и стираютъ каждый отдѣльно. Башмаковъ или сандалій корейцы въ комнатахъ не носятъ, оставляя ихъ за дверью, оставаясь въ чулкахъ.

Главнымъ и чуть не единственнымъ занятіемъ корейцевъ является

земледѣліе, остальные же заработки ничтожны въ сравненіи съ земледѣльствомъ, изъ нихъ можно назвать доставку дровъ въ части войскъ и другимъ лицамъ въ Посѣтскомъ участкѣ, въ Новокіевскомъ, Посѣть. Возять дрова на быкахъ изъ Рязанова, Верхней Яичихэ и Барановки. Доставляютъ по 4 р.—4 р. 50 коп. за погонную саж. Общая сумма заработка выразится въ доставкѣ до 10 т. саж., на сумму 40—45 т. руб.

Судоходство.

Въ деревняхъ полуострова Крабе-Адми, Песчанной, Бруссе, Сидми, Кедровой пади и, главнымъ образомъ, Красномъ селѣ—жители имѣютъ шаланды, на которыхъ возять разный грузъ во Владивостокъ и обратно и занимаются каботажнымъ морскимъ плаваніемъ между ближайшими населенными прибрежными пунктами, расположенными въ заливѣ Петръ Великій. Устройство шаланды самое примитивное: основаніемъ ихъ служатъ два толстыхъ бревна, очищенныхъ отъ коры, положенныхъ параллельно другъ другу и связанныхъ сверху нѣсколькими брусьями достаточной прочности. Сверхъ этихъ 2 бревенъ и поперечныхъ связей устроены деревянный помостъ, на который складывается грузъ. Съ 4-хъ сторонъ, т. е. 2 продольныхъ и 2 поперечныхъ, помостъ ограждается толстыми досками, напоминающими собою борта лодки. Передней, т. е. носовой части шаланды придается остроконечная форма, задняя же часть дѣлается совершенно тупою, и по самой серединѣ ея, на поперечномъ брускѣ, прилагивается длинное весло, замѣняющее, во время хода шаланды, руль. Плаваніе на такихъ шаландахъ совершается съ помощью весель, а при попутномъ вѣтрѣ съ помощью парусовъ. Смотря по размѣрамъ такая шаланда стоитъ отъ 600 до 1000 руб. со всею оснасткой. Гребцовъ на шаландахъ бываетъ отъ 8—12 чел., что зависитъ отъ величины ея. Подъемная сила шаланды, вслѣдствіе самаго устройства ихъ, очень не велика, отъ 1.000—3.000 пуд. Движеніе ихъ, даже и при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ, медленное, тѣмъ болѣе замедляющееся, когда это оригинальное мореходное судно движется съ помощью весель, или, при мелкой водѣ, на шестахъ. Печего и говорить, что ни самъ владѣлецъ шаланды, если онъ на ней плаваешь, выполняя роль капитана или шкипера, ни—еще въ большей степени—его команда матросовъ-чирнорабочихъ, ипикакими точными свѣдѣніями по мореходству не обладаютъ: плаванія они совершаютъ только въ виду береговъ, такъ какъ у нихъ не имѣется даже компаса. Есте-

ственно, что при болѣе значительныхъ переходахъ такое судно, вмѣстѣ съ своимъ экипажемъ, совершенно зависитъ отъ воли Божіей и не обладаетъ рѣшительно никакими средствами для успѣшной борьбы съ грозной морской стихіей. По выше изложеннымъ причинамъ нельзя не желать, чтобы шаланда въ самомъ недалекомъ будущемъ замѣнилась въ нашихъ восточныхъ водахъ каботажными судами болѣе усовершенствованнаго типа. Впрочемъ, замѣна эта скоро и совершится, такъ какъ на вопросъ этотъ обращено уже вниманіе правительства. Слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, признать, что, при настоящихъ условіяхъ, существованіе шаландъ приноситъ значительную пользу: безъ нихъ доставка во Владивостокъ, напримѣръ, дровъ, сѣна, рыбы, огородныхъ овощей и обратная отправка изъ Владивостока разныхъ грузовъ въ населенные пункты побережья заливовъ Амурскаго и Уссурийскаго была бы несравненно дороже и затруднительнѣе, а часто и совсѣмъ невозможна.

Солевареніе.

Солевареніемъ корейцы занимаются преимущественно въ южной части Уссурийскаго края; такъ, по берегамъ бухты Экспедиціи и Амурскаго залива находится нѣсколько солеварень. Въ лѣтнее время соль добывается слѣдующимъ образомъ: на самомъ берегу моря, на низменномъ мѣстѣ, расчищается и выравнивается болѣе или менѣе значительная, ровная площадь, и такъ какъ почва въ такихъ мѣстахъ насыщена солью, то уже по истеченіи самаго непродолжительнаго времени, вся поверхность площади отъ дѣйствія тепла солнечныхъ лучей покрывается бѣловатымъ солянымъ налетомъ. Тогда верхній слой площади, толщиной до 2-хъ вершковъ, сгребается и корзинами сносится въ особый, установленный вблизи, деревянный чанъ, въ который наливается также и морская вода; послѣ неоднократнаго взбалтыванія соль осаждается на днѣ чана и наверху, послѣ отстоя, получается соляной рассолъ значительной крѣпости. Тогда рассолъ этотъ, съ помощью особо устроеннаго крана, тонкой струей начинаютъ спускать въ находящійся вблизи чана плоскій желѣзный котелъ, подъ которымъ устроена топка и разводится сильный огонь. Когда рассолъ начинаетъ кипѣть, то на поверхности его получается много грязной пѣны, которую постоянно снимаютъ. Въ концѣ концовъ осѣдающая, вслѣдствіе сильнаго кипѣнія и испаренія воды, на днѣ котла соль получается совершенно чистою и бѣлою. Далѣе соль извлекается изъ котла и просушивается на воздухѣ,

послѣ этого она поступаетъ въ употребленіе. Лѣтомъ, въ дождливое время, соль совсѣмъ не можетъ быть добываема. Въ зимнее время она добывается тѣмъ же способомъ, т. е. посредствомъ выпариванія или выварки, но прямо и исключительно изъ морской воды. Часть добытой соли идетъ для собственнаго употребленія корейцевъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ на примѣръ, на устьѣ Янчихэ, корейцы по подряду доставляютъ соль войскамъ, расположеннымъ въ ур. Новокиевскомъ и Посѣтѣ. Подобныхъ солеварень находится: въ Тоихаузѣ—4, на устьѣ Янчихэ (Сахиза)—1, въ Красномъ селѣ—2, въ Славянкѣ—1 и въ селѣ Песчаномъ—1.

Церкви и мисси.

Во всѣхъ 52 корейскихъ селеніяхъ, разбросанныхъ на значительномъ пространствѣ, православныхъ церквей насчитывается только 4 и, слѣдовательно, столько же миссіонерскихъ становъ, при чемъ распределеніе ихъ очень неравномѣрно, такъ, изъ 4-хъ деревень Суйфунскаго участка, въ трехъ: Синеловкѣ, Пуцыловкѣ и Карсаковкѣ находятся и церкви и миссіонерскіе станы (кромѣ того въ селѣ Кроуновкѣ, въ 6 верстахъ отъ Карсаковки, есть больная часовня, въ которой служить разъ въ 2 недѣли карсаковский священникъ). Въ Посѣтскомъ же участкѣ на 22 селенія находится всего 1 церковь—въ Янчихэ, на разстояніи (если считать отъ Краснаго села и залпва Петра Великаго) болѣе 200 верстъ. Очевидно, что священникъ села Янчихэ лишенъ всякой возможности крестить поворожденныхъ и хоронить умершихъ своего стана или прихода, не говоря уже объ остальныхъ тѣбахъ, ибо онъ едва ли въ состояніи посѣтить всѣ свои селенія хотя бы разъ въ годъ. Начальникъ этой мисси о. Аонасій Протодіаконовъ живетъ въ Маринскѣ, на Амурѣ, т. е. въ разстояніи болѣе 1700 верстъ отъ села Янчихэ. Въ деревняхъ Верхне-Уссурийскаго и Сучанскаго участка нѣтъ ни одной церкви, и понятно, что о жителяхъ этихъ селеній, въ смыслѣ ихъ духовнаго просвѣщенія и наставленія, никто не заботится.

Касаясь самой дѣятельности мисси, нельзя не признать того грустнаго факта, что результаты этой дѣятельности совершенно ничтожны и мало замѣтны, за исключеніемъ только развѣ Суйфунскаго участка, гдѣ дѣятельность эта принесла за послѣднее время, впрочемъ, замѣтные и благотворные плоды.

Хотя количество православныхъ корейцевъ довольно велико, но качество ихъ заставляетъ желать многого. Да и трудно ждать успѣ-

ховъ проповѣди слова Божія, когда проповѣдникъ весьма мало знаетъ по корейски или почти совсѣмъ не знаетъ языка своихъ слушателей. Ни краснорѣчіе, ни искреннее вдохновеніе и убѣжденность проповѣдника не могутъ дать благихъ результатовъ, и поэтому прежде всего или миссіонеру необходимо знать хорошо корейскій языкъ, чтобы успѣть что-либо сдѣлать въ святомъ его дѣлѣ, или сначала нужно научить корейцевъ русскому языку и тогда уже начать проповѣдывать имъ слово Божіе. При отсутствіи этихъ условій самое обращеніе корейцевъ въ христіанство будетъ только чисто внѣшнее и совершенно непрочно. Едва ли еще не большее значеніе въ святомъ дѣлѣ распространенія христіанской православной религіи между корейцами имѣть и будетъ имѣть то обстоятельство, насколько проповѣдникъ чувствуетъ призваніе къ этого рода дѣятельности. Отсюда самый выборъ миссіонеровъ, основанный на строгой оцѣнкѣ ихъ нравственныхъ и душевныхъ качествъ, только и можетъ привести къ благимъ и желательнымъ результатамъ. Необходимо, чтобы миссіонеръ насаждалъ свою ниву по призванію, съ полнымъ убѣжденіемъ въ великости и святости своего дѣла, а не смотрѣлъ на это дѣло только какъ на хорошо оплачиваемую должность.

Корейцы, по природѣ своей, обладаютъ чувствомъ достоинства, а потому, помимо духовнаго просвѣщенія ихъ, самое обращеніе миссіонеровъ съ ними должно быть ласковое и привѣтливое. Смотрѣть на нихъ какъ на дикарей, пренебрегать ими никакъ не слѣдуетъ; въ противномъ случаѣ неизбежно устанавливаются если не враждебныя, то холодныя отношенія между миссіонеромъ и его паствою, и саміи успѣхъ проповѣди становится сомнительнымъ; какъ на примѣръ, заслуживающей подражанія и одобренія, считая долгомъ указать на дѣятельность священника села Сипеловки, о. Рязановскаго.

Церковь въ Сипеловкѣ по праздникамъ полна молящимися. Вотъ нѣкоторые факты, на которые мнѣ неоднократно пришлось паталкиваться при объѣздѣ корейскихъ селеній, и которые безусловно не должны быть долге терпимы или допускаемы, во-первыхъ, въ силу христіанскихъ принциповъ, а во-вторыхъ, и потому, что они находятся въ прямомъ противорѣчій съ нашими гражданскими законами. Такъ, во многихъ семействахъ корейцевъ я встрѣчалъ мужа христіанина, а жену буддистку и наоборотъ, т. е. самые близкіе члены одной и той же семьи принадлежатъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ. Фактъ совершенно ненормальный, тѣмъ болѣе, что союзъ христіанина съ язычницею православной церковью не допускается.

Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ вида также и то, что дѣти, происходящія отъ такихъ браковъ, при существующихъ условіяхъ, т. е. при невозможности миссіонеру часто посѣщать селенія своего прихода, остаются по нѣскольку лѣтъ не крещеными и такъ умираютъ.

Необходимо также обратить серьезное вниманіе на искорененіе между корейцами неравныхъ браковъ по лѣтамъ. Въ настоящее время между ними очень обыкновенное явленіе, что 12-лѣтняго мальчика, посѣщающаго школу и далеко еще не достигшаго возмужалости, женятъ на 18—20 лѣтней дѣвушкѣ, совершенно сформировавшейся, или на оборотъ, 12-лѣтняя дѣвушка выдается замужъ (прошу замѣтить выдается, а не добровольно выходитъ) за 40-лѣтняго мужчину. Часто даже браки между христіаниномъ и христіанкою, если кому либо изъ брачующихся не вышли года, сначала совершаются по корейскому обряду. Въпачуть же ихъ лишь только тогда, когда обѣ стороны или одна изъ нихъ достигаютъ установленнаго закономъ возраста.

Школы.

Всѣхъ школъ въ корейскихъ селеніяхъ 10. Въ Посыетскомъ участкѣ 6; въ Красномъ Селѣ, Зарѣчѣ, Новой (Чурихѣ), Янчихѣ, Тизнихѣ и Адими; въ Суйфунскомъ участкѣ во всѣхъ селеніяхъ 4, въ селеніяхъ же Верхне-Уссурійскаго и Сучанскаго участковъ школъ нѣтъ. Всѣхъ учениковъ 277 мальчиковъ и ни одной дѣвочки. Всѣ школы, за исключеніемъ школы въ д. Новой, гдѣ учителя на лицо не было, были мною посѣщены, причемъ я старался познакомиться съ ходомъ учебнаго дѣла, производя небольшіе экзамены.

Въ селѣ Янчихѣ учениковъ 25, отъ 9—15 лѣтъ, они раздѣлены на 3 отдѣленія: 1-е отдѣленіе, изъ нихъ 9 учатся 3 года, и двое 4 года, 2-е отдѣленіе, 7 человекъ учатся 3 года, 1 учится 2 года, и 3-е отдѣленіе, 9 человекъ учатся 1 и 2 года. Въ 3-мъ отдѣленіи читаютъ, списываютъ съ книги, изучаютъ изъ ариметики сложеніе, цифры до 20; русскимъ языкомъ владѣютъ еще плохо. Во 2-мъ отдѣленіи читаютъ, пишутъ съ книги, подѣ диктовку, на асидной доскѣ; изъ ариметики проходятъ сложеніе, вычитаніе и умноженіе до 100; изучаютъ законъ Божій, молитвы знаютъ, но объяснить не могутъ. Въ 1-мъ отдѣленіи читаютъ по книгѣ „Русскую рѣчь“ Вольфа, могутъ передать прочитанное своими словами. По ариметикѣ задачи на всѣ 4 дѣйствія надъ простыми и именованными числами. По закону Божию молитвы и Новый Заветъ; впрочемъ, по закону Божию отвѣчали плохо. Подѣ

диктовку пишутъ недурно, передають содержаніе прочитанныхъ статей; читають недурно, хотя выговоръ заставляетъ желать лучшаго. Ученики всѣ изъ Верхней и Нижней Янчихэ, кромѣ 4 изъ Краснаго села (75 верстъ отъ Янчихэ) и 2 изъ Тизинхэ. Школа основана въ 1891 году, на средства общества; построена въ память посѣщенія Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора; зданіе обошлось въ 4,750 руб., учебная мебель въ 300 руб. Школьная комната шириною 8 и длиною 10 аршинъ, въ 5 оконъ, высокая, свѣтлая. Законоучителемъ состоитъ мѣстный миссіонеръ о. Михаилъ, пріѣхавшій недавно, учителемъ—Добровскій, Іосифъ Адамовичъ, получаетъ жалованья 600 руб. въ годъ, квартиру, отопленіе, освѣщеніе и для услугъ пользуется сторожемъ, что обходится въ годъ 200 руб. Учитель кончилъ курсъ въ Прибалтійской учительской семинаріи въ Ригѣ,—нынѣ семинарія эта переведена въ Гольдингенъ. Помѣщеніе учителя въ 3 комнаты, свѣтлое, высокое и просторное, выштукатуренное; имѣется кухня и кладовая. Учебники ежегодно покупаютъ на счетъ общества, на сумму въ годъ до 100 рублей. Все содержаніе школы, кромѣ ремонта, обходится до 900 рублей. Кромѣ того общество с. Янчихэ наняло за 10 рублей въ мѣсяць псаломщика для обученія учениковъ церковному пѣнію, и 7 человекъ уже поютъ на клиросѣ.

Въ Большой Тизинхэ школа (помѣщается въ Средней Тизинхэ) построена на средства волости, причеиъ матеріаль на постройку дало общество, а также трудъ по землянымъ работамъ; волость заплатила за плотничныя работы, стекла и пр., а также за школьную мебель и учебники. Школа основана въ 1893 году по почину волостного старшины Цоя. Прежде отдѣльнаго помѣщенія для школы не существовало, учились въ часовнѣ и по квартирамъ. Школа фанзовой постройки, снаружи обшита тесомъ. Школьная комната просторная, свѣтла и высока, 8 аршинъ длины, 9 аршинъ ширины въ 4 окна со стеклами, имѣется 8 партъ, на 5 человекъ каждая, учебныя картины, географическія карты. Обошлась школа волости въ 400 рублей. Учитель Семень Синъ кончилъ курсъ Янчихинской школы; 18-ти лѣтъ, жалованья получаетъ 17 рублей въ мѣсяць, съ квартирой, отопленіемъ и освѣщеніемъ. При школѣ имѣются 2 комнаты для учителя, по 2 окна каждая, и кухня. Ученики, 18 человекъ, раздѣлены на 3 отдѣленія. Въ старшемъ 1-мъ отдѣленіи 3 ученика, курсъ ученія 2 года; въ этомъ отдѣленіи преподается: законъ Божій, Вѣхій Заветъ и молитвы: Отче нашъ, молитва Богородицѣ, Символь

вѣры, заповѣди и пр., отвѣчали недурно, молитвы знаютъ. Читаютъ, занимаются чистописаніемъ очень хорошо, подъ диктовку также, но ариметикѣ 4 дѣйствія отвѣчали недурно; 2-е отдѣленіе 5 учениковъ, съ курсомъ чтенія 1½ года отъ 9—15 лѣтъ. Преподаютъ молитвы: Царю небесный, Отче нашъ, Символь вѣры; читаютъ, занимаются чистописаніемъ; ариметика: сложеніе, вычитаніе и умноженіе. Пишутъ и читаютъ очень хорошо, знаютъ басни; 3-е отдѣленіе 10 учениковъ, 1 годъ отъ 8—12 лѣтъ, знаютъ азбуку, нѣкоторыя молитвы; нѣкоторые ученики читаютъ и недурно пишутъ цифры до 500. Понимаютъ прочитанное, пишутъ слова на аспидной доскѣ; ученики всѣ изъ д. Тизинхэ.

Школа въ селѣ Адеми основана въ 1893 году, зданіе деревянное, въ 18 аршинъ длины и 7 аршинъ ширины, школьная комната высокая, свѣтлая и довольно просторная. Зданіе школы обошлось волостному правленію въ 3,500 рублей. Учитель, окончившій курсъ въ Омской учительской семинаріи, Иванъ Низковскихъ, получаетъ жалованья 500 рублей въ годъ, преподаетъ въ школѣ съ 1-го февраля 1894 г., учениковъ 31 изъ села Адими, изъ Рязановой 5, изъ Песчаной 1, изъ Буссе 1, всего 38 человекъ. Въ школѣ 3 отдѣленія, 1-е младшее, состоитъ изъ 11 человекъ отъ 8—13 лѣтъ, начали заниматься съ 1-го октября, знаютъ азбуку (по звуковой методѣ), рисуютъ по клѣткамъ, считаютъ до 10; переводятъ съ корейскаго на русскій языкъ и наоборотъ; 2-е отдѣленіе, 14 человекъ отъ 8—16 лѣтъ включительно, 2 женатыхъ. Учатся уже 3 года, читаютъ, немного могутъ рассказывать, пишутъ подъ диктовку; изъ ариметики знаютъ дѣйствія съ цѣлыми десятками, счетъ до 100. По священной исторіи Ветхаго Завѣта отвѣчали недурно; 3-е отдѣленіе, изъ 6 учениковъ отъ 10—16 лѣтъ, женатыхъ 2. Читаютъ, рассказываютъ прочитанное, пишутъ подъ диктовку, изучаютъ грамматику—правописаніе буквъ: ѣ, и восьмиричнаго, і десятиричнаго, мягкаго и твердаго знаковъ. По ариметикѣ прошли всѣ дѣйствія, таблицу умноженія; законъ Божій въ объемѣ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, молитвы катехизиса и богослуженіе.

Школа въ Красномъ Селѣ. Учитель Навель Кимъ, учительствуетъ 5-й годъ, изъ окончившихъ курсъ въ Япчихинской школѣ, жалованья получаетъ 150 рублей въ годъ, на своемъ содержаніи. Зданіе школы фансовой постройки, въ 5 оконъ, довольно порядочное, есть незатѣйливая школьная мебель. Учениковъ 19 человекъ, раздѣлены на 3 отдѣленія: 1-е отдѣленіе занимается 5, 4 и 3 года, 2-е—2 и 3 года и

3-е—2 я 1 годъ. 1-е отдѣленіе старшее: читають, объясняютъ писанное, пишутъ подъ диктовку, упражняются въ чистописаніи; по арифметикѣ проходятъ 4 дѣйствія. Отвѣчали очень недурно, пишутъ, въ смыслѣ чистописанія, очень хорошо, по арифметикѣ сносно; 2-е отдѣленіе: читають, знаютъ молитвы, пишутъ подъ диктантъ, считаютъ до 100; отвѣчали недурно, чистописаніе очень хорошо. 3-е отдѣленіе: знаютъ азбуку, слоги, нѣкоторые понимаютъ прочитанное, читають довольно порядочно. Учатся долго, до 20 лѣтъ, есть нѣсколько женатыхъ учениковъ, школу посѣщаютъ аккуратно. Ученіе начинается съ 2-го августа и продолжается до 1-го іюля. Учебники русскихъ сельскихъ школъ.

Школа въ Зарѣчѣѣ. Учитель Николай Югай, учился во второмъ классѣ Благовѣщенскаго духовнаго училища, жалованья получаетъ 360 рублей въ годъ. Учениковъ 26, которые раздѣлены на 4 отдѣленія: 1-е отдѣленіе старшее, учатся 3—4 года, самый старшій учится 5-й годъ (ему 16 лѣтъ и онъ уже 4 годъ женатъ). Читають, рассказываютъ прочитанное, разбирають предложенія, 4 правила арифметики, пишутъ подъ диктантъ; изъ священной исторіи проходятъ Ветхій и Новый Заветъ. Отвѣчали недурно, кромѣ священной исторіи, чистописаніе же совсѣмъ хорошо; молитвы знаютъ хорошо, при чемъ и некрещеные также учатъ молитвы; 2-е отдѣленіе: знаютъ молитвы, читають, отвѣчаютъ удовлетворительно, пишутъ также; 3-е отдѣленіе: 2-й годъ читають и пишутъ очень удовлетворительно; 4-е отдѣленіе: проходятъ азбуку, слоги, пишутъ буквы на аспидной доскѣ. Занятія въ школѣ прекращаются въ концѣ мая, а начинаются 15-го августа; занимаются по 5 лѣтъ и больше, лѣтъ до 18-ти.

Школа въ Новой-Деревнѣ—помѣщеніе въ 4 окна, двойныя рамы, окна со стеклами; экзамены бывають ежегодно, но никто на нихъ не бываетъ изъ начальства, священниковъ или старшихъ. Тутъ же помѣщеніе для учителя. Спрошенные ученики отвѣчаютъ очень недурно; переводили на корейскій языкъ вполне сознательно. Одѣты въ чистыя русскія рубашки. Учебники сельскихъ школъ.

Школа въ деревнѣ Карсаковкѣ. Всѣхъ учениковъ 39. Учителемъ состоитъ миссіонеръ о. Михайловскій, получающій жалованья 400 р. въ годъ (отдастъ старшему ученику Дементію Киму 200 рублей) и 116 пудовъ пшеницы. Школа дѣлится на 4 отдѣленія. 4-е отдѣленіе младшее; учениковъ 10 человекъ отъ 8—9 лѣтъ, учатся первый годъ, знаютъ азбуку, слоги, пишутъ не особенно хорошо; 3-е отдѣленіе, учениковъ 10, отъ 9—11 лѣтъ, учатся второй годъ, читають, пишутъ

подъ диктантъ на аспидныхъ доскахъ, проходятъ сложеніе, успѣхи плоховаты; 2-е отдѣленіе, учениковъ 14, отъ 9—13 лѣтъ, учатся 3 года, читаютъ, пишутъ, изучаютъ молитвы, священную исторію; знаютъ сносно; 1-е отдѣленіе, учениковъ 5, отъ 14—17 лѣтъ, учатся 4 года; читаютъ, пишутъ подъ диктантъ, получаютъ элементарныя свѣдѣнія изъ русской исторіи и географіи, дѣлаютъ ариометическія задачи на именованныя числа и устные задачи до 100, проходятъ церковную исторію, грамматику; успѣхи довольно слабы.

Въ школѣ деревни Кроумовки учениковъ 32 человекъ. Учителемъ состоитъ окончившій курсъ въ Карсаковской школѣ Иванъ Кунсъ, уже третій годъ, жалованья получаетъ 400 рублей въ годъ, при готовой квартирѣ. Ученики одѣваются частью по корейски, частью въ русскихъ рубашкахъ, блузахъ и сапогахъ. Въ школѣ 4 отдѣленія; 4-е отдѣленіе младшее: 8 учениковъ отъ 8—10 лѣтъ, начали учиться съ октября 1894 года, а нѣкоторые въ школѣ второй годъ, знаютъ азбуку, пишутъ на доскѣ цифры до 100, отвѣчали недурно; 3-е отдѣленіе, учениковъ 8, отъ 10—14 лѣтъ, учатся 2 года, читаютъ, пишутъ недурно подъ диктантъ, проходятъ сложеніе, вычитаніе, молитвы, отвѣчали хорошо, хотя безъ объясненій; 2-е отдѣленіе, учениковъ 9, отъ 10—14 лѣтъ, учатся 3 года, читаютъ очень хорошо, знаютъ молитвы, законъ Божій, отвѣчали хорошо; 1-е отдѣленіе, учениковъ 6, отъ 11—18 лѣтъ, читаютъ, изучаютъ грамматику, церковную исторію, ариометику; отвѣчали недурно, пишутъ хорошо, изъ географіи прошли недурно рѣки, горы; знаютъ наизусть стихи. Что касается до зданія школы, то оно заставляетъ пожелать лучшаго. Въ этомъ же зданіи квартира учителя и помѣщеніе для сельскаго схода.

Школа въ селѣ Пуциловкѣ помѣщается въ новомъ, прекрасномъ, обширномъ, деревянномъ зданіи на каменномъ фундаментѣ, подъ одной крышей съ квартирой мѣстнаго миссіонера священника. Ширина зданія $4\frac{1}{2}$ сажени, длина 6 сажень. Учителемъ состоитъ священникъ-миссіонеръ, получающій 200 рублей въ годъ жалованья, и старшій ученикъ и псаломщикъ,—эти получаютъ по 100 рублей въ годъ. Учениковъ 35 человекъ, которые раздѣлены на 3 отдѣленія. Младшее отдѣленіе, занимающееся съ октября, знаетъ хорошо азбуку, читаетъ, пишетъ очень порядочно на доскѣ—это послѣ 3-хъ мѣсячнаго обученія; занимающіеся же второй годъ—читаютъ сознательно, переводятъ на корейскій языкъ, пишутъ подъ диктантъ на доскѣ, переписываютъ и заучиваютъ слова ничуть не хуже, чѣмъ въ русскихъ школахъ; на задачи туповаты. Среднее отдѣленіе: читаютъ, пишутъ подѣ

диктанта, чистописаніе, изучаютъ молитвы, успѣхи хорошіе, по арифметикѣ же и священной исторіи не совсѣмъ удовлетворительны. Старшее отдѣленіе: читаютъ, пишутъ подъ диктовку, говорятъ стихи и передаютъ прочитанное очень хорошо. Нѣкоторые ученики совсѣмъ не дѣлаютъ ошибокъ въ диктаантѣ, хотя нельзя того же сказать про грамматику, арифметику и законъ Божій.

Школа села Сепельникова открыта въ 1888 году. Всѣхъ учениковъ 28 человекъ, изъ которыхъ въ младшемъ, 3-мъ отдѣленіи два 13-тилѣтніе ученика, женатые. Школа раздѣлена на 3 отдѣленія. Въ 1-мъ отдѣленіи 8 учениковъ, во 2-мъ—12 и въ 3-мъ—8, 3-е отдѣленіе отъ 9—14 лѣтъ, младшіе знаютъ азбуку, старшіе пишутъ, читаютъ, знаютъ наизусть молитвы. 2-е отдѣленіе отъ 10—12 лѣтъ, умѣютъ читать и писать подъ диктовку, начали учить Новый и Ветхій Заветъ. 1-е отдѣленіе: читаютъ и пишутъ подъ диктовку очень хорошо, знаютъ Ветхій и Новый Заветъ, арифметика идетъ очень недурно. Вообще видно, что въ этой школѣ миссіонеръ-учитель на дѣло преподаванія потратилъ не мало труда и энергій, почему и получили результаты выше хорошихъ. Школа помѣщается въ одномъ зданіи съ помѣщеніемъ священника, имѣетъ отдѣльный входъ съ улицы. Школьная комната свѣтлая и просторная, по стѣнамъ портреты Государей Николая Александровича и Александра Александровича, картины изъ Ветхаго и Новаго Завета, географическія карты полушарій. Изъ классной мебели—парты и доска.

Необходимо устроить общую большую школу въ Душкинѣ, съ содержаніемъ учителя на казенный счетъ. Корейцы берутъ на себя устройство школы. Тутъ необходимо отпустить бесплатно изъ дѣвничества государственныхъ имуществъ. Учителемъ могъ бы быть кореецъ Петръ Кимъ, который хорошо знаетъ русскій языкъ и былъ писаремъ въ морскомъ штабѣ. Корейцы и теперь заявляли неоднократно желаніе имѣть школу.

Вотъ общія замѣчанія, которыя можно сдѣлать про всѣ корейскія школы. Пишутъ, корейскіе мальчики очень хорошо, какъ въ смыслѣ чистописанія, такъ и диктанта, въ чтеніи хромаетъ выговоръ согласныхъ—д вмѣсто т, б вмѣсто п, к вмѣсто г. По арифметикѣ довольно сообразительны, хорошо считаютъ на счетахъ. По закону Божию отвѣчаютъ не особенно хорошо. Главный недостатокъ школы, это—недостатокъ, или лучше сказать, отсутствіе педагогической подготовкы учителей, большинство которыхъ состоитъ изъ бывшихъ учениковъ

Ягчхинской школы, хотя въ желаніи трудиться и въ любви къ своему дѣлу имъ нельзя отказать.

Прежде принимали въ Благовѣщенское духовное училище и въ семинарію на казенный счетъ мальчиковъ корейцевъ, но изъ всѣхъ шести тамъ учившихся корейцевъ ни одинъ не остался на учительской должности и всѣ предпочли чиновничью службу или болѣе выгодную должность приказчика скромной долѣ сельскаго учителя. Очень желательно было бы, чтобы въ Благовѣщенскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи вновь принимали корейскихъ мальчиковъ на казенный счетъ, конечно обязавъ ихъ за образованіе служить извѣстное число лѣтъ сельскими учителями. Затѣмъ число школъ необходимо увеличить, чтобы, по возможности, всѣ корейскіе мальчики проходили школу. Школы необходимы въ Краббе, Фаташахъ, Сидеми, Кедровой-пади, Монгутаѣ. Что касается до корейскихъ селеній въ Верхне-Уссурийскомъ и Сучанскомъ участкахъ, то корейцы охотно будутъ отдавать своихъ дѣтей въ русскія школы ближайшихъ селеній, принимая на себя, соотвѣтственно числу учениковъ, расходы на ихъ содержаніе, для чего конечно, слѣдовало бы расширить русскія школы. Въ Сучанскомъ участкѣ, въ селѣ Владимиро-Александровскомъ, учительница говорила мнѣ, что многіе корейцы привозили дѣтей изъ Николаевки (40 верстъ), и она очень бы желала ихъ принять, но за тѣснотой школы этого сдѣлать не удавалось, такъ какъ приходилось отказывать въ приѣмѣ и многимъ русскимъ. Что касается до того, чтобы улучшить теперешній составъ учителей, то желательно было бы на вакантное время собирать всѣхъ учителей въ болѣе удобный для нихъ пунктъ, пригласивъ съ ними заниматься кого-либо изъ опытныхъ педагоговъ изъ Владивостокской прогимназіи. Этотъ расходъ корейцы охотно возьмутъ на себя. Въ общемъ, корейцы очень желали бы отдавать своихъ дѣтей въ школы, такъ какъ ясно чувствуютъ необходимость для нихъ русскаго языка, въ особенности замѣтно это въ Суйфунскомъ, Верхне-Уссурийскомъ и Сучанскомъ участкахъ, гдѣ корейцы окружены русскимъ населеніемъ и находятся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Но необходимо при школахъ устраивать пансіоны для учениковъ изъ другихъ деревень или отдаленнаго конца той же деревни, такъ какъ корейскія деревни тянутся иногда на многія версты, и въ ненастное или холодное время для маленькаго ребенка пройти такое разстояніе два раза въ день чрезвычайно затруднительно, почему учителя жаловались, что зимой и въ ненастное время ученики неаккуратно посѣщаютъ школу. Въ школахъ слѣдовало бы ввести большее однообразіе (те-

перъ гдѣ 3, гдѣ 4 отдѣленія) въ программѣ учебныхъ занятій, въ учебникахъ и т. п., присутствіе на экзаменахъ кого нибудь изъ начальства, а то въ школахъ Посѣтскаго участка, за исключеніемъ Янчихинской, экзамены, хотя и бывають, но на нихъ не присутствуетъ даже старшина. Кромѣ того желательнo было бы выдавать окончившимъ курсъ свидѣтельства, чего теперь не дѣлается. Наблюденія за школами почти совершенно нѣтъ. Школьный вопросъ—насущный вопросъ не для однихъ только корейцевъ, но и для всего края; учрежденіе учительской семинаріи во Владивостокѣ или Хабаровскѣ болѣе чѣмъ нужно. Резюмируя вынесенныя отъ посѣщенія корейскихъ школъ впечатлѣнія, я считаю необходимымъ обратить на этотъ вопросъ особое вниманіе.

Если въ задачи русскаго правительства, здѣсь, на дальнемъ востокѣ, должно входить быстрое и прочное ассимилированіе инородцевъ, то несомнѣнно однимъ изъ главныхъ средствъ для этого является русская школа, устроенная и обставленная сообразно этой цѣли. Въ настоящемъ своемъ видѣ всѣ перечисленныя корейскія школы далеко не удовлетворяють такой важной цѣли и потому требуютъ кореннаго преобразованія. Преобразованіе можетъ быть достигнуто безъ всякихъ матеріальныхъ затратъ со стороны правительства, такъ какъ средства для подъема школы на должную высоту дадутъ корейцы. Достаточно объявить имъ о принятіи ихъ въ русское подданство, и они съ полной готовностью исполнятъ всѣ предъявленныя требованія, клонящіяся къ ихъ умственному развитію и, въ то же время, къ сближенію съ кореннымъ населеніемъ, принявшимъ ихъ какъ братьевъ.

Жилища.

Корейцы не любятъ жить скученно, въ сплошную улицу, а каждый ставитъ себѣ усадьбу отдѣльно, съ такимъ расчетомъ, чтобы и огородъ его и поле находились тутъ же, непосредственно прилегая къ усадьбѣ. Такимъ образомъ корейцы живутъ какъ бы отдѣльными хуторами, въ родѣ финляндцевъ, въ разстояніи 100—200 и болѣе саж. сосѣдъ отъ сосѣда. Это имѣетъ своя удобства, какъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ и на случай пожара; если загорится домъ, то сосѣди не подвергаются непосредственной опасности; но за то есть въ такой обособленности и большія неудобства: если на какой либо хуторъ нападуть ночью манзы — хунхузы, то вырѣжутъ всю семью и

обрабатывать домъ, прежде чѣмъ сосѣди, услышавъ крики, успѣютъ сбѣжаться на помощь или подоспѣютъ солдаты съ военного поста.

Дворъ у корейцевъ обносится красивымъ узорчато заплетеннымъ изъ травы „коры“ заборомъ. Устройство дома похоже отчасти на китайское и отчасти на японское, но чисто корейская особенность постройки заключается въ отсутствіи рѣзко очерченныхъ наружныхъ угловъ, которые всѣ округлены; эта округленность и какъ бы мягкость архитектурныхъ формъ составляетъ самое характеристическое свойство всѣхъ корейскихъ построекъ отъ угловъ стѣнъ и крыши до узора на плетнѣ. Быть можетъ, въ этомъ отразился и самый характеръ корейца, какъ человѣка, его природныя свойства и качества. Плетенныя стѣны дома прочно покрыты глиной, рѣшетчатыя окна оклеены изнутри тонкой бѣлой бумагой, дверь отворяется не на петляхъ, а отодвигается въ сторону, держась сверху и снизу въ особыхъ желобчатыхъ пазахъ. Крыши на всѣхъ вообще постройкахъ соломенные, сдѣланы очень аккуратно и покрыты травяной веревочной сѣткой, предохраняющей отъ бурныхъ и порывистыхъ вѣтровъ. Внутри дома посрединѣ вырыто квадратное углубленіе, въ одной изъ сторонъ котораго устроена печь, служащая для варки пищи и согрѣванія всего жилища. Для устройства печныхъ трубъ существуетъ цѣлая система: онѣ проходятъ въ горизонтальномъ положеніи подъ глинянымъ поломъ, что очень практично, такъ какъ предохраняетъ полъ отъ сырости и равномерно распространяетъ тепло по всему дому. Выводная дымовая труба отнесена наружу и стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отдѣльно отъ дома, и ею служить, обыкновенно, толстый древесный стволъ съ высверленной сердцевиной, высящійся въ уровень съ верхнимъ гребнемъ крыши. Правое отдѣленіе дома занято людьми, а лѣвое, отдѣленное отъ перваго не сплошною деревянною перегородкой, предназначается для домашняго скота и птицы; это впрочемъ относится только до Посѣтскаго участка, въ остальныхъ же частяхъ скотъ помѣщается въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ.

Жилая половина устлана очень чистыми циновками и разгораживается по японски, передвижными стѣнками, такъ что въ ней можно и увеличить и уменьшить число комнатъ, сдѣлать ихъ просторнѣе или уже, смотря по надобности. Таково внутреннее расположеніе всѣхъ вообще корейскихъ жилищъ.

Спать корейцы по японски — на полу, на циновкахъ, подстилая толстыя ватныя одѣяла и покрываясь широкими такими же одѣялами; изголовьемъ служатъ валики, наполненные мякиной. Встаютъ съ раз-

свѣтомъ, и всѣ постельныя принадлежности тотчасъ же убираютъ въ особую каморку въ родѣ шкафа или внутренняго чуланчика, а также на сундуки, обитые выбитыми желѣзными украшеніями, стоящіе одинъ на другомъ и заключающіе все корейское богатство.

Пища.

Пища корейцевъ состоитъ преимущественно изъ растительныхъ веществъ и отчасти изъ мяса и рыбы. Мясо бычье, свиное, куриное; раньше бѣли собачье и лошадиное, теперь оставили; мясо бычье—хуачи употребляется въ жареномъ и вареномъ видѣ; супъ изъ говядины—хуаю-тхай—приготавливаютъ изъ салата, картофеля и другихъ овощей; супъ изъ свинины—теюктан—изъ салата и картофеля съ бобовой соей; супъ изъ курицы—кеюктай—приготавливается также какъ и свиной, при чемъ курица раздробляется на мелкіе куски. Большую роль въ приготовленіи корейскихъ кушаній играетъ соя, приготавливаемая изъ бобовъ; способъ приготовленія ея изложенъ выше; окрошка изъ рыбы—ненгуги—варится съ густой соей и подается холодной; лапша—кукши—родъ русской лапши изъ ячменя, пшеницы или гречихи на соѣ. Жареная и вареная рыба. На зиму приготавливаютъ соленую рѣзанную капусту, салатъ, редиску, лукъ, рѣпу, чеснокъ, сушенныя груши и грибы. Почти во всѣ блюда щедро сыплется красный перецъ. Жища въ крутую, вяленая рыба и мясо. Хлѣбъ для поминокъ—изъ пшеницы, гречневой муки и красной буды—тоги. Главная же пища, это—вареная чумидза—паби, а для гостей и въ праздники—вареный рисъ—дипаби, рисовой хлѣбъ—дитои. Хлѣбъ изъ картофеля—камзи—тоги; овсяной—кумир-тоги, ячменный—пари; бобовой—кон, кукурузный—шюки-октай; просовой—кидзай; изъ чечевицы—доктуи, каоляновый—пакъ.

Столики для ѣды имѣютъ въ высоту $\frac{1}{2}$ арш., круглые, 4-хъ угольные и 8-ми угольные, ширины вершковъ 10. Сколько бы ни было обѣдающихъ, каждому долженъ быть поданъ особый столикъ. Молоко и коровье масло неизвѣстны, сало животныхъ корейцы также не употребляютъ въ пищу.

Ѣдятъ корейцы много, пьянство же не распространено и пьютъ больше по праздникамъ. Они любятъ и цѣнять, если гость соглашается принять ихъ приглашеніе и отказъ считаютъ за пренебреженіе. Визиты, вечера, приглашенія и др. обыкновенныя проявленія общественной жизни сильно распространены между ними. Женщины никогда не показываются на этихъ собраніяхъ, зато зажиточные корейцы

постоянно посѣщаютъ другъ друга и убиваютъ время въ болтовнѣ и спорахъ.

Чай—цхамури употребляется не всѣми корейцами, — его пьютъ только зажиточные; кирпичный и байховый съ сахаромъ и безъ него—варится въ чайникѣ на огнѣ и прямо изъ него наливается. Водку—сули корейцы выгоняютъ изъ всѣхъ родовъ хлѣба, кромѣ бобовъ и чечевицы. Вотъ способъ ея приготовленія: муку кладутъ въ котель и варятъ до степени кипѣнія, затѣмъ это тѣсто кладутъ въ глиняный горшокъ, на одно ведро тѣста кладутъ $\frac{1}{2}$ стакана дрожжей, затѣмъ ставятъ въ теплое мѣсто, гдѣ составъ этотъ и долженъ находиться 5 сутокъ; затѣмъ все это процѣживаютъ черезъ сито и получаемую жидкость — родъ густого кваса — переливаютъ въ чугунный котель, сверхъ котораго ставятъ глиняный или деревянный цилиндръ, по размѣру котла; внутрь цилиндра чашку (цилиндръ къ низу сѣуживается), на цилиндръ ставятъ еще чугунную чашу, куда наливаютъ холодную воду или ледъ и варятъ на огнѣ, до тѣхъ поръ пока вода въ чашѣ не согрѣется; воду перемѣняютъ два раза и снимаютъ верхнюю чашу, въ нижней уже получается готовый сули, родъ мутной жидкости бѣловатаго цвѣта, очень крѣпкой, до 60 гр.; когда воду мѣняютъ одинъ разъ, сули получается крѣиче.

Продажная цѣна ея 20 коп. бутылка. Кромѣ того сули готовятъ и другимъ способомъ, первоначально такъ же, какъ и въ 1-мъ случаѣ, а затѣмъ провертываютъ въ цилиндрѣ дыру, куда вставляютъ кранъ, изъ котораго вытекаетъ сули, въ подставленную посуду; этимъ способомъ получается въ 4 раза менѣе сули, чѣмъ въ 1-мъ случаѣ, но за то крѣпость нанитка доходитъ до 80 гр. Квасъ камзи изъ хмѣля и сладкій; способъ приготовленія такой же, какъ и русскаго, но съ бѣлымъ цвѣтомъ. Дѣлается квасъ изъ красной буды, проса и овса. Камзи можно дѣлать еще крѣпче сули, и крѣпость его зависитъ отъ количества положеннаго хмѣля. Камзи—крѣпкій стоитъ 10 коп. бутылка, сладкій 5 коп., медъ жидкій—кури разводится съ водой. Мишу дѣлается изъ пшеничной или просяной муки: жарятъ муку въ котлѣ, какъ можно болѣе пережаривая ее, и разводятъ кипяткомъ, на стаканъ муки 10 стак. воды; получается что-то въ родѣ кваса или киселя.

Домашняя утварь.

Домашняя утварь состоитъ: 1) изъ чугунныхъ котловъ — каме, служащихъ для варки чумиды, бобовъ и пр. хлѣбовъ, какъ для

себя, такъ и для скота. Ихъ вѣшаютъ надъ печкой, емкость ихъ доходить до 5 ведеръ включительно и въ каждой фанзѣ ихъ 2, они задѣланы въ кирпичѣ накрѣпко. 2) Изъ чаю для суповъ, кромѣ того для варки мяса имѣются котлы меньшихъ размѣровъ подвижные—мѣдные, желѣзные, чугунные и глиняные—ногуй; они вмѣщаютъ въ себѣ отъ 1 стакана до $\frac{1}{4}$ ведра; мѣдные и бронзовые миски съ крышками, въ одномъ приборѣ 28 штукъ разныхъ размѣровъ: самыя большія 6 стак., а самыя малыя $\frac{1}{4}$ стакана, блюдечки для закуски. Весь приборъ называется памсанки, а съ крышками секи; пошире блюда безъ крышки—тадеби, малое блюдечко—тепси, фарфоровыя: миски—саги, блюдечки сагы-шабеди, фарфоровый приборъ, тоже 28 штукъ и тоже памсанки. Стоимость котловъ въ 5 вед.—5 рубл., ногуй, мѣдныя, до 10 рубл., чугунные до 3 рубл., памсанки весь приборъ бронзовый 25—35 рубл., сагы-памсанки 5—10 рубл. Кушанья подаются на маленькыхъ столикахъ—саи, на которыхъ и устанавливаются закуски и кушанья.

Бронзовыя плевалницы и ночныя вазы называются гошан, мѣдные и бронзовые тазы для умыванія—сесю-таги, также фарфоровыя и глиняныя—саги-таи; мѣдные, бронзовые и желѣзные чайники цхот-хоя. Плоскія мѣдныя и бронзовыя ложки суури, палочки, которыми ѣдятъ все, цери.—Вся эта посуда корейскаго издѣлія, привозится изъ-за границы.

Одежда.

Мужской костюмъ.

Корейскій костюмъ отличается своеобразностью: онъ не похожъ на костюмъ сосѣдей китайцевъ и японцевъ. Всего оригинальнѣе въ ихъ костюмѣ это ихъ головной уборъ. Онъ представляетъ собою круглую съ широкими прямыми полями шляпу, по срединѣ которой, вершка на 3, возвышается въ видѣ усѣченнаго къ верху конуса узенькій цилиндрикъ, имѣющій у основанія не болѣе 2 верш. въ поперечникѣ. Шляпа эта плетется въ видѣ прозрачной сѣтки изъ чернаго конскаго волоса и едва прикасается къ макушкѣ головы, держась на ней лишь съ помощью тесемки, которая снизу подвязывается подъ подбородокъ, безъ чего такая шляпа, повинуваясь малѣйшему дуновенію вѣтра, никакъ не могла бы удержаться на головѣ. Непонятно, какую пользу способенъ приносить этотъ странный уборъ, такъ какъ ни отъ дождя, ни отъ зимняго холода, ни отъ жгучихъ солнечныхъ лучей

она рѣшительно не защищаетъ голову. Впрочемъ, въ дождливую погоду корейцы покрываютъ свои шляпы коническимъ зонтомъ изъ просмоленной бумаги, и тогда видъ этого убора становится еще страннѣе. Но такая уже у нихъ стародавняя мода, и какъ мода, она всеильна, а такъ какъ голову все-таки нужно прикрывать чѣмъ нибудь и отъ холода и отъ зноя, то они иногда обматываютъ ее повязкой изъ бумажной матеріи, или платкомъ подъ шляпой. Носится еще особый волосной колпакъ, котораго не снимаютъ и дома. Зимой на голову надѣваютъ родъ башлыка, ватный или мѣховой, съ отверстиемъ въ срединѣ для пропуска свернутой косы, или русскую мѣховую шапку. Бамбуковая шляпа называется кади, соломенная—сакади, башлыкъ—хуяни.

Верхній халатъ—чемаги, дѣлается изъ разныхъ матерій, преимущественно же изъ бѣлой бязи, колениора разнаго цвѣта, шелка, ль-томъ—кисеи и др. На голое тѣло надѣвается кофта съ полами—чагори, широкіе штаны—паша; зимой всѣ эти принадлежности костюма подбиваются ватой. Обувью служатъ туфли или кожанья, шипи, или плетеня изъ веревокъ, шек-хри; вѣтные чулки изъ бѣлой бязи—пошени; сверхъ чамоги надѣвается табаги, тоже родъ халата съ широкими, въ видѣ мѣшка, рукавами, куда кладутъ разныя мелкія вещи, платокъ и т. п.; табаги надѣваются тогда, когда нужно идти въ почетное мѣсто или къ начальству. Табаги подпоясываютъ шелковымъ поясомъ съ кистями или безъ нихъ, къ которому подвѣшивается маленькая мѣдная трубка, столовый приборъ, помѣщающійся въ маленькомъ, узенькомъ футлярѣ, рядомъ же подвѣшивается письменный приборъ, тоже въ видѣ мѣднаго футляра, для помѣщенія кисти и туши, кисетъ съ табакомъ и такая же сумочка съ трутомъ и огнивомъ и маленькимъ зеркальцемъ.

Женскій костюмъ.

Женскій костюмъ состоитъ изъ коротенькой кофты, не закрывающей груди—чагори, обыкновенно изъ бѣлой бязи или холста, ситца, цвѣтнаго колениора, преимущественно лиловаго и зеленаго цвѣта. Лиловый носятъ женщины постарше, а зеленый—молодыя. Цвѣта кофты мѣняются сообразно съ возрастомъ: розовыя или желтыя—у молодыхъ дѣвушекъ или новобрачныхъ, лиловыя—у женщинъ до 30 лѣтъ и бѣлыя—у перешедшихъ этотъ возрастъ. Въместо платья корейки заворачиваются въ широкую голубую ткань, подвязанную подъ мышками поясомъ. У женщинъ простонародья, часто выходящихъ изъ

дому, эти юбки приподняты выше ступни, у дворянокъ же, которымъ приличіе запрещаетъ выходить изъ дому, онѣ широки и волочатся по полу. Вдовы, какъ бы молоды онѣ ни были, всегда должны быть одѣты въ бѣлую или сѣрую матерію. Корейскія женщины не уродуютъ своихъ ногъ, чтобы добиться необыкновенной маленькой ихъ величины; онѣ предоставляютъ дѣйствовать природѣ. Простолюдины путешествуютъ почти всегда босикомъ. Ихъ косы, обвязанныя вокругъ головы, служатъ имъ подкладкой для носки кувшиновъ съ водой и другихъ тяжестей, носимыхъ обыкновенно на головѣ. Парадный или праздничный чагори дѣлается изъ шелка разнаго цвѣта; также чамоги, тоже изъ разныхъ матерій, смотря по состоянію: изъ корейскихъ, китайскихъ, японскихъ и русскихъ матерій; широкіе штаны, снизу узкіе—паты, а подъ ними нижніе штаны изъ бѣлаго коленкора. Обувь, какъ и у мужчинъ—ватные чулки, кожаные или веревочныя туфли. Башлыки—хуяни и верхніе костюмы, чамоги и побоги, точно такіе же, какъ и у мужчинъ. Кромѣ различныхъ родовъ обуви, о которыхъ сказано выше, слѣдуетъ упомянуть еще о деревянныхъ башмакахъ, употребляемыхъ крестьянами—корейцами.

Корейскія платья широки до чрезвычайности. Цѣлое туловище могло бы легко пройти въ каждую штанину. При выходѣ въ гости приличіе требуетъ надѣвать какъ можно больше платья: по двое или по трое панталонъ, по двѣ или по три рубашки, по четыре или по пяти холщевыхъ сюртуковъ,— все это, смотря по торжественности случая и по средствамъ каждаго. Сюртуки завязываются подъ рукавами двумя тесемками, замѣняющими пуговицы, неизвѣстныя въ этой странѣ. Платья, собственно говоря, должны быть бѣлыя, но такъ какъ содержать ихъ въ достаточно чистомъ видѣ стоитъ очень дорого, то первоначальный видъ ихъ поэтому нѣсколько утрачивается.

Въ ушахъ корейскія женщины носятъ серебряныя, китайской работы, сережки съ красноватыми камешками, а на руки надѣваютъ стеклянные браслеты, въ видѣ сплошнаго кольца; шиньоны прикалываются шпильками.

Дѣти до 6—7 и даже до 10 лѣтъ почти всѣ лѣтомъ ходятъ совершенно голыми или въ одной курточкѣ, доходящей только до пояса.

Всѣ корейскія обыденныя платья дѣлаются обыкновенно изъ грубой бумажной матеріи.

Корейскій языкъ.

Корейскій языкъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, принадлежитъ къ семейству языковъ татарскихъ. Корейскій глаголъ представляетъ одну удивительную особенность. Обыкновенныя окончанія его времени часто измѣняются или вовсе замѣняются другими. Эти видоизмѣненія можно подвести подъ три группы:

Почетныя окончанія. Кореецъ мѣняетъ временныя окончанія, смотря по тому, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло: съ высшимъ, равнымъ или низшимъ себя лицомъ. Даже болѣе того, онъ употребляетъ различныя отгѣнки, разговаривая съ лицомъ болѣе или менѣе высокопоставленнымъ,—съ равнымъ, котораго онъ не знаетъ и съ которымъ онъ въ дружбѣ,—съ низшимъ, которому онъ покровительствуетъ, къ которому онъ равнодушенъ или котораго онъ презираетъ, напр.

дайте	{	съ высшимъ . . . . . цуопсе
		съ равнымъ . . . . . цуо
		съ низшимъ . . . . . цусе
слушаю	{	съ высшимъ . . . . . нее
		съ равнымъ . . . . . яа
		съ низшимъ . . . . . аа

Мужчина говорить съ женщиною какъ съ низшимъ и обратно. Наконецъ, если онъ говоритъ о третьемъ лицѣ, то дастъ понять—выше, равно или ниже оно собесѣдника. Есть много окончаній для выраженія утвержденія, возможности, сомнѣнія, вѣроятности, надежды, укора, и т. п. Наконецъ, существуютъ окончанія для обозначенія перерыва или окончанія фразы, словомъ, замѣняющія собой знаки препинанія. Всѣхъ этихъ окончаній корейцы насчитываютъ нѣсколько тысячъ.

Корейская азбука состоитъ только изъ 11 гласныхъ и 14 согласныхъ буквъ; изъ послѣднихъ въ ней недостаетъ б, в, г, ж, д, з, ш, ч и ъ. Букву р корейцы произносятъ только тогда, когда она стоитъ между двумя гласными, напр., кариножикъ, и слово не можетъ начинаться съ буквы и, г и оканчиваться всякой буквой кромѣ т, с.

Пишутъ корейцы строчками, идущими сверху внизъ, слогъ подъ слогомъ, въ видѣ вертикальной колонны. Начинаютъ съ правой стороны страницы и идутъ влѣво, также какъ китайцы и японцы, въ отличіе отъ манчжуръ, которые пишутъ слѣва на право, хотя тоже

вертикальными столбиками. Нумерація идетъ также отъ правой руки къ лѣвой, такъ что конецъ всякой корейской книги приходится тамъ, гдѣ у насъ начало. Знаковъ препинанія въ корейскомъ письмѣ вовсе не существуетъ. Имѣется лишь одинъ знакъ препинанія о, равняющійся нашей точкѣ; вмѣсто запятой оставляется пустое мѣсто. Личныхъ мѣстоименій только два: я—на, ты—но. Вмѣсто оныхъ употребляется мѣстоименіе указательное, тотъ—тени.

Теперь почти не пишутъ корейскихъ книгъ: самое большее — нѣсколько романовъ, нѣсколько поэтическихъ сборниковъ, рассказовъ для дѣтей и женщинъ, — вотъ почти и все, что есть на корейскомъ языкѣ.

Музыка.

Музыкальные инструменты состоятъ: изъ бубна—тянгуи; мѣдныхъ трубъ довольно большого размѣра, длинной, большая—напхари, до сажени, безъ клапановъ, и малая — набари, аршина $1\frac{1}{2}$; звуки очень громкіе и высокіе; скрипки—ханшми, въ родѣ нашей балалайки съ 4 струнами, на которой играютъ смычкомъ; флейты — кетай, на подобіе нашей флейты изъ дерева съ клапанами, но съ очень пронзительными звуками; мѣдныхъ тарелокъ—тегими, трехъ сортовъ—малаго, средняго и большого размѣра; тупсе—тоже родъ флейты изъ бамбуковаго дерева. Весь оркестръ состоитъ человекъ изъ 10-ти. Играютъ при встрѣчѣ начальства, на праздникахъ и на свадьбахъ. Пьесъ всего одна, и шумъ такой оркестръ производитъ ужасный. Между деревенскимъ населеніемъ танцевъ нѣтъ, только въ городахъ танцуютъ цуми, служанки-рабыни при начальникахъ.

Медицинская помощь.

Въ деревняхъ имѣются доктора—туземцы, самоучки, которые лѣчатъ травами, корнями, привозимыми изъ Кореи, и пускаютъ кровь. Въ каждой деревнѣ имѣются аптеки, содержимыя заграничными корейцами. Докторъ получаетъ 10 проц. съ отпускаемыхъ лѣкарствъ. Въ фанзѣ, гдѣ помѣщается аптека, весь потолокъ увѣшанъ бумажными мѣшечками. Лѣкарства отпускаются вѣсомъ; всѣхъ ихъ 970 сортовъ: минералы, травы, корни, панты, женьшень, рыбы кости, кости звѣрей, желчь медвѣжья и кабанья въ высушенномъ видѣ, опій; лѣкарства продаются порошками, по цѣнѣ отъ 15 кон. до 3 рублей за порошокъ, и помогаютъ отъ простуды, головной боли, желудочныхъ

болѣзней, остававливають кровотеченіе; прижиганіемъ трута лѣчатъ ревматизмъ и зубную боль.

Лѣтосчисленіе.

Корейцы считаютъ въ году, *иени* или *ха*, отъ 12—13 мѣсяцевъ, уоръ, и 29—30 дней—*нари* или *при* въ мѣсяцъ; величина года не одинакова въ зависимости отъ луны: 15-го января—чануоры (1-я луна новаго года) луна должна всходить въ одно время съ заходомъ солнца. Каждый мѣсяцъ въ году имѣетъ по 29 или 30 дней, слѣдов. самое большее число дней въ году 383, какъ, напр., въ нынѣшнемъ (6 мѣс. по 30 дней и 7 по 29), самое меньшее количество дней — 354 дня, среднее же—360. Дни раздѣляются на часы—*си*, по 12 въ суткахъ; *си*—часы дѣлятся на 24 минуты—*сикаги*. Въ Сеулѣ дѣлають золотые и серебряные часы.

Счетъ, вѣсъ, мѣры.

Корейскій счетъ до тысячи—*тчени* (сотня—*паги*) одинаковъ съ русскимъ; 10 *тчени*мани, по корейски миллионъ; 10 мани-огн—10 мил.; 10 огн-те 100 мил. Далѣе по корейски счетъ нѣтъ.

Вѣсъ.

Данъ дѣлается на 10 тату, тату на 6 седу, седу на 10 тон, тон на 10 хоби. Данъ заключаетъ въ себѣ 18 пуд., тату 72 ф., седу—7 ф., тон—69 зол. и хоби 20 дол.

Мѣры длины.

Цан равняются нашимъ 13 верш., цан дѣлятся на 10 тиш; ихирн равняется 30 паямъ (2 саж. 2 арш. 2 верш.); ли равняется нашей $\frac{1}{2}$ верстѣ.

Мѣры жидкости.

Тунги—100 бут. (глиняный сосудъ) имѣетъ 10 тонвон, тонвон—10 бут., дѣлится въ свою очередь на 100 танъ-и, танъ-и—1 бут. Всѣ мѣры жидкости, — какъ глиняныя, такъ и чугунныя, — одного размѣра.

Характеръ корейца.

Главная національная добродѣтель корейца есть его сердечное отношеніе не только къ роднымъ, къ старикамъ, но и къ сосѣдямъ, и вообще по отношенію ко всѣмъ соотечественникамъ; самые отдаленные члены одной и той же фамиліи образуютъ общество, тѣсно соединенное между собой для взаимной защиты, поддержки и помощи. Но эти близкія отношенія не остаются въ границахъ одного кровнаго родства, а идутъ дальше, и помощь отъ чистаго сердца, гостепріимство по отношенію ко всѣмъ и каждому—обыкновенное явленіе среди корейскаго общества и ставитъ корейцевъ въ этомъ отношеніи выше многихъ, хотя и цивилизованныхъ народовъ.

Въ важныхъ случаяхъ жизни, какъ напр., при свадьбахъ и похоронахъ, всѣ считаютъ своей обязанностью помочь семейству при этихъ церемоніяхъ. Каждый приноситъ свои подарки или помогаетъ своимъ личнымъ трудомъ, если по недостатку средствъ не имѣетъ возможности ничего подарить. Одни берутъ на себя сдѣлать нужныя закупки, другіе—устроить малую церемонію, третьи отправляются въ сосѣднія и дальнія деревни извѣщать родственниковъ, хлопочуть день и ночь, безъ всякаго вознагражденія выполняя всѣ трудныя работы и необходимыя порученія. Со стороны даже кажется, что всѣ заняты не личнымъ дѣломъ, касающимся одной семьи, а общественнымъ событіемъ первой важности. Если у кого нибудь сгорѣлъ домъ, то сосѣди всѣми силами стараются, что рекомендуется и закономъ, помочь его отстроить, кто камнемъ, кто деревомъ, кто соломой и, кромѣ того, работой. Если кто либо изъ жителей деревни, по ветхости своего дома, задумаетъ выстроить новый или явится въ селеніе новый переселенецъ, то всѣ односельчане, цѣлымъ обществомъ, строятъ ему домъ, а бѣднякамъ даютъ, какъ выше сказано, и матеріаль. Гдѣ въ русской деревнѣ встрѣтишься съ подобнымъ явленіемъ?

При переѣздахъ и путешествіяхъ корейцы даютъ, и не только своимъ соотечественникамъ, но и китайцамъ и русскимъ, ночлегъ и пищу; если у путешественника есть съ собой припасы—хозяева сваряютъ ихъ и прибавяютъ нужныя приправы. Путешественникъ можетъ оставаться сколько хочетъ времени у хозяевъ, при чемъ корейскій этикетъ требуетъ, чтобы гость предупредилъ хозяина, что онъ не можетъ заплатить за пристанище, если же гость молчитъ, то предполагается, что онъ заплатитъ; это послѣднее касается харчевенъ и постоялыхъ дво-

ровъ на дорогахъ, въ деревнѣ же платы не берутъ. Когда заболѣетъ кто либо, сосѣди, имѣющіе лѣкарства, сами предлагаютъ ихъ и не берутъ никакой платы. Земледѣльскія орудія всегда къ услугамъ нуждающихся, и часто корейцы даютъ на поддержаніе не только ихъ, но даже своихъ рабочихъ быковъ; впрочемъ это только тогда, когда имъ самимъ для работъ они уже не нужны.

Гостепрѣимство соблюдается всѣми, какъ одна изъ самыхъ священнѣхъ обязанностей. По обычаямъ считается не только постыднымъ, но и преступнымъ отказать въ приглашеніи принять участіе въ общей трапезѣ знакомому или незнакомому, если онъ входитъ въ домъ во время обѣда, ужина или другой какой нибудь ѣды. Если въ какомъ нибудь домѣ праздникъ или торжественный пиръ, каждый сосѣдь считаетъ себя въ правѣ придти безъ всякихъ особыхъ приглашеній. Человѣку небогату, отправляющемуся далеко по своимъ дѣламъ или на свиданіе съ родственниками и друзьями, не зачѣмъ тратить много времени на приготовленія къ путешествію: палка, трубка, кisetъ съ табакомъ, немного одежды въ мѣшкѣ, перекинутомъ черезъ плечо, нѣсколько копеекъ въ кошелькѣ — вотъ и все нужное въ пути. Съ наступленіемъ ночи, вмѣсто того, чтобы останавливаться на постояломъ дворѣ, бѣдный кореецъ можетъ смѣло войти въ любую фанзу и пайти тамъ нищу и почлесть. Когда наступаетъ часъ какой нибудь ѣды, путнику даютъ его порцію; для спанья ему предоставляютъ цыновку и валикъ, наполненный мякиной. Если путникъ очень усталъ или въ случаѣ плохой погоды, онъ можетъ оставаться день, два и даже до 5 дней, и никто изъ хозяевъ не подастъ вида, что ямъ тяжело его присутствіе.

Отношенія членовъ семьи между собою очень хороши. Родственная привязанность у корейцевъ развита необыкновенно. Старшій въ семьѣ пользуется полнымъ уваженіемъ, и вся семья безпрекословно повинуется его приказаніямъ. Съ членами семьи онъ обращается довольно строго и можетъ даже наказывать провинившагося розгами, не исключая и женщинъ. Бабушка или мать пользуется тоже уваженіемъ, но власти наказывать не имѣетъ. Мужъ относительно жены пользуется неограниченными правами, хотя корейцу и нельзя отказывать въ супружеской любви. Къ дѣтямъ корейцы относятся очень хорошо, особенно же къ сыновьямъ, рѣдко ихъ наказываютъ, и то только начиная съ 10 лѣтъ; съ работниками обращаются мягко, хотя они держатся, ѣдятъ и спятъ отдѣльно отъ семьи. Къ начальству относятся очень почтительно и боязливо, къ чему ихъ приучила еще прежняя

жизнь въ Корей, гдѣ самый незначительный чиновникъ и даже бѣдный, не служащій дворянинъ пользовался надъ крестьяниномъ, наипервоначальнѣе, почти неограниченной властью. Къ нашимъ священникамъ, въ особенности если священникъ сумѣетъ сойтись съ корейскимъ обществомъ, относятся хорошо и стараются чѣмъ могутъ показать свое расположение. Къ русскимъ относятся вполне хорошо, кто бы ни пріѣхалъ изъ русскихъ: купцы, крестьяне, могутъ жить у нихъ сколько угодно времени бесплатно, получая пристанище и столъ, и мнѣ лично приходилось видѣть по нѣсколько человѣкъ нашихъ крестьянъ въ фанзахъ, и на мой вопросъ, что они тутъ дѣлаютъ, отвѣчали, что пришли погостить. Но не таковы отношенія русскихъ къ корейцамъ; такъ напр., если корейскій скотъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, попадаетъ въ поля русскаго крестьянина, то послѣдній беретъ всегда штрафъ, смотря по травѣ, если же русскій скотъ, что бываетъ гораздо чаще, попадаетъ въ корейскія поля, то корейцы возвращаютъ скотъ хозяевамъ безъ копейки штрафа (Шокровка, Синеловка). Къ китайцамъ, благодаря частымъ нападеніямъ, грабежамъ и убійствамъ, производимымъ хунхузами, корейцы относятся враждебно.

Одна изъ отличительныхъ чертъ характера корейца это—его мстительность: онъ не забываетъ малѣйшей обиды и всегда старается отплатить своему обидчику. Въ январѣ, въ с. Карсаковѣ, въ бытность мою въ с. Никольскомъ, произошелъ случай, рельефно обрисовывающій въ этомъ отношеніи характеръ корейца. Кореецъ Цой далъ въ долгъ другому корейцу Пахъ быка за 68 рубл. на срокъ 5 мѣс. По истеченіи срока Пахъ не могъ заплатить денегъ и, по приговору волостного суда, было опредѣлено отдать быка назадъ Цою, а за пользованіе имъ въ теченіи всего рабочаго времени (5 мѣс.) взыскать съ него въ пользу Цоя 10 рубл. Пахъ заплатилъ эти деньги, но Цой, кромѣ того, потребовалъ, чтобы Пахъ привелъ быка къ нему на дворъ самъ. Пахъ исполнилъ требованіе Цоя, но Цой не пригласилъ его войти въ фанзу,—это такъ обидѣло Паха, что онъ пошелъ домой и удавился, желая своею смертью какъ бы наказати Цоя. Въ Корей, впрочемъ, это явленіе, по словамъ корейцевъ, не рѣдкое, такъ какъ тамъ существуетъ законъ, по которому то лицо, благодаря которому произошло самоубійство, подлежитъ наказанію, до смертной казни включительно, когда при дознаніи обнаружится, что обидчикъ обидѣлъ самоубійцу. Въ данномъ случаѣ Цой былъ бы подвергнутъ въ Корей каторжной работѣ.

Корейцы еще въ недавнее время во всемъ слѣдовали своимъ обычаямъ, такъ напр., въ поѣздку чиновника особыхъ порученій гла-

внаго управленія восточной сибирі г. Висленьева, въ 1878 г., былъ такой случай. Висленьевъ во-время прибыть въ с. Пуциловку для предотвращенія корейскаго самосуда: кореецъ Кимъ въ ссорѣ убилъ шиломъ корейца Ю. Собрались старики и сельскій староста, и послѣ общаго обсужденія староста предложилъ жепѣ и сыну убитаго наказать тѣмъ же шиломъ убійцу и такъ же, какъ былъ убитъ Ю. Только неожиданное прибытіе Висленьева остановило убійство. Въ Корей и до сихъ поръ, по словамъ корейцевъ, практикуется этотъ способъ суда, предоставляется родственникамъ убитаго показать на убійцѣ, какъ былъ умерщвленъ убитый, при посредствѣ того же орудія. Впрочемъ это практикуется лишь тогда, когда объ этомъ знаетъ только ближайшее начальство пострадавшаго, другіе же преступники должны подлежать государственному суду.

Положеніе женщинъ. Между корейцами, какъ и между другими азиатскими народами, положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ является унизительнымъ и оскорбительно-подчиненнымъ. Женщину считаютъ лишь орудіемъ наслажденія или работы, законъ и обычаи не признаютъ за нею никакихъ правъ и, такъ сказать, никакого нравственнаго существованія. Женщина хозяйка, даже дворянка—не можетъ обратиться къ мужчине, хотя и къ своему работнику, на „ты“, не говоря уже про мужа, котораго и въ шутку не называетъ „ты“. Когда женщина встрѣчается съ мужчиной, то обходитъ его стороной, не глядя на него, она не можетъ также пересѣчь мужчине дорогу, но должна дожидаться, пока мужчина пройдетъ; и у корейцевъ существуетъ предразсудокъ, что если случайно женщина, не видя мужчины, пересѣчетъ ему дорогу, то это пророчить неудачу.—Женщины именъ не имѣютъ. Правда, большинство дѣвочекъ получаютъ какое нибудь названіе, какъ то: обонне—трава, обо—трава быстрорастущая, нени—дѣвочка, кобунне—хрустальная дѣвочка, бубунне—уродъ, огонне—рябая дѣвочка, сетзданне—третья, туртцанне—вторая дѣвочка и т. п.; эти имена употребляютъ въ дѣтствѣ старшіе родственники и друзья дома, посторонніе же обязаны называть дѣвочку агн-си или саги-си, т. е. нѣчто въ родѣ „брышши“.

Послѣ замужества женщина уже не имѣетъ своего имени, а называется по фамиліи своего мужа, напр., мужъ Пахъ, Кимъ, Ди, Ханъ, (чаще всего встрѣчающіеся между корейскими фамиліями), къ фамиліи прибавляется си окончанчаніе женскаго рода, и выходитъ: Пахси, Кимси, Диси и т. п., подъ такими именами замужнія женщины и фигурируютъ въ посемейныхъ спискахъ. Мальчиковъ до 3-хъ лѣтъ зо-

вуть поми—мальчикъ, муадзи—теленокъ, тусдзи—поросенокъ, кадзи—цвѣточекъ и т. п. названіями; впоследствии мальчикъ получаетъ имя, которое и носить всю жизнь; имя состоитъ изъ двухъ слоговъ, напр. Чан-чынн, Ту-сей, Сен-ноги и т. п. Фамилію мальчикъ носить отцовскую, состоящую всего изъ одного слога. Между корейцами, какъ вообще между восточными народами, родственныи союзъ очень силенъ. Родственники чуть не въ 50-мъ колѣнѣ, несмотря на общественное сословіе или положеніе, обязаны другъ другу помощью и любовью, обязаны ходить на поминки къ умершимъ членамъ семьи, хотя бы эти члены и умерли нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ: достаточно если предки какого нибудь паха или кима жили въ одномъ и томъ же округѣ, чтобы потомки этихъ паховъ и кимовъ считались между собою родственниками. Между членами одной родственной фамиліи, хотя бы и въ самомъ отдаленномъ колѣнѣ, браки никогда не допускаются. Но если предки паха или кима жили въ разныхъ округахъ, то они считаются, хотя и носятъ одну и ту же фамилію, уже чужими и браки между ними разрѣшаются. Кроме того, между болѣе бѣдными корейцами Посыетскаго участка сохранился старинный библейскій обычай отработки женъ: холостой заграничный кореецъ, не имѣя возможности уплатить за невѣсту деньги, работаетъ въ семьѣ невѣсты отъ 3—5 лѣтъ, жениась при заключеніи условія, при чемъ очень рѣдки случаи, когда условіе это корейцами нарушается.

Религія.

По мѣстнымъ преданіямъ, буддизмъ или ученіе Фо, проникло въ Корею въ IV вѣкѣ по Р. Хр. и распространилось съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ во всѣхъ трехъ королевствахъ, существовавшихъ въ то время на корейскомъ полуостровѣ.

Послѣ воцаренія династіи Коріе, подчинившей своей власти всѣ три королевства и образовавшей изъ нихъ одну общую монархію, правительство покровительствовало послѣдователямъ буддійской религіи, которая и была признана въ то время господствующей.

Въ Посыетскомъ и Сучанскомъ участкѣ можно встрѣтить нѣсколько буддійскихъ кумиренъ; кумирни эти деревянные 4-хъ угольные, крыты соломой, съ бумажными картинками на стѣнахъ, изображающими Будду. Молятся въ кумирняхъ по китайскимъ праздникамъ: новый годъ—сори, 14-го января; поминовеніе умершихъ—сансиногя, 16-го марта, а также при какомъ нибудь счастливомъ случаѣ, убьютъ напр. оленя съ пантами, выздоровливаютъ отъ болѣзни и т. п.—Хотя очень много

есть крещенныхъ корейцевъ, но настоящихъ христіанъ между ними очень мало; часто они даже не знаютъ своихъ христіанскихъ именъ и крестовъ на груди и иконъ въ домахъ не имѣютъ. Результаты миссіонерской дѣятельности почти не замѣтны, въ особенности между корейцами Посыетскаго, Сучанскаго и Верхне-Уссурійскаго участковъ. Въ селахъ же Суйфунскаго участка благодаря тому, что есть церковь въ каждомъ селѣ, за исключеніемъ д. Кроуновки, гдѣ имѣется очень хорошая часовня, отстоящая всего въ 3-хъ вер. отъ Карсаковки, при каждой церкви есть священникъ — миссіонеръ и тамъ христіанство сдѣлало большіе успѣхи. Въ Посыетскомъ же участкѣ на 21 деревню всего имѣется одна церковь и одинъ миссіонеръ. Въ Ичичѣ замѣтно, что прежніе миссіонеры болѣе обращали вниманіе на количество обращенныхъ, — миссіонерамъ было важно представить архіерею въ отчетахъ большое количество новообращенныхъ, чтобы показать свою дѣятельность, не заботясь о дальнѣйшемъ просвѣщеніи принявшихъ крещеніе.

Въ Суйфунскомъ участкѣ, по словамъ стариковъ, только 3 года какъ стали прививаться христіанскіе обряды. Прежніе миссіонеры не обращали никакого вниманія на исполненіе корейцами христіанскихъ обрядовъ и довольствовались лишь полученіемъ жалованья и руги. Языческія кумирни помѣщаются на горахъ; въ Суйфунскомъ уч. ихъ нѣтъ совсѣмъ, въ другихъ же участкахъ есть, и болѣе всего въ Посыетскомъ и Сучанскомъ. Служащихъ бонзъ въ деревняхъ нѣтъ; они бывають въ Посыетскомъ, Верхне-Уссурійскомъ и Сучанскомъ уч. лишь заходямъ, для совершенія молитвъ, слѣдовательно временно, хотя и живутъ тамъ иногда по 5 — 6 мѣс. въ теплое время. Корейцы относятся къ нимъ, хотя и безъ особаго уваженія, но кормятъ и даютъ денегъ. Служать они по фанзамъ и кумирнямъ, читають (по книгѣ или наизустъ) молитвы; читають сидя на полу и, скрестивъ ноги, бьютъ при чтеніи въ бубенъ — тингуй, въ діаметрѣ 1¹/₂ арш., обтянутый съ обѣихъ сторонъ телячьей или собачьей кожей, на проволочныхъ кругахъ. Въ фанзахъ ни идоловъ ни бумажныхъ изображеній Будды почти не встрѣчается. До сихъ поръ не только язычники — буддисты, но и христіане не могутъ обойтись безъ шамановъ, преимущественно заграничныхъ (изъ жителей въ Суйфунскомъ уч. ихъ только 2).

Сами по себѣ корейцы довольно индифферентны въ вопросахъ религіи. Впрочемъ, въ религіи корейцевъ несмотря на значительную, хотя и виѣшнюю примѣсь буддизма, есть нѣчто своеобразное. Такъ напримѣръ, кромѣ разныхъ добрыхъ и злыхъ боговъ, они признають

Ссипсени, высшего единого бога, который все сотворилъ и въ день суда воздастъ каждому по дѣламъ его. Вѣрятъ въ безсмертіе души, въ загробную жизнь, въ рай — сепген, мѣстопробываніе сени-нени, и въ адъ, гдѣ находятся злые духи, съ кусн-ни (дѣволъ) во главѣ, которые мучаютъ грѣшниковъ. Кромѣ того одинъ изъ главныхъ, почтаемыхъ боговъ, принимающихъ души умершихъ, называется окхан-сіянте.

Шаманы. Шаманы призываются въ случаѣ болѣзни, для отвѣщанія умершихъ, при пропажѣ скота, для гаданія и т. п. Образъ дѣйствій шамановъ заключается въ слѣдующемъ: по приходѣ шамана въ фанзу его вводятъ къ больному, затѣмъ въ отдѣльной комнатѣ дѣлаютъ нѣсколько полокъ на стѣнѣ, одну надъ другой, на которыя ставятъ чашки съ чумидзой, въ зернѣ, на чашку кладутъ кусокъ матеріи — дабы-бязи или холста, а сверхъ ея кладутъ кусокъ хлѣба съ фунтъ вѣсомъ. Такихъ чашекъ на всѣ полки ставятъ до 30, а затѣмъ въ этой комнатѣ садится на полъ и читаетъ старинныя книги; въ комнатѣ могутъ находиться только хозяева. Это продолжается до 5 ночей, пока больной не выздоровѣетъ или не умретъ, при чемъ, если больной умретъ даже въ началѣ моленія, то все-таки для очищенія грѣховъ умершаго, шамаль высыпаетъ чумидзу изъ чашекъ себѣ въ мѣшокъ, матерію же возвращаетъ хозяевамъ, въ свою очередь передающимъ сосѣдямъ, у которыхъ ее занимали, такъ какъ такого количества матеріи у одного хозяина не нашлось бы; куски же хлѣба раздѣляются между присутствующими, родными, знакомыми и сосѣдами. На улицѣ, по окончаніи обряда, рѣжется быкъ, чушки (свинья) или собаки и шамаль читаетъ молитвы.

Слѣные считаются лучшими шаманами. Главнымъ ихъ священнымъ дѣйствіемъ является изгнаніе злыхъ духовъ — іогуй, что выполняютъ они всегда по нѣскольку человекъ вмѣстѣ, для того, будто бы, чтобы добиться скорѣе и дѣйствительнѣе нужныхъ результатовъ. Эту церемонію они начинаютъ съ произнесенія заклинаній, громко и медленно, на расгѣвѣ, понемногу возвышая голосъ, и бьютъ все сильнѣе палками въ доски и въ глиняныя и мѣдныя горшки. Черезъ нѣсколько времени они доходятъ до полного неистовства, дикихъ завываній и криковъ. Вся церемонія продолжается около 3-хъ или 4-хъ часовъ, а иногда, въ одну и ту же ночь, продѣлывается и нѣсколько разъ и длится нѣсколько ночей подъ рядъ. Въ концѣ концовъ слѣпцы одолевая черта, загоняютъ его въ какой либо сосудъ и съ торжествомъ уносятъ изъ дома и закапываютъ въ землю. Во время церемоніи іогуя уми-

лостивляютъ кушаньями, которыя и отдаются слѣпцамъ — шаманамъ. Кромѣ того имъ даютъ и денегъ, рублей по 10 на всѣхъ. Церемонія изгнанія іогуя сохранилась теперь лишь между корейцами Посыетскаго участка, въ деревняхъ же остальныхъ участковъ, благодаря близости русскихъ, обычай этотъ уже вышелъ изъ употребленія, хотя слѣпой въ с. Тизинхэ, Канъ-цямбой, пользуется и до сихъ поръ славою искуснѣйшаго гадателя и исцѣлителя; за нимъ посылаютъ изъ деревень, Владивостока и другихъ мѣстъ, и, по словамъ корейцевъ, онъ творить чуть-ли не чудеса; за каждое отдѣльное гаданіе ему платятъ отъ 50 коп. до 1 рубля и такимъ образомъ онъ собираетъ въ одинъ прїѣздъ много денегъ, такъ какъ обыкновенно корейцы, пользуясь его прїѣздомъ, всѣ идутъ къ нему. Женщины, въ противоположность нашимъ дамамъ, обращаются къ нему лишь въ крайнихъ случаяхъ. Настоящимъ шаманомъ всегда дѣлаются люди не моложе 30 лѣтъ, хотя въ ученіе къ шаману поступаютъ мальчики съ 15 лѣтъ и помогаютъ ему при его священнодѣйствіяхъ. Въ Корей бывають и женщины—шаманки; у насъ ихъ нѣтъ. Шаманы все заграничныя и безъ всякихъ видовъ на жительство; домовъ и осѣдлости не имѣютъ, а живутъ переходя изъ одной фанзы въ другую и пользуясь, конечно, бесплатнымъ гостепрїимствомъ.

Шаманъ, какъ посредникъ въ сношеніяхъ съ міромъ духовъ, въ большей или меньшей степени отличается отъ остальныхъ людей по наружному виду: самыми главными принадлежностями шаманскаго званія могутъ считаться бубень съ колотушкой и различныя части шаманской одежды, которой впрочемъ у шамановъ, практикующихъ по нашимъ корейскимъ деревнямъ, нѣтъ, въ Корей же шаманы имѣютъ особенную одежду, родъ взмѣненнаго халата, и непременно голубого цвѣта.

У корейцевъ, какъ у буддистовъ, такъ и у христіанъ, въ случаѣ засухи или слишкомъ большихъ дождей, до сихъ поръ существуетъ слѣдующій обычай: всѣ домохозяева селенія, складываясь между собой, покусають свинью, корову или быка, чистой буды или риса, и всѣ идутъ на самую высокую гору или въ оврагъ, гдѣ никогда не паслись животныя; зарѣзавъ тамъ кушленную скотину, они приготовляютъ свои кушанья и затѣмъ молятъ бога неба — Шениу и само небо Ханы-Ними объ избавленіи ихъ отъ бѣдствія, черезъ посредство шамана, который при этомъ читаетъ особыя молитвы выше сказаннымъ божествамъ. Затѣмъ вѣшаютъ на деревѣ бумагу, на которой написаны два названія божествъ Шениу и Ханы-ними, а подъ деревомъ

или камнемъ ставятъ всѣ приготовленные блюда и сули, сваренную нарочно для этого случая. По прочтеніи молитвъ шаманомъ послѣдній сжигаетъ обѣ бумаги съ названіями божествъ и начинается прѣшество.

При болѣзни кого либо въ семьѣ, кто нибудь изъ родныхъ заѣзжаетъ на гору, куда приглашаетъ гостей и шамана, а также забираетъ приготовленные кушанья, и послѣ молитвъ шамана тѣмъ же богамъ всѣ сѣдаютъ тамъ захваченную пищу и пьютъ сули.

Обычай моленія Шенин и Ханы-Ними долженъ, кромѣ того, практиковаться всѣмъ обществомъ 2 раза ежегодно, первый разъ въ началѣ весны (въ началѣ марта), выбирая для этого праздника по календарю счастливый день, и въ началѣ августа, когда начинается колоситься хлѣбъ. При этомъ прибавляютъ къ двумъ прежнимъ божествамъ третьяго бога — Сан-син-ними, бога земли. Эта церемонія происходитъ такъ же, какъ и выше сказано: просятъ о благополучномъ урожаѣ, сборѣ хлѣба, своемъ здоровьѣ и о скотѣ.

Если человѣкъ утонулъ, сѣденъ тигромъ или пропалъ безъ вѣсти, то для спасенія духа умершаго или пропавшаго шаманы „шаманятъ“ особымъ образомъ. Если кто утонулъ, то близъ рѣки собираются нѣсколько шамановъ, съ бубнами и тарелками, и родные утонувшаго. Шаманы музыкой и плясками вызываютъ духъ погибшаго изъ воды. На берегу опять ставятъ кушанья и сули. Затѣмъ близкаго родственника или друга утонувшаго сажаютъ около кушанья и даютъ ему держать въ обѣихъ рукахъ свѣже срубленную палку, которую сидящій упираетъ въ поставленную чашу съ чумидзой. Шаманы музыкой и четырьмя заклинаніями заставляютъ духа утонувшаго взойти въ сидящаго и дѣйствительно доводятъ послѣдняго до истерического состоянія: палецъ начинаетъ дрожать въ его рукахъ, что означаетъ, что духъ умершаго уже перешелъ въ него. Шаманъ спрашиваетъ, „что съ тобой“, и тотъ отвѣчаетъ, что духъ его родственника или друга въ немъ. Вскорѣ затѣмъ шаманъ заставляетъ его плясать, а черезъ нѣсколько времени закликаетъ пляшущаго выпустить изъ себя умершаго и стать опять самимъ собою. Послѣ этого объектъ шаманства падаетъ безъ чувствъ и приходитъ въ себя лишь черезъ 10 — 15 минутъ; тогда начинается угощеніе. Вся эта процедура длится цѣлую ночь, и шаманы за исполненіе церемоніи получаютъ до 5 рублѣй.

Бубенъ кладутъ на полъ, во время же пляски его надѣваютъ на спину другого корейца, на ремнѣ. Колотушка деревянная, обмотанная на концѣ матеріей. Употребляютъ еще мѣдныя тарелки, которыми

бьетъ его помощникъ. Вообще шаманы являются вдвоемъ и втроемъ, чередуясь между собою въ исполненіи обрядовыхъ дѣйствій.

Обряды.—Свадьба.

Когда дѣти достигаютъ зрѣлаго возраста, родители, никогда не спрашивая ихъ согласія, не заботясь объ ихъ вкусахъ, иногда же даже насильно, стовариваютъ и женятъ ихъ. При этомъ единственную заботу составляетъ только равенство значенія и положенія обѣихъ сторонъ. Сносности будущихъ супруговъ, ихъ характеры, ихъ качества или физическіе недостатки, наконецъ ихъ взаимное отвращеніе, не берутся почти вовсе въ расчетъ. Отецъ жениха, смотря по разстоянію, вступаетъ въ словесные или письменные переговоры съ отцомъ невесты; они обсуждаютъ различныя условія брачнаго контракта, улаживаются обо всемъ, выбираютъ для свадьбы самое благопріятное, по вычисленіямъ астрологовъ, время и рѣшенія ихъ считаются окончательными. Наканунѣ или за два дня до свадьбы невеста приглашаетъ одну изъ своихъ подругъ для поднятія волосъ; женихъ съ своей стороны проситъ кого нибудь изъ родственниковъ или знакомыхъ оказать ему ту же услугу. Исполняющихъ эту церемонію выбираютъ самымъ тщательнымъ образомъ; ихъ называютъ пок-сіу, т. е. счастливая рука. Въ Корей дѣти обоихъ половъ заплетаютъ волосы только въ одну косу, при этомъ они ходятъ всегда съ непокрытой головою; до самаго брака каждый кореецъ считается въ разрядѣ дѣтей и обязанъ носить прическу. Въ назначенный, по согласію сторонъ, день свадьбы отцу невесты пишутъ письмо, въ которомъ благодарятъ его за согласіе—нан-цаи, и письмо это имѣетъ силу контракта; ранѣе сего пишутъ справку, сколько лѣтъ невестѣ, сколько лѣтъ жениху, когда именно они родились. Отецъ невесты читаетъ письмо при всѣхъ и передаетъ дочери, которая и сохраняетъ его. Въ день свадьбы въ домъ невесты готовятъ болѣе или менѣе высокую эстраду и убираютъ ее съ возможной роскошью. Приглашенные родственники и друзья входятъ на нее толпой. Женихъ съ двумя друзьями—усы—по приходѣ въ домъ невесты, хотя-бы и не выдавъ ея ранѣе и никогда съ ней не говоривъ, также торжественно входитъ на эстраду и становится противъ невесты. Они остаются на ней нѣсколько минутъ, молча кланаясь другъ другу, и затѣмъ женихъ беретъ невесту и ведетъ къ себѣ. Въ домъ жениха невесту несутъ на носилкахъ, украшенныхъ матеріями и лентами, въ сопровожденіи 2 шаферовъ и род-

ныхъ. Когда невѣста войдетъ въ домъ жениха, ей подносятъ самый большой столъ съ кушаньями и тремя стаканчиками сули; первый и второй стаканчики невѣста не пьетъ и не беретъ дѣлая поклонъ — жертва небу и землѣ, третій же пригубливаетъ, что означаетъ, что она поступила въ домъ жениха.

Поднесенныхъ яствъ она не ѣстъ, а только дотрагивается палочками—черн—до одного изъ кушаньевъ, послѣ чего столикъ убирается и всѣ кушанья отдаются носильщикамъ, принесшимъ его; затѣмъ идетъ общее угощеніе, танцы, игра странствующихъ музыкантовъ, приходящихъ изъ Корен. По окончаніи пира и уходѣ гостей для молодыхъ готовится отдѣльная комната.

Взаимный поклонъ жениха и невѣсты, на эстрадѣ въ присутствіи свидѣтелей, выражаетъ согласіе жениха и невѣсты и устанавливаетъ законный бракъ. Съ этихъ поръ мужъ, если только онъ не развелся съ женой, съ соблюденіемъ установленныхъ формальностей, можетъ требовать ее къ себѣ всегда и отовсюду. Но если онъ дѣйствительно развелся, то до смерти своей бывшей жены не имѣетъ права вступать въ другой законный бракъ: за то ему не воспрещается имѣть столько наложницъ, сколько онъ можетъ ихъ прокормить. Мужчинѣ достаточно только доказать, что онъ былъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ какой нибудь дѣвушкой или вдовой, и она становится его неотъемлемой собственностью, и никто, не исключая и ея родственниковъ, не имѣетъ права отнять ее у него. Если она убѣжитъ, онъ можетъ вернуть ее силой въ свой домъ.

Супружеская вѣрность обязательна только для женщины. Какъ бы ни была жена оскорблена и унижена, она не имѣетъ права проявлять признаки ревности; даже самая мысль объ этомъ не приходитъ ей въ голову. Приличіе обязываетъ всякаго мужа обращаться съ женой почтительно, но въ то же время малѣйшее обнаруженіе истинной любви къ ней сдѣлало бы корейца смѣшнымъ въ глазахъ друзей и знакомыхъ. Нравственность женщины довольно высока; паденія дѣвушекъ почти не бывають. Падшую дѣвушку никто не возьметъ замужъ и она, какъ выше сказано, становится собственностью и наложницей обольстителя, точно также, какъ и вдова.

Нарушеніе супружеской вѣрности замужней женщиной случается крайне рѣдко, и если бы это и случилось, то мужъ, въ присутствіи отца и матери жены, ругаетъ и стыдитъ ее, а то и выгоняетъ совсѣмъ изъ дому или отрѣзаетъ одну изъ вѣсь, что считается высшимъ позоромъ, послѣ котораго ей нельзя никуда показаться; самъ же мужъ

можетъ измѣнять женѣ только тогда, когда онъ уѣзжаетъ въ другія мѣста, по дѣламъ и т. п., и жена, хотя бы и знала объ этомъ, не должна ревновать и быть на это въ претензіи; если же мужъ позволить себѣ измѣнить ей въ мѣстѣ ея жительства, то тогда она въ правѣ ревновать и преслѣдовать измѣнника.

Похороны и поминки.

Какъ похороны, такъ и поминки у корейцевъ также отличаются своеобразностью. Если у корейца умретъ отецъ, мать или кто нибудь изъ близкихъ родственниковъ, онъ не можетъ оплакивать свою потерю такъ, какъ ему хочется, но обязанъ сообразоваться относительно времени, мѣста, порядка и продолжительности траура съ принятыми для того правилами. Не исполнить какого нибудь важнаго изъ этихъ условій — значить обезчестить себя.

Траурная церемонія начинается положеніемъ тѣла покойнаго слѣдующимъ образомъ: умершаго корейца завертываютъ съ головой въ шелковую матерію, дабу и т. п., смотря по состоянію; затѣмъ его кладутъ въ толстый гробъ, который отъ 5 дней до нѣсколькихъ мѣсяцевъ держится въ особой комнатѣ, надлежащимъ образомъ убранной. Люди небогатые, не имѣющіе возможности имѣть особую комнату для трупа, сохраняютъ его внѣ дома и закрываютъ соломенными циновками, для предохраненія отъ дождей. Въ комнату, гдѣ стоитъ гробъ съ покойнымъ, ежедневно ходятъ знакомые и сосѣди прощаться и плакать у тѣла, родные же молятся не менѣе 4 разъ въ день. Но, чтобы вступить въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ, необходима для родныхъ и родственниковъ особая одежда, состоящая изъ простаго халата чеун-си, изъ сѣраго полотна, рванаго, заплатаннаго и, насколько возможно, грязнаго. Веревки, соломенная или пеньковая, толщиной въ руку, служатъ поясомъ; подобная же веревка, по толщине въ палецъ, завязывается вокругъ головы, прикрытой шапкой изъ сѣраго холста; концы этой веревки спускаются по обѣимъ сторонамъ щекъ. Особые чулки изъ сѣраго холста, соломенные туфли или конопляные башмаки и толстая суковатая палка въ рукахъ дополняютъ этотъ костюмъ.

Въ этомъ странномъ нарядѣ приходятъ въ комнату покойнаго, только что вставъ утромъ и затѣмъ предъ каждой ѣдой. При посѣщеніи комнаты покойника захватываютъ туда небольшой столикъ съ

разными кушаньями, ставят его на особое возвышеніе возлѣ гроба, и лицо, завѣдывающее церемоніей согнувшись и опираясь на палку, начинает издавать надгробные вопли. Если оплакивают отца или мать, то эти вопли состоятъ изъ словъ э-го, непрерывно повторяемыхъ самымъ глухимъ голосомъ въ продолженіе четверти или получаса. Если же умершій какойнибудь другой родственникъ, то употребляютъ возгласы о-и, о-и. И чѣмъ громче и продолжительнѣе этотъ крикъ, тѣмъ больше общественнаго уваженія пріобрѣтаетъ лицо, находящееся въ траурѣ. По окончаніи причитаній удаляются изъ комнаты покойника и уносятъ съ собой кушанья, снимаютъ траурную одежду и принимаются за ѣду. Въ новолуніе всѣ родственники, друзья и знакомые приглашаются участвовать въ этой церемоніи. Покойниковъ хоронятъ, гдѣ хотятъ родственники, преимущественно же въ горахъ, и памятниковъ никакихъ не ставятъ, но ходятъ поминать на могилу въ новый годъ, въ праздникъ поминовенія и осенью 15-го августа—кау или чусеин; на могилу носятъ кушанья и сули, послѣ поминовенія плачутъ и молятся. Когда несутъ гробъ на носилкахъ—хуанту—которыя имѣются въ каждомъ обществѣ, то всѣ присутствующіе плачутъ, а когда тѣло зарываютъ въ землю, то на могилѣ читаютъ (кто найдется грамотный) воззваніе изъ старинной книги чуи—къ духу умершаго, съ приглашеніемъ участвовать въ поминальномъ угощеніи. То же самое читаютъ и при поминовеніи. Завѣдываетъ носилками самый старшій изъ всего селенія цуамай; кромѣ того есть 2 десятника, назначаемые по очереди—хуанту, сойми, которые оповѣщаютъ мужское населеніе деревни о предстоящихъ похоронахъ, и всѣ мужчины, подѣ страхомъ штрафа, провожаютъ и несутъ покойника.

Послѣ смерти корейца родственники нишутъ на листкѣ бумаги, чѣмъ былъ для нихъ умершій: отецъ, мать, братъ, сестра и т. п. Листки эти, если умеръ мужчина, сохраняютъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, а если женщина, то 2 года. Ихъ вставляютъ въ деревянную рамку, завѣшиваемую корейскимъ холстомъ, и прикрѣпляютъ къ чему то въ родѣ табуретки на 4-хъ ножкахъ, вышиною въ 1½ арш.; все это называется куени. Ежедневно въ продолженіе указанного времени, утромъ и вечеромъ поднимаютъ холстяную занавѣску, обнаруживая надпись минутъ на пять и уставляя, стоящій всегда подѣ рамкою, столикъ съ разными кушаньями и сули, и если покойникъ куриль, то кладутъ зажженную трубку. Затѣмъ столикъ убираютъ и родственники съѣдаютъ приготовленные кушанья. Ежегодно, въ день смерти

покойнаго, родственниками устраиваются поминки, на которыхъ бываетъ вся деревня (если кто не пришелъ изъ односельчанъ, это считается за оскорбленіе). Поминки у богатыхъ обходятся иногда до 500 руб. Если покойникъ любилъ играть въ карты, то тамъ, гдѣ стоитъ куени, все время играютъ въ карты, хотя бы и безъ денегъ, вся куени и даже столикъ, стоявшій передъ куени, сжигается во время послѣднихъ поминокъ, въ присутствіи всѣхъ явившихся на поминальное торжество; такое куени, въ память отца, мы видѣли въ с. Казакевичево въ семьѣ корейца Цай-кун-тени.

Праздники.

Главный праздникъ Новый годъ (сори) 14-го января празднуютъ какъ христіане корейцы, такъ и буддисты; тануи—5-го мая, — нѣчто въ родѣ Пасхи. Бываютъ также поминки на могилахъ родителей; устраиваются качали, танцы, пѣсни. 3-го и 15-го августа — куи или чусени, поминовеніе родителей; 9-го сентября купри, 1-го октября — Шян-сами, праздникъ въ честь пророка Шянсами, котораго корейцы считаютъ основателемъ хлѣбпашества; празднество состоитъ въ томъ, что запариваютъ хлѣбъ, смотря по числу народа, иногда до 5 пуд. въ котлѣ; отрѣзаютъ 3 куска, вѣсомъ, примѣрно по фунту, кладутъ ихъ на молитвенный столикъ и выносятъ на токъ, гдѣ молятся передъ столикомъ о ниспосланіи на будущій годъ хорошаго урожая. Все это продѣлываютъ и христіане.

Новый годъ считается однимъ изъ главныхъ праздниковъ, почему всѣ корейцы заканчиваютъ работу еще за три дня до Новаго года. Очень немногіе проводятъ это время виѣ своихъ домовъ, и если какой нибудь путешественникъ запоздаетъ и будетъ вынужденъ провести день Новаго года на постояломъ дворѣ, то хозяинъ двора всегда угоститъ его даромъ. Въ Новый годъ молодые должны поздравлять стариковъ, родныхъ, сосѣдей и вообще старшихъ во всей деревнѣ, при чемъ визитеровъ угощаютъ въ каждомъ домѣ. Обыкновенно, по правиламъ приличія, поздравленія приносятся дважды: въ первый разъ наканунѣ Новаго года и второй разъ въ самый Новый годъ. Послѣднему поздравленію придается особенная важность, и никто отъ него не освобождается. Не исполнить этого значило бы неизбѣжно вызвать разрывъ или замѣтное охлажденіе во взаимныхъ отношеніяхъ.

Богатыя семейства празднуютъ также день рожденія каждаго изъ своихъ членовъ особыми празднествами, бѣдныя же довольствуются

днемъ рожденія старшаго хозяина въ семьѣ, и въ этотъ день приглашаютъ сосѣдей на угощеніе. Между всѣми днями рожденія самымъ важнымъ считается шестьдесятъ первый.

Корейцы приняли китайскій періодъ времени въ шестьдесятъ лѣтъ (хуан-габи)—соотвѣтствуетъ нашему вѣку; изъ этихъ 60-ти лѣтъ каждый годъ имѣетъ свое особое названіе, какъ у насъ дни недѣли или мѣсяцы въ году. По истеченіи полныхъ 60-ти лѣтъ, снова начинается годъ съ тѣми же названіями и въ томъ же порядкѣ, такъ что названіе года дѣйствительнаго рожденія всякаго лица повторяется снова на 61-мъ году его жизни. Этотъ-то день рожденія, называемый хуан-габи, и признается у корейцевъ самымъ торжественнымъ моментомъ жизни. Бѣдные и богатые, всѣ стараются какъ можно лучше отпраздновать этотъ день, которымъ оканчивается зрѣлый возрастъ и начинается старость.

Съ наступленіемъ торжественнаго дня, новорожденнаго сажаютъ на почетное мѣсто. Онъ садится и принимаетъ поздравленія отъ всѣхъ членовъ семейства, затѣмъ передъ нимъ ставятъ столъ, заставленный самыми лучшими кушаньями. Послѣ этого приходятъ друзья, сосѣди и т. п., всѣ съ самыми изысканными поздравленіями и лучшими пожеланіями, и ихъ радушно принимаютъ и угощаютъ. Если средства позволяютъ, то ко всѣмъ сосѣдямъ рассылаются столики съ кушаньями.

Заключеніе.

Приступая затѣмъ къ вопросу о томъ, насколько корейцы представляютъ въ здѣшнемъ краѣ пригодный для насъ колонизаціонный элементъ, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе, позволимъ себѣ привести взглядъ нѣкоторыхъ авторовъ, изучавшихъ ранѣе мѣстныя условія корейской колонизаціи.

1) Н. М. Пржевальскій: Услужливость, вѣжливость и трудолюбіе составляютъ отличительную черту характера корейцевъ, которые въ этомъ случаѣ стоятъ безконечно выше своихъ сосѣдей, китайцевъ-маньчжуръ, грубыхъ и жадныхъ на деньги. Въ домашнемъ быту корейцы отличаются трудолюбіемъ и, особенно, чистоплотностью, совершенно противоположно маньчжуръ, до нельзя грязнымъ. Самое ихъ одѣяніе, бѣлаго цвѣта, указываетъ на любовь къ чистотѣ. Являясь къ начальству или на судъ, кореецъ всегда надѣвается все чистое.

2) Академикъ Коржинскій: Характеръ сельскаго хозяйства корейцевъ не представляетъ какихъ либо отличій отъ хозяйства казаковъ

или русскихъ крестьянъ, но имѣеть основу, глубоко гнѣздящуюся въ характерѣ корейцевъ и придающую своеобразный колоритъ всему строю ихъ жизни. Въ то время какъ во всѣхъ чертахъ хозяйства и быта казаковъ выражается, прежде всего, стремленіе къ широтѣ и простору и пренебреженіе ко всему мелкому, вообще же стремленіе къ экстенсивности, у корейцевъ мы видимъ совершенно инныя тенденціи, именно стремленіе къ интенсивности, любовь къ кропотливому труду, порядку и аккуратности. Эти тенденціи присущи ихъ натурѣ, ихъ духу и опредѣляютъ всѣ ихъ поступки, весь характеръ ихъ дѣятельности. Въ силу ихъ кореецъ и не заботится о постоянномъ расширеніи своихъ запашекъ, но старается возможно лучше обработать свои небольшіе участки, вознаграждающіе его труды. И въ устройствѣ его жилищъ, и во всемъ быту тѣ же черты его скрупулезной, кропотливой природы всюду кладутъ печать какого-то благоустройства, порядка, опрятности и извѣстнаго комфорта. Во всемъ видны культурныя привычки, выработанныя вѣками и органически сросшіяся съ его природою.

3) Гребниціи: Всѣ писавшіе о корейцахъ прежде всего выставляютъ ихъ нравственныя качества, семейную, строго нравственную жизнь, склонность къ христіанству и т. п. На этихъ ихъ качествахъ основываютъ выводъ, что кореецъ самый лучший элементъ для колонизаціи края. Для развитія края, однако, болѣе важно энергическое промышленное населеніе, способное разрабатывать всѣ естественныя богатства края. Корейцы же по свойству своего характера, выработаннаго вѣками, не могутъ быть таковыми, а измѣнить характеръ народа, перевоспитать его едва ли выполнимое дѣло.

4) Грумъ-Гржимайло: На корейцевъ и не слѣдуетъ смотрѣть ни какъ на піонеровъ края, ни какъ на мощную рабочую силу, руками которой можно эксплуатировать его естественныя богатства. Край всецѣло долженъ быть предоставленъ русской колонизаціи, и наша сила въ немъ заключается именно въ томъ, что въ недавно пріобрѣтенной Россіей Амурской области три четверти ея населенія принадлежатъ уже къ русской народности, для усиленія и экономическаго развитія которой есть еще достаточно простора. Но если корейскому поселку въ 1000 жителей, получившему въ надѣлъ только 1300 дес. земли и не стремящемуся ни къ захватамъ, ни къ территоріальнымъ расширеніямъ, и не суждено играть значительной роли въ общей производительности края, то нѣтъ сомнѣнія, что присутствіе одного такого поселка на Амурѣ можетъ быть только полезно для края съ одной

стороны потому, что обратившіеся въ православіе кроткіе и мирныя корейцы черезъ нѣсколько поколѣній будутъ вполне ассимилированы русскимъ населеніемъ, а съ другой потому, что они надолго сохранятъ весь свой хозяйственный бытъ, который служитъ поучительнымъ образцомъ того, какъ даже физически малосильная народность можетъ имѣть, благодаря своей интенсивной сосредоточенности, вполне обеспеченное существованіе на сравнительно ничтожномъ падѣлѣ и это въ странѣ, гдѣ есть много простора для экстенсивнаго хозяйства. Вѣроятно также, что и приемы земледѣльческаго хозяйства, выработанные издавна культурнымъ народомъ, хотя бы и дальняго Востока, въ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ болѣе близкихъ къ Амурской области, чѣмъ тѣ, къ которымъ привыкли амурскіе переселенцы въ своей далекой родинѣ, не останутся безъ вліянія сначала на ближайшихъ сосѣдей (села Благословеннаго), а затѣмъ и на всѣхъ русскихъ поселенцевъ Амурской области.

На III-мъ Хабаровскомъ съѣздѣ, на основаніи отчета подполковника Надарова, было высказано, что если поселившіеся въ Южно-Уссурійскомъ краѣ корейцы и приносили ему въ началѣ пользу, какъ производители хлѣба, то теперь съ увеличеніемъ здѣсь русскаго элемента, надобность въ нихъ уменьшается изъ года въ годъ; къ тому же и способъ обработки ими почвы совершенно хищническій. Въ виду того, что въ Сѣверно-Уссурійскомъ краѣ по р. р. Хору, Кіѣ и Чиркѣ имѣются земли хорошія, но сплошь покрытыя лѣсомъ, слѣдовало бы по этимъ рѣкамъ поселить нѣсколько корейскихъ деревень, которыя могли бы обрабатывать земли своими руками, безъ помощи скота. Поселенія въ той мѣстности русскихъ еще не скоро будутъ возможными, такъ какъ держать тамъ скотъ весьма затруднительно по случаю большого количества гнуса.

Помимо изложенныхъ взглядовъ нами, съ своей стороны, изъ личнаго знакомства съ корейскими переселенцами вынесено мнѣніе приближающееся болѣе къ заключеніямъ Пржевальскаго, Коржинскаго и Грумъ-Гржимайло, чѣмъ Гребницкаго и Надарова. Если, однако академикъ Коржинскій былъ правъ, говоря, что кореецъ неспособенъ вести болѣе широкое хозяйство, то въ настоящее время приемы и взгляды корейцевъ на хозяйство измѣнились.

Въ Посыетскомъ участкѣ корейцы, дѣйствительно, продолжаютъ сѣять чумизу, бобы, гаолянъ и прочее, но причина этого лишь въ томъ, что почва долины Посыетскаго участка непригодна вовсе для посѣва пшеницы и ржи. Посѣвы же овса, въ виду большого на него спроса

для войскъ и во Владивостоки, увеличиваются съ каждымъ годомъ. Корейцы Суйфунскаго, Верхне-Уссурійскаго и Сучанскаго участковъ, напротивъ, очень расширили посѣвы пшеницы и ржи, и попадаютъ хозяева, которые засѣваютъ этими злаками по 10, 16 и до 30 десятинъ.

Корейцы не заводятъ обширнаго скотоводства, такъ какъ вся земля, которую они имѣютъ, распахивается ими подъ посѣвы хлѣбовъ, что для нихъ гораздо выгоднѣе, въ виду хорошаго сбыта зерна, а также изъ опасенія свирѣпствующихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ эпизоотій.

Съ мнѣніемъ Гребницкаго, что корейцы—элементъ мало пригодный для колонизаціи края, для котораго важно энергическое промышленное населеніе, нельзя вполне согласиться, такъ какъ для колонизаціи, на первыхъ порахъ, несомнѣнно болѣе важно сельское хозяйство, т. е. хлѣбъ и скотоводство, чѣмъ фабрично-заводское производство.

Заключеніе III Хабаровскаго съѣзда, что поселившіеся въ Южно-Уссурійскомъ краѣ корейцы, хотя и приносили ему въ началѣ пользу, какъ производители хлѣба, но теперь, съ увеличеніемъ здѣсь русскаго элемента, надобность въ нихъ уменьшается изъ года въ годъ, и что, къ тому же, способъ обработки ими почвы хищнической, такъ какъ они, якобы, выпаживаютъ почву до того, что на ней перестаетъ родиться даже трава, — совершенно несправедливо, такъ какъ, по всеобщимъ мѣстнымъ отзывамъ, корейскій способъ обработки земли менѣе всего истощаетъ почву, и во многихъ деревняхъ корейцы, пришедшіе еще въ 1866 году, продолжаютъ пахать участки, занятые ими еще съ того времени.

Съ тѣмъ положеніемъ, что они становятся не пужны, тоже нельзя согласиться.

Такъ, напримѣръ, въ урожайномъ 1891 году изъ 585 т. пудовъ зерна, принятаго комиссіонеромъ интендантства въ селѣ Никольскомъ, 300 т. пудовъ поставлены въ казну четырьмя корейскими селеніями Суйфунскаго участка. Общее количество поставленнаго корейцами хлѣба еще болѣе увеличится, если принять въ соображеніе, что значительная доля хлѣба, поставленнаго русскимъ населеніемъ, воздѣлана тѣми же корейцами, работающими у русскихъ на половинныхъ основаніяхъ. Грумъ-Гржимайло, говоря о корейцахъ, имѣлъ въ виду лишь корейцевъ села Благословеннаго, на Амурѣ, но общая мысль его о значеніи корейцевъ, какъ учителей пріемовъ новаго для русскаго чело-

вѣка замлѣдѣльческаго хозяйства, выработанныхъ издавна культурнымъ народомъ, безусловно справедлива.

Относительно способности корейцевъ ассимилироваться съ русскимъ населеніемъ нами, изъ личныхъ нашихъ наблюденій, вынесено впечатлѣніе, что корейцы, мягкіе характеромъ и индифферентные къ вопросамъ религій, легко подчинялся всякому требованію съ нашей стороны, лишь бы мы оставили ихъ въ нашихъ предѣлахъ на насиженныхъ ими мѣстахъ. Вначалѣ на корейцевъ было обращено правительствомъ большое вниманіе, но затѣмъ интересъ къ нимъ ослабился, и въ послѣднее время для ихъ обрусѣнія и сближенія съ кореннымъ русскимъ населеніемъ дѣлалось очень мало.

Для болѣе успѣшной ассимиляціи и обрусѣнія было бы желательно принять ихъ формально въ русское подданство, обратить болѣе серьезное вниманіе на школы и миссіи и ввести воинскую повинность. Послѣдняя ихъ нисколько не пугаетъ, и многіе выражали при насъ полное желаніе служить въ русскихъ рядахъ; вмѣстѣ съ этимъ полезно было бы уничтожить наружные знаки ихъ прежней подвѣльности сосѣднему государству, обязавъ корейцевъ, принявшихъ русское подданство, измѣнить головную прическу и, по возможности, склонять ихъ къ ношенію русской одежды. Совершенно необходимо нарѣзать имъ землю въ надѣлы, съ воспрещеніемъ ея продажи; предоста-вить корейцамъ, принявшимъ русское подданство, право пользоваться всѣми правами и нести повинности общія съ русскимъ населеніемъ; переходъ корейцевъ изъ одного сельскаго общества въ другое допускать по общимъ правиламъ, установленнымъ на сей предметъ для русскихъ крестьянъ. Вообще, примѣнить къ корейцамъ временныя правила по устройству сельскихъ обществъ и ихъ управленій въ Амурскомъ краѣ.

Что касается до разницы между корейцами 1-й и 2-й категорій, на которую имѣются нерѣдко указанія мѣстной администраціи, то, по нашему мнѣнію, разница эта весьма не существенна.

Если корейцы 2-й категоріи, какъ приходшіе позже, и уступаютъ нѣсколько въ количествѣ скота и распаханной земли корейцамъ 1-й категоріи, то это объясняется не столько даже позднѣйшимъ ихъ прибытіемъ, сколько тѣмъ, что, начиная съ 1893 г., ихъ постоянно тревожатъ требованіемъ выселиться и многіе изъ нихъ, благодаря этому, уже бросили свои пашни, распродавъ скотъ и хозяйственный инвентарь.

Въ способѣ же обработки земли, въ желаніи трудиться и въ пол-

ной готовности исполнять возложенныя на нихъ повинности, какъ денежные, такъ и натуральныя, — корейцы 2-й категоріи ничѣмъ не отличаются отъ 1-й категоріи. Положенная на нихъ подать (10 руб. въ Посыетскомъ и 15 рубл. въ другихъ участкахъ) уплачена ими до копѣйки. Натуральныя повинности, какъ тѣ, такъ и другіе несутъ вполне аккуратно.

Комиссія 1892 г., занимавшаяся вопросомъ о принадлежности корейцевъ къ той или другой категоріи, дѣйствовала, насколько это замѣтно, нѣсколько поспѣшно и, не зная корейскаго языка, придавала слишкомъ много вѣры объясненіямъ переводчиковъ и волостного и сельскаго начальства, которое часто, въ ущербъ справедливости, зачисляло своихъ родственниковъ и друзей, прибывшихъ поздиѣе 1884 г., въ 1-ю категорію, а старожиловъ, не имѣвшихъ такой протекціи, во 2-ю.

Намъ самимъ приходилось нѣсколько разъ обращаться къ корейцамъ 1-й категоріи съ вопросомъ по корейски: сколько лѣтъ онъ въ русскихъ предѣлахъ, и получался отвѣтъ — 6, 7 и 8 лѣтъ, вмѣсто законныхъ десяти. Есть даже такой случай, гдѣ одинъ кореецъ, который служилъ и продолжаетъ теперь служить при Пуцаѣ въ должности чанпукуанъ (нѣчто въ родѣ нашего чиновника особыхъ порученій), имѣетъ свидѣтельство 1-й категоріи. Съ другой стороны попали во 2-ю категорію корейцы, переселившіеся въ Россію значительно раньше 1894 г.

Практикуются также и такого рода пріемы, что возвращающіеся на родину корейцы изъ поздиѣйшихъ переселенцевъ, по получившихъ свидѣтельства 1-й категоріи, продаютъ эти свидѣтельства старожиламъ, не попавшимъ во 2-ю категорію. Это, главнымъ образомъ, было въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельные хозяева, попавъ во 2-ю категорію и не желая оставлять свою обработанную землю, должны были прибѣгнуть къ такому нелегальному способу, чтобы остаться въ предѣлахъ Россіи, гдѣ такимъ образомъ они и живутъ теперь подъ чужимъ именемъ. За эти свидѣтельства они платили по 50—70 рублей. Такихъ случаевъ въ одномъ Суйфунскомъ участкѣ, какъ приходилось слышать, довольно много, лично же намъ извѣстно четыре такихъ примѣра.

Что же касается до отношеній корейцевъ 2-й категоріи къ начальству, то они также охотно и безпрекословно исполняютъ всѣ его приказанія, безропотно платятъ довольно значительные земскіе сборы и выражаютъ искреннѣйшее желаніе сдѣлаться русскими подданными,

со всѣми обязанностями, соединенными съ подданствомъ, при чемъ по своей политической неразвитости соединяють принятіе св. крещенія съ переходомъ въ русское подданство. Хлопоты и усилія по оставленію ихъ въ Россіи стоятъ имъ теперь уже довольно значительныхъ денегъ; такъ, въ одномъ Суйфунскомъ участкѣ до 200 корейскихъ дворовъ заплатили адвокату въ видѣ задатка по 12 рубл. 50 к. съ двора, которые и собирались волостнымъ старшиною Василиемъ Пахъ. По условію же его съ ними они должны будутъ доплатить ему, въ случаѣ оставленія ихъ въ Россіи, еще по 37 рубл. 50 коп. съ двора; и такихъ дворовъ теперь остается 112.

Вообще нельзя не высказать, что выселеніе нѣсколькихъ сотъ корейскихъ семействъ изъ предѣловъ Россіи едва ли вызывается настоятельною необходимостью.

Корейцы, оставивъ свои мѣста у насъ, въ Корею несомнѣнно не возвратятся, а разбредутся по нашимъ же селамъ, въ качествѣ батраковъ, половинщиковъ или просто безбилетныхъ и бездомныхъ скитальцевъ — поденщиковъ. Край въ такомъ случаѣ лишится нѣсколькихъ сотъ трудолюбивыхъ осѣдлыхъ семействъ, платящихъ аккуратно подати, приносящихъ несомнѣнно значительную пользу краю, и получить взамигъ ихъ нѣсколько сотъ бродячаго элемента.

Затѣмъ, часть изгнанныхъ корейцевъ весьма вѣроятно переселится въ сосѣдную съ нами Манчжурію и осѣдетъ тамъ на самой нашей границѣ, какъ это сдѣлали уже нѣсколько семей изъ Корсаковской волости, Суйфунскаго участка, переселившихся за Полтавку, въ Санчагау. Россія въ лицѣ этихъ изгнанниковъ, конечно, не приобрететъ для себя дружелюбныхъ сосѣдей; наконецъ, помимо всего изложеннаго, необходимо замѣтить, что мѣста въ Посыетскомъ участкѣ, съ которыхъ рѣшено уже удалить корейцевъ 2-й категоріи, въ сущности, совсѣмъ не пригодны для русскихъ колонистовъ, такъ какъ песчано-каменистая почва этихъ мѣстъ не годится для культуры такихъ хлѣбовъ, какъ пшеница и рожь, и всѣ опыты посѣва этихъ хлѣбовъ, сдѣланные здѣсь, дали отрицательные результаты. Жители русскихъ селеній Монтугай, Занадворовка и Шкотово на р. Амба-бирь, несмотря на то, что эти селенія существуютъ болѣе 15 лѣтъ, не сѣютъ ничего, кромѣ овощей и картофеля и немного овса, а занимаются, главнымъ образомъ, охотою и рубкой лѣса.

Итакъ необходимо признать, что миссія, поставленная на надлежащую высоту, русская школа, какъ учрежденіе, вносящее русскій духъ въ среду корейцевъ и устраняющее исподволь разницу между

корейцами и кореннымъ русскимъ населеніемъ, которая поведетъ своихъ питомцевъ съ самаго ранняго ихъ возраста въ истинно русскомъ направленіи и, наконецъ, воинская повинность, во время отбыванія которой молодые корейцы проникнутся зачатками патріотизма, чувствомъ вѣрной преданности нашему Государю, вотъ тѣ три элемента, которые сдѣлаютъ изъ корейцевъ столь же вѣрныхъ слугъ Царя, какъ и десятки другихъ народностей, разбросанныхъ по всѣмъ окраинамъ нашего обширнаго отечества. Изгнаніе же значительной части этихъ пришельцевъ, искавшихъ на русской землѣ той правды и милости, которой они не находили у себя дома, подорвало бы на много лѣтъ впередъ искреннее довѣріе, которое создалось къ намъ въ сосѣдной странѣ, и несомнѣнно затруднило бы обрусѣніе и тѣхъ корейцевъ 1-й категоріи, которые будутъ оставлены въ нашихъ предѣлахъ на занятыхъ ими мѣстахъ.

И. Масѣкинъ.

ИКОНА БОГОМАТЕРИ „НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА“.

Икона Богоматери „Неопалимая Купина“ принадлежит къ наиболѣе полнымъ, въ смыслѣ религіознаго содержанія, и сложнымъ символическимъ изображеніямъ. Купина Моисея одинъ изъ древнѣйшихъ символовъ, рано присвоенныхъ христіанскою церковью Богоматери, связанный затѣмъ съ другими представленіями о святости и величіи Богородицы и выработавшійся такимъ образомъ въ цѣлую поэму, какою является теперь икона „Неопалимой Купины“.

Съ первыхъ вѣковъ своего существованія христіанская церковь, какъ свидѣтельствуемъ намъ ея исторія, принуждена была выступить на защиту одного изъ своихъ основныхъ догматовъ — о святости и приснодѣствѣ Богородицы, и въ теченіе трехъ вѣковъ, начиная съ появленія гностиковъ во второмъ вѣкѣ вплоть до Ефесскаго собора (431 г.), идутъ почти непрерывныя препія о существѣ Пресвятой Дѣвы. Такимъ образомъ, отцы церкви должны были заняться изученіемъ всѣхъ свидѣтельствъ св. Писанія о Пресв. Дѣвѣ, благодаря чему рано выработался полный кодексъ ученія о Ней и Ея культъ. При рѣшеніи первыхъ, затронутыхъ полемикой, вопросовъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи о Богородичныхъ символахъ: христіанскіе апологеты прежде всего должны были привлечь для доказательства факты и точныя положенія, представляемые Библией, подтверждая свои выводы пророчествами; все ихъ вниманіе сосредоточивалось на уясненіи и установленіи правильнаго пониманія библейскихъ свидѣтельствъ; а болѣе отвлеченные представленія и прообразы пока не имѣли мѣста. Но, по мѣрѣ утвержденія догмата о дѣствѣ Богородицы, расширялся кругъ идей; богословскіе трактаты свв. отцевъ измѣняютъ отчасти свой характеръ простого толкованія словъ Священнаго Писанія; они при-

бѣгаютъ къ сравненіямъ и захватываютъ собою, какъ болѣе реальныя представленія, библейскіе прообразы. Въ этотъ періодъ мы впервые встрѣчаемъ всѣ символы Богородицы, получившіе впоследствии такое широкое распространеніе ¹⁾.

Уже св. Ефремъ Сиринъ († 373 г.) въ своемъ словѣ на Рождество Христово прославляетъ Пресв. Дѣву, сравнивая Ее съ купиною Моисеевой: „Какъ нѣкогда терновый кустъ на горѣ Хоривѣ вмѣщалъ въ пламени самого Бога, такъ Марія вмѣщала Христа въ своемъ дѣвственномъ чревѣ“ ²⁾.

Далѣе онъ проводитъ параллель между ветхозавѣтнымъ Моисеемъ и новозавѣтными волхвами: „Моисей прообразовалъ тайну (рожденіе Христа), такъ какъ онъ видѣлъ пламя въ терновомъ кустѣ; мудрецы (волхвы) исполнили таинственное прообразованіе, такъ какъ они видѣли Свѣтъ въ пеленахъ“ ³⁾.

Подобное сравненіе видѣнія Моисея съ Пресв. Дѣвой дѣлаютъ св. Амвросій († 397) и Прокль († 446), называющій Богоматерь „одушевленнымъ кустомъ“ ⁴⁾, а также Феодоритъ Анкирскій († 457), который говоритъ, что ветхозавѣтное чудо купины было прообразомъ новозавѣтнаго чудеснаго Рождества, а терновый кустъ—прообразомъ Дѣвы Маріи ⁵⁾.

Гимнографы также въ своихъ пѣснопѣніяхъ называютъ Ее всѣми присвоенными Ей символами. Балеусъ, епископъ (гимнъ, составленный незадолго до Ефесскаго собора), такъ воспѣваетъ Пресв. Дѣву: „Моисей предъизобразилъ тебя въ кустѣ терновника и въ облакѣ, Іаковъ въ лѣствицѣ, Давидъ въ ковчегѣ завѣта, Іезекіиль въ затворенныхъ вратахъ“ ⁶⁾. На тѣ же ветхозавѣтные прообразы указываетъ и Рабула, епископъ Едесскій († 435): „На горѣ Хоривѣ видѣлъ Тебя прор. Моисей, о св. Дѣва, когда огонь пребывалъ въ терновомъ кустѣ и пылалъ, и тотъ не сгоралъ“ ⁷⁾ и т. д. А наиболѣе полный перечень всѣхъ символовъ Богородицы мы находимъ у Андрея Критскаго въ его Гомиліи (покои брачныя, домъ Божій, алтарь, святая святыхъ,

¹⁾ См. краткое содержаніе полемическихъ трактатовъ отцевъ церкви: *Lehner, Die Marienverehrung, Jungfrau und Immerwährende Jungfrau.*

²⁾ То же, стр. 206.

³⁾ То же, стр. 207.

⁴⁾ То же, стр. 135 и 215.

⁵⁾ То же, стр. 210.

⁶⁾ То же, стр. 278.

⁷⁾ То же, стр. 279.

золотой сосудъ, скрижали, жезлъ, діадема, алавастръ, свѣтильникъ, скала, рай, огородъ, источникъ, капля, руно и пр.) и между ними опять купина и дикій кустъ, имѣющій такое значеніе: какъ въ Ветхомъ Заветѣ для совершенія чуда Богъ избралъ дикій кустъ, такъ и св. Дѣва была изъ простаго званія ¹⁾).

Приведенныя мною имена церковныхъ писателей, уподоблявшихъ Дѣву Марію купинѣ, не болѣе какъ единичныя примѣры; на самомъ дѣлѣ число такихъ писателей очень велико, но намъ нѣтъ необходимости въ полномъ перечлѣ ихъ. Слѣдовательно, въ пятомъ вѣкѣ, когда вполнѣ развился культъ Богоматери, получили распространеніе и символическіе прообразы Ея и вошли въ церковныя гимны или, все равно, въ церковныя пѣнопѣнія, такъ какъ извѣстно, что послѣднія произошли изъ тѣхъ же гимновъ. Отсюда они перешли и въ богослуженіе русской церкви, и теперь постоянно упоминаются въ акариостахъ Богородицѣ.

Но не такъ скоро эти прообразы нашли примѣненіе и въ области иконографіи. Зарожденіе этихъ символическихъ формъ мы, конечно, должны искать въ Византіи, создавшей чисто христіанскія композиціи въ искусствѣ, одухотворенныя религіознымъ смысломъ; въ ней же, послѣ упорной борьбы за почитаніе Богородицы, прославленіе Ея и догматы о Ней были закрѣплены въ иконографическихъ типахъ. Но напрасно стали бы мы искать какихъ либо символическихъ изображеній Богоматери ранѣе XI—XII вѣка ²⁾).

Искусство на первыхъ порахъ было занято разработкой евангельскихъ темъ и событій Ветхаго Завета; и встрѣчающіеся въ миниатюрахъ символы прообразуютъ или тайны Новаго Завета, какъ въ рукописи Космы, или имѣютъ назидательный характеръ, какъ въ лицевыхъ Псалтыряхъ, хотя и появившихся съ VIII—IX-го вѣка. Иконографія же Богоматери ограничивается пока евангельскими сценами, изображающими Богоматерь, поскольку Она принимала участіе въ данномъ событіи, и нѣсколькими иконами. Эпоха иконоборства также не могла способствовать развитію типовъ Богородичныхъ иконъ. Слѣдовательно, въ первый періодъ византійскаго искусства (съ VI-го по IX-й вѣкъ) и въ первой половинѣ второго (конецъ IX-го и начало X-го вѣка) купина Моисея въ живописи имѣла или только ис-

¹⁾ Кондаковъ, Исторія визант. искусства, стр. 228.

²⁾ См. между пр. Didron, Annales, т. I, p. 366. Lehner, Die Marienverehrung, S. 339.

торическое, или символическое значеніе, но исключительно по отношенію къ тайнамъ Новаго Завѣта.

Съ такимъ значеніемъ видимъ купину уже въ первые вѣка христіанства: на стѣнахъ катакомбъ и на саркофагахъ. Сцена обыкновенно изображена однимъ лицомъ — Моисеемъ. Онъ юноша, одѣтый въ тунику съ двумя клавами; одну ногу (лѣвую) поставилъ на камень и развязываетъ ремни сандалій; повернувъ голову, смотритъ онъ нѣсколько испуганнымъ, удивленнымъ взоромъ туда, откуда слышится ему голосъ Бога; таково напр. изображеніе въ катакомбахъ св. Каллиста ¹⁾. На присутствіе Бога указываетъ, согласно древне-христіанскому обычаю, одна десница, къ которой Моисей и обращается. Скульптура, допускавшая на саркофагахъ изображеніе Бога въ матеріальномъ человѣческомъ видѣ, и въ сценѣ купины помѣщаетъ Бога Отца въ образѣ мужа зрѣлаго возраста, который, стоя, жестомъ протянутой руки повелѣваетъ Моисею снять обувь ²⁾. Фигура Моисея, снимающаго обувь, на христіанскихъ гробницахъ имѣла особое символично-дидактическое значеніе. По объясненію Августина и Григорія Назіанзина, Моисей символизируетъ крещеніе и снятіе обуви — отрѣшеніе отъ грѣховъ, безъ чего христіанинъ не удостоится предстать передъ Богомъ.

Съ тѣмъ же древне-христіанскимъ типомъ встрѣчаемъ мы купину въ VI-мъ вѣкѣ такъ сказать вполне признаннымъ иконографіей сюжетомъ, т. е. встрѣчаемъ ее въ живописи монументальной. Таковы мозаики церкви св. Виталія въ Равеннѣ и монастыря св. Екатерины на Синаѣ. Въ первомъ случаѣ изображеніе сохранило вполне античную манеру: Моисей-юноша, легкимъ, граціознымъ движеніемъ сбрасывающій сандаліи. Вверху, въ облакахъ десница ³⁾.

Во второмъ—Моисей передъ купиной въ видѣ пышнаго куста. Несмотря на нѣкоторые дефекты въ послѣднемъ изображеніи и на позднѣйшія искаженія, можно предполагать, что первоначальная древняя схема сцены купины была почти тождественна съ таковой же въ Равеннѣ ⁴⁾. Та и другая сцены вполне просты, безъ какихъ либо добавочныхъ лицъ и аксессуаровъ; все основывается на одномъ биб-

¹⁾ *Martigny, Moïse*, p. 473. См. ст. Виноградскаго въ Сборн. Общ. Древне-русск. иск., 1873 г., стр. 140, 148.

²⁾ *Martigny, Moïse*, и Виноградскаго въ Сборн. Общ. Древне-русск. иск., стр. 139.

³⁾ См. гравюру у D' Agincourt, pitt. tav. XVI.

⁴⁾ *Кондаковъ, Путешествіе на Синай*, стр. 77—78. *Усовъ, Сочиненія*, т. II.

лейскомъ текстѣ. При этомъ первая сцена — церкви св. Виталія — имѣетъ символическій смыслъ: Моисей — образъ учениковъ Христа, омовніемъ ногъ приготовляющихся къ Тайной Вечери ¹⁾, но символика выражается простымъ сопоставленіемъ съ изображеніемъ таинства Евхаристіи, представляемой Мельхиседекомъ и Авелемъ и трапезой св. Троицы у Авраама.

Въ миниатюрахъ, какъ извѣстно, художнику представлялось болѣе возможности изобразить событіе во всѣхъ подробностяхъ и истолковать его съ богословской точки зрѣнія, почему въ древнихъ рукописяхъ сцена купины носитъ иной характеръ, и тогда какъ на стѣнахъ храмовъ она вполне еще сохраняетъ античную схему, въ современныхъ имъ рукописяхъ она является подъ символическими формами. Въ рукописи Космы (Ватик. библ., VI—VIII в.) купина изображена на двухъ миниатюрахъ, служащихъ продолженіемъ одна другой: Моисей въ безрукавной туникѣ, съ поясомъ и застежкой на плечѣ; въ рукахъ посохъ; обувь уже снята и стоитъ подлѣ; въ небѣ десница. Рядомъ онъ же принимаетъ покровенными руками отъ десницы свитокъ; передъ нимъ купина—чаша съ пламенемъ; вблизи гора Хоривъ въ пламени ²⁾. Сосудъ съ огнемъ въ данномъ случаѣ весьма возможно объяснить какъ образъ Дѣвы Матери, вмѣщающей въ себя огонь—Христа. Проф. Кондаковъ, описывая эту миниатюру, усматриваетъ еще такой символическій смыслъ: Моисей, снимая передъ купиной роскошную обувь, какъ бы слагаетъ съ себя всю суету земного богатства ³⁾.

Для дальнѣйшаго изученія развитія сюжета мы должны обратиться опять къ миниатюрамъ: только одиѣ онѣ могутъ дать матеріалъ для эпохи иконоборства и ближайшаго за ней періода, за отсутствіемъ иконъ и памятниковъ монументальныхъ. Простота въ изображеніи рассматриваемой сцены продолжаетъ существовать во всѣ эпохи искусства, какъ византійскаго, такъ и западнаго, если не считать осложненіемъ сюжета ландшафтную обстановку, столь обычную въ миниатюрной живописи. Таковы миниатюры Пален Ватиканской бібліотеки, IX вѣка ⁴⁾ и Библин храма ап. Павла, IX вѣка, памятника хотя за-

¹⁾ Кондаковъ, Исторія визант. иск., стр. 85.

²⁾ Викоградскій, Сбор. Общ. Древне-русск. иск. 1873 г. стр. 148. Кондаковъ, Исторія визант. иск., стр. 94.

³⁾ Кондаковъ, Исторія визант. иск., стр. 94.

⁴⁾ То же, стр. 159.

паднаго, но скопированнаго съ византийскаго образца ¹⁾. Въ первой рукописи Моисей изображенъ дважды: онъ развязываетъ ремни своихъ сандалій, вдали видна купина; выше опять онъ идетъ по горѣ, чтобы получить отъ десницы Божіей скрижали. Тутъ же двѣ группы созерцающаго народа и сидящій на утесѣ богъ горы Синая. Все это на фонѣ ландшафта производитъ впечатлѣніе прелестной картинки. Въ Библии ап. Павла сцена уже утрачиваетъ свое изящество: Моисей какъ бы выступаетъ до пояса изъ ущелья горы; предъ нимъ кустъ, въ небѣ десница.

Одновременно съ этимъ, по мѣрѣ развитія типовъ Христа, присутствіе Божества при чудѣ купины выражается не одной десницей, но и прямо изображеніемъ Бога, помѣщеннымъ въ срединѣ горящаго куста. Это всегда не Богъ-Отецъ, но Христосъ, имбьющій, по древнему обычаю, видъ ангела или Эммануила. Первое изображеніе видимъ, напримѣръ, въ кодексѣ Григорія Богослова, IX вѣка, Парижской библиотеки ²⁾, второе въ Гомиліяхъ Іакова о Дѣвѣ, XII вѣка, Ватиканской библиотеки и Парижской; на миниатюрѣ послѣдней рукописи помѣщенъ среди покрытой цвѣтами купины медальонъ съ погруднымъ изображеніемъ Эммануила ³⁾. Наконецъ существуетъ еще такое измѣненіе въ изображеніи сцены купины: въ Ватиканскомъ Октоевѣхъ (№ 746), XII вѣка, при купинѣ находится ангелъ; Моисей около стада, снимаетъ сандаліи, вверху сегментъ — небо и бюстъ ангела. Тотъ же ангелъ есть и на миниатюрѣ рукописи монаха Іакова ⁴⁾ и въ Парижской рукописи Григорія Назіанзина, IX вѣка ⁵⁾. Присутствіе ангела согласно съ библейскимъ текстомъ: „и явился ему ангелъ Господень въ пламени огня, изъ среды терноваго куста“ (Исходъ, гл. 3, ст. 1) и несомнѣнно вызвано имъ.

Говоря о символическомъ значеніи купины, слѣдуетъ добавить, что она иногда входитъ, какъ часть композиціи, въ символическое изображеніе церкви, въ видѣ пылающаго на зеленомъ полѣ куста ⁶⁾ и вообще служитъ символомъ Божественнаго существа. Такъ, въ рукописи

¹⁾ То же, стр. 161—163. Гравюра у D'Agincourt, pitt., tav. XLI.

²⁾ *Кондаковъ*, Исторія визант. иск., стр. 179.

³⁾ То же, стр. 225.

⁴⁾ Ст. Виноградскаго въ Сборн. Общ. древне-русск. иск., 1873 г., стр. 148.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ *Bordier*, Manuscripts grecs de la bibliothèque nationale, p. 9: „elle représente un groupe divin, qui plane au-dessus de la terre, sur laquelle on voit le Buisson ardent brûler au milieu d'une verte campagne“... XII siècle.

Григорія Назіанзина, XII—XIII в., къ слову на Пасху относится миниатюра, представляющая Христа—юношу, окруженнаго небеснымъ воинствомъ, и вверху ореола пылающей на зеленомъ газонѣ кустъ ¹⁾).

Пересматривая всѣ эти изображенія купины, мы замѣчаемъ, что если имъ когда и придается символическій смыслъ, то никакъ не по отношенію къ Богоматери; по крайней мѣрѣ, точнаго, прямого указанія, что купина несгорающая и есть сама Богоматерь, мы не найдемъ ни въ одной миниатюрѣ, и золотой сосудъ съ огнемъ въ рукописи Космы можно истолковать различнымъ способомъ ²⁾). Живопись далеко отстаетъ отъ литературы и не усваиваетъ еще тѣхъ образовъ, которые были уже санкціонированы поэзіей.

Итакъ, вплоть до XII—XIII вѣковъ купина не является съ однимъ опредѣленнымъ, вплоть установившимся въ византийской иконографіи, значеніемъ—какъ прообразъ Богоматери, и символическое значеніе ея весьма разнообразно. Въ зависимости отъ этого не могло рано появиться изображеніе, ставшее впоследствии общераспространеннымъ: Богоматерь въ пламени или въ срединѣ пылающаго куста. Даже миниатюристъ такого специально посвященнаго Пресвятой Дѣвѣ сочиненія, какъ Гомилии Іакова, не доходитъ еще до подобной идеи и помѣщаетъ въ купинѣ медальонъ съ изображеніемъ Эммануила.

Къ логосу IV относятся и другіе символическіе рисунки: одръ Соломоновъ, руно Гедсоново, скинія, ковчегъ, херувимы, сосудъ, огородъ, жезлъ Аароновъ, но опять среди нихъ нѣтъ лика Богоматери ³⁾). Простая группировка соответствующихъ предметовъ указываетъ на символическій смыслъ и таинственное прообразование Богоматери въ Ветхомъ Заветѣ. Богословскій догматъ о Богоматери могъ быть выражень искусствомъ достаточно ясно и правильно понятъ вѣрующими только посредствомъ сопоставленія вокругъ изображенія Пресвятой Дѣвы ея символовъ ⁴⁾), почему въ византийской иконографіи вошло въ обыкновеніе окружать Богоматерь ликами пророковъ съ символами ихъ пророчествъ въ рукахъ или одними послѣдними, что, впрочемъ,

¹⁾ То же, р. 205.

²⁾ Кондаковъ приводит такіа толкованія: чаша страданій, Евхаристія, Дѣва—Мать, алтарь. Ист. виз. иск., стр. 94. См. также толкованія въ статьѣ Буслаева, Труды I археол. съѣзда, стр. 851: чаша—символь человечества, Христа, вмѣщающаго въ себѣ божество.

³⁾ Кондаковъ, Исторія визант. иск., стр. 228.

⁴⁾ *Eckl*, Die Madonna als Gegenstand christlicher Kunstmalerei und Sculptur, S. 35.

чаще можно встрѣтить на Западѣ. Мнѣ кажется, что то же сопоставленіе сцены ветхозавѣтнаго чуда купины съ ликомъ Богоматери и указало путь къ извѣстной композиціи: Богоматерь въ горящемъ кустѣ. Примѣромъ тому можетъ служить роспись придѣла въ мечети Кахріе-Джами, XIII—XIV вѣковъ. Въ одномъ изъ его куполовъ мы видимъ какъ бы прототипъ будущей иконы „Неопалимой Купины“.

Здѣсь, въ центрѣ купола, помѣщается медальонъ съ изображеніемъ Богоматери *πλωτοτέρα*, по радіусамъ 12 ангеловъ, въ парусахъ 4 евангелиста. Какъ бы служа дополненіемъ, на стѣнахъ изображены сцены: лѣтствица Іакова и Моисей предъ купиною (дважды), при чемъ тутъ же образъ Богоматери, такъ называемое русское „Знаменіе“, переводится въ горящую купину, предъ которой Моисей слагаетъ свою обувь ¹⁾).

Вообще „Знаменіе“ было однимъ изъ любимыхъ и употребительнѣйшихъ въ византійской и русской иконографіи образовъ Богоматери, часто входило и въ росписи церквей (преимущественно куполовъ) и нерѣдко соединялось именно съ изображеніемъ купины.

Естественно, что, привыкнувъ сопоставлять образъ „Знаменія“ Богородицы съ сценой купины, иконописцы легко могли перенести его и въ средину самаго куста. Но вмѣстѣ съ тѣмъ существовала еще другая редакція „Неопалимой Купины“: кустъ вмѣщалъ въ себя просто икону Богоматери или Ея цѣльную фигуру съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ. Является вопросъ, какая изъ этихъ редакцій была первоначальною? Я думаю, что первая предшествовала, такъ какъ „Знаменіе“ (греческ. *παναγία*) входило въ составъ многихъ символическихъ Богородичныхъ иконъ: Живоносный источникъ, скала и купина, и что большаго промежутка между появленіями двухъ редакцій не было, и разъ былъ допущенъ ликъ Богородицы въ купину, не различалось строго въ какой формѣ. Я не беру на себя ответственности точно опредѣлить время появленія перевода — Богоматерь въ купинѣ; во всякомъ случаѣ это было не позднѣе XIII вѣка. Съ XVI вѣка эта композиція часто входитъ въ составъ стѣнописи. Такъ, Богоматерь въ пламени изображена на восточной стѣнѣ діакошника собора въ Кутлумушѣ (1546 г.) ²⁾. Тутъ же и Богоматерь *παναγία*.

¹⁾ *Кондаковъ*, Византійскія церкви, стр. 191 и 192. *Покровскій*, Стѣнописи, стр. 170.

²⁾ *Покровскій*, Стѣнописи, стр. 260.

Далѣе видимъ купину на стѣнахъ собора Успенія Богородицы въ Протатѣ ¹⁾. Ту же роспись въ діаконникѣ рекомендуетъ и греческій подлинникъ: Богоматерь *платотера* съ Младенцемъ, въ кругѣ и съ простертыми руками; ниже святители, купина Моисея и другія ветхозавѣтныя событія ²⁾.

Эта же форма переходитъ и на Русь: въ алтарѣ Ильинской церкви въ Ярославлѣ (1680 г.) представлена купина съ образомъ Богоматери въ срединѣ ³⁾.

Вообще же византійская иконографія не выработала изъ этого сюжета сложной композиціи, подобной нашей иконѣ „Неопалимой купины“. Послѣднее заключительное слово объ этомъ изображеніи можетъ сказать намъ греческій подлинникъ, такъ сказать подводящій итогъ всему, что создала по этому вопросу византійская иконографія. Подлинникъ предписываетъ изображать сцену купины совершенно въ той же формѣ, какая была принята на Западѣ, почему заставляеть думать, что и этотъ сюжетъ въ частности, какъ и весь подлинникъ вообще, подвергся сильному вліянію Запада. Онъ предлагаетъ такую картину: Моисей развязываетъ свою обувь, вокругъ него овцы, а передъ нимъ горящій кустъ и въ немъ наверху св. Дѣва съ Младенцемъ; сбоку ангелъ смотритъ на Моисея. По другую сторону куста опять Моисей протягиваетъ одну руку, а другою держитъ жезлъ ⁴⁾.

На Западѣ изображеніе купины встрѣчается очень рано и часто и первоначально переходитъ сюда съ тѣми же византійскими формами. Древнѣйшій образецъ дѣлѣ Западу на вратахъ Сабины: Моисей, развязывающій сандаліи предъ купиной, близъ которой стоитъ ангелъ ⁵⁾. Этотъ сюжетъ помѣщенъ на порталѣ Шартрскаго собора (XII—XIII в.), на стѣнѣ Реймскаго собора (XIV вѣка): въ купинѣ Эммануилъ ⁶⁾, онъ употребителенъ также въ *Biblia Pauperum* (XIII вѣка) ⁷⁾.

Въ дальнѣйшемъ развитіи начинаетъ замѣчаться нѣкоторая разница между двумя типами изображенія: византійскимъ и западнымъ. Черты западнаго искусства, отличающія его отъ византійскаго, проникають и въ изображенія Богородицы: это мистицизмъ въ содержаніи

¹⁾ То же, стр. 217.

²⁾ То же, стр. 244.

³⁾ То же, стр. 260.

⁴⁾ *Schäfer*, *архивиз*, стр. 119.

⁵⁾ Гравюра у D'Agincourt, *scult.*, tav. XXII.

⁶⁾ *Didron*, *L'histoire de Dieu*, p. 221.

⁷⁾ *Буслаевъ*, *Апокалипсисъ*, стр. 72.

и жизненность въ самыхъ образахъ. Западъ развилъ въ XIII—XIV вѣкахъ Богородичный культъ до апогея и создалъ великое множество изображеній Богородицы, которыя, согласно общему направленію искусства, отличаются полнотою чувства и изяществомъ компановки. Фантазія Запада въ этомъ отношеніи неистощима, и разнообразіе всѣхъ иконъ *Immaculata* не поддается описанію. Для выраженія идеи западное искусство пользуется всѣми символами, изъ которыхъ часть была неупотребительна въ византійской иконографіи, таковы образы: кедрь Ливана, роза, лилія, пальма, книга. Они обычно размѣщаются какъ ореолъ вокругъ изображенія Пресв. Дѣвы, въ очень симметричномъ порядкѣ, и въ числѣ всѣхъ ихъ однимъ изъ главныхъ всегда является и купина. Моисей предъ пылающимъ кустомъ изображенъ на алтарной двери церкви въ Бреславлѣ (1500 г.), на памятникахъ церковей св. Лаврентія (1461 г.) и св. Зезальда (1478 г.) въ Нюрнбергѣ ¹⁾.

Появленіе композиціи Богоматери въ кустѣ можно отнести къ концу XIII или началу XIV вѣковъ ²⁾, и она, большею частью, представляетъ собою ничто иное, какъ красивую ландшафтную картинку, при этомъ Богородица изображается или въ ростѣ, или сидящею на престолѣ съ Младенцемъ, что существенно различаетъ западную схему отъ восточной. Съ такимъ характеромъ, напримѣръ, изображена купина Моисея на такъ называемомъ алтарѣ короля Ренé въ Эксѣ (XVI вѣка). Шульцъ такъ описываетъ это изображеніе: „Моисей, окруженный своимъ стадомъ, готовится снять свою обувь; къ нему приближается ангель и указываетъ на горящій кустъ, въ которомъ видна на тронѣ Марія съ Младенцемъ“ ³⁾. Словомъ, сцена купины была не менѣе распространена на Западѣ, чѣмъ на Востокѣ, и встрѣчается на множествѣ миниатюръ, фресокъ, украшеній алтарей, вышитыхъ ковровъ (коверь Геронскаго собора, XVI вѣка) ⁴⁾. Нѣсколько иного перевода коверъ Реймскаго собора (XV вѣка). Пресв. Дѣва, держа Младенца, *сидитъ на зеленомъ кустѣ*, изъ котораго выходятъ огненные языки; предъ кустомъ преклоняется Моисей ⁵⁾. Во всякомъ случаѣ, среди западныхъ изображеній я не знаю примѣра, когда бы въ кустѣ помѣщалась икона Богоматери: она всегда вполнѣ самостоя-

¹⁾ *Schultz*, Die Legende vom Leben der Jungfrau Maria, S. 51—52.

²⁾ Ст. Виноградскаго въ Сборн. Общ. древне-русск. иск., 1873 г., стр. 148.

³⁾ *Schultz*, Die Legende... и т. д., стр. 50.

⁴⁾ *Усовъ*, Сочиненія, т. II, стр. 99.

⁵⁾ *Schäfer*, *архивна*, стр. 119, прим.

тельное изображеніе плн въ ростъ, или въ другомъ какомъ-либо положеніи.

Въ XV—XVI вѣкахъ особенно часто встрѣчается этотъ символъ. Къ этому времени даже создаются легенды, аналогичныя съ библейскимъ сказаніемъ, которыя тоже, въ свою очередь, производятъ сходныя композиціи. О церкви Notre Dame de l'Erin (XIV—XV вѣковъ) въ Дорнѣ существуетъ сказаніе: наканунѣ Благовѣщенія пастухи увидѣли сіяющій кустъ, изъ середины котораго возвышалась статуя Дѣвы Маріи съ Младенцемъ. Въ память чуда и построена, какъ говоритъ сказаніе, церковь, гдѣ находится живописная на стеклѣ картина съ изображеніемъ этого событія: вокругъ чудеснаго куста стадо, колѣно-преклоненныя пастухи и жители Шалони ¹⁾. Такимъ образомъ, можно думать, что въ XV и даже XIV вѣкахъ сцена Моисеевой купины съ Богородицею была уже настолько извѣстна въ западной иконографіи, что могла способствовать образованію аналогичныхъ легендарныхъ сказаній.

Ни Востокъ, ни Западъ не создали того сложнаго перевода иконы „Неопалимой Купины“, съ какимъ мы видимъ ее въ настоящее время. Эта композиція византийскаго-славянскаго происхожденія: хотя отдѣльные элементы, входящіе въ составъ ея, могутъ брать свое начало съ Византии, группировку ихъ, связующую ихъ идею несомнѣнно слѣдуетъ приписать славянамъ. Я говорю — славянское происхожденіе и не могу назвать его русскимъ, такъ какъ въ образахъ стихійныхъ ангеловъ, окружающихъ Богородицу, отразились космогоническія представленія, общія вѣмъ славянамъ, какъ общія имъ самыя вѣрованія, перенесенныя на Богородицу. Въ рассматриваемой иконѣ необыкновенно удачно соединились и выразились: апофеозъ величія и святости Пресв. Дѣвы и космогоническія понятія славянъ, смѣшанныя съ остатками ихъ полу-языческихъ вѣрованій.

Самымъ архитектурнымъ дѣленіемъ иконы композиція разбивается на части, различныя по содержанию, но связанныя общою идеей. Центръ иконы представляетъ звѣзда съ изображеніемъ въ ней Богородицы съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ. Форма ореола изъ двухъ крестъ-на-крестъ положенныхъ квадратовъ, какъ бы образующихъ звѣзду, ведетъ свое начало отъ первыхъ вѣковъ христіанства. Буслаевъ указываетъ на монограмму Христа, открытую въ развалинахъ Центральной Сиріи, заключенную въ такой же ореолъ, и относитъ ее

¹⁾ Тамъ же.

къ IV вѣку ¹⁾). Затѣмъ этотъ ореоль получаетъ широкое распространение въ византийской иконографіи при изображеніяхъ Спасителя и Богоматери. Особенно часто онъ примѣняется къ образу Богоматери на греческихъ такъ называемыхъ артосныхъ панагіяхъ ²⁾). Отсюда онъ проникаетъ на Русь и попадаетъ преимущественно на крестахъ и панагіяхъ, на которыхъ въ центрѣ осьмиугольной звѣзды помещается обыкновенно „Знаменіе“ Богородицы. Такая форма, очень знакомая русскому человѣку, легко могла послужить образцомъ и для иконы „Неопалимой Купины“. Въ главныхъ своихъ чертахъ рисунокъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же: та же звѣзда (иногда представленная и однимъ накомъ положеннымъ квадратомъ), тѣ же символы евангелистовъ по угламъ, часто херувимъ вверху; добавлены только фигуры ангеловъ между зубцами. Но какъ вся вообще композиція иконы, такъ въ частности ореоль, представляетъ многіе варианты: внутренний квадратъ почти всегда имѣетъ зеленый цвѣтъ, напоминающій о естественномъ цвѣтѣ купины въ пламени, внѣшній красный—цвѣтъ огня ³⁾; но на иконѣ Московскаго Новодѣвичьяго монастыря внутренний четырехугольникъ усѣянъ звѣздами и представляетъ собою какъ бы небо, а по краямъ его идетъ надпись, изъ которой можно разобрать только нѣкоторыя слова: „іелісаве гла... блѣна ты вжена и блѣнѣ пло... чрева твоего“... и т. д. ⁴⁾). Точно также на иконѣ села Чамерова (Тверской губ. Весьегонскаго уѣзда) кругомъ изображенія Пресв. Дѣвы съ Младенцемъ идетъ надпись: „Что ты наречемъ, о обрадованная Маріе, Небо—яко возсіяла еси Солнце Правды, Рай—яко возрастила (еси) Цвѣтъ истлѣнна, Дѣву—яко“... ⁵⁾). На нѣкоторыхъ иконахъ Богоматери, кромѣ звѣзды, имѣетъ еще ореоль въ видѣ круга, одного или двойного, съ херувимами и безъ нихъ (Складень собр. Коробанова, переводы изъ собр. Постникова, двѣ иконы въ гор. Ярославль) ⁶⁾).

Типъ самой Богородицы отличается наибольшимъ однообразіемъ, чѣмъ всѣ другія изображенія на иконѣ. Образъ Богоматери всегда поясной, съ нѣскольکو наклоненной вправо головой и прямо устре-

¹⁾ Апокалипсисъ, стр. 192.

²⁾ Кондаковъ, Памятники христ. искусств. на Афонѣ, табл. XXXII.

³⁾ Пресв. Димитрій, Мѣсяцесловъ святыхъ, всюю русскою церковью или мѣстно чтимыхъ, стр. 22.

⁴⁾ Треневъ, О формѣ иконостасовъ, стр. 75.

⁵⁾ Ст. Виноградова въ Извѣст. русск. археол. общ., т. IX, вып. 1, стр. 22.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 8.

мленными очами; на лѣвой рукѣ Она имѣетъ Младенца, правую держитъ лѣствицу или просто прикладываетъ руку къ груди. Младенецъ благословляющій три и дуперстно (Ярославскія иконы) ¹⁾; въ лѣвой рукѣ имѣетъ свитокъ (икона Московск. Псопал. церкви) или также, какъ и Пречистая Матерь, прикладываетъ ее къ груди; правая нога Младенца нѣсколько согнута. Является вопросъ, почему именно данной композиціи былъ присвоенъ одинъ изъ вариантовъ древняго типа „Одигитріи“, а не такъ называемое „Знаменіе“, столь часто изображавшееся въ горящемъ кустѣ. Въ стоглавникѣ патріарха Іосифа читаемъ такіе вопросы и отвѣты о „Неопалимой Купинѣ“: „Чего ради пишется Пречистая въ силахъ, на руку иматъ младенца трехъ лѣтъ суца; отъ него же лице свое отвративше, а въ нѣдрахъ иматъ другаго младенца, рукама своимъ прія его держаше; то внутренній младенецъ испоздоеиъ суца, се сказуютъ отъ отца рождшуся преже всѣхъ вѣкъ безъ матери, о томъ Давидъ глаголетъ: изъ чрева преже денницы родихъ тя; а иже на руку младенецъ, се повѣдаеть рождество отъ дѣвы безъ отца; а еже трехъ лѣтъ—триличное Божество: Отець, Сынъ, Святыи Духъ; а иже Богородице отвративше лице свое отъ Него, то есть иудѣйское отверженіе; а еже рукама пріяше внутреняго младенца, се образъ новаго закона, иже млади суще дѣти еврейскія срътоша со ваиями и вѣтъвами, глаголаху: осанна въ вышнихъ, сыну Давидовъ, спаси насъ. И пакы рече: се утаилъ еси сіи отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси то младенцемъ“. (Синод. библия, гл. 108, 7144—1636 г.) ²⁾.

Приведенный отрывокъ даетъ право предполагать, что разсматриваемая икона могла варьироваться еще такимъ образомъ, что одновременно соединяла въ себѣ двѣ формы изображенія Богородицы: Одигитріи и нѣкоторое видоизмѣненіе Знаменія. Эти же слова отчасти объясняютъ, почему въ композицію былъ внесенъ типъ Одигитріи. По всей вѣроятности, такъ и произошла замѣна древняго типа Богородицы съ Младенцемъ на груди—Одигитріею. Но во всякомъ случаѣ этотъ типъ представляетъ болѣе удобствъ при размѣщеніи символовъ Богородицы, употребительныхъ на этой иконѣ. Всѣ они подрисованы прямо на фигурѣ Богоматери и не на всѣхъ иконахъ одинаковы и являются въ полномъ своемъ составѣ. Помимо Младенца на лѣвой рукѣ Богоматери, Христосъ еще изображается въ видѣ Архіерея или

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ *Арх. Амфилодій*, Описание образа Неопалимой Купины, стр. 6.

Царя на груди Пресвятой Дѣвы. Онъ виденъ по грудь изъ-за стѣнъ града съ башнями по угламъ; также придается ему типъ Эммануила (икона С.-Петербургскаго дѣвичьяго монастыря)¹⁾; глава во всѣхъ названныхъ случаяхъ украшена вѣнцомъ или митрой; одежда — далматикъ; подножіемъ граду служитъ скала (Московскаго Новодѣвичьяго монастыря) или облака (Московской Неопалимовской церкви). Иногда мѣсто града занимаетъ святительская стѣна, подъ которой на каюдрѣ возсѣдаетъ Великій Архіерей (икона Барскаго въ Ярославлѣ)²⁾. Появленіе этого изображенія, разумѣется, прежде всего объясняется извѣстными присвоенными Богородицѣ символами: гора, градъ Давидовъ, въ которомъ обитаетъ Царь и Великій Первосвященникъ. Подтвержденіемъ можетъ служить помѣщаемая иногда тутъ же, на правомъ плечѣ Богоматери, въ кругу глава пророка Даниила съ подписью: „азъ Даниилъ видѣхъ тя гору“, а рядомъ изображеніе горы³⁾, и въ ней Христось—Царь и Первосвященникъ. Ясно, что съ тѣмъ же смысломъ употреблялся и другой символъ Богородицы—градъ затворенный. Христось въ видѣ Царя и Архіерея занялъ мѣсто Младенца, о которомъ говоритъ стоголавникъ патріарха Іосифа, но и Эммануиль, какъ было уже упомянуто, не былъ совершенно забытъ композиціей.

Рядомъ съ среднимъ изображеніемъ, въ кругу, на правомъ плечѣ Богородицы пишется кудрявая юношеская головка въ царскомъ вѣницѣ. Архіепископъ Амфилохій въ своемъ описаніи иконы „Неопалимой Купины“ видитъ въ этой головкѣ Эммануила. Но я полагаю, этотъ выводъ нельзя назвать вѣрнымъ: во-первыхъ, мы ни на одной иконѣ не видимъ крестообразнаго нимба вокругъ этой головки; во-вторыхъ, появленіе здѣсь Эммануила ничѣмъ не объясняется. Естественнѣе предположить, что царственная головка изображаетъ Давида или Соломона, которые здѣсь служатъ дополненіемъ и разъясненіемъ библейскихъ прообразовъ: градъ Давидовъ, храмъ Соломоновъ. Разъ, какъ мы видѣли, могла помѣщаться на мѣстѣ юношеской головки въ вѣницѣ, такая же головка юноши Даниила въ фригійскомъ колпакѣ и подлѣ представленіе его пророчества—гора (Чамеровская икона), то, очевидно, Даниила могли заступитъ и другіе ветхозавѣтные пророки, предъизобразившіе Богородицу въ символахъ, сходныхъ по идеѣ.

Кромѣ двухъ рассмотрѣнныхъ погрудныхъ изображеній, на главѣ

¹⁾ Ст. Виноградова въ Изв. русск. археол. общ., т. IX, вып. 1, стр. 22.

²⁾ Тамъ же, стр. 7.

³⁾ Тамъ же, стр. 22 (икона с. Чамерова).

и плечахъ Богоматери имѣются еще три круглыхъ медальона съ ликами: на иныхъ иконахъ это солнце и луна, слѣдовательно опять одинъ изъ символовъ Пресвятой Дѣвы, на другихъ три дѣвическія головки. Обычай писать солнце, луну, звѣзды прямо на одеждѣ Богородицы имѣеть западное происхожденіе. Уже отъ XI-го вѣка встрѣчаются памятники съ подобными изображеніями. Рого де Флерн говорить объ одномъ дарственномъ актѣ отъ 1047 г., въ которомъ предлагается соорудить статую Мадонны, увѣнчанную 12-ю звѣздами, въ широкой одеждѣ, на которой видны солнце и луна, и подъ ногами ея змѣя. „До XV-го вѣка, прибавляетъ Рого, нѣтъ слѣдовъ какого-либо символическаго изображенія, болѣе характернаго“ ¹⁾.

Медальоны съ ликами свѣтилъ будто выступаютъ изъ облаковъ, изъ которыхъ состоитъ одежда Богоматери; облака представлены волнистою линіей (Московского Дѣвичьяго монастыря) или сгруппированы пучками (Чамеровская) ²⁾; одежда бываетъ также червленая, затканная цвѣтами. На иконѣ Московскаго Поводѣвичьяго монастыря по коймамъ одежды, надъ бахромой идетъ еще полустертая надпись: „и твари вся творца, естество соболъкъся на небеси не стлу...ся с нимъ совокунися и вся... распят... и насъ искоупи сѣ раб.... діаволи.... пол... преоукрашенная и градъ сѣдо...“ ³⁾. Лики солнца и луны могли замѣняться тремя меньшими медальонами съ дѣвическими головками: на главѣ и плечахъ Богородицы. Три дѣвическія головки въ этомъ случаѣ играютъ ту же роль, какъ три звѣзды, и имѣютъ красный цвѣтъ огня, служащаго символомъ дѣвства (Софія Кіевская). Что касается лѣствицы въ рукахъ Пресвятой Дѣвы, то тутъ не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что это лѣствица Іакова.

Итакъ, въ центрѣ иконы, какъ бы въ небѣ, въ лучезарномъ сіяніи, представленномъ звѣздообразнымъ ореоломъ, является сама Пресвятая Марія со всеми символами своей святости и величія. По угламъ звѣзды евангелисты, провозвѣстившіе чудесное рожденіе Спасителя. Эта часть иконы представляетъ собою гимнъ великому чуду.

Между зубцами внѣшней звѣзды, въ рамкѣ изъ волнистой линіи, означающей предѣлы неба, размѣщены ангелы—распорядители стихій и исполнители воли Божіей, съ соответствующими ихъ назначенію атрибутами. Мѣщескія понятія о богѣ молніи, грома и другихъ явленій

¹⁾ Rohault de Fleury, La S. Vierge, p. 32.

²⁾ Извѣстія русск. археол. общ., т. IX, вып. 1, стр. 22.

³⁾ Трескъ, О формѣ иконостасовъ, стр. 75.

природы съ принятіемъ христіанства, какъ извѣстно, перенесены были на святыхъ и ангеловъ. Точно также и Пресвятая Марія представляется властительницею надъ громомъ, молнією, мразомъ, дождемъ, а отсюда надъ плодородіемъ и неурожаемъ земли. У сербовъ она носитъ названіе „Огненная Марія“, у поляковъ N. P. Maryi gromnicznej, у чеховъ Hromnice; съ подобнымъ же названіемъ является она у литовцевъ, лужичанъ, хорватовъ ¹⁾. Въ соловецкомъ сборникѣ говорится, что „Пресвятая Дѣва угрожаетъ испустить съ неба на землю каменіе много, молніе огненное, провести въ страдное время сильный морозъ и ледъ и страшное землетрясеніе“ ²⁾. Въ другомъ сборникѣ той же библиотеки разсказывается о явленіи Богородицы нѣкоей женѣ, съ угрозою, что если люди не будутъ свято соблюдать праздниковъ, то она станетъ карать землю: „испущу молніе огненное съ небесъ и ледъ, и морозъ лютой спущу на страдное время, на скотъ и на хлѣбъ вашъ, и на все живущее, и на вся годы хлѣба не будетъ, и каменіе горящее съ небесъ спадеть, и будетъ молніе огненное, и хлѣбъ и трава озлбнутъ, и скоты ваши голодомъ погибнутъ“ ³⁾. Основываясь на всѣхъ подобныхъ вѣрованіяхъ, вполне естественно было соединить изображеніе Богоматери „Неоналимой Купины“, „Огненной Маріи“, съ представленіями Ея, какъ госпожи и надъ другими стихіями, а управленіе этими стихіями, по древнимъ понятіямъ, было поручено ангеламъ. Начало тього ученія основывается на нѣкоторыхъ указаніяхъ Апокалипсиса, гдѣ говорится о 4-хъ ангелахъ, держащихъ 4 вѣтра земли (гл. 7, ст. 1), объ ангелѣ водъ (гл. 16, ст. 5), объ ангелѣ, которому дано было жечь людей огнемъ (гл. 16, ст. 8). Дальнѣйшее развитіе этому ученію сообщили отцы церкви. Епифаній Кипрскій въ своемъ толкованіи на книгу Бытія такъ говоритъ о стихійныхъ ангелахъ ⁴⁾: „Два десятѣ и двѣ дѣлѣ, съ добролюбче Нѣтъ створи изначала до 3 днѣй. яже суть сн. въ 7 днѣ. нво вышнее, землю. воды. отъ нихъ же есть снѣгъ голоть. градъ. ледъ. роса лѣтъ служаще предъ нимъ иже суть сн. аггѣли лицу аггѣли глѣкъ і аггѣли облаку и мразу и снѣгомъ и граду и леду. аггѣли гласомъ и мліямъ. аггѣли сту-

¹⁾ *Аванасьевъ*, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. I, стр. 483—484. Ст. Шапова въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1863 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ *Шаповъ*, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1863 г. *Аванасьевъ*, Поэтич. воззр. т. I, стр. 486—487.

⁴⁾ Приводимъ выдержку изъ соч. Епифанія въ томъ видѣ, въ какомъ она вошла въ топографію Космы.

дѣя и зноу. зимѣ і осѣни. веснѣ и жатвѣ и всѣхъ зданій его. иже на нѣбѣхъ и на земли и глубины. тма иже верху бездны. водамъ иже когда врѣху земля. отъ нихъ же тма и вечеръ и ношь. свѣтъ. днѣ. и заоутрѣа. сихъ ̄ великихъ дѣлъ сотвори Бгъ въ ̄ днѣ“¹⁾). Вообще, ученіе Епифанія о стихійныхъ ангелахъ получило очень большую извѣстность на Руси. Еще съ XI-го вѣка читались народу въ церквахъ Епифаніевы толкованія на книгу Бытія²⁾; они входили въ такое обще-распространенное и пользовавшееся научнымъ авторитетомъ сочиненіе, какъ топографія Космы, входили также и въ различные популярныя сборники и, разумѣется, видоизмѣнялись, хотя, можетъ быть, и незначительно. Въ Солов. сборникѣ, № 993, эта статья читается такъ: „...въ первый день небеса вышняя и землю, и воду, отъ нихъ же есть снѣгъ и градъ, и ледъ, и роса, и духъ, и служащій предъ ними суть сіи ангелы: ангель духомъ и бурѣ, ангель облакомъ и мглѣ, и снѣгу, ангель студени, и зноу, и зимѣ, и осени, и всѣмъ духомъ, ангель земли, тьмѣ“ и проч.³⁾. Разница, какъ видимъ, заключается только въ наименованіяхъ ангеловъ. Та же идея проводится и въ различныхъ апокрифическихъ сочиненіяхъ: книгѣ Эноха, Завѣтѣ Адама, Маломъ Бытіи⁴⁾, и хотя нѣкоторыя изъ нихъ не встрѣчаются въ полномъ переводѣ на русскій языкъ, но извлеченія изъ нихъ или перефразировка ихъ содержанія были извѣстны въ русской письменности и входили въ тѣ же Палеи, а потому всѣ названныя апокрифы могли оказать вліяніе на образованіе идеи. Въ общемъ всѣ сообщаемыя апокрифами космогоническія свѣдѣнія сходны съ соотвѣтствующими отрывками у Епифанія. Въ Маломъ Бытіи перечисляются еще: ангелы хваленія, ангелы огня, вѣтра, ангелы долинъ, всѣ духи... твореній на небесахъ и на земли, и во всѣхъ долинахъ, и ангелы мрака и свѣта, и утренней зари и вечера⁵⁾. Въ Завѣтѣ Адама наблюденіе за стихіями и явленіями природы приписывается „началамъ“, а управленіе небесными свѣтилами „властямъ“⁶⁾.

Ученіе о стихійныхъ ангелахъ было твердо усвоено въ древней

¹⁾ *Порфирьевъ*, Апокрпф. сказанія о петхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, Сборн. II Отд. Имп. Ак. Наукъ, т. XVII, стр. 23.

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1863 г., т. I: Историческіе очерки народнаго міровоззрѣнія и суевѣрія, стр. 5.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ *Порфирьевъ*, Апокрпф. сказанія, стр. 21—22.

⁵⁾ *Порфирьевъ*, Апокрпф. сказанія, стр. 22—23.

⁶⁾ Тамъ же.

Руси и почиталось какъ догмать. Уже лѣтописецъ Несторъ, описывая въ своей лѣтописи чудесное явленіе огненнаго столпа надъ Кіево-Печерской лаврой, съ убѣжденіемъ говоритъ: „а это былъ не огненный столпъ, ни огонь, но видъ ангельскій, ибо ангелъ такъ является, иногда столпомъ огненнымъ, иногда же пламенемъ, какъ сказалъ Давидъ: творяи ангелы своя духи и слуги своя, огонь пламень и посылаются они повелѣніемъ Божиимъ, куда хочетъ Владыка и Творецъ всѣхъ ангеловъ и человѣковъ“..... И далѣе: „какъ пишетъ премудрый Епифаній, къ каждой твари приставленъ ангелъ: ангелъ облаковъ и мглы, и у снѣга, и града, и у мороза“ и проч. ¹⁾ Въ посланіи старца Филовея къ дяку Мунехину (XVI в.) проводится та же мысль. Очевидцемъ ангельскаго служенія онъ называетъ апостола Павла, „иже третины тверди не дошедь, посредѣ самыхъ звѣздъ бывъ, и тамо видѣ самая тѣла ангельскія силы, како непрестанно служеніе имуть человѣка ради: ови солнце носятъ, друзіи луну, а иные звѣзды, ови воздухъ правятъ, вѣтры, облака, громы, отъ послѣднихъ земли воды возносятъ облакамъ и лице земли напаяютъ на рашеніе плодамъ, на весну и жатву, ангели на осень и зиму“ ²⁾. Богоявленскій игумень Пльа и справщикъ Григорій на вопросъ Зизанія, какъ движутся свѣтила, категорически заявляютъ: „по повелѣнію Божию ангелы служатъ тварь вода“.

Полное выраженіе нашли всѣ вышепоименованные ангелы на иконѣ „Неопалимой Купины“. Здѣсь помѣщены не только ангелы разныхъ стихій, но и опредѣляемые Богомъ на другія высшія служенія: таковы духи премудрости, разума, страха Божія, благочестія и пр. На образованіе ихъ типовъ оказали вліяніе: Апокалипсисъ, типы 7-ми высшихъ ангеловъ, служащихъ Богоматери, и наконецъ, навныя полу-языческія представленія силъ природы. Число всѣхъ ангеловъ на иконѣ „Купины“ обыкновенно восемь виѣ звѣзды, при этомъ два ангела внизу, очевидно, за недостаткомъ мѣста пишутся въ горизонтальномъ положеніи или колѣнопреклоненные и пять, шесть или три ангела внутри звѣзды; по два и по одному съ обѣихъ сторонъ Богородицы, одинъ внизу, одинъ вверху, послѣдній чаще всего замѣняется херувимомъ. Ровинскій упоминаетъ икону, на которой, кромѣ 10-ти ангеловъ съ символами, имѣются еще 11 ангеловъ съ кади-

¹⁾ Лѣтоп. Нестора, стр. 121.

²⁾ *Порфирьевъ*, Апокриф. сказанія, стр. 28.

лами ¹⁾. На складкѣ собранія Коробанова, вмѣсто ангеловъ, 4 херувима по концамъ звѣзды.

Слѣдовательно, число ангеловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самые образы ихъ далеко не были постоянными, и вся икона „Купины“ въ нѣкоторомъ родѣ ничто иное, какъ плодъ религиозно-творческой фантазіи; первоначальную ея редакцію установить невозможно. Весьма вѣроятно, что ангелы, находящіеся по сторонамъ Богородицы, во внутренней звѣздѣ, прежде другихъ были усвоены композиціей. На небольшихъ картинкахъ и иконахъ, отличающихся болѣею простотой персвода, и принята именно такая схема. На одной лубочной картинкѣ собр. Ровинскаго ²⁾ „Купина“ представлена только центральной частью иконы: Богоматерь въ звѣздѣ, по угламъ которой пять ангеловъ и херувимъ вверху. На небольшой иконкѣ Румянцовскаго музея, принадлежащей XVIII в., но сохранившей простоту, только четыре ангела по угламъ квадрата, на мѣстѣ евангелистовъ.

Обычно, съ правой стороны Богоматери (отъ зрителя) находится „ангелъ вѣтромъ“; на рукахъ его сидитъ маленькая обнаженная человѣческая фигура съ крыльями, дующая въ трубу. Это древнѣйшій типъ олицетворенія вѣтра, появившійся въ IX в. (рѣк. Исидора Испаленскаго, см. Апокал. Буслаева), принятый въ Византіи и въ нашей иконографіи. Позднѣйшую западную переработку представляютъ окрыленные головки ³⁾. Отъ основнаго образца бывали болѣе и менѣе значительныя отступленія: на иконѣ Московск. Данилова монастыря обнаженная фигурка безъ трубы ⁴⁾, что впрочемъ икона легко могла утратить при реставраціи; по двумъ ярославскимъ подлинникамъ она благословляющая обѣими руками ⁵⁾,—жестъ очень употребительный въ иконографіи и означающій преимущественно обращеніе съ рѣчью ⁶⁾; на иконѣ Московск. Неопалимовской церкви и Дѣвичьего монастыря ангеловъ вѣтра два: другой виденъ до пояса на заднемъ планѣ и обращенъ лицомъ къ Богоматери; на первой иконѣ онъ ничего не имѣетъ въ рукахъ, на второй держитъ чашу, которая, повидимому, никакого близкаго отношенія къ олицетворенію вѣтра не имѣетъ, но можетъ быть понята, если вспомнить, что Божіей Матери служатъ 7

¹⁾ Ровинскій, Народныя картинки, т. IV, стр. 719.

²⁾ То же, № 1216.

³⁾ Буслаевъ, Апокал., стр. 68.

⁴⁾ Амфилохій, Описаніе образа Неопалимой Купины, стр. 31.

⁵⁾ Ст. Виноградова въ Изв. русск. археол. общ., т. IX, вып. 1, стр. 14.

⁶⁾ Martigny, bénir.

старѣйшихъ ангеловъ („Небо новое“), между которыми числится Рафаиль, врачъ недуговъ человѣческихъ, изображающійся съ алавастромъ въ рукахъ. Довольно странное уклоненіе отъ общепринятаго типа находится на одной иконѣ села Баскаль, Тверской губ.: во-первыхъ, здѣсь ангелъ съ надписью: „возводий вѣтры отъ сокровищъ своихъ“ находится вверху, надъ главой Богоматери, гдѣ обыкновенно пишется херувимъ; во-вторыхъ, въ десницѣ у него бѣлая вѣтвь, въ шуйцѣ сосудъ съ тремя расходящимися лучами ¹⁾. Первый изъ этихъ атрибутовъ—вѣтвь, можетъ быть, опять одинъ изъ символическихъ знаковъ, принадлежащихъ старшимъ ангеламъ, но также, хотя и съ большою натяжкой, появленіе его возможно объяснить замѣченнымъ влияніемъ вѣтра на климатическія перемѣны и отсюда на плодородіе земли, подобно тому какъ въ классической мифологіи зефиръ изображался въ мантии, наполненной цвѣтами ²⁾. Что касается чашки съ тремя лучами, то она служитъ замѣною и довольно неудачною, несогласною съ древними образцами, извѣстной фигуры вѣтра; три луча означаютъ выходящую изъ нея стихійную силу — пріемъ весьма обычный и примѣняющійся на этой же иконѣ къ изображеніямъ снѣга, инея, мрза, росы. У Буслая въ Апокал. есть подобное же изобр. глаговъ Божіихъ, исходящихъ въ видѣ трехъ лучей изъ трубы ³⁾.

Надписи, сопровождающія разсматриваемую фигуру ангела, кромѣ приведенной, имѣютъ еще такія построенія: „Духъ воздержанія; ангели вѣтромъ, буримъ и дождь на службу челоуѣкъ; ангелъ Господень приноситъ бурю и вѣтры со страхомъ Божіимъ“ и отсюда прямо: „Духъ страха Божіа“ (Ярослав. иконы и подлинныя, XVII в.).

Большою простотой замысла отличаются изображенія ангеловъ на лѣвой противоположной сторонѣ. Ихъ, по большей части, два; первый держитъ дугу радуги или облака, около надписи: „ангелъ облакомъ и дугамъ, сирѣчь дождь и зной“, или: „возводий дуги за челоуѣки“, „возводий облаки отъ сокровищъ своихъ, молніи въ дождь сотвори“. На иконѣ Неопалимовской церкви первый ангелъ имѣетъ въ рукахъ радугу, представленную нѣсколькими дугами, второй облака. Какъ видно и надписи и самыя изображенія всегда сопоставляютъ другъ съ другомъ радугу, облака и дождь, желая представить, что всѣ они находятся въ зависимости. Такая связь всѣхъ этихъ

¹⁾ Ст. Виноградова въ Изв. русск. археол. общ., IX, вып. 1, стр. 11.

²⁾ Тамъ же, стр. 30.

³⁾ Рки. Буслая, XVI, в. табл. 89.

явленіи природы выражена и народной поэзіей. Въ народѣ существуютъ такія повѣрія: радуга беретъ воду изъ озеръ, рѣкъ, колодезь и затѣмъ снова возвращаетъ ее землѣ въ видѣ дождя. По другимъ версіямъ радуга—труба, посредствомъ которой Царица Небесная беретъ воду изъ земли. Или предполагается въ данномъ дѣйствіи участіе трехъ ангеловъ: одинъ концами радуги беретъ воду изъ рѣкъ, другой образуетъ изъ воды облака, а третій превращаетъ ихъ въ дождь ¹⁾).

Сверхъ того, радуга имѣетъ еще и другой, болѣе таинственный смыслъ. На ярославскихъ иконахъ, около ангеловъ съ радугою и облаками такія надписи: „ангели облакомъ и дугомъ еже есть Завѣтъ, да преславное чудо показа“; „ангелъ постави на небеси знаменіе чудное, сирѣчь Завѣтъ“. Какъ бы ни были искажены и сокращены надписи, все-таки въ нихъ часто упоминается „завѣтъ“ и „преславное чудо“. Въ всякаго сомнѣнія, здѣсь разумѣется завѣтъ Бога Ною и чудесное явленіе радуги послѣ потопа. Преданіе повѣствуетъ, что послѣ потопа Господь обѣщаль Ною, что такое бѣдствіе не постигнетъ болѣе землю, и въ знакъ своего обѣщанія далъ радугу, которая будетъ сіять вплоть до второго пришествія. Это преданіе распространено какъ въ Россіи, такъ и въ славянскихъ земляхъ (напр. у болгаръ). Въ „Бесѣдѣ трехъ святителей“ этотъ взглядъ высказывается такъ: „по потопѣ знаменіе положи Богъ на небеси—дугу, еже второму потопу не быти ²⁾“. На иконѣ села Баскакъ (Тверской губ.), вообще отступающей отъ принятой композиціи, какъ было уже замѣчено, у ангеловъ радуги и облаковъ, взамѣнъ дуги, опять стихійный духъ въ видѣ младенца, одною рукою благословляющаго, другою молбною. Очевидно, здѣсь снова олицетвореніе духа молніи, дождя и грома, древняго бога-громовика, которому радуга, по представленію всѣхъ народовъ, служила лукомъ для спусканія стрѣлъ ³⁾).

Нижній зубецъ внутренней звѣзды занятъ изображеніемъ ангела, который приноситъ „молитву, яко кадило благовонное, на насъ изливая всегда и пыль“, „слезы, свѣцу и фиміамъ ⁴⁾“. Образцомъ этому изображенію служитъ ангелъ Салафінлъ—молитвенникъ Божій, представляемый съ кадиломъ и въ молитвенномъ воздѣяннѣ рукъ ⁵⁾. Такіе образы ангеловъ съ кадилами весьма извѣстны нашей иконописи;

¹⁾ *Аванасъевъ*, Народныя поэтическія представленія радуги, стр. 5.

²⁾ Тамъ же, стр. 12.

³⁾ Тамъ же, стр. 1—3.

⁴⁾ Ст. Виноградова въ Изв. археол. общ., т. IX, вып. 1, стр. 15—16.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 6.

между прочимъ, они находятся на иконѣ „Единородный сынъ 1)“ и въ лицевыхъ апокалипсисахъ. Согласно съ перечисленными въ надписи предметами, ангелу—молитвеннику вручались на иконахъ различныхъ редакцій свѣча, ящичекъ съ фиміамомъ или держава; послѣдняя есть ничто иное, какъ извѣстный атрибутъ второго лица ангеловъ, такъ называемая *Signaculum Dei*, измѣнившійся потомъ въ державу 2); иногда ангелу придается просто молитвенное положеніе съ воздѣтыми къ небу руками. Наконецъ, вверху внутренняго квадрата помѣщается херувимъ.

Переходя къ изображеніямъ ангеловъ, находящимся вгѣ звѣзды, между ея зубцами, замѣчу, что всѣхъ ихъ можно подраздѣлить на три категоріи: ангелы различныхъ силъ природы: зноя, холода, росы, мглы, снѣга и пр.; ангеловъ стихій, символизирующихъ второе пришествіе: грома, молніи, огня; и ангеловъ другихъ высшихъ видовъ служенія: ученія, благочестія, наказующихъ неправотѣрныхъ. Для каждой изъ этихъ категорій иконографія дала свой особый шаблонъ, по которому иконописцы создавали образы стихійныхъ ангеловъ, варьируя по редакціямъ только ихъ расположеніе и отчасти атрибуты. Главнымъ атрибутомъ ангеловъ первой категоріи служитъ чаша, появляющаяся очень рано, какъ принадлежность стихійныхъ божествъ и духовъ. На Аѳинской башнѣ вѣтеръ Скиронъ высыпаетъ изъ чаши вазы заключающіеся въ ней пепель и огонь, означая приносимыи имъ буре 3). Подобные же фіалы имѣютъ апокалипсическіе ангелы, изливающіе „чаши гнѣва Господня“. Такова миниатюра въ рукописи Буслаева, XVII в., къ тексту гл. XVI (ст. 17—22), гдѣ представленъ 7-й ангелъ, изливающій свою чашу на воздухъ, вслѣдствіе чего происходятъ молніи, громъ, градъ и трусь 4). Затѣмъ въ рукописи XVI в., на миниатюрѣ къ тому же тексту, мы видимъ двухъ ангеловъ съ чашами: одинъ предстоитъ престолу и другой, опрокинувъ чашу, изъ которой течетъ будто вода 5). Съ тѣми же двумя чашами въ рукахъ, наполненными какимъ-то веществомъ, представленъ ангелъ — духъ бѣлоснѣжный въ рукописи Житія Андрея Юродиваго 6). Съ чашей же

1) Ст. Буслаева въ Сборн. общ. Древне-руск. иск., 1866 г., стр. 11.

2) *Ермѣя*, стр. 101—102.

3) Ст. Виноградова въ Изв. археол. общ., т. IX, вып. 1, стр. 30.

4) *Буслаевъ*, Апокал., табл. 28.

5) Тамъ же, табл. 89.

6) Апокал. Буслаева.

въ рукахъ входили изображенія ангеловъ въ композицію „Едиnorodный Снѣгъ“; вообще—это обычный символъ одного изъ высшихъ ангеловъ. Слѣдовательно, способъ представленія какой-либо стихіи, какъ бы заключенной въ сосудъ, — есть способъ древній и употребительный на Руси, уже въ однихъ лицевыхъ апокаллипсисахъ. Онъ же при-мѣненъ къ стихійнымъ ангеламъ и на иконѣ „Купины“, при этомъ особыхъ, такъ сказать специальныхъ признаковъ для ангеловъ каждой стихіи нѣтъ: все они, безъ различія, держатъ сосуды самаго раз-нообразнаго вида: ваза, дискосъ, потиръ и просто ящичекъ; отно-сительно послѣдней формы я убѣжденъ, что это простое позднѣйшее измѣненіе первоначальнаго древняго фіала, доходящее перѣдко до такой странности, какъ на одной ярославской иконѣ: здѣсь ангелъ держитъ чашу съ пламенемъ, поставленную еще въ ящичекъ ¹⁾; непо-нятно и самое пламя у ангеловъ росы и мглы. Ту же чашу съ пла-менемъ на иныхъ вариантахъ держатъ ангелы снѣга и инея, по въ этомъ случаѣ появленіе ея скорѣе можетъ быть мотивировано: самихъ ангеловъ нѣкоторые надписи называютъ *пламенными* ²⁾, и эта группа имѣетъ власть ниспосылать на землю не одинъ мразъ, снѣгъ, иней, но и грозы, т. е. огонь, „пепель и зной“ ³⁾. Зной, конечно, ока-зываетъ вліяніе на плодородіе земли, обозначаемое на иконѣ „Ку-пины“ подъ именемъ *троды*, почему ангелъ зноя имѣетъ въ своей чашѣ виноградную вѣтвь. Обычно же чаши у всѣхъ ангеловъ или пустыя, или съ выходящими лучами. Кромѣ чаши, нѣкоторые ангелы держатъ то же олицетвореніе стихійнаго генія въ видѣ крылатаго младенца, особенно часто ангелы росы и мглы. Свообразіе очерченъ ангелы мраза и снѣга и ангелы огня. Помимо общаго типа — съ чашею и младенцемъ, духъ мраза изображается съ символами царской власти: въ вѣнцѣ, на фонѣ палаты, стоящимъ на какомъ-то помостѣ, въ шуицѣ держитъ ящичекъ, правая благословляющая (Ярославск. ико-на) ⁴⁾. И часто за ангеломъ мраза, снѣга, инея, видна царственная глава (Московск. Неопал. церкви). Не имѣло ли вліяніе на пред-ставленіе ангела зимы въ царственномъ образѣ относимое къ нему названіе „духъ славы“, подобно тому какъ „духъ премудрости и разума, ученія и благочестія“ имѣетъ на главѣ святительскую ша-

¹⁾ Ст. Виноградова въ Изв. археол. общ. т. IX, вып. 1, стр. 14.

²⁾ То же стр. 19. *Ровинскій*, Народныя картинки, № 1268.

³⁾ Ст. Виноградова, стр. 14.

⁴⁾ Ст. Виноградова табл. II.

почку и въ рукахъ огонь или свитокъ (Неопалимовской церкви и села Баскавъ) ¹⁾.

Ангеловъ, представляющихъ собою точную копию съ стихійныхъ ангеловъ въ лицевыхъ апокалипсисахъ, можно выдѣлнить во вторую особую группу. За апокалипсическое происхождение ихъ говоритъ и почти буквальная тождественность ихъ изображеній съ соответствующими образами въ апокалипсисахъ, и пояснительныя надписи при нихъ, постоянно напоминающія о второмъ пришествіи и днѣ страшнаго суда: „ангелъ отсѣченія противныхъ, иже противъ вѣрующихъ, подастъ чашу горести... и гнѣва Божія“... „Ангелъ Господень гласомъ, сирѣчь блистаніемъ, ибо убуждаетъ спящая... отъ вѣка“, „Ангелъ Господень повѣствуетъ житіе будущаго вѣка“, „Ангелъ опаленію и градомъ разрушеніе, иже проявляетъ хотящія быти отъ велицетѣрнаго Судн просвѣщеніе“, „Духъ премудрости, огонь налящъ, сирѣчь будущая явѣ хочетъ быти“ и т. д. Изъ числа этихъ духовъ ангелы бури, грома и молніи имѣютъ своею главною эмблемой побольшой ковчежець въ видѣ церкви. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это фонарь—символь служащаго Пресвятой Дѣвѣ ангела Гавріила ²⁾. Но стоитъ только пересмотрѣть рисунки апокалипсисовъ, чтобы отвергнуть такое предположеніе.

Ковчежець въ нихъ является съ совершенно опредѣленнымъ значеніемъ: „высотъ завѣта“ и соответствуетъ тексту гл. 11, ст. 19 и толкованію: „отверженіемъ небу и видѣніемъ крабій уготованнаго благая святымъ открываются тогда, егда на беззаконныя и нечестивыя гласи страшнн, и молніи, и громи приндуть“ ³⁾. Сообразно съ текстомъ, рисуется церковь, въ ней ковчежь, а вверху и внизу ея два олицетворенія въ видѣ юношескихъ фигуръ: молнія, гласи и громы; первый испускаетъ изъ устъ зигзаги молніи, второй съ трубою (рукопись Буслаева, начала XVII вѣка). По другимъ редакціямъ стихійная фигура видна въ самомъ храмѣ ⁴⁾; стихійнаго гонія замѣщаетъ и самъ Христось—Эммануиль (рукопись Буслаева, начала XVII вѣка).

Дальнѣйшія видоизмѣненія таковы: храмъ пустой внутри, только съ исходящими отъ главы зигзагами молніи и лучами отъ основанія—

¹⁾ То же, стр. 13—14 и 20.

²⁾ Ст. Виноградова, стр. 5.

³⁾ *Буслаевъ*, Апокал., стр. 261.

⁴⁾ То же, с. 15, стр. 300.

громъ и градъ ¹⁾; и наконецъ, ангелы держатъ ковчегъ съ человѣческими обнаженными фигурками внутри ²⁾. Ковчезцы имѣютъ въ апокалипсисахъ двоякую форму: храма и параллелограма (Тихонр., XVIII вѣка, сн. 455).

Всѣ указанные виды пашли примѣненіе на иконѣ „Купины“: ангелы держатъ ковчегъ въ видѣ храма, параллелограма (собр. Коровалова, складень), пустые, съ человѣческими фигурками и со свѣчей — огнемъ — позднѣйшій вариантъ. Свѣча и факель перѣдко вручались прямо въ руку ангела (Неопалимовской церкви).

Впослѣдствіи типъ ангела-молніеносца отступаетъ отъ своихъ древнихъ образцовъ и храмъ-ковчегъ съ геніемъ смѣняетъ на болѣе простой по замыслу лицикъ съ пламенемъ, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ знакомъ власти — скипетръ или мечъ ³⁾. Близко по смыслу съ ангеломъ молніи стоитъ ангелъ блистанія и опаленія, но изображеніе его совершенно отлично отъ перваго. Прообразомъ его является опять апокалипсическій ангелъ „блистанія — Носецъ“, держащій мандорлу съ обнаженной фигурой, что въ точности воспроизводитъ и икона „Купины“, дополняя, по обычаю, атрибуты ангеловъ свѣчею или факеломъ ⁴⁾. Что касается ангела, наказующаго и отсѣкающаго грѣшниковъ, то это слишкомъ извѣстный въ иконографіи типъ архистратига, въ воинскихъ доспѣхахъ, съ мечемъ и пожами или бѣлою вѣтвю въ рукахъ ⁵⁾.

Помимо всѣхъ разсмотрѣнныхъ общепринятыхъ образцовъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, встрѣчаемъ на той же иконѣ еще такихъ ангеловъ, ничего общаго съ предыдущими не имѣющихъ: духъ разума, ученія и благочестія (описанъ выше): въ рукахъ свитокъ или кругъ съ монограммой Христа; духъ, проявляющій всякую силу небесную: свитокъ и благословляющая десница; поражаетъ духи: жезлъ въ десницѣ и проч.

Заключивъ обзоръ изображеній ангеловъ, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о надписяхъ при нихъ. Помимо перечисленія стихій и силъ природы, ангеламъ вмѣстѣ съ тѣмъ даются и другія названія: духи силы — по отношенію ангеловъ, властвующихъ надъ стихіями; страха Божія—ангелы, поставленные надъ грозными стихіями:

¹⁾ *Буслаевъ*, Апокал., стр. 272.

²⁾ То же, табл. 89 (XVI вѣкъ).

³⁾ Ст. Виноградова, стр. 21.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 16.

⁵⁾ Тамъ же.

громъ, молнія, буря; воздержанія и славы — ангелы, разумно управляющіе на благо человѣка грозными по существу силами: вѣтры, мразь, дождь, буря; разума и премудрости—блистапія и огня; благочестія — наказующіе грѣшныхъ. При томъ, проводится какъ бы параллель между благодѣтельными дѣйствіями ангеловъ на природу и на душу человѣка: какъ гроза очищаетъ воздухъ, такъ душа чело-вѣческая силою Божіею очищается отъ соблазна и грѣховъ; подобно ангеламъ, сдерживающимъ грозныя явленія природы, проявляется разумная воля. Всѣ надписи на иконахъ различны и страшно искажены, такъ что нѣтъ возможности найти первоисточникъ. Но, очевидно, онѣ созданы на основаніи текстовъ апокалипсиса, псалтыри и апокрифическихъ сказаній объ ангелахъ.

Такимъ образомъ, ангелы на иконѣ „Купины“ имѣютъ двойное значеніе: они небесныя слуги, исполнители воли Творца и Пресвятой Дѣвы, благого Божественнаго Промысла, они же властители стихій; и тутъ смѣшались христіанскія понятія съ языческими вѣрованіями, выразившимися въ перенесеніи на Пресвятую Дѣву образовъ боговъ грома, молніи, огня, плодородія и въ изображеніи стихійныхъ гештальтовъ въ прежнихъ древне-классическихъ типахъ. Но всѣ языческія представленія сглажены христіанствомъ и играютъ роль простыхъ символовъ. Благодаря поэзии, проникающей всю композицію, и нагляднымъ представленіямъ космогоническихъ вѣрованій, икона „Неопалимой Купины“ пріобрѣтаетъ особую цѣнность. Я не могу согласиться съ мнѣніемъ, что она имѣетъ еще и календарное значеніе, знаменуя собою солнечный годъ, гдѣ солнце—Христосъ, луна—Богоматерь, а 12 ангеловъ — 12 мѣсяцевъ: число ангеловъ вовсе не постоянно и опредѣленное имъ служеніе не позволяетъ приписывать какого значенія.

Даже для 4-хъ клеймъ по угламъ предполагается опредѣленный порядокъ. Клейма эти явились впоследствии, при полномъ развитіи композиціи; представляютъ собою лицевыя каноны — 4 пророчества о рожденіи Христа: купина Моисея, жезлъ Иссеея, врата Іезекіиля и глѣбвица Іакова. Въ древнѣйшихъ редакціяхъ, по словамъ Ровинскаго, этихъ 4-хъ мѣстъ пророчествъ по угламъ иконы не бываетъ; ихъ замѣняютъ символы, сгруппировавшіеся потомъ въ рукахъ Богородицы ¹⁾.

Когда же композиція сложилась вполне? Я полагаю, не ранѣе

¹⁾ Ровинскій, Народныя картинки, т. IV, стр. 718.

конца XVI, даже скорѣе въ началѣ XVII вѣка. Въ XVI вѣкѣ мы не имѣли еще сложныхъ многоликихъ иконъ; онѣ были рѣдкостью и возбуждали споры (дѣло Висковатаго). Только въ XVI — XVII вѣкѣ собираются разбросанныя по миниатюрамъ единичныя изображенія лицъ и событій и создаются такія иконы, какъ „Единородный Сынъ“, „Вѣрую“, „Отче Нашъ“, „Достойно“.

Окончивъ свой краткій очеркъ историческаго развитія композицій „Неопалимой Кушны“, сознаю вполне, что мало сдѣлано мною для уясненія этой интереснѣйшей иконы: много матеріала осталось недостаточнымъ мнѣ и потому незатронуто мною, и недостаточно разработать тотъ, которымъ я воспользовалась. Но принимая во вниманіе, что наши символическія иконы почти совсѣмъ не изслѣдованы, спеціалисты-читатели, надѣюсь, извинять отчасти мои пробѣлы и своими указаніями помогутъ мнѣ дополнить работу.

Л. Верещаева.

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ ЛАТЫШСКОЙ ЭТНОГРАФІИ ЗА ПОСЛѢДНІЯ ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

Въ своемъ очеркѣ современнаго состоянія филологіи и этнографіи въ Финляндіи я указывалъ на быстрый ростъ науки въ ученомъ центрѣ этой страны, на живые умственные интересы, объединяющіе ея дѣятелей. Теперь мнѣ хотѣлось бы прослѣдить развитіе этнографіи у латышей, сосредоточенное главнымъ образомъ въ двухъ научныхъ центрахъ ихъ, именно въ литературныхъ коммисіяхъ при Рижскомъ и Митавскомъ латышскихъ обществахъ. Хотя здѣсь наблюдается менѣе интенсивная этнографическая дѣятельность, чѣмъ въ Финляндіи, однако сдѣланное все же настолько важно по своимъ размѣрамъ и должно было бы имѣть такое значеніе и для нашей науки, что, кажется, уже пришла пора ввести результаты этой плодотворной дѣятельности въ общевропейскій научный обиходъ. Къ сожалѣнію, знакомство съ латышскимъ языкомъ распространено среди ученыхъ весьма мало, и до сихъ поръ еще между ними и латышскою наукою должны быть посредники, которые, владея далеко не труднымъ латышскимъ языкомъ, знакомили бы съ ея результатами и матеріалами европейскихъ ученыхъ. Поэтому въ своемъ скромномъ очеркѣ я рассмотрю этнографическую дѣятельность нѣкоторыхъ латышскихъ органовъ. Для ея полнаго разсмотрѣнія, для изученія всей массы этнографическаго матеріала, раскиданнаго въ разнаго рода періодическихъ изданіяхъ, календаряхъ и т. п., слѣдовало бы писать въ одномъ изъ центровъ, куда доставляется цензурнымъ порядкомъ все выходящее въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, т. е. въ библіотекахъ Юрьевскаго университета, Императорской публичной или Императорской академіи наукъ. Мнѣ же приходится заранѣе извиниться передъ чи-

тателями въ невольной неполнотѣ моего очерка и ограничиться обзоромъ того матеріала, который я могъ имѣть подъ руками. Кое-что очень важное я долженъ исключить по этой причинѣ изъ своего обзора: такъ, я не имѣлъ „Этнографическаго приложенія“ (Etnografiskas Pēlikums) къ газетѣ „Dienas Lapa“, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (кажется, за годы 1890—1895 гг.) помѣщено множество интереснѣйшаго этнографическаго матеріала. Если бы кто нибудь дополнилъ мой очеркъ обзоромъ матеріала, которымъ я не могъ пользоваться, онъ оказалъ бы извѣстную услугу русской наукѣ.

Наиболѣе крупнымъ явленіемъ въ этнографической производительности латышей за эти десять лѣтъ надо, кажется, считать огромное изданіе латышскихъ народныхъ пѣсенъ, предпринятое на средства Г. А. Виссендорфа извѣстнымъ знатокомъ и собирателемъ латышскаго фольклора г. Барономъ. Это изданіе, о которомъ я поговорю подробнѣе, тѣмъ болѣе заслуживаетъ сочувствія, что оно ведется на частныя средства отдѣльнаго лица, а не на средства какого нибудь ученаго общества или учрежденія, какъ это бываетъ обыкновенно. Изданіе г. Виссендорфа настоящій памятникъ просвѣщенной любви къ родинѣ, которымъ онъ заслуживаетъ большой признательности не только со стороны латышей, но и со стороны всѣхъ ученыхъ, получающихъ, благодаря ему, возможность ознакомиться съ пѣсенной поэзіей одного изъ балтійскихъ племенъ во всемъ ея объемѣ.

Латышская поэзія до сихъ поръ какъ бы не существуетъ для науки, несмотря на многочисленныя изданія латышскихъ народныхъ пѣсенъ, появившіяся до сихъ поръ. Я не могу припомнить ни одного цѣльнаго и сколько нибудь значительнаго изслѣдованія о поэтическихъ образахъ, ритмѣ, техническихъ особенностяхъ, даже содержаніи народной поэзіи латышей. Отдѣльныя подробности, разбросанныя въ сочиненія Потемни, Малгардта, Биленштейна, конечно, нисколько не уменьшаютъ этого недостатка, а между тѣмъ латышская пѣсня достойна во многихъ отношеніяхъ особеннаго вниманія этнографовъ и особенно теперь, когда старая лирическая поэзія русскаго народа вырождается въ частушку, коротенькое стихотвореніе въ 4 строчки, явленіе аналогичное народной пѣснѣ латышей, финновъ, отчасти пѣмскихъ племенъ. Когда трудъ г. Виссендорфа и г. Барона появится въ полномъ объемѣ, я надѣюсь посвятить латышской пѣсенной поэзіи отдѣльное изслѣдованіе, пока же ограничусь указаніями на значеніе этого изданія.

Нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ не было хорошихъ изданій

латышскихъ пѣсенъ. Достаточно назвать изданія г. Спрогиса, Бривземпикакса-Трейланда, Виленштейна, Арона Матиса, Цимзе, сборники длинныхъ пѣсенъ въ одномъ изъ выпусковъ Rāksti Krājums ¹⁾, чтобы показать, что желающіе уже давно могли основательно познакомиться съ пѣсеннымъ творчествомъ латышей, но все сдѣланное до сихъ поръ остается въ тѣни передъ задуманнымъ и отчасти уже выполненнымъ предпріятіемъ гг. Виссендорфа и Барона, которые намѣрены объединить всѣ напечатанные и всѣ, какіе удастся собрать, рукописные матеріалы по данному предмету. Все изданіе рассчитано на 3 тома: до сихъ поръ вышелъ первый томъ въ 10 выпускахъ, заключающій въ себѣ, кромѣ введенія о латышской народной поэзіи и списка источниковъ (стр. LIV), 969 страницъ очень убористой печати, при чемъ пѣсни напечатаны въ 2 столбца. По подсчету г. Барона, при началѣ изданія въ рукахъ его находилось 153.431 пѣсня изъ Лифляндіи, Курляндіи и Витебской губерніи (изъ 415 рукописныхъ и печатныхъ источниковъ). По мѣрѣ печатанія матеріалъ все росъ: изъ еще 435 новыхъ источниковъ были почерпнуты 50.104 пѣсни, которыя отчасти нашли себѣ мѣсто въ приложеніи къ 1-му тому. Такимъ образомъ свыше 200 тысячъ латышскихъ народныхъ пѣсенъ увидятъ свѣтъ въ этомъ изданіи, и мы получимъ очень полное представленіе о поэзіи латышскаго народа. Изъ этихъ 200 тысячъ, конечно, сравнительно небольшая часть основныхъ пѣсенъ, остальное варианты: такъ, въ 1-мъ томѣ 5.259 номеровъ пѣсенъ, при чемъ и онѣ переходятъ отъ одного мотива къ другому настолько постепенно, что два соприкасающіеся номера представляются весьма часто почти вариантами. Что касается размѣщенія послѣднихъ, то надо отдать справедливость находчивости издателей: чтобы не повторять нѣсколько

¹⁾ Памятники латышскаго народнаго творчества. Собраны и изданы Иваномъ Спрогисомъ. Вильна. 1868 (пѣсни напечатаны русскими буквами и снабжены русскимъ переводомъ). *Θ. Я. Трейландъ*. Народныя пѣсни латышей въ сборникѣ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ, ей прилежащихъ, издаваемомъ В. А. Дашковымъ. Книга II. Москва. 1873 (и здѣсь пѣсни напечатаны русскими буквами и снабжены русскимъ переводомъ). *Latvju tautas dziesmas. Sameklētas un pēdesmitam bēdribas gadam par pēminu drukā dotas no Latvju draugu bēdribas*. I—II. Leipsigā. 1874—1875. *Dziesmu rola jauneklīm un vīrēm argādata no I. Zimse* 8 выпусковъ. Rīgā. 1875 и дал. (всѣ пѣсни снабжены нотами) *Mūsu Tautas dziesmas*. Pa tēvijas kalnēm un lejām lasītas un vaināgā vītas *Arona Matīsa*. Rīgā. 1888. Крайне построю и неустановленную латышскую орфографію я замѣняю здѣсь чешской транскрипціей, при чемъ мягкость согласныхъ означая надъ-согласной.

разъ одной пѣсни съ незначительными вариациями, они помещаютъ варианты подъ пѣсней, при чемъ раздѣляютъ ихъ на двѣ группы: варианты, въ которыхъ варьируются отдѣльные слова, и варианты съ самостоятельными оборотами и даже мыслями. Первые они цѣлкомъ не приводятъ, ограничиваясь указаніями на тѣ слова, которыми отличается вариантъ отъ основной пѣсни, вторые печатаются цѣлкомъ, но нетитомъ; варианты къ вариантамъ отмѣчаются также первымъ способомъ. Весьма часто такимъ словомъ бываетъ всего лишь діалектическая разновидность, вслѣдствіе чего сборникъ г. Барона—Виссендорфа приобретаетъ весьма важное значеніе для изученія латышской діалектологіи. Для того, чтобы иллюстрировать методы издателя въ этомъ случаѣ, беру одну пѣсню № 250:

Irbe svilpa prēdainē (eģlēnā).
 Es atsvilpu eedams:
 Gaidu irbes istekam;
 Istek cēma zeltēnīte.

т. е. куропатка свиснула въ соснякѣ, я отвѣтилъ ей свистомъ бо-
 роня; жду, чтобы выбѣжала куропатка, выбѣгаетъ деревенская бѣ-
 локурая красавица. Эта пѣсня извѣстна издателямъ отъ двухъ со-
 бирателей, записавшихъ ее въ одномъ и томъ же приходѣ Курлянд-
 ской губерніи; все различіе въ ихъ записи сводилось къ тому, гдѣ
 свиститъ куропатка: одинъ собиратель записалъ *prēdainē* (въ соснякѣ),
 другой *eģlēnā* (въ сѣнникѣ). Подъ этой пѣсенкой находимъ варианты
 въ такомъ порядкѣ: 1. *svilpa*. 2. *atsvilpu*. 281 d.—1. *švelpa*; 2. *at-
 švelpu*; 4. *dzeltanite*, 95 d. Это значитъ, что въ пѣснѣ, записанной
 въ одномъ изъ приходовъ Митавскаго уѣзда (281 d.—померъ собира-
 теля) въ 1-ой строчкѣ вмѣсто *svilpa* стоитъ *švelpa*, а во 2-ой вмѣсто
atsvilpu форма *atsvelpu*; далѣе, въ пѣснѣ изъ Венденскаго уѣзда, со-
 совершенно сходной съ вышеприведенной, варианты ограничиваются ді-
 алектической передачей литературныхъ *svilpu* и *atsvilpu* формами *švelpa*
 (въ 1-й строчкѣ), *atšvelpu* (во 2-й), а въ 4-ой мы находимъ діалекти-
 ческую форму *dzeltanite* вмѣсто *zeltēnīte*. Все это съ большой эконо-
 міей мѣста указано вышеприведеннымъ способомъ. Далѣе слѣдуютъ
 4 варианта, нѣсколько отличающіеся отъ цитированной мною пѣсни,
 при чемъ лишь въ послѣднемъ различіе въ содержаніи доходитъ до
 замѣны куропатки свищей. Надо отмѣтить, что 1-й вариантъ запи-
 санъ въ двухъ мѣстахъ (въ одномъ написано *dzeltanite*, въ дру-
 гомъ *zeltanite*); что ко 2-му, записанному также въ двухъ мѣсто-
 стяхъ (съ очень небольшою вариацией въ передачѣ одного слова),

прибавленъ вариантъ въ одной строчкѣ, такъ же какъ и къ 3-му варианту. Такимъ образомъ, на пространствѣ менѣе, чѣмъ полустолбца, помѣщено 12 пѣсенъ со всеми особенностями ихъ діалектическаго произношенія.

Благодаря такому умѣлому обращенію съ вариантами, мы получаемъ на немногихъ страницахъ очень значительное число пѣсенъ, а группировка ихъ по вышеуказанному способу облегчаетъ ознакомленіе съ содержаніемъ ихъ, не затрудняя читателя пересчитываніемъ безконечнаго числа вариантовъ. Кому приходилось имѣть дѣло, хотя бы съ изданіями литовскихъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ братьями Юшкевичами, тотъ легко можетъ себѣ представить, сколько времени и труда мы бережемъ, благодаря искусному размѣщенію вариантовъ въ сборникѣ г. Виссендорфа-Барона.

Таковы положительныя стороны этого изданія. Но рѣшительнымъ образомъ я ставлю ему въ вину сохраненіе неуклюжей и неточной готической орфографіи: *s*, которое означаетъ то *z*, то *s* (въ сочетаніи *st* или перечеркнутое); *ee*, которое очень далеко отъ дифтонга *ea*; *h* для указанія на долготу; перечеркнутыя *u*, *l* для означенія мягкости *u* и *l* и т. п.: все это нуждается въ замѣнѣ болѣе простымъ алфавитомъ. Къ чему передавать ч черезъ *tsch*, когда для этого достаточно написать общепринятое въ научной транскрипціи *č*; то же слѣдуетъ сказать про *š*, *dz*, про обычный знакъ долготы, про знакъ надъ согласнымъ для означенія мягкости и т. д. Такія крупныя, составляющія эпоху изданія, какъ разбираемое мною, должны прокладывать новые пути, а не слѣдовать по старой, проторенной, но скверной дорогѣ; единственное, что можно сказать въ оправданіе консерватизма издателей, это то, что новый алфавитъ (а у латышей почти всякій писатель пишетъ по своему) могъ бы препятствовать распространенію ихъ прекраснаго сборника въ народныхъ массахъ, но я думаю, что это препятствіе существовало бы не долго, и народныя массы привыкли бы къ новой азбукѣ, что и было бы въ высшей степени желательно.

Перехожу къ латышской народной пѣснѣ, поскольку она представлена изданіемъ г. Виссендорфа и Барона.

Какъ извѣстно, обычная латышская пѣсня состоитъ изъ 4 строкъ, изъ которыхъ первая двѣ заключаютъ поэтическую картину изъ жизни природы, а вторыя соответствующій ей образъ изъ жизни сердца. Этотъ обычный приемъ параллелизаціи жизни природы и сердца, существующій съ древнѣйшихъ временъ поэзій у всехъ народовъ, приводитъ въ латышскомъ пѣсенномъ творествѣ къ созданію постоян-

ныхъ символовъ; извѣстная картина природы соотвѣтствуетъ определенному настроенію. Такимъ образомъ, одинокая березка на болотѣ напоминаетъ сиротку, тогда какъ береза въ саду, гдѣ ее берегутъ и любятъ, соотвѣтствуетъ въ пѣснѣ любимой дочери (ср. № 5152 и мп. др.), но береза можетъ быть и инымъ символомъ, какъ это видно, напримѣръ, въ пѣснѣ № 3449:

„Бѣлыя березы, черныя ольшныи наклоняются другъ къ другу;
мон бѣлыо (т. е. милые) братцы кланяются другъ другу“.

Для изученія психологіи народнаго творчества чрезвычайно важно установить тѣ ассоціаціи, которыми руководилась поэзія при созданіи символовъ, и названный сборникъ своимъ обиліемъ вариантовъ и ихъ искуснымъ размѣщеніемъ даетъ въ руки изслѣдователя огромный и надежный матеріалъ. Особенно интересно прослѣдить, какъ одинъ и тотъ же поэтический образъ бываетъ иногда развитъ въ различныхъ направленіяхъ. Такъ, мы имѣемъ вступленіе:

Ozolam bēza miza,
Lāi lapas darinaja

(т. е. у дуба толстая кора, потихоньку онъ дѣлаетъ листья), къ которому въ № 4755 прибавлены слѣдующія двѣ строки: „Сиротка моя сестрица, потихоньку она вступаетъ въ разговоръ“, въ № 4756: „Я выржала безъ матушки, потихоньку я набралась разума“, въ № 4918: „Сиротка росла печально, а скопила прекрасное приданное“ и въ № 4919: „Я сиротка безъ матушки, потихоньку я наработала приданное“. За исходный пунктъ во всѣхъ этихъ четырехъ стихотвореніяхъ служить толстая кора дуба, которая будто бы мѣшаетъ ему быстро покрываться листьями; слѣдовательно, дубъ оказывается въ исключительно грустномъ положеніи по отношенію къ другимъ деревьямъ, въ такомъ же грустномъ, какъ сирота по отношенію къ другимъ дѣвушкамъ. Значить, параллель готова, хотя дубъ можетъ быть и, дѣйствительно, зачастую бываетъ символомъ крѣпости, мужества, молодечества; но здѣсь ассоціація по сходству приравниваетъ къ грустному дубу, еще безлиственному въ то время, когда другія деревья гордятся своимъ осеннимъ уборомъ, дѣвушку—сиротку, одинокую среди богатыхъ подругъ. Ко второму стиху: „медленно дѣлаетъ (или дѣлалъ) листья“ наиболее подходящая параллель—стихи о приданномъ (т. е. нарядахъ, которые шьетъ себѣ дѣвушка на выданьи), тогда какъ первшительность въ разговорѣ и разумъ, повидимому, менѣе соотвѣтствуютъ символу, чѣмъ наряды—листья. Вѣроятно

верго, что эти строчки присочинены къ „природному вступленію“ лишь впоследствии, когда въ поэтическомъ оборотѣ уже давно находились. № 4919 (едва ли не первоначальная пѣсня) и, можетъ быть, № 4918. Такъ, изучая символику пѣсни, мы могли бы составить и относительную хронологію ея, и понять ассоціативные процессы, руководившіе поэтическимъ творчествомъ. II латышская поэзія дастъ намъ въ этомъ отношеніи особенно богатый и интересный матеріалъ.

Другимъ критеріемъ для сужденія объ относительной древности латышскихъ пѣсней служить ихъ размѣръ, который по существу своему не допускаетъ болѣе четырехъ строкъ, при чемъ двѣ первыя рисуютъ картину природы, а двѣ послѣднія соответствующее ей настроеніе. Неравномѣрное развитіе первой или второй изъ этихъ двухъ частей является исключеніемъ и, повидимому, указываетъ на позднѣйшія вставки, такъ что, имѣя двѣ пѣсни одного содержанія, но разнаго размѣра, мы можемъ, какъ я думаю, признать болѣе древней ту пѣсню, которая состоитъ изъ правильно развитой схемы четверостишія. Однако, вообще, въ вопросѣ о древности латышскихъ пѣсней необходимо соблюдать большую осторожность: проф. Зубатый въ своей статьѣ о такъ называемыхъ вставныхъ гласныхъ въ этихъ пѣсняхъ, т. е. такъкихъ гласныхъ, которыя присоединяются къ различнымъ словамъ для образованія стиха (иначе не выйдетъ размѣръ), высказался въ пользу глубокой древности латышскихъ народныхъ пѣсней. Однако, по существу своему четверостишія являются слиткомъ мелкой и подвижной единицей, чтобы они могли передаваться въ неизмѣнномъ видѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе; могутъ восходить къ относительной старинѣ отдѣльные символы, изображенія извѣстныхъ настроеній, получившія характеръ формулъ, но ихъ сочетаніе можетъ быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ новымъ, и никогда не исключается возможность присочиненія новаго перваго или втораго элемента четверостишія. Такимъ образомъ, уже съ этой принципиальной точки зрѣнія, которая основана на наблюденіи живаго роста народной поэзіи, латышскія пѣсни не могутъ быть а priori названы древними. Другія основанія проф. Зубатаго, изложенныя имъ въ уже упомянутой интересной статьѣ, представляются мнѣ не менѣе спорными: такъ, онъ возстановляетъ древнія грамматическія формы съ помощью предположенія, что вставной гласный является въ извѣстныхъ случаяхъ реминисценціей стараго окончанія, вымершаго тамъ, гдѣ его существованіе не поддерживалось ритмическими требованіями. Но противъ этого можно возразить, что къ той же самой усѣченной формѣ присоединяется въ

одномъ случаѣ *i* (чаще всего), въ другихъ *e*, *a* или *u*; что гласный *i* иногда ставится даже прямо въ началъ строки или оказывается въ такихъ положеніяхъ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о старыхъ окончаніяхъ. Такимъ образомъ, мы довольно произвольно будемъ реконструировать старыи суиши на—*tu*, окончаніе 3 лица ед. числа—*tu* и т. п., предполагая, что въ другихъ случаяхъ вставной гласный не имѣетъ морфологическаго значенія. Самъ проф. Зубатый даетъ сильное оружіе противъ себя, указывая, что ни въ одномъ единственномъ числѣ не сохранилось основное окончаніе имен. пад. ед. числа основъ на—*o*—*us*, обычное еще въ литовскомъ языкѣ. Латышская пѣсня замѣляетъ его въ случаяхъ ритмической необходимости окончаніемъ—*s + i = si* или—*i + s = is*; ни то, ни другое не имѣетъ оправданія съ точки зрѣнія исторической грамматики латышскаго языка. Далѣе, если мы обратимся ко всему множеству пѣсенныхъ вариантовъ, приведенному въ изданіи г. Виссендорфа-Барона, то мы увидимъ, что пѣсни витебскихъ латышей стоятъ какъ бы въ сторонѣ отъ пѣсенъ другихъ латышей, живущихъ сплошной массой въ Лифляндіи и Курляндіи. Мы можемъ здѣсь замѣтить тѣ же символы, много сходства въ настроеніяхъ, но самая группировка тѣхъ и другихъ, сочетаніе ихъ иное. Весьма часто рядъ пѣсенъ (особенно, длинныхъ—см., напр., № 5032) распространенъ только въ Витебской губерніи, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ пѣсни витебскихъ латышей даютъ варианты къ пѣснямъ латышей курляндскихъ и лифляндскихъ. Но, повторяю, это бываетъ сравнительно рѣдко, такъ что и съ этой точки зрѣнія мы не имѣемъ права говорить о древности латышской пѣсни. Не говорить ли за нее содержаніе пѣсеннаго творчества латышей? ¹⁾

Въ томъ томѣ, который лежитъ передъ нами, въ извѣстной группѣ пѣсенъ (о сиротѣ, которой помогаетъ судьба, сжалившаяся надъ той, кому отказываютъ въ состраданіи люди; о родахъ, когда жизнь женщины виситъ на волоскѣ и т. под.) весьма часто встрѣчается мифологическое названіе Лаймы; кое-какія скудныя упоминанія о трехъ лаймахъ, которые плещутся въ рѣкѣ (№№ 4993, 5036), о совѣщаніи лаймъ (№ 4376), о креслѣ, въ которомъ сидятъ, или на которое сажаютъ лайма (№№ 3644, 1216 и друг.), о жертвоприношеніи лаймъ

¹⁾ Нѣсколько интересныхъ замѣчаній о кажущейся древности латышской пѣсни приводитъ А. Brückner въ своей книгѣ *Starożytna Litwa. Ludy i bogiszkie historyczne i mitologiczne*. Warszawa. 1904. стр. 120—121.

курицы ¹⁾ (№№ 1139, 1140, 1141) или овцы (№ 1141₁) и т. под. позволяют думать, что иѣкогда съ именемъ лаймы (т. е. судьбы, потому—спеціально—счастья) связывались извѣстныя мноюческія представленія, въ родѣ тѣхъ, что еще сохранились у литовцевъ, приурочившись къ лаумамъ. Но такія слова, какъ глаголь *laimet* (пользоваться счастьемъ, имѣть удачу № 1603₁), *laimē* въ нарицательномъ смыслѣ (№ 1993), *laimes dēna* (счастливый день № 4126), указываютъ на абстрактный характеръ этихъ представлений. Насколько утрачена живость изображенія лаймы, видно изъ довольно распространенной пѣсни о *Laimē* и *Nelaimē* (несчастіи), которая гласитъ слѣдующимъ образомъ (№ 1220): „счастье сидитъ на холмѣ, несчастіе въ долинѣ. Возьми, счастье, камень, швырни его въ спину несчастію“. Такой же образъ восклицанія: „Ахъ, лайма, мать лаймы!“ (№ 4961).

Благодаря такому отвлеченному характеру лаймы, она отлично уживается съ христіанскими воззрѣніями. Мы находимъ, напримѣръ, пѣсню (№ 5024), вариантъ которой извѣстенъ и витебскимъ латышамъ: „Горько плачетъ моя лайма, стоя около церкви; она увидѣла, какъ меня вѣнчаютъ съ вдовцомъ“. Не слѣдуетъ думать, что лайма стоитъ около церкви потому, что въ церковь ей нѣтъ доступа. Какъ показываетъ предыдущая пѣсня („лайма накрывала мнѣ на столъ, я бѣдная сиротка; около меня, когда я сѣла за столъ, стоялъ богъ“), лайма и богъ вовсе не представляются врагами, какъ въ той же латышской христіанской мифологіи богъ и дьяволъ. *Dēvs un Laimē* (богъ и лайма) — довольно обычное соединеніе во многихъ латышскихъ пѣсняхъ (№№ 5059₁, 5059₂. Ср. №№ 5060, 5109). Курьезное сплетеніе языческихъ (конечно, употребляю это слово въ условномъ смыслѣ) воззрѣній съ христіанскими мы видимъ въ пѣсняхъ, гдѣ сиротѣ влагаются въ уста слова (№ 5055 или № 5045): „Богъ (мой) отецъ, лайма мать, божьи сыновья—братцы“. На основаніи сказаннаго пѣсни, въ которыхъ встрѣчается имя лаймы, никакъ не могутъ, лишь благодаря ему, считаться древними. Лайма здѣсь не болѣе, какъ по-

¹⁾ О жертвоприношеніи курицы, (ягненка и др. животныхъ у литовцевъ и латышей см. *A. Mieryński, Zródła do Mytologii litewskiej*, II, 139. *Brückner, Litwa*, 109. Еще въ половинѣ XVII в. въ жертву Жемешку литовцы ежегодно на большомъ общественномъ пирѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ приносили теленка, свинью, кабана, иѣтулу и курицу. *Preuss, Litauen vor 300 Jahren. Tilsit*, 1898, стр. 12: это очень напоминаетъ соотвѣтствующія мордовскія моленья.

этичскій образъ, хотя когда то съ этимъ именемъ могли связываться болѣе живыя мѣологическія представленія ¹⁾).

Рядомъ съ лаймой пѣсня весьма часто упоминаеть о Деклѣ. Это, повидному, синонимъ лаймы (Dēkla Laimē № 5058) или лайма въ особой функціи, пособница при родахъ или выборѣ жениха (№№ 1076, 1118, 1199, 1200, ср. 1216, 1218, 1225, 1536 и др.). Роль пособницы въ родовыхъ мѣлахъ раздѣляетъ съ ней *Milā Mar'a* (милая Марія), т. е. Божья Матерь, которая, такимъ образомъ, тѣсно связалась съ „мѣологическими“ воззрѣніями латышей (см. напр. № 1171). Но насколько она сохранила свой христіанскій характеръ, это обнаруживается хотя бы въ слѣдующей пѣснѣ, въ которой говорится о Маріи (№ 1138): „Я родилась въ воскресенье утромъ, не оторвала людей отъ работы; милую Марію ту оторвала: не попала она въ церковь“. И не буду здѣсь вдаваться въ разсужденіе о мѣологіи латышей, но все же замѣчу, что Декла могла бы быть, кажется, просто на просто св. Теклой (Феклой), а не исконнымъ божествомъ латышей.

Далѣе, въ извѣстной группѣ пѣсень (№№ 4977, 4948, 4987 и др.), именно въ пѣсняхъ о судьбѣ сироты, мы находимъ упоминаніе о сынѣ или чаще сыновьяхъ Бога. Что подразумѣвается подъ ними, мнѣ не ясно, но несомнѣнно, что иногда это просто поэтичскій образъ, выросшій, можетъ быть, на почвѣ христіанской или языческой мѣологіи. Чтобы показать, какъ любить Богъ сиротку, пѣсня поетъ: „Божьи сыновья устроили мостъ, положили мѣдныя бревна; по нему проѣхала сиротка, сверкала, какъ солнышко“.

Чтобы покончить съ мѣологіей современной пѣсни, упомяну еще о довольно обычномъ упоминаніи „матери лѣса“, „матери моря“ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкогда въ мѣологіи балтійскихъ племенъ такъ же, какъ финновъ, эти владыки водъ, лѣсовъ и разныхъ явленій природы играли очень видную роль, но совершенно ясно, что по современной пѣснѣ дѣлать заключенія о первоначальномъ ихъ характерѣ нѣтъ никакой возможности, потому что теперь это не болѣе, какъ поэтичскій образъ. Возьмемъ, напр., пѣсню № 1416 съ ея вариантами.

Svētibina', gausibin'a,

Вар. 1. Sata māte, gausa Вар. 2. Svēti Dēvs, gausin
māte, Dēvs,

¹⁾ Этимологія слова лайма не ясна, какъ не поддается, по моему мнѣнію, и установленіе первоначальнаго значенія этого божества. Ср. *O. Wiedemann, Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*, 28 т. (1904), стр. 13, прим. 1.

Nāc pa logu istabā,	Nāc ar sātu istabā,	Nu māmin'a galdu grīda,
Nu māmina' galdu klāja	Nu māmin'a galdu klāja	Nu māmin'a galdu grīda.
Pirmajai meitin'ai.	Pirmajam delin'ani,	Pirmajam delin'am,
Благословеніе, благословеніе,	Мать удача, мать изобиліе,	Благослови, Боже, дай обилію. Боже,
Проникни черезъ окно въ избу,	Проникни съ изобиліемъ въ избу,	Вотъ матушка устраняетъ столъ.
Вотъ матушка накрываетъ столъ	Вотъ матушка накрываетъ столъ	Вотъ матушка устраняетъ столъ
Для первой доченьки.	Для перваго сыночка.	Для перваго сыночка.

Какъ показываетъ этотъ примѣръ, мать-изобиліе (*gausa māte*) равносильна изобилію (*gausiba*); это совершенно отвлеченное понятіе, олицетворенное лишь въ видахъ поэтического творчества, но несколько не препятствующее замѣнить обращеніе къ нему обращеніемъ къ Богу (*gausin Dēvs*). Только олицетвореніемъ можетъ быть „мать вѣтра“ (*vēja māte*) въ пѣснѣ № 1350, гдѣ молодая мать, собираясь нести въ церковь крестить ребенка, беспокоится по поводу непогоды (ср. № 1351 и вар.). Этимъ настроеніемъ ея объясняется слѣдующее воззваніе: „Ахъ, прошу тебя, мать вѣтра, повели своимъ служанкамъ: мнѣ нужно нести въ церковь маленькую, маленькую душу“. Что иное какъ не поэтическій образъ, эта *vēja māte* въ пѣснѣ № 2092, гдѣ поэтъ спрашиваетъ птицу, кто качаетъ ея птенцовъ, кто ихъ няньчитъ. „*Vēja māte jūro, vēja māte auklō*“ (мать вѣтра качаетъ, мать вѣтра няньчитъ), отвѣчаетъ птица. Въ пѣснѣ № 2801 „мать вѣтра хвалилась сломать верхушку у дуба, но дубъ, хитрый мужъ, наклонился къ самой землѣ“. Въ № 2866 мы находимъ такое обращеніе къ матери вѣтра: „иди спать, мать вѣтра, на вершину сухой елки! Неужели у тебя не заболѣла голова трубить день и ночь“? Только въ этой пѣснѣ какъ будто сказывается какое-то отраженіе старыхъ мненческихъ представленій о дикой охотѣ вѣтра, но и это, конечно, теперь не болѣе, какъ поэтическій образъ.

Я не стану вдаваться въ анализъ другихъ упоминаній о „матеряхъ“ стихій: вообще говоря, въ I-омъ томѣ разсматриваемаго сборника мы встрѣчаемъ мать моря (*jūras māte* № 3371₃), мать снѣга (№ 2863), мать солнца (№ 2333, *saules māte deva* — „мать солнца выдавала дочь“ — гдѣчто очень сомнительное), мать лѣса (№ 2095₂ 2673, 2675). Такъ какъ въ каждую минуту и современный поэтъ

можетъ прибѣгнуть къ олицетворенію природы, то за древность латышскихъ пѣсней упоминаніе объ этихъ „многоческихъ“ существахъ не говоритъ ничего.

Большее значеніе я придаю тѣмъ названіямъ денегъ, которыя мы встрѣчаемъ въ пѣсняхъ. Здѣсь иногда попадаются названія старыхъ нѣмецкихъ монетъ, уже давно (когда именно, я, къ сожалѣнію, не знаю) вышедшихъ изъ употребленія. Именно, въ пѣсняхъ упоминаются *gehding's* (№ 1779 Fehrding), *ciduk's* (№ 5226₂ Fehrding), *dal'deri* (№ 3437), *pinberis* (1597₄) *марки*, (№ 2219), но рядомъ съ ними весьма обычны и русскія деньги: *полушка* (*paluška* № 1778₁), *копейка* (*карейка* № 1781), *рубль* (*rublis* № 1781; *rubulitis*, *pusrubulis* № 1597), даже *бумажныя деньги* (*parigin's* № 1774₂). Пѣсни съ упоминаемъ о *берковцѣ* и *пудѣ* (№ 2424) могутъ быть какъ старыми, такъ и новыми, хотя самыя слова *berkavs* или *birkava* и *juds* заимствованы изъ рус. *берковецъ* и *пудъ* въ старое время. Дворяне, вообще господа, носятъ въ пѣсняхъ постоянно названіе *боляръ* (*hajars*), но за возрастъ пѣсенъ это не говоритъ, такъ какъ заимствованное изъ старорус. *боляре* латышское слово до сихъ поръ (по Ульману) живетъ въ устахъ народа. Не мѣшаетъ отмѣтить, что въ одной пѣснѣ (№ 1277) упоминается объ императорѣ („я выросъ для императора знаменосцемъ“—*cs uzangu k'eizeram karodzin'a nesejin's*).

Въ содержаніи изданныхъ въ 1-омъ томѣ пѣсенъ архаистическихъ чертъ немного. Вообще говоря, онѣ рисуютъ патриархальный бытъ земледѣльца, всецѣло въ предѣлахъ его трудовыхъ радостей и горестей, семейныхъ отношеній, обыденныхъ интересовъ. Здѣсь нѣтъ недостатка въ прекрасныхъ бытовыхъ картинахъ и яркихъ изображеніяхъ чувствъ и настроеній. „Дай мнѣ, Боже, жить такъ, какъ жили старые люди: ѣсть хлѣбъ изъ старой ржи, а для новой устраивать подкладъ“ (№ 3089); „дай мнѣ, Боже, умереть, какъ умирали отецъ и матушка: отецъ умеръ молотомъ на ригѣ, а матушка мѣшая тѣсто“ (№ 3090); „кладу голову на межу, отстаиваю землю своихъ отцовъ; пусть лучше снимутъ мнѣ голову, чѣмъ отберутъ отцовскую землю“ (№ 3794). Таковъ общій тонъ этой поэзіи, для которой родная земля—высшая привязанность, ея обработка—задача всей жизни. Надо крѣпко держаться другъ за друга, чтобы вести хорошее хозяйство, чтобы въ годину испытанія не свалиться отъ неурожая или другого несчастія, и пѣсня постоянно увѣщаетъ братьевъ не дѣлиться, а жить вмѣстѣ, рисуя идеальное житіе дружной семьи: „вотъ какъ нужно жить, братцы; пять, шесть человѣкъ на полѣ, а одинъ за всѣхъ отвѣчаетъ барину“

(№ 3459 и вар.). Большая семья гордость для всякаго изъ ея членовъ (см. напр., № 3396), а раздѣлъ наводитъ на грустное сравненіе съ птенцами, которые дружно живутъ въ одномъ гнѣздѣ, в т. н. „Итъ стыда для дочери разуть ноги матери: сколько почой просиживаетъ мать, не снимая обуви, у колыбельки дочери“, учить пѣсня (№ 1927), которая не знаетъ большаго горя, чѣмъ судьба сироты. Огромное число пѣсонъ посвящено изображенію ея одиночества, безпризорности, лишеній, но еще хуже, когда она попадаетъ въ руки мачехи, на жестокость которой пѣсня не щадитъ красокъ. Иногда она доходитъ до настоящаго паоса: „бейте меня, ругайте меня, бросьте меня въ воду; итъ у меня ни отца, ни матери, некому плакать по мнѣ“ (№ 4254); иногда изливаетъ чувства въ трогательной жалобѣ: „куда ты летишь, голубка, на своихъ золотыхъ крылышкахъ? Лечу посмотрѣть на братцевъ, всѣ ли они дома? Всѣ были дома, не было только младшаго: младшій побѣжалъ (на кладбище) поплакать по отцу и матери“ (№ 4089) или „млѣе мнѣ сосна, елка, чѣмъ чужая матушка; подъ сосной, подъ елью, какъ подъ платкомъ матери“ (№ 4093). Стоя всегда на высотѣ нравственнаго чувства (отличіе отъ нашей частушки, часто безобразной по своему этическому содержанию), латышская пѣсня сурово относится къ главному пороку крестьянина, пьянству. „Если будемъ такъ пить, братцы, не будетъ намъ чести; такъ мы живо отдадимъ землю своихъ отцовъ другому человѣку“ (№ 3820), уговариваетъ она мужика или рисуетъ такую яркую бытовую картину: „жена плачетъ, дѣти воютъ, щи безъ засыпки, а муженекъ весело горланитъ въ корчмѣ за столомъ“ (№ 2096).

Здѣсь не мѣсто долго останавливаться на содержаніи латышской народной пѣсни. Я хотѣлъ только показать, что по самому своему содержанію, передающему особенности быта, не разложившагося и понынѣ, рисуящему черты набожной, честной и трудовой жизни, латышская пѣсня не даетъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить о ея возрастѣ. Тѣмъ не менѣе, кое-какіе архаизмы встрѣчаются здѣсь: такъ мы находимъ живую память о крѣпостномъ правѣ (№ 1901—1903), сопряженную съ великой несправедливостью къ нѣмецкимъ баронамъ, не перестающимъ и понынѣ, по силѣ возможности, давить латышскаго крестьянина; кое-гдѣ помнится еще старый костюмъ (напр., вся грудь до пояса въ серебрѣ — *lidz jostai sudrabinis, pillas krūtes sudrabin'a*, № 3067, 3075; височныя кольца — *man sudraba en'g'itēm*, № 4896), хотя пресловутое шерстяное покрывало *villainite*, которое встрѣчается такъ часто въ пѣсняхъ (оно изображено въ изданіи пѣ-

сень г. Трейланда), едва ли не сохранило значеніе лишь символа. Въ двухъ пѣсняхъ (№ 4768, 4770), кажется, говорится о ручной мельницѣ, о перетираніи зеренъ съ водой, которое является тяжелой обязанностью сироты въ домѣ мачехи.

Какія народности упоминаются въ латышской пѣснѣ? Русскіе очень рѣдко (см. № 1371) и безразлично, иногда эстонцы („черные эстонцы, бывше латыши“—*melni Jgauni, balli Latvēši*. № 2851), довольно часто литовцы (*Leiši*. № 3657, 3841, 3843—3844 и др.); вездѣ татары (*tatari*, № 2140, 3807₁₂). Всего чаще и съ очень яркимъ чувствомъ ненависти говорится о нѣмцахъ, которые являются въ глазахъ латышской пѣсни олицетвореніемъ всего дурного, синонимомъ изнѣженнаго лѣниваго человѣка (см. напр. № 3117), какими казались, очевидно, подвластному населенію нѣмецкіе дворяне землевладельцы.

Большое значеніе для изученія латышскаго языка долженъ имѣть этотъ сборникъ. Я уже указывалъ на принятую въ немъ систему вариантовъ, позволяющую легко обозрѣвать діалектическія и лексикальныя особенности говоровъ. Насколько можно судить уже теперь, „Латышскія пѣсни“ г. Барова-Виссендорфа представляютъ непочатой уголь всевозможныхъ интереснѣйшихъ лингвистическихъ фактовъ: работы г. Зубагаго, Мюллербаха, Эндзеллня, отчасти опирающіяся на нихъ, показываютъ, какъ обогатятся наши свѣдѣнія объ особенностяхъ латышскаго языка, когда лингвисты приступятъ къ изученію разсматриваемаго сборника. Здѣсь не мѣсто, конечно, останавливаться подробно на этой сторонѣ его, и я не дѣлаю этого, тѣмъ болѣе, что въ напечатанной недавно болѣе крупной работѣ („Слѣды корнн-основъ въ славянскихъ языкахъ“. Варшава. 1903) я привожу нѣкоторое число примѣровъ архаистическихъ формъ словообразованія въ латышскомъ языкѣ, исходя прежде всего изъ этого драгоценнаго сборника. Я отмѣчу теперь лишь самымъ общимъ образомъ тѣ пріобрѣтенія, которыми онъ обогатилъ науку: прежде всего, словарная сторона. Хотя словарь епископа Ульмана, плодъ долголѣтней работы многихъ лицъ, можетъ быть названъ относительно полнымъ инвентаремъ латышскаго языка, однако онъ все-таки нуждается въ значительныхъ дополненіяхъ (объ этомъ ниже). Въ пѣсняхъ изучаемаго сборника мы находимъ рядъ словъ, которыхъ нѣтъ въ этомъ словарѣ, или которыхъ извѣстны ему въ другой формѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ весьма интересны: такъ, пѣсня № 3858 знаетъ слово *bagaturi* (въ

значеніи *богатые, богачи*), котораго въ словарѣ нѣтъ ¹⁾; въ № 2547 находимъ слово *gasts* (гость); № 2665₂ *kankali* (куколь)? *kankal'u küle-jin'a*; ср. № 2664, и *kankališu kü'ataji*; интересное культурное слово, названіе *конопли*, встрѣчается въ пѣсняхъ этого сборника въ такихъ формахъ: *kanipes* № 1666, 2521₂, 3016; *kan'apile* № 2848, 2525₂; *kan'urile* и *kan'urejas* № 2426, 2848, кромѣ литературнаго *kan'ere*; славянскому *персть* ближе соответствуетъ *pirsts* № 4459, чѣмъ литературное *pirksts*.

Изъ области фонетики я ограничусь указаніемъ на нѣсколько интересныхъ случаевъ развитія *l*, *g* и *u*: формы *ōtrs* (литов. *antras*) — *ōrūoi* и *ōtrnēce* (вторая работница) даютъ здѣсь, благодаря развитію *r* въ *g* и отсюда въ *ar*, формы *olars* (№ 312, *vēns olar laistijes* № 3981, *otagu* 4637₂) и *olarnēca* (№ 799, 3491); изъ *ugn'* (огонь, обычная форма *uguns*, но въ пѣсняхъ также *gunlin'a*—огонекъ, даже *gunt* Acc. sing. № 1745₇, 2137) развивается *igen* (*caur igen caurdodam*, № 4431); изъ *egl'*—*ел*—*egel* (*kū taps egel—galin'e*, № 2357₄). О другихъ звуковыхъ переходахъ я здѣсь говорить не буду. Чрезвычайно интересную форму выраженія въ духѣ инкорпорирующихъ языковъ даютъ такіе обороты: *ēsamundomajās* (мнѣ издумалось, № 1085₆) вмѣсто *man ē(sa)domajās*; *apsapatedomajēs* (подумаи сама, № 4690); *apsapatidomajēs* (№ 4961); послѣдній примѣръ особенно важенъ потому, что въ вариантѣ мы находимъ правильную форму: *pulī apsadomajēs*, которая показываетъ, что инкорпорирующій оборотъ вовсе не вызывался требованіями стиха.

Свои замѣчанія о языкѣ латышскихъ пѣсней сборника г. Барона Виссендорфа я закончу указаніемъ на два лингвистическіе факта, которые, по моему мнѣнію, бросаютъ яркій свѣтъ на исторію старыхъ славяно-латышскихъ культурныхъ сношеній. Уже въ 1886 г. Беценбергеръ высказалъ предположеніе, что литовское *stubà* (зимній жилой домъ) заимствовано изъ славянскаго *u—стѣба* (см. Thomsen. *Beröinger*, 220); латышскія формы свидѣтельствуютъ за то же. Именно, по вариантамъ литературнаго латышскаго *istaba* (*ustaba* № 1704, 6371₆, *ustoba* 3833₁, *ustaba* 3319, 3273, 3243₂ и др.) мы можемъ возстановить первоначальную форму **istaba*, изъ которой развились форма *istaba* (ср. *želaba* № 5000 и *želaba* № 4950; *ābula* № 747; *pakulīn'a* и *pakalīn'a* № 3412; *ozals* и *ozuls* 2796₆, 3521 вариантъ и

¹⁾ Въ одной сказкѣ я встрѣтилъ въ томъ же значеніи слово *bagatēris*. См. *Rīgas Rakstu Krājums*, II, 118.

др.); въ другомъ направленіи форма *istuba развилась въ *ustuba* у витебскихъ латышей, какъ у нихъ же находимъ форму *úgul'eni* (3386, 3446). Краткость *i* въ *istuba* указываетъ на оригинальную славянскую форму *ĭstŭba*, которая черезъ *j—ĭ—stŭba* развилась въ *истѣба*. Если латышская форма, дѣйствительно, заимствована изъ славянской, чего нельзя сказать съ увѣренностью о литовской, то мы приобретаемъ важное свидѣтельство о древности славяно-латышскихъ сношеній. Вообще, еще предстоитъ изслѣдовать, подверглись ли латыши германскому вліянію въ періодъ такъ называемыхъ „готскихъ“ заимствованій (*инлазь, кладлазь, склазь* и др.), или они получили кое-какія слова этого круга черезъ славянь. О словѣ *истѣба* это, кажется, можно сказать навѣрное.

Другимъ словомъ, проникшимъ отъ славянь къ латышамъ уже въ очень древнее время, является общеславянское *крѣсть* (въ польск. въ Kazan. Gniezn. *kresht*; въ XVI вѣкѣ *krzesht* см. Spraw. Kom. Jez. I, 283), которое въ латышскомъ языкѣ приняло форму *kristis*, довольно распространенную въ діалектахъ (напримѣръ, въ нашемъ сборникѣ № 2027 *krista bēni*, № 2365 *nekristiis*; также *kristamāle, krista dēli* и т. д.). Въ литературномъ языкѣ эта форма неупотребительна и замѣняется формой *krusts*. Было бы весьма интересно разрѣшить вопросъ объ отношеніи этихъ двухъ формъ (*krist—: krust—*); является ли *u* въ послѣдней фонетической замѣной *i*, какъ въ *limsus: lamsus* (*timsd* № 3426), *kamipes: kan'ipes* и др., или различіе формъ основано на томъ, что онѣ были заимствованы въ разное время изъ разныхъ оригиналовъ (*крѣсть *Cristus: крѣсть = kṛst —, откуда krust —*).

Изъ вышеприведенныхъ замѣчаній читатель видитъ, какое крупное научное и общественное значеніе долженъ имѣть сборникъ г. Виссендорфа и Барона. Мы имѣемъ основаніе ждать съ нетерпѣніемъ продолженія этого важнаго изданія, и не можемъ не пожалѣть, что его выходъ какъ будто на время остановился: послѣдній выпускъ появился уже въ 1898 году. Первый вышелъ въ 1894 году: значить, въ четыре года появилось 10 выпусковъ, и съ тѣхъ поръ вотъ ужъ пятый годъ не выходитъ ничего. Пожелаемъ, чтобы нашлись и средства, и досугъ для окончанія изданія, которое дастъ намъ полное представленіе о латышскомъ пѣсенномъ творчествѣ.

Переходимъ къ другому латышскому изданію съ богатымъ этнографическимъ матеріаломъ. Это сборники научныхъ комиссій при Рижскомъ и Митавскомъ латышскихъ обществахъ, такимъ образомъ

двѣ серіи изданій. Рижское общество выпустило до сихъ поръ 13 выпусковъ, изъ которыхъ послѣдній, миѣ извѣстный, вышелъ въ 1901 году. Кромѣ отчетовъ о дѣятельности комиссін, заключающейся въ выдачѣ студентамъ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній денежныхъ пособій, въ устройствѣ библиотеки и собранійхъ, на которыхъ читались рефераты по вопросамъ научной разработки латышскаго языка и фольклора, и кромѣ библиографическихъ отчетовъ о ходѣ латышской литературы за отдѣльные годы, отчетовъ, очень цѣнныхъ для всѣхъ занимающихся данной дисциплиной, — сборники заключаютъ въ себѣ рядъ статей, посвященныхъ латышской этнографіи, языку и правописанію. По вопросу о послѣднемъ научная комиссія имѣла цѣлый рядъ засѣданій, въ результатъ которыхъ пришла къ рѣшенію (въ 1885 г.) не означать надъ гласными долготы и держаться передачи звуковъ *š, ž, ģ* и мягкихъ согласныхъ съ помощью запятой, поставленной подъ буквой. Несомнѣнно, что эта транскрипція звуковъ представляетъ прогрессъ въ сравненіи со старой сложной азбукой, которой напечатанъ и сборникъ г. Виссендорфа-Барона, по все же въ ней много неудобнаго. Во-первыхъ, принципъ подписыванія знаковъ подъ буквой неудобенъ потому, что при подчеркиваніи слова онъ легко можетъ стереться и слиться съ чертой; принципъ, предложенный редакціей журнала *Finnisch-Ugrische Forschungen* всѣ знаки выносить надъ строчку, въ этомъ отношеніи гораздо удобнѣе. Далѣе, къ чему сочинять буквы, не употребляющіяся ни въ одномъ другомъ алфавитѣ, когда литературная традиція давно уже освятила употребленіе буквъ *š, ž, ģ* въ различныхъ языкахъ (транскрипціи санскрита; научное правописаніе, употребляемое романистами, славянами и др.; изъ литературныхъ языковъ чешскій, лигвовскій, отчасти старопольскій и т. д.). Наконецъ, врядъ ли полезно какъ для развитія языкового чутья, такъ и въ смыслѣ научной передачи звуковъ выводить изъ употребленія обозначеніе долготы гласныхъ: примѣръ чешскаго языка, который въ этомъ отношеніи такъ же чувствителенъ, какъ и латышскій, долженъ былъ бы предостеречь латышскихъ реформаторовъ азбуки отъ увлеченія. Если вмѣсто возможно точной транскрипціи вводится неточная и небрежная передача звуковъ, не основанная къ тому же на исторической традиціи, это прямой регрессъ, который долженъ отразиться и на языкѣ, ибо между грамматическими требованіями правописанія и произношеніемъ звуковъ грамматически образованными людьми всегда существуетъ соответствіе.

Вопросамъ языка въ литературныхъ сборникахъ рижскаго латышскаго общества (*Rakstu Krajums izdots no Rīgas Latvešu Beedribas Zinību komisijas. Rīga*) посвященъ рядъ статей, касающихся такихъ выдающихся явленій латышскаго языка, какъ разнообразное произношеніе гласныхъ звуковъ ¹⁾, синтаксическое употребленіе причастій различнаго образованія ²⁾, остатки старыхъ падежей и морфологическихъ образованій и новообразованія въ родѣ дебитива (формы со значеніемъ *нужно*) ³⁾. Если мы присоединимъ къ этому разработку латышскаго языка въ статьяхъ *И. Эндзелія*, *П. Шмидта*, *К. Мюлленбага*, *И. Зубатова*, *А. Бенценбергера* и др. въ русскихъ, чешскихъ, латышскихъ и нѣмецкихъ журналахъ, то мы получимъ довольно точное представленіе о научныхъ интересахъ къ латышскому языку со стороны мѣстныхъ и иноземныхъ ученыхъ. Особенно продуктивны г. Мюлленбахъ, статьи котораго, представляющія выдающійся интересъ для всякаго лингвиста, напечатаны частью въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, частью въ „*Indogermanische Forschungen*“, но по преимуществу въ латышскомъ популярномъ журналѣ „*Austrums*“, откуда они извлечены въ видѣ трехъ сборниковъ,—и, кромѣ него, г. Эндзелинъ, который особенно за послѣдніе годы напечаталъ весьма много работъ по латышскому языку, освѣщающихъ его явленія съ точки зрѣнія сравнительнаго языкознанія.

На словарные матеріалы латышское общество въ Ригѣ обратило большое вниманіе, предпринявъ изученіе ботаническихъ и зоологическихъ названій латышскаго народа, дополненіе словаря Ульмана и т. под. Кромѣ того, имена населенныхъ мѣстъ и урочищъ начинаютъ привлекать его вниманіе, хотя, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи сдѣлано меньше, чѣмъ можно бы ожидать. Только въ 3 и 4 книжкахъ литературнаго сборника напечатанъ рядъ статей о мѣстныхъ

¹⁾ *И. Вельме*, „О тройкой долготѣ латышскихъ гласныхъ“. *И. Пелексъ*, „О долготѣ латышскихъ гласныхъ“ (обѣ статьи въ 9-й книжкѣ Литер. Сборн. за 1894 годъ). *И. Эндзелинъ*, Произношеніе дифтогвовъ и долгихъ гласныхъ въ латышскомъ языкѣ (въ 11-й книжкѣ за 1897 годъ).

²⁾ *И. Фрейберсъ*, О латышскихъ причастіяхъ на *-ot* и *-dam* (во 2-й кн. за 1884 г.). *И. Вельме*, О латышскихъ причастіяхъ (въ 3-й кн. за 1885 г.).

³⁾ Такъ, въ 13-й книжкѣ помѣщены статьи: *И. Эндзелія*, „Какъ возникъ и употребляется въ народномъ языкѣ дебитивъ?“, „О рефлексивныхъ формахъ латышскаго языка“ и „*Instrumentalis*“, *К. Мюлленбага*, „Объ окончаніи *-ime*“, статья неяснаго миѣ автора „О судьбѣ средняго рода въ латышскомъ языкѣ“, наконецъ, хорошо записанные диалектологическіе матеріалы *И. Эндзелія* и *К. Мюлленбага*.

названіяхъ; въ послѣдующихъ же книжкахъ его онѣ отсутствуютъ, какъ и словарные матеріалы (дополненія къ словарю Ульмана во 2 и 3 книжкахъ, „Ботаническія названія“ г. Пльстера во 2 и 3 книжкѣ, только въ 9 кн. „Рыбы Рижскаго залива“ А. Матиса). На дополненія къ словарю Ульмана, представляющія не мало литературныхъ словъ, неуспѣвшихъ войти въ его собранія словъ, я обращаю особенное вниманіе лингвистовъ: любопытно, какъ по образцу иностранныхъ языковъ скрывается словарный матеріалъ собственнаго литературнаго языка. Такъ нѣмецкіе *leichtsinnig*, *leichtgläubig* передаются черезъ *vēgl-prātīgs*, *vēgl-ticīgs*, *altgläubig*—*ecc-ticīgs*; *der Dunkelmann* переводится съ помощью *tumsnis* (отъ *tumsis*—темный), *international-sturptautisks*, *freisinnig*—*brīvprātīgs* и т. д. Попадаютъ и новыя заимствованія изъ русскаго языка: *rūda* (руда), *spīčka* (спичка), *trījūgs* (тройка, —*trīj*+*jūgs*) и др. Въ литературныхъ сборникахъ мы находимъ три статьи, посвященныя новымъ заимствованиямъ и новообразованиямъ въ языкѣ: „о чужихъ словахъ“ (13 кн.), г. Кажока „Языкъ нашей письменности и языкъ нашихъ отцовъ“ (8 кн.) и г. Кливни „О нѣкоторыхъ значеніяхъ двухъ понятій“ (*rakstecis*—письмоводитель и *tēsmeklis*—судебный слѣдователь) въ 7-й книжкѣ.

Переходимъ къ этнографическимъ матеріаламъ. Оставляя въ сторонѣ совершенно ненаучныя мнѳологическія построенія г. Лаутенбаха, которыя находятся въ полномъ противорѣчій съ трезвымъ и научнымъ направленіемъ журнала, я перечислю въ порядкѣ книжекъ его тѣ этнографическія сборники, которые мы въ немъ находимъ.

Почти въ каждой книжкѣ мы находимъ что-нибудь интересное въ этомъ отношеніи: сборникъ повѣрій, пословицъ, загадокъ, сказокъ, пѣсенъ и т. п. Попадаютъ собранія матеріала и для исторіи одежды: такъ въ 3-й и въ 7-й книжкахъ г. Зильнигъ и г. Аронъ Матисъ помѣстили статьи „Объ окрашиваніи шерсти и женской одежды въ прежнія времена“. Встрѣчаемъ мы и цѣльныя этнографическія описанія опредѣленныхъ районовъ („О латышахъ Плукинтскаго уѣзда. Этнографическія и статистическія свѣдѣнія“ С. Новицкаго въ 11-й кн.), и матеріалы для исторической этнографіи („Гдѣ находился замокъ *Aulinc* латышскаго вождя Варидота?“ Таливальда въ 10-й кн.), и описанія народныхъ празднествъ (между прочимъ, играцы подъ названіемъ охоты на игиць—*putnu dzīšana* и стрѣльбы яницъ *rautu saužana* въ 13-й кн., свадьбы въ Даидангенскомъ приходѣ въ старое время въ 6-й кн.).

Въ 3-й кн. Литературнаго сборника находимъ сборникъ сказокъ,

записанныхъ разными лицами. Здѣсь, кромѣ обычныхъ бродячихъ сюжетовъ, помѣщенъ рядъ легендъ космологическаго содержанія (о лосѣ, ласточкѣ, волкѣ, медвѣдѣ; о спустившихся озерахъ), преданія мноологическаго характера (о пукисахъ, о чертяхъ, о вѣдьмахъ), причемъ въ сказкахъ изъ Пѣнавы особенно много чертъ, напомипающихъ средневѣковую мистику, откуда онѣ вѣроятно и проникли въ латышскій народъ; подтвержденіемъ этому взгляду могутъ служить извѣстныя латышскія сказки о чертяхъ, которые приходятъ на посидѣлки, чтобы хватать тапнующихъ, и другія преданія съ аскетическимъ направлениемъ, которое проникало въ народную среду, конечно, только черезъ духовенство, твердившее о грѣховности всякаго свѣтскаго веселья. Вообще, изслѣдованіе латышской народной мистики открыло бы среди немногаго, восходящаго къ доисторической старинѣ, весьма много специфически средневѣковаго, разлившагося благодаря процессамъ вѣдьмъ и усиліямъ духовенства по всей католической и протестантской Европѣ, особенно въ XVI вѣкъ, Teufels-Jahrhundert Европы).

Весь 5-й выпускъ (1889 г.) посвященъ народнымъ пѣснямъ, расположеннымъ въ порядкѣ сюжетовъ, что облегчаетъ ихъ обзоръ (море, озеро, рѣка, Двина, снѣгъ, туманъ и роса, вѣтеръ и т. д.). Не отсутствуютъ здѣсь, конечно, и пѣсни „мноологическаго“ содержанія, распределенныя по рубрикамъ: лайма, злой день, солнце (дѣва солнца № 1291, ссора Бога съ солнцемъ, вслѣдствіе которой „Богъ швырнулъ въ солнышко серебрянымъ камнемъ“ № 1292 и др.— всего 22 пѣсни), мѣсяць („сынъ Божій“), утренняя звѣзда, громъ, Богъ и сыновья Бога; различныя мноологическія пѣсни (напримѣръ, о Мартинѣ и другія, не заключающія въ себѣ ровно ничего мноологическаго). Что касается пѣсенъ всѣхъ этихъ рубрикъ, то онѣ, дѣйствительно, заключаютъ въ себѣ интересный матеріалъ, конечно, не для исторіи латышской мноологии, но для пониманія художественнаго творчества этого народа, одареннаго большимъ поэтическимъ чутьемъ. Къ сожалѣнію, только страсть къ мноологизаціи, вообще присущая народностямъ, у которыхъ трезвая наука еще не успѣла сдѣлать свое критическое дѣло, заставляетъ относиться съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ къ пѣснямъ „мноологическаго“ содержанія. Литературный опытъ прошлыхъ временъ у насъ и на Западѣ доказалъ съ полной очевидностью, что даже самые порядочные и честные въ житейскомъ смыслѣ люди не разъ бывали повинны въ мноологическомъ сочинительствѣ, которое въ ихъ глазахъ вовсе не являлось нарушеніемъ какихъ-либо требованій морали, а напротивъ представля-

лось высоко патриотическимъ подвигомъ. Вслѣдствіе этого, не въ укоръ будь сказано собирателямъ латышскаго народнаго творчества, которые заслуживаютъ величайшаго уваженія и благодарности, имъ слѣдовало бы относиться съ возможной осторожностью къ опредѣленію гѣсни мифологической и соблюдать скептицизмъ при записываніи таковыхъ. Иначе, не трудно насочинить цѣлый Олимпъ боговъ и богинь, какъ ихъ надѣлать, напримѣръ, г. Фекенштедтъ, а изъ латышскихъ писателей хотя бы г. Лаугенбахъ въ своей поэмѣ „Лига“. Противъ подобной мифологизаціи, настоящей отравы народнаго духа, въ которомъ слѣдуетъ воспитывать прежде всего стремленіе къ трезвой мысли, должны были бы возстать всѣ латышскіе литературные дѣятели, просвѣтленные настоящимъ свѣтомъ знанія.

Въ 6-й книгѣ Сборника, кромѣ указаннаго описанія свадьбы, мы находимъ довольно большой сборникъ поговорокъ (1018 номеровъ) и очень цѣнное собраніе повѣрій, на которомъ останавлиюсь нѣсколько дольше. Прежде всего, здѣсь помѣщены повѣрія на разные дни года, прогностическія примѣты объ урожаѣ, о счастьи и удачѣ въ различныхъ житейскихъ дѣлахъ. Далѣе идутъ примѣты, связанныя съ временами дня (утро, вечеръ), года (весна, Великій постъ), съ различными семейными событіями (сватовство, крестины, похороны) и моментами земледѣльческаго кругооборота (пахота, сѣвы), съ пчеловодствомъ, рыболовствомъ, различными домашними занятіями и т. п.; далѣе идутъ всевозможныя суевѣрія, расположенныя опять-таки въ предметномъ порядкѣ, свѣдѣнія по народной медицинѣ и т. п. Въ общемъ, обо многомъ, но понемногу. Если мы сравнимъ сходныя изданія финскаго литературнаго общества, гдѣ по цѣлому тому посвящено на суевѣрія, связанныя съ охотой или съ рыболовствомъ, то указанный латышскій сборникъ произведетъ на насъ довольно жалкое впечатлѣніе: если нѣсенное творчество латышскаго народа уже прекрасно представлено въ рядѣ цѣнныхъ сборниковъ, то другія стороны его словесности освѣщены сравнительно еще мало; нѣкоторое исключеніе изъ этого вывода можно сдѣлать, какъ мы увидимъ ниже, только для сказокъ. Но такая интересная сторона народнаго поэтическаго быта, какъ примѣты, повѣрія, пока еще едва затрагивается собирателями. И между тѣмъ въ этихъ примѣтахъ не мало любопытнаго и болѣе древняго, чѣмъ въ такъ-называемой мифологіи: повѣрія, соединяемыя съ баней, съ порогомъ и т. д., отзываются большой стариной.

Отличный сборникъ загадокъ помѣщенъ въ 7-й книжкѣ Сборника. До сихъ поръ мы имѣли только изданіе Биленштейна „1000 Lettische

Räthsel“ (Mitau. 1881), которое получаетъ значительное дополненіе въ лицѣ сборника латышскаго общества въ Ригѣ (1892), обнимающаго 1472 номера загадокъ, не считая иногда многочисленныхъ вариантовъ къ нимъ. Расположены онѣ такъ же, какъ у Биленштейна, т. е. въ алфавитномъ порядкѣ отгадокъ. Сравнивалъ оба сборника, мы должны отдать рѣшительное преимущество въ смыслѣ полноты и интереса содержанія послѣднему: тамъ, гдѣ Биленштейнъ приводитъ иногда всего одну загадку, новый сборникъ знаетъ ихъ три—четыре (окно—у Биленштейна 1 загадка, въ сборникѣ 1892 г.—8; ротъ и зубы—3 : 5; и т. д.), но, конечно, бываютъ и такіе предметы, о которыхъ загадки есть въ одномъ и отсутствуютъ въ другомъ сборникѣ (у Биленштейна естественно мы не найдемъ довольно забавныхъ и малоочтительныхъ загадокъ о пасторѣ—*mācīlajis* и т. п.). Въ общемъ, пользуясь обоими собраніями, можно было бы дать весьма интересное обзорное мотивовъ латышской загадки, въ созданіи которой переплелись самые различные элементы, въ томъ числѣ и финскіе, какъ показываетъ, напримѣръ, загадка № 714 (1892 г.). *Lumalīna tek raselu, izkrit zelta atslēdzīna* (=Юмалина бѣжитъ по дорогѣ, ронитъ золотой ключикъ), что значитъ: *мысль и иней*. Загадка о комарѣ („кривоногий отецъ крови“) стоитъ въ связи съ легендами о потопѣ и роли, которая принадлежала комару въ трудную минуту, когда онъ, испробовавъ крови всѣхъ земныхъ существъ, объявилъ, что кровь человека всего вкуснѣе, и что поэтому онъ долженъ быть добычей змѣи. Въ связи съ загадками финскими, эстонскими и литовскими и съ народными сказаніями и повѣртіями латышская загадка представляетъ чрезвычайно интересный сюжетъ для серьезной этнографической работы.

Народной медицинѣ латышей посвящены двѣ работы г. Алксниса: „Materialien zur lettischen Volksmedizin“ (Halle. 1894) и матеріалы, помѣщенные въ 12-й книжкѣ литературнаго сборника: кромѣ различныхъ лѣченій травами и симпатическими средствами, здѣсь не мало любопытныхъ указаній на мистическія представленія народа о причинахъ болѣзней, заговоры и т. п. На стр. 41—46 начата интересная *Svētā gramata* или *Genģija* съ указаніемъ на счастливые и несчастные дни и мистическія причины счастья и несчастья въ опредѣленные дни. Насколько мнѣ извѣстно, это единственная доселѣ найденная параллель къ нашимъ сказаніямъ о дняхъ, и, какъ таковая, она заслуживала бы особаго вниманія со стороны нашихъ специалистовъ по древне-русской мистической литературѣ.

Таково содержаніе 13 выпусковъ Литературнаго сборника, издаваемого латышскимъ обществомъ въ Ригѣ. Какъ мы видѣли, оно отличается нестротой и извѣстной случайностью матеріала: рядомъ съ отличными сборниками сказокъ, загадокъ, пословицъ и повѣрій мы находимъ здѣсь статьи по мнѳологін, совсѣмъ ненаучныя; статьи по языку чередуются съ библиографическими обзорами и спорами о правописаніи. Будучи органомъ молодой литературы, еще не успѣвшей принять опредѣленной фізіономіи, эти сборники и не могли имѣть много характера: если это не совершенная случайность, то подборъ статей въ послѣднихъ книжкахъ журнала, повидному, показываетъ, что за послѣднее время интересъ къ научному изученію роднаго языка въ латышской интеллигенціи преобладаетъ надъ интересами этнографическими. Это вполне научное движеніе, которое обѣщаетъ совершенно имѣтьснть диллетантизмъ въ разсужденіяхъ о языкѣ, мнѳологін и культурѣ балтійскихъ народовъ, которымъ такъ долго были отмѣчены, да и до сихъ поръ отличаются работы нѣкоторыхъ латышскихъ и литовскихъ писателей. Будучи естественнымъ явленіемъ на первыхъ порахъ разработки данныхъ вопросовъ со стороны писателей, которыми руководилъ благородный интересъ къ родному языку и быту, но которые своей научной подготовкой не были призваны къ освѣщенію ихъ, стоящему на уровнѣ научныхъ требованій,—этотъ диллетантизмъ долженъ былъ привести къ созданію настоящей науки на подготовленной такимъ образомъ національной почвѣ: и работы г. Мюлленбаха, П. Шмидта, Эндзеліня и др. ручаются за то, что это научное направленіе получило уже вполне права гражданства у себя на родинѣ.

Съ 1890 года начало выходить и другое изданіе этнографическаго содержанія. Это—*Jelgavas Latvėšu Bēdribas Rakstnēcības Nodalas Rakstu Krājums* (Литературный Сборникъ литературнаго отдѣла Матавскаго латышскаго общества), котораго до сихъ поръ вышло 6 выпусковъ (послѣдній въ 1901 году) въ 7 книжкахъ. Въ отличіе отъ своего рижскаго товарища этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ только этнографическій матеріалъ и, не претендуя на разработку вопросовъ правописанія, печатается обычнымъ латышскимъ алфавитомъ, неудобства котораго были нами уже отмѣчены въ разборѣ сборника г. Барона-Виссендорфа. Обратимся къ содержанію вышедшихъ книгъ.

I выпускъ заключаетъ въ себѣ народныя пѣсни, извѣстныя подъ именемъ *wirknes*, т. е. „паннзей“. Онѣ состоятъ изъ сдѣленія четверостишій, которыя подобраны по смыслу и даютъ въ суммѣ довольно длинную пѣсню отъ 6—8 до 24 и болѣе строкъ. Для исторіи

народной пѣсни вообще и въ частности нашей „частушки“ этотъ сборникъ представляетъ много интереснаго; къ сожалѣнію, все это еще лежитъ въ полномъ пренебреженіи со стороны нашихъ этнографовъ. Но вотъ одинъ примѣръ, какъ слагается *wirkne*. Возьмемъ № 167:

Деревенская красота сиротка,
 Ни къ кому она не ходила.
 Пойду въ конюшню, осѣдлаю коня,
 Пойду тихонько посмотрѣть.
 Пришла ли она, не пришла ли,
 Она ли мнѣ отвѣтила?
 Идетъ дѣвушка рыдая,
 Вытирая слезы.
 Одной рукою подняла ворота,
 Другой вытираетъ слезы.
 „Отчего ты, дѣвушка, плачешь,
 Почему вытираешь слезы?
 „Какъ, молодецъ, мнѣ не плакать?
 Нѣтъ у меня ни отца, ни матери,
 Ни отца, ни матери,
 Ни родного брата!“
 „Приди, дѣвушка, ко мнѣ,
 Есть у меня и отецъ, и мать,
 Есть и отецъ, и мать,
 Есть и родные братья.“
 „Стары твои отецъ и мать,
 Чуждые у тебя братья.
 Я подожду, пока за мною
 Придетъ сиротника“.

C'ima dail'a sērdēnīte
 Ne pē vēna ta negāja.
 Eju stall, segloj' bērō,
 Jāsu tīši apraudriti,
 Vaj ta nāca, vaj nenāca,
 Vaj ta manim atsacīja?
 Nāk meitin'a raudadama,
 Asarin'as slaucidama.
 Vēnu roku vārtus cōla,
 Otru slanka asarin'as.
 „Kapēc, meitin', raudī tu?
 Kapēc: slauki asarin'as?“
 „Kā, puisiti, neraudašu,
 Nav man tēva, māmulin'as,
 Nav man tēva, māmulin'as,
 Ne īstena bālelin'a“.
 „Nāc, meitin'a, tu pē manis,
 Man ir tēvs un māmulin'a,
 Man ir tēvs un māmulin'a,
 Man īsteni bālelini“.
 „Sīvi tavi tēvs, māmīn'a,
 Ļepni tāvi bālelin'i.
 Es gaidīšu sērdēniti
 Pē manimi atjājoti“.

Если мы сравнимъ эту пѣсню съ ея вариантами, помѣщенными въ сборникѣ г. Барона-Виссендорфа, изъ которыхъ шесть напечатаны цѣликомъ и еще нѣсколько въ извлеченіи (№ 5256, стр. 794—795), то мы увидимъ, что при одинаковомъ болѣе или менѣе началѣ въ дальнѣйшемъ пѣсня развивается различнымъ образомъ. Такъ, въ 4 вариантахъ послѣ жалобы сироты, что у нея нѣтъ родителей и братьевъ пѣсня продолжаетъ: „Иди, дѣвушка, ко мнѣ, я буду тебѣ и отцомъ, и матерью, и роднымъ братцемъ; я буду сѣдлать коня, а ты стлать постельку“. Вариантъ 3 обрывается на увѣреніи молодца, что у него есть и родители, и братья; въ вариантѣ 2-мъ мотивы, по которымъ дѣвушка-сиротка отказывается отъ выхода замужъ за богатаго жениха, изложены нѣсколько иначе, чѣмъ въ вышеприведенной пѣснѣ. Съ другой стороны, иначе можетъ быть развито и начало пѣсни: такъ, вариантъ 1 подробно останавливается на добродѣтеляхъ

сиротки и объясняютъ, почему молодецъ хочетъ ѣхать *потихоньку*, что не совсѣмъ понятно въ основной пѣснѣ. Самостоятельность частей въ этой пѣснѣ весьма велика, и если она въ настоящее время получила такое единство, при которомъ ее уже трудно разложить на составные элементы, то въ другихъ пѣсняхъ сборника „Tautas dzēsnu vīrknes“ подобное разложенье напрашивается само собой (напр. № 108, 72 и мн. др.). Повторяю, что для исторіи эволюціи народной пѣсни названный сборникъ даетъ обильный матеріалъ.

Во 2-мъ выпускѣ литературнаго сборника Митавскаго латышскаго общества, вышедшемъ въ 1893 году, находимъ цѣнный этнографическій матеріалъ: сказки; преданія, связанныя съ мѣстностями; повѣрья и описанія обычаевъ и т. д.; среди послѣднихъ встрѣчаемъ описанія свадебныхъ и крестинныхъ торжествъ. Старательно составленъ отдѣлъ повѣрій, расположенный въ нѣсколькихъ рубрикахъ (1. Особенности дни. 2. Животныя. 3. Различные обычаи и суевѣрія, въ томъ числѣ и заговоры). Далѣе идутъ небольшія собранія загадокъ и пословицъ, за которыми слѣдуютъ „образцы говоровъ“ изъ 33 мѣстностей. Уже этотъ краткій обзоръ показываетъ, что передъ нами выдающійся по своему этнографическому значенію сборникъ. Въ томъ же 1893 году вышелъ и 3-ій выпускъ разсматриваемаго нами изданія, посвященный цѣликомъ сказкамъ, записаннымъ г. Бирзинкомъ. Всего здѣсь 38 номеровъ; среди сказокъ, представляющихъ въ огромномъ большинствѣ сказочные бродячіе сюжеты, есть нѣсколько любопытныхъ легендъ космологическаго содержанія (о происхожденіи волка, медвѣдя), продуктвъ средневѣковой мистики и сказокъ, въ которыхъ очень ярко проявляется „душа народа“ (напр. № 33. „Кони черта“ — непримиримая ненависть къ господамъ — нѣмцамъ, отмѣченная нами и въ пѣснѣ). Чрезвычайно интересенъ и слѣдующій сборникъ общества (№ 4), вышедшій въ 1894 году: здѣсь напечатано 69 номеровъ легендъ, связанныхъ съ урочищами и другими мѣстностями (о возникновеніи озеръ, о кладахъ, о замкахъ и т. д.), далѣе — нѣсколько этнографическихъ описаній (объ Ивановой ночи, рассказы старыхъ людей о старинѣ и др.). 5-ый выпускъ (1896), раздѣленный на двѣ книжки, представляетъ тщательный подборъ легендъ о мѣстностяхъ, космологическихъ сказаній, преданій миеологическаго характера и сказокъ. Выдающійся интересъ долженъ былъ бы представить для этнографа послѣдній выпускъ литературнаго сборника, появившійся въ 1901 году. Это неуступающее по своей обстоятельности финскимъ изданіямъ собраніе всевозможныхъ повѣрій, которыя связываются съ

рожденіемъ и воспитаніемъ дѣтей; приведены самыя мелочныя подробности материнскихъ заботъ. Этотъ сборникъ составленъ преподавателемъ гимназін, г. Петерсопомъ, и носитъ названіе: „Latvėšu matē ar bērni“ (латышская мать съ дитятей).

Изъ этого обзора, который долженъ былъ по необходимости выйти очень краткимъ, читатель, вѣроятно, увидитъ, сколько цѣннаго даютъ изданія Митавскаго латышскаго общества, которыя въ этнографическомъ отношеніи, какъ мнѣ кажется, значительно превосходятъ одноименныя изданія Рижскаго общества.

Подобно тому, какъ латышская народная пѣсня становится намъ извѣстной во всемъ своемъ объемѣ, благодаря цѣлому ряду названныхъ сборниковъ, такъ мы получаемъ возможность ознакомиться и съ латышской народной сказкой, которая обратила на себя должное вниманіе какъ въ названныхъ уже этнографическихъ собраніяхъ, такъ и въ большомъ собраніи г. Лерхъ-Пушкайтиса, обнимающемъ 5 книгъ (1891—1894) и дающемъ свыше 850 сказокъ, повѣрій, легендъ мифологическаго, космологическаго и романическаго содержанія. Въ послѣднемъ 5-омъ выпускѣ названнаго сборника значительная часть матеріаловъ принадлежитъ заслуженному собирателю произведеній латышскаго народнаго творчества г. Трейланду (Бривземиѣку), который издалъ въ Москвѣ сборникъ латышскихъ пѣсенъ, заговоровъ и (1888) сказокъ (первые два сборника съ латышскимъ текстомъ и съ русскимъ переводомъ, послѣдній только въ переводѣ). Еще ранѣе вышелъ его же небольшой сборникъ: „Сказки нашего народа“ (цензурная помѣтка—9 ноября 1887 года), обнимающій 27 номеровъ.

Небольшой этнографическій матеріалъ въ переѣмку съ литературнымъ заключается въ изданіи латышскихъ студентовъ Юрьевскаго университета: *Seta, daba, pasaule* (Дворъ, природа, вселенная); однако имѣя подъ руками всего одинъ выпускъ этого изданія, я не буду входить здѣсь въ его разсмотрѣніе. Прежде, чѣмъ перейти къ трудамъ, посвященнымъ витебскимъ латышамъ, упомяну о любопытномъ небольшомъ сборникѣ г. Шанберга: „Latvėšu tautas apdzēšanas dzēsma“ (Ielgava. 1888), гдѣ помѣщено нѣсколько длинныхъ игровыхъ пѣсенъ, въ которыхъ дѣвушка и юноша перебрасываются шуточными замѣчаніями: напримеръ, юноша проситъ дѣвушку выйти за него замужъ, та отказываетъ ему, учитъ его, какъ надо ухаживать за нею. На игры, которыя у латышей врядъ-ли сохранили какія-нибудь черты старины, обращено еще очень мало вниманія. Назову на всякій случай сборнички г. Самса и Тарзѣрса „Игры дома и въ

школѣ“ (Вольмаръ. 1890) и г. Руйенкса „Игральникъ“ (иначе трудно перевести слова *Rotal'nēks*), заключающей 110 игръ, загадки и другія развлеченія (Рига. 1886).

Разсмотрѣніе трудовъ не латышскихъ ученыхъ по этнографіи латышей въ мой обзоръ не входитъ, но я все-таки назову нѣсколько книгъ, посвященныхъ витебскимъ латышамъ: прежде всего, надо упомянуть объ очень цѣнномъ (несмотря на нѣкоторые промахи въ записяхъ) сборникѣ Э. А. Вольтера „Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи“ (I часть. С.-Петербургъ. 1890), заключающемъ описаніе народныхъ праздниковъ и семейныхъ торжествъ латышей; далѣе польскія изданія г-жи Стеф. Уляновской: „*Łotysze Inflant polskich a w szczególności z gminy Wielońskiej powiatu Rzezyńskiego*“ (Краковъ. 2 части. 1891 — 1892), дающія обзоръ народнаго быта и сборникъ пѣсенъ витебскихъ латышей и наконецъ „*Padania litewskie*“ Вл. Верыги, вошедшія въ составъ бібліотеки „Вислы“ (т. X. Варшава. 1892 г.); здѣсь напечатаны сказки латышей Люцинскаго уѣзда.

Подведемъ итоги изложеннаго. Мы видимъ, что латышская этнографія развила за послѣднія 15 лѣтъ очень сильно, что она обогатилась рядомъ прекрасныхъ изданій, и что различныхъ матеріаловъ и вопросовъ для изслѣдованія непочатой уголь. По изслѣдователей нѣтъ и въ этомъ, конечно, латышская интеллигенція виновата всего менѣе. Дѣйствительно, если мы посмотримъ на размноженіе этнографическихъ сборниковъ по латышскому и литовскому фольклору (послѣднее, къ сожалѣнію, лишь въ заграничныхъ изданіяхъ, выходящихъ въ Тильзитѣ—*Mitteilungen der littauischen literarischen Gesellschaft* и въ Америкѣ—*Dirva*, гдѣ печатаются свои фантастическіе этюды и цѣнные этнографическіе матеріалы г. Бассановичъ), то мы поймемъ всю необходимость ихъ разработки, все значеніе фольклора балтійскихъ народовъ для славянской и русской этнографіи. Однако при отсутствіи какихъ-нибудь центровъ, которые могли бы культивировать литовско-латышское языкознаніе и этнографію, трудно ожидать, что въ этомъ направленіи будетъ сдѣлано что-нибудь крупное силами одной латышско-литовской интеллигенціи; вспомнимъ, что въ распоряженіи финляндской науки находится университетъ, гдѣ финно-угорскимъ дисциплинамъ удѣлено первенствующее мѣсто, да и въ другихъ университетахъ какъ Россіи (Казань, Юрьевъ), такъ и Венгріи финно-угорскіе языки и фольклоръ преподаются, какъ первостепенные предметы (въ Будапештѣ и вообще въ Вен-

гріи), или хотя читаются съ кафедръ. Что касается литовской филологіи, то ни въ одномъ изъ русскихъ и, насколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ изъ иностранныхъ университетовъ нѣтъ соответствующей кафедры, тогда какъ лектура латышскаго языка существуетъ только въ Юрьевѣ. Между тѣмъ, по крайней мѣрѣ, въ двухъ русскихъ университетахъ (Варшавскомъ и Юрьевскомъ) было бы совершенно необходимо учредить кафедры литовско-латышской филологіи. Еще болѣе страннымъ и устарѣлымъ положеніемъ вещей кажется отсутствіе кафедръ балтійской и финноугорской филологіи въ русской академіи наукъ. При такомъ отсутствіи всякаго поощренія со стороны ученыхъ учрежденій не мудрено, что научная разработка литовско-латышской этнографіи оставляетъ еще желать столь многого.

Я кончу свою статью пожеланіемъ, чтобы на русскомъ языкѣ былъ составленъ обширный сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ вышеприведенныхъ собраній и представляющихъ различныя стороны латышскаго быта и народнаго творчества. Такой сборникъ могъ бы породить и новыя изслѣдованія, и новыя собранія и показать ученымъ все значеніе латышской этнографіи.

А. Погодинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Львовское ученое общество имени Шевченка и его вклады въ изученіе Южной Руси.

Недавно кончилось десять лѣтъ со времени какъ Общество Шевченка во Львовѣ (Лембергѣ) преобразовалось въ ученое учрежденіе и обратилось къ энергичной разработкѣ вопросовъ, связанныхъ главнымъ образомъ съ прошлымъ и настоящимъ Южной Руси. Работая въ областяхъ смежныхъ съ русской исторіей, филологіей, этнографіей, оно накопило въ продолженіе этого десятилѣтія въ своихъ многочисленныхъ изданіяхъ значительный запасъ цѣннаго матеріала и научныхъ изслѣдованій, представляющихъ спеціально для русскихъ ученыхъ немалый интересъ, но остающихся среди нихъ весьма мало извѣстными. Хотя Общество имени Шевченка обмѣнивается изданіями съ весьма значительнымъ числомъ ученыхъ учреждений и изданій въ Россіи (отчетъ общества за 1902 годъ перечисляетъ ихъ около 60-ти), этотъ обмѣнъ оказывается, очевидно, недостаточнымъ, и судя по изслѣдованіямъ русскихъ ученыхъ послѣднихъ лѣтъ, имъ остаются большею частью неизвѣстными матеріалы и изслѣдованія по изучаемымъ ими вопросамъ, вышедшіе въ изданіяхъ львовскаго Общества. Въ виду этого, я думаю, можетъ быть полезнымъ для нихъ предлагаемый мною обзоръ важнѣйшихъ матеріаловъ и изслѣдованій, заключающихся въ изданіяхъ Общества за истекшее десятилѣтіе. Хотя въ нѣкоторыхъ русскихъ изданіяхъ отъ времени до времени появляются отчеты объ отдѣльныхъ публикаціяхъ Общества ¹⁾, но такой общій и системати-

---

¹⁾ Такъ, не считая болѣе случайныхъ рецензій, „Кіевская Старина“ систематически помѣщаетъ отчеты о „Запискахъ“ общества; въ „Извѣстіяхъ“ отдѣла русскаго

ческий обзоръ будетъ, вѣроятно, нелишнимъ даже для лицъ, внимательно слѣдившихъ за изданіями львовскаго Общества, а такихъ въ Россіи едва-ли много найдется.

Этому обзору я предпошлю нѣсколько словъ о самомъ Обществѣ и его изданіяхъ.

Общество имени Шевченка (Товариство імени Шевченка) было основано тому тридцать лѣтъ, въ 1873 г. На небольшой основной капиталъ, составившійся изъ пожертвованій (около 7 тысячъ рублей), куплена была типографія. Общество имѣло цѣлью содѣйствовать развитію малорусской словесности путемъ изданія литературныхъ и научныхъ сочиненій, и его назвали именемъ величайшаго и популярнѣйшаго украинскаго поэта Т. Шевченка. Но надеждъ, на него возлагавшихся, оно не оправдало и долго вело вовсе незамѣтное существованіе. Причиной были скудные матеріальныя средства и недостатокъ среди молодой тогдашней русинской интеллигенціи людей, которые могли бы повести энергичную литературную и научную дѣятельность. Нѣкоторое оживленіе въ немъ начинается, когда оно приняло на себя изданіе литературнаго журнала „Зоря“ (1885), долгое время остававшагося единственнымъ литературнымъ малорусскимъ органомъ. Матеріальное положеніе Общества улучшается съ 1890 г. Въмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетворяя назрѣвшей потребности, является мысль о преобразованіи Общества въ научное учрежденіе, по типу европейскихъ академій наукъ. Въ этомъ смыслѣ Общество было преобразовано въ 1892 г., принявъ названіе „ученого“ (Наукове товариство імени Шевченка), а окончательно это преобразование было завершено въ 1898 г., когда организція его была вполне приближена къ академической. Въ 1892 г. выходитъ первая книжка его научнаго органа—„Записки товариства імени Шевченка, издавництво присвячене науцѣ і письменству українско-русского народу“¹⁾, и Общество принимаетъ на себя изданіе также и юридическаго трехмѣсячника, основаннаго львовскими юристами: „Часопись Правничя“.

Особенное оживленіе научной дѣятельности Общества начинается

языка Академіи Наукъ“ начаты были систематическіе обзоры и напечатаны были обзоръ изданій общества за 1898 г.; на страницахъ *Журнала Мин. Нар. Просв.* давались отзывы объ археографическихъ изданіяхъ его.

¹⁾ Въ Галиціи, по старой традиціи, словамъ „Русь“ „русский“ означаютъ малорусское, для большей ясности употребляютъ названія „Украина-Русь“, „украинско-русский“, а велико-русское или русское въ принятомъ въ Россіи смыслѣ означаютъ словомъ „россійскій“, какъ и поляки.

съ 1895 г. Пишущій эти строки перешелъ въ 1894 г. во Львовъ изъ Кіева, занявъ новооснованную кафедру малорусской исторіи, и принялъ на себя завѣдываніе научными изданіями въ Обществѣ. Занимая мѣсто предсѣдательствующаго въ историческомъ отдѣлѣ, а позже (съ 1897 г.)—и президента Общества, я имѣлъ возможность привлечь къ дѣятельному участию къ нему мѣстныя ученые силы, особенно изъ молодыхъ людей, и повліять на развитіе ученыхъ публикацій и органовъ Общества. „Записки“ преобразованы были въ ученый журналъ (1895), основаны отдѣльныя публикаціи матеріаловъ археографическихъ, этнографическихъ и энтологическихъ, сборники публикацій отдѣловъ (секцій) Общества—историческаго, филологическаго и естественно-математическаго, и т. д.

Въ настоящее время общество имени Шевченка, какъ я упоминалъ, организовано вполне по типу западно-европейскихъ академій наукъ. Недостаетъ ему только титула академіи, и вѣроятно—долго будетъ недоставать, такъ какъ для этого необходимъ законодательный актъ, а въ нынѣшнемъ положеніи, когда австрійское правительство по отношенію къ русинамъ руководится взглядами поляковъ, а послѣдніе во всякомъ культурномъ приобрѣтеніи русинъ видятъ нарушеніе своего status possidendi,—разсчитывать на такую милость правительства нельзя. Впрочемъ это отсутствіе титула не мѣшаетъ львовскому Обществу развивать очень энергичскую ученую дѣятельность и служить важнѣйшимъ культурнымъ очагомъ австрійской Руси, все еще лишенной и тщетно (въ виду указанныхъ политическихъ условій) домогающейся основанія, рядомъ съ существующими польскими, высшихъ учебныхъ заведеній и научныхъ учрежденій русинскихъ.

Администрацію Общества вѣдаетъ правленіе (виділ), избираемое ежегодно общимъ собраніемъ; научная дѣятельность сосредоточена въ „секціяхъ“, состоящихъ изъ дѣйствительныхъ членовъ (избираемыхъ Обществомъ за научныя заслуги). Секцій три: историко-филологическая (куда входятъ и юридическія науки), филологическая и математическихъ, естественныхъ и медицинскихъ наукъ. Болѣе спеціальнѣй характеръ имѣютъ комисіи, составляющія вспомогательные органы секцій: археографическая, этнографическая, юридическая, лингвистическая и медицинская.

Ученыя изданія Общества состоятъ изъ слѣдующихъ серій:

„*Записки Науковаго товариства імени Шевченка*“—ученый журналъ, посвященный главнымъ образомъ исторіи, исторіи литературы, этнографіи и языку малорусскаго народа. Онѣ выходятъ книжками

около 200 страницъ каждые два мѣсяца; въ концѣ 1903 г. вышлѣ 56-ой томъ. Здѣсь помѣщаются изслѣдованія и небольшіе матеріалы съ объяснительными примѣчаніями (болѣе мелкіе замѣтки и матеріалы—въ отдѣлѣ *Miscellanea*). Широко и систематически ведется отдѣлъ библиографіи (въ отдѣлахъ научной хроники и библиографіи, въ общей сложности занимающихъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ журнала); здѣсь изъ года въ годъ дается обзоръ содержанія галицкихъ, русскихъ, польскихъ, венгерскихъ и др. журналовъ, заключающихъ какія либо статьи или матеріалы о малорусскихъ земляхъ (около 50 журналовъ среднимъ числомъ); сколько нибудь выдающіяся статьи и публикаціи, касающія ихъ, также находятъ здѣсь критическую оцѣнку, или по крайней мѣрѣ сообщаются ихъ содержаніе; такъ что эти 50 слишкомъ книжекъ Записокъ представляютъ въ общей сложности очень солидную *bibliographie raisonnée* по изученію Южной Руси, свыше 3.000 титуловъ отдѣльныхъ изданій и статей. Особенно много—какъ ни въ какомъ заграничномъ изданіи—дается мѣста ученой литературѣ Россіи. Отъ времени до времени помѣщаются систематическіе обзоры литературы по отдѣльнымъ вопросамъ, не связаннымъ непосредственно съ Южною Русью, а въ 1898—1900 гг. давались обзоры и литературы всеобщей исторіи ¹⁾.

„Записки“ служатъ органомъ исторической и филологической секціи. Кроме того каждый изъ нихъ издаетъ ежегодно одинъ томъ *Сборника* (Збірникъ історично-філософичної секції, и такой же филологической), разнаго размѣра, 15—30 листовъ; они предназначаются для болѣе обширныхъ по размѣрамъ публикацій или систематическихъ сборниковъ статей. Въ сборникъ исторической секціи печаталась моя *Исторія Украины* (т. I—IV и VI—VII), въ сборникъ филологической секціи вышли собранія статей по народной словесности Драгоманова и Дикарева, большая біографія Шевченка Ал. Конисскаго, и др. Подробнѣе о помѣщенныхъ здѣсь трудахъ я буду говорить ниже. Всего вышло до сихъ поръ 7 томовъ историческаго и 6 томовъ филологическаго „Сборника“.

Историческая секція издаетъ еще *Историческую Библіотеку* (Руська історична бібліотека), а филологическая — *литературную* (Українсько-руська бібліотека). Первая начала выходить еще въ 80-хъ

¹⁾ Для первыхъ двадцати томовъ указатель вышлѣ въ 1898 г. — „Показчикъ до Записокъ Науковаго товариства іменн Шевченка“. Затѣмъ годовые указатели помѣнены въ т. 26, 32, 38, 45 и 53.

годахъ, независимо отъ Общества имени Шевченка, и только позже перешла къ нему, вмѣстѣ съ небольшою субсидією, которую это изданіе имѣло. Въ немъ помѣщались большею частію переводы выдающихся работъ по исторіи Малороссіи (Костомарова, Антоновича, Владимірскаго-Буданова и другихъ), вышло до сихъ поръ 23 книжки. Съ будущаго года это изданіе имѣетъ служить для публикаціи матеріаловъ и систематическихъ сборниковъ статей, разбѣянныхъ въ рѣдкихъ періодикахъ Галицкой и Угорской Руси. Литературная бібліотека основана недавно, для научнаго изданія украинскіхъ классиковъ; вышло три тома, посвященныхъ сочиненіямъ буковинскаго поэта и новеллиста Федьковича.

Для *археографическихъ* публикацій существуютъ двѣ серіи: „Жерела (источники) до історіи України-Руси“—для документальнаго матеріала—и „Памятки української мови і літератури“—для памятниковъ литературныхъ. Выходитъ ежегодно по одному тому, чередуясь, то той то другой серіи. Въ первой, исторической, серіи вышло шесть томовъ (1—5 и 7), въ литературной—три; о помѣщенныхъ въ нихъ матеріалахъ и вводныхъ изслѣдованіяхъ, которыми сопровождается каждый томъ, скажу ниже, въ соответствующихъ отдѣлахъ.

Этнографическіе матеріалы публикуются также въ двухъ серіяхъ: „Етнографічний збірник“ посвященъ главнымъ образомъ произведеніямъ народной словесности (фольклору), и заключаетъ тексты ихъ, въ возможно строгой филологической передачѣ. Ежегодно выходитъ два тома этой серіи; всего вышло 15 томовъ, заключающихъ весьма значительное собраніе текстовъ народной словесности. „Матеріали до українсько-руської етнологіи“ (вышло шесть томовъ, по тому ежегодно) заключаютъ главнымъ образомъ работы по описательной этнографіи, а также и по археологіи (палеоэтнологіи).

„Юридическій Журналъ“ (Часописъ Правнича), органъ юридической комиссіи, послѣ десяти лѣтъ существованія (1889—1900, десять томовъ) въ 1900 году былъ преобразованъ въ „юридическо-экономическій“ („Часописъ Правнича і Економічна“) — въ концѣ 1903 г. вышелъ двойной томъ VI—VII. Какъ и его предшественникъ, и этотъ „юридическо-экономическій“ журналъ преимущественное вниманіе обращаетъ на дѣйствующее австрійское право, меньше мѣста даетъ теоретическимъ вопросамъ права и отчасти соціологіи; довольно много мѣста удѣляется также бібліографіи. Статьи, посвященные украиновѣднью, будутъ упомянуты ниже. Дополненіемъ къ „Журналу“ служитъ „Юридическая Библіотека“, гдѣ помѣщаются болѣе обширные,

университетскіе курсы по дѣйствующему праву (въ концѣ 1903 года вышелъ четвертый выпускъ).

Статьи по математическимъ и естественнымъ наукамъ помѣщались сначала въ „Запискахъ“, служившихъ общимъ органомъ Общества; въ первыхъ томахъ Записокъ (кончая т. XIV) заключается нѣсколько математическихъ, естественно-историческихъ и медицинскихъ статей. Съ 1897 онѣ печатаются въ сборникѣ секціи математическихъ, естественныхъ и медицинскихъ наукъ (Збірникъ секціі математично-природописно-лікарскоі); въ концѣ 1903 г. вышелъ IX томъ его. Въ 1898—1902 г. медицинскій отдѣлъ выходилъ отдѣльными выпусками какъ особый „Лікарський Збірникъ“ (6 выпусковъ); здѣсь кромѣ изслѣдованій и наблюденій довольно много мѣста давалось также библиографіи и терминологіи. Теперь онъ соединенъ съ общимъ сборникомъ секціи.

Я долженъ упомянуть также о научно-литературныхъ изданіяхъ Общества. До 1898 г. оно издавало упомянутый выше журналъ „Зоря“, основанный еще въ 1880 г. (1880—1897, 18 томовъ); онъ выходилъ два раза въ мѣсяцъ и предназначался для „семейнаго чтенія“ (съ 1891 г. иллюстрировался—среди иллюстрацій очень много этнографическихъ и историческихъ снимковъ). Въ 1898 г. мѣсто его занялъ „Літературно-науковий Вістникъ“, ежемѣсячникъ, выходящій книжками, по типу западно-европейскихъ *revue*. Каждый выпускъ (10—12 листовъ) состоитъ изъ отдѣловъ беллетристическаго, научно-литературнаго и хроники. Основаніе этого журнала совпало съ весьма сильнымъ оживленіемъ малорусскаго литературнаго творчества въ Галиціи и въ Россіи, и въ свою очередь не осталось безъ замѣтнаго вліянія на него и на повышеніе общаго уровня литературнаго вкуса и культурныхъ запросовъ въ обществѣ. „Вістникъ“ представляетъ очень полную и живую картину литературнаго движенія этихъ годовъ. Въ научно-литературномъ отдѣлѣ и хроникѣ его помѣщено было множество статей по литературной критикѣ и болѣе общаго, руководящаго содержания. Въ дальнѣйшемъ обзорѣ я укажу только нѣкоторыя, наиболѣе крупныя работы, охватывающія наибольшую сумму фактовъ литературной и общественной жизни; лица, ближе интересующіяся этими вопросами, могутъ обратиться къ недавно вышедшему указателю „Вістника“ за первыя пять лѣтъ его существованія (Показчикъ зміст Літературно-наукового Вістника томів I—XX, 1898—1902).

О дѣятельности Общества, предлагаемыхъ въ его ученыхъ засѣданіяхъ работахъ и научныхъ публикаціяхъ даютъ свѣдѣнія его пе-

рідическіе бюллетени, издаваемые на малорусскомъ и нѣмецкомъ языкахъ ¹⁾, четыре раза въ годъ (Хроніка українсько-руського Наук. тов. ім. Шевченка и Chronik der ukrainischen Ševcenko-Gesellschaft der Wissenschaften, съ 1900 г., — прежде эти свѣдѣнія помѣщались въ „Запискахъ“). Ежегодно первый выпускъ этого бюллетеня заключаетъ въ себѣ годичный отчетъ Общества, свѣдѣнія о состояніи библиотеки и другихъ учено-вспомогательныхъ учреждений, списокъ учреждений, состоящихъ въ общиѣ изданіями съ Обществомъ и т. п.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній я перейду къ систематическому обзору, по группамъ, матеріаловъ и изслѣдованій по изученію прошлаго и настоящаго Южной Руси, заключающихся въ изданіяхъ Общества.

Начиная съ *археологін*, укажу прежде всего нѣсколько статей Фед. Волкова объ известной кievской стоянкѣ: „Донисторическія находки на Кириловской ул. въ Кіевѣ“ и „Палеолитическія находки на Кириловской ул. въ Кіевѣ“ ²⁾ (это до сихъ поръ наиболее научныя по моему мнѣнію, изслѣдованія, какія появились объ этихъ стоянкахъ), и „Магдаленское искусство на Украинѣ“ ³⁾—статья, посвященная специально орнаментированнымъ мамонтовымъ бивнямъ той же стоянки, которые г. Волковъ относитъ къ эпохѣ Madeleine. Въ ближайшей книжкѣ „Матеріаловъ“ имѣеть появиться большое изслѣдованіе его же о „Домниенской культурѣ“—этой загадочной культурѣ, возбуждившей особенное вниманіе послѣ недавнихъ находокъ В. Хвойки, и до сихъ поръ не выясненной еще относительно своего происхожденія и отношенія къ подобнымъ же болѣе западнымъ находкамъ. Въ связи съ ней стоятъ „Находки въ могилахъ между Веремемъ и Стретівкою и около Триполья“ ⁴⁾, описанныя Волковымъ же въ небольшой замѣткѣ.

Ранней металлической культуры касаются: моя замѣтка о бронзовыхъ мечахъ изъ Турецкаго повѣта (въ восточной Галиціи, въ Карпатахъ) ⁵⁾—одной изъ немногихъ обследованныхъ находокъ бронзовой

¹⁾ Всѣ изданія Общества выходятъ на малорусскомъ, или какъ принято его теперь называть—украинско-русскомъ языкѣ; на иныхъ языкахъ уставъ Общества позволяетъ печатать его изданія только въ видѣ исключенія.

²⁾ „Передісторичні знахідки на Кирилівській улиці в Кієві“ и „Палеолітичні знахідки на Кирил. ул.“—Матеріали до етнології т. I.

³⁾ „Магдаленське майстерство на Україні“.—Записки т. XLVI (въ русскомъ переводѣ помѣщено въ этомъ году въ Археологической лѣтописи Юж. Россіи, I).

⁴⁾ „Знахідки у могилах між Веремем и Стретівкою і біля Трипілля“—Матеріали III.

⁵⁾ „Бронзові мечі в Турецького повіту“.—Записки т. XXXIII.

среднедунайской культуры въ Галиціи, и статья о могильникѣ с. Чехъ, въ Бродскомъ повѣтѣ восточной Галиціи ¹⁾—богатѣйшемъ похоронномъ могильникѣ изъ переходнаго времени отъ каменной къ желѣзной культурѣ, къ сожалѣнію въ концѣ испорченномъ раскопками невѣжественныхъ людей, которымъ было поручено веденіе ихъ. Напластованіе разныхъ культуръ и останки быта великокняжескаго періода описываетъ моя статья о Звенигородѣ, одномъ изъ древнѣйшихъ княжескихъ столбовъ Галичины ²⁾; она занимается также и спорнымъ вопросомъ о мѣстоположеніи его. Интересной находкѣ предметовъ древне-русскаго ювелирнаго искусства въ с. Молотовѣ, вмѣстѣ съ монетами XIV в., посвящена другая моя статья ³⁾. Въ замѣткѣ о „серьгахъ кievскаго типа у современныхъ кавказцевъ“ ⁴⁾ указываю я, что ажурныя серьги этого типа (съ тремя бусинами) до сихъ поръ изготовляются туземными ювелирами въ окрестностяхъ Владикавказа.

Нѣсколько моихъ же замѣтокъ посвящены древне-русскимъ и византийскимъ свинцовымъ печатямъ, находимымъ въ восточной Галиціи ⁵⁾. Древне-русскаго искусства касаются еще: мои статьи о трудахъ ак. Кондакова, о миниатюрахъ Трирской псалтири ⁶⁾, и Маріи Грушевской—о распространеніи русскаго искусства въ польскихъ земляхъ ⁷⁾: весьма интересные свѣдѣнія объ исчезнувшихъ и сохранившихся въ польскихъ земляхъ памятникахъ, созданныхъ южно и западно-русскими мастерами XII—XV вв.

Кромѣ того общій очеркъ археологическихъ памятниковъ быта на

¹⁾ „Похоронное поле в с. Чехах (Бродського повіту)“.—Записки, т. XXXI—II. Этотъ двойной томъ весь занятъ рефератами по археологiи, исторiи и этнографiи, приготовленными членами Общества им. Шевченка для кievскаго археологическаго съѣзда, но не доложенными на немъ, по извѣстнымъ причинамъ. Томы XXXV—VI посвящены такпимъ же рефератамъ по языку и исторiи литературы.

²⁾ „Звенигород галицький, історично-археологічна розвідка“.— Записки, томы XXXI—II.

³⁾ „Молотівське срібло“.—Записки, т. XXV. Это собственно единственная изданная находка этого рода пзъ Галиціи.

⁴⁾ Ковтки „кievського типа“ у сучасних Кавказців.—Записки, т. XXXVII. Всѣ эти статьи снабжены довольно хорошими снимками.

⁵⁾ „Печатки з околиць Галича“.—Записки, т. XXXIII; „Печатка м. Константина з Звенигорода“, т. XXII (также въ статьѣ о Звенигородѣ, вмѣстѣ съ тремя другими); „Печатка з Ступниці“,—т. XXXI—II.

⁶⁾ „Праці Н. Кондакова в історiї староруської штуки“.—Записки, т. XI, „Кievські мініатюри при Трирській псалтирi“,—іб., т. LXI.

⁷⁾ „Прлчінки до історiї руської штуки вь давній Польщі (етнографічний)“—іб., т. II.

южно-русской территории, очерки культуры по археологическим данным, а также древне-русского искусства вошли в мою *Историю Украины*, о которой ниже. Цѣнные указанія или поправки заключаются въ нѣкоторыхъ археологическихъ публикаціяхъ, какъ, напримѣръ, рецензія Ястребова на „Курганы“ гр. Бобринскаго (Записки, т. VII), В. Доманицкаго, объ археологическихъ картахъ Волынской и Подольской губерній (т. I) и др.

Моей *Исторіи Украины* ¹⁾ вышло до сихъ поръ четыре тома, обнимающихъ время до конца XVI вѣка; послѣдующее я разсчитываю представить въ дальнѣйшихъ четырехъ томахъ. Первый томъ начинается исторіею территории — обзоромъ археологическихъ слѣдовъ челоуѣка на территории отъ Карпатъ до Кавказа, отъ палеолитической культуры до исторической — эллино-сарматской. Разборомъ вопроса о прародинѣ индо-европейскихъ и въ частности — славянскихъ племенъ устанавливаются исходныя точки позднѣйшей славянской колонизаціи (насколько это возможно при современныхъ данныхъ) и затѣмъ обзрѣвается по-славянская колонизаціи южно-русской территории: греческая колонизація Черноморья, иранская степная (скны, сарматы, аланы), оракіійская, къ которой можно съ наибольшою вѣроятностью зачислить древнѣйшія карпатскія племена, германская (бастарны и готы) и наконецъ азіатская, турецко-финская миграція (гуны, болгары, хазары, авары, угры, печенѣги) ²⁾. Вторая глава заключаетъ очеркъ славянской колонизаціи южно-русской территории — исторію заселенія и обзоръ разселенія отдѣльныхъ племенъ на этой территории; довольно много мѣста дано установленію западной и юго-западной границъ южно-русской колонизаціи (наименѣе яснымъ въ нашихъ историческихъ источникахъ); заканчивается глава обзоромъ утратъ, понесенныхъ южно-русскою колонизаціею подъ напоромъ печенѣжской орды ³⁾. Третья глава посвящена культурѣ и быту южно-русскихъ племенъ въ періодъ разселенія и образованія государства, на осно-

¹⁾ „Исторія України — Руси, т. I, 1898 — до початку XI віка“, ст. IV+196 (Збірник іст.-філ. секції, т. I). Т. II, 1899, „XI—XIII віки“, ст. 403 (Збірник т. II). Т. III, 1900, „до року 1340“, ст. 700, (Збірник т. III и IV). Т. IV, 1903, „XIV—XVI віки—відносини політичні“, ст. 532 (Збірник т. VI и VII). Первые томы уже разошлись и съ новаго года начнеть выходить новое изданіе, съ котораго будетъ сдѣланъ и нѣмецкій переводъ, для изданія, предпріяятаго фирмою В. G. Teubner въ Лейпцигѣ.

²⁾ Ст. 1—91 и 341—378 (примѣчанія).

³⁾ Ст. 92—143 и 371—391.

ваніи данныхъ лингвистическихъ, археологическихъ и историческихъ: хозяйство и промышленность, бытъ, торговля, человекъ—физическій и психическій типъ его, религіозное міросозерцаніе, обряды похоронные и свадебные, семейная жизнь и общественная организація ¹⁾. Въ четвертой главѣ представлена исторія образованія Русскаго (Кіевскаго) государства—указываются слабыя стороны нашей лѣтописной традиціи и затѣмъ сообщаются свѣдѣнія о начаткахъ государственной организаціи, независимо отъ теоріи варяжскаго начала Руси: собраны древнѣйшія извѣстія о Руси, указанія на процессъ образованія территории Кіевскаго государства, а затѣмъ дается обзоръ его исторіи въ X столѣтіи (Олеги, Игоря, Ольги, Святослава) ²⁾. Сюда же относятся два экскурса въ концѣ тома: о Начальной лѣтописи ³⁾ и о норманской теоріи въ исторической литературѣ (исторія и критика норманизма) ⁴⁾. Последняя глава посвящена завершенію зданія Кіевскаго государства—при Владимірѣ ⁵⁾.

Второй томъ состоитъ изъ двухъ частей—первая (I—III главы) даетъ исторію Кіевскаго государства, его разложенія и упадка, до половины XIII в. ⁶⁾; вторая состоитъ изъ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ южно-русскимъ землямъ—Кіевской (къ которой присоединены небольшой очеркъ Турово-пинской), Черниговской и Переяславской, ихъ территоріи, исторіи, культурной и общественной жизни (главы IV и V) ⁷⁾. Последняя глава посвящена степному Черноморью, остаткамъ южно-русской колонизаціи въ степи и колонизаціи тюркской (печенѣги, торки, половцы, ихъ колонія на Руси, приходъ монголо-татаръ).

Очеркомъ галицко-волинскихъ земель пачинается третій томъ; особый отдѣлъ, представляющій интересъ полной новизны, посвященъ угорской Руси—здѣсь собраны указанія венгерскихъ документовъ XII—XIII вѣковъ объ угорскихъ провинціяхъ, заселенныхъ русинами ⁸⁾. Слѣдующая глава посвящена исторіи, Галицко-волинскаго государства.

¹⁾ Ст. 144—229 и 392—411.

²⁾ Ст. 230—300 и 412—426.

³⁾ Ст. 439—459.

⁴⁾ Ст. 460—479.

⁵⁾ Ст. 301—341 и 426—438.

⁶⁾ Ст. 1—180 и 307—348.

⁷⁾ Ст. 183—267 и 348—361.

⁸⁾ Ст. 1—110 и 447—523.

XII—XIV вѣковъ (до 1340 года)¹⁾, третья—судьбѣ Поднѣпровья подѣ верховенствомъ татаръ, сопровождавшимся полнымъ упадкомъ государственной жизни и культуры здѣсь²⁾. Вторая половина тома (около 320 стр.) заключаетъ въ себѣ очеркъ политическаго и общественнаго устройства, экономическихъ условій, быта и культуры южно-русскихъ земель въ періодъ самостоятельной государственной жизни ихъ (X—XIV вѣковъ): государственная система и между-княжескія отношенія, политическая организація земель, князь и вѣче, администрація и судъ, церковь и церковное управление; общественный строй—сословія; экономическія отношенія; право какъ культурно-бытовое явленіе; частный бытъ—семейная жизнь, современные пороки въ представленіи церковной литературы и вліяніе христіанства; церковная жизнь; искусство, просвѣщенію, книжность и литературное творчество.

Томъ IV посвященъ вѣдшимъ политическимъ событіямъ XIV—XVI вѣковъ, вліявшимъ на судьбу южно-русскихъ земель и приведшимъ въ концѣ концовъ къ тому, что южно-русскія земли объединены были подѣ властью Польскаго королевства. Первая глава ея посвящена исторіи оккупации южно-русскихъ земель великимъ княжествомъ Литовскимъ и королевствомъ Польскимъ въ XIV вѣкѣ и ихъ борьбы за галицко-волинскія земли³⁾. Вторая открывается польско-угорскимъ споромъ за Галицію и затѣмъ переходитъ къ событіямъ конца XIV и начала XV вѣка, которыя могущественно повліяли на отношенія Руси, Литвы и Польши и опредѣлили ихъ исторію въ дальнѣйшихъ столѣтіяхъ: уніи 1385 года и трактату о присоединеніи земель великаго княжества Литовскаго непосредственно къ Польшѣ; оппозиціи этой „инкорпораціи“ въ в. кн. Литовскомъ, съ Витовтомъ во главѣ; уничтоженію почти самостоятельныхъ княжествъ, изъ которыхъ состояли южно-русскія земли великаго княжества Литовскаго и обращенія ихъ въ простыя провинціи⁴⁾. Третья глава описываетъ борьбу южно- и западно-русскаго князя и боярства съ непріязненной имъ политикой литовско-польскаго правительства, конфликты автономической программы литовской аристократіи съ централистической политикой Польши; особый отдѣлъ говоритъ о

¹⁾ Ст. 111—204 и 523—578.

²⁾ Ст. 205—238 и 578—594.

³⁾ Ст. 1—87 и 357—411.

⁴⁾ Ст. 88—156 и 411—441.

судьбѣ Черноморья, образованіи Крымской орды, ея отношенія къ польско-литовскому государству и татарскихъ опустошеніяхъ, которыя начинаются съ началомъ XV вѣка ¹⁾). Последняя глава посвящена довершенію уніи и присоединенію остальныхъ южно-русскихъ земель къ Польшѣ ²⁾). Pendant къ этому обзору внѣшнихъ отношеній составитъ томъ V, посвященный общественной и культурной эволюціи южно-русскихъ земель въ литовско-польскій періодъ—почти оконченный, онъ начнетъ выходить, вѣроятно, черезъ годъ.

Я позволилъ себѣ подробнѣе представить схему моего курса, такъ какъ, за исключеніемъ недавно напечатаннаго въ Киевской Старинѣ обзора первыхъ трехъ томовъ, я совершенно не встрѣчалъ въ русской научной литературѣ никакихъ свѣдѣній о немъ; между тѣмъ лица занимающіяся исторіею древней Руси и западно-русской исторіей, могутъ въ немъ найти не одно полезное указаніе ³⁾).

Отдѣльныя статьи для *древняго* періода исторіи южно-русской территоріи и славянства укажу слѣдующія: Паночовнаго о греческихъ колоніяхъ Кубанскаго побережья ⁴⁾, мою статью объ Антахъ ⁵⁾, М. Кордубы о государствѣ Само ⁶⁾ и Э. Кузели обзоръ новѣйшей литературы по древнѣйшей исторіи славянства и пересмотръ выдвинутыхъ ею вопросовъ ⁷⁾. Для исторіи древней Руси: Г. Величка о политическихъ и культурныхъ отношеніяхъ Руси и Византіи ⁸⁾ (дѣльная компиляція); М. Кордубы объ общественныхъ классахъ и по-

¹⁾ Ст. 156—282 и 441—480.

²⁾ Ст. 283—356 и 480—496.

³⁾ Изъ отзывовъ заграничныхъ позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ отчета берлинскаго профессора Брикнера въ Archiv für Slavische Philologie (т. XXII, с. 293) о первыхъ двухъ томахъ Исторіи: der Verfasser ist ausserordentlich belestet, zeigt kritischen Takt, sichere Schulung und Methode und hat uns ein schönes, verlässliches, lesbares Werk geschaffen, dem gleiches lange nicht jede, auch ältere slavische Litteratur zur Seite stellen kann. Въ виду такого отзыва посторонняго и достаточно авторитетнаго ученаго думаю, что и русскимъ читателямъ моя Исторія могла бы послужить съ нѣкоторою пользою, особенно для тѣхъ отдѣловъ южно- и западно-русской исторіи, которые включаются обыкновенно въ русскую исторію.

⁴⁾ Стародавні грецькі колонії боспорські в межах теперішньої Кубанської області та суміжних з нею місць. Записки т. II (вышла, кажется, и по русски).

⁵⁾ Анти (Анта, Antes). Записки т. XXI.

⁶⁾ Перта держава славянська. Записки т. XIII.

⁷⁾ Нові праці над історією початків Словянства. Записки т. LII и LIV.

⁸⁾ Політичні и торговельні взаємини Русі и Византії въ X і XI стол. Записки т. VI.

литических партияхъ въ Галицкомъ княжествѣ до половины XIII ст. ¹⁾ (нѣсколько интересныхъ наблюдений, выкупающихъ ошибки и натяжки въ другихъ случаяхъ); мой—о галицкомъ боярствѣ XII—XIII в. ²⁾ (процессъ сформированія замкнутого боярскаго класса и причины его могущества) и о движеніи общинъ XIII вѣка, направленномъ противъ княжеско-дружиннаго строя ³⁾; В. Барвинскаго о Пресбургскомъ съѣздѣ Даниила съ кор. Белою ⁴⁾; мой критическій разборъ грамотъ кн. Льва, которымъ приписывалась подлинность предшествующими изслѣдователями ⁵⁾. Здѣсь же упомяну о статьяхъ Дикарева по сравнительной миеологiи: „Миеологическіе отрывки“, „Отрывки изъ греко-славянскои миеологiи“ ⁶⁾ и др.

Начало исторической хрестоматiи, заключающее важнѣйшіе отрывки изъ источниковъ южно-русской исторiи IX—X и первой половины XI вѣка, съ вводными замѣчаніями и комментариемъ, издано въ 1895 году отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ: „Вѣтки з жорел до исторiи України-Руси“ (кончается Скилицею-Кедреномъ и сагами). Отдѣльныхъ источниковъ древне-русской исторiи касаются статьи: Ник. Шухевича о договорахъ Руси съ греками ⁷⁾; К. Левинскаго изданіе Русской Правды (по Карамзинскому списку), съ небольшимъ введеніемъ ⁸⁾; мое изслѣдованіе о хронологiи Галицко-волинскои лѣтописи—заключаетъ въ себѣ общій анализъ, разборъ датъ отдѣльныхъ событiй и хронологическій указатель къ лѣтописи, сдѣланный на основаніи этого разбора ⁹⁾. Той же лѣтописи посвящено нѣсколько болѣе мелкихъ замѣтокъ ¹⁰⁾.

¹⁾ „Суспiльні верстви та політичні партiї в Галицкiм князiвствi до половини XIII ст.“ Записки т. XXXI—XXXII.

²⁾ „Галицке боярство XII—XIII в.“ Записки т. XX.

³⁾ „Громадський рух на Україні-Руси в XIII в.“ Записки т. I.

⁴⁾ „Прешбурзький зiзд в справi сподщини по Бабенбергах“. Записки т. LII.

⁵⁾ „Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва?“ Записки т. XLV.

⁶⁾ Онѣ изданы, вмѣстѣ съ другими аналогическими статьями Дикарева, въ т. VI Сборника филолог. секціи, посвященномъ дѣятели литературному наслѣдію талантливаго самоучки-филолога.

⁷⁾ „О договорахъ Руси з греками“. Часописъ правнича т. II (1890).

⁸⁾ „Правда Руска, памятникъ законодатни права руского“. Часописъ Правн. т. V.

⁹⁾ „Хронологiя подiй Галицко-волинскои лiтописи“. Записки т. XLII.

¹⁰⁾ Мои: „Примiтки до тексту Галицко-волинскои лiтописи“. Записки т. VIII, и „До справи хронологiчної звязи в Галицко-волинскои лiтописи“ (по поводу статьи Барвинскаго о Пресбургскомъ съѣздѣ)—*ibid.* т. LII, В. Барвинскаго: „Ким свѣдiчив ся Отокар“—*ibid.* т. XLVII.

По исторіи послѣдующихъ столѣтій (литовско-польскаго періода) имѣемъ статьи: П. Иванова о послѣднихъ Романовичахъ и Болеславѣ Тройденевичѣ ¹⁾; Ом. Терлецкаго о галицкихъ событіяхъ по смерти Болеслава ²⁾; для времени Владислава Опольскаго я издалъ нѣсколько его неизданныхъ грамотъ ³⁾; для XV вѣка: моя замѣтка о характерѣ власти кievскихъ князей XV вѣка (двѣ неизданныхъ грамоты великаго князя Казимира, указывающія на возможность для великаго князя вмѣшиваться во внутреннее управленіе кievскаго князя) ⁴⁾, и большая статья Рудницкаго о татарско-турскихъ походахъ на Галицію въ концѣ XV вѣка и организаціи обороны ⁵⁾. Для исторіи общественныхъ отношеній—экономическихъ и юридическихъ формъ этого времени изданы мною: нѣсколько кievскихъ документовъ XV и XVI вѣковъ ⁶⁾, рядъ старѣйшихъ инвентарей, конца XV и начала XVI вѣка (подольскихъ замковъ, львовскаго, перемышльскаго, ратенскаго староствъ) ⁷⁾ и двѣ крестыянскія продажныя записи начала XVI вѣка съ западной окраины Галицкой Руси ⁸⁾. Для половины XVI вѣка источникъ огромной важности представляютъ люстраціи южно-русскихъ земель, принадлежавшихъ къ Польскому королевству. Въ публикаціи: „Жерела до исторіи України-Руси“, въ четырехъ томахъ, я издалъ цѣликомъ люстрацію 1564—1565 и 1569—1570 годовъ, опустилъ лишь нѣсколько описей, изданныхъ кievскою археографическою комиссією (проф. Владимірскимъ-Будановымъ и мною). Онѣ обнимаютъ Галицію, Подольскую, Холмскую и Белзскую земли и сообщаютъ весьма цѣнныя свѣдѣнія объ экономическихъ, юридическихъ и національныхъ отношеніяхъ этихъ земель. Въ качествѣ введенія къ этимъ томамъ я помѣстилъ изслѣдованія объ экономическомъ состояніи крестыянъ въ королевскихъ помѣстьяхъ Галиціи половины XVI вѣка, на основаніи какъ

¹⁾ „Картка з исторіи Волини на чачатку XIV в.“. Записки т. II.

²⁾ „Політичні події на Галицькій Русь в р. 1340. по смерті Болеслава-Юрія II“. Записки т. XII.

³⁾ „Кілька грамот Володислава Опольського“. Записки т. LI.

⁴⁾ „До питання про правно-державне становище кievськихъ князів XV в.“ Записки т. XXXI—XXXIII.

⁵⁾ „Руські землі Польської корони при кінці XV в.—ворожі напади й організація пограничної оборони“—*ibid.* XXXI—XXXII.

⁶⁾ „Кілька кievськихъ документів XV—XVI в.“—*ibid.* т. XI.

⁷⁾ „Описъ подільськихъ замків 1494 р.“. Записки т. IX; „Описъ львівського замку з р. 1495“,—т. XII; „Описъ перемышльського староства 1494—1497 р.“,—т. XIX; „Описъ ратенського староства 1500—1512 р.“,—т. XXVI.

⁸⁾ „Два селянські контракти кушна-продажі з початку XVI в.“. Записки т. L.

этих люстрацій, такъ и многочисленныхъ инвентарей, списанныхъ и приготовленныхъ мною для изданія въ той же публикаціи Общества ¹⁾).

Упомяну еще свою замѣтку о матеріалахъ, хранящихся въ архивѣ короннаго скарба (теперь Варшавской казенной палаты) ²⁾, обширныя рецензіи на описанія южно-русскихъ земель Ал. Яблоновскаго ³⁾ и нѣкоторые болѣе мелкіе матеріалы ⁴⁾.

Сферы культурныхъ, религиозныхъ и бытовыхъ отношеній этого времени касаются статьи: А. Лотоцкаго о западно-русскихъ крылосахъ ⁵⁾, моя и доктора Прохаски о положеніи православной церкви въ Польшѣ ⁶⁾; обширное изслѣдованіе, еще незаконченное, Ал. Сушка о Бенедиктѣ Гербестѣ, какъ одномъ изъ предтечъ церковной уніи XVI вѣка, съ общимъ очеркомъ состоянія католической и православной церкви въ Польшѣ въ XVI вѣкѣ—вмѣсто введенія ⁷⁾; матеріалы—замѣтки о родѣ Быбельскихъ, собиравше львовскимъ католическимъ архіепископомъ Прохницкимъ (однимъ изъ представителей ополяченнаго и окатоличеннаго галицкаго боярства) ⁸⁾; записки объ обращеніи православныхъ въ католичество изъ самборской метрики конца XVI вѣка (много православныхъ плѣнниковъ изъ московской войны) ⁹⁾. О

¹⁾ Эти тома „Жерел“ имѣютъ свой отдѣльный титулъ: „Описи королѣвщин и рускихъ земляхъ XVI вѣку“. Въ т. I—III издана люстрація 1564—1565 гг., т. IV (седьмой томъ „Жерел“) заключаетъ люстрацію 1569/70 г. (болѣе короткую, сравнительно съ предшествующей). Въ предисловіяхъ помѣщены статьи: въ I т. объ экономическомъ положеніи крестьянъ Галицкаго Подиѣстровья; во II т.—то же о старостѣ Перемишльскомъ, въ III т.—о Самоцкомъ, въ IV—о Львовскомъ старостѣ.

²⁾ „Архивъ скорбу коронного в Варшавѣ“. Записки т. VI.

³⁾ Моя рецензія на его описаніе Кіевщины и Брославщины (въ XXII т. *Źródło*) въ Запискахъ т. XVII (написана для комитета по присужденію премій литературной кассы), рецензія Томашивскаго на галицкіе матеріалы (т. XVIII *Źródło*), *ibid.* т. LI.

⁴⁾ Мочульскій „Привилеї м. Миколаєва“. Записки т. XIII. Грушевскій „Кілька документів з життя Забузької Русі“—*ibid.* XXVIII, и „Два документа до внутрішньої історії в. кн. Литовського в XVI в.“—XIII, и др.

⁵⁾ Соборні крылоси на Україні й Білій Русі в XV—XVI в. Записки т. IX.

⁶⁾ Моя замѣтка: „До історії «русского обряда» в давній Польщі“ (грамота короля Сигизмунда, упоминающая о запрощеніи православнымъ строить новыя церкви).—Записки т. XXVII, возраженія доктора Прохаски (о свободѣ православнаго исповѣданія) и мои замѣчанія на нихъ—подъ тѣмъ же титуломъ въ т. XXX (ниже даю только номера томовъ—подразумеваются записки).

⁷⁾ „Предтеча унії“—*ib.* LIII и LV.

⁸⁾ „Причинки до історії роду Быбельскихъ, зібрані архідієкупомъ Яномъ Прохницкимъ, подав Ар. Крижановскій, до друку приладивъ М. Грушевскій“—т. XLVIII.

⁹⁾ „Метрика самбірська, подробиці з відносин релігійнихъ“, под. М. Грушевскій—т. VIII.

положеніи православнаго сельскаго духовенства, экономическомъ и юридическомъ—моя статья, основанная на документахъ Самборскаго края, съ приложеніемъ самыхъ документовъ первой половины XVI вѣка ¹⁾, и позднѣйшіе подобныя же матеріалы, сообщенные Мих. Зубрицкимъ ²⁾.

Много даютъ изданія Общества для исторіи козачества. Разъясненію вопроса о началѣ и первоначальной организаціи козачества посвящена моя статья: Замѣтки по исторіи козачества ³⁾, его же касаются двѣ другія небольшія мои статьи: о козакахъ 1470 гт., упомянутыхъ въ кодексѣ генуезскихъ колоній ⁴⁾ и о гетманѣ Богданкѣ Рожинскомъ ⁵⁾ и Е. Барвинскаго о набѣгѣ козаковъ на Очаковъ въ 1545 г. (неизданные документы) ⁶⁾. Далѣе, того же Барвинскаго о сношеніяхъ съ козаками императора Рудольфа II и папы Климента VIII (1593—1594) ⁷⁾, мои матеріалы для исторіи движенія 1590-хъ гт. ⁸⁾ и аналогическій документъ, изданный В. Доманицкимъ ⁹⁾. Исторію козачества отъ возстанія 1625 и кончая возстаніемъ 1630 г. обозрѣваетъ Ст. Рудницкій въ двухъ статьяхъ, обширныхъ и весьма цѣнныхъ количествомъ собраннаго матеріала и солидностью метода ¹⁰⁾: написанныя студентомъ, онѣ сдѣлали бы честь и болѣе опытному ученому (вмѣстѣ съ указаннымъ ниже изслѣдованіемъ Томашивскаго это наилучшія работы, какія вышли изъ моего историческаго семинарія); хотя авторъ ограничился только изданнымъ матеріаломъ, онъ ввелъ рядъ новыхъ фактовъ и подробностей событій и многому далъ новое освѣщеніе. Участію козаковъ въ московской войнѣ 1633—1634 гт. посвящена статья Ол. Целевича ¹¹⁾, заключающая въ себѣ и нѣкоторые неизданные матеріалы. Много сдѣлано для исторіи эпохи Хмельницкаго.

¹⁾ „Сторінка з історії сільського духовенства“—т. XXXIV.

²⁾ „Кілька документів до історії сільського духовенства в Галичині XVII—XVIII в.“—т. LI и одинъ такой документъ, имъ же сообщенный въ т. XXV.

³⁾ „Примітки до історії козацтва“—т. XXII.

⁴⁾ „Козаки в 1470 рр.“—выидеть въ т. LVII.

⁵⁾ „Гетьман Богданко“—т. XVI.

⁶⁾ „Набіг козаків на Очаків 1545 р.“—т. XVIII.

⁷⁾ „Причинки до історії зносин цісаря Рудольфа II і папи Климента VIII з козаками рр. 1593 и 1594“—т. X.

⁸⁾ „Матеріали до історії козацьких рухів 1590-х рр.“—т. XXXI—II.

⁹⁾ „Причинок для історії повстання Наливайка“—т. XL.

¹⁰⁾ „Козацько-польська війна 1625 р.“—т. XVII, „Українські козаки в 1625—1630 рр.“—т. XXXI—XXXII.

¹¹⁾ „Участь козаків в Смоленській війні 1633—1634 рр.“—т. XXVIII.

Въ 250-ю годовщину этого грандіознѣйшаго народнаго движенія (въ 1898 г.) двойной томъ Записокъ (XXIII—XXIV) былъ цѣлкомъ посвященъ его исторіи. Въ него вошли: мой этюдъ объ этомъ движеніи ¹⁾, затѣмъ обширная и очень хорошая, на основаніи совершенно новаго матеріала (собраннаго самимъ авторомъ) написанная работа Ст. Томашивскаго о народныхъ движеніяхъ въ Галиціи въ 1648 году (въ прежнихъ историческихъ работахъ эти движенія были обследованы очень мало) ²⁾; интересная статья Ив. Франка о современной поэтической литературѣ Хмельницчины ³⁾, Ст. Рудницкаго разборъ извѣстій о Хмельницчинѣ въ новоизданной хроникѣ Темберскаго ⁴⁾, и нѣсколько меньшихъ замѣтокъ ⁵⁾ и рецензій. Матеріалы изъ галицкихъ архивовъ для эпохи Хмельницкаго, собранные С. Томашивскимъ и отчасти (для 1648 г.) использованные имъ въ упомянутой статьѣ, вышли въ 1889—1901 г. въ двухъ томахъ въ серіи „Жерела до історіи України-Руси“, т. IV и V ⁶⁾; въ качествѣ вводныхъ статей помѣщены имъ при этихъ томахъ два изслѣдованія: о дѣятельности галицкихъ сеймиковъ въ эпоху Хмельницчины ⁷⁾ и о перемѣнахъ, произведенныхъ этимъ движеніемъ въ колонизаціи сѣверо-восточной Галичины (Львовской земли) ⁸⁾. Здѣсь же нужно упомянуть его статью о роли львовскаго мѣщанства въ эпоху Хмельницкаго и его бытовыхъ отношеніяхъ ⁹⁾.

Время Хмельницкаго захватываетъ также интересная статья Ом. Терлецкаго объ оккупациі козаками смежныхъ территорій Бѣлоруссіи и причинахъ извѣстнаго конфликта ихъ съ московскимъ правитель-

¹⁾ „Хмельницкий и Хмельницина, историчный ескіз“; въ 1901 г. онъ вышелъ вторымъ изданіемъ, во Львовѣ же.

²⁾ „Народні рухи в Галицкій Руси 1648 р.“.

³⁾ „Хмельницчина 1648—1649 років у сучаснихъ впршах“.

⁴⁾ „Нове жерело до історіи Хмельниччини“.

⁵⁾ Томашивскій—Першій зазивний листъ Хмельницкаго, Франко о драмѣ Тимона Заборовскаго Bohdan Chmielnicki, и др.

⁶⁾ Эти томы имѣютъ второе заглавіе: „Матеріалы до історіи Галичина“, первый томъ заключаетъ галицкіе документы 1648—1649 гг., второй—1649—1651. Нѣкоторые документы по исторіи Хмельниччины изданы Томашивскимъ еще въ XIV т. Записокъ подъ заглавіемъ: „Матеріалы до історіи Хмельниччини“.

⁷⁾ „З житя галицко-руськихъ сеймиків, 1648—1649“—Жерела т. IV.

⁸⁾ „Погляд на стаи людности в Львівській землі в половині XVI ст.“ — Жерела т. V.

⁹⁾ „Самуїл Кувешвич, райца львівський і його записна книга“ — Записки т. XV.

ствомъ ¹⁾). Политикъ послѣдняго изъ его сподвижниковъ и носителей его идеи посвящена статья Ол. Целевича о сношеніяхъ Дорошенка съ польскимъ правительствомъ ²⁾, основанная на матеріалахъ хотя и изданныхъ, но не использованныхъ до сихъ поръ въ историографіи Украины. Л. Ч. даетъ общій обзоръ отношеній, созданныхъ 1654 годомъ—противорѣчивій стремленій украинскаго общества съ политикою московскаго правительства (не совсѣмъ полная, но полезная сводка матеріала) ³⁾. Е. Радакова на основаніи изданныхъ и неизданныхъ источниковъ описываетъ одну изъ тягчайшихъ натуральныхъ повинностей, возложенныхъ на козаковъ русскимъ правительствомъ—по устройству Ладожскаго канала ⁴⁾. Позднимъ отголоскомъ украинской автономіи и козацкой традиціи посвящены: моя замѣтка о поѣздкѣ Калниста въ Берлинъ, съ цѣлью склонить берлинскій дворъ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ съ Украиною противъ русскаго правительства ⁵⁾, и статья С. Томашивскаго о „козацкомъ“ движеніи 1855 г. ⁶⁾.

По исторіи галицкихъ „опрышковъ“ XVIII вѣка изданы были (вѣрнѣе—переизданы) статья Юл. Целевича въ XX т. Исторической бібліотеки ⁷⁾ и сборникъ пѣсенъ и разсказовъ о Мир. Штоль и другихъ опрышкахъ ⁸⁾. Для исторіи „колівщини“: замѣтка покойнаго Ал. Маркевича, гдѣ онъ указываетъ на нѣкоторые неиспользованные извѣстія о вождяхъ колівщини ⁹⁾, небезынтересный памфлетъ, сообщенный О. Макарушкою ¹⁰⁾, и приготовленный къ печати залиски и письма униатскихъ монаховъ объ уманской катастрофѣ ¹¹⁾.

¹⁾ „Козаки на Білій Русі в 1654—1656 р.“ т. XIV.

²⁾ „Причинки до зносни Петра Дорошенка з Польщею в 1670—1672 р.“—т. XXV.

³⁾ „Україна пісня 1654 р.“—т. XXIX и XXX.

⁴⁾ „Українські козаки на Ладозькім каналі“—т. XII.

⁵⁾ „Секретна місія Українця в Берліні 1791 р.“—т. IX.

⁶⁾ Записки т. XLV, библ. с. 27—она вышла отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „Клівська козацка 1855 р.“.

⁷⁾ „Опрышки, эти Юл. Целевича“,—Руська історична бібліотека т. XX, 1897; тутъ напечатаны: Про Ол. Доббушка та його попередників і поступників; Що де що про Ол. Доббушка і його поступників; Дальші вѣсти про опрышків; Останні історичні вѣсти про опрышків XVIII ст. Это до сихъ поръ важнѣйшія статьи по исторіи этого галицкаго гайдучества.

⁸⁾ „Опрышок Мирон Штола“—Етнографічний Збірник т. V.

⁹⁾ „До біографіи гайдамаків Зелізняка й Чорняка“—Записки т. XLV.

¹⁰⁾ Suplika Successorów Gonty u Zelezniaka—т. VI.

¹¹⁾ „Василияські записки й листи про Колівшину, подав Ар. Крижановський,

Культурнимъ и релігійознимъ отношеніямъ Галиціи XVIII и первой половины XIX вѣка посвященъ весь пятый томъ Сборника исторической секціи ¹⁾; я перечислю только главнѣйшія статьи и матеріалы этого интереснаго сборника: матеріалы для характеристики быта галицкаго сельскаго духовенства XVIII вѣка, собранные М. Зубрицкимъ ²⁾; о борьбѣ духовенства съ народными вѣрованіями, нѣсколько матеріаловъ, съ предисловіемъ Ив. Франка ³⁾; матеріалы по исторіи народныхъ школъ конца XVIII и первой половины XIX вѣка, собранные Ю. Кмитомъ, Ив. Левицкимъ и Ив. Франкомъ; очеркъ развитія школьнаго дѣла въ Галиціи, Ив. Левицкаго ⁴⁾; о первомъ просвѣтительномъ обществѣ (въ Перемышлѣ, 1816—1818), Ив. Франка ⁵⁾ и его же о нѣкоторыхъ неизданныхъ учебникахъ начала XIX вѣка ⁶⁾. Кромѣ этого сборника упомяну: выборки изъ приходскихъ галицкихъ книгъ конца XVIII вѣка, сдѣланныя И. Франкомъ (болѣе интересныя въ культурномъ или бытовомъ отношеніи распоряженія властей) ⁷⁾; Ив. Левицкаго галицко-русскую бібліографію 1772—1800 гг. ⁸⁾; меморіалъ диссидентовъ, предложенный польскому сейму въ 1791 г. (сообщенный М. Галуцкимъ) ⁹⁾; наконецъ — статью Ал. Лотоцкаго о положеніи бѣлаго духовенства въ XVIII вѣкѣ въ Малороссіи сравнительно съ Россією ¹⁰⁾.

Экономическимъ и общественнымъ отношеніямъ конца XVIII и начала XIX вѣка посвящены слѣдующія статьи: Ив. Франка, о хозяй-

---

до друку приладив М. Грушевський—т. I.VI. Имъ открывается серія: „Матеріали до исторіи Кошівщини“.

¹⁾ „Матеріали до культурної исторіи Галицької Русі XVIII і XIX віку, зібрані М. Зубрицьким, Ю. Кмитом, І. Кобиляцьким, Ів. Левицьким і Ів. Франком, видані під редакцією І. Франка“, 1902.

²⁾ „Знадоби для характеристики життя сільського гр.-кат. духовенства в Галицькій Русі в XVIII в.“.

³⁾ „Руське духовенство в боротьбі з народними віруваннями при кінці XVIII в.“.

⁴⁾ „Погляд на розвій нижшого і висшого шкільництва в Галиччині в рр. 1772—1800, і розвій русько-народного шкільництва в рр. 1801—1820“.

⁵⁾ „Перше руське просвітне товариство в рр. 1816—1818“.

⁶⁾ „Три руські рукописні підручники з рр. 1806, 1815 і 1827“.

⁷⁾ „Причинки до исторіи Галиччини в XVIII в.“—Записки т. XXVII.

⁸⁾ „Галицько-руська бібліографія за роки 1772—1880“—Записки т. III (она составляеть начало къ прежде опублікованной имъ бібліографіи XIX вѣка).

⁹⁾ „Меморіал в обороні прав православних і диссидентів з часів чотиріохітнього сейму“—т. II.

¹⁰⁾ „Суспільне становище білого (свѣтського) духовенства на Україні і в Росіи в XVIII в.“—т. XXI.

ствѣ Грималовской волости (на границѣ Галиціи и Подольской губ. ¹⁾). Нѣсколько болѣе мелкихъ замѣтокъ Мих. Зубрицкаго и двѣ статьи его же: о рекрутскихъ наборахъ по народнымъ рассказамъ и документамъ, и о неурожайныхъ годахъ 1846—1849 гг. ²⁾. Аналогическій сборникъ народныхъ рассказовъ о барщинѣ, записанный М. Йендикомъ ³⁾. Интересная статья Ив. Франка о крестьянскихъ отношеніяхъ Буковины и извѣстномъ агитаторѣ Кобылицѣ ⁴⁾. Тотъ же авторъ, на основаніи польскихъ мемуаровъ, далъ весьма живую картину польскаго общества въ украинскихъ губерніяхъ въ первой половинѣ XIX вѣка ⁵⁾.

Для достопамятнаго перелома галицкой жизни въ 1848 году есть нѣсколько небольшихъ, но интересныхъ замѣтокъ и матеріаловъ ⁶⁾. Картину галицкой жизни, начиная съ этого перелома, набрасываетъ (не всегда полно, но интересно) обширная статья Ос. Терлецкаго, изданная изъ его бумагъ ⁷⁾. Ее дополняютъ портреты нѣсколькихъ литературныхъ и политическихъ дѣятелей этого времени, живо написанные Ив. Франкомъ (Ив. Наумовичъ, Ант. Петрушевичъ, Ив. Гушалевиць ⁸⁾); для исторіи 70-хъ годовъ много интереснаго даетъ біографія самого Терлецкаго, написанная Франкомъ ⁹⁾. Мелкихъ замѣтокъ и матеріаловъ для исторіи послѣднихъ десятилѣтій XIX вѣка не буду перечислять ¹⁰⁾, отсылая интересующихся къ указателямъ. Упо-

¹⁾ „Грималевскій ключъ в р. 1800“—Часописъ правн. і екон., т. I.

²⁾ „Парцеляція вѣдѣнства поміж подданих с. Мшаниця“, Записки, т. I; „Помічні дні, причиняючі до історії панщини в Галичині в XIX в.“, т. LVІ; „Причинки до історії рекрутчини в Галичині при кінці XVIII і до пол. XIX ст.“, т. XLII; „Тісні роки“, т. XXVI.

³⁾ „Із народної памяти про панщину“, Етногр. Збірник, т. V.

⁴⁾ „Лукия Кобылиця, епізод із історії Гуцульщини в 1-ій пол. XIX в.“, т. XLIX.

⁵⁾ „Причинки до історії польської суспільності на Україні в XIX в.“, т. XLV.

⁶⁾ „1 і 2 подоліста 1848 р. у Львові“ (офіціальний отчетъ, сообщенный Ю. Левицькимъ), т. XXV. Ю. Кміт: „1848 р. і Львівська духовна семінарія“, т. XL „Пятомець-агітатор“, т. XLI; „3 сільських відносин у Галичині в серед. XIX в.“, т. LIV; А. Крушельницький: „3 днівника гр.-кат. пароха 1848—1850 рр.“, т. LII.

⁷⁾ Галицько-руське письменство 1848—1865 р., Літ.-наук. вістник, 1903, VI—XII, и отдѣльно: „Галицько-руське письменство 1848—1865 рр. на тлі тогочаснихъ національно-політичнихъ змагань галицько-руської інтелігенції“. Это продолженіе его статей подъ заглавіемъ: „Літературні стремління Галицькихъ Русинів“. И та, и другая не ограничиваются чисто литературными вопросами.

⁸⁾ Літ.-наук. вістник, 1899, кн. 10—11, 1901, 3 и 1903, 8—11.

⁹⁾ „Др. Остап Терлецький, спомины й матеріали“, т. L.

¹⁰⁾ Напримѣръ, выборки изъ переписки тогочасныхъ дѣятелей въ тт. 29, 47, 48 Записокъ, мемуаръ о студенческихъ обществахъ 70—80-хъ гг. въ т. LV и др.

мяну только статью И. Франка о культурномъ и литературномъ движеніи Галиціи въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ ¹⁾, свои статьи по культурной и общественной жизни Галиціи ²⁾, и нѣсколько статей, посвященныхъ умершимъ дѣятелямъ южно-русской науки ³⁾. Общій очеркъ національнаго украинскаго возрожденія XIX вѣка далъ я въ публичной лекціи, изданной подъ заглавіемъ: „На порозі столѣтя“ ⁴⁾.

Переходя къ работамъ по *исторіи литературы*, я начну съ серіи работъ, гдѣ произведенія южно-русской письменности являются звеньями въ международной исторіи широко распространенныхъ темъ міровой литературы. Это — работы д-ра Ивана Франка: обширная литературная исторія романа о Варлаамѣ и Іоасафѣ ⁵⁾, съ такимъ же большимъ аппаратомъ написанная исторія легенды о Климентѣ, папѣ римскомъ (авторъ начинаетъ съ ея древне-христіанскихъ зародышей, чтобы закончить исторію этой легенды на Руси, — работа еще не окончена) ⁶⁾; серія статей по апокрифической литературѣ: о псевдо-Матѣевомъ евангеліи, о рождествѣ и дѣтствѣ Маріи ⁷⁾, объ апокрифахъ ветхозавѣтныхъ, апокрифическихъ евангеліяхъ и апостольскихъ дѣяніяхъ. Эти послѣднія напечатаны въ качествѣ вводныхъ статей къ тремъ вышедшимъ томамъ грандіознаго корпуса апокрифовъ въ южно-русскихъ редакціяхъ, собранныхъ имъ же ⁸⁾.

Общій взглядъ на современныя изученія древней южно-русской литературы даетъ рефератъ Ал. Колессы ⁹⁾. Общій очеркъ древней южно-русской литературы вошелъ въ мою *Исторію Украины* (т. III), и тамъ же (т. I) отдѣльный экскурсъ посвященъ Начальной лѣтописи.

¹⁾ „З останніх десятиліть XIX в.“, Літ.-наук. вісник, 1901, VII—IX.

²⁾ „Листи з-над Полтви“, Літ.-наук. вісник, 1899, кн. 2, 5 и 11.

³⁾ Статьи: И. Кокорудза—объ Ом. Огоновскомъ (Записки, т. V); Кошиссаго—о Дякаровѣ (Літ.-наук. вісник, 1900, кн. 10—11); мон.—о Лазаревскомъ и Ал. Маркевичѣ (Записки, т. 47 и 55).

⁴⁾ Літерат.-наук. вісник, 1901, II.

⁵⁾ „Варлаам і Йоасаф, старохристіянський духовний роман і його літературна історія“, Записки, тт. 8, 10, 18 и 20.

⁶⁾ „Святий Климент у Корсуні“, т. 47 48 и 56.

⁷⁾ „Псевдо-Матвіеве евангеліє про уродження й дитство Марії та його сліди в українсько-руській літературі“. т. XXXV—VI.

⁸⁾ „Памятки українсько-руської мови и літературі“, т. I—III (1896—1902; второе заглавіе этихъ томовъ: „Апокрифи й легенди з українських рукописів, зібрав др. Ів. Франко“), т. I—ветхозавѣтные апокрифы; т. II—евангелія; т. III—дѣянія. Корпусъ будетъ выходить далѣе.

⁹⁾ „Погляд на сучасний стан історичнихъ розслідув українсько-руської літератури. Найдавніший період“, Записки, т. XXXIX.

Затѣмъ статьи: В. Щурата — о Моленіи Данила Заточника ¹⁾; моя замѣтка о чудѣ св. Климента, изданномъ ак. Соболевскимъ ²⁾; Пв. Франка — о „Словѣ о Лазаревѣ воскресеніи“, въ которомъ онъ обнаружилъ древне-русскую поэму на апокрифическую тему ³⁾, и о легендѣ о чудесномъ претвореніи воды въ вино въ Корсувѣ ⁴⁾. Для XV—XVI вѣковъ — моя статья о похвалѣ Витовта, находящейся въ древнѣйшей русско-литовской лѣтописи (краткой редакціи), о составѣ самой лѣтописи ⁵⁾, и разъясненіе по поводу догадки о томъ, что первый Литовскій статутъ былъ отпечатанъ (она вышла изъ ошибочнаго чтенія) ⁶⁾. Для полемической литературы XVI—XVII вѣка: П. Франка — замѣтка о печатномъ посланіи Іоанна Вишенскаго ⁷⁾; К. Студинскаго — объ авторѣ 'Αυτίρρητος'α (Ип. Потѣе) ⁸⁾, и Ал. Сушка — замѣтки о текстѣ Палинодіи и ея переработкахъ ⁹⁾. Для поэтической литературы XVII вѣка: М. Павлика — о Гаватовичѣ, авторѣ малорусскихъ интермедій 1619 года ¹⁰⁾; П. Житецкаго — объ „Острожской трагедіи“, стихотворномъ произведеніи 1630-хъ годовъ ¹¹⁾; Пв. Франка — о безыменныхъ виршахъ Діонтры 1612 года ¹²⁾ и сатирѣ еп. Шумлянскаго ¹³⁾ и рядъ небольшихъ замѣтокъ, посвященныхъ стихотворнымъ панегирикамъ XVII вѣка ¹⁴⁾.

По исторіи западно-украинской (галицкой и угорско-русской) пись-

¹⁾ „Слово Данила Заточника, памятка староруської літератури з кінця середніх віків“, т. IX.

²⁾ „Кілька заміток до «чуда св. Климента, папи римського»“, Записки, т. XLIX.

³⁾ „Слово о Лазаревѣ воскресеніи, староруська поема на апокрифічні теми“, т. XXXV—VI.

⁴⁾ „Пяницьке чудо в Корсуві, причянок до староруської легендової літератури“, т. XLIV, и еще одинъ вариантъ въ т. LII.

⁵⁾ „Похвала в. кн. Витовту, кілька уваг про склад найдавнішої русько-литовської літописи“, т. VI.

⁶⁾ „Статут друкований“, т. VI.

⁷⁾ „Новый причынок до студій над Іваном Вишенським“, т. XXXV—VI. (Это дополненіе къ его большому труду о Вишенскомъ).

⁸⁾ „Хто був автором 'Αυτίρρητος'α з р. 1599“, т. XXXV—VI.

⁹⁾ „Причинки до студій над текстом Палинодіи“, т. LIV.

¹⁰⁾ „Якуб Гаватович (Гават), автор перших руських інтермедій з 1619 р.“, т. XXXV—VI.

¹¹⁾ „Острозька трагедія“, т. LI.

¹²⁾ „Забутий український віршописець XVII в.“, т. XXII.

¹³⁾ „Вірша еп. Шумлянського про події 1683—6 рр.“, т. XXXIX.

¹⁴⁾ К. Студинський, Три панегирики XVII в., т. XII, Панегирик Еуфима веселобрячал, т. VIII; Ол. Сушко, Микита Мелешко, незвісний панегирист XVII в., т. I.

менности XVII—XVIII вѣка: Пв. Франка—общій очеркъ и описаніе цѣлаго ряда (25) рукописныхъ сборниковъ, содержащихъ въ себѣ памятники тогдашней письменности, подъ заглавіемъ: „Карпато-руська література XVII—XVIII віків“ (Записки, т. 37—38) (подобныхъ описаній сборниковъ и отдѣльныхъ рукописей галицкихъ немало было сдѣлано въ Запискахъ и кромѣ этого обзора)¹⁾; въ особой статьѣ занимается онъ отзвуками легенды о пресвитерѣ Іоаннѣ и открытіи Тибета²⁾. Нѣсколько легендъ изъ сборника начала XVIII вѣка опубликовалъ В. Гнатюкъ³⁾. Онъ же издалъ въ двухъ томахъ корпусъ легендъ по устной традиціи галицкаго народа (Етнограф. Збірник, т. XII—XIII). Довольно много также сдѣлано для изученія виршъ и духовныхъ стихотвореній: болѣе или менѣе значительныя коллекціи ихъ изданы на основаніи старыхъ сборниковъ и современной устной традиціи В. Гнатюкомъ, И. Франкомъ и мною⁴⁾.

Переходя къ исторіи новой (возрожденной) малорусской литературы, я прежде всего долженъ упомянуть объ исторіи малорусской литературы покойнаго проф. Ом. Огоновскаго, печатавшейся въ Зорѣ и вышедшей затѣмъ отдѣльно на средства общества, въ шести томахъ, 1887—1894 г.⁵⁾ Первый томикъ, обнимающій XI—XVIII вѣка, составленный компилятивно и очень плохо, былъ неодобрительно встрѣченъ критикой и создалъ всему труду Огоновскаго довольно невыгодную репутацію. Вслѣдствіе этого не была по достоинству оцѣнена его исторія литературы XIX вѣка, составляющая *pièce de resistance*

¹⁾ В. Гнатюк, Интересный збірник з с. Хитарл. Записки, т. X; В. Охримович. Рукописні церковні книги в с. Волосянці, т. XIX; Ів. Франко, Довжанське четверо, євангеліє, т. XXXVII, и др.

²⁾ „Студії на полї Карпаторуського письменства XVII—XVIII в.— Під Іван, половець Смера і відкритє Тибету“, т. XII.

³⁾ „Легенди з Хитарського збірника“, т. XVI.

⁴⁾ М. Грушевський, Сльіванник з початку XVIII в., Записки, т. XV и XVII; Кілька духовнихъ віршів з Галичини, т. XIV. Ів. Франко, До історії вірші на Віраїні (дві пьєсы), т. XXXIV; Нові причинки до історії вірші на Україні, т. XXI; В. Гнатюк, Угросусі духовні вірші, т. XLVI, XLVII, XLIX (большая коллекція); Причинок до літератури нашого віршотворства, т. XXI; Кілька духовнихъ віршів (сьліванник із Грушова), т. LVI; его же, сборникъ лривцкихъ виршъ, Етнографичный Збірник, т. II.

⁵⁾ „Исторія литературы рускои“, часть первая—XI—XVIII в.; часть вторая въ двухъ томахъ—повсія XIX в.; часть третья въ двухъ томахъ—беллетристика XIX в. часть четвертая — исторія изученія Южной Руси (не окончена; обвиняеть исторію южно-русской этнографіи).

всего труда. Правда, покойный не былъ историкомъ литературы по призванію, у него нѣтъ руководящихъ указаній, онъ предпочитаетъ пересказывать чужіе отзывы вмѣсто своихъ сужденій и на двѣ трети наполнилъ свою книгу пересказомъ содержанія самихъ литературныхъ произведеній, но какъ собраніе матеріаловъ и фактовъ, его трудъ все еще сохраняетъ значительную цѣнность и остается все еще главнымъ пособіемъ для знакомства съ украинско-русскою литературою XIX вѣка, не замѣненнымъ ничѣмъ лучшимъ. Общій очеркъ литературнаго и національнаго возрожденія Галиціи до 1870-хъ годовъ далъ покойный Терлецкій въ упомянутыхъ выше статьяхъ. Краткій очеркъ литературнаго движенія столѣтія далъ Ол. Колесса въ статьѣ: „Століте обновленої українсько-руської літератури“¹⁾. Недавно опубликованъ, изъ бумагъ Драгоманова, его очеркъ украинской литературы „антракта“, 1866—1873 годовъ²⁾. Общій взглядъ на литературное движеніе послѣднихъ десятилѣтій даетъ указанная выше статья Ів. Франка³⁾.

Перейдемъ къ спеціальной литературѣ. Столѣтній юбилей Энеиды Котляревскаго въ 1898 году вызвалъ небольшую литературу о Котляревскомъ. Кромѣ только что упомянутаго обзора Колессы, вышли въ печати произнесенные на „академіи“ въ честь Котляревскаго рѣчи—моя⁴⁾ и проф. С. Смаль-Стоцкаго⁵⁾, далѣе — моя замѣтка объ изданіяхъ Энеиды⁶⁾, П. Франка—„Котляревський в Галичині“ („Записки, т. XXVI) и „Галицький Москаль-Чарівник“ (т. XXVII). Очень много работъ посвящено Шевченку—патрону общества. Первое мѣсто среди этой шевченковской литературы занимаетъ большая біографія покойнаго Ал. Конисскаго, печатавшаяся частями въ „Запискахъ“, начиная съ I тома, а затѣмъ, въ переработанномъ видѣ, вышедшая въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Тарасъ Шевченко-Грушівський, хроніка його життя“⁷⁾ — это самый обстоятельный обзоръ фактовъ внѣшней жизни великаго украинскаго поэта, но съ совершеннымъ исключеніемъ исторіи

¹⁾ Літерат.-наук. вістник, 1898, XI.

²⁾ „Українське письменство 1866—1873 рр.“, Літ.-наук. вісти., 1902, X—XII.

³⁾ Літ.-наук. вісти. 1901, VII—IX.

⁴⁾ „Українсько-руське літературне відродження в історичнім розвою українсько-руського народу“, Літ.-наук. вісти., 1898, II.

⁵⁾ „Котляревський і його Енеїда“, *ibid.*

⁶⁾ „Перші видання Енеїди“, *ibid.*

⁷⁾ „Збірник фізіологічної секції“, т. I и IV, 1898 и 1901 (одночасно эта работа вышла также по-русски, въ Одессѣ, съ нѣкоторыми сокращеніями).

творчества и вообще духовной жизни его. Спорнымъ вопросамъ хронологіи произведеній Шевченка посвятилъ тотъ же авторъ двѣ отдѣльныя статьи ¹⁾, и кромѣ того, нѣсколько статей—вопросамъ текста ²⁾. Этимъ послѣднимъ, кромѣ того, посвящены работы Ю. Романчука ³⁾ и М. Кр—го ⁴⁾. Литературному изученію произведеній Шевченка посвящены изслѣдованія: Ив. Франка—о „Наймичкѣ“ ⁵⁾, Ив. Копача—о „Снѣ“ ⁶⁾ и Ол. Колессы—о вліяніи произведеній Мицкевича на Шевченка ⁷⁾. Подъ редакціей Огоновскаго начато было Обществомъ полное изданіе произведеній Шевченка; этого собранія вышло четыре тома (не окончено) ⁸⁾.

Другой малорусскій писатель, для изученія котораго много сдѣлано Обществомъ, это—Федьковичъ, наиболѣе крупный изъ старшихъ писателей австрійской Украины. Въ изданіяхъ Общества вышли: біографія его, написанная Ол. Колессою и вызвавшая на страницахъ „Зори“, гдѣ она была напечатана, живую полемику ⁹⁾; воспоминанія и матеріалы о Федьковичѣ, собранные Р. Заклинскимъ ¹⁰⁾, и рядъ болѣе мелкихъ матеріаловъ, а съ 1901 года оно приступило къ изданію полного, научно исполненнаго собранія его сочиненій; до сихъ поръ вышло три тома, заключающіе его стихотворенія, повѣсти и драматическіе переводы ¹¹⁾; два слѣдующіе тома будутъ заключать оригинальныя драматическія произведенія, переписку и біографію поэта. Нѣсколько работъ посвящено Кулишу: біографія его, написанная Ос.

¹⁾ „Проба улаштування хронології до творів Т. Шевченка“, Записки, т. VIII и XIX (часть первая и вторая).

²⁾ „Варіянти на декотрі Шевченкові твори“, т. XXXIII и XXXIX; „Недруковані поезії Т. Шевченка“, т. XXXIX.

³⁾ „Деякі причинки до поправнішого видання поезій Т. Шевченка“, т. XXXIV.

⁴⁾ „Замітки до поправнішого видання поезій Т. Шевченка“, т. LVІ.

⁵⁾ „Наймичка Т. Шевченка“, т. VI.

⁶⁾ Огляд поеми „Сон“, Зоря, 1895. Множество мелкихъ матеріаловъ и замѣтокъ о Шевченкѣ—въ Зорѣ, Літ.-наук. вістникѣ, Запискахъ.

⁷⁾ „Шевченко і Міцкевич. Про значіне впливу Міцкевича в розвою поетичної творчості та в генезі поодиноких поем Шевченка“, т. III.

⁸⁾ „Кобзарь Т. Шевченка“. (Лучшую рецензію текста дало новое компактное изданіе Романчука, 1902).

⁹⁾ „Юрій Коссован“, Зоря, 1893; Р. Заклинскій, „Чи можна Федьковича Коссованом звати?“, *ibid.*, 1894.

¹⁰⁾ „Спомини про Федьковича“, Літ.-наук. вістник, 1901, I—II.

¹¹⁾ „Українсько-руська бібліотека“, т. I, II и IV.

Маковсемъ ¹⁾, критическая статья Ив. Степенка ²⁾ и статья В. Щурата—о послѣднемъ прїѣздѣ Кулиша во Львовъ ³⁾. Его же касается обширная статья Ст. Томашивскаго: „Маруся Богуславка въ украинській літературі“ (Літ.-наук. вістн., 1901, III—VI). Затѣмъ есть статья И. Степенка объ Ол. Стороженкѣ ⁴⁾, рядъ мелкихъ замѣтокъ о Руданскомъ, полное собраніе сочиненій котораго издается обществомъ („Писання Стефана Руданського“; 6 томиковъ до сихъ поръ), и мя. др.

Рядъ литературныхъ характеристикъ писателей помещенъ былъ въ вышедшихъ 26 томахъ „Літературно-наукового вістника“: Б. Гринченка—объ Александрѣ Кулишѣ; Ив. Франка—о Старицкомъ; Юр. Кмита—о Карпенкѣ-Каромъ; Ос. Маковея—о Кобылянскоій, Чайкивскомъ, Грабовскомъ, Бордулякѣ; мои—о Кобринскоій и Семанюкѣ и др. Для изученія новѣйшей украинскоіи литературы научно-литературный отдѣлъ Літ.-наукового вістника представляетъ вообще цѣлый архивъ, со множествомъ литературно-біографическихъ свѣдѣній, критическихъ очерковъ и т. п., какъ и послѣдніе томы „Зоря“.

По изученію малорусскаго языка и его діалектовъ отмѣчу: изданные Ал. Колессою пергаменные листки XII—XIII вѣка изъ библиотеки Лавровскаго монастыря, съ налеографическими и историко-лингвистическими замѣчаніями ⁵⁾, изслѣдованіе К. Студинскаго о львовскоіи греческо-малорусскоіи грамматикѣ 1591 г. 'Адельфотес' ⁶⁾, Ос. Маковея о первыхъ шагахъ научнаго изученія малорусскаго языка въ Галиціи въ XIX вѣкѣ ⁷⁾. Вл. Охримовичъ напечаталъ первую часть своего обширнаго и весьма интереснаго труда объ удареніи въ малорусскомъ языкѣ ⁸⁾.

Очень много даютъ публикаціи общества по діалектологіи западныхъ, прикарпатскихъ земель: обширныя работы Ив. Верхратскаго

¹⁾ „Манько Омелькович Куліш“, Літ.-наук. вістник, 1900, кн. III—VI, IX—XII (вышло и отдѣльно).

²⁾ „Пробн біографіі й оцінки діяльності П. Куліша“, Записки т. XLIV.

³⁾ „До історії останнього побуту П. Куліша у Львові“, Зоря, 1897.

⁴⁾ „Ол. П. Стороженко, Причипки до характеристики його творів“, Записки т. XLIII.

⁵⁾ „Лаврівські пергаменні листки з XII—XIII в.“ Записки т. LIV.

⁶⁾ „Адельфотес“, граматика видана у Львові 1591 р.—т. VII.

⁷⁾ „З історії нашої фільології.—Три галицькі грамматики (І. Могильницький, Й. Лозинський і Й. Левіцький)“, т. II и LIV.

⁸⁾ „Про наголос в українсько-руській мові“—т. XXXIII.

о угорско-руських діалектах¹⁾, о говорѣ лемковъ, доловъ или долинянъ (въ окрестностяхъ Перемышля и Ярославля), замішанцевъ (въ изгибѣ Вислока)²⁾,—они заключають въ себѣ кромѣ обзора звуковыхъ, морфологическихъ и отчасти синтактическихъ особенностей также сборники текстовъ и словарики ідіомовъ. Далѣе—работы В. Гнатюка объ угорско-руськихъ говорахъ — спеціально о словацко-малорусской діалектической границѣ: „Русини Пряшівскої епорхії і їх говори“ (т. XXXV — XXXVI), критическія статьи по этому же вопросу въ т. XXVIII (онѣ вышли отдѣльно съ заголовкомъ: Hungaro-ruthenica, 1900 г.) и „Словаки чи русини?“ (т. XLII); обширное собраніе текстовъ къ ней помѣщено въ IX т. Етнографічнаго збірника. Упомяну еще его же замѣтку о нѣкоторыхъ особенностяхъ говора бойковъ³⁾. Наконецъ значительную цѣнность для діалектологическихъ изученій представляютъ сборники народныхъ произведеній В. Гнатюка, О. Роздольскаго и др., записанныхъ съ полнымъ соблюденіемъ діалектологическихъ особенностей (о нихъ буду говорить сейчасъ ниже при обзорѣ фольклорныхъ матеріаловъ).

Переходя къ изученію *народной словесности*, я прежде всего долженъ упомянуть о сборникѣ статей Драгоманова по украинской народной словесности и литературѣ, издаваемомъ филологическою секціею. Два вышедшихъ тома содержатъ (въ переводѣ) статьи, печатавшіяся въ Россіи⁴⁾; въ дальнѣйшихъ томахъ сборника должны выйти статьи иноязычныя. Затѣмъ укажу слѣдующія изслѣдованія: И. Франка „Козакъ Плахта, українська народна пісня друкована в польській брошурі з р. 1625 г.“ (Записки т. XLVII), съ интересными замѣчаніями по исторіи народной украинской пѣсни вообще; В. Гнатюка — о современномъ народномъ пѣсентворчествѣ, съ богатымъ сборникомъ такихъ „новыхъ“ пѣсенъ⁵⁾; его же о народныхъ произведеніяхъ, воспѣвающихъ разбойника Яношика, и разсказахъ о немъ⁶⁾; М. Дикарева о вербѣ въ символикѣ народныхъ пѣ-

¹⁾ „Знадоби до пізнання угорско-руськихъ говорів. — Говори з наголосомъ джикимъ“.—Записки т. XXVII; „Говори з наголосомъ недвижнимъ“—т. XL, XLIV, XLV.

²⁾ „Про говоръ галицькихъ Лемків“ — Збірникъ філологічної секції т. V; „Про говоръ долівскій“—Записки т. XXXV.—VI; „Говоръ Замішанців“—т. III.

³⁾ „До бойківського говору“—т. XLVIII.

⁴⁾ Збірникъ філологічної секції т. II и III.

⁵⁾ „Пісенні повтори в українсько-руській народній словесности“—т. L и LII.

⁶⁾ „Словацький опришокъ Яношикъ в народній словесности“—т. XXXI—II.

сень ¹⁾; Ол. Колессы — объ элементахъ украинской народной поэзіи въ произведеніяхъ польскаго поэта Залескаго ²⁾; изслѣдованія В. Гнатюка ³⁾ и К. Студинскаго ⁴⁾ о галицкихъ лирикахъ и ихъ репертуарѣ. Очень много собрано и образцово, съ полнымъ соблюденіемъ подлиннаго вида и языка, съ указаніемъ параллелей и аналогій, издано произведеній народной словесности — галицкой и угорско-русской главнымъ образомъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ нѣсколько большихъ систематическихъ сборниковъ, къ изданію которыхъ обратилось въ послѣдніе годы Общество, не довольствуясь мелкими собраніями, иногда довольно случайнаго состава, обычно фигурирующими въ разныхъ этнографическихъ изданіяхъ. Такъ В. Гнатюкъ издалъ въ двухъ томахъ богатое собраніе легендъ изъ галицкихъ записей (440 номеровъ) ⁵⁾, томъ народныхъ анекдотовъ, также галицкихъ записей (700 номеровъ) ⁶⁾. Ив. Франкъ началъ грандіозный корпусъ галицкихъ пословицъ—первый вышедшій томъ заключаетъ въ себѣ около 3.000 пословицъ на буквы а, б и половину в (онѣ расположены по первымъ буквамъ текста), съ объяснительными замѣчаніями и параллелями ⁷⁾. Ос. Роздольскій издалъ два большихъ сборника галицкихъ народныхъ сказокъ и новеллъ ⁸⁾. Изъ болѣе мелкихъ собраній такой же однородный характеръ имѣетъ коллекція народныхъ толковъ по поводу коронаціи, собранная Дикаревымъ ⁹⁾, коллекція народныхъ анекдотовъ, собранная Шимчепкомъ ¹⁰⁾, маленскій сборникъ неприличныхъ свадебныхъ нѣсонгъ, сдѣланный Мих. Максимовичемъ ¹¹⁾ и др.

¹⁾ „Де що про вербу яко символ в українській пісні“ — Збірник філол. секції т. V.

²⁾ „Українські народні пісні в поезіях Б. Залескаго“ т. I.

³⁾ „Лірички — ліричнікі молитви, слова, звістки т. п. про ліричків повіту Буцацького“—Етногр. Зб. т. II.

⁴⁾ „Лірички“—Зоря 1894.

⁵⁾ „Галицько-руські народні легенди“ — Етнографічний Збірник т. XII и XIII, 1902 г.

⁶⁾ „Галицько-руські анекдоти“ — *ibid.*, т. VI, 1899 г.

⁷⁾ „Галицько-руські народні проповідки“—*ibid.*, т. X, 1904 г.

⁸⁾ Сборникъ сказокъ — первая половина въ I т. Етнографічнаго Збірника, вторая — въ видѣ отдѣльнаго (VII) тома того же Збірника (Галицкі народні казки). Сборникъ новеллъ составляетъ VIII т. Збірника (Галицкі народні новелли).

⁹⁾ „Народня гутірка з поводу коронації“—*ibid.* въ т. V.

¹⁰⁾ „Українські людські вигадки“—*ibid.* въ т. I.

¹¹⁾ „Сороміцькі весільні пісні“—Матеріяли до етнології т. I.

Другую серію составляють большія собранія фольклорнаго матеріала изъ опредѣленной мѣстности: В. Гнатюка записи изъ Угорской Руси въ трехъ томахъ: первые два заключаютъ легенды, повеллы, сказки, рассказы и анекдоты, собранные имъ главнымъ образомъ въ восточной части Угорской Руси ¹⁾, томъ третій — тоже въ записяхъ изъ западныхъ угорско-русскихъ комитатовъ, расположенныхъ по селамъ, въ которыхъ онѣ записаны, главнымъ образомъ какъ діалектологическій матеріалъ, и пѣсни, записанныя въ Бачкѣ (угорско-русскихъ колоніяхъ въ комитатѣ Бач-Бодрогъ) ²⁾. Ив. Колессы большой сборникъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ с. Ходовичахъ Стрыйскаго пов., съ мелодіями, записанными имъ же ³⁾. Изъ меньшихъ собраній фольклорнаго матеріала такой характеръ имѣютъ собранія: Дикарева народныя сказки и анекдоты ⁴⁾, записанныя въ Кубанской области, Р. Кайндля буковинскіе фольклорныя матеріалы ⁵⁾, народныя загадки, собранныя Я. Миколаевичемъ въ с. Половомъ и др. ⁶⁾.

Немало сдѣлано и издано для изученія *народной жизни*. Описанію народной жизни и быта цѣлыхъ этнографическихъ группъ посвящены двѣ большія работы: В. Шухевича о гуцулахъ ⁷⁾, этомъ интереснѣйшемъ и оригинальнѣйшемъ изъ украинскихъ, а можетъ быть даже и славянскихъ племенъ вообще; вышло до сихъ поръ три книги, заключающія весьма разнообразный матеріалъ, собранный долготѣмъ наблюденіемъ, хотя и не вполне умѣло обработанный, — роскошное изданіе со множествомъ иллюстрацій. Другая — В. Гнатюка о русинахъ въ Бачкѣ (угро-русской колоніи въ области нижняго Дуная, въ комитатѣ Бач-Бодрогъ): имъ посвятилъ онъ обширную статью въ XXII т. Записокъ („Руські оселі в Бачці“), обширный сборникъ пѣсенныхъ текстовъ (въ IX т. Етнографічнаго Збірника), а вопросомъ объ ихъ національности занимается также въ своихъ упомянутыхъ выше статьяхъ по діалектологіи; кромѣ того небольшую хроніку Ке-

¹⁾ Етнографічний Збірник т. III и IV, 1897—1898 гг. — „Етнографічні матеріали з Угорської Русі“.

²⁾ Етнографічний Збірник т. IX — „Етнографічні матеріали з Угорської Русі: I. Західні угорсько-руські комітати, II. Бач-Бодрогський комітат“. 1900 г.

³⁾ Етнографічний Збірник т. XI — „Галицько-руські народні пісні з мелодіями, зібрав у селі Ходовичах др. Іван Колесса“. 1901 г.

⁴⁾ „Чорноморські народні казки й анекдоти“ — въ II т. Етногр. Зб.

⁵⁾ „Фольклорні матеріали із збірки проф. Р. Кайндля“ — т. V Етногр. Зб.

⁶⁾ „Людві загадки з Кам'янецького повіту“ (110 номерів) — Етногр. Зб. т. V.

⁷⁾ Матеріали до українсько-руської етнології т. II, IV и V (1899—1902) — „Гуцульщина“, вип. Шухевич.

рестуры—главной изъ этихъ колоній, издалъ онъ въ Запискахъ т. LIII. Жизни и быту угорскихъ русскихъ посвятилъ небольшую работу Юр. Жатковичъ, одинъ изъ мѣстныхъ (къ сожалѣнію—такъ немногочисленныхъ) угорско-русскихъ изслѣдователей ¹⁾. Наконецъ Ст. Томашиевскій приготовилъ весьма интересную работу по статистикѣ Угорской Руси ²⁾.

Болѣе спеціальныя работы: В. Охримовича объ остаткахъ коммунистическаго строя среди горныхъ бойковъ (заглавіе статьи, можетъ быть, не вполне соответствуетъ содержанию, но самые факты горскаго хозяйства въ высокой степени интересны ³⁾. П. Черкасаго о наслѣдствѣ въ обычномъ украинскомъ правѣ ⁴⁾. И. Франка и Фил. Колессы—народныя вѣрованія галицкихъ подгорянъ (окрестностей Коломыи, Стрыи и Дрогобыча ⁵⁾), рядъ статей М. Дикарева по миеологии ⁶⁾, о народныхъ вѣрованіяхъ о св. Николаѣ ⁷⁾, далѣе—его же матеріалы по народной ботаникѣ ⁸⁾. Оставшіяся въ бумагахъ его большой календарь народныхъ вѣрованій еще ждетъ изданія; при жизни онъ издалъ описанія рождественскихъ святокъ на Кубани ⁹⁾. Небольшой календарь изъ западнаго Подгорья Галицкой Руси издалъ Мих. Зубрицкій ¹⁰⁾. Свадебный ритуалъ былъ весьма обстоятельно и тщательно списанъ П. Литвиновоу-Бартошъ по наблюденіямъ въ Черниговской губ. (Глуховскаго уѣзда) ¹¹⁾ и Он. Гришемъ по наблюденіямъ въ

¹⁾ „Замітки етнографічні з Угорської Русі“ (Етнографічний Збірник т. II) содержатъ въ себѣ такія главы: подраздѣленія угорскихъ русинъ, народный календарь, свадьба, родины, бохѣзни, похороны, одежда, пища, хозяйство, кое-что изъ устной литературы, откуда доставали угорскіе русины церковныя книги?

²⁾ „Угорські Русини в совітї малярської урядової статистики“—въ LVI томѣ „Записокъ“.

³⁾ „Останки комунистичного устрою у галицких Вайків-Ворховицѣв“—Записки т. XXXI—II.

⁴⁾ „Спадщина в українськїм правї звичайовому“—Часопись Правнича т. IX.

⁵⁾ ib. Франко „Людові вірування на Підгірю“, Фил. Колесса—„Людові вірування на Підгірю, в с. Ходовичах“—Етногр. Зб., т. V (народная космологія и метеорологія, воззрѣнія на органическій міръ, растенія, звѣрей и человека, явленія хозяйственной и общественной жизни, календарь и праздники, миеологія и демонологія).

⁶⁾ Я назвалъ главныя изъ нихъ выше; кромѣ нихъ въ посмертномъ сборникѣ его статей вышли: „Кого треба розуміти під рахманами й ідентичними з ними русалками?“ „Пояснення до колядок“. „Чудесна річка в домі господаря“.

⁷⁾ „Великий богъ Микола“—ibid.

⁸⁾ „Зпадоби до народної української ботаники“—ibid.

⁹⁾ „Різдвинї сьвята в ст. Павловскій, ейского одділу“—Етногр. Зб., т. I.

¹⁰⁾ „Народний календар (звичаї и повірки)“.—Матеріяли до українско-рус. етнології, т. III.

¹¹⁾ „Весільні обряди і звичаї у с. Землянці Глухівського повіту“—ibid., т. III.

Полтавской губ. (Гадячскаго уѣзда) ¹⁾. Коллекцію гуцульскихъ заговоровъ, изъ разныхъ записей, издалъ Нв. Франко ²⁾. О дѣтскихъ играхъ, пѣсняхъ и вообще жизни дѣтей у галицкаго крестьянства—статья М. Дерлицы ³⁾. О сходкахъ сельской молодежи—программа, съ обширнымъ комментариемъ, М. Дикарева ⁴⁾. О народныхъ музыкальныхъ инструментахъ статья автора, скрывшаго свое имя подъ криптонимомъ Бояна ⁵⁾. О писанкахъ сѣверо-восточной Галиціи, ихъ изготовленіи и орнаментаціи—ислѣдованіе М. Кордубы ⁶⁾, съ большимъ атласомъ рисунковъ.

Для матеріальной культуры: В. Гнатюка о народной пищѣ и кухнѣ въ Галиціи ⁷⁾, и весьма цѣнный химическо-физиологическій анализъ ея извѣстнаго физиолога А. Горбачевского ⁸⁾. Объ устройствѣ крестьянскаго двора есть статья М. Могильченка (наблюденія изъ Черниговской губ.) ⁹⁾, и имѣетъ выйти статья М. Русова, по наблюденіямъ изъ Полтавской губерніи. По народнымъ промысламъ: о гончарствѣ (по наблюденіямъ въ с. Олешнѣ, Черниговской губ.) М. Могильченка ¹⁰⁾, и подобная же, по наблюденіямъ въ с. Оношнѣ Полтавской губерніи, М. Русова имѣетъ появиться въ ближайшемъ томѣ „Матеріаловъ“; о ткацкомъ и скорняцкомъ промыслахъ, по галицкимъ наблюденіямъ—В. Гнатюка ¹¹⁾, объ обработкѣ дерева—А. Веретельника ¹²⁾, о рыболовствѣ украинцевъ въ Добруджѣ—Ф. Волкова ¹³⁾.

Я перечислялъ то, что казалось мнѣ наиболѣе цѣннымъ или могущимъ имѣть интересъ при современныхъ направленіяхъ историко-филологическихъ и этнографическихъ изученій въ Россіи (интересующіеся, на основаніи этихъ указаній, сами найдутъ нужное для нихъ,

¹⁾ „Весілля у гадяцькому повіті у Полтавщині“—*ibid.*, т. I.

²⁾ „Гуцульскі примівки“—*Етногр. Зб.*, т. V.

³⁾ „Селянські діти“—*ibid.*, т. V.

⁴⁾ „Програма до збирання відомостей при громаді й збірки сільської молоді (вудицю, вечорниці, досвітки й складки)“.—*Матеріали до етнол.*, т. III.

⁵⁾ „Народні музичні струменти на Україні“—„Зоря“ 1894.

⁶⁾ „Писанки на галицькій Волині“—*Матеріали до етнол.*, т. I.

⁷⁾ „Народна иожива і способ її приправи“—*ibid.*, т. I.

⁸⁾ „Причинки до пізнання виживи сільської людности галицького Поділя“.—*Збірник матем.-природон.-лікар. секції*, т. V (медицинській отдѣл).

⁹⁾ „Будівля на Чернигівщині“.—*Матеріали*, т. I.

¹⁰⁾ „Гончарство у с. Олешні у Чернигівщині“—*ibid.*, т. I.

¹¹⁾ „Ткацтво у Східній Галичині“—*ib.т.* III, „Кушнірство у Галичині“—т. I.

¹²⁾ „Рубане і виготовлюваня дерева“—т. III.

¹³⁾ „Українське рыбальство у Добруджі“—т. I.

пользуясь указателями и бюллетенями Общества). Если бы я захотѣлъ указывать все то новое, что вносятъ въ изученіе южной Руси эти работы и публикаціи матеріаловъ, мнѣ пришлось бы, конечно, написать нѣсколько большихъ книгъ. Уже такъ, какъ стоитъ дѣло теперь по нѣкоторымъ вопросамъ — какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ исторіи древней Руси, а по исторіи Галиціи спеціально — на всемъ ея протяженіи, по исторіи козачества, кончая эпохою Хмельницкаго, по исторіи новой украинской литературы, по украинской діалектологіи, по украинскому фольклору вообще, — изслѣдователь не можетъ двигаться, не ознакомившись со сдѣланнымъ и опубликованнымъ по этимъ вопросамъ Обществомъ имени Шевченка. И моя настоящая статья именно имѣла эту цѣль — указать работающимъ въ этихъ и смежныхъ съ ними научныхъ областяхъ въ Россіи на необходимость знакомства со сдѣланнымъ членами Общества — въ интересахъ успѣшнаго развитія этихъ изученій.

Я думаю также, что и съ методологической стороны работы Общества могутъ имѣть интересъ и извѣстную пользу для русскихъ изслѣдователей: мнѣ кажется, напримѣръ, что методы изученія и обработки фольклорнаго, этнологическаго и археологическаго матеріала, археографическіе и историческіе приемы, выработанные и примѣняемые въ научныхъ трудахъ Общества, въ его такъ сказать научныхъ лабораторіяхъ (конечно, въ переносномъ значеніи — такъ какъ лабораторіями въ собственномъ смыслѣ Общество не располагаетъ), имѣютъ свои особенности, иногда не только интересныя, но и поучительныя. Впрочемъ, это вопросы болѣе субъективнаго характера. Вполнѣ ослзательными остаются результаты этой работы, накопленные десятилѣтнею научною работою обновленнаго „Ученнаго общества имени Шевченка“, посильный обзоръ которыхъ старался я выше представить.

М. Грушевскій.

Толковый Словарь живого великорусскаго языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное, изданіе подъ редакціею проф. *И. А. Бодузна-де-Куртене*. Т. I. Выпуски 1 -- 3 (А—Втягать). С.-Пб. 1903 г. Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ.

Второе изданіе словаря Даля, вышедшее въ 1880 году, разошлось. Потребовалось новое изданіе. Эта потребность въ новомъ изданіи очень понятна: словарь Даля удовлетворялъ запросамъ и широкой

публики, и ученыхъ специалистовъ. Матеріаль, обнятый Далемъ, настолько обширенъ, что онъ по самому количеству своему могъ служить и, дѣйствительно, служилъ какъ справочной книгой для всякаго читателя произведеній русской литературы, такъ и сборникомъ діалектическаго матеріала для всякаго ученаго языковѣда, который долженъ былъ неминуемо обращаться къ словарю Даля за отысканіемъ въ лексическомъ составѣ русскаго языка словъ, указывающихъ на общую жизнь въ прошломъ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій и отдѣльныхъ языковъ славянскихъ. Въ словарь Даля мы всегда находили такіа діалектическія слова, которыя въ своихъ корняхъ или другихъ звуковыхъ принадлежностяхъ своихъ сообщали намъ надежный матеріаль для построенія или уясненія исторіи отдѣльныхъ словъ или для уясненія отношеній родства отдѣльныхъ славянскихъ языковъ въ ихъ исторіи. Другими словами, въ словарь Даля мы находили тѣ слова, которыя, не будучи иногда извѣстными въ русскомъ литературномъ языкѣ, сохраняются въ устахъ народа и проливаютъ свѣтъ на отношеніе между отдѣльными словами близко родственныхъ языковъ или нарѣчій. Это извѣстно каждому языковѣду и діалектологу. Каждый также знаетъ, что въ словарь Даля онъ находилъ разъясненіе значеній словъ изъ многихъ пышныхъ беллетристическихъ писателей, и съ помощью словаря Даля сближалъ языкъ писателя съ мѣстностью его рожденія, воспитанія и вообще жизни. Такъ, многія діалектическія особенности въ языкѣ *Гончарова* изобличаютъ передъ нами уроженца Поволжья, и съ помощью словаря Даля мы уясняемъ себѣ причины употребленія *Гончаровымъ* нѣкоторыхъ словъ, извѣстныхъ въ данной формѣ и съ даннымъ значеніемъ въ Симбирской губерніи и частью во всемъ Поволжьѣ. При чтеніи сочиненій *Печерскаго (Мельникова)* этотъ же словарь оказываетъ намъ незамѣнимую услугу и т. д. и т. д. Само собой разумѣется, что послѣ Даля діалектическій матеріаль, входящій въ составъ живого великорусскаго языка, нѣсколько болѣе сталъ намъ извѣстенъ, благодаря развивающимся діалектологическимъ наблюденіямъ специалистовъ и частныхъ лицъ любителей. Но „дополненіи“ къ словарю Даля все-таки можно сдѣлать еще сравнительно немного, если считать дополненіями слова, совсѣмъ неизвѣстныя словарю Даля, и если объемъ такихъ дополненій сравнивать съ объемомъ самого словаря. Тѣмъ удивительнѣе выступаетъ передъ нами богатство, разнообразіе и обиліе труда автора, единолично собиравшаго столь громадный матеріаль. Изъ всего сказаннаго заключаемъ, что словарь

Далѣ необходимъ громадному кругу интеллигентной и ученой публики. Конечно, ученый языковѣдъ, обращаясь къ словарю Далѣ, не задавался цѣлью найти въ немъ этимологическое объясненіе слова, найти указанія о корняхъ словъ и проч.

Далѣ не былъ языковѣдомъ, да и не могъ бы удовлетворить подобныхъ запросовъ въ наше время, когда лингвистическое изученіе языка отодвинуло отъ насъ Далѣ на большое пространство. Но Далѣ и не задавался цѣлью дать *этимологическій* словарь русскаго языка: его задача была дать „толковый“ словарь, и эта задача вполнѣ имъ достигнута, рѣшена вполнѣ удовлетворительно. Слѣдовательно, матеріалъ, обнятый словаремъ Далѣ, не нуждается, для удовлетворенія практическихъ цѣлей читающей публики—имѣть „толковый“ словарь, въ какой-либо специальной переработкѣ и въ измѣненіи, а развѣ только въ дополненіяхъ, которыя можно было бы собрать *съ отдѣльный томъ* и приложить къ прежнимъ четыремъ томамъ. Практика однако указываетъ, что не всѣ и не всегда могутъ скоро отыскать искомое слово у Далѣ, такъ какъ неудачное размѣщеніе многихъ словъ у Далѣ по „гнѣздамъ“ требуетъ отъ лицъ, пользующихся его словаремъ, или особой памяти, или постоянного его изученія путемъ справокъ. Само собой разумѣется, что этотъ крупный недостатокъ сдѣлалъ словарь Далѣ не столь доступнымъ, чѣмъ бы слѣдовало, и наплекалъ на него заслуженныя порицанія. Напримѣръ, кому придетъ въ голову искать слово „Осмомыслъ“ подъ словомъ „восемь“ (2-е изданіе), а между тѣмъ это — такъ, и слово „Осмомыслъ“ находится все-таки въ словарѣ Далѣ. Такихъ примѣровъ можно дать очень много.

Иное дѣло, что при новомъ изданіи Словаря Далѣ первымъ деломъ самъ собою долженъ былъ возникнуть вопросъ: какимъ цѣлямъ долженъ служить въ дальнѣйшемъ словарь Далѣ: теоретическимъ, или практическимъ? Если — теоретическимъ, то-есть, научнымъ, то весь матеріалъ словаря Далѣ долженъ быть переработанъ согласно принципамъ современной научной этимологіи языка, и тогда этотъ словарь долженъ стать не только „толковымъ“, но и этимологическимъ; короче говоря, отъ словаря Далѣ останется только собранный Далемъ матеріалъ, но самаго словаря Далѣ, какъ труда этого автора, уже въ этомъ случаѣ не будетъ: тогда будетъ новый трудъ примѣрно подъ такимъ заглавіемъ: „Словарь живого великорусскаго языка по матеріаламъ, собраннымъ В. И. Далемъ“.

Такая переработка измѣнила бы кореннымъ образомъ самый ха-

рактерь словаря Даля, и самъ Даль мало-по-малу въ потомствѣ исчезъ бы, какъ *составитель* словаря, а сохранился бы, какъ *собратель* матеріала. Само собой понятно, что такая переработка словаря Даля безъ параллельнаго *переизданія* этого словаря могла бы показаться нѣкоторымъ посягательствомъ на почтенную память знаменитаго составителя словаря, тѣмъ болѣе, что и въ настоящемъ видѣ словарь Даля, какъ было сказано выше, въ значительной степени удовлетворяетъ своему назначенію „толковаго“ словаря и до сихъ поръ, несмотря на свой престарѣлый возрастъ въ 40 слишкомъ лѣтъ, не имѣетъ достойнаго для себя конкуррента. Конечно, было бы весьма важно и желательно имѣть при словарѣ Даля еще *этимологическій* словарь русскаго языка, составленный научно въ современномъ намъ значеніи этого слова и обнявшій весь матеріалъ Даля, но такой трудъ едва ли найдетъ для себя многихъ охотниковъ изъ русскихъ ученыхъ, да и сама наука о русскомъ языкѣ еще далеко не готова для рѣшенія многихъ вопросовъ этимологическаго словаря русскаго языка.

Въ виду всего вышесказаннаго оставалось при новомъ изданіи словаря Даля довольствоваться *практическимъ* назначеніемъ этого словаря. А если словарь Даля въ новомъ изданіи (въ 3-ьемъ) долженъ служить *практическимъ* цѣлямъ „толковаго“ словаря, то, значитъ, задача новаго редактора изданія сама собой сводилась къ тому, чтобы облегчить публикѣ пользованіе словаремъ Даля; это облегченіе, на основаніи приведенныхъ выше примѣровъ и соображеній, должно было выразиться въ болѣе правильномъ размѣщеніи словъ по „гнѣздамъ“, т.-е. въ выведеніи нѣкоторыхъ словъ изъ статей, стоящихъ не подъ надлежащимъ заглавнымъ словомъ (сравни выше слово „Осмысль“ въ гнѣздѣ „восемь“), попавшихъ не въ свое „гнѣздо“. Если къ этому присоединить еще тщательную корректуру новаго изданія, т.-е. тщательное исправленіе явныхъ опечатокъ 1-го и 2-го изданія, то словарь Даля въ 3-ьемъ изданіи явился бы и опять *Словаремъ Даля*, и *исправленнымъ*, но не *измѣненнымъ*. Цѣль была бы вполне достигнута!

Но для людей, близко знакомыхъ съ словаремъ Даля и заинтересованныхъ въ *научной* цѣнности словаря, дѣло новаго изданія оказалось не такъ просто: это дѣло осложнялось тѣмъ, что самъ Даль, желая дать только „толковый“ словарь, далъ въ своемъ словарѣ нѣсколько болѣе этого: Даль во многихъ случаяхъ пускается въ своемъ словарѣ въ *этимологию*, стараясь разъяснить происхожденіе и

основное значеніе слова, а съ его этимологіей въ очень многихъ случаяхъ не можетъ согласиться ни одинъ современный ученый редакторъ. Отсюда возникаетъ новый вопросъ: если редакціей новаго изданія словаря занимается ученый лингвистъ, то онъ долженъ выработать *опредѣленное* отношеніе къ такимъ ложнымъ и сомнительнымъ этимологіямъ Даля.

Мнѣ представляется самымъ удобнымъ и полезнымъ *выраженіе* такого *опредѣленнаго* отношенія современной науки къ ложнымъ и сомнительнымъ этимологическимъ разсужденіямъ Даля *въ примѣчаніяхъ на каждой страницѣ, подѣ строкой, новаго изданія словаря Даля*. Такимъ образомъ, читатель видѣлъ бы словарь Даля и одновременно съ этимъ поправки къ нему по даннымъ современной науки. Такія примѣчанія, конечно, должны бы были обозначаться *цифрами* для удобства чтенія и точности поправокъ и корректуры. Если, такимъ образомъ, словарь Даля на каждой своей страницѣ новаго изданія представлялъ бы намъ двѣ половины страницы: верхнюю — трудъ Даля, и нижнюю (подѣ горизонтальной чертой) — трудъ редактора, то это, по нашему мнѣнію, увѣковѣчило бы словарь Даля тѣмъ еще, что онъ на очень далекое время имѣлъ бы въ нѣкоторомъ смыслѣ и *научное* значеніе. Конечно, объемъ словаря увеличился бы вдвое (или около этого), но Словарь Даля стоитъ несомнѣнно такого отношенія къ себѣ, и затраты издателей на такое изданіе, безъ всякаго сомнѣнія, окупились бы.

Каковъ бы ни былъ планъ новаго изданія, всякое новое изданіе словаря Даля должно выполнить слѣдующія логическія требованія: 1) облегчить пользованіе словаремъ посредствомъ упорядоченнаго размѣщенія словъ по „гнѣздамъ“, 2) дополнить словарь недостающими въ немъ словами, которыя почему-либо не внесены въ словарь Далемъ, а намъ сдѣлались извѣстными изъ трудовъ, вышедшихъ послѣ окончанія и выхода въ свѣтъ словаря Даля; и 3) исправить *ложныя* этимологическія и нынѣ толкованія Даля, согласно даннымъ современной науки. (При этомъ *безразлично, гдѣ* будутъ помѣщены эти поправки, подѣ строкой ли на каждой страницѣ, или въ текстѣ въ скобкахъ, или гдѣ нибудь еще; но *поправки должны быть сдѣланы* для того, чтобы не распространять *при новомъ изданіи* ошибочныхъ толкованій и неправильныхъ сужденій) ¹⁾.

¹⁾ Корректурыныя поправки всякаго рода, конечно, сами собой при этомъ подразумеваются: нельзя оставить завѣдомыхъ опечатокъ въ новомъ изданіи.

Редакторъ новаго изданія, профессоръ Бодуэнъ-де-Куртенэ, имѣлъ и имѣеть подѣ руками всѣ данныя для того, чтобы увѣковѣчить въ указанномъ смыслѣ словарь Даля и приблизить его, по его значенію, къ словарямъ нашего времени. Редакторъ и задачу свою понялъ правильно, но посмотримъ, все ли онъ дѣлаетъ изъ того, что онъ можетъ и долженъ былъ бы дѣлать, т.-е. даетъ ли онъ *поправки* и *выводитъ* ли онъ изъ недоумѣнія тѣхъ людей, которые, пользуясь словаремъ Даля, обречены или *на сильное доверіе* къ указаніямъ этого словаря, или *на вѣчное недоумѣніе, на вѣчное сомнѣніе*.

Въ предисловіи къ 1-му выпуску редакторъ нашъ говоритъ: „Свою редакторскую задачу я понялъ прежде всего въ смыслѣ усовершенствованія нѣкоторыхъ подробностей вѣшней отдѣлки словаря, чтобы сгладить возможнымъ пользованіе имъ безъ затрудненій и безъ непроизводительной траты времени“. (Стр. IV—V).

Противъ этого ничего нельзя возразить и, конечно, можно только привѣтствовать такое намѣреніе редактора. Это задача редактора. Посмотримъ, какъ онъ рѣшаетъ свою задачу. Мы видѣли выше, что для рѣшенія этой задачи прежде всего необходимо вывести многія слова словаря Даля изъ неподходящихъ для нихъ „гнѣздъ“. Но мы замѣтимъ далѣе, что редакторъ не только вынесъ многія слова изъ несоотвѣтствующихъ имъ „гнѣздъ“ и тѣмъ облегчилъ пользованіе словаремъ, но и образовалъ много „гнѣздъ“, которыя, начиная собою словарныя статьи, выражаютъ лишь *діалектическое* (великорусское) произношеніе тѣхъ словъ, которыя уже составляютъ собою другія „гнѣзда“ или помѣщаются въ другія „гнѣздахъ“. Правда, что такія діалектическія произношенія обозначены у г. Бодуэна-де-Куртенэ прямыми скобками [ ], какъ и все, внесенное редакторомъ этого изданія (см. стр. XIV въ 1-мъ выпускѣ), но едва ли такимъ діалектическимъ произношеніямъ возможно давать мѣсто *въ заглавіяхъ* статей словаря, такъ какъ эти слова, показывая известное произношеніе, не могутъ пригодиться читателямъ потому, что наши литературныя сочиненія лишь въ *крайне рѣдкихъ случаяхъ, кое-гдѣ*, пользуются, по особому намѣренію автора—дать приблизительное произношеніе данной мѣстности, подобіемъ фонетической орфографіи; вообще же они печатаются *общепринятымъ правописаніемъ*. Для языковѣдовъ же эти діалектическія произношенія въ *заглавныхъ* словахъ словаря и вовсе излишни, такъ какъ языковѣдъ въ такихъ случаяхъ обратится или къ *діалектическому* словарю съ фонетической транскрипціей (если таковой словарь найдется), или признаетъ для себя излишнимъ искать въ

„толковомъ“ словарѣ указаній на діалектическое произношеніе. А между тѣмъ такихъ словъ у г. Бодуэна-де-Куртена довольно много даже и въ первыхъ трехъ выпускахъ, и эти слова занимаютъ *много мѣста*. Это мѣсто могло бы быть отведено въ *примѣчанія* для поправокъ ложныхъ толкованій Даля и, можетъ быть, не на много увеличило бы объемъ всего изданія даже при обильныхъ примѣчаніяхъ редактора. Главное же, тогда не было бы *лишняя* въ словарѣ Даля, и словарь не былъ бы испещренъ многими и безъ того обильными добавленіями редактора въ прямыхъ скобахъ, которыя постоянно бросаются въ глаза читателю и встрѣчаются сплошь и рядомъ въ 1-мъ выпускѣ и внутри статей, и въ заглавіяхъ. Этими обильными вставками въ скобкахъ, по нашему мнѣнію, заслоняется и то, что принадлежитъ въ словарѣ *самоу Даю*: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, читателя заставить все время помнить, что внесенное въ прямыя скобки принадлежитъ *редактору*, внесенное въ косыя скобки—*самоу Даю* или *редакціи 2-го изданія*, наконецъ, внесенное въ „змѣйковатыя“ скобки означаетъ *лишнее* въ словарѣ Даля—по мнѣнію *редактора же 3-го изданія*.

Если къ этимъ различнымъ скобкамъ присоединить еще различныя *условныя* обозначенія чувствъ и мыслей редактора по поводу того или другого слова и толкованія Даля, то пестрота текста въ словарѣ станетъ особенно досадною. Въ самомъ дѣлѣ, г. Бодуэнь-де-Куртенэ употребляетъ то *знакъ вопросительный въ прямыхъ скобкахъ* [?], то *знакъ восклицательный въ прямыхъ скобкахъ* [!] *передъ словомъ*, то этотъ же знакъ—*послѣ слова*, то *два знака восклицательныхъ въ прямыхъ скобкахъ* [!!] *передъ словомъ*. И всѣ эти знаки выражаютъ собой то или другое отношеніе редактора къ данному слову или фразѣ Даля! А какое, именно, отношеніе, объ этомъ читатель узнаетъ на стр. XIV-ой 1-го выпуска: здѣсь читатель увидѣтъ, что этими условными знаками г. Бодуэнь-де-Куртенэ выражаетъ или свое *сомнѣніе*, или *недоумѣніе*, или *недопустимость* Далева производства или толкованія, или *сочиненіе* (выдумку) самого Даля, или *ложное* этимологическое толкованіе, или то, что слово или фраза „никакъ не подходитъ къ данному гнѣзду“. (Стр. XIV. „Предварительное объясненіе шрифтовъ, знаковъ и пр. въ 3-мъ изданіи“).

Можетъ ли всѣ эти знаки держать въ памяти читатель, пользующійся словаремъ для справки? Кромѣ того, спрашивается, что будутъ говорить потомству эти знаки восклицанія, вопроса и т. п.? Выводятъ ли эти знаки кого-нибудь изъ недоумѣнія? Даютъ ли

эти знаки кому-нибудь какое-либо разумное объяснение? Для какой цели эти знаки нестроят издание? Да, наконец, кому какое дело изъ будущихъ поколѣній до того, сомнѣвался ли Бодуэнъ-де-Куртенэ въ чемъ-либо, недоумѣвалъ ли онъ и пр., если самаго основанія для сомнѣнія не приведено, если самая ошибка не исправлена, если даже не предложено объясненіе сомнѣній, недоумѣній и пр. ?!

Вѣдь, эти знаки можно ставить въ ученическихъ тетрадкахъ сочиненій, и то потому, что возможно при этомъ сейчасъ же обратиться къ „учителю“ и попросить объясненія ошибки! А словарь имѣеть и другой смыслъ, и другое назначеніе; да и не мѣсто въ немъ такому отношенію редактора: вѣдь, этотъ словарь издается не ради критики, да еще безмолвной, со стороны редактора, а „на потребу“ обществу современному и „грядущихъ поколѣній“... Не забудемъ, что редакторомъ 3-го изданія введешь еще звѣздочка (*) передъ начальнымъ словомъ для указанія первичнаго слова данного „гнѣзда“ (ibid., стр. XIV). Не забудемъ также, что уже самъ Даль употреблялъ *звѣздочку, скобки и знакъ вопросительный* въ опредѣленныхъ значеніяхъ. Такимъ образомъ, въ 3-мъ изданіи дѣло еще болѣе унащено условными знаками съ новыми ихъ значеніями, не вразумительными ни для кого и не вносящими никакихъ поправокъ, дѣйствительно, *нужныхъ* иногда. По отношенію же къ діалектическимъ произношеніямъ *заглавныхъ* словъ въ словарѣ мнѣ кажется, что, имѣя подъ руками словарь русскаго языка, издаваемый нынѣ II-мъ отдѣленіемъ Императорской академіи наукъ, можно было бы съ пользой для дѣла усвоить и при переизданіи словаря Даля ту *изящную простоту*, которая такъ выгодно рисуетъ собой намъ дѣло академіи, и тотъ способъ указанія на діалектическія произношенія, который практикуетъ II-ое отдѣленіе, не вводя въ заблужденіе читателя и не давая ему въ *заглавныхъ словахъ* діалектическихъ произношеній, которыхъ даже не приходится отыскивать въ словарь.

Теперь перейдемъ къ примѣрамъ: по отношенію къ діалектическимъ произношеніямъ, по нашему мнѣнію, совершенно напрасно г. Бодуэнъ-де-Куртенэ не принялъ къ свѣдѣнію и руководству разумнаго совѣта профессора Микколы, который въ письмѣ своемъ отъ 5-го марта 1902 г. писалъ профессору Бодуэну-де-Куртенэ слѣдующее: „допущеніе формъ съ *a* рядомъ съ формами съ *o*, какъ на примѣръ, *абіпалъ* и др., кажется мнѣ въ этомъ словарѣ не цѣлесообразнымъ, ибо послѣдовательное проведеніе этого принципа въ словарь повело бы къ громадной растянутости; тогда слѣдовало бы, по моему, писать тоже,

напримѣръ, *ваді* и *выді* со ссылкой на *воді*, и т. д., т. о. формы, которыя могли бы быть приводимы только въ спеціальному словарѣ извѣстнаго діалекта (говора) или же извѣстной діалектической области". (Предисловіе къ 1-му выпуску 3-го изданія словаря Даля. Примѣчаніе второе на стр. IX). Г. Бодуэнъ-де-Куртенэ по этому поводу въ текстѣ (ib. стр. IX) пишетъ: "...написанія *абѣналъ*, *абарить* и т. п. можно бы считать совершенно лишними, ...но я все-таки помѣстилъ эти написанія". (Курсивъ мой).

II, дѣйствительно, въ одномъ 1-мъ выпускѣ словаря мы находимъ: *абанагъ*, *абарить*, *абзюха*, *аблава*, *аборка*, *абрестовать*, *аллаушить*, *Агробены*, *ажина*, *ажиче*, *ладья*, *алей*, *аметина*, *баѣтъ*, и нѣкоторыя другія, хотя во 2-мъ и въ 3-мъ выпускахъ мы уже почти не встрѣчаемъ подобныхъ словъ (съ произносимымъ *a* вмѣсто *o* послѣ согласной). Значитъ, редакторъ уже не пожелалъ быть послѣдовательнымъ въ этомъ отношеніи. (См., напримѣръ, слова: *большой*, *бороть*, *вода*, *волна* и т. д. и т. д., гдѣ мы тоже произносимъ неударяемое *o*, какъ *a*, подобно и словамъ: *аборка* вмѣсто *оборка* и др.—выше).

Рядомъ съ этими словами, занимающими мѣсто въ словарѣ безъ надобности, отмѣтимъ другія, которыя также отняли много мѣста безъ всякой надобности.

Напримѣръ, *Аленькій*, *Алѣха*, *Алѣхонекъ*, *Алѣши*, *Алѣшенекъ*, *Алѣшк*—цѣлый рядъ словъ въ заглавіяхъ. (I, 27).

Пли: *Алокровный*, *Алолицый*, *Алоцкой*, *Алосиній*—поставлены въ заглавіяхъ со ссылкой на *алый*, а слово: *алоголѣбый* вовсе не выведено изъ гнѣзда *алый*, а поставлено въ гнѣздѣ *аловат*— (I, 30). Почему это?

Слово *англійскій* внесено почему-то въ гнѣздо *анлизировать* (I, 42), а слова *алицкий* и вовсе нѣтъ въ заглавіи, между тѣмъ какъ тутъ было бы умѣстно сдѣлать для этого слова *иньдо*, несмотря на народное произношеніе въ такомъ видѣ этого слова, такъ какъ это произношеніе очень распространено даже среди интеллигенціи и извѣстно намъ и въ литературномъ языкѣ (напримѣръ, у Гоголя. См. мою статью о языкѣ Гоголя въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*). Слова: *Антрепренёръ*, *антрессоль*, *Антреша* оставлены въ гнѣздѣ *Антрактъ*. Почему?

А потомъ опять повторены *отдѣльно въ заглавіяхъ* со ссылкой на *антрактъ* (*антраца*, *антреша*, *антриа*. I, 48). Слова: *рамо*, *рамка*, *обрамокъ*, *рамень* оставлены въ гнѣздѣ *Бѣрма* (I. 126)! А слова:

Бархотка, *бархотный* выведены въ заглавія со ссылкой на *бархатъ*.

Даже отдѣльныя формы склоненія или спряженія выведены въ особыя заглавныя слова: *берегѹ* (I, 201), *бережѣшь* (I, 202), *берѣтъ* (I, 205), *бздятъ* (I, 210), *волоски*, *волосокъ* внесены въ особое гнѣздо со ссылкой на *волось* (III, 574); при заглавіяхъ *берегу* и проч. нѣтъ однако почему то въ заглавіи слова *бью* отъ глагола *бить* и проч. *Восподѹ* попалъ вмѣсто *Господѹ* по діалектическому произношенію *въ змливѣ* (III, 611), а слово *Осмыслъ* все-таки осталось (!) въ гнѣздѣ *восемь* (III, 605), какъ и было во 2-мъ изданіи. Эта непонятная страсть выносить въ заглавія отдѣльныя формы склоненія и спряженія распространилась до того, что даже вынесена форма *всь* со ссылкой на *весь* (III, 665). Почему же нѣтъ отдѣльныхъ заглавныхъ статей для формъ: *всь*, *всего*, *всему* и т. д.? А между тѣмъ слова: „*спритіймъ*“ (орл.) *вовсе тѣтъ*, тогда такъ *спритіймъ*—естъ: *тмб. зур.* (III, 627). Къ такимъ же излишне занимающимъ мѣсто въ словарѣ словамъ относятся многія другія, напримѣръ, „*беск*— см. *безк*“, — „*бесп*— см. *безп*“, — „*бест*— см. *бест*“— (I, 207) и мн. др., но мы не хотимъ занимать ими мѣсто въ своей статьѣ. Дѣло въ томъ, что по словарю никто не учится *правописанію*, и всякій, пользующійся словаремъ, знаетъ, что мы пишемъ *без*, — а не *бес*, — да это и объяснено уже въ самомъ словарѣ Даля (см. III, 549 подъ сл. *воз*.— Можно было это, если ужъ такъ нужно, сказать *разъ навсегда* и подъ словомъ *безъ*). А всѣхъ случаевъ произношенія сложныхъ словъ съ предавками *из*, *воз*, *низ*, *раз*, *без*, *чрез* все равно не перечислить, да и нѣтъ въ этомъ надобности въ словарѣ.

Теперь перейдемъ къ „*дополненіямъ*“ въ 3-мъ изданіи. Въ различныхъ „гнѣздахъ“ (статьяхъ) словаря мы находимъ ссылки редактора на труды: *Соловьева* „говоръ донскихъ казаковъ“ (I, 4) — въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности А. П. Т. 68. (1901); *Смирнова* „Кашинскій Словарь“. (Сборникъ... Т. 70); *Богораза* „Колымское нарѣчіе“ (Сборникъ... Т. 68); *Чернышева* „Свѣдѣнія о говорахъ Моск. у.“ (ib.). См. напр. I вып. 11 столбецъ, 27 столб., 31 столб., 35 столб., 38 столб., 39 столб., гдѣ находимъ ссылку на трудъ *Сахарова* „Говоръ крестьянъ Ильинской вол. Болховскаго у. Орлов. губ.“ (Сборникъ... Т. 68) въ такомъ обозначеніи: *Болг. Сах.*, а предыдущіе труды обозначены въ новомъ изданіи словаря такъ: *Моск. Черн.*, *Дон. Сол.*, *Кини. См.*, или *Каш. Смир.*, *Колым. Богор.* (I. 13). Среди обозначеній находимъ и просто *Бул.* (I. 112), означающее, вѣроятно, *Буличъ*, но безъ ссылки на заглавіе труда этого

автора, что надо понимать въ смыслѣ частнаго сообщенія, устнымъ образомъ сдѣланнаго редактору (?). Такихъ обозначеній очень много въ 3-мъ изданіи во всѣхъ трехъ выпускахъ. Редакторъ, вѣроятно, имѣеть въ виду дать *впоследствии* списокъ своихъ источниковъ: это мы заключаемъ, во-первыхъ, изъ того, что на стр. V предисловія къ 1-му выпуску словаря онъ въ числѣ указанныхъ имъ источниковъ для *дополненій* словаря не перечисляетъ вышеназванныхъ трудовъ и авторовъ устныхъ сообщеній, а, во-вторыхъ, изъ того, что редакторомъ предпослано 1-му выпуску „Предварительное (?) объясненіе шрифтовъ, знаковъ и пр. въ третьемъ изданіи „Словаря Даля“. (Стр. XIII—XIV въ 1-мъ выпускѣ. Курсивъ и знакъ вопроса здѣсь принадлежатъ мнѣ). Все это показываетъ, что у редактора не составился еще опредѣленный планъ работы при началѣ изданія словаря Даля, а это во всякомъ случаѣ для переизданія уже *готоваго* словаря—большой недостатокъ, такъ какъ онъ влечетъ за собой *случайныя* пополненія словаря тѣми матеріалами, которые *случайно* попадутся редактору подъ руку. На такую же случайность вносимаго матеріала указываетъ и то обстоятельство, что редакторъ вноситъ въ 3-е изданіе перѣдко тѣ матеріалы съ указаніемъ источниковъ, которые уже имѣются въ словарѣ Даля, но почему-то не пользуется матеріалами, составляющими несомнѣнное дополненіе къ словарю Даля, такъ какъ собраны діалектологами и въ ихъ трудахъ отмѣчены, какъ слова, не находившіяся въ словарѣ Даля. Вообще, и въ данномъ случаѣ, *въ вопросъ о выборѣ источниковъ* для пополненія словаря Даля, можно было съ пользою для дѣла принять систему и методъ словаря Академіи Наукъ. Не переиздавать же, въ самомъ дѣлѣ, еще разъ Словарь Даля!!

Редакторъ намъ сообщаетъ (стр. V): „Изъ другихъ источниковъ, въ особенности же изъ начатаго печатаніемъ «Словаря русскаго языка, составленнаго вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ», С.-Пб. 1891 слѣд. (Ак.), я заимствую слова, кажушіяся мнѣ почему-либо особенно важными“. При такомъ сообщеніи, конечно, мы не въ состояніи относиться къ 3-му изданію словаря Даля съ опредѣленными требованіями, такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло поставлено на почву *личнаго* мнѣнія и вкуса, но мы каждый разъ недоумѣваемъ, почему, именно, кажется редактору „особенно важнымъ“ то, а не другое. Напримѣръ, нѣтъ многихъ словъ, существующихъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ Россіи, а есть слово *Безмѣдный* (въ заглавіи), о которомъ не сказано, откуда оно взято и *идъ* его редакторъ

слышалъ? (Можемъ указать на отсутствіе необходимыхъ дополненій при словахъ: *бадьа, балабанъ, баловать, балы, басить, баснистый, бахилки, бобышка, бодрый, брить, вачужки*, и много другихъ. Мы увѣрены однако, что для редактора всегда являлось важнымъ не то, къмъ собраны матеріалы, а то, составляютъ ли матеріалы его источника *дѣйствительное* дополненіе къ словарю Даля).

Теперь остановимся на *видахъ глагола*, на *правонаписаніи* и на *недостотразахъ* или *описанкахъ* въ 3-мъ изданіи словаря. Редакторъ справедливо выбираетъ для заглавій глѣзда глаголы въ формѣ не длительной, но простой (несовершеннаго вида), вопреки обычаю у Даля и другихъ ставить глаголь сложный въ формѣ многократнаго вида. Но объ этомъ редакторъ насъ предупреждаетъ (Предисл. къ 1-му вып. стр. VII), но самъ же иногда безъ достаточныхъ основаній и безъ оговорокъ отступаетъ отъ своего правила. Напримѣръ, см. слово *алывать* при *алыть*. Если это слово сомнительное, то, тѣмъ болѣе, изъ-за него не слѣдуетъ нарушать разумнаго правила. Напримѣръ, въ заглавіи стоитъ *бодать*, а при словѣ *бости* не указано „см. *бодать*“, а просто: „*ярс.* бодать“; какъ будто слово „бости“ извѣстно только въ Ярославской губерніи и не составляетъ вовсе несовершеннаго вида при многократномъ *бодать*. Между тѣмъ какъ, и кромѣ Ярославской губерніи, гл. „бости“ во многихъ мѣстахъ *ювр.* нарѣчія извѣстѣнъ въ формахъ настоящаго времени почти исключительно вмѣсто формъ отъ гл. „бодать“; напримѣръ, въ Ряз.-Скоп. скажутъ или: *забружаетъ*, или: *забодетъ*, но не *забодаетъ*, и въ другихъ мѣстахъ.

Также, напримѣръ, главное глѣздо озаглавлено многократнымъ видомъ *бывать*, а при словѣ *быть*—ссылка на *бывать*. Но намъ могутъ возразить, что это—глаголы *не сложные* съ префиксами, а простые (хотя—„агльвать“?); вотъ и сложные: глѣздо *вбирать*, но рядомъ—ниже: *вбить*, а не *вбивать* (однако простой глаголь въ глѣздѣ: *братъ*, а не *бирать*); также: *вводить*, *ввозить*, *ввѣвать*, *внѣтатъ*, но *вбрести*, но *ввребать*, *вдавать*, *вдираться*, *вдыхать*, *взглядывать*, *влетать* и много другихъ. Конечно, если бы всѣ глаголы въ заглавіяхъ глѣздъ имѣли *однообразную* форму, напримѣръ, форму несовершеннаго вида или форму совершеннаго вида или какую-либо другую, скажемъ, форму ту, въ которой глаголь является въ *не сложномъ строеніи*, т. е. *вбить* (срв. *бить*), *вобрать* (срв. *братъ*), *ввести* (срв. *вести*), *воинуть* (срв. *инуть*) и под., то тогда была бы *последовательность*, и пришлось бы только *ссылаться на главныя глѣзда*, напримѣръ, *ввребать* см. *вврести*“ или: *влетитъ* см. *влетѣтъ*“ и под.

Но въ 3-мъ изданіи словаря Даля мы находимъ въ этомъ отношеніи полную *непоследовательность*: то главное содержаніе статьи находится въ гнѣздахъ: *бывать, вбирать, вребать, вдавять, взмладывать*, то— въ гнѣздахъ: *вбить, вбрести* и под. Или, если это чѣмъ-либо мотивировано, слѣдовало хотя бы оговорить.

Къ числу недосмотровъ редактора мы относимъ гнѣзда съ заглавіями: „безо см. безъ“, „возо см. воз“, „жо см. воз“. Это напрасно занимаетъ мѣсто въ словарѣ: слово *возо* и *во* отдѣльныхъ *нѣтъ*, а, если кому-либо понадобится узнать въ „толковомъ“ словарѣ Даля значеніе слова: *возонить* или *взойти* и под., то кто же будетъ искать *воз*? Если кому-либо понадобится узнать въ „толковомъ“ словарѣ Даля значеніе слова *безобидный* или *безобразный* и под., то кто же будетъ искать *несуществующихъ* словъ: *безобразный* (?) или *безбидный* (?) и под.? Даже и *иностранецъ*, читая *русскую* книгу, нуждаясь въ словарѣ Даля, будетъ, конечно, искать *тѣхъ* словъ, которыя онъ встрѣтилъ въ *русскихъ* книгахъ. А въ „толковомъ“ словарѣ *этимологии* и требовать нельзя, если она не была дана самимъ Далемъ и не требовала поэтому *перепечатки* въ новомъ изданіи. Вотъ здѣсь-то и важны были бы *примѣчанія* редактора подъ строкой, устрояющія разъ навсегда всякія сомнѣнія! Къ недосмотрамъ же надо отнести выведенное изъ гнѣзда слово: *безызбѣжный*, въ которомъ мы не видимъ послѣ *и* въ скобкахъ *ы безы(и)збѣжный*, какъ это очень кстати сдѣлано во *всѣхъ* другихъ словахъ у г. Бодуэна-де-Куртена, при чемъ во *всѣхъ* словахъ здѣсь исправлены несносныя опечатки 2-го изданія. Это особенно досадный недосмотръ 3-го изданія, такъ какъ онъ вводитъ въ недоумѣніе: какъ будто *только въ слово безызбѣжный* мы имѣемъ какое-то *особое* отъ другихъ подобныхъ словъ произношеніе. (См. I. 195).

Къ числу недосмотровъ редакціи 3-го изданія относятся также слѣдующіе примѣры: „*Аблава* см. *облава*“ стояло уже во 2-мъ изданіи, а редакція 3-го изданія поставила это въ *прямыхъ скобкахъ*, т. е. взяла на себя эти слова. Далѣе: въ словѣ *абонировать* редакторъ 3-го изданія *измѣнилъ удареніе* 2-го изданія, а слѣдовало не измѣнять его, а поставить *два* ударенія вмѣсто одного (во 2-мъ изданіи), которыя и оправдываются производными формами. Срв. при этомъ два ударенія на словѣ „*акоманіровать*“.

Слово *Аборигенъ* перепечатано *безъ поправки* изъ 2-го изданія, гдѣ это слово значитъ существительнымъ *женскаго рода*. Эта же опечатка оставлена и въ 3-мъ изданіи. Слово *Абсолютъ* совсѣмъ не имѣетъ

обозначенія *рода*. Слово *абстракція* показано съ *мужскимъ* родомъ (см. гнѣздо *Абстрактный*), какъ было и во 2-мъ изданіи, т. е. *опять тѣтъ поправки*. Слово *аварія* (см. Аварея) поставлено только съ удареніемъ на слогъ *рі*, между тѣмъ какъ въ языкѣ имѣется и удареніе на слогъ *ва*. Въ гнѣздѣ *Аводты-малиновки* стоитъ: „Евдокен подмочи порогъ“, между тѣмъ какъ во 2-мъ изданіи стоитъ: „подточи-порогъ“, что также основано на живомъ употребленіи. Если редакторомъ 3-го изданія считается „подточи-порогъ“ невѣрнымъ, то въ этомъ онъ ошибается. Можно бы еще много указать подобныхъ недосмотровъ.

Наконецъ переходимъ къ реформамъ въ правописаніи 3-го изданія: редакторъ предупреждаетъ насъ (Предисл. стр. VIII), что онъ вводитъ знакъ *ѣ*, гдѣ этого требуютъ произношеніе, „однакожь послѣ буквъ *ч, ж, ш, щ*, опредѣляющихъ сполна всѣ свойства обозначаемыхъ ими согласныхъ,.. я замѣняю букву *ѣ* буквою *о* и пишу: *бережонный, счотъ, шолкъ, жонъ, щотка*“... Хотя и *непоследовательно* писать *счотъ*, но *считатъ, чиститъ* или *щотка*, но *щитъ; жонъ*, но *жить*; *шолкъ*, но *безошибочный* и под., но ужъ если редакторъ предупредилъ насъ о своей *непоследовательности*, то пусть бы и остался при ней. Однако онъ каждый разъ занимаетъ мѣсто въ словарѣ такими словами: „*Акуиѣръ [акуиоръ]*“. Зачѣмъ здѣсь первое написаніе? Вѣдь, оно противорѣчитъ предупрежденію редактора! Или: „*Безсчотный (безсчитный)*“: у Даля просто: *безсѣтный*. Зачѣмъ же у редактора 3-го изданія *два* слова? Какъ будто онъ самъ себѣ не вѣрится! Или: „*Безчѣмый см. безчолый*“. Или: „*Бережѣшь, бережѣтъ*“... Здѣсь г. Бодуэнъ-де-Куртенэ опять самъ себѣ противорѣчитъ и не довѣряетъ своему предупрежденію! (Срв. „*жонъ*“). Тѣмъ болѣе это странно, что, вѣдь, это не перепечатано изъ 2-го изданія, а введено самимъ редакторомъ 3-го изданія. Такихъ примѣровъ тоже много и во 2-мъ и 3-мъ выпускахъ.

Но въ этомъ случаѣ идетъ вопросъ не только о *непоследовательности* редактора въ правописаніи: здѣсь вопросъ поставленъ *неправильно* и *по существу*. Вѣроятно, г. Бодуэнъ-де-Куртенэ, какъ иностранецъ, говорящій по-русски съ своеобразнымъ произношеніемъ, не слышитъ разницы въ качествахъ русскаго (литературнаго) звука *ч* и *щ*,— съ одной стороны, и звуковъ: *ж* и *ш*—съ другой. Первые два звука въ русскомъ литературномъ нарѣчьи *только мяки*, и потому: если написаніе *чо, що* означаетъ *ч'о, ш'о* (срв. *л'о, м'о...*), то что же тогда должно означать написаніе: *чи, щи*? Если эти написанія означаютъ:

ч'ы, щ'ы, то почему же ихъ тогда ужъ и не изображать такъ: *чистить*, *щить*? Съ другой стороны, звуки *ш* и *ж* въ литературномъ нарѣчїи русскаго языка имѣются только въ *твердомъ* произношенїи, а потому странно видѣть въ 3-мъ изданїи написанїя: *шолкъ*, но *безошибочный*; *безжоный*, но *безжилый*. Если редакторъ 3-го изданїя хотѣлъ показать произношенїе словъ въ родѣ *безжоный*, то почему онъ не хотѣлъ показать произношенїе словъ въ родѣ *безжилый*, *безошибочный*?... Мы не можемъ (южно-великоруссы) безъ особаго напряженїя произнести *чо*, *що*, равно какъ не можемъ безъ особаго труда произнести и *жѣ*, *шѣ*; а есть говоры русскаго языка, въ которыхъ существуютъ свободныя произношенїя *жѣ*, *жи*, *шѣ*, *ши*...; при чемъ есть и говоры, гдѣ слышится ясно: *чу*, *чы*, *що* и проч. Вотъ въ виду этого-то и нельзя утверждать, что „буквы *ч*, *ж*, *ш*, *щ* спола опредѣляютъ всѣ свойства обозначаемыхъ ими согласныхъ“. Тѣмъ болѣе въ словарѣ мѣнять привычное правописанїе рискованно; да еще если оно измѣнено не достаточно послѣдовательно въ однородныхъ случаяхъ и одинаковыхъ словахъ, тогда и того хуже.

Не желая утомлять читателя чтенїемъ примѣровъ, подобныхъ всѣмъ выше приведеннымъ, мы скажемъ, что выводъ изъ всего изложеннаго и свѣреннаго съ 3-мъ изданїемъ долженъ быть таковъ: если бы выкинуть всѣ лишнія слова 3-го изданїя и всѣ лишнія указанїя 3-го изданїя (см. выше), то осталось бы много свободнаго мѣста для *примѣчаній* и *необходимыхъ дополненій* редактора 3-го изданїя. Далѣе, если бы былъ составленъ опредѣленный планъ для 3-го изданїя, то дополненїя въ немъ были бы сдѣланы съ большимъ разборомъ, а примѣчанїя ученаго редактора дѣйствительно могли бы сдѣлать Словарь Даля „*отвѣчающимъ всѣмъ требованїямъ современнаго состоянїя науки о русскомъ языкѣ*“, какъ на это, по видимому, надѣялись издатели. (См. „Отъ издателей“—I-й выпускъ. Стр. III). Изъ предыдущаго можно видѣть, насколько эти требованїя соблюдены редакторомъ 3-го изданїя, и въ чемъ выразилось это соблюденїе требованїй современнаго состоянїя науки о русскомъ языкѣ.

Мнѣ попались на глаза до сихъ поръ двѣ критическія статьи о новомъ изданїи словаря Даля: одна въ „Русскомъ Богатствѣ“, а другая въ „Вѣстникѣ Европы“. Не знаю авторовъ этихъ статей, но помню, что первая статья („Рус. Бог.“) не особенно благоприятная, и въ ней указаны *факты*, а вторая — настолько поверхностная, что она не даетъ никакого понятїя о 3-мъ изданїи словаря Даля. Если мы бу-

демъ относиться къ такимъ капитальнымъ изданіямъ, какъ 3-е изданіе словаря Даля, стоя не на почвѣ *фактовъ*, а на почвѣ общихъ разсужденій по поводу одного „Предисловія“ редактора 3-го изданія, то мы рискуемъ упустить изъ нашего вниманія то, что очень хорошо знаетъ самъ редакторъ 3-го изданія, и окажемъ плохую услугу и редактору, и потомству.

Правда, дѣло переизданія словаря Даля да еще съ такими условіями, которыя ставитъ самъ себѣ редакторъ 3-го изданія и, въ особенности, съ тѣми условіями, которыя ставитъ издательская фирма (см. „Отъ издателей“. I вып. Стр. III), есть дѣло очень трудное, неблагоприятное, и мы вполне понимаемъ, если г. Бодуэнъ-де-Куртенэ „почти сожалеетъ теперь“ (см. Предисловіе къ I-му выпуску. Стр. IV) о томъ, что онъ согласился на эту работу, но словарь Даля тутъ не при чемъ, и все-таки онъ можетъ претендовать на лучшее изданіе, хотя у насъ въ Россіи, при современной постановкѣ книго-издательскаго дѣла, едва-ли скоро можно ожидать для такихъ изданій, какъ Словарь Даля, блестящаго положенія... Поэтому, еслибы не пришелъ на помощь этому дѣлу истинно безкорыстный трудъ г-на Бодуэна-де-Куртенэ и его неутомимая энергія, то русская публика едва-ли увидала бы новое изданіе словаря Даля. Намъ остается быть довольнымъ и тѣмъ, что мы имѣемъ.

Е. Будде.

Л. Шенелевичъ. „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса. Опытъ литературной монографіи. (Томъ II-й соч. „Жизнь Сервантеса и его произведенія“, 1902 г.). Съ портретомъ Сервантеса и приложеніями. С.-Пб. 1903, стр. IV+179.

Любителю поэзіи и литературы отрадно самое появленіе въ свѣтъ книги, заглавіе которой мы только что выписали. Наука романской филологіи пока еще не процвѣтаетъ въ Россіи, являясь дѣломъ единичныхъ умовъ и вкусовъ, а не національной потребностью. Вокругъ единственнаго яркаго солнца въ этой области у насъ еще незамѣтно особенно много другихъ планетъ, дающихъ или обещающихъ дать обильный блескъ. Высказывается даже порою мысль, что намъ и не дожидаться разцвѣта романской филологіи, что ея дѣло должно ограничиваться механическимъ усвоеніемъ французскаго языка при помощи различныхъ методовъ (натуральнаго и другихъ), что изученіе куль-

туры и литературы романскихъ народовъ—дѣло второстепенное, что и при самостоятельныхъ научныхъ занятіяхъ нужно выбирать такія темы, которыя имѣютъ отношеніе къ Россіи и т. д. Выходить такъ, что у насъ не приѣмимъ принципъ—*homo sum, humani nihil а me аlicum рuto...* Въ виду этого нельзя не сочувствовать дѣятельности человѣка, который въ теченіе многихъ лѣтъ занимается изученіемъ великаго поэта, великаго, хотя и не имѣющаго къ русской литературѣ прямого отношенія.

Профессоръ Шепелевичъ — единственный и неутомимый русскій сервантистъ: никто изъ прочихъ русскихъ филологовъ, обрабатывающихъ поле романистики, еще не посвящалъ себя специально изслѣдованію жизни и произведеній гениальнаго испанскаго писателя. Длинный рядъ статей, переводы и, наконецъ, два обширныхъ изслѣдованія о жизни и поэтическомъ наслѣдіи Сервантеса—вотъ вкладъ проф. Шепелевича въ русскую науку. Заслуга его тѣмъ значительнѣе, что рѣчь идетъ не о Лопе де Вега, Тирсо де Молина, или иныхъ писателяхъ, которые, при теперешнемъ состояніи и окраскѣ умственной культуры въ Европѣ, интересны лишь для эрудитовъ. Проф. Шепелевичъ избралъ предметомъ своихъ изысканій писателя, котораго хоть и поверхностно читалъ всякій образованный человѣкъ. Сервантесъ есть единственный пока представитель Испаніи въ Пантеонѣ всемірной поэзіи, гдѣ онъ занимаетъ почетное мѣсто рядомъ съ Гомеромъ, Шекспиромъ, Мольеромъ и Гюте. Сервантесъ достаточно извѣстенъ и въ нашемъ отечествѣ, чтобы мы привѣтствовали монографію о его главномъ романѣ. Да и въ западно-европейской литературѣ, не исключая и испанской, не выходило особенно много большихъ работъ о Донъ-Кихотѣ. Все это заставляетъ насъ подробно остановиться на разборѣ книги профессора Шепелевича.

Она издана изящно, почти безъ опечатокъ, и распадается на 5 главъ. *Первая* (стр. 1—8) сообщаетъ свѣдѣнія объ изданіяхъ Донъ-Кихота, при чемъ авторъ внимательно останавливается на изданіи Фицъ-Мориса Келли (Лондонъ, 1898), въ основу котораго положено editio princeps 1605 г. Это изданіе устраняетъ многіе недостатки предшествующихъ, порою снимая съ Сервантеса обвиненіе въ небрежности и забывчивости. Таковъ знаменитый эпизодъ съ осломъ Санчо Пансы (I, 23), гдѣ Сервантесъ рассказываетъ, что Хинесъ де Пасамонте укралъ у Санчо осла ночью, а нѣсколько ниже оказывается, что Санчо продолжаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, ѣхать на своемъ сѣромъ. Этимъ эпизодомъ не разъ пользовались въ исторіи литературы,

когда для оправданія того или другого поэта приходилось прибѣгать къ принципу *quandoque bonus dormitat Homerus*. Еще недавно, какъ разъ годъ спустя послѣ выхода изданія Ф. М. Келли, французскій ученый Victor Terret, рѣшительный защитникъ унитарной теоріи въ Гомеровскомъ вопросѣ, въ своей работѣ о Гомерѣ (*Homère, étude historique et critique*, Paris, 1899), оправдывая несообразности и несоотвѣтствія въ текстѣ поэмъ греческаго поэта и отстаивая все-таки единство ихъ происхожденія, ссылается на Сервантеса, несомнѣнно единственнаго автора *Донъ-Кихота* и все-таки допустившаго съ осломъ Санчо подобную оплошность. Но Сервантесъ никоимъ образомъ не можетъ оправдать Гомера, потому что въ *editio princeps* неясности съ осломъ не имѣется—о похищеніи осла до 25 главы не упоминается,—такъ что поставить эту неясность можно только на счетъ типографскихъ ошибокъ позднѣйшихъ изданій или прямой интерполяции текста. *Вторая* глава (стр. 9—41) даетъ характеристику рыцарскаго романа, выясняя вмѣстѣ съ этимъ его бытовую цѣнность и вліяніе на испанскіе нравы XVI—XVII столѣтій. Авторъ подробно анализируетъ Амадиса Гальскаго и рѣшаетъ вопросъ о степени и родѣ зависимости *Донъ-Кихота* отъ этого романа. Въ *третьей* главѣ (42—67) изучается вопросъ о литературныхъ вліяніяхъ, которыя сказались на *Донъ-Кихотѣ*. Авторъ имѣетъ въ виду поэмы Боярдо и Аріосто и нѣкоторые изъ испанскихъ плутовскихъ романовъ. *Четвертая* глава (стр. 68—102) посвящена анализу *Донъ-Кихота* Авельянеды и замѣчаніямъ о подражаніяхъ *Донъ-Кихоту* въ позднѣйшей испанской литературѣ. Въ *пятой* главѣ (стр. 103—120) собраны цѣнные указанія относительно русской литературы о *Донъ-Кихотѣ*, критически оцѣнены главные переводы этого романа и русскія статьи о немъ. Въ *шестой* главѣ (стр. 121—164) разсматривается историческое, общественное, литературное и философское значеніе *Донъ-Кихота*, выясняются его автобиографическіе элементы, а также самостоятельность романа Сервантеса и черты, сближающія его съ другими литературными произведеніями. Книга снабжена двумя приложеніями, изъ которыхъ одно содержитъ замѣтки о русской библиографіи о Сервантесѣ (стр. 165—170), другое—примѣчанія къ собственному изслѣдованію проф. Шепелевича.

Первое достоинство разбираемой книги уже указано: оно заключается въ самомъ появленіи книги въ свѣтъ. Добрая слава перваго русскаго сервантиста, прекрасно изучившаго и сочиненія великаго поэта, и обширную литературу о немъ, упрочена за проф. Шепелевичемъ навсегда. Каковы бы ни были недочеты его работъ

о Сервантесѣ, проф. Шепелевичъ въ теченіе многихъ лѣтъ занять благородной задачей дать русской публикѣ правильныя представленія о величайшемъ поэтѣ Испаніи, и во многихъ отношеніяхъ онъ достигъ своей цѣли. Изъ предложеннаго выше краткаго пересказа его книги видно, что проф. Шепелевичъ стремился по возможности исчерпать свой предметъ, изучить романъ Сервантеса во всѣхъ моментахъ и направленіяхъ. Насколько это ему удалось, насколько нова и убѣдительно его аргументація, — это вопросъ иного рода. Старыя истины можно и повторять, а доставить вполнѣ убѣдительные доводы въ пользу новыхъ не всегда легко. Мы нерѣдко при чтеніи работы проф. Шепелевича не могли соглашаться съ его соображеніями, далеко не всегда убѣждались и его аргументами. Но прежде, чѣмъ перейти къ этой центральной части нашей статьи, къ обвиненіямъ противъ почтеннаго собрата по оружію, отмѣтимъ еще цѣлый рядъ достоинствъ его книги кромѣ тѣхъ, которыя уже обозначены.

Таковы суть, по нашему мнѣнію, слѣдующіе моменты въ работѣ проф. Шепелевича. Обильное цитатами сравненіе Донъ-Кихота съ Амадисомъ Гальскимъ. Насколько можно соглашаться со всѣми выводами, которые почтенный профессоръ дѣлаетъ изъ этого сравненія, вопросъ другой. Во всякомъ случаѣ изъ этой главы русский читатель впервые довольно подробно узнаетъ, что такое Амадисъ Гальскій, это украшеніе испанской прозы XVI столѣтія. То же самое можно сказать и про анализъ подложнаго Донъ-Кихота, который приписывается нѣкому Авельянедѣ. Анализъ сдѣланъ живо и удачно. Тутъ же профессоръ Шепелевичъ знакомитъ читателя съ положеніемъ вопроса о томъ, кто было лицо, скрывшееся подъ псевдонимомъ Авельянеды. Безспорную цѣнность имѣетъ и пятая глава—обзоръ русской литературы о Сервантесѣ. Между прочимъ, авторъ вполнѣ справедливо указываетъ на крупныя недостатки перевода г. Карелина, наиболѣе популярнаго въ Россіи, и на многочисленныя грубыя промахи его вступительныхъ статей. Слѣдовало также—и проф. Шепелевичъ это дѣлаетъ—отмѣтить прекрасную статью о Донъ-Кихотѣ, принадлежащую перу г. Мерзжковскаго. По нашему мнѣнію, характеристика Санчо Пансы въ этой статьѣ одна изъ самыхъ лучшихъ, которыя появлялись когда-либо въ литературѣ, не только русской, но и иностранной. Правильно изображаетъ психологію Донъ-Кихота и Санчо Пансы и самъ профессоръ Шепелевичъ, указывая богатство моментовъ психологіи, позволяющее видѣть въ герояхъ романа какой-нибудь отвлеченный сим-

воль, а въ самомъ романѣ произведеніе, написанное только ad hoc. Хотя изученіе Донъ-Кихота съ философской, общественной и т. п. точекъ зрѣнія (гл. 6-я) и не блещетъ особою оригинальностью и глубиной, однако, и его пріятно прочесть въ разбираемой работѣ. Пріятно, наконецъ, констатировать горячую любовь проф. Шепелевича къ своему герою, которою проникнуты многія страницы его книги, но которая особенно ярко выражается въ заключительныхъ словахъ на стр. 162. Жаль только, что въ концѣ изслѣдованія авторъ не подводитъ итога своимъ размышленіямъ о Донъ-Кихотѣ. Они имѣются на каждой страницѣ книги, но нѣтъ ихъ концентраціи и сжатого изложенія, которыя окончательно выяснили бы намъ, что же такое Донъ-Кихотъ по толкованію проф. Шепелевича. Хотя этотъ недостатокъ не по существу, а редакціонный, тѣмъ не менѣе такой итогъ желателенъ въ каждой книгѣ.

Время перейти къ указанію недочетовъ книги профессора Шепелевича. И ихъ, къ сожалѣнію, довольно много. Авторъ, какъ бы предчувствуя грядущихъ критиковъ, уже въ предисловіи обращается къ нимъ и къ читателямъ съ нѣкотораго рода *captatio benevolentiae*. И какую печальную картину рисуетъ онъ изъ жизни русскаго ученаго, которому приходится работать въ провинціи! Стыдно подумать, что въ библиотекѣ Харьковскаго университета на пополненіе книгъ по исторіи западно-европейскихъ литературъ полагается менѣе 100 рублей въ годъ! Провинціальному ученому, значитъ, не хватаетъ хлѣба насущнаго — книгъ! Впрочемъ, проф. Шепелевичъ въ своихъ горькихъ размышленіяхъ можетъ утѣшиться тѣмъ, что судьба многихъ изъ его столичныхъ собратьевъ немного лучше: у нихъ есть книги, да нѣтъ времени ихъ читать. Словомъ, вѣчная иронія судьбы!.. Кому не хватаетъ времени, кому—книгъ. Работать съ удобствомъ по исторіи испанской литературы можно, разумѣется, или въ Испаніи, или, по меньшей мѣрѣ, въ Парижѣ, Вѣнѣ. Жить по долгу заграничей русскому профессору, конечно, не приходится. Поэтому часть недочетовъ книги проф. Шепелевича можно объяснять этимъ затруднительнымъ положеніемъ русскаго испаниста. Но за всѣмъ этимъ въ книгѣ уважаемаго профессора остается цѣлый рядъ недостатковъ, которые возможно было бы исправить и въ Россіи.

Прежде всего, по нашему мнѣнію, необходимъ былъ краткій пересказъ романа по главнѣйшимъ его моментамъ. Вѣдь, авторъ приводитъ же пересказъ, и довольно длинный, поэмъ Боярдо и Аріосто. Пересказъ этотъ желателенъ не для ученыхъ, которыхъ въ Россіи

немного, но для широкаго круга читателей, имѣть который книга профессора Шепелевича заслуживаетъ. Между тѣмъ, содержаніе Донъ-Кихота чрезвычайно сложное, а читаютъ этотъ романъ обыкновенно въ ранней юности. Читатель книги профессора Шепелевича, вслѣдствіе этого упущенія со стороны автора, не знаетъ, какъ построенъ романъ, какъ развивается его содержаніе, и кто въ немъ дѣйствуетъ, кромѣ самыхъ извѣстныхъ и популярныхъ лицъ. А вѣдь, конечно, интересъ романа не исчерпывается фигурами Донъ-Кихота, Санчо Пансы и ихъ ближайшихъ друзей. Въ романѣ имѣется цѣлый рядъ эпизодовъ, увеличивающихъ его цѣнность съ художественной и бытовой точки зрѣнія. Таковъ, напримѣръ, рассказъ плѣнника (I, 39 и слѣд.), интересный и для біографіи Сервантеса, таковъ прелестный эпизодъ о погонщикѣ муловъ и дочери аудитора (I, 43 и слѣд.), разливающей на трагикомедію романа мягкій свѣтъ любви и т. д. Какъ ни популярень Донъ-Кихотъ, большинству читателей извѣстно далеко не все богатство его содержанія. О такихъ полузабытыхъ эпизодахъ и не мѣшало бы напомнить въ специальной работѣ, тѣмъ болѣе, что и они служатъ, хотя отчасти, къ выясненію характера героевъ.

Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намъ кажутся не выдержанными самые приемы изложенія. Напримѣръ, иногда профессоръ Шепелевичъ начинаетъ мысль, не доводитъ до конца, бросаетъ ее и затѣмъ вновь въ другомъ мѣстѣ, не предупреждая читателя, принимается за нее. Такъ на страницахъ 63 и 65, гдѣ говорится объ испанскихъ рѣсаго. Повидному, профессоръ Шепелевичъ неоднократно предполагаетъ въ читателѣ большія познанія, чѣмъ они имѣются на самомъ дѣлѣ, предоставляя ему самому развивать и мысли, встрѣчающіяся въ изслѣдованіи. Если не ошибаюсь, подъ эту категорію можно подвести цѣлый рядъ недочетовъ разсматриваемой книги. На страницѣ 33, говоря о впечатлѣніи, которое Донъ-Кихотъ произвелъ на умы современниковъ, профессоръ Шепелевичъ не считаетъ нужнымъ приводить „уже извѣстныхъ фактовъ, ограничиваясь ссылкой на нихъ“. На страницѣ 97 на читателя слагается трудъ „сдѣлать соответствующія сближенія и сопоставленія“ между Донъ-Кихотомъ и плутовскими романами. Ссылка на то, что это уже давно сдѣлано испанскими комментаторами, для читателя мало убѣдительно, да и вообще сопоставленіе текстовъ не есть еще законченное историко-литературное изслѣдованіе. Наконецъ, на страницѣ 161 профессоръ Шепелевичъ говоритъ, что между Донъ-Кихотомъ и другими произведеніями всемірной литературы найдется сходство и со стороны содержанія, и со

стороны формальной. При этомъ замѣчаніи указаны имена Данте, Мильтона, Раблэ и Шекспира. Этимъ простымъ указаніемъ все и ограничивается. Между тѣмъ очень любопытно было бы знать, въ чемъ именно полагается сходство между Сервантесомъ и Мильтономъ, Сервантесомъ и Шекспиромъ? Брошена интересная мысль, вниманіе читателя возбуждено и совершенно напрасно: о сходствѣ названныхъ писателей только сказано, но ничего убѣдительнаго не показано.

Есть въ книгѣ профессора Шепелевича прямо непонятныя намеки: почему, напримѣръ, идеи Сервантеса имѣютъ много общаго съ идеями Макиавелли (стр. 123)? Что Сервантесъ въ иныхъ отношеніяхъ связанъ съ идейною жизнью эпохи Возрожденія—вполнѣ допустимо; но какъ желательно было бы, если бы профессоръ Шепелевичъ развилъ подробно эту интересную мысль. Тогда стало бы понятно, въ чемъ полагается сходство Сервантеса и Макиавелли. Мы готовы допустить это сходство, но желали бы имѣть тому доказательство.

Конечно, отсутствіе такого доказательства въ данномъ случаѣ не можетъ быть поставлено въ особую вину профессору Шепелевичу: его главная цѣль — все-таки изученіе Донъ-Кихота самого по себѣ. Но есть цѣлый рядъ вопросовъ, важнѣйшихъ въ литературной монографіи, которые у профессора Шепелевича разработаны не вполнѣ удовлетворительно. Аргументація ихъ неубѣдительна, изслѣдованіе скользитъ по поверхности, и выводы получаются не всегда доказательные. Иногда профессоръ Шепелевичъ противорѣчитъ самому себѣ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о трагическихъ стихіяхъ романа Сервантеса: на страницахъ 61 и 67 допускаются и отрицаются эти стихіи. Этотъ слабѣйшій отдѣлъ въ книгѣ профессора Шепелевича посвященъ изученію генезиса романа и нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ нимъ. Во второмъ изданіи надлежало бы переработать многія страницы 2-ой и 3-ей главъ изслѣдованія, иначе придется, примѣняя къ самому автору фигуральное выраженіе, которымъ онъ пользуется на страницѣ 43, сказать, что онъ пошелъ по совершенно новому, непроторенному пути, но и самъ его врядъ-ли проторилъ.

Остановимся же теперь подробно на нѣкоторыхъ пунктахъ его изслѣдованія литературной исторіи Донъ-Кихота. Прежде всего не вполнѣ понятно, почему только въ обозначеніи третьей главы указано, что рѣчь идетъ о литературныхъ вліяніяхъ на Донъ-Кихота? Въдь таковыя признаются не только со стороны Аріосто и Боярдо, но и со стороны Амадиса Гальскаго. Но это мелочь, а вотъ существенное.

1. *Рыцарскіе романы, рыцарскіе нравы и Донъ-Кихотъ.* Здѣсь аргументація не убѣдительна и иногда страдаетъ противорѣчіями. а) Авторъ собралъ краснорѣчивыя свидѣтельства о томъ, что въ Испаніи XVI—XVII столѣтій рыцарство не было отжившимъ явленіемъ, что рыцарскіе нравы еще сохранялись въ обществѣ. Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. И вдругъ оказывается (стр. 26 и 27), что при Сервантесѣ „въ вѣчность отошли тѣ условія, во имя которыхъ боролись и торжествовали странствующие рыцари“, и далѣе „внѣшній міръ, окружающій Донъ-Кихота, и міръ рыцарскихъ романовъ не представляютъ *никакой* аналогіи“. Сущность заблужденій Донъ-Кихота полагается такимъ образомъ въ анахронизмъ. Это—удивительная ошибка, въ которую, кромѣ проф. Шепелевича, впадаютъ и другіе изслѣдователи, напримѣръ, изъ русскихъ проф. Н. И. Стороженко! Одно изъ двухъ: или въ Испаніи время Сервантеса въ значительной мѣрѣ господствуютъ рыцарскіе нравы, или они отошли въ область преданія. Въ первомъ случаѣ Донъ-Кихотъ не впадаетъ въ особо-грубый анахронизмъ, и тогда причину комизма и злоключеній героя нельзя искать исключительно въ пресловутомъ контрастѣ между идеями и настроеніями героя и окружающей дѣйствительностью. Донъ-Кихотъ и его оруженосецъ будутъ въ такомъ случаѣ фигурами нѣсколько устарѣлыми, но еще не совершенно чуждыми общественному сознанію. Не будь они смѣшны сами по себѣ,—а смѣхотворность ихъ нужна автору въ цѣляхъ литературной пародіи—безъ всякаго отношенія къ окружающему по принципу контраста, ихъ приключенія могли бы кончатся счастливѣе. Признать для Испаніи XVI—XVII столѣтій рыцарство анахронизмомъ рѣшительно не возможно. Въ эту эпоху не только не устарѣли вѣчныя и неувядающія стороны рыцарства, но самая страсть къ приключеніямъ и отвага были явленіемъ широко-распространеннымъ. *Mutatis mutandis* существовали и странствующие рыцари—авантюристы высокаго и низкаго разбора. Къ свидѣтельствамъ проф. Шепелевича можно присоединить еще многія другія. Укажемъ для краткости только одно, по нашему мнѣнію, вполне убѣдительное. Разумѣемъ герцога Эстраду, который самъ описалъ намъ свою жизнь (*Commentarios del desengaño*). Развѣ его приключенія, развѣ принципы, во имя которыхъ онъ дѣйствуетъ, не напоминаютъ во многихъ отношеніяхъ и Амадиса Гальскаго, и Донъ-Кихота? И такъ, мы соглашаемся съ проф. Шепелевичемъ относительно того, что рыцарство было важнымъ факторомъ испанской жизни

XVI—XVII столѣтій, но тогда выводъ на стр. 26 и 27 о контрастѣ долженъ быть ограниченъ въ значительной мѣрѣ. b) Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Сервантесъ, сочиняя романъ, имѣлъ въ виду „предать посмѣянію людей лживыя и нелѣпыя рыцарскія исторіи“ (Don Quijote, II, 74), а не осмѣивать рыцарскіе идеалы и принципы сами по себѣ. Если бы изслѣдователи, и раньше проф. Шепелевича, повнимательнѣе присмотрѣлись не только къ самому тексту романа, но и къ испанскимъ нравамъ XVI—XVII столѣтій, то никогда не могла бы въ наукѣ и литературѣ возникнуть мысль, что Сервантесъ имѣлъ въ виду осмѣять и опозорить рыцарство *per se*, какъ это думалъ Байронъ. Какъ осмѣивать то, что было краеугольнымъ камнемъ жизни, принципами чего руководился и самъ Сервантесъ? И такъ осмѣять лживыя и нелѣпыя исторіи о рыцаряхъ, вотъ къ чему стремился Сервантесъ, вотъ его прямой цѣль. Конечно, потомъ романъ переросъ свои первоначальныя рамки. Съ Сервантесомъ случилось то же, что съ Раблэ: началось и тамъ, и здѣсь съ пародіи, съ протеста, окончилось огромной бытовой картиной, цѣлой системой толкованія жизни. На стр. 19 проф. Шепелевичъ дѣлаетъ весьма тонкое замѣчаніе о прямомъ пути, которымъ Сервантесъ всего скорѣе могъ бы достигъ намѣченной цѣли: это было „доведеніе до абсурда подвиговъ какого-либо популярнѣйшаго рыцаря. Сервантесъ выступилъ на иной путь, логически связанный съ его литературными приѣмами, путь строго-реального творчества, проникнутаго высокими идеалами христіанской и національной культуры, и достигъ этимъ путемъ двухъ цѣлей: прямой—осмѣянія рыцарскихъ книгъ, косвенной—двухъ положительныхъ, универсальныхъ типовъ“. Замѣчаніе, съ которымъ нельзя не согласиться, которое удачно характеризуетъ суть поэтической работы Сервантеса надъ своимъ романомъ, но далѣе идутъ опять неясности и противорѣчія. Прежде всего, утверждая, что въ Донъ-Кихотѣ невозможно видѣть пародію на какой-либо опредѣленный рыцарскій романъ (стр. 26), нельзя ставить на одну доску Амадиса Гальскаго, Беліаниса, Тиранта и проч. Амадисъ Гальскій никомъ образомъ не былъ для Сервантеса нелѣпой и лживой рыцарской исторіей: напротивъ, это—„лучшая изъ книгъ, которая когда-либо сочинена въ этомъ родѣ, и ей слѣдуетъ простить, какъ единственной въ своемъ родѣ“ (Don Quijote, I, гл. 6). Амадиса Гальскаго незачѣмъ было и пародировать особенно усердно, или осмѣивать. Совсѣмъ иное дѣло прочіе романы „столь вредной секты“. Въ изученіе ихъ проф. Шепелевичъ

не вдается, и потому выводъ его объ отношеніи Тиранта, Беланиса и проч. къ Донъ-Кихоту въ его работѣ не достаточно обоснованъ. Далѣе, проф. Шепелевичъ утверждаетъ, что вопросъ объ отношеніи рыцарскихъ книгъ и Донъ-Кихота сведется лишь къ сходству отдѣльныхъ эпизодовъ, къ аналогіи психическихъ моментовъ настроенія героя романа съ настроеніями вымышленныхъ героевъ бретонской и другихъ династій (стр. 26—27). Неужели въ построеніи романа Сервантеса, какъ цѣлаго, не найдется ничего общаго съ построеніемъ рыцарскихъ романовъ? Вѣдь и тамъ, и здѣсь приключенія, группирующіяся вокругъ героя, но одно отъ другого почти независимы! Проф. Шепелевичъ, ограничивая въ значительной мѣрѣ сходство между Донъ-Кихотомъ и рыцарскими романами, долженъ привести какія-нибудь болѣе убѣдительныя доказательства. Пусть между генеалогіей Амадиса Гальскаго и Донъ-Кихота нѣтъ ничего общаго, пусть одинъ возвращается въ міръ фантастическомъ, пусть другой живетъ среди реальной, бытовой обстановки, все-таки *схема* или *планъ* ихъ приключеній въ значительной мѣрѣ напоминаютъ другъ друга. Сервантесъ осмѣиваетъ нелѣпыя рыцарскія книги; первое, что должно ему прійти въ голову, это—построить свою пародію по тому же плану. И полная изнанка рыцарскихъ книгъ, *novela picaresca*, идетъ тѣмъ же путемъ. Да и вообще въ XVII вѣкѣ еще не было выработано болѣе тонкое пониманіе и построеніе романа, приближающее его къ концепціи драмы и ко взаимному проникновенію частей, которыя наблюдаются въ ней. Несмотря на всю богатую психологію романа Сервантеса, онъ все-таки цѣликомъ построенъ по старинному типу Одиссея, гдѣ приключенія героя не вытекаютъ изъ его характера, а притягиваются на арену дѣйствія какъ разъ затѣмъ, чтобы герой и могъ обнаружить свой характеръ. Приключенія Донъ-Кихота безконечно разнообразны, живы, забавны и т. д.; но схема романа старая. Литературная исторія Испаніи и личныя цѣли, которыя преслѣдовалъ Сервантесъ, заставляють и для плана, или схемы Донъ-Кихота искать прототипа въ рыцарскомъ романѣ.

Еще одну неясность, можетъ быть стилистическаго характера, находимъ мы во 2-й главѣ изслѣдованія. „Подвиги Донъ-Кихота, читаемъ мы на стр. 27, неподражаемы, и оригинальность вымысла автора въ этомъ отношеніи не подлежитъ спору“. Въ значительной мѣрѣ проф. Шепелевичъ, конечно, правъ. Но развѣ обильное и удачное сопоставленіе Донъ-Кихота съ Амадисомъ Гальскимъ, которое начинается на стр. 28-й, не ослабляетъ вывода на стр. 27-й?

Вѣдь тутъ уже полная аналогія, а пожалуй что и пародія. Своя замѣчанія о рыцарскомъ романѣ и Донъ-Кихотѣ проф. Шепелевичъ заканчиваетъ слѣдующимъ выводомъ: „сходство между Амадисомъ Гальскимъ (и другими рыцарскими книгами) и Донъ-Кихотомъ ограничивается лишь сходствомъ частныхъ, привлекаемыхъ для усугубленія комическаго впечатлѣнія. Этого сходства ни въ планѣ, ни въ композиціи мы не видимъ. Планъ и композиція Донъ-Кихота не могутъ быть выводимы, вопреки миѣнію критиковъ, изъ рыцарскаго романа“. Это свое разногласіе съ другими критиками (и самимъ текстомъ романа) проф. Шепелевичъ, думается намъ, не обосновалъ достаточно убѣдительно.

II. *Поэмы Боярдо, Аріосто и Донъ-Кихотъ*. Планъ и композиція Донъ-Кихота, по миѣнію проф. Шепелевича, раскроются послѣ внимательнаго знакомства съ процессомъ творчества Сервантеса и изученныхъ имъ произведеній эпической поэзіи великихъ итальянцевъ, ему современныхъ (стр. 33). Въ третьей главѣ изслѣдованія проф. Шепелевичъ и занимается рассмотрѣніемъ любопытнаго вопроса о взаимоотношеніяхъ Сервантеса, Боярдо и Аріосто, но и здѣсь аргументація его иногда страдаетъ неубѣдительностью, и здѣсь авторъ не доводитъ своихъ изысканій до конца. Мы не станемъ входить въ детальнѣйшій разборъ этой главы книги проф. Шепелевича, а укажемъ только слѣдующее: а) Почему авторъ совершенно устраняетъ изъ круга сравненія Pulci и его поэму *Il Morgante maggiore*? Трудно отдѣлять Pulci отъ Боярдо и Аріосто, всѣ они составляютъ три звена одной неразрывной цѣпи литературнаго развитія. II въ особенности много сходства у Сервантеса какъ разъ съ Pulci: оба они осмѣиваютъ устарѣвшій и выродившійся видъ поэзіи—Сервантесъ рыцарскій романъ, Pulci—произведенія эпигоновъ рыцарской поэзіи, такъ называемыхъ *capitastorie* ¹⁾. б) На стр. 44—59 авторъ даетъ подробный пересказъ поэмъ Боярдо и Аріосто. Между тѣмъ нуженъ былъ не столько пересказъ, сколько анализъ обѣихъ поэмъ по основнымъ ихъ моментамъ. Тогда сразу бы выяснились особенности итальянскихъ поэмъ, по сравненію съ Донъ-Кихотомъ, и безъ особаго труда опредѣлились бы родъ и степень зависимости испанскаго романиста отъ итальянцевъ. Но и при данномъ положеніи дѣла едва ли, думаемъ

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что съ этой точки зрѣнія было бы крайне поучительно сравненіе Сервантеса и Rabelais, ибо несомнѣнно, что и французскій сатирикъ имѣлъ въ виду осмѣять рыцарскіе романы.

мы, можно допустить выводъ о планѣ и композиціи Донъ-Кихота, какъ навѣянныхъ итальянскими поэмами.

Матеріалъ, собранный проф. Шепелевичемъ на указанныхъ страницахъ, рѣшительно возстаеъ противъ такого вывода. Читатель книги проф. Шепелевича вынесетъ совершенно противоположное мнѣніе: планъ и композиція Донъ-Кихота навѣяны чѣмъ угодно, но только не поэмами Боярдо и Аріосто. Сравнимыя произведенія отличаются и ходомъ развитія, и составомъ содержанія. Въ Донъ-Кихотѣ—приключенія двухъ лицъ, являющихся центромъ дѣйствія. Въ поэмахъ Аріосто и Боярдо, конечно, преобладаетъ эпизодъ, интрига распадается на множество нитей, такъ что читателю далеко не всегда удастся услѣдить за ихъ взаимоотношеніемъ. Сервантесъ могъ получить отъ итальянцевъ толчокъ своему творчеству, основную идею — осмѣять устарѣлый видъ поэзіи, но планъ его романа не напоминаетъ итальянскихъ поэмъ. Отличаются поэмы отъ романа и тою ролью, которая въ нихъ отводится любви. Влюбленные герои Аріосто и Боярдо искренностью и горячностью своихъ чувствъ гораздо болѣе напоминаютъ Амадиса Гальскаго и его присныхъ, чѣмъ рыцаря печальнаго образа, который только мечтатель въ дѣлахъ любви. Разное, думается намъ, наконецъ, и отношеніе къ идеаламъ рыцарской жизни у Сервантеса и у итальянскихъ поэтовъ. Твердо установленъ фактъ, что самые принципы рыцарства для Сервантеса—нѣчто святое и неприкосновенное. Падъ ими онъ нигдѣ и никогда не смѣется. Между тѣмъ у всѣхъ трехъ итальянскихъ писателей сквозитъ порою насмѣшка надъ нѣкоторыми сторонами рыцарства, достойными сами по себѣ, но мало понятными людямъ итальянскаго Возрожденія. Поэтому слова проф. Шепелевича (стр. 159) о томъ, что у Аріосто, какъ у Сервантеса, положительныя идеалы сводились къ рыцарскимъ, вызываютъ нѣкоторое сомнѣніе. У итальянцевъ насмѣшка касается не только грубой, почти животной силы, которою обладаютъ герои поэмъ; нѣтъ, она захватываетъ иногда и цѣломудріе героевъ, ихъ честность, стыдливость и т. д. Дѣло въ томъ, что итальянцамъ XV — XVI столѣтій полюбилась показная сторона рыцарства—турниры, служеніе женщинъ и пр. Падъ этою внѣшностью не смѣются и поэты. Между тѣмъ мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что глубокая, религіозная сторона рыцарства, которая столь близка и Донъ-Кихоту, и самому Сервантесу, не особенно понятна итальянскимъ рыцарямъ и ихъ пѣвцамъ. Стоитъ только припомнить личность, на примѣръ, Аріосто и культурную среду, въ

которой онъ вращался, и сравнить ихъ съ личностью и milieu social Сервантеса. Изящный поэтъ-эпикурецъ и придворный человекъ—съ одной стороны, съ другой—бѣдный идалго, почти неудачникъ, прошедшій суровую школу жизни и ея фактами доказавшій свою непоколебимую преданность высокимъ завѣтамъ рыцарства. При такихъ условіяхъ понятно, что самые окраска и тонъ ихъ произведеній будутъ нѣсколько иные.

Объемъ рецензіи не позволяетъ намъ продолжить это сопоставленіе итальянскихъ поэтовъ и испанскаго. Не думая исчерпать все богатство предмета, мы хотѣли только указать, что желательно было бы имѣть въ книгѣ профессора Шепелевича, и чего, къ сожалѣнію, читатель въ ней не находитъ.

с) Покончивъ съ пересказомъ поэмъ Боярдо и Аріосто, профессоръ Шепелевичъ переходитъ къ указанію того, чѣмъ именно обязаны Сервантесъ пѣвцу Безумнаго Роланда. Онъ указываетъ (стр. 59—60) рядъ вѣроятныхъ заимствованій Сервантеса изъ поэмы Аріосто, а на стр. 60—61 устанавливаетъ нѣсколько пунктовъ болѣе общаго, характернаго совпаденія Аріосто и Сервантеса. Къ этому послѣднему вопросу онъ возвращается еще разъ на стр. 158—161. И здѣсь авторъ едва ли во всемъ удовлетворитъ читателя. Такъ, между прочимъ, онъ въ значительной мѣрѣ противорѣчить своимъ собственнымъ словамъ о сходствѣ плана и композиціи, существующемъ между произведеніями Сервантеса и итальянцевъ, словамъ, которыя высказаны на стр. 33. Здѣсь (стр. 61) авторъ находитъ, что „вышесказаннаго (стр. 43—60) еще недостаточно, чтобы сдѣлать выводъ относительно аналогіи плана и выполненія поэмы Аріосто и романа Сервантеса. Читатель уже знаетъ, что мы присоединяемся къ этому мнѣнію. Но гораздо менѣе понятно намъ другое замѣчаніе автора, который видитъ сходство Аріосто и Сервантеса и въ томъ, „что ихъ произведенія посвящены описанію подвиговъ ненормальныхъ людей“. Развѣ всѣ герои Аріосто суть сумасшедшіе рыцари, и развѣ сумасшествіе не есть только эпизодъ и въ жизни самого Роланда? Далѣе, въ какомъ смыслѣ должно понимать, что Аріосто, подобно Сервантесу, относился къ своему произведенію вполне серьезно? Если въ томъ, что Аріосто весьма тщательно перерабатывалъ и отдѣлывалъ свою поэму, то это несомнѣнно, но можно ли сказать, что въ основу поэмы Аріосто положилъ серьезную мысль, имѣющую доказать, „какъ сильная страсть, весьма неудачно.

пристрасниал, губить цвѣтъ рыцарей“? Можно ли, наконецъ, утверждать, что Аріосто, подобно Сервантесу, придавъ своему сюжету трагическій характеръ? Быть можетъ, это и такъ, но читатель книги профессора Шепелевича все-таки не вполне убѣжденъ и недовѣрчиво качаетъ головою. Вѣдь, если въ основѣ поэмы Аріосто лежитъ серьезная мысль, способная дать при дальнѣйшей разработкѣ трагическую окраску, то куда же дѣнется своеобразная легкая иронія, одинъ изъ характерныхъ признаковъ поэзіи Аріосто? Не создаетъ ли Аріосто своихъ героевъ aus Schaum und Nichts, не выводитъ ли передъ читателемъ безобидныя созданія своей фантазіи, по собственному желанію, при помощи ироніи, превращая ихъ въ ничто? Эта игра автора и съ самимъ собою, и съ читателемъ не составляетъ ли существеннаго момента поэмы Аріосто? Намъ думается, что иронія и придаетъ Аріосто своеобразную окраску, дѣлая изъ Orlando furioso героиню-комическую поэму... Далѣе, если иронія имѣется не только у Аріосто, но у Пульчи и у Боярдо, если именно она и позволяетъ сближать только-что названныхъ писателей съ Сервантесомъ, то нельзя все-таки не замѣтить капитальной разницы между Сервантесомъ и итальянцами. Профессоръ Шепелевичъ отмѣчаетъ этотъ фактъ на стр. 159, говоря, что мировая иронія царитъ различнымъ способомъ у Сервантеса и Аріосто. Жаль только, что эти слова такъ и остаются однимъ намскомъ. Мы не можемъ развивать эту мысль подробно, но и въ этомъ пунктѣ ограничимся лишь краткимъ указаніемъ, предоставляя дальнѣйшую обработку желающимъ. Каковы же отличія итальянской и испанской ироніи въ данномъ случаѣ? Одно уже указано. Оно состоитъ въ томъ, что у Сервантеса иронія не касается самой сути рыцарства, тогда какъ у итальянскихъ писателей простирается отчасти и на нее. Второе заключается въ томъ, что иронія итальянцевъ имѣетъ характеръ субъективный, у Сервантеса, напротивъ, объективный. Итальянскіе поэты сами смѣются надъ своими героями. Безъ ихъ помощи читатель не замѣтилъ бы несообразности и нелѣпости и приключеній, и самихъ дѣйствующихъ лицъ. Откиньте насмѣшку Аріосто, и Orlando furioso будетъ серьезной, рыцарской эпопеей. Въ романѣ Сервантеса герои смѣшны сами по себѣ, въ особенности Донъ-Кихоть. Не нужно никакого указанія или намека автора, хотя Сервантесъ не скупится и на нихъ, чтобы смѣяться надъ Донъ-Кихотомъ, который венту принимаетъ за великолѣпный замокъ, трактирщика за алькайда и т. д. Не будь Донъ-Кихоть сумасшедшимъ, мы сказали бы, что онъ жертва оптического обмана, или, если позволительно воспользоваться фило-

логическимъ терминомъ, Донъ-Кихоть плохо толкуетъ текстъ, который находится въ его распоряженіи. Донъ-Кихоть всецѣло во власти своей *idée fixe*, герои итальянскихъ поэмъ цѣликомъ подчинены произволу своихъ творцовъ. Основа Донъ-Кихота реальная, основа итальянскихъ поэмъ—фантастическая. Въ этомъ невѣрномъ толкованіи окружающей обстановки и заключается первое основаніе для комизма Донъ-Кихота. Дѣло не въ контрастѣ, не въ томъ, что Донъ-Кихоть не замѣчаетъ разницы общественной жизни временъ странствующихъ рыцарей и своего собственнаго, а въ томъ, что онъ принимаетъ а за b, потому что онъ—сумасшедшій. Сумасшествіе Донъ-Кихота—капитальнѣйшій фактъ, отъ котораго и надо отправляться при толкованіи романа. Быть можетъ, комизмъ романа отъ этого приблизится нѣсколько къ области гротеска или того, что называется *poésie burlesque*, но вина въ этомъ будетъ не наша, а для Сервантеса, полагаемъ, не слишкомъ позорна компанія Раблэ, Фишарта, Скаррона и другихъ сатириковъ XVI—XVII столѣтій. Мы не хотимъ исчерпать *все* содержаніе комизма Сервантеса однимъ гротескомъ. Комизмъ романа есть нѣчто весьма сложное: въ него входятъ и пародія, и комизмъ жеста и тѣлодвиженій, которымъ такъ богата итальянская *commedia dell'arte*, и тонкій юморъ чловѣка, много страдавшаго и думавшаго. Однако мы думаемъ, что правы, указывая на элементъ гротеска въ твореніи Сервантеса.

III. *Сервантесъ и плутовской романъ*. Замѣчанія профессора Шепелевича объ этомъ интересномъ вопросѣ помѣщаются на стр. 62—67 его монографіи. Не думаемъ, чтобы и въ этой части работы ему всегда удавалось убѣждать своего читателя. Нѣкоторые моменты указаны правильно, замѣчанія о другихъ нуждаются въ пересмотрѣ. Правильно, напримѣръ, что „реальная точка зрѣнія на окружающее была твердо установлена въ испанской беллетристикѣ и до Сервантеса“ (стр. 66). Авторъ позабылъ упомянуть только Селестину, которую слѣдуетъ поставить во главѣ всей испанской реалистической литературы новаго времени. Допустима также мысль, что нѣкоторыми подробностями Донъ-Кихота Сервантесъ обязанъ роману Матео Алемана „*Vida y hechos del pícaro Guzman de Alfarache*“ (1599—1605). Невозможно спорить и противъ того, что Сервантесъ отлично усвоилъ стиль воровской новеллы: это доказывается его собственной повѣстью Ринконетъ и Кортадильо и т. д. Къ сожалѣнію, профессоръ Шепелевичъ не желаетъ, боясь прискучить читателю, вдаваться въ подробное сопоставленіе плутовскихъ романовъ и Донъ-Кихота. Мы думаемъ,

что за внимательную работу въ этомъ направленіи читатель былъ бы только признателенъ автору. Въ такомъ случаѣ приобрѣли бы болѣшую убѣдительность замѣчанія профессора Шепелевича на стр. 67, и, можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ освободились бы отъ ошибокъ. По мнѣнію профессора Шепелевича, плутовскую новеллу и романъ Сервантеса сближаютъ: строгій реализмъ творчества, неподдѣльный народный юморъ, отсутствіе паюса и трагизма положеній, безискусственная манера изложенія и иронія авторовъ. Въ этомъ списокѣ не все одинаково правильно; отмѣтимъ нѣкоторыя погрѣшности. Можно ли, напримѣръ, сказать, что въ *Донъ-Кихотѣ* нѣтъ паюса и трагизма положеній, подобно тому, какъ ихъ почти несомнѣнно не наблюдается въ плутовскомъ романѣ? Да развѣ рыцарь печальнаго образа, именно вслѣдствіе своего сумасшествія, не есть лицо *tragi-комическое*? А горестное настроеніе рыцаря, когда онъ, побѣжденный и униженный, по уговору съ побѣдителемъ—возвращается домой? А его смерть и просвѣтленіе его разсудка на смертномъ ложѣ—неужели это не глубоко трагично? Понять только въ минуту смерти, что заблуждался, и не имѣть уже возможности поправить прежнія ошибки—развѣ это не ужасное, не безвыходное положеніе? Развѣ въ этой главѣ *Донъ-Кихота* не слышится безотрадная нота, которая звучитъ въ послѣдней части патетической симфоніи Чайковскаго, и смыслъ которой есть—ахъ! для чего я жилъ? Несмотря на комическое содержаніе, несмотря на свой гротескъ, *Донъ-Кихотъ* далеко не свободенъ отъ печальныхъ мелодій, которыя рѣшительно отличаютъ его и отъ *picaresco*, и отъ итальянскихъ поэмъ. А слова Санчо, умоляющаго своего господина не умирать, потому что „самая великая глупость, которую можетъ сдѣлать человекъ, есть умереть, когда его никто не убиваетъ“, развѣ не выражаютъ въ простодушной формѣ того самаго негодованія, которое возникаетъ у каждаго изъ насъ, когда на вопросъ „зачѣмъ мы умираемъ? Зачѣмъ умираетъ человекъ добродѣтельный?“ мы не можемъ дать сколько нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Въ корень отличаются и міросозерцанія, лежащія въ основѣ *picaresco* и романа Сервантеса. *Донъ-Кихотъ*, какъ бы онъ ни заблуждался, какимъ бы эгоистическимъ выходкамъ ни былъ подверженъ порою, служить высокимъ идеаламъ любви къ ближнему, отечества и религіи. Напротивъ, про героевъ *picaresco* можно сказать, что Богъ ихъ—чрево. Точно также немного общаго найдется между этими героями трактировъ и харчевенъ и добродушнымъ Санчо, который любить деньги, но едва ли не больше любитъ господина, и ко-

торый тоже мечтатель и безумецъ по своему. Расаго—испанскій босякъ XVI—XVII столѣтій, менѣе резонирующій и потому менѣе самнителный, чѣмъ герон Горькаго. Но онъ, подобно русскимъ босякамъ, элементъ, совершенно непригодный для цивилизаціи въ силу своего грубѣйшаго эгоизма. Печальны тѣ эпохи, когда подобныя личности выдвигаются на видное мѣсто жизни и литературы. Но, думаемъ мы, русскимъ людямъ есть въ чемъ позавидовать времени и роднигъ Сервантеса. Помимо рыцарей чрева Испанія XVI—XVII столѣтій могла создать два типа, имѣющихъ и общечеловѣческое значеніе, и ярконациональную окраску. Донъ-Кихотъ и Санчо Панса—вѣдь это идалго, рыцарь въ лучшихъ моментахъ своей психики, и испанскій мужикъ, крестьянинъ, ближе въ силу социальныхъ условій привязанный къ землѣ, но способный подняться къ высокимъ идеаламъ. Испанскіе мужикъ и баринъ, слуга и господинъ—вотъ, думается намъ, самое простое толкованіе Донъ-Кихота, самое простое выясненіе мнимой аллегоріи романа. Итъ у Сервантеса намѣреннаго противопоставленія поэзіи и прозы, высокихъ идеаловъ и жизненныхъ настроеній, отвлеченныхъ мечтаній и практическихъ вожделѣній, итъ, однимъ словомъ, никакой преднамѣренной антитезы, воплощаемой въ образъ Донъ-Кихота и Санчо Панса. Что стояло *рядомъ* въ жизни, то стоитъ *рядомъ* и въ поэзіи. Въ этомъ сопоставленіи и заключается, по нашему мнѣнію, главное значеніе романа Сервантеса съ точки зрѣнія культурно-исторической.

На этомъ мы и заканчиваемъ свои замѣчанія. Еще многое можно было бы сказать о безсмертномъ романѣ Сервантеса, но во всякомъ случаѣ не скоро настанетъ время, когда будетъ сказано *последнее* слово. А до тѣхъ поръ необходимы цѣлыя фаланги ученыхъ, которыя возьмутъ на себя благородную задачу выяснять и комментировать созданіе великаго генія. Мы старались безпристрастно оцѣнить книгу проф. Шепелевича. Мы отмѣтили ея многочисленныя достоинства, указали нѣкоторые ея пробѣлы. Всѣ эти пробѣлы, конечно, таковы, что ихъ легко исправить во второмъ изданіи книги. Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать его новыхъ трудовъ по исторіи испанской литературы и, въ особенности, общаго имъ перевода Донъ-Кихота на русскій языкъ.

Д. Пестровъ.

1. О нѣкоторыхъ архаизмахъ и новообразованияхъ праславянскаго языка. Морфологическіе этюды Г. А. Ильинскаго. Прага, 1902.
2. Сложныя мѣстоименія и окончанія родительнаго падежа единственнаго числа, мужскаго и средняго рода неличныхъ мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ. Этимологическое изслѣдованіе Г. А. Ильинскаго. Варшава, 1903.

Первая книжка открывается „этюдомъ объ одномъ старо-славянскомъ оборотѣ съ точки зрѣнія современныхъ славянскихъ нарѣчій“. Этотъ оборотъ—*любы, прьлюбы* дѣяти, творити, представляющій будто бы „въ синтаксическомъ отношеніи явленіе крайне загадочное“. Авторъ не хочетъ видѣть въ *любы, прьлюбы* архаическую форму винит. ед., какъ видятъ, кажется, всѣ, а полагаетъ, что *любы, прьлюбы*—форма винит. мн. отъ имен. ед. неизвѣстныхъ церковно-славянскихъ существительныхъ *любъ, прьлюбъ*. Вѣроятно, авторъ самъ отказался бы отъ своихъ разсужденій о *любы, прьлюбы*, если бы заглянулъ въ словарь Миклошича, гдѣ подъ словомъ *прьлюбы* нашелъ бы выписку изъ сербскаго Никольскаго Евангелія: не *прьлюбъве* твориши, и особенно если бы познакомился съ житіемъ папы Климента въ одномъ изъ его древне-русскихъ списковъ и тамъ прочелъ: *прьлюбы* велико есть зло, прьваа *прьлюбы* есть еже... (мы пользуемся Погодинскимъ спискомъ № 657, XVI в., л. 98; срв. *прелюбы* не сътвори мѣ *моіуеуе*, л. 71).

Слѣдующій этюдъ посвященъ остаткамъ склоненія именъ на *и* средняго рода въ славянскихъ языкахъ. Это, по автору,—имя *дрѡва*, мн. ч., не имѣющее однако никакихъ формъ сколько-нибудь близкихъ къ формамъ основъ на *и*; оно, по автору, не сохранило формы ед. ч., такъ какъ „форма *дръ роковымъ образомъ должна была исчезнуть изъ употребленія въ славянскихъ языкахъ, какъ только наступилъ законъ отпаденія конечныхъ глухихъ звуковъ“ (стр. 12—13). Г. Ильинскій полагаетъ, что звуковые законы могутъ уничтожать формы! Но читатель долженъ утѣшиться: форма *дръ* сохранилась въ существительномъ *одръ* и въ прилагательномъ *адръ* сильный, быстрый. Первое, по автору, состоитъ изъ *о+дръ*; первоначально оно обозначало не болѣе, не менѣе какъ „пространство, окруженное или, точнѣе говоря, подиертое деревомъ“ (стр. 13)! Какъ видно, г. Ильинскій имѣетъ очень печальное мнѣніе объ логическихъ способностяхъ нашихъ праславянскихъ предковъ... Второе, по автору, состоитъ изъ предлога *in+дръ*; первоначальное его значеніе сохранилось только въ формѣ ср. р. *адро*, которая для насъ уже самостоятельное существительное; оно—„сердцевина дерева“ (стр. 14). Къ сожалѣнію, авторъ не заглянулъ въ словарь Миклошича; изъ него онъ узналъ бы, что

прилагательное *дръ* имѣетъ *л*, а существительное *ядро* (при *тьдра*)— или *л*, или *ъ*. Г. Ильинскій заключаетъ этотъ этудь такимъ интереснымъ выводомъ: „несомнѣнно одно: старо-слав. *дрѡа*, какъ имен. падежъ мн. ч. отъ имени *дръ* ср. р., служить косвеннымъ доказательствомъ, что и въ праславянскомъ языкѣ имена на *и* имѣли нѣкогда въ этомъ падежѣ окончаніе *ѡ*“ (стр. 15). Кажется, г. Ильинскій не знаетъ даже того, что слав. *ъ* не можетъ восходить къ праславянскому *ѡ*...

Третій этудь представляетъ собою нѣчто въ своемъ родѣ необыкновенное. Намъ приходилось читать въ ученой литературѣ не мало всякихъ изслѣдованій, но ничего подобнаго этому этуду мы еще не встрѣчали... Въ немъ рѣчь идетъ о „существительныхъ изъ причастій“. Авторъ полагаетъ, что существительныя уменьшительныя *курѡ*, *отрочѡ*, *телѡ* и т. п.—вовсе не производныя отъ *куръ*, *отрокъ* и т. д., а „причастія настоящаго времени дѣйствительнаго залога отъ глаголовъ на *=ити*“ (стр. 18). Такъ, *курѡ* „представляетъ не что иное, какъ причастіе отъ *курити*, которое употребляется въ большинствѣ славянскихъ языковъ въ смыслѣ пускать дымъ“ (стр. 22). Значитъ, первоначальное значеніе уменьшительнаго *курѡ*—пускающій дымъ!! Имя *телѡ*, говоритъ авторъ, „находится на низкой ступени градаціи корня, который мы имѣемъ, напримѣръ, въ глаголѣ *толити* или *утолити*. Отсюда слѣдуетъ, что *телѡ* обозначало первоначально: животное утоляющее голодъ, насыщающее. Предлагаемъ историкамъ культуры сдѣлать очень любопытное заключеніе относительно обѣденнаго стола праславянъ“ (стр. 22). Читатель, въ виду предыдущаго, ожидалъ бы, что *телѡ*—какъ причастіе дѣйствительнаго залога отъ глагола *телити*—первоначально значило: помогающій телиться; но и первоначальное значеніе: утоляющій голодъ—производитъ впечатлѣніе! Имя *дытѡ*, по автору, есть причастіе отъ *дытити* (стр. 20), глагола, который—„мы имѣемъ полное основаніе полагать“—существовалъ въ обще-славянскомъ языкѣ; имена *зѡтрѡ*, *робѡ*, *отрочѡ*—причастія отъ *зѡрити*, *робити*, *отрочити* (стр. 20—21).

Г. Ильинскій не довольствуется однимъ открытіемъ, и въ томъ же третьемъ этудѣ объявляетъ какъ уменьшительныя *отрочичицѡ*, *младичицѡ* и т. п., такъ и всѣ патронимы на *ичѡ*, *ичѡ* и т. д.—причастіями наст. врем. дѣйств. зал.! Существованіе въ старомъ русскомъ языкѣ уменьшительныхъ на *ичѡ* (отъ собственныхъ именъ: *Петричѡ*, *Киричѡ*) и въ польскомъ на *isko* или ему неизвѣстно, или не производятъ дѣйствія на его соображенія...

О четвертомъ этюдѣ: „рѣдкая аналогія“, мы можемъ сказать лишь то, что для насъ оказалось непосильнымъ усвоеніе заключающихся въ немъ сложныхъ логическихъ доводовъ и выводовъ автора о словахъ въ родѣ *словъне*, *граждане*. Вотъ главное, что онъ здѣсь говорить: „логическимъ выводомъ... является гипотеза, что славянскія патронимическія имена въ начальную эпоху жизни праславянскаго языка склонялись какъ имена на *t* мужскаго рода. Но какъ только мы согласимся съ этимъ положеніемъ, весьма естественной и даже безыскусственной покажется догадка, что именно эти патронимики во множ. ч. передали свое согласное склоненіе и именамъ на *ъни* и *ъни*, вслѣдствіе сходства ихъ коллективнаго значенія“ (стр. 38).

Слѣдующіе этюды первой книжки въ главномъ повторены г. Ильинскимъ во второй книжкѣ, къ которой мы и переходимъ.

Она посвящена, какъ гласитъ заглавіе, „сложнымъ мѣстоименіямъ“, точнѣе, тому, что авторъ признаетъ за сложныя мѣстоименія. Читатель видитъ въ ней груды разнообразнѣйшихъ фактовъ, сгруппированныхъ единственно по находящимся въ нихъ согласнымъ звукамъ. Здѣсь и дѣйствительно мѣстоименія, и мѣстоименныя нарѣчія, и союзы, и именныя образованія, и связанные съ именными образованіями предлоги, и даже междометія, въ самомъ хаотическомъ смѣшеніи и съ самыми неожиданными объясненіями. На стр. 25 мы читаемъ о „союзѣ“, значащемъ: тогда, и о „временномъ“ его значеніи. На стр. 64 и сл. рѣчь идетъ о сложномъ мѣстоименіи *тъкъ* (не существовавшемъ никогда!) и его производныхъ. Послѣдними оказываются разныя именныя образованія: малор. *токма* споръ, словинск. *тъкма* соперничество, даже п.-слав. *тъкъръ* зеркало! Если *тъкъръ* неясно по происхожденію, то прочія слова (вмѣстѣ съ ц.-слав. нарѣчіями *тъкъмо*, *тъчинъ* и прилагательнымъ *тъчинъ*, по г. Ильинскому, также мѣстоименнаго происхожденія) имѣютъ несомнѣнный корень *тък*, тотъ же,—что въ п.-слав. *тъчь* точка (срв. русск. *точь-въ-точь*) и *тъкнѣти*. На стр. 73 авторъ говоритъ о польск. *każdy*, *każdy* каждый. Его первая часть, по автору, „могла произойти уже въ славянскую эпоху, изъ сращенія двухъ самостоятельныхъ нарѣчій *ka* и *ŷ...*“; такимъ образомъ мѣстоименіе получилось изъ сложенія „нарѣчій“ (*-ŷdy*—конечно—изъ *-ŷdo*, какъ въ русск. *каждый!*). На стр. 100 рѣчь идетъ, между прочимъ, о союзѣ *хотя*. Оказывается, что это—не потомокъ причастной формы, а *genitivus comparationis* отъ имени *хоть*; на родъ имени *хоть* и ему подобныхъ отвлеченныхъ авторъ не пожелалъ обратить вниманія. На стр. 124 мы находимъ такое объясне-

ніе нарѣчій *когда* и *тогда*: „когда-то въ праславянскомъ языкѣ употреблялись бокъ-о-бокъ два нарѣчія *къда* и *кога*; благодаря тождеству ихъ значенія, отъ послѣдней формы была абстрагирована основа *коз* и соединена съ суффиксомъ *да*. Если Синайская Псалтырь тѣмъ не менѣе пишетъ *къгда*, *вънегда* и т. п., то это доказываетъ, что ея писецъ еще помнилъ самостоятельное происхожденіе мѣстоименнаго элемента *ю*“. Далѣе, на стр. 125, авторъ спрашиваетъ, не грѣшитъ ли его этимологія противъ логики, и,—неожиданно для читателя, отвѣчаетъ отрицательно...

Если бы мы не знали г. Ильинскаго лично, мы подумали бы, что его книжки представляютъ пародію на современные лингвистическія изслѣдованія, и мѣстами недурную...

Изъ приведенныхъ нами цитатъ, кажется, уже достаточно ясно, насколько г. Ильинскій способенъ работать на научномъ полѣ, но еще нѣсколько строкъ, думаемъ, будутъ не лишними. Можетъ быть, у г. Ильинскаго собранъ хорошій матеріалъ, пожалуй неудачно разгруппированный, но годный для будущаго изслѣдователя?

Матеріаломъ въ книжкахъ г. Ильинскаго наполнены цѣлыя страницы; онъ взятъ, главнымъ образомъ, изъ словарей и грамматикъ, безъ особыхъ поисковъ со стороны автора; имъ свѣдущему человѣку можно пользоваться, но при соблюденіи мѣръ осторожности, во всякомъ случаѣ безъ вниманія къ указаннымъ авторомъ значеніямъ и т. п. А то вотъ образчикъ. На стр. 40 авторъ приводитъ примѣры русскаго „нарѣчія“ *ся*: тамо *ся* належеса мужь, пай *ся* подивлюся на свою уроду, и поясняетъ: „въ первой фразѣ *ся* значитъ: здѣсь, а во второй: теперь“.

А. Соболевскій.

Книжныя новости.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1899 годъ. С.-Пб. 1903
Стр. 206+9 стр. таблицъ.

Въ числѣ приобрѣтеній Библіотеки за 1899 годъ на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено драгоцѣнное собраніе древнихъ рукописей (преимущественно греческихъ, славянскихъ, еврейскихъ и арабскихъ), принадлежавшихъ началнику русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, архимандриту Антонину, скончавшемуся въ 1894 году, долгое время жившему на Востокѣ, гдѣ имъ было совершено нѣсколько путешествій. Составленное съ полнымъ знаніемъ дѣла,

съ немалыми трудами и издержками, настоящее собраніе давно уже пользовалось извѣстностью въ ученомъ мірѣ.

Изъ греческихъ рукописей собранія укажемъ: на пергаментѣ—отрывокъ нотнаго прилогія, строчнаго письма IX—X вѣка; минея служебная, мѣсяцы мартъ и апрѣль, строчнаго письма конца X вѣка; отрывки номоканона и Prochiron auctum строчнаго письма X—XI вѣка; четвероевангеліе, апостолъ XI вѣка; псалтирь, минея служебная, мѣсяцы сентябрь, октябрь и ноябрь XII вѣка и др.; на бумагахъ—церковный уставъ, съ такъ-называемыми Марковыми главами, 1392 года; отрывокъ изъ патерика XIV вѣка и т. д.

Относительно рукописей еврейскихъ, халдейскихъ, самаритянскихъ и еврейско-арабскихъ, описавшій ихъ А. Я. Гаркави, замѣчаетъ, что онѣ въ названномъ собраніи происходятъ, въ значительнѣйшей части, изъ египетскихъ *тепизотъ* (чердаки и подвалы синагогъ, равно какъ и назначенныя для сей цѣли особыя ямы, куда складываются или гдѣ закапываются пришедшія въ ветхое состояніе книги и рукописи), и посему составляютъ обыкновенно незначительные по объему фрагменты (во многихъ случаяхъ только изъ 1—2 л.). Но этотъ свой количественный недостатокъ египетскіе рукописные отрывки въ значительной степени искупаютъ качественнымъ достоинствомъ, а именно, сохраненными частями изъ совершенно неизвѣстныхъ до того, изъ извѣстныхъ только по названію и считавшихся потерянными, или изъ весьма рѣдкихъ рукописныхъ сочиненій глубокой древности и сѣдой старины.

Всѣ эти драгоценныя остатки сохранены для насъ только благодаря сухой почвѣ и климату Египта, гдѣ нашли себѣ вѣрное убѣжище также и письменныя произведенія сосѣднихъ странъ, Палестины, Сиріи, Месопотаміи и Аравіи (стр. 75). Укажемъ, для примѣра, что въ собраніи находятся труды, и при томъ почти всѣ писаны, знаменитѣйшаго ученаго по экзегетикѣ Св. Писанія Саадія Гаона. (Онъ жилъ въ первую половину X вѣка; родился и провелъ большую часть своей жизни въ Египтѣ, къ концу жизни занималъ должность ректора Вавилонской талмудической академіи). Есть разные юридическіе акты и документы египетскихъ евреевъ и караимовъ отъ XI—XIII вѣка, составленные на еврейскомъ и арабскомъ языкахъ и т. д.

Въ 1899 же году было куплено у г. Петрова въ Аѳинахъ небольшое собраніе греческихъ рукописей (30). Онѣ писаны всѣ на бумагахъ и относятся къ XIV—XIX вѣкамъ. Большая часть ихъ представляетъ интересъ для изученія исторіи греческой литературы XV—XVIII столѣтій. Нѣкоторыя рукописи содержатъ въ себѣ цѣнные тексты сочиненій разныхъ византійскихъ богослововъ, направленныхъ противъ папизма. Наконецъ, въ собраніи нѣтъ нѣсколько номоканоновъ, изъ которыхъ одинъ особенно любопытенъ для русскихъ, потому что нѣкогда принадлежалъ знаменитому кievскому митрополиту Петру Могила (стр. 89).

Изъ другихъ пріобрѣтеній бібліотеки отмѣтимъ: Доброприво четвероевангеліе, писанное въ предѣлахъ Македоніи въ концѣ XII вѣка; записку А. С. Пушкина, безъ даты, на французскомъ языкѣ, къ Прасковѣ Александровнѣ Осиповой; 7 писемъ къ ней же Льва С. Пушкина; три посланія, въ стихахъ, къ ней же Н. М. Языкова, отъ 1826 и 1827 гг.; письма къ извѣстному ориенталисту Н. В. Ханыкову отъ И. С. Тургенева (55, изъ нихъ издано 41).

Н. И. Тургенева, Ю. Ф. Самарина, статья-секретаря А. В. Головинна (181 письмо и записка) и др.

Всего куплено самой библиотекой рукописей и автографов 1.771; поступило от частных приношений 2.315. Печатных книг, брошюр и отдельных листов поступило 39.379 сочинений в 45.288 томах, эстамп и фотографий—1.529; карт и планов—66; ногъ—881.

В 1899 году взяли для занятій билеты 13.289 мужчинъ и 16.416 женщинъ. Читателей было 137.171, посѣтителей 2.080. По отдѣленію книгъ на русскомъ языкѣ было выдано 46.259 сочинений в 61.320 томахъ; на иностранныхъ языкахъ 10.507 сочинений в 17.667 томахъ. Изъ библиотеки при читальной залѣ было выдано на русскомъ языкѣ 121.360 сочинений в 198.256 томахъ; на иностранныхъ языкахъ—3.979 сочинений в 8.801 томѣ; журналовъ русскихъ—56.062, иностранныхъ—5.297.

R. Menéndez Pidal. Manual elemental de gramática historica española. Madrid. 1904.

Академикъ Менендесъ Пидаль, которому посвящена въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1903, III) небольшая замѣтка, наконецъ выпустилъ въ свѣтъ давно ожидаемое *элементарное руководство испанской исторической грамматики*. Терминъ *элементарное*, свидѣтельствующій объ осторожности и скромности автора, въ сущности не вполне подходит къ характеру руководства: и по размѣрамъ (231 стр.), и по приемамъ превосходнаго филолога-автора названное руководство стоитъ на уровнѣ строго научнаго изслѣдованія, будучи при томъ вполне пригоднымъ для педагогическихъ цѣлей.

Существующія руководства для историческаго изученія испанскаго языка въ сущности не достигаютъ своей цѣли. Иныя, въ родѣ *Föschler'a* (*Spanische Sprachlehre*), слишкомъ объемисты и имѣютъ въ виду уже подготовленныхъ слушателей, иныя (*Baich, Lübecke*) прямо предназначены для специалистовъ по романскимъ языкамъ; недавно вышедшее испанское руководство *Болюжера* (*Estudio elemental de gramatica historica de la lengua castellana. 1902*) въ разработкѣ нѣкоторыхъ специальныхъ вопросовъ изобличаетъ не вполне строгую научную подготовку автора. Въ виду сказаннаго появленіе труда проф. Менендеса-Пидала является весьма кстати. Оно облегчитъ знающимъ испанскій языкъ рациональное пониманіе его явленій; начинающимъ изученіе этого языка оно замѣнитъ всякія другія грамматики. Нѣкоторое знакомство съ латинскимъ языкомъ обязательно для приступающаго къ учебнику г. Пидала. Разсматриваемое нами руководство составлено по чрезвычайно ясному и простому плану. Гл. I—объ элементахъ, вошедшихъ въ составъ испанскаго языка. Гл. II гласныя. Гл. III согласныя. Гл. IV о специальныхъ явленіяхъ фонетики. Гл. V имя. Гл. VI мѣстоименіе. Гл. VII глаголь. Гл. VIII частицы (нарѣчіе, союзъ и пр.).

Въ учебникѣ г. Пидала вы не найдете лишняго слова. Каждая строка изобличаетъ въ авторѣ глубокаго филолога; онъ обладаетъ превосходнымъ знаніемъ діалектическихъ особенностей испанскаго языка; особенно хорошо обработана фонетика. При руководствѣ нѣтъ хрестоматіи. Это мы считаемъ существеннымъ пробѣломъ. Хрестоматія, составленная такимъ издателемъ,

какъ г. Пидаль (его изданія многочисленны и выполнены образцово), была бы незамѣнимымъ пособіемъ. Будемъ надѣяться, что во второмъ изданіи руководства г. Пидаль окажутся и тексты.

Переводъ руководства г. Пидаль на русскій языкъ былъ бы весьма желателенъ; наша литература столь бѣдна хорошиими руководствами по иностраннымъ языкамъ. Для испанскаго у насъ нѣтъ ни одного.

Д. А. Ровинскій. Обзорніе иконописанія въ Россіи до XVII вѣка. Описание фаяверверковъ и плюминацій. Изданіе *А. С. Суворина*. С.-Пб. 1903.

Изученіе стариннаго русскаго искусства находится пока въ зачаточномъ состояніи. Правда, нельзя пожаловаться на отсутствіе толковыхъ составленныхъ описаній отдѣльныхъ музеевъ и частныхъ собраній; нѣтъ недостатка въ великоформатныхъ изданіяхъ тѣхъ или иныхъ памятниковъ; наконецъ, мы располагаемъ нѣсколькими цѣнными монографіями. Но при всемъ томъ, почти нельзя назвать ни одной книги, въ которой читатель нашелъ бы обобщенія всѣхъ свѣдѣній хотя бы по извѣстному отдѣлу русскаго искусства. Дѣйствительно, пересматривая „Исторіи русскаго искусства“, появившіяся за послѣднее время, иногда приходится поражаться отсутствію у авторовъ опредѣленныхъ взглядовъ, неумѣнію говорить кратко и ясно о цѣлыхъ эпохахъ, направленіяхъ въ исторіи хотя бы такой интересной области искусства, какъ живопись. Вотъ почему огромную услугу оказываетъ въ подобныхъ случаяхъ „Обзорніе иконописанія въ Россіи до XVII вѣка“, принадлежащее покойному сенатору Д. А. Ровинскому и напечатанное въ малодоступныхъ „Запискахъ археологическаго общества“ за 1856 годъ. Несмотря на почтенный срокъ, отдѣляющій насъ отъ времени выхода труда Ровинскаго, несмотря на то, что за эти почти полстолѣтія появлялась масса монографій, изданій и каталоговъ, — научное значеніе его работы все-таки не утрачено. Стоитъ заглянуть въ любое изъ современныхъ намъ изслѣдованій по исторіи живописи стараго періода, и мы найдемъ ссылки на Ровинскаго чуть ли не на каждомъ шагу.

Такимъ образомъ, переизданіе „Обзорнія“ является вполне кстати. Достоинствомъ новаго изданія можно назвать еще и ту полноту, которой не было въ первомъ изданіи. При сравненіи прежняго изданія съ рукописью Ровинскаго оказалось, что изъ нея были выброшены очень важныя и интересные мѣста, напримѣръ, свѣдѣнія о нѣкоторыхъ иконахъ строгановскаго письма и принадлежащихъ кисти знаменитаго Рублева, сужденіе автора о корсунскомъ письмѣ, о вліяніи западныхъ мастеровъ на русскую живопись, дѣло дьяка Висковатаго и т. д. До сихъ поръ вникли въ этихъ выпускахъ одну редакцію „Записокъ“, которая будто бы не всегда была согласна съ мнѣніемъ Ровинскаго, почему въ предисловіи къ новому изданію говорится, что пропускъ эти „неизвѣстно чѣмъ вызваны“. Теперь ни для кого не секретъ, что въ этомъ дѣлѣ главную роль играли требованія митрополита Филарета, который не желалъ разглашать того, въ сущности, самаго обычнаго и вполне естественнаго факта, что лучшіе памятники русскаго иконографическаго искусства хранились у старообрядцевъ. Вотъ чѣмъ объясняется масса „новыхъ“ данныхъ въ довольно старомъ трудѣ Ровинскаго. Теперь мы знаемъ фамиліи владѣльцевъ наиболѣе цѣнныхъ иконъ; располагая этими указаніями, наши

археологи могутъ теперь отыскать эти иконы и изслѣдовать ихъ болѣе подробно, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Вторая часть книги, описаніе фейерверковъ и иллюминацій, устроенныхъ по поводу разныхъ торжественныхъ случаевъ въ XVII, XVIII и прошломъ столѣтіяхъ, даетъ массу подробностей бытового характера и читается съ большимъ интересомъ. Какъ извѣстно, самъ Дмитрій Александровичъ былъ большой любитель пиротехническихъ забавъ и великолѣпно знаетъ не только исторію этого дѣла, но и технику. къ изданію приложенъ прекрасно исполненный портретъ автора съ рѣдкой гравюры Пожалостина.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе февраля мѣсяца.

— *Потапенко, И. Н.* Живая жизнь. (Романъ и рассказы). С.-Пб. 1904. 492 стр. Цѣна 1 р. 50 к. (Изданіе *А. Ф. Маркса*. Сочиненія *И. Н. Потапенко*. Томъ III).

— *Екатерина II, Императрица.* Сочиненія на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями академика *А. Н. Пыпина*. Томъ пятый. С.-Пб. 1903. 396 стр. Цѣна 1 р. 50 к. (Изданіе Императорской Академіи Наукъ).

— *Титъ Лукрецій Каръ.* О природѣ вещей. Перевелъ съ латинскаго подлинника *И. Рачинскій*. Москва 1904. XVI+229 стр. Цѣна 2 р. 50 к. (Книгоиздательство Скоріиошъ).

— *Ардашевъ, И. Н.* О прогрессѣ въ исторической наукѣ. Вступительная лекція. Кіевъ 1904. 30 стр. Цѣна 35 коп. (Отдѣльный оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1904 г.).

— *Тураевъ, Б. А.* Ависсинскіе свободные мыслители XVII вѣка. С.-Пб. 1903. 35 стр. (Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1903 г.).

— *Рейхъ, М. д-ръ.* Новѣйшіе учебные столы (иностранные и русскіе) на международной выставкѣ „Дѣтскій Миръ“ въ С.-Петербургѣ. С.-Пб. 1904. 35 стр.

— *Стокманъ-Диксонъ, М.* Какъ былъ открытъ Новый Свѣтъ. Переводъ съ англійскаго *Д. А. Корончевскаго*. С.-Пб. 1904. 198 стр. Цѣна 60 коп. (Издательство *О. Н. Поповой*).

— *Пименова, Э. К.* Австралія и ея обитатели. Съ 16 рисунками. С.-Пб. 1904. 91 стр. (Рассказы о разныхъ странахъ и народахъ. Издательство *О. Н. Поповой*).

— *Гюнтеръ, Н. М.* О приложеніяхъ теоріи алгебраическихъ формъ къ интегрированію линейныхъ дифференціальныхъ уравненій. Разсужденіе. С.-Пб. 1903. XVI+219 стр.

— *Михайловскій, Г.* Средиземноморскія отложения Томаковки и положеніе ихъ въ ряду средне-миоценовыхъ образованій Россіи и Кавказа. Съ 4-мя таб-

лицами. С.-Пб. 1903. 186 стр. (Отдѣльный оттискъ изъ № 4 тома XIII Трудовъ геологическаго комитета).

— *Булаковъ, Н.* РѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ О НАМАГНИЧИВАНІИ КОЛЬЦА ВЪ ОДНОРОДНОМЪ МАГНИТНОМЪ ПОЛѢ, СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ КЪ НѢКОТОРЫМЪ ВОПРОСАМЪ ЭЛЕКТРОТЕХНИКИ И КЪ ВОПРОСУ О ДЕВІАЦІИ КОМПАСА. С.-Пб. 1903. 186 стр.

— РѢчь и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12-го января 1904 г. Москва 1904. IV+68+505 стр.

— НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ, СНАРЯЖЕННОЙ Туркестанскимъ Отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Выпускъ III и IV. Ташкентъ 1903. 46 и 39 стр. (Извѣстія Туркестанскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества).

— Отчетъ по Ялтинской санаторіи для недостаточныхъ чахоточныхъ больныхъ въ память Императора Александра III, за время съ 9-го декабря 1899 по 1-е января 1903 года. Ялта 1903. 131 стр.

— СТАТИСТИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ и извлечение изъ девяносто девятаго отчета Британскаго и иностраннаго Библейскаго Общества. С.-Пб. 1903. 15 стр.

— SPRAWOZDANIA KOMISJI DO BADANIA HISTORJI SZTUKI W POLSCE. Tom VII. Zeszyt III. Z 149 figurami w tekście. Краковъ 1903. Отъ 358 по 470+отъ СIII по ССLI стр. (Wydawnictwo Akademii Umiejętności w Krakowie).

— *Tassa, Torquata.* GOFFRED ABO IERUSALEM WYZWOLONA. Przekładania Piotra Kochanowskiego. Wydał *Dr. Lucyan Rydel.* Tom II. Краковъ 1903. 366 стр. (Wydawnictwo Akademii Umiejętności w Krakowie. Biblioteka pisarzy polskich. № 46).

— FASCYCE POLSKIE Z WOKU 1624. Wydał *Aleksander Brückner.* Краковъ 1903. 202 стр. (Wydawnictwo Akademii Umiejętności w Krakowie. Biblioteka pisarzy polskich. № 47).

— O NOWYHO. Zbiór anegdot polskich z 1650. Wydał *Aleksander Brückner.* Краковъ 1903. 107 стр. (Wydawnictwo Akademii Umiejętności w Krakowie. Biblioteka pisarzy polskich. № 48).

— ARCHIWUM DO DZIEJÓW literatury i oświaty w Polsce wydawane przez Komisya do badań tego zakresu przez Wydział filologiczny Akademii Umiejętności w Krakowie powołana. Tom X. Краковъ 1904. 631 стр. (Wydawnictwo Akademii Umiejętności w Krakowie).

— COLLECTANEA EX ARCHIVO COLLEGII HISTORICI. Tomus IX. (Archivum komisji historycznej. Tom IX). Краковъ 1902. 522 стр.

— ROZPRAWY AKADEMII UMIEJĘTNOŚCI. Wydział historyczno-filozoficzny. Serya II. Tom XIX. Краковъ 1903. 405 стр.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Краткій курсъ естественной исторіи. Составилъ *И. Изюсковъ*, преподаватель естественнѣдѣнія въ Казанскомъ учительскомъ и женскомъ Родіоновскомъ институтѣхъ, а ранѣе и въ Маріинской женской гимназіи. Изданіе девятое, пересмотрѣнное и исправленное. Восьмое изданіе допущено въ качествѣ учебнаго руководства опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія для женскихъ гимназій и прогимназій, а первое изданіе допущено какъ руководство учебнымъ комитетомъ при собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи для женскихъ институтовъ вѣдомства императрицы Маріи. Казань 1903 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ предисловіи къ этому изданію авторъ указываетъ, что онъ исправилъ свой учебникъ согласно требованіямъ современной науки и указаніямъ ученаго комитета. Первое бросающееся въ глаза измѣненіе—это удлинненіе заглавнаго листа, въ текстѣ котораго сообщается не только о томъ, гдѣ состоитъ преподавателемъ авторъ, но и гдѣ состоялъ ранѣе, при чемъ самый текстъ нуждается въ исправленіи съ точки зрѣнія грамматической. Указаніями предшествовавшей рецензій ученаго комитета авторъ отчасти воспользовался. Такъ, на примѣръ, китовые усы не называются болѣе зубами, измѣнены нѣкоторые рисунки и т. п.

Однако относительно нѣкоторыхъ своихъ заблужденій авторъ продолжаетъ упорствовать, несмотря на то, что они были отмѣчены въ двухъ рецензійхъ, напечатанныхъ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Такъ, на примѣръ, авторъ упорно не хочетъ со-

---

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензій имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

гласиться съ тѣмъ, что хрящъ не есть кость, а кость не есть хрящъ, и продолжаетъ смѣшивать эти понятія (стр. 338 и 339).

Авторъ согласился, что глоточная трубка полиповъ не служитъ для пищеваренія, но все-таки добавляетъ, „что она служитъ зачаткомъ кишечнаго канала“ (стр. 189). Конечно, служить, но главную часть этого зачатка составляетъ гистральная полость полипа, о чемъ не говорится ни слова. Исправленіе заключительной главы тоже нельзя признать законченнымъ. *Минеральныя* вещества противопоставляются *живымъ* или *организованнымъ* и называются „безорудными“, при чемъ авторъ отказывается минеральнымъ веществамъ въ способности роста (стр. 358). Согласно указаніямъ рецензіи авторъ дополнилъ свѣдѣнія о солитерѣ (стр. 200—205), но не нашелъ возможнымъ упомянуть о бычьемъ солитерѣ, встрѣчающемся гораздо чаще свиного.

Вообще, надо сказать, что исправленія сдѣланы какъ-то нерѣшительно, точно не доведены до конца, и не всегда умѣло.

Затѣмъ, помимо указаній, сдѣланныхъ въ рецензіи, слѣдовало пересмотрѣть учебникъ во всѣхъ другихъ его частяхъ. На стр. 186 говорится, что для приведенія рѣсничекъ инфузорій въ движеніе должны быть въ ихъ тѣлѣ „мускулы или мышцы“; при чемъ это совершенно невѣрно утвержденіе сообщается много разѣ, чѣмъ самое понятіе о мускулахъ. При описаніи водной системы иглокожихъ (стр. 195) не дается указаній на самую существенную ея особенность—ея сообщеніе съ наружной средой. Говорится о гистологическомъ строеніи кости (стр. 398), но не говорится ничего о строеніи мышцъ, нервной ткани и вовсе не упоминаются бѣлыя кровяныя клѣтки, не говоря уже о томъ, что авторъ напрасно сохраняетъ для клѣточныхъ элементовъ устарѣвшіе термины „тѣлецъ“, „шариковъ“ и т. п.

Не мѣшало бы также замѣнить рис. 124, изображающій раковинки корненожекъ, рис. 191, изображающій легкія и гортань лягушки, и нѣкоторые другіе болѣе близкими къ дѣйствительности. Конечно, это изданіе лучше предъидущаго и важно то, что г. Износковъ началъ переработку своего учебника послѣ того, какъ онъ въ теченіи ряда изданій печаталъ его безъ всякихъ измѣненій. Но и современныя требованія стали выше: когда въ 1901 г. впервые рецензировався учебникъ г. Износкова, то не было въ нашей литературѣ ни учебника Иванцова, ни учебника Львова. Послѣ появленія этихъ учебниковъ нельзя уже ограничиваться столь скромными требованіями, которыя мы примѣняли раньше.

Ботаническая часть въ предъидущемъ изданіи была составлена

въ общемъ весьма удовлетворительно. Въ настоящемъ изданіи авторъ ввелъ нѣкоторыя поправки. Къ сожалѣнію, физиологія растений по прежнему почти отсутствуетъ. Слѣдовало бы въ новомъ „исправленномъ“ изданіи болѣе внимательно пересмотрѣть текстъ и устранить устарѣлыя выраженія (нагосѣмянныхъ вмѣсто голосѣмянныхъ, угольный газъ и др.). Слѣдовало бы также голосѣмянныхъ помѣстить передъ однодольными, а не послѣ двудольныхъ.

Авторъ въ отдѣлѣ, посвященномъ неорганической природѣ, сдѣлалъ исправленія и дополненія. Но и послѣ этихъ исправленій, и послѣ тщательнаго пересмотра текста учебника, на что указываетъ авторъ въ предисловіи, остались нѣкоторые недочеты, на которые необходимо обратить вниманіе.

На стр. 9 характеристика опустошительнаго дѣйствія землетрясеній должна быть отнесена главнымъ образомъ къ землетрясеніямъ тектоническаго происхожденія.

На стр. 23 сказано: „Какое одинъ конецъ кристалла, таковъ и противоположный“. Это не вѣрно, по отношенію къ кристалламъ гемиморфнымъ, слѣдовательно, не можетъ быть принимаемо за правило.

На стр. 27: „обшаркиваясь“—испытывая треніе. Стр. 34: „изъ известняка подъ вліяніемъ кислоты будетъ выдѣляться такъ называемый *угольный газъ*... Такъ какъ въ составъ известняка входитъ угольный газъ и известь, то его называютъ *углекислою известью*“. Кто же называетъ этотъ газъ *угольнымъ*, и почему же, въ такомъ случаѣ, известнякъ называютъ *углекислою* а не угольною известью?

Стр. 41: алмазъ, находящійся въ Императорскомъ скипетрѣ, нельзя считать ограненнымъ розою, этому противорѣчитъ его форма.

Стр. 42: мѣсторожденія бразильскихъ алмазовъ въ итаколумитѣ не считаются коренными его мѣсторожденіями. Графитъ образуетъ также *ясные* кристаллы.

Стр. 49: зачѣмъ утвердительно называть нефть, асфальтъ и свѣтильный газъ продуктами разложенія каменнаго угля въ природѣ?

Стр. 63: желѣзо плавится не при 1200°?

Стр. 71: не указаны мѣсторожденія золота въ Южной Африкѣ.

Стр. 78: чистая вода не проводитъ электрическаго тока, слѣдовательно, имъ не разлагается.

На стр. 88—89 опять упоминается *угольный газъ* и, въ связи съ нимъ, *углекислая известь*.

Очевидно, не всѣ эти недочеты могутъ быть устранены съ оди-

накою легкостью, и было бы лучше измѣнить въ нѣкоторыхъ частяхъ изложеніе этого отдѣла.

А. Павловъ. Учебникъ ботаники въ восходящемъ порядкѣ. Руководство для старшихъ классовъ реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ. Часть 1-я. Растенія споровыя. Москва. 1903. Съ 100 рис. въ текстѣ и 2 таблицами въ краскахъ. 116 стр. Цѣна 80 коп. Часть 2-я. Растенія сѣмянные. Москва. 1903. Стр. (продолженіе) съ 112 до 419 + карта.

Учебникъ составленъ удовлетворительно и снабженъ большимъ числомъ рисунковъ, а также двумя хромолитографированными таблицами, но нѣсколько великъ по объему. Его можно было бы сократить безъ ущерба для преподаванія.

Попадаютъ неточныя или невѣрныя опредѣленія. Напримѣръ: растворяемый вмѣсто растворимый (стр. 18), неточно и неясно опредѣлены диффузія и осмосъ (стр. 19), старое представленіе о жизни безъ кислорода (стр. 20), половое размноженіе называется родовымъ (стр. 30 и другія), „на *верхней* (?) поверхности сырой почвы“ (стр. 32), смутно опредѣленіе ткани растений (стр. 35), поверхность вмѣсто пластинки (стр. 38). *Bacterium anthracis* вызываетъ не горячку, а сибирскую язву (стр. 52).

Приведенные примѣры не единственныя. Видна поспѣшность въ исполненіи хорошо задуманнаго учебника. Въ виду той же поспѣшности авторъ выпустилъ сначала только первую часть ботаники. Хотя первая часть составлена удовлетворительно, но цѣна высока. Ее можно было бы сдѣлать гораздо ниже, если бы не было двухъ хромолитографированныхъ таблицъ сѣвдобныхъ ядовитыхъ грибовъ, въ учебникѣ совершенно излишнихъ. Дешевизна учебника очень важное его достоинство. Это нужно имѣть въ виду всѣмъ составителямъ учебниковъ.

Вторая часть учебника ботаники за исключеніемъ четырехъ послѣднихъ главъ состоитъ изъ описаній сѣмянныхъ растений по семействамъ. Число описанныхъ растений очень значительно превышаетъ максимальное число растений, которыя могли бы быть изучены въ реальныхъ училищахъ. Неудобство учебника увеличивается еще тѣмъ, что анатомія и физиологія растений, а также органогрфія, не изложены систематически, а въ видѣ отрывочныхъ свѣдѣній разбросаны по всему учебнику при описаніи отдѣльныхъ растений. Напримѣръ, о геотропизмѣ сообщается при описаніи дуба. Но и всякое другое растеніе обнаруживаетъ явленія геотропизма. Вліяніе свѣта

на ростъ растений изложено при описаніи сложноцвѣтныхъ растений. Такъ какъ прохожденіе всѣхъ описанныхъ растений не представляется возможнымъ, то при пропускѣ цѣлыхъ группъ растений одновременно будутъ пропускаться помѣщенные при ихъ описаніи свѣдѣнія по анатоміи, физиологіи и органографіи растений.

Если изложеніе систематики сильно оживляется сообщеніемъ біологическихъ и физиологическихъ свѣдѣній, то сообщеніе ихъ такъ сказать *ad hoc* дѣло преподавателя. Учебникъ же долженъ дать эти свѣдѣнія въ систематизированномъ видѣ.

Отсутствіе при книгѣ оглавленія и алфавитнаго указателя дѣлаютъ крайне затруднительнымъ нахожденіе желаемыхъ свѣдѣній. Напримѣръ, чтобы найти свѣдѣнія о движеніи воды по растенію, необходимо перелистать всю книгу.

Давая подробную систематику сѣмянныхъ растений, авторъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки выяснить ихъ генетическую связь со споровыми. Такъ, тычиночныя цвѣты авторъ называетъ пыльниковыми. Поэтому ученики будутъ думать, что сосна еще не имѣетъ тычинокъ. Въ такомъ подробномъ курсѣ автору слѣдовало бы указать, что тычиночный цвѣтокъ сосны не что иное, какъ спороносный колосокъ споровыхъ. Авторъ же совершенно невѣрно уподобляетъ пыльниковые цвѣты антеридіямъ, а плодниковые—архегоніямъ папоротниковъ. Это очень грубая ошибка.

Переходя къ способу изложенія, слѣдуетъ отмѣтить, что авторъ, какъ и при составленіи первой части, видимо торопился. Встрѣчаются неясныя мѣста, опечатки и ошибки. Напримѣръ:

На 127 стр. говорится о легкой свѣтопроницаемости хвойныхъ, а также утверждается, что слабость испаренія и бѣдность почвы питательными солями вызываетъ крѣпость древесныхъ и долговѣчность хвойныхъ.

На 133 стр. „Такъ какъ почвенная вода имѣетъ всегда одинаковую температуру, такъ какъ чрезъ испареніе производится свѣжесть и такъ какъ испареніе въ дневномъ воздухѣ значительное, чѣмъ ночью, то дерево имѣетъ днемъ и ночью теплоту воды, которую оно поглощаетъ“ (!).

На 316 стр. говорится, будто растенія поглощаютъ азотъ изъ аміачныхъ солей почвы.

На 318 стр. сообщаетъ авторъ, что землѣдѣлецъ даетъ полю массу азотистыхъ соединеній (особенно въ формѣ бѣлка!). Вообще на этой

страницѣ говорится объ азотистыхъ соединеніяхъ почвы крайне непонятно.

На 407 стр. авторъ, говоря о географическомъ распространеніи растеній, не довольствуется тѣмъ, что ставитъ восьмымъ поясомъ — полярный отъ 72° до полюса, но выдѣляетъ еще 9-й. *Полюсы* — нѣтъ растительности: вѣчный ледъ.

На 411 стр. непонятно говорится о равновѣси въ природѣ.

На 415 стр. вся маленькая глава „Растеніе и животное“ составлена крайне слабо.

A. Anspach & C. du Loup. RECUEIL DE MORSKAUX SNOISIA. Lectures courantes extraites des meilleurs écrivains français. Saint-Pétersbourg, 1904. VII+287 pages. Prix 1 r.

Вышеозаглавленная хрестоматія содержитъ въ себѣ, главнымъ образомъ, отрывки изъ новѣйшихъ писателей, въ прозѣ и въ стихахъ. Всѣ они удачно подобраны и хорошо изданы во всѣхъ отношеніяхъ. Замѣчанія вызываетъ одна лишь дополнительная къ статькамъ въ прозѣ часть подъ заглавіемъ Фразеологія (стр. 148—178), не заимствованная изъ писателей, а отчасти составленная самими редакторами сборника, отчасти почерпнутая ими изъ практики обыденной жизни.

Стр. 157, вм. *jais* (*заить*) написано *geai* (*сойка*).

Стр. 160, *crémière* значитъ не *сливочникъ*, а *содержательница сливок*.

Стр. 165, *pêcher* значитъ *ловить (рыбу)*, такъ что нельзя сказать *pêcher les étangs*.

Слово *obéré* значитъ *обремененный долгами*, а не просто *обремененный (вообще)*, а потому и нельзя сказать *obéré d'une nombreuse famille* (стр. 165), *obéré d'impôts* (стр. 172), въ значеніи *обремененный семействомъ или налогами*.

Стр. 176, вм. *C'est un miracle que vous avez eu la vie sauve*, нужно *que vous ayez eu*.

Слова неупотребительныя въ томъ значеніи, въ которомъ они на указанномъ мѣстѣ употреблены: *surtout* (въ зн. *сюртукъ*, стр. 157), *tâches* (въ зн. *ученическіе уроки*, стр. 167), *équipage* (въ зн. *простая карета*, стр. 176).

Слѣдующія слова вовсе не принадлежатъ французскому языку: *narrage* (160), *caviste* (162), *syllaber* (168).

Эта же часть книги, наконецъ, не совсѣмъ свободна отъ опеча-

тожъ: неоговоренныя опечатки имѣются на страницахъ 157 (3 сл.), 159, 160, 168, 169, 175, 176 (2).

Бергъ, Ф. Иллюстрированная естественная история для первоначальнаго ознакомленія и для самообученія. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго дополнительнаго изданія Н. С. Помятскаго. Съ предисловіемъ К. А. Тимирязева. Изданіе книжнаго магазина І. Кисбель. Стр. XI+297. Цѣна 2 р. 75 коп. въ переплетѣ. 1903 г.

Появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ можно объяснить двумя обстоятельствами; во-первыхъ, прекрасными иллюстраціями, а во-вторыхъ тѣмъ, что и переводчикъ, и авторъ предисловія—оба ботаника, и отъ нихъ поэтому совершенно ускользнули дефекты зоологической части. Если ботаническая часть, по признанію профессора К. А. Тимирязева, не претендуетъ на научную систематичность, то зоологическая часть совсѣмъ далека отъ науки вообще.

Обыкновенно, нѣмецкія книжки отличаются большою добросовѣстностью, но данная книга сильно напоминаетъ наши доморощенныя произведенія. Пора, наконецъ, оставить многокопытныхъ, однокопытныхъ, двукопытныхъ (стр. 30, 34, 35), птице-звѣрей (стр. 56); пора перестать соединять слоновъ съ носорогами, гиппопотами, тапирами и свиньями (стр. 33). Все это уже давно получило архаическій характеръ и только свидѣтельствуетъ о чрезвычайной отсталости автора. Затѣмъ, книга предназначена для начинающихъ и для самообразования, а приемы изложенія совершенно не соотвѣтствуютъ этой цѣли. Съ первыхъ же строкъ читатель встрѣчается съ терминами: внутренній скелетъ, позвоночный столбъ, жабры, желудочки, предсердія и т. п. и при томъ безъ всякаго объясненія.

Интересно, что авторъ вводитъ въ характеристику млекопитающихъ наличность двухъ желудочковъ и предсердій, но при послѣдующихъ характеристикахъ пресмыкающихся (стр. 92), амфибій (стр. 101) и рыбъ (105) о сердцѣ не упоминаетъ вовсе, такъ что, зачѣмъ ему понадобилось ввести этотъ признакъ (да еще безъ всякаго объясненія) въ характеристику млекопитающихъ—совершенно непонятно.

Вообще врядъ ли понятны для начинающаго такіе обороты: „передній конецъ его (позвоночника) обращенъ въ черенъ“ (стр. 1), и т. п.

Иногда характеристика не соотвѣтствуетъ даже описанію, даваемому авторомъ. Такъ, на стр. 101 говорится, что у амфибій въ взросломъ состояніи жабры исчезаютъ и амфибій дышетъ легкими, а на стр. 103—описывается кротей съ „пучками жаберъ“ въ взросломъ состояніи.

Что касается до содержания книги, то о позвоночныхъ еще кое-что читатель можетъ почерпнуть интереснаго, но и то не всегда, ибо во многихъ случаяхъ о животномъ сообщается лишь нѣсколько строкъ, а описаніе беспозвоночныхъ совсѣмъ уже похоже на каталогъ.

„Сюда причисляется также обыкновенная блоха, превосходная прыгуныя и назойливая мучительница человѣка и многихъ животныхъ“ — читаемъ на стр. 147.

„Безкрылая вошь является отвратительнымъ насѣкомымъ неопрятныхъ людей; впрочемъ отъ нея можно очень легко избавиться, благодаря простой опрятности“.

Это все, что авторъ нашель нужнымъ сообщить о блохѣ и вшѣ, а между тѣмъ можно бы сказать о присасывающихся, подобно клещамъ, блохахъ, о вшивой болѣзни и т. п.

Въ такомъ родѣ ведутся авторами описанія нерѣдко, и, конечно, педагогическое значеніе ихъ таково же, какъ тѣхъ объясненій, которыя дѣти могутъ услышать отъ служебнаго персонала звѣринцевъ по праздничнымъ днямъ.

Вреда книга не принесетъ, но и интереса къ себѣ не внушаетъ. Рисунки прекрасны и вообще виѣшность книги хороша.

Ботаническая часть занимаетъ значительно меньшій объемъ, чѣмъ зоологическая. Первые 42 страницы посвящены конспективному изложенію строенія, питанія и размноженія растений. Благодаря сжатости изложенія начинающій читатель будетъ забитъ массой новыхъ терминовъ и свѣдѣній. Остальная часть ботаническаго отдѣла содержитъ очень краткія описанія (нѣсколько строкъ) растений по группамъ (плодовые деревья, лѣсныя, кормовыя растения и т. д.).

Таблицы ботанической части исполнены хуже зоологическихъ таблицъ. Малый форматъ для растений менѣе пригоденъ, чѣмъ для животныхъ: строеніе цвѣтка совершенно пропадаетъ.

Крупныхъ ошибокъ нѣтъ. Попадаютъ неточности. Напримѣръ, сообщается, будто папоротникъ орлякъ достигаетъ въ нашихъ лѣсахъ до 2½ метровъ. Такіе орляки встрѣчаются только на Кавказѣ.

Въ общемъ книга болѣе пригодна для справокъ, чѣмъ для чтенія.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О ПРЕПОДАВАНИИ ЗООЛОГИИ ВЪ ГЕРМАНСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее время у насъ въ Россіи и за границей все болѣе и болѣе обращаютъ вниманіе на методикѣ университетскаго преподаванія. Въ Германіи заговариваютъ даже о необходимости учрежденія въ университетахъ особой кафедры по дидактикѣ преподаванія въ высшихъ школахъ (Didaktik der Hochschulunterrichts или Hochschulpädagogik) съ соответствующими курсами и семинаріями. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ университета, берлинскій профессоръ Фр. Паульсенъ ¹⁾, энергично возставаи противъ этого плана, какъ безцѣльнаго, смѣшного и прямо вреднаго, настаиваетъ въ то же время на необходимости основательнаго изученія университетской педагогикѣ, но не въ какихъ-то семинаріяхъ этой „науки“, а на лекціяхъ и въ лабораторіяхъ профессоровъ-специалистовъ каждой научной отрасли, такъ какъ каждая наука имѣетъ, конечно, свою собственную методикѣ преподаванія. „Не можетъ быть сомнѣнія, пишетъ онъ, что существуетъ особое искусство преподаванія въ высшей школѣ, и что не всѣ въ одинаковой степени обладаютъ этимъ искусствомъ и проявляютъ его“ (стр. 280). „А кто хочетъ сдѣлаться мастеромъ въ какой-либо области академическаго преподаванія, пусть идетъ въ школу какого-нибудь опытнаго мастера, а если представится возможность, въ школы многихъ придерживающихся различныхъ методовъ мастеровъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе найти то, что для него подходитъ. Не бесполезно также будетъ для него съѣз-

¹⁾ F. Paulsen, Die Deutschen Universitäten. Berlin 1902.

дять за границу и посмотрѣть, какіе особыя методы употребляются для рѣшенія той же задачи во Франціи, въ Англии и Америкѣ" (стр. 284). Далѣе, Паульсенъ особенно рекомендуетъ собирать, къ сожалѣнію, разбѣянную литературу по методикѣ преподаванія каждой науки и считаетъ чрезвычайно полезнымъ опубликованіе специальныхъ методологій. Онъ размышляетъ планъ составленія особаго сборника по исторіи университетскаго преподаванія, въ которомъ должны принять участіе специалисты по всемъ научнымъ отраслямъ; онъ считаетъ также необходимымъ изданіе особаго журнала для освѣщенія всѣхъ вопросовъ академическаго преподаванія.

Если уже въ Германіи, гдѣ университетское преподаваніе, какъ общепризнано, стоитъ и теперь на значительной высотѣ, гдѣ въ каждомъ университетѣ, при каждой кафедрѣ имѣются свои прочныя, иногда вѣками сложившіяся традиціи, изученіе методики преподаванія признается столь важнымъ, то тѣмъ болѣе несомнѣнной должна быть необходимость такого изученія для насъ, русскихъ. Въ особенности необходимо тщательное изученіе методики лабораторнаго преподаванія. Такое изученіе для русскихъ университетскихъ преподавателей значительно облегчается тѣмъ, что почти каждому приходится побывать за границей и присмотрѣться къ постановкѣ преподаванія его науки въ разныхъ странахъ. Къ сожалѣнію, однако, командированные за границу лишь въ рѣдкихъ случаяхъ ставятъ изученіе методики преподаванія своей специальною цѣлью, и еще рѣже публикуютъ результаты своихъ наблюденій. Всего чаще встрѣчаются въ русской литературѣ обзоры преподаванія различныхъ медицинскихъ наукъ, начиная съ анатоміи и гистологіи, которые мы находимъ въ отчетахъ многихъ командированныхъ за границу врачей. Но скольконибудь подробнаго обзора преподаванія зоологіи въ заграничныхъ университетахъ въ русской литературѣ не имѣется до сихъ поръ.

Во время двухъ заграничныхъ командировокъ въ 1897—1899 и 1902—1903 годахъ, мнѣ удалось осмотрѣть значительное число западно-европейскихъ зоологическихъ институтовъ и во многихъ изъ нихъ я работалъ болѣе продолжительное время, такъ что могъ внимательнѣе присмотрѣться къ ихъ устройству и къ постановкѣ преподаванія. Отправляясь въ январѣ 1902 года во вторичную командировку за границу, я поставилъ одною изъ своихъ главныхъ цѣлей—основательно изучить методику преподаванія зоологіи и объѣхать рядъ университетскихъ городовъ Германіи (Гейдельбергъ, Страсбургъ, Фрейбургъ, Боннъ, Гиссенъ, Марбургъ, Гёттингенъ, Киль, Ростокъ,

Берлинъ, Лейпцигъ, Галле и Мюнхенъ), а также посѣтилъ нѣкоторые университеты и въ другихъ странахъ, осматривая вездѣ зоологическіе и анатомическіе институты, посѣщая лекціи и практическіи занятія, просматривая записки, тетради и альбомы студентовъ, собирая историческія свѣдѣнія, программы и отчеты. Такимъ образомъ изъ 20 германскихъ университетовъ мнѣ пришлось осмотрѣть 13; но и относительно остальныхъ я собралъ довольно много свѣдѣній, такъ какъ во время пребыванія на зоологическихъ станціяхъ или на съѣздахъ приходилось знакомиться со многими профессорами и ассистентами изъ этихъ университетовъ.

Хотя я видѣлъ также многіе зоологическіе институты во Франціи, Австріи, Швейцаріи и Италіи, я предпочелъ, однако, на этотъ разъ ограничиться исключительно германскими университетами, чтобы придать предлагаемому обзору болѣе цѣльный характеръ. Такъ какъ моею цѣлью является охарактеризовать постановку преподаванія *зоологии*, то я лишь въ рѣдкихъ случаяхъ касаюсь анатомическихъ институтовъ, которые въ Германіи приспособлены преимущественно, а нерѣдко—исключительно къ медицинскимъ цѣлямъ.

Я раздѣляю изложеніе на двѣ части и въ первой даю общій обзоръ преподаванія зоологіи въ Германіи, а во второй—описаніе отдѣльныхъ институтовъ. Такой планъ облегчитъ пользованіе моею работою, хотя, конечно, при этомъ нельзя будетъ избѣгать нѣкоторыхъ повтореній. Я надѣюсь, что въ такомъ видѣ мой отчетъ послужитъ, съ одной стороны, тѣмъ, кто стоитъ близко къ дѣлу преподаванія зоологіи въ русскихъ университетахъ, а съ другой—тѣмъ лицамъ, которые отправляются въ Германію работать по зоологіи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Общій обзоръ преподаванія зоологіи въ германскихъ университетахъ.

1. Историческій очеркъ ¹⁾.

Учрежденіе особыхъ зоологическихъ кафедръ въ германскихъ университетахъ относится сравнительно къ недавнему времени. Насколько мнѣ извѣстно, до начала XIX вѣка подобной кафедры ни въ одномъ

¹⁾ См. статьи W. Waldeyer и R. Hertwig въ двухтомномъ сборникѣ, изданномъ прусскимъ министерствомъ къ выставкѣ въ Чикаго, подъ редакціей W. Levis, Die deutschen Universitäten, Berlin 1903. При описаніи исторіи отдѣльныхъ институтовъ я въ своемъ мѣстѣ указываю спеціальныя источники.

изъ германскихъ университетовъ не существовало. Однако, въ связи съ музеями, которые уже ранѣе возникли при многихъ университетахъ, велось нерѣдко тѣмъ или инымъ доцентомъ философскаго или медицинскаго факультета преподаваніе „естественной исторіи“. Около начала XIX вѣка кое-гдѣ на одномъ изъ указанныхъ факультетовъ возникаютъ и кафедръ (экстраординарныхъ) для преподаванія этого предмета, и лишь позднѣе три главныхъ отдѣла естественной исторіи—минералогія, ботаника и зоологія—получаютъ отдѣльныхъ преподавателей. Если въ Берлинскомъ университетѣ, который съ самаго основанія обладаетъ довольно обширными зоологическими коллекціями, мы уже въ 1811 году встрѣчаемъ особую зоологическую кафедру, то въ Гиссенѣ такая кафедра учреждается лишь въ 1846 году, въ Лейпцигѣ—въ 1847 году, въ Фрейбургѣ—въ 1868 году, въ Ростокѣ—въ 1871 году, а въ Грейфсвальдѣ и позднѣе зоологія и ботаника читаются однимъ профессоромъ ¹⁾.

Но и въ тѣхъ университетахъ, которые рано обзавелись зоологическими кафедрами, преподаваніе этой науки въ первую половину XIX вѣка носило мало научный, исключительно систематическій характеръ. Научная, сравнительно-анатомическая зоологія преподается въ это время на медицинскомъ факультетѣ въ анатомическихъ институтахъ. Лишь мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ одухотворившее зоологію ученіе Дарвина, главнымъ образомъ благодаря дѣятельности Геккеля, распространяется въ Германіи, преподаваніе зоологій и на философскомъ факультетѣ перестаетъ быть исключительно систематическимъ и принимаетъ болѣе научный характеръ. Съ другой стороны, и анатомическіе институты, вслѣдствіе наплыва занимающихся, непрерывнаго расширенія практическихъ занятій на трупахъ и введенія новой отрасли преподаванія—гистологій, все болѣе стремятся приспособиться къ потребностямъ медицинской науки; въ результатѣ этого преподаваніе сравнительной анатоміи переходитъ въ большинствѣ случаевъ на философскій факультетъ, присоединяясь къ зоологической кафедрѣ, или же, какъ въ Берлинѣ, на ряду съ систематической зоологіей, для преподаванія сравнительно-анатомической зоологій учреждается особая кафедра. Однако, въ Гейдельбергѣ еще въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія сравнительная анатомія читалась анатомомъ (Гегенбауромъ), а въ Фрейбургѣ и до сихъ поръ проф. Вейсманъ

¹⁾ Въ Россіи въ университетскихъ уставахъ 1755 и 1804 годовъ о зоологій не упоминается, но, по уставу 1835 года, она является уже особой кафедрой.

читаетъ только зоологію, а курсъ сравнительной анатоміи объявляется однимъ изъ профессоровъ медицинскаго факультета.

Хотя такимъ образомъ преподаваніе зоологіи и сравнительной анатоміи въ настоящее время почти во всѣхъ германскихъ университетахъ сосредоточилось въ зоологическихъ институтахъ, тѣмъ не менѣе и анатомическіе институты представляютъ во многихъ отношеніяхъ интересъ для зоолога. Прежде всего сами анатомы работаютъ въ большинствѣ случаевъ надъ тѣми же вопросами и съ тѣми же методами, какъ и зоологи; одни — по сравнительной анатоміи позвоночника, другіе — по гистологіи и цитологіи, третьи — по описательной эмбриологіи или экспериментальной. Надъ тѣми же вопросами въ ихъ институтахъ работаютъ и ихъ ученики. Кромѣ того, въ анатомическихъ институтахъ до сихъ поръ сосредоточено преподаваніе гистологіи и эмбриологіи позвоночныхъ, — наукъ, стоящихъ въ близкой связи съ зоологіей. И въ тѣхъ случаяхъ, когда для преподаванія этихъ наукъ на медицинскомъ факультетѣ учреждены особые институты, какъ анато-біологическій институтъ въ Берлинѣ или II-й анатомическій институтъ въ Мюнхенѣ, эти учрежденія привлекаютъ, конечно, особенное вниманіе зоолога.

Рѣзкому измѣненію подвергается въ теченіе XIX вѣка методика преподаванія зоологіи. До 40-хъ годовъ преподаваніе носило исключительно отвлеченный, книжный характеръ; мы встрѣчаемъ въ описаніяхъ лекцій такіе курсы, какъ естественная исторія—„по Блюменбаху“, зоологія—„по Рихтеру“, „по учебникамъ Вигемана и Руте“ и пр. Рѣдко имѣются указанія на то, что въ связи съ курсомъ стоитъ изученіе музейскихъ коллекцій (курсъ Тревирануса въ Ростокѣ въ 1813 году). Значительный шагъ впередъ представляетъ введеніе въ преподаваніе микроскопа. Имѣются указанія, что Броннъ съ 1842 года пользовался въ Гейдельбергскомъ зоологическомъ институтѣ микроскопомъ. Еще ранѣе вводятся микроскопическія упражненія на медицинскомъ факультетѣ: именно въ 1840 году Майеръ въ Боннѣ, а въ 1841 году Эренбергъ въ Берлинѣ объявляютъ „Mikroskopische Übungen“¹⁾. Въ другихъ университетахъ поставитъ практическія занятія съ микроскопомъ оказывается невозможнымъ, вслѣдствіе отсутствія инструментовъ, и Р. Лейкартъ въ Гиссенѣ въ началѣ 50-хъ годовъ жалуется на отсутствіе въ зоологической лабораторіи микроскопа.

¹⁾ См. *W. Waldeyer, Zur Geschichte des anatomischen Unterrichts in Berlin. Berlin 1899, p. 49.*

Тотъ же Р. Лейкартъ устранилъ въ скоромъ времени сначала въ Гиссенѣ, а затѣмъ въ Лейпцигѣ первый большой зоологическій практикумъ. Въ настоящее время во всѣхъ зоологическихъ институтахъ Германіи практическія занятія положены въ основу преподаванія, а лекціи отступаютъ на второй планъ.

2. Устройство институтовъ.

При учрежденіи зоологическихъ кафедръ имъ обыкновенно отводилось помѣщеніе для сохраненія коллекцій, помѣщеніе настолько тѣсно, что нерѣдко не удовлетворяло и этой цѣли. Лишь позднѣе проникла въ сознаніе необходимость правильной постановки преподаванія въ лабораторіи. При недостаточности помѣщенія и средствъ между лабораторіей и музеемъ возникаетъ нерѣдко своеобразная борьба, которая завершается въ ту или иную сторону въ зависимости отъ наклонностей завѣдующаго профессора. Мало-по-малу укрѣпляется сознаніе, что большой открытій для публики музей съ громоздкими выставочными коллекціями, поглощая крупныя средства, имѣетъ лишь второстепенное значеніе для преподаванія; и та научная работа, которая возможна въ такихъ музеяхъ, почти недоступна для начинающаго студента, обязанаго тратить много времени на обще-зоологическую подготовку. Поэтому мы во многихъ случаяхъ замѣчаемъ стремленіе совершенно раздѣлить оба эти учрежденія. Зоологическіе музеи возникаютъ во многихъ городахъ Германіи, какъ учрежденія совершенно независимыя отъ университетовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда при университетахъ собраны обширныя зоологическія коллекціи, зоологическій музей болѣе или менѣе строго обособляется отъ зоологической лабораторіи, какъ въ смыслѣ помѣщенія, такъ и по управленію: въ Берлинѣ этими учрежденіями завѣдуютъ два разныхъ ординарныхъ профессора, въ Мюнхенѣ и Страсбургѣ, хотя завѣдываніе обоими и принадлежитъ номинально одному директору, но консерваторъ музея—обыкновенно экстраординарный профессоръ—пользуется самыми широкими полномочіями. Въ этихъ случаяхъ при зоологическихъ лабораторіяхъ имѣются свои собственныя „учебныя коллекціи“. Въ другихъ университетахъ, какъ въ Гейдельбергѣ, Фрейбургѣ и Ростокѣ, гдѣ зоологическія коллекціи никогда не были обширны, изъ нихъ выдѣляются тѣ препараты, которые представляютъ интересъ для преподаванія и въ качествѣ учебной коллекціи хранятся въ помѣщеніи института; а остальная часть коллекціи, которая явилась бы

лишь бесполезнымъ балластомъ, не находитъ себѣ помѣщенія въ институтѣ и сохраняется гдѣ нибудь въ сторонѣ въ качествѣ исторической реликвіи. И для Германіи, повидному, не далеко то время, когда при зоологическомъ институтѣ повсюду останутся лишь строго подобранныя учебныя коллекціи, а зоологическіе музеи отойдутъ какъ совершенно самостоятельныя учрежденія, имѣющія лишь слабую связь съ университетскимъ преподаваніемъ. Въ настоящемъ обзорѣ я совершенно оставляю въ сторонѣ зоологическіе музеи и перехожу къ описанію зоологическихъ институтовъ.

За послѣднее время въ Германіи частью построено, частью строится много новыхъ зоологическихъ институтовъ. Изъ тѣхъ, которые мнѣ пришлось осмотрѣть, новѣйшіе — въ Гейдельбергѣ и въ Страсбургѣ — построены въ 90-ыхъ гг. Съ сожалѣніемъ, мнѣ не удалось осмотрѣть строящихся институтовъ въ Тюбингенѣ и въ Бреславлѣ, которые еще не были закончены во время моего пребыванія въ Германіи. Не закончена также перестройка зданій подъ зоологическіе институты въ Геттингенѣ и Марбургѣ. Такимъ образомъ вскорѣ Германія обогатится четырьмя новыми зоологическими институтами.

Теперь я остановлюсь подробнѣе на устройствѣ аудиторій, лабораторій, учебныхъ коллекцій и пр.

а) *Аудитории*—въ большихъ институтахъ обыкновенно двѣ. Большая аудитория для общихъ курсовъ на 100—200 человекъ, помѣщается обыкновенно обособленно со своимъ входомъ и раздѣльной. Всегда имѣются приспособленія для затемненія и проекціонныя аппараты, нерѣдко проекціонныя микроскопы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ въ Берлинѣ, лекціи читаются исключительно по вечерамъ при искусственномъ освѣщеніи. Мѣста для слушателей размѣщаются, конечно, амфитеатромъ, или по крайней мѣрѣ заднія лавки выше переднихъ. Большое вниманіе удѣляется доскѣ, которая съ различными подраздѣленіями занимаетъ нерѣдко всю стѣну: то, что лекторъ рисуетъ на доскѣ, не должно стираться до конца лекціи, а нерѣдко, сохраняется и до слѣдующей; только тогда, когда проводится этотъ принципъ, рисованіе на доскѣ, какъ методъ преподаванія, можетъ достигнуть той высоты, на которой мы его находимъ во многихъ германскихъ университетахъ. Различныя системы досокъ подробно описаны въ книгѣ М. М. Гардиера ¹⁾ (1901), такъ что на нихъ я останавливаться не буду. Отмѣчу здѣсь только систему смѣнныхъ мато-

¹⁾ М. Гарднеръ, Заѣтки по методикѣ преподаванія гистологии и эмбриологии.

выхъ стеколь на мольбертахъ, которая принята въ Кильскомъ анатомическомъ институтѣ; я описываю ее во второй части. Вездѣ мы замѣчаемъ также приспособленія для вывѣшиванія таблицъ, которыя постоянно остаются передъ глазами слушателей и спускаются на блокахъ, когда лекторъ ихъ разъясняетъ. Демонстрируемые препараты также подолгу, иногда по цѣлымъ недѣлямъ остаются выставленными на столѣ, передъ которымъ читаетъ лекторъ, или же сохраняются въ лабораторіи въ особыхъ стеклянныхъ шкапахъ, гдѣ они легко доступны обзору слушателей; этимъ устраняется неудобная для слушателей и опасная для препаратовъ система переходенія ихъ изъ рукъ въ руки въ аудиторіи во время непрерывающейся лекціи. Такимъ образомъ аудиторія во всѣхъ отношеніяхъ оказывается приспособленной для того, чтобы различныя демонстраціи, рисунки, таблицы не мимолетно только, а возможно долгое время оставались вниманіе слушателей.

Что касается демонстраціи микроскопическихъ препаратовъ, то если она не происходитъ въ самой аудиторіи при помощи проекціоннаго аппарата, микроскопы выставляются обыкновенно или въ лабораторіи или въ музее; весьма удобнымъ мѣстомъ для долговременной выставки демонстраціонныхъ микроскоповъ является корридоръ подъ амфитеатромъ. Рядомъ съ каждымъ микроскопомъ кладется рисунокъ съ объясненіемъ препарата, чѣмъ устраняется необходимость устныхъ объясненій; такимъ образомъ студенты могутъ въ любое время не торопясь разсмотрѣть и зарисовать интересующіе ихъ препараты.

Малая аудиторія, предназначаемая для спеціальныхъ курсовъ профессора или для приватъ-доцентскихъ курсовъ, устроена проще. При небольшомъ числѣ слушателей, конечно, гораздо легче устроить всевозможныя демонстраціи. Иногда, какъ въ Гейдельбергѣ, малой аудиторіи не устраивается вовсе, а небольшіе курсы ведутся въ залѣ для общихъ практическихъ занятій, которая совмѣщаетъ удобства аудиторіи и лабораторіи.

б) *Лабораторіи.* Въ большихъ, болѣе или менѣе недавно отстроенныхъ институтахъ съ хорошо поставленнымъ преподаваніемъ мы находимъ рабочія мѣста трехъ — четырехъ родовъ: 1) для общихъ практическихъ занятій, протекающихъ въ опредѣленные часы; 2) для студентовъ, проходящихъ большой практикумъ и цѣлый день работающихъ въ лабораторіи; 3) для докторантовъ, готовящихъ спеціальныя работы и 4) для преподавательскаго персонала. Всѣ рабочіе

столы приспособлены главнымъ образомъ для занятій съ микроскопомъ, такъ какъ для анатомированія, которымъ могутъ прерываться эти занятія, особыхъ приспособленій не требуется.

Лабораторія для общихъ практическихъ занятій въ опредѣленные часы въ зоологическихъ институтахъ устранивается обыкновенно на 10 — 20 человекъ, а въ анатомическихъ нерѣдко можетъ вмѣщать свыше 100 занимающихся. Такъ какъ этотъ залъ долженъ совмѣщать въ себѣ и лабораторію и аудиторію, то мы встрѣчаемъ въ немъ въ той или иной формѣ лекторскую кафедру, столъ для демонстраціи, доски для рисованія и блоки для подвѣшиванія таблицъ. Рабочіе столы размѣщаются постоянно параллельно окнамъ въ одинъ, два или даже три ряда. Нигдѣ въ Германіи я не видалъ такого по своей компактности чрезвычайно удобнаго, на мой взглядъ, расположенія столовъ, какъ въ Парижѣ въ зоологическомъ институтѣ Сорбонны: тамъ передъ сплошной стеклянной стѣной рабочіе столы стоятъ въ нѣсколько рядовъ на постепенно возвышающихся помостахъ, какъ въ аудиторіи: на заднихъ столахъ оказывается не менѣе удобно работать, чѣмъ на переднихъ. При каждомъ рабочемъ мѣстѣ имѣются микроскопы (и дула), а также свои необходимые реактивы; другіе реактивы, рѣже употребляющіеся, стоятъ въ той же комнатѣ въ особомъ шкафу. При каждомъ мѣстѣ—ящикъ, или даже шкафчикъ для храненія препаратовъ; въ томъ случаѣ, если въ одной и той же лабораторіи работаютъ нѣсколько группъ, въ лабораторіи имѣются нерѣдко шкафы съ ящиками для каждаго занимающагося. По большей части на каждомъ мѣстѣ имѣется также газовая горѣлка и водяной кранъ; необходимая принадлежность также глиняный сосудъ подъ столомъ для отбросовъ. Табуреты для занимающихся часто поднимаются на вѣсѣхъ. Конечно, не вездѣ рабочія мѣста устроены одинаково: наиболѣе комфортабельно въ лабораторіяхъ, рассчитанныхъ на небольшое число студентовъ, какъ въ Гейдельбергѣ, менѣе комфортабельно въ большихъ гистологическихъ лабораторіяхъ анатомическихъ институтовъ.

Въ лабораторіяхъ, предназначенныхъ для студентовъ, которые проходятъ большой зоологическій или гистологическій практикумъ, мы встрѣчаемъ обыкновенно ту же обстановку, только занимающіеся пользуются просторнѣе, ихъ столы обставлены болѣе удобно, съ большимъ количествомъ реактивовъ ¹⁾. Въ такой лабораторіи имѣется всегда

¹⁾ См. ниже описаніе анатомио-біологическаго института въ Берлинѣ.

одинъ или нѣсколько просторныхъ неугасимыхъ термостатовъ, при чемъ каждый занимающійся имѣетъ въ термостатѣ свое собственное отдѣленіе. Микрогомы или стоятъ на особомъ столѣ, или могутъ переноситься по мѣстамъ. Нерѣдко и въ этой лабораторіи устраиваются каостры, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда большой практикумъ всеми занимающимися ведется параллельно. Весьма полезна для такой лабораторіи небольшая библіотека изъ учебниковъ, которыми можетъ пользоваться каждый занимающійся (см. ниже описаніе Гейдельбергскаго института).

Докторанты и др. специалисты работаютъ нерѣдко вмѣстѣ со студентами, проходящими большой практикумъ; въ другихъ случаяхъ для нихъ отводятся особыя комнаты, какъ въ особенности въ анатомо-биологическомъ институтѣ въ Берлинѣ. Эти мѣста устроены нерѣдко еще удобнѣе и просторнѣе; докторантамъ выдаются лучшіе микроскопы, при надобности съ иммерсионными объективами, даже апохроматами. На каждомъ изъ этихъ столовъ имѣются обыкновенно ауэровскія газовыя горѣлки.

Кромѣ директора института ассистенты, а также экстраординарные профессора и приватъ-доценты, читающіе въ институтѣ лекціи, имѣютъ обыкновенно отдѣльныя комнаты или по крайней мѣрѣ хорошо устроенныя рабочія мѣста; при незначительности вознагражденія хороше рабочее мѣсто есть часто главное, что получаетъ ассистентъ или приватъ-доцентъ за свой трудъ. Поэтому понятно, что объ удобствѣ этихъ рабочихъ мѣстъ директоръ института часто особенно заботится.

в) *Музей*. Какъ уже сказано выше, подъ музеемъ института я подразумѣваю здѣсь исключительно учебныя коллекціи. Послѣднія рѣзко отличаются отъ обыкновенныхъ музейскихъ въ томъ отношеніи, что матеріалъ въ нихъ долженъ быть строго подобранъ въ совершенно опредѣленныхъ педагогическихъ цѣляхъ. Избытокъ матеріала, который не можетъ быть использованъ для преподаванія, только вредитъ, такъ какъ мѣшаетъ наглядности коллекціи, затрудняетъ ихъ обзоръ студентами.

При описаніи Гейдельбергскаго зоологическаго института я подробно останавливаюсь на его музеѣ, такъ какъ по моему мнѣнію этотъ музей, изъ всѣхъ видѣнныхъ мною, наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ учебной коллекціи. Въ этомъ образцовомъ музеѣ мы видимъ основную коллекцію, препараты которой демонстрируются въ общемъ курсѣ сравнительной анатоміи и система-

тической зоологии; затѣмъ коллекцію мѣстной фауны, которая служитъ матеріаломъ для курса по опредѣленію животныхъ; иѣкоторые біологическіе препараты, какъ для общаго курса, такъ и для спеціальныхъ біологическихъ; наконецъ въ связи съ музеемъ стоитъ матеріальная, откуда берутся животныя для приготовления анатомическихъ препаратовъ. Само собою разумѣется, что въ томъ или иномъ музеѣ иѣкоторые отдѣлы могутъ быть развиты болѣе другихъ. Такъ напримѣръ, тамъ, гдѣ ведутся постоянно курсы по паразитамъ, соответственный отдѣлъ значительно шире. То же слѣдуетъ сказать и о біологической коллекціи. Веденіе въ институтѣ такихъ курсовъ, какъ „сравнительная анатомія нервной системы“, „энтомологія“ или „эмбриологія“, отражается на характерѣ музея.

Характеръ музея зависитъ въ значительной степени отъ средствъ, на него потраченныхъ. Если пополненіе музея анатомическими препаратами при дѣятельномъ участіи преподавательскаго персонала и студентовъ, не говоря о препараторѣ, и не требуетъ особыхъ затратъ, то съ другой стороны приобрѣтеніе моделей, столь полезныхъ для преподаванія, обходится весьма дорого, и только богатыя университеты въ родѣ берлинскаго могутъ похвастаться обширными коллекціями такихъ моделей.

Не могу не отмѣтить здѣсь также образцовой постановки препаратовъ въ особенности въ Гейдельбергскомъ зоологическомъ институтѣ. Большинство анатомическихъ препаратовъ сколько нибудь сложныхъ, снабжено приклеенными, или поставленными рядомъ, объяснительными рисунками, иногда художественнаго исполненія; въ другомъ случаѣ на самомъ препаратѣ къ органамъ прикрѣплены ярлычки съ надписью тушью. Благодаря этому демонстративное значеніе такихъ препаратовъ въ значительной степени повышается.

Если при составленіи микроскопической учебной коллекціи необходимо избѣгать всего излишняго, заботясь какъ о сбереженіи мѣста, такъ и о наглядности коллекціи, то оба эти соображенія отпадаютъ по отношенію къ коллекціи микроскопическихъ препаратовъ: чѣмъ больше ихъ накопится въ институтѣ, тѣмъ лучше можно сдѣлать выборъ для демонстраціи, не говоря уже о томъ, что при многихъ спеціальныхъ работахъ возможность пользоваться для сравненія готовыми препаратами имѣетъ громадное значеніе. И мы видимъ, что во всѣхъ зоологическихъ и анатомическихъ институтахъ прилагаютъ усиленные старанія для обогащенія коллекціи микроскопическихъ препаратовъ; эти коллекціи помѣщаются въ особыхъ шкапахъ въ си-

стематическомъ порядкѣ, при которомъ всегда легко отыскать необходимое.

г) *Библиотека*. Почти во всѣхъ ¹⁾, осмотрѣнных мною, институтахъ имѣются собственные библиотеки, болѣе или менѣе обширныя въ зависимости отъ средствъ института. Въ небольшихъ университетахъ въ библиотеку института поступаютъ нерѣдко журналы и книги изъ общей библиотеки по соответствующей специальности (Фрейбургъ). Весьма часто библиотеки обогащаются поступающими въ даръ или по наслѣдству книгамъ работавшихъ въ институтѣ профессоровъ, докторовъ и даже студентовъ (Гейдельбергъ, Берлинъ).

Библиотека предоставляется обыкновенно въ пользованіе какъ преподавательскаго персонала, такъ и студентовъ специалистовъ. Въ большинствѣ случаевъ, чтобы взять книгу на свое рабочее мѣсто, не требуется никакого разрѣшенія; каждый можетъ сдѣлать это самостоятельно и обязанъ лишь поставить вмѣсто книги ярлыкъ со своею подписью. Въ другихъ случаяхъ (Берлинскій биолого-анатомическій институтъ) уносить книгу изъ библиотеки вообще не разрѣшается, но чаще воспрещается лишь уносить книги изъ института на домъ. Впрочемъ во многихъ институтахъ нѣтъ и этого воспрещенія, и тотъ, кто желаетъ взять книгу на домъ, долженъ лишь заявить объ этомъ завѣдующему библиотекой и оставить расписку.

Что касается новой литературы, въ особенности журнальной, то въ нѣкоторыхъ институтахъ занимающимся слѣдить за нею трудно, такъ какъ всѣ новые книги и журналы поступаютъ сначала къ профессорамъ. Въ другихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ Страсбургѣ, мы наоборотъ замѣчаемъ старанія сдѣлать новую литературу доступной и студентамъ. Здѣсь въ анатомическомъ институтѣ устроена открытая для всѣхъ студентовъ читальня, куда поступаютъ всѣ новые книги и журналы. Во Фрейбургскомъ зоологическомъ институтѣ новыя тетради журналовъ съ рефератами и новой литературой (*Zool. u. Anat. Anzeiger, Biol. u. Zool. Centralblatt* и пр.) выкладываются даже въ лабораторіи.

Какъ уже отмѣчено выше, въ нѣкоторыхъ зоологическихъ институтахъ въ лабораторіяхъ для студентовъ, проходящихъ большой практикумъ, выставлено собраніе учебниковъ и руководствъ для

---

¹⁾ Исключеніе составляетъ лишь Кильскій анатомическій институтъ, который помѣщается рядомъ съ превосходной общей университетской библиотекой.

практическихъ занятій (списокъ, см. ниже описаніе Гейдельбергскаго зоологическаго института).

д) *Акваріумы и садки для животныхъ*—имѣются въ большинствѣ зоологическихъ и во многихъ анатомическихъ институтахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ акваріумы представляютъ обширныя сооруженія, занимающія много мѣста—нѣсколько комнатъ (Страсбургскій зоологическій институтъ, Берлинскіе—біолого-анатомическій, зоологическій и физиологическій институты). Въ библіотекахъ или же въ особомъ помѣщеніи хранятся стѣнные таблицы, богатствомъ которыхъ нѣкоторые институты могутъ гордиться. Система хранения таблицъ свернутыми повсюду избѣгается; таблицы либо лежатъ въ ящикахъ специально изготовленныхъ шкафовъ или же подвѣшены опять таки въ особыхъ шкапахъ безъ полокъ (см. при описаніи Страсбургскаго зоологическаго института).

Таблицы въ большинствѣ случаевъ оригинальныя и готовятся въ институтѣ, гдѣ иногда для этой цѣли устраивается особая комната (Страсбургъ). Вездѣ проведенная прѣсная вода и аппараты для пагнетаніи воздуха. Въ Страсбургѣ, Берлинѣ и Килѣ имѣются также морскіе акваріумы, въ которыхъ морская вода или перекачивается или насыщается воздухомъ; морскія животныя получаютъ съ зоологическихъ станцій. Въ Гейдельбергскомъ зоологическомъ институтѣ большихъ акваріумовъ нѣтъ, но постоянно держится значительное количество банокъ и плошекъ съ различными мелкими животными, въ особенности Protozoa; вода въ этихъ банкахъ не смѣняется, но насыщается воздухомъ.

Терраріи и садки для кроляковъ, птицъ и пр., находятся обыкновенно въ особомъ помѣщеніи, иногда въ саду или же въ подвалѣ. Вообще мы вездѣ замѣчаемъ заботу о помѣщеніяхъ для животныхъ, которыя могутъ понадобиться для практическихъ занятій или специальныхъ работъ, хотя это еще не значитъ, чтобы всѣ эти акваріумы, терраріумы и садки всегда были заполнены. Всего лучше устроены помѣщенія для животныхъ въ Берлинскомъ біолого-анатомическомъ институтѣ.

е) *Секціонныя* комнаты для вскрытія животныхъ, для операций и инъекцій я видѣлъ только въ Берлинскомъ анатоми-біологическомъ институтѣ; но здѣсь онѣ устроены образцово. Обыкновенно мы находимъ только препаровочную для набивки чучелъ, приготовленія скелетовъ и прочей грязной работы. Въ подвалахъ помѣща-

ются мастерскія для слесарныхъ, токарныхъ и кузнечныхъ работъ, котлы для выварки и бѣленія скелетовъ; также кладовыя для храненія матеріала, аппараты для перегонки спирта и дестилляціи воды и пр.

ж) *Фотографическія* комнаты имѣются въ настоящее время во всѣхъ институтахъ и иногда обставлены весьма богато. Въ фотографіи здѣсь видятъ не роскошь, а предметъ безусловной необходимости. Ею пользуются съ тремя цѣлями: 1) для микрофотографіи, 2) для проекціонныхъ діапозитивовъ, и 3) для приготовления тѣлесныхъ реконструкцій. Кромѣ темной комнаты для проявленія имѣется обыкновенно и ателье, гдѣ стоятъ микрофотографическіе аппараты. Во Фрейбургскомъ анатомическомъ институтѣ, кромѣ комнаты съ усовершенствованнымъ микрофотографическимъ аппаратомъ, имѣется еще другая съ упрощеннымъ аппаратомъ для микропроектированія, приспособленная спеціально для приготовления реконструкцій.

з) *Порядокъ* въ институтѣ въ большинствѣ случаевъ поддерживается образцово, несмотря на то, что въ большинствѣ случаевъ при институтѣ полагается только одинъ служитель, который, кромѣ заботъ о порядкѣ, несетъ также цѣлый рядъ другихъ обязанностей: зимою топить печи, исполняетъ разныя столярныя и слесарныя работы, достаетъ животныхъ для акваріумовъ и практическихъ занятій, посылается съ порученіями и пр. Въ Берлинскомъ анатомо-біологическомъ институтѣ служитель рѣжетъ на микротомѣ, готовитъ микрофотографіи и реконструкціи; правда, онъ имѣетъ здѣсь помощника, который исполняетъ болѣе грязную работу. За то служитель получаетъ 1000—1500 марокъ въ годъ и недурную квартиру, а услуги членовъ его семьи при уборкѣ института оплачиваются иногда особо. Ежедневно во всѣхъ залахъ метутся полы и стирается пыль. Каждую субботу послѣ полудня институтъ считается закрытымъ, и въ это время производится болѣе основательная уборка, при чемъ всѣ полы во всѣхъ залахъ, а также лѣстницы моются (или натираются), и пыль стирается повсюду. Во время вакацій—весеннихъ и осеннихъ, производится генеральная уборка, моются окна, стираются потолки, стѣны, передвигается и чистится вся мебель. Благодаря этому даже старинныя зданія не кажутся запущенными.

и) *Квартиры* въ зданіяхъ института имѣются въ небольшомъ числѣ. Постоянно имѣютъ квартиру въ институтѣ служитель и преараторы; по большей части имѣется также небольшая квартира изъ 1-ой—2-хъ комнатъ для одного изъ ассистентовъ. Квартиръ для профессоровъ-завѣдующихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ не

полагается. Если я не ошибаюсь, только директоръ зоологическаго института въ Берлинѣ имѣетъ здѣсь квартиру.

3) *Преподавательскій персоналъ.*

Зоологическій институтъ находится въ завѣдываніи директора, ординарнаго профессора философскаго факультета. Въ большинствѣ германскихъ университетовъ имѣется только одинъ ординарный профессоръ зоологіи; исключеніе составляетъ лишь Берлинъ, гдѣ ихъ два: одинъ, специалистъ по систематической зоологіи, завѣдуетъ музеемъ, а въ вѣдѣніи другого, который принимаетъ главное участіе въ преподаваніи, состоитъ зоологическій институтъ.

Вмѣстѣ съ директоромъ въ институтѣ дѣйствуетъ иногда экстраординарный профессоръ. Въ большинствѣ германскихъ университетовъ это не болѣе, какъ титулъ, который университетъ можетъ дать заслуженному доценту. Экстраординарный профессоръ не принимаетъ участія въ засѣданіяхъ факультета, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ онъ „statinässig“, т. е. получаетъ опредѣленное содержаніе; насколько мнѣ извѣстно, изъ зоологовъ только профессоръ Циглеръ (H. E. Ziegler) въ Лейпъ находится въ такомъ положеніи, такъ какъ занимаетъ кафедру, учрежденную частнымъ лицомъ для преподаванія дарвинизма. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (Гейдельбергъ, Ростовъ) сверхштатный экстраординарный профессоръ состоитъ ассистентомъ при институтѣ.

Въ небольшихъ или малолюдныхъ университетахъ, какъ Галле или Страсбургъ, при институтѣ состоитъ только одинъ ассистентъ; чаще ихъ два. Если при институтѣ находится большой выставочный музей, или если учебныя коллекціи особенно обширны (Берлинъ), то сверхъ двухъ ассистентовъ имѣется еще хранитель музея. Содержаніе ассистентовъ обыкновенно ничтожно и рѣдко превышаетъ 1000 марокъ.

Ассистенты, въ особенности первый, по большей части читаютъ лекціи въ качествѣ приватъ-доцентовъ (или экстраординарныхъ профессоровъ). Кромѣ того въ институтѣ читаютъ лекціи и работаютъ и другіе приватъ-доценты, не занимающіе постоянныхъ должностей. Тѣмъ не менѣе они по большей части стоятъ въ тѣсной связи съ институтомъ и играютъ болѣе или менѣе важную роль въ преподаваніи. Только въ 2—3 изъ германскихъ университетовъ, на ряду съ ординарнымъ профессоромъ, не дѣйствуетъ другого преподавателя.

При каждомъ институтѣ состоитъ кромѣ того препараторъ; это

лицо безъ высшаго образованія, которому поручается приготовленіе и исправленіе музейскихъ препаратовъ, а также нерѣдко приготовленіе микротомныхъ разрѣзовъ, какъ для практическихъ занятій, такъ и для личныхъ работъ профессора; иногда онъ дѣлаетъ также реконструкціи, микрофотографируетъ, заготовляетъ діапозитивы и пр. Какъ отмѣчено выше, въ Берлинскомъ анатомо-біологическомъ институтѣ часть этихъ работъ исполняется также главнымъ служителемъ.

„Оставленныхъ при кафедрѣ для подготовленія къ профессорскому званію“ въ германскихъ университетахъ не бываетъ; но иногда студенты, прошедшіе курсъ и приступившіе къ самостоятельнымъ работамъ, привлекаются къ участию въ завѣдываніи практическими занятіями (берлинскій анатомо-біологическій институтъ). За это не полагаются никакого вознагражденія, но обыкновенно студенты исполняютъ возложенныя на нихъ работы охотно и добросовѣстно, гордясь оказаннымъ имъ довѣріемъ.

Такъ какъ профессоръ-завѣдующій является полнымъ хозяиномъ института и своего времени, а съ другой стороны ассистенты, экстраординарные профессора и доценты привязаны къ институту всего меньше матеріальными соображеніями, то работа всего преподавательскаго персонала носитъ въ значительной степени добровольный характеръ и только тогда можетъ быть вполне успѣшной, когда основана на добромъ согласіи и взаимномъ уваженіи между всѣми членами института. Въ хорошо поставленныхъ институтахъ профессоръ-завѣдующій тратитъ много силъ и времени на преподаваніе, при чемъ отъ его личныхъ наклонностей зависитъ направленіе его дѣятельности. Сравнительно мало времени отнимаютъ лекціи, такъ какъ рѣдкіи профессоръ читаетъ больше 6 часовъ въ недѣлю, а въ иной семестръ всего 3—4 часа. Но какъ общее правило можно признать, что профессоръ самъ руководитъ практическими занятіями, иногда, какъ малымъ, такъ и большимъ практикумомъ, иногда только однимъ изъ нихъ. Весьма много времени отнимаютъ также нерѣдко работы специалистовъ. Для характеристики напряженности работы германскаго профессора я укажу на профессора О. Гертвига въ Берлинѣ, у котораго лѣтомъ занято лекціями и практическими занятіями 18 часовъ въ недѣлю, а зимою нѣсколько меньше, не говоря объ экзаменахъ, на которые также уходитъ нерѣдко до 4-хъ часовъ въ недѣлю. Въ виду этого профессоръ О. Гертвигъ не можетъ, конечно, удѣлять много времени занимающимся въ его лабораторіи специалистамъ. Съ другой стороны профессоръ Бюкли въ Гейдельбергѣ объ-

являетъ всего 5—6 часовъ лекцій и въ маломъ практикумѣ, происходящемъ въ опредѣленные часы, не принимаетъ участія. Но кто видѣлъ его въ лабораторіи, гдѣ онъ по нѣскольку разъ въ день обходитъ практикантовъ и докторантовъ и подолгу сидитъ съ каждымъ, тотъ не можетъ не удивляться тому, какъ у этого знаменитаго ученаго хватаетъ времени для собственныхъ работъ.

Тамъ, гдѣ много работаютъ профессора-завѣдующіе, конечно, и ассистентамъ приходится отдавать дѣлу преподаванія много времени, при чемъ при существованіи двухъ ассистентовъ обязанности строго распредѣляются между ними; одинъ ассистентъ помогаетъ завѣдующему при веденіи одного курса, другой—другого. Ассистенты на ряду съ профессоромъ заботятся о пополненіи учебныхъ коллекцій, хотя всѣ болѣе простыя и менѣе интересныя работы предоставляются препаратору. Лишь въ очень немногихъ случаяхъ на обязанности младшаго ассистента лежитъ кромѣ того помогать профессору-завѣдующему въ его личныхъ работахъ; обыкновенно и здѣсь вся простая болѣе или менѣе механическая работа возлагается на препаратора. По большей части извѣстная часть дня—до полудня или чаще послѣ полудня—у ассистента остается свободной. Въ этомъ отношеніи наблюдается рѣзкая разница между ассистентомъ зоологическаго института и прозекторомъ анатоміи, который иногда бываетъ занятъ въ секціонномъ залѣ до поздняго вечера; между тѣмъ отъ ассистентовъ зоологическихъ институтовъ я никогда не слыхалъ жалобъ на обремененіе работой или на недостатокъ свободнаго времени.

Въ большинствѣ случаевъ мы замѣчаемъ рядъ заботъ, направленныхъ къ тому, чтобы обезпечить извѣстную самостоятельность ассистента или доцента, что, конечно, не можетъ не укрѣплять энергіи послѣдняго. Такъ, принято за правило, что если профессоръ-завѣдующій ведетъ курсъ съ ассистентомъ, имѣющимъ право преподаванія, то этотъ курсъ объявляется отъ общаго имени; напримѣръ, въ расписаніи лекцій Іенскаго университета на лѣтній семестръ 1902 года стоитъ: „*E. Haeckel*, Zool. Praktik (m. L. Schultze) 4 p.“, а ниже: „*L. Schultze*, Zool. Praktik (m. Haeckel) 4 p.“. Нерѣдко профессоръ-завѣдующій передаетъ тотъ или иной курсъ своему ассистенту, или же экстраординарному профессору. Такъ, въ Гейдольбергѣ малый практикумъ переданъ всецѣло экстраординарному профессору, а въ Іенѣ большой практикумъ объявляется отъ имени одного экстраординарнаго профессора Циглера. Такіе важныя для полноты преподаванія курсы, какъ „паразиты“ или „мѣстная фауна съ практическими заня-

тіями“, „эмбриологія“, въ анатомическихъ институтахъ „гистологія“ поручаются по большей части приватъ-доцентамъ. Студенты спеціалисты, работающіе надъ самостоятельными темами, нерѣдко распредѣляются между тѣми или иными доцентами. Иногда всѣ работы въ институтѣ распредѣляются между ассистентами и доцентами по опредѣленнымъ спеціальностямъ, и каждый чувствуетъ себя въ своей области вполне самостоятельнымъ. Такъ, напримѣръ, въ анатомо-біологическомъ институтѣ въ Берлинѣ между прозекторомъ, двумя ассистентами и приватъ-доцентомъ распредѣлены, согласно ихъ склонностямъ: гистологія, эмбриологія, сравнительная анатомія и теорія развитія; каждый по своей спеціальности читаетъ курсы или ведетъ вмѣстѣ съ профессоромъ-завѣдующимъ (или же исключительно отъ своего имени) практическія занятія, наблюдаетъ за работами на соотвѣтствующія темы спеціалистовъ, заботится о пополненіи учебныхъ коллекцій.

До сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ германскомъ университетѣ женщины не допускались къ преподаванію зоологіи въ качествѣ приватъ-доцентовъ. Но случаи, когда женщины приглашаются на должности ассистентовъ, нерѣдки — могутъ указать для примѣра на Гейдельбергскій, Бреславльскій и Боннскій зоологическіе институты.

4. Студенты.

Германскіе университеты не знаютъ „обязательныхъ“ лекцій и практическихъ занятій. Государственные экзамены, на которыхъ отъ медиковъ, учителей естествознанія, ветеринаровъ, агрономовъ и пр. требуется знаніе зоологіи, стоятъ совершенно обособленно отъ университета; къ нимъ пристунаютъ далеко не всѣ, окончившіе университетъ, и прежде всего для академической карьеры они не обязательны. Университетскимъ экзаменомъ для зоолога является лишь экзаменъ на „доктора философіи“. Для полученія этого титула не требуется однако, какъ на другихъ факультетахъ, знакомства со всѣми спеціальными науками, преподаваемыми на факультетѣ, а только съ тремя, изъ которыхъ одна, въ данномъ случаѣ зоологія, является главной, а двѣ другія, добавочныя,—предоставляются выбору экзаменующагося; обыкновенно добавочными науками избираются: ботаника, палеонтологія, физиологія, философія, геологія, химія и пр. Съ другой стороны, ботаники, химики, психологи и пр. могутъ избирать зоологію добавочнымъ предметомъ, что однако при обширномъ выборѣ случается не часто.

Если государственные экзамены даютъ совершенно опредѣленные права, то преимущества, получаемыя отъ докторскаго титула, довольно ограничены. Въ сущности, единственное право, которое онъ даетъ, это—право на академическую карьеру (ассистенты, по крайней мѣрѣ, вторые, могутъ и не имѣть этого титула). Но кромѣ того всякій учитель, ветеринаръ или агрономъ, который имѣетъ титулъ доктора философіи, можетъ скорѣе другихъ рассчитывать на полученіе высшихъ должностей.

Въ виду вышесказаннаго, понятно, что зоологическіе институты въ Германіи не могутъ быть особенно многолюдными и что составъ студентовъ въ нихъ довольно пестрый. Первую группу, наиболѣе интересную для преподавателей, составляютъ лица, изучающія зоологию по призванію. Такихъ студентовъ въ каждомъ институтѣ, понятно, немного—отдѣльныя единицы,—и при томъ большинство между ними иностранные зоологи, пріѣзжающіе на короткое время съ болѣе или менѣе основательной подготовкой. Вторую группу составляютъ лица, ищущія докторскаго титула для служебныхъ преимуществъ: поздиѣе, когда они станутъ учителями, ветеринарами, зубными врачами, они по большей части совершенно забываютъ о своихъ зоологическихъ работахъ. Къ третьей группѣ, и далеко не малочисленной, относятся тѣ, кто добивается лишь права поставить на своихъ визитныхъ карточкахъ „Dr. phil.“; какъ у насъ отъ лицъ, которыя желаютъ считаться въ обществѣ образованными, требуется окончаніе университета, такъ въ Германіи — полученіе докторской степени. Студенты, относящіеся къ тремъ перечисленнымъ группамъ, занимаются спеціально въ институтѣ, проходятъ большой практикумъ и пишутъ докторскія работы. На лекціи записываются, кромѣ того, многочисленныя медики (въ интересахъ послѣднихъ, во всѣхъ прусскихъ университетахъ принято за правило прочитывать курсъ „общей зоологіи“ въ одинъ семестръ), а нерѣдко и студенты другихъ спеціальностей, будущіе учителя, агрономы и пр. Для медиковъ же, а равно и для докторантовъ, избирающихъ зоологию дополнительнымъ предметомъ на экзаменѣ, и для будущихъ учителей, которые не ищутъ докторской степени, ведутся малые практикумы.

На лекціяхъ по „общей зоологіи“ число слушателей рѣдко превышаетъ 100 человекъ; въ небольшихъ университетахъ число это падаетъ до 20—40 или даже менѣе. Малые зоологическіе практикумы ведутся, — насколько мнѣ извѣстно, — вездѣ съ одной группой, не больше, какъ въ 20—30 человекъ. Специалисты, имѣющіе посто-

янное мѣсто въ институтѣ, обыкновенно насчитываются единицами, если не отсутствуют вовсе; въ наиболѣе многолюдныхъ зоологическихъ институтахъ, а именно въ Гейдельбергѣ и Марбургѣ ихъ обыкновенно 20—30 человекъ, при чемъ самостоятельными работами занято менѣе половины, а остальные проходятъ большой практикумъ.

Какъ извѣстно, университетское образованіе въ Германіи оплачивается дорого. Студентъ, имѣющій въ зоологическомъ институтѣ постоянное мѣсто, платитъ за него около 50 марокъ гонорару въ семестръ. Нѣсколько меньшая сумма—около 30 марокъ—платится за большой курсъ лекцій, по расчету обыкновенно около 5 марокъ за часъ. Сюда присоединяются расходы на имматрикуляціи, Auditorien und Laboratoriengeld и пр. Нерѣдко студентамъ-зоологамъ приходится уплачивать свыше 200 марокъ въ семестръ. Освобожденія отъ платы или стипендій, вообще говоря, не полагается. Жизнь въ университетскихъ городахъ для студентовъ, которые въ Германіи въ настоящее время весьма заботятся о поддержаніи своего „реноме“ и, конечно, не стануть считаться чуть ли не однимъ хлѣбомъ, какъ многіе русскіе студенты,—довольно дорога; рѣдкій студентъ платитъ за квартиру и столъ менѣе 80—100 марокъ въ мѣсяць¹⁾. И такъ какъ въ рѣдкихъ случаяхъ нѣмецкій студентъ самъ зарабатываетъ что-либо, то понятно, что въ университетъ могутъ попасть почти исключительно сыновья зажиточныхъ семействъ. Это въ особенности справедливо по отношенію къ специалистамъ-зоологамъ, такъ какъ степень доктора философіи является, какъ указано выше, роскошью, а академическая карьера требуетъ значительныхъ жертвъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Другой характерной чертой германскаго студента является его ранняя спеціализація: прямо съ гимназической скамьи онъ принимается за изученіе зоологій и двухъ какихъ-либо добавочныхъ предметовъ; онъ можетъ получить степень доктора философіи и стать впоследствии ординарнымъ профессоромъ зоологій, не имѣя никакого представленія о химіи или о физиологій.

Въ большинствѣ зоологическихъ институтовъ, которые я посѣтилъ, мнѣ приходилось видѣть учащихя женщинъ. Если онѣ занимаются спеціально зоологіей, то онѣ относятся обыкновенно къ той группѣ, которую я выше называлъ первой, т. е. работаютъ по призванію; ка-

¹⁾ Я уже не говорю о расходахъ на корпораціи, которыя взимаются иногда сотнями марокъ въ мѣсяць.

кихъ-либо служебныхъ преимуществъ степень доктора философіи имъ обыкновенно не даетъ, а съ другой стороны, ученая женщина въ нѣмецкомъ обществѣ до сихъ поръ далеко не пользуется симпатіями, и вслѣдствіе этого для дѣвушки нужно много энергіи, чтобы пройти въ университетъ; впрочемъ, между женщинами въ зоологическихъ институтахъ много иностранокъ, въ особенности русскихъ. О работѣ студентокъ мнѣ приходилось по большей части слышать самые лучшіе отзывы.

5. Преподаваніе.

Два главныхъ метода преподаванія зоологіи, лекціи и практическія занятія, совсѣмъ не такъ легко строго разграничить другъ отъ друга, какъ это кажется съ перваго взгляда: въ нѣкоторыхъ случаяхъ лекціи такъ обильно снабжаются демонстраціями, что переходятъ въ практическія занятія; съ другой стороны, практическія занятія, если они ведутся въ опредѣленные часы всѣми студентами параллельно, сопровождаются обыкновенно лекціями и носятъ поэтому самостоятельный, независимый отъ обычнаго теоретическаго курса лекцій, характеръ. Я буду ниже различать лекціи отъ практическихъ занятій по объективному признаку: одни ведутся въ аудиторіи, другія — въ лабораторіи. Отдѣльно мнѣ придется коснуться организаціи экскурсій и коллоквиевъ.

а) *Лекціи.* Во всѣхъ прусскихъ университетахъ и въ большинствѣ остальныхъ курсъ „общей зоологіи“ прочитывается въ теченіи одного семестра при 4—6 часахъ въ недѣлю. Въ этотъ курсъ входятъ обыкновенно введеніе съ историческимъ очеркомъ, гистологія, эмбриологія, сравнительная анатомія и общій систематическій обзоръ животнаго царства, равно какъ основы эволюціонной теоріи. Во всѣхъ университетахъ этотъ курсъ читается ежегодно, зимою или лѣтомъ, ординарнымъ профессоромъ, и во многихъ случаяхъ это единственный общій зоологическій курсъ. Въ другихъ случаяхъ онъ чередуется съ другимъ, также общимъ, охватывающимъ все животное царство, курсомъ „сравнительной анатоміи“, который бываетъ однако обыкновенно короче — 3—5 недѣльныхъ часовъ. Въ Гейдельбергѣ, Кёнигсбергѣ, Лейпцигѣ, Мюнхенѣ и Тюбингенѣ этотъ курсъ читается ординарнымъ профессоромъ зоологіи, въ Берлинѣ и Фрейбургѣ — анатомомъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ курсъ ограничивается главнымъ образомъ позвоночными. Нерѣдко, однако, ординарный профессоръ зоологіи,

вмѣсто того, чтобы въ свободный отъ „общей зоологіи“ семестръ читать „сравнительную анатомію“, выбираетъ для 2—3 часового курса какую-нибудь специальную главу зоологіи (напримѣръ, „Coelenterata“) или сравнительной анатоміи (напримѣръ, „сравнительная анатомія вегетативныхъ органовъ“). Во многихъ непрусскихъ университетахъ общій курсъ зоологіи дѣлится однако на двѣ части, при чемъ „введеніе и зоологія безпозвоночныхъ“ читаются въ одинъ семестръ, а „сравнительная анатомія позвоночныхъ“ — въ другой. Профессоръ Вейсманъ въ Фрейбургѣ съ курсомъ „общей зоологіи“ чередуетъ свой знаменитый, собирающій массу слушателей всѣхъ факультетовъ, 4 часовой курсъ „Descendenztheorie“. Въ другихъ случаяхъ (Боннъ) въ свободный семестръ ординарнымъ профессоромъ читается для медиковъ курсъ по паразитамъ, которому въ германскихъ университетахъ придаютъ вообще большое значеніе, или же по эмбриологіи (Марбургъ, Страсбургъ), а также ведутся соотвѣтствующія практическія занятія.

Указанные выше курсы читаются *privatim*, за плату; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по старому обычаю, ординарные профессора читаютъ кромѣ того въ болѣе свободный семестръ небольшой 1 или 2-часовой курсъ „*öffentlich und gratis*“—для всѣхъ желающихъ съ разныхъ факультетовъ. Темой для такого курса избирается нерѣдко „эволюціонная теорія“, или же что-либо по біологіи: „біологія моря“, „географическое распредѣленіе животныхъ“, а также „избранныя главы общей зоологіи“ и пр.

Этимъ исчерпываются лекціи, объявляемыя ординарными профессорами зоологіи. Насколько я знаю, ни одинъ ординарный профессоръ не читаетъ болѣе 6 часовъ въ недѣлю, обыкновенно даже меньше. Профессоръ Корнелътъ въ Марбургѣ читаетъ только 7 часовъ въ оба семестра: зимою—5 часовъ, лѣтомъ—2.

Остальные, занимающіеся въ институтѣ, преподаватели читаютъ еще меньше. Лишь въ видѣ исключенія, можно указать, что тотъ или иной приватъ-доцентъ или экстраординарный профессоръ читаетъ 4 часа въ недѣлю, гораздо чаще 1—2 часа. Иногда, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда ординарный профессоръ ограничивается чтеніемъ одного курса „общей зоологіи“, другіе преподаватели читаютъ какую-нибудь главу сравнительной анатоміи или же специальную зоологію той или иной группы, въ особенности позвоночныхъ. Этимъ послѣднимъ курсамъ весьма часто придаютъ характеръ біологическихъ, при чемъ или соединяютъ ихъ съ экскурсіями, или же переходятъ въ область теорій. Во многихъ университетахъ нештатными преподавателями чи-

тается „дарвинизмъ“, „географическое распространение“, „зооихнологія“, „біологія моря“, „біологія лѣса“ и пр. Въ пяти университетахъ мы находимъ курсы по цитологіи (1—2, рѣже—3 часа); приблизительно также распространены курсы „эмбриологіи“ (нерѣдко „сравнительной эмбриологіи“), „экспериментальной эмбриологіи“ и „палеонтологіи“. Если мы сюда прибавимъ курсы по „паразитамъ“, которые ординарные профессора иногда поручаютъ приватъ-доцентамъ, и по „теоріи микроскопа“, то мы болѣе или менѣе исчерпаемъ темы разсматриваемыхъ курсовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что большинство изъ этихъ курсовъ являются преимущественно демонстраціонными и нерѣдко мало отличаются отъ практическихъ занятій.

Курсы общаго теоретическаго характера въ родѣ „дарвинизма“, въ зависимости отъ таланта лектора, привлекаютъ иногда довольно много слушателей. Что же касается спеціальныхъ курсовъ, даже такихъ, какъ „цитологія“ или „экспериментальная эмбриологія“, то при чрезвычайной спеціализаціи въ германскихъ университетахъ, составъ слушателей здѣсь очень ограниченъ — и именно тѣми немногими студентами, которые имѣютъ постоянное мѣсто въ институтѣ. И нерѣдко случается, что даже въ большомъ, напримѣръ, Берлинскомъ, университетѣ какой-нибудь прекрасно подготовленный курсъ „эмбриологіи“ или „теоріи развитія“ не можетъ состояться въ виду отсутствія слушателей. И въ рѣдкомъ зоологическомъ институтѣ общее число лекцій превышаетъ 10 часовъ въ недѣлю.

По отношенію къ количеству и составу слушателей медицинскій факультетъ рѣзко отличается отъ философскаго; такъ, здѣсь спеціализація допускается лишь на старшихъ семестрахъ, а молодые медики слушаютъ лекціи по широкой программѣ. Они-то главнымъ образомъ наполняютъ аудиторію на лекціяхъ „общей зоологіи“. И курсы гистологіи и эмбриологіи, которые нерѣдко не могутъ найти слушателей въ зоологическомъ институтѣ, ведутся въ широкихъ размѣрахъ анатомами (или фізіологами).

Оба указанныхъ выше курса лишь въ рѣдкихъ случаяхъ читаются ординарнымъ профессоромъ—главнымъ образомъ тамъ, гдѣ имѣются два анатомическихъ института. Чаше они поручаются прозектору, который можетъ быть или приватъ-доцентомъ, или экстраординарнымъ профессоромъ. Курсъ гистологіи читается обыкновенно въ теченіи одного семестра разъ въ годъ, при 2—4 часахъ въ недѣлю; курсъ эмбриологіи нормально 2-часовой. Такимъ образомъ и здѣсь мы замѣчаемъ то же самое характерное и для зоологическихъ курсовъ

стремленіе къ краткости лекцій. Въ нѣкоторыхъ университетахъ теоретическихъ курсовъ гистологій совсѣмъ не бываетъ, и лекціи соединены съ практическими занятіями, о которыхъ я буду говорить ниже. Что же касается курсовъ эмбриологій, которые имѣются не во всѣхъ университетахъ, то при нихъ не всегда бываютъ практическія занятія, и чаще лекціи принимаютъ характеръ демонстрацій. Оба эти курса, въ особенности гистологическій, предназначаются для медиковъ и по большей части ограничены позвоночными животными.

Кромѣ этихъ двухъ курсовъ, въ нѣкоторыхъ анатомическихъ институтахъ читается, какъ мы видѣли, „сравнительная анатомія позвоночныхъ“, а также объявляются небольшіе курсы, какъ „цитологія“, „дарвинизмъ“, „механика развитія“ или болѣе спеціальные: „микроскопическое строеніе нервной системы“ („органовъ чувствъ“) и пр. Эти курсы, какъ и въ зоологическомъ институтѣ, нерѣдко не могутъ состояться за недостаткомъ слушателей.

Что касается характера лекцій, то здѣсь слѣдуетъ подчеркнуть уже не разъ отмѣченное мною выше стремленіе придать лекціямъ демонстративный характеръ. Лучшимъ методомъ признается рисованіе на доскѣ. Рисунокъ, постепенно возникающій на глазахъ у слушателя, который при томъ же каждый легко можетъ срисовать, конечно, не замѣнитъ никакая таблица, на которой вниманіе слушателя фиксируется гораздо слабѣе. И въ чертежѣ сложнѣйшихъ рисунковъ цвѣтными мѣлами на доскѣ нѣкоторые преподаватели, какъ, напримѣръ, проф. Бюкли въ Гейдельбергѣ, достигаютъ прямо виртуозности. При описаніи Кильскаго анатомическаго института я останавливаюсь подробно на одномъ методѣ, который облегчаетъ исполненіе сложныхъ рисунковъ въ аудиторіи: при помощи эпидіаскопа заранѣе наносятъ на матовыя стекла слабыя контуры, которые обрисовываются преподавателемъ отъ руки на глазахъ у слушателей.

Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда рисунокъ очень сложенъ или же когда лекторъ не обладаетъ способностями къ рисованію, примѣняется система таблицъ. Печатныя таблицы, въ особенности анатомическаго характера, употребляются сравнительно рѣдко, и гораздо чаще для курса приготавливаются оригинальныя таблицы, которыя соотвѣтствуютъ взглядамъ лектора. То же слѣдуетъ сказать относительно діапозитивовъ и, само собою разумѣется, микроскопическихъ препаратовъ: и тѣ, и другіе приготавливаются въ институтѣ.

При описаніи лабораторіи я подробно останавливался на тѣхъ мѣрахъ, которыя употребляются, чтобы демонстраціи музейскихъ

препаратовъ, рисунки на доскѣ и выставляемые въ микроскопахъ микроскопическіе препараты оставались въ теченіи долгаго времени доступными для обозрѣнія. Это однако совершенно не выполнимо по отношенію къ проекціямъ діалозитивовъ и микроскопическихъ препаратовъ, демонстрація которыхъ можетъ быть лишь кратковременной и болѣе или менѣе поверхностной. Вѣроятно, этимъ отчасти объясняется, что хотя въ большинствѣ зоологическихъ аудиторій имѣются проекціонные приборы, они сравнительно рѣдко пускаются въ дѣло. То же обстоятельство уже ранѣе отмѣтилъ М. М. Гарднеръ для анатомическихъ институтовъ (стр. 236).

б) *Практическія занятія.* Мы видѣли, что въ германскихъ зоологическихъ институтахъ чтеніе лекцій происходитъ въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Тѣмъ шире поставлены здѣсь практическія занятія. Въ большинствѣ институтовъ мы находимъ два практическихъ курса, охватывающихъ всю область зоологии: малый практикумъ и большой практикумъ; къ нимъ присоединяются обыкновенно практическія занятія по опредѣленію животныхъ (связанныя съ осмотромъ музея или съ экскурсіями) и по паразитамъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ также практическія занятія по эмбриологіи, по цитологіи и по механикѣ развитія.

Въ анатомическихъ, а иногда и въ физиологическихъ институтахъ, мы встрѣчаемъ практическій курсъ гистологіи, соотвѣтствующій болѣе или менѣе по своимъ размѣрамъ и по характеру малому зоологическому практикуму. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ мы находимъ также хорошо организованный и большой практикумъ гистологіи. Во многихъ университетахъ мы находимъ также практическій курсъ эмбриологіи. Объявляются, кромѣ того, и небольшіе спеціальные практическіе курсы (гистологія органовъ чувствъ и пр.).

Малый зоологическій практикумъ предназначается, какъ это нерѣдко указываетъ и расписаніе лекцій, для „начинающихъ и для медиковъ“ и ведется въ опредѣленные часы при постоянномъ наблюденіи профессора, доцента или ассистента. Весь курсъ заканчивается обыкновенно въ одинъ семестръ нормально при 4 часахъ въ недѣлю; въ Эрлангенѣ онъ 2-часовой, въ Берлинѣ и Гиссенѣ—6-часовой, въ Килѣ и Лейпцигѣ—12-часовой (каждое занятіе продолжается 2 часа). Занимающихся рѣдко бываетъ болѣе 20 человекъ, и потому, насколько я знаю, нигдѣ дѣленія на двѣ группы не бываетъ. Но въ большинствѣ университетовъ этотъ курсъ объявляется каждый семестръ, стало быть, два раза въ годъ. Почти вездѣ онъ поставленъ совер-

шенно независимо отъ теоретическаго курса и, насколько мнѣ извѣстно, лишь въ Гиссенѣ ведется параллельно послѣднему. Вслѣдствіе этого, каждое практическое занятіе въ то же время является и лекціей, въ которой занимающемуся сообщаютъ всѣ необходимыя свѣдѣнія; какъ всякія лекціи, онѣ обильно иллюстрируются рисунками на доскѣ, табличами, демонстраціей музейныхъ препаратовъ. Въ Мюнхенѣ проф. Р. Гертвигъ раздаетъ на каждомъ занятіи особыя литографированныя таблицы съ изображеніемъ тѣхъ препаратовъ, которые занимающіеся должны приготовить или рассмотретьъ. Всюду усиленно рекомендуется зарисовывать, хотя не всегда этотъ совѣтъ выполняется.

По существу, мы встрѣчаемъ два типа этого практикума: въ Берлинѣ и Лейпцигѣ это микроскопическій курсъ, въ остальныхъ университетахъ также,—а пожалуй и преимущественно,—микроскопическій. При описаніи Берлинскаго и Лейпцигскаго зоологическихъ институтовъ я привожу подробныя программы ихъ малыхъ практикумовъ. Здѣсь отмѣчу лишь разницу между обѣими программами: между тѣмъ какъ въ Берлинѣ значительное число формъ, какъ позвоночныхъ, такъ и безпозвоночныхъ, проходятся одинаково подробно, при чемъ каждому опредѣляется одно занятіе; въ ненормально обширномъ лейпцигскомъ практикумѣ лягушкѣ отводится усиленное вниманіе и ее изучаютъ болѣе 2 мѣсяцевъ при 12 часахъ въ недѣлю.

Малые практикумы другого типа начинаются обыкновенно съ болѣе или менѣе подробнаго изученія Protozoa; вслѣдъ за этимъ идетъ гистологія и болѣе или менѣе бѣглый обзоръ типовъ животнаго царства. Нѣкоторые изъ этихъ типовъ изучаютъ макроскопически, другіе съ микроскопомъ: разрѣзы обыкновенно даются готовыми. Само собою разумѣется, что въ столь короткихъ курсахъ студенты могутъ познакомиться лишь съ самой элементарной гистологической техникой. Иногда они получаютъ прямо готовые микроскопическіе препараты, которые, по рассмотрѣніи, возвращаются; но обыкновенно имъ предоставляется возможность составить небольшую коллекцію микроскопическихъ препаратовъ. При описаніи Гейдльборгскаго и Гиссенскаго зоологическихъ институтовъ я останавливаюсь подробнѣе на программахъ малаго практикума этого типа.

Большой зоологическій практикумъ предназначается для спеціалистовъ, которые позднѣе намѣрены приступить къ самостоятельной докторской работѣ. Каждый занимающійся получаетъ мѣсто въ лабораторіи и можетъ работать, когда ему удобно въ теченіе всего дня.

Эти занятія болѣе самостоятельны и не требуютъ непрерывнаго руководства со стороны лица, ведущаго курсъ. Иногда каждый занимающійся начинаетъ и ведетъ свои работы совершенно независимо отъ товарищей (Гейдельбергъ); въ другихъ случаяхъ всѣ приступаютъ къ большому практикуму одновременно въ началѣ семестра и ведутъ занятія параллельно. Этотъ курсъ можетъ быть поставленъ вполне независимо отъ малаго практикума, но въ другихъ случаяхъ только прошедшіе послѣдній допускаются къ первому. Продолжительность большого практикума въ разныхъ институтахъ различна; самый обширный курсъ въ Гейдельбергѣ, гдѣ его лишь въ рѣдкихъ случаяхъ при наиболѣе усиленныхъ занятіяхъ успѣваютъ закончить въ три семестра; тамъ, гдѣ этотъ курсъ ведется всѣми студентами параллельно, продолжительность его ограничена обыкновенно двумя семестрами (Берлинъ, Марбургъ и пр.), въ Лейпцигѣ даже однимъ. Въ нѣкоторыхъ институтахъ (въ особенности тамъ, гдѣ ведется обширный малый практикумъ) онъ сокращается еще болѣе — въ Гиссенѣ до краткаго техническаго введенія передъ специальной работой. Иногда онъ совсѣмъ не ведется за отсутствіемъ желающихъ специально работать по зоологіи.

Для того, чтобы дать представленіе о характерѣ и объемѣ большого практикума, я привожу при описаніи Гейдельбергскаго зоологическаго института его подробную программу. Это — программа максимальная; во всѣхъ другихъ институтахъ она подвергнута болѣе или менѣе значительнымъ сокращеніямъ. Тамъ, гдѣ этотъ практикумъ поставленъ хорошо, занимающійся не только знакомится на практикѣ съ организаціей значительнаго числа формъ, но и научается микроскопической техникѣ, такъ какъ большую часть микроскопическихъ препаратовъ онъ отъ начала (т. е. отъ фиксировки) до конца приготовляетъ самъ; въ другихъ случаяхъ онъ получаетъ уже фиксированный матеріалъ. Въ концѣ курса у студентовъ составляется обширная коллекція препаратовъ.

Руководство занятіями поставлено здѣсь слѣдующимъ образомъ. Профессоръ или ассистентъ, выдавая занимающемуся объектъ, разъясняетъ методы обработки и указываетъ, въ какомъ учебникѣ или въ какой специальной работѣ объектъ этотъ описанъ. Коллекція учебниковъ, какъ уже указано, находится въ самой лабораторіи. Ежедневно, по большей части по нѣскольکو разъ въ день, наблюдающій за занятіями обходитъ студентовъ и разъясняетъ ихъ недоразумѣнія. Въ случаѣ необходимости студенты сами могутъ обратиться

къ профессору или ассистенту, по большей части только въ опредѣленные часы. Наблюденіе за ходомъ занятій облегчается тѣмъ, что всѣ разсмотрѣнные препараты зарисовываются студентами.

Тамъ, гдѣ занятія ведутся всѣми студентами параллельно, это достигается тѣмъ, что на изученіе каждой группы животныхъ заранее назначается опредѣленный срокъ, а передъ переходомъ къ слѣдующей группѣ профессоръ дѣлаетъ для всѣхъ слушателей общее введеніе (Марбургскій зоологическій институтъ, а также большой практикумъ въ Берлинскомъ анатомо-біологическомъ институтѣ).

Малый истологическій практикумъ поставленъ въ анатомическомъ институтѣ каждаго германскаго университета, а иногда кромѣ того и въ физиологическомъ или зоологическомъ (Бреславль, Тюбингенъ). Обыкновенная продолжительность его — одинъ семестръ по 6 часовъ въ недѣлю. Курсъ этотъ предназначается для медиковъ и посвященъ главнымъ образомъ микроскопической анатоміи человѣка и позвоночныхъ, при чемъ строенію органовъ въ немъ удѣляется нерѣдко преимущественное вниманіе передъ тканями. Программы этихъ курсовъ въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ мы находимъ въ книгѣ М. М. Гарднера, гдѣ подробно описывается и методика преподаванія. Это та же методика, которую мы видимъ при малыхъ зоологическихъ практикумахъ, съ тѣмъ только отличіемъ, что занимающихся больше, при чемъ иногда приходится дѣлить ихъ на группы или же вести занятія со 100 и болѣе студентами одновременно. Занятія и здѣсь имѣютъ независимый отъ теоретическаго курса характеръ и сопровождаются объясненіями. Студенты получаютъ обыкновенно большое количество готовыхъ разрѣзовъ и составляютъ коллекціи, а техника преподается по большей части элементарно и съ микротомомъ студенты не знакомятся.

Въ нѣкоторыхъ университетахъ, какъ въ Боннѣ (см. Гарднеръ, стр. 158 и сл.), этотъ курсъ раздѣляется на двѣ части: первая — для „начинающихъ“, вторая для „болѣе опытныхъ“. „Начинающие“ получаютъ для разсмотрѣнія совершенно готовые препараты, а въ слѣдующемъ семестрѣ, какъ „болѣе опытные“, научаются технике. Нѣкоторое приближеніе къ методикѣ большого практикума мы замѣчаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда каждый занимающийся получаетъ постоянное мѣсто и можетъ послѣ занятій приходиться въ любое время, чтобы повторить или зарисовать, закончить препаратъ. Эта система принята лишь изрѣдка, тамъ, гдѣ студентовъ немного; всего полнѣе — въ Гейдельбергскомъ анатомическомъ институтѣ. Въ

другихъ случаяхъ наряду съ малымъ мы находимъ *большой истологическій практикумъ* для спеціалистовъ, которые работаютъ каждый на своемъ мѣстѣ ежедневно въ любое время. Главная цѣль такихъ практикумовъ — ознакомить съ болѣе тонкой гистологической техникой. При описаніи Берлинскаго біолого-анатомическаго института я даю подробную программу этого курса. Здѣсь онъ продолжается одинъ семестръ, при чемъ разъ въ недѣлю дается объяснительная лекція и распредѣляется работа на недѣлю. Заканчивающіе этотъ курсъ знакомятся не только съ микротомной техникой, но и съ многими тонкими цитологическими методами до прижизненной и другихъ окрасокъ нервныхъ элементовъ включительно. Конечно, такой курсъ для зоолога имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ вышеописанный малый практикумъ микроскопической анатоміи чловѣка. Но онъ ставится лишь въ рѣдкихъ институтахъ: кромѣ Берлина, если я не ошибаюсь, только въ Бюрцбургѣ и Мюнхенѣ.

Практическія занятія по *сравнительной истологии* ведутся, насколько мнѣ извѣстно, лишь въ Тюбингенскомъ зоологическомъ институтѣ профессоромъ Блохманномъ. Очень рѣдко объявляется также практикумъ *цитологии*. Послѣ извѣстнаго курса Геккера во Фрейбургскомъ зоологическомъ институтѣ, я могу указать лишь небольшой одночасовой курсъ пр.-доц. Вольтерека (R. Woltereck) въ Лейпцигѣ.

Практическія занятія по *эмбриологии* мы находимъ въ большинствѣ германскихъ университетовъ, то въ анатомическомъ, то въ физиологическомъ, то въ зоологическомъ институтѣ. Всѣ эти занятія носятъ обыкновенно характеръ малыхъ практикумовъ и ведутся одинъ семестръ при 2—3 часахъ въ недѣлю. Тамъ, гдѣ этотъ курсъ ведется на медицинскомъ факультетѣ, онъ посвященъ преимущественно позвоночнымъ; въ книгѣ М. М. Гарднера мы находимъ программу такого курса, какъ онъ ведется въ Берлинѣ профессоромъ О. Гертвигомъ (стр. 70 и сл.). При описаніи Марбургскаго зоологическаго института я останавливаюсь подробно на курсѣ *сравнительной эмбриологии*, который поставленъ здѣсь профессоромъ Коршельтомъ. Само собою разумѣется, что въ курсѣ эмбриологии, который ведется разъ въ недѣлю въ теченіе одного семестра, занимающіеся не могутъ сами готовить препараты и получаютъ разрѣзы готовыми, а эмбрионы для цѣльныхъ препаратовъ зафиксированными; но эмбриологическая техника сравнительно несложна и вводитъ ее отдѣльно въ преподаваніе не приходится.

Укажу еще на одинъ практическій курсъ, который былъ постав-

лень, какъ я подробнѣе описываю во второй части, въ Берлинскомъ біолого-анатомическомъ институтѣ приватъ-доцентомъ Ветцелемъ: практическія занятія по *экспериментальной эмбриологій*, гдѣ занимающіеся знакомятся съ методикой этой недавно возникшей научной отрасли.

Въ большинствѣ зоологическихъ институтовъ мы находимъ практическія занятія по *опредѣленію*, преимущественно мѣстной фауны, всегда соединенныя съ экскурсіями. Имъ отводится не болѣе двухъ часовъ въ семестрѣ, при чемъ предметы этихъ занятій по семестрамъ мѣняются. При описаніи Гейдельбергскаго зоологическаго института я привожу списокъ позвоночныхъ, которые были опредѣлены въ теченіе семестра подъ руководствомъ профессора Шуберга. Руководитель на такихъ занятіяхъ даетъ предварительныя необходимыя для опредѣленія свѣдѣнія, разъясняя термины, раздаетъ матеріаль и провѣряетъ правильность наблюденій; студенты пользуются обыкновенно опредѣлителемъ Лейнисса.

Мнѣ остается упомянуть еще объ одномъ курсѣ, который иногда, какъ въ Боннѣ и Гиссенѣ, собираетъ больше студентовъ, чѣмъ всѣ остальные практикумы зоологическаго института; это — практическія занятія по *животнымъ паразитамъ чловѣка*. Курсъ этотъ предназначенъ для медиковъ и носитъ опредѣленный утилитарный характеръ. Онъ ведется, обыкновенно, одинъ семестръ при 2-хъ часахъ въ недѣлю при обычной для Германіи методикѣ малаго практикума.

в) *Эккурсії* студентовъ подъ руководствомъ того или иного преподавателя зоологій мы встрѣчаемъ какъ общее правило во всѣхъ университетахъ Германіи. Ординарнѣе профессора рѣдко руководятъ сами такими экскурсіями, предоставляя ихъ болѣе молодымъ преподавателямъ. Прогулки происходятъ по большей части только лѣтомъ раза 4—6 въ семестръ въ связи съ курсами по опредѣленію мѣстной фауны, по біологій лѣса, біологій моря и т. п. Въ зависимости отъ этого измѣняется, конечно, и научный характеръ экскурсіи. Для нея по соглашенію избирается по большей части праздничный или субботній день, и нерѣдко онѣ затягиваются до поздняго вечера. Такія экскурсіи могутъ болѣе другого объединять студентовъ-специалистовъ, работающихъ въ институтѣ, и тѣсно сближаютъ ихъ съ преподавателями.

г) *Семинаріи* или зоологическіе *коллоквиіи* также широко распространены въ настоящее время. Разъ въ недѣлю, обыкновенно по вечерамъ, студенты и весь преподавательскій персоналъ института собираются для совмѣстной бесѣды въ бібліотекѣ или лабораторіи.

Нерѣдко открыть доступъ для всѣхъ студентовъ, но активное участие принимаютъ, конечно, лишь специалисты. Участіе преподавательскаго персонала различно въ разныхъ случаяхъ: иногда преподаватели только руководятъ семинаріемъ, иногда сами выступаютъ съ рефератами. Методика зоологическихъ семинаріевъ еще не разработана, но мнѣ кажется возможнымъ различать три типа ихъ. 1) Семинарій можетъ быть посвященъ ознакомленію съ новой литературой, при чемъ или завѣдующій распредѣляетъ каждый разъ между участниками болѣе интересныя изъ новыхъ работъ, или участники сами берутъ на себя инициативу, или наконецъ литература заранѣе распредѣлена между ними по тѣмъ или инымъ опредѣленнымъ специальнымъ вопросамъ или по опредѣленнымъ журналамъ (Фрейбургъ, Боннъ). 2) Въ другихъ случаяхъ на семинаріяхъ предметомъ обсуждения выбираютъ болѣе общіе вопросы, по которымъ одинъ изъ участниковъ дѣлаетъ рефератъ и сводку литературы, а другіе также могутъ подготовиться и принять участіе въ преніяхъ (Гёттингенъ). 3) Наконецъ, иногда дѣлаются доклады о собственныхъ работахъ съ демонстраціями (Ростокъ).

Такимъ образомъ семинаріи имѣютъ характеръ маленькаго ученаго общества. Ихъ успѣхъ зависитъ отъ количества работающихъ въ институтѣ специалистовъ, а также отъ интереса и энергіи, которые проявляетъ по отношенію къ нимъ преподавательскій персоналъ.

д) *Самостоятельныя работы.* Для докторскаго экзамена въ Германіи необходимо представить печатную или готовую къ печати диссертацию, къ которой студенты приступаютъ по окончаніи большаго практикума. Темы для такихъ работъ обыкновенно выбираются по соглашенію съ профессоромъ, всего чаще по его указанію, и докторанты работаютъ въ институтѣ при тѣхъ же условіяхъ, какъ и проходящіе большой практикумъ, т. е., имѣютъ постоянное мѣсто и могутъ работать въ любое время. Когда профессоръ обходитъ лабораторію, онъ останавливается у докторантовъ, разсматриваетъ препараты, даетъ совѣты и такимъ образомъ непрерывно слѣдитъ за ходомъ работъ. Въ результатѣ профессоръ нерѣдко имѣетъ больше авторскаго права на диссертацию, чѣмъ самъ докторантъ, хотя степень участія перваго въ разныхъ университетахъ сильно варьируетъ. Но въ большинствѣ случаевъ принято за правило, что написанная работа поступаетъ предварительно къ профессору, который вноситъ самыя разнообразныя поправки, иногда по нѣскольку разъ заставляетъ передѣлывать, и лишь послѣ окончательнаго его разрѣшенія работа поступаетъ въ печать. Въ зависимости отъ научнаго интереса работы

она печатается или въ видѣ отдѣльной брошюры на счетъ автора или въ какомъ-либо журналѣ.

Чтобы дать представленіе о темахъ, на которыя пишутся докторскія сочиненія, я при описаніи нѣкоторыхъ институтовъ помѣщаю списокъ работъ, вышедшихъ изъ нихъ за послѣднее время.

е) *Экзамены* бываютъ двухъ родовъ: государственные и университетскіе. Такъ какъ первые не имѣютъ никакого отношенія къ университету, я буду говорить лишь о послѣднихъ.

Зоологъ, работавшій въ институтѣ опредѣленное число семестровъ и желающій получить степень доктора философіи, обязанъ кромѣ представленія диссертациі сдать устный экзамень по зоологіи и двумъ дополнительнымъ предметамъ, которыми избираются обыкновенно ботаника, палеонтологія или химія, физиологія, философія и т. д. Экзамень этотъ происходитъ въ одинъ день въ любое время въ теченіе семестра въ засѣданіи факультета, т. е. въ присутствіи декана и профессоровъ тѣхъ специальностей, по которымъ экзаменуется докторантъ. Обыкновенно полагается, что экзамень идетъ два учебныхъ часа съ перерывомъ, при чемъ 40 мин. идетъ на главный предметъ и по 20 мин. на дополнительные. Такимъ образомъ спрашиваютъ основательно, но объемъ знаній требуется небольшой, въ объемѣ не крупныхъ университетскихъ учебниковъ. Вообще требуется знать то, что читаетъ профессоръ въ общемъ курсѣ и что онъ въ правѣ требовать отъ прошедшаго большой практикумъ по его программѣ.

6. *Заключеніе.*

Сопоставляя постановку преподаванія зоологіи въ германскихъ и русскихъ университетахъ, мы не можемъ не замѣтить очень крупной разницы въ цѣломъ рядѣ отношеній. И корень этой разницы, какъ мнѣ кажется, лежитъ прежде всего въ различіи типовъ германскаго и русскаго студентовъ.

Въ Германіи студентъ, поступая на философскій факультетъ или на физико-математическое отдѣленіе его, обыкновенно сразу становится спеціалстомъ-зоологомъ, химикомъ или геологомъ. А русскій студентъ въ теченіе всего курса изучаетъ естествознаніе вообще и выбираетъ спеціальность не раньше пятого или даже шестого семестра, т. е. въ то время, когда его германскій товарищъ уже сдаетъ экзамень на доктора. Такой универсальный характеръ занятій русскаго студента вызывается прежде всего, конечно, установленной программой

курсовъ „обязательныхъ“ для всѣхъ занимающихся. Я думаю, однако, что если бы даже эта обязательность была отмѣнена, мы еще долго имѣли бы студентовъ-натуралистовъ въ широкомъ смыслѣ, такъ какъ, насколько мнѣ приходилось подмѣтить, въ Россіи студенты сами обнаруживаютъ гораздо болѣе стремленія къ общему образованію, чѣмъ ихъ нѣмецкіе товарищи. Изъ студентовъ, поступающихъ у насъ на естественный факультетъ, лишь очень немногіе опредѣленно думаютъ о какой-либо карьерѣ, не ищутъ въ университетѣ прежде всего знанія. Что принудительный характеръ общей для всѣхъ естественниковъ программы не играетъ рѣшающей роли, видно изъ того, что нѣкоторые изъ „необязательныхъ“ курсовъ и въ особенности практическихъ занятій привлекаютъ у насъ не меньше занимающихся, чѣмъ „обязательные“ курсы.

Въ результатъ, между тѣмъ какъ въ Германіи, вѣроятно, ни въ одномъ университетѣ на всѣ зоологическіе лекціонные и практическіе курсы вмѣстѣ не записываются одновременно болѣе 150 студентовъ (включая и медиковъ), а обыкновенно даже менѣе 100, иногда какихъ-нибудь 20—30, въ Московскомъ университетѣ лекціи и практическія занятія по зоологій и сравнительной анатоміи обязаны посѣщать до 1000 студентовъ въ одинъ и тотъ же семестръ. Конечно, для всякаго германскаго зоологическаго института оказались бы непосильной задачей поставить преподаваніе для такого огромнаго числа занимающихся. И если въ Россіи эта задача, повидимому, выполняется, то это ни въ какомъ случаѣ нельзя отнести на большую обширность или на особенное богатство русскихъ зоологическихъ институтовъ, если даже и принять во вниманіе, что ихъ при каждомъ университетѣ бываетъ по большей части два, а въ Петербургѣ, если отнести сюда и гистологическій институтъ, состоящій при физико-математическомъ факультетѣ, даже три. Но методика преподаванія въ Россіи значительно ниже, чѣмъ въ Германіи; и притомъ цифра 1000 „обязанныхъ“ посѣщать лекціи зоологій въ Московскомъ университетѣ имѣетъ лишь фиктивное значеніе, такъ какъ, конечно, дѣйствительно посѣщаютъ лекціи менѣе половины этого числа.

Ухудшеніе методовъ преподаванія сказывается въ томъ, что въ то время какъ въ Германіи лекціи отступаютъ на второй планъ въ сравненіи съ практическими занятіями, въ Россіи наоборотъ программы лекціонныхъ курсовъ чрезвычайно расширены, а практическіе поставлены въ ограниченномъ количествѣ для немногихъ студентовъ. Мы видѣли выше, что въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ сту-

денты слушаютъ только одинъ 5 — 6 часовъ курсъ общей зоологіи, продолжающійся одинъ семестръ. Если прибавить къ этому еще какиенибудь частные курсы, или курсъ сравнительной анатоміи, то все-таки, перевода на одинъ семестръ студенту рѣдко приходится слушать въ теченіе всего пребыванія въ университетѣ болѣе 10—12 недѣльныхъ часовъ лекцій. Не то у насъ. Въ Московскомъ университетѣ каждый студентъ, если даже онъ избираетъ своею спеціальностью химію, „обязанъ“ прослушать слѣдующіе курсы:

Введеніе въ зоологію — 2 час. въ недѣлю въ теченіе

2 сем., т. е. перевода на одинъ семестръ	4 нед. час.
Зоологію безпозвоночныхъ 2×4	8 " "
Зоологію позвоночныхъ 2×4	8 " "
Сравнительную анатомію 4×2	8 " "

Итого . . . 28 нед. час.

Если мы прибавимъ сюда еще „необязательныя“ лекціи, которыхъ въ расписаніи бываетъ обыкновенно значительное число, то мы увидимъ, что московскій студентъ выслушиваетъ лекцій вътрое больше, чѣмъ его германскій товарищъ.

Съ другой стороны всѣ практическія занятія по зоологіи необязательны и не всегда появляются въ программѣ, частью какъ приватдоцентскіе курсы; они носятъ характеръ малыхъ практикумовъ, по окончаніи которыхъ студенты приступаютъ обыкновенно къ зачетному сочиненію, спеціальной работѣ.

Мнѣ кажется, что и въ русскихъ университетахъ для преподаванія зоологіи слѣдуетъ раздѣлить студентовъ на двѣ неравныя, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи группы: первую изъ нихъ составить большинство естественниковъ, которые интересуются зоологіей лишь какъ отдѣльною отраслью естествознанія и не думаютъ работать спеціально въ этой области, и также медики, а вторую группу—спеціалисты зоологи. Какъ для той, такъ и для другой группы преподаваніе должно быть поставлено въ формѣ лекцій и практическихъ занятій, которыя безусловно необходимо сдѣлать доступными для всѣхъ желающихъ.

Что касается первой группы, то мнѣ кажется ошибкой предлагать здѣсь обширные и разнообразныя курсы лекцій, и я не вижу основанія, почему бы здѣсь не ограничиться тѣмъ краткимъ 6-ти-часовымъ курсомъ общей зоологіи, который мы находимъ въ большинствѣ герман-

скихъ университетовъ. Этотъ курсъ долженъ быть положенъ въ основу и для спеціалистовъ и дополненъ лишь не слишкомъ длиннымъ курсомъ сравнительной анатоміи, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ Гейдельбергѣ.

Въ настоящее время у насъ, какъ и въ Германіи, распространяется мнѣніе, что чтеніе лекцій при существованіи учебниковъ, обильно снабженныхъ иллюстраціями, отжило свой вѣкъ и должно уступить мѣсто практическимъ занятіямъ, не только въ наукахъ естественныхъ и медицинскихъ, но даже гуманитарныхъ. Это мнѣніе справедливо только отчасти: врядъ ли можно сомнѣваться, что лекціи сохраняютъ важную роль въ преподаваніи, хотя и измѣняютъ свой характеръ. Въ своей превосходной книгѣ „Die deutschen Universitäten und das Universitätsstudium“ проф. Паульсенъ (1902, стр. 240—241) такъ отвѣчаетъ на вопросъ: какова задача лекцій и чѣмъ онѣ не должны быть?

„Курсъ лекцій долженъ дать слушателю, который ищетъ доступа въ науку, живое общее представленіе объ этой наукѣ, взятой въ цѣломъ, и при томъ въ формѣ живого слова въ связанномъ изложеніи одного лица; этотъ курсъ долженъ разъяснить слушателю основныя проблемы и руководящія идеи науки, ея существенное содержаніе и ея методы, равно какъ ея связь съ совокупностью человѣческаго знанія и съ основными задачами человѣческой жизни; такой курсъ вызоветъ въ слушателѣ живой интересъ къ наукѣ и приведетъ его къ самостоятельной работѣ“.

„Съ другой стороны курсъ лекцій не можетъ и не долженъ ставить своей задачей передать слушателю все содержаніе науки, исчерпать весь объемъ фактовъ и проблемъ, мнѣній и спорныхъ вопросовъ, равно какъ исторію и литературу этой науки. Это задача систематическаго руководства. А курсъ, который предназначенъ замѣнить такое руководство, конечно не достигнетъ своей цѣли и всегда уступитъ въ конкуренціи съ печатною книгой“.

Если общему курсу зоологіи и сравнительной анатоміи, сведенному на 10—12 недѣльныхъ часовъ въ одинъ семестръ, еще можно придать характеръ перваго изъ двухъ выставленныхъ Паульсеномъ типовъ, то задача окажется совершенно невыполнимой, если курсъ растянуть на 28 часовъ, когда онъ по объему будетъ соответствовать руководству въ 150—200 печатныхъ листовъ; такой курсъ не смотря на самыя богатыя демонстраціи не выдержитъ конкуренціи съ книгой.

Но чѣмъ меньше лекцій, тѣмъ больше мѣста можно и должно от-

вести практическимъ занятіямъ. Для слушателей, ищущихъ общаго образования, для будущихъ учителей, медиковъ и пр., долженъ быть постановленъ малый практикумъ, доступъ къ которому долженъ быть открытъ для всѣхъ желающихъ. Мы знаемъ, однако, изъ опыта, что среди первокурсниковъ чрезвычайно много такихъ желающихъ, конечно бѣльшая половина изъ всего числа; а вѣдь въ Московскомъ университетѣ на первомъ курсѣ обыкновенно около 250 естественниковъ и столько же медиковъ. Стало быть, въ большомъ русскомъ университетѣ необходимо ставить зоологическіе практикумы на нѣсколько сотенъ человѣкъ,—задача, которой, конечно, не имѣетъ передъ собою ни одинъ изъ германскихъ зоологическихъ институтовъ. Но въ русскихъ университетахъ обыкновенно два института—зоологическій и сравнительно-анатомическій, и они могутъ подѣлить между собою выполнение этой задачи. Къ участию въ постановкѣ и въ веденіи практическихъ курсовъ, кромѣ профессоровъ и ассистентовъ, должны быть привлечены приватъ-доценты. Здѣсь не придется говорить о конкуренціи, такъ какъ и при существованіи параллельныхъ курсовъ каждый руководитель принужденъ дѣлить занимающихся на группы.

Что касается программы малыхъ практикумовъ, то разсматривая оба типа, встрѣчающіеся въ германскихъ университетахъ (см. выше стр. 28) врядъ ли можно удовлетвориться которымъ-либо изъ нихъ. Курсъ исключительно макроскопическій не полонъ, такъ какъ въ настоящее время нельзя, конечно, получить знакомство съ зоологіей, не прибѣгая къ микроскопу. А курсъ смѣшаннаго характера, когда отъ микроскопа приходится переходить къ препаровальнымъ ваннамъ, весьма неудобно вести въ особенности при большомъ количествѣ студентовъ. Было бы удобнѣе одинъ смѣшанный курсъ разбить на два—макроскопическій и микроскопическій, которые могли бы вестись разными преподавателями, независимо другъ отъ друга. Микроскопическій практикумъ будетъ соответствовать такимъ образомъ малому гистологическому практикуму, приспособленному къ интересамъ зоолога.

Оба практикума могутъ быть поставлены сколько-нибудь успѣшно только въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣются достаточно просторныя лабораторіи и достаточное количество инструментовъ. Эта задача была бы сравнительно легко выполнима, если бы въ русскихъ зоологическихъ и сравнительно-анатомическихъ институтахъ существовали такія лабораторіи, которыя мы видимъ, напримѣръ, въ берлинскихъ анатомическихъ институтахъ, гдѣ могутъ работать одновременно по сто студентовъ и гдѣ для этого имѣется достаточное количество микро-

своповъ. Пока послѣднее не будетъ достигнуто, выполнение поставленной задачи возможно лишь при чрезвычайно напряженной работѣ преподавательскаго персонала.

Для специалистовъ-зоологовъ долженъ быть, конечно, и у насъ поставленъ большой зоологическій практикумъ; только тогда преподаваніе зоологии можно будетъ назвать полнымъ. Но найдется ли у русскаго студента естественника время для такого курса при энциклопедическомъ характерѣ его занятій, которому врядъ ли было бы желательно ставить насильственные преграды? И найдется ли у преподавательскаго персонала, обремененнаго малыми практикумами, время и на большой? Что касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то, мнѣ кажется, на него слѣдуетъ отвѣтить утвердительно. Если студентъ приступитъ къ большому зоологическому практикуму въ началѣ второго курса, то въ теченіе двухъ лѣтъ онъ успѣетъ пройти программу, хотя и не такую обширную какъ въ Гейдельбергѣ, не забрасывая въ то же время и другихъ занятій, въ особенности въ химической лабораторіи; а въ концѣ третьяго курса онъ можетъ приступить и къ специальной работѣ, которая займетъ весь послѣдній годъ. Сложнѣе, по моему, второй изъ поставленныхъ выше вопросовъ; и до тѣхъ поръ пока въ многочисленныхъ университетахъ не будетъ устроено обширныхъ лабораторій съ достаточнымъ количествомъ инструментовъ, профессору-завѣдующему институтомъ всегда будетъ предстоять выборъ между правильной постановкой большого или малаго практикумовъ.

Большой практикумъ долженъ быть, конечно, прежде всего зоологическій; но полнота преподаванія зоологии значительно выиграла бы, если бы на ряду съ нимъ былъ поставленъ и тотъ курсъ, который я выше назвалъ большимъ гистологическимъ практикумомъ, т. е. курсъ микроскопической техники. При напряженности преподаванія на нашихъ медицинскихъ факультетахъ врядъ ли можно думать, что зоологи могли бы пройти этотъ курсъ въ гистологическомъ институтѣ; при томъ же мнѣ не приходилось слышать, чтобы въ какомъ-либо изъ этихъ институтовъ былъ поставленъ большой практикумъ, какъ въ Берлинскомъ біолого-анатомическомъ.

Для полноты преподаванія желательна также постановка нѣкоторыхъ малыхъ практикумовъ для специалистовъ. Такъ практическія занятія по опредѣленію мѣстной фауны могли бы, какъ мнѣ кажется, стать въ замѣну большихъ лекціонныхъ курсовъ по систематической зоологии безпозвоночныхъ и позвоночныхъ. Хорошо поставленный малый практикумъ эмбриологии привлекъ бы, вѣроятно, въ большомъ

русскомъ университетѣ не менѣе слушателей среди естественниковъ и медиковъ, чѣмъ въ анатомо-біологическомъ Берлинскомъ институтѣ. Специально для медиковъ должны быть поставлены практическія занятія по паразитамъ, такъ какъ отсутствіе такого курса представляетъ, конечно, большой пробѣлъ въ медицинской программѣ. Тамъ, гдѣ найдутся соотвѣтствующіе преподаватели, было бы весьма полезнымъ организовать практическія занятія или, по крайней мѣрѣ, демонстративныя лекціи по цитологіи и по экспериментальной эмбриологіи, этимъ двумъ новымъ отраслямъ зоологіи, которыя все болѣе и болѣе привлекаютъ къ себѣ интересъ ученыхъ. Что касается теоретическихъ курсовъ, то отсутствіе въ программѣ курса эволюціонной теоріи всегда придется признать очень важнымъ пробѣломъ. Наконецъ, зоологическія экскурсіи и зоологическіе семинаріи являются весьма существеннымъ дополненіемъ къ курсамъ.

Я думаю, что преподаваніе зоологіи въ русскомъ университетѣ только тогда можетъ быть признано полнымъ, когда въ немъ будутъ поставлены всѣ перечисленные выше курсы. Могутъ возразить, что такой полноты не достигаетъ преподаваніе даже ни въ одномъ изъ германскихъ университетовъ. Но тамъ дѣло другое, тамъ такая полнота преподаванія съ одной стороны не необходима, а съ другой она невыполнима практически. Въ Германіи студенты имѣютъ право свободного перехода изъ одного университета въ другой, и гейдельбергскій студентъ можетъ, на примѣръ, проѣхать на одинъ семестръ въ Марбургъ, чтобы пройти тамъ курсъ эмбриологіи, не прерывая своихъ занятій по большому практикуму. А при какомъ-нибудь десяткѣ специалистовъ-зоологовъ, конечно, совершенно невозможно поставить разнообразныя практическіе курсы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи русскіе университеты поставлены въ гораздо лучшія условія, и при большомъ количествѣ естественниковъ лабораторіи будутъ у насъ всегда наполнены. И я убѣжденъ, что наши физико-математическіе факультеты, на которыхъ лежитъ забота о полнотѣ преподаванія, могутъ добиться даже такой широкой его постановки, какъ намѣчено выше, въ особенности если къ выполненію программы пригласятъ приватъ-доцентовъ. Существенныя затрудненія возникнутъ только тамъ, гдѣ нѣтъ помѣстительныхъ лабораторій и достаточнаго количества инструментовъ.

Въ русскихъ университетахъ мы встрѣчаемся съ одною особенностью, которая совершенно чужда университетамъ германскимъ, а именно съ обязательностью нѣкоторыхъ курсовъ для всѣхъ студен-

товъ факультета. Оставляя въ сторонѣ болѣе общій вопросъ, поскольку умѣстна обязательность въ университетскомъ преподаваніи и поскольку она выгодна, я думаю, что къ практическимъ занятіямъ принципъ обязательности совершенно непримѣнимъ. И это не только потому, что во многихъ случаяхъ было бы практически невыполнимо поставить эти занятія въ столь широкихъ размѣрахъ; а главнымъ образомъ на томъ основаніи, что для усгѣшности занятій необходимо дѣйствительный интересъ и добровольный трудъ всѣхъ занимающихся. При веденіи малаго практикума для руководителя было бы весьма тяжело присутствіе въ группѣ изъ 20 человекъ всего трехъ или четырехъ, работающихъ вяло и безъ интереса; отъ этого могла бы пострадать вся группа. И мнѣ кажется, здѣсь не только не должна имѣть мѣста „обязательность“ практическихъ занятій, но преподавателю должно быть предоставлено право устранять неуспѣшныхъ отъ участія въ занятіяхъ. Университетъ не низшая или средняя школа, задача которыхъ дать образованіе всѣмъ, и способнымъ, и неспособнымъ.

Что касается обязательности лекцій, то вопросъ можетъ идти, по моему, лишь относительно двухъ изъ намѣченныхъ выше курсовъ: общей зоологіи и сравнительной анатоміи, но и здѣсь мнѣ казалось бы болѣе правильнымъ, послѣдній курсъ, какъ болѣе спеціальный, оставить необязательнымъ.

Переходя къ зачетнымъ русскимъ сочиненіямъ, мы видимъ, что они по характеру вполне соответствуютъ докторскимъ работамъ въ Германіи, съ тѣмъ лишь исключеніемъ, что послѣднія всегда должны быть напечатаны. У насъ этого обязательства нѣтъ, и, мнѣ кажется, было бы во многихъ отношеніяхъ нежелательно вводить его. Эти первыя полу-учебныя работы лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обогащаютъ литературу, но разъ онѣ напечатаны, они неизбежно засоряютъ ее, что при современномъ разрастаніи зоологической литературы, конечно, большое зло. Я не хочу сказать этимъ, что требованія отъ зачетныхъ работъ у насъ должны быть понижены сравнительно съ германскими. Самостоятельная научная работа, и притомъ не только компилятивная, является конечно, необходимымъ дополненіемъ университетскаго образованія.

Институтъ „оставленныхъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію“ составляетъ отличіе русскихъ университетовъ. Въ Германіи въ настоящее время дорогу къ профессорской кафедрѣ открываютъ исключительно научныя труды. Никакихъ экзаменовъ, соотвѣтствующихъ нашему магистрантскому, тамъ нѣтъ, а чтобы сдѣ-

латься приватъ-доцентомъ и получить *venia legendi*, „докторъ зоологiи“ (степень, соотвѣтствующая нашему „окончившему университетъ“, а прежде „кандидату“) обязанъ лишь представить въ факультетъ научную работу и прочесть двѣ пробныхъ лекціи. Существованіе у насъ института „оставленныхъ при университетѣ“ объясняется съ одной стороны дѣйствительной универсальностью университетскаго образованія и необходимостью спеціализаціи по окончаніи университета, а съ другой недостаточной полной постановкою преподаванія многихъ наукъ, прежде всего практическихъ занятій. Мнѣ кажется, было бы желательнымъ допускать оставленныхъ наравнѣ со студентами къ участию въ практическихъ курсахъ и въ слушаніи лекцій. Такъ, напримѣръ, мнѣ представляется, что это лучшее время для прохожденія большого гистологическаго практикума, а равно нѣкоторыхъ малыхъ практикумовъ не только зоологiи, но и близкихъ къ ней „дополнительныхъ“ наукъ. Конечно, однако, главной работой „оставленныхъ“ должны быть самостоятельныя изслѣдованія, въ которыхъ врядъ ли желателенъ перерывъ.

Въ интересахъ самихъ „готовящихся къ профессорскому званію“ принять участіе въ преподаваніи; и если имъ будетъ предложено участіе въ руководствѣ малыми практикумами для начинающихъ, то польза будетъ обоюдная. Было бы, однако, конечно ошибкой возлагать на оставленныхъ только такъ сказать „черную“ работу, приготовленіе разрѣзовъ и препаратовъ, работу, которую въ германскихъ зоологическихъ институтахъ выполняютъ препараторы или служители. Но на малыхъ практикумахъ слѣдуетъ принять за правило, чтобы при каждыхъ 20 студентахъ было лицо, которое помогало бы при приготовленіи и разсматриваніи препарата. Если въ лабораторіи окажется возможнымъ устроить занятія сразу на 100 человекъ, то профессору необходимы четыре помощника; при двухъ ассистентахъ это могутъ быть два „оставленныхъ“.

Командировки за границу съ ученою цѣлью также составляютъ характерную особенность русскихъ университетовъ. Такія командировки могутъ имѣть громадное вліяніе на развитіе молодого ученаго; но могутъ оказаться и совершенно бесполезными. Весьма важно, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ было совершенно ясно опредѣлена цѣль командировки и чтобы время для нея было удачно выбрано. Командировка можетъ преслѣдовать одну изъ трехъ различныхъ цѣлей: 1) пополнить пробѣлы зоологическаго образованія, 2) познакомиться съ постановкой преподаванія заграницей и 3) заняться

спеціальными изслѣдованіями въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ это можетъ быть сдѣлано дома.

Пополненіе пробѣловъ образованія для молодого русскаго зоолога является иногда совершенно необходимымъ. Въ особенности было бы желательно прохожденіе большихъ практикумовъ, которые у насъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ поставлены нормально. Но для того, чтобы эта цѣль была доступна, необходимо, чтобы командировка слѣдовала немедленно за окончаніемъ университета, когда не пропала охота учиться и еще не выработалось привычки все свободное время посвящать спеціальной работѣ: конечно, приватъ-доценту или сдавшему магистерскій экзаменъ трудно засѣсть за большой практикумъ, хотя бы онъ и сознавалъ пробѣлы своего образованія. Такая командировка должна быть понятно длительной. Иногда это лучший способъ подготовленія къ профессорскому званію для оставшаго при университетѣ.

Другую цѣль командировки, ознакомленіе съ постановкой университетскаго преподаванія за границей, всего скорѣе выполнять, конечно, тѣ лица, которые по опыту знакомы съ постановкой преподаванія въ Россіи, т. е. профессора, доценты и ассистенты. Для выполненія этой цѣли требуется немного времени, нѣсколько мѣсяцевъ. Если бы вошло въ обычай опубликовывать результаты такихъ командировокъ, то изъ описанія музеевъ и институтовъ составился бы весьма цѣнный для постановки преподаванія матеріалъ.

Наконецъ, третья цѣль—веденіе самостоятельныхъ изслѣдованій въ заграничныхъ лабораторіяхъ далеко не такъ просто выполнима, какъ это кажется съ перваго взгляда. Германскія лабораторіи, куда особенно охотно ѣздятъ съ этой цѣлью, далеко не всегда лучше русскихъ приспособлены для спеціалистовъ. Нерѣдко иностранецъ, привыкшій къ обстановкѣ своей лабораторіи, чувствуетъ себя стѣсненнымъ. Правда, онъ можетъ пользоваться при работѣ совѣтами ученаго спеціалиста и научиться нѣкоторымъ спеціальнымъ методамъ. Но, во-первыхъ, спеціалисты не всегда бываютъ хорошими руководителями, а во-вторыхъ, для чловѣка, привыкшаго къ самостоятельной работѣ, постоянный надзоръ за его работой со стороны профессора, привыкшаго руководить докторантскими ученическими работами, не всегда желателенъ, а иногда можетъ повести даже къ несприятному столкновенію. А научиться какому нибудь спеціальному методу можно, конечно, въ теченіе очень короткаго срока, и для этого нѣтъ никакой необходимости оставаться въ лабораторіи цѣлый семестръ.

Вообще мнѣ кажется, что писать въ германскихъ зоологическихъ институтахъ ученныя работы могли бы съ наибольшею пользою и удобствомъ лишь тѣ изъ русскихъ командированныхъ, которые предварительно проходятъ въ той же лабораторіи практикумъ и вообще стоятъ приблизительно на уровнѣ германскихъ студентовъ. Но у насъ принято за правило командировать преимущественно лицъ, имѣющихъ ученныя степени, и тѣ изъ нихъ, которыя отправляются работать въ германскіе зоологическіе и анатомическіе институты, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ находятъ здѣсь подходящую обстановку и остаются довольными. Несравненно болѣе удобствъ для самостоятельныхъ изслѣдованій, и притомъ такихъ удобствъ, которыя нельзя получить въ университетахъ, представляютъ приморскія зоологическія станціи.

Н. Кельцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1902 ГОДУ.

Настоящій отчетъ, составленный по образцу отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости, бывшихъ въ 1894—1901 годахъ, подобно имъ распадается на двѣ главныя части: въ первой показаны результаты испытаній, произведенныхъ ученикамъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, при чемъ первыя отдѣлены отъ вторыхъ, а во второй—результаты испытаній, произведенныхъ посторонними лицами. Въ заключительной (третьей) части отчета сдѣланъ общій сводъ всѣхъ числовыхъ данныхъ, касающихся испытаній зрѣлости отчетнаго года, и приведены данныя относительно возраста молодыхъ людей, признанныхъ зрѣлыми на этихъ испытаніяхъ, равно какъ и относительно того рода дальнѣйшей дѣятельности, который они избрали; сдѣланъ сравнительный обзоръ результатовъ испытаній зрѣлости за время съ 1897 по 1902 годъ, и сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія относительно письменныхъ испытаній зрѣлости, произведенныхъ въ отчетномъ году въ гимназіяхъ Оренбургскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ и Туркестанскаго края.

I.

1. Въ 1902 году испытанія зрѣлости были произведены въ 194-хъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, въ которыхъ состояло учениковъ VIII класса 5.057 ¹⁾. Распредѣленіе учебныхъ заведеній и учениковъ VIII класса по учебнымъ округамъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

---

¹⁾ Въ отчетномъ году были произведены первые выпуски изъ Ахтырской гимназіи Харьковскаго учебнаго округа, изъ Стародубской гимназіи Кіевского учеб-

Учебные округи.	Число учеб- ныхъ заве- деній.	Число уче- никовъ VIII класса.
Московскій	29 ¹⁾	816
С.-Петербургскій	28 ²⁾	778
Кіевскій	23	671
Одесскій	21	515
Харьковскій	19	461
Варшавскій	21	439
Кавказскій	11	381
Віленскій	10	257
Казанскій	10	255
Рижскій	10	223
Оренбургскій	5	113
Западно-Сибирскій	3	77
Туркестанскій край	2	39
Восточная Сибирь	2	32
Всего	194	5.057

Изъ общаго числа учениковъ VIII класса состояло:

въ 184 правительственныхъ гимназіяхъ	4.864 (96,2%)
„ 5 церковныхъ училищахъ	90 (1,8%)
„ 5 частныхъ гимназіяхъ	103 (2,0%)

наго округа и Новороссійской гимназіи Кавказскаго учебнаго округа; первыя двѣ были преобразованы въ 1900 году изъ бывшихъ 6-ти классныхъ прогимназій, а третья преобразована въ 1898 году изъ бывшей 4-хъ классной прогимназіи. Такимъ образомъ общее число учебныхъ заведеній, въ которыхъ были произведены въ отчетномъ году испытанія зрѣлости, увеличилось до 194, не считая трехъ гимназій (Читинской, Благовѣщенской и Владивостокской), находящихся въ вѣдѣніи окружнаго инспектора училищъ Приамурскаго края, отъ котораго не доставлено никакихъ свѣдѣній объ испытаніяхъ зрѣлости отчетнаго года.

¹⁾ Правительственныхъ гимназій—26, считая въ этомъ числѣ и гимназическое отдѣленіе Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ и Александровскій дворянскій институтъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, 1 училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла и 2 частныхъ гимназіи Креймана и Поливанова въ Москвѣ.

²⁾ Правительственныхъ гимназій—21, считая въ этомъ числѣ и гимназію Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ; 4 училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій (св. Петра, св. Анны, св. Екатерины и при реформатскихъ церквахъ) и 3 частныхъ гимназіи (Гуревича, Мая и Влдемана) въ С.-Петербургѣ.

По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ VIII класса увеличилось какъ въ правительственныхъ и частныхъ гимназіяхъ, такъ и въ церковныхъ училищахъ: въ первыхъ на 342 человекъ, во вторыхъ на 5 человекъ, въ третьихъ на 7 человекъ, всего на 354 человекъ.

Наибольшее число учениковъ VIII класса было въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа: въ среднемъ 34,6 на одну гимназію, а наименьшее въ гимназіяхъ Восточной Сибири: въ среднемъ 16 на одну гимназію; остальные округа по среднему числу учениковъ VIII класса на одну гимназію слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Кіевскій (29,2), Московскій (28,1), С.-Петербургскій (27,8), Виленскій и Западно-Сибирскій (25,7), Казанскій (25,5), Одесскій (24,5), Харьковскій (24,3), Оренбургскій (22,6), Рижскій (22,3), Варшавскій (20,9), Туркестанскій край (19,5).

2. Изъ 4.864 учениковъ, находившихся въ VIII классѣ правительственныхъ гимназій, къ испытаніямъ зрѣлости не были допущены 42 (0,9%) по малоуспѣшности въ ученіи за послѣднее время пребыванія въ гимназій и 1 по нравственной незрѣлости. Сравнительныя числовыя данныя, касающіяся недопущенныхъ по первой изъ этихъ причинъ къ испытаніямъ зрѣлости учениковъ правительственныхъ гимназій, мы видимъ, что, не считая Оренбургскаго, Харьковскаго и Западно-Сибирскаго учебныхъ округовъ, въ которыхъ, равно какъ въ гимназіяхъ Восточной Сибири и Туркестанскаго края, не было ни одного случая недопущенія къ испытаніямъ по малоуспѣшности, въ наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ были Московскій, Одесскій и Рижскій округа, для которыхъ процентное отношеніе числа недопущенныхъ къ испытаніямъ по этой причинѣ къ общему числу учениковъ VIII класса выражается числомъ 0,4; за нимъ слѣдуютъ округа: Кавказскій—0,5, С.-Петербургскій—0,6, Кіевскій—0,7, Виленскій—1,2, Казанскій—2,0 и Варшавскій—3,9. По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ, недопущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости по малоуспѣшности, уменьшилось на 15 человекъ, или на 0,4%. Кроме того, испытаніе зрѣлости отсрочено на одинъ годъ 21 ученику по болѣзни, 4 за нарушеніе правилъ объ испытаніяхъ (§ 63), 5 не явилось къ испытаніямъ или отказались отъ нихъ, 1 умеръ во время испытаній. Всего было устранено отъ испытаній по разнымъ причинамъ 74 ученика правительственныхъ гимназій, что составляетъ 1,5% всего числа учениковъ, бывшихъ въ VIII классѣ (на 0,3 меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году).

Въ церковныхъ училищахъ не было ни одного случая устранения отъ испытаній зрѣлости по малоуспѣшности въ учени; въ частныхъ же гимназіяхъ по этой причинѣ не были допущены къ испытаніямъ зрѣлости 4 ученика (4,9%), а 1 выбылъ до начала испытаній. По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ частныхъ гимназій, недопущенныхъ къ испытаніямъ по малоуспѣшности, уменьшилось на 4 (или на 3,3%).

Сводя эти числовыя данныя вмѣстѣ, получимъ общій итогъ учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи, устраненныхъ по разнымъ причинамъ отъ испытаній зрѣлости въ отчетномъ году:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	74 (1,5%)
„ церковныхъ училищахъ	— —
„ частныхъ гимназіяхъ	5 (4,9%)
<hr/>	
Всего	79 (1,6%) ¹⁾ .

Исключая это число изъ общаго числа учениковъ VIII класса, получимъ слѣдующія данныя, показывающія число учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости въ отчетномъ году и подвергавшихся имъ:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	4.790 (98,5%)
„ церковныхъ училищахъ	90 (100,0%)
„ частныхъ гимназіяхъ	98 (95,1%)
<hr/>	
Всего	4.978 (98,4%)

3. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали эти испытанія и получили аттестаты зрѣлости 4.694 (98%), считая въ этомъ числѣ и тѣхъ 3-хъ учениковъ (2 въ С.-Петербургскомъ и 1 въ Киевскомъ учебныхъ округахъ), которымъ, въ виду ихъ болѣзненнаго состоянія, съ особаго разрѣшенія высшаго начальства, были выданы аттестаты зрѣлости безъ испытаній. Наилучшіе результаты дали испытанія, произведенныя въ гимназіяхъ Туркестанскаго края, въ которыхъ всѣ ученики, допущенные къ испытаніямъ, выдержали ихъ успѣшно. Что же касается

¹⁾ По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ учениковъ VIII класса, устраненныхъ отъ испытаній, нѣсколько уменьшился: въ 1901 году такихъ учениковъ было 91 (1,9%).

остальныхъ округовъ, то порядокъ ихъ, опредѣляемый процентнымъ отношеніемъ числа учениковъ, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, къ общему числу учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ, слѣдующій: Казанскій (99,6), С.-Петербургскій (99,2), Одесскій (98,8), Западно-Сибирскій (98,7), Московскій (98), Кавказскій (97,9), Рижскій (97,7), Харьковскій и Кіевскій (97,6), Виленскій (97,2), Восточная Сибирь (96,9), Оренбургскій (96,4), Варшавскій (96,2).

Если же взять отношеніе числа учениковъ, успѣшно выдержавшихъ испытанія, къ общему числу правительственныхъ гимназій въ каждомъ отдѣльномъ округѣ, то окажется, что наибольшее число аттестатовъ зрѣлости было выдано гимназіями Кавказскаго учебнаго округа—33,5 на одну гимназію; порядокъ остальныхъ округовъ слѣдующій: С.-Петербургскій (29,7), Московскій (28,7), Кіевскій (28,1), Западно-Сибирскій (25,3), Казанскій (24,9), Виленскій (24,4), Одесскій (23,9), Харьковскій (23,6), Оренбургскій и Рижскій (21,2), Туркестанскій край (19,5), Восточная Сибирь (15,5), а въ общемъ, по отношенію ко всей Имперіи, приходится на одну гимназію 25,5 аттестата зрѣлости. По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ, въ которомъ изъ 4.443 учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали ихъ 4.336 или 97,6%, результаты испытаній отчетнаго года нѣсколько лучше, такъ какъ процентъ выдержавшихъ испытанія повысился на 0,4.

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ, выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости: въ первыхъ 88 (97,8%), во вторыхъ 97 (99%). Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ процентъ выдержавшихъ испытанія учениковъ этихъ учебныхъ заведеній нѣсколько измѣнился: въ церковныхъ училищахъ понизился на 2,2, въ частныхъ гимназіяхъ повысился на 0,2.

Общій итогъ учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, слѣдующій:

въ правительственныхъ гимназіяхъ. . .	4.694
„ церковныхъ училищахъ	88
„ частныхъ гимназіяхъ	97
<hr/>	
Всего	4.879,

что составляетъ 98% всего числа учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости. Въ предыдущемъ году этотъ процентъ былъ нѣсколько меньше: изъ 4.612 учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости 4.504 или 97,7%.

4. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, выдержавшихъ испытанія зрѣлости, были награждены медалями: золотыми—473, серебряными—336, всего 809 учениковъ (17,2%). По отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ округамъ процентъ учениковъ, награжденныхъ медалями, слѣдующій: Туркестанскій край—23,1, Кіевскій округъ—21,5, Харьковскій—19,4, Московскій—19,2, С.-Петербургскій—19,1, Казанскій—17,3, Одесскій—17,2, Восточная Сибирь—16,1, Виленскій—15,2, Рижскій—13,7, Оренбургскій и Западно-Сибирскій—13,2, Варшавскій—12,8, Кавказскій—9,5.

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій этого отличія были удостоены: въ первыхъ 22 (25%), во вторыхъ 8 (8,2%), всего 30 учениковъ, изъ которыхъ 18 получили золотыя, а 12—серебряныя медали.

Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи въ отчетномъ году учениковъ, награжденныхъ медалями, было:

	Золотыми.	Серебряными.	Всего.
въ правительственныхъ гимназіяхъ	473	336	809
„ церковныхъ училищахъ . . .	13	9	22
„ частныхъ гимназіяхъ	5	3	8
Всего	491	348	839 (17,2%)

Въ отчетномъ году процентъ учениковъ, награжденныхъ медалями, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, повысился, какъ въ общемъ выводѣ для всѣхъ учебныхъ заведеній (былъ 15,1), такъ и для правительственныхъ гимназій (былъ 15,2), и церковныхъ училищъ (былъ 15,8), а для частныхъ гимназій понизился (былъ 10,5).

5. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, не выдержали этихъ испытаній 96 (2,%) . Наибольшій процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ приходится на Варшавскій учебный округъ (3,8%), а наименьшій—на Казанскій (0,4%), не считая гимназій Туркестанскаго края, въ которыхъ всѣ ученики, допущенные къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали ихъ успѣшно. Что же касается остальныхъ округовъ, то порядокъ

ихъ, опредѣляемый процентнымъ отношеніемъ числа учениковъ, не выдержавшихъ испытаній, къ общему числу учениковъ, подвергавшихся имъ, слѣдующій: Оренбургскій (3,6), Восточная Сибирь (3,1), Виленскій (2,8), Харьковскій и Кіевскій (2,4), Рижскій (2,3), Кавказскій (2,1), Московскій (2,0), Западно-Сибирскій (1,3), Одесскій (1,2), С.-Петербургскій (0,8).

По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ правительственныхъ гимназій понижился какъ въ общемъ (2,0 вмѣсто 2,4), такъ и по отношенію къ округамъ: С.-Петербургскому, Казанскому, Одесскому, Кіевскому, Виленскому, Рижскому и Кавказскому (наибольшее пониженіе произошло въ Кавказскомъ округѣ — на 2,1); въ остальныхъ округахъ онъ повысился (наибольшее повышеніе произошло въ Западно-Сибирскомъ учебномъ округѣ—на 1,3), за исключеніемъ гимназій Туркестанскаго края, въ которыхъ, какъ и въ 1901 году, не было вовсе не выдержавшихъ испытаній учениковъ VIII класса.

Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ всѣми (96) учениками правительственныхъ гимназій, не выдержавшими испытаній зрѣлости, доходитъ до 170, изъ которыхъ 100 (58,8%) были получены на письменныхъ испытаніяхъ, а остальные 70 (41,2%)—на устныхъ испытаніяхъ. Наибольшее число такихъ отмѣтокъ приходится на математику, по которой было получено неудовлетворительныхъ отмѣтокъ 73 (52 на письменныхъ и 21 на устныхъ испытаніяхъ); затѣмъ слѣдуютъ предметы: русскій языкъ—62 (48 на письменныхъ и 14 на устныхъ испытаніяхъ), исторія—15, латинскій языкъ—10, греческій языкъ—8, новые иностранные языки—2. По отношенію къ отдѣльнымъ округамъ наибольшее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ было получено учениками гимназій Московскаго округа: 18 на письменныхъ и 13 на устныхъ испытаніяхъ, всего 31, что составляетъ 18,2% всего числа неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, или въ среднемъ — 2,1 на каждаго изъ 15 учениковъ, не выдержавшихъ испытаній зрѣлости въ гимназіяхъ этого округа. Порядокъ остальныхъ округовъ, расположенныхъ по степени уменьшенія числа неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, слѣдующій: Варшавскій — 27 (15,9%), Харьковскій — 23 (13,5%), Кіевскій — 20 (11,8%), Кавказскій—17 (10,0%), Виленскій — 11 (6,5%), С.-Петербургскій и Одесскій — 10 (5,9%), Оренбургскій — 8 (4,7%), Рижскій—5 (2,9%), Восточная Сибирь — 4 (2,3%), Западно-Сибирскій—3 (1,8%), Казанскій—1 (0,6%).

По сравненію съ предыдущимъ годомъ общее число неудовлетворительныхъ отбѣтокъ уменьшилось на 8, при чемъ въ среднемъ на каждаго изъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ правительственныхъ гимназій приходится нѣсколько больше, чѣмъ въ 1901 году: 1,8 вмѣсто 1,7. Что же касается отдѣльныхъ предметовъ, то число неудовлетворительныхъ отбѣтокъ увеличилось по математикѣ (на 18) и по латинскому языку (на 2), а по остальнымъ предметамъ уменьшилось: по русскому языку на 20, по греческому языку на 3, по исторіи и по новымъ иностраннымъ языкамъ на 2, по Закону Божию на 1.

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, не выдержали этихъ испытаній: въ первыхъ—2, получившіе 3 неудовлетворительныя отбѣтки на письменныхъ испытаніяхъ по русскому языку и математикѣ и на устныхъ испытаніяхъ по математикѣ; во вторыхъ 1 ученикъ, получившій 2 неудовлетворительныя отбѣтки по латинскому языку и исторіи. По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ церковныхъ училищъ увеличился на 2,2, а частныхъ гимназій уменьшился на 0,2.

Общій итогъ не выдержавшихъ испытаній зрѣлости учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній слѣдующій:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	96
„ церковныхъ училищахъ	2
„ частныхъ гимназіяхъ	1
	<hr/>
Всего	99,

что составляетъ 2% всего числа учениковъ, допущенныхъ къ испытанію зрѣлости ¹⁾).

6. Если къ этому числу прибавить показанное выше число учениковъ VIII класса, устранившихся по разнымъ причинамъ отъ испытаній зрѣлости, то получится сумма, показывающая общее число учениковъ, которые были лишены возможности поступить въ отчетномъ году въ высшія учебныя заведенія вслѣдствіе неполученія аттестатовъ зрѣлости. Такихъ учениковъ было:

¹⁾ Въ отчетномъ году процентъ учениковъ, не выдержавшихъ испытаній зрѣлости, нѣсколько уменьшился сравнительно съ предыдущимъ годомъ, въ которомъ изъ 4.612 учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, не выдержали ихъ 108 (2,3%).

въ правительственныхъ гимназіяхъ	170 (3,5%)
„ церковныхъ училищахъ	2 (2,2%)
„ частныхъ гимназіяхъ	6 (5,8%)

Всего 178,

что составляетъ 3,5% всего числа учениковъ, находившихся въ VIII классѣ предъ началомъ испытаній:

изъ этого числа умеръ во время испытаній изъ учениковъ правительственныхъ гимназій 1

выбыли со свидѣтельствами (на основаніи § 80 прав. объ испыт. или вслѣдствіе перехода въ другія учебныя заведенія):

въ правительственныхъ гимназіяхъ	39
„ церковныхъ училищахъ	2
„ частныхъ гимназіяхъ	2
	44

остались на 2-й годъ въ VIII классѣ:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	130
„ церковныхъ училищахъ	—
„ частныхъ гимназіяхъ	4
	134

Всего 178

II.

Постороннихъ лицъ, заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости въ 1902 году, было 931 (сравнительно съ предыдущимъ годомъ на 292 чел. болѣе). Распределеніе ихъ по учебнымъ округамъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Кіевскій	185 (19,9%)
Одесскій	162 (17,4%)
С.-Петербургскій	146 (15,7%)
Харьковскій	83 (8,9%)
Кавказскій	77 (8,3%)

Московскій	72 (7,7%)
Варшавскій	62 (6,6%)
Казанскій	45 (4,8%)
Рязскій	29 (3,1%)
Віленскій	27 (2,9%)
Восточная Сибирь	16 (1,7%)
Оренбургскій	15 (1,6%)
Западно-Сибирскій	6 (0,7%)
Туркестанскій край	6 (0,7%)

Всего. 931

Изъ нихъ не были допущены къ испытаніямъ на основаніи § 51 правилъ объ испытаніяхъ: по п. а—5, по п. г—30, всего 35 человекъ. Кроме того, не явились къ испытаніямъ: по болѣзни—10, по домашнимъ обстоятельствамъ—1 и по невѣстнымъ причинамъ—47, всего 58 человекъ. Такимъ образомъ изъ всего числа постороннихъ лицъ, заявившихъ желаніе подвергнуться въ отчетномъ году испытаніямъ зрѣлости, были устранены или добровольно отказались отъ нихъ 93 человека (10,0%), а въ дѣйствительности подвергались имъ 838 (90,0%).

Изъ нихъ выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости 421 человекъ, — что составляетъ 50,2% всего числа постороннихъ абитуриентовъ, подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости (по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 6,2 меньше). Наибольшій процентъ ихъ приходится на Казанскій учебный округъ (79,1%); остальные округа можно расположить въ слѣдующемъ порядкѣ: Западно-Сибирскій (66,7%), Туркестанскій край (66,7%), Московскій (60,6%), Кавказскій (58,1%), Віленскій (56,0%), С.-Петербургскій (53,9%), Оренбургскій (53,8%), Восточная Сибирь (53,8%), Одесскій (47,6%), Кіевскій (42,9%), Харьковскій (42,0%), Рязскій (41,7%), Варшавскій (33,3%).

Не выдержали испытаній зрѣлости изъ числа постороннихъ абитуриентовъ 417 человекъ (49,8%—по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 6,2 больше). По отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ округамъ процентъ не выдержавшихъ испытаній постороннихъ лицъ слѣдующій: Варшавскій—66,7, Рязскій—58,3, Харьковскій—58,0, Кіевскій—57,1, Одесскій—52,4, Восточная Сибирь—46,2, Оренбургскій—46,2, С.-Петербургскій—46,1, Віленскій—44,0, Кавказскій—41,9, Московскій—

39,4, Туркестанскій край — 33,3, Западно-Сибирскій — 33,3, Казанскій—20,9.

Общее число неудовлетворительныхъ отбѣтокъ, полученныхъ всѣми 417 посторонними абитуриентами, не выдержавшими испытаній, было 660, изъ которыхъ большая часть—56,7% (374 отм.) была получена на письменныхъ испытаніяхъ, остальные—43,3% (286 отм.)—на устныхъ испытаніяхъ. Наиболѣе неудовлетворительно подготовленными оказались посторонніе абитуриенты по русскому языку, по которому было получено ими всего 241 неудовлетворительная отбѣтка (207 на письменныхъ и 34 на устныхъ испытаніяхъ); затѣмъ слѣдуютъ предметы: математика—226 такихъ отбѣтокъ (167 на письменныхъ и 59 на устныхъ испытаніяхъ), исторія—40, физика и математическая географія—39, латинскій языкъ—33, греческій языкъ—27, логика—21, географія—15, новыя иностранныя языки—13, Законъ Божій—5. По сравненію съ предыдущимъ годомъ общее число неудовлетворительныхъ отбѣтокъ, полученныхъ посторонними абитуриентами, оставшись безъ измѣненія въ среднемъ выводѣ на каждого изъ не выдержавшихъ испытаній (1,6), увеличилось какъ въ общемъ итогѣ (на 273), такъ и по отношенію ко всѣмъ предметамъ испытанія (по русскому языку на 99, по математикѣ на 81, по исторіи на 20, по физикѣ на 19, по латинскому языку на 16, по греческому языку на 15, по новымъ иностраннымъ языкамъ на 12, по логикѣ на 9, по географіи на 2), за исключеніемъ Закона Божія, по которому оно не измѣнилось (5). Если же взять среднее число неудовлетворительныхъ отбѣтокъ, полученныхъ посторонними абитуриентами въ каждомъ отдѣльномъ округѣ, то окажется, что хуже остальныхъ были подготовлены къ испытаніямъ посторонніе абитуриенты въ Туркестанскомъ краѣ, въ которомъ на каждого изъ 2 лицъ, не выдержавшихъ испытаній, приходится въ среднемъ по 3,5 отбѣтки. Затѣмъ слѣдуютъ посторонніе абитуриенты Оренбургскаго округа (2,3 отм.), Московскаго и Кавказскаго (1,8 отм.), Виленскаго и Восточной Сибири (1,7 отм.), Киевскаго (1,6 отм.), С.-Петербургскаго, Харьковскаго, Одесскаго и Рижскаго (1,5 отм.), Варшавскаго (1,4 отм.), Казанскаго (1,3 отм.), Западно-Сибирскаго (1 отм.).

III.

Въ заключеніе представимъ общій сводъ всѣхъ числовыхъ данныхъ, касающихся испытаній зрѣлости 1902 года.

1) Предъ началомъ испытаній состояло учениковъ VIII класса:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	4.864
„ церковныхъ училищахъ	90
„ частныхъ гимназіяхъ	103
	<hr/>
	5.057

Подано прошеній о допущеніи къ испытаніямъ

зрѣлости посторонними лицами	931
--	-----

Всего было абитуриентовъ въ отчетномъ году 5.988

2) Къ испытаніямъ не были допущены или добровольно отказались отъ нихъ:

ученики правительственныхъ гимназій	74
„ церковныхъ училищъ	—
„ частныхъ гимназій	5
	<hr/>
	79

постороннія лица	93
----------------------------	----

Всего было устранено отъ испытаній по

разнымъ причинамъ . . . . . 172 (2,9%).

3) Подвергались испытаніямъ:

ученики правительственныхъ гимназій	4.790
„ церковныхъ училищъ	90
„ частныхъ гимназій	98
	<hr/>
	4.978

постороннія лица	838
----------------------------	-----

Всего подвергалось испытаніямъ . . . . . 5.816 (97,1%).

4) Не выдержали испытаній:

ученики правительственныхъ гимназій	96
„ церковныхъ училищъ	2
„ частныхъ гимназій	1
	<hr/>
	99

постороннія лица	417
----------------------------	-----

Всего не выдержало испытаній . . . . . 516 (8,9%).

5) Выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости:

ученики правительственныхъ гимназій	4.694
„ церковныхъ училищъ	88
„ частныхъ гимназій	97
	4.879
постороннія лица	421

Всего выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости было . 5.300 (91,1%).

Сопоставляя результаты испытаній зрѣлости отчетнаго года съ результатами предшествовавшаго года, поскольку они выражаются числовыми данными, мы должны сдѣлать слѣдующее заключеніе: такъ какъ въ отчетномъ году число не выдержавшихъ испытаній нѣсколько увеличилось (8,9% вмѣсто 6,7%), а число выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости уменьшилось (91,1% вмѣсто 93,3%), то результаты испытаній зрѣлости 1902 года должны быть признаны въ общемъ менѣе благопріятными, чѣмъ въ 1901 году, хотя въ частности, по отношенію къ правительственнымъ и частнымъ гимназіямъ, эти испытанія были нѣсколько успѣшнѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году.

Если же взять для сравненія не одинъ предшествовавшій годъ, а все предшествовавшее пятилѣтіе (1897—1901), то, какъ видно изъ приложенной къ отчету сводной вѣдомости (№ 5), отчетный годъ, превосходя своихъ предшественниковъ въ количественномъ отношеніи— по общему числу абитуриентовъ (учениковъ VIII класса и постороннихъ лицъ) ¹⁾ и тѣхъ изъ нихъ, которые выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости ²⁾, въ качественномъ отношеніи, по конечнымъ результатамъ испытаній, произведенныхъ ученикамъ VIII класса и постороннимъ лицамъ, стоитъ ниже всѣхъ предыдущихъ годовъ истекшаго пятилѣтія ³⁾.

Такой неблагопріятный результатъ испытаній зрѣлости отчетнаго года объясняется прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ году степень подготовки постороннихъ абитуриентовъ была значительно хуже, чѣмъ въ предыдущемъ году, и процентъ тѣхъ изъ нихъ, которые ус-

¹⁾ Въ 1897 г.—4.541, въ 1898 г.—4.657, въ 1899 г.—4.713, въ 1900 г.—4.976, въ 1901 г.—5.342, въ 1902 г.—5.988.

²⁾ Въ 1897 г.—4.056, въ 1898 г.—4.162, въ 1899 г.—4.165, въ 1900 г.—4.378, въ 1901 г.—4.814, въ 1902 г.—5.300.

³⁾ Въ 1897 г.—92,9%, въ 1898 г.—92,5%, въ 1899 г.—92,1%, въ 1900 г.—91,7%, въ 1901 г.—93,3%, въ 1902 г.—91,1%.

тѣмъ выдержали эти испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости, не достигаетъ даже размѣра средняго процента за всѣ предыдущія пять лѣтъ ¹⁾). Помимо этого, и въ церковныхъ училищахъ степень успѣшности произведенныхъ въ нихъ испытаній зрѣлости, поднявшаяся въ предыдущемъ году до высшаго уровня (100%), въ отчетномъ году понизилась настолько, что процентъ тѣхъ учениковъ этихъ училищъ, которые выдержали испытанія и получили аттестаты зрѣлости, только немногимъ (на 0,9) превышаетъ размѣръ средняго процента такихъ учениковъ за все предыдущее пятилѣтіе ²⁾). Что же касается гимназій (правительственныхъ и частныхъ), то по отношенію къ нимъ отчетный годъ можетъ быть названъ вполне благопріятнымъ, такъ какъ произведенныя въ нихъ въ этомъ году испытанія зрѣлости дали результаты, безусловно превосходящіе результаты таковыхъ испытаній предыдущихъ лѣтъ, и процентъ тѣхъ учениковъ этихъ учебныхъ заведеній, которые успѣшно выдержали испытанія и получили аттестаты зрѣлости, выше процента такихъ учениковъ за все предыдущее пятилѣтіе ³⁾). И въ общемъ выводѣ для учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній результаты испытаній зрѣлости отчетнаго года могутъ быть названы благопріятными, такъ какъ процентъ учениковъ, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, выше, чѣмъ во всѣ годы истекшаго пятилѣтія ⁴⁾).

Что касается возраста молодыхъ людей, удостоенныхъ въ отчетномъ году аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости, то, какъ видно изъ приложенной къ отчету вѣдомости № 3, наименьшее число тѣхъ изъ нихъ, которые обучались въ правительственныхъ и частныхъ гимназіяхъ, приходится на 17-лѣтній возрастъ: такихъ было въ правительственныхъ гимназіяхъ 212 (4,52%), въ частныхъ гимназіяхъ 9 (9,3%), а наибольшее число было: въ правительственныхъ гимназіяхъ

¹⁾ Въ 1897 г.—48,7%, въ 1898 г.—49,9%, въ 1899 г.—46,5%, въ 1900 г.—50,6% въ 1901 г.—56,1% въ 1902 г.—50,2%.

²⁾ Въ 1897 г.—96,1% въ 1898 г.—98,6% въ 1899 г.—93,7% въ 1900 г.—96,5% въ 1901 г.—100% въ 1902 г.—97,8%.

³⁾ Въ правительственныхъ гимназіяхъ: въ 1897 г.—96,6% въ 1898 г.—97,1% въ 1899 г.—97,8% въ 1900 г.—97% въ 1901 г.—97,6% въ 1902 г.—98%; въ частныхъ гимназіяхъ: въ 1897 г.—97,7% въ 1898 г.—93,6% въ 1899 г.—96,7% въ 1900 г.—92% въ 1901 г.—98,8% въ 1902 г.—99%.

⁴⁾ Въ 1897 г.—96,6% въ 1898 г.—97% въ 1899 г.—97,7% въ 1900 г.—96,9% въ 1901 г.—97,7% въ 1902 г.—98%.

19-лѣтнихъ—1317 (28,06%), въ частныхъ гимназіяхъ въ возрастѣ 21 года и болѣе—31 (32,00%); въ церковныхъ же училищахъ наименьшее число изъ окончившихъ курсъ было въ возрастѣ 21 года и болѣе, а наибольшее—въ возрастѣ 18 лѣтъ: первыхъ было всего 4 (4,5%), вторыхъ 32 (36,4%). Изъ постороннихъ абитуриентовъ наибольшій процентъ приходится на молодыхъ людей, имѣвшихъ 21 и болѣе лѣтъ: такихъ было всего 297 (70,6%), а наименьшій—на имѣвшихъ 17 лѣтъ: такихъ было всего 3 (0,7%). Распределение по возрасту всѣхъ абитуриентовъ, получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости, показано въ слѣдующей таблицѣ:

Возрастъ.	Правительств. гимназій.	Церковныя училища.	Частныя гимназій.	Постороннія лица.	Всего.
17 лѣтъ . . .	212(4,52%)	6(6,8%)	9(9,3%)	3(0,7%)	230(4,34%)
18 " . . .	979(20,85%)	32(36,4%)	20(20,6%)	21(4,7%)	1.051(19,83%)
19 " . . .	1.317(28,06%)	31(35,3%)	14(14,4%)	33(9,0%)	1.400(26,42%)
20 " . . .	1.096(23,35%)	15(17,0%)	23(23,7%)	63(15,0%)	1.197(22,58%)
21 и болѣе лѣтъ.	1.088(23,18%)	4(4,5%)	31(32,0%)	297(70,6%)	1.420(26,79%)
Неизв. возраст.	2(0,04%)	—	—	—	2(0,04%) ^{*)}
Всего . . .	4.694	88	97	121	5.300

Распределение абитуриентовъ 1902 года, получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости, по избранной ими специальности, показано въ приложенной къ отчету вѣдомости № 4.

Большинство ихъ выразило намѣреніе продолжать научное образованіе въ университетахъ	4.041 (76,24%)
Въ высшія спеціальныя заведенія желали поступить	1.008 (19,02%)
Предполагали посвятить себя практической дѣятельности	155 (2,92%)
Не дали свѣдѣній объ избранной специальности	96 (1,82%)
Всего	5.300

Въ 1-й группѣ большинство принадлежитъ тѣмъ молодымъ людямъ, которые пожелали поступить на физико-математическія факультеты университетовъ.

Такихъ было 1.385 (34,3%)

^{*)} Подъ рубрикою «неизвѣстнаго возраста» показаны двое бывшихъ учениковъ одной изъ правительственныхъ гимназій С.-Петербургскаго учебнаго округа, о возрастѣ которыхъ не сообщено свѣдѣній управленіемъ округа.

Остальные выбрали факультеты:

Юридическій	1.196 (29,6%)
Медицинскій (считая вмѣстѣ и Военно- Медицинскую Академію)	1.007 (24,9%)
Историко-филологическій (считая вмѣ- стѣ и Историко-филологическіе Институты)	367 (9,1%)
Восточныхъ языковъ	71 (1,7%)
Богословскій (при Юрьевскомъ универ- ситетѣ)	15 (0,4%)

4.041

Во 2-й группѣ по числу заявленій учебныя заведенія распола-
гаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Технологическіе (и Политехническіе) ин- ституты	559 (55,4%)
Институтъ инженеровъ путей сообщенія и Московское инженерное училище	142 (14,1%)
Горный институтъ и Екатеринославское высшее горное училище	62 (6,1%)
Лѣсной институтъ	61 (6,0%)
Институтъ гражданскихъ инженеровъ	41 (4,1%)
Военныя училища	40 (4,0%)
Земледѣльческія академіи и сельско-хозяй- ственные институты	35 (3,5%)
Заграничныя учебныя заведенія	17 (1,7%)
Академія художествъ	16 (1,6%)
Училище Правовѣднія	7 (0,7%)
Духовная академія	7 (0,7%)
Электро-техническій институтъ	5 (0,5%)
Морское инженерное училище	3 (0,3%)
Консерваторія	2 (0,2%)
Константиновскій Межевой Институтъ	2 (0,2%)
Классы торговаго мореплаванія	2 (0,2%)
Лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ	1 (0,1%)
Лазаревскій Институтъ восточныхъ языковъ	1 (0,1%)
Ветеринарный Институтъ	1 (0,1%)
Александровскій Лицей	1 (0,1%)
Демидовскій Юридическій Лицей	1 (0,1%)

Институтъ восточныхъ языковъ	1 (0,1%)	
Римско-католическая семинарія	1 (0,1%)	
		1.008
Изъ молодыхъ людей 3-й группы нежелали поступить:		
Въ военную службу	86 (55,5%)	
Въ гражданскую службу	25 (16,1%)	
Избрали практическую дѣятельность:		
Учебную	10 (6,4%)	
Сельско-хозяйственную	5 (3,2%)	
Коммерческую	28 (18,1%)	
Мануфактурную	1 (0,7%)	
		155
Не дали свѣдѣній объ избранной спеціальности	96 ¹⁾	
		5.300

Письменные испытанія зрѣлости были произведены въ отчетномъ году только по русскому языку и по математикѣ, при чемъ въ тѣхъ учебныхъ округахъ, изъ которыхъ ко времени окончанія отчета (сентябрь 1903 года) были доставлены свѣдѣнія объ этихъ испытаніяхъ (Оренбургскомъ, Одесскомъ и Туркестанскомъ краѣ), темы и задачи выбирались директорами гимназій изъ числа представленныхъ преподавателями соответственныхъ предметовъ ²⁾. Въ гимназіяхъ Оренбургскаго учебнаго округа и Туркестанскаго края темы по русскому языку были исключительно литературнаго характера ³⁾, а въ гимназіяхъ

¹⁾ Въ этомъ числѣ показаны и тѣ 67 абитуриентовъ Кіевскаго учебнаго округа, о которыхъ въ представленной управленіемъ округа вѣдомости сказано, что они поступили „въ различныя учебныя заведенія“.

²⁾ Письменныя работы абитуриентовъ, согласно § 79 правилъ объ испит., поступили по окончаніи всѣхъ испытаній, на разсмотрѣніе окружныхъ управленій, которымъ было поручено составленіе отзывовъ о нихъ слѣдующимъ лицамъ: а) въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ—окружнымъ инспекторамъ: П. А. Адрианову (помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа) по русскому языку и Н. А. Бранину по математикѣ; б) въ Одесскомъ учебномъ округѣ—профессорамъ Новороссійскаго университета: А. А. Кочубянскому по русскому языку и В. А. Циммерману по математикѣ; в) въ Туркестанскомъ краѣ—инспектору Самаркандской прогимназіи В. А. Крымскому по русскому языку и директору народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области С. М. Граменицкому по математикѣ.

³⁾ Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ: „Литературное и общественное значеніе комедій Гоголя „Ревизоръ“, „Существенныя особенности поэзіи Гоголя“, „Историческое и общественное значеніе поэзіи Гоголя“, „Значеніе литературной дѣятельности В. А. Жуковскаго“, „Характеръ поэтической дѣятельности Жуковскаго въ связи съ обстоятельствами его жизни“; въ Туркестанскомъ краѣ: „Краткое содержа-

Одесскаго учебнаго округа были и литературныя темы, и общія, съ преобладаніемъ, впрочемъ, первыхъ, между которыми было нѣсколько темъ, названныхъ въ отзывѣ рецензента „курсовыми“, т. е. такія, которыя, по его замѣчанію, „предъявляли лишь провѣрку памяти, требую простого воспроизведенія данныхъ курса въ личной группировкѣ“ (напр. „Свойство и значеніе поэзіи“, „Происхожденіе и историческій ходъ развитія трагедіи“, „Драма, какъ родъ поэтическихъ произведеній, и ея отличительныя свойства“ и др.) Относя, по справедливости, такія темы къ наиболѣе легкимъ, рецензентъ съ полнымъ одобреніемъ отзывался объ остальныхъ темахъ литературнаго характера, отмѣчая ихъ удачную формулировку, при которой „требовалась, безъ утружденія памяти, сообразительность, вдумчивость“, и указывая на то, что онѣ „вызывали на безусловное разсужденіе“, безъ необходимости однако для пишущихъ вымучивать изъ себя матеріалъ для отвѣта, а общія темы „не выходили изъ границъ доступнаго для юнаго ума разсужденія или были съ умѣньемъ приурочены къ знакомому литературному или историко-литературному матеріалу“¹⁾.

И въ числѣ задачъ по математикѣ рецензенты отмѣчаютъ такія, которыя, по своей относительной легкости, не соответствовали требованіямъ правилъ объ испытаніяхъ (въ одной гимназіи Оренбургскаго учебнаго округа задача по алгебрѣ была предложена за курсъ VI-го класса!), справедливо осуждалъ предложеніе на испытаніяхъ зрѣлости какъ задачъ слишкомъ легкихъ, которыя, по причинѣ своей легкости и простоты, не даютъ возможности судить о познаніяхъ экзаменуемыхъ и о навыкѣ ихъ въ рѣшеніи задачъ, такъ и задачъ противоположеніе романа „Евгеній Онегинъ“ и его значеніе“, „Значеніе В. А. Жуковскаго въ русской литературѣ“.

2) а) „Отличіе литературныхъ типовъ отъ людей реальной дѣйствительности“, „Какіи чувства возбуждаютъ въ зрителѣ трагедія и комедія?“ „Взглядъ Пушкина, Лермонтова и Жуковскаго на поэта и поэзію“, „Женскіе типы въ произведеніяхъ Пушкина“, „Сходство и различіе въ изображеніи явленій жизни въ произведеніяхъ Пушкина и Гоголя“, „Художественное, нравственно-воспитательное и общественное значеніе произведеній Гоголя“, „Борьба и страданіе въ драмѣ Пушкина „Ворскъ Годуновъ“, „Воспитательное и образовательное значеніе литературныхъ типовъ и идеаловъ“, „Комедія „Горе отъ ума“ и „Ревизоръ“ со стороны ихъ общественно-историческаго значенія“, „Чацкій и Онегинъ, какъ типы молодого поколѣнія русскаго общества въ первой четверти XIX столѣтія“, „Дегіи Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова“ б) „Чѣмъ мы должны руководствоваться при выборѣ того или иного рода дѣятельности?“ „Почему потомство такъ торжественно и дружно чествуетъ память своихъ лучшихъ писателей?“ „Вліяніе семьи и общества на воспитаніе молодого человѣка“, „Значеніе писателя въ жизни общества“, „Общественное значеніе театра“.

положительнаго свойства, представляющихъ трудности, съ которыми лишь немногіе изъ экзаменующихся въ состояніи справиться, такъ что большинство ихъ является обреченнымъ на бесплодный трудъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, трудъ, результатомъ котораго является письменная работа, содержащая очень мало данныхъ для сужденія о познаніяхъ ея автора (замѣчаніе проф. В. А. Циммермана).

Отзывы рецензентовъ письменныхъ работъ абитуриентовъ отчетнаго года или заключаютъ въ себѣ только общія замѣчанія и указаніе положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ этихъ работъ (Одесскій учебный округъ), или ограничиваются частною характеристикю работъ по отдѣльнымъ гимназіямъ (Турьестанскій край), и только отзывы рецензентовъ Оренбургскаго учебнаго округа отличаются наибольшею полнотою, представляя соединеніе общей характеристики бывшихъ на ихъ разсмотрѣніи работъ съ частною по отдѣльнымъ гимназіямъ, причемъ въ этихъ отзывахъ отмѣчена даже такая подробность, какъ количество времени, употребленнаго на исполненіе письменныхъ работъ въ каждой гимназіи этого округа.

Отмѣчая наличность прогресса въ письменныхъ работахъ абитуриентовъ отчетнаго года по русскому языку, въ особенности въ области знакомства съ исторіею русской литературы, которое въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Одесскаго учебнаго округа идетъ далѣе отмежеванныхъ границъ, проф. А. А. Кочубинскій менѣе доволенъ этими работами со стороны ихъ языка и слога: „не говорю о синтаксисѣ, замѣчаетъ онъ: склоненіе и спряженіе затрудняютъ; ученики же еврейскаго происхожденія создаютъ свой русскій языкъ, а безъ знанія языка куда думать ученику о слогѣ?“ Но грамотность, по его отзыву, составляетъ достояніе огромнаго большинства гимназій; только переносы словъ и знаки препинанія оставляютъ желать многого, и въ первомъ отношеніи названный рецензентъ видитъ правила Грота, которая „сбиваютъ съ толку при переносахъ“...

Остальные рецензенты письменныхъ работъ по русскому языку, на ряду съ положительными сторонами этихъ работъ (правильное пониманіе и развитіе предложенной темы; исполнѣе достаточное и отчетливое пониманіе историко-литературныхъ фактовъ, относящихся къ темѣ, и тѣхъ литературныхъ произведеній, которыхъ касалась послѣдняя; правильное и хорошее въ большинствѣ работъ изложеніе; отсутствіе въ нихъ, за рѣдкими исключеніями, стилистическихъ промаховъ), указываютъ и на сравнительно значительную несправность этихъ работъ въ отношеніи орфографіи, которая доходила до того, что въ

Оренбургскомъ учебномъ округѣ изъ 110 работъ выполнѣ исправныхъ въ этомъ отношеніи было только 35 (31, 7%); въ остальныхъ оказалось 188 болѣе или менѣе грубыхъ орфографическихкихъ ошибокъ (въ среднемъ по 2,5 на одну работу), при чемъ въ отдѣльныхъ гимназіяхъ были случаи такого количества этихъ ошибокъ, не считая неправильныхъ переносовъ и неправильной постановки знаковъ препинанія, что въ одной работѣ встрѣчалось до 8, 10, даже 11 ошибокъ; а въ одной изъ гимназій Туркестанскаго края собственно орфографическихкихъ ошибокъ и въ переносѣ словъ оказалось среднимъ числомъ по 2,3 на работу, а ошибокъ противъ правильнаго употребленія знаковъ препинанія до 4,3... И несмотря на это, ни въ одной изъ гимназій Оренбургскаго учебнаго округа и Туркестанскаго края не было ни одного случая устраненія отъ устныхъ испытаній зрѣлости учениковъ, которыхъ письменныя работы оказались до такой степени неисправными въ орфографическомъ отношеніи, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ были оцѣнены какъ неудовлетворительныя испытательными комиссіями, вопреки точному смыслу § 67 правилъ объ испытаніяхъ, въ заключительной части котораго сказано: „Русское сочиненіе, неудовлетворительное въ орфографическомъ отношеніи и оцѣненное балломъ ниже трехъ, обуславливаетъ собою недопущеніе экзаменующагося къ устнымъ испытаніямъ зрѣлости“.

Что касается письменныхъ работъ по математикѣ, то рецензенты ихъ, признавая въ общемъ исполненіе ихъ удовлетворительнымъ и даже выполнѣ удовлетворительнымъ (Оренбургскій учебный округъ), тѣмъ не менѣе указываютъ нѣкоторые недочеты въ нихъ, заключающіеся въ неполнотѣ и неудовлетворительности объяснительныхъ текстовъ, безпорядочности расположенія выкладокъ и вычисленій, въ употребленіи неправильныхъ оборотовъ и выраженій ¹⁾, отмѣчая при этомъ отдѣльные случаи ошибокъ, иногда довольно грубыхъ, въ логарифмическихкихъ вычисленіяхъ и даже незнакомства съ важными предложеніями элементарной геометріи и съ основными положеніями алгебры ²⁾.

¹⁾ Одни изъ рецензентовъ замѣчаютъ по этому поводу, что нѣкоторыя слова и выраженія (напр., рѣшить, рѣшеніе) ученики считаютъ, повидимому, какіи-то универсальными математическими терминами, употребляя ихъ въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ: напр., „для рѣшенія арифметической прогрессіи“, „чтобы рѣшить эту формулу“, „рѣшивъ полученное выраженіе“, „рѣшаемъ изъ квадратнаго уравненія x^2 “, „для рѣшенія этого бинома“ и др.

²⁾ Такъ, въ гимназіяхъ Одесскаго учебнаго округа были абитуриенты, полагавшіе, что объемъ шара $= 4\pi R^2$, или $\frac{4}{3}\pi R^2$, что выраженіе $\frac{4}{3}\pi(3,87)^2 = 4\pi(1,29)^2$, и др.

Независимо отъ этого, одинъ изъ рецензентовъ указываетъ и такіе недочеты, которые, не представляя собою прямыхъ ошибокъ, тѣмъ не менѣе значительно умаляютъ достоинство работъ, такъ какъ свидѣтельствуя о непривычкѣ разсуждать и о наклонности пользоваться шаблонными приѣмами. „Въ тѣхъ случаяхъ, напр., когда въ условіи задачи говорится о корняхъ даннаго уравненія, ученики въ громадномъ большинствѣ случаевъ рѣшаютъ уравненіе, не разсуждая о томъ, необходимо ли это; если нужно рѣшить показательное уравненіе или вычислить выраженіе, въ которое входятъ показатели, ученики прибѣгаютъ къ логарифмированію даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ рѣшается гораздо проще безъ помощи логарифмовъ; когда требуется рѣшить квадратное уравненіе, ученики поступаютъ по извѣстному шаблону даже въ томъ случаѣ, когда уравненіе имѣетъ видъ $A^2=B^2$ и можетъ быть проще рѣшено инымъ способомъ“. (Одесскій учебный округъ).

Что касается вопроса о просмотрѣ и оцѣнкѣ письменныхъ работъ абитуриентовъ отчетнаго года испытательными комиссіями, то рецензенты этихъ работъ, отмѣчая въ общемъ правильность оцѣнки, основанной на тщательномъ въ большинствѣ случаевъ просмотрѣ этихъ работъ, указываютъ и на отдѣльные случаи нѣсколько повышенной оцѣнки, иногда въ зависимости отъ годовыхъ успѣховъ учениковъ по тому или другому предмету, справедливо при этомъ замѣчая, что аттестация письменныхъ работъ абитуриентовъ должна производиться безотносительно и основываться исключительно на достоинствѣ самихъ работъ; но такъ какъ разсмотрѣніе письменныхъ работъ производилось уже послѣ окончанія всѣхъ испытаній, то несогласіе рецензентовъ съ отмѣтками, выставленными испытательными комиссіями, не имѣло для абитуриентовъ никакихъ послѣдствій и не принимало той формы, которая могла бы потребовать, согласно § 65 правилъ объ испытаніяхъ, вмѣшательства попечительскаго совѣта, въ качествѣ высшаго авторитета въ подобныхъ случаяхъ.

Отзывы рецензентовъ, по обсужденіи ихъ въ попечительскихъ совѣтахъ Оренбургскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ и въ попечительскомъ комитетѣ, состоящемъ при управленіи учебными заведеніями Туркестанскаго края, вызвали соответственныя распоряженія окружныхъ начальствъ, которыя были затѣмъ сообщены отдѣльнымъ учебнымъ заведеніямъ вмѣстѣ съ отзывами рецензентовъ.

Ж I. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію и получив

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Ученики VIII класса.									
	Общее число предъ началомъ испытаній.	Устранены отъ испытаній.						Всего.	Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и удостоены аттестата зрѣлости.
		По малочисленности.	По нравственной неурядости.	По болѣзнь.	Отрочено испытаніе.	На основ. § 63 прав. объ исп.	Не явились къ исп.			
<i>С.-Петербургскій.</i>										
21 правительств. гимн.	638	4 (0,6%)	—	2	—	4	—	10 (1,6%)	628 (98,4%)	623 (99,2%)
4 церковныхъ учил.	79	—	—	—	—	—	—	—	79 (100,0%)	78 (98,7%)
3 частныхъ гимназій.	61	4 (6,5%)	—	—	—	1	—	5 (8,2%)	56 (91,8%)	55 (98,2%)
Всего	778	8 (1,0%)	—	2	—	5	—	15 (1,9%)	763 (98,1%)	756 (99,1%)
<i>Московскій.</i>										
26 правительств. гимн.	763	3 (0,4%)	—	—	—	—	—	3 (0,4%)	760 (99,6%)	745 (98,0%)
1 церковное училище.	11	—	—	—	—	—	—	—	11 (100,0%)	10 (90,9%)
2 частныхъ гимназій.	42	—	—	—	—	—	—	—	42 (100,0%)	42 (100,0%)
Всего	816	3 (0,4%)	—	—	—	—	—	3 (0,4%)	813 (99,6%)	797 (98,0%)
<i>Казанскій.</i>										
10 правительств. гимн.	255	5 (2,0%)	—	—	—	—	—	5 (2,0%)	250 (98,0%)	249 (99,6%)
<i>Оренбургскій.</i>										
5 правительств. гимн.	113	—	—	3	—	—	—	3 (2,7%)	110 (97,3%)	106 (96,4%)
<i>Харьковскій.</i>										
19 правительств. гимн.	461	—	—	2	—	—	—	2 (0,4%)	459 (99,6%)	448 (97,6%)
<i>Одесскій.</i>										
21 правительств. гимн.	515	2 (0,4%)	—	2	3	—	1	8 (1,6%)	507 (98,4%)	501 (98,8%)
<i>Кіевскій.</i>										
23 правительств. гимн.	671	5 (0,7%)	—	2	—	1	—	8 (1,2%)	663 (98,8%)	647 (97,6%)

ихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости въ 1902 году.

учебное заведеніе.	Награжд. медалями.			Постороннія лица.									
	Золотыми.	Серебряными.	Всего (и процентное отношеніе къ общему числу удостоенныхъ аттест.).	Подали прошенія.	Устранены отъ испытаній.						Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости.	
					Не допущены на основаніи § 51 правилъ объ испытаніяхъ.			Не явились къ испытанію.					Всего.
					п. а.	п. г.	По болѣзнь.	По домашнимъ обстоятельствомъ.	По незвѣстности.	По другимъ причинамъ.			
9,7	78	42	120 (19,1%)	146	2	1	1	—	14	18(12,3%)	128 (87,7%)	69 (53,9%)	
9,5	9	9	18 (23,1%)										
8,3	5	3	8 (14,5%)										
27	92	54	146 (19,3%)										
8,7	93	50	143 (19,2%)	72	—	2	2	1	1	6 (8,3%)	66 (91,7%)	40 (60,6%)	
0,0	4	—	4 (40,0%)										
11,0	—	—	—										
17,5	97	50	147 (18,4%)										
14,9	19	24	43 (17,3%)	45	2	—	—	—	—	2 (4,4%)	43 (95,6%)	34 (79,1%)	
11,2	10	4	14 (13,2%)	15	—	—	—	—	2	2 (13,3%)	13 (86,7%)	7 (53,8%)	
13,6	51	36	87 (19,4%)	83	—	—	4	—	10	14(16,9%)	69 (83,1%)	29 (42,0%)	
13,9	51	35	86 (17,2%)	162	—	11	2	—	6	19(11,7%)	143 (88,3%)	68 (47,6%)	
18,1	90	49	139 (21,5%)	185	—	10	—	—	7	17 (9,2%)	168 (90,8%)	72 (42,9%)	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Ученики VIII класса.										
	Общее число предъ началомъ испытаній.	Устранены отъ испытаній.						Всего.	Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія удостоены аттестата зрѣлости.	
		Не допущены къ испытаніямъ.	По правдивости незрѣлости.		Отсрочено испытаніе.		Не явились къ исп.				Умерли во время испытаній.
По малоуспѣшности.	По бездѣлн.	На основ. § 68 прав. объ испит.	Не явились къ исп.	Умерли во время испытаній.							
<i>Виленискій.</i>											
10 правительств. гимн.	257	3 (1,2%)	—	3	—	—	—	6 (2,3%)	251 (97,7%)	244 (97,2%)	
<i>Варшавскій.</i>											
21 правительств. гимн.	439	17 (3,9%)	1	—	—	—	—	18 (4,1%)	421 (95,9%)	405 (96,2%)	
<i>Рижскій.</i>											
10 правительств. гимн.	223	1 (0,4%)	—	5	—	—	—	6 (2,7%)	217 (97,3%)	212 (97,7%)	
<i>Кавказскій.</i>											
11 правительств. гимн.	381	2 (0,5%)	—	2	1	—	—	5 (1,3%)	376 (98,7%)	368 (97,9%)	
<i>Западно-Сибирскій.</i>											
3 правительств. гимн.	77	—	—	—	—	—	—	—	77 (100,0%)	76 (98,7%)	
<i>Восточная Сибирь.</i>											
2 правительств. гимн.	32	—	—	—	—	—	—	—	32 (100,0%)	31 (96,9%)	
<i>Туркестанскій край.</i>											
2 правительств. гимн.	39	—	—	—	—	—	—	—	39 (100,0%)	39 (100,0%)	
Итого:											
Во всѣхъ 184 прав. гимн.	4864	42 (0,9%)	1	21	4	5	1	74 (1,5%)	4790 (98,5%)	4694 (98,0%)	
„ „ 5 церк. уч.	90	—	—	—	—	—	—	—	90 (100,0%)	88 (97,8%)	
„ „ 5 част. гимн.	103	4 (4,9%)	—	—	—	—	1	5 (4,9%)	98 (95,1%)	97 (99,0%)	
Всего:											
Во всѣхъ (194) учебныхъ заведеніяхъ	5057	46 (0,9%)	1	21	4	6	1	79 (1,6%)	4978 (98,4%)	4879 (98,0%)	

Среднее число на одно учебное заведеніе.	Награжд. медалями.			Постороннія лица.								
	Золотым.	Серебряным.	Всего (и процентное отношеніе къ общему числу удостоенныхъ аттест.).	Подали прошенія.	Устранены отъ испытаній.					Всего.	Подвергались испытаніямъ.	Выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости.
					Не допущены на основаніи § 51 правилъ объ испытаніяхъ.		Не явились къ испытанію.					
					п. а.	п. г.	По болѣзни.	По домашнимъ обстоятельству.	По неизвѣстн. причинѣ.			
24,4	19	18	37 (15,2%)	27	—	1	—	—	1	2 (7,4%)	25 (92,6%)	14 (56,0%)
19,3	18	34	52 (12,8%)	62	—	—	—	—	2	2 (3,2%)	60 (96,8%)	20 (33,3%)
21,2	15	14	29 (13,7%)	29	—	5	—	—	—	5(17,2%)	24 (82,8%)	10 (41,7%)
33,5	17	18	35 (9,5%)	77	1	—	1	—	1	3 (3,9%)	74 (96,1%)	43 (58,1%)
25,3	4	6	10 (13,2%)	6	—	—	—	—	—	—	6(100,0%)	4 (66,7%)
15,5	3	2	5 (16,1%)	16	—	—	—	—	3	3(18,8%)	13 (81,2%)	7 (53,8%)
19,5	5	4	9 (23,1%)	6	—	—	—	—	—	—	6(100,0%)	4 (66,7%)
25,5	473	336	809 (17,2%)	931	5	30	10	1	47	93(10,0%)	838 (90,0%)	421 (50,2%)
17,6	13	9	22 (25,0%)									
19,4	5	3	8 (8,2%)									
25,1	491	348	839 (17,2%)									

№ 2. Вѣдомость о не выдержавшихъ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подвергавшихся испытаніямъ.	Общее число не выдержавшихъ испытаній.	Процентное отношение послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ				
				Закону Божію.	Русскому языку.		Математикѣ.	
					Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.
<i>С.-Петербургскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	628	5	0,8	—	2	1	3	2
„ церковныхъ училищъ	79	1	1,3	—	—	—	1	1
„ частныхъ гимназій	56	1	1,8	—	—	—	—	—
Всего	763	7	0,9	—	2	1	4	3
Постороннія лица	128	59	46,1	—	28	6	22	13
<i>Московскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	760	15	2,0	—	11	4	7	1
„ церковнаго училища	11	1	9,1	—	1	—	—	—
„ частныхъ гимназій	42	—	—	—	—	—	—	—
Всего	813	16	2,0	—	12	4	7	1
Постороннія лица	66	26	39,4	—	11	4	12	3
<i>Казанскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	250	1	0,4	—	1	—	—	—
Постороннія лица	43	9	20,9	—	4	1	2	—
<i>Оренбургскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	110	4	3,6	—	—	1	3	3
Постороннія лица	13	6	46,2	—	1	4	4	2
<i>Харьковскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	459	11	2,4	—	9	—	11	1
Постороннія лица	69	40	58,0	2	16	—	16	8
<i>Одесскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	507	6	1,2	—	4	—	4	2
Постороннія лица	143	75	52,4	—	32	9	22	10
<i>Кіевскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	663	16	2,4	—	9	—	8	1
Постороннія лица	168	96	57,1	2	43	5	43	10

испытаній зрѣлости въ 1902 году.

испытаній по отдѣльнымъ предметамъ.							Общее число неудовлетво- рительныхъ отмѣтокъ.	Изъ числа не выдержавшихъ ис- пытаній и устраненныхъ отъ нихъ.	
Латинскому языку.	Греческому языку.	Физикъ и математиче- ской географіи.	Исторія.	Географія.	Логикъ.	Новымъ иностран- нымъ языкамъ.		Остались на другой годъ въ VIII клас.	Выбыли со сви- дѣтельствами на основаніи § 80 правилъ объ испытаніяхъ или вслѣдствіе поступленія въ друг. учебн. заведенія.
2	—	—	—	—	—	—	10	7	8
—	—	—	—	—	—	—	2	—	1
1	—	—	1	—	—	—	2	4	2
3	—	—	1	—	—	—	14	11	11
4	3	4	7	1	2	—	90	—	—
4	2	—	1	—	—	1	31	15	3
—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
4	2	—	1	—	—	1	32	15	4
4	6	1	—	1	3	2	48	—	—
—	—	—	—	—	—	—	1	5	1
3	2	—	—	—	—	—	12	—	—
1	—	—	—	—	—	—	8	4	3
—	1	2	—	—	—	—	14	—	—
—	1	—	1	—	—	—	23	9	4
3	—	3	4	2	1	3	58	—	—
—	—	—	—	—	—	—	10	10	4
6	9	5	9	1	8	2	113	—	—
—	—	—	—	—	—	—	20	21	3
5	4	17	12	6	3	4	154	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подержавшихся испытаніямъ.	Общее число не выдержавшихъ испытаній.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ				
				Закону Божію.	Русскому языку.		Математикѣ.	
					Письменно.	Устно.	Письменно.	Устно.
<i>Виленскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	251	7	2,8	—	2	1	3	2
Постороннія лица	25	11	44,0	—	8	2	6	1
<i>Варшавскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	421	16	3,8	—	8	4	14	2
Постороннія лица	60	40	66,7	—	30	—	19	3
<i>Рижскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	217	5	2,3	—	2	—	1	—
Постороннія лица	24	14	58,3	—	9	—	5	—
<i>Кавказскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	376	8	2,1	—	—	1	6	6
Постороннія лица	74	31	41,9	—	19	3	10	6
<i>Западно-Сибирскій.</i>								
Ученики правительств. гимназій	77	1	1,3	—	—	1	1	—
Постороннія лица	6	2	33,3	—	—	—	2	—
<i>Восточная Сибирь.</i>								
Ученики правительств. гимназій	32	1	3,1	—	—	1	1	1
Постороннія лица	13	6	46,2	—	3	—	2	1
<i>Туркестанскій край.</i>								
Ученики правительств. гимназій	39	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	6	2	33,3	—	3	—	2	2
Итого:								
Ученики правительств. гимназій	4790	96	2,0	—	48	14	52	21
„ церковныхъ училищъ	90	2	2,2	—	1	—	1	1
„ частныхъ гимназій	98	1	1,0	—	—	—	—	—
Всего	4978	99	2,0	—	49	14	53	22
Постороннія лица	838	417	49,8	5	207	34	167	59
Общій итогъ	5816	516	8,9	5	256	48	220	81

испытаній по отдѣльнымъ предметамъ.							Общее число неудовлетво- рительныхъ отмѣтокъ.	Изъ числа не выдержавшихъ ис- пытаній и устраненныхъ отъ нихъ.	
Латинскому языку.	Греческому языку.	Филелъ и математическая географія.	Исторія.	Географія.	Логикъ.	Новымъ иностран- нымъ языкамъ.		Остались на другой годъ въ VIII класъ.	Выбыли со сви- дѣтельствами на основаніи § 80 правилъ объ испытаніяхъ или вследствие поступленія въ друг. учебн. заведенія.
—	—	—	3	—	—	—	11	11	2
—	1	—	—	—	1	—	19	—	—
2	1	—	6	—	—	—	27	26	8
1	—	3	—	—	—	—	56	—	—
—	1	—	1	—	—	—	5	11	—
2	—	—	2	—	3	—	21	—	—
—	2	—	1	—	—	1	17	10	3
5	—	3	5	3	—	2	56	—	—
1	—	—	—	—	—	—	3	1	—
—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
—	—	—	1	—	—	—	4	—	1
—	1	1	1	1	—	—	10	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	7	—	—
10	8	—	15	—	—	2	170	130	40
—	—	—	—	—	—	—	3	—	2
1	—	—	1	—	—	—	2	4	2
11	8	—	16	—	—	2	175	134	44
33	27	39	40	15	21	13	660	—	—
44	35	39	56	15	21	15	835	134	44

№ 3. Распределеніе признанныхъ зрѣлыми по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.											
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.		Неизвѣст. возраста.	
<i>С.-Петербургскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	623	68	10,9	142	22,8	160	25,7	119	19,1	132	21,2	2	0,3
” церковн. училищъ	78	5	6,4	28	35,9	29	37,2	13	16,7	3	3,8	—	—
” частныхъ гимназій	55	5	9,1	11	20,0	5	9,1	16	29,1	18	32,7	—	—
Постороннія лица	69	—	—	2	2,9	5	7,2	10	14,5	52	75,4	—	—
Всего . . .	825	78	9,5	183	22,2	199	24,1	158	19,2	205	24,8	2	0,2
<i>Московскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	745	27	3,6	171	22,9	233	31,3	177	23,8	137	18,4	—	—
” церковн. училища	10	1	10,0	4	40,0	2	20,0	2	20,0	1	10,0	—	—
” частныхъ гимназій	42	4	9,6	9	21,4	9	21,4	7	16,7	13	30,9	—	—
Постороннія лица	40	—	—	1	2,5	5	12,5	4	10,0	30	75,0	—	—
Всего . . .	837	32	3,8	185	22,1	249	29,8	190	22,7	181	21,6	—	—
<i>Казанскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	249	7	2,8	72	28,9	70	28,1	59	23,7	41	16,5	—	—
Постороннія лица	34	—	—	2	5,9	—	—	6	17,6	26	76,5	—	—
Всего . . .	283	7	2,5	74	26,2	70	24,8	65	22,8	67	23,7	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.											
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе..		Неизвѣст. возраста.	
<i>Оренбургскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	106	6	5,6	25	23,6	39	36,8	18	17,0	18	17,0	—	—
Постороннія лица	7	—	—	—	—	1	14,3	1	14,3	5	71,4	—	—
Всего . . .	113	6	5,3	25	22,1	40	35,4	19	16,8	23	20,4	—	—
<i>Харьковскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	448	12	2,7	95	21,2	118	26,3	118	26,3	105	23,5	—	—
Постороннія лица	29	—	—	4	13,8	5	17,3	7	24,1	13	44,8	—	—
Всего . . .	477	12	2,5	99	20,8	123	25,8	125	26,2	118	24,7	—	—
<i>Одесскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	501	22	4,4	97	19,4	140	27,9	126	25,1	116	23,2	—	—
Постороннія лица	68	2	3,0	5	7,3	6	8,8	9	13,3	46	67,6	—	—
Всего . . .	569	24	4,2	102	17,9	146	25,7	135	23,7	162	28,5	—	—
<i>Кіевскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	647	25	3,9	137	21,2	190	29,4	133	20,5	162	25,0	—	—
Постороннія лица	72	—	—	2	2,8	3	4,2	9	12,5	58	80,5	—	—
Всего . . .	719	25	3,5	139	19,3	193	26,8	142	19,8	220	30,6	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.											
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.		Неизвѣст. возраста.	
<i>Виленскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	244	3	1,2	53	21,7	80	32,8	49	20,1	59	24,2	—	—
Постороннія лица	14	—	—	—	—	5	35,7	2	14,3	7	50,0	—	—
Всего . . .	258	3	1,2	53	20,5	85	32,9	51	19,8	66	25,6	—	—
<i>Варшавскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	405	11	2,7	70	17,3	113	27,9	115	28,4	96	23,7	—	—
Постороннія лица	20	—	—	—	—	3	15,0	4	20,0	13	65,0	—	—
Всего . . .	425	11	2,6	70	16,5	116	27,3	119	28,0	109	25,6	—	—
<i>Рижскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	212	9	4,2	36	17,0	57	26,9	57	26,9	53	25,0	—	—
Постороннія лица	10	—	—	1	10,0	—	—	3	30,0	6	60,0	—	—
Всего . . .	222	9	4,1	37	16,7	57	25,7	60	27,0	59	26,5	—	—
<i>Кавказскій.</i>													
Ученики правит. гимназій	368	17	4,6	51	13,9	80	21,7	83	22,6	137	37,2	—	—
Постороннія лица	43	1	2,4	3	7,0	5	11,6	5	11,6	29	67,4	—	—
Всего . . .	411	18	4,4	54	13,1	85	21,4	88	20,7	166	40,4	—	—

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрасть съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.											
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.		Неизвѣст. возраста.	
<i>Западно-Сибир- ский.</i>													
Ученики правит. гимназій	76	—	—	20	26,3	21	27,6	22	29,0	13	17,1	—	—
Постороннія лица	4	—	—	—	—	—	—	—	—	4	100,0	—	—
Всего . . .	80	—	—	20	25,0	21	26,3	22	27,5	17	21,2	—	—
<i>Восточ. Сибирь.</i>													
Ученики правит. гимназій	31	4	12,9	3	9,7	8	25,8	9	29,0	7	22,6	—	—
Постороннія лица	7	—	—	—	—	—	—	2	28,5	5	71,5	—	—
Всего . . .	38	4	10,5	3	8,0	8	21,0	11	28,9	12	31,6	—	—
<i>Туркест. край.</i>													
Ученики правит. гимназій	39	1	2,5	7	18,0	8	20,5	11	28,2	12	30,8	—	—
Постороннія лица	4	—	—	—	—	—	—	1	25,0	3	75,0	—	—
Всего . . .	43	1	2,3	7	16,3	8	18,6	12	27,9	15	34,9	—	—
Итого:													
Ученики правит. гимназій	4694	212	4,52	979	20,85	1317	28,06	1096	23,35	1088	23,18	2	0,04
„ церковн. училищъ	88	6	6,80	32	36,40	31	35,30	15	17,00	4	4,50	—	—
„ частныхъ гимназій	97	9	9,30	20	20,60	14	14,40	23	23,70	31	32,00	—	—
Постороннія лица	421	3	0,70	20	4,70	38	9,00	63	15,00	297	70,60	—	—
Всего . . .	5300	230	4,34	1051	19,83	1400	26,42	1197	22,58	1420	26,79	2	0,04

№ 4. Распределеіе признанныхъ зрѣлыми по

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе в											
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	В с е г о.	Технологическіе институты.	Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Лѣсной институтъ.	Институтъ гражданскихъ инженер-двѣлописныхъ наукъ.	Военныя училища.	Земледѣльч. акад. и Сельско-хоз. институтъ.	Заграничн. учебн. заведенія.	Акад. художествъ.	Училищ. Правовѣд.	Духовная акад.	Электро-техническіе институты.
<i>С.-Петербургскій.</i>																			
Изъ правительств. гимназій.	2	44	145	147	131	17	486	70	45	15	15	—	—	—	—	—	—	—	—
„ церковныхъ училищъ.	1	1	17	15	17	3	54	15	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ частныхъ гимназій.	—	5	11	14	10	—	40	1	5	1	—	1	—	2	—	1	2	—	—
Изъ всѣхъ 28 учебныхъ заведеній.	3	50	173	176	158	20	580	86	54	16	15	13	12	4	—	5	4	3	—
<i>Московскій.</i>																			
Изъ правительств. гимназій.	—	61	246	210	151	10	678	58	18	2	6	—	1	8	—	2	1	1	—
„ церковнаго училища.	—	1	5	2	2	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„ частныхъ гимназій.	—	—	14	21	1	—	36	—	4	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Изъ всѣхъ 29 учебныхъ заведеній.	—	62	265	233	154	10	724	58	22	2	7	—	1	8	—	2	1	1	—
<i>Казанскій.</i>																			
Изъ 10 правительств. гимн.	—	17	91	62	64	2	236	22	8	1	5	—	2	3	—	—	—	—	—
<i>Оренбургскій.</i>																			
Изъ 5 правительств. гимн.	—	6	30	27	22	—	85	12	4	2	6	—	—	1	—	—	—	—	—
<i>Харьковскій.</i>																			
Изъ 19 правительств. гимн.	—	57	117	97	116	7	394	31	8	11	6	3	4	1	2	—	1	1	—
<i>Одесскій.</i>																			
Изъ 21 правительств. гимн.	—	27	206	141	89	4	467	32	8	6	13	5	7	3	2	1	—	1	—

занятіямъ, къ которымъ они себя предназначили.

Имяя спеціальныя училища:											Поступающіе на поприще практической дѣятельности.						Не дали свѣдѣній объ избран. спец.			
Морское инженерное училище.	Консерваторія.	Константин. мор. институтъ.	Классы торговаго мореплаванія.	Лицей Песар. Николая в Москвѣ.	Медареск. институтъ восточныхъ языковъ.	Ветеринарный институтъ.	Александровскій лицей.	Демидовскій юридич. лицей.	Институтъ восточн. языковъ.	Римско-католическая сем.	Всего.	Въ гос. служ.		Части дѣятельн.						
												Гражданск.	Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйствен.	Коммерческой.		Мануфактурной.	Всего.	
3	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	187	—	9	2	—	—	—	—	11	8
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	19	2	—	—	—	—	—	—	2	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	219	4	9	2	—	—	—	—	15	11
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	99	2	6	—	—	—	—	—	8	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	1	—	—	—	—	—	1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	104	2	7	—	—	—	—	—	9	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	41	3	1	—	—	—	—	—	4	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	—	3	—	—	—	—	—	3	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	71	3	3	2	1	1	—	—	10	2
—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	81	4	10	2	—	2	—	—	18	3

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Поступающіе в												
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	В С О Г О.	Технологическіе институты.	Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Лѣсной институтъ.	Институтъ гражданскихъ инженеръ.	Военныя училища.	Земледѣльч. акад. и Сельско-хоз. инст.	Заграничн. учебн. заведенія.	Акад. художествъ.	Учлн. Правовѣд.	Духовная академ.	Электро-техническ. инст.	
<i>Кіевскій.</i>																				
Изъ 23 правительств. гимн.	—	75	192	165	103	10	545	48	9	6	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Вилenskій.</i>																				
Изъ 10 правительств. гимн.	—	22	79	74	29	5	209	28	2	1	1	3	1	2	5	3	—	—	—	—
<i>Варшавскій.</i>																				
Изъ 21 правительств. гимн.	1	10	92	108	80	—	291	81	12	1	2	6	—	9	3	—	—	—	—	1
<i>Рижскій.</i>																				
Изъ 10 правительств. гимн.	11	13	20	31	43	1	119	71	3	2	4	2	1	1	—	1	—	—	—	—
<i>Кавказскій.</i>																				
Изъ 11 правительств. гимн.	—	22	101	59	114	9	305	38	11	11	—	1	12	2	3	3	—	—	—	—
<i>Западно-Сибирскій.</i>																				
Изъ 3 правительств. гимн.	—	2	8	13	16	1	40	32	1	1	1	—	—	1	—	1	1	1	—	—
<i>Восточная Сибирь.</i>																				
Изъ 2 правительств. гимн.	—	2	5	2	11	2	22	6	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—
<i>Туркестанскій край.</i>																				
Изъ 2 правительств. гимн.	—	2	6	8	8	—	24	14	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого:																				
Изъ всѣхъ (194) учебныхъ заведеній	15	367	1385	1196	1007	71	4041	559	142	62	61	41	40	35	17	16	7	7	5	5
Процентное отношеніе къ общему числу зрѣлыхъ.	0,28	6,92	26,13	22,57	19,00	1,34	76,24	10,55	2,68	1,17	1,15	0,77	0,75	0,66	0,32	0,30	0,13	0,13	0,09	0,09

высших специальных училища:					Поступающие на поприще практической деятельности.																
					Въ гос. служ.		Частн. дѣятельн.						В с е г о.	Не дали свѣдѣній объ избрал. спец.							
Морское инженерное училище.	Консерваторія.	Константин. имп. институтъ.	Классъ торговаго мореплаванія.	Лицей Цесар. Николая въ Москвѣ.	Лазаревск. институтъ восточныхъ языковъ.	Ветеринарный институтъ.	Александровскій лицей.	Демидовскій юридич. лицей.	Институтъ восточн. языковъ.	Римско-каголическая сем.	В с е г о.	Гражданск.			Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйствен.	Коммерческой.	Мануфактурной.	В с е г о.	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	71	3	14	1	2	16	—	36	67		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	46	—	3	—	—	—	—	3	—		
—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	117	2	10	—	—	—	—	13	4		
—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	88	—	8	3	—	4	—	15	—		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	81	4	15	—	1	4	1	25	—		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	39	—	1	—	—	—	—	1	—		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	—	—	—	—	—	—	—	7		
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	—	2	—	—	1	—	3	—		
0,06	3	0,04	2	0,04	2	0,04	2	0,02	1	0,02	1	0,02	1	0,02	1	0,02	1	0,02	1	19,02	1008
0,47	25	1,62	86	0,19	10	0,09	5	0,53	28	0,02	1	2,92	155	1,82	96						

№ 5. Сводная вѣдомость о результатахъ

Г О Д Ъ.	НАЗВАНІЕ И ЧИСЛО УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.	Общее число абитуриентовъ передъ началомъ испытаній.	Устранены отъ	
			По мало-успѣшности.	По другимъ причинамъ.
1897	Въ 167 правительственныхъ гимназіяхъ	3.988	95 (2,4%)	32
	„ 5 церковныхъ училищахъ	79	1 (1,3%)	1
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	90	3 (3,3%)	—
	Всего въ 177 учебныхъ заведеніяхъ	4.157	99 (2,4%)	33
	Постороннія лица	384	—	—
	Итого	4.541	—	—
1898	Въ 171 правительственной гимназіи	3.997	77 (1,9%)	21
	„ 5 церковныхъ училищахъ	77	3 (3,9%)	1
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	100	4 (4%)	2
	Всего въ 181 учебныхъ заведеніяхъ	4.174	84 (2%)	24
	Постороннія лица	483	—	—
	Итого	4.657	—	—
1899	Въ 175 правительственныхъ гимназіяхъ	4.004	103 (2,6%)	26
	„ 5 церковныхъ училищахъ	63	—	—
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	99	7 (7,1%)	—
	Всего въ 185 учебныхъ заведеніяхъ	4.166	110 (2,6%)	26
	Постороннія лица	547	—	—
	Итого	4.713	—	—

испытаній зрѣлости съ 1897 по 1902 годъ.

испытаній.	Подвергались испытаніямъ.	Не выдержали испытаній.	Выдержали ис- пытанія и полу- чили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости.	Награждены медалями.
В с е г о.				
127 (3,2%)	3.861 (96,8%)	130 (3,4%)	3.731 (96,6%)	387 (10,4%)
2 (2,5%)	77 (97,5%)	3 (3,9%)	74 (96,1%)	5 (6,7%)
3 (3,3%)	87 (96,7%)	2 (2,3%)	85 (97,7%)	4 (4,7%)
132 (3,2%)	4.025 (96,8%)	135 (3,4%)	3.890 (96,6%)	396 (10,2%)
43 (11,2%)	341 (88,8%)	175 (51,3%)	166 (48,7%)	—
175 (3,9%)	4.366 (96,1%)	310 (7,1%)	4.056 (92,9%)	.
98 (2,5%)	3.899 (97,5%)	113 (2,9%)	3.786 (97,1%)	408 (10,8%)
4 (5,2%)	73 (94,8%)	1 (1,4%)	72 (98,6%)	6 (8,3%)
6 (6%)	94 (94%)	6 (6,4%)	88 (93,6%)	7 (7,9%)
108 (2,6%)	4.066 (97,4%)	120 (3%)	3.946 (97%)	421 (10,7%)
50 (10,3%)	433 (89,7%)	217 (50,1%)	216 (49,9%)	—
158 (3,4%)	4.499 (96,6%)	337 (7,5%)	4.162 (92,5%)	—
129 (3,2%)	3.875 (96,8%)	87 (2,2%)	3.788 (97,8%)	470 (12,4%)
—	63 (100%)	4 (6,3%)	59 (93,7%)	4 (6,8%)
7 (7,1%)	92 (92,9%)	3 (3,3%)	89 (96,7%)	7 (7,8%)
136 (3,3%)	4.030 (96,7%)	94 (2,3%)	3.936 (97,7%)	481 (12,2%)
54 (9,9%)	493 (90,1%)	264 (53,5%)	229 (46,5%)	—
190 (4%)	4.523 (96%)	358 (7,9%)	4.165 (92,1%)	—

Г О Д Ъ.	НАЗВАНІЕ И ЧИСЛО УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.	Общее число абитуриентовъ передъ началомъ испытаній.	Устранены от	
			По мало-успѣшности.	По другимъ причинамъ.
1900	Въ 177 правительственныхъ гимназіяхъ	4.154	78 (1,9%)	23
	„ 5 церковныхъ училищахъ	88	—	1
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	113	12 (10,6%)	1
	Всего въ 187 учебныхъ заведеніяхъ	4.355	90 (2,1%)	25
	Постороннія лица	621	—	—
	Итого	4.976	—	—
1901	Въ 181 правительственной гимназіи	4.522	57 (1,3%)	22
	„ 5 церковныхъ училищахъ	83	—	1
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	98	8 (8,2%)	3
	Всего въ 191 учебныхъ заведеніяхъ	4.703	65 (1,4%)	26
	Постороннія лица	639	—	—
	Итого	5.342	—	—
1902	Въ 184 правительственныхъ гимназіяхъ	4.864	42 (0,9%)	32
	„ 5 церковныхъ училищахъ	90	—	—
	„ 5 частныхъ гимназіяхъ	103	4 (4,9%)	1
	Всего въ 194 учебныхъ заведеніяхъ	5.057	46 (0,9%)	33
	Постороннія лица	931	—	—
	Итого	5.988	—	—

спытаній.	Подвергались испытаніямъ.	Не выдержали испытаній.	Выдержали ис- пытанія и полу- чили аттестаты и свидетельства зрѣлости.	Награждены медалями.
В с е г о.				
101 (2,4%)	4.053 (97,6%)	121 (3,0%)	3.932 (97,0%)	477 (12,1%)
1 (1,1%)	87 (98,9%)	3 (3,5%)	84 (96,5%)	10 (11,9%)
13 (11,5%)	100 (88,5%)	8 (8,0%)	92 (92,0%)	4 (4,3%)
115 (2,6%)	4.240 (97,4%)	132 (3,1%)	4.108 (96,9%)	491 (11,9%)
87 (14,0%)	534 (86,0%)	264 (49,4%)	270 (50,6%)	—
202 (4,1%)	4.774 (95,9%)	396 (8,3%)	4.378 (91,7%)	—
79 (1,8%)	4.443 (98,2%)	107 (2,4%)	4.336 (97,6%)	659 (15,2%)
1 (1,2%)	82 (98,8%)	—	82 (100,0%)	13 (15,8%)
11 (11,2%)	87 (88,8%)	1 (1,2%)	86 (98,8%)	9 (10,5%)
91 (1,9%)	4.612 (98,1%)	108 (2,3%)	4.504 (97,7%)	681 (15,1%)
89 (13,9%)	550 (86,1%)	240 (43,6%)	310 (56,4%)	—
180 (3,4%)	5.162 (96,6%)	348 (6,7%)	4.814 (93,3%)	—
74 (1,5%)	4.790 (98,5%)	96 (2,0%)	4.694 (98,0%)	809 (17,2%)
—	90 (100,0%)	2 (2,2%)	88 (97,8%)	22 (25,0%)
5 (4,9%)	98 (95,1%)	1 (1,0%)	97 (99,0%)	8 (8,2%)
79 (1,6%)	4.978 (98,4%)	99 (2,0%)	4.879 (98,0%)	839 (17,2%)
93 (10,0%)	838 (90,0%)	417 (49,8%)	421 (50,2%)	—
172 (2,9%)	5.816 (97,1%)	516 (8,9%)	5.300 (91,1%)	—

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Я часто вамъ сообщалъ о нашей *École normale supérieure*. Въ продолженіе многихъ лѣтъ эта знаменитая школа имѣла привилегію пополнять персоналъ преподавателейъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Восемь лѣтъ тому назадъ, въ 1895 году, она ознаменовала столѣтіе своего существованія роскошнымъ изданіемъ, о которомъ я вамъ уже давалъ отчетъ.

Но ничто не постоянно на землѣ. *Tempora mutantur et nos mutantur in illis*. Эта знаменитая школа подверглась такому преобразованію, которое, какъ я боюсь, повлечетъ за собой ея полное упраздненіе. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ высшее образованіе совершенно измѣнилось. Правительство не только создало университеты, но и позаботилось о доставленіи имъ извѣстнаго числа стипендіатовъ, которые сдавали экзамены на степени *de licence* и *d'agrégation*, соперничая въ полученіи этихъ степеней съ учениками нормальной школы, при чемъ часто побѣждали ихъ на конкурсахъ. Если бы „*école normale*“ завтра же упразднили, то наши лица и коллегіи не почувствовали бы недостатка въ преподавателяхъ. Съ другой стороны не надо забывать, что бюджетъ Франціи теперь не столь эластиченъ, какимъ онъ былъ когда-то, школа же насчитывала кромѣ директора, помощника директора и эконома, еще тридцать два профессора словесности и другихъ наукъ. Между тѣмъ все, что даютъ эти профессора, можно получить и въ Парижѣ, въ Сорбоннѣ, въ *Collège de France*, въ *école des Hautes Études*, въ *école des Chartes*. Прежде нормальная школа представляла изъ себя строгій интернатъ. Иногда въ видѣ исключенія учениковъ посылали въ *Collège de France*, или въ Сорбонну прослушать курсъ знаменитыхъ профессоровъ. Такъ

напримѣръ, когда г. Бреаль началъ читать въ Collège de France сравнительную грамматику, нормальная школа посылала нѣкоторыхъ изъ своихъ будущихъ грамматиковъ слушать его курсъ. Въ настоящее время положеніе дѣла совсѣмъ измѣнилось. Уже много лѣтъ, что ученики école normale пользуются правомъ не жить въ школѣ и слушать курсы въ Сорбоннѣ, въ Collège de France и т. д. При Сорбоннѣ устроили спеціальныя бесѣды, настоящіе семинаріи, гдѣ поправляютъ сочиненія слушателей, поручаютъ имъ давать уроки ученикамъ и т. д. Такимъ образомъ преподаваніе въ école normale стало, не скажу бесполезнымъ, но излишнимъ.

Въ официальномъ журналѣ отъ 11-го ноября напечатанъ отчетъ министра народнаго просвѣщенія, въ которомъ онъ указываетъ на такое положеніе школы и предлагаетъ принять соотвѣтствующія мѣры. Вслѣдъ за этимъ отчетомъ вышло постановленіе г. президента о лишеніи „école normale“ ея автономіи и о присоединеніи ея къ парижскому университету съ сохраненіемъ ея спеціального бюджета. Она сохраняетъ директора, завѣдующаго словеснымъ отдѣленіемъ, и вице-директора, завѣдующаго научнымъ отдѣленіемъ. Оба засѣдаютъ въ совѣтѣ парижскаго университета. Ученики „école normale“ вступаютъ по конкурсенному экзамену; они могутъ быть пансіонерами или экстернами. Въ послѣднемъ и заключается значительное новшество; экстерны будутъ стипендіатами. Постоянныя должности профессоровъ уничтожены: если окажется необходимость въ преподаваніи какого-либо спеціального предмета, то для этого будутъ приглашать профессоровъ факультета, при чемъ это преподаваніе будетъ имѣть главнымъ образомъ педагогическій характеръ. Новый уставъ будетъ введенъ съ 1-го ноября будущаго года. Такимъ образомъ „école normale“ будетъ еще цѣлый годъ существовать въ настоящемъ ея видѣ. А затѣмъ она будетъ окончательно преобразована. Она обратится, какъ говорятъ въ Германіи, въ „конвиктъ“, или въ педагогическій институтъ. Fuit Nihil!

Требованія воинской повинности заставили большую часть французской молодежи стремиться къ такъ называемой свободной профессіи, дающей въ нѣкоторыхъ случаяхъ преимущество отбывать службу только одинъ годъ; но къ несчастью не всѣ, являющіеся на экзаменъ, оказываются одинаково способными и число невыдерживающихъ довольно значительно. Такъ, въ іюль прошедшаго года кандидатовъ на степень бакалавра по разнымъ факультетамъ было 23.050, а получившихъ дипломы меньше половины (10.593). И еще

при какихъ условіяхъ: $\frac{3}{4}$ изъ бакалавровъ получили лишь удовлетворительный отзывъ. Прекрасныхъ отзывовъ очень мало: всего 32 на 10.000 на степень бакалавра по древнимъ языкамъ, а по новымъ языкамъ хорошій отзывъ у 47 на 4.658 кандидатовъ. Въ общемъ результатъ экзаменовъ имѣетъ характеръ печальной посредственности. Въ будущемъ іюлѣ мы увидимъ важныя перемены. Число письменныхъ экзаменовъ увеличится; экзаменаціонная коммисія вмѣсто того, чтобы состоять, какъ теперь, изъ профессоровъ университета, немного скептиковъ и очень склонныхъ къ снисходительности, будетъ состоять изъ лицейскихъ профессоровъ, болѣе свѣдущихъ въ методахъ преподаванія и менѣе снисходительныхъ. Но помимо этого есть еще одно обстоятельство, которое особенно послужитъ къ поднятію уровня получающихъ степень бакалавра, это законъ,— если только онъ пройдетъ,— по которому двухгодичное отбываніе воинской повинности будетъ обязательно для всѣхъ молодыхъ людей безъ исключенія. А когда свободныя профессіи не будутъ больше давать привилегій, молодые люди не будутъ больше такъ къ нимъ стремиться; многіе тотчасъ же возвратятся къ сельскому хозяйству, къ коммерціи или къ службѣ въ колоніяхъ.

Торжественное засѣданіе парижскаго факультета словесности состоялось 6-го ноября подъ предсѣдательствомъ декана Альфреда Круазе. Я только тогда сообщая вамъ объ этихъ засѣданіяхъ, когда они представляютъ нѣкоторый интересъ для вашихъ читателей. Они обыкновенно состоятъ изъ двухъ частей: одинъ изъ профессоровъ читаетъ изслѣдованіе по философіи, исторіи или по литературѣ; послѣ того деканъ читаетъ отчетъ объ изслѣдованіяхъ предыдущаго года. Въ этомъ году г. Оманъ (Hauman) прочелъ на засѣданіи свое изслѣдованіе, посвященное Россіи. Г. Оманъ, занявшій въ прошломъ году новую кафедру по русскому языку и русской литературѣ въ Сорбоннѣ, одинъ изъ многочисленныхъ учениковъ г. Луи Леже и много лѣтъ занималъ кафедру по русской литературѣ въ лильскомъ университетѣ. Рѣчь г. Оманъ, предметомъ которой были Петръ Великій и Тредьяковскій, очень заинтересовала публику, собравшуюся въ Сорбоннѣ. Въ прошломъ году г. Оманъ читалъ о произведеніяхъ Тургенева. Онъ жалуется, что его лекціи гораздо больше посѣщаются русскими, желающими изучить французскій языкъ, чѣмъ французами, желающими изучить русскій. Его слушало, однако, 5 или 6 французовъ, старавшихся превозмочь трудности русскаго языка. Деканъ г. Круазе въ своемъ отчетѣ сообщилъ свѣдѣнія по статистикѣ слушателей словеснаго факультета.

Число слушателей 1880, изъ нихъ 379 иностранцевъ. Изъ этихъ 379-ти записались въ качествѣ русскихъ 151, но съ этнографической и антропологической точки зрѣнія всѣ эти русскіе далеко не славяне.

Ежегодникъ Collège de France, созданный покойнымъ Гастономъ Парисомъ во время его завѣдыванія этимъ знаменитымъ учрежденіемъ, вышелъ недавно въ третій разъ. Онъ содержитъ краткое изложеніе всѣхъ курсовъ, число которыхъ достигаетъ теперь 45, прочитанныхъ въ прошломъ году профессорами, и списокъ наградъ, назначенныхъ Collège'омъ. Кромѣ того въ немъ напечатаны рѣчи, произнесенныя на похоронахъ Гастона Париса, и замѣтка г. Абеля Лефранъ, ученаго профессора исторіи въ Collège de France объ одномъ очень интересномъ документѣ, который недавно былъ приобретенъ Collège de France на одной распродажѣ автографовъ. Этотъ документъ имѣетъ отношеніе къ каедру греческаго языка въ Collège de France. Онъ помѣченъ 1567 г., когда эллинистъ Николай Гулю добивался каедры греческаго языка, которая вскорѣ должна была освободиться. Онъ держалъ испытательный экзаменъ въ присутствіи пяти профессоровъ Collège de France: Дюре, Шарпантье, Дора, Дюшенъ и Ламбенъ и трехъ эллинистовъ, знаменитыхъ членовъ плеяды, постовъ Ронсаръ, Белло и Банфль. Свидѣтельство или дипломъ, выданный этими знаменитостями, имѣетъ ихъ подписи. Такимъ образомъ этотъ дипломъ имѣетъ историческое значеніе. Collège хранитъ его въ своихъ архивахъ, и кромѣ того извѣстному гелиографу Дюжардену былъ заказанъ точный фотографическій снимокъ съ него. Замѣтка г. Лефранъ о драгоценномъ документѣ представляетъ весьма интересную главу изъ исторіи гуманизма и преподаванія въ XVI столѣтіи.

Я уже нѣсколько разъ имѣлъ случай сообщать вамъ объ „École libre des sciences politiques“. Эта школа, основанная тотчасъ послѣ войны 1870 г., съ каждымъ годомъ все больше и больше процвѣтаетъ благодаря самоотверженности директора ея, высокочтимаго академика Бутми. Бывшіе его ученики занимаютъ самыя выдающіяся мѣста по дипломатіи, по преподаванію и по администраціи. Съ прошлаго года эта школа распространила свое поле дѣятельности на провинцію, гдѣ она организовала рядъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ ея профессорами и учениками и имѣвшихъ большой успѣхъ. Такъ какъ это предпріятіе удалось, то теперь школа напечатала программу предполагаемыхъ ею публичныхъ лекцій. Въ прошломъ году одна изъ этихъ публичныхъ лекцій состоялась въ Мюльгаузенѣ въ Эльзасѣ; кромѣ того лекціи были прочитаны въ Амьенѣ, въ Ангулемѣ, въ Бордо, въ

Буржъ, въ Шербургъ, въ Діэппъ, въ Эльбефъ, въ Гонфлеръ, въ Гавръ, въ Лиможъ, въ Питивьеръ, въ Понтодемеръ, въ Руанъ. Для устройства этихъ лекцій, школа политическихъ наукъ вошла въ сношеніе съ Французскимъ союзомъ, который имѣетъ свои комитеты въ большей части нашихъ провинціальныхъ городовъ, и который, помимо плодотворнаго вліянія заграницей, способствуетъ пробужденію умственной дѣятельности въ провинціи, всегда склонной къ застою.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я сообщалъ вамъ о томъ успѣхѣ, который имѣли курсы, устроенные въ Парижѣ Французскимъ союзомъ. И не стану къ этому возвращаться, замѣчу только, что на этихъ курсахъ выдѣляются русскіе слушатели. Въ іюлѣ мѣсяцѣ серебряныя медали получили двѣ русскія женщины: г-жа Худякова изъ Плоцка и г-жа Шильдъ изъ Риги.

За послѣднее время въ дѣлѣ первоначальнаго образованія приходится наблюдать явленіе, которое должно серьезно озаботить всѣхъ интересующихся этимъ столь важнымъ отдѣломъ народнаго образованія. Первоначальное образованіе у насъ сдѣлано обязательнымъ. Учителямъ и учительницамъ увеличено содержаніе, а между тѣмъ число кандидатовъ на учительскую должность вмѣсто того, чтобы повыситься—понизилось. Учительскія семинаріи съ трудомъ наполняются. Является вопросъ — хватить ли черезъ нѣсколько времени во Франціи пужнаго персонала для обученія всѣхъ, кого современное законодательство толкаетъ въ школы? Теперь еще часть преподавателей пополняется изъ братьевъ христіанскаго вѣроученія. Поговариваютъ объ уничтоженіи этого ордена. Что же произойдетъ тогда? Стараются найти причины, заставляющія молодыхъ людей отклоняться отъ учительскихъ обязанностей. Эти причины различнаго рода. Прежде молодые люди, принимавшіе на себя обязательство исполнять обязанности учителя въ продолженіе 10 лѣтъ, освобождались отъ воинской повинности, теперь они должны отслужить годъ, а у насъ готовится новый законъ, по которому каждый французъ обязанъ отбывать воинскую повинность два года. Хотя учительское жалованье увеличено, все же оно остается очень скуднымъ; прежде учителя могли немного увеличивать свои доходы, исполняя должность кантора въ церкви. Это имъ теперь запрещено. Имъ позволено только исполнять должность, очень скудно оплачиваемую, секретаря муниципалитета. Кромѣ того на нихъ возлагаютъ еще разныя даровыя, побочныя обязанности; ихъ заставляютъ устраивать народныя чтенія, организовать общества

бывшихъ учениковъ, участвовать въ народныхъ университетахъ—все безъ вознагражденія. Ко всему этому префектъ департамента или республиканскій депутатъ стараются сдѣлать изъ нихъ политическихъ агентовъ.

Наши латинисты отпраздновали очень рѣдкое торжество: 80-лѣтнюю годовщину рожденія г. Гастона Буассье, непрѣжнаго секретаря французской академіи, члена академіи надписей, бывшаго профессора въ *École normale*, профессора въ *Collège de France*. Г. Буассье родился въ Нимѣ 15-го августа 1823 года. Такъ какъ этотъ день приходится во время лѣтнихъ каникулъ, то юбилей знаменитаго латиниста былъ перенесенъ на то время, когда всѣ члены академій и разныхъ учебныхъ заведеній находятся въ Парижѣ. По этому случаю сослуживцы, друзья и ученики, какъ французы, такъ и иностранцы, этого знаменитаго латиниста, который еще недавно выпустилъ прекрасную книгу о Тацитѣ, составили и поднесли своему учителю сборникъ, роскошно изданный фирмой Фонтемоанъ, содержащій статьи французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ ученыхъ. Сборникъ начинается латинскою одой г. Шателена, бібліотекаря въ Сорбоннѣ и члена института. Г. Шателенъ—одинъ изъ немногихъ между современными учеными поклонниковъ латинской музыки. Ваши читатели могутъ судить о его талантѣ по слѣдующимъ строфамъ.

Qualem coronam liberius datis,
Dilecte Gasto, conspice floribus,
Una magistri mente ducti
Texuerint, tibi gratulantes.
Pro pignore illo tam reverentiae
Quam veri amoris mittere symbolam
Collega Saxo Russicusve
Aut Italus properavit aequae,
Et Scotus, et qui praegelidos lacus,
Helvetiae et qui Danubium bibit,
Omnes tuis insigne alumnis
Auxilium propriis daturi.

Въ числѣ сотрудниковъ этой прекрасной книги находятся: Моммзенъ, Гастонъ Парисъ, Бюшелеръ, графиня Лователли, Гельбингъ, Ростовцевъ. Моммзенъ написалъ филологическій трактатъ о смыслѣ слова *lex*. Гастонъ Парисъ разбираетъ отношеніе латинскаго языка къ романскимъ языкамъ, что было предметомъ изученія всей его жизни.

Этотъ сборникъ настоящій памятникъ, воздвигнутый въ честь уче-

наго латиниста, который такъ легко несетъ бремя своихъ лѣтъ. Про него можно сказать то же, что когда-то говорили про музыканта Обера—ему не 80 лѣтъ, а четыре раза двадцать.

Вашимъ читателямъ давно извѣстно имя г. Альфреда Рамбо. Ученый историкъ Россіи не только кабинетный ученый. Онъ природный *rebus agendis*. Въ продолженіе 3-хъ лѣтъ онъ былъ секретаремъ Жюля Ферри въ то время, какъ этотъ послѣдній занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія (1879 — 1885). Послѣ многихъ лѣтъ преподаванія исторіи въ Сорбоннѣ, онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ, и во время министерства г. Мелина занималъ почти 3 года постъ министра народнаго просвѣщенія. Но судьба бываетъ измѣнчива; въ прошломъ году г. Рамбо не былъ вновь выбранъ въ сенаторы и долженъ былъ снова приняться за преподаваніе въ Сорбоннѣ. Онъ воспользовался свободнымъ временемъ и написалъ книгу о политической дѣятельности своего перваго патрона Жюля Ферри,—имя котораго связано съ нѣкоторыми страницами нашей современной исторіи (1 томъ in 8°, фирма Плонъ). Жюль Ферри въ царствованіе Наполеона III былъ однимъ изъ предводителей республиканской оппозиціи; во время войны онъ сталъ членомъ правительства національной обороны, потомъ посломъ въ Афинахъ, затѣмъ снова депутатомъ. Въ 1879 г. онъ былъ приглашенъ на постъ министра народнаго просвѣщенія, затѣмъ былъ нѣкоторое время президентомъ въ совѣтѣ министровъ и снова министромъ народнаго просвѣщенія. Въ 1885 г. онъ покинулъ постъ министра, потомъ сталъ сенаторомъ и умеръ въ 1893 г. президентомъ сената. Во внѣшней политикѣ Франція ему обязана завоеваніемъ Туниса, Тонкина и Мадагаскара. При жизни у него было много враговъ, которые не всегда были къ нему справедливы, но потомство оказалось болѣе справедливымъ, чѣмъ были современники. Эта біографія Ферри является важнымъ вкладомъ въ исторію Франціи XIX вѣка. Я вамъ уже сообщалъ тому почти четверть вѣка назадъ о нововведеніяхъ, внесенныхъ Жюлемъ Ферри въ область министерства народнаго просвѣщенія; я удовлетворюсь теперь перечисленіемъ главныхъ изъ нихъ. Въ 1879 г. была учреждена въ замкѣ Медонъ обсерваторія физической астрономіи; открытъ въ Парижѣ педагогическій музей, музей Трокадеро. Въ 1880 г. была учреждена въ Collège de France кафедра исторіи религій, въ лицахъ введены военныя упражненія; въ Fontenay aux Roses открыта высшая нормальная школа для преподавательницъ; былъ проведенъ законъ о женскомъ среднемъ образованіи; былъ изданъ декретъ объ

учрежденіи различныхъ дипломовъ лиценціатовъ по словесности, философіи, исторіи. Въ 1881 г. были основаны высшая нормальная школа преподавателей (теперь находящаяся въ Сень-Клу), высшая нормальная школа для женщинъ—будущихъ учительницъ въ среднихъ школахъ для дѣвочекъ (эта школа находится въ Севрѣ). Въ 1882 г. вышелъ законъ объ обязательности первоначальнаго образованія. Въ 1883 г. законъ, касающійся постройки домовъ для школъ.

Въ общемъ Жюль Ферри одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей въ нашей внутренней и внѣшней политикѣ, въ нашемъ народномъ образованіи и въ исторіи нашихъ колоній. Къ нему не всегда были справедливы во время его жизни. Въ г. Рамбо онъ нашелъ достойнаго себя историка.

Г. Альбертъ Сорель съ неутомимымъ рвеніемъ продолжаетъ свою прекрасную работу о Европѣ и французской революціи. Онъ только что выпустилъ шестую часть (фирма Плонъ). Этотъ томъ охватываетъ періодъ отъ 1800 по 1805 г., замѣчательный Люневильскимъ и Амьенскимъ договорами. Авторъ выясняетъ роль Бонапарта, не полководца, а государственнаго человѣка и дипломата, и разбираетъ отношенія Франціи къ Россіи, полномочія Колычева и Моркова, политику Александра I и Адама Чарторыжскаго относительно Франціи. Г. Сорель весьма рѣдкій историкъ какъ по своему умѣнью обрисовывать характеры, такъ и по искусству, съ которымъ онъ распутываетъ нить самыхъ деликатныхъ переговоровъ. Я рекомендую вашимъ читателямъ характеристику Бонапарта, Александра I, короля и королевы Прусскихъ. Г. Сорелю осталось написать только два тома, чтобы окончить эту прекрасную работу, самую замѣчательную изъ всѣхъ, появившихся послѣ Тьера, котораго начинаютъ понемногу забывать.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей въ первые годы революціи былъ безъ сомнѣнія Талейранъ, епископъ отенскій, сыгравшій затѣмъ выдающуюся роль въ царствованіи Наполеона, Людовика XVIII и даже Людовика Филиппа. Его общественная жизнь, послѣ появленія его на политической сценѣ, очень хорошо извѣстна. Гораздо меньше извѣстно его происхожденіе. Молодой историкъ г. Бернаръ де-Лакюмбъ взялся познакомить насъ съ этимъ вопросомъ въ книгѣ, озаглавленной: *Talleyrand évêque d'Autin* (академическое изданіе). Г. де-Лакюмбъ изслѣдовалъ мемуары и журналы того времени, протоколы собраній духовенства и національнаго собранія, нѣкоторые манускрипты и мало извѣстные документы, хранящіеся въ національной библіотекѣ, въ національныхъ архивахъ, въ архивахъ Реймса и Отена, въ архивѣ

знаменитой семинаріи Ссиг-Сюписъ въ Парижѣ, и наконецъ документы, собранные знаменитымъ орлеанскимъ епископомъ Дюпанлу, который присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Талейрана. При помощи всѣхъ этихъ документовъ авторъ составилъ очень интересный рассказъ. Онъ намъ очень хорошо объясняетъ, почему Талейранъ, вступившій противъ своей воли на духовное поприще, былъ по духу такъ далекъ отъ духовныхъ интересовъ и какимъ способомъ онъ получилъ званіе епископа (онъ даже домогался кардинальской шапки), какъ онъ исполнялъ свои обязанности въ Отенѣ и какимъ образомъ онъ сталъ депутатомъ въ генеральныхъ штатахъ. Авторъ изучаетъ его роль въ учредительномъ собраніи 1790—1792 г. до того времени, когда онъ разрываетъ связь съ римской церковью. Эта интересная работа была премирована французской академіей.

Историкъ г. Эдуардъ Гашо занимается по преимуществу военной исторіей. Онъ уже далъ намъ двѣ книги о итальянскихъ походахъ французской республики съ 1795—1798 г. Теперь онъ выпустилъ новую книгу „la Campagne de Souvoroff en Italie“. Онъ не ограничился изученіемъ прежнихъ военныхъ историковъ, но справился въ итальянскихъ, австрійскихъ и русскихъ архивахъ; онъ продѣлалъ маршрутъ австрійскихъ и русскихъ войскъ, отправился въ Моравію, въ Брюннъ, въ Знаимъ, въ Вѣну, прошелъ Земмерингъ, Иллирію и Корнишскіе Альпы до Вероны. Онъ находитъ невѣрнымъ многое въ изложеніи Милютина. Я не берусь судить о его книгѣ и удовольствуюсь тѣмъ, что называю его сочиненіе; оно сопровождается интереснымъ портретомъ Суворова и порядочнымъ числомъ плановъ. Къ сожалѣнію, стиль мѣстами тяжель (одинъ томъ in 8°, академическое изданіе).

Издательская фирма Алканъ стала издавать нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подъ редакціей Габріеля Моно, серію историческихъ сочиненій, соответствующихъ программѣ средняго образованія; въ 6 томахъ этой серіи содержится всемірная исторія съ самыхъ отдаленныхъ временъ до 1889 г. Эта серія только что закончена двумя томами, посвященными современной исторіи. Первый томъ обнимаетъ періодъ отъ 1789 до 1815 г., второй отъ 1815—1902 г. Изъ всѣхъ историческихъ книгъ, появившихся въ послѣднее время, этотъ трудъ даетъ самое полное представленіе о человѣческой эволюціи въ XIX вѣкѣ; онъ содержитъ не только политическую исторію, но и эволюцію идей, литературы и искусствъ; онъ написанъ очень яснымъ языкомъ; каждый томъ сопровождается картинами, гравюрами; каждая глава сопровождается богатой библіографіей. Благодаря всему этому данное сочиненіе не есть

только руководство для учащихся, но можетъ съ пользою быть прочтано всѣми, кто хочетъ познакомиться съ прогрессомъ человѣчества въ XIX вѣкѣ.

Наша французская публика была прежде очень мало знакома съ славянскими дѣлами и особенно съ вопросами современной политики. Во время Наполеона III самые знаменитые изъ нашихъ публицистовъ не различали чеховъ отъ австрійцевъ, болгарь отъ румынъ и грековъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ мы сдѣлали успѣхи; молодое поколѣніе, прошедшее курсы въ Сорбоннѣ, въ Collège de France или въ École des sciences politiques, начинаетъ имѣть болѣе ясныя представленія, чѣмъ ихъ предшественники. Время отъ времени появляются книги, указывающія, что авторы ихъ изучаютъ вопросы, которые раньше совершенно не возбуждали интереса. Я вамъ называлъ недавно появившіяся работы Луазо, Шерадамъ, Дени. Бывшій ученикъ école des sciences politiques—René Henry, только что выпустилъ книгу „Question d'Autriche-Hongrie et question d'Orient“ (фирма Плонъ), которая указываетъ на серьезныя занятія и на очень добросовѣстную работу автора. Книга снабжена предисловіемъ г. Anatole Leroy Beauclieu. Г. Анри изучилъ вопросъ „Стремленіе къ востоку“ (Drang nach Osten), опасности, которымъ подвергается Австро-Венгрія отъ пангерманизма, роль, которую играютъ славяне въ восточномъ вопросѣ, дипломатическія отношенія Австріи къ Россіи. Даже тѣ изъ вашихъ читателей, которые хорошо ознакомлены съ этими задачами, найдутъ кое-что интересное въ книгѣ г. Анри, остроумнаго и весьма свѣдущаго писателя-энтузіаста.

Г. Антуанъ Альбала молодой писатель, занимающійся исключительно изученіемъ искусства писать. Я недавно вамъ сообщалъ о его книгѣ „L'Art d'écrire enseigné en 20 leçons“. Продолжая свои изслѣдованія на ту же тему, онъ теперь выпустилъ книгу: le Travail du style enseigné par les corrections manuscrites des grands écrivains (фирма Арманъ Коленъ). Объяснивъ, какимъ образомъ можно и должно исправлять свой стиль, г. Альбала сообщаетъ намъ, какъ нѣкоторые изъ нашихъ знаменитыхъ писателей занимались улучшеніемъ своего слога, судя по ихъ рукописямъ, которыя авторъ добросовѣстно изучилъ. Въ своей остроумной книгѣ онъ знакомитъ насъ съ modus procedendi великихъ учителей французской прозы съ XVII по XIX вѣкѣ; онъ изучаетъ манеру писать Шатобріана, Флобера, Боссюэта, Паскаля, Руссо, Бюффона, Монтескье, Малерба, Лафонтена, Буало, Расина и Фенелона. Онъ заканчиваетъ книгу двумя главами о писателяхъ, пренебре-

гавшихъ стилемъ, между которыми называетъ Стендаля, Массильона, Теофила Готье, Ламартина и др. Книга полна интересныхъ разсказовъ и остроумныхъ наблюдений. Я не знаю, можемъ ли мы, благодаря ей, получить хорошихъ писателей, но во всякомъ случаѣ эта книга представляетъ интересную статью по исторіи и критикѣ литературы.

Фирма Арманъ Колленъ продолжаетъ издавать свой интересный сборникъ: *Pages choisies des grands écrivains*. Этотъ сборникъ состоитъ теперь изъ болѣе чѣмъ 30-ти томовъ. Изъ числа появившихся послѣдними я могу рекомендовать 3 книги.

1) *Pages choisies de Bossuet* par m. Alfred Gazier, профессора Сорбонны. Я не собираюсь говорить съ вашими читателями о Боссюэтѣ. Г. Газье въ настоящее время изучилъ его лучше всѣхъ во Франціи. Его книга начинается превосходнымъ очеркомъ о Боссюэтѣ.

2) *Pages choisies de Beaumarchais* par m. Bonnefons. Г. Боннефонъ библиотечаръ парижской бібліотеки, одинъ изъ самыхъ ученыхъ знатоковъ французской классической литературы. Онъ уже напечаталъ одну значительную работу о Бомарше. Ему оставалось только немного ее передѣлать, чтобы получить вступленіе для этой книги, которую я вамъ особенно рекомендую. За границей очень мало знаютъ о Бомарше и думаютъ, что Севильскій цирюльникъ и Свадьба Фигаро только оперы; ихъ соединяютъ съ именемъ Моцарта, Пасіелло, Россини и забываютъ о несравненномъ создателѣ типа Фигаро, о Бомарше. Но Бомарше не былъ только чудеснымъ драматургомъ, но также памфлетистомъ и прекрасно писалъ письма. Красивая и прекрасно изданная г. Боннефономъ книга будетъ настоящимъ откровеніемъ для многихъ изъ вашихъ читателей.

3) *Pages choisies de M-me de Staël* съ предисловіемъ m. Rocheblave, которому мы обязаны уже прекрасными работами по французской литературѣ. Изъ всѣхъ сочиненій г-жи Сталь теперь читаютъ только книгу о Германіи и ея романъ Коринна. Въ продажѣ теперь нѣтъ полнаго собранія ея сочиненій; однако есть много страницъ, которыя заслуживаютъ быть прочитанными и перечитанными въ ея трудахъ по литературѣ, по французской революціи и въ ея автобіографіи, озаглавленной *Dix années d'exil*. Г. Рошеблавъ съ большимъ вкусомъ собралъ отрывки, которые больше всего обрисовываютъ идеи этой интересной и гениальной личности. Я особенно рекомендую вашему вниманію путешествіе по Россіи г-жи Сталь, которое издатель имѣлъ счастливую мысль воспроизвести цѣликомъ.

Членъ французской академіи г. Брюнетьеръ продолжаетъ собирать свои статьи, разбросанныя въ журналѣ *Revue des deux mondes*. Онъ только что выпустилъ седьмую серію своихъ *Études critiques sur l'histoire de la littérature française* (Paris, Hachette). Эта часть содержитъ статьи о Ронсарѣ, о грамматикѣ Вожосла, о Лафонтенѣ, о языкѣ Мольера, о библіотекѣ Боссюэта, о развитіи трагедіи, о развитіи литературы, касающейся Виктора Гюго, и о Гоноре Бальзакѣ. Это уже 25-я книга, которую выпускаетъ г. Брюнетьеръ, и до сихъ поръ почтенный издатель *Revue des deux mondes* не выказываетъ никакой усталости. Его разнообразныя книги представляютъ изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ энциклопедію французской литературы и заслуживаютъ мѣсто въ библіотекахъ рядомъ съ *Causeries du Lundi* и *Portraits littéraires* Сентъ-Бёва, который неоспоримо остается первымъ критикомъ XIX вѣка.

Г. Ланглуа, профессоръ французской литературы среднихъ вѣковъ при лильскомъ университетѣ, составилъ таблицу всевозможныхъ именъ собственныхъ, заключающихся въ *Chansons de geste, imprimées depuis les origines jusqu'au règne de Charles V* (quatorzième siècle). Его работа, премированная академіей надписей, появилась въ видѣ объемистаго тома in 8° въ книжной фирмѣ Бульонгъ. Это трудъ, указывающій на необыкновенное терпѣніе. Списокъ, составленный г. Ланглуа, содержитъ больше 8.000 именъ и заключаетъ драгоценныя свѣдѣнія о происхожденіи нашихъ средневѣковыхъ поэмъ и о географическихъ и историческихъ познаніяхъ авторовъ этихъ поэмъ. Г. Ланглуа одинъ изъ лучшихъ учениковъ покойнаго Гастона Париса, который очень поощрялъ это изданіе.

Г. Альфредъ Лефрангъ, секретарь въ Collège de France и профессоръ въ École des hautes études, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Рабеле. Онъ образовалъ недавно специальное общество для изученія этого знаменитаго писателя, аналогичное тѣмъ, которыя существуютъ за границей для изученія Данте, Шекспира и Гёте. У этого общества есть свой журналъ: *Revue des études Rabelaisiennes*, первая книжка котораго только что появилась. Цѣна этого журнала 10 франковъ въ годъ. Онъ издается фирмой Шампюнь (9 quai Voltaire. Paris).

Вамъ извѣстно прекрасное сочиненіе *Histoire de l'art dans l'antiquité* par mm. Perrot et Chipiez. Это грандіозное изданіе, начавшееся около 20-ти лѣтъ тому назадъ, дошло теперь до восьмаго тома (фирма Гашетъ). Не такъ давно г. Перро потерялъ своего сотрудника архитектора Шипье, оказавшаго ему безцѣнные услуги по реставраціи ан-

тичныхъ монументовъ. Шипье умеръ въ 1901 году. Г. Перро посвящаетъ ему трогательный очеркъ въ началѣ восьмага тома. Этотъ томъ посвященъ изученію древней Греціи (съ 776 по 480 г.г.), ея гражданской архитектуры, фортификаціи, надгробныхъ памятниковъ, скульптуры, азіатской Греціи, острововъ Эгейскаго моря, дорійскихъ странъ и Аттики. Этотъ томъ есть достойное продолженіе предыдущихъ томовъ этого сочиненія, являющагося безъ сомнѣнія самымъ лучшимъ и самымъ значительнымъ изъ всего, что мы имѣемъ по археологій въ нашей литературѣ. Послѣдній томъ украшенъ 350-ю гравюрами, исполненными со всѣмъ стараніемъ, какое влагаетъ фирма Гашеть въ свои изданія археологическихъ сочиненій. Я спрашивалъ недавно г. Перро, сколько томовъ онъ собираетъ еще выпустить? Столько, сколько фирма Гашеть захочетъ издать, отвѣтилъ онъ. Знаменитому археологу теперь 71 годъ. Будемъ надѣяться, что онъ дастъ намъ еще пять или шесть томовъ и доживетъ до ста лѣтъ.

Рядомъ съ этимъ прекраснымъ и классическимъ изданіемъ я, не колеблясь, рекомендую вамъ интересную серію *Les villes d'art célèbres*, изданную фирмою Лованъ, которая преимущественно даетъ художественныя изданія. Это серія монографій, написанныхъ выдающимися специалистами, въ которыхъ описаны города самые интересные по своей исторіи и по своимъ коллекціямъ. Форматъ этого сборника *in 4°* и всѣ тома богато иллюстрированы фотографіями. Изъ появившихся сочиненій въ этой коллекціи я упомяну: *Venise* par Pierre Guzman; *Nimes, Arles et Orange* (въ одномъ томѣ) par Roger Peyre; *Cordoue, Seville et Grenade* par C. Schmidt; *Gand et Tournay, Bruges et Ypres* par m. Henri Puman, консерватора въ публичной библиотекѣ въ Брюсселѣ; *Paris* par Riat, изъ національной библиотеки; *Constantinople* par Barth; *Ravenne* par Charles Diehl. Я особенно рекомендую вашимъ читателямъ этотъ томъ; они знаютъ, какъ велика компетентность г. Дилиа въ археологій и въ византійскомъ искусствѣ. Я не сомнѣваюсь, что эта элегантная монографія найдетъ у нихъ самый лучший пріемъ.

Французская наука понесла значительную утрату въ лицѣ Эмиля Лепранъ, профессора новогреческаго языка въ *École des langues orientales*. Г. Лепранъ, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ современнаго эллинизма и его литературы. Онъ былъ профессоромъ съ 1887 г. Мы ему обязаны многими прекрасными работами, какъ-то: новогреческая грамматика, народная греческая библиотека, словарь, греческая библиографія въ 6 томахъ. Еще за нѣсколько дней

до смерти г. Леграна въ издаваемой фирмой Leru Bibliothèque de l'école des langues orientales появился его сборникъ избранныхъ отрывковъ на новогреческомъ литературномъ языкѣ; кромѣ того, онъ намѣревался въ скоромъ времени выпустить сборникъ-хрестоматию современныхъ поэтовъ. Греція теряетъ въ немъ одного изъ своихъ самыхъ горячихъ друзей. Г. Леграна, какъ профессора и ученаго, Αἰμίλιος Λεγρανδῖος, какъ говорили греки, не такъ легко будетъ замѣнить.

Л. Л—ръ.

В. Г. ЗУБКОВЪ.

(Некрологъ).

(По архивнымъ документамъ и личнымъ воспоминаніямъ ¹⁾).

Владиміръ Григорьевичъ Зубковъ, сынъ священника Пермской губ., родился 29-го іюня 1847 года. По окончаніи курса въ Екатеринбургской гимназій, онъ поступилъ въ августѣ 1866 г. на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, гдѣ окончилъ курсъ со степенью кандидата весною 1870 года. Въ университетѣ онъ три раза (на 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ курсѣ) получалъ преміи, выдававшіяся тогда за лучшія упражненія ех (строго по древнимъ языкамъ (писалось сочиненіе на латинскомъ языкѣ и дѣлался переводъ съ русскаго на греческій). Латинскій языкъ онъ тогда лучше зналъ, чѣмъ греческій, какъ о томъ свидѣтельствуесть его учитель проф. П. М. Леонтьевъ: такъ, въ 1868 г. его работа по латинскому языку была признана факультетомъ первою по достоинству изъ числа четырехъ, а работа по греческому языку лишь третьей. И не мудрено: въ Екатеринбург-

---

¹⁾ Главнымъ источникомъ моихъ были „Дѣла Совѣта Московскаго университета“, хранящіяся въ университетскомъ архивѣ. Изъ этихъ дѣлъ протоколы за 1865—1881 гг. напечатаны частью въ „Московскихъ университетскихъ извѣстіяхъ“ (кончая мартомъ 1872 г.), частью въ отдѣльныхъ книжкахъ подъ заглавіемъ „Протоколы засѣданій Совѣта Императорскаго Московскаго университета“ (начиная съ апрѣля 1872 г.). Дѣла историко-филологическаго факультета имѣются въ архивѣ въ болѣе сохранномъ видѣ лишь съ 1875 года; но они большаго значенія для моей дѣлы не имѣютъ, такъ какъ всѣ болѣе важныя дѣла тогда поступали въ Совѣтъ.

Настоящій очеркъ есть извлеченіе изъ некролога, помѣщеннаго въ Отчетѣ и рѣчахъ Московскаго университета за 1903 годъ, съ небольшими измѣненіями.

ской гимназіи, гдѣ онъ учился, греческій языкъ тогда вовсе не преподавался, такъ что по греческому языку онъ былъ „самоучкой“.

Кончивъ въ университетѣ, В. Г. осенью того же 1870 года выдержалъ еще испытаніе на званіе учителя гимназіи для преподаванія древнихъ языковъ и въ августѣ поступилъ преподавателемъ латинскаго языка въ Московскую 5-ую гимназію. Немного спустя послѣ этого историко-филологическій факультетъ въ засѣданіи 12-го октября того же 1870 года постановилъ ходатайствовать объ оставленіи его при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Но министерство отвѣтило на это ходатайство отказомъ. Равнымъ образомъ, министерство не уважило ходатайства совѣта въ 1872 г. объ отправленіи В. Г. за границу съ ученою цѣлью, главнымъ образомъ на томъ основаніи, что онъ еще не выдержалъ испытанія на степень магистра.

Въ концѣ 1873 г. и въ началѣ 1874 г. В. Г. выдержалъ магистерскій экзаменъ. Въ засѣданіи 16-го февраля 1874 г. совѣтъ, по донесенію историко-филологическаго факультета, опредѣлилъ „возобновить ходатайство о командированіи за границу на два года, на суммы министерства народнаго просвѣщенія, кандидата Вл. Зубкова, успѣшно окончившаго испытаніе на степень магистра греческой словесности“. 31-го мая 1874 г. пришло разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія на командированіе Зубкова съ 1-го сентября 1874 г. „съ предвареніемъ г. Зубкова, чтобы онъ непремѣнно окончилъ свои занятія въ продолженіе двухъ лѣтъ“. Тогда факультетъ далъ ему инструкцію, составленную доцентомъ П. Х. Вибергомъ, въ которой между прочимъ признается „весьма желательнымъ, чтобы г. Зубковъ при посѣщеніи заграничныхъ университетовъ, старательно пользуясь лекціями, бібліотеками и прочими важными средствами по разнымъ частямъ древне-классической филологіи, основательно знакомился съ современными воззрѣніями и требованіями науки, и при томъ съ особеннымъ рвеніемъ принималъ возможное участіе въ упражненіяхъ филологическихъ семинарій, обращая усиленное вниманіе какъ на теоретическую, такъ и на практическую сторону грамматики и филологической критики, составляющихъ необходимыя орудія для научнаго изслѣдованія и объясненія древне-классическихъ памятниковъ“. Далѣе ему рекомендуется „во избѣжаніе всякой поверхностности съ одной стороны, а съ другой—для усвоенія произведеній греческой словесности въ полномъ ихъ объемѣ, сосредоточить главный интересъ на спеціальномъ изученіи одного писателя съ многостороннимъ, по возможности подробнымъ изслѣдованіемъ различныхъ отраслей древне-

классической науки, находящихся въ неразрывной связи съ произведеніями этого автора“. Ему указывается и самый этот авторъ: онъ долженъ заниматься „сколько возможно полнымъ и отчетливымъ изученіемъ трагедій Софокла по содержанію и формѣ“. Снабженный такою инструкціей, В. Г. поѣхалъ за границу. Сдѣлавъ онъ тамъ, кажется, больше, чѣмъ ему вмѣняла въ обязанность инструкція. Прежде всего онъ направился въ Германію. Зимній семестръ 1874—75 г. онъ провелъ въ Кёнигсбергѣ, гдѣ „посѣщалъ лекціи проф. Бласса, Жордана, Лерса, Фридендера¹⁾); занимался приготовленіемъ матеріала для магистерской диссертациі, изученіемъ нѣкоторыхъ произведеній греческихъ и римскихъ писателей, а также и чтеніемъ новѣйшихъ сочиненій по исторіи греческой литературы, изслѣдованіемъ достоинства новой рукописи Демосѣена, принадлежащей Кембриджскому музею и сличенной профессоромъ Целе“. Такъ пишетъ самъ В. Г. изъ Кёнигсберга 15-го марта 1875 г. въ отчетѣ о своей командировкѣ. Къ отчету онъ приложилъ и свою первую научную работу, плодъ этихъ занятій, подъ заглавіемъ *Novus Demosthenis orationum codex quantum valeat, quaeritur*.

Слѣдующій—лѣтній семестръ 1875 г. нашъ молодой ученый провелъ въ Боннѣ. Здѣсь онъ слушалъ лекціи проф. Бергка, Бернаиса, Бюхелера и Узенера²⁾, посѣщалъ филологическія семинаріи проф. Бюхелера и Узенера³⁾, пользовался книгами университетской библіотеки и журналами состоящей при университетѣ читальни. Домашнія занятія состояли вообще въ продолженіи изученія греческихъ трагиковъ и относящейся

¹⁾ „Блассъ прочелъ введеніе къ рѣчи Гиперіда за Евксепіппа. Жорданъ читалъ введеніе къ рѣчамъ Цицерона въ связи съ изложеніемъ процесса противъ Верреса и объясненіемъ избранныхъ мѣстъ изъ Верринъ; излагалъ древности Помпеи и руководилъ греческимъ семинаріемъ, предметомъ занятій коего было объясненіе рѣчи Лизія противъ Осомпеста. Лерсъ читалъ греческія древности, излагалъ нѣкоторыя части греческаго сиптаксиса и объяснялъ трагедію Софокла Эдипъ въ Колонѣ. Фридендеръ объяснялъ сатиры Ювенала и руководилъ занятіями лат. семинаріа, гдѣ разбирался элегіи Катюлла“.

²⁾ „Бергкъ объяснялъ избранныя оды Пиндара. Бернаисъ излагалъ ученіе о государственномъ устройствѣ Аоніи по псевдо-Ксенофонову сочиненію *De republica Athoniensium*. Бюхелеръ объяснялъ комедію Плавта *Truculentus*. Узенеръ а) читалъ введеніе къ рѣчамъ Демосѣена и комментировалъ рѣчь *De corona*; б) излагалъ ученіе о формахъ религіозныхъ представленій“.

³⁾ „Въ первой объяснялись сатиры Ювенала, а во второй сочпеніе Діонисія Галикарпасскаго *De veterum scriptorum censura*. Въ той и другой сверхъ того происходили еженедѣльно пренія по поводу представляемыхъ студентами рефератовъ по разнымъ филологическимъ вопросамъ“.

къ нимъ литературы и въ особенности въ критическомъ изслѣдованіи текста Софокловыхъ трагедій.

Зимній семестръ 1875—76 г. В. Г. пробылъ опять въ Боннѣ. Опять онъ слушалъ лекціи профессоровъ Бергка (метрика грековъ и римлянъ), Узенера (исторія греческой литературы), Бюхелера (историческая грамматика латинскаго языка), Клейна (греческая палеография); посѣщаль засѣданія руководимой профессорами Узенеромъ и Бюхелеромъ филологической семинаріи, занятія которой состояли въ объясненіи Θεογνιδα и Сенеки (*Epistulae morales*) и въ обсужденіи рефератовъ по поводу отдѣльныхъ мѣстъ изъ другихъ авторовъ. Домашнія занятія состояли въ изученіи произведеній греческихъ трагиковъ и относящейся къ нимъ литературы и въ опытахъ по критикѣ Софоклова текста, результаты конхъ были опубликованы частію въ *Жур. Мин. Нар. Просв.* (январь 1876), частію въ изданіи *Rheinisches Museum für Philologie* (XXX, 4). Въ бытность въ Парижѣ во время рождественскихъ вакацій онъ имѣлъ случай познакомиться съ лучшими изъ принадлежащихъ *Bibliothèque Nationale* рукописей греческихъ трагиковъ. Статейка изъ *Rheinisches Museum* подъ заглавіемъ *Zu Sophocles* перепечатана въ отчетѣ и рѣчахъ Московскаго университета за 1876 г.

О томъ, гдѣ и какъ провелъ В. Г. лѣтній семестръ 1876 г., я не нашелъ никакихъ прямыхъ указаній. Но такъ какъ въ предисловіи къ своей диссертаци (стр. V) онъ говоритъ, что самъ слыхалъ въ 1876 г. парижскіе, флорентійскіе и венеціанскіе кодексы Софокла, а сличитъ лондонскую и римскую рукопись не имѣлъ возможности, то изъ этого надо заключить, что лѣтомъ 1876 г. онъ побывалъ въ Парижѣ ¹⁾, Флоренціи и Венеціи и занимался изслѣдованіемъ рукописей Софокла. Плодомъ этихъ занятій и была диссертация „Трахинянки Софокла“, напечатанная въ 1879 г.

Тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы осенью 1876 г. В. Г. былъ приглашенъ факультетомъ и совѣтомъ въ качествѣ сторонняго преподавателя для преподаванія греческаго языка студентамъ 2-го курса въ 1876—7 академическомъ году. Однако „сильное нервное расстройство“ не дало ему возможности на этотъ годъ воспользоваться приглас-

---

¹⁾ Посѣщеніе Парижа во время рождественскихъ вакацій зимняго семестра 1875—76 г., вѣроятно, было слишкомъ коротко для того, чтобы успѣть сличитъ 4 рукописи А В К Г даже и для одной трагедіи „Трахинянки“; да онъ и самъ говоритъ, что онъ въ это время лишь „имѣлъ случай познакомиться“ съ ними (см. выше).

шеніемъ факультета; по предписанію лѣчившаго его проф. Захарьина, ему необходимо было „для основательнаго поправленія здоровья воздержаться по крайней мѣрѣ въ теченіе года отъ преподавательскихъ занятій“.

Въ 1877—8 и 1878—9 академическомъ году В. Г. былъ опять приглашенъ читать греческій языкъ студентамъ 2-го и 3-го курса въ качествѣ сторонняго преподавателя и на этотъ разъ могъ исполнить возложенное на него порученіе. Въ то же время онъ готовилъ къ печати свою работу „Трахинянки Софокла“, которую и представилъ въ факультетъ въ качествѣ магистерской диссертациі. Диспутъ происходилъ 24-го апрѣля 1879 г.; официальными оппонентами были проф. О. Е. Коршъ и А. Н. Шварцъ. Въ дѣлахъ историко-филологическаго факультета за 1879 г. сохранился и отзывъ о диссертациі, составленный проф. О. Е. Коршемъ и публично прочитанный въ день диспута. Привожу его цѣликомъ, тѣмъ болѣе что другихъ рецензій на эту книгу по-русски нѣтъ.

„Историко-филологическій факультетъ, рассмотрѣвъ диссертацию, представленную кандидатомъ Зубковымъ для полученія степени магистра греческой словесности, подъ заглавіемъ „Трахинянки Софокла“, нашелъ, что она представляетъ, какъ и заявляетъ самъ авторъ ея, опытъ критики текста. Послѣ короткаго предисловія (11 стр.), въ которомъ авторъ излагаетъ свой взглядъ на рукописи этого произведенія Софокла и ихъ взаимное отношеніе, слѣдуетъ самый текстъ трагедіи (91 стр.), исправленный по предположеніямъ издателя и другихъ ученыхъ, съ критическимъ аппаратомъ внизу. Въ видѣ пособія къ оцѣнкѣ лучшей рукописи Laurentianus A, за текстомъ помѣщены два указателя: 1) перечень особенностей и ошибокъ этой рукописи, расположенный въ азбучномъ порядкѣ, и 2) списокъ мѣстъ, которыхъ подлинное чтеніе мы находимъ не въ ней, а въ другихъ рукописяхъ или старинныхъ изданіяхъ. Послѣднія 58 стр. заняты „критическими примѣчаніями“, въ которыхъ издатель обсуждаетъ предположенныя различными учеными поправки отдѣльныхъ мѣстъ въ „Трахинянкахъ“ и оправдываетъ свои исправленія.

Главную часть диссертациі составляетъ текстъ съ критическимъ аппаратомъ, надъ составленіемъ котораго издателю пришлось не мало потрудиться: онъ лично изслѣдовалъ 10 рукописей, въ томъ числѣ одну до него неизвѣстную, не имѣющую впрочемъ большаго значенія для установки текста. Важнѣйшею онъ признаетъ, вмѣстѣ съ другими критиками, Laurentianus A, которую онъ считаетъ непосредственнымъ

подлинникомъ Флорентійской М и Парижской К, но не прочихъ, распадающихся, по его мнѣнію, на два семейства: 1) Парижская А, со списками Флорентійской R и Лондонской h, и 2) остальные б, менѣе важныя, къ числу которыхъ относится и впервые сличенная имъ Венеціанская Е. Впрочемъ эти вопросы лишь затронуты издателемъ въ предисловіи, такъ что до появленія обѣщанной имъ тамъ же „особой статьи“ ¹⁾ читателю приходится провѣрять его мнѣнія о достоинствѣ и отношеніи рукописей собственнымъ трудомъ по критическому аппарату. Эта работа нѣсколько затрудняется тѣмъ, что кое-гдѣ разночтенія приведены не вполне. Желательны были бы указанія на тѣ случаи, въ которыхъ критическій аппаратъ издателя не согласуется съ данными, находимыми въ другихъ изданіяхъ: безъ такого указателя читатель, встрѣчая разногласія въ чтеніяхъ однихъ и тѣхъ же рукописей по изданіямъ г. Зубкова и напр. Диндорфа, не въ состояніи рѣшить, на чьей сторонѣ истина. Большой обстоятельности можно также пожелать въ приведеніи попытокъ ученыхъ къ исправленію текста, иногда очень удачныхъ или, по крайней мѣрѣ, заслуживающихъ вниманія, но обойденныхъ полнымъ молчаніемъ въ критическихъ примѣчаніяхъ издателя. Изъ тѣхъ конъектуръ, которыя онъ принялъ въ текстъ или обсуждаетъ въ примѣчаніяхъ, нѣкоторыя онъ могъ бы разобрать подробнѣе, безъ опасенія упрека въ многословіи. Особенною краткостью отличаются примѣчанія подъ конецъ, даже тѣ, въ которыхъ предлагаются издателемъ его собственныя исправленія. Эти вполне самостоятельныя и остроумныя попытки издателя къ устраненію рукописныхъ ошибокъ, иногда очень значительныхъ, могли бы только выиграть отъ должнаго разъясненія тѣхъ соображеній, которыми онъ руководился, предлагая ту или другую поправку. Кроме остроумія издатель обнаружилъ въ своихъ поправкахъ и догадкахъ основательное знаніе греческаго языка и словоупотребленія трагиковъ, палеографіи и дипломатическаго преданія. Нельзя также не отдать справедливости его терпѣнію и точности, благодаря которымъ представленный имъ критическій аппаратъ превосходить всѣ прежніе обиліемъ данныхъ. Такимъ образомъ диссертация г. Зубкова, несмотря на вышеуказанные недостатки, составляетъ полезное приращеніе въ ряду пособій къ восстановленію текста избранной имъ трагедіи Софокла“ ²⁾.

¹⁾ Эта статья не появилась въ печати.

²⁾ На нѣмецкомъ языкѣ имѣ известна одна краткая, но довольно обстоятельная

Защита диссертациі была факультетомъ единогласно признана удовлетворительной, послѣ чего онъ былъ назначенъ доцентомъ по кафедрѣ греческой словесности съ 12-го мая 1879 года.

По полученіи магистерства дѣятельность В. Г. получила другое направленіе: онъ составляеть и переиздаеть учебники по латинскому языку. Начало этой дѣятельности относится еще къ 1875 г., когда онъ вмѣстѣ съ П. П. Пѣвницкимъ перевелъ на русскій языкъ латинскую грамматику Эллента-Зейферта. Вторымъ опытомъ въ этомъ направленіи былъ Сборникъ упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій (фразы на синтаксисъ), составленный въ 1878 г. ¹⁾

Но главной эпохой этого рода его дѣятельности были восьмидесятые и (въ меньшей уже степени) девяностые годы. Въ 1881 г. изданы Связныя статьи для перевода на латинскій языкъ по руководствамъ Гааке, въ 1882 г. напечатано 4-е изд. грамматики Э. З., въ 1884—5-е изд. грамматики и 2-е изд. Сборника, въ 1886—6-е изд. грамматики и 3-е изд. Сборника, въ 1888—7-е изд. грамматики и 4-е изд. Сборника, въ 1889—Упражненія въ переводѣ съ русскаго

рецензія диссертациі Зубкова, помѣщенная въ Literarisches Centralblatt 1879 г. № 46 (стр. 1496—7) и подписанная инициалами I. K. Въ ней есть кое-что, чего не касается факультетскій отзывъ; я приведу изъ нея главное въ переводѣ. „Новое сличеніе 10 рукописей, говоритъ рецензентъ, есть, конечно, какъ всякое новое сличеніе, извѣстная заслуга; но, къ сожалѣнію, кажется, что это новое сличеніе оставляетъ кое-чего желать по отношенію къ точности“. Для провѣрки референтъ сравнилъ коллицію Зубкова первыхъ 400 стиховъ L съ коллиціей Диндорфа и нашелъ, что новое сличеніе мѣстахъ въ 30 мѣстахъ точно, чѣмъ сличеніе Диндорфа (слѣдуютъ примѣры). Въ противовѣстъ этому минусу референтъ нашелъ въ первыхъ 400 стихахъ въ коллиціи Зубкова только лишь въ 6 случаяхъ плюсъ или поправку или разницу; по эти случаи (104, 189, 321, 353, 364, 367) неважны, а въ двухъ или трехъ случаяхъ еще вопросъ, кто правъ—Диндорфъ или Зубковъ. Что касается установленія текста, то надо указать лишь 6 собственныхъ конъектуръ автора, которыя сейчасъ же были имъ приняты въ текстъ; но изъ нихъ референтъ лишь одну (въ 1276 ст.) считаетъ „можетъ быть заслуживающей вниманія“. Гораздо благопріятнѣе замѣтка знаменитаго Авг. Наука въ предисловіи къ его 5-му изданію Трахинянокъ (1880 г.). „Для новой обработки пьесы, говоритъ Наука, мнѣ было полезно изданіе Зубкова, главнымъ образомъ благодаря матеріалу, добытому издателемъ изъ низшихъ рукописей, равно какъ и изъ Laug. А чрезъ новое сличеніе. Дополненіе къ этому изданію, заслуживающее вниманія, составляютъ критическія примѣчанія того же ученаго на русскомъ языкѣ“.

¹⁾ Я указываю тѣ годы, которыми помѣчены предисловія изданій, а не тѣ, которые выставлены на заглавномъ листѣ.—Не повліяло ли перепечатаніе грамматики въ 1877 г. и составленіе Сборника въ 1878 г. на то, что диссертациія его, которая, какъ говорить акты, была „почти готова“ уже въ 1876 г., окончена была лишь въ 1879 г.?

языка на латинскій и обратно для 3 низшихъ классовъ гимназій, въ 1897—5-е изд. Сборника, въ 1899—2-е изд. Связныхъ статей, въ 1902—6-е изд. Сборника. Единственной научной работой за все время послѣ 1879 года является коротенькая статейка (въ 2 стр.) *In Sophoclem* въ „Филологическомъ Обзорѣнн“ за 1894 г., если не считать трехъ переводовъ: Эдипа въ Колонѣ въ 1883 г. и двухъ небольшихъ рѣчей Демосеена въ 1893 г.

Осенью 1879 года съ 1-го августа В. Г. поступилъ опять преподавателемъ древнихъ языковъ въ Московскую 5-ю гимназію и оставался въ этой должности слишкомъ 8 лѣтъ до смерти директора этой гимназій В. П. Басова, послѣ которой онъ черезъ нѣсколько дней подавъ прошеніе объ отставкѣ и былъ уволенъ съ 12-го сентября 1887 г.

Университетская служба В. Г. въ періодъ 1879—1884 гг. не отмѣчена ни однимъ выдающимся событіемъ. По введеніи новаго устава онъ былъ, наравнѣ со многими другими доцентами, произведенъ въ экстраординарные профессора по кафедрѣ классической филологіи съ 1-го ноября 1884 года. Въ этой должности онъ и оставался, пока не вышелъ въ отставку 12-го ноября 1896 г., прослуживъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія болѣе 26 лѣтъ. Причиной оставленія имъ профессорской дѣятельности была тяжелая душевная болѣзнь, проявлявшаяся еще и раньше. „Первое тяжкое заболѣваніе постигло проф. Зубкова въ 1887 г. и 20-го сентября этого года ¹⁾ привело его въ лѣчебницу нервныхъ и душевныхъ болѣзней доктора медицины Савей-Могилевича. Къ исполненію служебныхъ обязанностей проф. Зубковъ, по выздоровленіи отъ этого перваго приступа своей психической болѣзни, приступилъ лишь съ августа 1888 г., такъ что весь 1887—1888 учебный годъ былъ имъ потерянъ для службы. Хотя послѣ этой болѣзни до осени 1895 г. не было сплошныхъ столь продолжительныхъ перерывовъ въ исполненіи проф. Зубковымъ служебныхъ обязанностей, тѣмъ не менѣе изъ свѣдѣній о пропущенныхъ имъ по болѣзни лекціяхъ видно, что пошатнувшееся здоровье его часто мѣшало правильному исполненію имъ службы“. „Осенью 1895 г. начался новый продолжительный приступъ психической болѣзни проф. Зубкова, приведшей его 12-го октября 1895 г. въ лѣчебницу для душевно-больныхъ доктора Левенштейна“. „28-го мая 1896 г. къ этой психи-

¹⁾ Черезъ нѣсколько дней по выходѣ его изъ преподавателей гимназій. Не повлияло ли на него это событіе?

ческой болѣзни присоединилось тяжкое органическое пораженіе лѣваго полушарія головного мозга съ параличными явленіями въ области рѣчи (aphasia) и въ обѣихъ конечностяхъ правой половины тѣла (hemiplegia dextra)" (Дѣла Совѣта 1896 г. № 377). Начальство университета, удостовѣрившись, что „проф. Зубковъ вслѣдствіе своего психическаго и физическаго состоянія не способенъ выполнять профессорскихъ обязанностей“, по истеченіи опредѣленнаго закономъ годового срока со дня поступленія его въ лѣчебницу Левенштейна, представило его къ увольненію отъ службы. По выходѣ въ отставку онъ опять поправился, но не вполне: между прочимъ, замѣтно было въ немъ ослабленіе памяти. По онъ не признавалъ себя больнымъ и, хотя при отставкѣ ему дана была полная пенсія экстраординарнаго профессора, онъ тяготился ею и все хотѣлъ поступить вновь въ профессора, чтобы дослужить до 30 лѣтъ и получить эту пенсію „по закону“. Онъ скончался 29-го сентября 1903 г. въ психіатрической клиникѣ при новомъ приступѣ своей болѣзни.

Покойный оставилъ послѣ себя немного научныхъ работъ; большей части ихъ мы уже касались. Вотъ перечень нѣкоторыхъ извѣстныхъ:

1) *Novus Demosthenis orationum codex quantum valeat, quaeritur* (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1876 г., № 1).

2) Нѣсколько конъектуръ къ Софоклу (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1876 г., № 1).

3) *Zu Sophokles* (*Rheinisches Museum* 1875 г., т. 30, стр. 629—631. То же самое въ Отчетѣ и рѣчахъ Московскаго Университета за 1876 г., стр. 74—75).

4) *Zu Sophokles* (*Rhein. Mus.* 1876 г., т. 31, стр. 300—302).

5) Трахинянки Софокла. Опытъ критики текста. Москва. 1879 г. То же съ латинскимъ заглавіемъ: *Sophoclis Trachiniae codicibus denuo collatis recensuit varietate lectionis instruxit indicibus adornavit Vladimir Subkoff*.

6) Критическія примѣчанія къ Трахинянкамъ Софокла. Москва. 1879 г. Тутъ же и латинское заглавіе: *Observationes criticae in Trachinias Sophoclis*. Эта брошюра (58 стр.) составляетъ часть предыдущей книги съ русскимъ заглавіемъ; въ экземплярахъ диссертациі съ латинскимъ заглавіемъ ея нѣтъ.

7) Эдипъ въ Колонѣ. Переводъ стихами (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1883 г., № 10).

8) Демосѣенъ. Рѣчь о мирѣ. Переводъ (Приложеніе къ Филологическому Обзорнію 1893 г., т. V, кн. 2).

9) Демосеенъ. Вторая рѣчь противъ Филиппа. Переводъ (тамъ же).

10) In Sophoclem (Фил. Обзор. 1894 г., т. VII, кн. 2, стр. 255—7).

Болѣе, чѣмъ научными трудами, В. Г. былъ извѣстенъ своими учебниками по латинскому языку; имъ составлены:

1) Латинская грамматика Эллендта-Зейфферта. Переводъ П. Швницкаго и В. Зубкова. Москва. (1-е изд. 1875 г., 7-е изд. 1889 г.).

2) Сборникъ упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій. Отдѣльныя предложенія и связныя статьи. Для среднихъ классовъ гимназій. Москва. (1-е изд. 1879 г., 6-е изд. 1903 г.).

3) Связныя статьи для перевода на латинскій языкъ по руководствамъ Гаака. Для трехъ высшихъ классовъ гимназій. Москва. (1-е изд. 1881 г., 2-е изд. 1899 г.).

4) Упражненія въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій и обратно для трехъ низшихъ классовъ гимназій. Москва. (1-е изд. 1890 г.).

Лекціи покойнаго состояли въ чтеніи греческихъ авторовъ. Главное вниманіе обращалъ онъ на переводъ текста, удѣляя сравнительно мало мѣста комментарію, какъ экзегетическому, такъ и критическому. Переводы его обработаны тщательно, а мѣстами прямо красивы. Чаше всего читалъ онъ Софокла, рѣже Демосоена; но бывали курсы и семинаріи и по другимъ писателямъ, напримѣръ по Эсхилу, Оеокриту, Оукидиду, Платону. Кромѣ авторовъ онъ читалъ лишь одинъ курсъ—греческой палеографіи, да еще занимался со студентами переводомъ съ русскаго на латинскій и съ русскаго или латинскаго на греческій.

Я зналъ В. Г. не только какъ профессора (я слушалъ его лекціи въ 1883—1886 гг.), но и какъ гимназическаго преподавателя: я былъ его ученикомъ по латинскому языку въ двухъ послѣднихъ классахъ Московскои 5-ой гимназій въ 1880—1882 гг. Восьмидесятые годы были еще хорошей порой его духовной жизни. Онъ былъ хорошии преподаватель—знающій, довольно строгій, умѣвшій выучить и даже дѣятельный въ то время. Болѣзнь отняла у него много и энергіи, и умственныхъ силъ.

'Αλλ' ἔσθ' ὁ θάνατος λῆπτος ἰατρὸς νόσων.

С. Соболевскій.

Д. А. КОРОПЧЕВСКИЙ.

(Некрологъ).

18-го декабря 1903 года на 62 году жизни скончался отъ болѣзни сердца прив.-доц. С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ географіи Дмитрій Андреевичъ Коропчевскій, читавшій съ 1900 года курсъ антропологии и этнографіи.

Вышними событіями жизнь покойнаго Д. А. небогата. Родился онъ въ Москвѣ 5-го іюля 1842 года и дѣтство провелъ въ имѣніи отца своего въ Весьегонскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Отецъ его по происхожденію былъ малороссъ (уроженецъ Черниговской губ.), но вліяніе отца уступило вліянію матери съ одной стороны и вліянію среды и мѣста первоначальнаго и дальнѣйшаго воспитанія съ другой. Въ 1854 году Д. А. поступилъ въ 4-ую Московскую гимназію, которую окончилъ въ 1859 году съ золотой медалью, и въ томъ же году поступилъ на физико-математическій факультетъ Московскаго университета, откуда вышелъ въ 1863 г. со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Въ первые три года пребыванія въ университетѣ Д. А. занимался химіей, но съ четвертаго курса, подъ впечатлѣніемъ лекцій проф. Г. Е. Щуровскаго, читавшаго о новыхъ для того времени открытіяхъ, касавшихся до-историческаго человѣка, рѣшился посвятить себя изученію антропологии. Съ этого момента и въ теченіе всей своей жизни Д. А. въ теченіе 40 лѣтъ неизмѣнно работаетъ въ излюбленной имъ области знанія. Упоминаемъ объ этомъ обстоятельстве въ виду того, что широкой публикѣ имя Д. А. Коропчевскаго извѣстно гораздо болѣе по его журнальной дѣятельности и въ области популяризаціи. А между тѣмъ покойный Д. А. всю жизнь свою тяготѣлъ къ наукѣ въ ея чистомъ видѣ и къ работѣ на нивѣ позитивнаго знанія.

Небольшія личные средства позволили Д. А. по окончаніи университета отдаться влеченію къ наукѣ. За отсутствіемъ кафедры антропологій въ университетахъ того времени, Д. А. избралъ журнальную литературу, какъ путь для распространенія антропологическихъ знаній и по окончаніи университета подготовлялъ себя къ этой дѣятельности въ теченіе 5 лѣтъ (1863—1868 г.). Къ этому же періоду относится начало его литературной дѣятельности: въ московскихъ изданіяхъ онъ печаталъ рецензіи и замѣтки о театрѣ, страстнымъ поклонникомъ котораго онъ былъ всегда. Въ 1868 г. Д. А. получилъ приглашеніе участвовать въ научномъ отдѣлѣ возникшаго въ началѣ этого года ежемѣсячнаго журнала „Современное Обозрѣніе“, издававшегося въ Петербургѣ. Д. А. покинулъ Москву и окончательно поселился въ Петербургѣ. Въ „Современномъ Обозрѣніи“ Д. А. успѣлъ помѣстить только написанную имъ еще въ Москвѣ повѣсть—„Севрюковъ“ (подъ всевдонимомъ Таранскаго) и переводъ „Ареопажники“ Милтона (рѣчь его о свободѣ печати), такъ какъ послѣ выхода июльской книги „Современное Обозрѣніе“ прекратилось. Въ 1869 году въ № 5 журнала „Дѣло“ напечатана первая научная статья Д. А. подъ заглавіемъ „Взглядъ на первобытныя времена человѣчества“, представляющая рецензію на вышедшія подъ редакціей Ламанскаго брошюры, посвященныя антропологическимъ вопросамъ. Съ октября 1870 года, вмѣстѣ съ А. А. Жукомъ, Д. А. началъ издавать ежемѣсячный журналъ „Знаніе“, вначалѣ чисто-научный и критико-библіографическій, имѣвшій цѣлью знакомить читателей съ результатами всѣхъ отраслей положительной науки. Впослѣдствіи къ журналу примкнулъ И. А. Гольдсмитъ, и программа его съ 1873 г. была значительно расширена введеніемъ отдѣловъ политико-экономическаго и юридическаго. То значеніе, которое имѣло „Знаніе“ въ свое время, а также въ исторіи русской журнальной литературы, не получило еще должной оцѣнки; роль этого журнала, перваго по времени посвященнаго наукѣ, была во всякомъ случаѣ достаточно крупная. Въ числѣ сотрудниковъ можно назвать всѣмъ извѣстныя имена: Ю. Янсона, Н. Луцицкаго, М. Драгоманова, В. Майнова, Ѳ. Бредихина и мн. др. Официальнымъ редакторомъ журнала „Знаніе“ былъ проф. медико-хирургической академіи П. А. Хлѣбниковъ. Въ первомъ № „Знанія“ Корончевскій помѣстилъ двѣ статьи: „Происхожденіе брака и семьи“ и „Предшественники Дарвина“. Въ 1871 г. онъ напечаталъ (въ №№ 1 и 2): „Реальныя основы мистическихъ явленій“ и сокращенный переводъ „Происхожденіе человѣка“ Дарвина. Въ 1872 г. тамъ же помѣщены: „Мифы дѣт-

скихъ сказокъ“ (№ 1) и „Наука о жизни человѣчества и ся задачи“ (№ 10). Въ томъ же году начато печатаніе „Первобытной культуры“ Тэйлора, первый томъ которой появился въ томъ же году, а второй въ 1873 г. Въ 1873 г. Коропчевскій напечаталъ въ „Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ и пр.“ три статьи подъ общимъ заглавіемъ „Искусственное искаженіе нѣкоторыхъ органовъ у дикихъ народовъ“. Въ томъ же году переведены и напечатаны въ его журналѣ, вышедшія затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ „Басни и сказки дикихъ (дѣтскія сказки зулусовъ и животный эпосъ готентотовъ)“, а также проредактировано путешествіе Стэнли „Какъ я нашелъ Ливингстона“. Въ 1874 г. имъ были проредактированы: „Естествознаніе и политика“ Баджота, „Измаилія“ С. Бэкера и „Послѣдственность таланта“ Гальтона. Въ 1875 г.—сочиненіе Леббока „Начала цивилизаціи“; въ томъ же году въ „Знаніи“ (№ 11) напечатана статья „Антропология по отношенію къ другимъ наукамъ о человѣкѣ“. Въ 1876 г. напечатаны въ „Знаніи“ (№ 5, 7, 10 и 12)—„Бракъ между близкими родственниками“, „Народныя игры и пляски, какъ переживаніе первобытнаго полового подбора“ и проредактированы: „Происхожденіе семьи“ Жиро-Телона и „Развитіе органическаго міра“ О. Шмидта. Въ апрѣлѣ 1877 г. „Знаніе“ прекратило свое существованіе, а съ 1878 г. Д. А. Коропчевскій вмѣстѣ съ И. А. Гольдсмитомъ редактируетъ научный, литературный и политическій журналъ „Слово“. Редакторомъ „Слова“ Коропчевскій былъ до конца 1880 г., а самое „Слово“ окончило свое существованіе въ слѣдующемъ году. За 1878 годъ въ „Словѣ“ (№ 11 и 12) Коропчевскій помѣстилъ статью „Родовое начало въ древнемъ обществѣ“; въ 1879 году (№ 5 и 6) „Родовыя учрежденія у классическихъ народовъ“ и въ № 7 того же года „Первый учебникъ антропологии“ (разборъ „Антропологии“ Топинара).

Въ 1881 г. подъ редакціей Коропчевскаго началъ выходить научно-литературный журналъ „Новое Обозрѣніе“, прекратившійся вслѣдствіе тяжелой болѣзни редактора послѣ мартовской книжки того же года. Потерявъ къ этому же времени всѣ свои личныя средства, вслѣдствіе несостоятельности нѣсколькихъ книгопродавческихъ фирмъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло въ качествѣ издателя „Международной научной библіотеки“ и другихъ книгъ, Д. А. Коропчевскій становится журнальнымъ работникомъ. Насколько тяжело было матеріальное положеніе Д. А. въ этотъ періодъ, можно видѣть изъ того, что одно время онъ долженъ былъ поселиться внѣ Петербурга для сокращенія своихъ расходовъ, несмотря на всѣ неудобства такого положенія для

постояннаго сотрудника многихъ періодическихъ изданій. За это время Д. А. принималъ участіе въ слѣдующихъ журналахъ: „Изящная литература“, „Новь“, гдѣ (1883 г.) помѣстилъ статью „Дикіе художники“,—„Сѣверный Вѣстникъ“, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, гдѣ въ 1886 г. напечаталъ записку „Географія какъ наука и какъ предметъ университетскаго преподаванія“; въ журналѣ „Дѣло“ (за 1886 г.) помѣстилъ статьи: „Международное государство Конго“ и „Бытописатель денежной силы“; въ „Наблюдателѣ“ за 1887 г. помѣстилъ рассказъ „Грядущій“, повѣсть „Счастливые годы“ (1891 г.) и романъ „Священный Огонь“ (подъ псевдонимомъ Таранскаго) (1893 г.); далѣе во „Всемирной Иллюстраціи“ (1889—1891 гг.) статьи въ отдѣлѣ „Научной хроники“; въ „Трудѣ“, гдѣ напечаталъ статьи (1889 г.)—„Рабство въ древнемъ мірѣ“, „Природа въ древней и новой поэзіи“, „Живыя воспоминанія“ (I. Жизнь въ портретѣ, II. Волшебное значеніе масокъ). Тамъ же въ 1889 г. напечаталъ романъ „Золотое сердце“; въ 1890 г. статьи: „Психологія войны“, „Письма о литературныхъ вопросахъ“; въ 1891 г.: „Подборъ въ человѣчествѣ“, „Таинственный материкъ“, „Живыя воспоминанія“ (III. Древнѣйшій спортъ); въ журналѣ „Живописное Обзорѣніе“ (за 1891 г.) рассказъ „Правый“; „Вѣстникъ воспитанія“ (1891 г.)—статьи: „Цѣль образованія“ и „Очерки по англійской школьной педагогикѣ“; „Сѣверъ“ (1891 г.)—рассказъ „Беатриче“ и очеркъ „Преступный типъ“; „Міръ Божій“ (1892 г.)—„Пещерные люди“ и (1893 г.)—„Слабость воли, какъ признакъ времени“; тамъ же помѣщалъ рецензіи и редактировалъ переводъ „Исторія цивилизаціи“ Дюкурдрэ. Въ „Русскомъ Обзорѣніи“ (за 1893 г.)—„Наука о человѣчествѣ“ (разборъ I тома „Антропологіи“ Э. Петри), а также критическія статьи; въ журналѣ „Обозрѣніе“—пишетъ рецензіи, въ журналѣ „Звѣзда“ (1894 г.) романъ „Любовь-призракъ“. Въ „Дѣтскомъ Читеніи“ и „Педагогическомъ Листкѣ“ Коропчевскій напечаталъ: „Взгляды Джона Рёскина на задачи воспитанія“ (1895 г.), „Ручей и его исторія“ (по Элизе Реклю) за 1896 г.,—„Чему можетъ научить Робинзонъ Крузо“ (1897 г.); „Времена года“ (Географическіе очерки) за 1897 г., „Наши тайные друзья и враги“, Перси Франклэнда—„Введеніе въ политическую географію“ (1900—1902 гг.). Въ журналѣ „Всходы“ (1896—1901 гг.)—„Прежде и теперь“ (очерки домашней жизни въ старое и въ наше время); „Русская школа“ (1896 г.)—„Гимназія пятидесятихъ годовъ“; въ дѣтскомъ журналѣ „Игрушечка“ (1896 г.)—двѣ книжки приложений: „Древній человѣкъ“ и „Дикій человѣкъ“. Въ „Ежегодникѣ Им-

ператорскихъ театровъ“ (1895—1898 гг.) Д. А. помѣстилъ свои „Воспоминанія о московскомъ театрѣ“ въ двухъ статьяхъ: „Сергѣй Васильевичъ Васильевъ“ и „Сергѣй Васильевичъ Шумскій“, а также статью: „Бѣлинскій, какъ театральнй критикъ“. Въ „Живописной Россіи“ (1901 г.) напечатана статья „Этнографія, какъ наука и этнографія, какъ литература“. Въ „Русскомъ Антропологическомъ журналѣ“ напечатана статья „Кинъ и его руководство къ этнологіи“. Въ „Самообразованіи“ (1901—1902 гг.)—„Происхожденіе искусства“ и другія статьи.

Кромѣ того Д. А. были написаны вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ статьи, брошюры, книги и переводныя сочиненія: „Люди“ (этнографическіе очерки): I. „Черныя люди“, II. „Австралийцы“, III. „Полинезійцы“ и IV. „Меланезійцы“ (изд. Маракуева); „Разказы про дикаго человѣка“, изд. 1886 — 1887 гг. Д. И. Тихомирова въ 11 выпускахъ; изд. 2 — 7 К. И. Тихомирова (1891 — 1903 гг.) въ одной книгѣ; „Ливингстонъ“ (біографія) изд. Павленкова (1891 г.); „Арапы“ (1894 г.); „Широкая степь“ (1895 г.) изд. Морева, переизданная А. А. Стѣпцовымъ. Мы оставляемъ безъ перечисленія вышедшія отдѣльными изданіями приложенія къ разнымъ журналамъ, которыя уже были названы выше. Кромѣ уже упомянутыхъ, нами еще не названы переводы: „Исторія развитія чувства природы“ А. Бизе (съ нѣмецкаго) изд. Губинскаго; „Жизнь на сѣверѣ и югѣ“ (отъ сѣвернаго полюса до экватора) А. Брэма (1-ое изд. Павленкова 1892 г., 2-ое изд. 1901 г.); „Бесѣды съ дѣтьми о природѣ“ Арабеллы Беклей (съ англійскаго)—(1-ое изд. Ледерле, 2-ое изд. Аскарханова); „Какъ надо жить“ Леббока 1-ое изд. О. Н. Поповой 1895 г., 2-ое изд. Д. И. Тихомирова (1897 г.); „Земля“ Э. Реклю — выпускъ 5-й („Атмосфера“) и выпускъ 6-й („Жизнь“) изд. О. Н. Поповой (1-ое изд. 1895 г., 2-ое 1901 г.); „Физическія явленія на земномъ шарѣ“ Э. Реклю, изд. А. А. Давыдовой (1895 г.); „Исторія горы“ Э. Реклю, изд. Сытина (1896 г.), 2-ое изд. К. И. Тихомирова (1903 г.); „Картина міра“ Клодда, изд. О. Н. Поповой (1897 г.); „Земля и люди“ Э. Реклю, выпускъ 5-й „Британскіе острова“, изд. О. Н. Поповой (1899 г.); „Атмосфера“ Фламмаріона (вмѣстѣ съ Е. А. Предтеченскимъ), изд. Луковникова (1900 г.); „Краткое народовѣдѣніе“ Г. Шурца (1-ое изд. Ледерле 1895 г., 2-ое изд. Д. И. Тихомирова 1902 г.); „Народовѣдѣніе“ Ф. Ратцеля въ 2-хъ томахъ (1900 — 1901 гг.) изд. Т-ва „Просвѣщеніе“. Имъ же проредактированы изданія: Т-ва „Просвѣщеніе“ — „Человѣкъ“ I. Ранке въ 2-хъ

томахъ (изд. 1898 — 1899 г.); „Народонаселеніе и общественный строй“ Фр. Нитти, изд. О. Н. Поповой (1898 г.); „Регрессивная эволюція“ Демора, Массара и Виндервеладе (вмѣстѣ съ В. А. Фау-секомъ) изд. О. Н. Поповой (1898 г.); „Работа и ритмъ“ К. Бюхера, изд. О. Н. Поповой (1899 г.); „Исторія человѣчества“ Гельмгольца, изд. Т-ва „Просвѣщеніе“ (1902 г.). Наконецъ, въ 1896 г. перевздано М. Лехерле „Начало цивилизаціи“ Леббока, съ дополненіями къ 5-му изданію и О. Н. Поповой „Первобытная культура“ Тэйлора въ 2-хъ томахъ съ дополненіями къ 3-му англійскому изданію.

Изъ этого перечня заглавій оригинальныхъ статей, популярныхъ сочиненій и многихъ переводовъ капитальныхъ сочиненій, перечня, въ которомъ къ тому же, можно съ увѣренностью сказать, существуютъ пробѣлы, видно, съ какимъ неутомимымъ трудолюбіемъ покойный Д. А. отдавался работѣ по популяризаціи знанія вообще и своей излюбленной науки, антропологій—въ частности. И, несмотря на то, что журнальная и популяризаторская дѣятельность отнимала у Д. А. почти все свободное время, онъ всю свою жизнь не переставая стремился къ самостоятельной научной дѣятельности. Когда въ концѣ 80-хъ годовъ открылась въ Петербургскомъ университетѣ кафедра географій, Д. А. выдержалъ магистерскій экзаменъ и началъ работать надъ диссертацией. Смерть застала его надъ корректурными листами этого труда, который появится уже въ видѣ посмертнаго изданія.

Послѣдній трудъ дастъ намъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для характеристики научныхъ воззрѣній покойнаго, и мы сейчасъ вернемся къ нему, но прежде попытаемся дать общую характеристику покойнаго писателя и его дѣятельности въ области журнальной литературы и науки. Мы уже упомянули вначалѣ, какъ объясняли самъ покойный Д. А. свое вступленіе на путь литературной дѣятельности. Намъ кажется, что оно не было вызвано этими, быть можетъ и вѣскими, но все же случайными соображеніями и обстоятельствами. Причину мы склонны видѣть въ условіяхъ времени съ одной стороны и въ личныхъ качествахъ покойнаго, его живомъ темпераментѣ и отзывчивости съ другой. Когда жизненный потокъ начала 60-хъ годовъ прорвалъ долго сдерживавшую его плотину, всѣ живые элементы русскаго общества устремились на работу для давно уже во всѣхъ областяхъ назрѣвшихъ потребностей общественной и умственной жизни. Одною изъ такихъ насущныхъ потребностей была назрѣвшая въ обществѣ жажда знанія и образованія. Живой, отзывчивый, впечатлительный, съ самыми разнообразными вкусами, способностями и

склонностями, Д. А. естественно вступилъ на путь, куда влекли его сама жизнь и его темпераментъ, такъ какъ литература должна была казаться Д. А. болѣе широкой ареной для общественной дѣятельности, чѣмъ университетская кафедра. Онъ увлекался театромъ, вращался въ мирѣ артистовъ, писалъ рассказы, повѣсти, романы, гдѣ является предъ нами со всѣми своими качествами трезваго мыслителя — реалистомъ бытописателемъ. По отзывамъ близко знавшихъ покойнаго, онъ обладалъ также поэтическимъ даромъ и нерѣдко писалъ длинныя стихотворенія на заданную пріятелями тему. Не мудрено въ такихъ условіяхъ окончательно разбросаться и лишь въ серьезномъ, сознательномъ интересѣ и любви къ избранной научной области можно найти объясненіе того, что Д. А. среди всего прочаго не забываетъ своей любимой области — науки о человѣкѣ. Доказательствомъ тому служитъ длинный перечень статей, данный нами выше, гдѣ сохраненъ хронологическій порядокъ; среди этихъ статей преобладаютъ тѣ, которыя посвящены различнымъ областямъ антропологій. Разнообразіе затронутыхъ темъ и вопросовъ опредѣляетъ уже до нѣкоторой степени для насъ и тотъ взглядъ, котораго придерживался Д. А. на науку о человѣкѣ — антропологию, науку и до настоящаго времени новую, молодую, въ которую нерѣдко вкладывается слишкомъ узкое содержаніе, для которой многіе отводятъ слишкомъ узкія рамки и границы. Объектъ антропологій, какъ ее понималъ покойный Д. А., — человѣкъ, съ его физической природой и индивидуальной организаціей, человѣкъ, какъ членъ данной мелкой группы — народа, болѣе крупной — расы, какъ членъ всего человѣчества въ его цѣломъ, какъ членъ извѣстной социальной группы — семьи, рода, національности, государства, какъ животное въ ряду другихъ организованныхъ существъ, человѣкъ, съ его индивидуальной психологіей и психологіей той или иной общественной группы или среды, словомъ человѣкъ — во всемъ объемѣ его физической и духовной организаціи и культурной жизни — вотъ какъ обширны задачи и какъ широки предѣлы изслѣдованія, которые ставитъ себѣ наука о человѣкѣ — антропология. Въ доказательство того, что Д. А. именно такъ понималъ задачи антропологій, мы могли бы привести множество цитатъ изъ его статей и сочиненій. Приведемъ лишь два маленькихъ отрывка изъ отпечатанныхъ листовъ его послѣдняго труда. Такъ, на стр. 24-й Д. А. пишетъ: „Языкъ переноситъ насъ уже въ область духовной культуры человѣчества. Различными сторонами послѣдней занимаются другія отрасли антропологій — психология народовъ, исторія

культуры, исторія вѣрованій, исторія права и т. д., но до сихъ поръ работа ихъ была болѣе синтетической, чѣмъ аналитической, работой возстановленія общаго процесса развитія въ соотвѣтственной имъ области, при чемъ отдѣльные народы являются лишь звеньями, оторванными другъ отъ друга или произвольно перемѣшанными между собою“. Далѣе, на стр. 116 читаемъ: „*Отдѣлъ антропологiи*, занимающійся изученіемъ общественнаго союза въ различныхъ формахъ его развитія, а именно *соціологія*, въ силу такой же необходимости систематизаціи своего матеріала, нѣсколько болѣе разработала схему развитія его послѣдовательныхъ формъ“.

Общее подтвержденіе характеристики взглядовъ Д. А. на антропологию, приведенной нами выше, можно найти и въ тѣхъ курсахъ, которые были имъ прочитаны въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ качествѣ профессора антропологiи и этнографіи въ періодъ съ 1900 по 1903 годъ. Вотъ заглавія этихъ курсовъ: 1) Общая этнологія съ антропологическимъ введеніемъ, 2) Этнографія черной и желтой расы, 3) Психологія народовъ и 4) Сравнительная миология. Еще большее разнообразіе темъ находимъ мы въ тѣхъ вопросахъ, которые Д. А. предлагалъ для самостоятельной работы своимъ слушателямъ. Приведемъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ: 1) Рука въ антропологическомъ отношеніи, 2) Вліяніе климата на расы, 3) Исторія семьи у народовъ желтой расы, 4) О ростѣ, какъ расовомъ признакѣ, 5) Религія русскихъ сказокъ, 6) Роль миграцій въ этногенетическомъ процессѣ, 7) О крестьянскихъ постройкахъ Украйны, 8) Культурный типъ монгольской расы и т. д.

Къ этой общей характеристикѣ взглядовъ Д. А. на задачи, цѣли и объемъ антропологiи мы должны внести еще очень существенное дополненіе. Та школа антропологiи, которая создана была П. Брока во Франціи, и къ взглядамъ которой въ общемъ примыкалъ и покойный Д. А., въ дальнѣйшихъ работахъ учениковъ Брока, продолжавшихъ работу, начатую ихъ учителемъ, въ лицѣ Топинара, Эрвэ, Овлака и многихъ другихъ въ области изученія расовой антропологiи пошла по пути, который можно назвать морфологическимъ. Краеугольнымъ камнемъ этнологiи сдѣлался у названныхъ ученыхъ анализъ соматологическаго матеріала, методомъ изслѣдованія—антропометрія. Да оно и вполнѣ понятно. Брока до конца держался полигенистическихъ воззрѣній, и его авторитетъ, громадная эрудиція и выдающійся талантъ сдѣлали то, что эти взгляды и до сихъ поръ лежатъ въ основѣ ученія многихъ представителей французской школы антропологiи. Иначе дѣло обстоитъ въ Германіи. Наиболѣе видные представители этой науки,

крупные ученые авторитеты, Вирховъ, Ранке, Коллманъ и мн. др.—убѣжденные защитники идеи моногенизма. Понятно то коренное различіе, которое характеризуетъ обѣ школы, въ бывшія времена столь враждовавшія между собою, въ отношеніи къ вопросу о расовомъ типѣ и къ его эволюціи. Въ Германіи же были положены прочныя основы изученія челоѳчества въ его цѣломъ и въ видѣ отдѣльныхъ группъ—этническихъ единицъ бѳльшаго или меньшаго порядка, на географической почвѣ. Выдающимся представителемъ этой школы является Фридрихъ Рагцель, высказавшій свои взгляды въ такихъ крупныхъ трактатахъ, какъ „Völkerkunde“ и „Anthropogeographie“, и имѣющій многихъ учениковъ и послѣдователей. Основою для изученія челоѳческихъ группъ сдѣлалась у представителей этой школы—географія; другими словами, ни одна изъ этническихъ группъ не разсматривается ими иначе, какъ въ полной и всесторонней связи съ географической средой, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Къ идеямъ этой школы примыкалъ по своимъ взглядамъ и покойный Д. А. Коропчевскій.

Для болѣе подробнаго знакомства съ его научными взглядами лучше всего можетъ служить его, еще не вышедшій въ свѣтъ, трудъ, вышеупомянутая магистерская диссертация, написанная имъ уже сравнительно давно и постоянно пополнявшаяся новыми данными. Содержаніе этой работы съ достаточной ясностью опредѣлено уже въ ея заглавіи: „Значеніе географическихъ провинцій въ этногеническомъ процессѣ“. На основныхъ идеяхъ этого труда мы вкратцѣ и остановимся. Первая глава посвящена общимъ вопросамъ классификаціи челоѳческаго рода и разбору классификаціонныхъ терминовъ современной антропологіи. Д. А. является здѣсь убѣжденнымъ сторонникомъ идеи видового единства челоѳческаго рода, т. е. защитникомъ моногенистическаго воззрѣнія. Онъ стремится разобраться въ той путаницѣ понятій, которая создавалась въ современной антропологіи подъ вліяніемъ неустановившейся терминологіи, такъ что, напримѣръ, слово и понятіе „раса“ примѣнялось разными учеными и изслѣдователями въ совершенно различныхъ смыслахъ. Далѣе Д. А. задается вопросомъ, поскольку удалось этнологамъ, стоящимъ на почвѣ соматической антропологіи, установить точныя понятія о такихъ челоѳческихъ группахъ, какъ типъ, раса, народъ—и приходитъ въ концѣ концовъ къ тому отрицательному выводу, что „стремленіе антропологіи установить расовые типы не привело до сихъ поръ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и ей приходится обратиться къ этническимъ

типамъ, изученіе происхожденія и развитія которыхъ обѣщаетъ быть наиболѣе опредѣленнымъ при совмѣстномъ изученіи ихъ географической среды“. И немного выше: „Безуспѣшность ихъ (т. е. антропологовъ) попытокъ разложить населеніе извѣстной среды или мѣстности на составныя части, которыя могли бы быть сведены къ извѣстнымъ расовымъ типамъ, зависитъ отъ стремленія фиксировать то, что само по себѣ крайне измѣнчиво; эта измѣнчивость замѣчается и во времени и въ пространствѣ“. Съ такими заключеніями Д. А. переходитъ къ 2-й главѣ своего труда, гдѣ онъ подробно разсматриваетъ воззрѣнія на дѣйствіе среды и критикуетъ взгляды, существующіе на этотъ предметъ въ настоящее время, при чемъ особенно внимательно останавливается на вопросѣ о вліяніи климата (въ томъ смыслѣ, который дала этому понятію современная климатологія) на человѣчскій организмъ; далѣе онъ устанавливаетъ понятіе о средѣ съ тѣмъ его содержаніемъ, которое оно получило въ ученіи современной антропогеографіи. „Для антропогеографіи“, пишетъ Д. А., „вопросъ о вліяніи среды на человѣчество есть основной вопросъ, такъ какъ это—вопросъ о связи человѣка съ землей; поэтому, если не рѣшенія, то правильной постановки его мы, по преимуществу, можемъ искать именно, въ этой наукѣ“. И далѣе: „Связывая народъ съ его отечествомъ, географія яснѣе и увѣреннѣе, чѣмъ это дѣлаетъ антропология, намѣчаетъ путь нашего изслѣдованія: она устанавливаетъ и его настоящій объектъ — народъ, въ смыслѣ кореннаго, или, по крайней мѣрѣ, давняго населенія извѣстной области, — в рамки изслѣдованія — болѣе или менѣе самостоятельную область обитанія этого народа“. Разсматривая вопросъ о вліяніи географической среды, Д. А. останавливается попутно на важномъ и крайне запутанномъ вопросѣ объ акклиматизаціи человѣка и отмѣчаетъ признаніе авторитетными представителями науки „вліянія географическихъ условій на образованіе многихъ мѣстныхъ типовъ, значительно отступающихъ по своимъ признакамъ отъ своихъ родичей другихъ странъ“. И тѣмъ не менѣе, разсмотрѣвши вопросъ о прямомъ вліяніи климатическихъ условій, Д. А. приходитъ къ заключенію, что „мы можемъ считать достовѣрнымъ лишь фізіологическое дѣйствіе его на выдѣленіе и связанные съ нимъ органы въ нѣкоторыхъ областяхъ тропическаго пояса“. Вопросъ о дѣйствіи среды представляется ему въ иномъ видѣ, какъ скоро мы перенесемъ его на почву отдѣльныхъ областей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои условія для существованія ея обитателей. Въ чемъ же усматриваетъ и какія границы устанавливаетъ для этого вліянія среды Д. А.? Для отвѣта на

этотъ вопросъ мы процитируемъ наиболѣе опредѣленные мѣста его послѣдняго труда (стр. 76—78): „Крѣпость организма, поддержаніе его жизненныхъ функций въ нормальномъ состояніи въ среднихъ предѣлахъ человѣческаго возраста и способность производить здоровое потомство зависятъ именно отъ совокупности естественныхъ условий, дѣйствующихъ на организмъ. Процессъ приспособленія совершается путемъ органическихъ измѣненій болѣе или менѣе глубокихъ, которыя мы то можемъ, то не можемъ уловить при настоящихъ средствахъ науки. Но тамъ, гдѣ мы ихъ видимъ, мы имѣемъ достаточное основаніе отнести ихъ къ влиянію среды и т. д.“

И далѣе: „Говоря о дѣйствіи „природы“ на человѣка, доказывая, что человѣкъ и не культурный и культурный находится подъ ея властью, мы всегда говорили о географической средѣ. Мы признаемъ при этомъ, что культурная или социальная среда иногда противодѣйствуетъ ей, охраняя человѣка отъ разрушительныхъ влияній или создавая для него искусственныя условія жизни, но не рѣшаемся отрицать того, что устранить или ослабить естественныя условія можно только до извѣстной степени. Чѣмъ ближе человѣкъ стоитъ къ природѣ, чѣмъ менѣе культура оберегаетъ его отъ нея, тѣмъ болѣе мы должны признать дѣйствіе ея надъ нимъ. И это дѣйствіе прежде всего заключается въ подборѣ болѣе пригодныхъ для извѣстной среды индивидуумовъ, подборѣ, который, въ концѣ концовъ, въ естественныхъ границахъ ея дѣйствія, долженъ создать извѣстный антропологическій типъ, наиболѣе приспособленный къ жизни въ данной области“.

Не могъ обойти Д. А. и сложнаго вопроса о наследственности—этой второй основы дарвинизма и въ особенности той стороны этого ученія, которая теперь сильно подвергается сомнѣнію, благодаря ученію Вейсмана, а именно вопроса о наследственной передачѣ прижизненныхъ измѣненій или такъ-называемыхъ приобретенныхъ признаковъ. Въ концѣ концовъ, Д. А. пришелъ къ убѣжденію, что „нѣкоторыя измѣненія, даже случайныя или вредныя, могутъ переходить къ потомству въ видѣ предрасположенія къ воспроизведенію ихъ, которое можетъ повторяться при дѣйствіи однихъ и тѣхъ же условій“. Резюмируя главу о влияніи среды и наследственности, Д. А. заканчиваетъ ее слѣдующими словами: „Условія мѣстообитанія могутъ вызывать большія или меньшія измѣненія у человѣка отчасти своимъ прямымъ влияніемъ, отчасти посредствующимъ, путемъ качества или количества пищи, образа жизни, обусловливаемого мѣстообитаніемъ, и соответствующаго ему упражненія или неупражненія органовъ.“

Измѣненія, вызываемыя всѣми этими вліяніями, могутъ въ большей или меньшей степени переходить къ потомству посредствомъ воздѣйствій на зародышевую плазму и на организмъ въ періодѣ утробнаго или внѣутробнаго развитія. Если передача потомству измѣненій взрослой особи, при настоящихъ воззрѣніяхъ науки, является сомнительной, все же мы имѣемъ право допустить, что географическая среда дѣйствуетъ измѣняющимъ образомъ на человѣческій организмъ, и что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій, при постоянномъ дѣйствіи благоприятствующихъ имъ условій, могутъ поддерживаться въ потомствѣ и становиться признаками мѣстной человѣческой группы“.

И вотъ Д. А. пытается отыскать причину, которая способствовала бы образованію и закрѣпленію упомянутыхъ признаковъ (этническихъ) въ данномъ районѣ, такъ какъ всѣ эти признаки, и тѣмъ болѣе извѣстныя сочетанія ихъ, имѣютъ свой географическій районъ. Онъ высказываетъ убѣжденіе, что ни естественный, ни половой подборъ, выдвинутые теоріей Дарвина, не могутъ служить руководящимъ началомъ для антропологии, какъ причины измѣненій и варіацій человѣческаго типа. „Ключъ къ объясненію происхожденія различій между человѣческими группами, котораго не можетъ дать ученіе Дарвина“, Д. А. находитъ „въ ученіи Морица Вагнера о происхожденіи видовъ путемъ изолированія ихъ въ пространствѣ, ученіи, имѣющемъ вполнѣ географическій характеръ, такъ какъ въ основу его положена не только связь естественной группы съ мѣстомъ ея обитанія, но и необходимость особой области для образованія типическихъ особенностей группы“. Такимъ образомъ, М. Вагнеръ придавалъ изолированію въ данной области главное, рѣшающее вліяніе на образованіе настоящей разновидности, признавая его возможнымъ лишь тамъ, гдѣ немногія отдѣльныя особи, перейдя за предѣлы своего обитанія, въ теченіе долгаго времени остаются разъединенными со своими родичами. Если измѣняемость поддерживается пластичностью организаціи въ теченіи ряда поколѣній, вмѣстѣ съ вліяніемъ изолированія среди мѣстныхъ условій, то при продолжающемся дѣйствіи подбора возникаетъ устойчивая разновидность. Миграцію, вмѣстѣ съ изолированіемъ отдѣльныхъ группъ на определенной территоріи, М. Вагнеръ считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ развитіи человѣчества и его группъ. Въ концѣ своей дѣятельности М. Вагнеръ прямо формулировалъ, что изолированіе и образованіе колоній всегда бываетъ единственнымъ факторомъ образованій видовъ и разновидностей. До-

казательства своей теоріи М. Вагнеръ нашелъ во множествѣ фактовъ, представляемыхъ хорологіей организмовъ, и приписалъ хорологіи организмовъ не менѣе важное значеніе въ разрѣшеніи филогенетической задачи, чѣмъ сравнительной анатоміи и палеонтологіи. Итакъ мы видимъ, что Д. А. Коропчевскій нашелъ въ теоріи М. Вагнера ключъ къ объясненію происхожденія этническихъ признаковъ. Нужно замѣтить, что благодаря простотѣ и своей стройности эта теорія нашла себѣ и еще болѣе восторженныхъ поклонниковъ, чѣмъ Д. А. Какое громадное значеніе для антропогеографіи придавалъ этой теоріи Ф. Ратцель, назвавшій ее прямо „гениальной“, видно изъ его признанія, что онъ видитъ въ ней „ключъ ко всѣмъ загадкамъ исторіи творенія и, въ особенности, древнѣйшей исторіи человѣка“; мало того, онъ называлъ ее „основной теоріей всемірной исторіи“.

Въ ученіи о „географическихъ провинціяхъ“, введенномъ въ науку Ад. Бастіаномъ и развившемся параллельно съ ученіемъ М. Вагнера, Д. А. видитъ, насколько путь науки о человѣкѣ естественно направляется на географическую почву. „Идея географическихъ провинцій“, говоритъ онъ, „соотвѣтствуя стремленіямъ географіи оказать необходимую помощь антропологи, пріобрѣтаетъ для насъ еще большую цѣну тѣмъ, что эта идея исходитъ отъ этнолога и составляетъ плодъ долговременныхъ теоретическихъ изысканій и практическихъ изслѣдованій почтеннаго ученаго“. И вотъ, признавая въ основѣ теорію М. Вагнера и выставивъ то общее положеніе, что „человѣчество не можетъ быть названо безразличною смѣсью безчисленнаго множества типовъ“, Д. А. предпринимаетъ трудъ, который онъ самъ формулируетъ такъ: „мы должны указать въ настоящемъ или доступномъ нашему изученію прошломъ человѣчества общую для него возможность такого изолированія даже помимо рѣзкихъ географическихъ границъ“. И онъ находитъ возможнымъ предпринять эту работу, опираясь на воззрѣнія такихъ авторитетныхъ антропологовъ, какъ Тэйлоръ, Вирховъ, Эренрейхъ и др. Начиная съ V и кончая X (последнею) главою своего труда, Д. А. занявъ провѣркою своихъ общихъ положеній на частныхъ примѣрахъ и опредѣленіемъ происхожденія второстепенныхъ физическихъ различій между человѣческими группами, образующихъ этническіе признаки. Это и есть значительная и главная часть его самостоятельнаго труда—провѣрки основныхъ своихъ теоретическихъ воззрѣній на всей массѣ сравнительно-этнологическаго матеріала, накопленнаго трудами какъ теоретиковъ науки, такъ и путешественниковъ-собираателей.

Мы не послѣдуемъ далѣе за Д. А. въ его обзорѣ важнѣйшихъ группъ всего земного шара, начиная съ племенныхъ типовъ сѣверо-западной и средней Америки, со всею массою входящихъ въ нихъ крупныхъ и мелкихъ этническихъ группъ, далѣе, типовъ племенъ и народностей сѣверо-восточной и южной Америки, племеннаго состава дикаго населенія Австраліи, Океаніи и юго-восточной Азіи, въ его изслѣдованіи народообразовательнаго процесса въ Африкѣ въ связи съ географическими провинціями, областныхъ и мѣстныхъ типовъ центральной и восточной Азіи и южной Европы,—скажемъ лишь одно: вездѣ Д. А. нашелъ подтвержденіе основныхъ положеній, введенныхъ въ науку М. Вагнеромъ. Приведемъ лишь заключительныя слова, которыми Д. А. заканчиваетъ свой трудъ: „Научное обоснованіе фактовъ зависимости антропологическаго типа отъ «географической провинціи», которые должны болѣе и болѣе увеличиваться численно по мѣрѣ изученія мѣстныхъ и областныхъ типовъ, какъ и вообще усгѣхъ нашего воззрѣнія, которое можетъ быть названо физиологическимъ въ отличіе отъ морфологическаго, преслѣдовавшагося по преимуществу въ нашей наукѣ, требуютъ бѣльшаго развитія сравнительной физиологіи, чѣмъ ея современное состояніе. Это дальнѣйшее развитіе должно разъяснить развитіе основной формы въ томъ или иномъ направленіи подѣ влияніемъ географическихъ условій, съ которыми оно находится въ такой очевидной связи. Выходъ изъ затруднительнаго положенія, въ какомъ чувствуетъ себя современная антропологія, указывается ей въ перенесеніи центра тяжести ея работы, съ одной стороны, на почву сравнительной физиологіи, а съ другой—на почву антропогеографіи. Сочетаніе этихъ двухъ направленій дастъ недостающую ей твердую основу и примиритъ дѣятельность двухъ ея отраслей—соматической антропологіи и этнологіи, опредѣляя общіи для нихъ объектъ въ типахъ „географическихъ провинцій“. Въ этихъ словахъ—краткое резюме настоящей работы и программа для будущихъ изслѣдованій. На этомъ мы закончимъ наше изложеніе, такъ какъ критика взглядовъ Д. А. не входитъ въ нашу задачу.

Памъ остается еще сказать нѣсколько словъ о преподавательской дѣятельности Д. А. Съ 1897 года Д. А. преподавалъ географію на женскихъ педагогическихъ курсахъ, преобразованныхъ въ прошломъ году въ женскій педагогическій институтъ. О дѣятельности Д. А. въ качествѣ преподавателя на курсахъ намъ извѣстно мало; изъ личныхъ разговоровъ съ покойнымъ вспоминается лишь то удовольствіе, которое онъ высказывалъ по поводу того, что ему удалось ввести въ

учебную программу института особый курсъ антропогеографіи и этнографіи. Съ 1900 г., послѣ смерти проф. Э. Ю. Петри, Д. А. читалъ лекціи по антропологии и этнографіи въ качествѣ приватъ-доцента въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Выше мы уже привели заглавія прочитанныхъ за этотъ періодъ курсовъ. Недостатка въ слушателяхъ у Д. А. никогда не было, онъ не зналъ пустой аудиторіи. Его лекціи охотно посѣщались студентами разныхъ факультетовъ: натуралистами, филологами и юристами, которые, иногда случайно попавъ въ тѣсное и неприглядное помѣщеніе антропологическаго кабинета, нерѣдко становились его усердными посѣтителями. Къ своимъ слушателямъ Д. А. всегда относился съ удивительной предупредительностью и вниманіемъ, нерѣдко подолгу бесѣдуя съ каждымъ изъ нихъ по поводу интересующаго его вопроса; многихъ онъ приглашалъ къ себѣ на домъ, снабжалъ книгами для работъ на взятую тему, нерѣдко самъ переводилъ изъ книгъ на иностранныхъ языкахъ нужныя для сочиненія мѣста. Въ особенности же ученики его цѣнили въ немъ умѣнье поддерживать бодрое настроеніе и охоту къ самостоятельной работѣ въ избранной области. Учащаяся молодежь несомнѣнно утратила въ немъ истиннаго друга, всегда готоваго поддержать всякаго къ нему обратившагося въ трудную минуту. Къ студентамъ онъ относился какъ старшій товарищъ и другъ, и это простое, привѣтливое отношеніе чувствовалось сразу всякимъ, кто хоть разъ имѣлъ случай обратиться съ чѣмъ-нибудь къ Д. А. Кромѣ того Д. А. читалъ курсъ антропогеографіи на педагогическихъ курсахъ въ г. Павловскѣ (Петерб. губ.) въ 1900 году и курсъ этнографіи на такихъ же курсахъ въ г. Саратовѣ въ іюнѣ 1901 года.

Мы очень затруднились бы перечислить всѣ тѣ дѣла и культурныя начинанія, гдѣ Д. А. принималъ дѣятельное участіе. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, которыя относятся къ самому послѣднему времени. Такъ, Д. А. принялъ участіе въ выработкѣ программы по географіи для училища кн. Тенишева въ С.-Петербургѣ и для С.-Петербургскаго учительскаго института; участвовалъ въ работахъ по изданію международной библиографіи по точнымъ наукамъ, издаваемой въ Лондонѣ; принялъ участіе въ засѣданіяхъ особой предварительной комиссіи по организаціи этнографическаго отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III; наконецъ, въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ Д. А. былъ предсѣдателемъ антропологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ.

Намъ кажется, что этого краткаго, фактическаго очерка дѣятель-

ности Д. А., гдѣ многое, съ увѣренностью можно сказать, пропущено, вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, чѣмъ русское общество и русское просвѣщеніе обязаны покойному. И все-же, подводя итоги этой дѣятельности и принимая во вниманіе разнообразныя способности Д. А., невольно думаешь о томъ, что отъ Д. А. получено далеко не все, что онъ могъ бы дать при болѣе благопріятно сложившихся обстоятельствахъ его личной и иныхъ условіяхъ нашей общественной жизни. Несмотря на жизненныя неудачи, онъ до конца оставался глубокимъ оптимистомъ, относившимся съ радушіемъ и довѣріемъ къ людямъ. Своими душевными качествами Д. А. снискалъ къ себѣ расположеніе всѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло, и въ особенности людей близко стоявшихъ и знавшихъ его. Миръ праху неутомимаго труженика и рѣдкаго человѣка! 20-го декабря 1903 г. Д. А. Коропчевскій похороненъ на Волковомъ кладбищѣ недалеко отъ могилы Г. Н. Успенскаго.

И. Могиланскій.

П. С. ВАННОВСКИЙ.

(Некрологъ).

16-го февраля 1904 года скончался на 82-мъ году жизни бывший министр народнаго просвѣщенія, генераль-адъютантъ Петръ Семеновичъ Ванновскій. Какъ ни коротко было время пребыванія его во главѣ учебнаго вѣдомства (съ 24-го марта 1901 г. по 11-е апрѣля 1902 г.), оно оставило, тѣмъ не менѣе, глубокий слѣдъ въ исторіи русской школы. Высочайшій рескриптъ 24-го марта 1901 г., призывавшій Петра Семеновича, уже на склопѣ жизни, на особо важный, по условіямъ времени, постъ министра народнаго просвѣщенія, возложилъ на него разрѣшеніе одной изъ наиболее трудныхъ государственныхъ задачъ— „коренной пересмотръ и исправленіе“ учебнаго строя Россіи.

Въ первую очередь новый министр поставилъ преобразование средней школы, для котораго уже собранъ былъ обширный матеріалъ при предшественникѣ Петра Семеновича. Подъ личнымъ предсѣдательствомъ министра лѣтомъ 1901 г. былъ разработанъ проектъ основныхъ положеній о средней школѣ. Этотъ проектъ, дѣйствительно, въ корнѣ измѣнялъ строй нашего средняго образованія. Новая школа, призванная давать юношеству воспитаніе и возможно законченное среднее образованіе и въ то же время готовить къ поступленію въ высшія учебныя заведенія, представлялась единой, одного общаго для всѣхъ учебныхъ заведеній сего рода типа. Въ ожиданіи же окончательной разработки и законодательнаго утвержденія реформы началось съ осени того же 1901 г. и постепенное переустройство, на новыхъ основаніяхъ, младшихъ классовъ классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Твердо и спокойно руководя подготовкой ре-

формы средняго образованія, всегда вызывавшей обостренную борьбу мнѣній, Петръ Семеновичъ былъ близокъ къ поставленной цѣли: весной 1902 г. онъ уже готовился внести на разсмотрѣніе государственнаго совѣта окончательный проектъ основныхъ положеній о средней общеобразовательной школѣ...

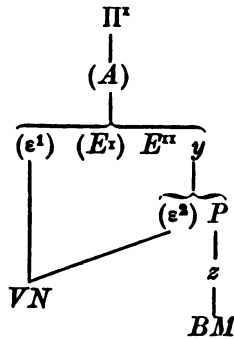
Не меньше вниманія удѣлялъ покойный министръ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, въ частности университетамъ. Съ университетской средою онъ имѣлъ возможность ознакомиться въ 1899 г., исполняя Высочайшее повелѣніе разслѣдовать причины безпорядковъ, возникшихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Строгое безпристрастіе, отеческая доброжелательность и простота въ личномъ обращеніи обязательно подѣйствовали тогда на учащуюся молодежь. Восстановленіе нормальнаго теченія жизни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было первой заботой Петра Семеновича, побудившей его, помимо экстренныхъ мѣръ для предупрежденія и подавленія студенческихъ безпорядковъ, предпринять опытъ введенія студенческихъ организацій, какъ легальнаго выраженія интересовъ учащейся молодежи. Въ срединѣ 1901—1902 учебнаго года были опубликованы Временныя правила о студенческихъ организаціяхъ по курсамъ и факультетамъ. Одновременно возбуждено было дѣло о коренномъ пересмотрѣ уставовъ и штатовъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. 29-го апрѣля 1901 г. министръ предложилъ совѣтамъ университетовъ и соответствующимъ коллегіямъ другихъ высшихъ школъ высказать свои соображенія о желательныхъ измѣненіяхъ въ уставахъ и штатахъ и, сверхъ того, представить мотивированные отвѣты на предложенные министромъ вопросы. Поступившіе въ отвѣтъ на это предложеніе отзывы, при всемъ разнообразіи высказанныхъ мнѣній сходящіеся въ признаніи необходимости возвратиться къ началамъ автономіи и узаконить студенческія организаціи, были объединены въ систематическій сводъ, послужившій основаніемъ для дальнѣйшаго сужденія объ университетской реформѣ. Одновременно предпринятъ былъ пересмотръ положеній о высшихъ женскихъ курсахъ и женскомъ медицинскомъ институтѣ.

Не были оставлены безъ вниманія и настоятельныя нужды низшаго народнаго образованія. По вопросу о разграниченіи въ этомъ дѣлѣ сферъ компетенціи министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства, вызвавшему принципиальное разномысліе между оберъ-прокуроромъ Св. Синода и предшественникомъ Петра Семеновича, послѣдній въ отзывѣ отъ 25-го сентября 1901 г. призналъ необходимымъ:

установить правильную точку зрѣнія на права и обязанности обоихъ вѣдомствъ и на взаимныя между ними отношенія, уравнивъ права церковныхъ школъ и школъ учебнаго вѣдомства, въ цѣляхъ же единства управленія народнымъ образованіемъ создать особые органы изъ представителей разныхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ. Независимо отъ этого капитальнаго вопроса, отданнаго по Высочайшему повелѣнію 18-го января 1902 г. на совмѣстное обсужденіе министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокурора Св. Синода, П. С. Ванновскій озаботился продолженіемъ начатой при Н. П. Боголѣповѣ работы по пересмотру законодательства о народномъ образованіи: въ мартѣ 1902 г. была образована особая комиссія для обсужденія основныхъ положеній о низшей школѣ. Для матеріальнаго обезпеченія народныхъ школъ испрошено было на 1902 г. продолженіе кредита въ 1.000.000 руб. и особыя суммы исхodataйствованы на нужды нѣкоторыхъ отдѣльныхъ разрядовъ начальныхъ школъ.

Въ лицѣ П. С. Ванновскаго Россія утратила одного изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, одареннаго свѣтлымъ умомъ и рѣдкой энергіей, отдавашаго послѣднія силы на самоотверженное служеніе отечеству. Безпристрастная же оцѣнка дѣятельности покойнаго, какъ министра народнаго просвѣщенія, наступить, конечно, не ранѣе, какъ отойдетъ въ прошлое вся переживаемая нынѣ эпоха учебныхъ реформъ.

гдѣ буквами $\Pi^2 A V B M$ обозначены тѣ же самыя рукописи, что и въ нашей стеммѣ;

ϵ^1 — codd. Escorialenses IV. II. 6 и 7, за исключеніемъ въ IV.

Н. 7 той части, которую мы обозначаемъ посредствомъ ϵ^2 ;

ϵ^2 — cod. Escorialensis IV. II. 7, fol. 430 — 450 (приблизительно),

гдѣ содержались извлечения изъ Арріана и начало (около $\frac{1}{7}$ части общаго количества) извлеченій изъ Аппіана;

E^1 — cod. Escorialensis R. III. 21, за исключеніемъ 12 первыхъ листовъ;

E^{11} — cod. Escorialensis R. III. 13;

N — cod. Neapolitanus III. B. 15;

P — codd. Vaticani Palatini gr. 411. 410. 412;

y — якобы утраченная рукопись, а на самомъ дѣлѣ — *просто продуктъ фантазіи де Боора*, и

z — *другой плодъ фантазіи де Боора*.

Для надлежащей оцѣнки вышеуказанныхъ результатовъ *де-бооровскихъ* изысканій необходимо принять въ соображеніе, что самъ де Бооръ не ручается за правильность своихъ заключеній, что рукописи ϵ^1 и E^1 являются непосредственными кошіями A , и что ϵ^2 списана была съ y , но считаетъ такое мнѣніе о взаимныхъ отно-

---

или менѣе ясное представленіе и о тѣхъ „результатахъ“, къ которымъ пришелъ де Бооръ въ области рукописнаго преданія извлеченій περί πρέσβων ἑθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους. [Въ предисловіи де Боора къ его изданію извлеченій περί πρέσβων мы находимъ только одну *частную* (кстати сказать *совершенно неверную*) стемму нѣсколькихъ рукописей извлеченій περί πρέσβων Ῥωμαίων πρὸς ἑθνικούς, — p. XVI.]

шеніяхъ этихъ рукописей лишь болѣе или менѣе вѣроятнымъ ¹⁾. По этому поводу нельзя не напомнить читателямъ, что дѣйствительно де Бооръ не сумѣлъ доказать наличности непосредственной генетической связи даже и рукописи e^2 съ A , и что единственно лишь вслѣдствіе недостаточности своего знакомства съ Дармариемъ означенный *vir doctissimus* не произвелъ рукописи E^2 въ рангъ *непосредственной* копіи назовскаго кодекса, — подобно тому какъ онъ же заблагодарасудилъ это сдѣлать по отношенію къ начальнымъ листамъ той же самой рукописи (cod. Escorialensis R. III. 21, fol. 1—12) и ко всему cod. Escorialensis R. III. 14 ²⁾.

Едва ли надо пояснять, что шаткость вышеупомянутыхъ де-бооровскихъ выводовъ, естественно, распространяется и на рукописи VN , — даже помимо безусловной ошибочности мнѣнія де Боора, что рукопись N была *цѣликомъ* списана съ агустиновской ($v = e^1 + e^2$).

Такова, стало быть, *лѣвая* половина де-бооровской стеммы. Еще хуже, однако, обстоятъ дѣло съ *правой* ея половиной, гдѣ фигурируютъ *два сочиненныя самимъ де Бооромъ рукописи* (y и z), являясь краснорѣчивыми *testimonia* рауртатис своего сочинителя, который, какъ мы уже имѣли случай констатировать этотъ странный фактъ въ своемъ мѣстѣ выше ³⁾, безъ посторонней помощи оказывается рѣшительно не въ состояніи правильно рѣшить даже и такіе несложные вопросы, какъ выясненіе взаимныхъ отношеній между рукописями P и VM или между A и P^2 .

Изъ всего вышележеннаго достаточно явствуетъ *крайняя шаткость и главная результата де-бооровскихъ „изысканій“*, каковымъ является до извѣстной степени условное признаніе A единственною непосредственною кошей II^1 , а, стало быть, и единственною рукописью, имѣющею самостоятельное значеніе для критики текста извлеченій *περί πρῶτων ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους*.

Попутно не откажемъ себѣ въ удовольствіи подчеркнуть фактъ существеннаго различія между основнымъ результатомъ *нашихъ* изслѣдованій въ данной области и вышеуказаннымъ выводомъ де Боора: мы признаемъ *не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію*, что руко-

¹⁾ Въ виду такой нетвердости этихъ де-бооровскихъ выводовъ мы и заключили e^2 , e^3 и E^2 въ скобки.

²⁾ Ср. *Ж. М. Н. Пр.* 1902, ноябрь, 505 слд.

³⁾ Ср. *Ж. М. Н. Пр.* 1902, декабрь, 559 — 566, а также октябрь, 489 — 491.

пись *A* является единственною непосредственною копией первой половины паэзовскаго кодекса (*Π'*), тогда какъ *de Boor* признаетъ этотъ фактъ не безусловно доказаннымъ, но *лишь въ большей или меньшей степени вѣроятнымъ*,—причемъ, кстати сказать, при подведеніи окончательныхъ итоговъ своихъ „изысканій“ въ данной области онъ безъ достаточныхъ основаній, какъ мы уже доказали въ своемъ мѣстѣ выше, дѣлаетъ скачекъ отъ (просто) *вѣроятнаго*¹⁾ и „*вѣроятнаго въ высокой степени*“²⁾ къ „*вѣроятному въ высочайшей степени*“³⁾.

¹⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902, 159: „so dürfte doch das Urtheil dahin ausfallen, dass Sc[orialensis R. III. 21, т. е. *E'*] eine relativ vorzügliche Abschrift von A sei“. — Какъ въ этой, такъ и въ слѣдующихъ выпискахъ курсивъ принадлежить намъ.

²⁾ *Ibid.*, 162: „Somit ist es *in hohem Grade wahrscheinlich*, dass die Abschrift für Augustinus [т. е. *ε* — за исключеніемъ извлеченій изъ Appiana и начала анниановскихъ] nicht aus dem alten Codex, sondern aus A gemacht worden ist“.

³⁾ *Ibid.*, 163: „Fassen wir das Resultat der Untersuchung über die Handschriften der Excerpte de legationibus gentium, so hat sich ergeben, dass der Ambrosianus der einzige für eine Ausgabe in Betracht kommende Codex ist. Die Handschriften in Brüssel und München, die Vaticani Palatini 410 — 412 und der Scorialensis R III 13 sind als sicher nachgewiesene Copien von A aus dem Apparat völlig auszuscheiden, aber auch beim Scorialensis R III 21 und den Handschriften des Ursinus ist dies Abhängigkeitsverhältniss *so wahrscheinlich*, dass den abweichenden Lesarten derselben *keinerlei* Gewicht beizulegen ist. Während es somit *im höchsten Grade wahrscheinlich* ist, dass Darmarius die legationes gentium nur einmal aus dem Original copirte, und alle weiteren Copien aus dieser Abschrift stammen, ist die gleiche Annahme für die legationes Romanorum nicht zulässig“. [Не безъ удовольствія можемъ теперь констатировать, что этому „*въ высочайшей степени вѣроятному*“ де-бооровскому „результату“ весьма недолго суждено было удержаться на такой „высотѣ“ въ сознаніи самого де Боора: еще *въ 1903 году* это де-бооровское „*im höchsten Grade wahrscheinlich*“ превращается въ „*dubium*“, какъ явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ замѣчаній де Боора въ предисловіи къ его изданію (р. XV): „*Non aequè pro certo habeo libros Augustinianos, e quibus originem ducunt Ursiniani, et E^b* (т. е. по нашему обозначенію — *E'*) *ex Ambrosiano transcriptos esse, quatenus ex huius codicis proprietate nonnullae librorum illorum corruptelae explicari posse videntur. Mirum etiam est ubicunque libri illi maxime Ursiniani meliores lectiones praebent quam A ad orthographiam potissimum has pertinere ac tales esse quales librarius litteris eruditus facile coniectura assequi potuerit, nunquam inveniri gravioris mendae medelam, nunquam lacunam expleri. Dubium igitur videtur esse utrum alia via ex codice archetypo* (т. е. *Π*) *fluxerint an ex ipso codice A. Quod cum ita esset, horum quoque librorum lectiones* (въ аппаратѣ) *geseri*“, и проч. — Имѣемъ основаніе думать, что такая значительная деградация недавняго де-бооровскаго „*im höchsten Grade wahrscheinlich*“ главнымъ образомъ обусловлена ознакомленіемъ де Боора съ XXXV-ю главою нашихъ *Varia*, оттискъ которой нами былъ своевременно доставленъ почтенному изслѣдователю].

Остается добавить, что путем детального разбора крайне поверхностной и односторонней де-бооровской аргументации, относящейся къ разъясненію вопроса объ отношеніяхъ между A , съ одной стороны, и агустиновской и коваррубіевской рукописями (ϵ и E^x), съ другой, мы уже констатировали фактъ, что заключительный выводъ де Боора, провозглашенный имъ „*въроятнымъ въ высочайшей степени*“, по ближайшемъ его разсмотрѣніи, оказывается *въ высочайшей степени шаткимъ*, такъ какъ при условіи де-бооровскихъ презумпцій его собственные аргументы совершенно оправдываютъ и діаметрально противоположный де-бооровскому выводъ, сводящійся къ признанію рукописей ϵ и E^x тоже непосредственными копіями паззовскаго кодекса (Π^1).

Помимо всего этого уже самый фактъ признанія де Бооромъ не безусловно доказаннымъ, но *только въроятнымъ* (хотя бы и „въ высочайшей степени“) того, что A является единственною непосредственною копіей Π^1 , естественно, не устраняетъ возможности зачисленія и вышеупомянутыхъ рукописей ϵ и E^x (или какой-либо одной изъ нихъ) въ списокъ „непосредственныхъ копій паззовскаго кодекса“, — и мы ни мало не удивились бы, если бы въ одинъ прекрасный день де-Бооръ и вздумалъ, пользуясь этою самою лазейкою и убѣдившись въ совершенной бездоказательности своей аргументации — хотя бы при помощи нашей критики ¹⁾, — обогатить именно такимъ образомъ списокъ непосредственныхъ копій Π^1 . — Остается пояснить, что въ виду вышеуказанной условности и шаткости главнаго де-бооровскаго вывода мы въ его стеммѣ заключили въ скобки и A .

Затѣмъ считаемъ при настоящемъ положеніи дѣла необходимымъ коснуться довольно щекотливаго вопроса о причинѣ, обусловившей (чисто внѣшнее, какъ мы уже доказали выше) „совпаденіе“ главнаго результата де-бооровскихъ „изысканій“ съ основнымъ результатомъ нашихъ изслѣдованій, который вмѣстѣ съ общей стеммой рукописнаго преданія извлеченій *περί πρῶτων* былъ опубликованъ нами ²⁾ за нѣсколько мѣтъ до появленія статьи де Боора ³⁾ и былъ извѣстенъ послѣднему еще до написанія имъ этой статьи.

¹⁾ Полагаемъ, что безъ посторонней помощи ему никоимъ образомъ не удалось бы этого сдѣлать.

²⁾ *Визант. Временникъ*, V (1898), 476 и 480.

³⁾ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902.

Если вѣрить въ правдивость сообщенія самого де Боора ¹⁾, то вышеупомянутое „совпаденіе“ было обусловлено тѣмъ, что къ тому самому выводу, который былъ нами опубликованъ въ 1898 году, де Боору удалось придти въ 1901 году *совершенно самостоятельно* — на основаніи непосредственнаго ознакомленія его съ амброзіанскою рукописью (А). Мы полагаемъ, однако, что имѣемъ право отнести съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ вышеприведенному сообщенію означеннаго ученаго, и что до тѣхъ поръ пока де Бооръ не представитъ какихъ-либо *доказательствъ* болѣе убѣдительныхъ, нежели эта голословная замѣтка, не исключается возможность и нѣсколько иного объясненія причины, обусловившей упомянутое „совпаденіе“, — а именно, принимая во вниманіе:

1) завѣдомое искаженіе истинныхъ фактовъ, какое позволилъ себѣ де Бооръ непосредственно вслѣдъ за вышеприведеннымъ его сообщеніемъ, — объявляя „ничѣмъ не обоснованной гипотезой“ основной результатъ нашихъ изслѣдованій въ области рукописнаго преданія извлеченій *καὶ πρῶτον ἐθνικῶν πρὸς Ῥωμαίους* ²⁾;

---

¹⁾ Ibid., 151: „Bisher sind die Herausgeber der in den Excerpten vertretenen Schriftsteller von der Ansicht ausgegangen, dass aus dem verbrannten Archetypus mehrere Abschriften genommen seien, und man daher aus der Vergleichung der vorhandenen Exemplare jenen herstellen könne und müsse, und auch ich habe, *bevor ich den Ambrosianus aus eigener Anschauung kennen lernte*, diese Vorstellung gehabt“. — Курсивъ какъ здѣсь, такъ и въ дальнѣйшей вышескѣ принадлежитъ намъ.

²⁾ Ibid., 154: „Dagegen hat zuerst Krašeninnikov in der erwähnten Schrift die Behauptung aufgestellt, von der Handschriften der legationes gentium sei nur der Ambrosianus aus dem Archetypus genommen, für alle übrigen sei der Ambrosianus Quelle, *allerdings lediglich gestützt auf das Datum und die Vortrefflichkeit dieser Handschrift, ohne den mindesten Versuch zu machen, diese Hypothese zu begründen, ja ohne einen Theil der Abschriften zu kennen*“; ср. по этому поводу наши возраженія въ *Ж. М. Н. Пр.* 1902, декабрь, 554 — 557. Для надлежащей оцѣнки вышеприведенной де-бооровской тирады считаемъ нелишнимъ сопоставить съ нею слѣдующія слова того же де Боора, сказанныя имъ въ письмѣ къ намъ отъ 10-го (23) іюля 1901 года, т. е. въ тотъ періодъ времени, когда онъ еще не додумался до извлеченія подлинныхъ фактовъ; упомянувъ о своемъ незнаніи русскаго языка и о томъ, что онъ надѣется ознакомиться съ нашей статьёй черезъ переводчика, онъ замѣчаетъ: „Jedenfalls sehe ich aus dem Handschriften-Stemma der Excerpten-Handschriften mit Vergnügen, dass das Resultat, zu dem ich während meiner Reise gekommen bin, im Wesentlichen mit dem Ihrigen übereinstimmt, besonders darin, dass für den Titel *de legatt. gentium der Ambrosianus der direkte Archetypus der übrigen ist*“.

2) систематическое замалчиваніе всѣхъ прочихъ положительныхъ результатовъ нашихъ изслѣдованій, какое позволяетъ себѣ де Бооръ въ своемъ сочиненіи;

3) аналогичное умолчаніе де Боора о заслугахъ другого его предшественника, Эрнста Шульце ¹⁾);

4) по истинѣ фатальную неспособность де Боора правильно рѣшать даже и несложные вопросы въ области рукописнаго преданія извлеченій пері прέρβεων, — блестяще засвидѣтельствованную его новѣйшимъ сочиненіемъ, которое мы подвергаемъ детальной критикѣ; наконецъ,

5) вышеуказанныя хронологическія данныя, которыя не мѣшаетъ еще дополнить сообщеніемъ, что отдѣльный оттискъ своей статьи, помѣщенной въ *Визант. Временникъ* 1898 г., мы послали де Боору уже въ апрѣль 1901 года, — въ виду всѣхъ этихъ фактовъ мы считаемъ себя въ правѣ допустить возможность предположенія, что радикальнымъ измѣненіемъ своего *прежняю* ошибочнаго мнѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ рукописей извлеченій пері прέρβεων (*Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1899, 533) де Бооръ обязанъ не столько „*eigener Anschauung*“ амброзіанской рукописи ²⁾ сколько своему знакомству съ нашей статьей въ *Византійскомъ Временникъ* 1898 года ³⁾ и что *не совсемъ корректное* (выражаясь мягко) *отношеніе* его къ одному изъ самыхъ важныхъ результатовъ *нашихъ* изслѣдованій въ данной области обуславливается именно стремленіемъ означеннаго „изслѣдователя“, — быть можетъ, разсчитывавшаго на то, что де „*Rossica non leguntur*“, — съ одной стороны, замаскировать свою зависимость отъ нашей статьи, съ другой — присвоить себѣ путемъ завѣдомаго искаженія истинныхъ фактовъ въ связи съ систематическимъ замалчиваніемъ заслугъ своихъ предшественниковъ честь пріоритета въ дѣлѣ правильной оцѣнки значенія

¹⁾ Ср. по этому поводу *Ж. М. Н. Пр.* 1902, декабрь, 569, прим. 1. [Въ предисловіи къ своему изданію де Бооръ ни однимъ словомъ не упоминаетъ ни о Шульце, ни обо мнѣ, — *carienti sat!*....].

²⁾ Было бы весьма желательно, чтобы де Бооръ *опредѣленно* сообщилъ, въ которомъ именно году (т. е. въ 1901-мъ или же *нѣсколько раньше*) „*den Ambrosianus aus eigener Anschauung kennen lernte*“.

³⁾ Едва ли надо пояснять, что при наличности нашей стеммы (*Визант. Врем.* 1898, 476) и достаточнаго запаса коляцій вовсе не было трудно приискать соотвѣтственные примѣры — вродѣ тѣхъ, которые приведены де Бооромъ въ *Sitzungsber. der Berliner Akad.* 1902. 476 сл.

амбровіанской рукописи ¹⁾. 'Αλλ' οὐ καταπρόϊεται vir doctissimus, такъ какъ обо всѣхъ „подвигахъ“ столь своеобразнаго „изыскателя“ въ области рукописнаго преданія извлеченій περὶ πρέσβων и, кстати сказать, неудачнаго издателя этихъ извлеченій мы въ скоромъ времени повѣдаемъ ученому міру и на латинскомъ языкѣ.

М. Крашенинниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Ср. *Byzant. Zeitschrift*, 1902, 578.

„ПРОРОКЪ“.

Пушкина.

- Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
4 На перепутьи мнѣ явился.
Перстами, легкими какъ сонъ,
Монхъ зѣнницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣнницы,
8 Какъ у испуганной орлицы.
Монхъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
14 И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ монихъ припалъ,
И вырвалъ грѣшныи мой языкъ,
И празднословный и лубавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
20 Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угля, пылающій огнемъ,
24 Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ, въ пустынь я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполни волею Моей,
И, обходя моря и земли,
30 Глаголомъ жги сердца людей!“

* * *

Mentis inexpletae sitiens ardore trahebam
 Per loca senta situ deserto limite plantas,
 In bivio mihi cum Seraphin de coetibus unus
 4 Ter binas sese ostendit libratus in alas.
 Hic nobis tetigit levioire ubi pollice somnis
 Pupillas, cernunt mihi luminis acrius orbis
 Tamque sagax mea facta acies abstrusa videre,
 8 Quam materna aquilae speculantis caeca pericla.
 Dextera vix eadem geminas mihi contigit aures,
 Cum variarum implent arrectas murmura vocum:
 Iam caeli fremitum, iam fas audire volantum
 Tractibus aethereis Geniorum examina sacra
 Palantesque freti vel in imo gurgite pisces
 14 Vitiferisque adeo turgentem vallibus uvam.
 Ast ille incumbens nostro vehementius ori
 Funditus avolsam vitiato gutture linguam,
 Frivola quae fuerat nec fraudis nescia, solvit,
 Humanaeque loco prudentior illa draconis
 Demissa est mihi semianimo per pallida labra
 20 In fauces palma roranti sanguine nostro.
 Postremo Seraphin nostrum latus ense recludit,
 Extractoque, licet mihi palpitet, inde sub auras
 Corde, novum cor sufficiens, in viscera prunam
 24 Flagrantem defert et vulnere condit hianti.
 Cumque ego solus humi, ceu corpus inane, iacerem,
 Ecce Dei me compellat vox aethere ab alto:
 „Surge solo, vates: oculis atque auribus hauri
 Undique materiem, caelesti et numine plenus
 Percurrens maria ac terras ubicumque memento
 30 Urere flammatis mortalia pectora verbis!“

Г. Зенгеръ.

ΛΑΟΙ ВЪ МАЛОЙ АЗИИ.

Въ 1901 году Haussoullier издалъ въ *Revue de philologie, de littérature et d'histoire ancienne* (N. S. XXV, 9—10) очень важную во многихъ отношеніяхъ надпись изъ Дидимейона. Она поставила, между прочимъ, на очередь вопросъ о такъ называемыхъ λαοὶ βασιλικοί. Самъ Haussoullier два раза комментировалъ относящіяся къ нимъ мѣста надписи (l. l., 33—34; *Études sur l'histoire de Milet et du Didymeion*, 105—106); М. И. Ростовцевъ въ *Beiträge zur alten Geschichte* (I, 295—299: *Der Ursprung des Kolonats*) указалъ на возможность генетической связи между мало-азійскими λαοὶ и римскими колонатами; de Sanctis, по словамъ Haussoullier, пришелъ къ той же мысли; ес, по видимому, раздѣляетъ и самъ издатель надписи (*Études*, 106*). Къ этому мнѣнію присоединяется — съ нѣкоторыми оговорками — С. Вашипскій (*Eos*, 1902, 202). Р. Meyer (*Beiträge*, I, 424—426: *Zum Ursprung des Kolonats*) желаетъ видѣть связь между λαοὶ Малой Азии и Египта; съ нимъ не соглашается F. Maeyence (*Musée Belge*, 1902, I, 88—93: *Le colonat dans l'Égypte romaine*).

Предметомъ моей замѣтки будутъ λαοὶ Малой Азии сами по себѣ, вѣ связи ихъ съ явленіями того же порядка въ другихъ странахъ древняго міра.

По надписи, изданной Haussoullier, царь Антиохъ II (Θεός) уступаетъ своей (разведенной съ нимъ) женѣ Лаодикѣ большой участокъ земли въ Геллеспонтской сатрапії:

[. . . . . ἄ-
ποτεμέσθαι τὸ χωρίον, τῆμ μὲν Πάν[νου κώμην καὶ εἰ τις τυγχά-
νει ὕστερον γεγενῆσθαι καὶ εἰ τινες (ε)ἰς τὴν χώ[ραν προσπί-
πτουσιν τόποι καὶ τοὺς ὑπάρχοντας αὐτοῖς λαοὺς πα-

5. νοικίους σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν πᾶσιν καὶ σὺν ταῖς [τοῦ ἐνάτου καὶ πεντηκοστοῦ ἔτους προσόδοις ἀργυρίου ταλάντων τριάκοντα, ὁμοίως δὲ καὶ εἴ τινες ἐκ] τῆς κώμης ταύτης ὄντες λαοὶ μετεληλύθασιν εἰς ἄλλους τόπους....

Π δαγβε (стрк. 20 сл.):

Σύνταξον παραδειξάι Ἀρριδαίω τῶι οἰκονο(μ)οῦντι τὰ Λαοδίκης τήν τε κώμην καὶ τὴν Βᾶριν καὶ τὴν προσοῦσαν χώραν καὶ τοὺς λαοὺς πανοικίους σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν αὐτοῖς πᾶσιν....

Условія покупки слѣдующія (стрк. 9 сл.):

- ἐφ' ᾧ οὐδὲν ἀποτελεῖ εἰς τὸ βασιλικὸν καὶ κυρία ἔσται
10. ται προσφερομένη πρὸς πόλιν ἣν ἂν βούληται· κατὰ ταῦτά θ[ε] καὶ οἱ παρ' αὐτῆς πριάμενοι ἢ λαβόντες αὐτοὶ τε ἔξουσιον κυρίως καὶ πρὸς πόλιν προσοῖσονται ἣν ἂν βούλω[ν]ται ἑάμπερ μὴ Λαοδίκῃ τυγχάνει πρότερον προσενηγμένη πρὸς πόλιν, οὕτω δὲ κακτ(ή)σονται οὐ ἂν ἡ χώρα ἦ προσωρισμένη ὑπὸ Λαοδίκης. Τὴν δὲ τιμὴν συντετάχαμεν ἀνενεγχεῖν εἰς τὸ κατὰ στρατείαν γαζοφυλάκιον ἐν τρισὶν ἀναφοραῖς...
15. σωρισμένη ὑπὸ Λαοδίκης. Τὴν δὲ τιμὴν συντετάχαμεν ἀνενεγχεῖν εἰς τὸ κατὰ στρατείαν γαζοφυλάκιον ἐν τρισὶν ἀναφοραῖς...

Haussoullier указалъ на упоминаніе о лаοί въ другой надписи, изданной впервые Шлимманомъ (Schliemann, Troianische Alterthümer, 201 = Dittenberger, Syll.¹ 158). Здѣсь мы читаемъ (стрк. 46 сл.):

οἱ δὲ βασιλικοὶ λαοὶ οἱ ἐκ τοῦ τέπου, ἐν ᾧ ἐστὶν ἡ Πέτρα, ἑὰμ βούλωνται οἰκεῖν ἐν τῇ Πέτραι ἀσφαλείας ἔνεκε, συντετάχαμεν Ἀριστοδιδίθῃ ἑὰν αὐτοὺς οἰκεῖν.

Тѣ лаοί, о которыхъ говоритъ надпись, изданная Haussoullier, до перехода ихъ къ Лаодикѣ, повидимому, тоже были лаοί βασιλικοί. Я позволю себѣ въ дальнѣйшемъ указать еще на нѣсколько упоминаній (не отмѣченныхъ до сихъ поръ) о лаοί или сходномъ съ ними классѣ въ Малой Азии. Но сначала постараюсь использовать надпись, изданную Haussoullier. На основаніи ея можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Лаοί — классъ людей, прикрѣпленныхъ къ землѣ. Земля эта

со всѣмъ ей принадлежащимъ, т. е. и съ λαοί, переходить отъ царя во владѣніе частнаго лица; царь, получивъ плату, теряетъ на землю всѣ частно-владѣльческія права; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ покупкой, а не съ арендой.

2. Лаодика приобрѣтаетъ λαοὺς πανοικίους σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν κᾶσιν и съ доходами 59 года (Селевкидской эры). Иначе говоря, она получаетъ права: на работу λαοί (барщинную или оброчную), на ихъ имущество. Вопросъ о правѣ собственности на личность каждаго изъ λαοί остается открытымъ: неизвѣстно, можетъ ли Лаодика казнить его, продать отдѣльно отъ земли, и т. д. То, что говоритъ объ социальномъ положеніи λαοί Haussoullier, мнѣ кажется нѣсколько преждевременнымъ: „C'est en somme la condition sociale des populations conquises, des *φοικέες*; crétois par exemple; les λαοί jouissent de droits civils, mais n'ont aucun droit politique. Ils n'ont rien de commun avec les esclaves“ (Etudes, 106). Если λαοί принадлежали городу, то, конечно, ихъ положеніе до извѣстной степени можетъ быть сопоставлено съ положеніемъ „*φοικέες*“, или, сворбе, илотовъ, пенестовъ и т. д.; если они принадлежали частному лицу, то, кажется, ихъ лучше сравнивать съ рабами (δοῦλοι).

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ λαοί царя или частныхъ лицъ. Но, несомнѣнно, они могли принадлежать и городу; въ III вѣкѣ они были въ мало-азійскихъ владѣніяхъ автономной Византіи. Въ мирномъ договорѣ 219 г. между Византіей и царемъ Визинніи Прусіемъ есть слѣдующій пунктъ (Polyb. IV, 52, 7): ἀποδοῦναι δὲ Προῦσιαν Βοζαντίοις τὰς τε χώρας καὶ τὰ φρούρια καὶ τοὺς λαοὺς καὶ τὰ πολεμικὰ σάματα χωρὶς λύτρων... Несомнѣнно, въ этомъ текстѣ Полибія мы встрѣчаемъ такихъ же λαοί, какъ въ надписяхъ, изданныхъ Schlicmann'омъ и Haussoullier. Какъ назывались λαοί, принадлежавшіе городу—неизвѣстно; кажется, можно предположить названіе λαοί δημόσιοι.

Особенное значеніе приобрѣтаетъ указанное мѣсто Полибія при сопоставленіи его со слѣдующимъ свидѣтельствомъ Филарха у Аеннея (VI, p. 271 b — c = FHG. I, 336 „Φίλαρχος δ' ἐν ἕκτῃ ἱστορίῳν καὶ Βοζαντίους φησὶν οὕτω Βιθυνῶν δεσπόσαι ὡς Λακεδαιμονίους τῶν αἰλώτων“): Прусіи опустошала византійскія земли на азиатскомъ берегу Босфора, гдѣ жили именно визинцы. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ часть византійскихъ λαοί состояла изъ визинцевъ. Вѣроятно, и въ другихъ частяхъ Малой Азій λαοί нерѣдко отличались по народности отъ своихъ господъ; надо думать, они—туземцы, подчинившіеся пришлому населенію (греческому или иному).

Нѣчто подобное мы видимъ въ Гераклеѣ Понтийской: гераклеоты, повидимому, превратили въ крѣпостныхъ туземное племя маріандиновъ. По словамъ Посидонія Апамейскаго (Athen. VI, p. 263 d = FHG. III, 257), *Μαριανδουνοὶ μὲν Ἑρακλεώταις ὑπετάγησαν, διὰ τέλους ὑποσχόμενοι θητεύσειν παρέχουσιν αὐτοῖς τὰ δέοντα, προσδιαστειλόμενοι μηδενὸς αὐτῶν ἕσσεσθαι πρᾶσιν ἔξω τῆς Ἑρακλεωτῶν χώρας, ἀλλ' ἐν αὐτῇ μόνον τῇ ἰδίᾳ χώρᾳ*. О томъ же упоминаютъ и другіе писатели (Strab. XII, p. 542; Euphorion fr. 73 M.; Callistrat. FHG. IV, 355 — двое послѣднихъ у Афиня, VI, p. 263 d—e). Эти маріандины назывались „*δαροφόροι*“. Филиппъ изъ Θεангелъ говоритъ, что карійцы были господами лелеговъ „*πάλαι τε καὶ νῦν*“, т. е., самое раннее, до III вѣка: лелеги сравниваются съ илотами и пенестами (Athen. VI, p. 271 b = FHG. IV, 475). Здѣсь, повидимому, также было покореніе одного племени другимъ. Наконецъ, *λαοί* — обычное обозначеніе египтянъ-туземцевъ въ папрусахъ.

До сихъ поръ мы стояли на болѣе или менѣе твердой почвѣ. Дальнѣйшія свѣдѣнія менѣе опредѣленны. Въ вопросѣ о происхожденіи класса *λαοί* мнѣ удалось выяснитъ только одну причину — покореніе. Мы смутно знаемъ также о чемъ-то, напоминающемъ поздне-римскую комментацію: Посидоній объясняетъ отношенія маріандиновъ къ Гераклеѣ тѣмъ, что πολλοὺς τινὰς ἑαυτῶν οὐ δυναμένους προϊστασθαι διὰ τὸ τῆς διανοίας ἀσθενὲς ἐπιδοῦναι ἑαυτοὺς εἰς τὴν τῶν συνετατέρων ὑπηρεσίαν, ὅπως παρ' ἐκείνων τυγχάνοντες τῆς εἰς τὰ ἀναγκαῖα ἐπιμελείας αὐτοὶ πάλιν ἀποδιδῶσιν ἐκείνοις δι' αὐτῶν ἄπερ ἂν ᾧσιν ὑπηρετεῖν δυνατοί (l. l.). Насколько мы имѣемъ здѣсь дѣло съ догадкой Посидонія, насколько — съ историческимъ фактомъ, трудно рѣшить.

Что касается иныхъ причинъ образованія класса *λαοί*, то о нихъ можно только догадываться. Возможно, что *λαοί* частью образовались тѣмъ же путемъ, какъ крѣпостные колонны римскаго времени, т. е. путемъ прикрѣпощенія къ землѣ свободныхъ поселенцевъ-арендаторовъ. Латифундіи были и въ Малой Азій; здѣсь мы знаемъ о существованіи въ эллинистическое время большихъ владѣній царей и такихъ лицъ, какъ Лаодика или Аристоклидъ и Аоиней надписи, изданной Schliemann'омъ. Одинаковыя условія могли породить сходныя слѣдствія.

Въ вопросѣ о времени возникновенія и исчезновенія класса *λαοί* мы въ безпомощномъ состояніи: всѣ возможные аргументы при желаніи дать точные отвѣты на него, по необходимости, будутъ *argumenta ex silentio*. Вѣроятно, появились *λαοί* въ персидское время,

если не раньше; въ римское время они, кажется, растворились въ массѣ колоновъ. Впрочемъ, еще у Варрона мы находимъ упоминаніе объ одномъ классѣ мало-азійскаго населенія, который, можетъ быть, тѣ же λαοί (Varro R. R. I, 17, 1): *Omnes agri coluntur hominibus servis aut liberis aut utrisque: liberis, aut cum ipsi colunt, ut plerique pauperculi cum sua progenie, aut mercennariis, cum conducticiis liberorum operis res maiores, ut vindemias ac faenisicia, administrant, iique, quos obaerarios nostri vocitarunt, et etiam nunc sunt in Asia atque Aegypto et in Illyrico conplures.* Слово „obaerarios“ встрѣчается только въ этомъ мѣстѣ; чтò оно означаетъ, трудно сказать (его исправляли въ „obaeratos“ и „oregarios“). Въ Иллиріи имъ, думается мнѣ, соотвѣтствовалъ классъ крѣпостныхъ, о которыхъ говоритъ Θεοπομπή (у Аэниеня X, р. 443 а — с = F11G. I 284): Ἀρ(δ)ιαῖοι... κέκτηνται προσκαλατῶν, ὡσπερ εἰλωτῶν, τριάκοντα μυριάδας... Если это такъ, то въ Малой Азии римскимъ „obaerarii“ соотвѣтствовалъ бы классъ λαοί. Впрочемъ, ничего опредѣленнаго объ этомъ нельзя сказать.

Можетъ быть, о λαοί говорится еще въ одной пергамской надписи (Fränkel, Die Inschriften von Pergamon, I 249). Это — декретъ пергамцевъ, изданный въ 133 г. до Р. Хр., вскорѣ послѣ смерти Атала III. Повидимому, городу и его округу угрожаетъ опасность — надо думать, со стороны Аристоника. Итакъ, по словамъ надписи (стрк. 7 сл.)

...[ἐπιτήδει-

ὄν τέ ἐστιν ἕνεκα τῆς κοινῆς ἀσ[φ]αλείας καὶ τὰ ὑποτεταγμένα γένη μετέχειν τῆς πολιτείας διὰ τὸ ἀπα[σαν εὐ-
10. νοιαμ̄ προσενηχέθαι πρὸς τὸν δῆ[μο]ν· ἀγαθῆ[ι τύχη] δεδόχθαι τῶι θῆμωι δεδόσθαι πολιτείαν [τ]οῖς ὑπο[γεγραμμέ-
νοις·

слѣдуетъ перечисленіе тѣхъ, кому дается пергамское гражданство. Далѣе мы читаемъ (стрк. 20 сл.):

20. εἰς δὲ τοὺς παροίκους μετατεθῆναι τοὺς ἐκ [τῶν ἐξελουθέρων καὶ βασιλικῶν] τοὺς τε ἐν ἡλικί[α]ι καὶ τοὺς νεωτέρους, κατὰ τὰ αὐτὰ δὲ καὶ τὰς γυναί-
κας, πλὴν τῶν ἡγορασμένων ἐπὶ τοῦ φιλαδέλφου καὶ φιλομήτορος βασιλέων καὶ τῶν ἀνειλημμένων[
25. ἐκ τῶν οὐσιῶν τῶν γεγενημένων βασιλικῶν, κατὰ τ[αὐ-
τὰ δὲ καὶ τοὺς δημοσίους.

Fränkel комментируетъ эти строки въ томъ смыслѣ, что „βασιλικοί“ и „δημόσιοι“—это царскіе и общественные рабы, „δοῦλοι βασιλικοί“ или „δημόσιοι“. Того же мнѣнія держатся, повидимому, Brückner и E. Meyer, насколько можно судить по отчету о засѣданіи Берлинскаго Археологическаго Общества въ ноябрѣ 1902 г. (*Berl. Philol. Wochenschrift*, 1903, № 3), и Dittenberger (*Orientalis graeci inscriptiones selectae* 338). Однако есть основанія думать, что „βασιλικοί“ и „δημόσιοι“ — не только рабы:

1. Въ число паройковъ зачисляются потомки вольноотпущенныхъ, „βασιλικοί“ и „δημόσιοι“. Такимъ образомъ, сами вольноотпущенные не удостаиваются этой чести. Ясно, положеніе „βασιλικοί“ и „δημόσιοι“ было выше, чѣмъ положеніе вольноотпущенныхъ.

2. Не дѣлаются паройками тѣ изъ „βασιλικοί“ и „δημόσιοι“, которые были куплены при двухъ послѣднихъ царяхъ, и тѣ, которые поступили во владѣніе царя путемъ конфискаціи имѣнія прежняго владѣльца (такія конфискаціи должны были имѣть мѣсто при Атталѣ III, ср. Diodor. XXXIV, 3). Иначе говоря, тотъ, кто еще носилъ слишкомъ ясныя слѣды рабскаго происхожденія, не дѣлался паройкомъ; этимъ онъ отличался отъ всей массы „βασιλικοί“ и „δημόσιοι“.

Итакъ, эти „βασιλικοί“ и „δημόσιοι“ составляли общественный слой, отличный отъ рабовъ, хотя рабы могли пополнять его; по социальному положенію онъ выше не только рабовъ, но и отпущенныхъ. Я позволю себѣ высказать предположеніе, что этотъ классъ отчасти можетъ быть отождествленъ съ λαοί надписей, изданныхъ Haussoullier и Schliemann'омъ, тѣмъ болѣе, что при собирательномъ названіи „λαοί βασιλικοί“ или „λαοί δημόσιοι“ каждый отдѣльный членъ этого класса долженъ называться „βασιλικός“ или „δημόσιος“, какъ въ пергамской надписи. Λαοί, такимъ образомъ, могли пополняться рабами, которые, однако, не сразу сливались съ ними. Конечно, нельзя отрицать и той возможности, что рабы царя и города, будучи въ привилегированномъ положеніи, могли, по рѣшенію народа, сразу сдѣлаться пергамскими паройками.

Можетъ быть, въ нѣкоторую связь съ мало-азійскими λαοί надо ставить также возстаніе Аристоника, начавшееся въ 133 г. По словамъ древнихъ, оно было возстаніемъ главнымъ образомъ рабовъ, какъ и происшедшее одновременно съ нимъ возстаніе въ Сициліи. По словамъ Страбона, Аристикъ собралъ πλῆθος ἀπόρων τε ἀνθρώπων καὶ δούλων ἐπ' ἐλευθερίᾳ κατακλημένων (Strab. XIV, p. 646); по Діодору,

рабы подняли возстаніе διὰ τὰς ἐκ τῶν δεσποτῶν κακοουχίας (Diodor. XXXIV, 2, 26). Мнѣ кажется возможнымъ, что древніе, къ терминологіи которыхъ нельзя относиться слишкомъ строго, называютъ „рабами“—λαοὶ частныхъ лицъ. Конечно, это только предположеніе ¹⁾).

И. Хиллнскій.

---

¹⁾ Настоящая статья была въ печати, когда въ Петербургѣ полученъ былъ III т. „Griechische Geschichte“ *Бслова*; авторъ приходитъ къ нѣкоторымъ выводамъ, подтверждающимъ мои соображенія (III, 310^a).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

по поводу пелопонннскихъ надписей М. Френкеля ¹⁾.

1138, 1139, 1141.

1138: Δ[αμ]οκλῆς Δαμο[κλέος] | Εὔ[νο]μον Ἀρχελά[ου] | τ[ὸν] αὐτοῦ εὐε[ργέταν] | Ἀσκληπιῶ | Εὔνοος Εὐνόμου ἐποίησε. Каввадіасъ ставитъ художника этого раньше половинны II вѣка до Р. Хр., а Френкель говоритъ, что онъ работалъ еще въ „первой императорской эпохѣ“, и ссылается на 1139 и 1432, прибавляя, что шрифтъ 1138 не настолько отличается отъ прочихъ, чтобы можно было признать древнѣйшаго Евна Евномава и позднѣйшаго.

Въ 1139 Εὔνοος Εὐνόμου ἐποίησε дѣйствительно императорскаго времени, *если* относится къ стоящей надъ нимъ надписи (шрифтъ послѣдней не тождественъ съ шрифтомъ подписи художника).

Въ 1141 Εὔνοος ἐποίησε, причемъ Френкель, ссылаясь на свою датировку художника, замѣчаетъ, однако, что по шрифту надпись *haud mediocriter reliquis videtur antiquior*. Подъ „прочими“ разумѣются, очевидно, 1140, 1142 и 1143,—всѣ на одной экзедрѣ и составляютъ одну группу: 1141 Ἰέρων Δεξιράτεος и Νικαγόρα Κάλλωνος посвящаютъ своихъ сыновей Асклипію, 1142 мужъ — жену, 1143 жена — мужа, 1140 тотъ же Геронъ — своего внука Ἰέρωνα Διονυσίου. *Большой* разницы, по времени, быть не можетъ. Допустимъ, что и здѣсь Евны конца I до Р. Хр. или начала I по Р. Хр.

Въ 1432 Εὔνοος ἐποίησε императорское время также можетъ быть принято съ Френкелемъ.

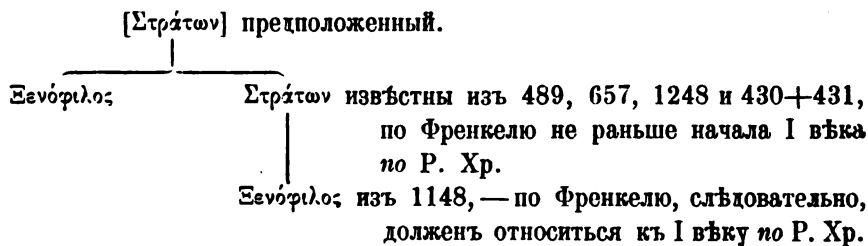
¹⁾ Окончаніе. См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1904, январь, отд. класс. филол.

И все-таки Евнъ 1138 скорѣе другое лицо. Упоминаемый тамъ Дамокль, сынъ Дамокла, у Френкеля отождествленъ съ упоминаемымъ въ 1133: Λαφάντα Τελεμάχου — Δημοκλῆ Δημοκλέως. Эту Лафанту онъ ставилъ на поколѣніе, предшествующее времени Антонія триумвира по № 932, а № 932 оказался теперь (по Вильгельму, см. у меня выше къ 932) на 40 лѣтъ древнѣе, именно 72-го г. до Р. Х. Евнома, сына Архелая, Френкель поставилъ на то же поколѣніе. Слѣдовательно, надпись 1138, уже при модификаціи френкелевскихъ датъ, нужно относить приблизительно къ 100 году до Р. Хр. Очевидно, всѣхъ Евновъ художниковъ нѣтъ возможности отождествить.

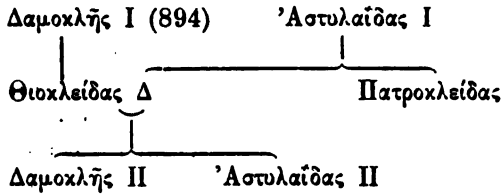
1148.

О надписи изъ Клеонъ 489, гласящей: „Ἐενοφίλος καὶ Στράτων Ἀργεῖοι ἐποίησαν“, Френкель говоритъ, что она, по шрифту, не можетъ быть древнѣе начала I вѣка *по* Р. Хр., и прибавляетъ, что въ надписяхъ съ помѣтами тѣхъ же художниковъ 657 (изъ Аргоса, текстъ тотъ же, что и въ 489) и 1248 ([Ἐενοφίλος] καὶ Στράτων ἐποίησαν, — изъ епидаврійскаго святилища, — не слѣдуетъ смѣшивать съ 1148) шрифтъ еще моложе. Та же пара художниковъ дополняется и въ 430 + 431 (изъ Сикіона, — оба обломка я считаю возможнымъ объединить, см. къ 430), извѣстныхъ по плохимъ копіямъ. Френкель далѣе полагалъ, что Ксенофилъ и Стратонъ были изъ одной и той же фамиліи, потому что изъ 1148 извѣстенъ художникъ Ксенофилъ, сынъ Стратона, можетъ быть, именно того Стратона, который названъ въ 489, 657 и 1248; Френкель готовъ даже считать Ксенофила и Стратона братьями, сыновьями предполагаемаго Стратона. Яспѣе выразить можно такъ:

А 1148 гласить: Δημοκλῆς καὶ Ἀστολαΐδας οἱ Θιοκλείδα Ἐπιδάριοι τὸν τᾶς αὐτῶν ματρὸς ἀδελφὸν Πατροκλείδαν Ἀστολαΐδα Ἐπιδάριον τὸν αὐτῶν εὐεργέταν Ἀσκληπιῶι. Ἐενοφίλος Στράτωνος Ἀργῆος ἐποίησε. Признаюсь,

что я здѣсь не подумалъ бы о I вѣкѣ по Р. Хр., да еще о срединѣ его или позднѣе, если бы не было приведенныхъ „палеографическихъ“ указаній Френкеля. На послѣднія, однако, полагаться опасно, да притомъ специально о шрифтѣ 1148 онъ не говоритъ, такъ что допустима мысль, что нашъ Ксенофилъ, сынъ Стратона, на дѣлѣ былъ отцомъ упомянутой пары, т. е. Ксенофила и Стратона, а не племянникомъ перваго и не сыномъ второго. Текстъ 1148 даетъ слѣдующую генеалогію:

Я сдѣлалъ только одну добавку, именно изъ списка убитыхъ въ исомійской битвѣ эпидаврійцевъ 894. Тамъ въ числѣ Λεχάτιοι (столбецъ I, стр. 45) названъ Θιοκλείδας Δαμοκλέος. Я допускаю, что это отецъ нашихъ братьевъ-посвятителей: Дамокла II и Астилайда II, т. е. одинъ изъ нихъ, какъ и естественно, носитъ имя дѣда по отцу, другой — дѣда по матери. Если отецъ ихъ убитъ въ 146 году, то, конечно, 1148 нужно отнести или къ концу II или къ началу I вѣка до Р. Хр. Можетъ быть, именно лишившись рано отца, они нашли „благодѣтеля“ въ лицѣ брата ихъ матери, Патроклида. По моему мнѣнію, и конечная ассимиляція αὐτῶν ματρόςъ больше подходитъ къ моей датировкѣ, чѣмъ къ френкелевскому I вѣку *послѣ* Р. Хр. Кстати отмѣчу, что, вѣроятно, въ родствѣ съ упоминаемыми въ 1148 лицами были и называемыя въ 1122: Ἀρχὴ Ἀστολαΐδα Ἐπιδαυρία Ἐχεκράτιαν Δαμοκλέος Ἐπιδαυρίαν τὰν αὐτὰς ματέρα κτλ.

1182.

По поводу этой трудно читаемой и наудачу возстановляемой надписи, въ которой встрѣчаются имена [Ἀρ]ίσταρχος и Λακρίτου, Френкель напоминаетъ, что Аристархъ и Лакритъ встрѣчаются вмѣстѣ еще въ 992. Слѣдовало упомянуть, что и въ числѣ убитыхъ въ исомійской битвѣ эпидаврійцевъ среди Ἵλληϊς названы рядомъ, очевидно, братья Аристархъ и Лакритъ, сыновья Діодора (894 I 53—54).

1218.

'Ασκληπιάδης | 'Απολλωνίου | Γεφυρι[ώ]της | 'Ασκληπιῶι, съ примѣчаніемъ: „Γέφυρα urbs ut videtur nova, quae lingua utebatur Ionica“. Совершенно напрасное обогащеніе географіи. Буква Γ въ копиі у Френкеля выражена пунктиромъ, т. е. видна неясно. Несомнѣнно, здѣсь Γεφυριώτης. Въ GDI. 2581 въ ст. 239 сл. подъ 178/7 г. называется дельфійскимъ проксеномъ 'Απολλωνίδης 'Ασκληπιόδωρου Γεφυριώτης, судя по именамъ, близкій родственникъ нашего Асклипада, можетъ быть, даже отецъ, если допустить, что Френкель въ 'Απολλωνίου пропустилъ Δ = 'Απολλωνίδου (надпись издана только Френкелемъ, — „exscripti“, слѣдовательно, неточность вполне возможна). О городахъ Зефиріяхъ я мимоходомъ упоминалъ въ моихъ „Исслѣд.“ 174, соглашаясь съ предшественниками, что въ дельфійскомъ проксенѣ возможно видѣть киликійца.

1219—1245.

См. въ статьѣ: „Епидаврійскій списокъ“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1903, январь, 34 сл.).

1352.

Объ οἱ φρουροί см. къ 872.

1361.

Въ ст. 2 „Μεύλαδος Δάμου“. Въ копиі („exscripti“) между Ε и Υ свободное мѣсто, но Френкель говоритъ, что тамъ nihil erat scriptum. Однако имя Μεύλαδος для меня очень сомнительно. Я думалъ о Μέγυλλος, Μέθυλλος, Μένυλλος или о Μευλάδος δάμου.—О хронологіи этой надписи см. ниже по поводу 1508 С.

1423.

По поводу орографіи имени можно сравнить еще SIGS. I 540 и Collitz GDI. II 1774 и 2800 Αἰγιάτης, SIGS. I 411 Αἰγιάτης.

1425.

„'Αβροσύαν Θεότιος Αἰγιακάν“ (у Каввадіаса въ 'Αθήναιον X, 554 первое имя было 'Αρότταν, правда, съ сомнительной еще чертой предъ ν). „Новый“ димотикъ Αἰγιακός Френкель, не сомнѣваясь, приписываетъ

городу Αἴγιον, на монетахъ котораго неразъ встрѣчается ΘΕΟΞΙΟΣ ΚΑΝΤΑΙΟΣ (Greek coins, Peloponnesus, 18 сл.), причѣмъ Θεόξιος ошибочно-де считали за nominativus. Френкель забываетъ отмѣтить, что извѣстенъ и Θεόξιος Δαμοκλέος Αἴγαιεύς, получившій дельфійскую проксенію въ срединѣ II вѣка до Р. Хр. (BCH. XXI, 312 = GDI. 2821),—для имени Θεόξιος уже Баунакъ сдѣлалъ сопоставленіе съ настоящей надписью. Я въ виду рѣдкости этого имени, допускаю и близость Αἴγαιεύς къ Αἴγιαχά и считаю это не лишеннымъ значенія. Именно въ виду этого я полагаю, что дельфійскій проксенъ былъ не изъ какихъ-либо другихъ Αἴγαιί, а именно изъ Αἴγαιί или Αἴγά Αχαίи (отсюда ли также и Δαιτόφρων Εὐδακίδο Αἴγαιεύς въ аттической надгробной надписи CIA. II 2742, сказать нельзя). О судьбѣ ахейской Эги Павсаній сообщаетъ, что ἐκλειφθῆναι ἀνὰ χρόνον ὑπὸ ἀσθενείας λέγουσι (VII, 25, 12) и что тамъ ἔρημον τὰ ἐπ' ἀποῦ χωρίον (VIII, 15, 9). Страбонъ (VIII, 387) говоритъ, что Ἐγα νῦν μὲν οὐκ οἰκεῖται, τὴν δὲ χώραν ἔχουσαν Αἴγαιίς (VIII, 386 онъ же говоритъ о συνοικισμῶς Эги съ Αἴγαια, но то относится къ древнѣйшему ахейскому періоду). Изъ новыхъ ученыхъ Бурзианъ (Geogr. v. Griech. II, 338), сообщая по Страбону, что въ началѣ нашей эры областью Эги владѣлъ Эгіонъ, замѣчаетъ, что „für die Zeit der Verödung der Stadt ist beachtenswerth, dass dieselben noch in den um 338 v. Chr. verfassten Periplus des sog. Skylax (§ 42) erwähnt wird“. Теперь, разъ намъ извѣстенъ Αἴγαιεύς ахейскій отъ середины *второй* вѣка, имѣть нужды здѣсь обращаться къ упомянутому Периплу. Для промежутка между IV и II вѣкомъ можно еще привести Μιχάλλος Ἀχαῖός ἐξ Αἴγαιίς, CIA. II 2843, „saeculo tertio haud recentior“ (Кёлеръ). Димотикъ для женщины „Αἴγιαχά“, пожалуй, былъ образованъ въ виду неудобства образованія feminin'a къ Αἴγαιεύς. Френкель полагаетъ, что надпись 1425 вырѣзана „posteriore saeculi a. Chr. n. dimidio“ и шрифтъ ея нельзя было передать типографскимъ способомъ. Какъ ни ненадежны хронологическія замѣтки Френкеля, все-таки хотѣлось бы знать, хотѣлъ ли онъ приведенными латинскими словами назвать „вторую половину вѣка предъ Р. Хр.“, т. е. *перваго*, или только по опечаткѣ тутъ что-либо выпало: *tertii* или *alterius* или *ultimi, primi*. Полагаю, что онъ думалъ о *первомъ* вѣкѣ до Р. Хр. Такъ какъ дочь или вольноотпущенница Теооксія (а Теооксія мы знаемъ изъ Эги) оказывается жительницей Эгіона, то это косвенно можетъ (не обязательно) служить подтвержденіемъ къ сообщенію Страбона. Мы можемъ теперь говорить, что Ἐγα опустѣла между половиной II вѣка и временемъ жизни Страбона.

1431—1432.

См. выше къ 932 по поводу праздника Аполлоній и Асклипій. Можно отмѣтить изъ 1432: ἐτῶν ὄντα [τ]εσσαράων καὶ γυμνασιάρχῶσαντα καὶ ἀγορανομῆσαντα ἐν ταῖς παναγύρεσιν, — о мальчикѣ изъ знатной фамилии.

1460.

Френкель какъ-то находитъ, что ширина занятаго письмомъ мѣста опредѣляется изъ 3-й—последней—строки. Конечно, нужно знать ширину и влѣво и вправо, и влѣво она опредѣляется по 1-й строкѣ, а опредѣлить ее вправо по концу последней строки: ἀρετᾶ[ς ἐνεχα] можно только минимально (могло быть еще καὶ εὐεργεσίας). Въ концѣ концовъ, даже при минимальной ширинѣ, на 6 мѣстѣ последней строки онъ допояляетъ лишь 4 въ первой (Δα[μασι-]). Въ стрк. 2 кромѣ Τε]νεῖτιν могло быть и Фе]νεῖτιν, ср. ниже къ 1509.

1484 и слѣд.

Большихъ счетныхъ надписей Асклипіея 1484 сл. я намѣренно не касаюсь. Ихъ нужно еще разъ *точно* изслѣдовать и въ связи съ неизданными (см. выше въ началѣ „Крит. зам.“). Отмѣчу, что критическій аппаратъ къ 1484 показываетъ, что епидаврійская эпиграфика Баунака страдаетъ, пожалуй еще даже въ большей степени, тѣми же недостатками, какими и его же дельфійская. Коснусь только нѣкоторыхъ числовыхъ знаковь, примѣняемыхъ въ епидаврійскихъ отчетахъ.

Б. Кейль, говоря объ епидаврійскихъ знакахъ для частей овола и принимал Σ за обозначеніе халка, уже въ 1895 (*Ath. Mitth.* XX, 64) высказалъ, что „оволь въ Епидаврѣ распался болѣе, чѣмъ на 8 или 10 халковъ, можетъ быть, на 12, какъ напримѣръ, на Дилосѣ или въ Орхоменѣ, можетъ быть, даже на большее число, все равно какъ, напримѣръ, въ Аргосѣ по Imhoof-Blumer'у (*Griech. Münzen*, 9) на оволь, повидимому, приходится, по крайней мѣрѣ, 16 халковъ“. Въ Anonymus Argentinensis, 272, Кейль кратко и опредѣленно упоминаетъ о дѣленіи овола въ Аргосѣ на 16 халковъ. Что заставило его перейти отъ колебанія къ рѣшительному мнѣнію, мнѣ неизвѣстно; возможно, что опредѣленность даннаго мимоходомъ указанія стоитъ только въ связи съ его краткостью. Imhoof-Blumer относительно аргосскаго овола колебался между 16 и 20 халками. Последнимъ говоритъ объ этомъ по поводу Епидавра Френкель

(стр. 325). Онъ исходитъ изъ недоказаннаго предположенія, что епидаврійскіе знаки частей овола, насколько они дошли до насъ, всегда оставались одни и тѣже, слѣдовательно, каждый изъ нихъ долженъ имѣть свое особое значеніе. Имѣются такіе знаки: С или $\leq = \frac{1}{2}$ овола, Т = $\frac{1}{4}$ овола, Х = 1 халкъ (Кейлю этотъ знакъ еще не былъ извѣстенъ), $\Sigma = 2$ халка по Френкелю, 1 халкъ по Кейлю, и $\Gamma = 5$ халковъ по Каввадіасу и Френкелю, $\frac{1}{6}$ овола по Кейлю. Разберемъ разсужденія Френкеля. Изъ 1485310: ἐλομένωι τὸν μέδμονον | [ἕκαστον χαλ]χ[ἔ]ων [ἔ]νδεκα для него „elucet obolum divisum fuisse in plus duodecim chalcos“. Это elucet неправильно. Если бы предъ 11 халками даже были названы оволы, напримѣръ, 2 овола и 11 халковъ, то все-таки было бы допустимо дѣленіе овола *только на 12* халковъ. Въ нашемъ же случаѣ, когда говорится объ однихъ „одинадцати халкахъ“, не исключается дѣленіе овола даже на 8 или 10 халковъ: какъ нерѣдко говорили, напр., „9 ововъ“ вмѣсто „1 драхма и 3 овола“, такъ можно было сказать и „11 халковъ“ вмѣсто „1 оволь и 3 халка“. Данное мѣсто ровно ничего не говоритъ о дѣленіи овола. Изъ 148845: ἔρολοῦ ἐν[ἕα χα]λ[χ]ἔων Френкель, конечно, правильно вывелъ, что въ оволь было больше девяти халковъ, но это уже было извѣстно. Далѣе онъ прямо принимаетъ полное тожество дѣленія аргосской и епидаврійской монеты, тогда какъ оно еще вовсе не доказано, хотя и возможно. При этомъ дѣленіе овола на 16 халковъ (допускаемое у Imhoof—Blumer'a) онъ признаетъ маловѣроятнымъ, безъ всякихъ соображеній. Также и дѣленіе на 20 халковъ онъ считаетъ недопустимымъ, такъ какъ при немъ, при существованіи знака $\Gamma = 5$ халковъ (по Френкелю) = $\frac{1}{4}$ овола, не было бы мѣста для знака Т = $\frac{1}{4}$ овола. Но выводъ этотъ былъ бы обязателенъ, если бы хотя одинъ разъ мы встрѣтили ТП рядомъ и если бы значеніе $\Gamma = 5$ халковъ было несомнѣнно, а на дѣлѣ нѣтъ ни того, ни другого. Итакъ до сихъ поръ еще не доказана невозможность дѣленія овола ни на 12, ни на 16, ни на 20 халковъ. А Френкель уже предполагаетъ для Епидавра (слѣдовательно и для Аргоса) иное дѣленіе, именно на 18 халковъ. Принципіально я не имѣю ничего противъ этого изобрѣтенія: если оволь въ Халкидонѣ, Орхоменѣ, Аркесинѣ (?), Дилосѣ дробился на 12 халковъ (6 + 6), то почему бы ему не дробиться въ иныхъ мѣстахъ на 18 (6 + 6 + 6)? Но желательна была бы хотя одна дѣйствительная параллель, а Френкель ея не даетъ, да едва ли и могъ бы дать. Изобрѣтеніе сдѣлано просто для того, чтобы *каждому* знаку дать *особое* значеніе. Френкелевская система имѣетъ такой видъ:

X = 1 халкъ = $\frac{1}{18}$ овола.

Σ = 2 халка = $\frac{2}{18}$ овола.

T = $4\frac{1}{2}$ халка = $\frac{1}{4}$ овола.

Π = 5 халковъ = $\frac{5}{18}$ овола.

C = 9 халковъ = $\frac{1}{2}$ овола.

Можно было бы, конечно, пожелать подлѣ такого Π еще особый знакъ для 10 халковъ, да пожалуй еще особый знакъ для 6 халковъ, естественный при дѣленіи овола на 18 частей, но отсутствіе ихъ, разумѣется, возможно объяснять случайной неполнотой нашего матеріала. Не нравится, однако, мнѣ значеніе, выпадающее на долю знака четверти овола T: $4\frac{1}{2}$ халка, такъ какъ оно предполагаетъ еще дробленіе халка на двѣ части. Противъ дѣленія овола на 18 халковъ Френкеля говоритъ отчасти и имъ самимъ (выше) приведенное мѣсто 148845 ὀβολοῦ ἐννέα χαλκίων и не приведенная имъ параллель отсюда же 148838 [ῥέ]κ' [ῥβη]λῶν ἐνν[έα χ]αλκίων, потому что при его системѣ 18-ти вмѣсто ἐννέα χαλκίων ожидалось бы болѣе простое ἡμιόβελίου, которое и дѣйствительно стоитъ (или дополняется самимъ Френкелемъ) въ той же самой надписи пять разъ: стрк. 18, 19, 26, 35, 40. Если мы почти рядомъ слышимъ дважды о „9 халкахъ“ и пять разъ о „полуоволѣ“, то едва ли при непредубѣжденномъ взглядѣ на вещи подумаемъ, что вездѣ рѣчь идетъ объ одной и той же величинѣ.

Значеніе C или $\leq \frac{1}{2}$ овола, думаю, безспорно. Знакъ C стоитъ чаще всего (до 40 разъ) сряду за знакомъ овола (I), никогда отъ послѣдняго не отдѣляется какимъ-либо промежуточнымъ знакомъ и никогда не удваивается, — все говорить за $\frac{1}{2}$ овола. Знакъ T бываетъ или сряду за знакомъ овола (3 раза) или сряду за C (5 разъ), между I и T встрѣчается только C, знакъ T никогда не удваивается, — это говорить за $\frac{1}{4}$ овола (τεταρτημόριον), впрочемъ не исключаютъ и 3 халковъ (τριχάλον). Остаются, какъ знаки мелкой монеты, еще Σ, X и Π. Изъ нихъ Σ имѣется только въ 1484, 1485 и 1493, наоборотъ X — только въ 1487 и 1488; Π есть только въ 1484. Что X значить χαλκοῦς, едва ли требуетъ доказательствъ. А Кейль, не зная 1487 и 1488 и слѣдовательно не зная о знакѣ X для Епидавра, признавалъ Σ знакомъ халка. Имѣлъ ли право Френкель различать по значенію X и Σ? До сихъ поръ нѣтъ ни одной надписи, въ которой встрѣчалось бы и X и Σ, какъ знакъ мелкихъ денегъ. Возможно, что Σ и X имѣютъ одно и то же значеніе, только одинъ знакъ употреблялся раньше, другой позднѣе. Нѣкоторое измѣненіе въ системѣ знаковъ драхмъ

для Эпидавра уже давно замѣчено (см. и у Френкеля, стр. 339). Я готовъ думать, что болѣе понятнымъ знакомъ X былъ вытѣсненъ древнѣйшій Σ. Къ сожалѣнію (или, пожалуй, и безъ сожалѣнія, въ виду ненадежности его палеографіи), мы не узнаемъ отъ Френкеля, относятся ли 1487 и 1488 къ одному и тому же времени съ 1484, 1485 и 1493 или моложе послѣднихъ. Разстояніе во времени едва ли могло быть большое, такъ какъ и тѣ и другія вырѣзаны στοιχηδόν, но цѣлоторый промежутокъ вѣроятенъ. На стр. 338 Френкель перечисляетъ до 30 личныхъ именъ, повторяющихся и въ 1484 и въ 1485, чѣмъ и доказывается близость по времени 1484 и 1485. А изъ всѣхъ 10 именъ надписи 1488 я не нахожу ни одного ни въ 1484, ни въ 1485. Френкель, правда, думаетъ, что 148843 названъ тотъ же Санніонъ, что и въ 148555, 58, 96, 104, 111, 117, 136, 137, 140, но въ 1488 имя это только дополнено и не безъ насилія: „.ANIΩNI = [Σ]αν(ν)ίωνι“, хотя могло быть Σανίωνι, Φανίωνι и т. п., кромѣ того въ 1485 вездѣ говорится о каменныхъ работахъ Санніона, а въ 1488 [.]аніонъ называется ἐργώνας τῶν θυρίδων φώτων. Далѣе, въ 1485 мы видимъ формы двойственного числа (стр. 94 τοῖν σταθμοῖν, 169 ἀελίδων δυοῖν, 175 ἀελίδων δυεῖν, ср. еще δύο 83, 93, 108, 114 подлѣ δύο 163), а въ 1488 нѣтъ ни одной несомнѣнной формы двойственного и δύο всегда съ о (см. стрк. 21, 22, 33, 46; въ 17 ταλάντων δυο[ῖ]ν принадлежитъ Френкелю, а могло быть, на примѣръ, δύο, [ᾗ]ν[νέα] и т. п.). Въ 148717 уже Френкель обратилъ вниманіе на εἰκοσι вмѣсто ἑκατι. 148716 имѣемъ ἐπέδομεν подлѣ формы на —μεσ, обычной въ 1484 и 1485 (и 1488?). Я бы сказалъ, что и по этимъ признакамъ 1487 и 1488 позднѣйшаго времени сравнительно съ 1484, 1485 и 1493.

Числовой матеріалъ имѣется такой:

1484 стрк. 302	III<ΣΣ	1488 стрк. 2	IIX
1485 „ 50	IIIΣΣΣ	„ „ 11	IIСХХ
1493 „ 5	IIIΣΣΣ	„ „ 39	IIIΧΧΧ
1484 „ 302	I[ ]ΣΣ	„ „ 12	I[ ]XX
1484 „ 172	IIIИI'	„ „ 29	[ ]XX
„ „ 292	IIIИI'	1487 „ 18	[ ]IXX
„ „ 189	IIIИ'		
„ „ 221	<И'		

Дѣленіе овола на 8 халковъ, отклоненное уже выше, исключается и неоднократно появляющимся удвоеніемъ какъ X, такъ и Σ (хотя и

нигдѣ не предшествуетъ $T = 1/4$). Противъ дѣленія на 12 говорятъ однажды появляющееся тройное X, которое въ значеніи $3/12$ было бы излишне при наличности знака $T = 1/4$ овола или *τρίχάλκον*, если не допустить случайное исключеніе въ этомъ XXX вмѣсто T. При дѣленіи на 16 все окажется въ порядкѣ: Σ (или X), $\Sigma\Sigma, \Sigma\Sigma\Sigma = 1/16, 2/16, 3/16$ овола. Ни разу нѣтъ ни $\Sigma\Sigma\Sigma\Sigma$, ни XXXX, потому что $4/16 = 1/4$ выражалось знакомъ T. Также все въ порядкѣ и при дѣленіи на 20. Но что такое Γ ? При дѣленіи на 16 я скорѣе принялъ бы Γ за 5 халковъ, *πεντέχάλκον*, а не за $1/8$ овола (*πεμπτημόριον*), потому что 16 на 5 не дѣлится (*πεμπτημόριον* оказалось бы $16/5 = 3 1/5$ халка). При дѣленіи на 20 осталось бы принять Γ за $1/8$ овола, а не за 5 халковъ, потому что для 5 халковъ $= 1/4$ овола имѣлся бы уже знакъ T. Что же вѣроятно? Ксиль высказался за пятую часть овола и противъ пяти халковъ въ сущности только потому, что въ 1484 обозначеніе *πяти* для драхмъ не практикуется (ни для 5 драхмъ, ни для 50, 500, 5000). Френкель же сослался на аргосскую серебряную монету у Imhoof-Blumer'a, которая снабжена лигатурой изъ Γ и X ($\overline{\Gamma X}$) и вѣситъ 0,25 граммовъ и можетъ быть принята лишь за 5 халковъ, а не за $1/8$ овола. Вопросъ еще открытъ. Аргосская параллель, конечно, соблазнительна, и при ней, согласно сказанному выше, естественно было бы остановиться на дѣленіи овола въ Епидаврѣ на 16 халковъ. Во всякомъ случаѣ при наличномъ матеріалѣ нѣтъ никакой необходимости спускаться ниже дѣленія на 16. Въ заключеніи замѣчу еще противъ системы 18 халковъ Френкеля, что, если бы она была правильной и если бы X означало одинъ халкъ, а Σ — два халка, то мы, вѣроятно, не встрѣчали бы ни XX, ни XXX.

Кстати приведу здѣсь примѣръ механической безотчетности, съ какой возстановляетъ Френкель нѣкоторыя числовыя данныя: Въ 148838 читаемъ у него: *μνὰν ἑκατὸν τριάκοντα ὀ[x]τ[ώδ]ε[x]α [ὀβωλῶν] ἐλομένωι κτλ.*: эти восемнадцать оволовъ очень сомнительны.

[*Замѣтка при корректурѣ.* Все сказанное относится къ критикѣ сужденій Френкеля. Послѣ новыхъ сличеній я прихожу къ мысли, что нужно считаться еще съ дѣленіемъ овола на 10 халковъ. Къ этому вопросу придется еще вернуться].

1495.

Этой надписи пока, до новой копій, вообще лучше не касаться, такъ какъ самъ Френкель, такъ увѣренный въ „*exscripti*“, заявляетъ,

что пытался скопировать только болѣе ясно видимыя группы буквъ, „sed vel in his multa incerta“. Касаюсь ея отчасти лишь потому, что въ указателѣ онъ приводитъ изъ нея со звѣздочкой, т. е. какъ новое слово, ἄστριον (съ такимъ удареніемъ), а въ примѣчаніи къ 1495 поясняетъ ἀστρία (съ такимъ удареніемъ), какъ stellulae ut ornamentum. Я не имѣю ничего противъ существованія такого греческаго слова, но у Френкеля эта „звѣздочка“ съ звѣздочкой могла бы лучше не появляться. Онъ ее увидѣлъ даже въ трехъ мѣстахъ, и составители дополненій къ греческимъ словарямъ, конечно, охотно обогатятъ языкъ этимъ словомъ.

Стрк. 61 — 62: — — — ΑΥΤΡΟΣ...Υ.ΑΣΤΡΙΩΝ Α.Λ...

.ΡΙΩΝΣΑΥΤΡΟ. Α. Α. Ι — — —

Транскрипція: „Σἄτρος ..... ἀστρίων ἄλ[λων] [τ]ριῶν Σάτρος.....

Стрк. 68: — — — ΟΝ...ΑΣΤΡΟΥΔΑΜΟΙΤΑΝ...

Транскрипція: — — — ἀστρ[ί]ου (?) Δαμοίτα[ς]...

Стрк. 69: — — — Ν...ΥΤΑ...ΡΟΥΔΑΜΟΤΕΛΗΣ: :

Транскрипція: — — — ἀ[στ]ρ[ί]ου (?) Δαμοτέλης: :

Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ вопросительный знакъ вызванъ, конечно, только френкелевскою необходимостью вставлять въ копию *iota* при отсутствіи лакуны. А интересно было бы знать, какъ Френкель объяснилъ бы ΥΤ непосредственно предъ ἀ[στ]ρ[ί]ου (?) въ стрк. 69. Мнѣ думается, что тутъ должно быть ζ[υ]γά[στ]ρου. То же самое подходит и для ΑΣΤΡΟΥ стрк. 68. Въ 61 возстановляю ζ[υ]γ[α]στρίων. Можетъ быть, и въ началѣ 64 стрк. ...ΓΡΙΟΥΦΙΛΩΝΙ = ζυγαστρίου Φίλωνι. Возможно, что и стрк. 63 ΙΣΑΝΩΡΙΥΤΑΣΤΙ также = Ἰσάνωρι [ζ]υγαστρί[ου]. См. объ этомъ словѣ въ дельфійскихъ счетахъ *VCH*, XX, 20149, 20639, XXII, 30551 (ζυγάστρου τιμά, ἐν ᾧ τοὶ πίνακες), 52, 3209 и объясненія Бургэ, *ibid.* XX, 219 и XXII, 318, — въ Дельфахъ это сундуки или ящики для храненія счетныхъ *πίνακια*, потомъ архивъ, но, по лексикографамъ, также назывались и сундуки для храненія платья (ср. теперь еще В. Keil, *Anonym. Argentin.* 305). Какъ въ Дельфахъ по сосѣдству съ ζυγαστρον упоминается о написаніи счетовъ, о *πίνακια* и о *γραμματιστάς*, такъ и въ нашей надписи въ стрк. 64 есть какое то ΑΥΤΡΟΦΕΩΝ = ἀγγραφέων Френкеля, ср. стрк. 14. Съ другой стороны къ храненію одеждъ подходит неоднократное упоминаніе о *σινδών* (стрк. 60, 70, 71, 72; въ 71 *σινδόνας* ΛΙΝΑ можно было передать посредствомъ *λινᾶς*, наоборотъ въ 72 едва ли вѣрно френкелево *σινδονοστολή[αι]*). Въ *VCH*. XXII, 3209 читается: ζυγάστρου εἰσφ[ορᾶς ὀβολός], ср. и у насъ стрк. 65 [πεδα]φορά [Ε]ὑδάμωι (Френкель).

Можно было бы много возражать противъ другихъ маловѣроятныхъ и невѣрныхъ потугъ Френкеля и предлагать другія. Напримѣръ, въ стрк. 66 — 67 у него явилось: Κάλ[λ]ω[ν]ι θύ[ρ]α, Ἰσάνορι | [πεντ]η-
χοστά, — тутъ, пожалуй, невольно вспомнишь о шишкѣ у алжирская бея. Достаточно, однако, убѣдиться въ ненадежности сдѣланнаго. Обработка этой, не лишеной интереса, надписи — дѣло будущаго. Едва ли соотвѣтствуетъ дѣйствительности и общее сужденіе Френкеля о содержаніи текста: „construitur templum (vs. 73) idque ut videtur, cum συνδόνες compluries memorentur, diis Aegyptiis (cf. quae exposui ad inscr. Pergam. n. 336)“: оно основано на очень и очень сомнительномъ дополненіи стрк. 73: [εἰς τὸν (?) ναὸν : [δύο (?) μόνῃ]υ]ρα [θ]υ[ρῶμ]-
α[τα].

1504.

Тутъ снова напечатанъ извѣстный списокъ эпидаврійскихъ оеродоковъ, — тотъ самый, который Баунаку „immer vor dem Geiste stand“ при обработкѣ дельфійскаго географическаго списка проксеновъ и послужилъ поводомъ превратно превратить дельфійскихъ проксеновъ въ оеродоковъ (см. мои „Исслѣдованія“, 259 сл.). Издавать подобные списки нужно механическимъ способомъ, чтобы и читатель имѣлъ возможность и различать основное отъ позднѣйшихъ добавленій и точно знать распредѣленіе частей текста въ оригиналѣ, а не быть вынужденъ идти на погахъ издателя. Уже Б. Кейль (*Ath. Mitt.* XX, 101), котораго цитируетъ и Френкель, говорилъ, что нужно переисслѣдовать оригиналъ, чтобы различать разныя руки рѣзчиковъ. Однако списокъ изданъ опять только типографскимъ шрифтомъ, и опять относительно основнаго текста и дополненій приходится полагаться только на Френкеля. Поясню непригодность такого изданія на примѣрѣ.

Строки 7—10 въ копіи напечатаны такъ:

- 7, ΚΑΛΥΔΩΝ /// ΕΩΝΠΟΛΕΜΑΡΧΟΥ
ΤΟΛΛΟ
 8, ΑΚΑΡΝΑΝΙΑ ΕΜΛΙΜΝΑΙΑΙΘΩΠΙΝΑΣΑΡΙ
 9, ΟΙΝΙΑΔΑΙΑΙΑΠΠΟΣΑΥΚΟΦΡΩΝ
 10, ΣΤΡΑΤΟΣΘΕΟΠΡΟΠΙΔΑΣ ΦΙΛΛΟΣ

Въ транскрипціи въ одномъ столбцѣ:

- 7, Καλυδών· [N]έων s. [Θ]έων Πολεμάρχου.
 8, Ἀκαρνανία· ἐμ Λιμναῖαι Θωπῖνας Ἄρι—

- 9, Οἰνιάδαι· Δάιππος, Λυκόφρων.
10, Στράτος· Θεοπροπίδας.

Въ другомъ столбцѣ:

Τολλο(φών)
Φίλλος.

Френкель: „certum ducō Τολλο(φών) designare urbem Locrorum Ozoliorum [Ozolarum?] apud Thucydidem III 101 uno lambda scriptam [какъ будто имя этого города только у Θυκιδίδα и встрѣчается: оно хорошо извѣстно и изъ надписей и притомъ въ двойной формѣ: Τολοφών и Τολφών], additamentum igitur esse ad col. I vs. 4—6, iuxta quos versus spatium iam fuerit occupatum. Φίλλος thearodocus censendus huius urbis; sane antea addendum id nomen defecit spatium. Si, quod sumpsit Cabbadias, Τολλο— additum esset ut alterius thearodoci Calydonii nomen, Φίλλος additum ad Stratum, Τολλο— scriptum esset iuxta Πολεμάρχου, ubi spatium idoneum est vacuum, non subscriptum. Atque per compendium scribi quidem potuit patris nomen (col. I vs. 8 Ἄρι—), sed vix ipsius thearodoci“. Упомянутое compendium Ἄρι— онъ объясняетъ: „deficiente spatio nomen non totum scriptum“. Если по поводу Τολλο самъ Френкель вспоминаетъ о compendium, если онъ дополняетъ Τολλο(φών), а не Τολλο[φών], то, кажется, ясно, что φών не пропало, а вовсе не было вырѣзано, т.-е. что на камнѣ только и было ΤΟΛΛΟ. Выходитъ по Френкелю, что не выписать полностью отчество теородока возможно, а имя самого теородока—нельзя, имя же *города*, т.-е. то имя, которое всегда стоитъ на первомъ планѣ, опять можно написать съ сокращеніемъ! Уже это странно. Далѣе, списокъ писали и заполняли дополненіями, конечно, для пользованія имъ. Какъ же пришлось бы тутъ пользоваться, если ΤΟΛΛΟ или френкелевскій „Толлофонъ“ стоитъ въ одной строкѣ, а имя „толлофонскаго“ теородока Φίλλος—гдѣ-то чрезъ двѣ строки ниже?! Объясненіе Френкеля, слѣдовательно, опять неправдоподобно. Я предлагаю Φίλλος считать вторымъ (позднѣе вписаннымъ) теородокомъ изъ Страта (такъ и Каввадіасъ), а ΤΟΛΛΟ признать за помѣщенное надъ строкой дополненіе не умѣстившагося въ строкѣ отчества Ἄρι, т.-е. Ἄρι[σ]τολάου). Гдѣ именно пропало Σ (предъ τολ или послѣ Ἄρι), я пока не могу рѣшить, а недостающаго въ концѣ Υ, пожалуй, и совсѣмъ не было, какъ нѣтъ его и въ genitiv. Περιάνδρο A 22 („deficiente spatio omisium!“). Мое объясненіе тѣмъ вѣроятнѣе, что самъ Френкель слова:

ἐν Λαζιχῆ: Θεσπιάς 'Арi считаетъ за *addimenta* (ихъ, я думаю, и въ транскрипціи слѣдовало бы поставить во второмъ столбцѣ, а не въ первомъ, какъ у Френкеля), т. е. когда вносилось это дополнение, слѣдующая ниже строка уже была заполнена, слѣдовательно конецъ имени 'Арi нельзя было помѣстить подъ 'Арi, а приходилось поставить надъ 'Арi¹⁾. И еще кое-гдѣ (напр. А 32, В 8, 20 — 24) можно сомнѣваться о правильности установленной Френкелемъ связи лицъ и городовъ, но безъ *facsimile* догадки тутъ не будутъ убѣдительны.

По поводу текста отмѣчу, что въ В 18 — 19 Френкель пишетъ Ἄ[λ]χιππος Μίρχο[υ] (также и у Michel'я 862 по изданію Каввадіаса, котораго у меня нѣтъ), а въ копіи Френкеля ясно и безъ пробѣла стоятъ ΚΠΘΣ, — т. е. въ копіи одно ζ, вѣроятно, случайно пропало?

Въ А 26 Френкель пишетъ: „Θεσπρωτοί: Πετόας, Σύμαχος“. Раньше писали безъ запятой предъ Σύμαχος, считая послѣднее за *genitivus*; я уже мотивировалъ Σύμαχος, какъ *nominativus*, въ „Исслѣдованіяхъ“, 253. Теперь прибавлю еще догадку, что, можетъ быть, Πετόας здѣсь не *nominativus personae*, а *genitivus loci*, т. е. что здѣсь, подобно В 20: „Ἀκαίρος: Καζώπας“, сначала названо племя или область племени, потомъ имя города или поселенія въ этой области и только дальше имя осородока, т. е. Θεσπρωτοί: Πετόας: Σύμαχος. При нашей бѣдности извѣстій объ Ипирѣ нужно, по крайней мѣрѣ, имѣть въ виду и эту возможность. Если же Πετόας принять за *genit. loci* (конечно, не *locativus*), то и въ слѣдующей строкѣ возможно вмѣсто „Ποίωνος: Ἄδματος“ писать Ποίωνος или Ποιῶνος, тоже какъ *genitivus* имени поселенія отъ *nominat.* Ποίων (тогда ближе окажется и приведенное Френкелемъ сопоставленіе съ *περὶ τὸ Ποῖον ὄρος καὶ τῇ Πίνδον Αἰθιχῆς τε καὶ τοῦ Πηγεῖοῦ πηγαί* Strab. VII, 327). Но это только къ слову. Совершенно напрасно, по моему, Френкель въ Θεσπρωτοί видитъ „*novam appellationem urbis, quae Θεσπρωτία apud St. Byz.: πόλις καὶ χώρα ἔξω τοῦ Ἀμφραχίου τοῦ κόλπου· τὸ ἐθνικὸν Θεσπρωτός* (Ваупаск)“. Здѣсь просто имя племени вмѣсто имени области; также точно и ниже А 31: „Μολοσσί: Θάρυψ“, гдѣ, однако, и самъ Френкель не считаетъ Μολοσσοί за *appellatio urbis*. Ср. въ моихъ „Исслѣдованіяхъ“, 190 сл. о Сапахъ и Мориллахъ. См. еще ниже къ 1508 В.

¹⁾ Кстати: въ ἐν (Μ не вполне сохранилось) Λαζιχαί для меня μ, по крайней мѣрѣ, сомнительно, — ожидалось бы или ἐν или ἐλ.

Новыхъ формъ, впрочемъ, Френкель вообще открываетъ больше, чѣмъ нужно, очевидно забывая старыхъ знакомыхъ. Такъ, въ А 5 у него „nova videtur forma Οἰανθέαι“. Очевидно, онъ ее считаетъ за nominativus pluralis, а тогда послѣдовательность требовала бы и Ἀμφίρσαι предыдущей строки (А 4) назвать nova forma (онъ, впрочемъ, позднѣе и это дѣлаетъ: въ index стр. 397 Ἀμφίρσαι, 398 Οἰανθέαι,—хоть бы уже писалъ тогда Ἀμφίρσαι!). Мы, конечно, предпочтемъ здѣсь остаться при dativus, какъ и въ А 3 Δελφοῖς, хотя въ А 2, 6 и 7 и стоятъ nominativi: Κόρινθος, Ναύπακτος, Καλοδών. И нѣкоторыя другія формы только *кажутся* новыми Френкелю, напр. pluralis Ἀσταχοί (уже Oberhammer, Akarnanien, 35 указалъ ее изъ Rangabé № 693=CIGS. I 12) или Ἐχίνεος (есть въ дельфійскомъ географическомъ спискѣ проксеновъ, см. мои „Изсл.“, 200), и др. Вообще географическiй материалъ еще подлежитъ обработкѣ послѣ точнаго изданiя надписи ¹⁾).

Кажется, и въ общемъ пониманiи списка Френкель ошибается. Онъ исходитъ изъ того понятiя о оеородокахъ, которое дается ермионской надписью SIG². 654=GDI. 3386=Michel 179=CIGP. I 679. Но понятiе оеородокiи содержитъ въ себѣ и другiя разновидности, какъ я старался указать въ „Изсл.“, 35 слл. Не принимая этого въ соображенiе, Френкель самъ себѣ противорѣчить. Ермионцы въ указанномъ декретѣ постановляютъ назначить изъ своей среды оеородока для оеоровъ изъ другого города. Съ точки зрѣнiя этой оеородокiи допустимо было бы френкелевское объясненiе разуръ въ спискѣ: „egasis hominum abhinc a munere remotorum eorum successores inscribebantur. Но дальше самъ же онъ приказываетъ читателю на сомнѣваться въ томъ, что въ спискѣ названы такiе же оеородоки *Асклiтiя*, какiе назначаются епидаврiйскими декретами CIGP. I 916. 918 сл. А въ этимъ декретахъ вѣдь епидаврiйцы даютъ оеородокiю гражданамъ другихъ городовъ, т. е. здѣсь оеородокiя, отличная отъ ермионской, и по отношенiю къ ней едва ли можно допускать a munere remotiōnem, а разуръ скорѣе нужно объяснять просто смертью прежде записанныхъ почетныхъ оеородоковъ. Далѣе, онъ отмѣчаетъ, что въ началѣ (А 2—7) названы города, чрезъ которые епидаврiйскiе оеоры обыкновенно вѣздили въ Акарнанiю, и что оеоры заходили въ эти

¹⁾ При стремленiи Френкеля отмѣчать „новыя“ формы именъ городовъ, отличныя отъ извѣстныхъ только по числу, странно, что самъ же онъ изъ А 35 Ἰπωρῆαις Τεῖσαδροῖς приводитъ имя города Ἰπώρα (а въ index—Ἰπωρῆαις).

города certe non solum viae faciendae causa (ибо удобнѣе было бы проѣхать изъ Коринѳа прямо моремъ), sed ut ibi quoque feriis adessent, — здѣсь, слѣдовательно, опять ерміонская точка зрѣнія, и ради ея Френкелю хотѣлось бы доказать, что во всѣхъ городахъ списка были праздники Аскліпія, на которые-де и ѣздили епидаврійскіе ѳеоры (онъ приводитъ рядъ свидѣтельствъ по Тремеру изъ Pauly-Wissowa, II, 1665 сл.). Исключеніе дѣлаетъ только для Дельфъ: nisi quod Delphos (A 3) apparet theoros propter Aesculapii patrem esse missos. Тутъ опять узость кругозора, завершающаяся еще такимъ искусственнымъ соображеніемъ о Дельфахъ: ѳеородохъ Аскліпія есть въ Дельфахъ, потому что туда епидаврійскіе ѳеоры ѣздили къ отцу Аскліпія, Аполлону! Совсе не нужно было доказывать культъ и праздники Аскліпія во всѣхъ городахъ. Да едва ли на малоизвѣстные праздники заолустныхъ городовъ и деревень и ѣздили ѳеоры изъ Епидавра. А несомнѣнно, что сами епидаврійцы разсылали своихъ ѳеоровъ для приглашенія на епидаврійскій праздникъ Аскліпія—ἐπὶ τὰν ἐπαγγελίαν τῶν Ἀσκληπιῶν; эти-то ѳеоры были ѳеоры Аскліпія и, кто ихъ принималъ въ чужомъ городѣ или получалъ епидаврійскую ѳеородокію, тѣ назывались ѳеородохами Аскліпія,—ихъ-то и перечисляетъ нашъ списокъ. Посылать подобныя приглашенія епидаврійцы могли ad maiorem dei gloriam и для собственныхъ выгодъ и въ такіе города, гдѣ не было праздниковъ въ честь Аскліпія. Для насъ этотъ списокъ является именно свидѣтельствомъ, въ какой степени пользовался извѣстностью епидаврійскій Аскліпіи (или какъ сильно заботились о его извѣстности епидаврійцы) въ пору нашей надписи, т. е. въ началѣ IV вѣка до Р. Хр. и въ послѣдующія десятилѣтія (по Б. Кейлю, основной списокъ возникъ между 390—367 годами) ¹⁾.

¹⁾ Въ В 4—5 называется изъ Метапонта Φιλίμ[ε]νος. Имя очень рѣдкое. Извѣстенъ Филимень изъ числа тринадцати nobiles iuvenes Tarentini, выдавшихъ Аннибалу Тарентъ (Polyb. VIII, 26 сл., 31 сл., Liv. XXV, 8 сл., XXVII, 16). О тождествѣ рѣчи быть не можетъ и по времени (едва ли дополненія нашего списка продолжались до 210-хъ годовъ) и по возрасту (тарентинецъ погибъ юношей) и по происхожденію. Но въ виду близости Метапонта и Тарента можно думать о той или другой близости или связи обоихъ Филименовъ. Личный составъ нашего списка слѣдовало бы еще разъ тщательно перислѣдовать. Кстати объ именахъ: А 44 Πίσων въ Тарентѣ и В 19 Μάρκο[u] въ Катанѣ,—слѣдуетъ ли оба имени считать римскими, или первое—греческое? А 32 Κορράδης, хоть между К и О одно мѣсто въ копіи свободно,—vасat? В 25 Θ[ε]ο[τρ]ῶφος, конечно, требуетъ большого вопросительнаго знака. Вѣрно ли Ἀντιρῆα[ς] А 28? И въ этомъ отношеніи нужно точно знать камень.

1506.

Эпидаврійскій списокъ взносовъ на ὀλοκαύτησις, изданный раньше Каввадіасомъ, переизданъ Френкелемъ по повѣренной имъ копіи Фредриха. Въ ст. 17 сл.: Ἀπολλ[ᾶς Κορίνθιος] ὑπὲρ τῶν ἀδελφῶν καὶ γ[ο]νέων καὶ κτημάτων [ἑὼν ἱαρεὺς] δύο στατήρας Κορίνθιος. О первыхъ двухъ дополненіяхъ Френкель заявляетъ, что они годятся „ad spatium et ad pecuniae solutae genus“, а [ἱαρεὺς] дополнено по Каввадіасу, который видѣлъ ἱαρεὺς. Мнѣ думается: что „Κορίνθιος“ и „ἱαρεὺς“ здѣсь не совмѣстимы, такъ какъ здѣсь подъ жрецомъ скорѣе всего разумѣется эпидаврійскій, слѣдовательно, если ἱαρεὺς, то не Κορίνθιος, и наоборотъ. *Коринѣскіе* статуры тутъ не при чемъ: Πορραῖος (20), по Френкелю, ессалийскій, жертвуетъ въ арголидской монетѣ, Θεσπιάς (22)—въ аттической, Θηβαῖοι (25)—въ александровой, кто-то (30)—въ эгинской и т. д. (такъ и хотѣлось бы объяснить это разнообразіе монеты аналогіей; и у насъ священнику даютъ или въ церковный кошелекъ опускаютъ иной разъ монеты, уже вышедшія изъ употребленія, въ родѣ мѣдныхъ гривенъ и старинныхъ пятаконъ). Если сохранить ἱαρεὺς, то на мѣстѣ Κορίνθιος нужно предполагать *отсутствие* Аполлы.

Въ стрк. 21 у Каввадіаса δραχμᾶς ἀργολικῆς δύο, у Френкеля ἀργολικ(ᾶ)ς, а въ копіи ΑΡΓΟΛΙΚΟΥΣ. Признаюсь, что я былъ бы скорѣе за чтеніе перваго (съ подразумѣваемымъ ἀργυρίου),—не мѣшаешь повѣрить.

Въ стрк. 29 у Френкеля: „Α?]χεος Φιλίσκου, Μακχάων ἐξ Ἀμφιπόλεως“, безъ оговорки объ иномъ чтеніи Каввадіаса и съ замѣткой только: „tentavi nomen primum“. „Попытка“ мнѣ кажется не особенно удачной. Не знаю, удачнѣе ли будетъ моя по поводу Μακχάων: я готовъ здѣсь видѣть Μαχεδών,—смѣшать ΚΑ съ ΚΑ было нетрудно. Если бы я былъ увѣренъ, что въ изданіи Каввадіаса здѣсь не стоитъ тоже Μακχάων, то я еще сильнѣе настаивалъ бы на ошибкѣ Френкеля и прибавилъ бы, что этотъ Макхаонъ не уступить баунаковскому Автофону. Наша надпись, по Каввадіасу, III вѣка. Ср. въ дельфійской GDI. 2764 Μαχεδ[ό]νι ἐξ Ἀμφιπόλεως.

Предполагаю возможность неточностей и въ другихъ пунктахъ надписи.

1508 A, B, C.

Три записи о наложенныхъ штрафахъ, изданныя уже Каввадіасомъ и изъ него взятыя въ Inscr. jurid. I 494. и въ Michel 1336—1338 и

въ SIG.³ 688. 689. 690 (Френкель отмѣчаетъ только „688, 689“, безъ 690), переизданы по собственной копіи Френкеля: „exscripti“. Изъ различій въ изданіи Каввадіаса указанъ пропускъ скобки въ А 1, ζῆμίας въ А 3 (вмѣсто ζαμίας), σταδιοδρόμος въ 4—5 (вмѣсто σταδιαδρόμος) и παγκρατίαστής въ В 7 (вмѣсто πανκρατιαστής),— и только. Но слонъ не примѣченъ. Въ С читаемъ у Френкеля:

Ἐπί ἀγωνοθέτα τῶν Ἀσκληκείων καὶ Ἀπολλωνίων Σωστράτου τοῦ Πατροκλείδα· κατάδικοι γενόμενοι τῶν τεχνιτῶν| διὰ τὸ μὴ ἀγωνίσασθαι κεκομισμένοι τὸν μισθόν· (дальше 4, 5 и начало 6 строкъ выскоблены, т. е. названныя тутъ лица или внесли штрафъ или были освобождены отъ него послѣ аппелляціи) κωμ(ω)δός Διονύσιος Διονυσίου Ῥόδιος μᾶν.

Слово μᾶν стоять въ концѣ послѣдней—6-й у Френкеля—строки. Ниже той строки ни точекъ, ни другихъ признаковъ исчезнуваго текста не указано ни въ копіи, ни въ транскрипціи. Я прочиталъ этотъ текстъ въ числѣ первыхъ изъ всего тома, въ связи съ 1509, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, когда мое довѣріе къ корпусу еще и не начинало колебаться. Мы узнаемъ изъ текста С, что комическій актеръ, условившійся выступить на эпидаврійскомъ праздникѣ и получившій условленную плату, но не выступившій въ состязаніи, за это подвергся штрафу въ одну мину. Штрафъ въ подобныхъ случаяхъ, разсуждалъ я, всегда былъ выше ущерба, т. е. въ данномъ случаѣ условленной и выданной платы: говорилось обыкновенно или часто τὸ διπλοῦν или αὐτὸ καὶ τὸ ἡμιόλιον ἀποτελοῦσθαι. Итакъ ужели въ одной минѣ заключается и сумма платы и другая такая же или половина ея, т. е. ужели актеръ условился выступить на сценѣ за 50 или за 66 драхмъ? Такая плата миѣ казалась слишкомъ незначительной, если даже считать, что нашъ актеръ былъ только однимъ изъ труппы, а вѣдь естественнѣе, конечно, было бы думать, что онъ былъ тутъ скорѣе антрепренеромъ и отъ себя уже приглашалъ и девтерагониста и тритагониста (синагонистовъ). Миѣ захотѣлось узнать, обратили ли вниманіе на ничтожность штрафа, а слѣдовательно и платы актерамъ, издатели „юридическихъ надписей“ или Диттенбергеръ, хотя я самъ уже готовъ былъ сказать, что, можетъ быть, или число драхмъ было обозначено въ послѣдней строкѣ цифрой, напр. μᾶν [Δ], или была еще одна строка, стершаяся или отломленная, съ какимъ-нибудь числительнымъ, напр. δέχα, такъ какъ и genitivus: μᾶν| [δέχα] казался миѣ гораздо удобнѣе, чѣмъ френкелевскій accusativus: μᾶν (въ В стоитъ κατάδικοι съ dativus: στατῆροι χιλίοις). Сначала я глазамъ не вѣрилъ: и въ Inscr. jurid. и въ SIG.³. и у Michel'я есть еще *седьмая строка*

съ словом *τεσσάρων*. Это прямо непростительно, разумѣется, для Френкеля: замѣчать и отмѣчать мелочи, а пропускать строку (хорошо „exscripsi“!) и даже не видѣть ея въ предшествующихъ четырехъ изданіяхъ!! Не видѣть притомъ тамъ, гдѣ необходимость ея невольно подсказывается сама собой при небольшомъ вдумываніи въ издаваемый текстъ! Или издатели тутъ даже не думаютъ? И ни слова объ этомъ недосмотрѣ даже въ *addenda*! Да, съ этого текста и началось мое недовѣріе къ Френкелю. Кто поручится, что нѣтъ подобныхъ пропусковъ въ другихъ текстахъ, особенно въ тѣхъ, которые Френкель издалъ впервые? Не правда ли, что необходимо провѣрять Френкеля на каждомъ шагѣ?

Хронологія записей 1508 А, В, и С у Френкеля такова:

A secundum litteraturam vix antiquior esse potest exeunte saeculo a. Ch. n. tertio.

B praecedente non multo recentior habendus est: iam praeualet ἢ κοινή.

C praecedente recentior.

Спрашивается, какъ великъ промежутокъ между А и С: два-три десятка лѣтъ или сотни и даже больше? За краткость промежутка говорить общее соображеніе, что едва ли одна и та же плита могла бы служить для записей этого рода цѣлое столѣтіе и больше. За продолжительность могъ бы говорить характеръ письма: по поводу А Френкель вспоминаетъ о концѣ III вѣка, а въ С уже есть (не послѣдовательно) ω открытое вверхъ, т. е. Ω подлѣ Ω, а также Δ съ выступомъ вверхъ правой косой черты и *litteratura aricata*, по крайней мѣрѣ въ печатной копіи. Не знаю, забываетъ ли Френкель или уже самъ не хочетъ пользоваться другой хронологической точкой опоры, о которой говорилъ по поводу надписи № 1361.

Въ 1361 читается:

— — Патроκλει]δα,	Νικόλοχος Πατροκλείδα,
— — — —ε]ύς,	Μεύλαδος Δάμου,
	Π[α]τροκλείδας Νικολόχου,
	Σώστρατος Πατροκλείδα.

Френкель думаетъ, что надпись *vergente altero a. Ch. saeculo vix recentior*, и полагаетъ, что это—дедикація со стороны членовъ одной семьи; при этомъ считаетъ возможнымъ Сострата, сына Патроклида, отождествить съ одноименнымъ агонистомъ записи о штрафѣ 1508 С,

„si in titulo nostro [1361] perhibetur ut puer (quod in totius familiae donario non ineptum [стата и называется послѣднимъ]), ut senex in altero [1508 С]“. Если судить по этимъ словамъ Френкеля, то оказы-
 что 1508 С онъ спускаетъ приблизительно до середины I вѣка до Р. Хр., слѣд. шаги въ его градаціи (1508 А—около конца III вѣка, В—paulo recentior, С—recentior) очень большіе,—два шага составля-
 ютъ 150 лѣтъ, чего читатель, не замѣтившій примѣчанія къ 1361, конечно, не подумалъ бы. Однако ничто въ сущности не обязываетъ Со-
 стата, сына Патроклида, считать въ моментъ надписи 1361 мальчикомъ. Я притомъ вовсе не признаю обязательнымъ считать его сыномъ Па-
 троклида 3-й строки, внукомъ Николоха строки 1-й, какъ, повидимому, думаетъ Френкель, говоря о его дѣтствѣ. Я скорѣе думаю, что от-
 цомъ какъ этого Сострата, такъ и Сострата—агноноета 1508 С нужно считать Патроклеида Σοστράτου, упомянутого въ числѣ убитыхъ въ ис-
 емійской битвѣ 146 года, т. е. въ надписи 894-ой. Тогда и агноно-
 ессия Сострата можетъ быть отнесена или къ концу II или къ началу I-го вѣка. Остаются, слѣдовательно, только позднія особенности
 шрифта. Но открытое вверхъ ω для этого времени все-таки допустимо (ср. Larfeld. Griech. Epigraph. 536, Reinach, Epigr. gr. 208). Въ приве-
 денной мною епидаврійской надписи 1361, которая по Френкелю vix recentior конца II-го вѣка до Р. Хр., Ω встрѣчается лишь разъ (от-
 крытое внизъ), но π, Ϟ и Σ чередуются формы угловатыя и за-
 кругленныя. Итакъ моя датировка, кажется, по крайней мѣрѣ, не
 невозможной, если считаются съ Френкелемъ.

По Каввадиасу А относится къ македонской эпохѣ (Inscr. jurid. стр. 494), или къ III вѣку (Dittenberger), В—почти того же времени (Inscr. jurid.) или немного моложе (Dittenberger), а С—гораздо моложе, пожалуй отъ времени первыхъ императоровъ (Inscr. jurid.) или „multo recentior“ (Dittenberger). Но не слѣдуетъ забывать, что Каввадиасъ здѣсь находится подъ вліяніемъ его собственнаго мнѣнія объ очень позд-
 немъ учрежденіи праздника „Аполлоній и Асклипій“, а въ С какъ разъ и говорится: „τῶν Ἀσκληπιῶν καὶ Ἀπολλωνίων“ (послѣднія два слова дополнены надъ строкой). Для насъ же теперь этого препятствія не существуетъ, такъ какъ выше (къ 923) мы видѣли, что праздникъ съ этимъ двойнымъ именемъ извѣстенъ уже, по крайней мѣрѣ, съ 72 года до Р. Хр. Итакъ, я думаю, возможно признать датой для 1508 С конецъ II или начало I вѣка до Р. Х.

Покончивъ съ записью 1508 С, вернемся къ А и В.

Въ А, какъ мнѣ кажется, и прежніе издатели и Френкель до-

пускаютъ небольшую грамматическо-ореографическую ошибку,—для разъясненія приходится привести почти весь текстъ, ὀφείλει τῶι θεῶι ὁ ἐργῶνας τὰς ὕσπλαχος Φίλων Κορίνθιος τὰς ζαμίας, ἃς ἐζαμίωσε αὐτὸν ὁ ἀγωνοθέτας τοῦ γυμνικοῦ Τρίτυλλος καὶ οἱ ἑλληνοδίκαι καὶ ἐπέκρινε αὐτὸν παρρόντα ἂ βουλά δικαίως ἐζαμίωσθαι δραχμαῖς Ἀλεξανδρείαις πενταχοσίαις· τούτου, ἀνθυφαιρεθέντος τοῦ μισθοῦ δραχμῶν διακοσίαν, τὸ λοιπὸν σὺν ἡμιολίῳ ὀφείλει, ἐπεὶ οὐκ ἀπέλυσато κтл. Всѣ пишутъ τὰς ζαμίας ἄς, и издатели Inscr. jurid. опредѣленно говорятъ о „plusieurs amendes“. Ихъ побуждаетъ къ этому, вѣроятно (сами они не говорятъ этого и, можетъ быть, не вдумывались) то обстоятельство, что оштрафованными названы и агонеецъ и елланодики, такъ что можетъ показаться, что и штрафовъ было нѣсколько. Но оштрафованіе связано съ какой-то несправдностью относительно *одного* подряда (можетъ быть, съ невыполненіемъ его къ сроку,—къ празнику), и, конечно, допустимо, что и агонеецъ и елланодики вмѣстѣ наложили всего *одну* штрафъ. А чтò важнѣе, при пониманіи издателей выходитъ, что подрядчикъ и ὀφείλει τὰς ζαμίας (если эта ореографія вѣрна, то онъ долженъ „штрафы“ *полностью*) и не совсѣмъ ὀφείλει (ему вѣдь нужно уплатить только *часть* „штрафовъ“). Я бы написалъ: ὀφείλει τὰς ζαμίας, ἄς и пр., т. е. „изъ того штрафа, который на него наложили и пр., онъ, за вычетомъ того-то, долженъ уплатить остальное и пр.“. Если бы опредѣленія къ τὰς ζαμίας были менѣе обстоятельны, т. е. покороче, то текстъ вышелъ бы яснѣе. Именно въ виду подробности этихъ опредѣленій къ τὰς ζαμίας, состоявшей въ 500 драмахъ, пришлось дальше прибѣгнуть къ эпанаптической указательному τούτου и именно въ genitivus,—оно вѣдь и указываетъ на τὰς ζαμίας=500 драмт.

Въ В упоминается Φίλιστος Καλλισθένης Ἀργεῖος ἀπ' Ἀχαΐας. Диттенбергеръ (и Б. Кейль) видитъ въ этой Ἀχαΐα oppidulum ignotum agrī Argivī, такъ какъ, если бы рѣчь была объ аргосцѣ изъ Ахейскаго союза, то ожидалось бы Ἀχαιός ἀπ' Ἀργους. Френкель переводитъ „Argivus ex Peloponneso“, принимая здѣсь Ἀχαΐα въ смыслѣ всего Пелопонниса. Отчего Френкель прибѣгаетъ къ этому вычурному объясненію? Я думаю, онъ дѣлаетъ это (если не случайно) потому, что или запись В относитъ ко времени послѣ прекращенія Ахейскаго союза (послѣ 146 г.) или считаетъ невозможнымъ обозначеніе Ахейскаго союза терминомъ Ἀχαΐα. Первое основаніе, однако, отпадаетъ, потому что и для Френкеля, какъ и для другихъ, В только немного моложе, чѣмъ А. Остается второе основаніе, но и оно неубѣдительно, такъ какъ въ почетной таблицѣ Кассандра (SIG³. 291, мои „Исслѣдованія“,

165) въ ἡ πόλις ἡ Κοροναίῳν τῶν ἐν Ἀχαΐαις подѣ Ахайеѣ разумѣется, повидимому, весь Ахейскій союзъ. Такимъ образомъ я допустилъ бы пониманіе въ смыслѣ „аргосецъ изъ Ахайи“, т. е. изъ Ахейскаго союза. Диттенбергеръ возражаетъ противъ этого пониманія съ формальной стороны. Дѣйствительно, предложенная имъ формула Ἀχαιὸς ἀπ' Ἄργουσ; обыице для обозначенія ахейцевъ—аргосцевъ. Я могу, однако, во-первыхъ, замѣтить, что въ подобныхъ двойныхъ опредѣленіяхъ, когда опредѣленіе предложное (съ предлогомъ) по объему уже предшествующаго, чаще употребляется предлогъ ἐξ, чѣмъ ἀπό, если же предложное опредѣленіе шире предшествующаго, то, наоборотъ, чаще встрѣчается ἀπό, чѣмъ ἐξ, напримѣръ съ одной стороны Μακεδῶν ἐξ Ἀμφιπόλεωσ; (рѣже ἀπό), съ другой Νικαιεὺσ; ἀπὸ Βιθυνίασ; (рѣже ἐξ). Точной статистики, впрочемъ, я здѣсь не имѣю въ виду (мое обобщеніе несомнѣнно для средней и сѣверной Греціи, кромѣ Аттики, гдѣ колебаніе между предлогами сильнѣе и вообще перевѣсъ въ сторону ἀπό) и, во всякомъ случаѣ, только на основаніи предлога я не сталъ бы настаивать, что въ Ἄργεῖοσ; ἀπ' Ἀχαΐαισ; понятіе Ахайи шире Аргоса (у Диттенбергера наоборотъ). Во-вторыхъ, самъ Диттенбергеръ въ SIGS. I 288, измѣняя дополненіе предшественниковъ, дополняетъ: Θ[η]βαῖοσ; ἐξ Ἀχαΐ]αισ; τῆσ; Φθιωτίδοσ;. Такое дополненіе представляетъ собою параллель нашему мѣсту въ моемъ пониманіи. Въ-третьихъ, въ аттическомъ спискѣ побѣдителѣй CIA. II 966 (начала II вѣка) трижды стоятъ Ἄργεῖα ἀπ' Ἀχαΐαισ; (A ст. 48, 50, 54); дважды дополняется тоже (B 39, 43) и дважды дополняется Ἄργεῖοσ; ἀπ' Ἀχαΐαισ; (B 47, 49); въ томъ же спискѣ есть и Ἀχαιὸσ; ἀπ' Ἄργουσ; (A 17) или ἀπὸ Μεσσηνίασ; (A 27), ср. Καρπασωτίησ; ἀπὸ Κύπρου A 46, Ἀντιοχεὺσ; ἀπὸ Δάφνησ; ср. CIA. II 967 съ примѣчаніями Келера (ссылающагося на Bergk, *Zeitschr. f. Altertumswiss.* 1855, 151 сл.); опредѣленіе Ἄργεῖα ἀπ' Ἀχαΐαισ; дается какъ разъ дочери извѣстнаго и изъ Поливіа „Поликрата аргосскаго“ (V, 64,5 и др., ср. Bergk, ук. м. 154 сл.). Ужели и тамъ нужно прибѣгать къ oppidulum ignotum agri Argivi Ἀχαΐα¹⁾?! Словомъ я не рѣшился бы съ Диттенбергеромъ признавать существованіе какой-то новой Ахайи въ предѣлахъ аргосской области. Споръ здѣсь не лишень интереса и значенія именно въ томъ отношеніи, что

¹⁾ Кстатѣ замѣчу для CIA. II 967, что тамъ въ стр. 18 „— — τοσ; Λοοῖου Ἠπειρωτίησ; ἀπὸ Χα[ονίασ;?]" можно уничтожить вопросительный знакъ Келера въ виду Χαονία въ эпидаврійскомъ спискѣ еородоковъ SIGP. I 1504²⁵; *ibid.* стр. 34 „Πολιμαναὶσ; ἀπὸ“—возможно дополнить Βάρησ; по сравненію съ GDI. 2175.

мѣсто нашей надписи и аттической, при моемъ пониманіи, показываетъ, какъ съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ объединенія пелопонннцевъ въ Ахейскомъ союзѣ, подъ вліяніемъ обозначенія ихъ терминомъ Ἀχαιοί расширяется и территориальный объемъ понятія „Αχαιία“ и такимъ образомъ подготавливается то значеніе послѣдняго, которое мы видимъ въ римской Αχαιή.

Въ В названъ еще Σίμακος Φαλακρίωνος Ἰππερώτης ἀπὸ Θεσπρωτῶν. Мы видѣли, что въ „Θεσπρωτοί“ списка теородокоевъ 1504 А 26 Френкель хотѣлъ видѣть novam appellationem urbis. Уже гораздо ближе было бы вывести это заключеніе изъ даннаго мѣста, но здѣсь Френкель молчитъ. Его молчаніе здѣсь, по моему мнѣнію, кстати: и здѣсь, какъ и тамъ, Θεσπρωτοί—имя племени. Но совсѣмъ не кстати онъ вспоминаетъ форму Θεσπρωτῶν, говоря, что въ В praevalet ἡ κοινή, и приводя примѣры: „Ταυρίδης, Ἰππερώτης, Θεσπρωτῶν“ и др., т. е., очевидно, отъ nominativus Θεσπρωτής! Въ index, впрочемъ, мѣсто изъ В уже правильно указывается подъ Θεσπρωτός.

Наконецъ, еще по поводу В: „κατάδικοι γινόμενοι τῶν ἀθλητῶν διὰ τὸ φθίρειν τὸν ἀγῶνα, ἕκαστον στατήρσι χιλίοις“,—ἕκαστον стоитъ на камнѣ. Френкель не согласенъ съ Диттенбергеромъ, что это—*anacoluthia satis levis*, и видитъ слѣдъ небрежности рѣзчика и исправляетъ въ ἕκαστο(ς). Совершенно безъ нужды: на accusativus здѣсь могъ повліять косвенно и предшествующій infinitivus. Также не нужно было исправлять σταδιαδρόμος въ σταδι(ο)δρόμος, если только на камнѣ „alpha est clarissimum“ (Френкель,—у Каввадіаса стоитъ Ο).

Вообще въ трактованіи 1508 ABC Френкелю не повезло.

1509 А, В.

Здѣсь въ первый разъ изданы двѣ фрагментированныя записи, аналогичныя съ 1508 ABC.

- Α 1 — — — — — α [Τ]εν[εάτας
 2 — — — — — Ἄργ]εῖος τ[ραγωιδός.
 3 — — — — — Π]ολλᾶς (s. Ἄπ]ολλᾶς) Βίωνος [Τ]ενεάτας
 4 — — — — — ἐ]ρ[γολα]βήσας ἔλιπε.
 Β 5 Ἐπὶ ἀγωνοθέτα τῶν Ἀπολλωνιεῶν] καὶ Ἀσκληπιεῶν
 6 τοῦ δεῖνος· ὀφείλουσι τῷ θεῷ ζα]μιωθέντες καὶ πε-
 7 — — — — — Ἀντιφίλου Ἀθηναῖος

- 8 — — — — — ἐργο]λαβήσας [ἔ]λιπ[ε].
 9 — — — — — Ἀρίστας αὐλη[τῆς]
 10 — — — — — ἐργολα]βήσας [ἔ]λιπε.

Примѣчаніе—всего три слова: „titulus praecedenti aequalis“. Если „praecedens titulus“=всему № 1508, то тамъ вѣдь три записи, изъ которыхъ С отъ А отстоитъ, по Френкелю, на полтора столѣтія (я доказывалъ выше, что это невѣрно),—какой же въ такомъ случаѣ смыслъ въ настоящемъ примѣчаніи?! Если praecedens=1508 С, то такъ и слѣдовало сказать. Если я правъ въ моихъ соображеніяхъ, что 1508 С можно отнести къ концу II или началу I вѣка, и если вѣрно, что 1509 дѣйствительно по шрифту одного времени съ 1508 С (на слова Френкеля о шрифтѣ я почти нисколько не полагаюсь), то я могу предложить весьма для меня вѣроятное исправленіе въ 1509 АЗ. Въ дельфійскомъ спискѣ артистовъ, участвовавшихъ въ „знимихъ Сотиріяхъ“ GDI. 2569 (спискѣ, изданномъ пока еще съ разными неточностями и ошибками и относящемся къ концу II или началу I вѣка), называется „x]ωμωιδός Ἀπολλᾶς Φεναάτας“ (съ двумя синагонистами). Нѣтъ ли одной сомнительной буквы,—чтеніе Φεναάτας—прочнѣйшее. Я думаю, что и 1509 АЗ нужно читать Ἀπ]ολλᾶς Βίωνος [Φ]εναάτας, прибавляя раньше или послѣ слово [xωμωιδός]. Самъ Френкель говоритъ, что стрк. 1—4 трудно читаются, такъ какъ вырѣзаны хуже и болѣе мелкимъ шрифтомъ, чѣмъ 5—10 (стало быть даже и здѣсь объ одновременности—aequalis—не слѣдовало говорить). Для его [Τ]εναάτας стрк. 3-й онъ даетъ на первомъ мѣстѣ Т, т. е. лѣвую часть перекладины и вертикаль, которая съ перваго только взгляда говорятъ за Т. Въ стрк. 7 въ Ἀντιφίλωνъ буква Φ имѣетъ не обычную форму,—не съ пересѣченнымъ кругомъ, а съ пересѣченнымъ *полукругомъ*. Если та же форма была и въ стрк. 3, то, при трудности чтенія, Френкель легко могъ принять остатки такого ρhi за tau. Рѣчь въ 1509, несомнѣнно, идетъ о какихъ-то *артистаг*. Аполла, повидимому, заключилъ контрактъ (ἐργολαβήσας) съ епидаврійской агоноесией, по которому долженъ былъ явиться съ своей труппой—*συναγωνισταὶ* и *χορευταὶ κωμικοὶ*—для представленія комедіи на епидаврійскомъ праздникѣ, но на дѣлѣ не явился (ἔλιπε), за что и былъ подвергнутъ штрафу. Интересно, подтвердится ли мое исправленіе Френкеля новымъ сличеніемъ съ камнемъ. Если да, то предположенное тожество станетъ почти несомнѣннымъ, и тогда опредѣлится и время епидаврійской записи.

Къ Ἀντιφίλων Ἀθηναῖος 1059,7 годился бы, по времени, Ἀντίφιλος

'Αναφίλου Σκαμβωνίδης—эфивъ 119 года по CIA. II 469119 (Prosopogr. Att. I № 1274).

Въ 1509,9 „'Αρίστας“ Френкеля для меня очень сомнительно и какъ genit. feminini и какъ nomin. masculini (= 'Αριστᾶς?): если рядомъ слѣдуетъ ἀλλή[της], то на мѣстѣ ΑΡΙΣΤΑΣ ожидался бы димотивъ или иное обозначеніе происхожденія лица. Не остатокъ ли это отъ κθ]αριστᾶς Ἀὐλή — — ?

А. Никитскій.

ЗАМѢТКИ КЪ ТЕМУ ПОЭМЫ АЛЬДГЕЛЬМА „DE LAUDIBUS VIRGINUM“.

Занимаясь загадками Альдгельма, я имѣлъ возможность сличить три рукописи и большой поэмы этого автора de laudibus virginum или de virginitate, какъ она иногда озаглавляется въ кодексахъ. Рукописи эти суть: Петербургская F. v. XIV, I (R₁)—VIII в. ¹⁾, Парижская Национальной Библиотеки № 16700 (P₆)—IX-X в. ²⁾ и Санктгалленская № 242 (S)—X—XI в. ³⁾. Колляція этихъ рукописей дала мнѣ возможность исправить почти исключительно на основаніи возстановленія рукописнаго преданія рядъ нижеслѣдующихъ мѣстъ въ поэмѣ, въ послѣдній разъ изданной весьма небрежно Giles'омъ ⁴⁾.

Vv. 248—49 (Giles, p. 143).

Elias vates, quem tetra volumina Regum
Insingnem memorant virtutum tenuia fretum.

---

¹⁾ Описаніе ея дѣлалось неоднократно, ср. *Leo*, *Venanti Honori Clementianj Fortunati, presbyteri Italici, opera poetica* (Berolini 1881), VIII sqq; *Traube*, *O Roma nobilis* (München 1891), 29 sq.

²⁾ Описана мною въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1903, май, 188 сл. (отд. класс. фил.).

³⁾ Описана *Scherrer*'омъ въ *Verzeichniss der Handschriften der Stiftsbibliothek von St. Gallen herausgegeben auf Veranstaltung und mit Unterstützung des Kath Administrationsrathes des Kanton St. Gallen* (Halle 1875), 288 sq.

⁴⁾ Sancti Aldhelmi ex abbate Malmesburiensi episcopi Schireburnensis opera quae extant omnia e codicibus mss. emendavit, nonnulla nunc primum edidit *J. A. Giles* etc. Oxonii 1844. Считать нѣкоторыя изъ приводимыхъ ниже у Giles'a искаженій текста за опечатки я не имѣю права, такъ какъ текстъ Giles'a воспроизведенъ съ устраненіемъ собственныхъ опечатокъ и съ нѣкоторыми другими отступленіями у *Migne*'а въ *Patrologiae Latinae cursus completus*, LXXXIX.

Всякій признаеть, что *tenia* не имѣеть здѣсь никакого смысла. Рукописи P₆ и S даютъ весьма подходящее *tenia* (*taenia*), которое объясняется въ P₆, какъ *quae* (*qi-cod.*) *componunt* (*ue*) *tenent capillos feminarum*, а въ S *tenia e(st) extrema pars vitte (sic), et (sed?) hic pro aliquo ornamento ponitur*. Краткость а въ abl. такъ называемаго перваго склоненія не есть рѣдкость для Альдгельма, ср. напр. *aenigm.* 25 (*pent.* 8), 5 *Mox adamante Cypri praesente potentia fraudor; de l. virg.* 1143 *Mox aliam genitor concinnas machina scenam* и особ. 1201 *Dum vernam Domini sperat necromantia fretum* ¹⁾.

Vv. 272—75 (G. 143).

*Sed manet in templis paradisi hactenus heros.
Eliam colit, ut superis in sedibus Henoch,
Quem rapuit quondam divina potentia caeli,
Lurida ne mundi pateretur damna nefandi.*

Въ этихъ стихахъ прежде всего слѣдуетъ заподозрить безукоризненное на первый взглядъ *templis* въ ст. 272, такъ какъ глоссы объясняютъ это, какъ *locis amoenis* (P₆) или *umbraculis* (S), согласно съ чѣмъ рукописи даютъ *tempis* ²⁾. Затѣмъ, принимая интерпункцію Gilles'a, читатель будетъ тщетно доискиваться смысла и соблюденія размѣра въ 273 ст., но Альдгельмъ вмѣсто *Eliam* написалъ *Elysium*, согласно съ чѣмъ послѣ *heros* (ст. 272) должна быть поставлена только запятая, а въ ст. 273 всякая интерпункція уничтожается. Такимъ образомъ все мѣсто должно читаться такъ:

*Sed manet in tempis paradisi hactenus heros,
Elysium colit ut superis in sedibus Henoch* и т. д.

Vv. 353—4 (G. 145—46). О пророкѣ Даниилѣ:

*Atque sacerdotes populo sub fraude sacelli
Fallentes pariter multavit morte cruenta.*

Вмѣсто необъяснимаго падежа *populo* рукописи даютъ вполне понятное дополнение къ *fallentes*—*populum*.

V. 474 (G. 149). О чудесахъ евангелиста Иоанна:

Harmoniam surdi sumpserunt aure sonoram

¹⁾ Подобное сокращеніе а встрѣчается уже у Коммодіана, *carm. apologet.* 584 (579) по изданію *Домбарта*.

²⁾ У *Neue-Wagener, Formenlehre* 1³, 484 и 724 упоминается только о ном. plur. *Tempes*.

Sonora-epitheton otiosum къ harmonia, поэтому гораздо лучше рукописное sonorum.

Vv. 519—20 (G. 150). Объ евангелистѣ Лукѣ:

Et scelerum facinus, quae mentis vulnera patrant,
Discipulus Pauli Scripturae *dogmati* dempsit

Очевидно, вмѣсто дат. над. *dogmati* требуется творительный — *dogmate* (какъ и даютъ рукописи), указывающій способъ, какимъ апостоль исцѣлялъ сердечныя раны.

V. 600 (G. 152). О старухѣ, приснившейся императору Константину и знаменующей собою Византию:

Insuper hanc mortis iam sors *multarat* acerba.

Сослагательное наклоненіе, въ данномъ случаѣ, совершенно неумѣстно. Рукописи—*multarat*.

Вообще въ этомъ эпизодѣ много неправильностей, которыя легко устранимы при справкѣ съ рукописнымъ предмѣемъ. Такъ, дальше Альдгельмъ рассказываетъ, что Константинъ во снѣ украшаетъ женщину разными драгоценностями, какія носятъ царицы (vv. 610—11):

Et peplo chlamydis nec non cycladibus ornat,
Ut regina *gerat* rubicunda crepundia collo.

Понятно, что вмѣсто *gerat* рукописи даютъ единственно правильное *gerit*. Затѣмъ мать Константина, Елена, разъясняетъ сыну значеніе сна (v. 614): Sic ait Augusto depromes *omnia* somni. *Omina* est, конечно, неправильное разръшенное сокращеніе вмѣсто *omnia*, именно *omnia*=*om̄a*, *omina*=*om̄a* ¹⁾. Окончательный смыслъ сновидѣнія разъясняетъ императору папа Сильвестръ, говоря между прочимъ (vv. 635—36):

Constantinopolis post haec vocitetur in acvum,
Nomine nempe tuo *gestat* per saecula triumphos.

Въ соответствіи съ *vocitetur* въ рукописяхъ стоятъ *gestet*.

¹⁾ Кстати, сокращеніе *omina* отсутствуетъ въ специальномъ *Dizionario di abbreviature latine ed italiane* per cura di A. Cappelli (въ серіи *Manuali Hoepli, Milano* 1899). Обратное сжѣщеніе (т. е. *omina* вм. *omnia*) имѣется, напр., въ рукописяхъ Тибулла (I, 3, 12).

Vv. 771—72 (G. 157). О св. Антоніи Фивандскомъ:

Qualiter ut medicus populorum pestibus obstans
Morbida sanatis *renovaret* viscera fibris

Вмѣсто *renovaret* согласно съ рукописями слѣдуетъ читать *renovarit*, чѣмъ достигается полное соотвѣтствіе съ стоящими выше *effulserit* (v. 767) и *curarit* (v. 768).

Vv. 805—09 (G. 158). Житіе св. Пларіона, которое издано вообще очень неудачно:

Quique *titillantes* sprevit primordia luxus
Prima iuventutis calcans ludicra severe.
Claruit Aegypto, quod *strictum* carmine pando,
Nam gipsum, miseros quod dudum faucibus atris
Sorbuīt indigenas, flammis combussit *enorme*.

Прежде всего, согласно съ рукописями, *titillantes* должно быть отнесено къ *luxus* и измѣнено на *titillantis*. Далѣе, въ 807 стихѣ *strictum* не имѣетъ смысла, и подъ нимъ кроется нарѣчіе *strictim*, что опять имѣется въ рукописяхъ. Наконецъ, *gipsa* въ значеніе змѣи, есть слово женскаго рода, почему въ 808 ст. слѣдуетъ измѣнить *gipsum* и *quae*, а въ 809 *snormen*, или, согласно съ общепринятой въ рукописяхъ орфографіей, *inormem* ¹⁾.

Въ 806 ст., кромѣ того, извѣстными мѣстными рукописи даютъ *severus* вмѣсто *severe*.

Нѣсколько ниже (vv. 813—14) въ томъ же житіи св. Пларіона стоитъ:

Aequora per vitreos bullirent *turgida* campos,
Priscaque *turgescens* non nosset litora pontus.

Въ рукописяхъ устранено неловкое повтореніе почти рядомъ двухъ словъ одного и того же корня тѣмъ, что въ первомъ стихѣ вмѣсто *turgida* стоитъ *turbida*.

V. 827 (G. 158). Sic quoque in Aegypto fertur *vexisse* Ioannes.
Конечно, *vixisse*.

V. 842 (G. 159). Imperium *mundo* florens cum Roma teneret.

Вмѣсто *mundo* слѣдуетъ взять даваемое рукописями *mundi*.

¹⁾ Написаніе весьма обычное, ср. *Schuchardt, Vocalismus*, I, 306; *Archiv. f. lat. Lexikographie*, IX, 386; *Indices къ Poetae Latini medii aevi*, vv. I et III.

V. 874 (G. 160).

Cuius *praeclarum* pandens ab origine vitam.

Разумѣтся, *praeclaram*.

Vv. 888—89 (G. 160). О свв. Гервасіи и Протасіи:

Quos simul invenit sanctus monstrante beato
Ambrosius Paulo *pulsantes* carne sepulta.

Вмѣсто *pulsantes* кодексы представляютъ единственно возможное *pausantes* = *requiescentes* ¹⁾, по объясненію глоссы S. Тотъ же глаголь надо возстановить и въ 1244 ст. Et simul in *crypta pamsant* sablone sepulti.

V. 955 (G. 162).

Sic quoque crudescens multabat *poena* secundum.

Конечно, *poena*.

V. 961 (G. 162).

Qualiter Altithronus pellaces plecteret *astus*.

Гораздо болѣе понятенъ стоящій въ рукописяхъ *abl. limit. astu*.

V. 988 (G. 163).

Hoc *gestum* ludis *apicum* sed *seria* *firmant*.

Множ. ч. *firmant* могло проникнуть въ текстъ только вслѣдствіе непониманія значенія слова *seria*, которое правильно истолковываетъ глосса S, какъ *ordo librorum* ²⁾.

V. 996 (G. 163).

Quem *idem* schismatici spissa fallente *caterva*.

Конечно, метръ можетъ выйти только въ томъ случаѣ, если принять въ текстъ рукописное *idem*.

Vv. 1026—27 (G. 164). О св. Аѳанасіи:

Delituit senis annorum cursibus *extra*
Cisternae latebram descendens usque profundam.

Вмѣсто невозможнаго *extra* рукописи даютъ *intra* и *ultra*, изъ ко-

¹⁾ Слово, часто встрѣчающееся у Целія Аврелиана, напр. *cum dolor pausaverit, pausat dolor caritatis* и т. д.

²⁾ До сихъ поръ указывался только одинъ примѣръ именит. пад. въ этой формѣ, именно CIL. VII 39: *longa seria* *anagogum*. Ср. *Neue, Formenlehre*, I³, 568.

торыхъ болѣе, кажется, подходитъ второе. Ср. о томъ же самомъ прозаич. сочиненіи Альдгельма de laudib. virginib., гл. 32.

V. 1039 (G. 164).

Princeps imperium qui Romae *regerat* amplum.

Конечно, *regerat*.

V. 1048 (G. 164).

Ducitur *angustam* quapropter praesul ad aulam.

Въ рукописяхъ правильнѣе *angustam*, какъ показываетъ слѣдующій стихъ: *ut vice verborum strabo cum rege loquatur*.

V. 1055 (G. 164). О св. Вавилѣ:

Nec blandimentis inclinat colla *sacelli*.

Рукописи *sacellis*, что глосса Р₆ объясняетъ, какъ *execrabilibus*. Замѣчу кстати, что уменьшительное *sacellus*, а, имъ доселѣ приводилось въ словаряхъ только изъ Приціана (110, 27 К.).

V. 1065 (G. 165).

Aethera *glauca* petit *devecta* morte triumphans.

Конечно, *devicta*.

V. 1106 (G. 166).

Et *sacramentorum* fornacem fomite farcit.

Разумѣется, *sacramentorum*, иначе стихъ становится кощунственнымъ.

V. 1135 (G. 167).

Flagitium sceleris baptismi *didicit* unda.

Въ рукописяхъ гораздо вѣрнѣе *diluit*, ср. vv. 409—410: *Baptista Tonantem Diluit aequoreis mergens in gurgite lymphis*.

V. 1158 (G. 167).

Mellia tunc roseis haerescunt labra labellis.

Стихъ этотъ, какъ Альдгельмъ самъ признается, отчасти взятъ имъ изъ Клавдіана (Epithal. Laurentii, v. 80), и, конечно, первое слово его—*mellea*. Ср. Manitius, Zu Aldhelm und Beda, 40.

V. 1206 (G. 169). О св. Даріи, съ которой сдирають кожу и подвергаютъ затѣмъ палящимъ лучамъ солнца:

Torrída sed Titan compressit fulmina *frendens*.

Рѣчь идетъ, разумѣется, не о скрежетѣ солнца, а объ его жарѣ, отсюда въ рукописяхъ стоитъ единственно возможное *feruens*.

V. 1236 (G. 169).

Si quisquam superet sanctum temerare pudorem (т. е. Дарин).

Рукописи *sacrum*, что вполне подходит съ синонимическому отгвнку этого слова ¹⁾. Ниже (v. 1252) Альдгельмъ подобнымъ же образомъ говоритъ *Martyribus sacris*.

V. 1264 (G. 170).

Cumque pater sobolem vetulam vidisset adultam.

Разумѣется, *vetulus*.

V. 1268 (G. 170). О св. Іуліанѣ, которому отецъ совѣтуетъ жениться для продолженія рода:

mallet si ditem ducere sponsam.

Конечно, *sponsam*.

V. 1398 (G. 174). Св. Іуліанъ и его товарищи ввергаются въ темницу, *qua damnatorum putrescens forte cadaver*. Въмсто *forte* рукописи имѣютъ гораздо болѣе выразительное *sorde*.

V. 1446 (G. 175). Послѣ смерти св. Іуліана и его товарищей къ ихъ могиламъ

Corpore calloso dein venire leprosi.

Конечно, *deni*; ср. въ проз. сочиненіи (гл. 36): *cum decem leprosi... venissent*.

V. 1462 (G. 175). О Паркахъ:

Mortali vitae fusaque rotante minantur.

Конечно, *fusoque*.

V. 1467 (G. 176). О св. Амосѣ:

Hic quondam offendit turgentem tempore Nilum.

Рукописи *quodam*, ср. v. 1770: *Tempore nam quodam fervescens ignibus Actna* и извѣстное начало церковнаго чтенія Евангелія.

¹⁾ Ср., напр., *Schultz, Lateinische Synonimik*, 56: „*Sacrum* ist nämlich das Heilige, als Eigenthum der Götter, den Göttern geweiht.

V. 1474 (G. 176).

Piscifer ut dudum momenti tempore vates (т. е. Авакумъ).

Кодексъ *discifer*, какъ и въ проз. сочиненіи *de laudibus virgin.*, гл. 37 (G. 50).

Vv. 1490—91 (G. 176).

*Tum genitor gaudens grassatur sospite nato
Actutum saevis reddens direpta rapinis.*

Рѣчь идетъ объ исцѣленіи св. Амосомъ юноши, укушеннаго бѣшеной собакой. Исцѣленіе это святой совершилъ подѣ условіемъ, чтобы отецъ отрока вернулъ одной бѣдной вдовѣ неправедно отнятое у нея достояніе, поэтому къ смыслу гораздо болѣе подходитъ рукописное *gratatur*.

Vv. 1497—98 (G. 176). Альдгельмъ рассказываетъ о другомъ чудѣ св. Амоса, именно, что двое обѣщали снести святому бочку, но одинъ обманулъ его и за это лишился верблюда, *sospite perfruitur sed verax alter asello, quo promissa seni compleerat vota benignus*. Конечно, истинно рукописное *qui*.

V. 1549 (G. 178).

Dum stimulant mortem bombosa voce phalanges

Разумѣется, *Martem*.

Vv. 2434—35 (G. 202).

*Nec non et morsum qui torvam carmine gypsam
Irritat.*

Конечно, не укусъ возбуждаетъ чарами змѣю, а волшебникъ, откуда *vm. morsum* надо читать *Marsum*: *Marsum dicimus qui malo carmine utitur, сообщаетъ глосса S.*

А. Маленинъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

<i>И. Измаковъ.</i> Краткій курсъ естественной исторіи	1
<i>А. Павловъ.</i> Учебникъ ботаники	4
<i>А. Anzrach & C. du Loup.</i> Recueil de morceaux choisis	6
<i>Бергъ, Ф.</i> Иллюстрированная естественная исторія	7

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Н. К. Больцовъ. О преподаваніи зоологіи въ германскихъ университететахъ	1
— Наши учебныя заведенія. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1902 году	43
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	84
С. И. Соболевскій. В. Г. Зубковъ (<i>некрологъ</i>)	98
Н. М. Могилянский. Д. А. Корочевскій (<i>некрологъ</i>)	108
— П. О. Ванновскій (<i>некрологъ</i>)	124

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

М. Н. Крашенинниковъ. <i>Vagia</i> (<i>продолженіе</i>)	97
Г. Э. Зенгеръ. „Пророкъ“ Пушкина въ переводѣ на латинскій языкъ	104
К. В. Хилинскій. <i>Laoi</i> въ Малой Азіи	106
А. В. Никитскій. Критическія замѣтки (<i>окончаніе</i>)	113
А. І. Маленинъ. Замѣтки къ тексту поэмы Альдгельма „ <i>De laudibus virginum</i> “	138

О ВЪЯВЛЕНІЯ. . . . . 1—2

Редакторъ **Э. Л. Радловъ**

(Вышла 1-го марта).

—*—

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогическія и науки, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургѣ 12 р. 75 к., съ пересылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу — 16 р. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобретать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902 и 1903 годы.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5 — 6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“; но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ на 1904 г.: безъ доставки 2 р. 50 к., съ доставкою 3 р.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССCLII.

1904.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Высочайшія повелѣнія	41
II. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	49
III. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія	75
IV. Опредѣленія учснаго комитета мин. нар. пр.	88
V. Опредѣленія особаго отдѣла учснаго комитета мин. нар. пр.	91
VI. Опредѣленія отдѣленія учснаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	101
И. К. Козминъ. О послѣдней редакціи поэмы М. Ю. Лермонтова „Демонъ“	189
С. А. Шумаковъ. Темные пункты исторіи русскаго права	206
В. И. Ламанскій. Олавянское житіе Св. Кирилла какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. XXVI—XXVIII	215
И. И. Аммонъ. „Невѣдомое“ въ поэзіи Тургенева	240

К Р И Т И К А И В И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

И. И. Коробка. Итоги Гоголевской юбилейной литературы. I	295
И. И. Лаппо. Витебскій центральный архивъ и его изданіе	326
А. П. Соболевскій. Zachodni-europejskie postanowienia pokutne w języku cerkiewnosłowiańskim. Napisał dr. Wacław Vondrák. W Krakowie. 1904	367
И. А. Максимейко. Къ вопросу о литовско-русскихъ сеймахъ	370
Г. А. Ильинскій. По поводу рецензиі ак. Соболевскаго	388
— Книжныя новости	393

О Т ДѢ Л Ъ П О Н А Р О Д Н О М У О Б Р А З О В А Н І Ю .

В. И. Фармаковскій. Дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія въ области начальнаго народнаго образованія въ последнее десятилѣтіе	1
В. А. Латышевъ. Экзамены въ начальной школѣ	62

Отзывы о книгахъ: А. Гускъ, Школьный ботаническій атласъ.— С. Павловъ, Вулканы.— Ф. Мартинъ, Три царства природы.— К. А. Писновъ, Востокъ и мномы.— И. И. Ивановъ, Разказы о ста-

См. 3-ю стр. обложки.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛII.

1904.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1904.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

5. (24-го сентября 1903 года). *Объ учрежденіи стипендіи Имени Его Императорскаго Величества при Елабужскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 24-й день сентября 1903 года, Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе ходатайства попечителя Казанскаго учебнаго округа объ учрежденіи при Елабужскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ, въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, стипендіи Имени Его Величества, на счетъ процентовъ съ капитала въ *триста тридцать пять* рублей, вырученныхъ отъ продажи составленной учителемъ-инспекторомъ названнаго училища Кутше и изданной почетнымъ смотрителемъ училища Гирбасовымъ книги подъ заглавіемъ: „Елабужское городское трехклассное училище (1809—1896 г.)“.

(Собр. узак. и расп. прав., 2-го декабря 1903 г., № 128, ст. 1979).

6. (29-го ноября 1903 года). *Объ учрежденіи при гимназій, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, стипендіи Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 29-й день ноября 1903 г., Высочайше со-

изволялъ на учрежденіе при гимназіи, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, стипендіи Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II, обезпечиваемой капиталомъ въ 3.600 руб., собраннымъ, по подпискѣ, чинами судебного вѣдомства, состоящими въ округѣ Нѣжинскаго окружнаго суда, и заключающимися въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты.

(Собр. узак. и расп. прав., 17-го февраля 1904 г., № 27, ст. 193).

7. (8-го декабря 1903 года). *О служебныхъ правахъ учителей пѣнія учительскихъ институтовъ и о дополнительномъ отпускѣ изъ казны по 300 руб. въ годъ на содержаніе учителя пѣнія въ Тифлисскомъ учительскомъ институтѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о служебныхъ правахъ учителей пѣнія учительскихъ институтовъ и о дополнительномъ отпускѣ изъ казны по 300 руб. въ годъ на содержаніе учителя пѣнія въ Тифлисскомъ учительскомъ институтѣ, Высочайше утвердить соизволялъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: за предѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о служебныхъ правахъ учителей пѣнія учительскихъ институтовъ и о дополнительномъ отпускѣ изъ казны по 300 р. въ годъ на содержаніе учителя пѣнія въ Тифлисскомъ учительскомъ институтѣ *мнѣніемъ положилъ:*

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Учители пѣнія учительскихъ институтовъ пользуются служебными правами и преимуществами, предоставленными, на основаніи статьи 1 отдѣла I Высочайше утвержденнаго, 11-го марта 1902 г., мнѣнія государственнаго совѣта (Собр. узак., ст. 514), учителямъ пѣнія учительскихъ семинарій.

II. Отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1904 г., на содержаніе учителя пѣнія въ Александровскомъ

учительскомъ институтѣ въ городѣ Тифлисѣ въ дополненіе къ ассигнуемымъ на сей предметъ средствамъ, по *триста* р. въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.
(Собр. узак. и расп. прав., 24-го февраля 1904 г., № 32, ст. 249).

8. (8-го декабря 1903 года). *Объ учрежденіи при Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства должности преподавателя садоводства и огородничества.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства должности преподавателя садоводства и огородничества, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, объ учрежденіи при Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства должности преподавателя садоводства и огородничества, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить съ 1-го января 1904 г. при институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи должность преподавателя садоводства и огородничества, замѣщаемую лицами съ высшимъ образованіемъ, съ присвоеніемъ этой должности всѣхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ преподавателямъ сего института, и оклада содержанія по 1.800 р. годъ.

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія, когда признаетъ полезнымъ, поручать означенному (отд. I) преподавателю садоводства и огородничества руководство лѣтними занятіями студентовъ по садоводству, а также устройство учебныхъ садовъ и садовыхъ учрежденій и завѣдываніе ими.

III. Вызываемый означенною въ отдѣлѣ I мѣрою ежегодный расходъ въ размѣрѣ *одной тысячи восьмисотъ* рублей относить, начиная съ 1904 года, на средства государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.
(Собр. узак. и расп. прав., 24-го февраля 1904 г., № 32, ст. 250).

9. (8-го декабря 1903 года). *О предоставленіи законоучителю и лицамъ женскаго пола, служащимъ въ состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны Кунгурской Елисаветинской женской руководъльной школѣ, пенсіонныхъ правъ, установленныхъ для служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи законоучителю и лицамъ женскаго пола, служащимъ въ состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны Кунгурской Елисаветинской женской руководъльной школѣ, пенсіонныхъ правъ, установленныхъ для служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ Сольскій.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи законоучителю и лицамъ женскаго пола, служащимъ въ состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны Кунгурской Елисаветинской женской руководъльной школѣ, пенсіонныхъ правъ, установленныхъ для служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, *мнѣніемъ положила:*

1. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Законоучитель состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны Кунгурской Елисаветинской женской руководъльной школы пользуется по пенсіи правами, присвоенными на основаніи статьи 1 отдѣла I Высочайше утвержденного, 24-го ноября 1902 г., мнѣнія государственнаго совѣта (Собр. узак., 1903 г. ст. 72) законоучителямъ православнаго исповѣданія женскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

2) Лица женскаго пола, служащія въ названной (п. 1) школѣ и имѣющія званія домашнихъ учительницъ или наставницъ, пользуются пенсіонными правами, присвоенными, согласно пунктамъ 1 и 3—8 статьи 392 Уст. Пенс. (Св. Зак., т. III, по прод. 1902 г.), соотвѣт-

ствующимъ должностнымъ лицамъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

II. Лицамъ, на которыхъ распространяется дѣйствіе отдѣла I, за честь въ срокъ выслуги на пенсію все время, проведенное въ занимаемыхъ ими въ Кунгурской Елисаветинской женской руководъльной школѣ должностяхъ до изданія настоящаго узаконенія, съ тѣмъ, чтобы: 1) удержанные съ этихъ лицъ въ капиталъ домашнихъ наставниковъ и наставницъ, учителей и учительницъ вычеты перечислялись, каждый разъ, при назначеніи пенсіи или единовременнаго пособія, изъ означеннаго капитала въ суммѣ государственнаго казначейства за время, подлежащее зачету; 2) съ тѣхъ лицъ, которыя не внесли вычетовъ въ указанный капиталъ, вычеты эти удерживались за все время, подлежащее зачету, и 3) чтобы сумма вычетовъ за все время, подлежащее зачету, опредѣлялась изъ установленныхъ, на основаніи отдѣла I настоящаго узаконенія, пенсіонныхъ окладовъ.

Подлинное мѣстѣе подѣисано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

(Собр. узак. и расп. прав., 24-го февраля 1904 г., № 32, ст. 255).

Именной Высочайшій указъ.

10. (15-го января 1904 года). *Объ утвержденіи постановленій о разрядѣ изящной словесности отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.*

Правительствующему Сенату.

Учредивъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, въ ознаменованіе исполнившагося въ 1899 году столѣтія со дня рожденія великаго русскаго писателя Пушкина, разрядъ изящной словесности и утвердивъ представленныя Намъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ президентомъ академіи постановленія о семь разрядѣ, мы повелѣли указомъ Нашимъ правительствующему сенату отъ 23 декабря того же года внести ихъ, какъ дополнительныя статьи, въ положеніе объ отдѣленіи русскаго языка и словесности.

Нынѣ, признавъ за благо утвердить, въ видахъ споспѣшествованія дальнѣйшему развитію дѣятельности разряда изящной словесности, вновь представленныя Намъ по ходатайству Его Императорскаго Высочества Великаго Князя президента академіи постановленія о семь разрядѣ, повелѣваемъ таковыя внести взаменъ дѣйствующихъ въ по-

ложене объ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
Въ С.-Петербургѣ 15 января 1904 года. „НИКОЛАЙ“.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
15 января 1904 года. „СОГЛАСЕНЪ“.

Постановленія о разрядѣ изящной словесности отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

1. Разрядъ изящной словесности, учрежденный въ память исполнившагося въ 1899 году столѣтія со дня рожденія Пушкина, составляетъ одно нераздѣльное цѣлое съ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

2. Въ память того же событія въ отдѣленіи русскаго языка и словесности образованы шесть новыхъ должностей ординарныхъ академиковъ, на которыя избираются какъ писатели-художники, такъ и ученые изслѣдователи въ области словесности.

3. Разрядъ изящной словесности составляютъ: 1) всѣ дѣйствительные члены отдѣленія русскаго языка и словесности, 2) почетные академики.

4. Въ почетные академики, въ числѣ не болѣе двѣнадцати, избираются выдающіеся русскіе писатели-художники, литературные критики и публицисты.

5. Выборы въ почетные академики происходятъ съ разрѣшенія президента Императорской Академіи Наукъ въ засѣданіи разряда изящной словесности, при чемъ въ одномъ засѣданіи не можетъ быть замѣщаемо болѣе двухъ вакансій.

6. Выборы въ почетные академики производятся примѣнительно къ тому порядку, какимъ избираются дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ, но избранные въ разрядъ изящной словесности почетные академики не представляются общему собранію академіи на окончательное избраніе.

7. Наличные члены разряда изящной словесности образуютъ изъ себя комиссію, которал, собравъ черезъ предсѣдательствующаго указанія членовъ о намѣчаемыхъ ими кандидатахъ, составляетъ затѣмъ списокъ лицъ, подлежащихъ по ея мнѣнію баллотировкѣ, съ изложениемъ къ сему основаній. При этомъ на каждую вакансію можетъ быть представлено къ баллотировкѣ не болѣе трехъ лицъ.

8. Въ засѣданіи, въ которомъ производится баллотированіе пред-

ставленныхъ комиссіею кандидатовъ, число присутствующихъ членовъ должно быть не менѣе двухъ третей всѣхъ членовъ разряда, проживающихъ въ С.-Петербургѣ.

9. Окончательно избраннымъ въ почетные академики признается тотъ кандидатъ, который при баллотировкѣ въ разрядъ изящной словесности соединить въ свою пользу мнѣнія не менѣе двухъ третей присутствующихъ въ собраніи членовъ.

10. Почетные академики получаютъ дипломъ на свое званіе за подписью президента Императорской Академіи Наукъ и предсѣдательствующаго въ отдѣленіи русскаго языка и словесности.

11. Предсѣдателемъ разряда изящной словесности является предсѣдательствующій въ отдѣленіи русскаго языка и словесности.

12. Засѣданіе разряда признается состоявшимся, если въ немъ принимаютъ участіе не менѣе двухъ третей всѣхъ членовъ разряда, проживающихъ въ С.-Петербургѣ.

13. Члены, желающіе сдѣлать сообщеніе въ засѣданіи разряда, извѣщаютъ о томъ предсѣдательствующаго.

14. Почетнымъ академикамъ предоставляется, съ разрѣшенія разряда изящной словесности или по его порученію, произнесеніе рѣчей въ публичныхъ засѣданіяхъ, какъ отдѣленія русскаго языка и словесности, такъ и Императорской Академіи Наукъ.

15. Изъ числа почетныхъ академиковъ избираются члены комиссій по присужденію Пушкинской и другихъ премій за литературные труды. Сверхъ сего, почетные академики имѣютъ право въ засѣданіяхъ разряда дѣлать представленія о тѣхъ оконченныхъ печатаніемъ за послѣдніе три года сочиненіяхъ, авторы коихъ, по ихъ мнѣнію, заслуживаютъ почетнаго отзыва отъ академіи.

16. Занятія разряда изящной словесности могутъ выражаться: 1) въ трудахъ по изданію сочиненій русскихъ писателей; 2) въ собраніи біографическихъ и бібліографическихъ матеріаловъ о русскихъ писателяхъ и въ содѣйствіи къ образованію при Императорской Академіи Наукъ архива документовъ, относящихся къ личности и дѣятельности умершихъ выдающихся писателей; 3) въ участіи членовъ въ извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности или въ отдѣльномъ органѣ разряда изящной словесности, посвященномъ литературной критикѣ; 4) въ участіи членовъ въ юбилейныхъ сборникахъ, издаваемыхъ академіею по случаю знаменательныхъ для русской литературы годовщинъ.

17. Отдѣленіе русскаго языка и словесности присуждаетъ почет-

ными академикамъ Пушкинскія золотыя медали за ихъ труды по академіи.

18. Почетные академики получаютъ всѣ изданія отдѣленія русскаго языка и словесности.

19. Могущіе образоваться остатки отъ содержанія шести ординарныхъ академикомъ, избираемыхъ на должности, учрежденныя въ память столѣтія со дня рожденія Пушкина (ст. 2), употребляются, по выбору отдѣленія русскаго языка и словесности, на поддержаніе научной дѣятельности, главнымъ образомъ, молодыхъ ученыхъ, посвящающихъ себя изученію предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій сего отдѣленія.

(Собр. узак. и расп. прав., 20-го февраля 1904 г., № 29, ст. 232).

11. (9-го февраля 1904 года). *О правахъ по отбыванію воинской повинности воспитанниковъ тѣхъ двухклассныхъ приходскихъ, по уставу 1828 года, училищъ, въ коихъ примѣняются установленныя министерствомъ народнаго просвѣщенія для двухклассныхъ сельскихъ училищъ программы преподаванія.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ по отбыванію воинской повинности воспитанниковъ тѣхъ двухклассныхъ приходскихъ, по уставу 1828 года, училищъ, въ коихъ примѣняются установленныя министерствомъ народнаго просвѣщенія для двухклассныхъ сельскихъ училищъ программы преподаванія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ Сольскій.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о правахъ по отбыванію воинской повинности воспитанниковъ тѣхъ двухклассныхъ приходскихъ, по уставу 1828 года, училищъ, въ коихъ примѣняются установленныя министерствомъ народнаго просвѣщенія для двухклассныхъ сельскихъ училищъ программы преподаванія, мнѣніемъ положилъ:

Воспитанникамъ тѣхъ двухклассныхъ приходскихъ, по уставу 1828 года, училищъ, въ которыхъ примѣняются программы преподаванія не ниже установленныхъ министерствомъ народнаго просвѣще-

нія для двухклассныхъ сельскихъ училищъ, предоставить права по отбыванію воинской повинности, присвоенныя воспитанникамъ сихъ послѣднихъ училищъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(17-го января 1904 года, № 6). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Казакинъ*—директоромъ Варшавскаго частнаго реальнаго училища А. А. Дмоховскаго, съ 1-го января.

Опредѣляется на службу, докторъ медицины *Ростовцевъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго университета, по кафедрѣ оперативной хирургіи.

Назначаются: директоръ Варшавской второй мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Олутменко*—окружнымъ инспекторомъ Варшавскаго учебнаго округа, съ 1-го января; гофмейстеръ Высочайшаго Двора *Арановъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Пензенской второй гимназіи, съ 15-го октября 1903 г., на три года, съ оставленіемъ его гофмейстеромъ; инспекторъ Бобровской четырехклассной прогимназіи, статскій совѣтникъ *Петровъ*—директоромъ Бобровской шестиклассной прогимназіи; привать-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, преподаватель С.-Петербургской первой гимназіи, докторъ всеобщей исторіи, коллежскій совѣтникъ *Васильевъ*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго университета, по кафедрѣ всеобщей исторіи; привать-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ гражданскаго права *Васковскій*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по кафедрѣ гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства; директоръ Евпаторійской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Богдановичъ*—директоромъ Евпаторійской гимназіи.

Утверждаются: надворный совѣтникъ князь *Андрониковъ* и коллежскій ассессоръ *Струковъ*—почетными попечителями гимназій: первый—Батумской Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, а второй—вновь, Старобѣльской Александровской, оба согласно избранію, на три года, изъ нихъ Струковъ съ 16-го де-

кабря 1903 г.; исправляющій должность профессора Восточнаго института, магистръ китайской словесности *Рудаковъ*—въ исправляемой имъ должности.

Перемѣщается директоръ народныхъ училищъ Подольской губерніи, статскій совѣтникъ *Войцеховскій*—директоромъ народныхъ училищъ Черниговской губерніи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Дружининъ*.

(5-го февраля 1904 года, № 9). По Одесскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи *Юрачевъ*—съ 1-го іюня 1903 г.; преподаватель исполняющій обязанности инспектора Керченской гимназіи *Зубаловъ*—съ 1-го августа 1903 г.; учителя гимназій: Одесской Ришельевской, *Акимовичъ*—съ 29-го августа 1903 г., Ялтннской, *Соболевъ*—съ 15-го сентября 1901 г., Одесскаго 1-го реального училища *Блумбергъ*—съ 1-го сентября 1903 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Таврической губерніи *Безклубенко*—съ 15-го октября 1900 г.; учителя: гимназій: Екатеринославской, *Пихре*—съ 12-го мая 1903 г., Одесской Ришельевской, *Смѣльницкій*—съ 1-го іюля 1903 г., Бахмутской женской, *Литвинскій*—съ 15-го августа 1902 г. и Херсонскаго реального училища, *Бубаръ-Рунисъ*—съ 9-го іюня 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Бессарабской губерніи *Дьяловъ*—съ 1-го августа 1899 г.; учителя: гимназій: Евпаторійской—*Бакуменко*—съ 1-го сентября 1902 г., Керченской, *Палещкъ*—съ 1-го августа 1902 г., Севастопольской прогимназіи, *Кейсерли*—съ 31-го марта 1903 г., реальныхъ училищъ: Мелитопольскаго (бывшій, нынѣ учитель Батумской гимназіи), *Буйницкій*—съ 1-го августа 1902 г., Симферопольскаго, *Крестіантоль*—съ 15-го августа 1902 г. и Александровскаго средняго механико-техническаго училища, *Бяляевъ*—съ 4-го августа 1902 г.; наставники учительскихъ семинарій: Новобугской, *Симоновъ*—съ 12-го марта 1903 г. и Преславской, *Олижновичъ*—съ 1-го августа 1902 г.; врачи: Измаильской прогимназіи, *Фетовъ*—съ 30-го октября 1902 г., Анапьевскаго однокласснаго еврейскаго начальнаго училища, *Лихтерманъ*—съ 24-го апрѣля 1903 г.; учитель-инспекторъ Вилковскаго городского трехкласснаго училища *Пальченко*—съ 1-го августа 1903 г.; учитель-завѣдывающій Одесскимъ

1-мъ еврейскимъ начальнымъ училищемъ *Сезаль*—съ 15-го февраля 1887 г. и учитель Симферопольскаго городского пятикласснаго училища *Калениченко*—съ 1-го сентября 1903 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: врачи: Бобринецкаго городского четырехкласснаго училища, *Константиновскій*—съ 23-го октября 1900 г., Кишиневскихъ приходскихъ училищъ, *Френкель*—съ 28-го августа 1899 г.; учителя Аккерманскаго городского пятикласснаго училища, *Овсьенко*—съ 1-го іюля 1901 г. и Одесскаго 1-го еврейскаго начальнаго училища, *Моринъ*—съ 24-го мая 1900 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Бахмутской мужской гимназіи *Малыцкій*—съ 4-го октября 1903 г.; надзиратель Симферопольской татарской учительской школы *Зубковскій*—съ 22-го іюня 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учителя городскихъ училищъ: Николаевскаго шестикласснаго, *Гусельниковъ* (сверхштатный)—съ 1-го августа 1900 г., Кишиневскаго 1-го трехкласснаго, *Крамаренко*—съ 1-го іюля 1903 г.; учитель приговорительнаго класса Евпаторійской прогимназіи *Скульскій*—съ 4-го іюля 1903 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Севастопольскаго Константиновскаго реальнаго училища *Васильевъ*—съ 23-го февраля 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: архитекторъ при управленіи учебнаго округа *Шмидтъ*—съ 1-го сентября 1903 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: почетные смотрители городскихъ училищъ: Тираспольскаго четырехкласснаго, *Кардамичъ*—съ 26-го апрѣля 1903 г., Николаевскаго шестикласснаго, *Властелица*—съ 13-го октября 1902 г.; письмоводитель и бухгалтеръ Александровскаго средняго механико-техническаго училища *Ивановъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; учителя городскихъ училищъ: Николаевскаго шестикласснаго, *Додоръ* (сверхштатный)—съ 5-го декабря 1898 г.; Кишиневскаго 1-го трехкласснаго, *Арбузовъ*—съ 24-го августа 1901 г. и Симферопольскаго пятикласснаго, *Котляревскій*—съ 26-го октября 1901 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: мужскихъ гимназій: Екатеринославской, *Ланецскій*—съ 14-го апрѣля 1899 г., Кишиневской 1-й, *Гейко*—съ 21-го іюля 1899 г., Луганской: *Орловъ*—съ 24-го ноября 1898 г. и *Бондиръ*—съ 25-го іюня 1899 г., Павлоградской, *Костенко*—съ 21-го іюля 1899 г., Оеодосійской (бывшій, нынѣ учитель Екатеринославскаго коммерческаго училища) *Йогансонъ*—съ 5-го августа 1898 г., Павлоградской женской, губернской секретарь *Трохимовичъ*—съ 1-го сентября 1899 г., Вознесенской прогимназіи *Скворцовъ*—съ 21-го іюля 1899 г.; завѣдующій

учебными мастерскими Александровскаго средняго механико-техническаго училища *Бейнартъ*—съ 20-го октября 1898 г.; *коллежскаго секретаря*: учителя городскихъ училищъ: Севастопольскаго шестикласснаго, *Севастьяновъ*—съ 1-го іюля 1899 г., Аккерманскаго пятикласснаго, *Щербина*—съ 22-го сентября 1898 г., Александровскаго четырехкласснаго, *Галенчикъ*—съ 16-го августа 1899 г., Екатеринославскаго четырехкласснаго (сверхштатный), *Зиновьевъ*—съ 1-го іюля 1899 г., Никопольскаго трехкласснаго, *Ивановъ*—съ 1-го іюля 1899 г.; помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Николаевскаго Александровскаго, *Яковскій*—съ 12-го октября 1899 г. и Одесскаго св. Павла, *Чепельскій*—съ 18-го декабря 1899 г.; *коллежскаго регистратора*: помощникъ учителя Алешковскаго городского четырехкласснаго училища *Калининъ*—съ 27-го іюля 1899 г. и бывший помощникъ учителя городского училища, нынѣ учитель-завѣдующій Григоріопольскимъ городскимъ двухкласснымъ училищемъ *Мусіенко*—съ 19-го августа 1898 г.

По Кіевскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе советники*: инспекторы гимназій: Черниговской, *Сушицкій*—съ 16-го февраля 1903 г. и Полтавской, *Кашинуровъ*—съ 20-го августа 1902 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Кіевского реального училища св. Екатерины *Рамматъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; преподаватель гимназій, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ *Рышча*—съ 7-го декабря 1902 г.; учителя гимназій: Кіевской 2-й: *Діаконенко*—съ 6-го марта 1903 г. и *Лихотинскій*—съ 9-го марта 1903 г., Кіевской 3-й, *Ляскоронскій*—съ 23-го февраля 1903 г., Новозыбковскаго реального училища, *Ретиеръ*—съ 28-го января 1903 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*: инспекторъ народныхъ училищъ 8-го района Черниговской губерніи *Гордіевскій*—съ 10-го января 1902 г.; учитель Лубенской гимназій *Вольфбельдтъ*—съ 22-го февраля 1903 г.; помощникъ прозектора при кафедрѣ оперативной хирургіи Императорскаго университета св. Владимира, приватъ-доцентъ *Качковскій*—съ 27-го мая 1903 г.; врачъ Полтавскаго трехкласснаго городского училища *Шубертъ*—съ 13-го іюня 1902 г.; преподаватель Немировской гимназій *Маларенко*—съ 1-го января 1903 г.; наставники Дедеркальской учительской семинаріи: *Яворовскій*—съ 13-го октября 1902 г. и *Маневичъ* (онъ же Лукащукъ)—съ 22-го сентября 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*: преподаватель Новозыбковскаго реального учи-

лица. *Радзимовскій*—съ 1-го сѣтября 1901 г.; секретарь правленія Императорскаго университета св. Владимира *Сыщицскій*—съ 1-го іюля 1902 г.; сверхштатный лаборантъ и приватъ-доцентъ по предмету химіи того же университета *Михайленко*—съ 10-го декабря 1901 г.; лаборантъ фармацевтической лабораторіи того же университета *Галецкій* съ 26-го мая 1903 г.; бывший помощникъ прозектора при кафедрѣ патологической анатоміи того же университета, нынѣ въ отставкѣ *Литваревъ*—съ 6-го марта 1900 г.; преподаватель Житомирской 2-й гимназіи *Субочъ*—съ 6-го іюля 1902 г.; учителя: Лубенской гимназіи; *Зининъ*—съ 1-го іюля 1902 г., *Даниловъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Черниговскаго реального училища, *Форнэ*—съ 26-го марта 1894 г.; преподаватели женскихъ гимназій: Новозыбковской, *Марковскій*—съ 1-го октября 1901 г., Черниговской, *Доброговскій*—съ 23-го іюля 1902 г.; врачъ Бордичевскаго еврейскаго двухкласснаго начальнаго училища *Щеренцисъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; учитель-инспекторъ Миргородскаго трехкласснаго городского училища, *Морозовъ*—съ 6-го іюля 1901 г.; штатный смотритель Барскаго двухкласснаго училища *Дмитренко*—съ 10-го декабря 1901 г.; преподаватель Нѣжинскаго низшаго технического училища имени А. Ф. Кушакевича *Милоченко*—съ 15-го января 1903 г.; врачъ Кіевскаго реального училища св. Екатерины *Свенсонъ*—съ 23-го ноября 1901 г.; преподаватель Полтавской Маріинской женской гимназіи *Подаревскій*—съ 3-го октября 1901 г.; врачъ Дедекральской учительской семинаріи *Михалевиць*—съ 7-го февраля 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: помощникъ классныхъ наставниковъ Лубенской гимназіи *Малларевскій*—съ 1-го апрѣля 1903 г.; сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ медицинской химіи Императорскаго университета св. Владимира, лекарь князь *Трубецкой*—съ 26-го февраля 1900 г.; бывший штатный ординаторъ акушерской факультетской клиники того же университета, приватъ-доцентъ докторъ медицины *Яхонтовъ*—съ 4-го апрѣля 1901 г.; бывший ординаторъ акушерской клиники того же университета, нынѣ въ отставкѣ *Лозинскій*—съ 9-го октября 1900 г.; помощникъ инспектора студентовъ того же университета *Красинскій*—съ 24-го сѣтября 1900 г.; помощникъ бібліотекаря того же университета—*Дверницкій*—съ 4-го марта 1903 г.; врачъ Кременчугскаго четырехкласснаго городского училища *Соловейчикъ*—съ 17-го мая 1900 г.; штатный смотритель Могилевскаго двухкласснаго городского училища *Пантюховъ*—съ 1-го февраля 1902 г.; учитель приготовительнаго класса Луцкой прогимназіи *Кленчиновъ*—съ 1-го сѣтября 1901 г.; врачъ

Кременчугскаго двухкласснаго еврейскаго народнаго училища *Лихтенштейнъ*—съ 7-го августа 1900 г.; учитель-завѣдующій Пирятинскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ *Храбровъ*—съ 3-го сентября 1902 г.; учитель приготовительнаго класса Кіевской 3-й гимназіи *Войтовичъ*—съ 13-го декабря 1902 г.; врачи: Кіевской 3-й гимназіи, *Москалевъ*—съ 15-го марта 1900 г., Кіевскаго 1-го городского двухкласснаго училища, *Кальмиць*—съ 5-го января 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титულлярные совѣтники*: помощникъ классныхъ наставниковъ Кіевской 4-й гимназіи *Захарченко*—съ 27-го января 1903 г.; учитель Сквирскаго городского двухкласснаго училища *Булаковъ*—съ 9-го декабря 1892 г.; исправляющій должность воспитателя пансіона при Полтавской гимназіи *Колпашищевъ*—съ 10-го февраля 1901 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Полтавской гимназіи: *Кармазинъ*—съ 30-го августа 1901 г., Новозыбковскаго реальнаго училища, *Мионовичъ*—съ 1-го февраля 1899 г. и *Кореняка*—съ 14-го февраля 1901 г.; учитель приготовительнаго класса Кіевской 2-й гимназіи и надзиратель за учениками общей ученической квартиры *Аболь*—съ 6-го октября 1900 г.; хранитель зоологическаго кабинета Императорскаго университета св. Владиміра *Семенкевичъ*—съ 31-го мая 1892 г.; сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ механики и приватъ-доцентъ того же университета *Воронецъ*—съ 10-го марта 1901 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ 2-й Житомирской гимназіи *Бычковскій*—съ 1-го февраля 1901 г.; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ Полтавской гимназіи, нынѣ въ отставкѣ *Курдимановъ*—съ 5-го сентября 1901 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: помощникъ классныхъ наставниковъ Кіевской 2-й гимназіи *Процкинъ*—съ 7-го мая 1902 г.; учитель приготовительнаго класса Лубенской гимназіи *Роменскій*—съ 1-го апрѣля 1899 г.; учитель-завѣдывающій Константиноградскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ *Журковскій*—съ 28-го сентября 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: Лохвицкаго, *Хомутовъ*—съ 20-го сентября 1898 г.; Кременчугскаго четырехкласснаго, *Каплюченко*—съ 7-го октября 1901 г., Балтскаго двухкласснаго, *Бодаиновъ*—съ 1-го января 1900 г., Староконстантиновскаго двухкласснаго: *Бьлашъ*—съ 22-го августа 1901 г. и *Федоровъ*—со 2-го ноября 1901 г.; письмоводитель Роменскаго реальнаго училища *Алчевскій*—съ 16-го іюня 1903 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: письмоводитель медицинскаго факультета Императорскаго университета св. Владиміра *Румянцевъ*—съ 1-го января 1903 г.; бывшій помощникъ учителя, нынѣ учитель Кобелякскаго трехкласс-

наго городского училища *Подрушній*—съ 1-го октября 1899 г.; писмоводитель 4-й Кіевской гимназіи *Бабинскій*—съ 27-го января 1903 г.; учитель графическихъ искусствъ Могилевскаго (Подольской губерніи) двухкласснаго городского училища *Сантурскій*—съ 1-го января 1892 г.; экономъ и смотритель дома пансіона при Острожской гимназіи *Кондратьевъ*—съ 23-го марта 1901 г.; учитель графическихъ искусствъ Уманскаго двухкласснаго городского училища *Корженковъ*—съ 1-го октября 1899 г.; учитель приготовительнаго класса Черкаскаго двухкласснаго городского училища *Радзівевскій*—съ 1-го сентября 1888 г.; учитель-завѣдующій Лебединскимъ двухкласснымъ приходскимъ училищемъ *Иваницкій*—съ 1-го сентября 1888 г.; учитель Лебединскаго двухкласснаго приходскаго училища *Кострицко-Терешкевичъ*—съ 15-го сентября 1890 г.; учитель графическихъ искусствъ Балтскаго двухкласснаго городского училища *Цимбаллистовъ*—съ 3-го августа 1874 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: экономъ при пансіонѣ Златопольской гимназіи *Грушевскій*—съ 1-го сентября 1901 г.; помощникъ бухгалтера Императорскаго университета св. Владиміра *Полвой*—съ 30-го мая 1903 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: преподаватели Житомирской 2-й гимназіи: *Коломойцовъ*—съ 1-го іюля 1899 г. и *Бусаровъ*—съ 17-го декабря 1898 г.; наставникъ студентовъ и преподаватель историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ *Мартовъ*—съ 1-го августа 1898 г.; преподаватели: Прилуцкой гимназіи, *Шкуратовъ*—съ 25-го января 1899 г., Винницкаго реального училища, *Аристовъ*—съ 1-го ноября 1898 г., Немировской гимназіи, *Запорожецъ*—съ 8-го января 1899 г., Житомирской 1-й гимназіи, *Ширецъ*—съ 13-го января 1899 г.; воспитатель пансіона при Полтавской гимназіи *Дмитревскій*—съ 12-го сентября 1898 г. и воспитатель и преподаватель коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ *Кожинъ*—съ 1-го ноября 1898 г.; *титულлярнаго совѣтника*: прозекторъ при кафедрѣ патологической анатоміи Императорскаго университета св. Владиміра *Недѣльскій*—съ 30-го марта 1888 г. и помощникъ прозектора при кафедрѣ нормальной анатоміи того же университета *Радецкій*—съ 30-го ноября 1898 г., оба по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*: сверхштатный лаборантъ при физическомъ кабинетѣ Императорскаго университета св. Владиміра *Давильковскій*—съ 3-го декабря 1898 г. и хранитель минералогическаго кабинета того же университета *Крыжановскій*—съ 20-го августа 1900 г., оба по диплому 1-й степени Императорскаго университета; учителя:

Кобылякского трехкласснаго городского училища, *Куликъ*—съ 1-го декабря 1897 г. и Лубенскаго двухкласснаго городского училища *Пинчукъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Немировской гимназій, *Добржанскій*—съ 1-го мая 1899 г. и Житомирской 1-й гимназій, *Подвысоцкій*—съ 1-го іюля 1899 г.; *губернскаго секретаря*: учителя городскихъ двухклассныхъ училищъ: Луцкаго, *Кошаровскій*—съ 20-го января 1899 г., Каменецъ-Подольскаго, *Намильда*—съ 1-го января 1897 г., Заславскаго, *Гой*—съ 10-го октября 1898 г.; *коллежскаго регистратора*, учитель графическихъ искусствъ Брацлавскаго двухкласснаго городского училища *Григорьевъ*—съ 25-го августа 1895 г.

Переименовывается: въ титулярные совѣтники, преподаватель Луцкой прогимназій, штабсъ-капитанъ запаса арміи *Россоитовскій*—съ 6-го мая 1900 г.

По Виленскому учебному округу. *Производятся* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, преподаватель Виленской 2-й гимназій *Коссаковский*—съ 15-го марта 1903 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Ковенской губерніи *Съишиковъ*—съ 23-го мая 1901 г., преподаватель Ковенской гимназій *Бурославскій*—съ 16-го августа 1903 г.; наставникъ Полоцкой учительской семинаріи *Богоявленскій*—съ 27-го іюля 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: преподаватели гимназій: Виленской 1-й: *Яковичъ*—съ 6-го іюня 1903 г. и *Песоцкій*—съ 1-го ноября 1902 г., Минской, *Воиновъ*—съ 1-го декабря 1901 г., Гродненской, *Климонтовичъ*—съ 19-го марта 1903 г., Гомельской, *Кюнъ*—съ 13-го августа 1902 г., Двинской женской гимназій, *Калашиковъ*—съ 23-го сентября 1902 г., Мозырской прогимназій: *Очкинъ*—съ 23-го іюля 1902 г. и *Кемарскій*—съ 8-го октября 1902 г., Двинскаго реальнаго училища, *Нейгебауеръ*—съ 30-го іюня 1902 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Пинскаго реальнаго училища *Поповъ*—съ 1-го августа 1903 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: штатный врачъ Шавельской женской гимназій *Вейнтраубъ*—съ 11-го января 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: преподаватель Гомельской женской гимназій *Лукашевичъ*—съ 4-го августа 1901 г.; штатные учителя: Виленскаго трехкласснаго городского училища: *Розинъ*—съ 16-го октября 1901 г. и *Бьлонерковецъ*—съ 11-го августа 1901 г.; помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Двинскаго, *Языченковъ*—съ 1-го августа 1901 г. и Пинскаго, *Дьяконовъ*—съ 17-го декабря

1901 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, письмоводитель Виленскаго реального училища *Орловъ*—съ 1-го іюня 1903 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, учитель Виленскаго Островотнаго приходскаго училища *Гербацевичъ*—съ 15-го августа 1903 г.

Утверждаются: въ чинахъ, со старшинствомъ *коллежскаго ассесора*, преподаватель Пинскаго реального училища *Костровъ*—съ 25-го іюня 1899 г.; *титულлярнаго советника*, штатный врачъ Двинской женской гимназіи *Юренсонъ*—съ 7-го февраля 1899 г., по степени лекаря; *коллежскаго секретаря* помощникъ классныхъ наставниковъ Могилевской гимназіи *Карташевъ*—съ 9-го августа 1899 г.

(12-го февраля 1904 года, № 12). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Григорьевъ*—директоромъ Варшавскаго частнаго средняго механико-техническаго училища И. Вавельберга и С. Ротванда, съ 1-го января.

Назначаются: инспекторы: Бакинскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины, статскій совѣтникъ *Федоровскій* и народныхъ училищъ Тифлисскаго губерніи, статскій совѣтникъ *Шульцинъ*—директорами народныхъ училищъ губерній: первый—Кутаисской, а второй—Тифлисскаго; въ званіи камергера Высочайшаго двора, статскій совѣтникъ *Поклевскій-Козель* и отставной подполковникъ князь *Голицынъ*—почетными попечителями гимназій: первый—Пермской, а второй—Новгородсверской, оба на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ Поклевскаго-Козельскаго въ придворномъ званіи; младшій этнографъ музея Императорской академіи наукъ по антропологии и этнографіи, надворный совѣтникъ *Штерибергъ*—старшимъ этнографомъ того же музея, съ 7-го января; приватъ-доценты: Демидовскаго юридическаго лица, магистръ государственнаго права, коллежскій секретарь *Палиенко* и Императорскаго Харьковскаго университета, магистръ чистой математики *Александровскій*—исправляющими должность экстраординарнаго профессора: первый того же лица, по энциклопедіи права, а второй—названнаго университета, по кафедрѣ чистой математики.

Утверждаются: шталмейстеръ Высочайшаго двора *Брянчаниновъ* и дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пуцинъ*—вновь почетными попечителями, согласно избранію, на три года: первый—Великолудскаго реального училища, а второй—Тульской гимназіи, съ оставленіемъ Брянчанинова шталмейстеромъ; статскій совѣтникъ *Лукьяновичъ*—почетнымъ попечителемъ Роменскаго реального училища, согласно избранію, на текущее, съ 1-го января 1902 г., трехлѣтіе.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: правитель дѣлъ

ученаго комитета министерства, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Манштейнъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; директоръ Саратовскаго Александровскаго дворянскаго пансіона-пріюта коллежскій секретарь баронъ *Черкасовъ*.

По департаменту народнаго просвѣщенія. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: дѣлопроизводитель VII класса управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ *Туржанскій*—со 2-го октября 1903 г.; дѣлопроизводитель VIII класса особаго отдѣленія для завѣдыванія промышленными училищами *Козловъ*—съ 1-го сентября 1903 г. и младшій помощникъ начальника архива министерства *Николаевъ*—съ 15-го сентября 1903 года.

По Императорской академіи наукъ. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: старшій зоологъ зоологическаго музея академіи *Климовичъ*—съ 19-го апрѣля 1903 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: старшій помощникъ бібліотекаря II отдѣленія бібліотеки академіи *Петерсъ*—съ 17-го августа 1902 г. и фізіологъ фізіологической лабораторіи академіи *Туръ*—съ 1-го ноября 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: смотритель зданій академіи *Туминовъ*—съ 16-го октября 1903 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: исправляющій должность помощника правителя дѣлъ капцеляріи правленія академіи *Положевъ*—съ 9-го января 1903 г.; младшій помощникъ бібліотекаря II отдѣленія бібліотеки академіи *фонъ-Галлеръ*—съ 8-го января 1903 г.; старшій помощникъ бібліотекаря I отдѣленія бібліотеки академіи *Крульмъ*—съ 6-го сентября 1902 г.; ученый хранитель геологическаго музея академіи *Толмачевъ*—съ 1-го октября 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: лаборантъ физическаго кабинета академіи *Вилиппъ*—съ 19-го января 1903 г.; вычислитель отдѣленія станцій 2-го разряда Николаевской главной физической обсерваторіи *Клохъ*—съ 1-го апрѣля 1903 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: управляющій типографіею академіи *Мартенсъ*—съ 1-го сентября 1903 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: наблюдатели Екатеринбургской магнитно-метеорологической обсерваторіи: *Изможеровъ* и *Морозовъ*, оба съ 1-го іюня 1903 г. и старшій препараторъ зоологическаго музея академіи *Пфизценмейеръ*—съ 1-го января 1903 года.

Утверждаются въ чинъ *коллежскаго секретаря*, со старшинствомъ: адъюнктъ Николаевской главной физической обсерваторіи по отдѣле-

нію ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня *Лондисъ*—съ 1-го апрѣля 1903 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета, и младшій помощникъ бібліотекаря 2-го отдѣленія бібліотеки академіи *Карстенсъ*—съ 11-го января 1903 г., по степени кандидата математическихъ наукъ.

По Казанскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Вятской губерніи *Вънценоосцевъ*—съ 1-го іюля 1897 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Вольскаго реальнаго училища *Захаровъ*—съ 1-го августа 1902 г.; учителя гимназій: Симбирской: *Воробьевъ*—съ 1-го августа 1903 г. и *Диринскій*—съ 16-го августа 1903 г., Казанской 2-й (сверхштатный), *Александровъ*—съ 3-го января 1903 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учитель Симбирской гимназіи *Коробовъ*—съ 24-го августа 1903 г.; Саратовскаго средняго техническаго училища: руководитель работъ въ химической лабораторіи *Рихтеръ*—и врачъ *Мертенсъ*, оба—съ 15-го іюня 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: бывшій учитель Аткарскаго реальнаго училища, нынѣ въ отставкѣ, *Кузнецовъ*—съ 3-го августа 1902 г.; учителя: Саратовскаго реальнаго училища: *Лининъ*—съ 20-го декабря 1902 г. и *Тютюкинъ*—съ 1-го августа 1902 г., Казанскаго промышленнаго училища, *Малининъ*—съ 1-го октября 1901 г.; наставникъ Вольской учительской семинаріи *Каменскій*—съ 28-го сентября 1902 г.; учителя городскихъ училищъ: Казанскаго четырехкласснаго, *Звѣревъ*—съ 8-го іюля 1903 г., Вятскаго четырехкласснаго, *Панкратьевъ*—съ 1-го іюля 1903 г., Уржумскаго трехкласснаго, *Раевскій*—съ 25-го апрѣля 1902 г., Симбирскаго трехкласснаго *Розинъ*—съ 28-го октября 1897 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: сверхштатный ассистентъ при фармакологическомъ кабинетѣ Казанскаго ветеринарнаго института *Карауловъ*—съ 19-го марта 1903 г.; лаборантъ хирургической факультетской клиники Императорскаго Казанскаго университета *Петрумисъ*—съ 3-го іюля 1901 г.; учитель Уржумскаго городского трехкласснаго училища *Морозовъ*—съ 1-го іюля 1901 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Саратовской 1-й, *Евдокимовъ* и Саратовской 2-й, *Емельяновъ*, оба—съ 1-го августа 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: бывшій надзиратель татарской учительской школы, нынѣ учитель-инспекторъ Казанскаго городского четырехкласснаго училища *Завьяловъ*—съ 6-го сентября 1900 г.; учителя городскихъ училищъ:

Чистопольскаго четырехкласснаго, *Преображенскій*—съ 3-го мая 1895 г. и двухкласснаго при Казанскомъ учительскомъ институтѣ, *Сенюшкинъ*—съ 6-го сентября 1900 г., провизоръ аптеки Императорскаго Казанскаго университета *Кадолицевъ*—съ 11-го января 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: секретарь по студенческимъ дѣламъ Императорскаго Казанскаго университета *Гурневъ*—съ 10-го октября 1902 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Ливатовъ*—съ 19-го іюля 1903 г.; состоящій за штатомъ, бывшій учитель Цивильскаго уѣзднаго училища *Силкинъ*—съ 17-го іюля 1901 г.; помощникъ письмоводителя Казанскаго промышленнаго училища *Никольскій*—съ 25-го мая 1903 г.; помощникъ учителя Уржумскаго городского трехкласснаго училища *Пославскій*—съ 17-го сентября 1900 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: письмоводитель Елабужскаго реальнаго училища *Никитинъ*—съ 20-го іюля 1902 г.; учитель Чистопольскаго городского приходскаго училища *Соколовъ*—съ 4-го іюня 1897 года.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: гимназій: Саратовской 1-й, *Мишталевъ*—съ 1-го августа 1899 г. и Саратовской 2-й, *Лебедевъ*—съ 11-го августа 1899 г., Казанскаго учительскаго института, *Запольскій*—съ 15-го мая 1899 г., Казанскаго промышленнаго училища: *Олешкевичъ*—съ 1-го іюля 1899 г. и *Лаврентьевъ*—съ 26-го іюня 1897 г., Саратовскаго средняго механико и химико-техническаго училища: *Лруисъ*—съ 1-го сентября 1899 г. и руководитель практическими занятіями въ механическихъ мастерскихъ *Калмаковъ*—съ 1-го іюля 1899 г.; *коллежскаго секретаря*: бывшіе учителя, нынѣ учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Ядринскаго трехкласснаго, *Мыльниковъ*—съ 18-го іюня 1898 г., Цивильскаго трехкласснаго, *Волженинъ*—съ 18-го августа 1899 г.; учителя городскихъ училищъ: Астраханскаго 2-го четырехкласснаго, *Гурьяновъ*—съ 22-го августа 1898 г., Царевосанчурскаго трехкласснаго, *Черновъ*—съ 1-го декабря 1898 г.; *губернскаго секретаря*: бывшій учитель Сарapulьскаго уѣзднаго училища *Тихоновъ*—съ 11-го мая 1899 г.; бывшій учитель уѣзднаго училища, нынѣ помощникъ учителя Спасскаго городского трехкласснаго училища *Барановъ*—съ 26-го октября 1898 года.

По Оренбургскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Тургайской области *Хохловъ*—съ

15-го января 1903 г.; преподаватели: Оренбургской гимназій, *Михайловскій* — съ 24-го августа 1903 г., реальныхъ училищъ: Екатеринбургскаго, *Гавриловъ* — съ 10-го сентября 1903 г., Пермскаго, *Орловъ* — съ 22-го августа 1903 г., Пермской женской гимназій, *Воскресенскій* — съ 15-го сентября 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Оренбургскаго реального училища, *Шкамарда* — съ 10-го августа 1903 г.; преподаватели: Екатеринбургскаго реального училища, *Миловзоровъ* — съ 19-го іюля 1899 г.; Оренбургской женской гимназій, *Розановъ* — съ 1-го августа 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: преподаватели реальныхъ училищъ: Оренбургскаго, *Ивченко* — съ 12-го сентября 1900 г., Екатеринбургскаго, *Поржецкій* — съ 1-го сентября 1902 г., Пермскаго, *Стропановъ* — съ 28-го сентября 1902 г., наставникъ Благовѣщенской учительской семинаріи *Барбашъ* — съ 1-го іюля 1903 г.; преподаватели: Оренбургской киргизской учительской школы: (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Катетовъ* — съ 17-го марта 1902 г. и *Завьяловъ* — съ 23-го іюля 1902 г., Нижнетагильскаго горнозаводскаго училища, *Залесскій* — съ 30-го октября 1901 г., Красноуфимскаго промышленнаго училища, *Пучковскій* — съ 22-го мая 1903 г., Уральской женской гимназій, *Троновъ* — съ 1-го сентября 1902 г.; учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Камышловскаго, *Сухоруковъ* — съ 1-го іюля 1899 г., Нижнетагильскаго, *Опарковъ* — съ 28-го іюля 1901 г., Белебеевскаго, *Артемовъ* — съ 29-го января 1903 г.; учитель Камышловскаго городского училища *Соколовъ* — съ 13-го февраля 1903 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: инспекторъ Усольской школы ремесленныхъ учениковъ *Кочеровъ* — съ 23-го февраля 1903 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Пермской гимназій, *Поповъ* — съ 18-го февраля 1902 г., Оренбургской гимназій, *Епанчиниковъ* — съ 25-го августа 1903 г., Красноуфимскаго промышленнаго училища, *Бьялевъ* — съ 8-го августа 1903 г., надзиратель Нижнетагильскаго горнозаводскаго училища *Корововъ* — съ 1-го іюля 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Горбуновъ* — съ 6-го сентября 1903 г.; учителя городскихъ училищъ: Оренбургскаго 1-го, *Альбинскій* — съ 15-го іюля 1901 г., Златоустовскаго, *Воробьевъ* — съ 14-го октября 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, учитель Уфимскаго 2-го городского училища, *Блюбородовъ* — съ 1-го января 1903 г.; въ кол-

лежскіе регистраторы: учителя: Стерлитамакскаго 2-го городского приходскаго училища, *Кылзевъ*—съ 20-го октября 1894 г. и Лысенскаго приходскаго училища, *Исаковъ*—съ 28-го апрѣля 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора:* преподаватели: Пермской гимназіи: *Шапошниковъ* и *Кити*, оба — съ 1-го августа 1899 г.; Оренбургскаго реальнаго училища: (бывшій) *Барманъ* — съ 21-го іюля 1899 г. и (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Блиновъ*—съ 1-го августа 1899 г.; *титულлярнаго совѣтника:* завѣдывающій низшими ремесленными школами: Усть-Кишертской, *Субботинъ* — съ 31-го іюля 1897 г., Миасской, *Ксенюфоновъ* — съ 1-го апрѣля 1899 г.; *коллежскаго секретаря:* учителя городскихъ училищъ: Екатеринбургскаго 1-го, *Устиновъ*—съ 15-го іюля 1898 г., Троицкаго, сверхштатный, *Пуль*—съ 1-го февраля 1899 г., Шадринскаго, *Кондюринъ* — съ 15-го февраля 1899 г., Оренбургскаго 2-го (бывшій, сверхштатный), *Крючковъ* — съ 20-го февраля 1899 г., Нижнетагильскаго, *Кузнецовъ* — съ 15-го августа 1899 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Троицкой гимназіи, *Долбисевъ* — съ 16-го августа 1899 г., Оренбургскаго реальнаго училища, *Гумилевскій* — съ 21-го іюня 1899 г.; надзиратель Бирской инородческой учительской школы *Горбуновъ*—съ 28-го августа 1899 г.; *куберискаго секретаря*, бывшій учитель уѣзднаго училища, нынѣ учитель Камышловскаго городского училища, *Сыромятниковъ*—съ 1-го ноября 1895 г.; *коллежскаго регистратора*, бывшій помощникъ учителя, нынѣ сверхштатный учитель Оренбургскаго 1-го городского училища, *Санинъ* — съ 15-го августа 1898 г.

По Западно-Сибирскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* инспекторъ Барнаульскаго реальнаго училища Императора Николая II *Галашинъ*—съ 1-го мая 1902 г.; наставникъ Омской учительской семинаріи *Гурскій* — съ 20-го августа 1902 г. и учитель Тобольской гимназіи *Терновскій* — съ 7-го іюня 1903 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, привать-доцентъ при кафедрѣ діагностики и врачъ Императорскаго Томскаго университета докторъ медицины *Дочевскій* — съ 1-го іюня 1903 г. и воспитатель пансіона Томской гимназіи *Окинчицъ*—съ 1-го іюля 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* бывшій врачъ Тюменской женской прогимназіи, нынѣ въ отставкѣ, *Семеновъ* — съ 15-го мая 1899 г., инспекторъ Томскаго ремесленнаго училища *Скорородовъ* — съ 1-го іюля 1900 г.; лекторъ нѣмецкаго языка Императорскаго Том-

скаго университета *Глейе* — съ 3-го марта 1901 г.; учителя-инспекторы трехклассныхъ городскихъ училищъ: Каинскаго, *Аргуновъ*, Кузнецкаго, *Шунковъ* и Ишимскаго, Владиміръ *Куминовъ*, всѣ трое—съ 1-го іюля 1902 г.; исправляющій должность учителя-инспектора Зайсанскаго трехкласснаго городского училища Иванъ *Куминовъ* — съ 1-го мая 1902 г.; учителя четырехклассныхъ городскихъ училищъ: Томскаго: *Мистуревъ* и *Чурреевъ* и Тобольскаго: *Харченко* и *Боголюбовъ*, всѣ четверо—съ 1-го іюля 1902 г.; учитель Томской гимназій *Кирносъ* — съ 23-го іюля 1902 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища *Федоровъ*—съ 1-го іюня 1903 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: учитель Тюменскаго четырехкласснаго городского училища *Ходоръ* — съ 1-го октября 1900 г.; исправляющій должность прозектора при кафедрѣ патологической анатоміи Императорскаго Томскаго университета *Миролюбовъ* — съ 6-го іюля 1901 г.; первый учитель Павлодарскаго трехкласснаго городского училища *Осиповъ*—съ 15-го августа 1901 г.; учителя: Бійскаго Пушкинскаго трехкласснаго городского училища, *Кутузовъ* — съ 20-го іюля 1902 г., Маріинскаго двухкласснаго городского училища, *Колупаевъ* — съ 1-го сентября 1902 г., помощникъ классныхъ наставниковъ Томской гимназій *Воронинъ* — съ 14-го марта 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: помощникъ учителя Петропавловскаго пятикласснаго городского училища *Стишкинъ* — съ 13-го іюля 1891 г.; учителя: Томскаго ремесленнаго училища, *Любимовъ* — съ 20-го октября 1896 г. и Ишимскаго трехкласснаго городского училища, *Кузнецовъ*—съ 1-го августа 1902 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: учитель Курганскаго четырехкласснаго городского училища *Русиновъ* — съ 5-го февраля 1900 г. и бухгалтеръ Томской гимназій *Болеславовъ*—съ 27-го іюля 1903 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ губернскіе секретари: бывший помощникъ учителя, нынѣ четвертый учитель Семипалатинскаго пятикласснаго городского училища *Горбачевъ* — съ 1-го іюля 1898 г.; помощникъ библиотекаря Императорскаго Томскаго университета *Милютинъ*—съ 15-го марта 1903 г. и бухгалтеръ канцеляріи попечителя *Фиксентъ*—съ 3-го октября 1903 г.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: коллежскаго ассессора, учитель Томской гимназій *Слободскій*—съ 1-го августа 1899 г.; титулярнаго совѣтника: сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ общей химіи Императорскаго Томскаго университета *Касторскій* — съ 16-го декабря 1895 г., по степени лекаря; учитель Томскаго ре-

месленнаго училища *Малюшинскій* — съ 1-го іюля 1897 г.; бывшій учитель Томскаго ремесленнаго училища, нынѣ въ отставкѣ, *Блмшесъ* — съ 16-го августа 1898 г.; помощникъ прозектора при кафедрѣ судебной медицины Императорскаго Томскаго университета *Райскій* — съ 16-го октября 1898 г., сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ гигиены того же университета *Смирновъ* — съ 15-го ноября 1898 г., ординаторъ хирургической госпитальной клиники того же университета *Менишковъ* — съ 27-го января 1899 г., всѣ трое по степени лекаря; *уберискаго секретаря*: бывшіе учителя уѣздныхъ училищъ, нынѣ учителя: Березовскаго трехкласснаго городского училища, *Ларионовъ* — съ 17-го февраля 1899 г., Омскаго пятикласснаго городского училища, *Созиновъ* — съ 9-го апрѣля 1899 г. и Кузнецкаго трехкласснаго городского училища, *Чебыкинъ* — съ 27-го іюля 1899 года.

(20-го февраля 1904 года, № 13). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шапошиковъ* директоромъ Нижегородскаго частнаго реальнаго училища М. М. Милова.

Назначаются: директоръ Севастопольской шестиклассной прогимназій, статскій совѣтникъ *Щербинскій* и преподаватели, исполняющіе обязанности инспекторовъ: Вятскаго Александровскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Салинъ* и Варшавской пятой гимназій, коллежскій совѣтникъ *Шимановскій* — директорами: *Щербинскій* — Екатеринбургской гимназій, *Салинъ* — названнаго реальнаго училища и *Шимановскій* — Люблинской гимназій.

Переводится на службу, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, старшій ординаторъ Рижскаго военнаго госпиталя и приватъ-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Шенилевскій* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго университета, по кафедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія, съ 11-го января.

Перемѣщается, директоръ Люблинской гимназій, статскій совѣтникъ *Верещинъ* — директоромъ Варшавской второй гимназій.

Увольняется, согласно прошенію, помощникъ управляющаго дѣлами пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ при департаментѣ народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ князь *Мурузи* — отъ означенной должности, съ 9-го февраля, по случаю опредѣленія его на службу по военному вѣдомству.

По Варшавскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники:

учителя мужскихъ гимназій: Варшавской 4-й, *Троцевичъ*—съ 1-го сентября 1903 г., Варшавской 5-й, *Гладкевичъ*—съ 1-го августа 1903 г., Ченстоховской, *Бурневскій*—съ 16-го августа 1903 г. и Люблинской, *Гобманъ*—съ 20 января 1903 г., Калишской женской гимназіи, *Пороскій*—съ 1-го августа 1895 г. и мужскихъ прогимназій: Варшавской 2-й, *Уньскій*—съ 4-го іюня 1903 г. и Пинчовской, *Ольшевскій*—съ 21-го октября 1902 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, учителя мужскихъ гимназій: Варшавской 4-й, *Лебедевъ*—съ 18-го іюля 1903 г. и Калишской, *Алексьевъ*—съ 10-го августа 1903 г., реальныхъ училищъ: Калишскаго, *Неговоревъ*—съ 31-го октября 1902 г. и Сосновицкаго, *Пажитновъ*—съ 11-го февраля 1903 г. и Вымыслинской учительской семинаріи, *Бойко*—съ 1-го сентября 1902 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: секретарь правленія Императорскаго Варшавскаго университета *Детляревскій*—съ 1-го января 1903 г.; учителя мужскихъ гимназій: Калишской, *Александровскій*—съ 1-го декабря 1902 г. и Сѣдлецкой, *Өминъ*—съ 6-го іюня 1903 г. и Солецкой учительской семинаріи, *Тремко*—съ 1-го іюля 1902 г. и помощники классныхъ наставниковъ: Люблинской мужской гимназіи, *Назаровичъ*—съ 1-го октября 1902 г. и Калишскаго реального училища, *Завадскій*—съ 1-го августа 1898 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ полицейскаго права *Горбуновъ*—съ 20-го января 1903 г.; помощники инспектора Императорскаго Варшавскаго университета: *Азбѣвичъ*—съ 16-го февраля 1903 г. и *Кудрявцевъ*—съ 16-го сентября 1902 г.; учителя мужскихъ гимназій: Варшавской 3-й, *Истринъ*—съ 1-го августа 1902 г. и Радомской, *Арашкевичъ*—съ 1-го августа 1897 г.; штатный учитель и завѣдывающій Люблинскою женскою гимназіею *Билинскій*—съ 1-го августа 1900 г.; учитель технического черченія Варшавскаго рисовальнаго класса *Ракевичъ*—съ 23-го апрѣля 1903 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Пинчовской прогимназіи *Сорокинъ*—съ 1-го августа 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ энциклопедіи права *Тарановскій*—съ 5-го мая 1902 г.; сверхштатный ассистентъ при кафедрѣ сравнительной анатоміи и эмбриологіи *Туръ*—съ 21-го ноября 1902 г.; ассистентъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства при кафедрѣ зоологіи *Таргани*—съ 1-го декабря 1893 г.; помощники классныхъ наставниковъ мужскихъ гимназій: Лодзинской, *Гай*—съ 1-го октября 1901 г.,

Радомской, *Ковальскій*—съ 1-го мая 1901 г. и Плоцкой, *Рыжковскій*—съ 1-го сентября 1901 г. и учителя образцовыхъ училищъ при учительскихъ семинаріяхъ: *Сѣницкой*, *Куновъ*—съ 1-го сентября 1902 г. и Солецкой, *Тимофеевъ*—съ 1-го февраля 1903 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: дѣлопроизводитель канцеляріи Калишской учебной дирекціи *Знаменскій*—съ 1-го іюля 1903 г. и учитель чистописанія и черченія Холмской учительской семинаріи *Ермаковъ*—съ 24-го августа 1898 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, бухгалтеръ Императорскаго Варшавскаго университета *Домбровскій*—съ 21-го апрѣля 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*: инспекторы народныхъ училищъ: Калишской губерніи, *Гаи-кевичъ*—съ 1-го апрѣля 1899 г. и Радомской губерніи, *Гильченко*—съ 1-го мая 1899 г.; *коллежскаго assessора*: учителя мужскихъ гимназій: Варшавской 2-й, *Тредіаковскій*—съ 1-го октября 1894 г., Ченстоховской: *Сеникъ*—съ 28-го іюля 1899 г. и фонъ-*Горлажеръ*—съ 1-го мая 1899 г., Маріампольской, *Григачель*—съ 22-го января 1893 г. и Грубешовской прогимназіи, *Понель*—съ 1-го января 1899 г., женскихъ гимназій: Петроковской, *Громаковскій*—съ 24-го февраля 1899 г. и Варшавской 2-й (сверхштатный), *Нестеровскій*—съ 1-го декабря 1897 года; *титлярнаго совѣтника*: учитель Бѣльской учительской семинаріи *Красильниковъ*—съ 1-го октября 1899 г. и сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ фармакологіи Императорскаго Варшавскаго университета *Садковскій*—съ 1-го декабря 1898 г., по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*: исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ гражданскаго права *Треницынъ*—съ 13-го іюня 1893 г. и ассистенты Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства при кафедрахъ: ботаники, *Ганешинъ*—съ 24-го сентября 1902 г., оба по диплому 1 степени Императорскаго университета, лѣсоводства, *Курдіани*—съ 1-го января 1902 г., по званію лѣсовода 1-го разряда, и частнаго земледѣлія, *Солопенко*—съ 19-го октября 1896 г., помощникъ управляющаго имѣніемъ того же института *Пежемскій*—съ 21-го сентября 1901 г. и помощникъ завѣдующаго опытною фермою *Савченко*—съ 21-го февраля 1903 г., всѣ трое по званію агронома 1-го разряда; сверхштатный лаборантъ при кафедрѣ неорганической химіи Императорскаго Варшавскаго университета *Волхонскій*—съ 20-го августа 1901 г., по степени кандидата; помощники классныхъ наставниковъ мужскихъ гимназій: Холмской, *Мушинъ*—съ 20-го января 1899 г. и Сѣдлецкой,

Левченко—съ 16-го февраля 1899 г.; учитель 2-го Варшавскаго трехкласснаго городского училища *Иваницкій*—съ 8-го августа 1895 года; *убернскаго секретаря*: учитель приготовительнаго класса Сѣдлецкой мужской гимназій *Войцеховичъ*—съ 16-го апрѣля 1899 г. и учитель образцоваго училища при Вейверской учительской семинаріи *Кеслеръ*—съ 1-го сентября 1898 г.

Назначаются: инспекторъ и исправляющій должность экстраординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, докторъ армянской словесности, статскій совѣтникъ *Халатянцъ*—ординарнымъ профессоромъ того же института, по кафедрѣ армянской словесности, съ 1-го января, съ оставленіемъ его инспекторомъ названнаго института, бібліотекаръ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, лекаръ, надворный совѣтникъ *Шмидтъ*—помощникомъ директора Кавказскаго музея и Тифлисской Публичной бібліотеки; исправляюще должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета: магистръ уголовного права *Демченко* и магистръ гражданскаго права *Трепицынъ*—экстраординарными профессорами того же университета, по кафедрамъ: Демченко—уголовнаго права и уголовного судопроизводства, съ 23-го октября 1903 г., а Трепицынъ гражданскаго судопроизводства и судопроизводства, съ 1-го декабря 1903 г.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ всеобщей исторіи, статскій совѣтникъ *Смирновъ*.

Умершій исключается изъ списковъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Марковниковъ*, съ 29-го января.

По Кавказскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Новороссійской мужской гимназій *Бѣлевичъ*—съ 19-го декабря 1902 г.; инспекторъ Бакинской мужской гимназій *Биллюговъ*—съ 1-го іюня 1901 г.; учителя: Пятигорской мужской прогимназій, *Постыевъ*—съ 7-го іюня 1903 г.; Владикавказскаго реальнаго училища, *Теръ-Варсеновъ*—съ 30-го іюля 1903 г., Бакинской Маріинской женской гимназій, *Калантировъ*—съ 1-го сентября 1902 г., Тифлискаго реальнаго училища, *Козюлкинъ*—съ 26-го іюля 1903 г., Владикавказской мужской гимназій: *Давыдовъ*—съ 7-го іюня 1903 г., *Григоровичъ*—съ 16-го сентября 1902 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя: Повороссійской

мужской гимназіи: *Езоровъ*—съ 10-го августа 1903 г., *Оттенсонъ*—
 съ 18-го августа 1903 г.; Кубанскаго Александровскаго реальнаго
 училища, *Горбуновъ*—съ 1-го іюля 1903 г., Тифлисской 2-й мужской
 гимназіи, *Гехтманъ*—съ 11-го августа 1903 г.; директоръ Кутаис-
 ской учительской семинаріи *Дьвицкий*—съ 15-го апрѣля 1901 г.;
 учитель Тифлискаго реальнаго училища *Захаровъ*—съ 14-го сентября
 1902 г.; преподаватель Бакинской Императора Александра III муж-
 ской гимназіи *Джсиноридзе*—съ 1-го сентября 1902 г. и инспекторъ
 Бакинскаго реальнаго училища *Закаменный*—съ 1-го августа 1903 г.;
 изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель при-
 готовительнаго класса Эриванской мужской гимназіи *Семеновъ*—съ
 1-го іюля 1903 г.; учитель инспекторъ Горійскаго четырехкласснаго
 городского училища *Поюртловъ*—съ 16-го іюля 1902 г.; учитель
 того же училища *Лошаури*—съ 1-го іюля 1902 г.; учитель-смотритель
 Ардаганскаго нормальнаго двухкласснаго училища *Рамбиди*—съ 12-го
 декабря 1901 г.; учитель рисованія и чистописанія Новороссійской
 мужской гимназіи *Краузе*—съ 7-го ноября 1902 г.; преподаватель
 Тифлисской 1-й мужской гимназіи *Замятинъ*—съ 25-го іюня 1902 г.;
 учитель рисованія и чистописанія той же гимназіи *Трифоновъ*—съ
 1-го сентября 1901 г.; учитель Тифлисской 2-й мужской гимназіи
Крамаренко—съ 1-го сентября 1902 г. и учитель Тифлискаго мусуль-
 манскаго училища *Маграмбаковъ*—съ 1-го мая 1903 г.; изъ титуляр-
 ныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель-смотритель Цхин-
 вальскаго нормальнаго двухкласснаго училища *Химшиевъ*—съ 1-го ян-
 варя 1899 г.; учитель приготовительнаго класса Тифлисской 1-й муж-
 ской гимназіи *Володько*—съ 1-го сентября 1903 г.; дѣлопроизводи-
 тель канцеляріи попечителя *Сурнаковъ*—съ 22-го сентября 1901 г.;
 учителя Тифлискаго городского при учительскомъ институтѣ училища,
Гридневъ—съ 22-го августа 1900 г., Владикавказскаго ремесленнаго
 Лорисъ-Меликова училища, *Сазоновъ*—съ 1-го августа 1901 г.; учи-
 тель-надзиратель Грозненской городской школы *Эльдархановъ*—съ 1-го
 іюля 1902 г.; учитель Маглискаго нормальнаго училища *Хуциевъ*—
 съ 8-го іюля 1901 г., помощникъ воспитателя пансіона Бакинскаго
 реальнаго училища, *Семеновъ*—съ 1-го октября 1902 г.; учителя:
 Карскаго городского училища, *Яновичъ*—съ 1-го сентября 1902 г.,
 Ардаганскаго нормальнаго двухкласснаго училища, *Капитоновъ*—съ
 21-го сентября 1898 г. и бывший врачъ Кубанскаго Александровскаго
 реальнаго училища, *Михалевъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; изъ кол-

лежскихъ секретарей въ *штуплярные соотѣтники*: преподаватель ручного труда Тифлискаго Александровскаго учительскаго института, *Ивановъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; учитель Тифлискаго 2-го городского училища *Габунія*—съ 1-го сентября 1899 г. и учитель Эриванской учительской семинаріи, *Баласановъ*—съ 9-го декабря 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учитель Тифлискаго мусульманскаго училища, *Корчибаишевъ*—съ 12-го октября 1901 г.; учитель-смотритель Назрановской горской школы *Гусевъ*—съ 1-го сентября 1899 г.; сверхштатный смотритель Карскаго городского училища *Цитлидзе*—съ 26-го октября 1901 г.; письмоводитель Владикавказскаго реального училища *Коцюевъ*—съ 10-го сентября 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учитель-смотритель Эриванскаго русско-татарскаго училища, *Нариманбековъ*—съ 1-го іюля 1895 г.; помощникъ учителя Кизлярскаго городского училища *Ананьевъ*—съ 1-го іюля 1900 г.; учитель Ахалцихскаго четырехкласснаго городского училища *Енукидзе*—со 2-го сентября 1896 г.; сверхштатный учитель Толавскаго городского училища *Меликовъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; учитель Горійскаго четырехкласснаго городского училища *Берозанивили*—съ 1-го сентября 1897 г.; учитель Тифлискаго Николаевскаго городского училища *Кочикаровъ*—съ 1-го сентября 1899 г.; помощникъ учителя-смотрителя Душѣтско-Тіонетскаго двухкласснаго начальнаго училища *Габеланивили*—съ 1-го сентября 1897 г.; письмоводитель-экономъ Эриванской учительской семинаріи *Касрадзе*—съ 9-го іюня 1894 г. и письмоводитель Майковскаго Императора Александра III низшаго механико-техническаго училища Федоръ *Куратовъ*—съ 10-го іюля 1903 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учитель-смотритель Владимірскаго двухкласснаго, Кутанской губерніи, училища Василій *Куратовъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; учитель-смотритель Багдатскаго двухкласснаго училища, той же губерніи, *Меморнишвили*—съ 1-го сентября 1902 г., учитель-смотритель Кутанскаго 3-го начальнаго училища *Бахтадзе*—съ 1-го сентября 1901 г.; учитель Бакинскаго 22-го начальнаго училища *Исмаиловъ*—съ 15-го сентября 1892 г.; учитель Каякентскаго сельскаго училища *Абдулаевъ*—съ 21-го января 1903 г.; учитель Бакинскаго 8-го русско-татарскаго начальнаго училища *Халимовъ*—съ 24-го іюля 1902 г.; учитель-завѣдывающій Змѣйскимъ станичнымъ училищемъ *Мамуа*—съ 1-го ноября 1903 г.; учитель-завѣдывающій Рагулинскимъ однокласснымъ начальнымъ училищемъ *Щиринъ-Бродяженко*—съ 1-го

сентября 1888 г. и исправляющій должность письмоводителя дирекціи народныхъ училищъ Кутанской губерніи *Марковскій*—съ 22-го декабря 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: учитель Ставропольскихъ женскихъ гимназій *Крымскій*—съ 11-го сентября 1898 г., преподаватель Новороссійской мужской гимназіи *Македонскій*—съ 25-го іюня 1899 г.; учитель Тифлисской 1-й мужской гимназіи *Сокольскій*—съ 1-го августа 1899 г.; *коллежскаго секретаря*: учитель Бакинскаго Михайловскаго городского училища *Лунинъ*—съ 1-го января 1897 г.; учитель приготовительнаго класса Екатеринодарской мужской гимназіи *Хрусталевъ*—съ 25-го августа 1899 г.; учитель Зугдидскаго городского училища *Патарая*—съ 25-го октября 1897 г.; учитель-смотритель Улуканлинскаго нормальнаго двухкласснаго училища *Казіевъ*—съ 1-го сентября 1896 г. и учитель Пятигорскаго городского училища *Мириановъ*—съ 1-го іюля 1899 г.; *губернскаго секретаря*: учитель Касумъ-Кентскаго нормальнаго двухкласснаго училища *Мамедовъ*—съ 1-го сентября 1897 г. и учитель Грозненскаго Пушкинскаго городского училища *Шошинъ*—съ 31-го іюля 1898 г.; *коллежскаго регистратора*, помощникъ учителя Телавскаго городского училища *Турыникъ*—съ 1-го сентября 1897 г.

По Рижскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ коллежскихъ въ *статскіе соатники*: астрономъ-наблюдатель при астрономической обсерваторіи Императорскаго Юрьевскаго университета *Покровскій*—съ 1-го апрѣля 1903 г.; учителя гимназій: Рижской Императора Николая I: *Петри*—съ 12-го февраля 1903 г. и *Рогозинниковъ*—съ 19-го іюня 1902 г., Рижской Александровской, *Шустовъ*—съ 1-го августа 1903 г., Перновской, *Якоби*—съ 29-го января 1903 г., Либавской Николаевской, *Шванбергъ*—съ 18-го іюня 1903 г., Ревельской Императора Николая I, *Тюленевъ*—съ 16-го августа 1903 г., Рижской городской, *Пфлаумъ*—съ 1-го іюля 1903 г., реальныхъ училищъ: Рижскаго Императора Петра I, *Матвеевъ*—съ 1-го августа 1903 г., Ревельскаго *Банге* и *Шпрекельсенъ*, оба—съ 1-го іюля 1903 г., Либавскаго, *Донченко*—съ 1-го августа 1903 г., Митавскаго: *Бастень*—съ 1-го августа 1903 г. и *Висснеръ*—съ 1-го іюля 1903 г., женскихъ гимназій: Рижской Ломоносовской, *Телухинъ* и Ревельской, *Смирлинъ*, оба—съ 1-го августа 1903 г.; штатные наставники учительскихъ семинарій: Юрьевской, *Третьяковъ*—съ 1-го августа 1903 г. и Прибалтійской, *Лейцитъ*—съ 1-го января 1903 г. и инспекторъ народныхъ училищъ Рижскаго

учебнаго округа *Орловъ* — съ 1-го августа 1903 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: ученый кузнецъ и приватъ-доцентъ Юрьевскаго ветеринарнаго института *Шантырь* — съ 15-го октября 1902 г.; учитель Митавскаго реальнаго училища *Невзоровъ* — съ 4-го мая 1903 г. и штатный наставникъ Юрьевской учительской семинаріи *Простаковъ* — съ 1-го іюля 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: столоначальникъ канцеляріи попечителя *Земченко* — съ 30-го сентября 1903 г.; доцентъ фармаціи и фармакогнозіи Юрьевскаго ветеринарнаго института *Спасскій* — съ 30-го мая 1902 г.; штатный наставникъ Вольмарской учительской семинаріи *Шеко* — съ 1-го сентября 1903 г., учителя: Ревельскаго реальнаго училища *Съеже* — съ 1-го іюля 1895 г., Либавской женской гимназіи, *Феодотьева* — съ 12-го декабря 1901 г., городскихъ трехклассныхъ училищъ: Газенпотскаго, *Вольмеръ* — съ 1-го августа 1902 г. и Рижскаго Императрицы Екатерины II (сверхштатный), *Патрицкій* — съ 1-го іюня 1903 г.; учителя-инспекторы трехклассныхъ городскихъ училищъ: Вейсенштейнскаго, *Васильева* — съ 1-го января 1903 г. и Галсальскаго, *Рыбчинскій* — съ 16-го сентября 1902 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: сверхштатный лаборантъ при метеорологической обсерваторіи Императорскаго Юрьевскаго университета *Коль* — съ 1-го іюня 1903 г.; врачъ Либавскаго казеннаго еврейскаго училища 1-го разряда *Фалькъ* — со 2-го января 1900 г.; учителя: Рижскаго городского шестикласснаго женскаго училища (младшій), *Вестбергъ* — съ 1-го октября 1899 г., приготовительнаго класса Полаангенской четырехклассной мужской гимназіи, *Образцовъ* — съ 1-го сентября 1903 г., городскихъ училищъ: Ревельскаго четырехкласснаго Императрицы Екатерины II, *Калмынъ* — съ 15-го августа 1902 г., Баускаго трехкласснаго, *Бабакъ* — съ 26-го іюля 1901 г. и Газенпотскаго трехкласснаго, *Александровичъ* — съ 1-го апрѣля 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: секретарь правленія Императорскаго Юрьевскаго университета *Шульцъ* — съ 1-го іюня 1903 г.; помощникъ класснаго наставника Митавскаго реальнаго училища *Ефремовъ* — съ 20-го ноября 1900 г.; учителя городскихъ училищъ: Галсальскаго трехкласснаго, *Лойко* — съ 1-го февраля 1900 г. и Ревельскаго четырехкласснаго Императрицы Екатерины II (сверхштатный), *Резнъ* — съ 1-го іюля 1901 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учитель приготовительнаго класса Митавской гимназіи *Евграфовъ* — съ 13-го января 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учитель Туккумскаго мужскаго прави-

тельственаго начальнаго училища *Креманиъ*—съ 1-го августа 1903 г.; въ *коллежскіе реистраторы*: первый учитель Рижскаго Маврикіевскаго городского мужскаго начальнаго училища и завѣдывающій Рижскими городскими соединенными начальными училищами, что на бульварѣ Тотлебена, *Залитъ*—съ 1-го августа 1902 г.; второй учитель Рижскихъ городскихъ соединенныхъ начальныхъ училищъ, что на бульварѣ Тотлебена, *Медальдтъ*—съ 22-го мая 1899 г. и первый учитель Рижскихъ соединенныхъ городскихъ начальныхъ училищъ, что на Суворовской улицѣ, *Меднисъ*—съ 25-го августа 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: гимназій: Рижской городской, *Сметовъ*—съ 18-го января 1899 г.; Юрьевской: Алексѣй *Троицкій*—съ 25-го іюня 1899 г. и *Сахаровъ*—съ 21-го іюля 1899 г., Аренбургской, Леонидъ *Троицкій*—съ 1-го августа 1899 г. и реальныхъ училищъ: Юрьевскаго, *Сосновскій*—съ 1-го іюля 1899 г., Митавскаго, *Тодоровичъ*—съ 1-го сентября 1899 г. и Ревельскаго, *Галлеръ*—съ 1-го февраля 1899 г.; *титულлярнаго советника*: ассистенты Императорскаго Юрьевскаго университета: при хирургической клиникѣ *Михневичъ*—съ 1-го февраля 1898 г. и при клиникѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, *Оттасъ*—съ 1-го января 1897 г., оба—по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*: помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Юрьевской, *Новиковъ*—съ 15-го августа 1899 г. и Аренбургской, *Мейсръ*—съ 1-го іюля 1899 г.; учителя городскихъ училищъ: Ревельскаго четырехкласснаго Императрицы Екатерины II, *Скородумовъ*—съ 1-го февраля 1899 г. и Митавскаго Александровскаго трехкласснаго училища (сверхштатный), *Семеновскій*—съ 1-го августа 1897 г., Лябавскаго трехкласснаго (бывшій), *Розенбаумъ*—съ 1-го августа 1888 г.

(27-го февраля 1904 года, №16). По Императорской археографической комиссіи. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные советники*, сотрудникъ комиссіи *Адриановъ*—съ 1-го января 1904 года.

По Императорскому Россійскому историческому музею въ Москвѣ Имени Императора Александра III. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ надворныхъ въ *коллежскіе советники*, младшій хранитель музея *Щепкинъ*—съ 31-го января 1897 года.

Утверждаются въ чинѣ *коллежскаго секретаря*, со старшинствомъ: помощники библіотекаря музея: *Тарабринъ*—съ 1-го ноября 1902 г. и *Кузьминскій*—съ 15-го апрѣля 1903 г., оба—по диплому 1-й степени Императорскаго университета.

По Московскому Публичному и Румянцовскому музеямъ. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры, завѣдующій читальнымъ заломъ мурзевъ *Мионовъ*—съ 1-го сентября 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники, помощникъ хранителя дашковскаго этнографическаго музея *Борзовъ*—съ 1-го августа 1903 года.

Утверждается въ чинѣ *губернскаго секретаря*, со старшинствомъ, сверхштатный чиновникъ X класса при музеяхъ *Горбачевъ*—съ 15-го іюля 1903 г., по диплому 2-й степени Императорскаго университета.

По Киевскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ статскіе совѣтники, преподаватель Киевской 3-й гимназій *Этель*—съ 28-го іюля 1903 г.; изъ надворныхъ въ коллежскіе совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ 3-го района Волынской губерніи *Гиевскій*—съ 16-го октября 1903 г.; учителя: Полтавскаго Александровскаго реальнаго училища, *Лукьяновъ*—съ 30 сентября 1902 г., Черкасской гимназій, *Рюмины*—съ 1-го іюля 1903 г., Черниговской гимназій, *Деборіи-Мокривичъ*—съ 11-го марта 1903 г., Житомирской 2-й гимназій, *Колтоновскій*—съ 1-го ноября 1903 г., Житомирской 1-й гимназій, *Заверткигъ*—съ 30-го октября 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ надворные совѣтники: учителя: Черниговской гимназій, *Ромасюковъ*—съ 26-го октября 1902 г., Глуховской гимназій, (бывшій) *Синицкій*—съ 10-го декабря 1901 г., Златопольской гимназій, *Обыденный*—съ 15-го іюля 1902 г., воспитатель пансіона при Глуховской гимназій *Мессонъ*—съ 10-го декабря 1902 г.; учителя: Златопольской гимназій *Фауре*—съ 24-го марта 1901 г. и *Борисовъ*—съ 1-го октября 1901 г., Черниговской гимназій, *Манькинъ-Певструевъ*—съ 24-го декабря 1901 г., Глуховскаго учительскаго института, *Моловъ*—съ 3-го декабря 1901 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассессоры: помощники классныхъ наставниковъ Киево-Печерской гимназій: *Клопотовскій* и *Барановъ*, оба—съ 1-го сентября 1903 г.; учитель Житомирскаго двухкласснаго городского училища *Олейниченко*—съ 26-го октября 1903 г.; учитель двухкласснаго городского училища на ст. „Кіевъ I“ *Самусь*—съ 10-го октября 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники: помощники классныхъ наставниковъ: Глуховской гимназій, *Молчановскій*—съ 20-го декабря 1901 г., Златопольской гимназій, *Ковальковъ*—съ 1-го ноября 1901 г.; изъ губернскихъ въ коллежскіе секретари: письмоводитель Острожскаго женскаго гр. Д. Н. Блудова училища *Пушкаревъ*—съ 29-го апрѣля 1903 г.;

учитель Кіевскаго 3-го двухкласснаго училища *Холодный*—съ 23-го сентября 1903 г.; учитель Житомирскаго двухкласснаго городского училища *Олейникъ* (онъ же *Олвникъ*)—съ 10-го января 1901 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *убернскіе секретари*: писмоводитель Черкасской гимназіи *Маркевичъ*—съ 1-го сентября 1903 г.; бухгалтеръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ *Максимовъ*—съ 12-го сентября 1903 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, почетный смотритель Звенигородскаго двухкласснаго городского училища инженеръ-технологъ *Сироткинъ*—съ 9-го сентября 1901 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учитель Немировской гимназіи *Цыганковъ-Куриленко*—со 2-го января 1896 г.; преподаватели: Житомирской 2-й гимназіи, *Базилевичъ*—съ 15-го августа 1899 г., Новгородсѣверской женской гимназіи, *Барабановъ*—съ 21-го іюля 1899 г., Глуховскаго учительскаго института, *Григоровичъ*—съ 20-го октября 1898 г.; учитель Кіевской частной мужской Г. А. Вальера прогимназіи *Бутовскій*—съ 27-го сентября 1899 г.; преподаватели: Новгородсѣверской гимназіи, *Райлянь*—съ 10-го ноября 1899 г., Кіевской 3-й гимназіи, *Дебольскій*—съ 3-го августа 1899 г., Каменецъ-Подольскаго средняго техническаго училища, *Поль*—съ 16-го февраля 1899 года; *титულлярнаго советника*, штатный ординаторъ хирургической факультетской клиники Императорскаго университета св. Владимира *Подайскій*—съ 1-го сентября 1896 г., по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*, помощникъ классныхъ наставниковъ Стародубской гимназіи *Руцкій*—съ 9-го октября 1903 г.; *убернскаго секретаря*: учителя: притовительнаго класса Кіевскаго реальнаго училища св. Екатерины *Эккардтъ*—съ 1-го сентября 1897 года, и городскихъ училищъ: двухкласснаго на ст. „Кіевъ I“: *Хоменко*—съ 25-го августа 1899 г. и *Держинскій*—съ 1-го сентября 1899 г., Каневскаго, *Григоровичъ*—съ 1-го сентября 1899 г. и Острожскаго двухкласснаго, *Столярецъ*—съ 20-го января 1899 г.; *коллежскаго регистратора*: учитель графическихъ искусствъ Заславльскаго городского училища *Степанскій*—съ 1-го апрѣля 1899 г.; бывшіе помощники учителя, нынѣ учителя: Кременчугскаго четырехкласснаго городского училища, *Каминскій*—съ 22-го августа 1898 г., Мглинскаго двухкласснаго городского училища, *Гудимъ*—съ 1-го сентября 1898 г.

По управленію учебными заведеніями Приамурскаго края. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ

статскіе совѣтники: учителя Благовѣщенской мужской гимназіи: *Даниловъ*—съ 6-го іюля 1903 г. и *Степановскій*—съ 28-го сентября 1901 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, учитель Благовѣщенской мужской гимназіи *Корсаковъ*—съ 6-го января 1901 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники* врачъ Благовѣщенской мужской гимназіи *Позднѣвъ*—съ 28-го марта 1902 г.; учителя: Читинской женской гимназіи, *Шуевичъ-Жицкій*—съ 27-го іюня 1901 г., Читинской мужской гимназіи: *Терру*—съ 30-го сентября 1899 г. и *Бирнбаумъ*—съ 14-го сентября 1902 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, бухгалтеръ восточнаго института *Никольскій*—съ 26-го октября 1902 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учитель Николаевско-заводскаго приходскаго училища *Долгоруковъ*—съ 4-го августа 1902 г.; старшіе учителя: Кударинскаго двухкласснаго крестьянскаго училища, *Цолонныхъ*—съ 8-го іюля 1902 г., Донинскаго двухкласснаго приходскаго училища, *Алексѣй Булаковъ*—съ 15-го іюля 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ, *коллежскаго ассессора*: учитель Читинской мужской гимназіи *Бартельсъ*—съ 15-го декабря 1898 г.; штатный преподаватель рисованія и чистописанія Хабаровскаго реальнаго училища *Ращенко*—съ 26-го іюля 1899 года; *коллежскаго регистратора*, экономъ восточнаго института *Павелъ Булаковъ*—съ 16-го сентября 1898 г., по званію студента духовной семинаріи.

По управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, учитель-смотритель Красноводскаго мужскаго двухкласснаго желѣзнодорожнаго училища *Лавровскій*—съ 27-го августа 1900 г.

III. ПРАВИЛА И ПОЛОЖЕНІЯ, УТВЕРЖДЕННЫЯ МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

3. (20-го ноября 1903 года). *Положеніе о стипендіи именъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ Василія и Анны Сытовыхъ при С.-Петербургской шестой гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *два тысячи руб.*, пожертвованнаго вдовой потомственнаго почетнаго гражданина Анной

Егоровной Сытовой, учреждается стипендія имени потомственныхъ почетныхъ гражданъ Василя и Анны Сытовыхъ при С.-Петербургской шестой гимназіи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4 % ренты, хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ С.-Петербургской 6-й гимназіи и, составляя ея неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5 % государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе избраннаго стипендіата, а остающіяся свободными деньги выдаются стипендіату на приобрѣтеніе книгъ и учебныхъ пособій.

§ 4. Въ случаѣ увеличенія платы за ученіе въ шестой гимназіи выдача стипендій временно приостанавливается и процентныя деньги поступаютъ на увеличеніе капитала, пока процентовъ съ онаго не будетъ достаточно для покрытія платы за ученіе.

§ 5. Стипендія выдается бѣдному ученику русскаго подданства, православнаго исповѣданія, законному сыну или узаконенному.

§ 6. Выборъ стипендіата предоставляется Вѣрѣ Васильевнѣ Сытовой и Прасковѣ Васильевнѣ Зиновьевой, а послѣ ихъ смерти усмотрѣнію педагогическаго совѣта С.-Петербургской шестой гимназіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (20-го ноября 1903 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени личнаго почетнаго гражданина Алексѣя Парфентьевича Золотарева при Каменскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ руб., пожертвованнаго женой личнаго почетнаго гражданина Евгеніей Ивановной Золотаревой, учреждаются при Каменскомъ реальномъ училищѣ стипендіи имени ея мужа, личнаго почетнаго гражданина Алексѣя Парфентьевича Золотарева.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ свидѣтельствѣ 4 % государственной ренты на 5000 руб., хранится въ Донецкомъ окружномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Каменскаго реальнаго училища и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ

нихъ 5 % государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе одного или нѣсколькихъ бѣдныхъ учениковъ изъ дѣтей дворянъ казаковъ области войска Донскаго, на покупку имъ бѣлья, одежды, обуви, книгъ и учебныхъ пособій, на наемъ квартиры или помѣщенія въ общежитіи, на завтраки и пр., а также въ пособіе на продолженіе образованія.

§ 4. Стипендіаты избираются педагогическимъ совѣтомъ Каменскаго реальнаго училища и по его же усмотрѣнію, вслѣдствіе неодобрительнаго поведенія или лѣности, могутъ быть лишены стипендій. Точно также выдача стипендіи можетъ быть прекращена въ случаѣ улучшенія матеріальнаго положенія стипендіата.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки причисляются къ оному для увеличенія размѣра или числа стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Стипендіальный капиталъ удерживается при Каменскомъ реальномъ училищѣ и въ случаѣ преобразованія его въ учебное заведеніе иного типа. Въ случаѣ упраздненія училища, капиталъ переводится въ одно изъ существующихъ въ станицѣ Каменской учебныхъ заведеній, по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа.

§ 8. Въ случаѣ изытія изъ обращенія обезпечивающаго означеннаго стипендіи билета государственной 4 % ренты, Каменское реальное училище должно замѣнить его другими правительственными или гарантированными правительствомъ процентными бумагами.

§ 9. Могущія возникнуть при примѣненіи сего положенія какія-либо недоразумѣнія разрѣшаются попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа.

5. (20-го ноября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени дворянина Николая Андреевича Ротмистрова при Прилукской мужской гимназій.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, завѣщаннаго дворяниномъ Николаемъ Андреевичемъ Ротмистровымъ, учреждается при Прилукской мужской гимназій одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетѣ государственной комиссіи погашенія долговъ на 3½ % вѣчный вкладъ, хра-

нится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ Прилукской гимназіи и, составляя ея неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала употребляются на взносъ платы за ученіе одного бѣднаго ученика изъ дворянъ Пирятинскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

§ 4. Такъ какъ проценты съ завѣщаннаго капитала не достигаютъ въ настоящее время годовой платы за ученіе въ Прилукской мужской гимназіи (40 р.), то выдача стипендіи начинается съ того времени, когда черезъ присоединеніе $\frac{1}{2}\%$ къ капиталу образуется сумма годовыхъ процентовъ, покрывающая размѣръ платы за ученіе.

§ 5. Могушіе образоваться послѣ взноса платы за ученіе остатки отъ процентныхъ денегъ выдаются стипендіату на приобрѣтеніе книгъ и учебныхъ пособій.

§ 6. Въ случаѣ незамѣщенія по какимъ-либо причинамъ означенной стипендіи, проценты со стипендіальнаго капитала присоединяются къ оному для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Педагогическому совѣту Прилукской мужской гимназіи принадлежитъ право избранія стипендіата, а также и лишенія его означенной стипендіи при улучшеніи его матеріальнаго положенія, а равно въ случаѣ неодобрительнаго его поведенія и малоуспѣшности въ наукахъ, если таковая произошла отъ нерадѣнія стипендіата, а не по какимъ-либо другимъ причинамъ, признаннымъ педагогическимъ совѣтомъ заслуживающими уваженія.

§ 8. Матеріальная недостаточность стипендіата удостоверяется посредствомъ сношенія съ г. предводителемъ дворянства Пирятинскаго уѣзда.

§ 9. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (23-го ноября 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени Астраханскаго купца Михаила Николаевича Макарова при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей, пожертвованнаго Астраханскимъ купцомъ Михаиломъ Николаевичемъ Макаровымъ, учреждается при Астраханскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ свидѣтель-

ства 4% государственной ренты, хранится въ Астраханскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Астраханскаго реального училища и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата и на приобретеніе ему книгъ и одежды.

§ 4. Стипендія назначается бѣднѣйшему изъ учениковъ реального училища, русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія, зарекомендовавшему себя отличнымъ поведеніемъ и удовлетворительными успѣхами, при чемъ сироты имѣють преимущество передъ другими бѣднѣйшими учениками.

§ 5. Право избранія стипендіата предоставляется педагогическому совѣту реального училища.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ оному.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

7. (3-го декабря 1903 года). *Правила пользованія процентами съ капитала имени бывшаго предсѣдателя правленія Харьковскаго общества взаимнаго кредита Ивана Ивановича Яковлева при Харьковскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. Капиталъ въ одну тысячу пятьсотъ руб., пожертвованный Харьковскому реальному училищу Харьковскимъ обществомъ взаимнаго кредита, именуется „капиталомъ бывшаго предсѣдателя правленія Харьковскаго общества взаимнаго кредита Ивана Ивановича Яковлева“.

§ 2. Капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты на сумму 1.500 руб., хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Харьковскаго реального училища и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе одного ученика Харьковскаго реального училища и на учебныя ему пособія, при чемъ выборъ такого ученика принадлежитъ совѣту общества взаимнаго кредита.

§ 4. Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ съ капитала имени Ивана Ивановича Яковлева выдаются въ пособіе стипендіату.

§ 5. Пользованіе процентами съ означеннаго капитала не налагаетъ на учениковъ училища никакихъ обязательствъ.

8. (3-го декабря 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго преподавателя Астраханскаго реальнаго училища (нынѣ директора Царицынской гимназіи) статскаго совѣтника Павла Никаноровича Муратовскаго при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *шестьсотъ* рублей, пожертвованнаго разными лицами, состоящими на государственной службѣ, и мѣстными кушцами, главнымъ образомъ изъ числа бывшихъ учениковъ бывшаго преподавателя Астраханскаго реальнаго училища (нынѣ директора Царицынской гимназіи) статскаго совѣтника Павла Никаноровича Муратовскаго, учреждается стипендія его имени при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Астраханскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Астраханскаго реальнаго училища и, составляя его неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, выдаются стипендіату для приобрѣтенія книгъ и учебныхъ пособій или для удовлетворенія другихъ его нуждъ.

§ 4. Стипендія назначается одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Астраханскаго реальнаго училища, зарекомендовавшему себя отличными успѣхами и поведеніемъ.

§ 5. Право назначенія стипендіи предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ оному для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Въ случаѣ, если, при дальнѣйшемъ поступленіи пожертвованій на увеличеніе стипендіальнаго капитала, процентовъ съ него будетъ достаточно для внесенія годовой платы за ученіе въ какомъ либо высшемъ учебномъ заведеніи, то стипендіату можетъ высылаться

настоящая стипендія и во время обученія его въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи впредь до окончанія въ немъ полного курса.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (6-го декабря 1903 года). *Положеніе о стипендіи Имени въ Бозѣ почитающаго Императора Александра II при гимназій, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 29-го ноября 1903 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ три тысячи шесть-сотъ руб. (3.600 руб.), пожертвованнаго чинами судебного вѣдомства, состоящими въ округѣ Нѣжинскаго окружнаго суда, учреждается при гимназій, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, одна стипендія Имени Императора Александра II-го въ память 25-лѣтія существованія Нѣжинскаго окружнаго суда.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ Нѣжинскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій и, составляя неотъемлемую ея собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіального капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, употребляются на стипендію, при чемъ одна часть, въ размѣрѣ установленной платы за ученіе, поступаетъ въ кассу гимназій на взносъ этой платы, а другая помѣщается для обращенія изъ процентовъ въ сберегательную кассу государственнаго банка и выдается, вмѣстѣ съ накопившимися процентами, стипендіату по полугодіямъ.

§ 4. Стипендіатъ избирается общимъ собраніемъ Нѣжинскаго окружнаго суда изъ дѣтей или родственниковъ лицъ, служащихъ въ округѣ Нѣжинскаго окружнаго суда, въ случаѣ же упраздненія послѣдняго право назначенія стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназій, который избираетъ стипендіата изъ числа учениковъ гимназій, изъ христіанъ, безъ различія сословія, заслуживающихъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію, преимущественно изъ дѣтей и родственниковъ лицъ судебного вѣдомства, служащихъ или служившихъ въ округѣ Нѣжинскаго окружнаго суда.

§ 5. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею въ продолженіе всего гимназическаго курса, но избравшее его учрежденіе можетъ ли-

шить его стипендіи, если, на основаніи отзыва педагогическаго совѣта гимназіи объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата, признаеть его недостойнымъ дальпѣйшаго пользованія стипендіею.

Примѣчаніе. Объ увольненіи изъ гимназіи стипендіата начальство гимназіи немедленно доводитъ до свѣдѣнія учрежденія, которому принадлежитъ выборъ стипендіата, для избранія на его мѣсто другого лица.

§ 6. Въ случаѣ переименованія или преобразованія гимназіи, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ въ Нѣжинѣ, въ иное соотвѣтствующее учебное заведеніе, стипендія на тѣхъ же основаніяхъ переходитъ въ это учебное заведеніе.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

10. (14-го декабря 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени Владимира Галактионовича Короленко при Нижегородской гимназіи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. Въ ознаменованіе исполнившагося 15-го іюля 1903 г. пятидесятилѣтія со дня рожденія писателя В. Г. Короленко, Нижегородскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ учреждается при Нижегородской гимназіи одна стипендія имени Короленко на счетъ суммъ, отпускаемыхъ ежегодно въ потребномъ количествѣ изъ городскихъ суммъ.

§ 2. На стипендію отпускается ежегодно сумма, необходимая для уплаты за право ученія одного ученика. Сумма эта вносится въ городскія смѣты расходовъ и передается по требованію директора гимназіи въ мѣстное губернское казначейство для зачисленія въ специальныя средства гимназіи—въ отдѣлъ пожертвованій различныхъ благотворителей.

§ 3. Стипендіатъ избирается изъ бѣдныхъ учениковъ гимназіи, православнаго вѣроисповѣданія, заслуживающій того по своимъ успѣхамъ и поведенію, преимущественно изъ коренныхъ жителей города Нижняго-Новгорода. Оставленіе стипендіата на второй годъ въ томъ же классѣ по уважительнымъ причинамъ не лишаетъ его права пользоваться стипендіей.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ Нижегородской городской думѣ.

§ 5. Могущіе образоваться остатки по стипендіи выдаются стипендіату по окончаніи имъ полнаго курса въ Нижегородской гимназіи.

Если стипендіатъ выбудетъ изъ гимназіи до окончанія курса, то остатки выдаются тому, который окончитъ полный курсъ.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (31-го декабря 1903 года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго ассесора Феропонта Павловича Каплина при Вологодскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу руб., завѣщаннаго коллежскимъ ассесоромъ Феропонтомъ Павловичемъ Каплинымъ, учреждается при Вологодскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ Вологодскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища и, составляя неотъемлемую его собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго 5% сбора, выдаются на руки стипендіату по полугодіямъ.

§ 4. Стипендія назначается по опредѣленію педагогическаго совѣта училища одному изъ бѣднѣйшихъ учениковъ, отличающемуся примѣрнымъ поведеніемъ и хорошими успѣхами, безъ различія сословій.

§ 5. За недобрительное поведеніе и дурные успѣхи стипендіатъ можетъ быть лишенъ назначенной ему стипендіи и въ теченіе учебнаго года, а стипендія его можетъ быть передана другому ученику.

§ 6. Могущіе оказаться по какой-либо причинѣ неизрасходованными проценты съ капитала обращаются въ государственныя бумаги и причисляются въ основному капиталу.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (27-го января 1904 года). *Положеніе о стипендіи имени надворнаго советника Покровскаго при Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено временно-управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. Въ память многолѣтней службы въ званіи гласнаго Нижегородской городской думы и въ должности члена городской управы умер-

шаго надворнаго совѣтника А. П. Покровскаго учреждается при Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ одна стипендія имени названнаго лица, на счетъ суммъ, отпускаемыхъ ежегодно въ потребномъ количествѣ изъ городскихъ средствъ.

§ 2. На стипендію отпускается ежегодно сумма, необходимая для уплаты за право ученія одного изъ приходящихъ воспитанниковъ. Сумма эта вносится въ городскія расходныя смѣты и выдается по требованію г. инспектора училища.

§ 3. Въ стипендіаты избирается одинъ изъ бѣдныхъ учениковъ Кулибинскаго училища, православнаго вѣроисповѣданія, заслуживающій того по своему поведенію и успѣхамъ, преимущественно изъ коренныхъ жителей города Н.-Новгорода. Оставленіе стипендіата на второй годъ въ томъ же классѣ, по уважительнымъ причинамъ, не лишаетъ его права пользоваться стипендіей.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ попечительному совѣту училища, по представленіи кандидатовъ городскимъ управленіемъ и по засвидѣтельствованіи педагогическимъ совѣтомъ поведенія и успѣшности кандидата.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

13. (27-го января 1904 года). *Положеніе о стипендіи имени С. А. Владимірскаго при Московскомъ промышленномъ училищѣ.*

(На основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года, утверждено временно управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, г. товарищемъ министра).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу шестьсотъ рублей, собраннаго служащими въ Московскомъ промышленномъ училищѣ, учреждается при ономъ стипендія имени бывшаго директора сего училища С. А. Владимірскаго.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственной 4% рентѣ, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ Московскаго промышленнаго училища, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставался навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за обученіе одного изъ воспитанниковъ Московскаго промышленнаго училища.

§ 4. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту названнаго училища.

§ 5. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время пребыванія въ Московскомъ промышленномъ училищѣ, но можетъ быть лишень стипендіи, по постановленію педагогическаго совѣта, за малоуспѣшность въ наукахъ, если таковая произошла по неуважительнымъ причинамъ, а равно за неодобрительное поведеніе.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

14. (29-го января 1904 года). *Положеніе о стипендіи имени торговаго дома Л. Кнопъ при гимназическомъ отдѣленіи училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви свв. Петра и Павла въ Москвѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На проценты съ капитала въ *четыре тысячи* рублей, пожертвованнаго торговымъ домомъ Л. Кнопъ, учреждается при гимназическомъ отдѣленіи училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви свв. Петра и Павла въ Москвѣ одна стипендія имени торговаго дома Л. Кнопъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ $4\frac{1}{2}\%$ облигаціяхъ Московскаго городского кредитнаго общества, хранится въ несгораемомъ шкафу Московскаго учетнаго банка.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ въ казну 5% сбора, употребляются на взносъ платы за ученіе стипендіата, а могущій оказаться остатокъ присоединяется къ основному стипендіальному капиталу.

§ 4. Означенная стипендія предоставляется достойнымъ нуждающимся воспитанникамъ вышеназваннаго учебнаго заведенія, безъ различія въ роисповѣданія и происхожденія.

§ 5. Право назначенія стипендіата принадлежитъ торговому дому Л. Кнопъ въ Москвѣ.

§ 6. Лишеніе ученика стипендіи до окончанія курса предоставляется совѣту училища, но съ предувѣдомленіемъ того учрежденія (торговаго дома Л. Кнопъ), которому принадлежитъ право на замѣщеніе стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

15. (29-го января 1904 года). *Положеніе о стипендіи имени коллежскаго совѣтника Павла Юрьевича Мандражи при Аккерманской мужской гимназійи.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго вдовою коллежскаго совѣтника Павла Юрьевича Мандражи Екатериной Феодоровной Мандражи капитала въ суммѣ *трехъ тысячъ* рублей, учреждается при Аккерманской мужской гимназійи одна стипендія имени покойнаго мужа жертвовательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, обращенный въ 4% непрерывно доходный билетъ государственной комиссіи погашенія долговъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназійи и, составляя ея неотъемлемую собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Поступающіе со стипендіальнаго капитала проценты въ количествѣ 120 р. въ годъ, выдаются стипендіату въ два срока, а именно: 60 р. въ іюль и 60 р. въ январѣ мѣсяцѣ.

§ 4. Въ случаѣ смерти стипендіата, образовавшіяся отъ его стипендіи сбереженія съ наросшими на нихъ процентами, а также могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи остатки, присоединяются къ стипендіальному капиталу.

§ 5. Стипендіатъ избирается изъ сыновей жителей г. Аккермана, безъ различія званій, исключительно православнаго вѣроисповѣданія, изъ бѣднѣйшихъ и способнѣйшихъ учениковъ послѣднихъ трехъ классовъ. Если же между соискателями этихъ стипендій окажется кто-либо изъ фамиліи покойнаго Павла Юрьевича Мандражи, то такому отдается преимущество передъ прочими соискателями.

§ 6. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ гимназійи.

§ 7. Выдача стипендіи прекращается въ слѣдующихъ случаяхъ: а) по окончаніи стипендіатомъ курса наукъ въ Аккерманской гимназійи, б) въ случаѣ выбитія его изъ этой гимназійи и в) въ случаѣ неудовлетворительности успѣховъ или поведенія.

§ 8. Если малоуспѣшность стипендіата произошла отъ болѣзни или если стипендіатъ будетъ оставленъ на второй годъ въ томъ же классѣ, отъ педагогическаго совѣта будетъ зависѣть продолжить или прекратить дальнѣйшее производство стипендіи.

§ 9. Въ случаѣ лишенія стипендіата права на полученіе стипендіи по причинамъ, обозначеннымъ въ пунктѣ в § 7, образовавшіяся сбереженія отъ стипендіи съ наросшими на нихъ процентами причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 10. Если отъ приращенія или отъ присоединенія къ стипендіальному капиталу новыхъ пожертвованныхъ суммъ количество ежегодныхъ съ него процентовъ дойдетъ до 300 р. или болѣе, то открывается еще одна или болѣе стипендій въ томъ же учрежденіи и на такихъ же условіяхъ.

§ 11. Въ случаѣ преобразованія гимназій въ реальное училище или въ другой типъ среднихъ учебныхъ заведеній, стипендіа на изложенныхъ основаніяхъ, съ тѣмъ же наименованіемъ, переходитъ въ преобразованное учебное заведеніе; въ случаѣ же закрытія гимназій или преобразованнаго изъ нея средняго учебнаго заведенія стипендіа переводится, по опредѣленію попечителя Одесскаго учебнаго округа, въ другое среднее учебное заведеніе г. Аккермана, а за неимѣніемъ такового— въ ближайшее по мѣсту среднее же учебное заведеніе.

§ 12. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

16. (29-го января 1904 года). *Положеніе о стипендіи имени Вольдемара Циммеръ въ реальномъ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви Св. Михаила въ Москвѣ.*

(Утверждено на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26-го мая 1897 года).

§ 1. На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Московскимъ купцомъ Адольфомъ Циммеръ и супругою его Эммой Циммеръ капитала въ пять тысячъ рублей учреждается въ реальномъ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви Св. Михаила въ Москвѣ стипендіа имени ихъ умершаго сына Вольдемара Циммеръ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ Московской конторѣ государственнаго банка.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала должны быть употребляемы на содержаніе одного пансіонера или на взносъ платы за ученіе двухъ приходящихъ учениковъ означеннаго училища.

§ 4. Первымъ кандидатомъ на эту стипендію, согласно воляжъ жертвователей, назначается воспитанникъ Юліанъ Бернгофъ, который долженъ пользоваться стипендіей, въ качествѣ пансіонера, до окончанія курса въ упомянутомъ училищѣ.

§ 5. Такъ какъ въ настоящее время проценты съ пожертвованнаго капитала недостаточны на уплату за содержаніе пансіонера, то недостающая сумма ежегодно доплачивается жертвователями, согласно принятому ими на себя обязательству, до того времени, пока означенный Берригофъ не кончитъ курса въ названномъ училищѣ.

§ 6. По окончаніи Берригофомъ курса, право на замѣщеніе стипендіи предоставляется супругамъ Циммеръ пожизненно, а послѣ ихъ смерти церковному совѣту евангелическо-лютеранскаго прихода Св. Миханла.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бьлоха*, П. Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Переработалъ А. Соколовъ. 36-е изданіе, вновь пересм., В. В. Думнова. М. 1903. Стр. IV + 174 + 1 карта + 1 таблица. Цѣна 70 коп.“

— „*Житсцкій*, П. 1) Теорія сочиненія съ хрестоматіей. Изданіе 4-е. Кіевъ. 1902. Стр. VIII + 112 + 132. Цѣна 1 р.—2) Теорія поэзіи. Изданіе 3-е. Кіевъ. 1902. Стр. II + 294. Цѣна 1 р.“

— „*Соколовъ*, А. Краткій учебникъ географіи. Курсъ виѣвропейскихъ частей свѣта. Изданіе А. Ильина. С.-Пб. 1904. Стр. 95. Цѣна 60 коп.“

— „*Флѣровъ*, А. II. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Изданіе 4-е, Е. П. Распопова. Одесса. 1903. Стр. X + 74 + XLIII. Цѣна 50 коп.“

б) въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Daudet, Alphonse. Le petit chose.* Обработаль *Б. Θ. Кленце.* Изданіе С. А. Маиштейна. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Маиштейна*). С.-Пб. 1903. Стр. 116 (въ текстѣ) + 93 (въ приложеніяхъ). Цѣна съ приложеніями 65 коп. въ перепл.“ (для среднихъ и старшихъ классовъ, а также и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

в) въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Авенаріусъ, В. П.* Необыкновенная исторія о воскресшемъ помпейцѣ. Фантастическая повѣсть. (Переработана для юношества). Изданіе П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 106. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 80 коп., въ перепл. 1 р. 10 коп.“ (для средняго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Ганъ, Ф.* Африка. Полный переводъ *Д. А. Корончевскаго.* Изданіе т-ва „Просвѣщеніе“. (Всемирная географія. Подъ общей ред. *В. Сиверса*). С.-Пб. 1903. Стр. XII + 641. 15 вып. по 50 коп., въ роск. полуож. перепл. 8 р. 50 коп.“ (также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Гауфъ, Вильгельмъ.* Сказки. Переводъ съ полнаго нѣм. изданія *П. Н.* Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1903. Стр. XVI + 469. Цѣна въ перепл. 2 р. 50 коп.“ (также и въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Дефо, Даніэль.* Робинзонъ-Крузо. Полный переводъ *Л. А. Мурахиной.* Иллюстрир. изданіе т-ва *И. Д. Сытина.* Подъ ред. *Н. В. Тулунова.* М. 1904. Стр. 565. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 коп.“ (для средняго и старшаго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Зелениъ, А. В.* Очерки изъ животнаго царства. Изданіе *П. П. Сойкина.* С.-Пб. 1903. Стр. 179. Цѣна 1 р.“ (также и въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки).

— „*Каракашъ, Надежда.* Наши друзья и враги. Зоологическіе рассказы для дѣтей. Изданіе *А. Ф. Девріена.* С.-Пб. 1903. Стр. 164.

Цѣна 70 коп., въ папкѣ 90 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Очерты голову. (На краю гибели). Изданіе 4-е, Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 483. Цѣна 1 р. 50 коп., въ папкѣ 1 р. 75 коп.“ (для средняго возраста, а также и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Сервантесъ. Донъ-Кихоть. Сокращенный переводъ для юношества. Изданіе 2-е, испр., П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 184. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 70 коп., въ коленк. перепл. 1 р.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „Силантьевъ, А. А. Опредѣлитель европейскихъ птицъ. (Перепечатано, съ дополненіями, изъ сочиненія „Птицы Европы“ Н. А. Холодковскаго и А. А. Силантьева). Изданіе А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1901. Стр. VIII + 128. Цѣна 1 р. 20 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Царевскій, А. А. Святый Іоаннъ Дамаскинъ, какъ православный богословъ и церковный христіанскій пѣснопѣвецъ. 2-е изданіе. Казань. 1901. Стр. 38. Цѣна 30 коп.“

— „Царство животныхъ въ картинахъ. 250 изображеній съ объяснительнымъ текстомъ П. Ю. Шмидта. Изданіе А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1903. 23 табл. + 39 стр. Цѣна 4 р.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки).

2. Допустить условно слѣдующую книгу:

въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „Anspach, A., et C. du Loup. Recueil de morceaux choisis. St.-Pbg. 1904. VII + 287 pages. Prix 1 rouble.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Атинъ, К.* Русская азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія, составленная по натуральному (разговорному) методу для инородцевъ. Изданіе Эрнста Платеса. Рига 1903. Стр. 115. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ инородческихъ училищъ Рижскаго учебнаго округа).

— „*Hörschle, R.* 1) Aufsatzbüchlein für die allereinfachsten Dorfschulen im Anschluss an den I. Teil des Lesebuchs von Kornelius Unruh und Karl Wilhelm. Odessa. 1903. Стр. 48. Цѣна 30 коп.—2) Pläne für die Hand der Schüler zum Aufsatzbüchlein. Odessa. 1903. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Горбунъ-Посадовъ, П., и Я. Егоровъ.* Азбука-картинка съ подвижными разрѣзными буквами. № 113. Изданіе 8-е. М. 1903. Стр. 44. Цѣна 10 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Малышевъ, Иванъ.* Краткая исторія ветхаго и новаго за-вѣта. Для учащагося римско-католическаго юношества. Изданіе 4-е. Вильна. 1902. Стр. VI+88. Цѣна не обозначена.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ Виленскаго, Варшавскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ).

б) въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ за-веденій:

— „*Крижъ, В. О.* Руководство къ азбукѣ для сельскихъ школъ русской и церковно-славянскою. 2-е испр. и доп. изданіе П. О. Жиркова. М. 1903. Стр. 62. Цѣна 10 коп.“

— „Энциклопедическій словарь. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейп-

цигъ) и П. А. Ефронъ (С.-Пб.). Полутомъ 77. С.-Пб. 1903. Стр. 480. (для учительскихъ семинарій, а также городскихъ и двухклассныхъ приходскихъ училищъ).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній ¹⁾:

— „*Алтисаъ, А.* Отъ земли. Повѣсть для дѣтей. 2-е изданіе ред. журн. «Дѣтское чтеніе» и «Педагогическій листокъ» (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 196. Цѣна 50 коп.“

— „*Барыкова, А.* Спасенный. Повѣсть въ стихахъ. (Изъ Теннисона). № 84. М. 1901. Стр. 53. Цѣна 3 коп.“

— „*Бичеръ-Стоу, Гарриэтъ.* Хижина дяди Тома. Съ англ. перевела и сократила для дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ *М. К. Е.* 2-е изданіе К. Тихомирова. М. 1904. Стр. XXII+303. Цѣна 50 коп.“

— „*Блиновъ, Н. Н.* На пивѣ народной. Изданіе 3-е, магазина «Книжное дѣло». М. 1903. Стр. 30. Цѣна 10 коп.“

— „*Блиновъ, Николай.* Сельская общественная служба. Бесѣды старосты-крестьянина. Изданіе 6-е, испр. и дополн., К. Тихомирова. (Библіотека народныхъ книгъ). М. 1903. Кн. I. Сельскій староста и сборщикъ податей. Стр. 37.—Кн. II. Сельское общество. Стр. 32.—Кн. III. Мірскіе сходы сельскій и селенный. Стр. 32.—Вып. IV. Смотритель хлѣбозапаснаго магазина, народное продовольствіе. Стр. 34.—Кн. V. Селенные и пожарные старосты, караульщики, разсылки. Стр. 27.—Кн. VI. Урядники, стражники и десятскіе. Врачебная помощь. Стр. 28.—Кн. VII. Охраненіе полей и лѣсовъ. Полевые и лѣсные сторожа. Стр. 26.—Кн. VIII. Служба отечеству по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ. Стр. 40.—Кн. IX. Учетъ мірскихъ денегъ.—Сельскій банкъ.—Кредитное товарищество.—Крестьянскій поземельный банкъ. Стр. 33.—Кн. X. Крестьянскія переселенія. Стр. 30. Цѣна каждой книжки 6 коп.“

— „*Бодановъ, М. Н.* I. Что такое птица. II. Осенній перелетъ птицъ. 2 разсказа. (Библіотека для дѣтей и для юношества. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1904. Стр. 32. Цѣна 12 коп.“

¹⁾ Сочленія, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Булаковскій, Д.* Во время войны. Что долженъ помнить и дѣлать русскій народъ? 4-е изданіе. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 4 коп.“

— „*Бъловъ, С. П.* Хоръ двухклассной школы. Маленькія музыкальныя сочиненія на слова изъ разныхъ школьныхъ хрестоматій. С.-Пб. 1903. Стр. 51. Цѣна 75 коп.“

— „*Вердеревская, С.* Житіе святого Серафима, Саровскаго чудотворца. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 112. Цѣна 25 коп.“

— „Вѣрный другъ. Разсказъ по Киплингу. Изданіе ред. журн. «Дѣтское чтеніе» и «Педагогическій листокъ». (Библиотека-копѣйка). М. 1903. Стр. 8. Цѣна 1 коп.“

— „*Герасимовъ, П. Н.* Среди людей и животныхъ. Изданіе С.-Пб. отдѣла Рос. общ. покровительства животнымъ. С.-Пб. 1903. Стр. 50. Цѣна 20 коп.“

— „*Гуленко, М.* Среди болота и лѣсовъ. Краткій разсказъ о Бѣлоруссіи и бѣлорусахъ. № 321. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“

— „*Елоровъ, В. П.* Литературно-сценической сборникъ для семьи и школы. Томъ I. Выпускъ V-й. Изданіе 2-е, испр. С.-Пб. 1902. Стр. 36. Цѣна 30 коп.“

— „*Жуковский, В. А.* Избранныя сочиненія. Изданіе 2-е, К. Тихомирова. М. 1904. Стр. VI+277. Цѣна 60 коп.“

— „Зеленый охотникъ“. Робинъ Гудъ. Переводъ съ англ. *Л. Стинцовой*. 2-е изданіе ред. журн. «Дѣтское чтеніе» и «Педагогическій листокъ» (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 48. Цѣна 20 коп.“

— „*Горделиа.* Гора чудесъ. Индійская повѣсть. Переводъ съ итальянскаго. Изданіе М. В. Ключкина. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Круловъ, А. В.* Деревенскія модницы. Изданіе 3-е, В. С. Спиридонова. М. 1903. Стр. 30. Цѣна 15 коп.“

— „*Круловъ, А. В.* Домна-ректорша. Изданіе 2-е, В. С. Спиридонова. М. 1903. Стр. 110. Цѣна 50 коп.“

— „*Круловъ, А. В.* Любовь и истина. (Духовные мотивы). Изданіе 2-е, В. С. Спиридонова. М. 1902. Стр. 39. Цѣна 20 коп.“

— „*Круловъ, А. В.* Раннею весною. Разсказы. Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1904. Стр. 122. Цѣна 80 коп.“

— „*Курчевскій, В.* Чтеніе о письменахъ. М. 1904. Стр. 23. Цѣна 15 коп.“

— „*Лукашевичъ, Клавдія*. 1) Грачи прилетѣли. Стр. 30. Цѣна 20 коп. — 2) Три корзиночки земляники. Стр. 32. Цѣна 20 коп. — 3) Воришка. Стр. 36. Цѣна 15 коп.—4) Сказка о двухъ хлѣбныхъ зернышкахъ. Стр. 28. Цѣна 15 коп. (Всѣ—изданія С. Курнина и К°. М. 1904).“

— „*Лукашевичъ, Клавдія*. Оборона Севастополя и его славные защитники. Изданіе т-ва Н. Д. Сытина. М. 1904. Стр. 289. Цѣна 2 р.“

— „*Львовичъ, В.* По Азіи. Сборникъ описательныхъ статей. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 381. Цѣна 1 руб.“

— „*Малицкій, П. И.* 1) Саровская пустынь и великій подвижникъ ея, преподобный старецъ Серафимъ. Тула. 1903. Стр. 97. Цѣна 25 коп.—2) Преподобный старецъ Серафимъ, великій подвижникъ Саровской пустыни. Тула. 1903. Стр. 42. Цѣна 10 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* 1) Сѣрая шейка. Стр. 16. Цѣна не обозначена. — 2) Упрямый козель. Стр. 32. Цѣна 10 коп. — 3) Черная армія. Стр. 14. Цѣна 5 коп. (Всѣ 3 — изданія ред. журн. «Дѣтское чтеніе» и «Педагогическій листокъ» [Дешеваѣ бібліотека для семьи и школы]. М. 1903).“

— „*Микуличъ, В.* 1. Бѣдные люди. 2. Жаба. По В. Гюго. № 426. М. 1902. Стр. 31. Цѣна 1½ коп.“

— „*Мионовъ, Ал. М.* Путеводитель по Московской городской художественной галлерей Н. и С. Третьяковыхъ. М. 1902 Стр. 78. Цѣна 35 коп.“

— „*Михневъ, Василій*. О воеводѣ Вышатѣ, какъ онъ о войска-дружины сердцемъ болѣлъ и какъ за то въ Цареградѣ муки принялъ. Сказаніе для народа. М. 1897. Стр. 71. Цѣна не обозначена.“

— „*Моцанскій, А.* Свѣтъ—не безъ добрыхъ людей. Бытовой очеркъ. 4-е изданіе К. Тихомирова. (Бібліотека народныхъ книгъ). М. 1904. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— „*Назаревскій, В.* Русская исторія. Чтеніе для Московскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. IV выпускъ. Изданіе комиссія по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1903. Стр. 127. Цѣна не обозначена.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Гаврюшкинъ плѣнь. Повѣсть. Изданіе 5-е ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Бібліотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 207. Цѣна 65 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Соколиныя гнѣзда. Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. 4-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чте-

ніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 119. Цѣна 50 коп.“

— „*Острогорскій, Викторъ*. Изъ народнаго быта. Изданіе 6-е, ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 45. Цѣна 10 коп.“

— „*Свободинъ, М.* Скворцы. Изданіе С. Курнигъ и К°. М. 1903. Стр. 20. Цѣна 15 коп.“

— „*Семеновъ, С. Т.* Изъ дѣтскихъ лѣтъ крестьянина. Изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 62. Цѣна 20 коп.“

— „*Серътенко, П. А.* Сестра милосердія. Повѣсть. 2-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 132. Цѣна 40 коп.“

— „*Ольверцевъ, Г. Т. (Полиловъ)*. I. Еватерина Великая на Волгѣ. II. Что крѣпче? Два историч. разсказа для дѣтей. Изданіе автора. С.-Пб. 1903. Стр. 25. Цѣна 25 коп.“

— „*Т., Е.* Юрій Милославскій. По роману М. П. Загоскина. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 280. Цѣна 30 коп.“

— „*Тиличьева, М. В.* Алека или Гдѣ же счастье? (съ французскаго). М. 1904. (Школьная библіотека). Стр. 28. Цѣна 10 коп.“

— „*Юрьева, М.* Въ морѣ житейскомъ. Исторія одного семейства. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 289. Цѣна 1 р.“

— „*Федоровъ-Давыдовъ, А. А.* Разсказы и сказки. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 54. Цѣна 30 коп.“

г) въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки ¹⁾:

— „*І.* Братъ милосердія. Повѣсть. II. Ворота настезь! или Необыкновенный постоялый дворъ. Быль. № 143. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“

— „*Бумаковскій, Д. Г.* Противъ пьянства. 2-е изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. 36. Цѣна 15 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Буше, Е.* Давайте рисовать. Легкія упражненія въ рисованіи

¹⁾ Книги, допущенныя въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть приобретаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученщескія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

(Библиотека для дѣтей и для юношества подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1902. Стр. 8+21+64 листа рисунковъ. Цѣна 70 коп., въ пакѣ 1 р.“

— *„Варлигъ, В. К.* Важнѣйшія болѣзни нашихъ культурныхъ растений, причиняемыя паразитными грибами. Изданіе *А. Ф. Девриена*. I. Болѣзни хлѣбныхъ злаковъ. С.-Пб. 1897. Стр. IV+37. Цѣна 50 коп.—II. Болѣзни плодовыхъ деревьевъ. С.-Пб. 1898. Стр. X+140. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— *„Василь, Н.* Разказы объ оборонѣ Севастополя. Сборникъ очерковъ и разказовъ. Изданіе *М. В. Клюкина* (Историческая библиотека). М. 1904. Стр. 88. Цѣна 20 коп.“

— *„Верещинъ, В. П.* Исторія Государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ его правителей съ краткимъ пояснительнымъ текстомъ. С.-Пб. 1890. 71 рис. Цѣна 6 р.“

— *„Герасимовъ, П. Н.* Народные разказы. Изданіе *К. Тихомирова*. (Библиотека народныхъ книгъ). М. 1903. Стр. 48. Цѣна 8 коп.“

— *„Гольмисъ, Ф. М.* Великіе люди и ихъ великія произведенія. Разказы о сооруженіяхъ знаменитыхъ инженеровъ. Переводъ съ англ. *М. А. Жебелевой*. Изданіе 2-е, *О. Н. Поповой*. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+272. Цѣна 1 р. 20 коп.“

— *„Горюхастовъ, Ѳ.* Друзья сельскаго хозяина. Изданіе т-ва *П. Д. Сытина*. (Библиотека сельскаго хозяина). М. 1903. Стр. 108+III. Цѣна 25 коп.“

— *„Зандъ, Жоржъ.* Великанъ Іеусъ. Сказка. Переводъ *М. Д. Никоновой*. 2-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 55. Цѣна 12 коп.“

— *„Зандъ, Жоржъ.* Крылья мужества. Сказка. Переводъ *М. Д. Никоновой*. 2-е изданіе, ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. (Библиотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 98. Цѣна 20 коп.“

— *„Короичевскій, Д. А.* Первые уроки этнографіи. Изданіе *К. И. Тихомирова*. М. 1903. Стр. 176. Цѣна 75 коп.“

— „1) *Корея.* Исторія ея, политическое устройство, экономическое положеніе, торговля и промышленность. С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 10 коп.—2) Карта театра Русско-Японской войны. Цѣна 5 коп. Обѣ—изданія ред. «Новаго Журнала иностранной литературы».“

— *„Кочетковъ, В.* Въ чемъ польза травосѣянія и почему оно

быстро распространяется? (Деревенское хозяйство. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*. Вып. 30-й). М. 1903. (Стѣнной плакатъ).“

— „*Кравчинскій, Дм.* Лѣсовозращеніе. Основанія лѣсохозяйственного растеніеводства. 2-е изданіе, измѣн., *А. Ф. Девриена*. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+273. Цѣна 2 р. 25 коп.“

— „*Круловъ, А. В.* Варуль и Онуфрій. Изданіе 2-е, *В. С. Спиридонова*. М. 1903. Стр. 31. Цѣна 15 коп.“

— „*Лейкингъ, Н. А.* Дачные страдальцы. 5 юмористическихъ рассказовъ. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1900. Стр. 244. Цѣна 60 коп.“

— „*Лермонтовъ, М. Ю.* Ангель и другія стихотворенія. № 290. М. 1903. Стр. 30. Цѣна 1½ коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Кара-ханымъ. (Дешевая бібліотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 19. Цѣна 5 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* 1) Хитрый нѣмецъ. Стр. 23. Цѣна 5 коп.—2) Дорогой камень. Стр. 48. Цѣна 10 коп.—3) Дѣдушкино золото. Стр. 40. Цѣна 10 коп.—4) Въ глуши. Стр. 23. Цѣна 7 коп. (Всѣ 4—изданія ред. журн. «Дѣтское чтеніе». [Библіотека для семьи и школы]. М. 1903).“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* По Уралу. Рассказы и очерки. 2-е изданіе ред. журн. «Дѣтское чтеніе». (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 185. Цѣна 50 коп.“

— „*Митропольскій, И.* Король камышей. Изданіе ред. журн. «Дѣтское чтеніе». (Библіотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 86. Цѣна 30 коп.“

— „На что и кладъ, коли въ семьѣ ладъ. Сборникъ для взрослыхъ про семейную жизнь. № 172. М. 1901. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вис. Ив.* Контрабандисты. Изданіе 2-е, *П. П. Сойкина*. С.-Пб. 1903. Стр. 206. Цѣна 1 р.“

— „*Ожешко, Элиза.* Въ зимній вечеръ. Переводъ съ польскаго *Маріи Троповской*. № 337. М. 1900. Стр. 103. Цѣна 3 коп.“

— „*Орловскій, Сергій.* Фредъ. (Школьная бібліотека). М. 1904. Стр. 44. Цѣна 15 коп.“

— „*Орловъ, Н. Н.* Деревенскія бесѣды о житьѣ-бытьѣ. Выпускъ 1-й. М. 1901. Стр. 121. Цѣна 10 коп.“

— „*Осетровъ, З. Б.* Деревенская свадьба. Рассказъ. Изданіе *П. П. Сойкина*. (Народная бібліотека). С.-Пб. 1903. Стр. 16. Цѣна 8 коп.“ (съ условіемъ пониженія цѣны ея до 3 коп.)

— „*Осетровъ, З. Б.* Подъ огнемъ. Изданіе *П. П. Сойкина*. (Народная бібліотека). С.-Пб. 1903. Стр. 20. Цѣна 8 коп.“

— „*Осетровъ, З. Б.* Сиротская копѣйка. Изданіе П. П. Сойкина. (Народная бібліотека). С.-Пб. 1903. Стр. 20. Цѣна 8 коп.“

— „*Ошанинъ, И. А.* Общее положеніе о крестьянахъ. Изданіе неофициальное. Рыбинскъ. 1903. Стр. 140. Цѣна 75 коп.“

— „Полная энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства и сопрікасающихся съ нимъ наукъ. Изданіе А. Ф. Девріена. Томъ IV. Картофелекопатели—Лень. С.-Пб. 1901. Стр. 1282.—Томъ V. Летучіе пески—Образованіе почвъ. С.-Пб. 1901. Стр. III+1280+4.—Томъ VI. Образованіе сельскохозяйственное—Питомникъ плодовой. С.-Пб. 1902. Стр. 1292.—Томъ VII. Пихта—Пчеловодство въ Россіи. С.-Пб. 1902. Стр. 1280. Цѣна каждому тому 7 р. 50 коп.“

— „*Радичъ, В. А.* На стражѣ православія. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 205. Цѣна 50 коп.“

— „*Русаневичъ, А.* 1) Сельскія богадѣльни для престарѣлыхъ и одинокихъ крестьянъ. Изданіе 4-е. Екатеринославъ. 1903. Стр. 28. Цѣна 10 коп.—2) Сельскія попечительства или комитеты для организаціи въ деревняхъ благотворительности. Изданіе 4-е. Екатеринославъ. 1903. Стр. 22. Цѣна 15 коп.—3) Вышкольное просвѣщеніе народа въ связи съ разумными его развлеченіями. Екатеринославъ. 1903. Стр. 23. Цѣна 15 коп.“

— „Самоотверженные. Сборникъ разсказовъ. Изданіе магаз. «Книжное дѣло». М. 1903. Стр. 224. Цѣна 50 коп.“

— „*Семшовъ, С.* Алексѣй заводчикъ. Разсказъ. № 334. М. 1899. Стр. 90. Цѣна не обозначена.“

— „*Семеновъ, С. Т.* 1) Васька. № 388. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.—2) Дядя Ойрсай. № 461. М. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена.“

— „*Семеновъ, С. Т.* 1) Невѣста. № 463. М. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена.—2) Настасья Большенина. Разсказъ. (Для взрослыхъ). № 181. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“

— „*Семеновъ, С. Т.* Недруги. Разсказъ. № 378. М. 1900. Стр. 36. Цѣна не обозначена.“

— „*Сизова, А. К.* Добрый бояринъ стараго времени. Изданіе ред. журн. «Дѣтское чтеніе» и «Педагогическій листокъ». (Бібліотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 43. Цѣна 15 коп.“

— „*Соболевъ, Алексѣй.* Посадка деревьевъ для защиты построекъ отъ пожара. С.-Пб. 1903. Стр. V+113. Цѣна 60 коп.“

— „*Старицынъ, Дл.* Крестьянское хозяйство. 2-е изданіе, К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

- „Толстой, Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Изданіе магаз. «Книжное дѣло». М. 1904. Стр. 71. Цѣна 80 коп.“
- „Ульяновъ, А. Вакса и Скрипка. Изданіе торг. дома С. Курингъ и К°. М. 1904. Стр. 48. Цѣна 40 коп.“
- „Чеховъ, А. П. Каштанка. Разсказъ. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1903. Стр. 93. Цѣна 2 р. 50 коп.“
- „Шмулевичъ, Я. М. Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ. Изданіе 4-е, перераб. и доп., А. Ф. Девриена. С.-Пб. 1904. Стр. XV+864. Цѣна 3 р.“
- „Эберсъ, Георгъ. Человѣкъ 60 есмь. Переводъ съ нѣм. Д. И. Котляръ. Изданіе О. Н. Поповой. (Библиотека «Другъ»). С.-Пб. 1903. Стр. 195. Цѣна 60 коп.“
- „Эллиотъ, Джорджъ. Братъ и сестра или Мельница на флоссѣ. Переводъ съ англ. В. Толстой. № 449. М. 1903. Стр. 504. Цѣна 43 коп.“
- „Юрѣва, М. Пріемышъ. Изданіе В. С. Спиридонова. М. 1903. Стр. 88. Цѣна 40 коп.“

2. Допустить условно слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

- „Гольдманъ, Л. Б. Русское пѣніе. Сборникъ русскихъ гимновъ, народныхъ и военныхъ пѣсенъ. Для трехъ однородныхъ головъ. Изданіе 3-е, значит. дополн. С.-Пб. 1903. Стр. 154. Цѣна 1 р.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).
- „Крижъ, В. О. 1) Азбука для сельскихъ школъ, русская и церковно-славянская. 3-е изданіе И. О. Жиркова. М. 1903. Стр. 124. Цѣна 25 коп.—2) Азбука для сельскихъ школъ. Церковно-славянская азбука. Изданіе И. О. Жиркова. М. 1902. Стр. 24. Цѣна 8 коп.“ (для начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы книги, при слѣдующемъ изданіи, были исправлены согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).
- „Покровский, М. Послѣ азбуки. С.-Пб. 1903. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ). (Повторяется, въ виду неправильно напечатанной, въ октябрьской книжкѣ 1903 г., цѣны книжки).

б) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Булмаковскій, Д. Г.* Первая русская хрестоматія съ подборомъ статей о вредномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье, матеріальное благосостояніе и нравственность. Изданіе 3-е, М. В. Ключина. М. 1903. Стр. 160. Цѣна 30 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена по замѣчаніямъ ученаго комитета).

в) въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „Японскія народныя сказки. Въ переводѣ *А. А. Оедорова-Давыдова*. Изд. ред. журн. „Свѣтлячокъ“ и „Путеводный огонекъ“. М. 1904. Стр. 40. Цѣна 20 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были устранены недостатки книги).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Двѣ картины, подъ общимъ заглавіемъ: „Война 1853—1856 годовъ. Оборона Севастополя. Изданіе газеты „Русское чтеніе“. С.-Пб. 1904. Цѣна за обѣ картины 1 руб.“ — допустить къ вывѣшиванію на стѣнахъ классныхъ комнатъ низшихъ учебныхъ заведеній, а также и въ помѣщеніяхъ бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Изданіе „Пчеловодство. Ежемѣсячный журналъ, издаваемый подъ ред. *С. К. Краснопорова*. Вятка. Цѣна съ дост. и перес. на годъ 1 р.“ — внести въ списокъ періодическихъ изданій, допущенныхъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*Ределинъ, Марія*. Руководство къ хозяйству и домоводству въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изданіе *А. Ф. Маркса*. С.-Пб. Стр. 339. Цѣна 1 р. 40 к., въ переп. 2 р.“ — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, включивъ ее также въ каталогъ пособій по домоводству.

— Книгу: „*Билльс, лейтенантъ*. Въ маленькомъ гарнизонѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе *В. Березовскаго*. (Бесплатное приложеніе къ журналу „Развѣдчикъ“ за 1904 г.). С.-Пб. 1904. Стр. 183.“ — **не допускать** въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованию, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Брошюры: 1) „*Адольфъ Врукъ*. Драгоценныя камни. Практическіе совѣты къ распознаванію и примѣненію драгоценныхъ камней для разныхъ цѣлей. Переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 75 коп. Изд. К. Казначеева. Москва. 1902 г.“ и 2) „*Д. Чукмасовъ*. Приготовленіе шубнаго и косянаго клея. Изд. 2-е К. Казначеева. Москва. 1902 г. Цѣна 20 коп.“—допустить первую въ бібліотеки среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ, а вторую въ бібліотеки какъ техническихъ, такъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Э. Кюге*. Мочка льна въ мочилахъ и механическая обработка его. Изд. Тихомирова. Москва. 1903 г. Цѣна 40 коп.“—допустить въ бібліотеки сельскохозяйственно-техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

— Книгу профессора *Грунмаха* и инженера *Розенбоома* подъ заглавіемъ: „Промышленность и техника. Энциклопедія промышленныхъ знаній. Т. II. Силы природы и ихъ примѣненіе въ промышленности и технику. Полный переводъ съ нѣкоторыми измѣненіями IX нѣмецкаго изданія, подъ редакціей профессора *Н. А. Гезехуса*. Въ 10 выпускахъ. Изд. Тов. Просвѣщеніе. С.-Пб. 1901—1902 г. Цѣна 5 р.“—одобрить для ученическихъ бібліотекъ промышленныхъ училищъ.

— Брошюру *М. А. Орлова*: „Какъ дѣлается поташъ. Изд. П. В. Луговникова. С.-Пб. 1903 г. Цѣна 15 коп.“—допустить въ бібліотеки ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру *К. Линдемана*: „О насѣкомыхъ, вредящихъ хлѣбнымъ зернамъ и мукъ въ амбарахъ. Изданіе К. Тихомирова. Москва. 2-е изданіе 1903 г. Цѣна 10 к.“—допустить въ ученическія бібліотеки сельскохозяйственно-техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

О ПОСЛѢДНЕЙ РЕДАКЦИИ ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА „ДЕМОНЪ“¹⁾.

Пробудится ль въ тебѣ о прошломъ сожалѣнье?
Иль быстро пробѣжавъ докучную тетрадь,
Ты только мертваго, пустого одобренья
Наложилъ на нее тяжелую печать;—
И не узнаешь здѣсь простого выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ;
И примешь за игру или сонъ воображенья
Большой души тяжелый бредъ..

Съ такими словами обращался Лермонтовъ къ своему другу В. А. Бахметевой, посвящая ей поэму „Демонъ“ незадолго до своей кончины. Придавая большое значеніе этому творенію, поэтъ сомнѣвался въ благопріятномъ отношеніи къ нему любимаго человѣка и, вѣроятно, мало рассчитывалъ быть понятымъ послѣдующими поколѣніями. Его опасенія оправдались. Дѣйствительно, какъ можно было правильно оцѣнить поэму, если до 1889 года мы не имѣли въ рукахъ окончательно обработанной ея редакціи? Въ то время, какъ слава Лермонтова росла и всѣ зачитывались его стихами, старались привести въ

---

¹⁾ О „Демонѣ“ говорится во многихъ изслѣдованіяхъ, изъ которыхъ указываемъ нѣкоторые: В. Трохимовичъ. Опытъ изслѣдованія „Демона“ Лермонтова. Одесса. 1885.—В. Д. Спасовичъ. Байронизмъ у Лермонтова (*Вѣстникъ Европы*, 1888, № 1, стр. 529—535).—П. А. Висковатовъ. Сочиненія М. Ю. Лермонтова. М. 1891, т. III, стр. 107—131. Ср. *Русскій Вѣстникъ*, 1889, № 3, стр. 213—258.—И. А. Котляревскій. М. Ю. Лермонтовъ. С.-Пб. 1891, стр. 63—84.—S. Szymansky. Einiges ueber Legmontov's Dämon. Posen, 1897.—С. Махаловъ. Идеалистическія настроенія въ поэмѣ „Демонъ“ Лермонтова [„Памяти В. Г. Бѣлинскаго“ (сборникъ)]. М. 1899, стр. 433—444].

извѣстность даже мелкія и юношескія ея сочиненія,—поэма „Демонъ“ издавалась въ крайне искаженномъ видѣ, съ большими внутренними противорѣчіями (бывали редакціи, въ которыхъ дѣйствіе происходитъ одновременно и въ Испаніи, и на Кавказѣ). Приведемъ сужденія долго изучавшаго рукописи поэта—П. А. Висковатова. Говоря о небрежномъ отношеніи издателей къ первымъ спискамъ поэмы, онъ прибавляетъ, что такой же печальной участи подверглась и такъ называемая послѣдняя редакція. „То же надо сказать и по отношенію къ печатавшейся до сихъ поръ, такъ называемой послѣдней передѣлкѣ „Демона“, причисляемой еще въ изданіи 1887 года къ 1838 году, гдѣ Демонъ одновременно является и искусителемъ Тамары, и лицомъ, ищущимъ примиренія съ небомъ, на основаніи вѣры въ то, что когда любить непорочную дѣвушку и будетъ самъ любимъ ею, она можетъ „однимъ словомъ вернуть отверженнаго любви и небесамъ“. И эту-то дѣвушку, любви которой онъ ищетъ, въ обитель коей онъ входитъ „съ душой открытой для добра“, онъ тутъ же угощаетъ словами насмѣшки надъ Богомъ, который „занять небомъ, не землей“, а испуганную перспективой „мученій ада“ умиротворяетъ словами: „такъ что жъ? ты будешь тамъ со мной“, послѣ чего дѣвушка, знакомая съ сказаніемъ, вѣритъ Демону—соблазнителю и тому, что приходитъ конецъ злу, и только недоумѣваетъ, что избранница неба она, и что черезъ нее совершилось великое событіе: „Ужели небу я дороже всѣхъ несамѣченныхъ тобой?“ восклицаетъ Тамара и затѣмъ беретъ съ Демона, только что глумившагося надъ Богомъ и восхвалявшаго адъ, клятву въ томъ, что онъ откажется навсегда отъ „злыхъ стяжаній“. Не удивительно, что люди серьезные къ поэмѣ „Демонъ“ относились какъ къ произведенію невыдержанному, въ коемъ самоцвѣтные камни поэзии перемѣшаны съ мишурой и фольгой“ ¹⁾.

Неудовлетворительность существовавшихъ редакцій поэмы побудила П. А. Висковатова искать „болѣе осмысленный списокъ“. Поиски увѣнчались успѣхомъ: была найдена рукопись, исправленная рукою поэта, и о ней въ 1888 году былъ прочитанъ докладъ въ литературно-драматическомъ обществѣ. Къ представленной П. А. Висковатовымъ рукописи отнеслись сначала нѣсколько скептически и съ недоумѣніемъ; послѣднее проявилось въ статьяхъ *Новаго Времени*, осторожный авторъ которыхъ, зная, какъ легко можно быть введеннымъ

¹⁾ Сочиненія М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей П. А. Висковатова. Москва, 1891, т. III, стр. 2.

въ заблужденіе удачной поддѣлкой, отказался признать вновь открытую редакцію за подлинную. „Никакимъ эстетическимъ доказательствомъ, никакимъ соображеніемъ г. Висковатова“, писалъ онъ: „при этомъ не повѣрятъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказана специалистами подлинность руки Лермонтова... Дѣло слишкомъ серьезное, чтобы принимать на вѣру чьи-то карандашныя поправки въ рукописи, происхожденіе которой даже неизвѣстно далѣе того сторожа, у котораго она была куплена“. „Рукопись носитъ на себѣ такіе слѣды сомнѣнія, что довѣриться ей можно только послѣ тщательной провѣрки людьми, изучавшими рукописи Лермонтова. Несмотря на то, напримѣръ, что рукописи пятьдесятъ лѣтъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ карандашъ очень свѣжъ, до очевидности новаго происхожденія... Если судебныя процессы ставятъ необходимымъ сличеніе почерковъ экспертами, то почему же въ настоящемъ случаѣ этого не нужно? Доказательства эстетическія значатъ очень мало. Печатали же Некрасовъ и Панаевъ въ *Современникѣ* стихи Пушкина, которые оказались потомъ совсѣмъ не Пушкина, а Некрасовъ былъ поэтъ и человѣкъ со вкусомъ“. „Г. Висковатовъ очень смѣло называетъ нѣкоторые мѣста „Демона“ въ печатной редакціи „безмысленными“ и выдаетъ за осмысленные новые стихи. Но осмысленные, по его мнѣнію, были просто прозаичны и банальны, что легко будетъ доказать, когда поэма пойдетъ въ печати въ новой редакціи“¹⁾.

Желая защитить подлинность послѣдней найденной имъ редакціи, П. А. Висковатовъ напечаталъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1889 года, № 3, „подробный разборъ списковъ поэмы и исторіи ея“²⁾. Здѣсь указывались отличія редакціи 1840—1841 года отъ предыдущихъ; эти отличія, съ точки зрѣнія профессора, были усовершенствованіями. Такъ „страстное настроеніе и, власть Демона, которая побуждаютъ Тамару *сердцемъ молиться ему*, отнесены ко времени находенія ея въ отчемъ домѣ“. Это тревожное состояніе было причиной удаленія Тамары въ монастырь, гдѣ ее волнуютъ нныя, уже не грѣховныя мысли; среди нихъ „все больше и больше пробивается мечта о слышанномъ еще въ дѣтствѣ преданіи, по коему непорочная дѣва въ силахъ вернуть къ добру злого духа“. „Если вспомнить, что Демонъ не смѣетъ войти въ святую обитель, что онъ, какъ сказано въ самомъ началѣ

¹⁾ *Новое Время*. 1888, №№ 4374, 4376.

²⁾ Этотъ же разборъ былъ въ сокращеніи перепечатанъ въ т. III „Сочиненій М. Ю. Лермонтова“, М. 1891.

поэмы, „наскучилъ зломъ“ и „вспоминаеть прежнихъ братій“, что онъ впервые, увидѣвъ Тамару, ощутилъ опять любовь, когда-то родное ему чувство, то понятно, что мысль о Тамарѣ является въ Демонѣ связанною не съ желаніемъ сдѣлать зло, а съ желаніемъ переродиться и подъ ея защитою вернуться къ добру. Оттого-то, наконецъ, въ монастырь и келью Тамары

... входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой, открытой для добра;
И мыслить онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.

Въ печатныхъ текстахъ за этими стихами слѣдуетъ:

Пеленный трепеть ожидая,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье,
Спознался съ гордою душой;
То было злое предвѣщанье....

и масса точекъ... Курьезное мѣсто, всегда насъ останавливавшее.

Тутъ есть что-то странное, недодѣланное. Всѣ эти стихи поэтомъ выкинуты, и послѣ четырехъ стиховъ:

И входитъ онъ, любить готовый и т. д.,

говорится въ окончательной обработкѣ:

Минувъ образъ озаренный,
Проникнувъ въ келью смущенный
Духъ отверженія и зла и т. д.

Выходитъ, что и ангелъ знаетъ о древнемъ преданіи и, представляя судъ Богу, на котораго ссылается самъ Демонъ, удаляется. Онъ уступаетъ мѣсто не злomu духу, а падшему своему собрату, *ссылающемуся на волю Бога*.—Въ такомъ видѣ поэма получаетъ иное значеніе. И опять новая строфа открывается не странными, мало мотивированными словами Тамары:

О кто ты? рѣчь твоя ужасна (... опасна),

а описаніемъ, какъ Тамара прислушивается къ гордой рѣчи Демона въ отвѣтъ на слова херувима, какъ она охвачена чуднымъ страхомъ и, вспоминая преданіе, не знаетъ, принять ли гордую рѣчь его за оскорбленіе неба или за исполненіе высшихъ предначертаній его. Не-

чего и говорить, что вся слѣдующая за симъ бесѣда между Демономъ и Тамарой имѣетъ много поправокъ и сокращеній. Риторическія мѣста выкинуты, выкинуто и неподходящее сюда глумленіе надъ тѣмъ, что „Богъ занять небомъ, не землей, и на Тамару и Демона не кипеть взгляда“. Когда, наконецъ, Тамара увѣрилась въ искренности словъ Демона, что она „къ добру и къ небесамъ могла бы его вернуть словомъ“, и требуетъ отъ него клятвы въ отреченіи отъ зла, Демонъ клянется, но и знаменитая клятва является съ измѣненіями и болѣе сжатою“. „Послѣ изложеннаго становится яснымъ, почему въ концѣ поэмы душа умершей Тамары уносится ангеломъ на небо: она пала жертвою заблужденія, а не порочныхъ началъ. Ее, наряду съ личной любовью, увлекали мечты добра и любви ко благу, и небо простило ей ради этой общей любви къ міру, ради ея страданій изъ-за чистыхъ, хоть и обманчивыхъ увлеченій“.

Помимо измѣненій въ содержаніи поэмы, П. А. Висковатовъ отмѣтилъ не малое число исправленныхъ стиховъ, которые, какъ онъ полагалъ, обличали болѣе, чѣмъ прежде, развитіе таланта и болѣе смѣлую руку мастера. Приводимъ для сравненія нѣсколько параллельныхъ мѣстъ въ V (1838 г.) и VI очеркахъ.

V очеркъ 1838 г.

(датированный рукою Лермонтова).

И Терекъ, *прмал* какъ львица
Съ *косматой* гривой на *гребть*...

Питодецъ *рѣзвый* Карабаха
Прядеть *ушми* и, полный страха...

Но презрѣлъ *молодой* женихъ
Обычай *прадѣдовъ* своихъ...

Въ торжественный и *мирный* часъ
Когда грузинка *молодая*
(ходить за водой)...

А въ часъ заката *одѣвались*
Онъ (вершины горъ) *руманой* пеленой.

Бѣлѣй и чище покрывала
Былъ *топный* цвѣтъ ея чела.

VI очеркъ 1840--1841 г.

I часть, III строфа.

И *разъяренною* тигрицей
Косматый Терекъ въ *лубинь*...

I часть, X строфа.

Питодецъ *пѣзвый* Карабаха
Придеть *ушми*, полный страха...

I часть, XI строфа.

Но презрѣлъ *удалой* женихъ
Обычай *прадѣдовъ* своихъ...

II часть, IV строфа.

Въ торжественный *восхода* часъ
(противоположность часа *восхода* и за-
ката)

II часть, XIII строфа.

Бѣлѣй и чище покрывала
Былъ *блѣдный* видъ ея чела.

Кромѣ улучшеній въ отдѣльныхъ стихахъ, П. А. Висковатовъ коснулся и карандашныхъ поправокъ, сдѣланныхъ къ-то въ рукописи новой редакціи „Демона“. „Для меня лично“, пишетъ онъ: „разбравшаго большое количество рукописей Лермонтова, не подлежитъ сомнѣнію, что исправленія и подписи сдѣланы рукою поэта; желая предохранить его карандашныя поправки отъ дальнѣйшей порчи, я покрылъ ихъ лакомъ, для болѣе же наглядности на поляхъ выставилъ карандашомъ трудно читающіяся слова. Это ввело въ заблужденіе одного почтеннаго литератора, который смотрѣлъ рукопись послѣ моего чтенія въ литературно-драматическомъ обществѣ и затѣмъ, печатно выражая сомнѣнія въ вѣрности моего сообщенія, утверждалъ, что карандашъ производитъ впечатлѣніе совсѣмъ свѣжее“.

Въ 1891 году вышло въ Москвѣ первое полное изданіе сочиненій Лермонтова, и всѣ редакціи „Демона“ были напечатаны въ третьемъ томѣ. Такимъ образомъ являлась возможность вполне ознакомиться съ новымъ текстомъ. Несмотря на это, сомнѣніе въ подлинности послѣдней редакціи, повидимому, сохранило свою силу; для разрѣшенія недоумѣній П. А. Висковатовъ обратился къ содѣйствию Академіи Наукъ, и 8-го февраля 1892 года состоялось засѣданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности, на которомъ, кромѣ самого докладчика и непремѣнныхъ членовъ, присутствовали: Великій Князь-президентъ, А. Н. Пыпинъ, П. Н. Страховъ и поэты: А. Н. Майковъ и М. П. Полонскій. Въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ Отдѣленія, между прочимъ, значится слѣдующее ¹⁾: „Представлена найденная г. Висковатовымъ рукопись въ 4-ую долю листа на синей бумагѣ 1823 или 1825 года. Она писана въ 1840 — 1841 году (4-ая цифра стерлась, и остались лишь 184*) вся рукою писаря, схожею съ тою, которою было написано удѣлѣвшее посвященіе къ „Демону“ изъ бумагъ Александры Верещагиной (въ замуж. за бар. Гюгель) въ Штутгартѣ, получившей ихъ отъ Варвары Бахметевой, друга поэта,—съ очень многочисленными помѣтками, сдѣланными карандашомъ и относящимися по большей части къ пропускамъ, сдѣланнымъ писаремъ, или къ неудовлетворительности его работы. Въ началѣ помѣчено: „переписать“. Небольшое число выраженій, отдѣльныхъ словъ текста исправлено тоже карандашомъ. Эти помѣтки отъ времени очень стерлись, но, насколько видны, представляютъ несомнѣн-

¹⁾ Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1892 г., т. 53, стр. III — XXII.

ное сходство съ почеркомъ послѣднихъ рукописей поэта (напримѣръ, 15-ой тетради Лерм. музея)“.

„Ко вѣшнимъ доказательствамъ того, что означенная рукопись была въ рукахъ поэта и представляетъ одну изъ самыхъ послѣднихъ передѣлокъ поэмы, кромѣ помѣтки карандашомъ, сдѣланной въ концѣ 184* г., принадлежитъ и слѣдующій фактъ. Часть рукописей поэта находится въ Штутгартѣ у дочери баронессы Гюгель (урожд. А. М. Верещагиной), съ которою Лермонтовъ и Варвара Александровна Бахметева были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Къ В. А. Бахметевой относятся многія изъ стихотвореній поэта, и между прочимъ ей посвящены очерки „Демона“. Каждый разъ, когда поэтъ думалъ, что окончательно обработалъ поэму, онъ слѣшилъ отсылать списокъ съ посвященіемъ г-жѣ Бахметевой, рожденной Лопухиной. Портретъ поэта, имъ самимъ рисованный, и часть принадлежавшихъ Варварѣ Александровнѣ рукописей перешли къ А. М. Гюгель (рожд. Верещагиной), въ томъ числѣ и списокъ поэмы „Демонъ“. Проф. Висковатовъ разыскивалъ этотъ списокъ, который, по письменному свидѣтельству дочери умершей баронессы Гюгель, проналъ изъ ихъ семейной библіотеки. Сохранилось лишь посвященіе, писанное на листѣ бѣлой бумаги 30—40-ыхъ годовъ. Это посвященіе писано тою же рукою, какъ и рукопись поэмы, представленная проф. Висковатовымъ“.

„Но самымъ убѣдительнымъ доводомъ служить *содержаніе* рукописи, въ коей находятся цѣлыя строфы, не встрѣчающіяся въ другихъ спискахъ. Не говоря уже о томъ, что здѣсь попадаются слова и выраженія, даже цѣлые стихи, изобличающіе руку *мастера*, въ этомъ списокѣ исключено множество длиннотъ и слабыхъ мѣстъ, имѣющихся въ прежнихъ рукописныхъ текстахъ и воспроизведенныхъ также въ печати, при чемъ цѣлые строфы и стихи, очевидно, писанные поэтомъ для замѣны одного другимъ болѣе совершеннымъ, писались и печатались нерѣдко другъ за другомъ“.

П. А. Висковатовъ указывалъ, что Лермонтовъ „съ каждой новой обработкой излюбленной своей поэмы, мало-по-малу, переходилъ отъ личнаго, чисто субъективнаго творчества къ эпическому“. — „А. П. Майковъ присовокупилъ къ послѣднему замѣчанію докладчика, что поэтъ, переходя отъ юношескихъ порывовъ къ болѣе зрѣлому творчеству, сталъ замѣчать въ первыхъ очеркахъ своей поэмы отсутствіе какой-либо нравственной основы и потому не удовлетворился ими; изъ дальнѣйшихъ его поправокъ видно, что онъ ищетъ этой основы,

хочетъ дать идею своей поэмѣ, и вотъ, мало-по-малу, подходитъ къ идеѣ искупленія. Въ этомъ духѣ и произведены имъ въ текстѣ всѣ перемѣны и перестановки, съ которыми можно познакомиться изъ вновь найденной рукописи. И нѣтъ сомнѣнія, что, если бы Лермонтовъ пожилъ долѣе, то еще болѣе разработалъ бы и выяснилъ эту идею".— „Ко всему этому Л. Н. Майковъ прибавилъ, что, при недостаточности и малой разработанности критическаго матеріала, трудно рѣшить, къ какому году отнести редакцію поэмы, находящуюся въ рукописи г. Висковатова, но что эта редакція, безъ сомнѣнія, позже той, гдѣ рукою поэта приписаны цѣлыя строки и помѣченъ годъ 1838 и т. п., т.-е. что вновь найденная редакція можетъ быть, по всей вѣроятности, отнесена къ 1839 или 1840 гт. и должна быть признана во всякомъ случаѣ позднѣйшею, каковая намъ доступна, редакціей поэмы „Демонъ“, хотя, при всемъ томъ, не можетъ быть почитаема за окончательную“.

„Достоверность вновь найденнаго списка была признана всѣми присутствующими; при чемъ относительно самой рукописи 1840—1841 года было заявлено сожалѣніе, что почти всѣ карандашныя поправки совершенно исчезли вслѣдствіе покрытія ихъ лакомъ, а онѣ могли бы служить подтвержденіемъ того, что рукопись находилась въ рукахъ Лермонтова и имъ была исправлена. Но, признавая напечатанную проф. Висковатовымъ за несомнѣнно послѣднюю изъ числа извѣстныхъ до сихъ поръ и лучшую переработку поэмы самимъ Лермонтовымъ, всѣ признали, что, если бы продлилась жизнь поэта, онъ, конечно, на этомъ не остановился бы и, очень можетъ быть, еще разъ рѣшился бы на передѣлку или исправку поэмы. Послѣднюю намъ извѣстную передѣлку, указывающую на совершенно новую концепцію сюжета, не только намѣченную, но частію и выполненную, представляетъ найденный г. Висковатовымъ списокъ“.

Такова исторія рукописи, заключающей въ себѣ послѣднюю редакцію „Демона“, признанную подлинной. Дѣйствительно, уничтоженіе внутреннихъ противорѣчій въ содержаніи, улучшеніе нѣкоторыхъ стиховъ и строфъ, несомнѣнный фактъ, что посвященіе, сохранившееся въ семействѣ барона Гюгель, писано тою же рукою, какъ и вся поэма, найденная П. А. Висковатовымъ, и что полустертыя карандашныя помѣтки представляютъ сходство съ почеркомъ послѣднихъ рукописей Лермонтова — все это вѣскія данныя, съ которыми нельзя

не считаются. Если и можно возразить, то только по поводу полунисчезнувших карандашных исправлений, произведенных самим поэтом, и немногих неудачных оборотов и фразъ, встрѣчающихся въ очеркѣ 1840—1841 г.; можно также припомнить, что въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ въ *Современникъ* печатались подъ названіемъ „пушкинскихъ“ произведенія В. П. Туманскаго и С. П. Шевырева ¹⁾. Что касается подлинности руки Лермонтова, то этотъ вопросъ, на нашъ взглядъ, едва ли не лишній. Поэтъ могъ самъ не поставить ни одной буквы на рукописи, а послѣдняя могла быть настоящей редакціей поэмы, написанной и исправленной, подъ диктовку автора, какимъ-либо писцомъ; могла она оказаться и хорошей, точной копіей съ лермонтовскаго оригинала. Такъ, напримѣръ, четвертый очеркъ „Демона“ весь написанъ рукой искуснаго каллиграфа и не возбудилъ никакихъ сомнѣній ²⁾. Съ другой стороны, неудачные стихи встрѣчаются вообще въ сочиненіяхъ Лермонтова, и кой-какія неточности послѣдней редакціи „Демона“ не должны приводить въ смущеніе. Еще Гоголь сказалъ, что произведенія Лермонтова „не выносились въ немъ, не возлелѣялись чадолюбиво и заботливо, не устоялись и не сосредоточились въ самихъ себѣ“, что видно иногда „излишество и многогвѣіе“ ³⁾. „Говоря вообще о поэзіи Лермонтова“, пишетъ Бѣлинскій: „мы должны замѣтить въ ней одинъ недостатокъ: это иногда неясность образовъ и неточность въ выраженіи“, недостатки, ярко обнаружившіеся въ „Дарахъ Терека“ и „Поэтъ“ ⁴⁾. Сравненіе пушкинскаго описанія Петербурга съ лермонтовскимъ побудило покойнаго П. П. Стрхова указать промахи автора „Демона“, „показывающіе направленіе таланта, его напряженность и расположеніе не дорожить истиною“ ⁵⁾. Отсюда становится очевидной возможность неудачныхъ стиховъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Вѣжали робкіе грузины ⁶⁾,

¹⁾ *Современникъ*, 1856 г., т. 56, отд. I, стр. 5 — 6; 1862 г., т. 91, отд. I, стр. 349.

²⁾ Сочиненія М. Ю. Лермонтова. М. 1891 г., т. III, стр. 77, 109.

³⁾ *И. В. Гоголь*. Сочиненія. Спб. 1893 г., т. V, стр. 225—226.

⁴⁾ *В. Г. Бѣлинскій*. Полное собраніе сочиненій. Спб. 1903 г., т. VI, стр. 60 — 61.

⁵⁾ *Н. Н. Стрховъ*. Запѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ. Спб. 1888 г., стр. 57 — 59.

⁶⁾ Еще А. П. Шанъ-Гирей, обративъ вниманіе на ошибку поэта, утверждалъ,

или:

Въ нѣмой души съ пустыню
Проникла моліею любовь.

Наконецъ, въ данномъ признаніи послѣдней редакціи за подлинную нѣтъ аналогіи съ приписываніемъ Пушкину не принадлежащихъ ему стиховъ въ *Современникъ*, такъ какъ Некрасовъ не руководился никакими другими соображеніями, кромѣ своего эстетическаго вкуса и не провѣренныхъ свидѣній, сообщенныхъ разными лицами въ редакцію. По мнѣнію Аполлона Григорьева, міросозерцаніе Некрасова „антипоэтическое“, и самъ поэтъ сказалъ про свою музу:

Слетая съ высоты, младенческой мой слухъ
Она гармоніи волшебной не учила ¹⁾.

„Я убѣжден“, писалъ Тургеневъ: „что любители русской словесности будутъ перечитывать лучшія стихотворенія Полонскаго, когда самое имя Некрасова покростся забвеніемъ. Почему же это? А просто потому, что въ дѣлѣ поэзіи живуча одна поэзія, и что въ бѣлыхъ ниткахъ сшитыхъ, всякими пряностями приправленныхъ, мучительно высуженныхъ измышленіяхъ „скорбной музыки“ Некрасова—ся-то, поэзія-то и нѣтъ на грошъ“ ²⁾. Хорошій изобразитель и обличитель темныхъ сторонъ русской жизни не могъ, конечно, быть признанъ за компетентнаго судью въ дѣлѣ эстетической критики, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, чѣмъ объяснить приписываніе Пушкину стихотворенія, начинающагося слѣдующими строками:

За днями дни бѣгутъ толпой,
Слѣдовъ ихъ сердце не паходитъ;
Но, другъ безцѣнный, образъ твой
Поныиѣ властвуетъ душой
И съ памяти моея не сходитъ и т. д. ³⁾.

Излагая исторію рукописи послѣдняго очерка „Демона“, мы имѣли въ виду не только воскресить въ памяти читателя сообщенные выше

что грузны отличаются безумною храбростью, что прекрасно зналъ Лермонтовъ, самъ ходившій съ ними въ схватки. (*Русское Обозрѣніе*, 1890, № 8, стр. 747).

¹⁾ *Н. Некрасовъ*. Стихотворенія. С.-Пб. 1864, ч. I, стр. 67.

²⁾ *Н. Н. Страховъ*, стр. 163. Приведенное мнѣніе знаменитаго романиста, справедливое по существу, высказано съ излишнею рѣзкостью: трудно предположить, что стихотворенія Некрасова будутъ забыты потомствомъ, хотя бы въ нихъ и было мало поэзіи.

³⁾ *Современникъ*, 1856, т. 56, отд. I, стр. 5—6.

факты, но также сдѣлать отъ себя нѣсколько дополненій, не лишннихъ, съ нашей точки зрѣнія, для подтвержденія подлинности послѣдней редакціи поэмы и выясненія развитія лермонтовскаго творчества вообще. Наше вниманіе обращено на два выведенные поэтомъ типа: Тамары и Демона.

Искаженные тексты поэмы, печатавшіеся до 1891 года, дѣлали немислимой правильную характеристику главной героини. Представлялось непонятнымъ, какимъ образомъ Тамара, послѣ глумленія Демона надъ Богомъ, могла ожидать отъ любимаго ею духа возрожденія и требовать клятвы-отреченія отъ „злыхъ стяжаній“. Оттого были неправильны взгляды и на эпилогъ поэмы: оставалось невыясненнымъ, почему Тамара спасена, разъ она согрѣшила, повѣривъ на слово явному богоотступнику, не думающему скрывать свои адскіе планы. Вотъ мнѣнія критиковъ. „Въ сравненіи съ Элоа (А. де Виньи), Тамара—слабое существо, беззащитная голубка, которой не по силамъ сопротивленіе. Она безъ боя побѣждена, когда, зная, что имѣетъ дѣло съ духомъ зла, въ послѣднихъ судорогахъ сопротивленія говоритъ соблазнителью: „Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую“ и т. д. ¹⁾ Съ приведеннымъ мнѣніемъ В. Д. Спасовича согласенъ Н. А. Котляревскій. „Тамара сдалась слишкомъ скоро“, пишетъ онъ: „и весь послѣдующій ея разговоръ съ Демономъ уже не борьба, а рядъ нарочно высказанныхъ опасеній съ цѣлью въ нихъ разубѣдиться,—диалогъ, очень схожіи съ пытливыми разспросами Маргариты о религіозныхъ взглядахъ Фауста... На брошенный Тамарою вопросъ о Богѣ ни у Демона, ни у Лермонтова не нашлось должнаго отвѣта; да и вопросъ, кажется, былъ предложенъ безъ всякой задней мысли, отъ чистаго сердца; по крайней мѣрѣ, сама героиня удовлетворилась первымъ попавшимся отвѣтомъ и потребовала отъ Демона только клятвы въ искренности ²⁾“.

Разборъ разныхъ редакцій поэмы привелъ насъ къ инымъ заключеніямъ. Въ пятомъ очеркѣ, относящемся къ 1838 году, Тамара—натура бурная и мятежная. Она—„полна нескромной думой“, „высоко подымается ея грудь“, „блѣднѣютъ и дрожатъ уста“, „глубокій взглядъ выражаетъ „жадную страсть“. Ея душа „запятнана огненнымъ дыханіемъ“ Демона, и даже въ монастырѣ „беззаконныя мечты“ овладѣваютъ ей. Она—„прекрасная грѣшница“: Демонъ (по его сло-

¹⁾ *Вѣстникъ Европы*, 1888, № 4, стр. 533. Ср. сочиненія В. Д. Спасовича, томъ II.

²⁾ *Н. Котляревскій*. М. Ю. Лермонтовъ. С.-Пб. 1891, стр. 72.

вамъ) „наложишь печать свою на сердце, полное гордыни“. Повидимому, Тамара гибнетъ по смерти:

Сквозь дымку сѣрихъ облаковъ,
Спустился ангелъ легкокрылый
И надъ покинутой могиллой
Припикъ съ усердною мольбой
За душу грѣшницы младой ¹⁾.

Грузинка Тамара замѣнила испанку-монахиню, дѣйствующее лицо прежнихъ (четырёхъ) очерковъ, и сдѣлалась любимымъ типомъ Лермонтова, плѣнившагося красотами и народными легендами Кавказа.— Прошло около трехъ лѣтъ со времени отдѣлки пятой редакціи поэмы—и поэтъ занялся новыми варіаціями на старую тему и вернулся къ своей героинѣ. То же имя Тамары, то же изображеніе страстной женщины—къ чему имѣлъ влеченіе авторъ, самъ не чуждый страстей—повторились въ стихотвореніи „Тамара“ (1841?), художественной обработкѣ кавказскаго сказанія.

Царица (теперь не княжна) живеть въ старинной башнѣ, расположенной у Терека въ тѣснинѣ Дарьяла. „Прекрасная, какъ ангелъ небесный“, она—„коварна и зла, какъ демонъ“. „Золотой огонекъ“, мерцающій въ „туманѣ полуночи“, манить въ башню замороженнаго „всесильными чарами“ голоса Тамары путника, который, послѣ томительной дороги, вкушаетъ здѣсь всю сладость земныхъ наслажденій. „Уста прилипаютъ къ устамъ“, и „сплетаются горячія руки“; „странные, дикіе звуки“ несутся изъ убѣжища кавказской Клеопатры. Лишь къ утру все смолкаетъ; тогда волна, набѣгая на волну, спѣшитъ унести „безгласное тѣло“, брошенное въ Терекъ, „что-то бѣлѣть“ въ окнѣ, и слышится пѣжное „прости“. Голосъ звучитъ сладко, словно „общая восторги свиданья и ласки любви“.

Какъ показывать новѣйшее изслѣдованіе, имя Тамары въ этомъ преданіи случайно, и такой именно рассказъ передается о какой-то княжигѣ Дарьѣ или же сестрѣ царицы Тамары, не названной по имени ²⁾. Въ то же время академикъ А. Н. Веселовскій отмѣтилъ, что типъ царицы въ изображеніи нашего поэта „рѣзко расходится съ народною памятью о ней. Къ этому выводу приводитъ обзоръ ходячихъ о ней рассказовъ и мѣстныхъ преданій: здѣсь она либо воин-

¹⁾ Сочиненія М. Ю. Лермонтова. М. 1891, т. III. стр. 94, 95, 97, 106 и др.

²⁾ *Кавказъ*, 1898, № 66: „Еще о царицѣ Тамарѣ“, статья академика А. Н. Веселовскаго.

ственная царица-красавица, на конѣ, въ шлемѣ и латахъ, какъ въ грузинской хороводной пѣснѣ, либо представляется въ чертахъ иконописнаго подлинника: голова ея увѣнчана діадемою, въ ушахъ брилліантовья серьги, на шеѣ ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней зеленого и краснаго цвѣтовъ. Вся она облечена въ свѣтоносныя ризы, *сілетъ, какъ Божія Матерь*“. „Роковая, обаятельная красота и благочестивая, принципиальная сдержанность и цѣломудріе“—характерныя свойства Тамары ¹⁾).

Возникаетъ вопросъ: зналъ ли Лермонтовъ, все болѣе и болѣе знакомившійся съ Кавказомъ, насколько онъ противорѣчилъ въ упомянутомъ выше произведеніи мѣстной народной легендѣ? Отвѣтомъ, до нѣкоторой степени, можетъ служить образъ Тамары въ послѣднемъ очеркѣ „Демона“.

Княжна изумительно прекрасна: „ни единый царь земной не цѣловалъ такого ока“, брызжущій фонтанъ гарема ни разу „не омывалъ подобный станъ своей алмазною росой“, и ничья рука никогда „не расплела такихъ волосъ“.

Съ тѣхъ поръ, какъ мѣръ лишеть былъ рай,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга не цвѣли ²⁾.

Прелестная дѣва, съ „золотыми кудрями“, развѣваемыми вѣтромъ, съ „небесными чертами“ лица, была воплощеніемъ неземной красоты; ея видъ не возбуждалъ грѣховной страсти, а напоминалъ собою „прежнихъ братій“ падшаго духа.

Но были всѣ ея движенія
Такъ стройны, полны выраженья,
Такъ полны милой простоты,
Что если бь Демонъ, пролетая,
Въ то время на нее взглянулъ,
То прежнихъ братій вспоминая,
Онъ отвернулся бь —и вздохнулъ ³⁾.

Въ монастырѣ Тамара нашла себѣ успокоеніе, хотя неполное. Ея мечты не „беззаконны“, а „безпокойны“; она — „схимница“, а не

¹⁾ *Кавказъ*, 1898, № 6, 7: „Царица Тамара въ народной легендѣ и у Лермонтова“. Ср. *Телескопъ*, 1833, № 5, стр. 61—70: „Шота Руствели, грузинскій поэтъ“.

²⁾ Сочиненія М. Ю. Лермонтова. М. 1891, т. III, стр. 10.

³⁾ Тамъ же, стр. 11.

„грѣшница“; она „невинна“ и „чиста“, и „душа“ ея полна „ясныхъ сновъ“¹⁾).

Кому, какъ не ей, *при такой красотѣ и цѣломудріи*, выступить героиней въ слышанномъ поэтомъ „еще въ дѣтствѣ преданіи, по коему *испорочная дѣва въ силахъ вернуть къ добру злого духа?*“²⁾).

Объ этомъ преданіи говорится во многихъ мѣстахъ поэмы.

На склонѣ каменной горы,
Надъ Кайшаурскою долиной,
Еще стоять до сей поры
Зубцы развалины старинной.
*Разказовъ, страшныхъ для дѣтей,
О нихъ еще преданья полны*³⁾.

Содержаніе „страшныхъ разказовъ“ кратко отмѣчено въ словахъ Демона: „Рѣшило небо нашу встрѣчу“, и извѣстно Тамарѣ:

То думы радостной волна
Ее охватить, и бывшее
Встаетъ изъ мрака, какъ живое,
И *ясныхъ сновъ* душа полна.
*Тѣснятся въ ней воспоминанья,
Изъ дѣтства ранняго сказанья
Родной и милой старины.
Ея тревожныя мечтанья
Опять къ нему обращены.
Вновь гость чудесный передъ нею
Съ челою развѣнчаннымъ стоялъ,
Онъ отъ нея спасенья ждалъ,
Любитъ и шептать не смѣя*⁴⁾.

Тамара „съ отрадой тайной“ слушаетъ признанія „страдальца“, утверждающаго, что онъ, „одѣтый святымъ покровомъ любви“, могъ бы „предстать, какъ новый ангелъ въ блескѣ новомъ“; она вѣрится въ возможность полного отреченія злого духа отъ „злыхъ стяжаній“ и въ существованіе „ненарушимыхъ“ клятвъ и обѣщаній. Душа ея, по словамъ ангела, была „соткана Творцомъ изъ лучшаго ээира“ и „не создана для міра“.

¹⁾ Сочиненія М. Ю. Лермонтова. М. 1891, т. III, стр. 21, 22, 24, 27.

²⁾ Тамъ же, стр. 125.

³⁾ Тамъ же, стр. 44.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 24, 28.

Она страдала и любила,—
И рай открылся для любви ¹⁾.

Контрастъ между характеристиками одного и того же дѣйствующаго лица въ пятомъ и шестомъ очеркахъ поэмы—очень рѣзкій. Не повлиялъ ли на произведенныя поэтомъ измѣненія образъ Тамары, сохраненный народнымъ сказаніемъ? Двѣ кавказскія легенды о грузинской царицѣ и возрожденіи падшаго духа не сплелись ли тѣсно одна съ другой въ твореніи Лермонтова? ²⁾.

Обратимся къ Демону. Въ первыхъ четырехъ спискахъ поэмы, до встрѣчи съ ангеломъ, злой духъ стремится къ добру, но, увидѣвъ соперника, возгорается гнѣвомъ.

Ее не пощадить онъ вновь.
Погибнетъ!—Презжия любовь
Не будетъ для нея оградой ³⁾.

Въ пятомъ очеркѣ, повстрѣчавъ херувима, Демонъ не испытываетъ чувства мести: въ немъ только ослабѣваетъ появившееся тяготѣніе къ небесамъ. Онъ и адскій духъ, глумящійся надъ Богомъ и прельщающій свою жертву преисподней, пребываніе въ которой скрасится для Тамары его личнымъ присутствіемъ; онъ и падшій ангелъ, готовый искупить вину и надѣющійся на лучшее будущее:

О, выслушай изъ сожалѣнья!
Меня добру и небесамъ
Ты возвратить могли бы словомъ ⁴⁾.

Двойственность Демона, ярко обнаружившаяся въ очеркѣ 1838 года,

¹⁾ Сочиненія М. Ю. Лермонтова. М. 1891, т. III, стр. 29, 34, 43.

²⁾ Это соображеніе заставляетъ насъ отнести послѣднюю редакцію поэмы „Демонъ“ ко времени болѣе позднему, чѣмъ стихотвореніе „Тамара“, задуманное и сочиненное, можетъ быть, въ концѣ 1840 или въ самомъ началѣ 1841 г. Изъ описанія книги, въ которой (на стр. 11—13) помѣщено поэтомъ это стихотвореніе и которую 13-го апрѣля 1841 г. далъ на время Лермонтову князь В. О. Одоевскій, съ просьбой возвратить „всю написанную“, нельзя вывести точныхъ заключеній для датировки находящихся въ ней произведеній. Можно также предположить, что Лермонтовъ въ альбомъ своему знакомому писалъ *исключительно послѣднія* свои стихотворенія, тѣмъ болѣе, что помѣщенная здѣсь піеса: „Je l'attends dans la plaine sombre“—не что иное, какъ передѣлка стихотворенія, *относящагося къ 1840 г.* и посвященнаго жеиѣ французскаго писателя *Notmaire de Hello*. (Тамъ же, т. I, стр. 336, 346, 378; ср. т. VI (М. Ю. Лермонтовъ. Жизнь и творчество, П. А. Висковатова), стр. 369—370).

³⁾ Тамъ же, стр. 86, 85.

⁴⁾ Тамъ же, т. III, стр. 98, 102.

выразилась *несколько слабѣе* и въ знаменитой клятвѣ таинственнаго „пришлеца“, похожаго

на вечеръ лунный.

На день, на ночь, на иракъ, на свѣтъ ¹⁾.

Въ порывѣ любви къ Тамарѣ, онъ хочетъ возродиться: обманывая самъ себя, говоритъ, что отказывается отъ зла и клянется небомъ—своимъ прежнимъ обиталищемъ; въ порывѣ злобы, вспыхнувшей въ немъ при видѣ ангела и вообще пустившей большіе корни въ душѣ его, соблазняетъ ее земными благами, клянется адомъ, адскими собратами и безумной мечтой побѣды надъ Богомъ ²⁾.

Эта двойственность указываетъ пока на близкое сродство двухъ послѣднихъ редакцій—не болѣе. Но важенъ слѣдующій фактъ. Какъ сказано выше, въ пятомъ очеркѣ поэмы, сравнительно съ первоначальными ея обработками, стремленіе Демона къ возрожденію *усилилось*, въ послѣдней же редакціи оно *стало сильнѣе* и доходитъ до того, что духъ окончательно отрекается отъ „старой мести“ и „гордыхъ думъ“, хочетъ „любить, молиться и вѣровать добру“, дѣлая послѣднюю поражающую своею смѣлостью попытку „примириться съ небомъ“ ³⁾—и Демонъ шестого списка поэмы является *развитіемъ* того же типа, очерченнаго поэтомъ въ 1838 году.

И въ лирикѣ Лермонтова, за послѣднія пять лѣтъ его жизни, совершается переломъ: прежняя идеализація страстной злобы и мести начинаетъ постепенно смѣняться выраженіемъ теплыхъ и чистыхъ чувствъ, умиротвореннаго настроенія, гуманныхъ идей. Но отрицательныя начала не могли исчезнуть въ творчествѣ, не оказавъ сопротивленія. Поэтъ то саркастически благодаритъ Создателя за „жаръ души, растраченный въ пустынѣ“, за „мечь враговъ и клевету друзей“, и признаетъ жизнь „пустой и глупой шуткой“; то трогательно вручаетъ „дѣву невинную“ „Теплой Заступницѣ міра холоднаго“, „постигаетъ счастье на землѣ“ и „въ небесахъ видитъ Бога“... Это тревожное колебаніе между свѣтомъ и тьмою породило тяжкій нравственный разладъ, заставившій Лермонтова тосковать по другому мірѣ, ибо въ этомъ, въ его сердцѣ

¹⁾ Сочиненія М. Ю. Лермонтова. М. 1891, т. III, стр. 18—19.

²⁾ Тамъ же, стр. 34—35.

³⁾ Упомянутое объ адѣ и глумленіе надъ Богомъ, какъ извѣстно, исключены Лермонтовымъ изъ этой редакціи.

Такъ безумно, такъ напрасно
Съ враждой боролася любовь.

Та же напрасная борьба происходила и въ Демонѣ послѣдней редакціи. Духъ то стремится къ небу, то гордится зломъ—и кончается тѣмъ, что проклинаетъ свои безумные порывы, будучи побѣжденъ порочными стихіями своей природы.

И проклятъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои.

Усиленіе тяготѣнія Демона къ небесамъ и его стремленія къ возрожденію, нѣсколько ослабившихъ его двойственность и окончившихся полной реакціей, и сплетеніе двухъ кавказскихъ легендъ съ измѣненіемъ характера Тамары не указываютъ ли на подлинность и позднѣйшее происхожденіе послѣдней редакціи поэмы, намѣчая въ то же время переходъ отъ лирики къ эпосу, какъ важный моментъ въ развитіи творчества Лермонтова? Если „русскій духъ“ сказался въ „Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича“, то ароматомъ Кавказа вѣетъ отъ „Демона“.

И. Возмишъ.

ТЕМНЫЕ ПУНКТЫ ИСТОРИИ РУССКАГО ПРАВА.

(Посвящается дорогому учителю В. И. Сергѣевичу).

I.

Бобыли.

По справедливому замѣчанію г. Гурлянда „вопросъ о бобыляхъ— одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ исторіи русскаго права“¹⁾. М. А. Дьяконовъ напр. „типичною и господствующею формою бобыльства“ считаетъ „бобылей пашенныхъ и нетяглыхъ, имѣвшихъ собственную усадебную осѣдлость“²⁾. Но онъ же исключаетъ изъ этой типичной и господствующей формы бобыльства бобылей, поступившихъ въ захребетники и пашенные крестьяне. Еще рѣзче считаетъ бобылей непашенными и безземельными людьми г. Лаппо-Данилевскій³⁾, хотя тутъ же признается въ необоснованности этого мнѣнія. По мнѣнію же В. И. Сергѣевича⁴⁾, хотя у бобылей не было собственной земли, но собственная запашка на арендуемой землѣ у нихъ встрѣ-

---

¹⁾ *Гурляндъ*. Ямская говьба въ Московскомъ государствѣ. Ярославль, 1900 г., стр. 165—172.

²⁾ *Дьяконовъ*. а) Очеркъ изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ. С.-Пб., 1898 г., стр. 221. б) Академическая рецензія на вышеупомянутую книгу Гурлянда. С.-Пб., 1902 г., стр. 21.

³⁾ *Лаппо-Данилевскій*. Разысканія по исторіи прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ. С.-Пб., 1900 г., стр. 41—56.

⁴⁾ *Сергѣевичъ*. Древности русскаго права. Томъ III. С.-Пб., 1903 г., стр. 130—142. Кстати, любопытно сравнить стр. 484 его книги со стр. 501 „Сельскаго хозяйства“ Рожкова. Много можно было бы поспорить съ В. И. Сергѣевичемъ и объ одной истинѣ и ученыхъ разногласіяхъ и школахъ, но здѣсь не мѣсто этому.

чается. Наоборотъ, собственной усадебной оръдлости у нихъ не было. Ихъ дворы всегда находились на владѣльческой или княжеской землѣ, а не на ихъ собственной. Самостоятельное же хозяйство было у очень многихъ бобылей. Дворъ съ огородомъ и выгономъ они нанимали, но вели тамъ свое особое хозяйство, занимаясь ремеслами и промыслами. Рядомъ съ такими хозяйственными бобылями были бобыли бродившіе „межь дворъ“, а въ XVII в. рывшіеся на господскіе дворы и на господскій хлѣбъ. Но Сергѣевичу же бобыли обыкновенно пашенной земли не снимали, а потому въ обжи и сохи не клялись. Но многіе изъ нихъ вели хозяйство и платили подати, раскладывавшіяся по животамъ и промысламъ. Обращаетъ вниманіе В. П. Сергѣевичъ и на связь бобылей новгородскихъ писцовыхъ книгъ XVI в. съ поземщиками тѣхъ же книгъ XV в. и на перерожденіе ихъ юридическаго положенія. Сначала бобыли и поземщики только съемщики усадебъ, а затѣмъ поступленіе въ бобыли есть поступленіе на службу и нерѣдко съ пожертвованіемъ правъ личной свободы. Г. Дьяконовъ обложеніе бобылей податями относитъ къ XVII в., въ XVI же в. они по его мнѣнію люди нетяглые, а по Сергѣевичу не всѣ бобыли и въ XVII в. тяглые. На промышленныя и ремесленныя занятія бобылей указываетъ и А. С. Лаппо-Даниловскій (ор. cit., 43). М. Ф. Владимірскій-Будановъ сближаетъ бобылей съ подсуздьями, половниками, казаками и съ истужниками. По его мнѣнію бобыли занимаютъ дворы, но не пахотные участки. Личныя права ничѣмъ не ограничены, но де facto они стоятъ въ тѣсной зависимости отъ хозяина ¹⁾.

Присоединимъ къ этому и нѣкоторыя наши наблюденія, по которымъ встрѣчаются и крестьяне непашенные. „Спасково жъ Еуэимьева монастыря слободка что была д. Мачкова, надъ озеромъ надъ Мачковымъ, а въ ней.... крестьянскихъ дворовъ....., нашии пѣтъ, а промышляютъ крестьяне рыбною ловлею да на судехъ нанимуютца“ (7095 г., Гороховскій у.; „Сотницы“, I, 86). На стр. 136—137 тамъ же видимъ непашенныхъ крестьянъ и въ Костромскомъ Троице-Сергіева монастыря селѣ Маринскомъ въ 7053 году. Такимъ образомъ признакъ „непашенный“ для бобыля уже не такъ важенъ. Если же оба эти понятія случайно совпадаютъ, то это вслѣдствіе разъ широкимъ образомъ оговаривается, что наиболѣе ясно видно изъ брянской сотной 7103 г., помѣщенной въ тѣхъ же „Сотницахъ“ на стр. 182—200, и изъ „Зубцовскихъ сотницъ 7096—7104 гг.“ (гр. кол. эк., №№ 4836—4838),

¹⁾ Владимірскій-Будановъ. Обзоръ. Кіевъ, 1900 г., стр. 145.

издаваемыхъ нами въ Твери. Иногда же ненашенные прямо противопоставляются бобылямъ. „А тѣ дѣтеныши безпашенные работаютъ на монастырь всякую работу, а не бобыли“ (7188 г.; „Труды Рязанской Архивной Коммисіи“, XVII, 37). Въ волости Керети въ 7116—7117 гг. тоже особо оговариваются „3 дв. бобыльскихъ, оброчные, а не пашенные“ (гр. кол. эк. № 6140). А иногда наоборотъ бобыли прямо называются пашенными. Такъ въ 7192 г. на Двинѣ видимъ „дв. бобыльской пашенной, земли осмина, сѣиныхъ покосовъ на 50 к. малыхъ жъ волоковыхъ“ (№ 4483). По Сергѣвичу (ор. cit., 132) бобыли изъ монастыря берутъ землю изъ оброку и пашутъ ее наѣздомъ (ср. также „Сотницы“, I, 110; Угличъ, 7104—7105 гг.). Также, вопреки г. Дьяконову, болѣе чѣмъ вѣроятнѣе и бобыль, сидящій на половинномъ крестьянскомъ участкѣ („Сотницы“, I, 97; Арзамасъ, 7093 г.). Г. Гурляндъ (ор. cit.) тоже знаетъ ямскихъ бобылей, пашущихъ пашню.

Не играетъ съ другой стороны для понятія „бобыль“ рѣшающей роли и занятіе ихъ ремеслами и промыслами. Могли заниматься ими и крестьяне. Такъ напр., въ селѣ Коровничѣ на Вологдѣ въ 7052 г. находимъ „дворы крестьянскіе торговыхъ людей и мастеровыхъ“ („Сотницы“, I, 67). Мало того. Находимъ въ источникахъ даже и прямое смѣшеніе крестьянъ съ бобылями. Такъ напр., въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ 7070 году писцы включили въ число крестьянъ и бобыльскій дворъ („Сотницы“, I, 143).

Такимъ образомъ В. Н. Сергѣвичъ вполне правъ, считая вопросъ о бобыляхъ очень сложнымъ и не поддающимся общему рѣшенію (ор. cit., стр. 467—468). По его мнѣнію можетъ идти рѣчь не о бобыляхъ вообще, а лишь объ отдѣльныхъ видахъ ихъ.

На одинъ изъ такихъ видовъ бобыльства, до сихъ поръ не замѣченный изслѣдователями, мы и рѣшаемся обратить вниманіе ученой публики, именно на бобылей-изгоевъ. Въ самомъ дѣлѣ, изгой, по В. Н. Сергѣвичу „бѣдные жалкіе люди, лишившіеся обыкновенныхъ въ ихъ положеніи способовъ существованія, а потому и нуждающіеся въ особомъ покровительствѣ, которое предоставляется церкви“¹⁾. По бобыли и по нашимъ наблюденіямъ („Сотницы“, I, 85, 92, 110 и т. д.; Бѣлевъ, 7093 г., Гороховецъ, 7095 г., Угличъ, 7104—7105 гг.) и по наблюденіямъ г. Гурлянда (ор. cit.) и есть преимущественно пришлые, выбитые изъ своей колеи люди. В. Н. Сергѣвичъ опять таки считаетъ бобылей бѣдными, одинокими людьми (ор. cit., III,

¹⁾ Сергѣвичъ. Русскія юридическія древности. Томъ I. С.-Пб., 1890 г., стр. 264.

134, 137). О бѣдности бобылей говорить и А. С. Лаппо-Данилевскій (ор. cit., 41). Также въ двинскихъ грамотахъ коллегін экономіи бобыли встрѣчаются и среди эконскихъ и понойскихъ лопарей (4463). А тутъ, конечно, они могли быть только бѣдными, одинокими людьми.

Еще болѣе рѣшающее значеніе имѣетъ здѣсь то, что напр. по Угличу въ 7104—7105 гг. читаемъ слѣдующее: „Д. Попова Перепечкино на рѣчкѣ на Илмѣ, а въ ней во дв. поповъ Александръ Григорьевъ, во дв. бобыль Жучко Григорьевъ; пашни паханые поновы 6 ч.“ („Сотницъ“, I, 114). На стр. же 117 изъ итоговъ узнаемъ, что Жучко въ тягло не попалъ. Въ волости Керети Коляскаго уѣзда въ 7116—7117 гг. находимъ „на церковной землѣ дв. бобыльской“ (гр. кол. эк., № 6140). О церковныхъ бобыляхъ см. также у Лебедева въ „Собраніи актовъ Бѣляева“ на стр. 94 (Лихвинъ, 7198 г.). Значить, какъ изгон, такъ и бобыли, стоятъ въ какихъ то особыхъ отношеніяхъ къ церкви и именно, какъ люди бѣдные, одинокіе, смѣемъ думать. Если же Жучко оказался бы „поповъ сынъ, грамотъ не умѣетъ“ ¹⁾, что, судя по его фамиліи, болѣе, чѣмъ вѣроятно, то тутъ мы имѣли бы прямое переходное звено отъ изгоевъ къ бобылямъ.

Надо принять во вниманіе и то, что, когда было употребительно слово „изгой“, слово „бобыль“ въ памятникахъ ни разу не встрѣчалось. Когда же появилось слово „бобыль“, то слово „изгой“ изъ памятниковъ точно по волшебству исчезло. Не имѣемъ ли мы здѣсь такимъ образомъ случай смѣны терминовъ для обозначенія одного и того же понятія? ²⁾.

II.

Столы Помѣстнаго приказа.

Г. Ардашеву, въ статьяхъ его, о которыхъ говорить г. Рожковъ въ июльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1903 г. (ср. также стр. 75 третьяго выпуска „Сотницъ, грамотъ и записей“), извѣстны только московскій, владимірскій, исковскій,

¹⁾ *Владимірскій-Будановъ*. Христоматія. I, 229.—Уст. гр. 1125—1136 гг.

²⁾ Съ точки зрѣнія родового быта и общиной (Сергѣевичъ, ор. cit, I, 266) тоже наша гипотеза удобопріемлема.— На стр. же 265 самъ В. П. Сергѣевичъ отождествляетъ изгоевъ съ крестьянами даже. Такъ тѣмъ удобнѣе отождествить ихъ съ бобылями. Этимологию слова „изгой“ (*ibid.*, „вышедшій“) тоже за насъ. Ср. также стр. 122—123 въ третьемъ выпускѣ нашихъ „Сотницъ, грамотъ и записей“.

рязанскій, приказный и вотчинный столы Помѣстнаго приказа. А между тѣмъ напр. на склейкахъ 7—13 дѣла № 6 столбца Помѣстнаго приказа по Алексину № 31056 читаемъ слѣдующее:

„Во 191 г. декабря въ 14 день сказать Резанскаго стола подъячимъ, старымъ и середніе статьи и молодымъ подъячимъ, нѣтъ ли у кого спору и челобитья въ Тарускомъ уѣздѣ въ Окологородномъ стану по писцовымъ книгамъ ись порозжихъ земель о пустоши Гаврилковѣ, о 90 четвертяхъ ¹⁾).

А хто ияны подъячіе ²⁾, и тому роспись.

Андрей Ремезовъ. У меня нѣтъ ³⁾.

Федоръ Яковлевъ. Нѣтъ.

Евѣмъ Остриковъ. Генваря въ 25 д. о пустоши Гаврилковѣ въ Тарускомъ уѣздѣ нынѣ спору нѣтъ. А въ старыхъ дѣлахъ не упомяну.

Петръ Яковлевъ. Нѣтъ спору.

Гаврило Перевусихинъ. Нѣтъ.

Кузма Карачаровъ. Нѣтъ.

Иванъ Вскентьевъ. Нынѣ нѣтъ. А въ старыхъ дѣлахъ не упомяну.

Наумъ Колесниковъ. Нѣтъ.

Алексѣй Остриковъ. Отосланъ въ Верхъ.

Василей Лукинъ. У меня нѣтъ.

Степанъ Стулинъ. Нынѣ нѣтъ.

Иванъ Андреяновъ. Нѣтъ.

Семень Александровъ. У меня нѣтъ.

Моисей Глуховъ. Нѣтъ.

Иванъ Шениъ. Спору нѣтъ.

Сава Рагачовъ. Нѣтъ о Гаврилковѣ.

Борисъ Климонтовъ. Спору нѣтъ.

Василей Калининъ. Нѣтъ.

Средніе статьи.

Семень Антнинъ. Нѣтъ.

Михайло Афонасьевъ. Нѣтъ спору.

Савинъ Репьевъ. У меня спору нѣтъ.

Андрей Юрьевъ. Нѣтъ.

Иванъ Большой Оловениковъ. Сказалъ: у меня по Торусѣ о пустоши Гаврилковѣ спору и челобитья нѣтъ.

Григорей Тороновъ. Нѣтъ.

Матвѣй Сергѣевъ. Нѣтъ спору.

¹⁾ На которую билъ челомъ стряпчій Яковъ Ивановъ Ларионовъ.

²⁾ Т. е. Старые Рязанскаго стола?

³⁾ Приписки сбоку фамилій сдѣланы другой рукой (самихъ подъячихъ? впрочемъ не всегда).

Микиоръ Зыковъ. Нѣтъ.
 Андрѣй Кошчевъ. Нѣтъ спору.
 Гаврило Окунковъ. Нѣтъ.
 Климиъ Кириловъ. Нѣтъ.
 Степанъ Карачаровъ. Нѣтъ.
 Иванъ Меншой Оловениковъ. Сказалъ: спору нѣтъ.
 Степанъ Емельяновъ. Нѣтъ.
 Максимъ Хлудовъ. У меня нѣтъ.
 Гаврило Даниловъ. У меня нѣтъ.
 Илья Струковъ. Нѣтъ.
 Дмитрей Надѣевъ. У меня такова спору и челобитья нѣтъ.
 Микиоръ Корякинъ. Нѣтъ.
 Александръ Ершовъ. Сказалъ: нѣтъ спору у меня.
 Григорей Ремезовъ. Нишъ нѣтъ, а въ прежнихъ дѣлахъ не упомяну.
 Ѳедоръ Па[т]рушевъ. О пустоши Гарилковъ спору нѣтъ.
 Трибонъ Шишигинъ. Нѣтъ.
 Гарасимъ Невѣжинъ. У меня нѣтъ спору.
 Антонъ Сумороковъ. У меня нѣтъ.
 Егоръ Максимовъ. Нѣтъ.
 Пазаръ Овдѣевъ. Нѣтъ.
 Иванъ Корсаковъ. У меня нѣтъ.
 Михайло Гнезниковъ. Боленъ.
 Ѳедоръ Тимофѣевъ. Нѣтъ.
 Игнатей Аммосовъ. Нѣтъ.
 Иванъ Аммосовъ. Нѣтъ.
 Ѳедоръ Арцыбушевъ. Нѣтъ.
 Ѳедоръ Чиркинъ. Нѣтъ.
 Алексѣй Савинъ. Нѣтъ.
 Иванъ Михайловъ. У меня нѣтъ.
 Егоръ Извѣковъ. Нѣтъ спору.
 Любимъ Первова. Въ Торускомъ уѣздѣ въ Окологородномъ стану по писцовымъ книгамъ о п. Гавриловъ спору нѣтъ.

Молодые.

Милюта Ретюнской. У меня нѣтъ.
 Семень Степановъ. Нѣтъ.
 Василей Голубцовъ. Нѣтъ.
 Спиридонъ Боевъ. Спору нѣтъ.
 Борисъ Древской. Нѣтъ спору.
 Петръ Ремезовъ. Нѣтъ.
 Иванъ Андрѣевъ. У меня нѣтъ.
 Иванъ Гололобовъ. Нѣтъ спору.
 Сава Булгаковъ. У меня нѣтъ.
 Григорей Андреяновъ. У меня спору и челобитья генвари по 19 день нѣтъ.
 Дмитрей Алексѣевъ. Нѣтъ спору.

- Иванъ Дурдинъ. Нѣтъ спору.
 Петръ Поликарповъ. Нѣтъ.
 Иванъ Федоровъ. У меня нѣтъ.
 Андреянъ Ратмановъ. Нѣтъ спору.
 Алексѣй Тороповъ. Нѣтъ.
 Михайло Реньевъ. У меня такого спору и челобитья нѣтъ.
 Елисѣй Вороновъ. Нѣтъ.
 Тиховъ Тороповъ. Нѣтъ.
 Илья Ларионовъ. Нѣтъ спору.
 Ермилъ Ермошинъ. Не ходитъ.
 Еремъ Симаповъ. У меня нѣтъ.
 Алексѣй Чертаковъ. Нѣтъ.
 Вареломѣй Свиридовъ. Нѣтъ.
 Филимонъ Ермолаевъ. У меня спору нѣтъ.
 Маркѣлъ Копчиковъ.
 Осдоръ Никитинъ. Нѣтъ.
 Алексѣй Нероповъ. Нѣтъ.
 Иванъ Сорокинъ. Нѣтъ.
 Иванъ Лукинъ. У меня въ Торускомъ уѣздѣ спору нѣтъ.
 Микнеоръ Костянтиновъ. Нѣтъ.
 Михайло Несимоновъ. Нѣтъ.
 Иванъ Триановъ. Нѣтъ спору.
 Петръ Тороповъ. Нѣтъ.
 Василей Ключаревъ. Нѣтъ.
 Петръ Окосмовъ. Нѣтъ.
 Микнеоръ Гостевъ. Нѣтъ спору.
 Матвѣй Мокрипской. Въ Тарусѣ о п. Гаврилковѣ челобитья и спору
 нѣтъ.
 Григорей Ивановъ. Не сидитъ.
 Кузма Шарановъ. Нѣтъ спору и челобитья.
 Панейлъ Добрынинъ. Нѣтъ.
 Степанъ Пушковъ. Нѣтъ.
 Трионъ Леонтьевъ. Въ деревни.
 Алексѣй Мануковъ. Писанъ ниже сего.
 Василей Аонасьевъ. Нѣтъ.
 Апкидинъ Булгаковъ. У меня спору нѣтъ.
 Федоръ Алимпьевъ.
 Петръ Прасоловъ. Нѣтъ.
 Михайло Песковъ. У меня нѣтъ.
 Тихонъ Колесниковъ. Не ходитъ въ приездъ.
 Фадѣй Кляусовъ. Не ходитъ.
 Иванъ Безовъ (?) Нѣтъ.
 Семенъ Воронинъ. Нѣтъ.
 Григорей Бѣлоу. Нѣтъ.
 Егоръ Ребровъ. Нѣтъ спору.
 Михайло Лошаковъ. Нѣтъ.
 Федоръ Шенинъ. Спору нѣтъ.

Андреянъ Ивановъ. Нѣтъ.
Алексѣй Манузовъ. Нѣтъ спору генваря по 31 число.

Въ столѣ дѣлныхъ полѣ.

Старые.

Федоръ Коптѣловъ. Нѣтъ челобиты въ Торускомъ уѣздѣ.
Алексѣй Лобковъ. Нѣтъ.

Средніе статьи.

Александръ Шамагѣевъ. Нѣтъ.
Александръ Ершовъ. Писанъ выше сего.

Молодые.

Тимосей Яковлевъ. Нѣтъ.
Кирило Фроловъ.
Семенъ Жуковъ. Не утаю (sic) по генваря по 18 число.
Иванъ Струковъ. Нѣтъ.
Аврамъ Сухочевъ. Умре (bis).
Паненка Блохинъ. У меня въ Торускомъ уѣздѣ спору нѣтъ.
Василей Заварзинъ. Нѣтъ.
Ларіонъ Семеновъ. Не сидитъ.
Андрѣй Меншой Горѣлкинъ. У меня генваря по 25 день спору и челобиты нѣтъ.

Въ приказномъ столѣ.

Старые.

Семенъ Васильевъ. Нѣтъ спору.
Осипъ Ивановъ. Нѣтъ.

Молодые.

Илья Горяиновъ. Нѣтъ у меня.
Матвѣй Кондратьевъ. Нѣтъ.
Иванъ Столбицкой. Не сидитъ.
Илья Ивановъ. У меня нѣтъ.
Петръ Савинъ. У меня спору нѣтъ.
Микхеоръ Векорюковъ. У меня спору нѣтъ.
Иванъ Коробовъ. Отпущенъ.
Сава Филатьевъ. О пустоши Гаврилюковъ спору нѣтъ.
Леонтей Самойловъ. Нѣтъ.
Сергѣй Халезовъ. Нѣтъ спору.
Андрѣй Прокоѣевъ. Не сидитъ. А сидитъ въ.....
Андрѣй Голенищевъ.
Иванъ Воробьевъ. У меня такова дѣла нѣтъ“.

Такимъ образомъ къ столамъ извѣстнымъ г. Ардашеву приходится прибавить еще столъ дикихъ полъ. Возникновеніе же его и приказнаго стола Помѣстнаго приказа мы склонны относить къ 1682 году и притомъ считать ихъ выдѣлившимися изъ рязанскаго стола, такъ какъ въ дѣлѣ № 6 они поставлены въ связь именно съ послѣднимъ столомъ. Послѣднее доказывается и спискомъ подъячихъ рязанскаго стола за ноябрь 191 г., издаваемыхъ нами въ третьемъ выпускѣ „Сотницъ, грамотъ и записей“ на стр. 78—80. Изъ списка же подъячихъ рязанскаго стола за май 191 г. (op. cit., стр. 80—81), видно, что 191 годъ былъ вообще годомъ какихъ то большихъ канцелярскихъ реформъ въ помѣстномъ приказѣ, что въ связи съ смутами этого года и явилось причиной крайней неустойчивости, какъ личнаго состава приказа въ этомъ году, такъ быть можетъ и его департаментовъ (столъ дикихъ полъ и вотчинной записки).

III.

Бѣжецкая изба.

Очень загадочна и бѣжецкая изба, единственный (если не ошибаемся) сохранившійся актъ дѣятельности которой, (7069 года) нами изданъ въ первомъ выпускѣ нашихъ „Сотницъ, грамотъ и записей“ подъ № XXXVIII („И Иванъ Измайловъ сынъ Каменской то село Перемуть зъ деревнями и съ пустошми мѣрилъ и за мѣрнымъ спискомъ намъ посрочилъ стати на Москвѣ передъ царевыми бояры великог князя въ Бѣжецкой избѣ на отписной срокъ лѣта 7069—г, какъ немецкіе воеводы мѣсець спустя съ конь ссядутъ, зъ денгами за тое отчину платити Симоновскому анхимандриту Оилооѣю зъ братьею по мѣрному списку 225 рублевъ. И мы на тотъ срокъ стали и, доложася боярина князя Юрья Ивановича Темкина, въ той отчинѣ, въ селцѣ въ Перемутѣ зъ деревнями и съ пустошми, съ Симановскимъ анхимандритомъ Оилооѣемъ и зъ братьею помирились“ и т. д.). Такъ не стоитъ ли „бѣжецкая изба“ въ связи съ Устюжскою четью, или же съ Нижегородскою, такъ какъ выше въ томъ же актѣ говорится о бояринѣ князѣ Михаилѣ Васильевичѣ Глинскомъ, а по Сергѣевичу (op. cit., I, 495) М. В. Глинской былъ съ 1556 года намѣстникомъ новгородскимъ.

Сергій Шумаковъ.

СЛАВЯНСКОЕ ЖИТИЕ СВ. КИРИЛЛА КАКЪ РЕЛИГИОЗНО-ЭПИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ И КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ ¹⁾.

(Критическія замѣтки).

XXVI.

Четыре послѣднія строки XXII гл. нашего изслѣдованія должны быть замѣнены слѣд. словами: „Къ вопросу о возникновеніи русской епископіи и русской митрополіи мы еще воротимся, такъ какъ онъ представляетъ не мало трудностей“.

Языкъ договоровъ съ греками 907 и 911 г., и лѣтописныя замѣтки к. IX в. (напр. о появленіи угровъ передъ Кіевомъ и пр.) свидѣтельствуютъ о бытности въ Кіевѣ въ первые годы X-го вѣка нѣсколькихъ христіанъ изъ мѣстныхъ славянъ знакомыхъ съ греческимъ, а также и съ церковно-славянскимъ языкомъ ²⁾. Случайное же упо-

---

¹⁾ См. январскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1904 годъ.

²⁾ Вообще языкъ договоровъ—русскій, но не безъ церк.-словѣнскихъ или болгарскихъ, напр. *свѣщанія* (род. п.), отъ всѣхъ.. *сущицѣ* Руся, *лавы*, *потчимся*, *любовь непревратну*, *несблзнену* и *непреложну*, *аце* (passim), *дондеже*, *обрящеться*, *обряцють*, *преждереченную*, *обрящеться*, *ходящицѣ* и *удолжающицѣ*, *возератитѣся*, отъ Бога *суще*, такому *свѣщанію*, *бывиющаго*. Вообще языкъ договоровъ обличаетъ въ переводчикѣ природнаго русскаго словѣнника (а не юго-западнаго, не болгарскаго), знакомаго съ древне-церк. словѣнскимъ языкомъ и къ нему привычнаго. Можно безъ колебанія предполагать въ переводчикѣ туземнаго, кіевскаго христіанина, знакомаго съ языкомъ слав. богослужебныхъ книгъ. Неправильное же написаніе скандинавскихъ норманскихъ именъ подтверждаетъ, что договоръ писанъ славянскимъ, а не варягомъ. (Kunik. *Beruf. d. schw. Rodsen. S. Ptsb. 1845. SS. 153—194*).

миналіе въ княженіе Игоря соборной (приходской) церкви св. Іліи въ Кіевѣ заставляеть признать, что эта церковь, если не какая еще другая, была въ Кіевѣ еще при Олегѣ, и не только въ к. IX в., но и раньше, еще при Аскольдѣ. О крещеніи руся при патриархѣ Фотіи и царѣ Михаилѣ III въ 861 г. встѣдъ за нападеніемъ ея на Константинополь (лѣтомъ 860 г.) мы имѣемъ достовѣрное свидѣтельство самого великаго патриарха (866—867) и довольно древнее русское указаніе. Оно сохранилось въ Румянц. прол. XIII—XIV в., гдѣ говорится о привезенномъ изъ Цареграда княгиню Ольгою крестъ: иже нынѣ стоитъ въ Кивѣ въ св. Софїи въ олтари на деснѣй страгѣ, имѣи писмена:—*обновися въ Рѣшъстѣи земли крестъ ѿ О'вы блотурныи княши мѣре Стославле*. Обновленіе креста въ Руси княг. Ольгою намекаетъ на первое, упоминаемое Фотіемъ, крещеніе руся.

Совершенно же молчаніе патриарха Фотія о крещеніи въ его время хазарь и упоминаніе въ одной изъ старыхъ описей (VIII в.) епархіи (τῆς τῆς ἡλίας или т. наз. *potitiae episcopatum*) подвѣдомыхъ цареградскому патриархату епископовъ хазарскихъ и тмутараканскаго ¹⁾ заставляють съ одной стороны отвергать миссію Константина Философа съ братомъ его Меѳодіемъ 861 г. къ хазарамъ, съ другой—не искать ни въ Хазаріи, ни въ Тмутаракани того епископа, о которомъ упоминаеть патриархъ Фотій, при чемъ разумѣеть и упоминаеть лишь русовъ. Какъ нападеніе руся 860 г. на Царьградъ пошло не изъ Тмутаракани, а изъ Кіева, то и первое крещеніе руся происходило не на сѣв. вост. Черноморьѣ, а на среднемъ Подпирровѣ и всего вѣрнѣе въ самомъ Кіевѣ, гдѣ въ первомъ десятилѣтіи X в. являються уже переводчики

¹⁾ De Boor, C. Nachträge zu d. Not. episc. (Ztschr. f. Krethg. XII, 1891). Τὰς προκαθάρτας τῶν ἁγιωτάτων πατριάρχων μητροπολιτῶν καὶ αὐτοκεφάλων. См. №№ 645 и сл. въ епархіи Γεθθίας—с. Δόρος, μητρόπολις—епископы β—ὁ Χοτζήρων и η—ὁ Τουμάταρχα. С. Мартенъ хазарь отождествлялъ съ акацями и агацями. Hist. du bas Emp. Le Beau. Paris. MDCCCXXX t. 6, p. 163, p. 426 и t. 11, p. 115.

Въ Прол. Н. Соф. 6—кн № 1328 (въ 6—кн Пет. дух. ак.) въ донѣ святыхъ мученикъ съ Стефаномъ св. иконахъ мученикомъ. „Мнози тогда въ воинѣ правовѣ ѣни соуще не терпяще зрѣти святыхъ иконъ попраомъ, отрече се воишства, быша мниси и поклапяхоуся святымъ иконамъ. Слышавъ же о нихъ законопреступный царь, пославъ и привсе я, и много мучивъ, оуби я, ибо единого славна соуща племемъ Васильемъ поноуди попраи иконы. Онъ же поклапяшеса мнѣ, и повелѣлъ забости ему очн; посемъ прорѣзаша *подпуніе* его и извлекша чрева его, и пзгнанъ оумре со мноюу болязнію. И посемъ призва *Софию* затворницю и много мучивъ и поса смоу оурѣза и въ *Корсоу*н поточи его, оубити и хотяху. Онъ же *отбѣжа* въ *Козары*, тамо епископомъ поставленъ бысть и въ старости добръ скончася“.

(съ греческаго) и шесцы договоровъ съ греками 907 и 911 г., и авторы первыхъ лѣтописныхъ замѣтокъ съ конца IX в., слѣдовательно христіане изъ русскихъ славянъ, знакомые съ славянскою грамотою и съ древне-славянскимъ церковнымъ языкомъ. Славянская же грамота и церк.-славянскій языкъ проникли значить въ Кіевъ съ первымъ крещеніемъ руси, т. е. въ 861 г., когда впервые возникла въ *матери* городовъ русскихъ маленькая христіанская община, постепенно разраставшаяся въ теченіи ближайшихъ ста тридцати лѣтъ. Этотъ тихій, но прочный ростъ обязанъ былъ преимущественно введенію славянскаго богослуженія и славянской книги въ первое крещеніе руси, т. е. въ 861 г. Славянское же богослуженіе и славянская грамота проникли слѣдовательно къ намъ не изъ Моравіи и не изъ Болгаріи, а изъ Цареграда, отъ христіанской миссиі, отправленной къ руси патриархомъ Фотіемъ и императоромъ Михаиломъ III. Такой выводъ заставляетъ признать, что такъ называемая хазарская миссія Константина Философа и его брата Меодія и была собственно русскою миссіею, которая немедленно восплѣдовала за упоминаемымъ въ окружномъ посланіи Фотія 866—867 г. русскимъ посольствомъ, явившимся въ Царьградъ вскорѣ послѣ нападенія на него руси (18 іюня 860 г.)¹⁾. Ивно иска-

¹⁾ Въ запискѣ Гавдерика читаемъ: „Post haec (по открытіи мощей Св. Климента 30 янв. 861 г.) praedictus Philosophus iter arripiens, et ad gentem illam, ad quam missus fuerat, veniens, comitatus Redemptoris omnium Dei praedicationibus et rationibus eloquiorum suorum, convertit omnes illos ab erroribus, quos tam de Saracenorum quam de Iudaeorum perfidia retinebant. Unde plurimum exhilarati, et in fide catholica corroborati atque docti, gratias referebant omnipotenti Deo et famulo ejus Constantino philosopho. *Litteras insuper Imperatori cum multis gratiarum actionibus transmiserunt; quia eos studio suo ad veram et catholicam revocare studuerit fidem; affirmantes se ob eam rem imperio ejus semper subditos et fidelissimos de cetero velle manere*“. Последнія строки совершенно согласны съ словами Окр. посл. Фотія о русахъ послѣ ихъ крещенія: „ἐν ὑπάρχων ἐξουτοῦς καὶ προξένων τάξει, ἀντὶ τῆς πρὸ μικροῦ καθ' ἡμέραν λεηλασίας καὶ τοῦ μεγάλου τοῦ μύηματος ἀγαπητῶς ἐγκραστούσαντες, καὶ ἐπὶ τοσοῦτον αὐτοῦς ὁ τῆς πίστεως πόθος καὶ ζῆλος ἀνέφλεξεν, ὥστε καὶ ἐπίσκοπον καὶ ποιμένα δεξιᾶσαι καὶ τὰ τῶν χριστιανῶν θρησκευτάτα διὰ πολλῆς σπουδῆς καὶ ἐπιμελείας ἀσπάζεσθαι“. Слова Гавдерика совершенно не идутъ къ хазарамъ, старымъ, давнишнимъ знакомцамъ и союзникамъ Византіи, и рѣшительно напоминаютъ слова Фотія о русахъ. Кто *πρὸ μικροῦ* совершенно отвѣчаетъ 861 году *хазарской* миссиі Константина Философа (30 янв. 861 г. обрѣтеніе мощей св. Климента), слѣдовавшей вскорѣ по пріѣздѣ посольства русскаго въ Константинополь, состоявшагося также скоро послѣ неудачнаго нападенія Руси на Константинополь (18 іюня 860 г.). О крещеніи же хазаръ и епископѣ хазарскомъ ничего не говорятъ ни посланія Фотія, ни другіе современные византійскіе источники. Византійское же свидѣтельство о крещеніи Руси Константиномъ Философомъ

жонное мѣсто славянскаго житія Кириллова—якобы объ обрѣтеніи Константиномъ Философомъ въ Херсонѣ „евангелія и псалтыри, писанныхъ де *русьскими писменами и человека малоюща тою бесѣдою*“ служить однимъ изъ важныхъ уликъ въ пользу именно *русской*, а не *хазарской* миссіи Константина Философа ¹⁾. Совершенно невѣроятное и недопустимое (хотя и многими къ сожалѣнію принято) предположеніе Шафарика о томъ, будто бы византійцы половины IX в. считали варяговъ русовъ, отчаянныхъ пиратовъ и лзычниковъ, за одинъ народъ съ давно крещеными, мирными и тихими, таврическими готами, хорошо Византіи извѣстными и давно ей подвластными въ церковномъ и политическомъ отношеніи, вообще странное утвержденіе, будто *русское и готское* было для византійцевъ IX—X в. синонимами, не заслуживающими малѣйшаго вниманія. Критикъ тутъ остается только разводитъ руками. Это искаженное мѣсто славянскаго житія означаетъ лишь, что Константинъ Философъ ѣхалъ въ позднѣйшую Русь или въ тогдашнюю еще Хазарію или вѣрнѣе Gardhariki съ русскими посланцами (какъ о томъ и говоритъ Гавдерикъ). Узнавъ, что одинъ изъ нихъ хорошо знаетъ по славянски, Константинъ Философъ, взявшій съ собою свои славянскіе переводы (уже приготовленные съ 855 г.), сталъ прочитывать съ этимъ варягомъ или славяниномъ нѣкоторыя мѣста своего перевода евангелія и псалтыри. Константину Философу конечно желательно было узнать, на сколько македонско-славянское нарѣчіе

и его братомъ (въ 861 г.) дошло до насъ въ позднѣйшей передѣлкѣ (Бандурн—Регелевскій списки), авторъ которой сознательно послѣдовалъ династической передержкѣ имп. К—на Б., который завѣдомо честь перваго крещенія Руси отнялъ отъ императора Михаила III и патріарха Фотія и облыжно присвоилъ патріарху Игнатію и дѣду своему Василю I, убійцѣ Михаила III и основателю новой династіи Македонской.—Тому же сказателю этого вѣрнаго свидѣтельства (о крещеніи Руси 861 г.) принадлежить и рассказъ о чудѣ съ несгаравшимъ евангеліемъ.

¹⁾ Гавдерикъ говоритъ по пріѣздѣ въ Константинополь пословъ хазарскихъ (*legati Sazarorum*) и объясненія имъ своего желанія, — *Tunc Imperatori simul cum Patriarcha consilio habito, praefatum Philosophum advocans, simul cum legatis illorum ac suis, honorificentissime transmisit illuc, optime confidens de prudentia et eloquentia ejus.* Вотъ съ однимъ изъ этихъ посланцевъ, наилучше знавшимъ по славянски (т. е. по *русски*), и *малоюща тою бесѣдою*, и прочитывалъ Константинъ Философъ отдѣльныя мѣста своего перевода Евангелія, дабы узнать, какаѣ есть различія въ гласныхъ и согласныхъ славяно-русскаго нарѣчія съ славяно-македонскимъ, почти вторымъ роднымъ языкомъ Константина Философа и его брата. Это мѣсто слав. житія, передѣланное слиткомъ неумѣло, имѣло цѣлью поддержать позднѣйшую вставку объ избрѣтеніи Константиномъ Философомъ слав. азбуки и переводѣ евангелія на славянскій языкъ передъ самымъ отъѣздомъ въ Моравію.

близко къ русско-славянскому и чѣмъ они оба между собою разнятся. Что у славянскихъ первоучителей въ такъ называемую хазарскую миссію были взяты съ собою славянскія книги и затѣмъ оставлены въ Кіевѣ, доказывается тѣмъ, что въ Кіевѣ к. IX и нач. X в. является уже славянская грамота, пишутся лѣтописныя замѣтки, договоры Олега съ греками (907 и 911 г.) на русскомъ (славянскомъ) языкѣ съ церковно-славянизмами. Что съ первымъ крещеніемъ Руси введено было и славянское богослуженіе, подтверждается постепеннымъ ростомъ маленькой, основанной въ 861 г., христіанской общины. Ни греческое, ни готское (какъ иные предполагали) богослуженіе въ церкви св. Ильи не могло бы привлекать къ христіанству ни пришлыхъ варяговъ, ни туземнаго населенія Кіева. Появленіе славянскихъ книгъ въ Кіевѣ, въ первое крещеніе Руси, подтверждая положеніе, что т. наз. хазарская миссія славянскихъ первоучителей была миссія русская, подтверждается въ свою очередь запискою Гавдерика. Такъ онъ говоритъ, что Ростиславъ, „услыхавъ о томъ, что было совершено Философомъ въ провинціи хазарской, и заботясь о своемъ народѣ, отправилъ пословъ къ императору (Михаилу), съ такимъ завлеченіемъ, что народъ его хотя и отступилъ отъ идолопоклонства и желалъ соблюдать законъ христіанскій, но не имѣетъ такого учителя, который бы научилъ ихъ читать (*verum doctorem talem non habent, qui ad legendum eos ad perfectam legem ipsam edoceat*)“. И такъ въ Моравію Ростислава проникъ слухъ о томъ, что въ провинціи хазарской или въ т. наз. Гарзарики, куда прѣѣзжалъ Константинъ Философъ съ братомъ, былъ такой учитель, что научилъ читать (священныя книги) жителей хазарской провинціи. Но такъ какъ у этихъ хазаръ никакихъ своихъ книгъ не было (если бы онѣ были, то жители этой провинціи для чтенія ихъ не могли бы нуждаться въ чужомъ изъ за тридевять земель пришломъ учителѣ), то очевидно (по мнѣнію или по свѣдѣнію Гавдерика) Константинъ Философъ съ братомъ привезъ съ собою эти книги въ провинцію хазарскую. И что эти привезенныя ими книги и были славянскія богослужебныя книги, видно изъ того, что Ростиславъ, узнавъ объ этомъ, и просилъ, по возвращеніи Константина Философа въ Константинополь, императора прислать ему такого учителя, который бы привезъ къ нему, въ славянскую Моравію, такія же славянскія книги и научилъ бы его мораванъ читать ихъ. Сносившійся съ хазарскими и варяжскими славянами на сѣверо-востокъ, съ болгарскими и греческими славянами на югъ, Ростиславъ и его дружина знали хорошо, что языки тѣхъ и другихъ сосѣдей Моравіи моравянамъ вразумительны, а слѣдовательно и церков

ныя книги и службы, понятныя для первыхъ, будутъ вразумительны и для его мораванъ, уже лѣтъ сорокъ, съ князя Моймира, крещенныхъ и знакомыхъ съ церковною, но непонятною латинскою, службою.

XXVII.

Такимъ образомъ являются праздными все измышленія Фридриха по поводу молчанія Галдерика объ изобрѣтеніи Константиномъ Философомъ славянской азбуки ¹⁾. Установленіе славянской азбуки явилось вмѣстѣ съ переводами священныхъ книгъ. То и другое было въ значительной степени изготовлено за нѣсколько годовъ до такъ называемой хазарской миссии. Увидимъ ниже, что рассказъ житія Кириллова объ изобрѣтеніи славянской азбуки и о началѣ перевода евангелія передъ самую поѣздку въ Моравію принадлежитъ къ несомнѣннымъ баснямъ, моравскимъ властенецкимъ интерполяціямъ. Благодаря лишь авторитету Шафарика, при всѣхъ великихъ его заслугахъ, не мало нагрѣшившаго какъ въ защитѣ явныхъ подлоговъ (отрывки ев. Іоанна, Судъ Любушицъ), такъ и въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ о паннонизмахъ и моравизмахъ въ древнеславянскихъ памятникахъ Кирилло-Меодіевского періода, эта басня къ сожалѣнію была принята австро-венгерскими славистами за точку отправленія въ изслѣдованіяхъ о дѣятельности славянскихъ первоучителей. Подчиняясь ихъ авторитету, и нѣсколько позднѣйшихъ русскихъ авторовъ книгъ и статей о жизни и дѣятельности Кирилла и Меодія стали строго держаться 863 г., года появленія первыхъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ и отвергать 855 г., т. е. якобы критики не выдерживающее показаніе мнѣха Храбра. Это печальное уклоненіе отъ разумнаго и строгаго критическаго направленія Добровскаго ²⁾ только запутало, за-

¹⁾ Friedrich. Ein Brief d. Anastasius biblioth. an d. Bischof Gaudericus v. Velletri üb. die Abfassung. d. „Vita cum translat. s. Clementis papae“. Eine neue Quelle zur Cyrillus u. Methodius Frage. в Sitzber. d. philos.-philolog. u. d. hist. Cl. d. k. b. Ak. d. Wiss. München. 1893. Ss. 393 etc.

²⁾ Method's Bibelsprache ist nicht Untersteltisch oder Windisch, aber ihr doch näher als dem Mährischen. Als Method nach Rom ging (861) liess er slaw. gottesdienstl. Bücher zurück—allein nach Mähren kamen sie (die Bücher u. die Apostel selbst) aus d. Bulgarey, aus Macedonien, Servien u. immediate aus Constantinopel. *Es ist nur eine Verwirrung in der Geschichte dieser Männer.* Den grossten Lärm und Aufsehen machte die slaw. Literatur in Mähren u. Pannonien, weil es den deutschen Priestern anstössig war. *In griechischen Provinzen verbreitete sie sich im*

темнило и извратило представленія и понятія о жизни и дѣятельности славянскихъ апостоловъ. Справедливость требуетъ впрочемъ отмѣтить, что не только Добровский, но еще раньше Лекъенъ, и болѣе близкіе къ намъ ученые, Горскій, Гильфердингъ и Куникъ, уже не разъ подходили было къ истинѣ. Лекъенъ высказывалъ, что миссія хазарская была собственно миссіею русскою. Горскій, Гильфердингъ и Куникъ тоже приближались къ этому же, вѣрно замѣчая, въ слѣдъ за Горскимъ, что извѣстное мѣсто славянскаго житія объ евангеліи, писанномъ русскими буквами, есть несомнѣнно позднѣйшая вставка или передѣлка первоначальнаго текста.

Слова Лекъена были приведены нами. Свою догадку въ сущности вѣрную онъ самъ испортилъ и сдѣлалъ ее неприемлемою, отнеся эту такъ называемую хазарскую миссію Константина Философа къ царствованію императора Василія I (867—886) и ко второму патриаршеству Игнатія (867—878). Прибавимъ, что начало царствованія Василія относится къ 23-му сентября, а начало второго патриаршества Игнатія къ 23-му окт. 867 г. Такимъ образомъ Константинъ Философъ могъ бы получить назначеніе въ Хазарію не раньше половины ноября 867 г., а извѣстно, что въ это самое время Константинъ Философъ съ братомъ Меодіемъ только что подъѣзжалъ къ Риму и прибылъ къ нему черезъ нѣсколько дней по смерти вызвавшего ихъ къ себѣ папы Николая I († 13-го ноября 867).

Такія же хронологическія недоразумѣнія помѣшалъ Гильфердингу и Кунику прійти къ вѣрному опредѣленію хазарской миссіи и къ настоящей оцѣнкѣ извѣстнаго мѣста житія о русскомъ евангеліи, яко бы найденномъ въ Херсонѣ, и объ обрѣтеніи также Константиномъ Философомъ челоуѣка „глаголюща тою же бесѣдою“, т.-е. русина.

Надо замѣтить, что Гильфердингъ еще въ 1862 г. очень близко

Stillen schon früher—so dass es dem Rastislaw in Böhmen zu Ohren kam. Privina war kein slavisch bethender Fürst; anfangs auch sein Sohn Herilo nicht. A. 865 weihte noch der Salzburger Erzbisch. eine Kirche in seinem Gebiete. Nach dieser Zeit etwa 867 oder 68 kam Method auch nach Pannonien aus Mähren, schon als Erzbischof u. verscheuchte den Erzpriester Richbald, etwa 873 oder 871. (Письмо Добр. и Копит. подъ ред. Ягича. С.-Пб. 1885. I. с. 189. Prag. 30 jun. 1811).—Въ 1900 г. Ягичъ писалъ: Den Ausgangspunkt der ganzen Frage bildet die Berufung der beiden Apostel nach Mähren... Man muss sich.. an den Wortlaut der panuonischen Legende halten, die den Ausgangspunkt für die slawische Mission der beiden Brüder in dem Rufe nach Mähren erblickt. Zur Entstehesch. d. ksl. Spr. (Dukchr. f. k. Ak. d. W.) Wien 1900. (Ss. 3—4).

подходилъ къ вѣрному пониманію хазарской миссіи славянскихъ апостоловъ. Приведу его слова:... „въ ханствѣ козарскомъ, также точно и къ тогдашней имперіи Византійской, славянская стихія была многочисленна, вѣроятно, многочисленнѣе всѣхъ другихъ ¹⁾. Вотъ, стало быть, посредствующее звѣно между обоими государствами, элементъ славянскій; вотъ языкъ, на которомъ византійскій христіанинъ могъ проповѣдывать евангеліе при дворѣ кагана козарскаго и между его подданными,—языкъ славянскій, *вотъ почему для миссіи въ Козарію избраны были люди, посвятившіе себя обращенію славянъ, люди, которые несли съ собою славянскія письма и славянскій переводъ евангелія* ²⁾. Иначе эта миссія казалась бы мнѣ не только необъяснимою, но даже безцѣльною. Въ моихъ глазахъ поѣздка Кирилла и Меѳодія къ козарамъ предполагаетъ непременно, что они предварительно сдѣлались извѣстными въ Константинополь попыткою передать ученіе Христово на языкѣ славянскомъ, и это, скажу мимоходомъ, служитъ для меня новымъ и сильнымъ подкрѣпленіемъ моей мысли, что изобрѣтеніе славянскихъ писменъ совершилось прежде поѣздки въ Козарію, т.-е. до 858 г. Извѣстно, что Кириллъ записалъ (разумѣется, по гречески) содержаніе преній съ магометанами и евреями у козаръ, и что Меѳодій перевелъ это сочиненіе по славянски: къ чему бы служилъ такой переводъ, если бы Меѳодій не имѣлъ въ виду оставить козарамъ, исповѣдывавшимъ частію магометанство, частію іудейство, и подвластнымъ

¹⁾ „Разумѣется въ европейской части имперіи“. (Гильф.).

²⁾ На это есть даже положительное указаніе въ одномъ древнемъ прологѣ, гдѣ сказано, что Кириллъ уприсялъ Меѳодія сопутствовать ему къ козарамъ, *заче умляше языкъ словѣньскъ*. (Бодянский о пр. происх. слав. письм., 73). Разумѣется однако, что это мѣсто не можетъ быть принимаемо въ томъ смыслѣ, будто самъ Кириллъ не зналъ по славянски. (Гильф.). Прибавимъ, что въ Прлукомъ прол. (нынѣ въ Пет. дух. ак.) на 11-е апрѣля (л. 106) читается: „Въ тѣ днь мша прѣкнаго оца нашѣ Меѳодіи (sic) ѡна Жоракьскя озчѣла рѣсьскаго“. Здѣсь тоже читаемъ: „Кирилъ же обмолчи брата своего Меѳодіи їти сокою (sic) яко озчѣлаше языкъ словѣньскъ“. Выше же говорится: „егда же бы лѣ... постави (царь) его княземъ словѣньнымъ (вм. скымъ) і прѣкъ тамо лѣ і (10) издѣче словѣньскомѣ языкѣ і словеса едковна сложиста съ кратомъ“. Замѣтимъ, что этотъ прекрасный прологъ к. XIV или сам. нач. XV в. въ 2-хъ частяхъ въ листъ, на пергам., съ л а не ы, съ строго проведеннымъ русскимъ правописаніемъ имѣетъ довольно много русскихъ статей, несомнѣнно переписанъ съ оригиналовъ болѣе древнихъ, гдѣ нибудь въ сѣв. Руси, и слѣд. проложное житіе Меѳодія было взято изъ рукописи XIII, даже XII в. Потому его завѣстіе: *о сложении словеса буквенныхъ*, какъ совѣстномъ трудѣ обомъ братьевъ, вслѣдствіи заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ сказаніе житія Кириллова (о сл. письм.) въ рукописи конца XV вѣка. Свидѣтельство этого пролога напоминаетъ и подтверждаетъ сказаніе о Брѣгальницѣ.

имъ славянамъ, на письмѣ доводы, которыми Кириллъ въ бесѣдахъ и преніяхъ своихъ опровергалъ ученіе муллъ и раввиновъ? Вѣдь переводъ такого сочиненія для другихъ славянъ, особенно въ ту эпоху, не имѣлъ бы никакой цѣли, и конечно Меодій не взялся бы за него впоследствии ни въ Болгаріи, гдѣ ему приходилось проповѣдывать христіанство язычникамъ (и отчасти, можетъ быть, противодѣйствовать христіанскимъ же, но еретическимъ, толкамъ), ни въ Моравіи, гдѣ опять-таки нужна была не полемика съ жидами и магометанами, а работа для искорененія языческихъ вѣрованій и борьба съ западнымъ духовенствомъ“.

Остановимся на толкованіи Гильфердингомъ извѣстнаго мѣста славянскаго житія о русскомъ евангеліи... „Преданіе это (sic), какъ извѣстно, подало поводъ къ различнымъ толкованіямъ и догадкамъ; но, по моему мнѣнію, оно есть не болѣе, какъ перенесенное въ область легенды воспоминаніе о томъ, что Кириллъ, встрѣтившись, по прибытіи изъ Константинополя въ Крымъ, съ русскимъ ¹⁾ славяниномъ (или вѣрнѣе съ русскими славянами) и готовясь въ Херсонѣ къ поѣздкѣ въ козарскія владѣнія, старался въ это время примѣнить свое нарѣчіе и свой переводъ священныя книгъ къ языку подвластныхъ козарамъ славянъ: а это разумѣется, въ ту эпоху, было еще весьма легко“ ²⁾... „Недаромъ также на Руси столь упорно держалось мнѣніе, что Кириллъ изобрѣлъ грамоту *для русскихъ*, что онъ на русскій языкъ переложилъ священныя книги: *это мнѣніе имѣло то же основаніе, какъ*

¹⁾ „Разумѣется, русскими эти славяне въ то время еще не назывались, и я употребляю это названіе только для краткости. вмѣсто того, чтобы говорить: „юговосточные славяне, принявшіе потомъ наименованіе русскихъ. Если же въ *древнемъ житіи* Кирилла говорится о русскихъ, то это произошло, очевидно, оттого, что *во время составленія житія* названіе „Русь, Русьскыи“ было уже общеизвѣстнымъ“. Прим. Гильфердинга.—Гильфердингъ ошибся, называя *житіе древнимъ* и прибавляя, что *во время составленія житія*—слово Русь было уже общеизвѣстнымъ (въ смыслѣ славянскаго, а не норманскаго). Въ такомъ случаѣ *время составленія житія* относить надо къ концу X и началу XI в. и слѣд. житіе Константина Философа († 868 или 869), писанное черезъ сто слѣшкомъ лѣтъ по его кончинѣ нельзя называть древнимъ. Съ *русиномъ* же бесѣдовалъ Константинъ Философъ и читалъ ему свой переводъ евангельскихъ чтеній. Этотъ русинъ, словенинъ или варягъ, былъ конечно однимъ изъ посланцевъ Аскольдовыхъ, наилучше знакомыхъ съ языкомъ полянъ.

²⁾ Тутъ слѣдуетъ довольно большое прим. Гильфердинга: „въ житіи Кирилла, все вообще мѣсто, гдѣ находится приведенное извѣстіе о русскихъ письменахъ евангелія“... Гильфердингъ основательно отвергаетъ извѣстное предположеніе о томъ, что то были письмена глаголическія и догадку Шафарика о томъ, что русское=готскому.

и то, что грамота славянская изобрѣтена для Моравіи: Кириллъ положилъ основаніе христіанскому просвѣщенію между славянами моравскими: и тѣ и другіе, естественно, могли приписать себѣ ту славу, что они были первоначальными, такъ сказать, виновниками его великаго дѣла“. Далѣе Гильфердингъ приводитъ обнародованное Бандури сказаніе о первомъ крещеніи Руси, при чемъ относитъ его къ 866 г. „Все это, разумѣется, не исторія, а легенда; но часто легенда хранитъ забытые слѣды исторіи, и въ этомъ смыслѣ я считаю приведенный разсказъ византійца весьма знаменательнымъ. По моему мнѣнію, въ немъ выражается спутавшееся подъ влияніемъ позднѣйшихъ событій воспоминаніе о миссіи Кирилла и Меодія въ Черноморскія страны и о томъ, что отъ нихъ тогда получили славяне въ нашемъ отечествѣ первые зачатки грамотности и христіанства“¹⁾.

Гильфердингъ, также какъ и Лекъенъ, былъ близокъ къ истинѣ, но, по невѣрнымъ хронологическимъ соображеніямъ, не могъ точно установить подлинныя факты и еще пожалуй больше Лекъена запуталъ дѣло. Гильфердингъ, какъ и другіе изслѣдователи до него и послѣ него (напр., Бодянский, Викторовъ, Малышевскій), относили такъ называемую хазарскую миссію Константина Философа къ 858 г., нападеніе Аскольдовой руси къ 865 г. и первое крещеніе руси къ 866 г. Справедливо настаивая на томъ, что въ хазарскую миссію были отправлены Константинъ Философъ и его братъ, какъ люди, уже доказавшіе свое знакомство со славянами и ихъ языкомъ, свою ревность въ пасажденіи среди нихъ христіанства, Гильфердингъ утверждаетъ, что результатомъ этой миссіи было первое крещеніе славянъ хазарскихъ или впоследствии русскихъ (черноморскихъ).

Такъ какъ, по Гильфердингу, Кирилловское крещеніе славянъ хазарскихъ происходило въ 858 г., а такъ называемое первое крещеніе руси—въ 866 г., причемъ крещены были не одни варяги, но и покоренные ими славяне, то Гильфердингъ и полагалъ, что крещеніе 866 г. было вторымъ крещеніемъ славянъ русскихъ или, какъ онъ ихъ называлъ, славянъ юговосточныхъ.

Если Лекъенъ для хазарской (русской) миссіи Константина Философа назначалъ дату слишкомъ поздною (конецъ 867 г., и даже позже), то Гильфердингъ также ошибочно, но въ обратномъ смыслѣ, назначалъ 858 г. для хазарской миссіи Константина Философа и 866 г., вмѣсто 861 г., для перваго крещенія руси. Изъ

¹⁾ Соч. А. О. Гильфердинга. С.-Пб. 1868, I, 307—312.

слова объ обрѣтеніи мощей св. Климента мы знаемъ, что 30 января 861 г. Константинъ Философъ находился въ Херсонѣ и оттуда затѣмъ отправился на сѣверъ къ хазарамъ. Знаемъ также, что вскорѣ послѣ нападенія на Константинополь (18-го іюня 860 г.) явилось отъ руси посольство въ Византію (вѣроятно поздно осенью или въ началѣ зимы 860 г.), и слѣд. *русская* миссія изъ Константинополя должна была прибыть одновременно съ хазарскою миссіею Константина Философа.

Но Гильфердингъ былъ правъ, твердо стоя за недостоверность показанія славянскаго житія Кириллова о томъ, будто славянскія письма были составлены и переводъ Евангелія былъ начатъ передъ самую поѣздку славянскихъ первоучителей въ Моравію. Указавшій на важность обонхъ славянскихъ житій (Кирилла и Меодія), Горскій не повиненъ въ позднѣйшихъ обобщеніяхъ этой важности со стороны западно-славянскихъ и имъ вторившихъ русскихъ ученыхъ, принимавшихъ безъ критики всѣ почти показанія житія Кириллова, тогда какъ оно дошло до насъ въ слишкомъ позднихъ спискахъ и требуетъ особенно осторожнаго пользованія. Горскій уже указывалъ на позднѣйшія въ этомъ житіи вставки и дополненія. Къ нимъ онъ отнесъ показанія житія о занятіяхъ Константина Философа еврейскимъ языкомъ, самаританскою рукописью, русскимъ евангелиемъ. Сюда же слѣдуетъ отнести, какъ мы уже видѣли, и неточное обозначеніе времени сарадинской миссії и, какъ увидимъ, совершенно вымышленное и недостоверное показаніе о времени и обстоятельствахъ составленія славянской азбуки и славянскаго перевода Евангелія. Гильфердингу посчастливилось найти новое подтвержденіе свидѣтельства мниха Храбра о времени составленія славянской азбуки и первыхъ переводовъ. Главная же заслуга Гильфердинга заключается въ томъ, что онъ призналъ большой шагъ назадъ нашей науки въ отступленіи Шафарика (въ 1855 г.) отъ своихъ прежнихъ, еще Добровскимъ высказанныхъ, положеній. Къ сожалѣнію, за Шафарикомъ пошли не только западно-славянскіе (Миклошичъ, Рачкій, Ягичъ), но и большая часть русскихъ ученыхъ (Бодянский, Вороновъ, Голубинскій, Срезневскій). „Въ недавнее еще время, писалъ Гильфердингъ въ 1863 г., полагали, на основаніи сличенія всѣхъ разнообразныхъ историческихъ данныхъ, что дѣятельность Кирилла и Меодія началась среди славянъ македонскихъ, что затѣмъ ею воспользовалась Болгарія въ собственномъ смыслѣ, и что наконецъ она перенесена была на западъ, въ Моравію и Паннонію, откуда коснулась, съ одной

стороны, Хорватин и Далматин, съ другой—Чехіи и южной части Польши: *таковъ былъ и первоначальный взглядъ Шафарика* ¹⁾; *въ послѣдствіи же, придерживаясь исключительно текста Паннонскихъ житій, ученые, въ томъ числѣ и самъ Шафарикъ, стали утверждать, что Кириллъ и Меѳодій единственно для западныхъ славянъ изобрѣли письмо и перевели священное писаніе, только этихъ сла-*

¹⁾ Шафарикъ писалъ Востокову 21-го февр. 1836 г. Seinen (Копитара) Hypothesen, dass das glagolitische Alphabet älter oder so alt als das Cyrill. sey, und das Method erst nach dem Tode Cyrills mit Hilfe von lateinischen Mönchen in Karantanien das Cyrill. Alphabet zusammengestoppelt und die liturg. Bücher in Karantanischer Mundart übersetzt habe, werde ich nie beypflichten, so lange ich gesunden Menschenverstand habe und, was Geschichte sey, verstehe, das glagolitische Alphabet mag immerhin um die Mitte des XI Jh. in Dalmatien nachdem man das Cyrill. auf drei verschiedenen Concilien in Salona verdammt hatte, erfunden worden seyn; aber von da bis zum Cyrill 855 ist noch ein weiter Sprung. Kopitar's dessen Talente u. Kenntnisse ich übrigens hochschätze und in dieser Hinsicht mich demütlich vor ihm beuge, Rechthaberei, Sophisterei, gänzlicher Mangel an Wahrheitsinn betrübt mich in hohem Grad, ich mag aber mit ihm nicht streiten. *Opinionum commenta delet dies.* (Переписка А. X. Востокова въ поврем. пер. съ объясн. прим. И. Срезневскаго. С.-Пб. 1873. Сс. 325--326). 2-го апр. 1837 писалъ Ш. В—ву. Ich hoffe kein Unparteiischer wird vortan zweifeln, dass Konstantin u. Method für die Slawen im grossen Bulgarenreiche, bevor sie nach Böhmen u. Mähren gingen, die Ev. Apost. u. die liturg. Bücher überrsetzt haben. Beiläufig bemerke ich dass der mährische Historiograph, Prof. Ant. Boczek so eben ganz neue wichtige Dokumente über den Aufenthalt d. Konst. u. Method in Böhmen u. Mähren bei der Bisch. Kirche in Litomyšl entdeckt hat, welche noch nicht alle in seinem Diplomatorium enthalten sind. *Der arme Dobrowski! Nicht ein einziges Resultat seiner krit. Versuche über die ält. böhm. Gsch. zeigt sich nach Boczek u. Palacky haltbar!* Dobr. hat gegen alle geschichtliche Zeugnisse stets hartnäckig geläugnet, dass Konstantin u. Method je Böhmen betreten haben! (Тамъ же с. 331). Шафарикъ увлекся подложными грамотами Бочка и черезъ нѣсколько лѣтъ выступилъ вмѣстѣ съ Палацкиемъ въ ихъ общемъ трудѣ „Die ält. Denkm. d. böhm Sprache“, гдѣ они напали на Добровскаго и защищали цѣлый рядъ чешскихъ патристическихъ подлоговъ—отрывки св. Іоанна, Судъ Любушинъ, уже давно осужденныхъ Добровскимъ. Свою христоматию древне-чешскую и приложенную къ ней грамматику древне-чешскаго языка Шаф. сильно испортилъ примѣрами какъ изъ этихъ, такъ и изъ другаго чешскаго подлога—т. наз. Краледворской рукописи (Wybog—1845 г.) Въ кон. 40-хъ, въ нач. 50-хъ гг. Шафарикъ занялся глаголицею и надалъ очень хорошую глагол. христоматию, а вслѣдъ затѣмъ „Ueb. den Ursprung und die Heimath d. Glagolitismus, Prag 1858“. Здѣсь Шаф. доказываетъ то самое, что онъ такъ рѣзко осуждалъ въ 1836—37 г. въ письмахъ къ Востокову. Здѣсь Копитаровскій взглядъ нѣсколько видоизмѣненъ—не словѣнцамъ, а мораванамъ, словакамъ и чехамъ принадлежитъ честь перваго служенія славянскихъ апостоловъ,—языкъ первыхъ ц.-славянскихъ переводовъ исполненъ по Копитару преимущественно паннонизмъ, даже почти паннонскій,—а по Шафарикъ онъ обилуетъ въ 1) моравизмами и 2) паннонизмами.

внѣ, при жизни своей, имѣли въ виду. Изъ представленныхъ мною соображеній можно было, надѣюсь, убѣдиться, какъ мало такой взглядъ согласенъ и съ древними свидѣтельствами и съ общимъ ходомъ событій, и съ указаніями языка. Но мало того, что слѣдуетъ возвратиться къ прежнему мнѣнію и поставить Македонію и Болгарію наряду съ землями западныхъ славянъ въ кругу апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія; *надобно въ этотъ кругъ включить и славянъ восточныхъ, принявшихъ потомъ названіе Руси; надобно признать, что и русскій славянинъ, вмѣстѣ съ славяниномъ македонскимъ и болгарскимъ, вмѣстѣ съ моравцемъ, чехомъ и полякомъ, былъ призванъ къ христіанскому просвѣщенію Кирилломъ и Меѳодіемъ.* Въ этомъ, насколько я понимаю сохранившіяся свидѣтельства, сомнѣній быть не можетъ, и вопросъ заключается только въ томъ: сохранилось ли ученіе просвѣтителей славянскихъ на Руси преемственно и было непосредственнымъ источникомъ той христіанской жизни у славянъ южно-русскихъ, которая, нѣсколько лѣтъ послѣ проповѣди апостоловъ славянскихъ въ южныхъ предѣлахъ земли нашей, проявилась первымъ крещеніемъ Руси при Аскольдѣ, и которую мы потомъ видимъ значительно развитою при Игорѣ, или же дѣло Кирилла и Меѳодія исчезло безслѣдно послѣ ихъ отъѣзда изъ Козаріи и возстановлено было въ тѣхъ краяхъ новыми проповѣдниками. Даже въ этомъ послѣднемъ предположеніи, которое, какъ мнѣ кажется, менѣе вѣроятно, *вліяніе Кирилла на Русь не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію: ибо какъ епископа для Руси, по просьбѣ тамошнихъ правителей, долженъ былъ назначить патріархъ Фотій, то онъ, наставникъ и другъ Кирилла, едвали бы отпривилъ къ новообращавшемуся славянскому народу другою проповѣдника, какъ кого либо изъ учениковъ изобрѣтателя славянской азбуки, устроителя славянскаго богослуженія; Кириллъ же былъ тогда еще въ живыхъ.*¹⁾

Эти прекрасныя замѣчанія Гильфердинга отводятъ ему почетное мѣсто въ исторіи Кирилло-Меѳодьевскаго вопроса. Строго говоря, знай Гильфердингъ, что нападеніе Аскольдовой руси на Константинополь происходило лѣтомъ 860 г., а хазарская миссія Константина Философа—была снаряжена никакъ не въ 858 г., а въ концѣ 860 или въ началѣ 861 г., онъ бы первый подтвердилъ и исправилъ догадку Лекьена о томъ, что первое крещеніе Руси (861 г.) совершено было никѣмъ инымъ, какъ славянскими первоучителями.

¹⁾ Тамъ же, с. 313—314.

Обратимся теперь къ покойному же академику Кунику. Крупный ученый, первоклассный порманистъ, отличный филологъ и историкъ, родомъ изъ силезскихъ крестьянъ, Куникъ былъ онѣмеченнымъ полякомъ: если не отецъ, то дѣдъ его вѣроятно былъ еще чистымъ славяниномъ. Самъ Куникъ любилъ и зналъ славянство, живо интересовался успѣхами славянской филологіи и славянскихъ литературъ, и былъ великимъ почитателемъ славянскихъ первоучителей. Въ этомъ отношеніи, самъ ли онѣмеченный полякъ или потомокъ онѣмеченныхъ поляковъ, Куникъ представляетъ полную противоположность не онѣмеченному, а скорѣй разнѣмеченному польскому писателю, нынѣшнему берлинскому профессору славяновѣдѣнія Брикнеру, ополяченному или потомку ополяченныхъ нѣмцевъ. Куникъ видѣлъ въ славянскихъ первоучителяхъ великихъ историческихъ дѣятелей и съ негодованіемъ относился къ гонителямъ и преслѣдователямъ ихъ—римскому и нѣмецкому духовенству; Брикнеръ же видитъ въ нихъ лукавыхъ и плутоватыхъ грековъ, чистыхъ прохвостовъ и носителей невѣжества. *Più paralino, che il papa*, онъ строго осуждаетъ двухъ папъ (Адріана II и Іоанна VIII) за ихъ неприличныя де поблажки этимъ хитрымъ надувателямъ, и превозноситъ князя Святополка за его *закатистскій* подвигъ—поголовное изгнаніе изъ Моравіи, по смерти архіепископа Меодія, всѣхъ его учениковъ. При сличеніи этихъ мнѣній Куника и Брикнера невольно напрашивается вопросъ: чтѣ теряетъ славянство отъ онѣмеченія извѣстной его части на западѣ? ¹⁾

Повторяю, къ одной изъ заслугъ Куника принадлежитъ и его участіе въ разработкѣ кирилло-меоодьскаго вопроса. Нахожу нужнымъ повторить дѣльныя замѣчанія Куника какъ о русскомъ евангеліи славянскаго житія Кириллова, такъ и объ извѣстномъ свидѣтельствѣ о Брѣгалъницѣ. „Много было, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ (писано въ 1874), попытокъ воспользоваться мѣстомъ паннонской легенды, касающимся русскаго евангелія. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ попытокъ. *Не понятно, какъ ученые все возвращаются къ ошибочному пониманію слова „русскій“ въ смыслъ „гот-*

¹⁾ У чеховъ, такъ много толкующихъ о великой опасности славянству отъ германизаціи на западныхъ его окраинахъ, статья пр. Брикнера паша почитателей и встрѣтила сочувствіе, переводится цѣликомъ въ одномъ (мнѣ извѣстномъ) семейственомъ журналѣ. Писавшій всегда по нѣмецки, Добровскій важно, дороже для славянства цѣлыхъ сотенъ чешскихъ и польскихъ писателей. У народовъ, покоренныхъ чужимъ государствомъ и слѣдов. *bilingues*, родной языкъ неизбѣжно бѣднѣетъ, оскудѣваетъ, портится. Оскудѣніе, какаля-то дѣланность языка отзывается на бѣдности и ограниченности содержанія, творчества мысли и фантазіи, на узости воззрѣній.

скій“. Первоначальный сочинитель легенды очень хорошо знает готовъ, ибо слышалъ въ Венеціи отъ самого Кирилла, что у сурожанъ и у готовъ („Сугды, Готѣи“) были свои книги (письмена)“. При этомъ Куникъ отмѣтилъ необходимость критическаго изслѣдованія всего житія святаго Кирилла, а именно слѣдуетъ отдѣлать въ немъ легендарныя прикрасы и позднѣйшія вставки отъ дѣйствительно историческихъ частей.

Куникъ прибавилъ: „я тутъ вижу одну только грубую вставку какого-нибудь передѣлывателя Житія, жившаго уже въ то время, когда, какъ извѣстно, названіе русскихъ письменъ было однозначущимъ со славянскими письменами. А это могло быть въ довольно раннюю эпоху, такъ какъ въ подложной грамотѣ папы Іоанна XIII, 972 г., которую Козьма Пражскій († 1125) внесъ въ свою хроникъ, уже упоминается о какомъ-то „ritus aut secta Bulgariae gentis vel Ruziae aut Sclavonicae linguae“. Съ какою цѣлью интерполяторъ вставилъ это мѣсто? Въ непорихъ словахъ отвѣчать на этотъ вопросъ нельзя; вѣрно только то, что дошедшія до насъ извѣстія объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ сильно между собой противорѣчатъ. Дѣло критики рѣшить, не пронстекають ли эти противорѣчія разомъ изъ іерархическаго и изъ національнаго пристрастія? При этомъ неизбежно приходится извѣстія объ изобрѣтеніи письменъ св. Кирилломъ для македонскихъ славянъ на Брѣгальницѣ (около 855 г.) или совершенно отвергнуть, какъ не заслуживающія ни малѣйшаго вниманія, или же признать въ высшей степени важными, то есть допустить, или что исторія обоихъ славянскихъ апостоловъ до (столь мало въ настоящее время мотивированной) проповѣднической миссіи ихъ къ моравскимъ князьямъ умышленно сокращена и искажена въ самыхъ источникахъ, или же что болгары уже до временъ архіепископа Теофилакта (около 1080 г.) сочинили сказку и хитрымъ образомъ перенесли мѣсто дѣятельности славянскихъ апостоловъ на Брѣгальницу (текущую недалеко отъ Солуны). Послѣднія напечатанныя мною замѣтки по этому вопросу (Вильбасовъ, Кириллъ и Меодій. Ч. II, 1871, стр. 2 — 6) подверглись критикѣ ученаго знатока южно-славянскіи исторіи Раичако (Rad jugosl. Akad. XV. 1871, с. 172—178). Здѣсь однако не мѣсто входить въ препирательство съ почтеннымъ критикомъ; ограничусь однимъ лишь замѣчаніемъ, что не я, а г. Вильбасовъ приписываетъ „Слово“ самому св. Кириллу.—А. Небоклоновъ (Начало борьбы славянъ съ иѣмцами. Казань. 1874 с. 59. Перепеч. изъ Зап. Каз. Ун.), которому была извѣстна только первая моя статья 1864,

относить проповѣдь Кирилла на Брѣгальницѣ къ области миеовъ. Не такъ думаемъ мы съ Погодинымъ (Кир. Меод. Сборникъ. М. 1865, 111). Равнымъ образомъ и покойный *Гильфердингъ* († 1872) остался при своемъ мнѣніи, которое онъ имѣлъ еще случай высказать въ 1869 г. въ коротенькой статейкѣ о своей повѣздкѣ къ Брѣгальницѣ. (Голосъ 1869, № 69).

„Противъ Гильфердинга выступилъ новый противникъ, именно въ лицѣ знаменитаго славяннина *Миклошича* (Altslov. Formenlehre in Paradigmen. Wien. 1874, p. V), который признаетъ мнѣніе Гильфердинга недоказаннымъ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ подкрѣплено болѣе надежными свидѣтельствами, чѣмъ Призренское житіе Кирилла. Мои двѣ статьи, которыя я конечно не считаю неопровержимыми во всѣхъ ихъ подробностяхъ, остались ему также неизвѣстными. „Солунское Слово“,—если бы въ немъ одномъ упоминалось о Брѣгальницѣ, по своей легендарной формѣ могло бы возбуждать сомнѣнія. Но извѣстіе его заимствовано не изъ Призренскаго житія, а изъ другого источника, и подкрѣпляется не только фактомъ нападенія на Солунъ языческаго хана Бориса, но также актами св. мучениковъ тиверіопольскихъ. Впрочемъ между мнѣніемъ г. Миклошича о началѣ дѣятельности славянскихъ первоучителей и моимъ лежитъ такая глубокая бездна, что лучше здѣсь ея болѣе не касаться“¹⁾.

Какъ близко подходилъ къ истинѣ Куникъ, всего лучше свидѣтельствуя слѣдующія его слова въ посмертномъ изданіи: Извѣстія Ал. Бекри и др. авторовъ о Руси и Славянахъ. Ч. 2. (Розысканія Куника). С.-Пб. 1803—1903. Стр. 111. „На обширной территоріи новаго государства нарѣчіе русовъ должно было исчезнуть тѣмъ скорѣе, что русы были немногочисленны, а дѣти второго и третьяго поколѣнія, благодаря общенію съ многочисленными славянскими сверстниками, начали свободнѣе говорить на славянскомъ языкѣ, чѣмъ на языкѣ своихъ родителей или своихъ отцовъ, имѣвшихъ славянскихъ женъ. Новый наплывъ Варяговъ послѣ Рюрика, а таковой, навѣрное, былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ—могъ способствовать усиленію норманскаго элемента на болѣе продолжительное

---

¹⁾ И преосв. Макарій (Ист. Хр. до Влад. с. 163) относится скептически къ мнѣнію о макед. миссіи Кирилла, а Е. Е. Голубинскій (Ист. болг. п. М. 1867) и слышать не хочетъ объ этой новой сремѣ. — См. Куникъ. О запискѣ готскаго торговца (по пов. новыхъ открытій о Таманской Руси и Крымскихъ готахъ). С.-Пб. 1874. С. 139—140. Прим. Куника.

время только въ городахъ—(Кіевъ, Полоцкъ, Новгородъ и Ладога). Тому, что норманскій языкъ былъ вытѣсненъ славянскимъ, навѣрное, много способствовало также и изобрѣтеніе Кирилломъ славянскаго письма, безъ котораго совершенно немыслимы ни христіанское богослуженіе, совершавшееся въ Кіевѣ при Аскольдѣ и, впоследствии, со времени Игоря, ни составленіе полюдныхъ записей. Даже болѣе, русы и византіицы пользовались славянскимъ языкомъ для взаимныхъ сношеній, и потому мирные договоры 907, 911, 944 и 972 г. были переведены на славянскій языкъ, тогда какъ для составленія норманскаго перевода не нашлось бы ни письменъ, ни грамотныхъ людей". Признай только Куникъ 18 іюня 860 г. какъ дату перваго нападенія руси на Константинополь, онъ бы непремѣнно призналъ и главное участіе славянскихъ первоучителей въ первомъ крещеніи руси 861 г.

XXVIII.

Въ послѣднія десятилѣтія крѣпко утвердилось положеніе, что съ обращенія моравскаго князя Ростислава въ Византію, Константинъ Философъ и братъ его Меодій начали свою проповѣдническую дѣятельность у славянъ, положили начало славянской письменности и введенію славянскаго богослуженія не ранѣе, какъ въ 863 г. Всѣ же прочія свидѣтельства о проповѣди первоучителей у славянъ македонскихъ, у славянъ хазарскихъ или русскихъ, у славянъ болгарскихъ, равно какъ и сказаніе мниха Храбра о составленіи славянской азбуки въ 855 г., и сказаніе о Брѣгальницѣ отвергаются, какъ свидѣтельства не достовѣрныя и строгой де критики не выдерживающія. Ниже мы увидимъ, что свидѣтельство о составленіи славянской азбуки и о началѣ перевода Евангелія передъ самою поѣздкою въ Моравію, дошедшее до насъ въ сп. XV в. житія Кириллова, не заключаетъ въ себѣ ничего достовѣрнаго и сколько-нибудь вѣроятнаго. Мнѣнія Добровскаго, Гильфердинга и Куника должны наконецъ взять верхъ надъ господствующимъ теперь мнѣніемъ у западно-славянскихъ писателей и не немногихъ русскихъ ученыхъ, увлеченныхъ авторитетомъ именъ Шафарика, Миклошича, Ягича. Въ полномъ довѣрїи къ славянскому житію Кириллову, Гильфердингъ относилъ согласно съ прежними изслѣдователями сарацинскую миссію Константина Философа къ 851 г., а хазарскую—къ 858 г. Но теперь извѣстно, что первая происходила въ концѣ 855—въ нач. 856 г., а вторая—въ первой половинѣ 861 г. Будь еще Гильфердингъ живъ, онъ бы признавалъ теперь, что согласно показанію

Слова объ обрѣтеніи мошей св. Климента, Константинъ Философъ по дорогѣ къ хазарамъ былъ въ Херсонѣ 30 (по ин. сп. 23) января 861 г., и что, согласно найденному Кюмономъ византійскому свидѣтельству, русь Аскольдова явилась передъ Константинополемъ 18 іюня 860 г. и ушла во свояси мѣсяца черезъ два-три, и что слѣдовательно хазарская миссія Константина Философа и была собственно тою русскою миссіею, о которой говорилъ патріархъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи 866—7 г. И какъ естественно было Фотію избрать Константина Философа для обращенія руси! Куникъ такъ крѣпко держался 862 г., какъ года призванія руси или основанія государства, что не могъ и послѣ находки Кюмона признать возможности появленія Аскольдовой руси въ 860 г. передъ Константинополемъ. Продолжая до конца своей жизни держаться 865 г., какъ даты этого нападенія, Куникъ конечно не могъ признать, что такъ называемая хазарская миссія славянскихъ первоучителей 861 г. была русскою миссіею, но онъ прямо высказывалъ, что славянская грамота была въ Кіевѣ извѣстна еще въ концѣ IX в., что въ соборной церкви св. Іліи было славянское богослуженіе.

Нашъ знаменитый ученый Горскій, послѣ Добровскаго и Востокова вмѣстѣ съ Григоровичемъ, Прейсомъ и Срезневскимъ, сдѣлавшій такъ много по вопросу Кирилло-Меѳодьевскому, тоже за одно съ Гильфердингомъ и Куникомъ держался 865 г., какъ года нашествія руси. Поэтому онъ конечно не могъ признать, что хазарская миссія славянскихъ первоучителей была собственно русскою миссіею, и что первое крещеніе руси совершено было въ 861 г. великими солупскими братьями. Впрочемъ, Горскій признавалъ позднѣйшею интерполяціею сообщеніе житія Кириллова о евангеліи писанномъ „русскими письмены“.

Держась невѣрной хронологіи нападенія руси на Царьградъ 865 г., Горскій легко впалъ въ другую погрѣшность. Онъ думалъ, что первое крещеніе руси произошло незадолго до низложенія патріарха Фотія (867 г.) ¹⁾. „Патріархъ Фотій и греческіе лѣтописцы только говорятъ,—замѣтилъ Горскій въ своей превосходной статьѣ 1850 г. о русской митрополіи,—что русскіе приняли епископа или архіепископа. Воспользовались ли греки этимъ случаемъ къ учрежденію у насъ, не говоримъ—митрополіи, по крайней мѣрѣ постоянной епископіи,—отсюда еще не видно. Можетъ быть не совсѣмъ благоприятствовали этому послѣдствующія обстоятельства. Патріархъ Фотій, *вскорѣ послѣ*

¹⁾ Приб. къ Твор. св. отд. IX. Москва. 1850. Стр. 132—146. „О митрополіи русской въ к. IX в.“.

отправленія къ руссамъ, изъявившимъ желаніе креститься, удаленъ съ престола (867 г.). Спустя 11 лѣтъ (878 г.) онъ опять возведенъ на престолъ патриаршескій: но Аскольдъ и Диръ вскорѣ были умерщвлены Олегомъ, который не оказывалъ расположенія къ христіанству. Даже при св. Ольгѣ не видимъ въ Кіевѣ епископа: при ней только былъ пресвитеръ, который и похоронилъ ее по обряду христіанскому“.

Мы знаемъ, что вскорѣ послѣ неудачнаго нашествія руси на Константинополь (лѣтомъ 860 г.) было послано въ Византію русское посольство съ просьбою о крещеніи. Еще Лекъенъ вѣрно догадывался, что Константинъ Философъ съ братомъ былъ посланъ Византіею въ Русь, а не къ хазарамъ. Фотій говоритъ о крещеніи болгаръ и русовъ и нигдѣ не упоминаетъ о крещеніи хазаръ. Онъ говоритъ о принятіи русами епископа. У хазаръ были уже раньше епископы, какъ видно изъ распisanія епархіи VIII в. (Пар. сп. изд. де Боора) и указанія пролога о Софоніи епископѣ хазарскомъ во время иконоборцевъ ¹⁾. У хазаръ второй половины IX в. хаганъ и главные вельможи были не язычники, а исповѣдники Моисеева закона и особенно приверженцы корана. Въ житіи Константина Философа *начальные мужи* кагана, у котораго славянскій первоучитель обратилъ до 200 чадій, называютъ себя *некнижною чадью* (такъ мусульмане начальные мужи себя называть не могли), а *первый советникъ* сказалъ пріятелямъ сарацинскимъ: „божью помощью гость этотъ (т. е. Константинъ Философъ) низвергъ на землю всю гордыню жидовскую, а вашу (мусульманскую) на тотъ берегъ рѣки перекинулъ (на онъ полъ рѣки прѣвръже какъ скверну). Ни *начальные мужи* кагана хазарскаго, ни его *первый советникъ* не могли такъ отзываться объ еврействѣ и мусульманствѣ, ни самъ каганъ не могъ, послѣ обращенія Константиномъ Философомъ 200 чадій, *разъезъ женъ и дѣтій*,—написать императору письмо съ такимъ содержаніемъ, какъ передаетъ его славянское житіе Константина Философа: „ты послалъ намъ, владыко, такого мужа, что уяснилъ намъ вѣру христіанскую словомъ и дѣломъ (вещьми) сущую святую, и извѣстившись, что та вѣра истинная, повелѣли мы креститься волею, надѣмся и мы доспѣтъ того же. Всѣ же мои пріятели твоему царству и готовы на службу твою, куда (насъ) потребуешь“. Такими же почти словами передаетъ патріархъ Фотій слова предводителя русовъ, обращенныя къ Византіи, по случаю ихъ крещенія: ἐν ὑπερήβαιν ἑαυτοῦς καὶ προξένων τάξει ἀντὶ τῆς πρὸ μικροῦ καθ' ἡμῶν λεηλασίας καὶ τοῦ με-

¹⁾ См. выше.

γάλου τομμήματος ἀγαπητῶς ἐγκραστήσαντες. Текстъ житія Кириллова въ этомъ эпизодѣ хазарскомъ носитъ слѣды позднѣйшей передѣлки и передѣлки неумѣлой. Изъ записки Гавдерика, слышавшаго несомнѣнно отъ самихъ славянскихъ первоучителей, мы знаемъ, что они отправились въ Крымъ и затѣмъ въ Хазарію вмѣстѣ съ послами изъ этой страны, объявившими въ Византіи о желаніи ихъ государя или вождя ознакомиться съ вѣрою христіанскою. Съ однимъ изъ этихъ посланцевъ Аскольдовыхъ, можетъ быть даже природнымъ славяниномъ изъ полянъ, и сблизился на пути нашъ первоучитель. Онъ прочитывалъ ему нѣкоторыя мѣста своего перевода, дабы освѣдомиться, на сколько далеко или близко говоръ славянъ македонскихъ съ говоромъ полянднѣпровскихъ. Это косвенное извѣстіе о славянскомъ евангеліи (готовомъ въ 855 г.) не ладитъ съ позднѣйшею вставкою о сочиненномъ разговорѣ Константина Философа съ императоромъ Михаиломъ, по поводу славянскихъ буквъ. Но оно подтверждается просьбою христіанина Ростислава къ императору Михаилу прислать къ его мораванамъ, уже крещенымъ, но по латыни не понимавшимъ, учителя славянскаго вмѣстѣ съ книгами славянскими, о коихъ онъ провѣдалъ послѣ побывки славянскихъ первоучителей въ Хазаріи. Съ настоящими хазарами у мораванъ надо думать никакихъ постоянныхъ сношеній не было, а съ юго-восточными славянами, давно признававшими власть хазарскую, сношенія были постоянныя и очень давнія. По свидѣтельству нашей первоначальной лѣтописи, Кіевская область стала называться русью только съ Олега, а до того времени у грековъ и другихъ сосѣдей она называлась Хазарія, хазары. Очень возможно, что въ бытность Аскольда въ Кіевѣ, эта область называлась у норманскихъ завоевателей *Gardhariki*, чтò для варяговъ могло быть осмысленнымъ измѣненіемъ чужаго, непонятнаго слова—*хазар*. *Gardhariki* страна городовъ, какъ нѣм. *Mailand*, ит. *Milano* (*Mediolanum*), русск. *Стекольна*—Стокгольмъ и пр. Греки и въ 860-хъ гг. могли продолжать называть среднее Поднѣпровье хазарами, хазарією. Слыша отъ захваченныхъ русовъ въ 860 г. или пріѣзжихъ русскихъ пословъ (въ 861 г.), что они свою страну зовутъ *Gardhariki*, греки легко могли принять это слово за одно съ греч. *Χαζαριή*. Мы говорили уже, что и Гавдерикъ и славянскіе первоучители со своими учениками въ Римѣ какъ бы сговорились не упоминать о *русси*, дабы не обличать прямо ихъ близости съ ненавиднымъ Риму Фотіемъ, такъ какъ они отправлены были этимъ патріархомъ: въ своемъ окружномъ посланіи (866—867), столь неприятомъ для Рима, онъ прямо говорилъ о крещеніи, въ его патріаршество, и *русси* и болгаръ.

Мѣсто житія объ евангеліи, писанномъ *русскими письмены*, очень важно. Оно косвенно доказываетъ, 1) что въ 861 г. чтенія евангельскія были уже переведены Константиномъ Философомъ, 2) что свидѣтельства мниха Храбра (855 г.) и сказаніе о Брѣгальницѣ—не ошибка и не выдумка, 3) что такъ называемая хазарская миссія Константина Философа и Меодія была собственно *русская* миссія, и что славянскіе первоучители ѣхали съ *русскими* посланцами (а не хазарскими, какъ говоритъ Гавдерикъ) и что съ однимъ *русиномъ*, хорошо знавшимъ по славянски, Константинъ Философъ прочитывалъ дорогою свое славянское евангеліе, дабы узнать, насколько его переводъ на македонско-славянскомъ нарѣчій можетъ быть понятенъ славянину днѣпровскому; 4) что эта поддѣлка и перетасовка въ житіи Константина Философа была сдѣлана не позже первой половины X в. Для писавшаго о *русскихъ письменахъ евангелія*, якобы найденнаго Константиномъ Философомъ въ Крыму—слово *русскій* очевидно означало еще *чужого, непонятнаго* для славянина или для знающаго хорошо по славянски, грека. Съ нач. XI в. русью уже стали называться и извѣстныя славянскія земли и славянское ихъ населеніе. Но въ 60-хъ гг. IX в. *русское* евангеліе и *человѣкъ*, говорившій тою же (знач. *русскою*) *бесѣдою*, слѣдовательно норманскою рѣчью, должны были быть совершенно чужими и непонятными какъ славянину такъ и греку, хорошо понимавшему по славянски. Это *русское* евангеліе и *человѣкъ говорившій по русски*, якобы найденные (обрѣтенные) или случайно встрѣченные въ Крыму Константиномъ Философомъ, представляютъ чистую бессмыслицу. Несчастная догадка Шафарика, будто бы здѣсь подъ *русскимъ* разумѣется *готское*, на бѣду, къ немалому ущербу наукѣ, имѣла большой успѣхъ. Но греки второй половины IX в. и притомъ образованные, какъ напр. славянскіе первоучители, давно извѣстныхъ Византіи и готовъ арианъ и старыхъ православныхъ готовъ, мирныхъ подданныхъ имперіи, подвѣдомыхъ царьградскому патріарху, никогда бы не могли смѣшать съ только что передъ тѣмъ (860 г.) врасплохъ нападавшими на столицу имперіи русами, отчаянными пиратами, натворившими столько безчинствъ и злодѣяній, на какія могли быть способны готы развѣ лѣтъ за шестьсотъ тому назадъ. Испо, что первоначальный авторъ житія Кириллова, несомнѣнно южный славянинъ съ византійскимъ образованіемъ, никогда не могъ допустить такой нелѣпости, какъ упоминаемое въ житіи евангеліе, писанное *русскими письмены*. Такъ какъ *русское* письмо и *русская бесѣда* (рѣчь, языкъ) въ годъ хазарской миссії Константина Философа не имѣли того значенія,

какое они начинали имѣть въ концѣ X и въ началѣ XI в., когда для грековъ и нѣмцевъ, а тѣмъ болѣе для всѣхъ славянъ, подъ именемъ русскаго разумѣлся одинъ изъ самыхъ крупныхъ народовъ славянскихъ. Не могъ же такимъ образомъ писатель X или XI в. указывать, какъ на чудо, то обстоятельство, что хорошо знавшій славянское нарѣчіе южной Македоніи, поговоря немного съ русскимъ славяниномъ и прочитавъ съ нимъ по *русско-славянски* написанное евангеліе, Константинъ Философъ сталъ скоро разумѣть это евангеліе. Все это мѣсто можетъ быть объяснено только позднѣйшею передѣлкою. Въ первоначальномъ текстѣ было, надо думать, упомянуто объ одномъ изъ посланцевъ, съ коими ѣхали наши славянскіе просвѣтителіи,—что онъ хорошо зналъ по славянски, быть можетъ былъ славянинъ изъ днѣпровскихъ славянъ. Взявши съ собою нѣсколько экземпляровъ своихъ переводовъ священныхъ книгъ, такъ какъ зналъ, куда ѣдетъ, Константинъ Философъ сталъ этому *русскому* посланцу прочитывать нѣкоторыя мѣста своихъ переводовъ, дабы лучше узнать, какъ произносятся и насколько славяне русскіе могутъ понимать славянскій языкъ македонскихъ славянъ. Цѣлью этой передѣлки было устранить всякій намекъ на русскіхъ и всякое показаніе о томъ, что Константинъ Философъ былъ отправленъ для проповѣди христіанства къ русамъ и имѣлъ при себѣ совершенные ими славянскіе переводы священныхъ книгъ и написанные Кирилловскими письменами. Эта искажившая первоначальный текстъ житія Кириллова позднѣйшая передѣлка (сдѣланная не позже половины X в., когда слово *русское* не означало еще *славянскаго*) принадлежитъ несомнѣнно не южному и не восточному славянину, а славянину моравскому, тому самому, который сочинилъ и вставилъ въ первоначальный текстъ извѣстную басню о составленіи, по высочайшему повелѣнію императора, Константиномъ Философомъ азбуки передъ самымъ отъѣздомъ въ Моравію. Эта басня также ретиво была принята многими учеными, какъ и знаменитое предположеніе Шафарика о русскомъ, якобы готскомъ, евангеліи. Долго ли еще этотъ средневѣковой западно-славянскій патріотическій подлогъ будетъ служить первоисточникомъ для разныхъ славистовъ, какъ служили цѣлые десятки лѣтъ новѣйшіе подлоги чешско-моравскіе: Отрывки евангелія св. Іоанна, Судъ Любушинъ, изданныя Бочкомъ грамоты относительно пребыванія славянскихъ первоучителей въ Моравіи, краледворская рукопись?

Нехитрая позднѣйшая вставка моравскаго властенца, патріота, служить новымъ и важнымъ доводомъ въ пользу высказаннаго Лекъеномъ предположенія, что славянскіе первоучители ѣздили на сѣверо-востокъ.

не къ хазарамъ, а къ русамъ, объявившимъ черезъ своихъ посланцевъ Византіи о своемъ желаніи креститься, вскорѣ послѣ своего неудачнаго нападенія на Царьградъ. Справедливая догадка Лекъена не могла быть принята, потому что онъ самъ сдѣлалъ ее неприемлемою, утверждая, что эта миссія въ Русь была устроена патріархомъ Пгнатіемъ, слѣдовательно въ концѣ 867 г. или даже нѣсколько позже. Но зная теперь навѣрно, что нашествіе русовъ на Константинополь происходило лѣтомъ 860 г., а славянскіе первоучители выѣхали съ хазарскими-русскими посланцами (Гавдерикъ) и были въ Херсонѣ 30-го января 861 г., мы можемъ, исправивъ хронологическую ошибку Лекъена, вполне оправдать и подтвердить его догадку о томъ, что славянскіе первоучители въ такъ называемой хазарской миссіи были первыми проповѣдниками христіанства на Руси. Видимымъ послѣдствіемъ ихъ проповѣди явились первыя лѣтописныя замѣтки о событіяхъ на Руси и договоры Олега съ греками 907 — 911 гг., это наилучшее подтвержденіе, что съ крещеніемъ 861 г. Русь получила и славянскую грамоту и славянскія богослужебныя книги; столь раннее появленіе ихъ на Руси могло явиться съ столь же раннимъ введеніемъ христіанства и при томъ самими славянскими первоучителями. Записка Гавдерика и славянское житіе Кирилла говорятъ, что они ѣздили къ хазарамъ; о крещеніи же хазарь въ эту пору ничего не говорятъ ни Фотій, ни другіе византійскіе свидѣтели. За то одно позднѣйшее византійское сказаніе говоритъ о крещеніи Руси (только при патріархѣ Пгнатіи) Кирилломъ и Аонасіемъ (или Меоодиемъ), при чемъ Кириллу приписывается изобрѣтеніе славянской азбуки для Руси. Есть и другое не столь позднее (X вѣка) византійское сказаніе объ участіи Константина Философа въ крещеніи Руси, при императорѣ Василии и патріархѣ Пгнатіи. Ничего не говоря о крещеніи хазарь, Фотій съ особеннымъ удовольствіемъ говоритъ о крещеніи Руси и болгарь. Такъ какъ хазарская миссія славянскихъ апостоловъ падаетъ на 861 г., то значить, что Фотій, а не Пгнатій избралъ ихъ на это дѣло. Очень естественно, что бывший наставникъ и другъ Константина Философа, знавшій его, какъ знатока и любителя славянъ, какъ составителя славянской грамоты и переводчика священныя книгъ на славянскій языкъ, патріархъ Фотій остановился на Константинѣ Философѣ, какъ на человѣкѣ, наилучше подготовленномъ и наиболѣе способномъ для проповѣди христіанства среди Руси. Норманскаго языка никто въ то время въ Византіи не могъ знать, а зна-

чительная часть варяговъ кievскихъ болѣе или менѣе понимала языкъ покореннаго населенія той Днѣпровской славянской области, которую незадолго передъ тѣмъ отняли варяги у хазаръ. И Фотій былъ совершенно правъ, поступивъ вполне разумно, когда остановился на Константины Философъ и его братъ, какъ лучшихъ миссіонерахъ для Руси. Это соображеніе служитъ немалымъ подтвержденіемъ впервые высказанной Лексьеномъ догадки, что славянскіе первоучители были посланы собственно не къ хазарамъ, а къ Руси: незадолго передъ тѣмъ варяги-русь отняли у хазаръ предднѣпровскую славянскую землю, только съ Олега принявшую названіе Руск. Основанная при первомъ крещеніи, маленькая христіанская община въ Кіевѣ росла медленно, но прочно. Будь *первымъ* крещеніе Руси при Владимирѣ въ исходѣ X вѣка, будь выкинута безъ маля 130-ти лѣтняя жизнь этой маленькой кievской христіанской общины, исторія русской церкви, письменности и вообще культуры XI и первой четверти XII вѣка была бы совсѣмъ иная, и вовсе не похожая на извѣстную намъ теперь. Этотъ постепенный ростъ маленькой христіанской общины среди общаго язычества объясняется лишь мудрою и благодатною дѣятельностью великихъ солунскихъ братьевъ и славянскихъ апостоловъ, принесшихъ съ крестомъ и славянскія книги въ далекую сѣверную, неизвѣстную тогда образованному міру, страну.

Дѣйствительно съ возвращеніемъ изъ Руси въ Константинополь славянскихъ первоучителей Византія получила цѣлый рядъ свѣдѣній о той части восточнаго европейскаго материка, о которой древній греко-римскій міръ и римская имперія за цѣлые восемь вѣковъ слишкомъ знали не болѣе, чѣмъ Европа временъ Наполеона о внутренности Африки или о разныхъ краяхъ средней Азии. Константины Философъ и братъ его Мееодій благодаря знанію славянскаго языка сверхъ личныхъ наблюденій могли сообщить и конечно сообщили византійскому правительству цѣлый рядъ собранныхъ ими распроснымъ путемъ свѣдѣній. Можно съ увѣренностью полагать, что нашими первоучителями было заложено основаніе и драгоцѣннымъ свѣдѣніямъ Константина Порфиророднаго о древней Руси. Знакомые съ первыми славянами Византійской имперіи, славянскіе первоучители лучше всѣхъ современныхъ да и большинства позднѣйшихъ византійцевъ могли уразумѣть, какое важное значеніе для Имперіи и церкви могутъ и должны имѣть эти сѣверныя и тогда уже самыя многочисленныя племена славянскія. Понятно, что немедленно по возвращеніи своемъ въ Византію и передъ отъѣздомъ своимъ въ Моравію, Константины Фило-

софѣ не могъ не настаивать передъ Фотіемъ и императоромъ Михаиломъ (еслибъ они сами этого не понимали) о необходимости заботливаго попеченія и внимательнаго покровительства имперіи и патріархата новооснованной христіанской общины въ Кіевѣ; слѣдовательно и объ учрежденіи русской епископіи, еслибъ ея тогда (863 г.) еще не было.

В. Ламанскій.

„НЕВѢДОМОЕ“ ВЪ ПОЭЗИИ ТУРГЕНЕВА.

I.

„Кто знаетъ, сколько каждый, живущій на землѣ, оставляетъ сѣмянъ, которымъ суждено взойти только послѣ его смерти? Кто скажетъ, какой таинственной цѣлью связана судьба человѣка съ судьбой его дѣтей, его потомства, и какъ отражаются на нихъ его стремленія, какъ взыскиваются съ нихъ его ошибки? Мы всѣ должны смиряться и *преклонить колѣны передъ Невѣдомымъ*“.

Такое философско-поэтическое размышленіе напѣтъ великій художникъ, — И. С. Тургеневъ, — влагаеть въ уста герою своего *Фауста*, лицу, отъ имени котораго ведется этотъ „разказъ въ девяти письмахъ“. Весьма обычный писательскій приѣмъ, — вести повѣствованіе не отъ себя лично, а какъ бы передавать слышанное отъ другихъ или содержаніе чьей-либо переписки, — самъ по себѣ, конечно, не лишаетъ такіа, повидимому, постороннія автору произведенія ихъ субъективнаго характера, и читатель имѣетъ право мысленно подчеркивать въ нихъ всѣ заявленія, въ которыхъ выражается міросозерцаніе повѣствующаго, и спрашивать себя, имѣются ли въ каждомъ данномъ случаѣ основанія для отождествленія духовной личности писателя и вымышленнаго имъ разказчика? Понятно, насколько при этомъ читатель-критикъ обязанъ не торопиться со своими выводами; понятно въ виду этого также, насколько вообще манера автора прикрываться чужимъ именемъ затрудняетъ, — хотя бы формально, — проникновеніе въ его внутренній міръ. Тургеневъ особенно охотно прибѣгалъ къ указанному приѣму, о чемъ, кромѣ *Фауста*, свидѣтельствуютъ еще многія произведенія, — *Переписка, Ася, Первая любовь, Довольно, Собака*,

Несчастная, Странная исторія, Стенной король Лиръ, Стукъ!.. стукъ!.. стукъ!.., Пушкинъ и Бабушкинъ, Разсказъ отца Алексѣя, Отчаянный, Письмъ торжествующей любви... Мы не имѣемъ ни возможности, ни права утверждать, что авторъ точно не слышалъ любого изъ этихъ разсказовъ отъ третьяго лица или не вычиталъ его въ какой-нибудь рукописи, ограничившись только придачею ему художественной отдѣлки или даже только переводомъ съ чужого языка; насколько неосновательно было бы съ нашей стороны навязывать автору все, пережитое и перечувствованное его героями-повѣствователями, настолько же, пожалуй, неосторожно было бы ставить лично на его счетъ разсужденія этихъ лицъ о міровыхъ загадкахъ и тайнахъ. Слѣдовательно, одна, приведенная выше цитата изъ *Фауста*, взятая отдѣльно, ничего бы не доказывала при всей ея характерности; но она является выводомъ изъ всего содержанія разсказа, невольно останавливающаго на себѣ вниманію своею оригинальностью. Если даже тема разсказа *не* вымыслена авторомъ, а слышана и записана имъ, знаменательно уже то, что онъ остановился на ней и разработалъ ее; если же окажется, что приведенный примѣръ не представляется единичнымъ, что темы извѣстнаго порядка, каково бы ни было ихъ происхожденіе, занимаютъ замѣтное мѣсто въ ряду произведеній писателя,—такой фактъ уже даетъ намъ несомнѣнное право заключать, если не объ основахъ міровоззрѣнія послѣдняго, то, по крайней мѣрѣ, объ интересѣ, тяготѣншіи его къ извѣстнымъ вопросамъ. Поставимъ въ параллель съ *Фаустомъ*, писаннымъ въ 1855 г., относимся, слѣдовательно, еще къ ранней порѣ творчества Тургенева, его лебединую пѣснь,—*Клару Милль* (1882), не менѣе фантастическую по содержанію, чѣмъ *Фаустъ*: тамъ мы читаемъ слѣдующія слова: „Но развѣ мы вообще постигаемъ, какаѣ цѣли всего, что совершается вокругъ насъ“? Это — отвѣтъ въ формѣ вопроса на другой вопросъ, о томъ, можетъ ли вліяніе одной души на другую, доказанное магнетизмомъ по отношенію къ живымъ людямъ, продолжаться послѣ смерти одного изъ нихъ, и что можетъ изъ этого выйти, какова можетъ быть цѣль такого факта. И въ этомъ случаѣ авторъ передаетъ намъ не свои думы и сомнѣнія, а то, что занимаетъ и волнуетъ душу героя его повѣсти, юнаго Аратова; но невольно бросается въ глаза совпаденіе тона въ двухъ произведеніяхъ поэта, отдѣленныхъ одно отъ другого промежуткомъ безъ малаго въ тридцать лѣтъ: въ обоихъ звучитъ та же нота,—признаніе *непостижимости* совершающагося вокругъ насъ, преклоненіе передъ *Невѣдомымъ*. Ниже мы

еще возвратимся къ этой параллели, а пока замѣтимъ, что мы имѣемъ передъ собою не два единичные (начальный и конечный) этапа, а именно какъ бы цѣлую полосу фантастическихъ мотивовъ, непрерывно тянущуюся на пространствѣ почти трехъ десятилѣтій, заполняющую весь промежутокъ между обоими конечными пунктами. Настоятельное повтореніе однородныхъ темъ даетъ намъ право говорить о важномъ фактѣ въ дѣятельности писателя, могущемъ служить къ уясненію его личности, и въ достаточной мѣрѣ оправдываетъ наше намѣреніе заняться интереснымъ вопросомъ объ участіи и роли элемента чудеснаго, сверхъестественнаго, непонятнаго въ творествѣ Тургенева.

II.

Налишне говорить о литературномъ значеніи Тургенева, какъ изобразителя живой русской дѣйствительности, какъ представителя здороваго, трезваго реализма въ лучшемъ значеніи этого термина. Нѣкоторыя, хотя и отрывочныя, признанія самого писателя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, какъ будто показываютъ, что и самъ онъ видѣлъ въ себѣ поэта-реалиста, даже не могущаго быть инымъ въ силу самого своего духовнаго склада. Всѣмъ еще намятно, какую обширную литературу воспоминаній, замѣтокъ, писемъ, всякаго рода біографическихъ матеріаловъ вызвала въ 1883 г. кончина Тургенева; въ числѣ этихъ матеріаловъ проникло тогда въ газеты частное письмо его къ одной знакомой дамѣ, интересное по заключающемуся въ немъ самоопредѣленію автора, набросанному въ общихъ чертахъ по спеціальной просьбѣ корреспондентки, дочь которой должна была написать школьное сочиненіе, характеризующее литературную фізіономію автора *Записокъ Охотника*. Въ этомъ сжатомъ портретѣ, писанномъ съ самого себя, отмѣчена, какъ одна изъ характерныхъ чертъ, позитивная основа его міросозерцанія. Еще болѣе извѣстно печатное заявленіе Тургенева по поводу журнальныхъ толковъ объ *Отцахъ и Дѣтяхъ*, заявленіе о томъ, что онъ „раздѣляетъ почти всѣ убѣжденія“ Базарова, кромѣ, конечно, взглядовъ послѣдняго на искусство.

Безъ ближайшихъ поясненій ограниченіе, вносимое словомъ *почти*, не представляется сколько-нибудь опредѣленнымъ; однако, въ виду столь категорическаго утвержденія, мы не имѣемъ права слишкомъ удалять обликъ писателя отъ созданной имъ типичной фигуры, складъ воззрѣній которой достаточно извѣстенъ всякому. И, тѣмъ не менѣе,

литературная дѣятельность Тургенева заключаетъ въ себѣ не мало указаній на то, что отмѣченное имъ самимъ духовное сродство съ Базаровымъ далеко отъ полнаго совпаденія. Припомнимъ изъ того же романа опредѣленіе, какое даетъ Аркадій Кирсановъ слову „нигилистъ“: Это—*„человѣкъ, который ко всему относится съ критической точки зрѣнія“*. Въ этомъ критическомъ отношеніи ко всему, въ непризнаніи авторитета, въ стремленіи все провѣрять и ничего не принимать на вѣру, — на нашъ взглядъ, кроется ключъ къ пониманію приведеннаго заявленія о солидарности мыслящаго художника съ мыслящимъ естествовѣдомъ-матеріалистомъ. Основа міросозерцанія, дѣйствительно, одна и та же у обоихъ; спрашивается только, къ одинаковымъ ли положительнымъ выводамъ пришли оба, исходя изъ одной и той же точки зрѣнія? Къ этому вопросу, по нашему разумѣнію, и относится ограничивающее *почти*: въ то время, какъ Базаровъ дошелъ до безусловно матеріалистическихъ убѣжденій, спокойно отрицаетъ „все“, по его собственному признанію, и ищетъ разъясненія всѣхъ тайнъ жизни въ анатоміи, — его творецъ представляется намъ просвѣщеннымъ скептикомъ, который *не признаетъ прямо ничего сверхъчужденнаго, но и не рѣшается утверждать, что человеческій разумъ есть единственный критерій всего сущаго*. Подобно Фаусту, онъ не дерзаетъ сказать ни „вѣрую“, ни „не вѣрую“, и его девизомъ по отношенію къ извѣстнымъ проблемамъ бытія является „не знаю“; какъ афинянинъ временъ апостола Павла, онъ преклоняется передъ Невѣдомымъ, передъ таинственною Пзидою, съ лица которой, — до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, — ни одинъ смертный не снялъ вѣчнаго покрывала. Никакой другой философскій терминъ, кажется намъ, не передаетъ ближе сущности міровоззрѣнія Тургенева, какъ „*агностицизмъ*“, — обозначеніе, созданное новѣйшею философіею, но скрывающее подъ собою древній, двухтысячелѣтній, если не болѣе, фактъ въ исторіи человѣческой мысли.

III.

Съ наибольшою силою указанное скептическое воззрѣніе сказалось въ *Стихотвореніяхъ въ прозѣ* нашего художника, прологомъ къ которымъ служитъ произведеніе, гораздо болѣе раннее по времени, но однородное съ нимъ по настроенію и по лирическому тону, также большое „стихотвореніе въ прозѣ“ — *Довольно*. Что именно здѣсь

писатель наиболее открывається передъ читателемъ, — вполне естественно въ виду именно лирическаго, личнаго характера названныхъ произведеній: здѣсь поэтъ говоритъ прямо отъ себя, — хотя и называетъ свое *Довольно* отрывкомъ изъ записокъ умершаго художника, — открываеъ передъ нами свой внутренній міръ; сюда присоединяется еще проникающее эти лирическія изліянія, щемящее душу чувство мимолетности, ничтожности всего, чѣмъ живетъ человѣкъ, сознание неотразимаго конца, проблема смерти, — нота, всегда сильно звучавшая на лирѣ Тургенева, какъ и другихъ крупныхъ собратьевъ его по поэзій, съ особенною силою заявляющая о себѣ по мѣрѣ приближенія грознаго рока; близость этой темы сердцу поэта побуждаетъ его къ большей, чѣмъ обыкновенно, искренности, задумчивости тона. Спокойный, сдержанный, уравновѣшенный наблюдатель, изобразитель и истолкователь уступаетъ мѣсто человѣку, бесѣдующему съ самимъ собою; при этой бесѣдѣ все его думы, скорби и сомнѣнія выступаютъ наружу безъ утайки и, если не всегда договариваются до конца, то именно потому, что сомнѣнія такъ и остаются неразрѣшимыми сомнѣніями, и на мучительные вопросы не можетъ быть другого отвѣта, кромѣ безотраднаго „не знаю“.

Въ основѣ тяжелыхъ думъ поэта лежитъ *материалистическій фатализмъ*, отождествляющій неотвратимую *судьбу* съ равнодушною, безучастною *природою*, создающею и уничтожающею все безъ разбора. Единственное достоинство „вѣнца творенія“, — человѣка, — „достоинство сознанія собственнаго ничтожества, то достоинство, на которое намекаетъ Паскаль, когда онъ, называя человѣка мыслящимъ тростникомъ, говоритъ, что, если бы цѣлая вселенная его раздавила, — онъ, этотъ тростникъ, былъ бы все-таки выше вселенной, потому что онъ бы зналъ, что она его давитъ, а она бы этого не знала. Слабое достоинство! Печальное утѣшеніе!“ (Довольно).

Слѣдующія ниже размышленія поэта убѣждаютъ, что мы не безъ основанія охарактеризовали его созерданіе подчеркнутыми нами словами, заключающими въ себѣ сознаніе безцѣльности какой бы то ни было дѣятельности въ виду неумолимаго закона природы, олицетворяемаго въ формѣ раскрытой пасти всепожирающаго чудовища, — то самое сознаніе, къ которому приходитъ въ концѣ концовъ и Базаровъ, не находящій никакого смысла въ томъ, что мужикъ, благодаря его усилямъ, будетъ жить въ бѣлоф, хорошей избѣ, а изъ него „лопухъ расти будетъ“, — Базаровъ, убѣждающійся на личномъ опытѣ,

что все можно отрицать, кромѣ смерти, такъ какъ „она меня отрицаетъ,—и basta!“

Послушаемъ самого Тургенева, говорящаго на эту тему то же, что и его герой, сознающій себя ничтожнымъ червякомъ, въ микроскопическомъ мозгу котораго шевелятся какія-то мысли и чувствованія.

„Строго и безучастно ведетъ каждого изъ насъ *судьба*, и только на первыхъ порахъ мы, занятые всякими случайностями, вздоромъ, самими собою,—не чувствуемъ ея черствой руки. Пока можно обманываться и не стыдно лгать, можно жить и не стыдно падыаться. Истина,—не полная истина,—о той и помину быть не можетъ,—но даже та малость, которая намъ доступна, замыкаетъ тотчасъ намъ уста, связываетъ намъ руки, сводитъ насъ „на пѣть“ (Довольно).

Поэтическую иллюстрацію къ этому поэтическому разсужденію мы найдемъ между *Стихотвореніями въ прозѣ*, — въ фантазии *Старухи*, въ этомъ образѣ загадочнаго, безмолвнаго, слѣпнаго существа, неотступно по пятамъ идущаго за человѣкомъ, который замѣчаетъ мало по малу, что не онъ ведетъ эту старуху за собою, а она направляетъ его, толкаетъ вправо и влево; онъ ей невольно повинуется и, наконецъ, понимаетъ, въ чемъ дѣло: „Ахъ!“ думаю я: „эта старуха—*моя судьба. Та судьба, отъ которой не уйти человеку!*“

Но что же это за грозный сфинксъ,—эта судьба? Какое реальное содержаніе вкладываетъ поэтъ въ это отвлеченное понятіе? Отвѣтъ на это мы можемъ прочесть въ тѣхъ же самыхъ произведеніяхъ Тургенева, нѣсколькими страницами ниже:

„Въ концѣ концовъ, *природа* неотразима; ей сдѣлать нечего, и рано или поздно она возьметъ свое. Безсознательно и неулыбно покорная законамъ, она не знаетъ искусства, какъ не знаетъ свободы, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка переходящая, она не терпитъ ничего безсмертнаго, ничего неизмѣннаго... Человѣкъ—ея дитя; но человѣческое, искусственное ей враждебно именно потому, что оно силится быть неизмѣннымъ и безсмертнымъ. Человѣкъ—дитя природы; но она всеобщая мать, и у ней нѣтъ предпочтений: все, что существуетъ въ ея долѣ, возникло только насчетъ другого и должно въ свое время уступить мѣсто другому; она создаетъ, разрушая, и ей все равно, что она создаетъ, что она разрушаетъ, лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла правъ своихъ... А потому она такъ же спокойно покрываетъ плѣсенью божественный ликъ Фидіасовскаго Юпитера, какъ и простой голышъ, и отдаетъ на съѣденіе презрѣнной моли драгоценнѣйшія струны Софокла“ (Довольно).

И къ этой тирадѣ имѣется образный pendant, иллюстрація въ живыхъ лицахъ,—стихотвореніе въ прозѣ, озаглавленное *Природа*. Поэтъ

вопрошаетъ общую мать, явившуюся ему во снѣ въ образѣ величавой женщины, сидящей въ огромной подземной храмнѣ, — о чемъ ея дума, — „не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества, не о томъ ли, какъ ему дойти до возможнаго совершенства и счастья“, — и слышатъ въ отвѣтъ „зычный голосъ, подобный лязгу желѣза“; оказывается, Природа думаетъ о возстановленіи нарушеннаго равновѣсія между нападеніемъ и отпоромъ, — о приданіи большей силы мышцамъ погѣ блохи, чтобы ей удобнѣе было спастись отъ враговъ своихъ.

„Какъ?“ пролетѣла я въ отвѣтъ. „Ты вотъ о чемъ думаешь? Но развѣ мы, люди, не любимыя твои дѣти?“

Женщина чуть-чуть наморщила брови: „Всѣ твари мои дѣти“, промолвила она: „и я одинаково о нихъ забочусь — и одинаково ихъ истребляю“.

— „Но добро... разумъ... справедливость...“ пролетѣла я снова.

— „Это человѣческія слова“, — раздался желѣзный голосъ.

„Я не вѣдаю ни добра, ни зла... Разумъ мнѣ не законъ, — и что такое справедливость? Я тебѣ дала жизнь, — я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ... мнѣ все равно... А ты пока защищайся — и не жѣмай мнѣ!“

Также точно и въ *Довольно* авторъ спрашиваетъ самого себя: „Но развѣ нѣтъ великихъ представленій, великихъ утѣшительныхъ словъ: народность, право, свобода, человѣчество, искусство, красота?“ Отвѣтъ получается совершенно подобный только что приведенному: „человѣческій бытъ — вѣчно одна и та же, „пестрая и въ сущности несложная картина“; „то же легковѣріе и та же жестокость, та же потребность крови, золота, грязи, тѣ же пошлыя удовольствія, тѣ же безсмысленныя страданія, тѣ же самыя грубыя приманки, на которыя такъ же легко попадается многоголовый звѣрь, — людская толпа, тѣ же ухватки власти, тѣ же привычки рабства, та же естественность несправды, — словомъ, то же хлopotливое прыганье бѣлки въ томъ же старомъ, даже не подновленномъ колесѣ“... Король Лиръ могъ бы повторить свое жестокое: „нѣтъ виноватыхъ“, что другими словами значить: „нѣтъ и правыхъ“. Таковъ окончательный выводъ, — не столько даже пессимистическій, сколько мрачно фаталистическій: мѣръ съ вѣками не дѣлается хуже, а просто вращается безъ смысла и цѣли въ своемъ заколдованномъ, роковомъ кругу, какъ бѣлка въ колесѣ; такъ ему предначертано, таковъ предѣлъ, „его же не преидеши“. Бренность всего существующаго, тлѣніе и прахъ лишаютъ мыслящаго человѣка бодрости и силы; всѣмъ въ мѣрѣ управляетъ „глухонѣмая, слѣпорожденная сила, которая даже не торжествуетъ своихъ побѣдъ, а идетъ, идетъ впередъ, все пожирая“, — и ей нѣтъ никакого дѣла до „человѣческихъ“ словъ, которыми тѣшатъ себя на

мгновеніе рождающіяся на свѣтъ насѣкомыя. Для полноты обзора вспомнимъ еще вступительныя строки къ тургеневской *Поездкѣ въ Польшу*, проникнутыя тѣмъ же самымъ настроеніемъ, внушаемымъ поэту видомъ мощной и равнодушной природы.

IV.

И такъ, *судьба-природа* равно истребляетъ всѣхъ своихъ дѣтей, и эта мысль объ уничтоженіи отравляетъ всѣ радости жизни, лишаетъ обаянія даже сладчайшее счастье,—счастье любви: „все его достоинство уничтожается его собственной малостью, его краткостью“. „Ну, да: человѣкъ полюбилъ, загорѣлся, залепеталъ о вѣчномъ блаженствѣ, о безсмертныхъ наслажденіяхъ,—смотришь: давнымъ-давно уже нѣтъ слѣда самаго того червя, который выѣлъ послѣдній остатокъ его изсохшаго языка. Такъ поздней осенью, въ морозный день, когда все безжизненно и нѣмо въ посядѣлой травѣ, на окраинѣ обнаженнаго лѣса,—стоитъ солнцу выйти на мигъ изъ тумана, пристально взглянуть на застывшую землю,—точасъ отовсюду поднимутся мошки: онѣ играютъ въ теплое его лучѣ, хлопочутъ, толкуются вверхъ, внизъ, выются другъ около друга... Солнце скроется,—мошки валяются мелкимъ дождемъ, и конецъ ихъ мгновенной жизни“ (*Довольно*). Смерть есть основной міровой законъ, какъ и жизнь,—смерть индивидуума, личности на ряду съ вѣчно живущей и видоизмѣняющейся безличной матеріей; къ этому сводится весь природный фатумъ: слѣпая старуха-судьба гонитъ человѣка къ *зіяющей черной ямѣ*, и, когда онъ послѣ тщетныхъ попытокъ уйти въ ту или иную сторону отъ своей преслѣдовательницы садится на землю, думая остановиться вмѣстѣ съ собою свою судьбу,—могила, чернѣвшая въ видѣ пятна въ дали, сама плыветъ, ползетъ къ нему. „Я оглядываюсь назадъ... Старуха смотритъ прямо на меня,—и беззубый ротъ скривленъ усмѣшкой... Не уйдешь!“ (*Старуха*). Тотъ же неотвратимый рокъ представляется фантазіи поэта въ образѣ необычайнаго, страшнаго, отвратительнаго насѣкомаго, внезапно влезающаго въ комнату и поражающаго своимъ гибельнымъ жаломъ одного изъ собесѣдниковъ, именно того, который одинъ изъ всѣхъ не видитъ и не слышитъ появившагося чудовища и не понимаетъ причины общаго смятенія (*Насѣкомое*); мысль объ этомъ фатумѣ преслѣдуетъ Тургенева неотступно, о чемъ свидѣтельствуютъ такіа стихотворенія въ прозѣ, какъ *Собака*, *Череня*, *Послѣднее свиданіе*, *Завтра! завтра!*, *Что я буду думать?*,

даже стоящее особнякомъ отъ указанныхъ, бодрое, жизнерадостное *Мы еще повоюемъ*. Даже фалстастическая, безтѣлесная Эллисъ (*Птички*) обречена уничтоженію: и ее поражаютъ „та сила, которой нѣтъ сопротивленія, которой все подвластно, которая безъ зрѣнія, безъ образа, безъ смысла все видитъ, все знаетъ и, какъ хищная птица, выбираетъ свои жертвы, какъ змѣя, ихъ давитъ и лижетъ своимъ мерзлымъ жаломъ“, та сила, которую Эллисъ не смѣетъ назвать по имени; отъ безформенной, „неизъяснимо-ужасной“ массы отдѣляются „какіе-то длинные, волнистые отпрыски, словно протянутыя руки, словно когти“, и затѣмъ „громадный образъ *закутанной фигуры* на блѣдномъ когѣ мгновенно всталъ и взвился подъ самое небо“. Эта стихійная сила, таинственная,—*облеченная съ ногъ до головы въ длинный покровъ* высокая, тихая, бѣлая женщина (*Последнее свиданіе*), — уничтожить на землѣ великую жизнь, какъ предсказываетъ Тургеневу его фантазія: пройдутъ тысячелѣтія, равняющіяся минутамъ въ жизни природы, и не останется слѣда отъ „козявокъ“, „двуножекъ“, копошившихся у подножія Юнгфрау и Финстерааргорна и ни разу не могшихъ осквернить этихъ великановъ: „Спать громадныя горы; спать зеленое свѣтлое небо надъ навсегда замолкнуей землей“ (*Разговоръ*). Еще болѣе грандіозная фантазмагорія рисуется передъ нами въ не менѣе прекрасномъ стихотвореніи въ прозѣ *Конецъ свѣта (сонъ)*: земля провалилась, небосклонъ упалъ, ушелъ внизъ, море поднимается и затопляетъ все... „Какой ревъ и вой! Это земля завывала отъ страха... Конецъ ей! Конецъ *всему!*... Темнота... темнота вѣчная!“ Значить, не только личность умираетъ, не только органическая жизнь на земномъ шарѣ обречена на исчезновеніе: тотъ же конецъ ожидаетъ *все*, весь міръ,—и въ результатѣ получится вѣчная тьма, пустота, хаосъ, вопарится абсолютное небытіе.

V.

„Однако“, могутъ возразить намъ: „при чемъ же тутъ собственно „невѣдомое“? Не сведется ли это матеріально-фаталистическое міровоззрѣніе, если отнять отъ него поэтическія грезы относительно грядущихъ судебъ вселенной, въ концѣ концовъ, къ чисто матеріалистическому отрицанію жизни внѣ тѣла, къ непризнанію высшей, самостоятельной духовной субстанціи? Со смертью прекращается *всякая* жизнь, какъ мошки—эфмериды, такъ и человѣка; отъ всякаго живущаго, мыслящаго и чувствующаго существа не остается ничего,

кромѣ пищи для червей; таковъ, повидимому, прямой выводъ изъ всѣхъ приведенныхъ цитатъ. Невѣдомою, пожалуй, является эта все отрицающая, все уничтожающая сила; но развѣ возникаютъ какіе-нибудь вопросы и сомнѣнія относительно того, что смерть равносильна полному и конечному уничтоженію, небытію личности?“ Дѣйствительно, въ подтвержденіе такого вывода можно даже сослаться на подлинныя слова поэта въ одномъ изъ тѣхъ же *Стихотвореній въ прозу*, озаглавленномъ *Стой!* Рѣчь идетъ о мгновеніи художественнаго экстаза, высшаго вдохновенія, поднимающаго служителя искусства „выше, вѣдь всего преходящаго, временнаго“, и авторъ восторженнаго стихотворенія восклицаетъ: „Вотъ она,—открытая тайна, тайна поэзии, жизни, любви! Вотъ оно, вотъ оно, *безсмертіе!* *Другого безсмертія нѣтъ и не надо*“... Такъ ли однако онъ твердо увѣренъ въ этомъ, какъ оно кажется? являются ли эти слова, произнесенныя почти непронизольно, въ минуту сильнѣйшаго лирическаго возбужденія, послѣднимъ словомъ по столь великому вопросу? Перевернемъ не болѣе четырехъ страницъ назадъ, прочтемъ другое стихотвореніе, писанное тремя мѣсяцами раньше (какъ видно изъ даты), но гораздо болѣе спокойное по тону,—*Что я буду думать?*.. Поэтъ задается вопросомъ о томъ, какія мысли будутъ волновать его въ предсмертныя часы, и, наряду съ прочими предположеніями, высказываетъ и слѣдующее, неизбежно напрашивающееся въ данномъ случаѣ: „Буду ли я думать о томъ, что меня ожидаетъ за гробомъ... *да и ожидаетъ ли меня что-нибудь?*“ Въ такой, уже не категорической, а вопросительной, остающейся безъ отвѣта,—формѣ выражаетъ на этотъ разъ Тургеневъ свое отношеніе къ вопросу о личномъ безсмертіи, отношеніе скептическое, одинаково, пожалуй, далекое отъ вѣры и отъ абсолютнаго безвѣрія; „сомнѣваюсь“, „не знаю“,—очевидно, единственный отвѣтъ, который онъ, не обманывая себя, можетъ дать на поставленный имъ вопросъ: кромѣ „грознаго мрака, чертющаго впереди“, онъ ничего не въ состояніи усмотрѣть по ту сторону земной жизни. Тотъ же *атмосферическій* взглядъ еще съ большею рельефностью выступаетъ въ стихотвореніи *Соперникъ*. У поэта былъ товарищъ, съ которымъ у него при всякой встрѣчѣ возникали нескончаемые споры обо всемъ, *особенно о загробной жизни*: воззрѣнія спорившихъ ни въ чемъ не сходились; товарищъ-соперникъ былъ человекъ вѣрующій и восторженный и посулить однажды „смѣющемуся надо всѣмъ“ другу явиться къ нему съ того свѣта, если умретъ первымъ. Онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ и потомъ, спустя много времени, исполнилъ свое обѣщаніе,—явился поэту въ полу-

мракѣ ночи, печально и покорно качая головою сверху внизъ, но не промолвилъ ни слова въ отвѣтъ на настойчивые вопросы о томъ, испытываетъ ли онъ муки ада, или блаженство рая, кто изъ обоихъ друзей оказался неправъ,—одинъ или оба. „Я засмѣялся... онъ исчезъ“. Скептическій смѣхъ прогналъ безмолвный призракъ; можетъ быть, самое его явленіе только почудилось, не было реальнымъ (хотя поэтъ не думалъ о своемъ умершемъ соперникѣ, позабылъ объ его обѣщаніи—угрозѣ); но суть дѣла, кажется намъ, заключается въ томъ, что именно *не послѣдовало никакого отвѣта* на роковые вопросы, и проблема загробной жизни такъ и осталась неразгаданной, запечатанной тайной. Скептику, которому вѣра не замѣняетъ очевидности, который не можетъ проникнуть въ эту тайну знаніемъ, недоступна сладость молитвы непоколебимо вѣрующаго отшельника: онъ скептикъ, понимаетъ этого святого, быть можетъ завидуетъ ему, но самъ не молится,—и оба одинаково искренни: „Онъ не лжетъ... да вѣдь и я не лгу“. (*Монахъ*). *Молитва* (подъ этимъ самымъ заглавіемъ) посвящено предпоследнее по времени стихотвореніе въ прозѣ Тургенева, едва ли не наиболѣе характерное для его міросозерцанія. Молиться можно только личному Богу, а не кантовскому или гегелевскому безобразному Высшему Существо; „о чемъ бы ни молился человѣкъ,—онъ молится о чудѣ. Всякая молитва сводится на слѣдующее: „Великій Боже, сдѣлай, чтобы дважды два не было четыре“... Но можетъ ли даже личный, живой, образный Богъ сдѣлать, чтобы дважды два не было четыре? Всякій вѣрующій обязанъ отвѣтить: *можетъ* и обязанъ убѣдить самого себя въ этомъ. Но если разумъ его возстанетъ противъ такой бессмыслицы? *Тутъ Шекспиръ придетъ ему на помощь: „Есть многое на свѣтѣ, другъ Горацио“*... и т. д. А если ему стануть возражать во имя истины,—ему стоитъ повторить знаменитый вопросъ: „*Что есть истина?*“? И потому: станемъ пить и веселиться—и молиться“. Таковъ, повидимому, окончательный выводъ Тургенева, окрашенный ироніей, при чемъ этотъ грустно-насмѣшливый скептицизмъ относится, собственно говоря, въ одинаковой степени и къ вѣрѣ, и къ разуму. Интересно и въ этомъ случаѣ отмѣтить параллель между приведеннымъ „стихотвореніемъ“, помѣщеннымъ іюлемъ 1881 г., и однимъ изъ раннихъ произведеній Тургенева: въ заключительныхъ строкахъ его *Переписки*, относящейся къ 1855 г., мы читаемъ: „Впрочемъ, кто скажетъ, что такое жизнь, что такое истина? Помните, кто не далъ на этотъ вопросъ отвѣта“... Здѣсь авторъ говорить, какъ и въ *Фаустѣ*, не отъ себя; но

сходство этой фразы съ несомнѣнно личнымъ заявленіемъ автора въ *Молитвѣ* показываетъ намъ, насколько можетъ быть субъективнымъ беллетристическое произведеніе, изложенное въ объективной формѣ изданной въ свѣтъ переписки умершаго человѣка. Въ приведенной выше цитатѣ изъ *Довольно* (1864) мы также уже прочли, что о *полной истинѣ* не можетъ быть помина, а человѣку доступна лишь малость, крупница ея; слѣдовательно, ни утверждать, ни отрицать мы ничего не можемъ, и слабому смертному при его ограниченномъ знаніи остается только повторять знаменитыя слова Гамлета, обращенныя къ другу Горацио. Что Тургеневъ, повторившій эти слова, какъ мы только что видѣли, въ тонѣ ироніи, далеко не такъ иронически относился къ нимъ въ душѣ,—объ этомъ свидѣлствуетъ цѣлый рядъ его произведеній, къ которымъ эти самыя слова могутъ послужить эпитафюмъ.

VI.

Уже въ *Запискахъ Охотника*, въ несравненномъ *Въжизнолѣ Луи* читатели припоминаютъ одну характерную подробность: мальчики вспоминаютъ про несчастнаго утонувшаго Васю, затѣмъ Павлуша идетъ къ рѣкѣ зачерпнуть воды и, возвратившись, объявляетъ, что онъ слышалъ Васиинъ голосъ, зовущій его по имени,—примѣта дурная, но „своей судьбы не минуешь“. До сихъ поръ все просто и естественно: мало ли какія возможны слуховыя галлюцинаціи среди ночной темноты и тишины, особенно послѣ разговора на извѣстную тему, когда человѣкъ, суевѣрный и безъ того, наиболѣе суевѣрно настроенъ? Однако „судьба“ взяла свое: въ томъ же году Павлуша умеръ,— правда, не утонулъ, а убился, упавъ съ лошади. Конечно, случайное совпаденіе,—скажетъ всякій; не видно пока ни изъ чего, чтобы и самъ авторъ смотрѣлъ на дѣло иначе: героинѣ другого его разсказа, *Живыя Мощи*, несчастной Лукерья, также послышался (въ полуснѣ) зовущій ее голосъ, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ право видѣть не реальный фактъ, а простой обманъ слуха. Но *совпаденіе* все-таки остается на лицо, и, что гораздо важнѣе, въ поэзіи Тургенева оно является далеко не единственнымъ. *Иковъ Писыковъ* (1855) говоритъ своему другу, отъ имени котораго ведется разсказъ: „Видно, намъ съ отцомъ *на роду было написано* посѣтить Сибирь“. Болѣе того: обоимъ оказалось суждено погибнуть въ Сибири или, по крайней мѣрѣ, отъ Сибири: отецъ утонулъ въ Иртышѣ, а

сынъ въ Иркутской губерніи получилъ рану, сведшую его въ могилу. Когда Пасынковъ, уже умирающій, проситъ своего друга прочесть ему изъ Лермонтова на удачу, что раскроется, книга раскрывается на *Завѣщаніи*, и читатель невольно вмѣстѣ съ Пасынковымъ готовъ видѣть нѣчто странное, болѣе чѣмъ случайное, въ этомъ обстоятельстве. Передъ нами, пока еще мелькомъ, выступаетъ образъ *судьбы*, какъ чего-то высшаго и загадочнаго. Это уже не то, о чемъ мы говорили выше, не природа, сокрушающая всѣ свои созданія, также не то, о чемъ говоритъ Алексѣй Петровичъ С. въ *Перепискѣ*, уподобляющій судьбу, которая „есть у каждаго человѣка“, облакамъ, возстающимъ изъ нѣдръ земли, отдѣляющимся отъ нея и затѣмъ несущимъ ей благодать или гибель. Это поэтическое сравненіе не покидаетъ естественной, реальной почвы: около каждаго изъ насъ образуется родъ стихій, дѣйствующей на насъ же разрушительно или спасительно, образуется „изъ насъ же самихъ“, т.-е. изъ личнаго характера и обстановки человѣка: *обстоятельства насъ определяютъ; они направляютъ насъ на ту или другую дорогу и потомъ они же насъ казнятъ... Каждый дѣлаетъ свою судьбу, и каждаго она дѣлаетъ*. (*Переписка*). Вннть некого: никто не бываетъ виноватъ въ чемъ-нибудь одинъ; лучше сказать,—всѣ виноваты, но, какъ говорится, безъ вины („нѣтъ виноватыхъ“ Лира). Какъ видимъ, это фатализмъ того же матеріальнаго характера, какой такъ ярко и вычлкнуло выступаетъ въ *Довольно* и въ *Стихотвореніяхъ*: и здѣсь судьбою является въ концѣ концовъ та же природа, въ широкомъ значеніи слова,—различныя *обстоятельства*, всѣ имѣющія свое естественное объясненіе и оправданіе. Грозный характеръ этого фатума заключается не только въ томъ, что „судьбы своей перемѣнить нельзя“ (*Переписка*), но еще и въ томъ, что „самого себя никто не знаетъ, да и будущее тоже предвидѣть невозможно... въ жизни случается одно только неожиданное, и мы цѣлый вѣкъ только и дѣлаемъ, что приравниваемъ къ событіямъ“ (*ibid.*). Эта неожиданность, непредвидѣнность еще не имѣетъ въ себѣ ничего чудеснаго: она только показываетъ, что, при естественномъ незнаніи будущаго, человѣкъ не знаетъ и себя; древнее правило мудрости, ставящее самопознаніе въ главу угла, оказывается исполнимымъ лишь въ весьма ограниченной степени, и даже по отношенію къ самому себѣ всякому приходится исповѣдывать агностицизмъ.

Иное дѣло, повторяемъ, тѣ фатальныя совпаденія, которыя мы отмѣтили въ *Яковѣ Пасынковѣ*,—гдѣ они являются еще не болѣе,

какъ эпизодомъ, несущественнымъ придаткомъ—и которыя намъ придется отмѣтить еще во многихъ произведеніяхъ Тургенева,—гдѣ тотъ же элементъ играетъ уже гораздо болѣе видную роль, настолько тѣсно связанъ съ содержаніемъ, что безъ него не было бы и самыхъ произведеній. Здѣсь передъ нами на лицо—фатумъ уже не матеріальный, а скорѣе мистическій, предопредѣленіе, нѣчто „написанное на роду“ и не вытекающее логически изъ естественнаго хода вещей: отецъ и сынъ Пасынковы, конечно, попали оба въ Сибирь въ силу стеченія обстоятельствъ, не заключающихъ въ себѣ ничего необыкновеннаго; печальная судьба, постигшая обоихъ, также разыгралась не совсемъ обыденнымъ, но и отнюдь не чудеснымъ способомъ; но что сказать о сходствѣ въ судьбѣ обоихъ? Съ простой, человѣческой точки зрѣнія—случай, какихъ бываетъ много; но что такое *случай*? Видитъ ли самъ авторъ нѣчто знаменательное въ томъ, что умирающему, пожелавшему положиться на волю судьбы, пришлось прослушать стихотвореніе, подходящее къ его собственному состоянію, — сказать трудно; но невольно приходятъ на память слова Валленштейна у Шиллера:

„Es giebt keinen Zufall,
 „Und was uns blindes Olngefähr nur dünkt,
 „Gerade das steigt aus den tiefsten Quellen“.

VII.

Теперь обратимъ наше вниманіе на позднѣйшую по времени (1870) „студію“ (какъ называлъ ее самъ авторъ) Тургенева, — *Стукъ!*... *стукъ!*... *стукъ!*... Здѣсь стеченіе обстоятельствъ всецѣло обусловливаетъ собою всю фабулу, и въ результатѣ рассказъ производитъ нѣсколько странное, неопредѣленное впечатлѣніе. Передъ нами—офицеръ Тѣглевъ, „фатальный человѣкъ“ въ духѣ моднаго въ то время (дѣйствіе рассказа отнесено къ 30-мъ годамъ) Марлинскаго, вѣрящій въ судьбу, въ „звѣзду“, въ примѣты, предчувствія, счастливые и несчастные дни, въ свое собственное призваніе; при помощи замысловатыхъ цыфирныхъ выкладокъ онъ находитъ параллель между собою и Наполеономъ, основываясь на датахъ рожденія и смерти обоихъ (передъ тѣмъ, какъ готовится покончить съ собою) и дѣлая при этомъ странную ошибку, безъ которой однако не получилось бы желаемое нскомое,—именно помѣчая смерть Наполеона 1825-мъ годомъ вмѣсто 1821: въ этой странности, замѣтимъ по пути, такъ же трудно пред-

полагать случайный авторскіи недосмотръ, какъ и незнаніе Тѣглева или же сознательную передержку съ его стороны, такъ какъ послѣдняя должна была бы въ его же глазахъ лишити числовую каблистику всякаго значенія, еще гораздо болѣе, чѣмъ аналогичная нагрузка Пьера Безухова при его апокалиптическихъ вычисленіяхъ, также имѣющихъ объектомъ взаимное отношеніе между Наполеономъ и имъ самимъ,—*l'Russes Besonhof*. Несмотря на такой характеръ героя разсказа, въ послѣднемъ, опять-таки на первый взглядъ, нѣтъ ничего сверхъестественнаго: авторъ выводитъ передъ нами любопытный типъ мпшувшихъ временъ оригинала-фаталиста на подкладкѣ романтизма и байропизма,—и только. Ночной стукъ, встревожившій Тѣглева своею таинственностью, на самомъ дѣлѣ производился рукою разсказчика Риделя, которому пришла фантазія подшутить надъ своимъ товарищемъ; совпавшій съ этимъ стукомъ призывъ „Илюша“, повлекшій за собою такія роковыя послѣдствія, также нашелъ *post factum* самое естественное объясненіе; наконецъ, и покинутая Тѣглевымъ дѣвушка, какъ оказалось, не отравилась, а умерла отъ холеры, слѣдовательно, не по его винѣ. Но, всмотрѣвшись пристальнѣе, мы придемъ къ заключенію, что дѣло все-таки обстоитъ не такъ просто, какъ кажется: опять приходится констатировать *совпаденіе*, и опять возникаетъ вопросъ, насколько оно въ глазахъ самого автора представляется случайнымъ? Обстоятельства спѣпляются такимъ образомъ, что эта цѣпь какъ бы искусственно составляется изъ своихъ отдѣльныхъ звеньевъ: Тѣглева зовутъ Пльею,—*таково же* имя разносчика, имѣвшаго ночное свиданіе со своей возлюбленной; призывный женскій голось раздастся *какъ разъ въ то время*, когда Тѣглевъ, введенный въ заблужденіе стукомъ въ стѣну, выходитъ изъ избы на улицу; предчувствіе относительно Маши, переходящее послѣ ея мнимаго призыва въ полное убѣжденіе, оправдывается: она точно умерла *въ это самое время*. Мистическій фатализмъ Тѣглева не поколебался и послѣ того, какъ Ридель повнвился передъ нимъ въ своей продѣлкѣ, открылъ ему настоящую причину таинственнаго стука: онъ „ограничился замѣчаніемъ, что я тутъ не при чемъ, что *рукой моею водило нѣчто другое*.... И не естественно ли было Тѣглеву придти къ такому заключенію послѣ слышаннаго имъ зова и удостовѣренія въ кончинѣ любимаго имъ существа? Пожалуй, если бы настоящій „Илюша“, къ которому относился призывъ, явился нѣсколько раньше и объяснилъ весь секретъ самому Тѣглеву,—тотъ и ему сказалъ бы, что въ этомъ случайномъ, повидимому, совпаденіи кроется нѣчто другое, высшее.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ знать?.. „Ein blosser Zufall“—... „Es giebt keinen Zufall!...“

Прибавимъ еще, что эпизодъ, начинающійся стукомъ, разыгрывается въ день именинъ Тѣглева, который этому дню придаетъ какое-то особенное значеніе; что въ этомъ же самый день нищая старуха, которой онъ подавъ милостыню, общала „помолиться о его душенькѣ“... „Развѣ это не странно?“ Еще страннѣе то, что рассказываетъ самъ Тѣглевъ о предчувствіяхъ и привидѣніяхъ: его родителями, утонувшимъ при переправѣ черезъ рѣку, нѣсколько дней передъ тѣмъ все чудился шумъ воды (также точно у матери Васи въ *Бѣжиномъ лунѣ* было прямое предчувствіе, что ея сынъ утонетъ); его дѣдъ подъ Бородинымъ „избавился отъ смерти тѣмъ, что, увидавъ на землѣ простой сѣрый голышъ, внезапно нагнулся и поднялъ его, — а въ это самое мгновеніе картечь пролетѣла надъ его головою и сломила его длинный черный султанъ“; одинъ его знакомый, губернёръ при двухъ сиротахъ, „увидаль женскую фигуру, наклоненную надъ ихъ постелями, и на слѣдующій день узналъ эту фигуру въ незамѣченномъ имъ до тѣхъ поръ портретѣ, изображавшемъ мать этихъ самыхъ сиротъ“, — и это случилось въ „такую точно“ ночь, въ какую происходитъ дѣйствіе разсказа. Авторъ изображаетъ эту ночь съ ея необычайнымъ, все окутывающимъ туманомъ, о которомъ такъ часто и настойчиво упоминается далѣе, въ чисто фантастическихъ чертахъ, такъ что, какъ говорится, — все одно къ одному. Наконецъ, что сказать о томъ эпизодѣ изъ жизни Тѣглева, когда онъ трижды подъ рядъ отгадалъ карту безъ всякаго фокуса въ отвѣтъ на восклицаніе игравашаго прапорщика, пожелавшаго, чтобы ему помогла какаля-нибудь бабушка, какъ въ „Пиковой Дамѣ“ Пушкина?.. Данный эпизодъ въ сильной степени напоминаетъ извѣстную пробу судьбы Лермонтовскимъ „фаталистомъ“ Вуличемъ, съ которымъ Тѣглевъ состоитъ въ духовномъ родствѣ, хотя и не похожъ на него по наружности, по прямому замѣчанію автора-рассказчика. Не излишне отмѣтить слова послѣдняго про героя своего разсказа: „Онъ внушалъ мнѣ нѣчто въ родѣ сожалѣнія; мнѣ казалось, что, помимо его *напускной фатальности*, надъ нимъ дѣйствительно *тяготится трагическая судьба*, которой онъ самъ не подозрѣваетъ“. Такъ оно и вышло на дѣлѣ: предчувствіе, въ которое вѣрилъ Тѣглевъ, и которое помимо вѣры и противъ воли овладѣло его товарищемъ, оправдалось, и вся исторія, несмотря на самое естественное разъясненіе, отмѣчена печатью какой-то посторонней, таинственной силы, направляющей ходъ событій.

VIII.

Съ *предчувствіемъ*, съ *внутреннимъ голосомъ*, предсказывающимъ грядущую трагическую развязку, мы встрѣчаемся также въ повѣсти *Несчастливая* (1868): это предчувствіе заставляетъ рассказчика повѣсти усиленно посылать своего друга Фустова къ „несчастной“ Сусаннѣ всего за какой-нибудь часъ до ея внезапной и оставшейся неразгаданною кончины. Этому неодолимому предчувствію предшествуетъ нѣчто въ родѣ *видѣнія*:

„Въ это мгновеніе мнѣ вдругъ показалось, что на окнѣ (—тамъ, гдѣ наканунѣ вечеромъ сидѣла Сусанна) сидитъ, склонившись на руки, блѣдная женская фигура. Свѣчи нагорѣли: въ комнатѣ было темно. Я задрогнулъ, взглянулъ пристальнѣе и ничего, конечно, не увидалъ на подоконникѣ; но какое-то странное чувство, смѣшеніе ужаса, тоски, сожалѣнія, охватило меня“.

Эта зрительная галлюцинація явилась *какъ разъ во время*, когда еще, можетъ быть, возможно было спасти „несчастную“. Въ полной гармоніи съ этимъ ясновидѣніемъ находится *сонъ*, посѣтившій вслѣдъ затѣмъ повѣствователя. Мы можемъ конечно отыскать ему рационалистическое объясненіе, также какъ и особому настроенію рассказчика, въ силу исключительныхъ обстоятельствъ, которыя должны были сильнѣйшимъ образомъ подѣйствовать на нервы человѣка, настроить его на ожиданіе катастрофы. Но, какъ бы то ни было, предчувствіе не обмануло, и его возникновеніе *именно въ извѣстный моментъ* опять должно быть отмѣчено, какъ фактъ знаменательнаго, трудно объяснимаго совпаденія. Вновь возстаетъ передъ нами призракъ чего-то влѣчеловѣческаго, роковаго, особенно при прочтеніи слѣдующихъ строкъ *повѣсти*:

„Трагическая черта, которую я нѣкогда замѣтилъ у ней около губъ, теперь обозначалась еще яснѣе; она распространилась по всему лицу. *Казалось, чей-то исумолимый перстъ провелъ ее безвозвратно, навсегда отмытилъ это помышле существо“*.

Наконецъ, обратимъ еще вниманіе на заключеніе этой печальной повѣсти, въ которомъ авторъ останавливаетъ свою мысль на вѣчной проблемѣ смерти и загробной жизни; при этомъ у него неволью слагается размышленіе *атристическаго* характера, подобное тѣмъ, образцы коихъ мы уже привели выше:

„*Кто знаетъ?* быть можетъ, въ то самое мгновеніе, когда мнѣ казалось, что надъ ея мертвыми устами носилось восклицаніе: „опъ не придетъ!“ быть

можетъ, ея душа уже радовалась тому, что ушла сама къ нему, къ своему Мишю? *Тайны человеческой жизни велики, а любовь самая недоступная изъ этихъ тайнъ*“..

Здѣсь мы подходимъ къ тому изъ вѣчно неразгаданныхъ вопросовъ, который съ особенною силою сказался въ творчествѣ Тургенева, потому что едва ли не наиболѣе интенсивно занималъ и волновалъ его воображеніе,—къ вопросу о силѣ любви, переживающей и побѣждающей самую смерть. Намъ еще придется ближе коснуться этой темы по поводу *Фауста* и *Клары Милчъ*; пока мы ограничимся указаніемъ на параллелизмъ между заключительными строками *Несчастной* и *Отцовъ и Дтей*, гдѣ также поставленъ вопросъ о могуществѣ любви, о „вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной“...

IX.

Какъ мы уже видѣли, *предчувствія* идутъ перѣдко рука объ руку со *сновидѣніями*, и на эту сторону психической жизни Тургеневъ обращаетъ едва ли не больше вниманія, чѣмъ какой бы то ни было другой изъ видныхъ русскихъ писателей. Его героямъ иногда снятся сны, не менѣе сложные и не менѣе многозначительные, чѣмъ знаменитый сонъ Татьяны или сонъ молодого Грипева въ *Капитанской Дочкѣ*.

Какъ и во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ у Тургенева, при бѣгломъ чтеніи не всегда можно различить пограничную черту, отдѣляющую область естественнаго отъ области таинственнаго. Мы отмѣтили сонъ рассказчика *Несчастной*, въ которомъ, конечно, нельзя видѣть ничего чудеснаго послѣ всего происшедшаго: объясняясь вполне просто, онъ только усиливаетъ общее впечатлѣніе чего-то неотвратимаго, готоваго разразиться. Также точно нисколько не выходитъ за предѣлы рациональнаго сонъ героя повѣсти *Первая Любовь* (1860), приснившійся *послѣ* подсмотрѣнной имъ сцены между Зинаидою и его отцомъ, и являющійся лишь отраженіемъ (отчасти символическимъ) того, что передъ тѣмъ такъ или иначе разыгралось въ дѣйствительности. Но въ другихъ случаяхъ мы встрѣчаемся у Тургенева и прямо съ *эпическими* снами, указывающими на имѣющія только совершиться событія. Сюда относится „вороной жеребеночекъ“, приснившійся Харлову (*Стенной король Лиръ*, 1870), лягнувшій его въ локоть,—сонъ, въ которомъ этотъ полудикій степной богатырь, не боявшійся никого и ничего на свѣтѣ, *кроме смерти*, этотъ „сновидецъ“, по его соб-

ственному увѣренію,—усмотрѣль „предостереженіе“, силу, которая, „быть можетъ, свыше дѣйствуетъ“, — и не ошибся въ своемъ предчувствіи; умирая неожиданно трагической смертью, онъ въ послѣднія минуты припоминаетъ свой вѣщій сонъ. Правда, и здѣсь естественное объясненіе готово,—то самое, которое предлагаетъ Харлову его собесѣдница, мать рассказчика повѣсти,—что онъ себя „какъ-нибудь руку перележалъ“, даже то, которое пришло въ голову самому словидцу въ первый же моментъ по пробужденіи. Здѣсь же можно указать и на нѣкоторую пронику судьбы: не пойми Харловъ своего сна въ смыслѣ предостереженія, точнѣе говоря, не распорядись онъ своимъ наслѣдствомъ на манеръ короля Лира, не отдай всего при жизни дочерямъ,—не было бы и трагической развязки; кто еще знаетъ, какъ скоро и въ какой формѣ постигъ бы его роковой вороной жеребенокъ! Харловъ, можно сказать, самъ навлекъ на себя бѣду, ускорилъ наступленіе неизбѣжнаго конца, который такъ смущалъ его. И все-таки, какъ бы трезво-реально мы ни смотрѣли на всю эту исторію, и на ней лежитъ отпечатокъ какого-то рока, сперва патолкнувшаго человѣка на извѣстныя мысли, а затѣмъ направившаго его дѣятельность такимъ образомъ, что онъ самъ пошелъ навстрѣчу своей гибели (вспомнимъ *старуху*—судьбу въ *Стихотвореніяхъ въ прозѣ*). Что еще характерно въ *Стенинѣ король Лиръ*,—это именно отношеніе къ смерти великана-Харлова, которому все трынь-трава: этотъ увѣренный въ себя силачъ въ часы меланхолии, находящей на него, говорить о брешности, держать у себя на стѣнѣ аллегорическую картинку, изображающую человѣческую жизнь въ видѣ горящей свѣчи, обдуваемой со всѣхъ сторонъ вѣтрами, читаетъ Новиковскаго *Шоколящаго Трудолобца* и ломаетъ себя голову надъ находящимися тамъ мудреными натурфилософскими умствованіями касательно смерти, въ тайну которой ему, очевидно, хотѣлось бы проникнуть. Харловъ, самъ того не подозрѣвая, близокъ къ безсознательному *амностицизму* и этою стороною своего существа сродни самому поэту, познакомившему насъ съ его любопытною личностью.

Х.

Однако во всѣхъ приведенныхъ нами случаяхъ, не исключая и послѣдняго, сновидѣнія играютъ не болѣе какъ побочную, эпизодическую роль: если сонъ Харлова и является своего рода пружиною, двигающею дѣйствіе рассказа, ясно все-таки, что послѣдній могъ бы

обойтись и безъ нея, что авторъ могъ бы замѣнить ее другою, мотивировать рѣшеніе своего героя какъ-нибудь иначе. Но вотъ передъ нами другой рассказъ, написанный Тургеневымъ шестью годами позднѣе, прямо озаглавленный *Сонъ* (1876). Ясно, что тутъ именно въ снѣ заключается вся суть дѣла; уже самое заглавіе побуждаетъ читателя ожидать чего-то не совсѣмъ обыкновеннаго, и такое ожиданіе оправдывается вполнѣ. Семнадцатилѣтній юноша, рано лишившійся отца, единственный сыгъ нѣжно любящей его, еще молодой матери, сознаетъ, что между нимъ и матерью стоитъ какая-то роковая тайна, отравляющая жизнь послѣдней. Въ молчаливомъ одиноствѣ, въ отчужденіи отъ людей, въ какой-то загадочно-печальной обстановкѣ онъ живетъ исключительно внутреннею жизнью, и изъ него вырабатывается мечтатель, фантазеръ, самъ не знающій опредѣленно, о чемъ его мечты: иногда ему чудится, будто онъ стоитъ передъ полузакрытою дверью, за которой скрываются *невѣдомыя тайны*,—стоитъ и ждетъ, и млѣетъ, не переступая порога и все размышляя о томъ, что такое находится впереди... Легко было бы заподозрѣть въ немъ скрытаго пока психопата, тѣмъ болѣе, что, по собственному заявленію этого рассказчика, нервы его до времени разстроились: авторъ какъ будто хочетъ этимъ самъ намекнуть на возможность естественнаго объясненія того, что кажется страннымъ въ личности героя его рассказа. Посмотримъ, однако, что будетъ далѣе; пусть повѣствователь говорить самъ:

„Я сейчасъ упомянулъ о томъ, какъ я засыпая иногда ночью наитіемъ неясныхъ думъ и мечтаній. Я вообще спалъ много,—и сны играли въ моей жизни значительную роль; я видѣлъ сны почти каждую ночь. Я не забывалъ ихъ, я придавалъ имъ значеніе, считалъ ихъ предсказаніями, старался разгадать иль тайный смыслъ; нѣкоторые изъ нихъ повторялись отъ времени до времени, что всегда казалось мнѣ удивительнымъ и страннымъ. Особенно смущалъ меня одинъ сонъ“...

Итакъ, неизвѣстный „я“, отъ имени котораго ведется рассказъ,—можно сказать, профессиональный „свидѣтель“, въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ Харловъ: на того только по временамъ находили припадки меланхоліи, здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ субъектомъ, явно предрасположеннымъ къ меланхоліи хронической, слабымъ здоровьемъ и съ разстроеными нервами. Полагаемъ, что на основаніи того, что сообщаетъ о себѣ герой *Сна*, специалисты по психопатологін и психіатрін нашли бы весьма возможнымъ признать его своимъ пациентомъ, отнести его къ типу „неуравновѣшенныхъ“ или какому-либо другому; вѣроятно, даже и повторяемость нѣкоторыхъ сновидѣній, кажущаяся

чѣмъ-то удивительнымъ, могла бы найти свое болѣе или менѣе положительно-научное объясненіе. Но трудно предположить, чтобы такое, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ,—нашлось именно для того сна, который особенно смущалъ видѣвшаго его юношу и затѣмъ нашелъ собѣ такое поразительное подтвержденіе на яву: человѣку, который отчетливо помнилъ своего умершаго отца, упорно спилось, что онъ не умеръ, а почему-то прячется отъ жены и отъ него; сынъ его отыскиваетъ и, наконецъ, находитъ; но этотъ найденный отецъ ничуть не похожъ на дѣйствительнаго и недоволенъ тѣмъ, что найденъ; сынъ тоже не радуется свиданію и стоитъ въ недоумѣніи... Черты лица и костюмъ, и вся фигура этого „отца“, какъ и обстановка, посреди которой происходитъ свиданіе,—все это рѣзко отпечатлѣвается въ памяти юноши,—и вотъ, въ одинъ прекрасный день онъ встрѣчаетъ уже на яву, среди бѣлага дня для того самаго человѣка, котораго „видѣлъ“ столько разъ—во снѣ; въ немъ и на немъ все точь въ точь такъ, какъ представлялось во время ночныхъ видѣній,—опибиться невозможно! Это онъ, „ночной отецъ“! Событіе до того необычайно, что человѣку самому приходитъ въ голову, не спитъ ли онъ съ открытыми глазами, не призракъ ли, не продуктъ ли бреда онъ видитъ передъ собою; онъ глядитъ на таинственнаго незнакомца и даже пытается себя увѣрить, что онъ „поддался полуневольному обману воображенія, что „сходства собственно никакого нѣтъ“,—но всѣ сомнѣнія исчезаютъ передъ неоспоримымъ реальнымъ фактомъ: юноша видитъ передъ собою живое лицо, разговариваетъ съ человѣкомъ, слышитъ звукъ его голоса, узнаетъ даже его званіе, хотя не можетъ разслышать его имени („онъ такъ же, какъ мой „ночной отецъ“, оканчивалъ каждую свою рѣчь какимъ-то неяснымъ внутреннимъ бормотаньемъ“)... Въ результатъ—раскрытіе роковой тайны, проникновеніе за „полузакрытую дверь“, передъ которою юный мечтатель стоялъ въ минуты полусоннаго, полубодреннаго состоянія: онъ, дѣйствительно, отыскалъ своего настоящаго отца, и никому изъ нихъ это неожиданное свиданіе не причинило радости. Узнавъ всю истину, сынъ,—самъ не зная, зачѣмъ,—бросается на поиски отца, съ которымъ его печально столкнула судьба, и какой-то инстинктъ подсказываетъ ему, что произойдетъ *что-то необыкновенное*; онъ хочетъ идти на пристань (дѣло происходитъ въ приморскомъ городѣ, и въ ночь наканунѣ свирѣпствовала страшная буря), но его ноги, „какъ бы повинуясь неотразимому влеченію“, несутъ его въ другую сторону и заносятъ въ часть города, никогда ранѣе имъ не посѣщенную.

Вдругъ передъ нимъ является тотъ самый таинственный арапъ, котораго онъ видѣлъ передъ тѣмъ разговаривающимъ съ барономъ, своимъ отцомъ; юноша бросается за нимъ въ догонку, но тотъ, не оглядываясь, ускоряетъ шаги и исчезаетъ безслѣдно, точно сквозь землю проваливается, а преслѣдующій его узнаетъ въ незнакомой ему улицѣ— „улицу своего сна“, на которой далѣе находитъ и „домъ своего сна“, но не находитъ въ немъ того, кого ищетъ: оказывается, баронъ точно жилъ здѣсь, но вчера уѣхалъ моремъ въ Америку... Сынъ идетъ безъ цѣли вонъ изъ города, куда глаза глядятъ, и на морскомъ берегу, въ прибрежной густой осоцѣ натывается на выброшенный волнами трупъ утопленника, въ которомъ узнаетъ барона, своего нежданно открытаго отца... Страхъ овладѣваетъ имъ: ему кажется, что мертвецъ самъ устроилъ эту послѣднюю встрѣчу, знаетъ, что онъ пришелъ сюда; ему даже чудится знакомое глухое бормотанье,—и онъ бѣжитъ прочь, однако принуждаетъ себя вернуться и съ усиленіемъ снять съ мертвой руки обручальное кольцо своей несчастной матери, пропавшее у нея въ ту самую ночь, когда она сдѣлалась жертвою возмутительнаго насилія. Затѣмъ онъ рассказываетъ матери все,—и про свой сонъ, и про свою встрѣчу, и про свою страшную находку, — и они вмѣстѣ идутъ къ роковому мѣсту, но трупа уже не оказывается: онъ исчезъ; его кто-то унесъ, какъ можно заключить по помятой травѣ и по слѣдамъ на пескѣ дюны. Всѣ дальнѣйшіе розыски и справки не приводятъ ни къ чему: корабль, отплывшій въ Америку, повидимому, не погибъ во время бури, какъ были сначала увѣрены... „Не зная, что предпринять, я принялся отыскивать видѣннаго мною арапа, предлагалъ ему черезъ газеты довольно значительную сумму денегъ, если онъ объявится въ нашъ домъ. Какой-то высокій арапъ въ плащѣ, дѣйствительно, приходилъ къ намъ въ мое отсутствіе, но, пораспросивъ служанку, онъ внезапно удалился и не возвращался болѣе“. Тѣмъ и кончилась вся эта загадочная исторія; прекратились и прежніе сны, однако не безъ всякаго слѣда:

„Я уже никогда не видывалъ того сна, который, бывало, такъ меня тревожилъ; я уже не отыскиваю своего отца; но иногда мнѣ чудилось—и чудится до сихъ поръ—во-снѣ, что я слышу какіе-то далекіе воли, какіи-то несмолкаемыя, заунывные жалобы; звучать онѣ гдѣ-то за высокой стѣною, черезъ которую перелѣзть невозможно, надрываютъ онѣ мнѣ сердце,—и плачу я съ закрытыми глазами, и никакъ я не въ состояніи понять, что это: живой ли человекъ стоитъ, или это мнѣ слышится протяжный и дикій вой взволнованнаго моря? И вотъ, онъ снова переходитъ въ то звѣриное бормотаніе,—и я просыпаюсь съ тоской и ужасомъ на душѣ“.

Мы остановились подробнѣе на этомъ разсказѣ, не столь общеизвѣстномъ, потому, что въ немъ элементъ необычайнаго проходитъ красною нитью почти на протяженіи всѣхъ 24 страницъ, занимаемыхъ имъ въ печатномъ изданіи. Въ самомъ дѣлѣ, что это такое? Какое мы предложимъ естественное объясненіе для этого сна и для всего, что за нимъ послѣдовало? Какъ бы ни былъ человѣкъ предрасположенъ къ нервной психопатіи, но вѣдь пережитое имъ событіе не было галлюцинаціей, обманомъ чувствъ; человѣкъ подозрѣвалъ какую-то тайну, чуялъ ее инстинктивно, но раскрытіе этой тайны явилось для него совершенною неожиданностью; съ чего же ему снился съ такою отчетливостью этотъ отецъ, котораго онъ никогда не видалъ, о существованіи котораго не имѣлъ понятія? Онъ никогда не бывалъ ни на той улицѣ, ни еще могъ бы въ томъ домѣ, которые ему являются въ сновидѣніи,—и оказывается, что и улица, и домъ существуютъ въ дѣйствительности, и какой-то необъяснимый инстинктъ приводитъ его, вопреки волѣ и сознанію, именно туда, куда нужно. Что это за инстинктъ? Если не видѣть въ немъ слѣпого рока, то, повидимому, вся эта цѣпь предчувствій, ожиданій и необъяснимо странныхъ совпадений иллюстрируетъ представленіе о *ююльхъ крови*, представленіе болѣе поэтическое, чѣмъ научное, далекое отъ ясности. „Тайны человѣческой жизни велики“,—припомнимъ эти слова того же автора, приведенныя нѣсколько выше; и здѣсь мы имѣемъ передъ собою одну изъ такихъ тайнъ, которая, быть можетъ, когда-нибудь и перестанетъ быть тайною для человѣческаго знанія,—но это еще *можетъ быть*, а пока къ этому пророческому сну вполне приложимы слова Гамлета, и вмѣсто всякихъ объясненій и предположеній по его поводу мы можемъ только сказать „не знаю“.

XI.

Этимъ же самымъ отвѣтомъ, какъ единственно возможнымъ, приходится довольствоваться не одинъ разъ еще по отношенію къ произведеніямъ Тургенева, затрогивающимъ область неразгаданныхъ явленій. Правда, *неразгаданными* или тѣмъ болѣе необъяснимыми послѣднія представляются не въ одинаковой степени: иногда объясненіе, хотя бы гипотетическое, имѣется на лицо или какъ бы подсказывается, не будучи выговорено прямо. Мы уже видѣли, какимъ, *повидимому*, простымъ сдѣленіемъ обстоятельствъ объясняется ходъ дѣла въ разсказѣ *Стукъ!.. Стукъ!.. Стукъ!..*—п какъ, несмотря на это, мы все-

таки остаемся въ нѣкоторомъ недоумѣніи по прочтеніи этой „студіи“. Нѣсколько иначе разъясняется *Странная исторія* (1869), точнѣе говоря, то, что въ этой исторіи съ такимъ многообѣщающимъ, заманивающимъ любопытство заглавіемъ представляется не просто страннымъ, но сверхъестественнымъ, — способность юродивца-эпилептика Василия Никитича вызывать видѣнія, „показывать мертвыхъ“, задуманныхъ человѣкомъ, котораго онъ фиксируетъ своимъ взглядомъ во время безмолвнаго сеанса, совершенно не зная ни самого посѣтителя, ни того, о комъ послѣдній думаетъ, даже не спрашивая, кого именно тотъ бы желалъ увидѣть. Здѣсь для объясненія загадочнаго факта выдвигается научная гипотеза: магнетизмъ, „метастазы“ (т. е. перестановленія ощущеній); однако, все же признается, что—„сила, способная производить такія дѣйствія, все-таки оставалась чьимъ-то удивительнымъ и таинственнымъ“... И рассказчикъ, подыскивая рационалистическія объясненія этимъ „страннымъ“ явленіямъ, сознается въ концѣ концовъ, что его объясненія представлялись „нѣсколько сбивчивыми“. Оно и не удивительно, разъ въ такія объясненія пускается профанъ, не-специалистъ по части магнетизма, теоріи внушеній и самовнушеній, угадыванія мыслей и т. д., приведшей къ такимъ изумительнымъ фактамъ, о которыхъ еще и не подозрѣвали въ то время, когда Тургеневъ писалъ свою *Странную исторію*.

До какой именно степени точная наука въ силахъ разъяснить явленія, описанныя въ „Странной исторіи“ (а также въ рассказѣ „собака“, къ которому мы еще будемъ имѣть случай вернуться), это вопросъ, подлежащій вѣдѣнію людей компетентныхъ: сила, которой „нельзя было не признать“ въ юродивомъ эпилептикѣ, все-таки представляется удивительною, по всей вѣроятности, и для автора повѣсти, и слово „магнетизмъ“ еще не заключаетъ въ себѣ ключа къ рѣшенію загадки. Какъ бы мы ни объяснили *Странную исторію*, она является характернымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о тяготѣнн Тургенева къ области мало изслѣдованныхъ и трудно постижимыхъ явленій психологическаго или психо-физиологическаго свойства.

XII.

Къ той же области относится и *Рассказъ отца Алексѣя* (1877), въ которомъ мы, повидимому, имѣемъ дѣло съ личностью галлюцинирующаго психопата и можемъ до нѣкоторой степени уяснить себѣ ту почву, на которой развилось въ данномъ случаѣ тихое помѣшатель-

ство, принимающее по временамъ острый характеръ. Мальчикъ, потомъ юноша, о которомъ идетъ рѣчь, образецъ кротости и благоправія, „иногда задумывался не по лѣтамъ и здоровьемъ былъ слабенецъ“; усиленная работа мысли при недостаточной физической крѣпости, умственное развитіе, опередившее ростъ организма, отсутствіе дѣтской рѣзвости, исключительное пристрастіе къ чтенію („все съ книжкой сидитъ да читаетъ“),—таковы факты, указывающіе на распадъ нарушеніе нормальнаго равновѣсія между душевною и тѣлесною жизнью человѣка, нарушеніе, которое заставляетъ насъ съ самаго начала опасаться, что въ результатъ его произойдетъ нѣчто еще болѣе ненормальное, доказывающее на примѣрѣ, какъ органически связаны между собою *mens sana* и *corpus sanum*. Уже десяти лѣтъ отъ роду сынъ отца Алексѣя встрѣчаетъ въ лѣсу „нѣкоего зеленого старичка“ съ горбиною, который „все пожками сѣменитъ и посмѣивается,—и весь, какъ листъ, зеленый,—и лицо, и волосы, и самые даже глаза“. За этимъ первымъ проявленіемъ галлюцинацій слѣдуетъ однако довольно долгій промежутокъ, годы ученія въ семинаріи; юноша отличается по прежнему благоправіемъ, радуется родителей своими успѣхами,—„только все тѣломъ худенецъ, и въ лицѣ настоящей краски нѣтъ“. На девятнадцатомъ году онъ неожиданно заявляетъ отцу, что его сердце не лежитъ къ духовному званію: „ужасаюсь я отвѣтственности, боюсь грѣха: *сomnia in me vix resurrexerunt*“... Не отваживаясь на рѣшительный шагъ безъ родительскаго благословенія, тихій, скромный юноша, воспитанный въ правилахъ благочестія въ домѣ отца-священника, проситъ разрѣшить ему „идти по свѣтскому“. Религіозныя сомнѣнія, подпавшіяся въ душѣ несчастнаго героя этого печальнаго разсказа, конечно, должны быть приняты во вниманіе, какъ новый фактъ, оказывающій роковое вліяніе на дальнѣйшій ходъ его внутренней жизни: человѣкъ „боняетъ самого себя“, „ибо много размышлять началъ“. Подобный душевный кризисъ особенно тяжелъ для натуры меланхолически-сосредоточенной, ушедшей въ себя, всего же болѣе для человѣка, съ дѣтскихъ лѣтъ сроднившагося съ вѣрою. Борьба новыхъ воззрѣній и понятій съ унаслѣдованною святынею сердца оказывается не подъ силу нервному субъекту, въ которомъ уже много раньше сказались задатки будущаго психическаго расстройства: галлюцинаціи возобновляются, становятся хроническими, постоянными и приобрѣтаютъ мрачно-опредѣленный характеръ. Юный психопатъ, находящійся въ состояніи полнаго душевнаго раздвоенія, неотступно видитъ передъ собою „того, что къ ночи называть неудобно“; ни молитва, ни ладонь,

ни святая вода не въ силахъ выжить неизмѣннаго гостя, и этотъ призракъ, доводящій одержимаго имъ до безумнаго ужаса, до бѣшенства съ пѣною у рта, до мысли о самоубійствѣ,—въ концѣ концовъ, приводитъ его послѣ краткаго періода просвѣтлѣнія къ ужасной развязкѣ, самая форма которой,—страшная хула, совершенная несчастнымъ подъ вліяніемъ его обычнаго „навожденія“,—ясно указываетъ на связь послѣдняго съ овладѣвшими человѣкомъ сомнѣніями. Галлюцинація на этотъ разъ достигла крайняго развитія, такъ какъ къ иллюзіи зрительной присоединилась,—чего раньше не было,—и слуховая въ формѣ ясно слышимыхъ, шепотомъ произносимыхъ словъ искушенія.

Во всемъ этомъ *рассказъ*, строго говоря, нѣтъ ничего сверхъестественнаго, фантастическаго, даже меньше неразгаданнаго и трудно объяснимаго, чѣмъ въ *Странной исторіи*; однако есть въ немъ одна небольшая, но любопытная подробность, приводящая въ нѣкоторое недоумѣніе. Десятилѣтній Яковъ не только видѣлъ въ лѣсу загадочнаго зеленаго старичка, но послѣдній, по его словамъ, много съ нимъ разговаривалъ (мальчикъ пронадылъ почти цѣлое утро) и далъ ему вкусныхъ орѣшковъ; въ удостовѣреніе своихъ словъ онъ показываетъ отцу и матери оставшіяся у него въ карманѣ орѣхъ, о которомъ мы узнаемъ слѣдующее: „ядрышко небольшое, въ родѣ капиталчика, словно шероховатое; на наши обыкновенные орѣхи непохоже. Я его спрятавъ, хотѣлъ было доктору показать... да запропастилось оно... не нашель потомъ“. Такъ мы и остаемся въ невѣдѣніи относительно того, что это былъ за необыкновенный орѣхъ, и куда онъ, будучи нарочно спрятанъ, исчезъ, и откуда его получилъ Яковъ,—а въ результатѣ получается опять впечатлѣніе чего-то недосказаннаго, какъ будто косящій намекъ на то, что въ видѣніи мальчика было что-то реальное, а не одна галлюцинація; сущность явленія остается загадкою, а у насъ въ рукахъ вещественное доказательство чего-то... Эта эпизодическая черта сближаетъ *Рассказъ отца Алексѣя* съ *Кларою Милитчъ*, гдѣ мы находимъ точно такой же загадочный приемъ.

XIII.

Полную противоположность меланхоликамъ, мечтателямъ-сновидцамъ, эпилептикамъ и визионерамъ, съ которыми мы имѣли дѣло въ разобранныхъ случаяхъ, представляетъ собою рассказчикъ Тургеневской повѣсти *Собака* (1866), Порфирій Капитонычъ, отставной гусарь и небогатый калужскій помѣщикъ,—самый заурядный смертный, жизне-

радостный сангвиникъ и далекій отъ всякихъ поэтическихъ мечтаній и философскихъ туманностей реалистъ. И какъ разъ съ этимъ представителемъ трезвой житейской прозы произошло „нѣчто сверхъестественное“, „несообразное съ законами природы“, по выраженію одного изъ слушателей его разсказа,—не навожденіе, какъ онъ самъ склоненъ былъ думать по ходу дѣла, а предостереженіе: собака, купленная имъ по наставленію мѣщанина Прохорыча, два раза спасла ему жизнь... Въ реальности разсказаннаго событія не можетъ быть никакихъ сомнѣній: самъ разсказчикъ подчеркиваетъ, что въ ночь, когда у него подъ кроватью впервые завозилась и заскребла невидимая собака, онъ, хотя вернулся домой поздно послѣ игры въ карты у сосѣда, былъ однако „ни въ одномъ, какъ говорится глазъ“; затѣмъ, одно и то же непонятное явленіе повторялось каждую ночь въ теченіе шести недѣль; возню собаки слышалъ не только самъ герой разсказа, но и его слуга, и оставшійся у него почевать сосѣдъ, и, наконецъ, старичекъ-раскольникъ, на постояломъ дворѣ у котораго остановился Порфирій Канитонычъ въ городѣ, отлучившись на время изъ дома въ надеждѣ, что перемѣна мѣста поможетъ ему избавиться отъ навожденія. За то, какъ только указаніе исполнено, собака пріобрѣтена,—всякія видѣнія прекращаются тотчасъ же сами собою, и собака, дѣйствительно, оказывается „на потребу“, какъ предсказалъ Прохорычъ. Прибавимъ къ этому всему *совпаденіе*, какихъ мы видѣли уже не одно: разсказчику не приходится даже искать нужную ему собаку; чуть онъ вышелъ на базаръ,—ему сейчасъ же идетъ на встрѣчу челоувѣкъ съ лягавымъ щенкомъ подъ мышкой,—перстъ судьбы очевиденъ! Что же все это значить? Одинъ изъ выслушавшихъ разсказъ Порфирія Канитоныча выразилъ было предположеніе, что онъ, „можетъ быть, очень праведной жизни,—такъ въ возмездіе...“, но не договорилъ, потому что „праведникъ“ чуть не расхохотался при такой неожиданной догадкѣ; скептически относящійся къ чудесамъ статскій совѣтникъ Антошъ Степанычъ въ заключеніе ставитъ тотъ же вопросъ, съ котораго начинается разсказъ: „Но, если допустить возможность сверхъестественнаго, возможность его вмѣшательства въ ежедневную, такъ сказать, жизнь,—то какую же роль послѣ этого долженъ играть здравый разумъ?“—„Никто изъ насъ ничего не нашелъ отвѣтить, и мы по прежнему пребывали въ недоумѣніи“. Этими словами заканчивается *Собака*, и читатель закрываетъ книгу съ такимъ же точно недоумѣніемъ и также не находитъ никакого отвѣта на вопросъ Антона Степаныча, кромѣ словъ Гамлета къ Горацію, ничего, конечно,

не объясняющихъ. Какую, въ самомъ дѣлѣ, гипотезу можно предложить въ данномъ случаѣ? Предчувствіе? Но, не говоря уже о томъ, что это слово само по себѣ проливаетъ свѣта на дѣло не болѣе, чѣмъ „магнетизмъ“ въ *Странной исторіи*,—ни изъ чего не видно, чтобы человѣкъ, дѣйствительно, предчувствовалъ что-либо, томился смутнымъ, неяснымъ сознаниемъ грозящей бѣды: за шесть недѣль онъ такъ привыкъ къ ночнымъ посѣщеніямъ „собаки“, что пересталъ ихъ бояться и спокойно гасилъ свѣчку и спалъ, не обращая ни на что вниманія и не ожидая ровно ничего. Наконецъ, при предположеніи предчувствія естественно было бы ожидать, что предостерегающія явленія будутъ доступны органамъ,—зрительнымъ или слуховымъ, какъ въ нашемъ случаѣ,—одного только предчувствующаго, предостерегаемаго субъекта, а не всѣхъ постороннихъ, находящихся въ одной съ нимъ комнатѣ. При такомъ условіи явленіе перестаетъ быть фактомъ исключительно психической жизни человѣка и приобретаетъ реальный, конкретный характеръ чего-то происходящаго не внутри, а внѣ сознающей личности. Очевидно, какая-то незримая сила желаетъ остеречь безпечнаго человѣка и ведетъ его своими путями къ спасенію, приводитъ его вслѣдствіе даннаго совѣта уѣхать куда-нибудь къ старику-расколнику, а послѣдній направляетъ его къ Прохорычу, который только одинъ и можетъ помочь въ такомъ случаѣ: онъ постигаетъ смыслъ явленія и даетъ наставленію, какъ поступать. Какую особенною силою обладаетъ этотъ истолкователь и, повидному, провидецъ, „нижущій глазами насквозь“ своего собесѣдника, для чего ему нужно знать имя и лѣта послѣдняго, а также кто были его родные, холостъ ли онъ, или женатъ, какую связь имѣютъ эти разпросы съ сущію дѣла,—на все это никакого опредѣленнаго отвѣта нѣтъ и не можетъ быть. Ясно только, что повѣсть *Собака* занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между произведеніями Тургенева, въ которыхъ авторъ вводитъ своихъ читателей въ область *невѣдомаго*; едва ли даже не слѣдуетъ признать ее наиболѣе характерною въ этомъ отношеніи, такъ какъ именно въ ней и, пожалуй, въ ней одной мы имѣемъ дѣло съ субъектомъ, надъ которымъ не тяготѣетъ ни болѣзненная наследственность, ни меланхолія, ни эпилепсія, ни какая бы то ни было вообще аномалія физическаго или психическаго свойства. Такимъ характеромъ героя и соответствующимъ ему тономъ самаго изложенія обуславливается при всей необычайности содержанія художественно-законченный реализмъ повѣсти.

XIV.

Иное впечатлѣніе оставляютъ въ читателѣ два произведенія Тургенева, которыя могутъ назваться поэмами, произведенія, отдѣленные одно отъ другого промежуткомъ почти въ два десятилѣтія, но родственныя по характеру: мы разумѣемъ *Призраки* (1863) и *Письмо торжествующей любви* (1881). Первое изъ этихъ произведеній самъ авторъ поименовалъ *фантазією* и снабдилъ эпиграфомъ изъ Фета: „Мигъ одинъ... и нѣтъ волшебной сказки,—и душа опять полна возможнымъ...“; второе представляетъ собою будто бы пересказъ старинной итальянской рукописи; дѣйствіе поэмы происходитъ въ Феррарѣ около половины XVI-го столѣтія, и при ней мы также находимъ выразительное motto изъ Шиллера: „Wage Du zu irren und zu träumen“! Этихъ указаній уже достаточно, чтобы понять отношеніе самого поэта къ этимъ продуктамъ его творчества, переносящимъ насъ въ волшебный міръ фантазій; въ виду этого странно было бы и искать въ нихъ реалистическаго изображенія дѣйствительности. И тѣмъ не менѣе, поэтъ-фантастъ и здѣсь, въ этихъ туманно-неясныхъ произведеніяхъ, остается художникомъ, умѣющимъ осязательно живо воссоздавать весь окружающій міръ. Въ особенности это относится къ *Призракамъ*: картины, напимѣръ, веселящагося среди лѣтней ночи, при свѣтѣ тысячъ огней императорскаго Парижа или Петербурга, какъ то печально спящаго въ „прозрачномъ сумракѣ“ своей бѣлой ночи, въ которой есть что-то больное, окрестностей Рима и острова на Лаго-Маджоре, парка около Мангейма и степей Поволжья (NB: никогда не виданныхъ въ дѣйствительности Тургеневымъ), — всѣ эти картины природы и человѣческой жизни, живописуемая съ высоты птичьяго полета, поражаютъ своею выпуклостью, являются торжествомъ описательнаго таланта нашего мастера наряду съ другими, не менѣе блестящими описаніями, которыми такъ богаты его творенія. Съ такимъ же поражающимъ реализмомъ воспроизведены сцены видѣній былыхъ временъ, вызываемыхъ однимъ завѣтнымъ словомъ, — появленія несокрушимыхъ римскихъ легионовъ и вольницы Стеньки Разина съ ея разгуломъ и звѣрствомъ... Но что же представляетъ собою центральная фигура этой фантазій, загадочная воздушная Элисъ? какой символическій смыслъ скрытъ въ этомъ чудномъ поэтическомъ образѣ? Мы можемъ вмѣстѣ съ самимъ „я“ *Призраковъ* поставить на

этотъ счетъ цѣлый рядъ вопросовъ, не получая на нихъ категорическаго отвѣта.

У читателя, можетъ быть, при бѣгломъ чтеніи даннаго произведенія Тургенева является догадка, въ силу которой Эллисъ есть не болѣе, какъ олицетвореніе поэтической фантазіи, способности, переносящей во всѣ концы міра, воскрешающей давно отжившія тѣни, не стѣсненной ни пространствомъ, ни временемъ, постигающей своего любимца-поэта по преимуществу въ таинственныя часы ночи и болшейся дневнаго свѣта и суетнаго шума. Такая догадка, конечно, имѣла бы нѣчто за себя; однако, этотъ образъ надѣленъ чертами, едва ли укладывающимися въ рамки указаннаго предположенія, и остается неяснымъ; Эллисъ подвластна силѣ смерти и найдетъ ея жертвою, обращается въ ничтожество; положимъ, смерть разрушаетъ произведенія искусства, природа не дѣлаетъ различія между божественнымъ ликомъ Фидіасовскаго Юпитера и простымъ голышемъ, не щадитъ драгоцѣннѣйшихъ строкъ Софокла, но можетъ ли умереть творческая фантазія, создающая эти божественныя лики и драгоцѣнныя строки, пока живетъ человѣчество? Она погибнетъ развѣ тогда, когда наступитъ вѣчная темнота, конецъ свѣта, когда земля навсегда замолкнетъ, обратится въ безжизненную громаду, какъ нарисовала себѣ эти перспективы фантазія нашего поэта. Совершенною загадкою остается между прочимъ то обстоятельство, что Эллисъ въ послѣднюю ночь не явилась сразу, такъ какъ ее „задержали“ и „караулили“,—кто,—разумѣется, неизвѣстно; непонятною тайною является „великая ночь“, въ которую „можно видѣть, что бываетъ закрыто въ другое время“, напримѣръ, Юлія Цезаря или Стеньку Разина, ночь, наступающая рѣдко,—„когда семь разъ тридцать“... далѣе слѣдуютъ нѣсколько словъ Эллисъ, которыхъ нельзя дослушать... Тутъ уже выступаетъ на сцену какая-то кабалистика, напоминающая тѣ магическія комбинаціи чиселъ, которыя такъ занимали голову фаталиста Тѣглева (*Стукъ!... стукъ!... стукъ!...*). Приходится вмѣстѣ съ самимъ авторомъ отказаться отъ всякихъ объясненій: передъ нами греза, фантазія, волшебная сказка,—и больше ничего; этими словами все сказано, и всякая отвѣтственность снята. Конечно; но читателю все же трудно отказаться отъ попытокъ найти ключъ къ загадкѣ, уловить осмысленные символы въ этой прелестной сказкѣ, безъ которыхъ она до извѣстной степени какъ бы иллюстрируетъ народное „не любо,—не слушай“... Припомнимъ также, что рассказчикъ этой фантазіи, разстроивъ себѣ нервы спиритическимъ столоверченіемъ, человѣкъ

больной, анемичный. Не безъ основанія, пожалуй, онъ боится даже прослать за сумасшедшаго; во всякомъ случаѣ медицинскихъ симптомовъ, указывающихъ на нервное разстройство, малокровіе и вообще надломленность организма, нѣтъ на лицо довольно. Хотѣлъ ли авторъ этимъ сказать, что всѣ столь сложныя, разнообразныя и поэтическія видѣнія были однимъ только бредомъ больного воображенія, фактомъ чисто патологическимъ, — не знаемъ.

Характерно въ *Призракахъ* энергическое выраженіе мысли о тщетѣ, непухности всего существующаго, мысли, проявившейся здѣсь впервые съ такою силою еще ранѣе, чѣмъ Тургеневъ создалъ *Довольно* и *Стихотворенія въ прозѣ*. Онъ настаиваетъ на положеніи, что *призрачна* вся жизнь, все, чѣмъ живетъ человѣчество, передъ лицомъ таинственнаго, *неизмѣтимаго и неизбѣжнаго*. Невольно припомнится *Дымъ* нашего автора, — дымъ, которому такъ картинно уподобляются всѣ проявленія, какъ личной, такъ и общественной жизни, — и снова передъ нами возстаетъ призракъ слѣпота рока, снова окрашивается цвѣтомъ своеобразнаго фатализма міросозерцанія Тургенева.

XV.

Письмъ торжествующей любви, какъ извѣстно, переноситъ насъ въ чуждую намъ обстановку, далекую по мѣсту, какъ и по времени; однако не этимъ обуславливается особый колоритъ этого поэтическаго произведенія. Центральнымъ пунктомъ всей поэмы являются чары и заклинанія, вывезенныя Муціемъ изъ его путешествій по далекимъ странамъ таинственнаго Востока. Повидному, въ натурѣ Муція уже съ самаго начала таились какіе-то загадочныя задатки, — и прекрасная, чистая Валерія недаромъ инстинктивно робѣла передъ этимъ смуглымъ, черноволосымъ красавцемъ, въ темно-карихъ глазахъ котораго, прикрытыхъ густыми бровями, „не было того веселаго блеска“, на губахъ — той привѣтливой улыбки, какъ у его друга Фабія; по возвращеніи на родину послѣ пятилѣтняго безвѣстнаго отсутствія выраженіе лица Муція стало сосредоточеннымъ, важнымъ, не оживляющимся даже во время разсказовъ о перенесенныхъ опасностяхъ. Во всѣхъ его пріемахъ, во всей повадкѣ проявляется „нѣчто чуждое и несбываемое“, какъ и въ его обстановкѣ: онъ показываетъ Фабію и Валеріи привезенныя имъ съ Востока рѣдкости, и между ними находится „множество предметовъ, самое употребленіе которыхъ казалось таинственнымъ и непонятнымъ; онъ даритъ Валеріи жемчужное оже-

релье, полученное имъ отъ персидскаго шаха „за нѣкоторую великую и тайную услугу“, и это ожерелье кажется Валеріи „тяжелымъ и одареннымъ какой-то странной теплотой... оно такъ и прильнуло къ кожѣ“; жемчужины этого, очевидно, волшебнаго ожерелья кажутся Фабію потускнѣвшими, когда онъ по желанію жены бросаетъ въ колодезь этотъ даръ своего друга—чародѣя... Муцій потчуетъ своихъ друзей пахучимъ и прянымъ ширазскимъ виномъ, *заочно* блестящимъ въ крошечныхъ яшмовыхъ чашечкахъ, и, наклонясь надъ чашей Валеріи, что-то шепчетъ и потрясаетъ пальцами; когда онъ, спустя два дня, вновь предлагаетъ жонѣ своего друга выпить того же вина, — въ отвѣтъ на ея отказъ онъ произноситъ, словно про себя: „теперь уже не нужно“,—волхвованіе, значить, достигло своей цѣли... Онъ показываетъ усвоенные имъ индійскіе фокусы, навлекая на себя подозрѣніе своихъ гостепримныхъ хозяевъ въ чернозубіи, внушая имъ недоувѣрчивость и робость, странное, непонятное имъ самимъ смущеніе; отъ его одежды, волосъ, даже дыханія отдаетъ какимъ-то прянымъ запахомъ,—вообще Фабіи не узнаетъ прежняго товарища въ этомъ таинственномъ человѣкѣ съ его „магическими приемами“. Усиленію впечатлѣнія содѣйствуетъ странный слуга Муція, нѣмой — съ вырѣзаннымъ языкомъ — малаецъ съ непріятно-внимательнымъ и понятливымъ взглядомъ, хорошо понимающій чуждый для него итальянскій языкъ (который усвоилъ, можно думать, отъ своего господина, если не предполагать чего-нибудь болѣе чрезвычайнаго?): „Муцій говорилъ о немъ, что, поплатившись языкомъ, этотъ малаецъ принесъ великую жертву и за то обладаетъ теперь великою силой. — Какою силою? и какъ онъ могъ приобрести ее цѣною языка? Все это очень странно! очень непонятно!“ Такъ теряется въ догадкахъ Фабіи, а съ нимъ вмѣстѣ и читатель,—и сущность этой великой силы не становится яснѣе, когда и тотъ, и другой узнаетъ, въ чемъ именно она заключается, — когда малаецъ при помощи вѣтви какого-то невѣдомаго растенія, волхвованій надъ змѣями и чашками съ темною жидкостью, издающей запахъ мускуса, беззвучныхъ заклинаній и непонятныхъ усиленныхъ движеній и жестикуляцій воскрешаетъ Муція, повидимому, смертельно раненаго кинжаломъ своего друга, какъ бы гальванизируетъ трупъ или, по крайней мѣрѣ, возвращаетъ жизненную силу полумертвому человѣку.

И въ этой легендарной исторіи, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ, столь же или менѣе фантастическихъ, немалую роль играютъ *необычайные сты*, одинаковаго содержанія и одновременно сияющіеся Вале-

рін и Муцію послѣ чарующихъ звуковъ „пѣсни торжествующей любви“, сыгранной послѣднимъ на своеобразной индійской скрипкѣ, обтянутой въ верхней части змѣиною кожею. При этомъ не подвержено сомнѣнію, что сновидѣніе Валеріи явилось результатомъ чаръ Муція и заранѣе извѣстно послѣднему: не даромъ онъ, рассказывая свой собственный сонъ, не спускаетъ глазъ съ Валеріи и затѣмъ „знаменательно“ умолкаетъ. Труднѣе сказать утвердительно, точно ли онъ самъ видѣлъ такой же сонъ; но, какъ бы то ни было, происшествія двухъ послѣдующихъ ночей показываютъ намъ, что дѣло не ограничивается одними снами, какъ продолжаетъ казаться Валеріи, и что Муцій, сыгравшій передъ нею въ первый разъ свою чудодѣйственную пѣснь съ цѣлю подчинить себѣ ея чувство и волю, затѣмъ каждый разъ играетъ ее *post factum*, когда ея названіе уже оправдано на дѣлѣ, когда любовь удовлетворена и торжествуетъ. Есть полное основаніе предполагать, что и недосказанныя авторомъ видѣнія первой ночи были такимъ же сномъ на-яву, что Валерія въ состояніи безсознательнаго сомнамбулизма такъ же покинула свой покой и стремилась въ объятія Муція, какъ это, очевидно, было во вторую ночь, и какъ въ этомъ убѣдился собственными глазами Фабій въ третью ночь. Въ такомъ же лунатическомъ состояніи мы въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ застаемъ и Муцію, бормочущаго нараслѣвъ, какъ бы въ забытѣи, несвязныя слова, не отдающаго себѣ отчета въ томъ, выходитъ ли онъ въ садъ, гдѣ онъ, несомнѣнно, только что передъ тѣмъ былъ, идущаго съ неподвижнымъ лицомъ, съ протянутыми впередъ руками и безжизненно раскрытыми глазами, не видящими подбѣгающаго Фабія. Подозрѣвать во всемъ этомъ притворство нѣтъ основанія, и въ виду этого мы можемъ повѣрить на слово Муцію, рассказывающему о видѣнномъ имъ снѣ. Значитъ, сила обаянія оказывается взаимною: гипнотизируя при помощи „магическихъ приемовъ“, одуряющаго вина и страстной мелодіи Валерію, Муцій испытываетъ и на себѣ самомъ дѣйствіе соотвѣтствующаго гипноза. Насколько подобное явленіе объяснимо, — предоставляемъ рѣшать людямъ свѣдущимъ; но стоитъ отмѣтить, что и Фабій, играющій въ происходящей драмѣ роль третьяго лица, ощущаетъ „магію“ своего друга: въ послѣднюю ночь онъ не спитъ, — и вдругъ „вмѣстѣ“ съ лучами луны сквозь полупрозрачныя стекла оконъ со стороны навильона, — или это *почудилось* Фабію? — стало вливаться луновеніе, подобное легкой, пахучей струѣ“... Затѣмъ слышится назойливое, страстное шептаніе, и въ тотъ же мигъ спящая Валерія

начинаетъ слабо шевелиться и поднимается со своего ложа. Что это? обманъ чувствъ Фабія? Но мы видимъ эффектъ, производимый этимъ кажущимся обманомъ. Или это реальный шепотъ приближающагося Муція и тотъ особый ароматъ, который его сопровождаетъ? Но Муцій, повидимому, былъ еще далеко въ эту минуту, и едва ли его шепотъ могъ бы быть слышенъ при закрытыхъ дверяхъ и окнахъ, даже если бы было доказано, что онъ двигался по дорожкѣ сада не безмолвно, въ чемъ позволительно сомнѣваться. Приходится думать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ гипнотизмомъ особаго рода, и что Фабій, обозвавшій Муція „проклятымъ колдуномъ“, былъ не совсѣмъ далеко отъ истины.

Едва ли нужно доказывать, что въ основѣ этого фантастическаго произведенія не лежитъ идея сродства дунгъ, предустановленной принадлежности двухъ разъединенныхъ индивидуумовъ другъ другу: такое толкованіе опровергается всѣмъ ходомъ разсказа. За то ясно другое: всепобѣждающая сила страсти и могущество звуковъ, являющихся выраженіемъ человѣческой души, звуковъ, въ которыхъ изливается счастливая любовь, — *Macht des Gesanges*, — такова тема, послужившая поэту канвою для его причудливыхъ узоровъ. Овлаждающая человѣкомъ страсть, лишаящая его воли и сознанія, представлена въ видѣ какого-то сверхъестественнаго навожденія, — мотивъ, знакомый намъ и по другимъ произведеніямъ Тургенева. Вспомнимъ Ирину (въ *Дымѣ*), на которую внезапно „налетѣла любовь, словно грозовая туча“; вспомнимъ tête-à-tête Джеммы и Санина (въ *Вешнихъ Водахъ*) въ ночь передъ дуэлью послѣдняго, когда произошло „нѣчто необыкновенное“, — „внезапно, среди глубокой тишины, при совершенно безоблачномъ небѣ, налетѣлъ такой порывъ вѣтра, что сама земля, казалось, затрепетала подъ ногами, тонкій звѣздный свѣтъ заложалъ и заструился, самый воздухъ завертѣлся клубомъ“, — и Санинъ „подъ ударомъ того лѣтняго мгновеннаго вихря“ почти такъ же мгновенно почувствовалъ, что любить Джемму: „мгновенно, какъ тотъ вихрь, налетѣла на него любовь“... Вспомнимъ далѣе, въ томъ же романѣ Марью Николаевну Полозову, спрашивающую Санина, вѣрить ли онъ въ *присуху*, о которой поется въ русскихъ пѣсняхъ, и его отвѣтъ: „Присуха... колдовство... Все на свѣтѣ возможно. Прежде я не вѣрилъ, а теперь вѣрю. Я себя не узнаю“... И авторъ завѣряетъ, что недаромъ Санинъ сказалъ это про себя: „все въ немъ было перепутано; нервы натянулись, какъ струны... Онъ, дѣйствительно, былъ околдованъ. Все существо его было полно однимъ...

однимъ помыслѣмъ, однимъ желаньемъ“... Онъ „послушно и покорно“ слѣдуетъ за своею Цирцею, „безъ искры воли въ замиравшемъ сердцѣ“, обращается въ жалкаго раба, въ вещь—и потомъ, много лѣтъ спустя, когда навожденіе уже прошло, „не въ силахъ понять, какъ могъ онъ покинуть Джемму, столь нѣжно и страстно имъ любимую, для женщины, которой онъ и не любилъ вовсе?“... Многое еще можетъ припомниться по поводу *Пѣсни торжествующей любви*, — хотя бы *Крейцерова соната* или былина А. К. Толстого объ Алешѣ Поповичѣ съ его чудною пѣснью, передъ звуками которой падаютъ всѣ преграды, которая побѣждаетъ сердце, принадлежащее другому, и *заставляетъ* любить пѣвца.

„Рукопись“, изъ которой Тургеневъ будто бы заимствовалъ свою повѣсть, обрывается, какъ извѣстно, почти на полусловѣ и даетъ намъ понять, что любовныя чары увѣнчались полнымъ торжествомъ: „Валерія сидѣла передъ органомъ, и пальцы ея бродили по клавишамъ... *Внезапно, помимо ея воли*, подъ ея руками зазвучала та пѣснь торжествующей любви, которую нѣкогда игралъ Муцій, — и *въ тотъ же мигъ*, въ первый разъ послѣ ея брака, она почувствовала внутри себя трепеть новой, зарождающейся жизни... Валерія вздрогнула, остановилась... Что это значило? Неужели же“... Договаривать едва ли нужно: знаменательное совпаденіе достаточно говорить за себя. Какой бы непонятный инстинктъ ни внушилъ Валеріи мелодію этой пѣсни, которую она только слышала, — повидимому, Муцій, таинственно исчезнувшій, точно провалившійся сквозь землю, восторжествовалъ вполне, и мимолетное навожденіе успѣло принести свой плодъ.

XVI.

Теперь мы подошли къ тѣмъ двумъ произведеніямъ Тургенева, съ указанія на которыя мы начали нашъ очеркъ, и которыя такъ выразительно характеризуютъ его поэтически-философское міровоззрѣніе въ болѣе раннюю и въ позднѣйшую эпоху его творчества, — къ *Фаусту* и къ *Кларѣ Милличъ*. Помимо элемента *невыдогомаго*, присущаго обоямъ романамъ наравнѣ съ другими, уже разсмотрѣнными произведеніями ихъ автора, нетрудно указать еще нѣкоторыя болѣе спеціальныя черты, роднящія между собою *Фауста* и *Клару*: такую чертою представляется прежде всего проведенная и тамъ, и здѣсь идея *наслѣдственности*, дающая, повидимому, болѣе или менѣ проч-

ную, положительную подкладку совершающемуся дѣйствию. Начнемъ съ перваго изъ названныхъ произведеній.

Изъ цитаты, приведенной нами въ самомъ началѣ, мы уже видѣли, что авторъ задается вопросомъ о сѣменахъ, оставляемыхъ каждымъ живущимъ на землѣ и всходящихъ лишь послѣ его смерти, о таинственной цѣпи, связующей судьбу человѣка съ судьбою его дѣтей и дальнѣйшаго потомства. Въ данномъ случаѣ было вполне естественно задаться такимъ вопросомъ, такъ какъ генеалогія героини „романа въ письмахъ“, Вѣры Николаевны, не принадлежитъ къ числу обыденныхъ. Ея дѣдъ по матери послѣ перенесенной имъ тяжелой жизненной бури заперся у себя въ кабинетъ, „занимался химіей, анатоміей, кабалистикой, хотѣлъ продлить жизнь человѣческую, вообразилъ, что можно вступать въ сношенія съ духами, вызывать умершихъ“, и считался между сосѣдами за колдуна. Онъ женился въ Италиі на простой крестьянкѣ, похищенной имъ у жениха — трансверинца: послѣдній затѣмъ убилъ ее на другой день послѣ появленія на свѣтъ ея дочери, — матери Вѣры. Отецъ самъ „училъ всему“ свою дочь, изъ которой вышла „женщина необыкновенная“, говорившая на нѣсколькихъ языкахъ, много знавшая, настойчивая и сосредоточенная, съ большимъ характеромъ и съ большими странностями; по любви она позволила человѣку, семью или восемью годами моложе ея, увезти себя изъ родительскаго дома и стала его женою, но рано потеряла мужа, нечаянно застрѣленного на охотѣ товарищемъ, и едва перенесла эту потерю. Безвременно погибшій Ельцовъ, отецъ Вѣры, въ свою очередь, слылъ человѣкомъ „замѣчательнымъ“, хотя про него лично мы узнаемъ только, что онъ быстро достигъ полковничьяго чина и пошелъ бы еще далѣе, если бы не указанный несчастный случай. Станный отецъ г-жи Ельцовой, чрезвычайно ее любившій, не простилъ ей однако ея побѣга, не пустилъ къ себѣ на глаза ни ее, ни ея мужа, *предсказилъ имъ обоимъ жизнь печальную* и умеръ одинъ. Предсказаніе стараго „колдуна“ исполнилось въ точности, по крайней мѣрѣ, относительно дочери, такъ печально овдовѣвшей... Какъ ее всему училъ и воспитывалъ отецъ, такъ и она всецѣло посвятила себя воспитанію своей дочери и вела это воспитаніе по особенной системѣ, въ силу которой Вѣра даже по смерти матери, будучи женою и матерью сама, вплоть до новой встрѣчи со своимъ прежнимъ знакомымъ, прочитавшимъ ей „Фауста“ и открывшимъ для нея невѣдомый міръ изящной литературы, не прочитала ни одного „выдуманнаго“ сочиненія, будучи въ

то же время весьма начитана и свѣдуща въ наукахъ. Авторитетъ матери былъ такъ силенъ, что Вѣра даже и не пыталась выйти за черту отведенной ей сферы, пока другой не вывелъ ее и не привелъ этимъ къ гибели: *idée fixe* г-жи Ельцовой, какъ огня, боявшейся всего, что можетъ дѣйствовать на воображеніе, оправдывается самымъ жестокимъ образомъ... Вѣра, по ея собственнымъ словамъ, чѣмъ больше живеть, тѣмъ больше убѣждается, что все, что дѣлала и говорила ея мать, была святая правда; эта правда сводится къ невозможности соединенія полезнаго съ пріятнымъ, къ необходимости рѣшительнаго выбора между тѣмъ и другимъ. „*Или полезное, или пріятное*“, — таковъ лозунгъ этой суровой философіи, проникнутой безотраднымъ сознаниемъ несовмѣстности началъ, изъ которыхъ, по общему мнѣнію, слагается счастье человѣческой жизни: „*entbehren sollst du, sollst entbehren*“, — эти извѣстныя слова мы читаемъ въ эпитафію къ *Фаусту*, и въ нихъ ключъ къ идеѣ этого произведенія. Мать Вѣры „бонется жизни“, бонется „тѣхъ тайныхъ силъ, на которыхъ построена жизнь, и которыя изрѣдка, но внезапно пробиваются наружу“. „Горе тому, надъ кѣмъ онѣ разыграются! Страшно сказались эти силы Ельцовой: вспомни смерть ея матери, ея мужа, ея отца... Ей хотѣлось „застраховать“ свою дочь, которая любила сидѣть подъ ея портретомъ, „словно птенчикъ подъ крыломъ матери“, и никогда не желала бы выйти изъ подъ ея крыла; это не сбылось,—и тогда мать, ревниво оберегавшая свою дочь, при первомъ неосторожномъ шагѣ послѣдней унесла ее съ собою въ могилу...

Какъ же именно сказалась наследственность на обѣихъ, на матери и на дочери? Герой романа, Павелъ Александровичъ Б..., замѣчаетъ по поводу побѣга Ельцовой изъ отцовскаго дома: „видно не даромъ она родилась отъ итальянки“; та же итальянская кровь течетъ и въ жилахъ Вѣры, повидимому, такой ясной, чистой и спокойной, умѣющей „молчать до послѣдней минуты“; мать, лучше всѣхъ ее знавшая и понимавшая, сказала ей однажды: „ты — какъ ледъ: пока не растаешь, крѣпка, какъ камень; а растаешь, и слѣда отъ тебя не останется“. Подъ ледяной корою горитъ скрытый огонь. — Вѣра показываетъ П. Б. портретъ своей бабушки — итальянки, съ лицомъ „сладолюбивымъ, раскрытымъ, какъ расцвѣтшая роза и т. д.“, и, хотя, повидимому, нѣтъ ничего общаго между этимъ портретомъ и обликомъ Вѣры, какъ онъ изображенъ въ романѣ, рассказчикъ замѣчаетъ: „И, что всего удивительнѣе: глядя на этотъ пор-

треть, я вспомнилъ, что у Вѣры, несмотря на совершенное несходство очертаній, мелькаетъ иногда что-то похожее на эту улыбку, на этотъ взглядъ... Да, повторяю: ни она сама, ни другой кто на свѣтъ не знаетъ еще всего, что таится въ ней"... Когда эта замкнутая на видъ, сдержанная натура загорѣлась огнемъ страсти, она съ увлеченіемъ клянется придти на мѣсто свиданія, кто бы ее ни останавливалъ; глаза ея блестятъ, и она, очевидно, способна была бы проявить энергію своей матери, если бы послѣдняя сверхъестественнымъ образомъ не остановила ея... Еще при первомъ знакомствѣ П. Б. показалось, что онъ подмѣтилъ въ самой глубинѣ свѣтлыхъ глазъ Вѣры что-то *странное*, какую-то нѣгу и нѣжность...

Но это наслѣдственность только съ одной стороны: съ нею переплетается другая, переходящая отъ дѣда, „таинственнаго“ Лада нова, также, надо полагать, черезъ посредство матери: портретъ этого дѣда „поражаетъ“ сходствомъ съ послѣдней, — только черты у него кажутся еще строже, заостреннѣе и рѣзче, а въ глазахъ просвѣчиваетъ какое-то угрюмое упрямство, несомнѣнно нашедшее свое отраженіе въ непреклонной „систематичности“ его дочери. У Вѣры была „странная привычка“, — думать вслухъ, — черта, надо полагать, весьма знаменательная съ точки зрѣнія знатока психическихъ ненормальностей. Передъ свадьбой Вѣры Ельцова разказала ей, вѣроятно, съ поучительною цѣлью, какъ догадывается П. Б., всю свою жизнь, смерть своей матери и т. д., и на Вѣру *особенно подѣйствовало* то, что она услышала о дѣдѣ, влѣдствіе чего и возникнетъ вопросъ: *не отъ этого ли* она вѣритъ въ привидѣнія? На тему о послѣднихъ между нею, ея мужемъ и авторомъ писемъ былъ „престранный разговоръ“, выяснившій, что она не только въ нихъ вѣритъ, но, по ея словамъ, имѣетъ на то свои причины; мужъ, сидѣвшій тутъ же, опустилъ глаза и покачалъ головою, какъ бы подтверждая ея слова. Послѣ преступнаго поцѣлуя любви Вѣра съ ужасомъ увидѣла свою мать, и то же видѣніе повторилось на другой день, когда она, какъ бы наперекоръ судьбѣ, вышла въ садъ, къ назначенному ей самою мѣсту свиданія: ей показалось, что покойница мать идетъ къ ней навстрѣчу съ раскрытыми руками, и мужъ, успокаивая себя тѣмъ, что, „конечно, это вздоръ“, тѣмъ не менѣе, долженъ сознаться, что съ его женой „въ этомъ родѣ случались необыкновенныя вещи“, — значитъ, привидѣнія являлись ей и раньше. Наслѣдственность отъ дѣда-алхимика черезъ посредство матери съ ея „суевѣрною“ боязнью „тайныхъ силъ“ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію; но, какъ въ другихъ случаяхъ,

такъ и въ этомъ у Тургенева элементъ научно-естественный сливается съ необъяснимымъ, невѣдомымъ, передъ которымъ остается преклонить голову. Мы можемъ не вѣрить въ дѣйствительность видѣній Вѣры, объяснять ихъ просто, но не можемъ не усмотрѣть въ нихъ чего-то знаменательнаго, являющагося именно въ тѣ моменты, когда это явленіе получаетъ особый, глубокий смыслъ: мать ревниво оберегаетъ свою дочь и хочетъ или уберечь ее отъ бѣды, или унести съ собою: своеобразная любовь матери *переживаетъ смерть*. Героиня романа, прочитавшій Вѣрѣ „Фауста“ и самъ неожиданно для себя разыгравшій по отношенію къ ней роль Фауста и Мефистофеля разаръ (недаромъ она въ предсмертномъ бреду, глядя на него, повторила слова помѣшанной Гретхенъ при видѣ злого демона), не знаетъ и „никогда не будетъ знать“, какъ все это случилось, „какъ растолковать это непонятное вмѣшательство мертваго въ дѣла живыхъ“; но онъ заявляетъ въ послѣднемъ письмѣ къ своему другу: „Я стать не тотъ, какимъ ты зналъ меня: я *многому вѣрю теперь, чему не вѣрилъ прежде*“... Онъ много думалъ о несчастной Вѣрѣ, объ ея происхожденіи, о „тайной игрѣ судьбы, которую мы, слѣпые, величаемъ слѣпымъ случаемъ“.

Эта небольшая цитата, на нашъ взглядъ, ярче всего иллюстрируетъ отмѣченное нами характерное для Тургенева совмѣщеніе двухъ различныхъ элементовъ: съ одной стороны, происхожденіе, унаслѣдованныя черты духовнаго склада, съ другой, — *тайныя* силы, управляющія жизнью, *тайная* игра судьбы, — одно почти незамѣтнымъ образомъ переходитъ въ другое. И гдѣ, какъ не здѣсь, мы могли бы съ большимъ основаніемъ припомнить уже приведенныя нами выше слова Валленштейна у Шиллера, отрицающія существованіе простого или слѣпнаго случая? Судьба, невѣдомое, — вотъ выводъ изъ всего разсказа, завершающагося вопросомъ: „Кто знаетъ?“...

XVII.

Прибавимъ къ сказанному, что въ *Фаустѣ* замѣтную роль играетъ знакомое намъ въ произведеніяхъ Тургенева *предчувствіе*. Еще въ первомъ письмѣ, до встрѣчи съ Вѣрою, П. Б. заявляетъ своему „другу Горацио“ слѣдующее: „А все-таки мнѣ кажется, что, несмотря на весь мой жизненный опытъ, есть еще что-то такое на свѣтѣ, чего я не испыталъ, и это «что-то» — чуть ли не самое важное“. У Вѣры еще въ прежнее время было инстинктивное предчувствіе по отноше-

нію къ нему (какъ у Валеріи къ Муціо): однажды, поглядѣвъ на него внимательно, она по своему обыкновенію „подумала вслухъ“: „Мнѣ сдается, что Б. хорошій человѣкъ; но *положиться на него нельзя*“.

Далѣе: какъ только рассказчикъ вошелъ въ гостинную Вѣры, ему бросился въ глаза висѣвшій надъ диваномъ портретъ „странной женщины“, г-жи Ельцовой, и ему показалось, что она строго и внимательно смотритъ на него; когда онъ послѣ чтенія „Фауста“ остановился передъ этимъ портретомъ съ тайнымъ чувствомъ насмѣшливаго торжества, какъ бы спрашивалъ: „Что взяла?“—ему вдругъ почудилось, что старуха съ *укоризной* обратила на него глаза... Къ предстоящему чтенію Вѣра относится съ болзливимъ предчувствіемъ, — *тихонько вздыхаетъ*, когда П. Б. обѣщаетъ принести ей книгу, и *не безъ робости* спрашиваетъ, не будетъ ли это Жоржъ-Зандъ; послѣ чтенія при видѣ впечатлѣнія, произведеннаго „Фаустомъ“ на быстро скрывающуюся Вѣру, тещъ чувствуетъ, что *тайное недоумѣніе* тяготитъ его душу, и ему кажется, что звѣзды какъ-то серьезно глядятъ на него; при самомъ началѣ чтенія надвигается гроза, вздымается огромная томсиная туча, представляющая своимъ видомъ подобіе огнедышащей горы, окруженная *зловѣщимъ* багрянцемъ, который въ самой серединѣ тучи пробиваетъ насквозь ея тяжелую громаду, какъ бы вырываясь изъ раскаленнаго жерла... Аллегорическій смыслъ этой грозовой тучи, застилающей солнце, помрачающей чудесную, тихую погоду, самъ собою подсказывается внимательному читателю, и это описаніе идетъ въ параллель съ картиною непроглядно туманной ночи, въ которую Тѣглевъ услышалъ загадочный стукъ и призывъ. Вѣра сознаетъ роковое значеніе совершеннаго ею перваго шага: кто разъ ступитъ на *эту* дорогу, возбуждающую чувство и воображеніе,— тотъ уже назадъ не вернется, и, можетъ быть, ея мать оттого и запрещала ей читать подобныя книги, что знала, къ чему это можетъ привести. Къ чему оно привело на дѣлѣ,—мы уже знаемъ: предчувствіе оправдалось.

Припомнимъ еще, что, когда, на другой день послѣ перваго свиданія, счастливый влюбленный напрасно прождалъ Вѣру на назначенномъ мѣстѣ и вернулся домой,—*за восемь верстъ*,—сво мечты были сперва отрадны, но скоро въ немъ произошла перемена; онъ испытываетъ „тайную, грызущую тоску“... „точно близкое несчастье мнѣ грозило, точно кто-то милый страдалъ въ это мгновеніе и звалъ на помощь“. Ему чудится ночью, что кто-то зоветъ его умоляющимъ

голосомъ, и, хотя, какъ оказывается, въ ту же ночь Вѣра выходила въ садъ и вдругъ вернулась внѣ себя, перепуганная вторичнымъ видѣніемъ своей матери, и послѣ этого немедленно слегла, чтобы не вставать болѣе,—но, такъ какъ это было на разстояніи восьми верстъ, то не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы П. Б. услышалъ дѣйствительный крикъ Вѣры. Да и сомнительно, чтобы она на самомъ дѣлѣ вскрикнула. Слѣдовательно, или „сердце сердцу вѣсть подавало“ въ данномъ случаѣ, или П. Б. былъ встревоженъ какимъ-нибудь крикомъ совы или какого другого существа. Во всякомъ случаѣ, остается фактъ предчувствія, и вся приведенная нами сцена является параллелью къ эпизоду изъ *Несчастной*,—призраку, появившемуся въ окнѣ за какой-нибудь часъ или два до трагической развязки повѣсти.

Замѣтимъ въ заключеніе, что проповѣдь отреченія, въ которомъ указывается смыслъ и разгадка жизни, проповѣдь, составляющая послѣднее слово въ *Фаустѣ*, въ значительной степени утрачиваетъ свою силу и убѣдительность передъ грознымъ образомъ неисповѣдимой судьбы, возстающимъ передъ нами въ томъ же произведеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, какими ухищреніями можно избѣгать ея? къ чему отреченіе и какія бы то ни было предосторожности, если человѣкъ рабъ слѣпаго случая, точнѣе говоря, самъ слѣпецъ, воображающій себя зрячимъ и завнящій отъ тайной силы? Въ отвѣтъ на замѣчаніе о надломленности современныхъ людей Ельцова сказала, что надламывать себя не для чего: „*надо всего себя переломить или ужь не трогать*“... Съ фаталистической точки зрѣнія, пожалуй, вѣрнѣе сказать, что не для чего себя ни надламывать, ни вовсе переламывать, а именно слѣдуетъ „не трогать“ себя, такъ какъ судьба, все равно, возьметъ свое, какъ это было и съ Вѣрою, вопреки всѣмъ предохранительнымъ мѣрамъ, принятымъ—и съ такимъ рѣдкимъ успѣхомъ—ся матерью. Конечно, было бы лучше, если бы г. П. Б., помня завѣтъ „*du sollst entbehren*“, воздержался отъ неосторожной игры съ огнемъ и даже не пытался вторгнуться въ душевный міръ Вѣры съ поэзією Гете, разрушить или передѣлать дѣло ея матери, — онъ не разбилъ бы легкомысленно „драгоценнаго сосуда“, не имѣлъ бы повода „съ пѣвымъ отчаяніемъ глядѣть на дѣло рукъ своихъ“. Но кто знаетъ? не нашла ли бы та же судьба другого бессознательнаго убійцы или вообще другихъ путей къ осуществленію того, что было предначертано? Съ этой точки зрѣнія нѣтъ ни виноватыхъ, ни правыхъ, какъ мы прочитали въ *Довольно* Тургенева: судьба—все, а человекъ—ничто.

XVIII.

Наконецъ, передъ нами „последнее слово“ Тургеневскаго творчества, — *Клара Милчъ*, — въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сведены воедино всѣ разрозненныя черты агностическаго символа вѣры (насколько такое выраженіе можетъ быть приложено къ соответствующему міровоззрѣнію), подмѣченныя нами въ другихъ произведеніяхъ писателя. Мы сопоставляемъ названную повѣсть съ *Фаустомъ*, основываясь на томъ, что и тамъ, и здѣсь замѣтно намѣреніе автора построить свое зданіе на научномъ, хотя бы и недостаточно еще прочномъ фундаментѣ, — именно на наслѣдственности; затѣмъ въ обоихъ случаяхъ совершается нѣчто загадочное, какъ бы свидѣтельствующее о существованіи явленій особаго порядка, и повѣствованіе заключается большимъ вопросительнымъ знакомъ. Читатель, конечно, помнитъ, что авторъ устанавливаетъ цѣлую филиацію наслѣдственныхъ чертъ у героя своей послѣдней повѣсти, — Якова Аратова, получившаго свое имя въ честь Брюса, отъ котораго, хотя и не по прямой линіи, производилъ себя его отецъ. Послѣдній слылъ между сосѣдями за „преестественнаго чудака“, даже „чернокнижника“, и получилъ затѣйливое прозвище „инсектонаблюдателя“. Этотъ оригиналъ, „не лишенный учености“, возящійся съ какими-то „препаратами“, напоминающій странную фигуру Ладанова, дѣда Вѣры (въ *Фаустѣ*), человекъ „добрѣйшій, но права меланхолическаго, копотливый, робкій, склонный ко всему таинственному, мистическому“, — занимался химіей, энтомологіей, ботаникой и медициной, — характерная смѣсь точнаго научнаго знанія съ мистическою вѣрою, натурализма съ супранатурализмомъ, воскрешающая въ нашей памяти образы средневѣковыхъ магистровъ и докторовъ. Онъ „лѣчилъ добровольныхъ паціентовъ травами и металлическими порошками собственного изобрѣтенія, по методу Парацельсія“, и этими медикаментами свелъ въ могилу свою жену, а также *порядкомъ испортилъ* здоровье сына, которое желалъ подкрѣпить, находя въ его организмѣ анемію и склонность къ чахоткѣ, *унаследованная отъ матери*. И такъ, прежде всего въ лицѣ Аратова мы видимъ субъекта съ попорченнымъ здоровьемъ, которое, пожалуй, и съ самаго начала было слабо; правъ ли былъ его отецъ, подозрѣвая въ немъ именно указанную наслѣдственность, перешедшую къ нему отъ „слишкомъ тоненькой“ матери, — неизвѣстно; но авторъ положительно утверждаетъ, что здоровьемъ Аратовъ „похвастаться не могъ“, „былъ

очень впечатлительнъ, нервнъ, мнительнъ, страдалъ сердцебіеніемъ, иногда одышкой"; въ концѣ повѣсти врачъ написалъ, что у него не въ порядкѣ сердце, подмѣтилъ „всѣ діоптрическіе симптомы нервной кардіалгіи“. Въ этой характеристикѣ, похожей на скорбный листъ, трудно выдѣлить черты, унаслѣдованныя специально отъ того или другого изъ родителей: повидимому, здоровья они оба были незавиднаго (Аратовъ-отецъ не дожилъ до пятидесяти лѣтъ); о матери „пациента“ мы знаемъ слишкомъ мало опредѣленнаго; что же касается впечатлительности, нервности, то въ этихъ важныхъ „симптомахъ“ мы имѣемъ, кажется, основаніе предполагать наслѣдственность и съ отцовской стороны, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ, повидимому, такъ смотритъ на дѣло: наружностью Яковъ не походилъ на отца, скорѣе напоминалъ свою мать, за то, „правомъ походилъ на отца, и сложнее съ отцовскимъ лицомъ носило отпечатокъ отцовскаго выраженія“ (впрочемъ указаны и нѣкоторые внѣшніе признаки сходства, — узловатая руки, впалая грудь...). Но всего важнѣе, что непосредственно послѣдъ за упоминаніемъ о сердцебіеніи и одышкѣ мы читаемъ слѣдующія слова: „подобно отцу, онъ вѣрилъ, что существуютъ въ природѣ и въ душѣ человѣческой тайны, которыя можно иногда прозрѣвать, но постигнуть невозможно; вѣрилъ въ присутствіе нѣкоторыхъ силъ и вѣній, иногда благосклонныхъ, но чаще враждебныхъ... и вѣрилъ также въ науку, въ ея достоинство и важность“.

Если физически слабый, впечатлительный, живущій, какъ въ теплицѣ, подъ крыломъ своей тетки, добрѣйшей „Платоши“, Аратовъ напоминаетъ намъ слабого и мечтательнаго юношу, рассказавшаго намъ свой Сонъ, также одипоко живущаго вмѣстѣ съ пѣвлюю и грустною матерью (Аратовъ „дичится“ товарищей, живетъ „очень уединенно“, погруженный въ книги; у Платониды Ивановны на лицѣ „неизмѣнное выраженіе не то грусти, не то озабоченнаго испуга“),—то приведенное *credo* наиболѣе сближаетъ его съ г-жею Ельдовой, боящейся „тайныхъ силъ“ и дающею своей дочери солидное научное образованіе. Послѣдняя черта, — вѣра въ науку и вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе чего-то, еще не постигнутаго ею и даже непостижимаго, проливаетъ свѣтъ на духовный складъ самого Тургенева; только слово „вѣрилъ“ послѣдовательный агностикъ замѣнилъ бы словами „не знаю“: — онъ только „допускаетъ“, а не „вѣритъ“. Полной убѣжденности мы не видимъ ни въ отцѣ Аратова съ его склонностью ко всему таинственному, ни въ немъ самомъ съ его сомнѣніями относительно безсмертія души и догадками, въ которыхъ онъ теряется

по поводу вліянія одной человѣческой души на другую и возможности проявленія этого вліянія послѣ смерти одного изъ индивидуумовъ.

XIX.

Таковъ герой повѣсти, во всемъ построеніи которой сказывается рѣзко-фаталистическая черта. Въ мирную, монотонную жизнь анхорета Аратова внезапно вмѣшивается какой-то неотразимый рокъ: еще прежде, чѣмъ онъ увидѣлъ Клару, даже прежде, чѣмъ услышалъ о ней, онъ, какъ нарочно, только что прочелъ „Сенъ-Ронаскія воды“ Вальтеръ-Скотта, и героиня этого романа, „безумная“ и „несчастливая“ Клара Мобрай, запала ему въ голову. И здѣсь дѣло не обходится безъ тягостнаго *предчувствія*: положимъ, когда Купферъ хочетъ вывести Аратова къ княгинѣ-меценаткѣ, а тотъ упирается, въ этомъ сказывается не болѣе, какъ его застѣнчивый, нелюдимый характеръ; но мы уже невольно начинаемъ ожидать чего-то, когда узнаемъ, что изъ этого перваго своего выѣзда Аратовъ вынесъ въ душѣ „смутное и тяжелое впечатлѣніе, сквозь которое однако пробивалось *ничто ему самому непонятное, но значительное и даже тревожное*“, и съ этого вечера „какая-то, если можно такъ выразиться, закорючка заѣла ему въ душу“. Конечно, прежде всего читатель можетъ подумать то же, что подумала любящая тетя Платоша, — что ея Яшенька встрѣтилъ какую-нибудь „хвостовозку“, произведшую на него впечатлѣніе, въ которомъ онъ самъ еще не умѣетъ разобратъся. Однако дѣло не такъ просто: Аратова ничуть не тянетъ въ тотъ свѣтъ, часть котораго ему привелось увидѣть; этотъ свѣтъ даже отталкиваетъ его послѣ перваго знакомства больше, чѣмъ когда-либо; но онъ все что-то припоминаетъ, самъ не зная хорошенько, что именно, и это „что-то“ относится къ вечеру, проведенному у княгини. Надъ нимъ тяготѣетъ точно какой-то кошмаръ; онъ находится какъ будто подъ вліяніемъ какихъ-то чаръ, магнетизма или гипнотизма, и его душевное состояніе, хотя и въ слабѣйшей степени, напоминаетъ Петра, — въ повѣсти Гоголя *Ночь накануне Ивана Купала*, — до бѣшенства силющагося и не могущаго припомнить, что съ нимъ произошло въ эту колдовскую ночь. Наконецъ, Купферъ сообщаетъ Аратову объ удивительной дѣвушкѣ, которая должна выступить на литературно-музыкальномъ утрѣ, и напоминаетъ своему другу, что онъ, вѣроятно, видѣлъ ее на *томъ* вечерѣ.

При этомъ Аратовъ „дрогнулъ... внутренно, слабо... но ничего не промолвилъ,“—разгадка близка, и тутъ же оказывается, что эту дѣвушку зовутъ—по сценѣ, по крайней мѣрѣ,—*Кларою*... Это *согласеніе* именъ героини прочитаннаго имъ романа и артистки, оставившей въ немъ какое-то смутное воспоминаніе, поражаетъ его. Затѣмъ, видя Клару на эстрадѣ и не спуская съ нея взора, Аратовъ *только тутъ* вспоминаетъ, что онъ дѣйствительно видѣлъ ее у княгини, и не только видѣлъ, но „даже замѣтилъ, что она нѣсколько разъ съ особенной настойчивостью посмотрѣла на него своими темными, пристальными глазами“... „Да и теперь... или это ему показалось?—она, увидавъ его въ первомъ ряду, какъ будто обрадовалась, какъ будто покраснѣла и опять настойчиво посмотрѣла на него“. Она поетъ много говорящій романсъ — „Только узналъ я тебя“ — и, не обращая вниманія на крики и рукоплесканія, бросаетъ быстрый взглядъ на Аратова, не кричащаго и не хлопающаго, и поспѣшно уходитъ со сцены; на вызовъ она появляется не скоро и поетъ на *bis* экспромптомъ, вмѣсто ранѣе предположеннаго, не менѣе выразительный романсъ „Пѣть, только тотъ, кто зналъ свиданья жажду“... Аратову все время кажется, что глаза ея сквозь прищуренныя рѣсницы обращены на него, и вмѣстѣ съ тѣмъ его поражаетъ неподвижность ея лица; онъ находитъ, что она „и держится, и движется, какъ намагнетизированная, какъ сомнамбула,—и въ то же время она, несомнѣнно... да! несомнѣнно смотреть на него“.

Наконецъ, Клара декламируетъ письмо Татьяны къ Онѣгину, и, когда она произноситъ слова „вся жизнь моя была залогомъ свиданья вѣрнаго съ тобой,“ — голосъ ея звенитъ восторженно и смѣло, — „а глаза ея такъ же смѣло и прямо вперлись въ Аратова“. Впечатлѣніе, произведенное этимъ юношею на Клару, не подлежитъ сомнѣнію еще раньше, чѣмъ она послала ему анонимную записку, вызывающую его на свиданіе; ясно, что она и пѣла, и декламировала для него, видя во всей залѣ его одного и подбирая соответствующіе номера для исполненія; намагнетизируя его своимъ взглядомъ, она и сама производитъ на него впечатлѣніе намагнетизированной. А что-же онъ? Ему не особенно нравится пѣніе Клары; онъ находитъ, что у нея „нѣтъ настоящей школы“, повторяя этимъ ходячую фразу, мало понятную для него самого; не совѣмъ нравится ему и чтеніе ея, хотя онъ и не можетъ отдать себѣ отчета, почему именно; онъ дома нарочно перечитываетъ письмо Татьяны и убѣждается, что Клара совѣмъ не поняла его настоящаго смысла. Наконецъ, и самая наружность,—ея

не то еврейскій, не то цыганскій типъ, ея смуглое лицо и выраженіе этого лица, и его черты,—все это совсѣмъ не нравится Аратову, насколько не похоже на его идеаль; онъ „совсѣмъ не такую представлялъ себѣ ту, еще невѣдомую женщину, ту дѣвушку, которой онъ отдастся весь, которая и его полюбитъ, станетъ его невѣстой, его женой“. А между тѣмъ его волнуютъ „странныя, ему самому неясныя ощущенія“; чтеніе Клары, кажущееся ему рѣзкимъ, негармоническимъ, беспокоитъ его, какъ будто нарушаетъ что-то въ немъ, *является какимъ-то насиліемъ*. „И эти пристальные, настойчивые, почти навязчивые взгляды,—къ чему они? Что они значатъ?“ Недоумѣвая и сердясь на себя, Аратовъ не въ силахъ выкинуть изъ головы эту „черномазую цыганку“, до которой, повидному, ему столько же дѣла, сколько до Гекубы,—и невольно повторяетъ назойливо звѣзущіе ему на память старыя стихи Красова, обращенныя къ Кларѣ Мобрай, подходящія, какъ оказалось вскорѣ потомъ, и къ Кларѣ Миличъ,—явное предчувствіе, голосъ сердца. Между тѣмъ судьба продолжаетъ дѣлать свое дѣло: неожиданное полученіе записки отъ Клары, непредвидѣнно странно разыгравшееся свиданіе съ нею, оборванное ею же самою, впечатлѣніе отъ ея на этотъ разъ выразительнаго, „несказанно-трогательнаго“ лица и „неотразимаго“ голоса,—все это естественнымъ образомъ приводитъ Аратова въ состояніе „растрепаннаго“, по выраженію его тетки, человѣка. Однако такое состояніе ему надоѣдаетъ; онъ беретъ себя въ руки и рѣшается „похѣрить“ всю эту исторію, нарушающую его покой. Не легко дается ему эта *борьба съ судьбой*: болѣе недѣли онъ не можетъ попасть въ обычную колею и позднѣе испытываетъ еще „возвратныя припадки“, пока, наконецъ, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ становится опять прежнимъ Аратовымъ. Но тутъ же авторъ добавляетъ слѣдующія многозначительныя строки, показывающія, что судьба караулитъ свою добычу, и душа смутно чувствуетъ неотвратимость какой-то катастрофы:

„Только *тамъ, внизу*, подъ поверхностью его жизни, *что-то тяжелое и темное* тайно сопровождало его на всѣхъ его путяхъ. Такъ большая, только что пойманная на крючекъ, не выхваченная рыба плыветъ по дну глубокой рѣки подъ самой той лодкой, на которой сидитъ рыбакъ съ крѣпкой лескою въ рукахъ“.

XX.

И такъ Аратовъ пойманъ, самъ того не сознавая, но опять-таки не внезапно возгорѣвшимся въ немъ чувствомъ любви, а какою-то дру-

гою, неясною и неотразимою силою. Новая неожиданность выбиваетъ его изъ колеи,—потрясающее извѣстіе о трагической кончинѣ Клары Миличъ, какъ бы въ подтвержденіе словъ Алексѣя Петровича С. (въ *Перестискъ*), что въ жизни случается одно только неожиданное, и своей судьбы переимѣнить нельзя: какъ тамъ совершенно случайное, повидимому, посѣщеніе балета рѣшило судьбу чловѣка, такъ здѣсь ту же роль сыгралъ первый вечеръ у княгини, на которомъ Аратовъ впервые видѣлъ Клару, или точнѣе, она видѣла и замѣтила его, изъ чего и пронестекло все дальнѣйшее. Впечатлѣніе, произведенное на Аратова смертью странной дѣвушки, съ которою такъ странно столкнула его судьба на одинъ мигъ, опять-таки вполне естественно: неизбежно является догадка, что онъ—виновникъ этой трагической развязки, хотя бы и безъ вины виноватый, что онъ не успѣлъ или не сумѣлъ сказать спасающаго слова. Изъ его глазъ неудержимо покатались слезы. „Что вызвало эти слезы? Жалость? Раскаяніе? Или просто нервы не выдержали внезапнаго потрясенія?“ Все вмѣстѣ, разумѣется, вызвало такой эффектъ, вполне психологически понятный: „Она вѣрно сказала, что я ея не понималъ. Жаль! Такое, быть можетъ, замѣчательное существо прошло такъ близко мимо... и я не воспользовался, я оттолкнулъ“... Но далеко не такъ понятенъ съ естественной точки зрѣнія тотъ сонъ или кошмаръ, который посѣтилъ Аратова вслѣдъ затѣмъ. Онъ ѣдетъ по голой степи, усѣянной камнями; вдругъ передъ нимъ поднимается нѣчто въ родѣ тонкаго облачка, которое затѣмъ принимаетъ ясныя очертанія женщины въ бѣломъ платьѣ, съ закрытымъ лицомъ, быстро идущей передъ нимъ; на тропинкѣ лежитъ большой камень, подобный могильной плитѣ, у котораго останавливается эта бѣлая женщина, похожая на статую, затѣмъ ложится на эту плиту,—и Аратовъ лежитъ съ нею рядомъ, вытянутый, какъ мертвецъ, со сложенными руками... Женщина поднимается и уходитъ; онъ хочетъ сдѣлать то же, но не можетъ ни шевельнуться, ни разжать рукъ. Женщина оборачивается, и онъ видитъ живое лицо, живые глаза; она смѣется, манитъ его рукою и удаляется, качая головою, на которой заалѣлъ вѣнокъ изъ маленькихъ розъ; затѣмъ все темнѣетъ, и женщина возвращается, но уже не та незнакомая статуя, а Клара; она смотритъ на Аратова и приказываетъ ему ѣхать *туда*, если онъ хочетъ знать, кто она. Въ результатъ этого сна Аратовъ рѣшаетъ съѣздить въ Казань, гдѣ родилась и умерла Клара, гдѣ живутъ ея мать и сестра, гдѣ можно выяснитъ тайну ея жизни и смерти. Такъ онъ понималъ указаніе, полученное во снѣ, и надѣется, что послѣ этого всякія *навожденія* раз-

летятся. Однако нельзя не замѣтить и въ этомъ разсказѣ уже знакомый намъ приемъ, — сліяніе объяснимаго съ необъяснимымъ или трудно объяснимымъ, почти незамѣтный переходъ изъ одной области въ другую. Есть въ этомъ снѣ, несомнѣнно, *въщія*, пророческія черты: если, съ одной стороны, „могильная плита“ объясняется довольно просто въ виду кончины Клары, то трудно, съ другой стороны, найти столь же простое объясненіе тому, что самъ Аратовъ лежитъ рядомъ съ Кларою въ позѣ мертвеца... И потомъ этотъ властный призывъ *ѣхать туда!* Пожалуй, и не одному Аратову съ его вѣрою въ тайныя силы показалось бы, что „съ нимъ что-то свершилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ легъ; что въ него что-то *внѣдрилось*... что-то *загладьло* имъ“... „Да развѣ это возможно?“ шепталъ онъ безсознательно. „Развѣ существуетъ такая власть?“ Оказывается, что существуетъ, и Аратовъ въ этомъ убѣждается окончательно послѣ своего возвращенія изъ Казани, куда и откуда онъ ѣхалъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, механически дѣлая все, что было нужно для совершенія путешествія. Какъ только онъ очутился одинъ въ своемъ кабинетѣ, — „онъ немедленно почувствовалъ, что его какъ бы кругомъ что-то охватило, что онъ опять находится *во власти*, именно во власти другой жизни, другого существа“. Здѣсь вновь подчеркивается, что не запоздалая любовь къ женщинѣ, которую онъ при жизни отвергъ, и которая уже окончила свои счеты съ жизнью, охватила Аратова: въ порывѣ внезапнаго испуга онъ сказалъ сестрѣ Клары, что былъ и есть влюбленъ въ покойную, — но теперь это слово ему кажется бессмысленнымъ и дикимъ. Непонятная *власть* сказывается въ томъ, что ему представляется безпрестанно образъ Клары до малѣйшихъ подробностей, такихъ, которыхъ онъ при жизни ея *какъ будто и не замѣчалъ*, — точно она теперь, переставъ жить, стала для него болѣе живою, чѣмъ была при жизни. Видя всѣ ея черты передъ своимъ мысленнымъ взоромъ, „онъ вовсе *не любовался* всѣмъ этимъ; онъ только *не могъ* объ этомъ не думать и не видѣть“. Почеркъ Клары кажется ему некрасивымъ, и онъ не чувствуетъ желанія влюбленнаго, — *цѣловать* строки, написанныя милой рукою...

„Нѣтъ, онъ не влюбленъ; да и какъ влюбиться въ мертвую, которая даже и при жизни ему не нравилась, которую онъ почти забылъ?—Нѣтъ! но онъ во власти... въ ея власти... онъ не принадлежитъ себѣ болѣе. Онъ—*взятъ*. Взятъ до того, что даже не пытается освободиться ни насмѣшкой надъ собственной нелѣпностью, ни возбужденіемъ въ себѣ, если не увѣренности, то хоть надежды, что это

все пройдетъ, что это—одни нервы, ни приискиваемъ къ тому доказательствъ, ни чѣмъ инымъ!—„Встрѣчу,—возьму“,—вспомнились ему слова Клары, переданныя Анной... вотъ, онъ и взять. Да вѣдь она—мертвая? Да; тѣло ея мертвое... а душа? развѣ она не безсмертная? Развѣ ей нужны земные органы, чтобы проявить свою власть“?..

Въ объясненіе того, откуда такая власть, важно припомнить разговоръ Аратова съ Анною въ Казани, который озаряетъ его свѣтомъ: „сказанное ею слово *непронутая* внезапно поразило его. Словно что и обожгло его, и освѣтило“.—„Да“, промолвилъ онъ громко: „она *непронутая*,—и я *непронутый*... Вотъ что дало ей эту власть!“ И такъ, разгадка найдена: Клара при первой встрѣчѣ съ Аратовымъ, еще не сказавъ съ нимъ ни одного слова, угадала въ немъ „дѣйствилика и душой, и тѣломъ“, угадала какимъ-то безошибочнымъ инстинктомъ, что передъ нею тотъ, кому она предназначена; слова изъ письма Татьяны, читаннаго ею на эстрадѣ, какъ нельзя болѣе подходятъ къ ея собственному положенію. Что это, какъ не романтическій фатализмъ съ его вѣрованіемъ въ *сродство души*, въ предназначеніе, въ загробную любовь? „Любовь сильнѣе смерти“, „Я буду любить до скончанія вѣка и по скончаніи вѣка“,—эти и однородныя съ ними цитаты изъ разныхъ писателей всецѣло овладѣваютъ умомъ Аратова и становятся символомъ его вѣры; подкрѣпленіе послѣднему онъ находитъ и въ ученіи религій, которое, повидимому, раньше не играло особенно замѣтной роли въ жизни Аратова при всей его мистической настроенности (и въ этомъ онъ, пожалуй, близокъ къ Кларѣ, которая, по словамъ ея сестры, вѣрила въ судьбу и не вѣрила въ Бога,—необычная замѣна утраченной вѣры въ личное, живое Божество слѣплымъ фатализмомъ, вѣрою въ безличную силу).

Теперь онъ припоминаетъ слова „Смерть, гдѣ жало твое“?, добываетъ у тетки старую, закапанную воскомъ Библию, ищетъ въ ней этихъ словъ, нападаетъ на другія мѣста, вчитывается и вдумывается въ нихъ. Вспомнимъ кстати одно изъ *Стихотвореній въ прозѣ*, озаглавленное *Воробей*, доказывающее ту мысль, что „любовь сильнѣе смерти и страха смерти“; положимъ, въ указанномъ стихотвореніи доказывается собственно только вторая половина этого афоризма, готовность любящаго существа безстрашно жертвовать своею жизнью для спасенія любимаго, и по самому смыслу разсказа не можетъ быть серьезной рѣчи о любви, переживающей смерть; но поставимъ въ параллель съ приведенными словами также приведенное нами выше разсужденіе, которымъ заканчивается *Несчастія*, гдѣ ставится вопросъ

о возможности для души, освободившейся отъ тѣла, радоваться соединенію съ любимую личностью, еще раньше отошедшею изъ міра. гдѣ указывается на великія тайны человѣческой души, и на любовь, какъ на величайшую изъ этихъ тайнъ. Сопоставленіе всѣхъ этихъ явленій во всякомъ случаѣ поучительно для ознакомленія съ художественнымъ агностицизмомъ Тургенева.

XXI.

Послѣ объясненія съ Анною и прочтенія роковыхъ строкъ изъ дневника Клары для Аратова не остается болѣе сомнѣній въ томъ, изъ-за чего несчастная „положила свою душу“; онъ прочиталъ свой *приговоръ*. И исполненіе этого приговора не заставляетъ ждать себя долго: начинаются ночныя видѣнія, Аратовъ „вступаетъ въ сообщеніе“ съ Klarой, и она, нелюбимая имъ при жизни, торжествуетъ надъ нимъ, *заставляетъ* полюбить себя. Какъ мы должны отнестись къ этимъ фактамъ? Авторъ отмѣчаетъ „напряженное состояніе первовъ“ Аратова, о чемъ впрочемъ намъ не трудно было бы догадаться и безъ особаго упоминанія; самъ Аратовъ въ первую „ночь видѣній“ склоненъ объяснять представляющіеся ему миражи, — шепотъ, голосъ Клары звуки музыки и т. д., — „стукомъ сердца, шелестомъ крови“, галлюцинаціями слуха и зрѣнія; происходящее кажется ему смѣшнымъ и глупымъ, и чувство страха смѣняется въ немъ чувствомъ досады. И мы безъ большихъ затрудненій можемъ смотрѣть на все, испытываемое пока Аратовымъ, съ чисто медицинской точки зрѣнія, особенно послѣ прозаической развязки видѣній: Аратову ясно слышится повторяемое съ паузами слово *розы*, и онъ вспоминаетъ розы, видѣнныя имъ на головѣ той женщины во снѣ, о которомъ мы уже говорили; затѣмъ появляется женская фигура, смотрящая на него, идущая къ нему; Аратовъ узнаетъ въ ней Klarу и видитъ на ея головѣ *вѣнокъ изъ красныхъ розъ*; онъ „весь всколыхнулся, приподнялся“, — и... „передъ нимъ стоитъ его тетка, въ ночномъ чепцѣ съ большимъ краснымъ бантомъ и въ бѣлой кофтѣ“. Оказалось, онъ во снѣ или полуснѣ стоялъ, а потомъ громко и хрипло закричалъ, призывая на помощь. Немудрено, что самъ взволнованный Аратовъ разсмѣялся, что всѣ таинственныя чары разлетѣлись разомъ, „какъ отъ свистка машиниста въ фантастическомъ балетѣ“. Онъ мысленно обращается къ своему покойному отцу, который „все это понималъ“, „вѣрилъ въ шиллеровскій міръ духовъ“, съ вопросомъ, что онъ думаетъ обо всемъ

этомъ, и съ просьбою дать ему совѣтъ,—и самъ рѣшаетъ, что отецъ посовѣтоваль бы ему „всѣ эти глупости бросить“. Но уже слѣдующая ночь рѣшаетъ судьбу его молодой жизни. Прежде всего ему привидѣлся опять „необычайный угрожающій сонъ“, въ заключеніе котораго чей-то грубый голосъ кричитъ ему на ухо: „А! ты думалъ, это все комедіей кончится? Нѣтъ, это трагедія! трагедія!“ Излишне напоминать читателямъ всѣ подробности этого зловѣщаго сна, поселяющія убѣжденіе въ томъ, что „быть худу“; особенно необъяснимыми послѣ всего пережитаго, передуманнаго и перечувствованнаго Аратовымъ эти подробности еще не представляются; только упомянутый голосъ, отъ котораго Аратовъ, весь трепеща, проснулся, какъ бы заключаетъ въ себѣ нѣчто вѣщее,—указаніе на ожидающій его конецъ. И дѣйствительно, послѣ сцены таинственнаго появленія Клары и страннаго союза живого съ призракомъ мертвой медицинская помощь оказывается уже тщетной для Аратова: онъ умираетъ съ блаженной улыбкой, въ бреду говорить о заключенномъ бракѣ, о томъ, что онъ знаетъ теперь, что такое наслажденіе, и, нѣсколько пришедъ въ себя, убѣждаетъ тетку не плакать, а радоваться его смерти. „Любовь сильнѣе смерти“, „Смерть! Смерть, гдѣ жало твое?“ — его послѣднія слова.

XXII.

Спрашивается, что же мѣшаетъ намъ во всѣхъ этихъ видѣніяхъ Аратова, какими бы осязательными они ему ни представлялись, признавать опять-таки не болѣе, какъ галлюцинаціи, доходящія подъ конецъ до степени настоящей маніи? Почва для помѣшательства, очевидно, была подготовлена уже выпавшей на его долю наслѣдственностью, —наклонностью ко всему таинственному, —отчужденностью отъ людей, исключительно внутреннею жизнью, пожалуй, даже самою *истропанностью* Аратова; на эту благодарную почву упало зерно, довершившее все остальное. Какъ должно было подѣйствовать на этого скромнаго, чистаго юношу внезапное открытіе, что онъ, не знавшій ни одной женщины, сталъ предметомъ страстной женской любви, далѣе сознаніе, что онъ упустилъ счастье, когда оно было такъ близко и возможно? Какъ бы онъ ни утѣшалъ себя соображеніями, что „ничего, жизнь еще вся впереди; пожалуй, еще не такія случатся встрѣчи!“, —какое потрясеніе испытываетъ весь его хрупкій, нервный организмъ, когда его непониманіе, его безтактная пуританская чопор-

ность оказываются ввию гибели человѣческой жизни?! Однако мы уже отмѣтили тягостныя предчувствія, смутныя ощущенія чего-то грядущаго, непонятныя волненія, сны вѣщаго характера,—все, что придает повѣсти Тургенева *фатальный* отпечатокъ, что какъ бы заставляетъ насъ прислушиваться къ шелесту шаговъ незримой судьбы, играющей людьми по своему усмотрѣнью. Пусть все это найдетъ также простое, естественное объясненіе; но что сказать о слѣдующей подробности, сообщаемой авторомъ уже послѣ того, какъ онъ сказалъ о смерти своего несчастнаго героя:

„*Странное обстоятельство* сопровождало его второй обморокъ. Когда его подняли и уложили, въ его стиснутой правой рукѣ оказалась небольшая прядь черныхъ женскихъ волосъ. *Откуда взялись эти волосы?* У Анны Семеновны была такая прядь, оставшаяся отъ Клары; но съ какой стати было ей отдавать Аратову такую для нея дорогую вещь? *Развѣ какъ-нибудь въ дневникъ она ее положила и не замѣтила, какъ отдала?*“

Дѣйствительно, странное обстоятельство, загадка, такъ и остающийся безъ отвѣта, на подобіе вопроса о роли здраваго разсудка, которымъ заключилась повѣсть о *Собакахъ*. Всякому ясно, что послѣдняя оговорка съ высказаннымъ въ ней предположеніемъ едва ли выдерживаетъ критику и лишь худо прикрываетъ настоящій взглядъ автора на характеръ „обстоятельства“, совершенно такъ же, какъ у Лермонтова, въ *Фаталистѣ* слова Максима Максимыча о буряхъ, часто осѣкающихся, если они дурно смазаны, являются такимъ же прозрачнымъ прикрытіемъ, производящимъ впечатлѣніе нѣкотораго диссонанса. Въ *Кларѣ Милчѣ* мы вторично подмѣчаемъ приѣмъ, пущенный въ ходъ Тургеневымъ, какъ мы указали, въ *Рассказѣ отца Алексѣя* (эпизодъ съ таинственнымъ орѣхомъ): все (или почти все) въ повѣствованіи безъ большихъ натяжекъ можетъ быть объяснено „сообразно съ законами натуры“, — и вдругъ одна небольшая, даже несущественная подробность измѣняетъ дѣло и наводитъ недоумѣніе; бредъ больнаго воображенія, галлюцинаціи—и неоспоримое, вещественное доказательство какого-то скрытаго отъ насъ *факта*, а въ результатѣ все тотъ же вопросъ: „Кто знаетъ?“

XXIII.

Пора подвести итоги. Мы возстановили въ памяти читателей цѣлый рядъ художественныхъ произведеній Тургенева, въ которыхъ элементъ, если не прямо чудеснаго, то чрезвычайнаго, трудно постижимаго играетъ большую или меньшую роль. Сдѣлаемъ въ заключеніе

попытку сгруппировать разобранный нами богатый матеріалъ, установить, хотя въ общихъ очертаніяхъ, категоріи, на какія могутъ быть подраздѣлены означенныя произведенія,—не говоря о тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ интересующій насъ элементъ является лишь мимоходомъ, проскальзываетъ не всегда сразу уловимую тѣнью и не связанъ органически съ ходомъ дѣйствія. Если же имѣть въ виду только тѣ вещи нашего художника, въ которыхъ фабула вращается вокругъ „псевдомага“, какъ вокругъ своей оси, то, по нашему мнѣнію, возможна слѣдующая группировка ихъ:

1) Произведенія, въ которыхъ сверхъестественное является лишь *кажуцимъ* и, въ концѣ концовъ, находитъ простое объясненіе. Таковъ рассказъ *Стукъ!.. стукъ!.. стукъ!..*, основанный на *случайномъ* (?) совпаденіи обстоятельствъ, что однако, какъ мы видѣли, не исключаетъ возможности задуматься надъ нѣкоторыми его пунктами; 2) произведенія, въ которыхъ прямо или косвенно, *explicite* или *implicito* предлагается та или иная *тутчая гипотеза*, если не вполне объясняющая, то хоть отчасти освѣщающая загадку. Такова *Странная исторія* (гипотеза *магнетической силы, перестановленія ощущеній*); таковъ *Рассказъ отца Алексѣя* (помѣшательство, раздвоеніе сознанія, психопатическая *галлюцинація*); таковы въ значительной степени *Фантъ* и *Кмара Милитъ* (привидѣнія, галлюцинаціи, развивающіяся на почвѣ *наслѣдственности* и интеллектуальнаго потрясенія, внезапно нарушающаго душевный миръ). Къ слову о наслѣдственности укажемъ еще, что съ тѣмъ же факторомъ мы встрѣчаемся въ рассказѣ *Отчаянный* (1881), рисуящемъ образъ необузданной „широкой натуры“, психопатически *неуравновѣшеннаго* человѣка, отецъ котораго страдалъ *падучею болѣзью*, а мать характеризуется, какъ очень *нервическая и болѣзненная* особа, *безкоейнаго* характера, охотно *восторгавшаяся* и еще охотиве предававшаяся *меланхоліи* и даже слезамъ,—а также въ знакомомъ намъ рассказѣ *Сонъ*, герой котораго, помимо наклонности къ меланхоліи и мечтательности, унаслѣдованной, можно думать, отъ матери, еще до открытія роковой тайны подмѣчалъ въ себѣ *пзрѣдка* поднимавшіеся „какіе-то странные и непонятные порывы злыхъ и преступныхъ чувствъ“ и затѣмъ, стоя перель трупомъ своего найденнаго, настоящаго отца, понималъ ихъ происхожденіе: „то злое, то преступное, о которомъ я уже говорилъ, тѣ непонятные порывы поднимались во мнѣ... душили меня. „Ага!“ думалось мнѣ: „вотъ отчего я такой... вотъ когда *сказывается кровь!*“ Впрочемъ, мы уже видѣли, что въ данномъ произведеніи *кровь* заявля-

еть о себѣ еще другимъ, гораздо болѣе экстраординарнымъ способомъ, и этотъ таинственный „голосъ крови“ не легко поддается объясненію, почему *Сонъ* лишь въ слабой степени можетъ быть отнесенъ въ разбираемую нами категорію. Наконецъ, до нѣкоторой степени къ произведеніямъ указаннаго порядка примыкаетъ, пожалуй, и *Письмъ торжествующей любви*, если имѣть въ виду [фактъ *типотическаго чаръ, подчиненія чуждой воли*, отмѣченный нами въ этой поэмѣ, и даже *Призраки*; но вообще весь колоритъ двухъ послѣднихъ произведеній побуждаетъ отнести ихъ скорѣе въ особый разрядъ, именно, 3) произведенія *прямо фантастическія*, въ которыхъ авторъ даетъ полную волю полету своей фантазіи, отрѣшаясь отъ условій дѣйствительнаго и возможнаго. Сюда мы и относимъ обѣ названныя вещи, въ особенности вторую, оставляя открытымъ вопросъ о символическомъ смыслѣ, могущемъ заключаться въ ней; при разборѣ *Призраковъ* мы обратили вниманіе и на *патологическую* характеристику героя, едва ли однако особенно важную въ этомъ случаѣ. Наконецъ, 4) произведенія, сверхъестественныя, содержаніе которыхъ не находятъ себѣ *никакого реальнаго объясненія*, и которыя въ то же время носятъ на себѣ всѣ вышшіе признаки реализма, не представляютъ собою свободныхъ поэтическихъ мечтаній. Таковъ отчасти тотъ же рассказъ *Сонъ*,— такъ какъ происшедшее въ немъ все-таки не объясняется удовлетворительно ни наследственностью, ни вообще индивидуальною организаціею дѣйствующаго лица,—и такова въ особенности *Собака*. Между перечисленными произведеніями, какъ мы постарались показать, имѣтъ *ни одною*, которое не возбуждало бы въ насъ никакихъ вопросовъ и недоумѣній; но послѣдняя изъ указанныхъ категорій, конечно, наиболѣе характерна, какъ художественная иллюстрація гамлетовскаго агностицизма, допускающаго существованіе въ природѣ тайнъ, о которыхъ еще не снилось мудрецамъ—философамъ, и призывающаго къ преклоненію передъ невѣдомымъ. „Случай или судьба? вотъ въ чемъ вопросъ“,—проходящій красной нитью черезъ все творчество Тургенева. Мы видѣли въ началѣ нашего очерка, какъ онъ приходитъ къ безотраднѣйшимъ выводамъ матеріалистическаго фатализма (*Довольно*); но мыслитель, тутъ же высказывающій, что намъ доступна лишь малая частица истины, не можетъ успокоиться на безусловномъ матеріалистическомъ отрицаніи всего, чего мы не знаемъ, не можетъ, подобно Базарову, питать убѣжденіе, что достаточно „пронитудировать“ анатомію глаза, чтобы отвергнуть всякую возможность „таинственнаго взгляда“. Девизомъ художника—философа становится „не знаю—и

потому не исповѣдую, но и не отрицаю"; онъ отрѣшается отъ узко материалистическаго міропониманія, но допущеніе начала *судьбы*, тайной силы, отождествляемой ли съ *природою*, или стоящей внѣ ея, въ концѣ концовъ, все-таки приводитъ къ фаталистическому взгляду на жизнь личности и цѣлаго человѣчества и въ тѣсной связи съ допущеніемъ явленій сверхчувственнаго порядка вообще даетъ въ результатъ цѣлый рядъ странныхъ съ точки зрѣнія „здраваго разсудка“, но понятныхъ и глубоко интересныхъ для психолога поэтическихъ произведеній. Въ томъ самомъ *Довольно*, изъ котораго мы привели такъ много выразительныхъ лирическихъ цитатъ, мы читаемъ и такую тираду: „Увы! не привидѣнія, не фантастическія, подземныя силы страшны; не страшна гофманщина, подъ какимъ бы видомъ она ни являлась... Страшно то, что *нѣтъ ничего страшнаго*, что самая суть жизни мелка, не интересна и нищенски плоска“. Но точно ли нѣтъ ничего страшнаго, ни привидѣній, ни силъ, представляющихся фантастическими? Отвѣтъ на это даютъ разсмотрѣнныя нами произведенія Тургенева, и смыслъ этого отвѣта таковъ: „намъ доступна лишь самая *малость истины*, мы слымы; а что гласитъ та *полная истина*, о которой для человѣка и помина быть не можетъ,—кто знаетъ?“.

Н. Аямонъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Итоги Гоголевской юбилейной литературы.

Литература, вызванная пятидесятилѣтіемъ со дня смерти Гоголя, не давъ ничего исчерпывающаго, ни особенно яркаго, вродѣ хотя бы знаменитой рѣчи Достоевскаго въ день пятидесятилѣтія со дня смерти Пушкина, тѣмъ не менѣе дала не мало цѣнныхъ трудовъ и матеріаловъ, проливающихъ свѣтъ на личность и творчество Гоголя. Достаточно указать работы гг. Котляревскаго, Венгерова, Овсяннико-Куликовскаго, Манделъштама, новое изданіе писемъ Гоголя, выполненное г. Шенрокомъ, чтобы видѣть, насколько юбилейная литература обогатила количественно и качественно запасъ написаннаго о нашемъ великомъ художникѣ. Въ настоящемъ очеркѣ мы попытаемся дать обзоръ юбилейной литературы. Не ставя себѣ задачей библиографической полноты, мы остановимся лишь на тѣхъ работахъ, которыя даютъ кое-что новое. Совершенно мы не будемъ касаться рѣчей преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, читанныхъ ex-officio и такимъ слушателямъ, которымъ нѣтъ надобности говорить *новое*, и нужно только хорошо изложить старое. Обзоръ нашъ будетъ состоять изъ двухъ главъ. Въ первую войдетъ обзоръ трудовъ, представляющихъ собой общую характеристику Гоголя, во второй обзоръ трудовъ по отдѣльнымъ вопросамъ жизни и творчества его, и новыхъ матеріаловъ.

I.

Труды общаго характера.

Н. А. Котляревскій, „Н. В. Гоголь. 1824—1842 гг.“ („Мірѣ Божій“ 1902 г. 1—12 и отдѣльными издавіемъ).

Самымъ крупнымъ изслѣдованіемъ въ Гоголевской юбилейной литературѣ является трудъ профессора Котляревскаго, печатавшійся въ теченіе всего года въ „Мірѣ Божьемъ“ и составившій цѣлую большую книгу. Г. Котляревскій ограничиваетъ рамки своего изслѣдованія 1824—1842 годами. Онъ держится взгляда, что едва ли можно сказать что-либо существенно новое относительно художественной стоимости и общественнаго значенія произведеній Гоголя, равно какъ относительно вѣдшихъ условій его жизни. Интересъ изслѣдованія сосредоточивается на психической жизни Гоголя и связи его творчества съ средой и литературными теченіями эпохи.

Выясненіе основъ психической жизни Гоголя профессоръ Котляревскій начинаетъ съ тѣхъ основъ психики Гоголя, которымъ онъ, по мнѣнію изслѣдователя, обязанъ своему малорусскому происхожденію. Эти основы—тѣ самыя, которыя опредѣлялись прежними изслѣдователями, какъ лиризмъ и комизмъ. Профессоръ Котляревскій опредѣляетъ эти два элемента, какъ сентиментальное, лирически настроенное сердце и острый, насмѣшливый умъ. Противорѣчіе этихъ двухъ элементовъ психики Гоголя, П. А. Котляревскій считаетъ источникомъ его душевной драмы. Переходя затѣмъ къ вліяніямъ жизни, П. А. Котляревскій мелькомъ останавливается на томъ, что дала Гоголю семья. Врядъ ли основательно мнѣніе автора, что вліяніе отца было крайне незначительно, такъ какъ онъ очень рано умеръ. В. А. Гоголь-Яновскій умеръ въ 1825 г., когда его сыну было 15 или 16 лѣтъ, что конечно вполне достаточно для того, чтобы испытать вліяніе своей семьи. Въ нѣсколькихъ словахъ опредѣляетъ г. Котляревскій и вліяніе матери, выразившееся по его мнѣнію въ повышенномъ релігіозномъ чувствѣ. Вообще дѣтскіе и юношескіе годы Гоголя, прекрасно очерченные въ работѣ г. Щеголева, у г. Котляревскаго очерчены лишь слегка и очевидно не были предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія. Натура Гоголя по Нѣжинскимъ письмамъ представляется г. Котляревскому натурой „искателя правды“, „прирожденнаго моралиста“. Не можемъ не отмѣтить, какъ идущій въ разрѣзъ

со взглядами большинства исследователей, взгляд г. Котляревскаго, что у Гоголя „вычурное патетическое выражение бывает перѣдко прямымъ слѣдствіемъ повышенности очень искривленнаго чувства, слишкомъ интенсивнаго и потому неспособнаго изъ нѣсколькихъ выражений выбрать наиболѣе подходящее“. Характеризуя Гоголя Нѣжинскаго періода его жизни, г. Котляревскій останавливается на одной изъ чертъ его характера, кажущейся исследователю наиболѣе любопытной, — именно на склонности Гоголя смотрѣть на себя, какъ на натуру исключительную, загадочную. Въ связь съ этой чертой авторъ ставитъ раннее честолюбіе Гоголя и его гордыню. Честолюбивыя мечты Гоголя отливались въ форму перспективы государственной службы. „Служба“ и служеніе сливались въ представленіи Гоголя, по мнѣнію г. Котляревскаго, какъ въ позднѣйшее время Гоголь смотрѣлъ на свое писательство, какъ на форму службы государству. Весьма характернымъ считаетъ г. Котляревскій, что мысль о писательствѣ не играла никакой роли въ честолюбивыхъ мечтахъ юноши Гоголя.

Слѣдующій очеркъ (третій) г. Котляревскій посвящаетъ первымъ опытамъ Гоголя. Отмѣчая патетичность отрывковъ неоконченнаго ранняго романа Гоголя „Гетманъ“, обнаруживающагося уже въ этихъ отрывкахъ умѣніе пользоваться фантастическимъ и ужаснымъ, г. Котляревскій указываетъ, что уже въ другой законченной перанней повѣсти „Страшный Кабанъ“ Гоголь обнаруживаетъ юморъ и умѣніе рисовать жанровыя сцены.

Наибольшій интересъ для біографа представляетъ, по мнѣнію профессора Котляревскаго, „Ганцъ Кюхельгаргенъ“. Ганцъ представляется исследователю идеализированнымъ портретомъ самого Гоголя. Подводя итогъ впечатлѣніямъ, выносимымъ изъ чтенія юношескихъ писемъ и отрывковъ раннихъ произведеній Гоголя, г. Котляревскій вынужденъ признать ихъ „въ высшей степени неяснымъ“.

Намъ думается, что болѣе детальное изученіе среды и школьной обстановки Гоголя привело бы нашего исследователя къ гораздо болѣе опредѣленности и что та характеристика, которую авторъ даетъ здѣсь въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ (напримѣръ, относительно „лиризма“, повидимому противоположнаго „комизму“), нагѣнна старымъ построеніемъ г. Кояловича о лиризмѣ и комизмѣ у Гоголя¹⁾. Во всякомъ случаѣ у г. Котляревскаго остаются совершенно невыясненными источники настроеній Гоголя въ раннюю эпоху, если не считать, опять

¹⁾ См. „Московскій Сборникъ“ Шаранова. М. 1887.

также повидимому навѣянной г. Коляловичемъ и Вогюэ ссылки на малорусское происхождение Гоголя, объясненіе, которое разбивается о тотъ несомнѣнный фактъ, что изъ многихъ милліоновъ жившихъ и живущихъ малороссовъ вышелъ всего одинъ Гоголь.

Переходя къ „Ганцу Кюхельгартену“ и его судьбѣ, г. Котляревскій указываетъ автобиографичность поэмы и надежды на нее автора. Неудачей „Ганца Кюхельгартена“ авторъ съ излишней по нашему мнѣнію категоричностью объясняетъ странную поѣздку Гоголя за границу. Съ не менѣе излишней категоричностью авторъ вслѣдъ за своими источниками признаетъ ложью то объясненіе, которое давалъ Гоголь своей поѣздкѣ въ письмѣ къ матери. „Тщательная провѣрка всего биографическаго матеріала“ по этому вопросу, о которой говоритъ г. Котляревскій, подразумѣвала очевидно работу г. Шенрока, далеко не исчерпываетъ вопроса и не выясняетъ всего. Недавнія статьи проф. Кирпичникова показали, что даже довольно крупные факты виѣшней біографіи Гоголя въ это время (его служба въ III отдѣленіи) остались неизвѣстны г. Шенроку, тѣмъ болѣе могла остаться неизвѣстной ему любовь Гоголя, человѣка скрытнаго и замкнутаго. Намъ думается, что этотъ періодъ жизни Гоголя и послѣ работы г. Шенрока нуждается въ болѣе внимательномъ изученіи, и категоричность сужденія относительно этого въ немъ является пока крайне рискованной.

Въ самыхъ общихъ чертахъ проф. Котляревскій характеризуетъ душевное состояніе Гоголя въ моментъ возвращенія изъ заграницы и въ періодъ созданія „Вечеровъ на хуторѣ“. Любопытный процессъ выступленія художника на свою истинную дорогу остается незатроутымъ, равно какъ и тѣ психологическія условія, которыя вызвали появленіе „Вечеровъ“. Вообще въ этой своей части работа г. Котляревскаго могла бы дать гораздо больше, чѣмъ она даетъ. Г. Котляревскій заканчиваетъ обзоръ первыхъ лѣтъ литературной дѣятельности Гоголя признаніемъ, что „въ психической жизни художника за эти годы много туманнаго и трудно объяснимаго“, но надо сознаться, что нашъ изслѣдователь почти ничего не сдѣлалъ, чтобы разобраться въ этомъ „туманномъ и трудно объяснимомъ“. Его работа ограничилась далеко не полной сводкой добытаго другими, преимущественно г. Шенрокомъ.

Покончивъ съ эпохой „Вечеровъ на хуторѣ“, которой по мнѣнію автора заканчиваются „ученическіе годы Гоголя“, г. Котляревскій предпринимаетъ обширный экскурсъ въ сторону, давая въ нѣсколь-

кихъ главахъ „обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ“.

Приступая къ оцѣнкѣ художественнаго значенія „Вечеровъ“, г. Котляревскій останавливается на повѣстяхъ Погодина, въ которомъ видитъ ближайшаго предшественника Гоголя, какъ автора „Вечеровъ“. Отличительной чертой „Вечеровъ“ г. Котляревскій считаетъ смѣшеніе романтизма съ реализмомъ. По „Вечерамъ“ нельзя судить, по мнѣнію г. Котляревскаго, о томъ, получить ли впоследствии въ Гоголѣ преобладаніе реалистъ или романтикъ. Въ самыхъ „Вечерахъ“ романтикъ еще преобладаетъ. Очень любопытнымъ и цѣннымъ является замѣчаніе г. Котляревскаго, что чудесное въ повѣстяхъ Гоголя совпадало съ одной изъ существенныхъ сторонъ міросозерцанія Гоголя. Если не вполне можно согласиться съ мнѣніемъ г. Котляревскаго, что „малороссійскіе черти и вѣдьмы превратились со временемъ въ настоящаго черта, въ существованіе котораго Гоголь вѣрилъ и отъ котораго предостерегалъ Аксакова“, то несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ изъ образовъ чертей (Басаврюкъ, Вій) чувствуется доля мистицизма, ясное сказавшагося впоследствии въ „Портретѣ“. Съ большей осторожностью отнеслись бы мы къ другому тоже тонкому, но нѣсколько рискованному предположенію автору.

„Но помимо этой существенной роли, какую чудесное играло въ міросозерцаніи нашего автора, говоритъ г. Котляревскій, міръ призраковъ удовлетворялъ въ дни его юности и другой потребности его духа, именно—жаждѣ свободы. Выворотить человѣческую жизнь наизнанку, поставивъ въ ней все вверхъ дномъ, сдѣлать ее рядомъ неожиданностей, пока въ большинствѣ случаевъ очень пріятныхъ для человѣка, значило тогда для скромнаго и нуждающагося мелкаго чиновника испытать хоть въ мечтахъ свободный размахъ своей энергіи и воли, которая такъ была стѣснена въ жизни“.

Безспорно недовольство настоящимъ является одной изъ характерныхъ чертъ всякаго романтизма, а слѣдовательно и романтизма Гоголя, но въ данномъ случаѣ врядъ ли оно могло имѣть непосредственное значеніе. Въ спорномъ вопросѣ о степени правдивости изображенія въ повѣстяхъ малорусскаго народнаго быта, г. Котляревскій держится средняго мнѣнія. Признавая неправой такъ называемую „этнографическую критику“ Гоголя (Кулиша), г. Котляревскій дѣлаетъ ей однако довольно существенную уступку, признавалъ, что „изображеніе малороссійскаго быта грѣшитъ перѣдко излишней романтической красотой“ и что „въ компановкѣ повѣстей допущены, дѣйстви-

тельно, нѣкоторыя странности, съ реализмомъ не вполне согласныя". Г. Котляревскій отмѣчаетъ далѣе, что знаменитыя описанія природы Малороссіи у Гоголя, вроде „Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ“, слишкомъ субъективны, что они не вспоминаются человѣку, любящему природой Малороссіи, что портреты въ „Вечерахъ“ очень условны, а любовныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ отзвукъ народныхъ пѣсенъ. Въ итогѣ г. Котляревскій признаетъ „Вечера“ произведеніемъ, „созданнымъ скорѣе въ стилѣ сантиментально романтическомъ, чѣмъ въ стилѣ повомъ, который требовалъ тѣсной связи искусства и жизни“. Ярко выдѣляющейся своимъ реализмомъ въ ряду повѣстей „Вечеровъ“ г. Котляревскій считаетъ повѣсть „объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ“. Остановливаясь на отзывахъ о „Вечерахъ“ современной имъ критики, г. Котляревскій указываетъ, что эта критика смутно улавливала достоинство рассказовъ, и что противорѣчія этой критики обуславливаются тѣмъ, что въ Гоголѣ писатель реалистъ спорилъ съ романтикомъ. Тонъ „Вечеровъ“, ихъ комизмъ, гиперболизмъ описаній малорусской природы, и „лирическія мѣста“ г. Котляревскій объясняетъ сѣрой будничной обстановкой первыхъ лѣтъ петербургской жизни Гоголя, заставлявшей его искать забвенія въ мечтахъ о родной Малороссіи, въ фантастическомъ и забавномъ.

Въ слѣдующемъ очеркѣ г. Котляревскій возвращается къ біографіи Гоголя и дѣлаетъ обзоръ семилѣтняго пребыванія его въ Петербургѣ (1829—1836 гг.). Разсматривая этотъ періодъ жизни Гоголя, какъ рядъ побѣдъ, приведенныхъ Гоголя въ ряды первыхъ русскихъ писателей, г. Котляревскій отмѣчаетъ, что несмотря на это въ письмахъ Гоголя чувствуется постоянная грустная дума, и въ концѣ концовъ Гоголь уѣзжаетъ изъ Россіи въ самомъ тяжеломъ душевномъ состояніи. Это настроеніе г. Котляревскій связываетъ съ той идейной борьбой, которая происходила тогда въ душѣ Гоголя. Въ немъ продолжала жить его прежняя мысль о высокомъ призваніи, которое по прежнему онъ понималъ, какъ службу государству. Стремленіе Гоголя добиться профессуры представляется г. Котляревскому тѣмъ же „исканіемъ великаго дѣла“. На эпизодѣ съ профессурой Гоголя г. Котляревскій останавливается довольно долго. Прежде всего онъ устанавливаетъ, что у Гоголя было сильное желаніе работать и работать онъ усердно. Сгруппировавъ отзывы слушателей Гоголя, рисующіе его профессуру въ самыхъ печальныхъ краскахъ, г. Котляревскій указываетъ на то, что Гоголь не понималъ, кто былъ виной его неудачи: все вваливалъ онъ на безцвѣтность студентовъ, не подозревалъ, что среди нихъ сидѣли Тургсневъ и Грановскій. Оста-

вляя профессуру, Гоголь, по мнѣнію г. Котляревскаго, долженъ былъ проститься съ послѣдними надеждами на „службу“, но Гоголь все еще не рѣшается признать художественное творчество своимъ истиннымъ призваніемъ. Г. Котляревскій объясняетъ это обстоятельство тѣмъ, что вѣра Гоголя въ себя, какъ художника, не была еще достаточно крѣпка. Мы не согласились бы съ такимъ объясненіемъ. Намъ думается, что причиной упорнаго нежеланія Гоголя взглянуть на литературу, какъ на истинное призваніе, былъ далеко не недостатокъ самооцѣнки. Недостаткомъ самооцѣнки Гоголь никогда не грѣшилъ. Суть дѣла заключалась въ отсутствіи у Гоголя, какъ и въ огромномъ большинствѣ современнаго ему общества, пониманія общественной цѣнности художественнаго творчества. Дойти до взгляда на художественное творчество, какъ на общественное служеніе, Гоголь не могъ никогда, хотя и приближался къ этому взгляду. Въ этомъ отношеніи мы можемъ лишь условно принять мнѣніе г. Котляревскаго, что въ концѣ 1835 г. Гоголемъ наконецъ была найдена настоящая дорога. Восклицаніе „да здравствуетъ комедія“, на которое ссылается г. Котляревскій, есть результатъ увлеченія художественнымъ замысломъ знакомаго Гоголю и раньше, съ извѣстной примѣсью досады и разочарованія. Яснаго пониманія значенія творчества здѣсь все-таки нѣтъ. Равнымъ образомъ трудно согласиться и съ предположеніемъ г. Котляревскаго, что беспокойное и смутное состояніе духа Гоголя обуславливалось смѣной въ приемахъ творчества, что вопросъ, который болѣе всего занималъ Гоголя въ эти годы былъ вопросъ о томъ, съ какой стороны художнику подходить къ жизни. У Гоголя не видно слѣдовъ работы надъ этимъ вопросомъ. Его творчество было слишкомъ непосредственнымъ, чтобы имъ задаваться. Настроеніе опредѣляло, съ какой стороны ему подходить къ жизни, что въ ней искать для своего творчества. Мы не видимъ также никакихъ основаній думать вмѣстѣ съ г. Котляревскимъ, что Гоголя въ разсматриваемую эпоху его жизни занималъ вопросъ, „призванъ ли художникъ вычитать изъ этой жизни ея таинственный смыслъ, напоминать этой жизни объ ея идеалѣ и быть для людей маякомъ, который, возвышаясь надъ взволнованнымъ житейскимъ моремъ, ведетъ ихъ къ вѣрной пристани; или онъ долженъ быть для нихъ простымъ зоркимъ спутникомъ, призваннымъ открыть имъ глаза на опасность?“ Если подобные вопросы становились передъ Гоголемъ, то развѣ много позже, въ эпоху 2-ой части „Мертвыхъ Душъ“ и „Переписки“; но и тогда дѣло обстояло, намъ кажется, проще: борьба шла не между тѣмъ или инымъ пониманіемъ задачъ

творчества, а между влеченіемъ къ нему таланта и сомнѣніемъ въ общественной и моральной цѣнности творчества. Не писать было слинкомъ трудно, а писаніе не могло удовлетворять, такъ какъ не было увѣренности, дѣйствительно ли оно настоящее „дѣло“, служеніе. Довольно правильно, намъ кажется, оцѣнена г. Котляревскимъ роль въ этой борьбѣ, какъ бы ее ни понимать, Пушкина. Кружокъ Пушкина укрѣпилъ вѣру Гоголя въ значеніе поэта, но пониманіе этого значенія у Пушкина и Гоголя осталось различнымъ. Пушкинское пониманіе не было мистическимъ какъ пониманіе Гоголя. Но если взглядъ Пушкина второй половины 20-хъ годовъ на поэта какъ пророка, жреца искусства и былъ съ мистической окраской воспринять Гоголемъ, то онъ очень мало могъ разъяснить ему значеніе поэтического творчества, прежде всего потому, что и въ источникѣ своемъ отличался большой туманностью. Этотъ взглядъ могъ только временно оправдать въ глазахъ Гоголя его литературную дѣятельность, но никонимъ образомъ не выяснитъ ея смыслъ. Душевная борьба Гоголя, которую проф. Котляревскій опредѣляетъ, какъ борьбу лиризма и романтическихъ чувствъ съ трезвой паблюдательностью, намъ представляется борьбой аскетическаго средневѣковаго міросозерцанія и развитія съ потребностью творчества.

Въ слѣдующемъ очеркѣ г. Котляревскій обращается къ критическимъ статьямъ Гоголя и его статьямъ объ искусствѣ. Въ Гоголѣ, какъ критикѣ и эстетикѣ, г. Котляревскій признаетъ не только чуткость, способность необыкновенно схватывать и ярко характеризовать явленіе своими метафорами, но и умѣніе тонко рассуждать и даже безспорную силу теоретика. Мы увидимъ далѣе, насколько эти взгляды г. Котляревскаго расходятся со взглядами другого новѣйшаго изслѣдователя Гоголя проф. Овсяннико-Куликовскаго. Съ своей стороны отмѣтимъ, что матеріаль, привлеченный г. Котляревскимъ, говоритъ о силѣ чуткости Гоголя, но отнюдь не о его способностяхъ теоретика. Намъ кажется ошибочнымъ и выводъ г. Котляревскаго изъ обзора критическихъ статей Гоголя.

„Всѣ перечисленные нами статьи Гоголя, говоритъ г. Котляревскій, по вопросамъ объ искусствѣ въ шпрокомъ смыслѣ этого слова и по вопросамъ литературнымъ показываютъ, какъ много онъ въ эти годы думалъ о томъ дѣлѣ, которому начинать служить. Значеніе искусства для жизни—вотъ вопросъ, къ которому онъ теперь постепенно возвращается и который всегда возбуждаетъ въ немъ особую тревогу мысли“.

Если нельзя не согласиться съ первой половиной заключенія г. Кот-

ляревскаго, то мы не видимъ достаточныхъ основаній въ статьяхъ Гоголя для второй половины. Вопросъ объ отношеніи искусства къ жизни нигдѣ не ставится въ статьяхъ Гоголя. Отъ этого вопроса могли только отклонять Гоголя теоріи Пушкинскаго кружка, исповѣдовавшаго въ то время культъ самодовлѣющаго искусства, и тѣмъ самымъ эти вліянія сохраняли въ Гоголѣ художника.

Впослѣдствіи, когда Гоголь дѣйствительно поставилъ себѣ этотъ вопросъ, онъ оказался совершенно неподготовленнымъ для рациональнаго его разрѣшенія и разрѣшилъ его въ духѣ своего средневѣковаго міросозерцанія не въ пользу искусства.

Г. Котляревскій признаетъ теоретическую мысль Гоголя стоящей въ вопросахъ искусства „вровень съ мыслью его поколѣнія, опережая его однако въ художественномъ воплощеніи“.

Обосновывая это свое положеніе, нашъ авторъ дѣлаетъ экскурсъ въ область современныхъ Гоголю на Руси эстетическихъ взглядовъ. Онъ разсматриваетъ взгляды князя Одоевскаго, Куколынки, Подевого, Тимофѣева и Павлова. Прослѣживая извѣстную аналогію въ повѣстяхъ этихъ писателей, трактующихъ тему о роли художника, г. Котляревскій указываетъ на нѣкоторую аналогію съ разработкой той же темы у Гоголя и отсюда дѣлаетъ заключеніе въ пользу существованія у Гоголя тѣхъ же взглядовъ, какіе были у Одоевскаго и другихъ. Намъ кажется совершенно невозможнымъ принять это построеніе автора, такъ какъ то, что было у шеллингистовъ плодомъ чисто теоретической мысли, у Гоголя являлось лишь настроеніемъ мистически мыслящаго художника. Г. Котляревскій въ Гоголевскомъ „Портретѣ“ видитъ не только художественное и автобіографическое содержаніе, но и философское. И это философское содержаніе, выразившееся въ славословіи искусству, г. Котляревскій признаетъ наиболѣе важнымъ. Взгляды Гоголя на искусство, выраженные въ „Портретѣ“ и прекрасно освѣщенные г. Котляревскимъ, дѣйствительно слѣдуетъ признать въ высшей степени интересными, но врядъ ли ихъ можно назвать философскими. Вопросъ, который такъ рельефно ставится здѣсь Гоголемъ, это вопросъ художественной техники. Гоголь останавливается надъ тѣмъ, гдѣ реализмъ перестаетъ быть художественнымъ, и не разрѣшаетъ этотъ вопросъ, а только со свойственной ему яркостью выдвигаетъ его. Другой вопросъ, поставленный Гоголемъ въ „Портретѣ“ и формулируемый г. Котляревскимъ слѣдующими словами: „не служить ли искусство грѣху, когда его воспроизводитъ“, во всякомъ случаѣ не отличается новизной. Церковь давно поставила и разрѣшила его сво-

имъ гоненіемъ на бѣсовскія игры и пляски, театръ и т. д. У Гоголя въ этомъ случаѣ мы видимъ лишь отголоски средневѣковаго міросозерцанія, вынесеннаго имъ изъ семьи, которое кое-какъ заглушалось, въ первый періодъ его жизни, потребностями творчества и кое-какими болѣе свѣжими идейными вліяніями, но которое въ эпоху „Портрета“ уже стало ярко сказываться.

Постановка этого вопроса Гоголемъ въ „Портретъ“ предвѣщала разрѣшеніе его въ духѣ аскетизма въ „Перепискѣ“ и сожженія „Мертвыхъ Душъ“. Третью „философскую“ мысль, которую находятъ г. Котляревскій въ „Портретъ“, онъ самъ признаетъ старой (и почему-то „нѣмецкой“), это мысль о религіозномъ служеніи художника. Эту „нѣмецкую“ мысль можно найти въ Кіево-Печерскомъ патерикѣ, въ житіяхъ святыхъ иконописцевъ. Тамъ же можно найти и взглядъ на грѣховность искусства, впоследствии овладѣвшій Гоголемъ. Къ числу повѣстей, трактующихъ вопросъ объ участи непримиреннаго съ жизнью художника, г. Котляревскій относитъ также „Невскій Проспектъ“ и „Записки Сумасшедшаго“. Последнюю повѣсть включать въ разсматриваемую категорію намъ кажется большой натяжкой. Что касается до героя „Невскаго Проспекта“, то художничество его играетъ въ злоключеніяхъ ничтожную роль. Пискаревъ это тотъ же „Гаицъ Кюхельгартенъ“, только въ болѣе трагическомъ положеніи, съ болѣе печальнымъ концомъ.

Такимъ образомъ борьба Гоголя съ собой въ эти годы представляется г. Котляревскому борьбой романтическаго взгляда на жизнь съ реализмомъ таланта. До извѣстной степени этотъ взглядъ нашего изслѣдователя напоминаетъ борьбу комизма съ лиризмомъ Гоголя въ болѣе ранней работѣ Кояловича. Построеніе г. Котляревскаго глубже и историчнѣе, но врядъ ли оно способно выдержать критику. Романтическій взглядъ на жизнь можетъ мириться съ реализмомъ творчества (что мы видимъ хотя бы въ нѣкоторыхъ вѣщахъ Гоголя), съ другой стороны, если въ Гоголѣ никогда не умиралъ романтикъ, то онъ никогда и не былъ романтикомъ вполне, никогда онъ не могъ отрѣшиться отъ многихъ, вынесенныхъ изъ домашней среды, чертъ, которыя весьма плохо мирились съ романтизмомъ. Борьба Гоголя это была борьба двухъ міросозерцаній, даже двухъ культуръ, которыя обѣ имѣли надъ нимъ силу. Дитя малороссійской панской среды съ ея схоластическимъ міросозерцаніемъ и житейской пошлостью и ученикъ нѣмецкихъ романтиковъ, Пушкина и Жуковскаго боролись въ Гоголѣ до конца его жизни.

Переходя къ историческимъ трудамъ Гоголя, г. Котляревскій отмѣчаетъ романтическій характеръ историческихъ интересовъ Гоголя. Признавая, что Гоголь работалъ надъ историческими трудами много, г. Котляревскій оцѣниваетъ однако его, какъ историка, очень не высоко. Гоголь, по мнѣнію нашего изслѣдователя, остановился лишь на самыхъ внѣшнихъ чертахъ того идеальнаго историка, котораго онъ себѣ рисовалъ, онъ погнался за картинностью изложенія и за характеристиками дѣйствующихъ лицъ, дѣлая свою рѣчь все болѣе и болѣе „огненной“. Романтическимъ было, по мнѣнію г. Котляревскаго, и отношеніе Гоголя къ историческому матеріалу; такъ онъ не любилъ исторіи Греціи и Рима, пыталъ наоборотъ особую слабость къ среднимъ вѣкамъ. Въ своихъ лекціяхъ Гоголь оставался, по мнѣнію г. Котляревскаго, поэтомъ романтикомъ, какъ и въ его повѣстяхъ. Г. Котляревскій отмѣчаетъ въ лекціяхъ Гоголя также двѣ тенденціи, присутствующія многимъ романтикамъ: консерватизмъ и религіозность.

Планы „Исторіи Малороссіи“ закончились „Тарасомъ Бульбой“, и эту повѣсть г. Котляревскій считаетъ единственнымъ цѣннымъ результатомъ занятой исторіей Малороссіи. Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ нашъ изслѣдователь видитъ много реализма въ рѣчахъ и передачѣ психическихъ движеній и ясную печать романтическаго взгляда на прошлое. Быть можетъ, точнѣе было бы назвать то, что нашъ изслѣдователь называетъ реализмомъ, другимъ именемъ; быть можетъ, это просто яркость письма, доступная и романтику; но въ общемъ съ характеристикой г. Котляревскаго нельзя не согласиться. „Тараса Бульбу“ авторъ не признаетъ историческимъ романомъ. Это произведеніе является по его мнѣнію лучшимъ среди массы „романовъ приключеній“, многочисленныхъ въ 30-хъ годахъ, къ числу которыхъ г. Котляревскій относитъ романы Загоскина, Лажечникова и др. Гоголь въ „Тарасѣ Бульбѣ“, по мнѣнію автора, не открылъ новыхъ путей, но довелъ до совершенства старыя приемы и силой художественнаго таланта ослабилъ, хотя и не уничтожилъ, недостатки ихъ.

Отмѣчая постепенное торжество реализма въ творчествѣ Гоголя, которое замѣчается въ произведеніяхъ Гоголя, по мнѣнію г. Котляревскаго, съ „Віа“, нашъ изслѣдователь, повидимому, видитъ въ этомъ торжествѣ не только ростъ таланта по свойствамъ своимъ реалистичнаго, но и переработку самаго склада мыслей. Гоголь-романтикъ какъ будто умираетъ для нашего изслѣдователя вмѣстѣ съ романтическими приемами творчества. Подводя итоги романтическому періоду дѣятельности Гоголя, г. Котляревскій считаетъ эти итоги не богатыми. Го-

голь кое-какъ познакомилъ насъ, по его мнѣнію, съ малорусской деревней и усадьбой, погулялъ по Щукину двору и Невскому проспекту, ознакомилъ съ жизнью грязнаго городишки и далъ рядъ яркихъ, но случайныхъ типовъ.

Такова, по нашему мнѣнію слишкомъ низкая, оцѣнка г. Котляревскаго перваго періода дѣятельности Гоголя, оцѣнка, грѣшащая излишней абсолютностью, не принимающая во вниманіе, что далъ писатель тѣмъ, для кого онъ писалъ.

Въ слѣдующемъ этюдѣ г. Котляревскій даетъ очеркъ русской комедіи съ Гоголя. Очеркъ этотъ заканчивается комедіей Квитки „Пріѣзжій изъ столицы“, зависимость отъ которой Гоголевскаго „Ревизора“ г. Котляревскій отрицаетъ. Мѣсто Гоголевской комедіи г. Котляревскій опредѣляетъ такъ: „Гоголь далъ бытовую комедію, которой раньше не было, сатира его не имѣла того общественнаго смысла, какой нѣкогда имѣла сатира фонъ-Визина и Грибоѣдова, сравнительно съ запросами времени она была сдержана и осторожна“. Трудно, конечно, согласиться съ этимъ мнѣніемъ о „Ревизорѣ“, бившемъ, хотя и противъ воли творца, въ самую суть тогдашней Руси, потрясавшемъ самыя основы дореформеннаго строя. И сила „Ревизора“, какъ сатиры, и результаты, вызванные впечатлѣніемъ, произведеннымъ имъ на общество, во всякомъ случаѣ не слабѣе того, что давали фонъ-Визинъ и Грибоѣдовъ.

Послѣ очерка комедіи до Гоголя, г. Котляревскій переходитъ къ очерку драматической дѣятельности Гоголя. Этотъ очеркъ авторъ начинаетъ замѣчаніями о взглядѣ Гоголя на его смѣхъ и постепенной эволюціи этого взгляда. Далѣе г. Котляревскій отмѣчаетъ, что тенденціи Гоголя отнюдь не была либеральной, что таковой ее дѣлали условія русской дѣйствительности при Николаѣ I; что Гоголь всегда оставался убѣжденнымъ консерваторомъ, и тѣмъ не менѣе Гоголь сдѣлался, по выраженію г. Котляревскаго, „однимъ изъ отцовъ русскаго либерализма“.

Такое противорѣчіе г. Котляревскій объясняетъ тѣмъ, что при всемъ своемъ консерватизмѣ Гоголь не любилъ будто бы бюрократію, и противъ нее направилъ всю силу своей сатиры. Мы не могли бы принять такое объясненіе. Сатира Гоголя бичуетъ далеко не одну бюрократію. Плюшкины, Маниловы, Поздревы, Пѣтухи, полковники Кошкарёвы,—все это совсѣмъ не бюрократы, равно какъ Бобчинскіе и Добчинскіе, Иваны Ивановичи и Иваны Никифоровичи и др. Мы рѣшительно не можемъ понять, откуда добыто г. Котляревскимъ пред-

положеніе о нелюбви Гоголя къ бюрократіи, того самаго Гоголя, который такъ долго свой идеаль видѣлъ именно въ бюрократической „службѣ“. Мы бы объяснили это противорѣчіе разладомъ между ясно-видѣніемъ таланта Гоголя и его отсталымъ схоластическимъ міросозерцаніемъ, разладомъ, въ которомъ, намъ кажется, и заключается суть жизненной драмы Гоголя. Болѣе правильнымъ и противорѣчающимъ только что указанному мы считаемъ мнѣніе г. Котляревскаго, что вопросъ сведенъ былъ Гоголемъ съ общественной на нравственную почву. Для Гоголя его дѣятельность была обличеніе нравовъ, а не строя, нравовъ общечеловѣческихъ, а не бюрократическихъ. Въ своихъ герояхъ онъ видѣлъ людей, а не чиновниковъ. Г. Котляревскій самъ подходитъ къ такому воззрѣнію, признавая комедіи Гоголя комедіями характеровъ. Г. Котляревскій распредѣляетъ комедіи Гоголя по серьезности содержанія такъ: „Игроки“—простой драматизированный анекдотъ; „Женитьба“—бытовья сцены, съ виду простая шутка, но на дѣлѣ сатира съ общественнымъ смысломъ; „Владиміръ 3-й степени“, или вѣрнѣе тѣ обломки, которые отъ него остались—попытка очень серьезной общественной сатиры; и, наконецъ, „Ревизоръ“—ся осуществленіе въ смягченномъ видѣ. Большое значеніе г. Котляревскій придаетъ замыслу комедіи „Владиміръ 3-й степени“.

„Если бы онъ (Гоголь) не испугался борьбы, говорятъ г. Котляревскій, комедія „Владиміръ 3-й степени“ была бы настоящей боевой комедіей, не уступающей, быть можетъ, въ силѣ удара ни „Педорослю“, ни „Горю отъ ума“. Но этого не случилось, Гоголь отъ борьбы съ цензурой отказался и, воплигъ правильно оцѣнивая свою скромность и не ожидая никакихъ осложненій, представилъ на ея одобреніе „Ревизора“.

Очеркъ, посвященный „Ревизору“, г. Котляревскій начинаетъ съ исторіи текста „Ревизора“ и вопроса о зависимости его отъ комедіи Квитки. Какъ разрѣшается этотъ вопросъ г. Котляревскимъ, нами было указано выше. Въ оцѣнкѣ общественнаго значенія „Ревизора“ у г. Котляревскаго мы видѣли странное смѣшеніе намѣренія автора съ впечатлѣніемъ, производимымъ произведеніемъ, съ его результатомъ.

Благодаря такому смѣшенію „Ревизоръ“ разсматривается, какъ аналогія правительственной бдительной власти. Доказывать, какъ это дѣлаетъ г. Котляревскій, что Гоголь не былъ либераломъ и не имѣлъ въ виду обличать существующаго строя—это ломиться въ открытую дверь, но общественное значеніе „Ревизора“ не становится нисколько ниже отъ того, входило ли оно въ намѣреніе автора или нѣтъ. При-

водимый самимъ г. Котляревскимъ отзывъ Пикитенко одинъ совершенно разрушаетъ все построение нашего изслѣдователя о „Ревизорѣ“.

Наряду съ попыткой умалить общественное значеніе „Ревизора“, мы должны отмѣтить желаніе г. Котляревскаго противопоставить этой комедіи замыселъ „Владимира 3-й степени“, какъ серьезную общественную сатиру. Признаемся, мы отказываемся понимать это противопоставленіе. Сатира остается въ равной степени сатирой, направлена ли она на статскихъ или титулярныхъ совѣтниковъ, а въ этомъ только и есть разница въ серьезности обличенія въ той и другой комедіи Гоголя. И задумывая „Владимира 3-й степени“, какъ и создавая „Ревизора“ и „Мертвыя души“, Гоголь не былъ либераломъ, не имѣлъ въ виду нанести ударъ существующему строю. Если даже согласиться, что „Владимиръ 3-й степени“, будучи законченъ, произвелъ бы, какъ предполагаетъ г. Котляревскій, неизмѣримо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ „Ревизоръ“, то и въ этомъ Гоголь остался бы столь же неповиненъ, какъ и въ впечатлѣніи, произведенномъ „Ревизоромъ“. Противорѣчіе между результатомъ творчества Гоголя и его намѣреніемъ составляетъ характерную черту его дѣятельности, какъ сатирика, и одну изъ драмъ его жизни.

Выясненія этой драмы и ея причины мы и ждали отъ нашего талантливаго изслѣдователя, но напрасно...

Этюдъ о „Ревизорѣ“ г. Котляревскій заканчиваетъ характеристикою приѣма, оказаннаго этой комедіи публикой и критикой, и приходитъ къ выводу, нѣсколько противорѣчащему съ прежними его разсужденіями, что „общественный смыслъ „Ревизора“ былъ очень значителенъ для своего молчаливаго и пугливаго времени“.

Четырнадцатый очеркъ г. Котляревскаго посвященъ пребыванію Гоголя за-границей.

Настроеніе Гоголя при отъѣздѣ за границу г. Котляревскій считаетъ настроеніемъ человѣка разсерженнаго, но не подавленнаго.

Душевное состояніе Гоголя за-границей представляется г. Котляревскому загадкой, которую не разъяснить никакіе матеріалы, ни даже личныя признанія поэта. Исходя изъ такой мысли, г. Котляревскій не пытается разгадывать этой загадки, которая въ сущности можетъ быть совсѣмъ не такъ неразрѣшима и вѣроятно поддастся бы тщательной критической работѣ такого талантливаго изслѣдователя, какъ г. Котляревскій. Г. Котляревскій ограничивается тѣмъ, что отмѣчаетъ тѣ дѣйствительно яркія противорѣчія въ душевномъ мірѣ Гоголя, которыя сказались во время пребыванія его за-границей (ро-

мантисъ въ душѣ, въ самой романтической обстановкѣ Рима создаетъ Чичикова и Собакевича и др.). Въ концѣ концовъ романтизмъ просыпается въ Гоголѣ, по мнѣнію г. Котляревскаго, подѣ влияніемъ обстановки Италіи. Смерть Пушкина внушила нашему писателю, по мнѣнію г. Котляревскаго, мысль, что къ нему переходитъ роль поэта-пророка и способствовала его перерожденію въ пророка. Подѣ влияніемъ обстановки католическаго Рима развивался въ Гоголѣ все болѣе и болѣе религиозный экстазъ. Всѣ эти факторы были неблагоприятны для Гоголя какъ юмориста и бытописателя. Неблагоприятность ихъ усугублялась болѣзненнымъ состояніемъ Гоголя. Но талантъ Гоголя передъ окончательной гибелью собралъ всѣ свои силы, чтобы создать „Мертвыя души“.

Разцвѣтомъ таланта Гоголя г. Котляревскій считаетъ періодъ съ 1837 по 1842 г., при чемъ съ 1839 года уже замѣчаются, по мнѣнію нашего изслѣдователя, предвѣстники „возвращенія субъективно романтическаго настроенія“, которое и заволокло совсѣмъ и навсегда душу писателя въ серединѣ сороковыхъ годовъ. Характерной для этого періода чертой г. Котляревскій считаетъ реализмъ творчества Гоголя, сказывающійся не только въ новыхъ, но и въ переработкѣ старыхъ сюжетовъ („Тарасъ Бульба“, „Портретъ“). Романтизмъ не давался Гоголю въ это время, по мнѣнію г. Котляревскаго. Произведенія, задуманныя въ романтическомъ духѣ, остались не выполненными (трагедія „Выбритый усъ“). Однако самъ г. Котляревскій отмѣчаетъ, что работа была направлена на детали, на манеру письма. Самые романтическіе сюжеты по прежнему занимали Гоголя и переработанныя произведенія, выигравъ въ реальности детали, оставались по существу романтическими. Настроеніе слѣдовательно не мѣнялось, дѣло было въ приемахъ письма, достигшихъ въ эту пору наивысшаго развитія.

Во второй редакціи „Тараса Бульбы“ самъ г. Котляревскій отмѣчаетъ усиленіе религиозно-патріотическаго элемента въ духѣ доморощеннаго романтизма тридцатыхъ годовъ. Такимъ образомъ врядъ ли можно считать этотъ періодъ періодомъ отрѣшенія отъ романтизма; слѣдовательно, врядъ ли возможно говорить и о томъ, что романтическое настроеніе заволокло душу Гоголя въ половинѣ 40-хъ годовъ. Оно было и до этого времени и не мѣшало Гоголю въ произведеніяхъ своихъ быть реалистомъ. Дѣло заключалось въ томъ, что пока жива еще въ Гоголѣ была вѣра въ полезность творческой работы, вѣра, подсказанная самосознаніемъ таланта, поддержанная

сначала школой, потомъ вліяніемъ Пушкина, съ половины же 40-хъ годовъ вѣра эта, не поддерживаемая болѣе извнѣ, уступаетъ напору аскетическихъ мыслей.

Изъ повѣстей, относящихся къ періоду развѣта таланта Гоголя, г. Котляревскій останавливается особенно внимательно на повѣсти „Шинель“, рассматривая ее какъ родоначальницу цѣлаго ряда повѣстей объ „униженныхъ и оскорбленныхъ“.

Послѣ обзорѣнія болѣе мелкихъ произведеній періода развѣта таланта Гоголя, исторію „Мертвыхъ душъ“ г. Котляревскій называетъ исторіей писательской агоніи ихъ автора. Изъ шестнадцати лѣтъ работы надъ „Мертвыми душами“ г. Котляревскій останавливается на первыхъ шести (1835 — 1842 г.), посвященныхъ работѣ надъ первой частью „Мертвыхъ душъ“. Сюжетъ „Мертвыхъ душъ“, данный Гоголю Пушкинымъ, явился, по мнѣнію г. Котляревскаго, для Гоголя какъ бы завѣщаннымъ Пушкинымъ. Г. Котляревскій прекрасно обрисовываетъ, какъ постепенно замыселъ поэмы разросся для самого Гоголя въ подвигъ, какую роль въ этомъ ростѣ играло его патриотическое и религиозное настроеніе. Планъ „Мертвыхъ душъ“ не былъ ясенъ, по мнѣнію г. Котляревскаго, для самого автора въ началѣ, онъ развивался постепенно, въ теченіи этого времени поэма явилась отраженіемъ мыслей и настроеній, пережитыхъ на протяженіи 16-ти лѣтъ. Увлечшись Дантовскимъ адомъ, Гоголь хотѣлъ, по мнѣнію нашего изслѣдователя, довести своихъ героевъ до очищенія и воскресенія.

Относительно политической тенденціи „Мертвыя души“, по мнѣнію г. Котляревскаго, находятся въ такомъ же положеніи, какъ и „Ревизоръ“. Г. Котляревскій видитъ въ поэмѣ тоже прославленіе дремлющаго ока правительственной власти. Только въ „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ“ видитъ г. Котляревскій легкій намекъ по адресу полномочной власти. Первая часть „Мертвыхъ душъ“, по мнѣнію нашего изслѣдователя—эпопея людскаго ничтожества; лирическія мѣста, полныя національной гордости, навѣяны не тѣмъ, что уже изображено поэтомъ, а тѣмъ, что носилось передъ нимъ впереди. И уже во второй части „Мертвыхъ душъ“ г. Котляревскій подмѣчаетъ въ герояхъ духовныя потребности, которыхъ не было въ первой. Идеей 2-ой части является мысль о возможности для порочныхъ новой жизни. Это обновленіе только начинается во 2-й части, завершиться оно должно было въ третьей.

Предислѣдній очеркъ г. Котляревскаго охватываетъ періодъ пре-

быванія Гоголя въ Россіи въ 1841—1842 году. Изложивъ исторію цензурныхъ мытарствъ „Мертвыхъ душъ“, г. Котляревскій переходитъ къ тому душевному состоянію, въ которомъ Гоголь оказался во время своего пріѣзда въ Россію. Въ этомъ настроеніи Гоголя г. Котляревскій видитъ блаженное состояніе и ростъ религіознаго пафоса, постепенно заглушавшаго и сарказмъ, и юморъ, и даръ спокойнаго созерцанія

Въ своемъ религіозномъ чувствѣ Гоголь былъ, по мнѣнію нашего изслѣдователя, вполне искреннимъ и оставался тѣмъ же романтикомъ, какимъ его видѣли мы раньше. Далѣе г. Котляревскій останавливается на отношеніяхъ Гоголя въ этотъ его пріѣздъ къ нарождавшимся тогда на Руси общественно-литературнымъ партіямъ: славянофиламъ, представителямъ официальной народности и западникамъ. Съ славянофилами Гоголь сталкивался въ лицѣ семьи Аксаковыхъ. Вліяніе этой семьи въ изображеніи воспоминаній о Гоголѣ С. Т. Аксакова кажется г. Котляревскому преувеличеннымъ. Давая мѣткую и яркую характеристику Сергѣя и Константина Аксаковыхъ, г. Котляревскій приходитъ къ выводу, что оба они не обладали достаточными данными, чтобы вліять на Гоголя; эту свою мысль нашъ изслѣдователь подкрѣпляетъ ссылкой на весьма цѣнное въ этомъ отношеніи мѣсто изъ одного письма Гоголя къ Смирновой. Менѣе убѣдительнымъ намъ кажется мнѣніе автора, что на Гоголя не могли имѣть вліянія и Погодинъ съ Шевыревымъ, такъ какъ у нихъ слишкомъ мало было „Божьяго огня“. Нельзя забывать, что у этихъ людей было въ воззрѣніяхъ много общаго съ Гоголемъ (гораздо больше, чѣмъ у Аксаковыхъ) и если не активно вліять, то поддерживать уже существующее они могли.

Что касается до западниковъ, то съ этой партіей у Гоголя, по мнѣнію г. Котляревскаго, не было никакихъ отношеній, если не считать мимолетнаго, не оставившаго слѣдовъ знакомства съ Бѣлинскимъ. Гоголь былъ, по мнѣнію г. Котляревскаго, чуждъ какъ западничеству, такъ и славянофильству; съ этимъ нельзя не согласиться, если не объединять со славянофилами, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ, Шевырева и Погодина.

Въ послѣднемъ очеркѣ г. Котляревскій даетъ характеристику личности и творчества Гоголя. Личность Гоголя представляется г. Котляревскому властной личностью пророка. Несмотря на присутствіе въ этой личности отталкивающихъ чертъ, она обладала силой, которая покоряла другихъ и въ концѣ концовъ сломила самого Гоголя. Далѣе г. Котляревскій переходитъ къ старому сравненію Гоголя съ

Руссо. Это сравненіе вполнѣ принимается нашимъ изслѣдователемъ. „Оба они (Гоголь и Руссо), говоритъ г. Котляревскій, были сентименталисты и моралисты чистѣйшей крови; оба съ очень первымъ и восторженнымъ темпераментомъ, но только Руссо былъ плохой художникъ и апостолъ революціи, Гоголь — художникъ первоклассный и апостолъ консерватизма“. Отдавая должное искренности Гоголя, какъ моралиста, г. Котляревскій говоритъ, что читатель остался глухъ къ его проповѣди, и что, оцѣнивая дѣятельность Гоголя, приходится остановиться исключительно на его художественныхъ произведеніяхъ. Какъ художникъ, Гоголь отдалъ дань, какъ выражается г. Котляревскій, „сентиментальному и романтическому направленію“, доведя его до высшаго развитія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уже въ первыхъ повѣстяхъ является провозвѣстникомъ новаго направленія—реализма, который становится у Гоголя господствующимъ, начиная съ комедій. Отцомъ реализма Гоголя г. Котляревскій, однако, не признаетъ, такъ какъ до Гоголя „мастерству реального письма училъ Пушкиня“, а одновременно съ Гоголемъ Лермонтовъ. Г. Котляревскій не признаетъ даже, что Гоголь мастерствомъ реального письма превзошелъ Пушкина, не находитъ, что картина русской жизни набросана имъ полнѣе и шире. Другого различія, различія въ тонѣ и краскахъ этой картины у Пушкина и Гоголя г. Котляревскій не отмѣчаетъ. Станнымъ намъ кажется утвержденію г. Котляревскаго, что реализмъ и юморъ „всегда находились во враждѣ съ основными чертами характера Гоголя и складомъ его ума“. Отрицать, что юморъ былъ одной изъ самыхъ существенныхъ сторонъ характера и склада ума—это значить не справиться съ понимаемъ этой сложной личности, понять ее односторонне, т.-е. ложно. Такая ошибка г. Котляревскаго обуславливается взглядомъ его на Гоголя, какъ на романтика и сентименталиста *по натурѣ*, взглядомъ, который врядъ ли былъ бы возможенъ, если бы нашъ изслѣдователь болѣе внимательно изучилъ тѣ вліянія, подъ которыми развивалась личность Гоголя. Вліяніе произведеній Гоголя помимо ихъ художественной цѣнности г. Котляревскій объясняетъ „совѣстливостью“ Гоголя по отношенію къ каждому своему слову и чувству. Эта же совѣстливость или „болѣзнь совѣсти“, какъ ниже называетъ ее г. Котляревскій, заставила Гоголя впоследствии, стремясь „вернуть утраченный (?) идеалъ“, избрать путь покаянія и нравственной проповѣди.

Мы закончили обзоръ наиболѣе крупной и наиболѣе талантливой работы, вызванной гоголевскими днями. Признаемся, въ итогѣ отъ

чтенія этой работы остается чувство неудовлетворенности. На ряду съ блескомъ изложенія и многими цѣнными оригинальными сужденіями, мы должны констатировать отсутствіе цѣльности пониманія личности. Мы много узнаемъ о Гоголѣ новаго изъ книги г. Котляревскаго, новаго не въ области фактовъ, которые у нашего изслѣдователя взяты изъ вторыхъ рукъ, а въ области освѣщенія ихъ, но тѣмъ не менѣе цѣльнаго образа Гоголя, послѣдовательнаго развитія его жизненной драмы мы не находимъ у г. Котляревскаго. Въ этомъ отношеніи работа г. Котляревскаго сильно уступаетъ работамъ С. А. Венгерова и профессора Овсяннико-Куликовскаго, съ которыми можно не соглашаться, но у которыхъ образъ Гоголя значительно ярче и рельефнѣе. Разгадка двойственности Гоголя, противорѣчія его натуры и творчества тоже не дались г. Котляревскому, который въ своей эскизной работѣ уклонился отъ внимательнаго анализа фактическаго матеріала.

Въ итогѣ работа г. Котляревскаго является лучшимъ опроверженіемъ его мысли, что о Гоголѣ все существенное сказано: давая много новаго, эта работа еще больше оставляетъ нераскрытымъ, ожидающимъ своего изслѣдователя.

С. А. Венгеровъ. „Писатель-гражданинъ“. („Русское Богатство“, № 2, 3 и 4).

Второй работой общаго характера является въ гоголевской юбилейной литературѣ статья С. А. Венгерова „Писатель-гражданинъ“. Статья эта представляетъ попытку выяснить душевную драму Гоголя по его письмамъ, при чемъ авторъ останавливается на существующихъ объясненіяхъ этой драмы (болѣзнь, сознание истощенія творческихъ силъ). Оба эти объясненія не удовлетворяютъ изслѣдователя. Гоголевская тоска общественнаго характера. Гоголь вмѣстѣ съ Лермонтовымъ выразитель „святого недовольства“ своего времени, тревоги и мятежнаго исканія молодого русскаго общества. Въ разрѣзъ съ мнѣніемъ г. Котляревскаго С. А. Венгеровъ думаетъ, что бичъ сатиры Гоголя ударилъ по всему строю общественно-государственной организаціи. Въ этомъ источникъ плодотворности сатиры Гоголя. Задачей своей г. Венгеровъ ставитъ выяснить, что „духовное существо Гоголя было переполнено гражданскими стремленіями и притомъ, вовсе не такъ бессознательно, какъ обыкновенно думаютъ“.

Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ взглядомъ, прямо противоположнымъ взгляду г. Котляревскаго. Самая возможность такой противоположности свидѣтельствуетъ лучше всего о преждевре-

менности утверждения г. Котляревскаго, будто все существенное о Гоголѣ сказано. Г. Венгеровъ внимательно останавливается на почти обойденномъ г. Котляревскимъ вопросѣ о противорѣчіяхъ между Гоголемъ-художникомъ и Гоголемъ-теоретикомъ. Изложивъ мнѣнія по этому вопросу Вѣлиискаго и Чернышевскаго и указавъ, что взглядъ на художника, какъ на неполнаго отражателя получаемыхъ впечатлѣній, сдѣлалъ со времени Вѣлиискаго большія завосванія, г. Венгеровъ находитъ, что „по чловѣчеству“ есть что-то „общіе“ въ мысли, что Гоголь, отъ котораго пошло все то, чѣмъ сильна повѣйшая русская литература, не вѣдалъ, что творилъ. Исходя изъ такого чувства обиды, С. А. Венгеровъ вспоминаетъ слова одного русскаго соціолога, что теорія полной закономерности историческаго развитія легко можетъ покрыться „коростой“, при чрезмѣрной послѣдовательности, перейдя въ фатализмъ. Такой коростой кажется г. Венгерову мнѣніе о бессознательности творчества Гоголя. При помощи такого построения С. А. Венгеровъ подходит къ смѣлому предположенію, что „усмотрѣть полное единство всей творческой дѣятельности Гоголя и полную сознательность ея совсѣмъ не такъ трудно“. Такое единство и сознательность можетъ быть достигнуто и при помощи расширенія понятія „направленіе“. Либерализмъ и консерватизмъ, клерикализмъ и свободомысліе представляются г. Венгерову видовыми категоріями „направленія“, тогда какъ родовымъ понятіемъ о „направленіи“ представляется ему „психологическій рисунокъ чловѣка“, т. е., совокупность унаслѣдованныхъ имъ при рожденіи психологическихъ свойствъ. Если, конечно, очень много можно сказать противъ логичности такого сопоставленія явленій различнаго порядка, какъ „консерватизмъ“ и „психологическій рисунокъ“, то за этимъ логически неудачнымъ построеніемъ скрывается у г. Венгерова вполне правильная мысль о психологической цѣльности Гоголя, несмотря на разладъ между его воззрѣніями и результатами его творчества. Такое единство видитъ и г. Венгеровъ въ духовномъ обликѣ Гоголя, считая его писателемъ-гражданиномъ по преимуществу.

Мы не могли бы согласиться со взглядомъ на Гоголя, какъ на гражданина по преимуществу, хотя вполне разделяемъ мысль С. А. Венгерова о психологической цѣльности Гоголя. Гоголь теоретикъ и Гоголь художникъ могутъ быть примирены не въ писатель-гражданинѣ, а въ гениальномъ, но неразвитомъ чловѣкѣ, который съ прозорливостью генія схватываетъ и постигаетъ самыя явленія, но не въ

силахъ выяснитъ себѣ причину связи. Борьба гениальности съ невѣжествомъ, порывовъ къ творчеству съ рабствомъ мысли передъ очень ветхими авторитетами и была драмой Гоголя, надо сознаться, чисто „національной“ драмой. Слабость построения г. Венгерова сказалась въ необходимости сохранить все-таки двойственность психики Гоголя. Заимствуя у Герцена сравненіе западниковъ и славянофиловъ съ двуликимъ Янусомъ, г. Венгеровъ пользуется этимъ сравненіемъ примѣнительно къ Гоголю. „Пусть обѣ его ипостаси, говоритъ г. Венгеровъ, смотря въ разныя стороны, но сердочный порывъ всегда былъ у него тотъ же самый, кругъ интересовъ всегда былъ одинъ и тотъ же“. Такимъ образомъ вмѣсто психическаго единства, Гоголь все-таки оказывается у г. Венгерова человекомъ съ двумя ипостасями, двуликимъ Янусомъ. Какъ черту, характерную для писателя-гражданина, г. Венгеровъ приводитъ склонность Гоголя рисовать не личность, а массу; „коллективное, говоритъ онъ, всегда поглощаетъ у Гоголя индивидуальное“. Почему Гоголь рисовалъ не личность, а массу—вопросъ, на которомъ останавливаться здѣсь мы не имѣемъ возможности, но мы сомнѣваемся, чтобы было возможно считать рисовку толпы за признакъ художника-гражданина, а изображеніе личности—за обратный признакъ. Становясь на такую точку зрѣнія, пришлось бы признать художникомъ-гражданиномъ г. Маковского и отказать въ этомъ имени, хотя бы покойному Ярошенко. Отъ предполагаемаго преобладанія интереса къ общественности, по мнѣнію С. А. Венгерова, одинъ только шагъ къ тоскѣ по общественному совершенству. Переходя только что приведеннымъ мнѣніемъ съ общественной почвы на индивидуальную и характеризуя Гоголя, какъ человека, „родившагося“ съ душой, въ которую „съ дѣтскихъ лѣтъ было заложено стремленіе выскъ“, г. Венгеровъ приходитъ къ совершенно правильному заключенію, что и въ обскурантскомъ міросозерпаніи „Персииски“, и въ его неудачныхъ съ художественной точки зрѣнія, но глубоко выстрадавшихъ попыткахъ второй части „Мертвыхъ душъ“ дать не только отрицательные, но и положительные типы, столько же глубокой жажды добра, какъ и въ грозной обличительной дѣятельности, положившей начало русскому общественному самосознанію“.

Приступая къ разсмотрѣнію самыхъ писемъ Гоголя съ цѣлью выясненія его душевной драмы, С. А. Венгеровъ останавливается на первыхъ его письмахъ, писанныхъ изъ Полтавы. Кстати отмѣтимъ маленькую неточность: С. А. Венгеровъ говоритъ, „переписка начинается

съ 20-го года, когда 11-ти лѣтній мальчикъ былъ отправленъ въ Нѣжинскій лицей“; въ Нѣжинѣ Гоголь былъ отправленъ поздне, а переписка начинается съ пребыванія его въ Полтавѣ.

Дѣтскія письма Гоголя поражаютъ С. А. Венгерова „отсутствіемъ въ нихъ дѣтскости и полною сознательностью“. Одна изъ новѣйшихъ работъ о дѣтскихъ годахъ Гоголя, принадлежащая перу г. Щеголева ¹⁾, даетъ новое, повидимому, правильное объясненіе страннаго тона раннихъ писемъ Гоголя: онѣ диктовались воспитателемъ, обстоятельство это лишь до известной степени способно ослабить то впечатлѣніе, которое производятъ раннія письма Гоголя. Та же дѣланность, сочиненность замѣчается и въ такихъ письмахъ Гоголя-отрока, относительно которыхъ нельзя думать, что они продиктованы. Вѣрно отмѣчаетъ С. А. Венгерова и другую особенность писемъ Гоголя: большинство ихъ, какъ въ дѣтствѣ и юности, такъ и въ болѣе позднюю эпоху заключало въ себѣ просьбы. Наряду съ такими письмами г. Венгерова отмѣчаетъ и тѣ изъ юношескихъ писемъ Гоголя, въ которыхъ звучитъ болѣе идеалистическая струя. Это—письма къ Высоцкому и Косяровскому, въ которыхъ Гоголь говоритъ о своихъ стремленіяхъ служить государству. Этотъ гражданскій элементъ въ нѣжинскихъ письмахъ Гоголя, на источникѣ котораго мы останавливались въ нашей работѣ ²⁾, даетъ основаніе г. Венгерова сопоставить гражданское чувство у Гоголя съ таковымъ у Герцена и Огарева. „Всякая вещь, говоритъ г. Венгерова, познается сравненіемъ. И вотъ, перебирая юные годы писателей Гоголевскаго поколѣнія, мы развѣ только въ жизни Герцена и Огарева, въ столь же юные годы давшихъ другъ другу клятву посвятить себя благу человѣчества, можемъ найти нѣчто аналогичное гоголевскому желанію всецѣло отдаться служенію благу“.

Проводя дальше эту параллель, г. Венгерова находитъ, что гражданское чувство Гоголя тѣмъ болѣе изумительно, что Герценъ и Огаревъ находились подъ вліяніемъ Сень-Симона и энциклопедистовъ, тогда какъ Гоголь былъ обязанъ только „движеніямъ своего сердца“. Въ нашей работѣ, появившейся одновременно съ работою С. А. Венгерова, мы указывали на источникъ гражданского чувства Гоголя, каковымъ представляется намъ вліяніе естественнаго права и преподавателя этого предмета Бѣлоусова. Конечно это не то, что вліяніе

¹⁾ „Историческій Вѣстникъ“, № 2.

²⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1902, февраль.

энциклопедистовъ и Сень-Симона, но и самое качество гражданского чувства, его окраска и степень сознательности иная у Гоголя, чѣмъ у Герцена и Огарева. Отмѣчая затѣмъ аскетизмъ самой натуры Гоголя, которая представляется г. Венгеру самой аскетичной во всей русской литературѣ, нашъ изслѣдователь думаетъ, что этотъ аскетизмъ натуры позволялъ Гоголю, не стремясь пить изъ чаши бытія, всецѣло отдаться своимъ настроеніямъ. Напряженные думы о служеніи обществу Гоголя-отрока внушаютъ предположеніе, что Гоголь въ серединѣ своего поприща утратилъ эту чисто гражданскую цѣль. Если видѣть источникъ гражданского чувства исключительно въ „психологическомъ рисункѣ“, какъ нѣсколько неопредѣленно выражается С. А. Венгеромъ, то потеря гражданского чувства Гоголя въ серединѣ и концѣ жизни будетъ казаться маловѣроятной, но, допустивъ въ юности вліянія извнѣ, развивавшія это чувство, можно думать, что съ исчезновеніемъ такихъ вліяній могло ослабѣвать и само гражданское чувство.

Періодомъ наибольшей продуктивности творчества Гоголя С. А. Венгеромъ считается годы съ 1828 до 1836. Этотъ періодъ охватываетъ собой лучшія произведенія (до замысла и первыхъ главъ „Мертвыхъ Душъ“ включительно), дѣятельность Гоголя, какъ критика и профессора. Критическимъ статьямъ Гоголя г. Венгеромъ, подобно г. Котляревскому, придаетъ большое значеніе, признавая въ Гоголѣ тонкій вкусъ и умѣніе разобраться въ литературныхъ вопросахъ. Нельзя согласиться, однако, съ дѣлаемымъ отсюда г. Венгеромъ заключеніемъ въ пользу полной самостоятельности литературной дѣятельности Гоголя. Пониманіе эстетическаго достоинства произведенія, умѣніе разобраться въ вопросахъ техники творчества, къ чему сводится критическое чутье Гоголя, все это вовсе не гарантируетъ пониманіе общественнаго значенія произведенія. Нельзя забывать также, что если Пушкинъ признавалъ въ Гоголѣ критика и убѣждалъ его заняться критикой, то критики вполнѣ сознательной, исходящей изъ опредѣленнаго міросозерцанія, тогда еще на Руси не существовало. Если, конечно, нельзя отрицать въ Гоголѣ эстетическаго чутья, то оно еще ничего не говоритъ о пониманіи имъ того, кому и чему наносилъ онъ ударъ своими произведеніями. Не болѣе благодарной является и другая задача, поставленная себѣ С. А. Венгеромъ — доказать, что Гоголь былъ совѣмъ не такъ плохъ въ качествѣ профессора. Все, что удалось въ этомъ направленіи сдѣлать нашему изслѣдователю, это доказать, что въ то время возмутительно плохой профессоръ не былъ рѣдкостью въ нашихъ университетахъ, и что

даже у профессоровъ, въ родѣ Никитенко, не было представленія о томъ, какимъ требованіямъ долженъ удовлетворять кандидатъ въ профессора. Доказать, что Гоголь по задачамъ былъ выше средняго профессора тѣхъ временъ, С. А. Венгерову не удалось. Широта замысловъ при отсутствіи средствъ дѣлала его напротивъ ниже средняго. Если бы онъ, не мудрствуя лукаво, читалъ подобно большинству собратьевъ по какому-нибудь курсу, онъ былъ бы конечно полезнѣе, и если бы онъ понималъ истинное назначеніе профессуры, которая представлялась ему чѣмъ-то въ родѣ арены поэтическихъ импровизацій, то конечно взялъ бы готовый курсъ и читалъ по нему.

Не только „блестящимъ“, какъ думаетъ С. А. Венгеровъ, но и сноснымъ профессоромъ Гоголь не могъ бы быть уже потому, что, помимо знанія, у него не было той научной дисциплины ума, которую принесъ на кафедру русской литературы ботаникъ Максимовичъ. Дальше поэтическихъ импровизацій Гоголь въ своихъ лекціяхъ пойти не могъ, а онъ во всякомъ случаѣ менѣе цѣнны, чѣмъ чтеніе самаго зауряднаго, по систематично изложеннаго по нѣмецкому руководству курса.

Гоголю, какъ критику, С. А. Венгеровъ посвящаетъ цѣлую главу, но въ итогѣ почтенный изслѣдователь указываетъ у Гоголя только такія черты, въ существованіи которыхъ нельзя было и раньше сомнѣваться, именно, вкусъ и способность схватывать и характеризовать явленія. О какой-нибудь теоретической подкладкѣ критики Гоголя С. А. Венгеровъ не говоритъ ничего.

Переходя къ Гоголю, какъ автору „Ревизора“, С. А. Венгеровъ отстаиваетъ сознательность общественной цѣли комедіи. Гоголь, по мнѣнію нашего изслѣдователя, былъ консерваторомъ, но очень „страннымъ“. Благоговѣя передъ укладомъ современной жизни въ цѣломъ, онъ очень отрицательно относился ко всѣмъ частностямъ. Перебирая отношенія Гоголя къ отдѣльнымъ сословіямъ, С. А. Венгеровъ указываетъ на то, что ни въ одномъ изъ нихъ Гоголь не видѣлъ здороваго начала. Опираясь затѣмъ на слова Гоголя, что въ „Ревизорѣ“ онъ хотѣлъ собрать въ кучу все дурное въ Россіи, С. А. Венгеровъ утверждаетъ, что Гоголь, какъ творецъ „Ревизора“, дѣйствовалъ вполне сознательно.

Доказательство такой сознательности С. А. Венгеровъ видитъ между прочимъ въ работѣ Гоголя надъ комедіей „Владимиръ 3-ей степени“. Особенно вѣскимъ доказательствомъ сознательности гражданскаго протеста Гоголя кажется С. А. Венгерову пониманіе Гоголемъ не-

цензурности „Владимира 3-ей степени“ и его восклицаніе: „но что комедія безъ правды и злости!“

„Гоголь, говоритъ С. А. Венгеровъ, создавая „Ревизора“ не только опредѣленно и обдуманно относился къ каждой детали, не только сознательно собиралъ здѣсь „все дурное въ Россіи“, не только весь горѣлъ „правдой и злостью“, но даже опредѣленно зналъ, что его правда нецензурна“. По мнѣнію г. Венгерова, „дальше уже никакая сознательность идти не можетъ и потому высокое гражданское значеніе „Ревизора“ дѣлаетъ его автора писателемъ-гражданиномъ по преимуществу“.

Такое сужденіе С. А. Венгерова намъ кажется основаннымъ на недоразумѣніи. Никто, конечно, не усумнится, что Гоголь долженъ былъ чувствовать въ своихъ произведеніяхъ „правду и злость“, что онъ сознавалъ правдивость и безобразность изображаемыхъ имъ явленій. Если можетъ быть вопросъ о сознательности, то онъ относится къ цѣли произведенія и къ пониманію Гоголемъ причиной зависимости столь ярко изображаемыхъ имъ фактовъ, а въ пользу пониманія таковой слишкомъ мало говоритъ сознаніе нецензурности пьесы въ тѣ времена, когда изъ поваренныхъ книгъ вычеркивали „вольный духъ“. Такимъ образомъ вопросъ о сознательности Гоголя остается С. А. Венгеровымъ неразрѣшеннымъ.

Г. Венгеровъ возвращается къ этому вопросу и въ слѣдующей главѣ, разсматривая впечатлѣніе, произведенное „Ревизоромъ“. „Огромное и ярко опредѣленное впечатлѣніе, произведенное «Ревизоромъ», кладетъ, говоритъ г. Венгеровъ, во всякомъ случаѣ конецъ какому бы то ни было разговорамъ о безсознательности творчества во вторую половину литературной дѣятельности Гоголя“. Г. Венгеровъ думаетъ, что если бы Гоголь даже не понималъ, противъ чего направлена его сатира, то послѣ „Ревизора“ самое впечатлѣніе, произведенное комедіей, должно было бы разъяснить ему это. „Потрясающее впечатлѣніе перваго же представленія „Ревизора“, говоритъ г. Венгеровъ, не оставляло никакихъ сомнѣній, ни относительно силы взмаха сатирическаго бича, ни относительно того, противъ чего онъ былъ направленъ“. Возможность еще теперь такихъ взглядовъ на значеніе „Ревизора“, какъ вышеприведенный нами взглядъ г. Котляревскаго, показываетъ, насколько не правъ С. А. Венгеровъ. Если теперь историкъ литературы, занимающійся специально Гоголемъ, можетъ отрицать силу „Ревизора“, какъ сатиры, то это возможно было и для автора его. Толкованіе Гоголемъ „Ревизора“, какъ „внутренняго го-

лоса“, является другимъ вѣскимъ опроверженіемъ мнѣнія г. Венгерова. Наконецъ, все то, что самъ С. А. Венгеровъ извлекаетъ въ пользу своего мнѣнія изъ писемъ Гоголя, говоритъ далеко не за пониманіе Гоголемъ *общественнаго* смысла своей сатиры. Въ своихъ сужденіяхъ о „Ревизорѣ“ Гоголь является чистымъ моралистомъ. Какъ моралистъ приступаетъ онъ и къ „Мертвымъ Душамъ“.

Переходя къ „Перепискѣ“, С. А. Венгеровъ сближаетъ настроенія, вызвавшія это неудачное дѣтище Гоголя, съ настроеніями Л. Н. Толстого, когда онъ переходитъ отъ чисто художественной дѣятельности къ проповѣдничеству. Ошибки Гоголя нашъ изслѣдователь объясняетъ тѣмъ, что Гоголь, „созерцая картину русской жизни изъ прекраснаго далека, потерялъ чутье дѣйствительности“. Переписка представляется С. А. Венгерову первой русской книгой, хотя и въ глубоко реакціонной формѣ, затрагивающей основные вопросы русскаго общественнаго быта.

Въ совѣтахъ Гоголя владѣльцу 800 душъ и губернатору С. А. Венгеровъ видитъ стремленіе внести „общественность“ во всѣ житейскія отношенія. Въ совѣтахъ Толстому идти въ капитанъ-исправники, С. А. Венгеровъ находитъ сродство съ позднѣйшимъ „кающимся дворянствомъ“.

Мы лишены возможности дать сколько-нибудь обстоятельный анализъ взглядовъ С. А. Венгерова, съ которыми въ общихъ чертахъ только что познакомили читателя. Взгляды эти, во всякомъ случаѣ, нѣчто новое въ пониманіи Гоголя. Мы не можемъ признать эти взгляды достаточно послѣдовательно развитыми: чувствуется большая спѣшность работы, не дающая возможность автору разобраться въ появившейся у него мысли, отсюда нѣкоторая преувеличенность этой мысли, не вошедшей еще въ надлежащія рамки. Гоголь-гражданинъ, неожиданно выглянувшій изъ-за Гоголя-юмориста и Гоголя-проповѣдника, заслонилъ для открывшаго его изслѣдователя и юмориста и моралиста. При болѣе внимательномъ отношеніи, Гоголю-гражданину придется отвести безспорно болѣе скромное мѣсто, но г. Венгеровъ доказалъ, насколько Гоголь-гражданинъ заслуживаетъ нашего вниманія.

И такъ, вотъ еще одна черта, раскрытая въ Гоголѣ юбилейной литературой. Къ Гоголю-романтику, „совѣстливому“ писателю г. Котляревскаго присоединяется Гоголь-гражданинъ С. А. Венгерова. И нельзя отрицать, что оба взгляда имѣютъ за себя многое, оба они рисуютъ хотя съ одной стороны, но правдиво, все еще вполне не объясненную, многогранную натуру нашего великаго писателя.

А. Н. Пыпинъ. „Значеніе Н. В. Гоголя въ созданіи современнаго международнаго положенія русской литературы“. (Сборникъ рѣчей, читанныхъ на чествованіи Гоголя въ Академіи Наукъ и отдѣльно).

А. Н. Пыпинъ въ своей академической рѣчи указалъ на двойственность такого рода чествованій, каковымъ являлось пятидесятилѣтіе смерти Гоголя. Здѣсь вспоминается какъ совершенное писателемъ, такъ и пережитое, выстраданное имъ. Относительно Гоголя эта двойственность сказывается съ особенной силой. Переходя затѣмъ къ результатамъ совершеннаго Гоголемъ, А. Н. Пыпинъ провелъ параллель между состояніемъ русской литературы 50 лѣтъ тому назадъ и теперь, когда она въ лицѣ Тургенева, Достоевскаго и Толстого приобрѣла всемірное значеніе. Гоголь, какъ поэтъ дѣйствительности, былъ создателемъ или однимъ изъ создателей той самобытности, оригинальности русской литературы, которая приковала къ ней вниманіе европейской публики.

К. К. Арсеньевъ. „Значеніе Гоголя для его преемниковъ“, „Гоголь“. Рѣчи, посвященныя его памяти въ публичномъ соединенномъ собраніи отд. русскаго языка Академіи Наукъ и ист.-филолог. факультета С.-Петербургскаго университета.

К. К. Арсеньевъ, вслѣдъ за Вогюэ, характеризуетъ Гоголя, какъ одного изъ создателей литературнаго реализма. Своими изображеніями картинъ природы, великорусскаго быта, онъ былъ прямымъ предшественникомъ Тургенева, Гончарова, Некрасова, Достоевскаго, Герцена, Островскаго. Изъ крупныхъ русскихъ писателей только Толстой стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ Гоголевской школы. Гоголю обязаны позднѣйшіе беллетристы художественнымъ приѣмомъ характеристики, представляющимъ сходство съ портретной живописью.

П. О. Морозовъ. „Гоголь въ его письмахъ“. („Образованіе“, № 2 и 4).

Общимъ очеркомъ жизни и дѣятельности Гоголя является статья П. О. Морозова. Чего-нибудь новаго въ освѣщеніи личности Гоголя и его душевной драмы, тѣмъ болѣе въ оцѣнкѣ его произведеній, статья г. Морозова не представляетъ. Это просто довольно живо набросанная, главнымъ образомъ по письмамъ Гоголя, біографія нашего великаго писателя, не претендующая на раскрытіе тѣхъ душевныхъ процессовъ Гоголя, которые остаются пераскрытыми окончательно до сихъ поръ. Изъ болѣе или менѣе оригинальныхъ сужденій П. О. Морозова отмѣтимъ взглядъ его на тоску Гоголя, какъ „страданіе при видѣ непризнаннаго человѣческаго достоинства“.

„Роковой тѣнью, говоритъ П. О. Морозовъ, какъ призракъ отца передъ несчастнымъ датскимъ принцемъ, является передъ нимъ оскорбленное грязью и пошлостью жизни человѣческое достоинство и повелительно взываетъ „Помни обо мнѣ“.

Взглядъ этотъ остается у П. О. Морозова не вытекающимъ изъ работы его, а явившимся откуда-то извнѣ.

Не вполне, конечно, новой, но не лишенной интереса является у г. Морозова оцѣнка значенія для Гоголя Пушкина.

„Память о Пушкинѣ и слѣды его вліянія, говоритъ г. Морозовъ, остались у Гоголя на всю жизнь. Работая надъ первымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“, онъ по прежнему почти всегда имѣлъ передъ глазами обликъ великаго вдохновителя. Пушкинъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ разъяснить ему смыслъ русской жизни и поддержать въ его душѣ священный огонь, дающій силы на борьбу съ порокомъ и неправдой. Въ числѣ друзей Гоголя были люди гуманные, добрые, благородные, какъ, напримѣръ, Жуковский или Плетневъ; но всѣ они были—„примиренные“. Одинъ только Пушкинъ, въ силу своей натуры, не въ состояніи былъ помириться съ тогдашней дѣйствительностью, склонить предъ ней свою непоклонливую голову, и она сжила его со свѣта“...

Работа г. Морозова можетъ представить интересъ только для средняго читателя, которому некогда просмотрѣть письма Гоголя и какую-нибудь изъ крупныхъ работъ о немъ. Для человѣка, занимающагося Гоголемъ, работа г. Морозова не дастъ ничего новаго.

В. В. Каллаша. „Н. В. Гоголь и его письма“. („Русская Мысль“, № 2, 3 и 5).

Близкой по характеру къ работѣ П. О. Морозова является работа В. В. Каллаша. Это тоже біографическій очеркъ, набросанный главнымъ образомъ по письмамъ, не дающій почти ничего новаго. Характерно, что даже самостоятельность г. Каллаша проявляется въ томъ же вопросѣ, въ которомъ болѣе или менѣе самостоятельнымъ является П. О. Морозовъ, именно въ вопросѣ объ отношеніи Гоголя къ Пушкину, съ той только разницей, что г. Каллашъ даетъ на этотъ вопросъ діаметрально противоположный отвѣтъ. Работа г. Каллаша отличается отъ такой же работы П. О. Морозова тѣмъ, что авторъ предпосылаетъ изложенію біографіи Гоголя по его письмамъ характеристику того общественнаго фона, на которомъ развивалась драма жизни Гоголя, и самой его жизненной драмы. Работа Каллаша снабжена цѣлымъ рядомъ ссылокъ на ранѣе напечатанныя его же статьи

по этому вопросу, изъ которыхъ г. Каллашъ приводитъ довольно обширныя цитаты. Въ характеристикѣ фона г. Каллашъ придаетъ рѣшающее значеніе катастрофѣ 14-го декабря, рисуеъ общество запуганнымъ, деморализованнымъ, болѣе талантливыхъ представителей его ушедшими отъ общественныхъ интересовъ въ сферу интересовъ эстетическихъ, философскихъ и археологическихъ. Жизнь писателя той эпохи представляется г. Каллашу безплодной борьбой съ неблагопріятными условіями, въ которой приходилось растрчивать всѣ свои силы, подвергаясь не только нуждѣ и гоненіямъ, но и оскорбленіямъ толпы.

Набросавъ такую мрачную картину фона, г. Каллашъ переходитъ къ очерку жизни Гоголя. Для Гоголя, по мнѣнію нашего изслѣдователя, трагизмъ положенія усиливался тѣмъ, что „въ его психической организаціи вѣчно боролись и не могли слиться стихіи наслѣдственности—матери и отца, мистицизма и порывовъ безудержнаго смѣха, повышеннаго лиризма, патетическаго сентиментализма и тонкой сатирической наблюдательности“.

Такимъ образомъ для г. Каллаша какъ будто оказывается не только бесспорно рѣшеннымъ, что всѣ только что перечисленныя особенности психическаго склада Гоголя являются результатомъ наслѣдственности, но и извѣстнымъ, отъ кого изъ родителей Гоголь унаслѣдовалъ ту или иную черту. Положеніе Гоголя въ литературѣ представляется г. Каллашу недоразумѣніемъ. Гоголь послѣ „Ревизора“ имѣлъ основаніе считать себя властителемъ думъ, тогда какъ читающая публика понимала его „сквозь призму взглядовъ Бѣлинскаго“.

А. Л. Погодинъ. „Трагедія Гоголя“ („Русская Школа“. № 2).

Къ той же группѣ работъ о Гоголѣ, какъ и статьи гг. Морозова и Каллаша, принадлежитъ работа варшавскаго проф. А. Л. Погодина, представляющая однако значительно больше новизны и оригинальности. Проф. Погодинъ подобно г. Каллашу даетъ краткое вступленіе, въ которомъ излагаетъ свои взгляды, затѣмъ начинаетъ излагать по письмамъ біографію Гоголя.

„Мнѣ кажется, говоритъ нашъ изслѣдователь, что вся трагедія Гоголя объясняется изъ двухъ противоположныхъ стихій, которыя сначала какъ-то странно уживались въ его натурѣ: съ малыхъ лѣтъ Гоголь представляется намъ восторженнымъ мечтателемъ, постоянно создающимъ собственный міръ, до котораго не доходятъ „скучныя лѣсни земли“,—міръ, въ которомъ онъ чувствовалъ себя неограни-

ченнымъ полновластнымъ царемъ, призваннымъ совершить великое дѣло для освобожденія суетной земли отъ безумія и грѣха; но рядомъ съ этимъ идетъ то поразительное знаніе людей, то удивительно яркое реальное пониманіе человѣческой натуры, которое отличало Гоголя еще мальчиномъ отъ толпы его товарищей^а.

Это объясненіе душевной драмы Гоголя близко подходитъ къ тѣмъ, которыя даны г. Котляревскимъ и значительно раньше другими изслѣдователями (напр. г. Коляловичемъ). Недостаткомъ этого объясненія является то, что въ сущности оно мало объясняетъ. Какъ могли явиться и уживаться въ одномъ человѣкѣ такія противоположныя начала, почему они сначала мирно уживались, а потомъ вступили въ борьбу, все это не затрагивается всѣми, если можно такъ выразиться, теоріями борьбы двухъ стихійныхъ началъ.

Н. П. Дашкевичъ. „Значеніе мысли и творчества Гоголя“. (Чтенія въ Общ. Нест. гѣт., кн. 16).

Проф. Дашкевичъ говоритъ о тяжелой судьбѣ Гоголя, который при жизни и послѣ смерти столько разъ встрѣчалъ рѣзкое осужденіе за реакціонный характеръ дѣятельности своей въ концѣ жизни. Эти осужденія не раздѣляются г. Дашкевичемъ, равно какъ не раздѣляются мнѣнія новѣйшихъ изслѣдователей о недостаткѣ образованія Гоголя, лѣности его ума (Овс.-Куликовскій) и т. д. Страннымъ является мнѣніе Дашкевича, что Бѣлинскій, „представитель крайнеі партіи“, считалъ Гоголя орудіемъ противоположной партіи славянофильской. Бѣлинскій конечно не могъ не знать, что „Переписка“ далеко влѣво оставляетъ славянофильство. Значеніе Гоголя проф. Дашкевичъ видитъ прежде всего въ томъ, что въ немъ съ наибольшей яркостью слагался процессъ исканія, характеризующій лучшихъ нашихъ писателей XIX вѣка. Гоголь былъ поэтъ широкаго анализа и синтеза. Онъ отличался отъ Пушкина и Лермонтова устойчивостью своего міросозерцанія, и значеніе его основано на художественномъ и крайне вышукломъ выраженіи этого міросозерцанія. Не имѣя возможности анализировать взгляды проф. Дашкевича на Гоголя, покаящіеся, какъ безъ сомнѣнія ясно для читателя, на общемъ міросозерцаніи почтеннаго ученаго, мы должны отмѣтить общій тонъ работы, отличающійся яркой панегиричностью. Значеніе Гоголя крайне преувеличено. Гоголь, по мнѣнію проф. Дашкевича, открылъ въ Европейскихъ литературахъ XIX вѣка съ особой страстностью исканіе новыхъ путей къ возрожденію истинной человѣчности. Статья проф.

Дашкевича лишь отрывокъ изъ его рѣчи, которая будетъ напечатана полностью, и въ которой надѣмся видѣть болѣе полное обоснованіе взглядовъ автора на Гоголя, пока не могущихъ не казаться крайне парадоксальными.

В. Н. Малининъ. „Гоголь, какъ эпическій писатель“. (Чтенія въ Общ. Нест. лѣт., кн. 16).

Г. Малининъ характеризуетъ Гоголя, какъ художника, для котораго творчество составляло весь смыслъ существованія. Гоголь художникъ-пластикъ. Типъ онъ беретъ уже сложившимся, законченнымъ. Послѣдствіемъ пластичности творчества Гоголя является его объективность. Въ связи съ этими двумя качествами находится реализмъ Гоголя. Неожиданнымъ является заключеніе автора, что перечисленныя особенности творчества Гоголя порождали и при томъ „неизбѣжно“ „націонализмъ“. Спѣшимъ оговориться, что слово „націонализмъ“ употребляется г. Малининимъ въ смыслѣ стариннаго термина „народность“ въ поэзиі, а не въ современномъ значеніи этого слова. Юморъ Гоголя г. Малининъ противопоставляетъ сатиру Щедрина и Некрасова, разница впрочемъ не проанализирована авторомъ въ достаточной степени. Сила творчества наиболѣе проявилась у Гоголя въ Петербургскихъ повѣстяхъ и „Мертвыхъ Душахъ“. Новое внесенное этими повѣстями—міръ маленькихъ сѣренькихъ людей и явленій и пошлость жизни. „Шинель“ авторъ считаетъ наиболѣе гуманнымъ произведеніемъ Гоголя. Въ „Мертвыхъ Душахъ“ Гоголь преслѣдуетъ цѣль произвести воздѣйствіе на русское общество въ смыслѣ нравственнаго обновленія. Заслуги Гоголя въ укрѣпленіи реализма и народности и въ расширеніи содержанія творчества.

А. Я. Ефименко. „Національная двойственность въ творчествѣ Гоголя“ („Вѣстн. Евр.“. 1902, № 7).

А. Я. Ефименко сводитъ жизненную драму Гоголя къ національной двойственности. Если нельзя отрицать существованія такой двойственности, то съ другой стороны нѣтъ рѣшительно возможности согласиться съ авторомъ относительно рокового значенія этой двойственности для Гоголя. Намъ думается, что національная двойственность отразилась лишь въ языкѣ Гоголя.

III. Коробка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Витебскій центральный архивъ и его изданіе.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подъ редакціей и. д. архиваріуса сего архива Дм. Ив. Довгялло. Выпускъ тридцатый. Витебскъ. 1903. Выпускъ тридцать первый. Витебскъ. 1903.

Настоящими двумя выпусками заканчиваетъ свои изданія Витебскій центральный архивъ, слившійся нынѣ съ центральнымъ архивомъ, находящимся въ Вильнѣ. Редакторъ обѣщаетъ еще тридцать второй выпускъ ¹⁾, но ожидаемый выпускъ будетъ оконченъ изданіемъ, очевидно, уже въ Вильнѣ, и издательская дѣятельность Витебскаго архива должна считаться во всякомъ случаѣ законченною ²⁾. Это обстоятельство ставитъ вопросъ объ оцѣнкѣ всего колоссальнаго изданія въ связи съ общею ученою дѣятельностью нынѣ уже отошедшаго въ область воспоминанія Витебскаго архива, изданія, представляющаго изъ себя 31 томъ in folio, приблизительно 400—500 страницъ каждый. Въѣствъ съ тѣмъ представляется необходимымъ разсмотрѣть и два послѣдніе выпуска этого изданія, осенью текущаго академическаго года вышедшіе въ свѣтъ.

Витебскій центральный архивъ возникъ въ силу Высочайше утвержденнаго положенія 2-го апрѣля 1852 года о центральныхъ архивахъ для актовыхъ книгъ въ западныхъ губерніяхъ ³⁾. Въ виду исполненія пятидесятилѣтія со дня основанія центральныхъ архивовъ Западнаго края явилась потребность въ исторіи ихъ учрежденія и дѣятельности, а также и въ подведеніи итоговъ того, что они дали наукѣ. Эту цѣль преслѣдуютъ работа г. Левицкаго ⁴⁾ для Кіевского центрального архива и работа В. К. Голуба для Виленскаго ⁵⁾. Витебскій центральный

¹⁾ Ист.-Юр. Мат. XXX, стр. XI.

²⁾ 21-го октября 1903 г. Витебскій центральный архивъ прибылъ въ Вильну.

³⁾ Ист.-Юр. Мат. I, стр. I. Ср. статью В. А. Лялина—Витебскій центральный архивъ. Сборникъ Археологическаго института. Книга третья, стр. 55 и сл.

⁴⁾ О. И. Левицкій. Исторія учрежденія Кіевского центрального архива. Читенія въ Ист. Общ. Нестора лѣтописца. Книга семнадцатая, вып. I и сл.

⁵⁾ Пятидесятилѣтіе Виленскаго центрального архива древнихъ актовыхъ книгъ. Историческій очеркъ, 2-го апрѣля 1852—1902 г. Составилъ помощникъ архиваріуса В. К. Голубъ. Вильна 1902. Ср. Виленскій Вѣстникъ 1902 г., № 77 (статья А. Милошидова—„Къ 50-лѣтію Виленскаго центрального архива древнихъ актовъ“) и № 79 (описаніе юбилейнаго торжества).

ный архивъ не помянулъ этого пятидесятилѣтія особымъ трудомъ ¹⁾. Но для его *дѣятельности и открытія*, правда, юбилей еще далеко не наступилъ. Цѣлыхъ десять лѣтъ послѣ положенія 1852 года прошли для Витебскаго центрального архива въ официальной перепискѣ и присканіи помѣщенія прежде, чѣмъ состоялось его открытіе. Лишь съ конца 1862 года началась передача въ архивъ актовыхъ книгъ, и только съ 1863 года совершилось открытіе официальной дѣятельности возникшаго новаго архива. Помѣщеніе, отведенное для архива, оказалось зданіемъ упраздненнаго фарнаго доминиканскаго костела, приспособленнымъ для новой своей цѣли ²⁾.

Не мало труда стоило присканіе и лица, которое могло бы стать во главѣ вновь созданнаго архива, подчиненнаго Витебскому губернатору и состоявшаго въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ ³⁾. Предположенъ былъ, какъ архивариусъ, преподаватель Витебской духовной семинаріи ⁴⁾ К. А. Говорскій, уже потрудившійся надъ изданіемъ литовско-русскихъ документовъ ⁵⁾, но онъ покинулъ Витебскъ и переѣхалъ въ Кіевъ ⁶⁾. Тогда выборъ Витебскаго губернатора остановился на А. М. Сазоновѣ, который и сталъ первымъ архивариусомъ Витебскаго центрального архива. Преемниками Сазонова были князь Н. Мещерскій и М. Л. Веревкинъ ⁷⁾. Но вскорѣ Веревкинъ одинъ сталъ во главѣ архива и занималъ свой постъ до самой своей смерти,

¹⁾ Была лишь коротенькая замѣтка въ Вит. Губ. Вѣдомостяхъ (1902 г. № 75), въ отдѣлѣ „мѣстныя дѣла“.

²⁾ Въ томъ же костелѣ былъ помѣщенъ и губернский архивъ.

³⁾ На жалованье архивариусу было ассигновано 600 рублей въ годъ, на наемъ пещи—125 р., на наемъ сторожа—60 р., на отопленіе, хозяйственные и канцелярскіе расходы—40 р. (эти свѣдѣнія были даны Вит. центр. архивомъ въ отвѣтъ на запросъ Московскаго Археологическаго общества и напечатаны проф. Д. М. Самохваловымъ въ его книгѣ—Архивное дѣло въ Россіи. Книга вторая. М. 1902. Дополненіе. Стр. 177—178).

⁴⁾ Донесеніе проф. Яроцкаго о центральномъ архивѣ въ Витебскѣ. Кіевскій Univ. Изв. 1863 г. № 1. Стр. 54 и сл. Витебская духовная семинарія въ то время еще называлась Полоцкою.

⁵⁾ См. его изданіе древнихъ актовъ въ Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ конца 50-хъ годовъ.

⁶⁾ Издавалъ въ Кіевѣ Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи (1 томъ вышелъ въ іюлѣ 1862 года). Начиная со второй книжки (августъ) перваго тома третьяго года изданія журналъ мѣняетъ названіе—„Вѣстникъ Западной Россіи“. Съ сентябрьской книжки этого третьяго года изданія журналъ выходилъ уже въ Вильнѣ, куда переѣхала редакция по предложенію М. Н. Муравьева.

⁷⁾ См. Ист.-Юр. Mat. XVII.

послѣдовавшей въ 1896 году ¹⁾. Веревкинъ былъ послѣднимъ архивариусомъ стараго архива, такъ какъ въ томъ же году состоялась передача Витебскаго центрального архива министерству народнаго просвѣщенія ²⁾. Эта передача предрѣшала и перенесеніе архива изъ Витебска въ Вильну для соединенія актовыхъ книгъ всего сѣверо-западнаго края въ одномъ мѣстѣ, въ чемъ уже давно стала чувствоваться потребность ³⁾. Послѣдняя сознавалась и въ виду существованія въ Вильнѣ археографической комиссіи, имѣющей въ своемъ распоряженіи болѣе силъ и опыта, чѣмъ Витебскіе издатели, и въ виду удобства научной работы изслѣдователей, получающихъ возможность, благодаря соединенію Витебскаго и Виленскаго архивовъ, выгадывать лишнее время и лишніе расходы на поѣздки для занятій и въ Вильну, и въ Витебскъ. Витебскій центральный архивъ дѣйствительно въ настоящее время слить съ Виленскимъ, поэтому новый и. д. архивариуса его, Д. И. Довгялло ⁴⁾, явился лишь дѣятелемъ переходнаго времени въ жизни Витебскаго архива, а нынѣ онъ переселился вмѣстѣ съ послѣднимъ и въ Вильну, какъ помощникъ завѣдующаго Виленскимъ центральнымъ архивомъ.

Задача настоящей замѣтки распадается на три составныя свои части. Во-первыхъ, она имѣетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ служилъ Витебскій центральный архивъ своей главной цѣли, т. е. дѣлу храненія своихъ документовъ и работъ изслѣдователей. Пишущій настоящія строки работалъ въ архивѣ въ теченіи пяти недѣль лѣтомъ 1895 года, командированный для занятій С.-Петербургомъ

¹⁾ Подъ его редакцію вышли XVIII—XXVI выпуски Ист.-Юр. Матеріаловъ. Выпускъ XVII былъ редактированъ М. Л. Веревкинымъ совмѣстно съ ип. Мещерскимъ. Памяти М. Л. Веревкина посвящаетъ нѣсколько строкъ г. Довгялло въ предисловіи къ XXVII выпуску Ист.-Юрид. Матеріаловъ (примѣчаніе, стр. III). Ранѣе М. Л. Веревкинъ служилъ столоначальникомъ мѣстной духовной консисторіи. (См. Памятную книжку Витебской губерніи 60-хъ годовъ).

²⁾ См. предисловіе къ XXVII выпуску Ист.-Юр. Матеріаловъ. Соединеніе Витебскаго архива съ Виленскимъ было рѣшено въ принципѣ комиссіей 15-го сентября 1892 года по преобразованію организаціи и дѣятельности центральныхъ архивовъ древнихъ актовъ въ западныхъ губерніяхъ. См. проф. Д. Я. Самохвасова. Архивное дѣло въ Россіи. Книга первая. М. 1902. Стр. 101.

³⁾ Ср. объ этомъ М. О. Каллоичъ. Западно-русскія археографическія изданія послѣдняго времени. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1870. XII. Стр. 267.

⁴⁾ Временно исполнялъ обязанности Витебскаго архивариуса послѣ смерти М. Л. Веревкина А. П. Сапуновъ (Ист.-Юр. Мат. XXVII. Стр. IV), но подъ его редакціей не было издано ни одного выпуска Ист.-Юр. Матеріаловъ.

университетомъ, и онъ былъ однимъ изъ очень немногихъ научныхъ работниковъ, познакомившихся съ Витебскимъ центральнымъ архивомъ въ положеніи изслѣдователя, собиравшаго въ немъ матеріалъ для своихъ научныхъ занятій. Это налагаетъ на него обязанность высказать свои воспоминанія объ этихъ занятіяхъ въ виду упраздненія архива, воспоминанія, которыя, можетъ быть, пригодятся историку архивнаго дѣла въ Россіи. Второю задачею нашей замѣтки является подведеніе итога издательской дѣятельности архива; и наконецъ третью— отчетъ о двухъ послѣднихъ выпускахъ его изданія.

Въ началѣ іюня 1895 года я явился съ листомъ-командировкою въ рукахъ къ М. Л. Веревкину, который, внимательно прочитавъ бумагу, предложилъ предварительно обратиться къ губернатору для полученія его формальнаго разрѣшенія. По полученіи послѣдняго я былъ введенъ архивариусомъ въ архивъ и получилъ возможность приступить къ своимъ занятіямъ. Но тутъ представились два обстоятельства, которыя нужно было такъ или иначе преодолѣть. Первое было большимъ вопросомъ для архивариуса, второе — для меня лично. М. Л. Веревкинъ въ архивѣ не работалъ, а занимался на дому, лишь время отъ времени навѣдываясь въ архивъ, писарь же, состоявшій при послѣднемъ, былъ человѣкъ не надежный, притомъ злоупотреблявшій виномъ ¹⁾, и отъ этого сотрудника архивариуса тщательно оберегались актывыи книги изъ боязни недостаточно серьезнаго къ нимъ отношенія. Гордіевъ узелъ былъ разрубленъ такимъ образомъ, что мнѣ было разрѣшено работать подъ надзоромъ сторожа, который время отъ времени и навѣдывался въ комнату, гдѣ я работалъ, принося требуемыя мною книги и съ моею же помощью ставя на мѣсто возвращаемыя мною. Конечно, такое рѣшеніе вопроса было для меня чрезвычайно благоприятнымъ, и оно дало мнѣ возможность расширить мой рабочій день до размѣровъ, которые немислимы ни въ одномъ архивѣ—я могъ работать съ ранняго утра до сумерекъ и могъ, поэтому, сдѣлать все, что мнѣ было нужно, въ какія-нибудь пять недѣль. Но предо мною стояло важное препятствіе—полное отсутствіе описей кромѣ простаго перечня актовыхъ книгъ, напечатаннаго въ I и XXIV выпускахъ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ. Только малое число актовыхъ книгъ XVI в., которыми я интересовался, да однообразіе ихъ характера, позволяю-

---

¹⁾ На заемъ писца по штату было положено 125 рублей въ годъ, и невозможно было подыскать надежнаго человѣка для переписки за это вознагражденіе.

еще быстро освоиться съ формою документовъ, дали мнѣ возможность выдти побѣдителемъ изъ моего положенія. Я не могу не вспомнить съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія объ этомъ высокомъ ко мнѣ довѣрїи покойнаго М. Л. Веревкина, такъ благоговѣнно относившагося къ санкціи университета, освящавшей мои занятія, но я не могу не высказать уваженія и къ честности старика-сторожа, который, какъ зеницу ока, хранилъ архивъ, воплотивъ сознательно цѣна его значеніе. Ключи отъ архива во время моихъ занятій находились въ рукахъ сторожа, и источникомъ какихъ злоупотребленій могло бы это быть при иныхъ качествахъ этого хранителя!

Виѣшность книгъ была очень далека отъ идеала ¹⁾. Книги XVI столѣтія, которыми я занимался, были еще по большей части въ сколько-нибудь сносномъ состояніи ²⁾, но и онѣ носили слѣды сырости и особенно слѣды опустошенія, производимаго въ архивѣ грызунами. При этомъ крысы уничтожали документы и до, и послѣ известной ревизіи 1835 года, долженствовавшей привести въ порядокъ актовыя книги присутственныхъ учрежденій западнаго края ³⁾. Такъ, конецъ книги № 32 Витебскаго уѣзднаго суда (земская), начиная съ 394-го листа, совершенно съѣденъ крысами такъ же, какъ и задняя кожанная обложка; но листы 394—428 были еще цѣлы въ 1835 году, такъ какъ за 428-мъ листомъ вклеенъ листъ со скрѣпкою комиссіи и съ подсчетомъ листовъ книги (428) ⁴⁾. Мнѣ попадались книги, правда, уже позднѣйшаго времени, которыя представляли изъ себя просто одинъ переплетъ, наполненный кусочками изгрызанной бумаги. Съ чувствомъ большого удовлетворенія прочиталъ, поэтому, я въ предисловіи къ XXVII выпуску Историко-Юридическихъ Матеріаловъ о приведеніи Витебскаго архива въ порядокъ при совершившейся передачѣ его въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія въ началѣ 1896 года ⁵⁾.

¹⁾ Ср. Ист.-Юр. Мат. XXVII. Стр. V.

²⁾ Если только говорить о книгахъ безъ тѣхъ ихъ частей, которыя совершенно съѣдены крысами и, такимъ образомъ, вышли изъ состава книгъ.

³⁾ Объ этой ревизіи см. Ист.-Юр. Мат. I, стр. IV и сл., планъ названную выше статью В. А. Дякина, стр. 57 и сл.

⁴⁾ Описаніе этой книги мы уже дѣлали раньше въ статьѣ „Земскій судъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI вѣка“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897 г., № 6 (см. стр. 266, прим. 4).

⁵⁾ Надъ приведеніемъ архива въ порядокъ работалъ А. П. Салуновъ. См. предисловіе къ XXVII выпуску Ист.-Юр. Матеріаловъ.

Въ архивѣ помѣщался небольшой шкафъ ¹⁾ съ книгами, составлявшими всю библиотечку его, всѣ научныя пособія, которыя могъ дать архивъ научному работнику. Эта библиотечка производила жалкое впечатлѣніе своею поразительною скудостью. Въ ней нашли мѣсто археографическія изданія Вильны и Кіева, нѣкоторыя изданія археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, труды нѣкоторыхъ архивныхъ комиссій ²⁾, работы Е. Романова, словарь Линде, *Encyklopedia Powszechna*, акты Пѣжинскаго братства (изданные Ѳедотовымъ-Чеховскимъ), кое что изъ изданій Императорской археологической комиссіи и изъ записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей. Мы перечислили большую часть состава библиотечки Витебскаго центральнаго архива въ 1895 году. Для полноты списка не хватаетъ лишь очень небольшого числа книгъ, находившихся въ этой скудной библиотекѣ. Даже изданія русскихъ правительственныхъ учрежденій далеко не полно были представлены въ этой библиотекѣ. Объ археологическихъ изданіяхъ Варшавскихъ и заграничныхъ архивъ не могъ и мечтать. Изслѣдованій историческихъ и историко-географическихъ и пособій по палеографіи, этнографіи и архивовѣдѣнію онъ также не могъ дать лицамъ, работающимъ въ немъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ научная работа и правильно поставленное дѣло научнаго издательства должны быть признаны совершенно недоступными для Витебскаго центральнаго архива. Можно удивляется тому, какъ Витебскіе архиваріусы все-таки работали въ своемъ архивѣ, но нельзя и не пожалѣть о томъ, что они не замѣнили изданія документовъ простымъ, внимательно и обстоятельно составляемымъ описаніемъ актовъ, книгъ и документовъ, въ нихъ находящихся. Эта работа была бы доступна архиву при его постигнѣ бѣдныхъ научныхъ средствахъ, и теперь въ изданныхъ XXXI-мъ томѣ, надо думать, едва ли бы уже не очень большая часть архива была бы описана въ изданныхъ описяхъ. Въ настоящее же время онъ обстоятельныхъ описей совѣсьмъ не имѣетъ, притомъ не только печатныхъ, но даже и рукописныхъ ³⁾,

¹⁾ Этотъ шкафъ былъ заказанъ М. М. Веревкиннмъ лишь незадолго до гѣта 1895 года.

²⁾ Орловской, Ярославской. Изданіе Тверской ученой архивной комиссіи— „Литовскіе пограничные городки“ прот. Вл. Успенскаго.

³⁾ Только въ XXVII выпускѣ *Ист.-Юр. Матеріаловъ* напечатаны шесть страницъ (XXXV—XL) „инвентарной описи документовъ Ушачьской магдебургіи“. Это очень коротенькая опись, притомъ она такъ невелика, что ея валичность не мѣ-

въ то время какъ Кіевскій и Виленскій центральные архивы уже успѣли дать рядъ описей и въ печати ¹⁾). Нельзя, вѣдь, считать описью простой перечень актовыхъ книгъ, опубликованный въ I и XXIV выпускахъ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ ²⁾).

Перейдемъ ко второй части нашей замѣтки — подведенію итоговъ издательской дѣятельности Витебскаго центрального архива. Прежде всего укажемъ на удивительно малую извѣстность изданныхъ имъ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ. Такіе знатоки, какъ проф. Иконниковъ и проф. Леонтовичъ, въ началѣ девятидесятихъ годовъ истекшаго столѣтія считали изданными лишь не болѣе XIV выпускъ этого изданія ³⁾, въ то время какъ ихъ къ этому времени существовало уже болѣе двадцати ⁴⁾). Исслѣдованіе очень мало затронуло эти матеріалы вплоть до самаго послѣдняго времени.

М. О. Кояловичъ, разсматривая въ 1870 году археографическія изданія Кіева и Вильны за предыдущій годъ ⁵⁾, писалъ о Витебскомъ центральномъ архивѣ, что онъ ожидаетъ „или присоединенія его къ Виленскому, или особой Витебской комиссіи“ ⁶⁾, которая взяла бы въ свои руки ученое изученіе и изданіе его документовъ, какъ это уже было устроено въ Кіевѣ и Вильнѣ. Послѣдняго Витебскій архивъ не получилъ никогда, а первое осуществлено лишь въ настоящее время. Но къ изданію документовъ было приступлено Витебскимъ архивомъ еще въ началѣ семидесятихъ годовъ XIX-го вѣка и за 1871 по 1903 годы издательской его дѣятельности накопились цѣлые XXXI томъ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ, составилось одно изъ ко-

---

нечать общей картпы въ дѣлѣ составленія описей Вит. Архива. О „приложеніяхъ“ М. М. Веревкина къ Ист.-Юр. Матеріаламъ рѣчь будетъ ниже.

¹⁾ Описи Кіевскаго центрального архива изданы въ видѣ выпускъ, описывающихъ отдѣльныя актыныя книги (начато изданіе описей въ 1869 году). „Опись документовъ Виленскаго центрального архива древнихъ актовыхъ книгъ“ надается выпусками, заключающими въ себѣ описи ряда книгъ (начато изданіе въ 1901 г. До этого времени былъ изданъ только „Каталогъ древнихъ актовыхъ книгъ“ составленный Н. Горбачевскимъ. Вильна. 1872).

²⁾ Ист.-Юр. Мат. I. стр. XIII—LII, Ист.-Юр. Мат. XXIV, стр. 517—518.

³⁾ Проф. В. С. Иконниковъ. Опытъ русской историографіи. Т. I. Ч. I. К. 1189, стр. 503. Проф. Ѡ. П. Леонтовичъ считаетъ Ист.-Юр. Матеріалы издававшимися только съ 1871 по 1881 г. (Очерки исторіи д.-р. права С.-Пб. 1894. Стр. 7).

⁴⁾ Въ 1890 году вышелъ XX-й выпускъ Ист.-Юр. Матеріаловъ, въ 1893-мъ—XXIV-й.

⁵⁾ Жур. Мин. Нар. Пр. 1870 XI, XII.

⁶⁾ Жур. Мин. Нар. Пр. 1870 XII. Стр. 267.

лоссальнѣйшихъ археологическихъ изданій. Первые выпуски Историко-Юридическихъ Матеріаловъ подверглись обстоятельному и внимательному изученію проф. Владимірскаго-Буданова, который останавливалъ на нихъ свое вниманіе и позднѣе. Рецензія проф. Владимірскаго-Буданова привѣтствовала выходъ въ свѣтъ первыхъ шести выпусковъ изданія ¹⁾. Она же знакомила ученыхъ читателей и съ дальнѣйшими его выпусками ²⁾. По эта рецензія указала и на слабыя стороны его. Эти слабыя стороны: отсутствіе плана, ошибки въ чтеніи рукописи ³⁾, неправильныя заглавія издаваемыхъ документовъ ⁴⁾, неточный переводъ на русскій языкъ иноязычныхъ документовъ ⁵⁾. Къ сожалѣнію, эти недостатки Историко-Юридическіе Матеріалы сохраняли и въ дальнѣйшихъ выпускахъ ⁶⁾.

Первый вопросъ, который является при оцѣнкѣ монументальнаго изданія Витебскаго центральнаго архива, это вопросъ о томъ, удачно ли сдѣланъ выборъ документовъ, предназначаемыхъ къ изданію? Второю вопросомъ, слѣдующій за первымъ—какъ изданы выбранные документы, въ какой мѣрѣ изданіе удовлетворяетъ ученымъ требованіямъ, предъявляемымъ съ этой стороны къ археографическимъ изданіямъ?

Отвѣтимъ сначала на первый вопросъ. Проф. Владимірскій-Будановъ въ своей рецензіи первыхъ шести томовъ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ высказался за признаніе лишь такого документа областныхъ архивовъ достойнымъ быть изданнымъ, „который *самъ по*

¹⁾ *Кіевскія Унив. Извѣстія*. 1877. № 3. Стр. 81—95.

²⁾ *Кіевскія Унив. Извѣстія*. 1878. № 4. Стр. 91—111 (рецензія VII и VIII выпусковъ).

³⁾ Напримѣръ, spectrum записи вмѣсто speculum записи.

⁴⁾ Напримѣръ, Витебская земская грамота названа „привилегіей кор. Александра на Пречыстенскую церковь“. II. Стр. 233. (Ср. *М. Лепетскій*. Уставныя земскія грамоты л.-р. государства. Кіевъ 1889. Стр. 81).

⁵⁾ Отмѣчаетъ профессоръ Владимірскій-Будановъ и отсутствіе вступительныхъ статей.

⁶⁾ Содержаніе 30-ти выпусковъ находится на обложкѣ 31-го (содержаніе предшествующихъ выпусковъ печаталось на обложкѣ вновь издаваемого выпуска, начиная съ XXVII-го). Къ сожалѣнію, составленіе обзора содержанія велось не совсемъ внимательно, а между тѣмъ онъ могъ бы служить хотя нѣкоторымъ подспорьемъ при пользованіи колоссальнымъ Витебскимъ изданіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно отмѣтить рядъ пропусковъ и погрѣшностей въ этомъ обзорѣ. Такъ, пропущены, напримѣръ, снимки съ рукописей (вып. XXII, XXIII), дополнительная опись книгамъ Архива (вып. XXIV); въ I-мъ выпускѣ изданы приходо-расходныя книги Могилова за 1679—1682 г., а не за 1679—1681, какъ значится въ обзорѣ содержанія (причина ошибки опечатка въ оглавленіи къ I выпуску—1681 г. вмѣсто 1682 г. См. 205 стр. текста).

себѣ имѣть вѣское историческое значеніе“ ¹⁾). Невозможность изданія всѣхъ актовъ областныхъ архивовъ еще раньше была признана и М. О. Кояловичемъ, „какъ по денежнымъ затрудненіямъ, такъ и потому, что это акты почти исключительно мѣстнаго значенія“ ²⁾). Такимъ образомъ передъ нами вопросъ, должны ли быть издаваемы документы областныхъ архивовъ сплошь, или со строгимъ выборомъ матеріаловъ для изданія? Не обинуясь, соглашаемся съ покойнымъ М. О. Кояловичемъ и проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ ихъ требованіи послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, если представить себѣ то время, когда наступитъ пора изданія документовъ судебныхъ и присутственныхъ мѣстъ нашего времени, то въ какомъ положеніи окажутся археографы въ случаѣ желанія издавать цѣликомъ всѣ акты этихъ учреждений? Неужели они рѣшатся на такое изданіе? Надо думать, что нѣтъ, и, вѣроятно, не рѣшатся не только по основаніямъ вѣшняго характера, какъ масса труда и денежныхъ затратъ, но и по основаніямъ свойства внутренняго. Какой смыслъ для изслѣдователя имѣетъ изданіе совершенно однороднаго матеріала, не прибавляющаго ничего новаго, кромѣ именъ, къ выясненію явленія жизни, уже выясненнаго на основаніи обнародованныхъ аналогичнаго содержанія документовъ? Еще было бы понятно изданіе всего сохранившагося въ томъ случаѣ, если бы эти матеріалы были достаточны для полнаго статистическаго изображенія явленій жизни. Но этого нѣтъ, такъ какъ въ судахъ сохраняются далеко не всѣ факты извѣстной группы явленій, въ дѣйствительности совершающіеся въ народной жизни, хотя бы они и подлежали вѣдѣнію суда. Возьмемъ, напримѣръ, хотя бы акты раздѣла имущества родителей между дѣтьми. Рядомъ съ актами, формально проходящими черезъ руки суда въ видѣ официальныхъ документовъ, сколько существуетъ раздѣловъ движимости между дѣтьми самими родителями по слову, безъ документа, въ послѣдніе дни жизни родителей! Сколько актовъ совершается лишь для виду, для формы, съ измѣненіемъ самаго содержанія совершаемаго акта въ его дѣйствительномъ, реальномъ значеніи! Рядомъ съ документами слѣдствія и приговорами судовъ по убійствамъ, констатирующими послѣдствія, сколько существуетъ убійствъ, совершенно скрытыхъ! Надо помнить, что факты жизни не всегда и точно воспроизводятся судебными документами въ ихъ реальномъ, а не формальномъ значеніи.

¹⁾ К. Ун. Изв. 1877. № 3, стр. 63.

²⁾ Жур. Мин. Нар. Пр. 1870. XI, стр. 101.

Если все это такъ, то стоитъ ли издавать всѣ акты областныхъ судовъ лишь для того, чтобы изслѣдователь могъ подсчитать, сколько разъ извѣстное преступленіе появилось передъ даннымъ судомъ за извѣстный періодъ времени, или сколько разъ лицо извѣстнаго сословія было уличено въ кражѣ или что либо подобное? Конечно, можно признать любопытными цифры, рисующія переходы имѣній изъ рукъ въ руки и имъ подобныя, но онѣ имѣли бы значеніе лишь тогда, если бы сохранились *всѣ* книги судовъ, какъ книги нотаріальныхъ записей, но объ этомъ невозможно и думать ¹⁾. Да и въ такомъ случаѣ едва ли есть смыслъ изданія актовъ цѣликомъ вмѣсто короткаго ихъ изложенія. Гражданскіе акты не переписи, списки и кадастры, дающіе перечни извѣстныхъ явленій и фактовъ жизни въ извѣстной мѣстности въ извѣстномъ году съ полнотою, приближающеюся довольно близко къ дѣйствительности, а иногда, можетъ быть, и болѣе или менѣе совпадающею съ послѣднею.

Если наши соображенія могутъ быть признаны правильными, то думается, что изслѣдователь можетъ предъявить къ археографу требованіе издавать цѣликомъ лишь такіе документы, въ которыхъ имѣется новое, совсѣмъ неизвѣстное въ *изданныхъ источникахъ*, или извѣстное въ нихъ недостаточно. Что касается до документовъ, рисующихъ явленія, уже достаточно извѣстныхъ, то свѣдѣнія о нихъ должны издаваться лишь въ видѣ хорошо составленной описи ²⁾. Такая опись съ выпискою изъ документа, если она требуется по соображеніямъ издателя, даетъ и свѣдѣніе о томъ, что явленіе лишній разъ сохранилось въ источникахъ, даетъ возможность и изслѣдователю самому обратиться къ архиву, если ему это почему-либо желательно ³⁾.

¹⁾ Въ XXVIII выпускѣ Ист.-Юр. Матеріаловъ (стр. 103 — 107) изданъ очень интересный реестръ книгъ Витебскаго земскаго суда, переданныхъ послѣ смерти Витебскаго земскаго писаря Льва Гурки его преемнику Константину Войнѣ. Этотъ реестръ ввезенъ въ Витебскія земскія книги 15 октября 1846 года. Въ немъ не хватаетъ цѣлаго ряда книгъ различныхъ годовъ и различныхъ судебныхъ сессій. Если его сравнить со спискомъ книгъ Витебскаго земскаго суда, напечатаннымъ въ I выпускѣ Ист.-Юр. Матеріаловъ, то обнаруживается ясно, какъ много книгъ по сохранилось до нашего времени даже изъ числа тѣхъ, которыя были еще цѣлы въ первомъ десятилѣтіи XVII вѣка.

²⁾ Конечно, мы исключаемъ тѣ случаи, когда новое изданіе документа требуется въ виду неудовлетворительности и несправности прежняго изданія.

³⁾ Проф. Владимірскій-Будановъ требуетъ изслѣдованій, выѣщающихъ такіе архивные факты. Мы предпочитаемъ описи, такъ какъ изслѣдованіе подбираетъ матеріалъ все-таки въ зависимости отъ темы и ученыхъ интересовъ изслѣдователя. Конечно, мы далеки въ то же время отъ мысли о легкости и простотѣ дѣла составленія описей.

Намъ могутъ возразить, что изданіе актовъ литовско-русскихъ областныхъ судовъ имѣетъ значеніе для выясненія силы русской культуры въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго, и это, какъ извѣстно, было поставлено одною изъ цѣлей издательства документовъ западно-русскихъ архивовъ. Но уже въ первые десятки лѣтъ издательства литовско-русскихъ актовъ эта задача была въ общемъ достигнута ¹⁾.

Къ тому же на помощь въ достиженіи этой цѣли, поставленной въ свое время издательству западно-русскихъ документовъ, пришла уже очень давно теорія эволюціи, не позволяющая вычеркивать русскую культуру въ тѣхъ областяхъ русскихъ, которыя были территоріей „зарожденія и развитія всѣхъ правовыхъ институтовъ древней Руси (Русской Правды“ ²⁾—онѣ не могли утратить свой обликъ, соединившись съ Литвою, притомъ соединившись съ сохраненіемъ своей мѣстной самобытности. Итакъ эта цѣль, цѣль, такъ сказать, боевая отпадаетъ, и передъ издателемъ западно-русскихъ актовъ стоитъ совершенно спокойная, обычная цѣль всѣхъ археографическихъ изданій—научное собраніе и изданіе источниковъ для выясненія исторической истины.

¹⁾ Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что уже до начала папательской дѣятельности Виленской и Кіевской археографическихъ комиссій и Витовскаго Центральнаго Архива существовалъ цѣлый рядъ изданій литовско-русскихъ актовъ. Въ 1824 г. изданъ Бѣлорусскій Архивъ Древнихъ Грамотъ. Ч. I, вл. 1836 г.—Сборникъ П. Мухомова, въ 1841 г.—Петербургская Археографическая Комиссія издала документы изъ коллекціи Альбертранди въ Актахъ на иностранныхъ языкахъ, отнес. къ Россіи, въ 1843 г.—Книга Посольская Метрики Великаго Княжества Литовскаго, въ 1843 г.—Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Троку, православныхъ монастырей, церквей и т. д., въ 1845 г.—началось изданіе Памятниковъ, изд. Кіевскою временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ (заключено въ 1859 г.), въ 1846 г.—начато изданіе Актовъ Западной Россіи (заключено въ 1853 г.), въ 1848 г.—Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи, православныхъ монастырей и т. д., въ 1858 г.—Собраніе государственныхъ и частныхъ актовъ, касающихся исторіи Литвы и соединенныхъ съ нею владѣній (изд. Виленскою Археологическою Комиссіею подъ редакціею ученаго секретаря Мавриція Круновича). Кромѣ того цѣлый рядъ документовъ издавъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ и памятныхъ книжкахъ западныхъ губерній, и въ изданіяхъ Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Мы уже не говоримъ объ описаніяхъ древлехранящихся и публикаціяхъ документовъ, связанныхъ съ научнымъ изученіемъ (Фундуклей, Максимовичъ, Иванншевъ, и др.). Съ 1862 года дѣятельно помогали въ изданіи документовъ Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи.

²⁾ Проф. *Владимірскій-Будановъ*. Помѣстное право въ древнюю эпоху Литовско-Русскаго государства. Чт. въ Ист. Общ. П. Л. Кн. 3, стр. 64.

Уже было давно замѣчено, какую опасность представлять пользование актами судовъ для изученія исторіи общественной нравственности, такъ какъ „передъ судомъ обыкновенно является худшая сторона природы человѣка, является жизнь *ненормальная*, жизнь вышедшая изъ колен“ ¹⁾. Недавно была сдѣлана попытка дать „очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII столѣтія“ ²⁾ по актовымъ книгамъ Кіевскаго центрального архива, но передъ читателемъ этой книги, съ большимъ увлеченіемъ и любовью составленной, встаютъ лишь пороки общества, а далеко не его жизнь. Такимъ образомъ, акты судовъ не могутъ быть издаваемы цѣликомъ и для того, чтобы служить изученію исторіи нравовъ. Однако съ другой стороны, есть основаніе и для изданія цѣликомъ нѣкоторыхъ актовыхъ книгъ областныхъ судовъ и учреждений. Для того, чтобы представить себѣ вполне ясно и опредѣленно картину функционированія земскаго, градскаго или подкоморскаго суда, трибунала, магистрата, конечно, важно имѣть изданными по одной, по двѣ актовыхъ книги учрежденія. Но въ такомъ случаѣ, разумѣется, эти книги должны быть издаваемы совершенно точно, съ самымъ точнымъ описаніемъ ихъ внѣшняго вида и письма. О большомъ числѣ изданія такихъ книгъ думать не приходится, такъ какъ такое изданіе будетъ 1) слишкомъ дорого и 2) излишне, потому что специалистъ, который поставитъ себѣ цѣлью изученіе функционированія судовъ и учреждений, необходимо долженъ ознакомиться съ оригиналами актовыхъ книгъ, для историковъ же, не дѣлающихъ своею спеціальностью этой темы, такое изданіе будетъ излишнимъ. Въ виду сейчасъ сказаннаго, мы очень цѣнимъ въ Историко-Юридическихъ Матеріалахъ изданіе цѣликомъ одной, двухъ приходо-расходныхъ книгъ Могилевскаго магистрата XVII вѣка и актовой книги того же магистрата 1577 и 1578 годовъ, предпринимаемое въ XXX-мъ съ обѣщаніемъ продолженія въ XXXI-мъ выпускѣ тѣхъ же Матеріаловъ ³⁾. Вообще же говоря, акты областныхъ учреждений должны издаваться съ очень большимъ выборомъ, какъ мы уже замѣтили выше.

Акты областныхъ архивовъ заключаютъ въ себѣ документы областного и центрального происхожденія. Вслѣдствіе того, что книги мѣст-

¹⁾ Проф. *Владимірскій-Будановъ*. Рецензія Ист.-Юр. М. К. Ун. Изв. 1877 г. № 3, стр. 62.

²⁾ *Ор. Лещикаго*. Изданіе журнала Кіевская Старина. Кіевъ. 1902.

³⁾ Жаль только, что это изданіе сдѣлано неудовлетворительно, какъ увидимъ ниже.

ныхъ судовъ имѣли значеніе не только собраній судовыхъ приговоровъ и разбирательствъ, но также нотаріальныхъ записей, въ нихъ вносились масса документовъ и листовъ самаго разнороднаго содержанія ¹⁾. Вносятся въ областныя книги и дѣйствія правительства и администраціи, центральныхъ и областныхъ. Это дѣлается „для згубы“, изъ страха потери листа-закона, или распоряженія — въ книгахъ судовъ, бережно охраняемыхъ, они будутъ сохранены, вписанные въ эти книги. Съ точки зрѣнія такихъ матеріаловъ, областныя книги пріобрѣтаютъ первостепенное научное значеніе: въ нихъ могутъ находиться такіе государственные акты, которыхъ не хватаетъ въ литовской метрицѣ, не полной, какъ извѣстно, въ своемъ составѣ, въ виду утраты части ея книгъ. Но не только, какъ хранительницы распоряженій центральной власти, имѣютъ значеніе книги областныхъ судовъ. Жизнь областей имѣла свои особенности и свои особые порядки. Областные сеймы до введенія повѣтоваго сеймика въ 1565 году дѣлали свои постановленія, пріобрѣтавшія силу закона для данной мѣстности ²⁾; съ учрежденіемъ повѣтоваго сеймика, но особенно съ эпохи Люблинской уніи, пріобщавшей литовско-русское государство къ своеобразному парламентскому строю Польши, постановленія повѣтовыхъ собраній-сеймиковъ имѣютъ не меньшей, если не болѣе интересъ. Павинскій достаточно выяснилъ ³⁾ значеніе сеймиковъ, какъ силы, распоряжавшейся областною жизнью и втягивавшей въ себя значеніе сейма. Акты областныхъ судовъ хранятъ сеймиковые документы ⁴⁾, и эти документы ждутъ своего опубликованія цѣлкомъ все, сколько ихъ ни сохранилось.

¹⁾ Характеристику актовыхъ книгъ литовско-русскихъ судовъ съ точки зрѣнія ихъ содержанія см. у проф. *Иконникова* въ Опытѣ Русской Исторіографіи (т. I, ч. I. Кіевъ. 1901. Стр. 493—504). Тамъ собрана и литература, рпсующая это содержаніе. Какъ появившіяся послѣ выхода этого монументальнаго труда, можно отмѣтить работы г. *Левинскаго*—1) рефератъ „о судьбѣ древнихъ актовыхъ книгъ и собраній ихъ въ центральныхъ архивахъ“. Чт. въ Ист. Общ. Н. Л. X. Стр. II и сл., 2) названнае выше „черки нар. жизни въ Малороссіи“ и 3) названную выше „исторію учрежденія К. Центр. Архива“, и нашу статью о земскомъ судѣ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1897. № 6).

²⁾ См. факты у *Н. А. Максимейко*. Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи 1569 г. Харьковъ. 1902. Глава первая. §§ 3, 4, 5.

³⁾ *Adolf Pawiński*. Rządy Sejmikowe w Polsce na tle stosunków województw Kujawskich. Warszawa. 1888.

⁴⁾ Ихъ издано довольно много въ двухъ томахъ второй части Архива Юго-Западной Россіи, въ Актахъ Виленской археографической комиссіи и въ Историко-Юридическихъ Матеріалахъ.

Областные суды хранятъ и универсалы воеводъ, маршалковъ, повѣтовыхъ хоружихъ, гетмановъ, важныя распоряженія властей свѣтскихъ и духовныхъ. Эти документы также заслуживаютъ изданія. Что же касается актовъ частно-гражданскаго характера, то изданіе ихъ должно быть ограничено, какъ и изданіе документовъ, издаваемыхъ лишь потому, что они касаются церковей и монастырей. Общее историческое издательство должно преслѣдовать и обще-историческія цѣли, а съ точки зрѣнія послѣднихъ церковная жизнь, будучи очень важною стороною общей жизни, является все-таки лишь *одною изъ сторонъ ея*, не поглощающею остальныхъ, хотя и дающею многимъ изъ нихъ весьма существенную окраску. Мы уже высказали выше, въ какихъ размѣрахъ общее издательство, по нашему мнѣнію, должно затрогивать частно-гражданскіе акты; акты церковной жизни также, думается, должны издаваться съ такимъ же разборомъ. Издавать такіе матеріалы—дѣло спеціальныхъ сборниковъ, самостоятельныхъ, или присоединяемыхъ къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, а не общихъ сборниковъ историческихъ матеріаловъ.

Можетъ быть, мы слишкомъ долго останавливались на выясненіи нашего взгляда на то, что должно быть издаваемо изъ документовъ областныхъ учрежденій. Но это сдѣлать было необходимо въ видахъ установленія критерія для оцѣнки выбора документовъ, изданныхъ въ Историко-Юридическихъ Матеріалахъ.

По своему содержанію эти документы могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы. 1) Документы, рисующіе политическую жизнь всего великаго княжества Литовскаго, а иногда и цѣлой польско-литовской Рѣчи Посполитой, въ ея общегосударственныхъ и мѣстныхъ чертахъ и явленіяхъ, притомъ, жизнь, такъ сказать, нормальную и жизнь, уклоняющуюся отъ нормы подъ вліяніемъ исключительныхъ причинъ и факторовъ. Сюда относятся законодательные акты и административныя распоряженія центральнаго правительства, акты, говорящіе о собраніяхъ обывателей, сеймикъ и сеймъ, документы, рисующіе время войнъ и, наконецъ, переходъ западной Россіи въ концѣ XVIII столѣтія къ Россійской Имперіи. 2) Документы, рисующіе городское самоуправленіе и жизнь города, какъ самоуправляющейся единицы и промышленнаго центра. Тутъ масса любопытнѣйшихъ данныхъ для изученія функционированія городского управленія и суда, цехового строя, экономическаго быта города и т. д. 3) Акты дѣятельности областныхъ судовъ и администраціи въ мирное и военное время. 4) Документы, рисующіе юридическое и экономическое положеніе со-

словій и группъ населенія (шляхта, боярство, духовенство разныхъ религій, слуги различныхъ видовъ, мѣщанство разныхъ видовъ, евреи, крестьяне, рабы). 5) Документы, рисующіе умственную культуру (школы, типографіи, книги, суевѣрія и т. д.). 6) Документы, касающіеся религіозной жизни. 7) Акты, касающіеся семейной жизни и нравственности. 8) Разграниченія частныхъ имѣній, староствъ, замѣковыхъ и городскихъ земель, повѣтовъ, воеводствъ и цѣлаго государства. 9) Документы, рисующіе хозяйство столовыхъ и государственныхъ земель. 10) Акты, касающіеся различныхъ преступленій. 11) Частно-гражданскіе акты (дарственные записи, раздѣлы, завѣщанія, покупки, продажи, наймы, аренды и т. п.) Полагаемъ, что даже этотъ бѣглый и неполный перечень группъ, на которыя распадаются изданные въ Историко-Юридическихъ Матеріалахъ документы, способны дать представленіе о научномъ значеніи изданія. Понятно, что перечень не можетъ дать полного понятія объ этомъ значеніи уже потому, что при классификаціи пришлось отбросить рядъ чертъ второстепенныхъ съ точки зрѣнія послѣдней, но очень существенныхъ въ дѣлѣ опредѣленія научной цѣнности отдѣльныхъ документовъ. При всемъ томъ однако, мы затруднились бы признать выборъ актовъ для изданія въ Историко-Юридическихъ Матеріалахъ вполне удовлетворительнымъ. Громадное большинство актовъ, напечатанныхъ въ Витебскомъ изданіи, является документами частно-гражданскихъ актовъ, церковной жизни и городского хозяйства. Стоить раскрыть оглавленія отдѣльныхъ выпусковъ, чтобы легко замѣтить это. Большинство изданныхъ документовъ относится къ XVII и XVIII столѣтіямъ, значительно меньшее число—къ концу XVI вѣка и лишь единичные акты—къ болѣе раннему времени ¹⁾. Думается, что издатели могли бы очень сократить число изданныхъ однообразныхъ документовъ, и полагаемъ, что они очень хорошо поступили бы, сдѣлавъ это и замѣнивъ большое число изданныхъ актовъ хорошимъ ихъ описаніемъ. На изданіе такой массы приходо-расходныхъ книгъ Могилевскаго магистрата, какъ на излишнюю роскошь, указывалъ уже проф. Владимірскій-Будановъ ²⁾. Издатели затѣмъ сами стали, повидимому, сомнѣваться въ надобности из-

¹⁾ Напримеръ, уставная Витебская грамота 1503 года (II. Стр. 233—236), грамота Александра Витебскаго боярамъ Федкѣ Михайловичу и Плавкѣ Гарасимовичу „з братаю своєю“ (XXI. Стр. 115—116) и т. д.

²⁾ Проф. Владимірскій-Будановъ предлагалъ издавать лишь извлеченіе изъ этихъ книгъ (К. Унив. Изв. 1878. № 4. Стр. 94).

данія этихъ книгъ, перошли къ ихъ сокращенію ¹⁾, а, наконецъ, и совсѣмъ прекратили ихъ печатаніе ²⁾. Документовъ, рисующихъ дѣятельность городского самоуправления, издана вообще громадная масса ³⁾, равно какъ и документовъ частно-гражданскихъ актовъ ⁴⁾.

Если изъ изданной въ тридцать одномъ выпускѣ Матеріаловъ массы документовъ отобрать то, что дѣйствительно важно для изслѣдованія историческаго прошлаго Литовской Руси, то этого отобраннаго хватило бы лишь выпусковъ на пятнадцать, а все остальное мѣсто въ колоссальномъ изданіи можно было бы отдать описямъ; и какое удобство дали бы эти описи и изслѣдователямъ и архивариусамъ! Какъ выгодно выдѣляются рядомъ съ Витебскимъ изданіемъ сборники въ родѣ Документовъ Московскаго архива министерства юстиціи! ⁵⁾. Тамъ всякій документъ нуженъ для изслѣдователя, а къ тридцати одному томѣ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ приходится самому изслѣдователю составлять для себя цѣлыя описи, чтобы имѣть возможность владѣть этимъ изданіемъ.

Съ внѣшней стороны изданіе не было ведено въ общемъ достаточно исправно. Временами въ отдѣльныхъ сторонахъ оно становилось исправнѣе, но затѣмъ часто опять возвращалось на старую дорожку. А. М. Сазоновъ въ первыхъ выпускахъ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ дѣлаетъ короткія описанія книгъ архива, изъ которыхъ онъ извлекаетъ издаваемые документы ⁶⁾, но потомъ оставляетъ эту хорошую черту изданія ⁷⁾, а преемники его о ней почти и не вспоминаютъ ⁸⁾. Важнымъ недостаткомъ изданія является недостаточное вчитываніе издателей въ документы, что вызываетъ неправильныя заглавія для послѣднихъ ⁹⁾ и невѣрное ихъ датированіе ¹⁰⁾. Встрѣ-

¹⁾ Выпуски XXIII—XXVI. Выпускъ XXVII имѣетъ на своихъ страницахъ опять изданію цѣлкомъ приходо-расходную книгу за 1716 годъ.

²⁾ Выпуски XXVIII—XXXI.

³⁾ См. напр. выпуски XI—XVI.

⁴⁾ См. особенно вторую половину всего изданія.

⁵⁾ Томъ I. М. 1897 г.

⁶⁾ См. I, стр. 3—4, 313; II, стр. 2; III, передъ началомъ приходо-расходной книги 1685 года; IV, стр. 8. Притомъ онъ даетъ описаніе далеко не полное и не всѣхъ книгъ, документы которыхъ издаетъ.

⁷⁾ Съ V выпуска описаніе не дается.

⁸⁾ Г. Довгяло, впрочемъ, однажды (стр. 3—4 выпуска XXVII) даетъ коротенькое описаніе приходо-расходной книги Могилевскаго магистрата за 1716 годъ.

⁹⁾ Примѣры см. выше и ниже въ настоящей замѣткѣ.

¹⁰⁾ Напримѣръ, XXIV, стр. XXXV: дата привилеи вел. князя Александра его

чаются оглавленія съ пропускомъ частей содержанія издаваемого выпуска ¹⁾, отсутствіе заглавій въ нѣкоторыхъ актахъ ²⁾, отсутствіе указателей въ значительномъ числѣ выпусковъ ³⁾.

Первые семнадцать выпусковъ лишены вступительныхъ статей издателя ⁴⁾, и читатель прямо получаетъ въ руки документы безъ всякаго предувѣдомленія объ ихъ содержаніи и безъ всякаго объясненія причинъ, побудившихъ издателя ихъ напечатать. Объ ученыхъ изслѣдованіяхъ, которыя такъ выдѣляютъ Архивъ Юго-Западной Россіи и которыя не чужды нѣкоторымъ томамъ актовъ, издаваемыхъ Виленскою археографическою комиссіею, Историко-Юридическіе Матеріалы и не мечтаютъ. Конечно, этого невозможно ставить въ вину издателямъ, въ виду недостатка средствъ къ ученой работѣ въ Витебскомъ центральномъ архивѣ. М. Л. Вережкинъ, видимо, много думалъ о томъ, что и какъ ему нужно издавать. Онъ ввелъ предисловія къ выпускамъ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ, указатели къ нимъ ⁵⁾, даже дважды приложилъ снимки съ рукописи ⁶⁾ (хотя и сдѣланныя не фотографически, а литографскимъ способомъ). Но особенно характернымъ его нововведеніемъ является

супругѣ Еленѣ—1646 г.; привилей, данный самою Еленою, датированъ также 1646-мъ годомъ; подтвержденіе этого привилея Сигизмундомъ Старымъ—тѣмъ же годомъ. Это годъ явки документовъ для вписанія въ Оршанскія земскія книги, и онъ очень удобенъ рядомъ съ именами дѣятелей, умершихъ въ началѣ и первой половинѣ XVI вѣка.

¹⁾ Напримѣръ, выпуски XXII и XXIII (не указаны приложенные снимки), XXIV (не указана дополнительная опись), XXVIII (не указано предисловіе) и т. д.

²⁾ Напримѣръ, VIII, стр. 270, 344, 358 и др.

³⁾ I—XVI.

⁴⁾ Предисловіе имѣется въ I выпускѣ. Оно излагаетъ исторію учрежденія Витебскаго центрального архива, говоритъ о храненіи документовъ архива до его учрежденія, знакомитъ съ размѣрами поддѣлки актовъ и ихъ ревизіями, даетъ перечневую опись книгамъ архива и общую характеристику ихъ состоянія. Двѣ послѣднія страницы этого предисловія говорятъ о томъ, какъ возникла мысль объ отдѣльномъ изданіи документовъ Витебскаго архива (принадлежитъ П. А. Валусеву), и сообщаютъ лишь нѣсколько словъ о содержаніи издаваемого выпуска. Выпуски II—XVI предисловія совсѣмъ не имѣютъ, и только съ XVII-го выпуска послѣднія возобновляются, дѣлаясь несравненно болѣе обстоятельными. Всѣ послѣдующіе выпуски уже снабжены предисловіями.

⁵⁾ Предисловія и указатели появляются съ XVII выпуска, т. е. съ перваго выпуска, въ редакціи котораго принималъ участіе М. Л. Вережкинъ. О содержаніи предисловія къ I выпуску см. предыдущее примѣчаніе.

⁶⁾ Выпуски XXII и XXIII

подробное изложение содержания издаваемых актов и печатание описания отдельных документов, оставляемых неизданными. Последнее печатается в качестве „прибавления“ къ выпуску и представляет из себя извлечение изъ нѣкоторыхъ актовъ, „которые послѣдовали хотя и въ частныхъ интересахъ, но содержатъ въ себѣ указанія на предметы, имѣющіе значеніе для исторіи“¹⁾). Начиная съ XX и кончая XXVI выпускомъ, встрѣчаемъ неизмѣнно эти прибавленія, замѣняющія собою правильно ведомыя описи. Съ XXVII выпуска, т.-е. съ начала дѣятельности новаго редактора изданія, „прибавленія“ уже не встрѣчаются. Такимъ образомъ изданіе было близко къ тому, чтобы совершить переходъ къ печатанію описей документовъ, но такъ и окончило свое существованіе, не измѣнившись въ своемъ характерѣ и лишь въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ давъ еще нѣсколько страницъ описи²⁾).

Въ числѣ темныхъ сторонъ витебскаго изданія приходится отмѣтить погрѣшности въ самомъ текстѣ издаваемыхъ документовъ и не совсѣмъ достаточное знакомство съ политическимъ и социальнымъ строемъ Лятовско-русскаго великаго княжества, что отзывается на изданіи³⁾). Переводы иноязычныхъ документовъ на русскій далеко не всегда сдѣланы удачно и исправно⁴⁾). По совсѣмъ удачными являются

¹⁾ XX. Стр. 497.

²⁾ XXVII. Стр. XXXV — XL. Эта „инвентарная опись документовъ Ушачской магдебургіи“ представляетъ изъ себя уже простыя заглавія актовъ, а не извлеченія изъ нихъ.

³⁾ Яркій примѣръ на стр. 193 выпуска XXIII. Документъ № 59 въ заглавіи, составленномъ издателемъ, названъ: „креденсъ отъ сеймика Витебскаго воюводства главному маршалку конфедераціи Рѣчи Посполитой, соединенной съ вел. княж. Лит...“. Не конфедерація соединена съ княжествомъ, а послѣднее съ Польшею, и документъ говоритъ о сношеніи Витебскаго повѣтоваго сеймика съ маршалкомъ коронной конфедераціи („skonfederowanej Rzeczy korony polskiej“). Издателя смущали непонятныя имъ, но совершенно истинныя, слѣдующія слова документа: „skonfederowanej Rzeczy polskiej, vinculo uniois juncte (т.-е. junctae) z w-m х-м Littm“. Еще примѣръ: побочная рада обозначается, какъ „постоянный придворный совѣтъ“ (XXVII. Стр. XXIX). Другіе примѣры: слово „komornik“ переведено „землемѣръ“ (III. Стр. 219 и др.), „Porządek Prawa Maydeburzkiego“ переведено словами „Порядокъ Судопроизводства“ (IV. Стр. 424) и т. д.

⁴⁾ Часто переведенное мѣсто утрачиваетъ всякій смыслъ. Напримѣръ, слова: „roskazujemy: aby tenze przywileje nasz do xiąg autentycznych był przyjęty u głosem woznego, tudzież przez przybicie kopii onego do drzwi kościołow parafialnych publikowany“ переведены слѣдующимъ образомъ: „повелѣваемъ, чтобы сія наша привилегія была записана въ подлинныя книги и гласно чрезъ вознаго, а также чрезъ прибитіе копій

и очень многія примѣчанія, дѣлаемыя издателями къ тексту издаваемыхъ актовъ ¹⁾.

Если соединить сказанное нами въ характеристику исправности изданія съ очень случайнымъ характеромъ выбора документовъ, предназначенныхъ для напечатанія въ Историко-Юридическихъ Матеріалахъ, то едва ли можно признать дѣло изданія документовъ Витебскаго центрального архива удачно исполненнымъ. Издатели, несомнѣнно, вносили много любви и увлеченія въ свое дѣло, но далеко не такъ много ясности въ пониманіи его научныхъ цѣлей и стройности плана.

Перейдемъ къ третьей части нашей замѣтки — рецензіи 30-го и 31-го выпусковъ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ.

Выпускъ 30-й распадается на три отдѣла. Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ 33 документа, относящіеся къ исторіи церкви, православною, униатскою и католическою. Отдѣлъ второй составляетъ 15-ю актовъ, относящихся къ экономической исторіи; наконецъ, отдѣлъ третій — акты Могилевскаго магистрата за время съ 21-го марта по 5-е октября 1577 года (всего 186 номеровъ). Кромѣ того разбрасываемый выпускъ снабженъ предисловіемъ издателя, тремя указателями (географическихъ названій, личныхъ именъ и предметовъ) и оглавленіемъ. Самою интересною частью всего 30-го выпуска, въгь всякаго сомнѣнія, является третья его часть, т.-е. актовая книга Могилевскаго магистрата: она самая древняя изъ всѣхъ актовыхъ книгъ Витебскаго архива ²⁾, но, помимо того, ее изданіе даетъ дѣйствительно цѣнный матеріалъ для изученія городского самоуправленія Западной Россіи, являясь единственною книгою Магдебургскаго

съ него (т.-е. съ вознаго?) къ дверямъ приходскихъ костеловъ — былъ опубликованъ (кто?)^а и т. д. (XXVII. Стр. XXXIII, XXXIV). Само собою разумѣется, что переводъ документовъ, писанныхъ по польски, вообще совершенно излишенъ въ изданіи, предназначенномъ для ученыхъ цѣлей. Онъ дѣйствительно отсутствуетъ въ большинствѣ выпусковъ Ист.-Юр. Матеріаловъ. (На его ненужность указывалъ еще проф. Владимірскій-Будановъ).

¹⁾ Наримѣръ, XXI, стр. 415; XXII, стр. 119; XXV, стр. 121, 149.

²⁾ Эта книга могла бы быть и безъ оговорки названа самою древнею изъ всѣхъ книгъ архива, если бы въ немъ не было книги Полоцкаго земскаго суда 1560—1652 гг. (Ист.-Юр. Мат. I. Стр. XVI). Но въ этой послѣдней книгѣ лишь документъ № 1 относится къ болѣе раннему, чѣмъ 1577 годъ, времени (6-го мая 1560 г.); документъ № 2 датированъ уже 1588 годомъ, а слѣдующіе акты относятся къ еще болѣе позднимъ годамъ. А. М. Сазоновъ считаетъ акты начала этой книги подложными (Ист.-Юр. Мат. I. Стр. XI).

суда въ великомъ княжествѣ литовскомъ, издаваемою цѣлникомъ, извѣстною въ археографическихъ изданіяхъ. Интересъ этого памятника увеличивается еще тѣмъ, что эта книга есть первая актовая книга Могилевского магистрата со времени полученія Могилевомъ Магдебургскаго права ¹⁾.

Посмотримъ сначала, какъ справился издатель съ дѣломъ изданія этого любопытнаго памятника ²⁾? Къ сожалѣнію, нужно признать полную неудовлетворительность изданія, которая особенно досадна въ виду высокой научной цѣнности самаго памятника. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе описанія внѣшности издаваемой актовой книги ³⁾.

¹⁾ А. З. Р. III. № 77. Тотъ же документъ паданъ въ Вѣлорусскомъ Архивѣ Древнихъ Грамотъ (часть первая. М. 1821. Стр. 31). Ср. *И. И. Липко*. Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской унии до смерти Стефана Баторія. Томъ первый. С.-Пб. 1901 г. Стр. 483, прим. 2.

²⁾ Издатель признаетъ высокое научное значеніе этой книги Могилевского магистрата (Ист.-Юр. Мат., XXX. Стр. XI).

³⁾ Въ виду значенія памятника мы рѣшаемся сдѣлать это описаніе по нашимъ замѣткамъ, сдѣланнымъ въ 1895 году. Начнемъ съ переплета. Онъ очень пзящелъ: кока, тисненая красивымъ рисункомъ. На верху переплета передней крышки вытѣснено слово *Registrum*. Вытѣснены на кожѣ медальонныя головки въ шлемахъ и безъ нихъ (съ бородами), а также полныя изображенія съ подписью: 1) *Pruden*, 2) *Suauita*, 3) *Lucret*, 4) *Iustiti*. Переплетъ нѣсколько порванъ. На задней крышкѣ его два остатка отъ печатей. Книга не вся хорошо сохранилась, и есть довольно много стершихся мѣстъ (Ср. Ист.-Юр. Мат. XXX, стр. XI). Всего въ книгѣ 324 листа. Подсчетъ ихъ сдѣланъ за подписью штатнаго Могилевского губернскаго правленія переводчика Венцеслава Песляка. Тутъ же приписка о приведеніи Магдебургскаго архива въ порядокъ въ 1840 году за подписью губернскаго уголовныхъ дѣлъ стрижинъ Красовскаго. Эта послѣдняя приписка сдѣлана иною рукою и болѣе яркими чернилами, чѣмъ приписка Песляка. Далѣе слѣдуютъ подписи бургомистра и трехъ ратмановъ при печати Могилевского городского магистрата. Названіе книги: „Могилевской губерніи. Могилевского магистрата. № 1, 1577 г. Актовая“. По общему списку книгъ Могилевской губерніи она значится подъ № 581. Къ 324-мъ листамъ книги присоединенъ 325-й, на которомъ сдѣлана 29-го января 1815 года записка о ревизованіи книги Высочайше учрежденною комиссіею (за ея подписями), насчитавшею въ ней 324 листа и 861 документа, которые „при пересмотрѣ оказались несомнительные“. Но комиссія, видимо, не совѣтъмъ внимательно отнеслася къ своему дѣлу, такъ какъ въ дѣйствительности въ книгѣ 872 документа, а не 861. Перенумерованы документы были дважды, и при первой нумераціи была сдѣлана ошибка, а именно два раза повторенъ № 271, какъ и нѣкоторые другіе номера. Это исправлено въ книгѣ другими чернилами. Къ концу книги разица въ нумераціи, ошибочной и исправленной, достигаетъ 8-ми номеровъ (ошибочный номеръ 864, исправленный—872). Книга подлинная и писана двумя почерками, а именно писарей Шацкаго и Сабановскаго.

Затѣмъ приходится отмѣтить и ея неправильное датированіе 1577 годомъ. Книгу нужно датировать 1577 и 1578 годами, такъ какъ, начиная съ оборота 130-го листа, т. е. съ записи № 275, идутъ уже и документы 1578 года ¹⁾. Книга издается буква въ букву съ оригинала ²⁾. Но нужно очень сомнѣваться въ точности сличенія корректуръ съ подлинникомъ. Мы не рѣшаемся указывать на массу отличій изданія отъ нашихъ списковъ, сдѣланныхъ также съ соблюденіемъ правописанія оригинала, такъ какъ, не свѣривъ ихъ вновь съ подлинною книгою, трудно оспаривать каждую букву различія. Но на

Первыми записаны акты №№ 1 — 358 (кроме 280-го) и 481 — 559, второй писаль акты №№ 359—480 и 560—872. Послѣ № 358 находится приписка: „в тых книгахъ первое части справы Парфирья Ивановича Шацкого, писара мѣстскаго Могилевскаго картъ сто лѣтъ десѣть доветъ ажъ по властный подписъ руки его писмомъ рускимъ. Порфирій Ивановичъ Шацкій, писар мѣстскій Могилевскій“. Подобнаго же содержанія приписка сдѣлана Сабановскимъ вслѣдъ за документомъ № 480. Еще раньше, послѣ № 279 сдѣлана приписка Шацкимъ, о которой скажемъ ниже; № 280 писанъ уже не пмъ, а съ 281 по 358 опять возобновляется его письмо. Послѣ № 559 находится приписка обихъ писарей, говорящая объ окончаніи записыванія документовъ первымъ пзъ нихъ и продолженіи этого дѣла вторымъ (т.-е. Сабановскимъ). Шацкій и Сабановскій не совѣтъ одинаково дѣлали свои записи. Первый обыкновенно датируетъ каждый документъ предъ его началомъ (приблизъ отсутствіи даты — № 126); послѣдній ставитъ дату лишь наверху каждой страницы (т.-е. полулиста). Шацкій не озаглавливаетъ документовъ. Сабановскій же ставитъ заглавіе почти надъ каждымъ документомъ (исключеній немного — напримѣръ, № 845 на л. 317 заглавія не имѣеть). Встрѣчаются въ книгѣ совершенно чистыя страницы (напримѣръ, л. 261 об., л. 289, л. 291 и об., л. 293 и др.). Книга не писалась вслѣдъ подрядъ, документы за документомъ, а вѣроятно акты записывались по всегда сразу по ихъ составленію урядомъ или предъявленію заявителемъ. Въ самомъ дѣлѣ, записи №№ 272 — 274 сдѣланы 23-го декабря 1577 года, № 275 — 2-го января 1578 года, № 276 — 4-го января 1578 г., № 277 — 5-го января, №№ 278, 279 — 9-го января того же года. За № 279 стоитъ, какъ заголовокъ, приписка Шацкого, гласящая, что „за уряду и пильности“ его, Шацкого, „тые верху писаные акты“, начатые съ четверга „по недели серѣдопостной“ и „ажъ по сес часъ справованы и властною рукою его суть записаные“. Послѣ этой приписки идутъ опять документы 1577 года, и лишь съ № 359 возобновляются записи 1578 года (передъ этимъ померомъ заголовокъ, говорящій о справахъ 1578 года, начатыхъ 9-го января). Такой способъ составленія книги иллюстрируется и припискою послѣ документа № 621, говорящей о томъ, что въ этой части книги Сабановскимъ „уведены и вписаны“ въ нее „справы“ уже „бывшого“ писара Могилевскаго мѣста П. И. Шацкого. Представленіе о заглавномъ листѣ книги даетъ литографскій снимокъ и описаніе находящагося на немъ рисунка (хотя не полное), издашны въ XXII вып. Ист. -Юр. Матеріаловъ.

¹⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

²⁾ Ист.-Юр. Мат. XXX, стр. XI

помощь намъ при указаніи погрѣшностей этого рода приходитъ снимокъ съ начала нашей книги, изданный М. Л. Веревкинымъ въ XXII выпускѣ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ¹⁾. Приводимъ отличія изданія отъ снимка въ первыхъ одиннадцати строкахъ изданія:

<i>Изданіе.</i>	<i>Снимокъ.</i>
панованіа	панованья
королеваніа	королеванья
Литовского	Литовьского
Жомойского	Жо . . . ского ²⁾
и тежъ князати Лифлянскаго, Седмиградскаго	Лифля . . . ³⁾ и тежъ кн . . . Седмиградскаго
порадку	порядку
майдебурскаго	мадабурск . . . ⁴⁾ .

Такимъ образомъ лишь въ одиннадцати строкахъ встрѣчаются цѣлыхъ десять уклоненій отъ оригинала (въ пятой строцкѣ нашего сличенія находятся цѣлыхъ четыре погрѣшности: 1) пропущенъ ъ въ словѣ „Лифлянскаго“, 2) прибавленъ ъ въ словѣ „тежъ“, 3) не замѣченъ издателемъ въ рукописи знакъ, ставящій слово „лифля . .“ передъ словами „и тежъ“, что измѣнило порядокъ словъ оригинала, 3) пропущено к въ словѣ Седмиградскаго). Неудовлетворительность изданія въ смыслѣ побуквенной вѣрности его тексту оригинала легко обнаруживается и инымъ способомъ. Въ VII выпускѣ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ, на стр. 273 и сл. изданъ тотъ самый документъ, который помѣщенъ подъ № 7 въ XXX выпускѣ. Орфографія въ обоихъ изданіяхъ разнится. Которому же изданію вѣрить?—долженъ спросить себя читатель⁵⁾.

Само собою разумѣется, что филологу трудно полагаться на изданіе при наличности столь частыхъ погрѣшностей. Историкъ менѣе требователенъ къ скрупулезной точности изданія. Последнее его удовлетворитъ и въ томъ случаѣ, если оно точно передаетъ каждое

¹⁾ XXII (послѣ „прибавленій“).

²⁾ Т. е. „Жомойскаго“.

³⁾ Т. е. „Лифлянскаго“.

⁴⁾ Т. е. „Мадабурскаго“. Издатель вообще смѣло вставилъ недостающія буквы въ виду порчи оригинала, не оговоривъ этого, что было необходимо сдѣлать при желаніи издавать памятникъ буква въ букву.

⁵⁾ То обстоятельство, что актъ № 7 изданъ, совсѣмъ не оговорено издателемъ.

слово памятника, не стремясь къ воспроизведенію особенностей правописанія, сохраняя лишь дословную, а не побуквенную точность. Посмотримъ, можетъ ли быть названо удовлетворительнымъ изданіе съ точки зрѣнія этого пониженнаго требованія. Раскроемъ актъ № 63. Этотъ актъ представляетъ изъ себя заявленіе Кіевскихъ мѣщанъ, Василія Быховскаго съ его товарищемъ (Себастіаномъ Турчиновичемъ) о томъ, что Фаоръ Саковскій, слуга земскаго подскарбія Лаврина Войны, справца, „мыта новоподвышеннаго“ на Могилевской коморѣ, учинилъ несправедливое по отношенію къ нимъ дѣяніе; названные Кіевскіе мѣщане обратились къ Могилевскому подстаростѣ Дмитру Василевичу (также слуга Лаврина Войны) съ просьбою внести ихъ заявленіе объ этой обидѣ въ замковыя (т. е. городскія) книги, но Василевичъ отказалъ имъ въ ихъ просьбѣ, и они просятъ вридѣ Могилевскаго войтовства внести это ихъ заявленіе въ актовыя книги Могилевскаго магистрата. Издатель при изданіи этого документа погрѣшилъ прежде всего въ его заглавіи, озаглавивъ его, какъ „*рѣшеніе*“¹⁾ дѣла по жалобѣ Кіевскаго мѣщанина Василія Быховскаго съ товарищемъ Себастіаномъ Турчиновичемъ на Могилевскаго подстаросту Дмитрія Василевича и др. лицъ о вымогательствѣ и побояхъ“. Никакого рѣшенія въ документѣ нѣтъ, и онъ представляетъ изъ себя простое внесеніе въ книги заявленія, основывающагося на которомъ, потерпѣвшія лица могутъ потомъ начать дѣло передъ соответствующимъ судомъ.

Отъ заглавія обратимся къ самому тексту. Мы не будемъ говорить о простыхъ опечаткахъ и недосмотрахъ²⁾, которые сами по себѣ досадны въ такомъ большомъ количествѣ, и приведемъ лишь неправильно прочтанныя слова, совершенно мѣняющія смыслъ. Въ изданіи читаемъ, что Фаоръ Саковскій, „пришедшы на берегъ реки Днѣпра подле дому гостиннаго в мѣсте Могилевскомъ лежачаго, где они комягами своими стоіали, не маючи до нихъ жадное потребности людей волныхъ, а особливими *месты*“³⁾ господарьскими, которые ему показывали, *откуда*⁴⁾ и всіакихъ мыт з давнихъ часовъ высвобоженныхъ, от товаровъ ихъ мыта новоподвышеннаго отпраовати уопинатисе почал . . .“⁵⁾. Приведенное мѣсто не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ въ ори-

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ „Одиннадцатого“ вмѣсто „однанадцатого“, „у волторк“ вмѣсто „у волторок“, „зе лживость“ вмѣсто „зелживость“.

³⁾ Курсивъ нашъ.

⁴⁾ Курсивъ нашъ.

⁵⁾ Разстановку знаковъ препинанія оставляемъ такъ, какъ она дана въ изданіи.

гиналь стоить вмѣсто словъ „месты господарскими“—„листы господарскими“, а вмѣсто слова „откуда“—„от цел“. Далѣе въ томъ же злополучномъ актѣ въ изданіи читаемъ: „шолку чирвоного бурского метръ ¹⁾ десеть“. Въ оригиналь тутъ стоить: „литръ десеть“. Издатель читаетъ „метръ“ вмѣсто „литръ“ и въ другихъ актахъ ²⁾. Метрическая система была впервые введена лишь національнымъ конвентомъ Франціи закономъ 7-го апрѣля 1795 года (18 Germinal, An 3) ³⁾. Издатель забылъ старое слово „литра“, хорошо извѣстное еще славянскому переводу Св. Писанія ⁴⁾. Простая справка со старыми, но превосходными трудами Д. И. Прозоровскаго ⁵⁾, или съ обширнымъ трудомъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго ⁶⁾ избавила бы его отъ этого досаднаго промаха ⁷⁾.

Возбуждаетъ недоумѣніе и употребленіе издателемъ іотированнаго а (онъ пишетъ ia). Почему не писать просто я? Звукъ *я* въ оригиналь обозначается двояко: іотированное а и Ѧ. Было бы умѣстнѣе сохранить Ѧ, чѣмъ іотированное а, обычно обозначающее *я* въ рукописяхъ XVI столѣтія, если уже хотѣлось какъ-нибудь отмѣтить эту особенность правописанія. А то болѣе интересная черта отброшена и отмѣчена совсѣмъ не интересная, т. е. самый ординарный способъ начертанія. Надо къ этому прибавить, что издатель совсѣмъ не го-

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Напримѣръ, № 154.

³⁾ Наполеонъ разрушилъ дѣло введенія этой системы. Лишь въ 1837 году она была восстановлена, а съ 1-го января 1840 года метрическая система *метръ* и *вѣсовъ* сдѣлалась обязательною для всей Франціи. Только потомъ эта система стала приниматься въ другихъ странахъ.

⁴⁾ Напримѣръ, Евангеліе Іоанна 19, 39 „смѣшаніе смиренно и алонно, яко литръ сто“.

⁵⁾ Д. И. Прозоровскій. Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII столѣтія. С.-Пб. 1865. Стр. 373. Или его же „Древній русскій вѣсъ въ сравненіи съ римско-византійскимъ и нынѣшнимъ русскимъ“ (напечатано по распоряженію Импер. Русскаго Археологическаго общества), стр. 1.

⁶⁾ М. В. Довнаръ-Запольскій. Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. I. Кіевъ 1901. Стр. XLVI. Этотъ трудъ извѣстенъ издателью (Ист.-Юр. Мат. XXX. Предисловіе. Стр. IX).

⁷⁾ Эти несправильности чтенія далеко не единственными, и ихъ списокъ можно составить довольно длинный. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ: въ №№ 177, 178, 182 и др. постоянно читается „люнскихъ“, „люнскога“, „люнскій“, вмѣсто „люнскихъ“, „люнскога“, „люнскій“; въ № 132—„хоруужога“ вмѣсто „хоружога“, „тый день“ вмѣсто „тыидень“ (№ 15), и „наа“ вмѣсто „наа“ (№ 45), „стаа“ вмѣсто „стаа“ (№ 93). Но послѣднія можетъ быть и опечатки.

ворить въ предисловіи объ особенностяхъ письма рукописи, не упоминая и объ укахъ, которые употребляютъ писцы оригинала ¹⁾). Издатель говоритъ, что онъ будетъ раскрывать сокращенія, но онъ не совсѣмъ вѣренъ своему заявленію: сокращеніе „мца“, т. е. „месеца“, не раскрывается въ изданіи, не всегда раскрывается и сокращеніе слова „господарь“ ²⁾). Сокращеніе „гдрсвй“ раскрывается издателемъ, какъ „государскій“, и онъ не обращаетъ вниманія на тѣ мѣста оригинала, гдѣ это слово написано полностью, какъ „государскій“ ³⁾). Онъ даже рядомъ пишетъ и „государскій“, и „господарскій“, не ставя себѣ вопроса о томъ, правильно ли онъ раскрываетъ сокращеніе ⁴⁾). Чтенію „государь“ вмѣсто „господарь“ навѣяно издателю актами московскаго происхожденія, и до послѣдняго времени оно всегда примѣнялось издателями западно-русскихъ актовъ ⁵⁾).

На счетъ издателю нужно поставить и поразительную массу опечатокъ—рѣдкая страница не насчитываетъ ихъ по нѣскольку. Непонятны и знаки вопроса, которые иногда ставятся издателемъ въ текстѣ ⁶⁾). Встрѣчаются и неправильныя заглавія къ отдѣльнымъ актамъ издаваемой книги ⁷⁾), что затрудняетъ пользованіе изданіемъ. Но это застарѣлая погрѣшность всего колоссальнаго изданія, отмѣченная еще проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ его рецензіи первыхъ шести томовъ Историко-Юридическихъ Матеріаловъ. Съ невыгодной стороны характеризуетъ изданіе и невѣрная пунктировка ⁸⁾), часто мѣшающая пониманію памятникъ вмѣсто того, чтобы облегчать его.

А жаль, что все это такъ. Въ актовъ книгѣ Могилевскаго магистрата столько цѣннаго и любопытнаго! Мы уже не говоримъ объ ея значеніи для изученія функціонированія самаго уряда войтовства въ общихъ его очертаніяхъ. Сколько любопытныхъ отдѣльныхъ чертъ и явленій жизни сохранены книгою! Тутъ и данныя для характеристики

¹⁾ См. списокъ, изд. въ XXII выпускѣ.

²⁾ Напримѣръ, №№ 25, 26, 28, 32, 35, 37, 40, 50, 63, и т. д. Принимъ нераскрытія сокращенія другихъ словъ—№ 18.

³⁾ Напримѣръ, №№ 54, 58, 63, 75, 81, 123, 152, 162.

⁴⁾ Напримѣръ, №№ 70, 96 (ср. № 50).

⁵⁾ Мы должны сознаться, что и сами погрѣшали въ этомъ отношеніи. (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897. № 6—статья о земскомъ судѣ, и *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1899, № 8—статья о подкоморскомъ судѣ).

⁶⁾ Напримѣръ, стр. 5, 14, 22, 29 и др.

⁷⁾ Напримѣръ, № 23.

⁸⁾ Особенно яркій примѣръ—№ 11. Почти въ каждомъ документѣ можно найти погрѣшности пунктировки.

переходнаго времени Могилева къ Магдебургскому управленію ¹⁾, тутъ и указанія на копные суды ²⁾, и данныя для изученія опекуинства ³⁾, и цѣлый рядъ фактовъ, столь цѣнныхъ для изученія различныхъ сторонъ западно-русской жизни ⁴⁾. Чрезвычайно важными являются и ссылки на статьи „с порядку права Майдебургского“ ⁵⁾ съ указаніемъ этихъ статей—данныя, столь важныя для уясненія того, чѣмъ было въ дѣйствительности это право въ западно-русскихъ городахъ, не только мѣнявшихъ непонятный имъ латинскій языкъ дѣлопроизводства на русскій, но, можетъ быть, и подъ нѣмецкій ярлыкъ подводившихъ свое русское право, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи ⁶⁾.

Первая и вторая части XXX выпуска заняты документами, вырванными изъ книгъ различныхъ земскихъ и гродскихъ судовъ, хранящихся въ архивѣ. При просмотрѣ этихъ актовъ назойливо напрашивается вопросъ—нужно ли было издавать ихъ? Въ самомъ дѣлѣ, изъ 33-хъ документовъ, составляющихъ первую часть XXX выпуска, 17 фундушей и записей на земли церквамъ и монастырямъ ⁷⁾, булла папы Урбана IV съ утвержденіемъ доминиканскаго монастыря въ Шкловѣ (№ 8), протестъ Рогачевского старосты по поводу недостойнаго образа жизни и дѣйствій замковаго священника (№ 12), гражданскія дѣла и гражданскіе акты представителей церкви (№№ 16, 29, 31, 32, 33), опись посуды Смоленскаго униатскаго архіепископа Іосифа Лепковского (№ 30), просьба крестьянъ о построеніи имъ униатской церкви (№ 19), документъ-рекомендація при назначеніи священника (№ 20), разрѣшеніе на освященіе церкви (№ 22), обходъ церковной земли и вводъ въ нее причта (№№ 26, 27), дозволеніе Шкловскимъ доминиканцамъ принять въ свое распоряженіе приходскую церковь (№ 6) и документъ комиссарскаго разбирательства дѣла объ убій-

¹⁾ №№ 8, 19, 26, 37, 50, 53, 54, 82, 92, 94, 96, 114, 123, 126, 138, 148, 157, 164, 167.

²⁾ Напримѣръ, № 177.

³⁾ Напримѣръ, №№ 2, 11, 19, 23, 25, 26, 31, 49, 54, 124, 136, 142 и др.

⁴⁾ Напримѣръ, №№ 59, 67, 68, 158 и др.

⁵⁾ Напримѣръ, №№ 37, 74, 76, 84, 92, 112, 177, 181.

⁶⁾ См. проф. *В. Е. Антоновича*, предисловіе къ первому тому пятой части Архива Юго-Западной Россіи (К. 1869), стр. 57 и сл., 69 и сл. и др. Ср. *Ө. В. Тарановскаго*, Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ Литовской эпохи (Варшава 1897), стр. 33. Ср. также изслѣдованіе проф. *Ө. П. Леонтовича*, Русская Правда и Литовскій Статутъ (К. Унив. Изв. 1865 г.) и др.

⁷⁾ №№ 1, 2, 3, 4, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 17, 18, 21, 23, 24, 25, 28.

ствѣ Иосафата Кунцевича (№ 5) ¹⁾). Послѣдній документъ, хорошо извѣстный вообще, издается по явкѣ его въ Оршанскія городскія книги, сдѣланной 22-го января 1624 года. Жаль только, что издатель тутъ не далъ критическаго изданія текста акта, съ приведеніемъ различеній. Онъ самъ указываетъ въ предисловіи на „нѣкоторыя оказавшіяся различія съ тѣми редакціями, которыя у него были подъ руками“ ²⁾). Такое изданіе имѣло бы значеніе не только для самого настоящаго документа, но наглядно бы показало, какъ иногда разнятся въ словахъ различные списки одного и того же акта, хотя они часто и представляютъ изъ себя записи въ актовыя книги высокаго officialнаго значенія.

Вторая часть XXX-го выпуска (№№ 34—48) состоитъ изъ десяти нивентарей имѣній ³⁾, документовъ о содержаніи хоругвей и сбора этого содержанія (№№ 34, 35), документа, рисующаго раздоръ писарей цѣль Рѣчицкой коморы ⁴⁾, документа о насильственномъ вторженіи жидовъ-арендаторовъ и державцевъ Рѣчицкаго староства и писарей цѣльныхъ въ домъ Рѣчицкаго костела (№ 36) и, наконецъ, ревизіи города Могилева, совершенной въ 1745 и 1746 годахъ (№ 39). Послѣдній документъ очень любопытенъ. Онъ безъ сомнѣнія займетъ свое мѣсто рядомъ съ уже извѣстными описаніями городовъ.

Едва ли всѣ акты, напечатанные въ этихъ частяхъ, заслуживаютъ изданія. Думается, что ихъ больше, чѣмъ на половину, можно бы было замѣнить хорошимъ описаніемъ, а эта замѣна дала бы возможность прибавить еще описаніе нѣсколькихъ десятковъ, если не цѣлой сотни другихъ актовъ. Опечатокъ и недосмотровъ встрѣчается въ первыхъ двухъ частяхъ разбираемаго выпуска изобиліе, какъ и въ третьей. Не работая въ архивѣ надъ документами этихъ частей, мы не можемъ такъ свободно указывать ихъ, какъ имѣли возможность дѣлать это по отношенію къ изданію книги Могилевскаго магистрата. Но нѣкоторыя прямо бросаются въ глаза не только при внимательномъ штудированіи и сличеніи документа, но даже при простомъ бѣгломъ про-

¹⁾ Извѣстная коммиссія со Львомъ Сопегою во главѣ.

²⁾ Ист.-Юр. Мат. XXX. Предисловіе, стр. VII.

³⁾ №№ 38, 40—48. Почему только издатель въ заглавіи № 38-го пишетъ: „нивентарь части Домбровскаго графства подъ названіемъ застѣнокъ Козлы“? Слово *застѣнокъ* не входитъ въ составъ названія имѣнія, а обозначаетъ его какъ видъ земельного имущества (какъ слова село, фольварокъ, дворъ и т. п.).

⁴⁾ № 37. Заглавіе акта, составленное издателемъ, не даетъ представленія о дѣйствительномъ содержаніи документа.

смотримъ. Такъ, на стр. 11 читаемъ: „Na rokach swieco-Michalskich ziemskich Orszańskich porządkiem prawa Pospolitego et iuksta novellem legem coequationis iurium z koroną Polska, w Orszy sądow nie odprawowanych“... Конечно, нужно читать тутъ: „sądownie“. Надо думать, что это опечатка, но она, какъ длинный рядъ другихъ, не указана въ спискѣ опечатокъ, а чтеніе *sądow nie*, вмѣсто *sądownie*, совершенно мѣняетъ смыслъ фразы.

Обратимся къ XXXI-му выпуску Историко-Юридическихъ Матеріаловъ. О предисловіяхъ и указателяхъ къ обомъ выпускамъ скажемъ ниже.

Выпускъ XXXI-й распадается на двѣ части: 1) документы, касающіеся Инфлянтъ XVII и XVIII столѣтій, и 2) акты Витебскаго земскаго суда конца XVI и самаго начала XVII вѣковъ.

Въ первой части (всего 14 номеровъ) находимъ четыре инвентаря староствъ (Динабургскаго, Рѣжицкаго, Маріенгузенскаго и Люцинскаго)¹⁾, пять инвентарей имѣній²⁾, инвентарь одного костела³⁾, инвентарь одной плебаніи⁴⁾, фундушъ двухъ костеловъ⁵⁾, разграниченіе между Рѣжицкимъ замкомъ и Рѣжицкой плебаніей въ спорѣ ихъ о Ковельской пустошѣ⁶⁾ и, наконецъ, универсалъ Петра Великаго, данный Инфлянтскому воеводству 12-го апрѣля 1711 года⁷⁾. Едва ли не пять только документовъ изъ этихъ четырнадцати (универсалъ Петра и инвентари староствъ), строго говоря, заслуживаютъ изданія; и едва ли было не лучше замѣнить изданіе остальныхъ описаніемъ, добавивъ къ нему описаніе ряда другихъ.

Акты Витебскаго земскаго суда (числомъ 28) распадутся на документы гражданскихъ актовъ и документы, имѣющіе значеніе для изученія административнаго строя великаго княжества Литовскаго. Послѣднихъ очень немного. Это — документы, касающіеся назначенія вознаго⁸⁾, и квитиъ земскаго подскарбія въ полученіи чоповаго

1) №№ 1, 2, 3, 4.

2) №№ 5, 7, 10, 11, 12.

3) № 6.

4) № 9.

5) № 8.

6) № 13. Заглавіе, данное документу издателемъ („Отграниченіе грунтовъ Рѣжицкаго замка и пустоши Ковалевои“), не точно передаетъ содержаніе акта.

7) № 14.

8) №№ 4, 7, 9 книги 1592 года, №№ 4, 11 книги 1601 года. Издатель, однако, не оговорилъ, что №№ 4 и 7 книги 1592 года уже изданы (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1896 г., № 6, стр. 273, прим. 4; стр. 271, прим. 2).

сбора ¹⁾). И въ этой части выпуска по отношенію къ большинству документовъ едва ли не было бы болѣе правильнымъ дать хорошо составленное описаніе вмѣсто изданія актовъ цѣликомъ.

Посмотримъ теперь, какъ справляется издатель не съ выборомъ актовъ, а съ дѣломъ печатнаго воспроизведенія текста рукописнаго оригинала. Приходится и по отношенію къ XXXI выпуску констатировать рядъ промаховъ и недосмотровъ. Надъ актовою книгою Витебскаго земскаго суда за 1592 годъ намъ случилось работать ²⁾ и сдѣлать рядъ списковъ съ нея, и опять приходится отмѣчать длинный рядъ несходствъ правописанія и чтенія. Мы укажемъ лишь нѣсколько изъ нихъ, не рѣшаясь спорить о каждой буквѣ по причинѣ, обозначенной выше. Въ актѣ № 5 ³⁾ въ 19 строкъ снизу напечатано: „листъ отписанье его милости“; въ нашемъ списокѣ стоитъ: „листъ писанье отъ его милости“. Въ строкѣ 11 снизу того же акта въ изданіи читаемъ: „оповедалъ“; въ нашемъ списокѣ стоитъ: „оповедамъ“. Въ строкѣ 10 снизу того же документа читается „и прошу“; въ нашемъ списокѣ — „а проше“ ⁴⁾. Педоумѣніе вызываетъ и странная ошибка въ общемъ заглавіи актовъ 1601 года. Въ немъ стоитъ: „року тисеча *niatсотъ* ⁵⁾ первого“. Это опечатка, оговоренная издателемъ; но чѣмъ онъ тутъ руководствовался въ этой точности правописанія? Ютированное а такъ же, какъ и въ изданіи актовой книги Могилевскаго магистрата, нестрить текстъ документовъ. Слово „государскій“ вмѣсто „господарскій“ опять постоянно употребляется издателемъ ⁶⁾. Въ актахъ №№ 23, 24, 25, 26 и 28 изданія книги 1601 года безъ всякой оговорки опущено обычное начало документовъ, говорящее объ явкѣ вписываемаго акта передъ судомъ; но въ № 27 явка напечатана. Мы не возражаемъ противъ опущенія въ изданіи

¹⁾ № 27 книги 1601 года.

²⁾ См. *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1897 г. № 6, стр. 263—301 („Земскій судъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI в.“. Въ этой статьѣ приведены краткія свѣдѣнія и объ оригиналѣ книги—стр. 266, 267, прим. 4).

³⁾ Стр. 17.

⁴⁾ Тѣ же формы „оповедамъ“ и „а проше“ встрѣчаются и въ изданныхъ въ XXXI выпускѣ актахъ (напр., № 6, стр. 20).

⁵⁾ Стр. 33.

⁶⁾ Хотя онъ пишеть и „господарь“. Напр., часть II, стр. 19, 26; вѣроятно тутъ оригиналъ даетъ это слово не въ сокращенномъ, а въ полномъ способѣ начертанія.

явки вообще ¹⁾, но только противъ отсутствія всякой оговорки этого пропуска ²⁾.

Документы, писанные по польски, равно какъ и подписи, сдѣланныя на польскомъ языкѣ ³⁾, воспроизводятся болѣе мелкимъ шрифтомъ, чѣмъ русскій текстъ и русскія подписи ⁴⁾. Но тутъ едва ли не вина типографіи, быть можетъ, не располагавшей польскимъ шрифтомъ требуемаго размѣра. Число опечатокъ очень велико и въ этомъ выпускѣ. Оговорено въ концѣ книги лишь небольшое ихъ число, а громадное большинство осталось незамѣченнымъ. Разстановка знаковъ препинанія такъ же, какъ и въ XXX выпускѣ, мало способствуетъ дѣлу пониманія документовъ. Къ обоимъ выпускамъ приложено по предисловію и по три указателя (личный, географическій и предметный). Несомнѣнно, что послѣдніе стоили издателю не малаго труда. Такъ въ географическихъ указателяхъ онъ не только даетъ перечень названій съ указаніемъ страницъ книги, но собираетъ изъ актовъ выпуска различныя свѣдѣнія о городахъ, помѣщая ихъ въ указателѣ подъ именемъ этого города ⁵⁾. Но и тутъ много недосмотровъ. Въ число географическихъ названій попалъ, напримѣръ, Полоцкій воевода ⁶⁾. „Посинь, иначе Новая Слобода“ приведена только подъ первымъ именемъ и не внесена въ указатель, какъ „Новая Слобода, или Посинь“ ⁷⁾. Указатель предметный также сильно грѣшится. Онъ далеко не полонъ. Такъ, о сеймикѣ въ XXXI выпускѣ говорится не только на стр. 4 части I, какъ даетъ знать указатель, но и на стр. 15, 16, 31 части II. Совсѣмъ нѣтъ въ указателѣ словъ „статуть“ ⁸⁾, „отчичь“ ⁹⁾, „трибуналъ“ ¹⁰⁾, „хоругвь“ ¹¹⁾ и многихъ другихъ, которыя

¹⁾ Однако въ случаѣ опущенія явки должны быть приводимы обязательно ся полная дата и составъ суда, предъ которымъ явка совершена.

²⁾ Оговорка замѣнена прибавкою въ заглавіи словъ: „явл. 1601 г. 6-го октября“ (№ 23), „явл. 10-го октября 1601 г.“ (№24) и т. д. Но въ № 28 нѣтъ и этой прибавки.

³⁾ Разумѣемъ акты и слова, вписанные въ русскій текстъ документа.

⁴⁾ Стр. 46, 56, 58, 64, 69, 72, 73, 84, 92, 93.

⁵⁾ Выпускъ XXX—Витебскъ, Могилевъ, Орша и нѣкот. др.; выпускъ XXXI—Витебскъ, Динабургъ, Люцинъ и нѣкот. др.

⁶⁾ XXXI. Стр. IX.

⁷⁾ XXXI. Стр. X. Ср. стр. VIII.

⁸⁾ А между тѣмъ необходимо было указать это слово даже въ виду указаній издаваемыхъ актовъ на нарушеніе статута. XXXI. Часть вторая. Стр. 28, 52.

⁹⁾ Напр., XXXI, ч. II, стр. 69.

¹⁰⁾ Напр., *ibidem*, стр. 60.

¹¹⁾ Напр., *ibidem*, стр. 72.

должны бы были найти въ немъ свое мѣсто. Иногда въ указателѣ помѣщается слово въ польской его формѣ, иногда въ русской, хотя въ самомъ актѣ стоитъ въ формѣ польской. Такъ, издатель пишетъ „шабля“ вмѣсто „сабля“, а рядомъ съ этимъ— „шалка“ ¹⁾ вмѣсто „чапка“, хотя въ актахъ стоитъ „сзарка“. Нужно было установить для указателя вообще которую-либо изъ двухъ формъ, то есть или русскую, или польскую, и только ею одною пользоваться для актовъ, писанныхъ по польски. Правда, что это сдѣлать было труднѣе въ виду наличности и словъ западно-русскаго языка въ русскихъ документахъ изданія, но это затрудненіе можно легко разрѣшить, рядомъ съ русскимъ словомъ помѣщая въ скобкахъ польское, если оно встрѣчается въ актахъ. Предисловія къ XXX и XXXI выпускамъ говорятъ о содержаніи издаваемыхъ документовъ ²⁾. Печать и внѣшній видъ изданія могутъ быть названы вполне удовлетворительными. Жаль только, что документы, писанные цѣлкомъ по польски, составляющіе первыя части обоихъ выпусковъ, изданы такимъ крупнымъ шрифтомъ, въ то время какъ въ русскихъ актахъ изданіе перешло уже къ шрифту болѣе обычнаго размѣра ³⁾.

Наша рецензія закончена, но намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ, которыя, можетъ быть, послужатъ въ объясненіе большинства промаховъ издателя. Хотя г. Довгялло ведетъ изданіе Историко-Юридическихъ Матеріаловъ уже съ XXVII выпуска, но, несомнѣнно, это изданіе для него все еще дѣло новое, къ которому онъ приступилъ совершенно безъ подготовки и которое ему пришлось вести безъ всякихъ совѣтовъ и указаній людей свѣдущихъ въ дѣлѣ архивоведенія и архивнаго издательства, притомъ въ тѣхъ трудныхъ условіяхъ работы въ Витебскомъ центральномъ архивѣ, о которыхъ мы говорили въ началѣ нашей замѣтки. Г. Довгялло любитъ свое дѣло, и намъ остается только пожелать, чтобы эта любовь не оставляла его и въ Вильнѣ съ ея лучшими условіями для научной работы.

И. Лаппо.

¹⁾ XXX. Стр. XXXI.

²⁾ Жаль, что языкъ ихъ не свободенъ отъ провинциализмовъ; напр., „фундаваный за сплю конституціи 1678 года“ (XXXI, стр. VI), „въ виду большой розлеглости прихода“ (ibidem, стр. V) и т. п.

³⁾ Можетъ быть и тутъ вина типографія.

ZACHODNIO-EUROPEJSKIE POSTANOWIENIA POKUTNE W JEZYKU CERKIEWNOSLOWIANSKIM.
Napisal dr. Wacław Vondrák. W Krakowie. Nakładem Akademii Umiejętności. 1904.

Новый трудъ чешскаго ученаго, увидѣвшій свѣтъ какъ отдѣльно, такъ и на страницахъ XL тома „Rozpraw“ филологическаго отдѣленія Краковской Академіи наукъ,—посвященъ тому епитимейнику, который мы привыкли называть „Заповѣдью святыхъ отецъ“, и который десять лѣтъ назадъ былъ предметомъ изслѣдованій и спора двухъ лучшихъ нашихъ канонистовъ, здравствующаго Н. С. Суворова и покойнаго А. С. Павлова. Какъ извѣстно, первый изъ нихъ высказался за западное происхожденіе епитимейника и за переводъ его текста съ латинскаго оригинала, тогда какъ второй представилъ данныя въ пользу перевода съ греческаго. Можно сказать, побѣда осталась не рѣшенной, такъ какъ мнѣніе А. П. Алмазова, что „Заповѣдь“ восходитъ къ западно-греческому оригиналу, не было подкрѣплено доказательствами.

Д-ръ Вондракъ разсматриваетъ текстъ церковно-славянскаго памятника со стороны языка и становится на сторону г. Суворова. По его мнѣнію, „Заповѣдь“—переводъ латинскаго Мерзбургскаго покаянничала въ томъ видѣ, какъ этотъ покаянничалъ изданъ. Изъ этого мнѣнія исходятъ всѣ его доказательства западнаго происхожденія епитимейника, какъ ему собственно принадлежащія, такъ и заимствованныя у г. Суворова.

Но этотъ основной пунктъ автора очевиднѣйшимъ образомъ невѣренъ. Стоитъ сравнить любую статью епитимейника съ соответствующею статьею покаянничала, чтобы убѣдиться въ существованіи значительной разницы между этими двумя текстами.

Беремъ на удачу первую статью, которую считаетъ важною авторъ. Вотъ ея начало:

Аще кто разбой створить или	Si quis clericus homicidium fe-
отъ рожденія своего убить, 10	cerit et proximum suum occiderit,
лѣтъ да покается въ иной об-	X annis exul poeniteat...
ласти...	

Очевидно, оригиналь славянскаго текста имѣлъ не proximum или τὸν πλησίον, что переводится черезъ *блжній, ближика, искрній* ¹⁾,

¹⁾ Сравн. словарныя извлеченія изъ переведенныхъ съ латинскаго Вестъхъ нами Григорія Великаго въ нашей статьѣ: „Церковно-славянскіе тексты моравскаго происхожденія“ (Р. Филологич. Вѣстн. 1900 г., № 3).

а нѣчто другое. Точно также въ немъ было не *exul* или его греческій синонимъ, а выраженіе болѣе соотвѣтствующее славянскому: въ иной области.

Возьмемъ еще послѣднюю статью; она—слѣдующая:

<p>Кто въ цркви съял толи ему врагъ блазнь принесеть въ зълъ, 7 день да поститься и да покло- ниться на день 100.</p>	<p>Si quis semen dormiens in eccle- sia fuderit, III dies jejundet, peccans non pollutus, XXIII psalm. sanat.</p>
---	---

Итакъ, необходимо признать, что переводчикъ „Заповѣди“ имѣлъ въ рукахъ не извѣстный намъ текстъ Мерзбургскаго пенитенціала и вообще не тѣ тексты, которые мы знаемъ, а какой-то другой, до извѣстной степени близкій къ нимъ, но отличающійся по изложенію, въ однихъ мѣстахъ больше, въ другихъ меньше.

Теперь посмотримъ, какъ д-ръ Вондракъ доказываетъ переводъ „Заповѣди“ съ латинскаго языка.

Особенно ясна, говоритъ онъ на стр. 25, зависимость „Заповѣди“ отъ пенитенціала въ 34-й статьѣ послѣдняго. Славянскій текстъ имѣетъ: аще *клятъ* будетъ и молиться сотонамъ., а въ латинскомъ читается: *si quis mathematicus fuerit, id est per invocationem daemonum mentes hominum tulerit...* Переводчикъ, продолжаетъ авторъ, или не зналъ значенія слова *mathematicus*, или въ его латинскомъ текстѣ находилось *anathematizatur* или даже *anathematicus*. Нѣтъ спора, объясненіе д-ра Вондрака просто, но не убѣдительно; онъ предполагаетъ непониманіе переводчикомъ латинскаго *mathematicus* или подстановку латинскаго *anathematicus*; столь же легко предположить непониманіе переводчикомъ греческаго *μαθηματικός* и подстановку вмѣсто него греческаго же *ἀναθεματικός*.

Далѣе онъ останавливается на 66-й статьѣ пенитенціала. По-славянски она читается: аще кто брата своего въ гнѣвѣ прокълнетъ и пакы възлюбить, 7 донь да покается; а въ латинскомъ текстѣ: *si quis fratrem suum cum furore maledicit, placit cui maledixit, VII dies poeniteat.* Иено, говоритъ д-ръ Вондракъ (стр. 26),—переводчикъ читалъ *placit* (что—ошибка вмѣсто *placeat*) и поставилъ здѣсь не дающій смысла индикативъ; если бы у него былъ греческій оригиналъ, гдѣ въ такихъ случаяхъ стоитъ сильный императивъ, онъ не смѣшалъ бы его съ индикативомъ. На нашъ взглядъ, церковно-славянское выраженіе: и пакы възлюбить, никакъ не можетъ быть переводомъ латинскаго *placit cui maledixit*; оно предполагаетъ въ оригиналѣ нѣчто дру-

гое, безъ глагола *placere* или его греческаго синонима. Трудно сомнѣваться, что это мѣсто „Заповѣди“ нѣсколько испорчено (какъ и многія другія); но стоитъ предположить пропускъ союза *da*, и мы получимъ удовлетворительный текстъ и смыслъ: еще кто... прокълнетъ, *da* и (его) паки възлюбить...

Далѣе авторъ указываетъ, какъ на пѣчто очень важное (стр. 29), на соответствіе славянскаго: еще кто отъ *манастырѣскихъ* прѣкве... украдетъ, латинскому: *si quis aliquid de ministerio sanctae ecclesiae...* Ясно, говоритъ онъ, славянскій текстъ опирается на латинскій оригиналъ: переводчикъ въ своей латинской рукописи читалъ: *monasterii*. Но уже покойный Павловъ (стр. 29) говоритъ о возможности здѣсь греческаго, впрочемъ малопонятнаго для грека—*μινιστήριον*, которое переводчикъ смѣшалъ съ хорошо извѣстнымъ ему греческимъ же *μοναστήριον*¹⁾.

Вотъ еще одинъ доводъ автора (стр. 29). „Заповѣдь“ говоритъ: еще кто *чръницю* украдетъ, въ соответствіе латинскому: *si qui monasteria spoliant*. Переводчикъ, говоритъ онъ, читалъ не *monasteria*, а грецизмъ *monastria(m)*. И здѣсь мы можемъ съ такимъ же основаніемъ предположить ошибку при чтеніи вмѣсто греческаго *μοναστήριον* греческаго же *μοναστήριον*, даже съ большимъ, такъ какъ Мерзебургскій пенитенціалъ не пользуется словомъ *monastria*.

Всѣ другія доказательства д-ра Вондрака имѣютъ столько же значенія, какъ и вышеприведенныя. Ему не удалось привести ни одного факта, говорящаго рѣшительно въ пользу латинскаго оригинала. Приходится ждать новаго труда отъ какого-нибудь остроумнаго филолога, знатока и церковно-славянскаго, и греческаго, и латинскаго языковъ.

Д-ръ Вондракъ ставитъ вопросъ о переводчикѣ и останавливается на Климентѣ Словенскомъ. Ему недавно онъ приписалъ переводъ чина исповѣди въ Синайскомъ Требникѣ (по нашему мнѣнію безъ достаточнаго основанія)²⁾, и потому хотѣлъ бы приписать и переводъ епитимейника. Но Климентъ, говоритъ онъ (стр. 55), кажется, не зналъ по-латыни. Является мысль, продолжаетъ д-ръ Вондракъ, что Климентъ попросилъ таковаго же ученика славянскихъ апостоловъ, какъ онъ самъ, знавшаго латинскій языкъ Горазда, чтобы онъ сдѣлалъ этотъ переводъ... Инициатива Климента въ переводѣ епитимейника представляется автору очень правдоподобной.

¹⁾ Переводчикъ Бесѣды папы Григорія передаетъ *ministerium* черезъ *служба*.

²⁾ См. его *Studie z oboru církevněslovanského písemnictví*, v Praze, 1903.

Въ концѣ брошюры д-ра Вондрака находится текстъ „Заповѣди“ по синайской рукописи параллельно со статьями Мерзебургскаго пенитенціала по изданію Schmitz'a.

А. Соболевскій.

Къ вопросу о литовско-русскихъ сеймахъ.

(Отвѣтъ проф. М. Любавскому.)

Весной 1901 года появилось въ свѣтъ изслѣдованіе профессора М. Любавскаго о литовско-русскомъ сеймѣ. Въ это время я работалъ надъ той же самой темой и, понятно, долженъ былъ волей-неволей считаться съ научными положеніями, высказанными въ названномъ изслѣдованіи. Критическому разбору ихъ я посвятилъ часть своей книги, изданной въ началѣ 1902 года. Спустя нѣкоторое время, проф. Любавскій отозвался на мою книгу статьей, напечатанной въ №№ 2 и 3 *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1903 г. Въ этой статьѣ г. Любавскій поставилъ себѣ трудную задачу, съ одной стороны, защитить свои взгляды, которые я оспаривалъ, а съ другой стороны, дать общую оцѣнку моего изслѣдованія. Такая постановка вопроса приводитъ къ большимъ затрудненіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, для правильной оцѣнки книги необходимы между прочимъ безпристрастіе, спокойствіе и объективность, а между тѣмъ большинству свойственно, въ пылу борьбы за свои мнѣнія, увлекаться и несправедливо относиться къ своему противнику, видя въ немъ одни недостатки. Рѣдко кто можетъ сочетать въ себѣ одновременно и качества полемиста, и качества безпристрастнаго судьи. Посмотримъ, какъ проф. Любавскій справился съ своей задачей.

Пзлагая вопросъ о происхожденіи литовско-русскихъ сеймовъ, я старался установить 1) время ихъ появленія, 2) элементы, изъ которыхъ они сложились, и 3) причины, вызвавшія ихъ къ жизни.

Опредѣляя время, я доказывалъ то положеніе, что сеймы могли возникнуть только въ концѣ 15 вѣка, послѣ того какъ образовалось Литовско-Русское государство. Единодержавіе Литовской Руся было необходимымъ условіемъ ихъ существованія. Общегосударственный сеймъ не могъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ отдѣльныя области не были связаны даже единствомъ княжеской власти. Таково мое мнѣніе. Я считаю необходимымъ напомнить его, потому что оно подверглось искаженію въ передачѣ проф. Любавскаго. Онъ приписываетъ

миѣ мысль, будто бы „объединеніе Литовско-Русскаго государства и вмѣствѣ съ нимъ общегосударственный сеймъ появились сразу, въ 1492 году, когда пришлось избирать великаго князя по смерти Казимира“ ¹⁾. Внимательный читатель ничего подобнаго не найдетъ въ моей книгѣ. Я не называлъ ни года образованія Литовско-Русскаго государства, ни года возникновенія сеймовъ. Затѣмъ, если бы и имѣлъ въ виду ближайшимъ образомъ обозначить время, когда завершилось объединеніе Литовской Руси, то, конечно, я бы указалъ не 1492, а 1471 годъ, когда прекратилось отдѣльное существованіе Кіевскаго княжества, и оно было инкорпорировано въ составъ Литвы. Что же касается сеймовъ, то миѣ представлялось даже невозможнымъ съ точностью опредѣлить годъ ихъ возникновенія. Они появлялись на свѣтъ не въ силу закона, а изъ бытовыхъ условій жизни, какъ институтъ обычнаго права. О законѣ можно сказать, что онъ вступаетъ въ дѣйствіе съ момента его публикаціи; но когда начинается свою жизнь тотъ или другой обычай, этого момента точно фиксировать нельзя. Это все такъ элементарно и общезвѣстно, что было бы странно, если бы я 1492 годъ считалъ годомъ рожденія литовско-русскаго сейма. Я выразился только, что къ 1492 г. относится *первое определенное и несомнительное свидѣтельство* памятниковъ о литовско-русскомъ сеймѣ ²⁾. Но это вовсе не значитъ, что онъ и возникъ въ 1492 г. Въ данномъ случаѣ проф. Любавскій напрасно приписалъ миѣ тотъ пріемъ рѣшенія историческихъ вопросовъ, которымъ онъ самъ погрѣшилъ въ своей книгѣ. Такъ, отыскивая начальный пунктъ въ исторіи сейма, онъ останавливается на 1401 году и заявляетъ: „къ этому году и можно приурочить рожденіе литовско-русскаго сейма“ ³⁾.

Итакъ, по миѣнію г. Любавскаго, сеймы начали свое существованіе не съ конца, а съ начала XV вѣка. Въ связи съ этимъ онъ старается доказать, что и объединеніе Литовской Руси произошло гораздо раньше, чѣмъ я полагаю.

Уже въ XIV вѣкѣ проф. Любавскій видитъ „нѣкоторыя прочно установившіяся связи земель и владѣній съ государственнымъ центромъ, нѣкоторые успѣхи государственнаго объединенія“ ⁴⁾. Онъ говоритъ:

¹⁾ *Журналъ Мин. Нар. Пр.*, 1903 г., № 2, стр. 381.

²⁾ См. мое послѣдованіе: „Сеймы Лит.-Русск. государства до Люблинской уніи 1569 г.“, стр. 40.

³⁾ *М. Любавскій*, Литовско-русскій сеймъ, стр. 10.

⁴⁾ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1903 г., № 3, стр. 148—149.

„земли, находившіяся въ союзѣ съ Литвой, имѣли князей, поставленныхъ великимъ княземъ, какъ, напримѣръ, земли Полоцкая, Витебская, Жмудская, позже Кіевская, Волынская; утвержденіе того или другого князя на столѣ земли опредѣлялось не выборомъ только населенія, а распоряженіемъ верховнаго государя—великаго князя; областные князья обязаны были покорою и службою великому князю, ходили съ нимъ на войну, платили подати и ѣздили на думу; большинство земель и владѣній великаго княжества связаны были уже въ XIV вѣкѣ въ постоянный государственный, а не международный союзъ ¹⁾“. Допустимъ на минуту, что картина, нарисованная проф. Любавскимъ, соответствуетъ дѣйствительности. Можно ли на этомъ основаніи заключать о существованіи государственнаго единства, а не международного союза? Едва ли. Московскіе князья также получали столѣ по ханскимъ ярлыкамъ, ѣздили въ Орду на поклонъ, платили дань татарамъ и т. д. Тѣмъ не менѣе Московское государство и Татарское царство не составляли единаго политическаго цѣлаго; Москва находилась въ вассальной зависимости отъ Золотой Орды, а вассальное подданство принадлежитъ къ области международныхъ отношеній. Мы предположили, что изображеніе г. Любавскаго вѣрно воспроизводитъ дѣйствительную жизнь. Однако это очень сомнительно. Тѣ отношенія, которыя выдаются г. Любавскимъ за общій и постоянный порядокъ, имѣли мѣсто только въ отдѣльныхъ случаяхъ, послѣ заключенія соответствующихъ договоровъ между князьями, и до тѣхъ поръ, пока эти договоры соблюдались обязавшимися сторонами. Видѣ этихъ частныхъ случаевъ мы видимъ состояніе хронической войны, а не государственное объединеніе. Господствовала та же система отношеній, которая характеризуетъ древнюю Русь удѣльнаго періода. При такихъ условіяхъ политической жизни возможны были сеймы въ видѣ княжескихъ съѣздовъ съ характеромъ международныхъ конгрессовъ, но не въ видѣ собраній изъ представителей населенія.

Съ точки зрѣнія проф. Любавскаго, XV вѣкъ представляетъ собою картину уже вполне сложившагося единодержавія. „Конечно, и въ XV вѣкѣ, говоритъ онъ, можно указать на случаи, когда области обнаруживали тенденцію къ отпаденію отъ господствующей земли и выбирали великихъ князей или просто князей независимо отъ Литвы; но подобные факты имѣли мѣсто въ теченіе пятнадцати лѣтъ, протекшихъ со смерти Витовта, и были ничѣмъ инымъ, какъ извѣстнаго

¹⁾ Ibidem, стр. 149.

рода реакціей противъ установившагося господства Литвы; объ этомъ подробно разсказано во второй главѣ книги „Литовско-русскій сеймъ“; но г. Максимейко такіе исключительные случаи возвелъ въ общее правило¹⁾. То, что здѣсь сказано, невѣрно. Свои заключенія о XV вѣкѣ я выводилъ не только отъ пятнадцатилѣтняго промежутка времени, протекшаго со смерти Витовта, но и отъ эпохи предшествующей, а также послѣдующей. Разложеніе Литовско-Русскаго государства на отдѣльныя части характеризуетъ не только 30 и 40 годы XV вѣка, т. е. царствованіе Сигизмунда Кейстутевича и начало княженія Казимира. Это не исключительный фактъ. Подобныя явленія мы наблюдаемъ и въ другіе годы. Напомню примѣры, указанные въ моей книгѣ. Въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ обязательства быть въ униі съ Польшей даются не однимъ великимъ княземъ литовскимъ отъ имени всего государства, но и отдѣльными областными князьями кievскимъ, луцкимъ, новгородъ-сѣверскимъ, стародубскимъ и др.; значить, великій князь литовскій не имѣлъ права говорить и ручаться за всѣ области,—у нихъ былъ свой собственный голосъ. Затѣмъ, хотя Витовту и удалось собрать подъ своею властью литовско-русскія княжества, однако въ этомъ сборномъ агрегатѣ владѣній уже въ первомъ десятилѣтіи XV вѣка обнаружилось колебаніе и стремленіе къ распаденію: Смоленская земля отдѣлилась отъ великаго княжества Литовскаго и обратилась за помощію къ Ордену, другія русскія земли стали на сторону возставшаго Свидригайла. Княженіе Сигизмунда Кейстутевича, по признанію самого г. Любавскаго, характеризуется борьбой между Литвой и западно-русскими землями. Казимиръ силой долженъ былъ подавить сепаратизмъ Жмуди и Смольнянъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что и во второй половинѣ XV вѣка оставались еще отдѣльныя русскія земли, имѣвшія собственныхъ князей: таковы, напримѣръ, княжества Волинское, Кіевское и др. Гдѣ же то государственное единство, на которомъ настаиваетъ г. Любавскій, какъ на общемъ правилѣ, характеризующемъ XV вѣкъ и допускающемъ лишь немногія исключенія? Мы его не видимъ. Видимъ только, что до 70-хъ годовъ XV вѣка въ Литовской Руси существовалъ рядъ княжествъ, то самостоятельныхъ, то зависимыхъ отъ Литвы или Польши; по временамъ эти княжества соединялись въ одно государственное цѣлое, но ничего устойчиваго и прочнаго въ этой связи не было: вскорѣ они снова распадались. Думаемъ, что въ такой об-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., 1903 г., № 3, стр. 149.

становкѣ не могъ возникнуть и существовать общегосударственный сеймъ: появленіе его знаменовало собой высшую стадію государственнаго объединенія Литовской Руси.

Проф. Любавскій отмѣчаетъ еще одинъ частный фактъ, служащій для него признакомъ единой державы, именно, „собраніе князей и бояръ всѣхъ земель Литвы и Руси, съѣхавшихся на предполагавшуюся коронацію Витовта; этотъ съѣздъ является чрезвычайно характернымъ явленіемъ, обнаруживающимъ успѣхи государственнаго объединенія Литвы и Западной Руси, которые отрицаетъ Н. Максимейко“¹⁾. Собрание мало убѣдительно. На коронаціи современныхъ государей обыкновенно съѣзжаются князья и представители иностранныхъ державъ. Но кому придется въ голову говорить по этому поводу объ успѣхахъ государственнаго объединенія Европы?

Значительную часть своей книги я отвожу разсмотрѣнію дѣятельности мѣстныхъ сеймовъ въ XIV и XV вѣкахъ. Я считалъ необходимымъ остановиться на нихъ въ виду той важной роли, которую они сыграли въ дѣлѣ образованія общаго сейма, какъ его составные элементы. Проф. Любавскій сознаетъ пробѣлъ своей книги въ этомъ отношеніи, но старается оправдать себя ссылкой на то обстоятельство, что его изслѣдованіе о сеймѣ тѣсно примыкаетъ къ прежней его работѣ о мѣстномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ, гдѣ онъ собралъ столь обильный матеріалъ о мѣстныхъ сеймахъ, что даже заслужилъ за это похвальный отзывъ со стороны покойнаго С. А. Бершадскаго²⁾. Едва ли можно удовлетвориться такимъ объясненіемъ. Во-первыхъ, не одно и то же—собирать данныя о мѣстныхъ сеймахъ въ интересахъ изученія областного управленія и изслѣдовать ихъ для разрѣшенія вопроса о происхожденіи общегосударственнаго сейма: точки зрѣнія въ обоихъ случаяхъ различны. Во-вторыхъ, г. Любавскій въ книгѣ о мѣстномъ управленіи Литовско-Русскаго государства касался областныхъ сеймовъ лишь постолько, поскольку они занимались судебно-административными и отчасти законодательными дѣлами. Но изъ этого источника нельзя вывести общаго сейма, потому что судебно-административной функціи онъ не имѣлъ. Для этой цѣли надо было обратить вниманіе на дѣятельность мѣстныхъ сеймовъ при замѣщеніи княжеской власти, заключеніи политическихъ союзовъ, изыска-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., 1903 г., № 3, стр. 150.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., 1903 г., № 3, стр. 148, прим. 1.

них средств на ведение войны и т. п., т. е. на ту деятельность ихъ, которая впоследствии составила компетенцию вальнаго сейма.

Прежде всего я останавливаюсь на участіи областныхъ сеймовъ въ преемствѣ княжеской власти. По мнѣнію проф. Любавскаго, я обнаружилъ здѣсь „недостатокъ настоящаго живаго пониманія и истолкованія исторической дѣйствительности“. Этотъ недостатокъ онъ усматриваетъ въ томъ, что я подъ категорію избранія подвелъ и тѣ „случаи, когда население областей покорялось великому князю по усмирении мятежа и низверженіи областного князя“¹⁾. Дѣйствительно, я указывалъ примѣры не только добровольнаго, но и вынужденнаго избранія князей. Съ точки зрѣнія мотивовъ между этими случаями большая разница. Но мотивы—это сфера политики, а не права. Съ юридической же точки зрѣнія и въ томъ, и въ другомъ случаѣ необходимо было рѣшеніе областного сейма. Въ такомъ смыслѣ выражаются и памятники: напримѣръ, Гедиминъ осадилъ Кіевъ; кіевляне сначала защищались, но потомъ, видя перевѣсъ силы на сторонѣ непріятеля, „здумали зъ собою и змовившыся одномысленно подался великому князю Гидымину“²⁾. Другой примѣръ: Жмудъ избрала собѣ князя въ лицѣ Михаила Сигизмундовича, но Казимиръ не хотѣлъ примириться съ этимъ фактомъ и пошелъ войной на Жмудскую землю; тогда жмудины уступили, „и Жмойтъ призволила службы великому князю Казимиру“³⁾ и д. д.

Областнымъ сеймамъ XIV и XV вѣковъ принадлежала также рѣшающая роль, когда ставился вопросъ о заключеніи уніи съ тѣмъ или другимъ государствомъ. Въ своей книгѣ я привожу значительное количество примѣровъ, подтверждающихъ эту мысль. Проф. М. Любавскій возражаетъ мнѣ, указывая на то, что унія съ Польшей 1386 г. была заключена безъ участія мѣстныхъ вѣчъ или сеймовъ; „точно также, продолжаетъ онъ, у насъ нѣтъ свѣдѣній и о томъ, чтобы уніи 1401 и 1413 гг. были предметомъ совѣщаній и рѣшеній на мѣстныхъ сеймахъ“⁴⁾. Это возраженіе не вызвано мною. Я нигдѣ не говорю, что акты 1386, 1401 и 1413 гг. обсуждались сеймами русскихъ земель. Напротивъ, я настаиваю на томъ, что эти уніи были дѣломъ литовцевъ, а русскихъ онѣ не интересовали. Въ книгѣ

¹⁾ Ibidem, стр. 149.

²⁾ Лѣтопись Быховца, стр. 15—16.

³⁾ Ibidem, стр. 53.

⁴⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., 1903 г., № 3, стр. 151.

указаны другіе случаи, отнюдь не эти, когда и сеймы русских областей обсуждали вопросы уніи.

Излагая дѣятельность мѣстныхъ сеймовъ по вопросамъ, касавшимся войны, я въ числѣ другихъ примѣровъ упомянулъ и о томъ случаѣ, когда въ 1515 году кievскіе бояре отказались ѣхать на военную службу. По мнѣнію проф. Любавскаго, этотъ примѣръ къ дѣлу не относится. Онъ говоритъ: „изъ воеводскаго листа видно, что это вовсе не было рѣшеніе кievскаго сейма не вести войны; это былъ простой отказъ ѣхать на войну *безъ приказанія свыше, по одному воеводскому приказу*“ ¹⁾ (курсивъ принадлежитъ автору). Проф. Любавскій не правъ. Я не входилъ въ выясненіе причинъ, почему кievскіе бояре не захотѣли ѣхать на службу: этотъ вопросъ не имѣлъ значенія для моей цѣли. Мнѣ только казалось, что поголовное уклоненіе ихъ отъ военнаго похода было не случайностью, а результатомъ предварительнаго соглашенія. Вотъ почему я считалъ возможнымъ указать и на этотъ фактъ. Повторяю: причины отказа кievлянъ отъ участія въ походѣ меня не интересовали. Но разъ проф. Любавскій поднялъ этотъ вопросъ, то я долженъ замѣтить, что онъ рѣшенъ имъ неправильно. Несмотря на то, что проф. Любавскій обратилъ усиленное вниманіе на воеводскій листъ 1515 г. ²⁾, о чемъ можно заключить по курсиву, которымъ напечатанъ его выводъ, тѣмъ не менѣе этотъ выводъ оказывается явно ошибочнымъ. Если Кievскій воевода Андрей Немировичъ просилъ о приказѣ свыше, то онъ лишь рекомендовалъ *средство* побудить кievлянъ къ исполненію ихъ служебныхъ обязанностей, а вовсе не указывалъ *мотива*, почему они отказались отъ выступленія въ походъ. О мотивѣ документъ ничего не говоритъ прямо; но о немъ можно догадываться по соображенію сопутствующихъ обстоятельствъ, которыя упоминаются въ документѣ. Война велась противъ Московскаго государства изъ-за Смоленска. Понятно, что она не затрогивала интересовъ Кievской области, была для нея безразлична. Равнодушіе кievлянъ къ войнѣ еще болѣе усиливалось отъ того, что ихъ повседневные враги—крымскіе татары—являлись на этотъ разъ союзниками литовскихъ войскъ. Мнѣ кажется, что именно здѣсь и скрывалась настоящая подкладка дѣла, объясняющая поведеніе кievскаго служилаго класса.

Проф. Любавскій не ограничивается возраженіемъ, основаннымъ

¹⁾ Ibidem, стр. 152.

²⁾ Акты зап. Россіи, т. II, № 93.

на своеобразномъ толкованіи разсмотрѣннаго акта. Онъ становится на общую точку зрѣнія и замѣчаетъ, что при политическихъ условіяхъ XVI вѣка невозможны были такія рѣшенія мѣстныхъ землевладѣльцевъ, какія я приписываю кіевлянамъ въ 1515 г., что я въ данномъ случаѣ „не считался съ пережѣнами, которыя совершались на протяженіи ста—полтора ста лѣтъ“ ¹⁾). Возможность эта не представляется мнѣ столь невѣроятной, какъ г. Любавскому. Укажу на факты. Въ 1521 г. литовцы не согласились ѣхать на гарнизонную службу въ окраинныхъ замкахъ, несмотря на приказъ великаго князя. Въ 1520 г. жмудины отказались платить серебщину, принятую прочими чинами сейма. Въ 1545 г. Волинскіе землевладѣльцы на Луцкомъ сеймѣ протестовали противъ военной ухвалы вальнаго Берестейскаго сейма 1544 г. и т. п.

Въ заключеніе я останавливаюсь еще на участіи мѣстнаго населенія въ судѣ и въ различныхъ актахъ административной власти, которое нерѣдко осуществлялось въ формѣ сеймовъ. Проф. Любавскій по этому поводу замѣчаетъ: „говоря о дѣятельности мѣстныхъ сеймовъ, г. Максимейко по обычаю отклоняется въ сторону (курсивъ мой) и для иллюстраціи своихъ положеній приводитъ разнообразные случаи участія населенія въ правительственной дѣятельности; таковы, напримѣръ, участіе бояръ въ судѣ воеводъ и старостъ, показанія, которыя давало населеніе правительственнымъ агентамъ о податяхъ и повинностяхъ, о состояніи тѣхъ или другихъ лицъ, о земляхъ и т. д.; но развѣ все это происходило испремѣнно на мѣстныхъ сеймахъ“ ²⁾? Въ этихъ словахъ заключается для меня двойной упрекъ. Во 1-хъ, по мнѣнію г. Любавскаго, я уклонился въ сторону. Но вѣдь самъ г. Любавскій признаетъ, что неизменныя дѣла могли, хотя и не всегда, быть предметомъ обсужденія на мѣстныхъ сеймахъ. Значитъ, я не имѣлъ права обойти ихъ. Иначе мой очеркъ дѣятельности мѣстныхъ сеймовъ вышелъ бы неполнымъ. Во 2-хъ, по мнѣнію г. Любавскаго, уклоненія въ сторону у меня обычны. Но какъ согласовать съ этимъ упрекомъ другія замѣчанія обо мнѣ, встрѣчающіяся въ его статьѣ? Напримѣръ, на стр. 380 онъ говоритъ, что я въ изложеніи исторіи сейма не шелъ окольнымъ путемъ, какъ большинство, рѣшился проложить свой путь попряме и покороче; на стр. 381 онъ называетъ мою

¹⁾ Жур. Мин. Нар. Пр., 1903 г., № 3, стр. 152.

²⁾ Жур. Мин. Нар. Пр., 1903 г., № 3, стр. 152.

работу о сеймѣ „геометрической дедукціей теоремъ изъ извѣстной аксіомы“¹⁾; въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ обвиняетъ меня въ излишней прямолинейности и т. д. Обѣ эти характеристики, въ силу своей противоположности, исключаютъ одна другую. Надо выбрать что-нибудь одно изъ двухъ. Вѣроятно, послѣдняя характеристика выражаетъ настоящее мнѣніе проф. Любавскаго: не даромъ онъ повторяетъ ее нѣсколько разъ въ своей статьѣ. Обычная же манера уклоняться въ сторону свойственна не столько мнѣ, сколько самому г. Любавскому. Онъ говоритъ о себѣ такъ: „я старался идти тою дорогою, по которой идетъ въ настоящее время большинство изслѣдователей государственной исторіи....; иное, конечно, дѣло, насколько неуклонно держался я этого пути и не сбивался съ него въ сторону“²⁾. Проф. Любавскій нѣсколько уклончиво и перѣшительно сознается здѣсь въ томъ, что онъ сбивался въ сторону. По всякій, кто знакомъ съ его произведеніями, въ правѣ болѣе категорично и опредѣленно подтвердить это признаніе.

Областные сеймы служили тѣми слагаемыми, изъ которыхъ въ концѣ XV вѣка образовался общегосударственный сеймъ. Причиной, заставившей ихъ сплотиться въ одно цѣлое, по моему мнѣнію, были военныя опасности со стороны Московскаго государства и крымскихъ татаръ, ставшія для Литовской Руси съ конца XV вѣка хроническимъ явленіемъ. Опасности могли быть отражены только совокупными силами, подъ условіемъ единства дѣйствій и согласныхъ рѣшеній по всѣмъ вопросамъ, касающимся военной обороны, а это условіе было достигнуто организаціей общаго сейма.

Проф. Любавскій возражаетъ противъ моихъ объясненій, ссылаясь на примѣръ Москвы. „Вѣдь и Московское государство, говоритъ онъ, въ концѣ XV и въ XVI в. вело не менѣе трудную и напряженную борьбу; почему тамъ не создалось такого представительнаго учрежденія, какимъ былъ литовско-русскій сеймъ“³⁾? Едва ли можно оперировать такими аргументами. Во 1-хъ, то обстоятельство, что въ Московскомъ государствѣ вѣдшая борьба не вызвала къ жизни представительнаго учрежденія, подобнаго сейму, не служитъ доказательствомъ того, что и въ Литовской Руси эта причина не играла никакой творческой роли. Во 2-хъ, и самъ по себѣ примѣръ взятъ не-

¹⁾ *Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1903, № 2.

²⁾ *Ibidem*, стр. 380.

³⁾ *Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1903 г., № 3, стр. 156.

удачно. Извѣстно, что земскіе соборы, т. е. представительное учрежденіе, аналогичное сеймамъ, стали созываться въ царствованіе Ивана Грознаго, т. е. въ то время, когда борьба съ Литовскимъ княжествомъ приняла особенно острый характеръ вслѣдствіе осложненія ея ливонскимъ вопросомъ, когда началось наступательное движеніе Московскаго государства на востокъ (Казань и Астрахань), и одновременно съ тѣмъ приходилось защищаться отъ крымскихъ татаръ.

Мое объясненіе г. Любавскій находитъ неудовлетворительнымъ и съ другой точки зрѣнія. Вышнія опасности угрожали Литовскому княжеству гораздо раньше, чѣмъ начались набѣги крымскихъ татаръ на юго-западную Русь и возникъ многовѣковой конфликтъ между Литвой и Московскимъ государствомъ. Слѣдовательно, „тѣ мотивы, говоритъ г. Любавскій, которые, по признанію г. Максимейка, вели къ образованію общаго государственнаго сейма въ концѣ XV вѣка, дѣйствовали задолго раньше и должны были вызвать къ жизни это учрежденіе гораздо раньше, чѣмъ полагаетъ авторъ“ ¹⁾. Такимъ мотивомъ, по его мнѣнію, была прежде всего борьба литовцевъ съ крестоносцами. Я зналъ этотъ фактъ и считался съ нимъ, но находилъ, что опасность со стороны нѣмцевъ не была настолько сильной и всеобъемлющей, чтобы породить литовско-русскій сеймъ. Я писалъ въ своей книгѣ, что въ XIV и въ первой половинѣ XV вѣка „Литовскому княжеству приходилось выдерживать борьбу съ нѣмецкими Орденами ливонскимъ и прусскимъ, которые угрожали самому существованію его; для Литвы эта борьба имѣла весьма серьезное значеніе, являясь вопросомъ жизни и смерти; но она мало затрогивала интересы русскихъ: крестоносцы почти не тревожили русскихъ областей“ ²⁾. Проф. Любавскій не соглашается со мной и указываетъ на то, что я самъ себя опровергаю въ другомъ мѣстѣ книги, говоря слѣдующее: „этой борьбой (съ крестоносцами) только отчасти могли быть заинтересованы нѣкоторыя сѣверо-западные области, напримѣръ, Полоцкая и Смоленская“ ³⁾. Всякому ясно, что нѣтъ никакого противорѣчія между послѣдней фразой и тѣмъ, что сказано раньше. Изъ сопоставленія обѣихъ цитатъ получается тотъ выводъ, что западно-русскія земли были отчасти заинтересованы борьбой литовцевъ съ нѣмцами, но не въ такой мѣрѣ, чтобы поступиться своей политиче-

¹⁾ Ibidem, стр. 154.

²⁾ Сеймы Литовско-Русскаго государства, стр. 40.

³⁾ Жур. Мин. Нар. Пр., 1903 г., № 3, стр. 153.

ской самобытностью въ пользу Литвы и примкнуть къ ней. Они продолжали имѣть своихъ собственныхъ князей, какъ показываютъ историческіе факты.

Проф. Любавскій думаетъ, что и для южно-русскихъ земель еще до появленія крымскихъ татаръ были достаточно сильные импульсы, чтобы искать единенія съ Литвой. „Если Бѣлоруссія, говоритъ онъ, заинтересована была въ борьбѣ съ нѣмцами, то южно-русскія земли заинтересованы были не менѣе въ томъ, какъ рѣшится споръ изъ-за нихъ между Литвой и Польшей“ ¹⁾. Я не понимаю, какую пользу можетъ принести проф. Любавскому этотъ примѣръ? Вѣдь изъ него вытекаеть совсѣмъ не то, что онъ стремится доказать. Въ самомъ дѣлѣ, волыны и подоляне, конечно, были заинтересованы упомянутымъ споромъ между литовцами и поляками. Но эта заинтересованность должна была побуждать ихъ собираться на мѣстные сеймы, чтобы рѣшить вопросъ, на чью сторону пристать, на сторону Польши или Литвы, а вовсе не способствовать появленію сейма, общаго для Литвы и юго-западной Руси.

Ко всему сказанному слѣдуетъ добавить еще и то соображеніе, что дѣйствию выставленныхъ проф. Любавскимъ условій не было одновременнымъ, а слѣдовательно, оно не могло захватить всей Руси общимъ стремленіемъ къ единенію съ Литовскимъ княжествомъ: польско-литовскій конфликтъ изъ-за Волыни и Подолия возникъ тогда, когда борьба съ крестоносцами уже прекратилась; въ это время Орденъ былъ даже союзникомъ Литвы. Совсѣмъ другое дѣло—борьба съ Москвой и татарами въ концѣ XV вѣка: и тотъ и другой врагъ дѣйствовали одновременно; всѣ части Литовской Руси были охвачены общей заботой о защитѣ отъ внѣшнихъ опасностей.

Наконецъ проф. Любавскій упрекаетъ меня въ томъ, что я вывожу литовско-русскій сеймъ исключительно изъ внѣшнихъ условій государства, игнорируя внутреннія основанія его существованія, что я не ставлю вопроса о происхожденіи сейма въ связь съ социальнополитическимъ развитіемъ государства, какъ поступаетъ большинство историковъ представительныхъ учреждений ²⁾. Этотъ упрекъ не заслуженъ мною. Во-первыхъ, возникновеніе сейма я ставилъ въ зависимость отъ развитія политическаго объединенія Литовской Руси ³⁾.

---

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., 1093 г., № 2, стр. 380.

³⁾ Сеймы Литовско-Русскаго государства, стр. 40—44.

Во-вторыхъ, не мимолетныя только замѣчанія, а сорокъ непрерывныхъ страницъ своей книги я посвятилъ мѣстнымъ сеймамъ, какъ первоначальнымъ подготовительнымъ элементамъ будущаго литовско-русскаго сейма ¹⁾. Развѣ справедливо послѣ этого сказать, что я выводилъ сеймъ изъ внѣшнихъ условій государственной жизни, пренебрегая социально-политическими факторами его развитія? Но само собой понятно, что ни единоедержавіе, ни областныя сеймы не были причиной, породившей литовско-русскій сеймъ. Единоедержавіе дало только *возможность* для его появленія. Областныя сеймы заключали въ себѣ лишь *строительный матеріалъ*, изъ котораго онъ былъ организованъ. Роль же *архитектора, концепція и созиданіе* несомнѣнно принадлежали военной опасности. Съ этой точки зрѣнія легко и просто разрѣшается недоумѣніе проф. Любавскаго по поводу того, что я признаю основной причиной происхожденія сеймовъ войну конца XV вѣка и въ то же время доказываю, что составъ ихъ сложился раньше, еще при политической разобщенности Литовской Руси. Тамъ „фигурируетъ война, а здѣсь традиція“, говоритъ онъ и находитъ въ этомъ разсужденіи логическое противорѣчіе ²⁾. Но очень ясно, что оба названныя понятія совмѣстимы и дополняютъ другъ друга: вѣдь не въ пустомъ же пространствѣ работалъ факторъ военной опасности; онъ комбинировалъ тотъ матеріалъ, который былъ выработагъ проилымъ. Такимъ образомъ, между войной и традиціей совсѣмъ нѣтъ того противорѣчія, которое усмотрѣлъ г. Любавскій.

Проф. Любавскій высказываетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній и по вопросу о составѣ сеймовъ. Такъ, онъ находитъ, что у меня „нѣтъ отвѣта на такіе вопросы: почему на сеймы приглашались православныя епископы, почему съ другой стороны на сеймы не приглашались второстепенныя областныя урядники, напимѣръ, ключники, городничіе, конюшіе, ловчіе, бобровничіе, какъ таковыя, и что еще важнѣе: почему на сеймахъ не было шляхты изъ господарскихъ с ковыхъ имѣній, изъ княжескихъ и панскихъ имѣній, почему не было мѣщанъ, панцирныхъ и путныхъ бояръ, которые вѣдь также были призваны защищать государство и служили военную службу“ ³⁾? Думаю, что всѣ эти вопросы разрѣшаются на основаніи моей книги, при условіи внимательнаго чтенія ея. Православныя епископы входили

¹⁾ Ibidem, стр. 1—40.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Пр., 1903 г., № 3, стр. 161.

³⁾ Ibidem, стр. 158.

въ составъ сеймовъ, какъ землевладѣльцы и какъ лица, управлявшія церковными имуществами. Городничіе и конюшіе поименованы у меня въ числѣ тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя участвовали въ сеймахъ. Ключники, ловчіе и бобровничіе не приглашались на сеймы, потому что должность ихъ, какъ приказчиковъ въ хозяйствѣ великаго князя, не имѣла отношенія къ задачамъ государственной обороны. Наконецъ, шляхта спадковыхъ имѣній, мѣщане, бояре путные и пандырные, а также шляхта княжескихъ и панскихъ имѣній не призывались на сеймы по тѣмъ же самымъ основаніямъ, что и крестьяне великокняжескіе и частновладѣльческіе, т. е. вслѣдствіе особой зависимости ихъ отъ великаго князя или землевладѣльцевъ, устранявшей для правительства необходимость соглашенія съ ними.

Проф. Любавскій говоритъ, будто бы я склоненъ признавать мѣщанъ и черныхъ людей участниками сеймовъ, и при этомъ ссылается на страницу 109 моей книги ¹⁾. Между тѣмъ на этой страницѣ напечатано: „въ заключеніе необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ сословіяхъ и инородцахъ Литовско-Русскаго государства, которые не приглашались на сеймы: таковы были мѣщане, волостные крестьяне, татары и евреи“. Точно такъ же въ оглавленіи къ моей книгѣ страницы 109—110 стоятъ подъ рубрикой: „классы населенія, не участвовавшіе въ сеймахъ“.

Существенныя измѣненія въ составѣ сеймовъ произвела реформа 1565 г., учредившая повѣтовые сеймики. По моему мнѣнію, она служила не столько интересамъ шляхетства, сколько выполняла назрѣвшія организационныя задачи государства. Аргументація этой мысли развита подробно въ моей книгѣ. Проф. Любавскій не согласенъ со мной и резюмируетъ такъ: „если реформа имѣла чисто (я не говорилъ, что „чисто“) организационное значеніе, то естественно ожидать, что и инициатива ея принадлежала правительству; на дѣлѣ это было не такъ: объ учрежденіи сеймиковъ по образцу короны просили станы на сеймѣ 1565—1566 г.г.“ ²⁾. Но развѣ обществу недоступно сознаніе тѣхъ или другихъ общихъ нуждъ государственнаго управления? Развѣ не случается, что общество стоитъ даже впереди правительства въ инициативѣ тѣхъ или другихъ государственныхъ преобразованій?

Переходя къ вопросу о компетенціи сеймовъ, я долженъ былъ выяснитъ отношеніе ихъ къ судебной функціи. Для этого мнѣ при-

¹⁾ Ibidem, стр. 161.

²⁾ Ibidem, стр. 160.

шло въ общихъ чертахъ коснуться исторіи судоустройства въ XVI в. Мною было высказано то положеніе, что развитіе процесса въ Литовско-Русскомъ государствѣ опредѣлялось, во-первыхъ, военными нуждами государства, требовавшими освобожденія великаго князя, пановъ радныхъ, мѣстныхъ должностныхъ лицъ и служилыхъ землевладѣльцевъ отъ судебныхъ обязанностей ради сосредоточенія ихъ на дѣлахъ военной обороны; во-вторыхъ, интересами шляхетства, домогавшагося суда скораго, дешеваго, подзаконнаго и составленнаго изъ лицъ, пользующихся его довѣріемъ. При этомъ я старался показать, какія измѣненія судоустройства вызывались первымъ условіемъ, и какія зависѣли отъ второй причины. Но само собой разумѣется, что точнаго и строгаго разграниченія результатовъ дѣйствія того и другого фактора провести нельзя было. Оба фактора дѣйствовали совмѣстно и одновременно. Поэтому тѣ измѣненія процесса, которыя удовлетворяли военнымъ потребностямъ государства, въ то же время могли служить сословно-шляхетскимъ интересамъ и наоборотъ. Я устанавливалъ двѣ различныхъ категоріи лишь по преобладанію того или другого момента.

Не считаясь съ моею аргументаціей во всей ея цѣлости, проф. Любавскій беретъ только часть ея и противъ нея направляетъ свои возраженія. Именно, онъ останавливается на учрежденіи судовъ земскихъ, градскихъ и подкоморскихъ въ 1564—1565 гг. и доказываетъ, что эта реформа обуславливалась не потребностью облегчить военно-административную дѣятельность мѣстныхъ правителей, а желаніемъ шляхты имѣть лучшей качественно судъ ¹⁾. Но, во-первыхъ, я самъ весьма опредѣленно признавалъ, что стремленіе шляхты къ лучшему суду было однимъ изъ факторовъ въ развитіи судоустройства вообще и въ частности одной изъ причинъ, вызвавшихъ судебную реформу 1564—1565 гг. Во-вторыхъ, г. Любавскій не правъ, держась исключительно сословной точки зрѣнія и полагая, что новый порядокъ судоустройства не представлялъ никакихъ преимуществъ, сравнительно съ прежнимъ, съ точки зрѣнія военныхъ нуждъ ²⁾. Посомнѣнно, онъ служилъ и этой послѣдней цѣли, освобождая отъ судебныхъ функций воеводъ, маршалковъ, старостъ и державцевъ, а также мѣстныхъ землевладѣльцевъ, которые прежде должны были въ большемъ или меньшемъ количествѣ засѣдать на судебныхъ сессіяхъ.

---

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1903 г., № 3, стр. 162.

²⁾ *Ibidem.*

На 131 стр. своей книги я отмѣчаю ту особенность 2-го Литовскаго Статута, что онъ требуетъ сеймовой уфалы для мобилизаціи земскаго ополченія. Проф. Любавскій не точно передаетъ мою мысль, говоря, будто бы я въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду „обязательный созывъ сеймовъ для рѣшенія дѣлъ о земской оборонѣ“¹⁾. Это не одно и то же. Понятіе земской обороны шире понятія военной мобилизаціи. Въ цѣляхъ государственной обороны необходимы не только созывъ войска, но и установленіе военныхъ податей, опредѣленіе количественной нормы воинской повинности, заключеніе союзовъ и т. п. Послѣднія мѣры и раньше рѣшались не иначе, какъ на сеймахъ. Нововведеніе Литовскаго Статута 1566 г. касается только созыва ополченія, такъ какъ раньше оно происходило обыкновенно по распоряженію великаго князя или пановъ радныхъ.

Не ограничиваясь критическими замѣчаніями по частнымъ вопросамъ исторіи сеймовъ, проф. Любавскій указываетъ еще нѣсколько особенностей, невыгодно характеризующихъ мою книгу въ ея цѣлости.

Такъ, не одинъ разъ въ своей рецензіи онъ упрекаетъ меня въ раціонализмъ. Признаюсь, что этотъ упрекъ нѣсколько не смущаетъ меня. То, что проф. Любавскій считаетъ раціонализмомъ, это, по моему мнѣнію, есть необходимое условіе всякой научной работы, если она имѣетъ характеръ дѣйствительнаго изслѣдованія, осмысливающей факты, а не сборника сырыхъ матеріаловъ, рассказанныхъ собственными словами составителя книги.

Другой недостатокъ моей книги состоитъ въ томъ, что я не обращалъ вниманія на сословныя стремленія шляхты, игравшія большую роль въ исторіи сеймовъ, и все сводилъ къ одному фактору внѣшней опасности. Какъ отчасти показано раньше, я вовсе не игнорировалъ соціального момента въ происхожденіи и развитіи сеймовъ. Я только считалъ его не первоначальной, а производной причиною. Дѣло въ томъ, что ежедневная необходимость защищаться отъ внѣшнихъ враговъ должна была наложить свою печать на внутреннюю конституцію государства, т.-е. во-первыхъ, на правительство и, во-вторыхъ, на служилое сословіе. Правительственный механизмъ учреждений долженъ былъ постепенно измѣняться въ смыслѣ пріобрѣтенія все большей и большей годности для лучшаго осуществленія задачъ военной обороны. Что же касается служилого сословія, то съ одной стороны, на

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Прос., 1903 г., № 3, стр. 163.

него легли имущественныя и личныя тягости войны, размѣръ которыхъ увеличивался по мѣрѣ усиленія внѣшней опасности, а съ другой стороны, въ видѣ эквивалента, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расширялась сфера его гражданскихъ и политическихъ правъ. Слѣдовательно, съ моей точки зрѣнія, доминирующая роль принадлежала внѣшней борьбѣ, а политическія притязанія шляхты были только ея отраженіемъ.

Особенно тяжелымъ обвиненіемъ противъ меня является указаніе проф. Любавскаго на то, что въ моей книгѣ „не только нѣтъ исторіи литовско-русскаго сейма, какъ представительнаго учрежденія, но даже отрицается эта исторія, отрицается всякое движеніе, всякія перемѣны въ составѣ и компетенціи учрежденія въ зависимости отъ внутреннихъ условій государственной жизни“; поэтому вся она „отъ начала до конца представляетъ какое-то ученое недоразумѣніе“¹⁾. Въ этомъ отзывѣ больше рѣзкости, чѣмъ справедливости. Конечно, я былъ далекъ отъ того, чтобы расчленять исторію сейма на четыре періода, какъ сдѣлалъ проф. Любавскій. Для такой періодизаціи нѣтъ никакихъ фактическихъ основаній. Въ короткій промежутокъ времени отъ конца XV вѣка до 1569 года сеймъ не могъ подвергнуться четырехкратной метаморфозѣ. Тѣмъ не менѣе я не отрицалъ измѣненій, какъ въ составѣ его, такъ и въ компетенціи. Въ отношеніи состава я старался изобразить процессъ, какъ постепенно упорядочивался личный контингентъ сеймовъ чрезъ организацію представительства, которое сначала примѣнялось только въ отдѣльныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, а съ 1565 г. сдѣлалось общимъ правиломъ (стр. 89—109). Съ другой стороны я отмѣчалъ также и постепенныя наслоенія въ компетенціи сеймовъ. У меня сказано, что законодательная дѣятельность не была первоначальной задачей сейма, но прістала къ его компетенціи позже въ XVI вѣкѣ, когда въ самой жизни народилась потребность въ общемъ законодательствѣ (стр. 143, 147). Точно такъ же не сразу, а только въ 60-ые годы XVI столѣтія, послѣ того какъ податныя жертвы шляхетства увеличились и стали ложиться на него тяжелымъ бременемъ, сеймы получили право контроля по взиманію и расходованію военныхъ налоговъ (стр. 135—136). Тогда же вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ пришлось прибѣгнуть къ государственнымъ займамъ; заключеніе ихъ сдѣлалось предметомъ обсужденія сеймовъ (стр. 137—138). Когда частые со-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1903 г., № 3, стр. 164.

звы войска стали чувствительно отражаться на интересахъ служилыхъ землевладѣльцевъ, то Литовскій Статутъ 2-й редакціи подчинилъ вопросъ о военной мобилизаціи контролю сеймовъ (стр. 131 — 132) и т. д. Сказать, въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, что я не признаю измѣненій въ исторіи сейма, это значитъ — идти противъ очевидности.

Проф. Любавскій осуждаетъ также и нѣкоторые изъ источниковъ, которыми я пользовался. Такъ, онъ упрекаетъ меня, что я „обильно и *bona fide* черпалъ матеріалы изъ такого мутнаго источника, какъ пространная литовско-русская лѣтопись, чисто искусственное и при томъ тенденціозное произведение первой половины XVI вѣка, въ которомъ авторъ намѣренно изображаетъ старину въ одеждѣ своего времени; эта лѣтопись не можетъ никоимъ образомъ служить источникомъ для изображенія древняго политическаго быта Литвы“¹⁾). Прежде всего г. Любавскій не имѣлъ основанія утверждать, что я *bona fide* ссылаясь на лѣтопись Быховца, не подозревая того, что она недостоверна. Не много надо усилій критической мысли, чтобы потерять наивное довѣріе къ этому памятнику: стоитъ только прочесть изслѣдованіе проф. В. Б. Антоновича объ исторіи Великаго княжества литовскаго, гдѣ онъ анализируетъ и лѣтопись Быховца. Едва ли станеть г. Любавскій доказывать, что я не былъ знакомъ съ этимъ сочиненіемъ, когда приступилъ къ чтенію лѣтописи. Но не въ этомъ дѣло. Въмѣсто того, чтобы бросать общую тѣнь на доброкачественность моего источника, г. Любавскому слѣдовало бы доказать, что тѣ примѣры, которые я бралъ изъ него, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Заподозрѣннымъ источникомъ можно пользоваться съ извѣстной осторожностью, отдѣляя недостоверные факты отъ тѣхъ свѣдѣній, которые подтверждаются другими памятниками. Такъ относился къ лѣтописи Быховца и проф. В. Б. Антоновичъ: сомнѣваясь въ достоверности ея разказа о завоеваніи Волыни и Кіевщины Гедиминомъ, онъ, однако, обращался къ ней при изложеніи другихъ фактовъ исторіи Литвы.

Проф. Любавскій говоритъ о себѣ, что онъ совершенно игнорировалъ лѣтопись Быховца²⁾). Я обратился къ его книгѣ, чтобы проверить справедливость этого заявленія, и къ сожалѣнію долженъ былъ констатировать противоположное. Въ книгѣ г. Любавскаго я

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Прос., 1903 г., № 3, стр. 166.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Прос., 1903 г., стр. 166, прим. 1-е.

насчиталъ болѣе 15 ссылокъ на опороченный имъ памятникъ ¹⁾. Еще въ большей мѣрѣ профессоръ Любавскій пользовался хроникой Стрыйковскаго ²⁾; а между тѣмъ въ основѣ этой хроники, насколько она касается исторіи Литвы, лежитъ лѣтопись Быховца; при чемъ матеріалъ Быховца не только не провѣренъ критически, но еще дополненъ фантастическими измышленіями Стрыйковскаго ³⁾. Такимъ образомъ, г. Любавскій снисходительно позволяетъ себѣ то, что ставить въ вину другимъ.

Всѣ перечисленные недостатки моей книги тѣмъ болѣе непростительны мнѣ, что я, по мнѣнію проф. Любавскаго, работалъ въ благопріятныхъ условіяхъ, на которыя онъ и указываетъ въ своей рецензій. „Н. Максимейко, говоритъ онъ, писалъ свою книгу въ очень счастливыхъ условіяхъ; въ то самое время, когда онъ работалъ надъ нею, появилась моя книга о литовско-русскомъ сеймѣ, представляющая первую обработку фактическаго матеріала; такимъ образомъ, цѣлая масса черновой работы, вся та затрата труда и времени, которая идетъ на установленіе фактовъ и на приведеніе ихъ въ систему, отпадала сама собой; г. Максимейку оставалось по этой части только провѣрять и дополнять меня, гдѣ было нужно, главныя же усилія своей мысли онъ могъ сосредоточить на общемъ выясненіи развитія и характера литовско-русскаго сейма, какъ представительнаго учрежденія“ ⁴⁾. Итакъ, я былъ осчастливленъ появленіемъ книги проф. Любавскаго. Мнѣ кажется, что онъ преувеличилъ значеніе оказаннаго мнѣ благодѣянія. Прежде чѣмъ была издаана его книга, матеріалъ по исторіи сеймовъ былъ мною уже собранъ, приведенъ въ порядокъ и даже напечатанъ. Если г. Любавскій и оказалъ мнѣ услугу, то она имѣетъ болѣе отрицательный, чѣмъ положительный характеръ. Дѣло въ томъ, что книга его есть не изслѣдованіе въ точномъ смыслѣ этого слова, а обстоятельный хронологическій рассказъ о томъ, что дѣлали такіе и такіе-то сеймы, изъ кого они состояли, когда собирались, какъ долго продолжались ихъ сессіи и т. д. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ этого рассказа механически вставлены

¹⁾ Литовско-русскій сеймъ, II, глава, примѣч. 93, 150, 152, 155, 177, 182, 183, 187, 188, 218, 230, 245, 248; IV глава, прим. 141, 233, 238.

²⁾ Ibidem, глава I, прим. 43; глава II, прим. 33, 72, 83; стр. 91, 96, 97, 102, 103, 106, 107, 108, 111, 118, 120 и многія другія.

³⁾ Danilowicz, Wiadomość o właściwych litewsk. latopiscach, стр. 50; В. В. Антоновичъ, Монографія, т. 1-й.

⁴⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1903 г., № 3, стр. 166.

сбивчивыя и запутанныя разсужденія о социально-политическихъ процессахъ, очень извѣстныя и распространенныя въ литературѣ, но въ данномъ случаѣ къ дѣлу не относящіяся. Благодаря такому характеру труда проф. Любавскаго, для меня оказалась возможность выпустить въ свѣтъ и свою книгу о сеймѣ, не рискуя повторить то, что уже было сказано моимъ близкимъ предшественникомъ.

Однако внутреннія условія, по мнѣнію проф. Любавскаго, не такъ благопріятствовали моей работѣ, какъ вѣшнія. Именно, онъ находитъ, что я работалъ въ неспокойномъ состояніи духа. Разбирая мое положеніе о томъ, что русскія земли до конца XV вѣка не участвовали въ литовскихъ сеймахъ, онъ выражается такъ: „для насъ подобныя разсужденія ученаго автора представляются странными, и мы можемъ объяснить ихъ только неспокойнымъ настроеніемъ, съ какимъ онъ писалъ свою книгу“¹⁾. Едва ли нужно что-либо говорить по существу объ этомъ психологическомъ открытіи проф. Любавскаго. Скажу только, что оно не вяжется съ предшествующимъ опредѣленіемъ вѣшнихъ условій моего труда: кто работаетъ въ счастливыхъ условіяхъ, тотъ обыкновенно бываетъ спокоенъ.

Въ заключеніе проф. Любавскій „по чистой совѣсти“ увѣряетъ, что я не оправдалъ его ожиданій: не такую книгу, по его мнѣнію, долженъ былъ написать „историкъ съ юридическимъ образованіемъ и мышленіемъ“²⁾. Охотно вѣрю искренности этого признанія. Но скажу и я, тоже по чистой совѣсти, что оно мало огорчаетъ меня. Я знаю, какъ трудно угодить всѣмъ, а особенно тому, съ кѣмъ не согласенъ. Знаю также, что представленія о томъ, чѣмъ долженъ быть историкъ съ юридическимъ образованіемъ и мышленіемъ и чего слѣдуетъ ожидать отъ него, не у всѣхъ одинаковы. Могутъ быть и такія ожиданія, что лучше не оправдать ихъ.

Н. Максименко.

По поводу рецензій ак. Соболевскаго.

Въ мартовской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* ак. А. И. Соболевскій помѣстилъ рецензію на наши книги „О нѣкоторыхъ архаизмахъ и новообразованіяхъ пра-славянскаго

¹⁾ *Журн. Мин. Народ. Просв.*, 1903 г., № 3, стр. 153.

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1903 г., № 3, стр. 166—167.

языка“ (Прага, 1902) и „Сложныя мѣстоименія и окончанія родительнаго пад. неличныхъ мѣстоименій муж. и ср. р. въ славянскихъ языкахъ“ (Варшава, 1903). Выводъ, къ которому приходитъ ак. Соболевскій, для насъ лично крайне печальный: наши работы представляютъ „пародіи на современныя лингвистическія изслѣдованія“, — пародіи, доказывающія нашу „неспособность работать на научномъ полѣ“.

Если рецензентъ приходитъ къ такому выводу, который для всякаго сколько-нибудь серьезнаго изслѣдователя можетъ имѣть значеніе только смертнаго приговора, то читатель въ правѣ думать, что онъ располагаетъ для этого дѣйствительно подавляющими доказательствами. Но мы, не теряя мужества, подойдемъ къ нимъ поближе и посмотримъ, не заключаютъ ли они въ себѣ повода для кассациі такого приговора.

Нашему главному, наиболѣе зрѣлому и самому большому пока печатному труду, обиліе матеріала котораго не отрицаетъ и самъ ак. Соболевскій (см. стр. 183), г. рецензентъ посвящаетъ одну печатную страницу съ небольшимъ. Конечно, объемъ рецензіи есть дѣло второстепенное, и можно охарактеризовать книгу иногда и на пяти строкахъ. Вопросъ заключается въ томъ, привелъ ли ак. Соболевскій на одной этой страницѣ *факты*, доказывающіе либо наше невѣжество въ трактуемомъ предметѣ, либо нашу неспособность къ логическому мышленію или методической работѣ: вѣдь только при наличности одного или обоихъ этихъ условій можно было бы считать приговоръ ак. Соболевскаго достаточно мотивированнымъ. Но какъ мы ни читали и ни перечитывали эту страницу, мы не могли извлечь изъ нея ничего, кромѣ слѣдующихъ нашихъ *facta delicti*:

1) Ак. Соболевскій недоволенъ нашимъ объясненіемъ русск. союза *хоть*, какъ G¹ отъ имени *хоть*. Но эта этимологія имѣетъ достаточное основаніе въ польск. союзѣ *chocia* и древне-р. союзѣ *хоти*, которые нельзя вывести изъ причастія. Къ сожалѣнію, ак. Соболевскій не только не опровергаетъ этихъ фактовъ, но даже не упоминаетъ о нихъ. Указываемый же ак. Соболевскимъ женскій родъ этого существительнаго нисколько не противорѣчитъ сущности нашего объясненія, такъ какъ *cholja* или *chol'a* могло возникнуть изъ *choti* по аналогіи *кромѣ* и т. п. нарѣчій. Ср. нижнелуж. нар. *ljubi* и *ljubja*.

2) Ак. Соболевскій упрекаетъ насъ, что мѣст. *kaliždy* мы объясняемъ изъ сращенія двухъ нарѣчій *ka* и *li*. Но въ дѣйствительности, въ цитируемомъ мѣстѣ (стр. 73) мы говоримъ только о нар.

* *kali* изъ *ka + li* (ср. литовск. *iki — kol*, *iki — sziöl*, *ik — töl* ВВ XXVI, 166), къ которому суфф. —*ъдо* присоединился вполнѣ въ слѣдствіи по аналогіи къ *ъдо* (ср. 126 стр. нашей книги).

3) Ак. Соболевскій недоумѣваетъ, какимъ образомъ писецъ Синайской псалтири могъ помнитъ самостоятельное происхожденіе мѣст. элем.—*ю* въ пра-славянскомъ нарѣчій *когда*. Но это объясняется просто: въ говорѣ дблг. яз., которымъ говорилъ этотъ писецъ,—а говоръ этотъ могъ восходить въ извѣстныхъ случаяхъ и къ пра-слав. яз.—аналогія нарѣчій *кога*, *тога* помѣшала элементу—*гъ* абстрагиваться въ основу.

4) Ак. Соболевскій не одобряетъ нашу этимологію нар. *тъкто*, предпочитая объяснять его изъ глаг. *тъкнати*. Но изъ понятія „касаться“, только съ большими натяжками можно вывести понятіе „однаковій“ „ровній“, которое имѣетъ прилаг. *тъкто*.

5) Ак. Соболевскій ссылается на нашъ неловкій въ стилистическомъ отношеніи переводъ фразы *тамъ ся нальзе ся мужь*, смыслъ котораго состоитъ въ томъ, что первое *ся* употреблено въ мѣстномъ значеніи (ср. подобную же редупликацію въ русск. *здѣсь*),—и вмѣсто того, чтобы объяснить этотъ недосмотръ спѣшностью, съ какой писалась наша книга, онъ обобщаетъ его...

Таковы наши научныя провинности, которыя ак. Соболевскій извлекъ изъ нашего труда. Но если бы даже онъ дѣйствительно не допускали *никакихъ* оправданій или извиненій, и въ такомъ случаѣ ни количество ихъ, ни качество ихъ не давали ему логическаго права дѣлать какую бы то ни было, а тѣмъ болѣе столь безпощадно-строгую *общую* оцѣнку нашего труда. Что въ такой мало извѣстной еще и мало разработанной области, какъ сложныя мѣстоименія, мы могли сбиваться съ пути, это вполнѣ понятно и въ порядкѣ вещей. Но если ак. Соболевскій изъ книги почти въ 200 стр. привелъ только 5, очевидно, характерныхъ, по его мнѣнію, но въ дѣйствительности незначительныхъ и въ высшей степени сомнительныхъ ошибокъ, то это можетъ служить только къ чести нашего труда... Совершенно несправедливымъ, поэтому, является и утвержденіе ак. Соболевскаго, будто содержаніемъ нашей книги служить „труда разнообразнѣйшихъ фактовъ, сгруппированныхъ единственно по находящимся въ нихъ согласнымъ звукамъ“. Авторъ не считаетъ нужнымъ привести въ доказательство этого положенія *ни одного факта*, а между тѣмъ достаточно прочесть хоть одну страничку нашей книги, чтобы убѣдиться въ томъ, что матеріалъ въ ней расположенъ не по согласнымъ, а по аффиксамъ, и не хаотически, а въ до-

вольно *стройной системѣ* сложныхъ мѣстоименій, пять принциповъ раздѣленія которой подробно изложены нами на стр. 46—47 нашего труда.

Впрочемъ, это знаетъ и самъ ак. Соболевскій. Вѣдь иначе онъ не сдѣлалъ бы центромъ тяжести своей рецензіи нашу первую юную работу, изданную уже болѣе 2-хъ лѣтъ назадъ,—книгу, которой мы не выпускали даже въ продажу и разосланные экземпляры которой, какъ хорошо извѣстно самому ак. Соболевскому, мы готовы были взять назадъ. И вотъ этой-то книгѣ ак. Соболевскій удѣляетъ мѣста въ своей рецензіи почти втрое больше, чѣмъ нашему главному труду... Но если бы высказанное ак. Соболевскимъ по ея поводу и было вѣрно отъ первой и до послѣдней строки, и въ такомъ случаѣ онъ не имѣлъ бы логическаго права возводить недостатки нашей первой книги въ типичные... Тѣмъ менѣе имѣлъ онъ право это сдѣлать на основаніи тѣхъ фактовъ, которые онъ приводитъ въ своей рецензіи. Разсмотримъ же ихъ.

Ак. Соболевскій не согласенъ съ нашимъ объясненіемъ старо-слав. оборота *любы дѣяти*. Противъ этого мы рѣшительно ничего не имѣли бы, если бы г. рецензентъ предложилъ лучшее объясненіе тѣхъ фактовъ,—а *facta locuntur!*—которые привели насъ къ новому объясненію. А факты эти немудреные: 1) употребленіе (напр., въ Мар. ев. и Слѣвн. Ап.) рядомъ съ *любы* формы *любъ* и 2) образованіе сложнаго слова *любодѣй*, а не *любводѣй*. При нашемъ объясненіи, которое въ *любы дѣяти* и *любодѣй* видитъ такое же (морфологически) образованіе, какъ *чары дѣяти* и *чародѣй*, эти факты объясняются и просто и легко. Но ак. Соболевскій игнорируетъ эти факты, но что доказываютъ два приведенныхъ имъ изъ позднихъ памятниковъ примѣра *прълюбы* въ значеніи „плотской любви“, кромѣ того, что N¹ *любы* не всегда обозначалъ „идеальную любовь“,—мы не понимаемъ....

Но, быть можетъ, счастливѣе ак. Соболевскій въ критикѣ нашего второго этюда? Два особенно характерныхъ факта помогутъ намъ отвѣтить на этотъ вопросъ. По поводу нашихъ словъ: „старо-слав. *дрѣва*, какъ именит. падежъ мн. ч. отъ имени *дрь ср. р., служатъ косвеннымъ доказательствомъ, что и въ пра-слав. яз. имена на—и имѣли въ этомъ падежѣ ок. *ŭ*“, ак. Соболевскій замѣчаетъ: „Кажется, г. Ильинскій не знаетъ даже того, что слав. *ъ* не можетъ входить къ пра-слав. *ŭ*“. Обвиненіе убійственное: вѣдь какое же значеніе могутъ имѣть лингвистическія изслѣдованія, если ихъ авторъ не знаетъ элементарныхъ законовъ соответствія звуковъ! Но счастью,

это обвиненіе оказывается абсолютно невѣрнымъ. Изъ нашихъ категорическихъ словъ на стр. 12 въ томъ же этюдѣ: „слав. *drъca восходитъ къ именит. над. мп. ч. *drъ-a“ видно, что не ть мы возводимъ къ *ū*, а *ъr*, на что передъ гласной мы и имѣли право. Другое возраженіе ак. Соболевскаго еще удивительнѣе: по поводу нашей этимологіи церковно-слав. *дро nucleus*, ак. Соболевскій приглашаетъ насъ заглянуть въ словарь Миклошича, чтобы убѣдиться, что этого существит. въ церковно-слав. яз. нѣтъ, а есть только *ндро*. Но мы заглянули въ словарь, и это слово... нашли... Другого возраженія на нашъ этюдъ ак. Соболевскій не сдѣлалъ, если не считать такимъ его замѣчанія на нашу словку въ стилистическомъ отношеніи формулировку значенія сущ. *одръ*. По сущности нашей этимологіи какъ „предмета съ деревянной подпоркой“ отъ этого нисколько не страдаетъ. Она подтверждается, между прочимъ, и слов. *одг* „помость“, „сцена въ театрѣ“. Послѣ насъ подобная же этимологія того же слова была предложена и А. Л. Погодинымъ (ср. его Слѣды корней-основъ въ слав. яз., 258).

Далѣе ак. Соболевскій переходитъ къ разсмотрѣнію нашего этюда „Существительныя изъ причастій“. И здѣсь онъ даже не упоминаетъ о сильныхъ сторонахъ нашей аргументаціи, не объясняетъ, напримѣръ, того впервые нами указанного факта, что имена на—*t* почему-то имѣють при себѣ глаголы почти исключительно на—*iti*, не объясняетъ удивительнаго совпаденія склоненія причастій этихъ глаголовъ съ склоненіемъ именъ на—*t*, почти не упоминаетъ о нѣкоторыхъ нашихъ этимологіяхъ, какъ *robę*, *svęę*, *žręę*, но за то съ наслажденіемъ смакуетъ наши отдѣльныя увлеченія... Вѣрный своей привычкѣ обобщать ошибки, ак. Соболевскій тотчасъ дѣлаетъ выводъ, что нашъ этюдъ „представляетъ собою нѣчто необыкновенное“ и т. п. Въ частности, относительно русск. „уменьшительнаго“ (?) суфф.—*ише* и польск. *-isko* ак. Соболевскому надо было доказать, что ихъ значеніе не возникло изъ увеличительнаго.

Таковы почти всѣ факты, которые ак. Соболевскій привелъ въ доказательство того положенія, которое приведено нами въ началѣ этого „Отвѣта“. Доказываютъ ли они дѣйствительно это послѣднее, внимательный читатель нашихъ книгъ и этой замѣтки рѣшитъ самъ. Что касается лично насъ, то мы можемъ спокойно остаться при нашихъ научныхъ взглядахъ и послѣ „возраженій“ ак. Соболевскаго.

Г. Мильнинскій.

Книжные новости.

Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комисси. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ V. Нижній-Новгородъ. 1903.

Послѣдній выпускъ работъ Нижегородской архивной комисси составленъ разнообразно и интересно. Кромѣ семи вполне обработанныхъ статей, въ него вошли архивные описи и нѣсколько документовъ. В. И. Сибиряковскій помѣстилъ „Опись журналамъ нижегородскаго намѣстничества за 1788 годъ, свящ. М. Ѳ. Капевскій описалъ „Дѣла балахнинскаго уѣзднаго земскаго суда“ (1813—1847), Н. И. Драницынъ сообщилъ свѣдѣнія о дѣлахъ уголовной палаты въ Нижнемъ и А. И. Звѣздннъ напечаталъ очень интересную „Опись журналамъ нижегородскаго секретнаго совѣщательнаго комитета по дѣламъ о раскольникахъ“.

Отдѣлъ статей открывается замѣткой А. П. Тихона „Къ исторіи нижегородской духовной семинаріи“, гдѣ авторъ знакомитъ читателей съ постановленіями комитета, образованнаго въ началѣ 60-хъ годовъ для преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. На всѣхъ почти мѣсяцахъ этого комитета замѣтнѣе отпечатокъ прогрессивнаго духа времени. Настроеныя либерально, члены комитета выпускаютъ изъ курса преподаванія нѣсколько богословскихъ предметовъ, многіе изъ нихъ сокращаютъ и вводятъ естественныя науки въ томъ объемѣ, который существовалъ въ то время въ гимназіяхъ. Этому широкому проекту не суждено было пройти въ жизнь, и вмѣсто него послѣдовалъ извѣстный уставъ о семинаріяхъ 1867 года.

Вторая статья принадлежитъ А. И. Звѣзднну. Она заглавлена „Клятва на письмо подметчиковъ“. Клятва относится къ 1726 году, когда въ Петербургѣ дѣйствовала партія, недовольная избраніемъ императрицы Екатерины I и желавшая возвести на престолъ малолѣтняго Петра Алексѣевича. Эта партія состояла изъ нѣсколькихъ сановниковъ, которые не могли примириться съ совершившимся уже фактомъ и дѣйствовали въ пользу внука Петра I. Этой именно партіи недовольныхъ приписываютъ составленіе „подметнаго воронскаго вымышленнаго письма о нѣкоемъ важномъ дѣлѣ“. Оно было подъято караульными солдатами около Исаакіевской церкви. Второе письмо, сочиненное тоже „пѣкинми отчаянными ворами“, подкинуто было близъ двора канцлера графа Головина. Самыя письма до насъ не дошли, но содержаніе ихъ касалось „одной и той же матеріи“, а авторомъ могъ быть какой-нибудь „воръ и вымысленикъ весьма несложной головы и злого сердца, наймаче же крайній злодѣй отечеству и повѣдущій закона Божія и церковныхъ преданій“. Результатомъ находки этихъ писемъ было, во-первыхъ, перепечатка „Правды воли монаршей“, при указѣ отъ 21-го апрѣля 1726 года; во-вторыхъ—объявленіе о денежной преміи за доносы на тѣхъ, кто будетъ разсуждать о престолонаслѣдіи противно этому указу. Но прошло шесть мѣсяцевъ, и никто не доносилъ на „вымыслениковъ“ письма. Тогда была составлена и напечатана „церковная клятва“ на измѣнниковъ, разосланная по всѣмъ епархіямъ для опубликованія въ церквахъ. Несмотря на то, что почти одновременно съ этимъ послѣдовалъ второй указъ, объ отмѣнѣ чтенія проклятія, многіе архіереи по

лучили печатные экземпляры проклятія. Въ статьѣ приводится текстъ этого характернаго для эпохи документа, въ которомъ авторъ „блестнаго и плѣвслосѣбательнаго“ письма предается анаемѣ.

Слѣдующая статья передаетъ одинъ эпизодъ изъ дѣятельности извѣстнаго „розсыпныхъ дѣлъ мастера“ Степана Шепковского. Оказывается, что могучій „киутобой“, по выраженію генераль-прокурора А. Л. Нарышева, приобрѣталъ далеко не благовиднымъ способомъ земли сосѣдей по имѣнію его въ Княгининскомъ уѣздѣ. Изъ другихъ статей отнѣтитъ слѣдующія: „Привязанные люди въ нижегородскомъ паймѣстничествѣ“ (конца XVIII вѣка) В. Снѣжневскаго, „Дѣло балахнинскаго уѣзднаго суда о священникѣ Кондаковѣ“, совращенномъ въ старую вѣру въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, и „Отношеніе уѣзднаго городского общества къ дѣлу пароднаго образованія въ Нижегородской губерніи, въ началѣ XIX вѣка“, Н. И. Драпцына. Оказывается, что изъ всѣхъ уѣздовъ только одинъ Балахнинскій выразилъ готовность учредить начальную училища, а остальные отказались или же ничего не отвѣтили.

Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Мидіи, второго Вавилонскаго царства и возникновенія Персидской державы. *З. А. Рагозиной*. Съ 90 рисунками и 1-ой картой. С.-Пб. Изданіе *Маркса*. Стр. XVI+522. Цѣна 2 р. 50 коп.

Настоящимъ томомъ исторія Передней Азіи доведена г-жей Рагозиной до Греко-Персидскихъ войнъ. Называть его прежде всего „исторіей Мидіи“ нельзя уже потому, что Мидіи отведено въ немъ всего 14 страницъ (293—306), и исторія ея уже была изложена въ предыдущемъ томѣ. Больше трети книги (стр. 1—113) посвящено изложенію религіи Зороастра, затѣмъ слѣдуетъ исторія халдейскаго Вавилона и первыхъ трехъ персидскихъ царей. Какъ и въ первыхъ двухъ томахъ своего труда, г-жа Рагозина даетъ интересное и талантливое изложеніе, сопровождаемое большимъ количествомъ хорошихъ и искусно подобранныхъ иллюстрацій, относится къ матеріалу критически. Но и недостатки, указанные нами въ предыдущихъ (особенно во II-мъ) томахъ, раздѣляются и настоящимъ, пожалуй еще въ большей степени. Автору неизвѣстна новѣйшая литература о Мидіи, Персіи, халдейскомъ Вавилонѣ. Въ „библіографіи“ мы не нашли упоминанія о работахъ Prašek'a, Rost'a и Winkler'a, посвященныхъ Мидіи и Ахеменидамъ, о статьяхъ Messerschmid'a, Billerbeck'a и др., посвященныхъ вопросу о надписи Ассиріи. Масперо цитируется еще въ 3 изданіи (вышло пятое, совершенно переработанное и расширенное изъ небольшой книжки до трехъ объемистыхъ томовъ), „Keilinschriften und das alte Testament“ Шрадера во 2-мъ и т. п. Труды русскихъ ученыхъ опять обойдены молчаніемъ. При такихъ условіяхъ г-жа Рагозина не могла избѣжать промаховъ. Укажемъ на нѣкоторые.

Стр. 211. „Навуходоносоръ вовсе не ходилъ въ Египетъ“. Такъ рѣшительно утверждать нельзя. Въ клинописи есть упоминанія о его войнѣ съ „Амасу египетскимъ“ (Pinches).

Стр. 276. Повторяется одно изъ многихъ псевдо-открытій Делича, будто вавилонскіе бапкиры Эгиби были евреи.

Стр. 285 сл. Переводы семейных вавилонских законов невірны. Авторъ не считается съ работами Наврт'а и Рейгер'а.

Стр. 292. „Около 100 г. по Р. Х.“ не могло быть „персидскихъ государей“.

Стр. 311 и 318. Эламскій языкъ еще рано объявлять туранскимъ или урало-алтайскимъ.

Стр. 315. Не „гброда“ Аишана, а страны Аишана. Авторъ слишкомъ безусловно вѣритъ въ двѣ вѣтви Ахеменидовъ и въ достовѣрность разсказа Даріи о своемъ восшествіи на престолъ.

Стр. 324. Не „Сабманда“, а Урманъ-Маида.

Стр. 368. Гобриемъ былъ убитъ не Набонидъ, а Валтасаръ.

Стр. 384 сл. Покореніе Египта Камбизомъ невозможно безъ привлеченія къ дѣлу египетскихъ источниковъ, которые даютъ весьма интересныя свѣдѣнія. Авторъ даже не считается съ надписью—автобіографіей „египетскаго Эздры“ Уджа-Гора. Точно также мы не нашли въ книгѣ исторіи Финикии въ VI вѣкѣ.

При всѣхъ этихъ и другихъ недостаткахъ, книга все-таки будетъ полезна для учащихся, какъ едва ли не лучшая въ нашей популярной литературѣ по исторіи Востока въ VI вѣкѣ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе февраля и марта мѣсяцевъ:

— *Смирновъ, М.* свящ. Священная Исторія Вѣтхаго и Новаго Завета съ приложеніемъ статей о гоненіяхъ на христіанъ, о Воздвиженіи Креста Господня и о вѣрѣ Христовой въ Россіи. Примѣнительно къ примѣрной программѣ 1897 года вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Москва 1903. Изданіе *К. И. Тихомирова*. 134 стр. Цѣна 25 коп.

— *Ело же.* Уроки по Закону Божію для младшаго возраста. Первый годъ. Примѣнительно къ примѣрной программѣ 1897 года вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Изданіе 2-е *К. И. Тихомирова*. Москва 1903. 72 стр. Цѣна 15 коп.

— *Ело же.* Уроки по Закону Божію для старшаго возраста. Годъ третій. Царство Божіе. Изданіе *К. И. Тихомирова*. Москва 1903. 79 стр. Цѣна 20 коп.

— *Зелинскій, В.* Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. Сводъ истодическихъ разъясненій и примѣрныхъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными педагогами. Изданіе четвертое. Москва 1904. VIII+248 стр.

— *Кулюкинъ, С. И.* Первая книга для чтенія послѣ азбуки. Москва 1903. XVI+156 стр. Цѣна 25 коп.

— *Берри, А.* Краткая исторія астрономіи. Переводъ *С. Г. Займовскаго*, подъ редакціей *Р. Ф. Фогеля*. Изданіе 7-ва *И. Д. Сытина*. Москва 1904. XXXIX+606 стр. Цѣна 2 р. 50 к. (Библіотека самообразованія. XXX).

— *Донель, А. С.* Концевые нервные аппараты въ кожѣ человѣка. Стр. 11-ю

таблицами рисунковъ. С.-Пб. 1903. 54 стр. Цѣна 2 р. 50 к. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XIV, № 8).

— *Жельмовъ, В.* Очерки политической экономіи. XXIII+831 стр. Цѣна 3 руб. (Библиотека для самообразования XXV. Изданіе г-ва *И. Д. Сытина*).

— *И. И. Яковлевъ.* Геологическая исторія животнаго царства. (Введеніе въ изученіе палеонтологіи). Съ 33 рисунками. Образовательная библиотечка. Серія V, № 7. Издательство *О. Н. Поповой*. С.-Пб. 1904. 92 стр. Цѣна 40 коп.

— *А. Л. Поповичъ.* Боги и герои Элады. Съ 15-ю рисунками. С.-Пб. 1904. 232 стр. Цѣна 1 р. (Издательство *О. Н. Поповой*).

— *Визъ, А. С.* Къ исторіи древняго Хлынова. Вятка 1904. 91 стр. Цѣна 60 коп.

— *Васенко, Ил. Гр.* „Книга степеннаго царскаго родословія“ и ся значеніе въ древне-русской исторической письменности. Часть первая. С.-Пб. 1904. 260 стр. Цѣна 2 руб.

— *Воблий, К. Г.* Проблема воспитанія по Канту. (Очеркъ изъ исторіи педагогикі). Варшава 1904. 61 стр. Цѣна 40 коп.

— *Новосадскій, И. П.* Педагогическіе идеалы Платона. Варшава 1904. 22 стр.

— *Шопенгауеръ, Артуръ.* Совѣщеніе сочиненій. Въ переводѣ и подъ редакціей *Ю. Н. Айхенвальда*. Изданіе *Д. П. Ефимова*. Москва 1904. Выпускъ VII. Стр. отъ 321—560. Выпускъ IX, отъ 561 по 663 стр. Выпускъ X. Томъ III. 145 стр. (Цѣна за 4 тома 10 р.).

— *Ждановъ, Л.* Санкт-Петербургъ. Историческая пьеса въ пяти дѣйствіяхъ и десяти картинахъ. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Историческій Вѣстникъ“). Съ тремя фототипіями. С.-Пб. 1904. 111 стр. Цѣна 50 к.

— *Орисонъ-Сестъ-Марденъ.* Провивайтесь впередъ. Переводъ съ англійскаго *М. А. Шиммаревой*. С.-Пб. 1904. 352 стр. Цѣна 1 р. 20 к. (Библиотечка „Другъ“. Издательство *О. Н. Поповой*).

— Указатели къ историческому обзору дѣятельности комитета министровъ и дополненіе къ I и II томамъ, составленное *С. М. Середонимымъ*. Составили *И. Ю. Левинсонъ-Лессинъ, С. В. Юрьевъ* и *А. М. Ону*. С.-Пб. 1904. 107 стр. Изданіе канцелярій комитета министровъ).

— Вопросы воспитанія и обученія. Труды педагогическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. II. Москва 1904. 166 стр. Цѣна 1 руб. (Изданіе *Д. И. Тихомирова*).

— Отчетъ о дѣятельности педагогическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ за 1902—1903 годъ. Москва 1904. 175+48 стр.

— *Куломзинъ, А. И.* Доступность начальнаго школы. С.-Пб. 1904. IV+149 стр.

.. Протоколы педагогического собранія учителей Карской области и преподавателей Карскаго городского училища въ сентибрѣ 1902 г. Тифлисъ 1903 143 стр.

— Отчетъ Одесской Городской Библиотеки за 1903 годъ. (73-й годъ существованія). Одесса 1904. 31 стр.

— „Красный Крестъ“. Первое приложение къ № 2 „Циркуляра для народныхъ училищъ Оренбургскаго учебнаго округа“, за 1904 годъ. Оренбургъ 1904. 14 стр.

— „Русский флотъ“. Второе приложение къ № 2 „Циркуляра для народныхъ училищъ Оренбургскаго учебнаго округа“, за 1904 годъ. Оренбургъ 1904. 16 стр.

— *Бобчевъ, С. С.* Юбилейный спомынь за десятигодишницата на „Българска Свирка“. 1894. Пловдивъ 1903. София. 93 стр.

— Отчетъ Виленской публичной библиотеки и музея за 1903 годъ. Вильна 1904. 32+142 стр.

— Описание рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библиотеки. Выпускъ четвертый. Вильна 1903. XXVI+143 стр.

— Сборникъ документовъ, касающихся административнаго устройства Северо-западнаго края при Императрицѣ Екатеринѣ II (1792—1796). Изданіе Виленской комисіи для разбора актовъ. Вильна 1903. I+XXXVIII+348 стр.

— Старины и новизны. Историческій сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Книга седьмая. С.-Пб. 1904. 302 стр.

— Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ семьдесятъ пятый. С.-Пб. 1904. 191+117+109+72+39+324+35 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1903 г. Тома VII-го книжка 4-я. С.-Пб. 1903. 400+VII стр. Цѣна 1 р. 50 к.

— *Дурново, Н.* Диалектологическая карта Калужской губернии. С.-Пб. 1903. 35 стр.

— *Рейсснеръ, Плято,* фонъ. Русско-нѣмецкій самоучитель. Новѣйшая метода для обученія въ три мѣсяца нѣмецкому чтенію, письму и разговору безъ помощи учителя. Съ ключемъ въ концѣ книжки. Низшій курсъ. XXIII-е изданіе. Варшава 1904. 24 стр. Цѣна 20 коп. (I выпускъ).

— Картинныя галереи Европы. 100 хромо-типографуръ. Текстъ *А. Филиппи.* Изданіе Тов—ства *М. О. Вольфъ.* Выпускъ I. Цѣна по подпискѣ 25 р.

— Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. Seria II. Tom XXI. Краковъ 1903. 340 стр.

— *Лентъ, Оскар.* DER ALEXANDERROMAN BEI DEN KORTEN. Ein Beitrag zur

Geschichte der Alexandersage im Orient. Text. Uebersetzung. Anmerkungen. Mit zwei Tafel. С.-Пб. 1903. XVI+161 стр. Цѣна 1 р. 80 коп.

— *Davydoff, C.* LES RÉSULTATS DU VOYAGE scientifique au Java et les autres Iles de l'Archipel Malais. II. Hydroctena Salenskii. (Étude morphologique sur un nouveau coelentère pélagique). Avec une planche. С.-Пб. 1903. 16 стр. Цѣна 1 руб. 40 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XIV, № 9).

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ НАЧАЛЬНАГО НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

(1894—1903).

Истекшее десятилѣтіе несомнѣнно составляло эпоху въ исторіи нашей начальной школы. Никогда дѣло народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ не привлекало въ такой мѣрѣ вниманія и сочувствія всѣхъ слоевъ населенія, никогда не было приносимо столько труда и столько личныхъ и общественныхъ жертвъ на пользу дѣла, какъ въ это знаменательное десятилѣтіе. Министерство народнаго просвѣщенія, само собою разумѣется, не могло остаться въ сторонѣ отъ этого общественнаго движенія. И для него истекшее десятилѣтіе было временемъ напряженной дѣятельности на пользу начальнаго народнаго образованія, временемъ тщательной провѣрки всего пережитаго опыта, усиленныхъ работъ, направленныхъ къ уясненію вопросовъ, правильное разрѣшеніе которыхъ опредѣляетъ судьбы народнаго образованія не только для даннаго момента, но и для отдаленнаго будущаго.

I.

Въ ряду этихъ вопросовъ выдающееся значеніе представлялъ вопросъ, касавшійся самаго существа функций министерства народнаго просвѣщенія, какъ органа, завѣдующаго дѣломъ народнаго обра-

зованія: чѣмъ должно быть министерство народнаго просвѣщенія въ этомъ качествѣ—должно ли оно остаться лишь наблюдателемъ дѣла народнаго образованія, или быть живымъ и дѣятельнымъ его участникомъ?

Вопросъ этотъ, разнообразно рѣшавшійся въ разное время, подвергнутъ былъ новому обсужденію, когда возникла новая русская школа, т. е. въ эпоху освобожденія крестьянъ.

Дѣятели эпохи освобожденія вполне ясно представляли роль народнаго образованія въ дѣлѣ устройства быта освобожденнаго народа. Они справедливо усматривали въ этомъ дѣлѣ не только существенную составную часть реформы, но ея вѣнецъ и завершеніе. „Вопросъ объ образованіи народа“, разсуждали редакціонныя комиссіи, „не только важенъ по отношенію къ нравственному улучшенію крестьянскаго сословія и усовершенствованію нашего сельскаго хозяйства, но онъ находится въ ближайшей связи съ осуществленіемъ всей реформы, предпринимаемой нынѣ правительствомъ; ибо большая часть начертываемыхъ нынѣ постановленій тогда только достигнетъ своей цѣли, когда крестьянское сословіе въ состояніи будетъ знать права и обязанности, усвояемая ему новымъ положеніемъ, что конечно невозможно безъ распространенія между крестьянами грамотности и необходимыхъ въ ихъ быту первоначальныхъ свѣдѣній“.

Смотря на дѣло съ такой точки зрѣнія, творцы реформы не могли не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на вопросѣ объ обеспеченіи способовъ правильнаго поступательнаго движенія дѣла народнаго образованія. Обсуждая эти способы, они пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) повсемѣстнаго образованія сельскаго народа, какъ показали опыты въ Западной Европѣ, возможно достигнуть только чрезъ постоянныя и правильно организованныя общественныя училища, въ которыхъ постепенно должно сосредоточиваться умственное образованіе народа, и, руководимое въ нихъ правительствомъ, будетъ получать разумное и цѣлесообразное направленіе;

2) крестьяне положительно не имѣютъ средствъ принять на себя значительныя издержки по содержанію училищъ; даже тамъ, гдѣ они и могли бы безъ обремененія взять на себя эти расходы, въ многочисленныхъ и богатыхъ селеніяхъ, они не вызовутся на это сами, потому что, не видя вблизи себя училищъ, вполне примѣненныхъ къ условіямъ крестьянскаго быта, они не сознаютъ еще ихъ потребности и пользы. Поэтому необходимо, чтобы правительство сдѣлало первый

шагъ къ осуществленію у насъ сельскаго образованія, и своєю матеріальною помощію заявило предъ крестьянами потребность и пользу училищъ. Какъ скоро правительство приметъ на себя часть издержекъ по состоянію училищъ, то чрезъ это осуществленіе ихъ сдѣлается матеріальнымъ образомъ возможно во многихъ мѣстностяхъ, и со стороны крестьянъ скорѣе можно будетъ ожидать готовности приступить къ ихъ учрежденію;

и 3) главное завѣдываніе учебною частію и учителями сельскихъ училищъ принадлежитъ министерству народнаго просвѣщенія, которое и по прямому своему назначенію, и по заключающимся въ немъ условіямъ, одно только можетъ вести дѣло народнаго образованія путемъ правильнымъ и успѣшнымъ; притомъ образованіе тогда только можетъ служить къ укрѣпленію духовной связи въ народѣ и къ согласному развитію его нравственныхъ силъ, когда оно во всемъ своемъ объемѣ, какъ относительно городскихъ, такъ и относительно сельскихъ сословій, совершается по одному общему плану и направляется къ однимъ цѣлямъ, указываемымъ общимъ благомъ государства. Но вмѣстѣ съ симъ необходимо предоставить и самимъ сельскимъ обществамъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи училищами, чтобы, съ одной стороны, не поставить учебныя начальства въ невозможность удовлетворить всѣмъ требованіямъ народнаго образованія и слѣдить за всѣми частными случаями, а съ другой стороны—чтобы излишнею и неисполнимою на дѣлѣ зависимоію сельскихъ училищъ отъ учебныхъ начальствъ не затруднить самаго ихъ существованія и, на первыхъ же порахъ, не охладить народнаго къ нимъ участія. Но такъ какъ, при настоящей необразованности крестьянъ, участіе ихъ въ завѣдываніи училищами не можетъ проявляться успѣшно безъ содѣйствія лицъ, достаточно просвѣщенныхъ и знающихъ мѣстныя условія, то желательно было бы привлечь мѣстное дворянство къ участію въ завѣдываніи сельскими училищами.

Такова была программа дѣйствій по развитію начального народнаго образованія, предначертанная творцами крестьянской реформы, Высочайше одобренная и сообщенная министерству народнаго просвѣщенія государственнымъ секретаремъ въ отношеніи отъ 26-го февраля 1861 г. за № 545.

Какъ видно изъ изложеннаго, основными чертами этой программы были: повсемѣстное распространеніе образованія путемъ учрежденія общественныхъ училищъ, при помощи казны и подъ руководствомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Эта программа должна была, повидимому, лечь въ основу предполагавшагося къ изданію спеціальнаго школьнаго закона. Но явившееся за сямъ 14 іюля 1864 года положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ вводило постановку дѣла, существенно отступившую отъ предначертаній редакціонныхъ комиссій. Повсемѣстное распространеніе образованія ставилось и здѣсь цѣлю, но цѣли этой предполагалось достигнуть мѣстными средствами и силами. При разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ проекта положенія о начальныхъ училищахъ принято было въ соображеніе мнѣніе бывшаго министра народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго о желательности передать попеченіе о народномъ образованіи вновь вводимымъ земскимъ учрежденіямъ. Мѣру эту Ковалевскій признавалъ необходимою, „дабы общество, какъ во всѣхъ странахъ Европы, приняло дѣятельное въ этомъ участіе, сколько для воспособленія правительству въ финансовомъ отношеніи, столько же и потому, чтобы развить въ самомъ себѣ начала предполагаемаго самоуправления въ хозяйственномъ смыслѣ, и возбудить въ немъ энергію къ общественнымъ дѣламъ, уснувшую отъ непрерывной и вездѣ продолжавшейся надъ нимъ опеки, породившей въ немъ апатію и привычку все возлагать на правительство“. „Если общество будетъ принимать ближайшее участіе въ учрежденіи народныхъ школъ“, полагалъ министръ Е. П. Ковалевскій, „то естественно слѣдуетъ ему, въ лицѣ его представителей — земскихъ учрежденій, предоставить и наблюденіе за ними.... Пынѣшнее наблюденіе за подобнаго рода заведеніями, разсѣянными кое гдѣ по огромному пространству Россіи, посредствомъ агентовъ правительства, сколько можно судить по опыту, недостаточно, и это происходитъ отнюдь не отъ агентовъ, но отъ существа самаго дѣла. Земскимъ учрежденіямъ, предъ глазами которыхъ всегда будутъ народныя школы, легко пополнить означенный недостатокъ, и денежные пожертвованія съ одной стороны, съ другой же близкое обществу воспитаніе дѣтей его членовъ въ этихъ заведеніяхъ будутъ служить лучшимъ побужденіемъ къ неослабному за ними наблюденію. Если мѣра эта будетъ отвергнута, то при крайней необходимости увеличить число народныхъ школъ по всей Россіи, не достанетъ у Правительства ни наблюдателей, ни денегъ“. „Такимъ образомъ“, находилъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Ковалевскій, „сама необходимость указываетъ на содѣйствіе общества, а справедливость и успѣхъ дѣла на порученіе его земскимъ учрежденіямъ“.

Главная мысль, принятая въ основаніе положенія 1864 года, какъ

это объясняло само министерство народнаго просвѣщенія (Обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія въ 1862, 1863 и 1864 годахъ. С.-Пб. 1865), заключалась въ томъ, что „правительство, отказавшись отъ прежней системы казенныхъ училищъ, оказавшейся вполнѣ несостоятельной въ дѣлѣ народныхъ школъ, отнынѣ предоставляет въ этомъ дѣлѣ возможно полный просторъ общественной и частной дѣятельности и принимаетъ на себя не учреждать повсемѣстно училища, а только облегчать средства къ ихъ учрежденію, поощрять частную дѣятельность на этомъ поприщѣ, согласовать между собою усилія разныхъ вѣдомствъ, лицъ и учреждений и направлять ихъ къ достиженію общей цѣли“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что положеніе 1864 года не только призывало мѣстныя силы къ участию въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія народа, но въ значительной мѣрѣ переносило на общество, въ лицѣ возникшихъ земскихъ учреждений, и обязанности, до того времени лежавшія на министерствѣ народнаго просвѣщенія. „Новое положеніе“, продолжаетъ обзоръ, „предоставляетъ земству большой просторъ въ учрежденіи и администраціи народныхъ училищъ. Въ настоящее время нельзя предвидѣть, какъ наше земство взглянетъ на этотъ важный вопросъ. Но судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ о дѣятельности до сихъ поръ открытыхъ земскихъ собраній можно предполагать, что оно не останется равнодушнымъ къ дѣлу народнаго образованія. Такъ одно изъ первыхъ по времени открытія собраній—Ставропольское, Самарской губерніи—постановило учредить народную школу въ каждомъ приходѣ и ассигновало потребныя для того денежныя средства. Мы въ правѣ надѣяться, что и другія собранія послѣдуютъ этому примѣру. Обязанности ихъ въ этомъ отношеніи тѣмъ важнѣе, что будущность земскихъ учреждений зависитъ отъ того здраваго образованія, которое получаютъ ихъ члены; отъ образа же дѣятельности этихъ учреждений зависитъ и будущность Россіи. При общемъ стремленіи къ полноправности всѣхъ членовъ общества, при развитіи крестьянскаго самоуправленія и вольнонаемнаго труда, при участіи всѣхъ сословій въ земскомъ дѣлѣ и въ составѣ суда присяжныхъ, увеличеніе числа грамотныхъ, т.-е. умѣющихъ не только читать и писать, но и понимать и обдумывать прочитаемое, становится дѣломъ первой необходимости. Чтобы народъ могъ пользоваться своими правами, чтобы эти права не сдѣлались пустой вывѣской—нужно дать народу возможность развить умственныя способности, нужно сообщить ему тѣ элементарныя свѣдѣнія, которыя составляютъ первый

шагъ на пути къ образованію. Обязанность заботиться объ этомъ прежде всего лежитъ на самомъ земствѣ“.

Организація дѣла народнаго образованія, введенная положеніемъ 1864 года, ни мало не измѣнялась въ своихъ основаніяхъ послѣдующими узконсеніями по части народнаго образованія и не отиѣнялась, но лишь дополнялась и завершалась положеніемъ 25-го мая 1874 г. Согласно этому послѣдному положенію, „попеченіе объ удовлетвореніи потребностей населенія въ начальномъ образованіи и надлежащемъ нравственномъ направленіи онаго возлагается: въ каждомъ уѣздѣ на уѣзднаго предводителя дворянства и уѣздный училищный совѣтъ, а въ цѣлой губерніи на губернскаго предводителя дворянства и губернский училищный совѣтъ (ст. 19), т.-е. на учрежденія, организованія на началахъ общественнаго представительства, агентамъ же министерства народнаго просвѣщенія въ лицѣ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ предоставлено завѣдываніе учебною частію (ст. 20).

Къ началу истекшаго десятилѣтія министерство народнаго просвѣщенія имѣло предъ собою три десятилѣтія дѣйствія системы 1864 г.— періодъ времени, въ теченіе котораго результаты системы не могли не обнаружиться съ достаточною ясностію. Что же дала эта система? Повсемѣстнаго распространенія образованія она конечно не принесла,— можетъ быть, вслѣдствіе недостаточной продолжительности дѣйствія системы, но она очень мало и приблизила къ этой цѣли; такъ какъ на ряду съ нормальнымъ ростомъ дѣла въ однихъ мѣстностяхъ, она обнаружила не только слабое его прогрессированіе въ другихъ, но даже рѣшительный упадокъ въ третьихъ. Такъ, по изслѣдованію, произведенному Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, къ 1-му января 1894 г. изъ 758 уѣздовъ и округовъ Имперіи въ 22 уѣздахъ не имѣлось ни одной начальной правильно организованной школы, 24 уѣзда имѣли не болѣе 2 школъ и 76 уѣздовъ не болѣе 10 школъ каждый. Еще болѣе неблагоприятнымъ оказалось положеніе дѣла народнаго образованія въ городахъ. Изъ 946 городскихъ поселеній Имперіи 92 города оказались не имѣющими ни одной правильно организованной школы; 437 городовъ или почти половина общаго ихъ количества имѣли не болѣе 2 школъ. Сравнительно лучшее положеніе дѣла констатировано было въ мѣстностяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, т.-е. тамъ, гдѣ общественные элементы представляли извѣстную концентрацію силъ.

Но и въ земскихъ губерніяхъ далеко не все обстояло благополучно. Пасколько неодинаково смотрѣли земскія учрежденія на обя-

занности, лежащія на нихъ въ отношеніи къ попеченію о развитіи народнаго образованія, можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1897 г. въ Псковской губерніи число школъ, содержи-
мыхъ земствомъ, такъ разнообразилось по отдѣльнымъ уѣздамъ:

въ Псковскомъ уѣздѣ ихъ было	77
„ Островскомъ	53
„ Опочецкомъ	37
„ Порховскомъ	27
„ Новоржевскомъ	14
„ Великолуцкомъ	10
„ Холмскомъ	5
„ Торопецкомъ	4

Въ какомъ отношеніи эти числа состояли къ числу населенія, видно изъ слѣдующей таблицы.

На одну школу, содержимую земствомъ, приходилось жителей:

въ Островскомъ уѣздѣ	2.307
„ Псковскомъ	2.597
„ Опочецкомъ	3.213
„ Порховскомъ	6.335
„ Новоржевскомъ	7.523
„ Великолуцкомъ	10.736
„ Холмскомъ	16.927
„ Торопецкомъ	22.602

Изъ 136 волостей губерніи 41 или почти $\frac{1}{3}$ вовсе не имѣли земскихъ школъ.

Въ теченіе 25-лѣтія съ 1874 по 1898 г. земство открыло въ уѣздахъ:

Псковскомъ	51	школу
Опочецкомъ	25	„
Островскомъ	22	„
Новоржевскомъ	11	„
Великолуцкомъ	6	„
Торопецкомъ	4	„
Холмскомъ	4	„
Порховскомъ	2	„ ¹⁾

¹⁾ Всѣ эти данныя взяты изъ книги „Матеріалы къ вопросу объ участіи Псковскаго губернскаго земства въ развитіи начальнаго народнаго образованія“. Вып. II. Псковъ. 1899. Изд. Псковскаго губернскаго земства.

Иногда губерніскія земства выступали на борьбу съ апатіей уѣздныхъ земствъ, но не всегда съ ожидаемымъ успѣхомъ. Въ докладѣ Херсонской губернской земской управы губернскому земскому собранію сессіи 1896 г. читаемъ. „Существуютъ, повидимому, глубокія причины, тормозящія развитіе школьнаго дѣла въ губерніи. Управа заключаетъ это изъ слѣдующихъ соображеній. Какъ извѣстно гг. гласнымъ, губернское земское собраніе, признавъ въ 1879 г., что школьное дѣло въ губерніи развивается несоразмѣрно съ потребностями, постановило вносить ежегодно въ смѣту 12.000 р., по 2.000 р. на каждый уѣздъ, на выдачу *безвозвратныхъ* пособій бѣднѣйшимъ обществамъ, не имѣющимъ средствъ на постройку школъ... Всего по 1896 г. включительно, по этой статьѣ было ассигновано въ распоряженіе уѣздныхъ управъ 195.690 р... Что же сдѣлано въ уѣздахъ на эту сумму, *безвозвратно* ассигнованную въ распоряженіе уѣздныхъ управъ? Дѣйствительно ли это пособие губернскаго земства бѣднѣйшимъ обществамъ на постройку школьныхъ зданій способствовало развитію дѣла народнаго образованія? Къ сожалѣнію, управа не можетъ сказать этого: не говоря уже о томъ, что въ первые годы послѣ рѣшенія губернскаго собранія приходитъ на помощь обществамъ при постройкѣ школьныхъ зданій нѣкоторыя уѣздныя управы употребляли ассигнуемыя въ ихъ распоряженіе 2.000 р. на уменьшеніе уѣздной раскладки, зачисляя ихъ прямо въ доходъ уѣзда, и что въ другихъ уѣздахъ сумма эта расходовалась на содержаніе давно уже существовавшихъ школъ, на награды учителямъ, на выдачу стипендій и т. п., губернская управа не можетъ не указать, что изъ 177.690 р., составляющихъ ассигнованія въ 1880—1895 годахъ, уѣздными управами израсходовано всего (по 1-е января 1896 г.) 151.099 р. 89 к., остальная же сумма, за исключеніемъ 2.255 р. 72 к., оставленныхъ кредитомъ на 1896 г., осталась въ сбереженіи, хотя изъ этихъ 24.334 р. 39 к. можно было выдать пособие на постройку школъ по крайней мѣрѣ 10 обществамъ“.

Въ 1898 г. совсѣмъ не было земскихъ школъ въ уѣздахъ Кишиневскомъ, Аккерманскомъ, Бендерскомъ, Бѣлецкомъ и Оргѣвскомъ, Бессарабской губерніи, Яренскомъ, Вологодской губерніи, Малоархангельскомъ, Орловской губерніи, Инсарскомъ, Пензенской губерніи, Одоевскомъ и Чернскомъ, Тульской губерніи. Не болѣе 10 земскихъ школъ было въ уѣздахъ: Хотинскомъ, Бессарабской губерніи (10), Сольвычегодскомъ (10) и Устюжскомъ (6), Вологодской губерніи, Валдайскомъ (10), Новгородской губерніи, Торонецкомъ (4) и Холмскомъ

(5), Псковской губерніи, Вольскомъ (3), Саратовской губерніи, и Елатомскомъ (10), Тамбовской губерніи ¹⁾.

Переходя, за тѣмъ, къ дѣятельности городовъ на пользу народнаго образованія, должно сказать, что эта дѣятельность была вообще почти вдвое слабѣе, чѣмъ дѣятельность земскихъ учреждений. Изданный хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ отчетъ о денежныхъ оборотахъ городскихъ кассъ за 1893 годъ даетъ для характеристики дѣла такія данныя. Въ среднемъ города расходовали на дѣло народнаго образованія 8% своего бюджета противъ 14%, которые расходовали земства. Изъ 801 городскихъ поселеній Имперіи 68 ничего не расходовали на народное образованіе (въ томъ числѣ, напримѣръ, г. Балта съ бюджетомъ въ 56.600 р.) и 33 расходовали не болѣе 100 р. (г. Копысь израсходовалъ на народное образованіе 7 р.). Изданный центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1897 г. сборникъ статистическихъ свѣдѣній давалъ весьма неутѣшительныя данныя относительно роста городскихъ ассигнованій на дѣло народнаго образованія. Такъ въ 1890 г. было отпущено на дѣло народнаго образованія на 278.000 р. болѣе, чѣмъ въ предыдущемъ 1889 г., но въ слѣдующемъ 1891 г. приростъ ассигнованій былъ уже вдвое меньше, составляя всего 120.166 р., а въ 1892 г. ассигновано было даже на 8.352 р. меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году. Между тѣмъ спросъ на образованіе возрасталъ, и неудовлетворенность населенія выражалась поражающими цифрами. Въ 189⁶/₇ учебномъ году было отказано въ приѣмъ въ начальныя училища въ С.-Петербургѣ 5.834 дѣтямъ, въ Москвѣ 2.983, въ Кіевѣ 834, въ Самарѣ 602, въ Саратовѣ—одной трети желавшихъ поступить, въ Кишиневѣ—половинѣ, и т. д.

Не болѣе благоприятныя данныя представляла дѣятельность сельскихъ обществъ. Такъ въ 1894 году мірскіе расходы на народное образованіе составляли въ среднемъ 8,5% общаго количества мірскихъ расходовъ, но они были значительны лишь въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія (такъ въ Лифляндской губерніи они составляли 21%, въ Волынской 20,5%, въ Витебской 20,4% общаго бюджета мірскихъ расходовъ), въ земскихъ же губерніяхъ они были значительно меньше, опускаясь, напримѣръ, въ Олонеккой губерніи до 0,7%: сельское населеніе, очевидно, заботы объ образованіи предоставляло

---

¹⁾ Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію по даннымъ 1898 г. Изданіе хозяйств. деп. м. в. д. С.-Пб. 1902 г.

земству. Въ 1894 году въ значительной части уѣздовъ Европейской Россіи пожертвованія сельскихъ обществъ не представляли сколько нибудь существеннаго значенія. Такъ Белебеевскій уѣздъ, Уфимской губерніи, далъ 392 р., Островскій, Псковской губерніи, 183 р., Ноллинскій, Вятской губерніи, 164 р., Елабужскій, той же губерніи, 138 р., Петрозаводскій, Олонецкой губерніи, 56 р., Грязовецкій, Вологодской губерніи, 30 р., Орловскій, Вятской губерніи, 27 р., а два уѣзда Олонецкой губерніи, Пудожскій и Повѣнецкій не дали на дѣло народнаго образованія ни одной копѣйки ¹⁾.

Совокупность свѣдѣній о состояніи дѣла народнаго образованія въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи приводила къ тому заключенію, что успѣхи этого дѣла поставлены въ тѣснѣйшую зависимость отъ того или другаго сочетанія мѣстныхъ условій. Тамъ, гдѣ сочетаніе это оказывалось благопріятнымъ, дѣло развивалось и преуспѣвало. Такъ энергическая разумная дѣятельность земствъ Таврической губерніи, въ связи съ сильными образовательными теченіями среди мѣстнаго сельскаго населенія, обусловливала значительный подъемъ дѣла въ названной губерніи, но слабая дѣятельность земскихъ учрежденій въ соединеніи съ апатіей сельскаго населенія въ Уфимской губерніи имѣла послѣдствіемъ крайній упадокъ дѣла народнаго образованія въ этой губерніи.

Такое положеніе дѣла не могло не озабочивать министерство народнаго просвѣщенія, особенно въ виду постоянныхъ заявленій со всѣхъ сторонъ объ оскудѣніи мѣстныхъ источниковъ. По свидѣтельству министра финансовъ, „земское обложеніе, на счетъ коего удовлетворяются издержки по народному образованію, достигло уже такихъ предѣловъ, при которыхъ можетъ лишь возбуждаться вопросъ о сокращеніи расходовъ, но никоимъ образомъ не объ увеличеніи оныхъ“ (журн. госуд. совѣта 3 апрѣля 1894 г. № 136). Съ другой стороны, произведенныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изслѣдованія указывали на крайнія затрудненія, съ которыми борется городское хозяйство. Въ 1893 году, изъ общаго числа 801 городскихъ поселеній Россійской Имперіи, 28 городовъ располагали бюджетомъ до 1.000 руб., 87 городовъ—до 5.000 руб., 136—менѣе 10.000 руб. ²⁾. Такимъ образомъ около $\frac{1}{3}$ части городовъ располагали такими сред-

¹⁾ Статистика Россійской Имперіи. Вып. XLIII.

²⁾ Отчетъ о денежныхъ оборотахъ городскихъ кассъ за 1894 годъ изд. хозяйственнаго департамента м. в. д. С.-Пб., 1897.

ствами, при наличности которыхъ трудно и думать о серьезной постановкѣ начальнаго народнаго образованія, особенно если принять во вниманіе отсутствіе въ большей части изъ нихъ элементарныхъ признаковъ городского благоустройства, составляющаго, какъ само собою разумѣется, первую обязанность городского управленія. Что же касается сельскихъ обществъ, то отзывы объ об'ѣднѣніи ихъ стали общими мѣстами.

Но въ то время, какъ мѣстные источники представляли столь недостаточныя гарантіи правильнаго поступательнаго движенія дѣла народнаго образованія, дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія, въ силу принятаго взгляда на его роль, сводилась почти къ нулю. Попеченіе объ удовлетвореніи потребностей населенія въ образованіи, какъ видно изъ вышеизложеннаго, лежала на мѣстныхъ учрежденіяхъ. Министерству же народнаго просвѣщенія, закономъ 29 мая 1869 г., хотя и предоставлялось открывать училища, но лишь въ качествѣ образцовыхъ заведеній, и слѣдовательно не столько для удовлетворенія потребности населенія въ образованіи, сколько для удовлетворенія потребности учредителей въ примѣрѣ, которому должно слѣдовать при устройствѣ училищъ. Но для достиженія этой ограниченной цѣли министерство снабжено было средствами крайне скромными, въ предположеніи, что и въ этой области правительство должно собственно не открывать училища, но содѣйствовать ихъ открытію. Изъ тѣхъ 238.000 руб., которые помянутымъ закономъ ассигнованы были министерству для разныхъ образовательныхъ цѣлей, собственно на учрежденіе новыхъ училищъ министерство могло удѣлить лишь 68.000 руб. Изъ этого кредита уже въ первые три года оказались распределенными на содержаніе 114 училищъ 57.000 р. А такъ какъ управленія учебныхъ округовъ продолжали представлять многочисленныя ходатайства земскихъ собраній и сельскихъ обществъ объ открытіи одноклассныхъ и двухклассныхъ образцовыхъ училищъ, сопровождаемыхъ значительными на нихъ пожертвованіями, то министерство оказалось вынужденнымъ въ концѣ 1872 г. просить увеличеніе кредита на открытіе училищъ. Это увеличеніе и послѣдовало по смѣтѣ 1873 г. въ суммѣ 100.000 руб. По тѣмъ же основаніямъ, кредитъ на устройство и содержаніе начальныхъ училищъ по смѣтѣ 1874 г. былъ увеличенъ еще на 100.000 руб., по смѣтѣ 1875 г. на 200.000 р. и по смѣтѣ 1881 г. на 100.000 руб., составивъ такимъ образомъ въ общей сложности 568.000 руб. Съ тѣхъ поръ кредитъ министерства народнаго просвѣщенія на потребности народнаго образованія не былъ

увеличенъ, но въ 1883 г. послѣдовало сокращеніе этого кредита, за перечисленіемъ 25.500 руб. въ смѣту св. синода на поддержаніе церковно-приходскихъ школъ. Въ 1892 г. министерство народнаго просвѣщенія имѣло въ своемъ распоряженіи на всякаго рода вновь возникающія потребности народнаго образованія свободнаго кредита уже только 15.004 руб. 70 коп., въ 1893 г. кредитъ этотъ сократился до 12.372 руб. 5 коп., въ 1894 г. равнялся 8.993 руб. 95 коп., а въ 1896 г. опустился до 8.378 руб. 38 коп. Соотвѣтственно этому уменьшался и размѣръ суммы, которую министерство могло затрачивать собственно на устройство и содержаніе новыхъ училищъ. Такъ въ 1892 г. министерство могло отчислить на этотъ предметъ не болѣе 6.600 руб., въ 1893 г. 3.000 руб., въ 1894 г. 2.000 руб., въ 1895 г. 2.295 р. 33 коп. и въ 1896 г. 602 руб. ¹⁾).

Такимъ образомъ средства министерства народнаго просвѣщенія, которыя могли быть обращаемы на открытіе новыхъ училищъ, были вполнѣ исчерпаны уже въ началѣ истекшаго десятилѣтія. Возбудивъ ходатайство о пополненіи этихъ средствъ, министерство народнаго просвѣщенія переносило вопросъ на новую почву: оно ходатайствовало объ отпускѣ суммъ уже не на учрежденіе образцовыхъ училищъ тамъ, гдѣ онѣ не открыты, а на устройство и содержаніе начальныхъ училищъ вездѣ, гдѣ ощущалась нужда въ пополненіи средствъ начальнаго образованія. Такъ въ числѣ потребностей, которыя было предположено удовлетворить испрашиваемымъ кредитомъ, министерство указывало на необходимость оказать помощь Олонецкому губернскому земству, въ размѣрѣ 13.801 руб., на содержаніе 45 училищъ предполагаемыхъ къ учрежденію „въ видахъ открытія для всего населенія возможности начальнаго образованія“ ²⁾).

И государственный совѣтъ вполнѣ перешелъ на точку зрѣнія министерства, установивъ положеніе, что „въ виду постоянно возрастающей у насъ потребности въ начальномъ образованіи, возможное по состоянію ресурсовъ государственнаго казначейства увеличеніе кредита на устройство и содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ представляетъ безусловную необходимость“ ³⁾. Это постановленіе государственнаго совѣта составляло истинную эпоху въ исторіи нашего

¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія т. XV, стр. 121.

²⁾ Представленіе министерства 30 октября 1896 г. № 26884.

³⁾ Журн. деп. гос. экон. 19 декабря 1896 года № 472.

начальнаго образованія; такъ какъ оно вновь возлагало на обязанность министерства имѣть попеченіе о потребностяхъ начальнаго образованія, независимо отъ дѣйствій въ этомъ направленіи земствъ и мѣстныхъ обществъ. Еще съ большею рѣшительностію роль министерства народнаго просвѣщенія по отношенію къ дѣлу народнаго образованія опредѣлялась постановленіемъ государственнаго совѣта 3 апрѣля слѣдующаго года по дѣлу объ отпускѣ 1.500.000 р. на начальныя училища вѣдомства православнаго исповѣданія. „Достигнутые (по части народнаго образованія) результаты“, сказано здѣсь, „представляются совершенно недостаточными въ сравненіи съ тѣмъ, что должно сдѣлать. Число начальныхъ школъ не отвѣчаетъ потребности. Даже обученіе грамотѣ составляетъ до сего времени счастливый удѣлъ незначительнаго числа подрастающаго поколѣнія“. „На обязанность министерства народнаго просвѣщенія возложено учреждать въ своемъ вѣдѣніи во всей Имперіи народныя училища“. „Такая задача не выполнима безъ дѣятельной помощи со стороны государственнаго казначейства“. „Не можетъ быть вопроса о необходимости пожертвованій казны на нужды народнаго образованія“.

Приведенными постановленіями на министерство народнаго просвѣщенія совершенно опредѣленно возлагалась обязанность принять должныя мѣры къ полному удовлетворенію потребности населенія въ начальномъ образованіи при пособіи изъ суммъ государственнаго казначейства, при чемъ отнюдь не устранялось общественное содѣйствіе дѣлу народнаго образованія, и такимъ образомъ вводилась въ практику система, впервые предложенная редакціонными комиссіями 1861 г. Въ виду всего изложеннаго, какъ сказано въ представленіи государственному совѣту отъ 5 октября 1899 г., „министерство народнаго просвѣщенія усмотрѣло совершенную необходимость на будущее время подчинить свои дѣйствія по направленію суммъ, отпускаемыхъ на удовлетвореніе нуждъ народнаго образованія, твердо установленному плану, послѣдовательное проведеніе котораго обезпечивало бы постепенное, безъ излишней торопливости, повсемѣстное и болѣе или менѣе равномерное распредѣленіе способовъ начальнаго образованія. Въ основѣ сего плана должно лежать точное опредѣленіе современныхъ нуждъ начальнаго образованія въ зависимости отъ числа и состава населенія, состоянія наличныхъ образовательныхъ средствъ и готовности населенія содѣйствовать видамъ правительства путемъ соотвѣтственныхъ ассигнованій на дѣло народнаго образованія изъ мѣстныхъ источниковъ, отступая однако отъ послѣд-

няго требованія тамъ, гдѣ это по какимъ либо особымъ условіямъ признано будетъ необходимымъ“.

Какъ отразилось на практикѣ объясненное измѣненіе возрѣвній высшаго правительства на роль министерства народнаго просвѣщенія въ дѣлѣ народнаго образованія, видно изъ слѣдующихъ данныхъ о постепенномъ ростѣ ассигнованій казны на устройство и содержаніе начальныхъ училищъ въ періодъ времени 1894—1903 годовъ. Данныя эти извлечены изъ справки, составленной государственной канцеляріей по дѣлу о разсмотрѣнн смѣтъ на 1904 годъ и основанной за года 1894—1902 на отчетахъ государственнаго контроля, а за 1903 на смѣтахъ министерства народнаго просвѣщенія.

Предметы расходовъ:

Городскія по положенію 1872 г. и Маріинскія женскія училища:

1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.
1.764.803 р.	1.817.738 р.	1.863.332 р.	1.925.609 р.	1.960.865 р.
1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.
2.022.063 р.	2.158.053 р.	2.268.534 р.	2.521.377 р.	2.863.960 р.

Приходскія училища:

1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.
370.155 р.	371.861 р.	374.477 р.	373.023 р.	374.987 р.
1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.
420.132 р.	539.401 р.	544.079 р.	844.083 р.	1.246.827 р.

Начальныя училища:

1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.
1.128.628 р.	1.156.597 р.	1.193.185 р.	1.439.872 р.	1.753.615 р.
1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.
2.256.057 р.	2.964.915 р.	2.857.554 р.	4.411.611 р.	5.187.711 р.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что ассигнованія казны за періодъ времени 1894—1903 гг. возрасли по содержанію и устройству низшихъ училищъ высшаго типа на 62,3%, приходскихъ—на 236,9% и начальныхъ—на 359,6%. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ данныхъ, слѣдуетъ сопоставить ихъ съ данными за предыдущій періодъ времени, съ 1882 по 1894 гг., въ теченіи котораго кредиты министер-

ства народнаго просвѣщенія были усилены всего на 67.774 руб. 16 коп. ¹⁾, что составляло приростъ лишь въ 5%.

Въ какомъ соотношеніи ростъ казенныхъ ассигнованій состоялъ къ росту другихъ важнѣйшихъ бюджетныхъ источниковъ министерства народнаго просвѣщенія, можно судить, сопоставивъ приведенныя выше цифры съ нижеслѣдующими данными. Въ теченіи десятилѣтія 1891—1900 гг. ассигнованія земствъ на устройство и содержаніе начальныхъ училищъ поднялись съ 5.334.275 р. до 9.012.119 р. или на 3.677.844 р., городовъ съ 3.026.881 руб. до 4.859.045 руб. или на 1.832.164 руб. и сельскихъ обществъ съ 4.226.444 руб. на 6.125.037 руб. или на 1.898.593 р., или другими словами: въ теченіи десятилѣтія 1891—1900 гг. ассигнованія земствъ возрасли на 69%, городовъ—на 60% и сельскихъ обществъ на 45%.

Изъ приведенныхъ данныхъ нельзя не придти къ заключенію, что въ послѣднее десятилѣтіе ассигнованія казны на дѣло народнаго образованія возрасли въ прогрессіи совершенно экстраординарной, и что въ отношеніяхъ государственнаго казначейства къ дѣлу народнаго образованія произошелъ полный переворотъ.

Спрашивается, какими послѣдствіями сопровождалось для дѣла народнаго образованія столь существенное измѣненіе матеріальнаго положенія министерства народнаго просвѣщенія, повлекло ли оно за собою соотвѣтственное развитіе образовательныхъ средствъ? Безспорно, да. Къ 1 января 1894 г. министерство народнаго просвѣщенія считало въ своемъ вѣдѣніи 26.680 начальныхъ училищъ всѣхъ типовъ. Черезъ 10 лѣтъ, къ 1 января 1903 г., оно имѣло 46.263 училища. Слѣдовательно въ теченіи 10 лѣтъ число училищъ увеличилось на 19.583 или на 73%. Такое приращеніе образовательныхъ средствъ было тѣмъ знаменательнѣе, что въ предшествовавшій, болѣе продолжительный періодъ времени, обнимающій годы 1882—1893, число училищъ возрасло съ 26.494 до 26.680, т. е. только на 186 или менѣе, чѣмъ на 1%.

II.

Поступательное движеніе начальной школы министерства народнаго просвѣщенія въ послѣднее десятилѣтіе выразилось однако же

---

¹⁾ Обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія за время царствованія Императора Александра III. С.-Пб., 1901.

не однимъ только видимымъ ростомъ, но и ея внутреннимъ совершенствованіемъ, улучшеніемъ ея педагогической организаціи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно существенное значеніе имѣли утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія 7 февраля 1897 г. примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ училищахъ. До изданія этихъ программъ народныя училища руководствовались частью программами перваго класса двухклассныхъ сельскихъ образцовыхъ училищъ, изданными 31 мая 1869 г., но главнымъ образомъ программами, приложенными къ правиламъ объ испытаніяхъ на льготу по воинской повинности 16 ноября 1885 г. Сравнивая вновь изданныя программы съ прежними, мы видимъ въ нихъ слѣдующую важную особенность, касающуюся постановки преподаванія родного языка. Какъ и прежде дѣйствовавшія программы, программы 1897 г. различаютъ въ преподаваніи родного языка двѣ ступени: обученіе грамотѣ и обученіе чтенію и письму. Но въ то время, какъ прежнія программы рассматривали послѣднюю ступень лишь какъ продолженіе первой и въ занятіяхъ чтеніемъ и письмомъ видѣли лишь средство къ выработкѣ осмысленной грамотности, программы 1897 года, сверхъ того, рассматриваютъ чтеніе, какъ источникъ реальныхъ знаній. Въ объяснительной запискѣ къ программѣ по русскому языку программы 1897 г. рекомендуютъ слѣдующее: „Кромѣ статей религіозно-правственнаго содержанія и относящихся къ изящной словесности, должны быть читаемы статьи по исторіи и географіи Россіи, какъ содѣйствующія развитію въ дѣтяхъ патріотизма и ознакомленію съ родиной, статьи по естествовѣдѣнію, имѣющія отношеніе къ сельскому хозяйству, по гигиенѣ и другія дѣловыя статьи“. При особенно благоприятныхъ условіяхъ (напр. когда для каждаго отдѣленія имѣется особый учитель или учительница) программы допускаютъ дальнѣйшее расширеніе курса (общ. замѣч. п. 2). Въ отношеніи къ родному языку, „эти дополнительные свѣдѣнія“, поясняетъ та же записка, „могутъ относиться или къ грамматикѣ, въ особенности же къ правописанію и синтаксису простаго и сложнаго предложеній, или же къ болѣе обстоятельному ознакомленію учащихся по книгѣ для чтенія съ отечественной исторіей и съ отечественной географіей, при постоянномъ связномъ пересказѣ учениками прочитаннаго и упражненія ихъ въ письменномъ изложеніи наиболѣе выдающихся рассказовъ. Въмѣсто книги для чтенія могутъ служить для сей цѣли книги или брошюры по русской исторіи и географіи изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для низшихъ училищъ“. Программы 1897 г.

расчитываютъ на трехлѣтній курсъ ученія при учебномъ годѣ не менѣе шести мѣсяцевъ въ году (общ. замѣч. п. 1). Въ программахъ указанъ наименьшій объемъ свѣдѣній, который долженъ быть достигнутъ въ одноклассной народной школѣ. Если школа находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ (напр. въ ней много инородцевъ или ученики неисправно посѣщаютъ училище), программы рекомендуютъ увеличивать время обученія, но не сокращать программы (общ. замѣч. п. 2).

Объясненная особенность программъ 1897 г. съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ о томъ, что министерство народнаго просвѣщенія всецѣло на сторонѣ того взгляда, что грамота не есть сама себѣ цѣль, что задача начальнаго обученія не исчерпывается сообщеніемъ дѣтямъ техническихъ, хотя бы и осмысленныхъ навыковъ, и что начальная школа, какъ всякая школа, должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ орудіемъ воспитанія и образованія.

III.

Увеличивавшееся число училищъ и осложнившіяся задачи начальной народной школы, естественно, выдвигали вопросъ о подготовкѣ и усовершенствованіи учителей, и министерство народнаго просвѣщенія въ истекшее десятилѣтіе стремилось къ удовлетворенію потребностей дѣла въ этомъ отношеніи съ особенною настойчивостью. Учреждались новыя учительскія заведенія, расширялись открытыя до сихъ поръ, пересматривались существующія постановленія и распоряженія по части приготовленія учителей, въ видахъ соображенія ихъ съ запросами времени, устанавливался новый типъ учительскихъ семинарій, принимались мѣры къ освѣженію и оживленію педагогической дѣятельности народныхъ учителей.

Во всѣ тѣ эпохи, когда вопросъ народнаго образованія ставился на очередь, возникалъ какъ неизбѣжное послѣдствіе и вопросъ о подготовленіи учителей. Правительство не переставало смотрѣть на приготовленіе учителей, какъ на одну изъ существеннѣйшихъ составныхъ частей общаго дѣла народнаго образованія. „Необходимость рациональнаго приготовленія учителей для начальныхъ народныхъ училищъ“, разсуждало министерство народнаго просвѣщенія въ эпоху освобожденія, „составляетъ въ настоящее время истину, всѣми безъ исключенія признаваемую въ образованныхъ странахъ Европы. Безъ хорошаго учителя не можетъ быть и хорошей школы. Ученье въ ру-

кахъ неискуснаго учителя, при всей его доброй волѣ, дѣлается нерѣдко орудіемъ вреднымъ и всегда почти болѣе или менѣе бесполезнымъ“ (Обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія въ 1862, 1863 и 1864 гг. С.-Иб., 1865 г.). „Пренебреженіе дѣломъ приготовленія учителей“, свидѣтельствовало министерство, „приводило къ самымъ печальнымъ результатамъ“. „Визитаторы училищъ, наиболѣе свѣдущіе и опытные, жаловались на дурное ученіе въ начальныхъ школахъ, а въ концѣ 50-хъ годовъ извѣстный знатокъ русскаго народа В. И. Даль, основываясь на личныхъ наблюденіяхъ надъ учившимися въ сельскихъ школахъ, даже печатно заявилъ, что грамотность приноситъ нашимъ крестьянамъ больше вреда, чѣмъ пользы. Заявленіе это, какъ и слѣдовало ожидать, возбудило жаркую полемику; однако нельзя не сознаться, что мнѣніе Дала не было лишено основанія, если принять въ соображеніе послѣдствія, которыми сопровождается ученіе въ дурно устроенныхъ школахъ, каковы были болѣею частію наши тогдашнія сельскія училища. Неразвитость, отупѣніе, лживость, склонность къ обману и, въ то же время, самолюбивая увѣренность въ своихъ мнимыхъ достоинствахъ—вотъ тѣ плоды, которые относительно большинства учащихся даетъ начальная школа, видящая свою цѣль въ томъ, чтобы заставить учащихся выучивать безсознательно, механически, задаваемые уроки, и считающая лучшимъ средствомъ для этой цѣли лобанъ и угрозы. Фактъ, замѣченный Далемъ, нисколько не доказывая, что грамотность вредна, указываетъ только на то, что и самое первоначальное ученіе требуетъ разумныхъ руководителей, или, другими словами, что для дѣйствительнаго успѣха начальныхъ школъ необходимо снабжать ихъ хорошими учителями, готовыми посвящать все свое время школѣ, способными дѣйствовать на умственное и нравственное развитіе учащихся и умѣющими возбудить въ нихъ сознаніе пользы ученія и любовь къ нему. По такихъ учителей нѣтъ, и потому необходимо приготовить ихъ“ (Ibid.).

Вотъ идеи, изъ которыхъ исходило министерство народнаго просвѣщенія, приступая къ практическому разрѣшенію вопроса о мѣрахъ къ образованію учителей для возникшихъ народныхъ училищъ. Министерство имѣло предъ собою три способа для достиженія предполагаемой цѣли: учрежденіе особыхъ учебныхъ заведеній для приготовленія учителей; устройство педагогическихъ курсовъ при общихъ учебныхъ заведеніяхъ; и командированіе кандидатовъ на учительство для практическихъ занятій въ такія народныя училища, которыя

имѣють хорошихъ учителей. Обсуждая сравнительныя достоинства этихъ способовъ, министерство рѣшительно остановилось на первомъ. „Способъ приготовленія учителей, заключающійся въ учрежденіи особыхъ учительскихъ семинарій“, полагало министерство, „хотя и стѣять дороже, но имѣеть рѣшительныя преимущества, что доказано опытомъ цѣлой Европы и благотворными плодами существованія у насъ (единственной) Дерптской учительской семинаріи“ (Ibidem).

Исходя изъ объясненныхъ началъ, министерство народнаго просвѣщенія съ первой половины 60-хъ годовъ стало учреждать учительскія семинаріи. Первые заведенія для приготовленія учителей открыты были въ Царствѣ Польскомъ и Сѣверо-Западномъ краѣ (Молодечненская семинарія въ 1864 г.). Что касается коренныхъ губерній Россіи, то правильному развитію дѣла воспрепятствовали финансовыя затрудненія. Такъ какъ учрежденіе особыхъ учительскихъ семинарій оказалось затруднительнымъ по невозможности обременять государственное казначейство отпускомъ нужныхъ для того суммъ, то на первый разъ правительство ограничилось учрежденіемъ, въ видѣ опыта, въ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Казанскомъ, Харьковскомъ и Одесскомъ учебныхъ округахъ педагогическихъ курсовъ при одномъ изъ уѣздныхъ училищъ каждаго округа (Высочайшее повелѣніе 23-го марта 1865 г.). „Само собою разумѣется“, объясняло министерство, „что это только временная мѣра, и по мѣрѣ возможности предстонтъ учредить учительскія семинаріи, по крайней мѣрѣ, по одной въ каждой губерніи, для того, чтобы училищныя совѣты имѣли возможность получать изъ нихъ хорошо приготовленныхъ учителей для народныхъ училищъ“. (Обзоръ дѣятельности мин. нар. просв. въ 1862, 1863 и 1864 гг.).

Приведенныя соображенія вполне выясняютъ тотъ планъ дѣйствій, котораго намѣрено было держаться министерство народнаго просвѣщенія въ дѣлѣ приготовленія учителей. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы въ каждой изъ губерній Россіи учредить учительскую семинарію; но въ виду невозможности въ скоромъ времени осуществить этотъ планъ, предположено было въ качествѣ суррогата учительскихъ семинарій довольствоваться педагогическими курсами при общеобразовательныхъ заведеніяхъ.

Планъ этотъ съ послѣдовательностію проводился въ первое десятилѣтіе времени его дѣйствія. Къ 1-му января 1877 г. мы имѣли 71 учительскихъ институтовъ, семинарій и школъ. Но за тѣмъ открытіе этихъ заведеній прекратилось, и истекшее десятилѣтіе мы на-

чинали съ тѣмъ же общимъ числомъ педагогическихъ заведеній, какое мы имѣли въ 1877 году.

Такимъ образомъ министерство народнаго просвѣщенія въ 1894 г. стояло лицомъ къ лицу съ потребностью, которая въ теченіи 17 лѣтъ лишь накоплялась и возрастала. Оставаясь вѣрнымъ принятому плану, но считаясь съ тѣми же внѣшними затрудненіями, какія планъ этотъ встрѣтилъ на первыхъ порахъ его примѣненія, министерство народнаго просвѣщенія должно было, открывая послѣдовательно одну учительскую семинарію за другою, въ широкой мѣрѣ пользоваться и помощью педагогическихъ курсовъ, представляющихъ возможность готовить учителей хотя не съ желательною законченностію, но за то быстро и дешево. А эти два условія совершенно опредѣленно ставились условіями жизни. По изслѣдованію, произведенному министерствомъ въ 1899 г., было обнаружено, что весьма многія школы остаются безъ дѣйствія по совершенному недостатку учителей, многія также учительскія вакансіи замѣщаются лицами, явно не подготовленными къ дѣлу. Такъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ нашлось 17 училищъ, бездѣйствовавшихъ вслѣдствіе отсутствія учителей. Въ Екатеринославской губерніи 8 училищъ бездѣйствовали, и 11 вакансій замѣщены были лицами, не имѣющими учительскаго званія. Въ Самарской губерніи изъ 190 учительскихъ вакансій 36 или 18% остались незамѣщенными, и 14 вакансій или 4% были замѣщены не экзаменованными лицами. Въ Вятской губерніи изъ 373 вакансій 32 вакансіи или 8% остались незамѣщенными, и 204 вакансіи или 55% замѣщены были бездипломными кандидатами. Въ Западной Сибири изъ 144 вакансій не было замѣщено 25 или 17% и замѣщено слабо подготовленными лицами 8 вакансій или 5%.

Въ теченіи 1894—1903 гг. министерство открыло учительскій институтъ въ Томскѣ и учительскія семинаріи въ г. Валкѣ, Лифляндской губерніи, г. Читѣ, с. Ровномъ, Самарской губерніи, г. Новомосковскѣ, Екатеринославской губерніи, м. Великіе Сорочицы, Полтавской губерніи, г. Петрозаводскѣ, сл. Кукаркѣ, Вятской губерніи, г. Семипалатинскѣ, Ставрополѣ Кавказскомъ, и внесло въ государственный совѣтъ представленіе объ открытіи семинаріи въ с. Павловѣ, Томской губерніи ¹⁾. Кромѣ того на средства Новгородскаго губернскаго земства учреждена учительская семинарія въ с. Григоровѣ. Предположенное учрежденіе семинарій въ г. Арзамасѣ, Нижегородской губерніи,

¹⁾ Высочайшее повелѣніе объ открытіи семинаріи уже послѣдовало.

Городиѣ, Черниговской губерніи и Никольскѣ Уссурійскомѣ, для открытія которыхъ средства уже изысканы, не могло осуществиться по причинамъ, отъ министерства народнаго просвѣщенія не зависѣвшимъ. Встрѣчены были также препятствія къ учрежденію семинарій въ Владикавказѣ. Намѣчены пункты для учрежденія семинарій въ Оренбургѣ, Перми, Калугѣ, Костромѣ, Подольской губерніи и произведены по этимъ предположеніямъ сношенія съ мѣстными учрежденіями.

Расходы казны на учительскіе институты, семинарін и курсы поднялись за десятилѣтіе 1894—1903 гг. съ 1.231.984 руб. до 1.527.093 руб. или на 24%. Число учащихся повысилось уже къ 1902 г. съ 5.282 до 6.698 или на 27%. Въ предыдущее десятилѣтіе число учащихся оставалось почти безъ измѣненія.

Педагогическіе курсы были учреждены въ 79 пунктахъ 55 губерніѣ и областей, въ томъ числѣ въ 38 губерніяхъ и областяхъ открыто по одному заведенію этого рода, въ 12—по 2, въ 4 (Тверской, Сибирской, Эстляндской и Херсонской)—по 3 и въ Вологодской губерніи 5. Курсы открыты главнымъ образомъ при городскихъ по положенію 1872 г. училищахъ и женскихъ прогимназіяхъ. Въ Ливнахъ и Арзамасѣ они учреждены при женскихъ гимназіяхъ, въ Лепчицѣ при учительской семинарін, въ Новгородѣ при двухклассномъ женскомъ приходскомъ училищѣ, въ Хапской Ставкѣ и Кустанаѣ — при двухклассныхъ инородческихъ училищахъ. Въ 1903 г. содержаніе педагогическихъ курсовъ обошлось для казны въ 79.201 руб. и 15.515 руб. израсходовано на счетъ мѣстныхъ источниковъ. Педагогическіе курсы обеспечивали ежегодный выпускъ воспитанниковъ и воспитанницъ по меньшей мѣрѣ въ 1.200 человекъ.

За всѣми принятыми мѣрами, слѣдующія губерніи и области все таки еще лишены какихъ бы то ни было заведеній министерства народнаго просвѣщенія для приготовленія учителей: Костромская, Уральская, Ломжинская, Бакинская, Елисаветпольская, Карсская, Черноморская, Якутская, Закаспійская, Самаркандская, Ферганская, Амурская и о. Сахалинѣ. Но въ Костромской губерніи, благодаря живому участию земства, вопросъ объ учрежденіи здѣсь учительскаго заведенія близокъ къ разрѣшенію.

Истекшее десятилѣтіе однако же ознаменовано было не только открытіемъ значительнаго числа педагогическихъ училищъ, но и разрѣшеніемъ возникшихъ вопросовъ объ организаціи этого рода заведеній и установленіемъ новыхъ ихъ типовъ.

Что касается учительскихъ семинарій, то организація ихъ, про-

ектированная въ то время, когда начальная школа только что зарождалась, по истеченіи трехъ десятилѣтій опыта, не могла не требовать многихъ измѣненій въ видахъ устраненія ея доказанныхъ на практикѣ несовершенствъ и лучшаго приспособленія къ существующимъ условіямъ жизни.

Такъ, прежде всего, опытъ показалъ, что трехлѣтній курсъ, установленный для семинарій, долженъ быть признанъ совершенно недостаточнымъ въ виду многихъ сложныхъ требованій, которымъ должны удовлетворять въ настоящее время кандидаты на мѣста народныхъ учителей. Въ теченіи послѣдняго тридцатилѣтія правительство и общественныя учрежденія озабочены были изысканіемъ способовъ распространенія въ народѣ прикладныхъ знаній. Само собою разумѣется, что народная школа является самымъ надежнымъ проводникомъ въ народную массу всякаго рода знаній. Чтобы удовлетворить запросамъ населенія, учительскія семинаріи должны выпускать учителей, способныхъ не только вести книжное ученье, но и сообщить дѣтямъ извѣстные навыки и знанія, пригодные въ практической жизни. Въ виду такихъ обстоятельствъ послѣдовалъ рядъ узаконеній, имѣвшихъ цѣлью приспособленіе учительскихъ заведеній къ опредѣлившимся требованіямъ времени. Высочайше утвержденнымъ 29-го января 1896 г. мѣрніемъ государственнаго совѣта вводилось въ нѣкоторыхъ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ преподаваніе ручнаго труда. 24-го апрѣля 1900 г. послѣдовало изданіе закона, опредѣлявшаго служебныя права учителей рисованія въ учительскихъ семинаріяхъ, что составляло важную мѣру къ упроченію въ семинаріяхъ преподаванія этого предмета. 12-го іюня того же года Высочайше предоставлено министру народнаго просвѣщенія вводить въ учительскія семинаріи преподаваніе сельскаго хозяйства или отдѣльныхъ его отраслей. Всѣ эти мѣры не имѣли общаго характера, но уже ясно опредѣляли начала, съ которыми надлежало сообразоваться при устройствѣ учительскихъ семинарій. Учительскія семинаріи по мѣрѣ открывавшейся возможности вводили у себя то ту, то другую отрасль прикладнаго обученія, но при этомъ обнаружился крайній недостатокъ времени для совмѣстнаго достиженія цѣлей педагогической и технической подготовки воспитанниковъ. Открытые при нѣкоторыхъ учительскихъ семинаріяхъ приготовительные классы очень мало устраняли этотъ недостатокъ; такъ какъ эти классы обезпечивали для семинарій лишь поступленіе болѣе подготовленныхъ слушателей. Министерство пришло къ мысли о необ-

ходимости, сохранивъ существующія условія при приѣмѣ воспитанниковъ, курсъ семинарій продлить на одинъ годъ. Четырехлѣтній курсъ обученія введенъ во всѣхъ учительскихъ семинаріяхъ, открытыхъ въ послѣднее время. И затѣмъ, такъ какъ законъ 8-го ноября 1875 г. о разрѣшеніи устройства при семинаріяхъ приготовительныхъ классовъ предоставлялъ министерству устанавливать какъ условія приѣма воспитанниковъ въ эти классы, такъ и программы классовъ, то путемъ инструкціонныхъ указаній министерству открыта возможность перейти къ четырехлѣтнему курсу во всѣхъ учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ учреждены приготовительные классы. Въ настоящую пору министерство занято выясненіемъ вопроса о размѣрѣ средствъ необходимыхъ для повсемѣстнаго преобразования трехклассныхъ учительскихъ семинарій въ четырехклассныя. Тамъ, гдѣ средства эти изысканы, вопросъ о преобразованіи семинаріи изъ трехкласснаго состава въ четырехклассный самъ собою разрѣшается. Такъ онъ разрѣшился для Новоторжской учительской семинаріи, вслѣдствіе ассигнованія ей изъ казны на основаніи Высочайше утвержденнаго 11-го декабря 1902 г. мнѣнія государственнаго совѣта 10.000 руб. единовременно на строительныя надобности и 1.500 руб. въ дополнительное содержаніе ежегодно.

Другой органической недостатокъ учительскихъ семинарій по типу 1870 года состоитъ въ томъ, что для практическихъ занятій воспитанниковъ семинаріи имѣютъ лишь одноклассныя училища, вслѣдствіе чего семинаріи выпускаютъ воспитанниковъ, не подготовленныхъ къ преподаванію въ училищахъ двухклассныхъ, хотя, въ виду большей сложности курса двухклассныхъ училищъ, учителя этихъ училищъ наиболѣе нуждаются въ спеціальной подготовкѣ. Недостатокъ этотъ отнынѣ можно считать устраненнымъ. При вновь открытыхъ семинаріяхъ вездѣ учреждены двухклассныя училища. Затѣмъ Высочайше утвержденными 25-го мая 1898 г. и 29-го апрѣля 1902 г. мнѣніями государственнаго совѣта министерству народнаго просвѣщенія предоставлено право преобразовывать одноклассныя начальныя училища въ двухклассныя на счетъ мѣстныхъ средствъ или кредитовъ, отпускаемыхъ на нужды народнаго образованія. Въ настоящую пору мѣра эта не распространена лишь на тѣ семинаріи, гдѣ устройство второго класса начальнаго училища требуетъ сложныхъ строительныхъ работъ, на производство которыхъ не имѣется въ виду средствъ.

Законъ 12-го марта 1902 г., установившій новый типъ учительской семинаріи, ввелъ еще слѣдующія особенности сравнительно съ типомъ

1870 г.: въ каждой учительской семинаріи положенъ штатный преподаватель чистописанія, черченія и рисованія; семинаріямъ ассигнуются особыя суммы на преподаваніе ручнаго труда и сельскохозяйственныхъ занятія.

Возстановляя педагогическіе курсы, нѣкогда компенсировавшіе у насъ недостатокъ педагогическихъ заведеній, нельзя было не позаботиться объ устраненіи тѣхъ несовершенствъ въ ихъ организаціи, на которыя указалъ опытъ. Педагогическіе курсы первой формаціи ставили двойную цѣль: они стремились пополнить общее образованіе кандидатовъ учительства и сообщить имъ специальное педагогическое образованіе. Такая двойственная цѣль значительно осложняла дѣло, требовала двойнаго запаса моральныхъ и матеріальныхъ средствъ, и по сему затрудняла веденіе дѣла и ослабляла его практическіе результаты. Педагогическіе курсы по правиламъ 31-го марта 1900 г. специализировали задачу этого учрежденія, сосредоточивши дѣло на его существеннѣйшей части — приготовленія учителей. Такая организація курсовъ ни въ какой степени не наносила ущерба дѣлу, потому что, устранивъ задачу пополненія общаго образованія учителей, курсы увеличили требовательность при приѣмѣ слушателей. По правиламъ 31-го марта 1900 г. на курсы принимаются лица, обладающія уже общимъ образованіемъ въ объемъ курса городскихъ по положенію 1872 г. училищъ. Курсы не имѣютъ въ виду пополнять эти знанія, вообще достаточныя для народнаго учителя, но лишь содѣйствовать ихъ сохраненію и болѣе сознательному усвоенію, для чего 10 общеобразовательныхъ уроковъ въ недѣлю представляется совершенно достаточнымъ. За тѣмъ все остальное время слушателей курсовъ посвящается ихъ педагогической подготовкѣ.

Чтобы уяснить значеніе, которое имѣютъ педагогическіе курсы по правиламъ 31-го марта 1900 г. въ дѣлѣ приготовленія учителей, надо сопоставить условія педагогической подготовки воспитанниковъ этихъ курсовъ съ тѣми условіями, въ какихъ находятся воспитанники учительскихъ семинарій.

Въ учительскія семинаріи поступаютъ воспитанники съ знаніями въ объемъ курса двухклассныхъ сельскихъ училищъ; на педагогическіе курсы принимаются лица, обладающія знаніями въ объемъ курса городскихъ по положенію 1872 года училищъ. Разница въ объемѣ курсовъ заведеній того и другого рода опредѣляется слѣдующею таблицей.

ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ	ЧИСЛО УРОКОВЪ	
	въ двухклассныхъ училищахъ	въ городскихъ училищахъ
Законъ Божій	7	10
Русскій языкъ	14	20
Ариѳметика	12	22
Исторія, географія и естествовѣдѣніе . .	11	24
Геометрія и черченіе	12	20

Изъ этой таблицы видно, что воспитанники городскихъ училищъ посвящаютъ на изученіе учебнаго курса въ общемъ почти вдвое больше времени, чѣмъ воспитанники двухклассныхъ училищъ.

Затѣмъ, если сравнить общеобразовательный курсъ городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій, то оказывается, что семинарскій курсъ не только не превышаетъ курса городскихъ училищъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ему уступаетъ. Такъ, напримѣръ, ученики городскихъ училищъ проходятъ элементарный курсъ русской литературы, знакомятся съ нѣкоторыми алгебраическими формулами, чего вовсе не предполагаетъ семинарскій курсъ.

Все вышесказанное приводитъ къ заключенію, что ученики педагогическихъ курсовъ уже при поступленіи на курсы обладаютъ приблизительно тѣми общеобразовательными знаніями, какія выносятся изъ учительскихъ семинарій.

Далѣе, что касается спеціально педагогическаго образованія, то на теоретическія занятія по педагогикѣ, дидактикѣ и методикѣ и на практическія занятія въ школахъ курсисты имѣютъ 12 часовъ, тогда какъ семинаристы только 11, а посему и спеціальное образованіе курсистовъ не должно бы значительно разниться отъ семинарскаго.

Такимъ образомъ какъ общее, такъ и педагогическое образованіе молодыхъ людей, подготовляющихся къ учительской дѣятельности, является достаточно обеспеченнымъ.

При этомъ педагогическіе курсы представляютъ еще слѣдующія важныя выгоды:

а) педагогическіе курсы наполняются мѣстными уроженцами. Участь на курсахъ, они знаютъ точно, что ожидаетъ ихъ впереди. Они являются на мѣсто службы, какъ свои, а не чужіе люди. Они не будутъ затрачивать энергію на приспособленіе къ условіямъ мало знакомой среды, не будутъ задаваться неосуществимыми требованіями, а потому и поведутъ дѣло ровню и спокойно;

б) подготовка учителей на курсахъ совершается подъ наблюдениемъ и руководствомъ мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ. Они уже въ теченіи курсовъ будутъ ознакомлены съ тѣмъ, что они встрѣтятъ въ школѣ, и какія требованія къ нимъ будутъ предъявлены. Педагогическіе курсы будутъ выпускать учителей именно съ тою подготовкою, которая представляется желательною въ данной мѣстности;

в) педагогическіе курсы суть учрежденія мѣстныя, хорошо знакомыя лицамъ, заинтересованнымъ дѣломъ народнаго образованія. Курсы въ значительной мѣрѣ наполняются молодыми людьми, обратившими на себя вниманіе мѣстныхъ дѣятелей народнаго образованія своими способностями и успѣхами въ начальной школѣ. Такія связи съ мѣстнымъ населениемъ не могутъ не привлекать къ курсамъ общественныхъ симпатій, не могутъ не содѣйствовать благоустройству курсовъ и вслѣдствіе этого успѣшному достиженію ими своихъ цѣлей.

Мы признавали нужнымъ выяснитъ все изложенное въ виду появлявшихся въ печати мнѣній, что развитіе педагогическихъ курсовъ угрожаетъ пониженіемъ общей подготовленности учителей начальныхъ школъ, такъ какъ курсы постепенно будутъ вытѣснять собою семинаристовъ. Но изъ сказаннаго выше видно, что вовсе не имѣлось въ виду педагогическими курсами замѣнять семинаріи. Форсированная выучка учителей на педагогическихъ курсахъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предпочтена основательному, методическому, вестороннему подготовленію учителей въ семинаріяхъ. Воспитанникъ педагогическихъ курсовъ, какъ само собою разумѣется, не можетъ вынести изъ заведенія той школы, той выдержки и законченности образованія, какую дастъ семинарія, равно какъ не имѣетъ возможности обогатиться тѣми прикладными знаніями, которыя такъ настойчиво отъ него требуются всеми условіями жизни. По воспитанники педагогическихъ курсовъ и должны замѣнять собою не семинаристовъ, число которыхъ не уменьшается, а увеличивается, а тѣхъ молодыхъ людей, которые пріобрѣтаютъ учительскія права посредствомъ специальныхъ испытаній, и которые, удовлетворяя извѣстнымъ формальнымъ требованіямъ, очень часто лишены вовсе педагогическаго образованія. Педагогическіе курсы, какъ сказано въ ст. 1 правилъ 31-го марта 1900 г., имѣютъ цѣлью лишь: „а) подготовленіе молодыхъ людей, получившихъ низшее образованіе, къ испытанію на званіе учителя начальнаго училища и б) знакомитъ ихъ, теоретически и практически, съ постановкой и веденіемъ школьнаго обученія“.

Озабоченное обезпеченіемъ для школы преподавательскаго персонала, стоящаго на высотѣ своего призванія, министерство народнаго просвѣщенія не могло ограничивать своего попеченія въ этомъ смыслѣ періодомъ подготовленія преподавателей къ профессиональной дѣятельности. Опытъ показываетъ, что посвящающіе себя педагогической дѣятельности молодые люди, обнаруживавшіе большое увлеченіе дѣломъ въ семинаріи или на курсахъ, по выходѣ изъ приготовительныхъ заведеній, попадая въ деревенскую глушь, лишеныя возбудительнаго вліянія образованнаго общества и осмысленнаго чтенія, мало по малу теряютъ интересъ къ дѣлу, погружаются въ рутину и забываютъ внушенныя имъ идеи воспитывающаго обученія. Въ виду такого явленія въ систему учреждений, содѣйствующихъ образованію народныхъ учителей, уже съ того момента, когда эта система слагалась, министерство ввело учительскіе сѣзды. Начало этихъ сѣздовъ относится къ 60-мъ годамъ. Первый сѣздъ народныхъ учителей устроенъ былъ у насъ главнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ Восточной Сибири, извѣстнымъ ученымъ и педагогомъ Р. К. Маакомъ въ Иркутскѣ, въ 1867 году. Въ слѣдующемъ году происходилъ сѣздъ учителей въ Бессарабіи, созданный незабвеннымъ К. П. Яновскимъ, бывшимъ тогда директоромъ народныхъ училищъ (впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта). Съ этого времени въ качествѣ учредителя сѣздовъ выступаетъ земство. Съ самаго начала сѣзды имѣли двойственный характеръ: съ одной стороны они являлись способомъ проведенія въ массу учителей знаній, въ которыхъ они ощущали нужду, а съ другой средствомъ объѣма мнѣній преподавателей по вопросамъ учебной практики. Такъ какъ педагогическое дѣло тогда только что начиналось, и учителя не могли вносить въ сѣзды достаточно опыта и осмысленности взглядовъ, то первые учительскіе сѣзды очень мало имѣли характеръ педагогическихъ конференцій и болѣе приближались къ характеру учебныхъ учреждений, гдѣ учителя являлись учениками, а руководители сѣздовъ наставниками. Такой характеръ закрѣпленъ былъ за учительскими собраніями правилами о краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ 5-го августа 1875 г. Временные педагогическіе курсы, опредѣлялось въ ст. 1 этихъ правилъ, имѣють цѣлью ознакомленіе мало подготовленныхъ учителей и учительницъ начальныхъ народныхъ училищъ съ лучшими способами обученія, а также обновленіе и пополненіе ихъ свѣдѣній въ преподаваемыхъ ими предметахъ и вообще усовершенствованіе ихъ въ дѣлѣ веденія начальнаго обученія. Однакожъ и этими правилами не исключался вполне совѣща-

тельный характеръ курсовъ. Занятія на курсахъ состоятъ, по правиламъ, а) изъ уроковъ, даваемыхъ въ образцовой школѣ, и б) изъ бесѣдъ руководителей со слушателями по заранѣе обдуманному плану. Такъ какъ даваемые въ образцовой школѣ уроки подлежатъ обсужденію, и такъ какъ всякая бесѣда предполагаетъ обмѣнъ мнѣній, то совѣщательный элементъ не можетъ, собственно говоря, отсутствовать на курсахъ и по правиламъ 5-го августа 1875 г. Однакожь допущеніе учительскихъ совѣщаній въ этой формѣ не удовлетворяло многихъ дѣятелей народнаго образованія, и въ министерствѣ не прекращались ходатайства и представленія о разрѣшеніи сѣздовъ именно въ качествѣ совѣщательныхъ конференцій. Въ 1881 г. такіе сѣзды были разрѣшены, съ тѣмъ, чтобы а) въ отношеніи порядка и мѣстъ устройства сѣздовъ, назначенія руководителей совѣщаніями на нихъ и отвѣтственности наблюденія за ходомъ занятій на сѣздахъ къ нимъ были примѣняемы правила о временныхъ педагогическихъ курсахъ; б) программы вопросовъ или положеній, подлежащихъ обсужденію на сѣздахъ, а равно распределенія занятій, были составляемы руководителями сѣздовъ съ участіемъ приглашенных на оныя учителей и были утверждаемы главными наблюдателями на сѣздахъ; в) въ программы не были включаемы вопросы и темы, выходящіе изъ круга дѣятельности и вѣдѣнія учителей, какъ преподавателей, воспитателей и распорядителей по школамъ, и относящіеся къ предметамъ вѣдѣнія училищной администраціи или другихъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений и лицъ; г) на сѣзды были приглашаемы, по усмотрѣнію мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ лишь тѣ изъ учителей, кои, по своему развитію и педагогической дѣятельности, будутъ признаны способными съ пользою для себя и для другихъ принять участіе въ совѣщаніяхъ сѣзда; д) сѣзды должны быть открываемы въ каникулярное время; е) расходы по устройству сѣздовъ были относимы на средства тѣхъ учреждений, по желанію коихъ сѣзды устроятся. Данное разрѣшеніе созывать сѣзды народныхъ учителей не сопровождалось однако же значительными практическими послѣдствіями, такъ какъ наступившее общественное броженіе сдѣлало эти сѣзды не желательными. Въ 1885 г. соглашеніемъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія признано было необходимымъ впредь не допускать совѣщательныхъ собраній народныхъ учителей.

Такое распоряженіе не прекратило ходатайствъ и представленій о разрѣшеніи сѣздовъ. Ходатайства эти въ началѣ истекшаго десяти-

дѣлѣнія сдѣлались особенно частыми и вызвали пересмотръ вопроса. При новомъ обсужденіи дѣла нельзя было не принять во вниманіе, что въ принципѣ совѣщательныя собранія учителей всегда были признаваемы полезными, и воспрещеніе ихъ обуславливалось временными условіями, значеніе которыхъ измѣнилось. Въ настоящее время въ составѣ народныхъ учителей и учительницъ имѣется значительное число лицъ, съ педагогическимъ образованіемъ соединяющихъ многолѣтнюю опытность. Къ сужденіямъ этихъ лицъ нельзя не относиться съ вниманіемъ. Съ другой стороны объясненная перемѣна въ составѣ учащихся представляетъ и большія обезпеченія соблюденія на сѣздахъ должнаго порядка. На основаніи новаго соглашенія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, министерство народнаго просвѣщенія 26-го ноября 1899 г. утвердило новыя правила о сѣздахъ учителей народныхъ училищъ. Въ основу этихъ правилъ были положены требованія 1881 года; но введены и нѣкоторыя новыя условія. Такъ сѣзды поставлены въ ближайшую связь съ общимъ строемъ училищнаго управленія. Руководительное значеніе на сѣздѣ представлено мѣстному инспектору народныхъ училищъ, который является обязательнымъ предсѣдателемъ сѣзда, кромѣ особыхъ, исключительныхъ случаевъ. Предсѣдательство инспектора устраняетъ тотъ разладъ, который могутъ внести сѣзды, руководимые сторонними лицами. Подъ вліяніемъ стороннихъ руководителей сѣзды могутъ приходять къ заключеніямъ, которыя мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ признаетъ ошибочными. Такія коллизіи могли бы превратить сѣзды изъ орудія объединенія учителей въ орудіе ихъ раздѣленія. Между тѣмъ отвѣтственность за состояніе учебно-воспитательной части въ начальныхъ училищахъ не можетъ быть сложена съ инспектора ни въ какомъ случаѣ. Но само собою разумѣется, что инспекторъ не можетъ отвѣчать за дѣло, если между нимъ и школой станетъ независимый отъ его вліянія сѣздъ. Роль инспектора какъ руководителя сѣзда опредѣляетъ и составъ сѣзда. Сѣзды должны быть собраніями учителей одного инспекторскаго района. Смѣшеніе въ одномъ сѣздѣ учителей разныхъ районовъ могло бы вести опять таки къ тому же разладу въ школьной практикѣ, такъ какъ въ разныхъ районахъ частныя вопросы практики могутъ разрѣшаться разнообразно, и сѣздъ вмѣсто утвержденія учителя въ извѣстныхъ взглядахъ породилъ бы недоумѣнія и колебанія, вредныя для успѣшности дѣла. Въ этихъ же видахъ объединенія дѣятелей народнаго образованія, стоящихъ у самаго дѣла, правила 26-го ноября 1899 г. значительно

расширили кругъ лицъ, допускаемыхъ къ участию въ сѣздахъ. Кромѣ учителей и учительницъ, въ сѣздахъ могутъ участвовать представители мѣстной школьной администраціи, какъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и духовнаго вѣдомства, и представители учреждений, содержащихъ училища. Участіе этихъ лицъ въ совѣщаніяхъ учителей и учительницъ не можетъ не содѣйствовать всестороннему освѣщенію предметовъ обсужденія и надлежащей авторитетности и практичности его заключеній.

По имѣющимъ свѣдѣніямъ слѣдуетъ полагать, что министерство не ошиблось въ своихъ ожиданіяхъ отъ учительскихъ сѣздовъ, въ ихъ постановкѣ, созданной правилами 26-го ноября 1899 г. Сѣзды привились и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обратились въ періодическіе, являясь способомъ выясненія всякаго рода вопросовъ, возникающихъ въ практикѣ школы, а, благодаря участию членовъ администраціи и содержателей училищъ, и способомъ быстраго удовлетворенія многихъ существенныхъ потребностей училищъ. Случаевъ нарушенія порядка на сѣздахъ не было.

Наряду съ сѣздами, продолжались учительскія собранія и по правиламъ 1875 г. При этомъ, по вниманію къ ходатайствамъ учредителей, были разрѣшаемы значительныя отступленія отъ этихъ правилъ. Такъ министерство разрѣшало не только педагогическіе курсы съ преобладаніемъ общеобразовательныхъ чтеній, но и чисто общеобразовательные курсы. Таковы, напримѣръ, были курсы, учреждавшіеся въ гор. Павловскѣ, во дворцѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича въ 1900, 1901, 1902 и 1903 годахъ.

Многочисленныя отступленія, допускаемыя на практикѣ отъ правилъ 5-го августа 1875 г., равно постоянныя ходатайства земствъ о пополненіи и развитіи правилъ 26-го ноября 1899 г. вызвали вопросъ о пересмотрѣ и тѣхъ, и другихъ правилъ въ видахъ приведенія ихъ въ возможно полное соотвѣтствіе условіямъ времени и мѣстнымъ потребностямъ. По приведеніи въ извѣстность мнѣній окружныхъ начальствъ по этому вопросу, министерство поручило ученому комитету проектировать тѣ измѣненія въ правилахъ 1875 и 1899 гг., которыя должны быть признаны желательными. Вслѣдствіе этого ученый комитетъ уже выработалъ проекты новыхъ правилъ какъ о сѣздахъ, такъ и объ общеобразовательныхъ и педагогическихъ курсахъ, установивъ для послѣднихъ двѣ ихъ категоріи—для учителей мало опыт-

ныхъ и для учителей, достаточно опытныхъ, но нуждающихся въ усовершенствованіи.

IV.

Но какъ бы ни были энергичны мѣры подготовленія кандидатовъ учительства и какъ бы ни были цѣлесообразны способы поддержанія на надлежащей высотѣ уровня ихъ педагогическаго развитія, все это не обезпечиваетъ еще народной школѣ наличности способнаго и дѣятельнаго учительскаго персонала, если самое учительство есть жертва, которой нельзя требовать отъ зауряднаго работника, если матеріальное положеніе учителя шатко и заставляетъ его искать обезпеченія въ иной сферѣ дѣятельности. При такихъ условіяхъ лучшія силы оставляютъ школу, которая вслѣдствіе этого наполняется посредственностями, не имѣющими шансовъ на улучшеніе своего положенія. Да и тѣ изъ хорошихъ учителей, которые случайно осѣдаютъ въ школѣ, не всегда оправдываютъ возлагаемыя на нихъ надежды, такъ какъ подъ вліяніемъ нужды и терзаній за будущее свое и своей семьи, они пріобрѣтаютъ настроеніе, неблагоприятное для плодотворной дѣятельности народнаго учителя. Вотъ почему министерство народнаго просвѣщенія, принимая мѣры относительно новышенія педагогической компетентности учащаго персонала, въ то же время прилагало старанія къ возможному улучшенію матеріальнаго положенія лицъ, посвящающихъ себя дѣлу народнаго образованія. Въ эпоху дореформенную обыкновенное жалованье народнаго учителя составляло 60 — 100 р. въ годъ. Въ училищахъ, которыя стало учреждать министерство по инструкціи 1875 года, минималн содержанія учителя опредѣлялся уже въ 330 р. Приблизительно равныя оклады установились и въ большинствѣ земскихъ школъ, но въ училищахъ, содержимыхъ сельскими обществами, они опускались значительно ниже. Однакожъ не скудость содержанія составляла самое тягостное условіе матеріальнаго положенія учителя. Съ этимъ обстоятельствомъ учитель кое-какъ еще мирился, благодаря случайнымъ стороннимъ заработкамъ, единовременнымъ пособіямъ отъ казны, земства и т. п. Наиболѣе тяготила учителя его полная необезпеченность въ старости и инвалидности, равно какъ неизбѣжная нищета его семьи въ случаѣ преждевременной его смерти. Состоявшееся въ истекшемъ десятилѣтіи введеніе въ дѣйствіе положенія (Высочайше утвержденаго 12-го іюня 1900 г.) о пенсіонной кассѣ народныхъ учителей и учи-

тельницъ радикальнымъ образомъ измѣнило положеніе народныхъ учителей въ нашемъ отечествѣ.

Означенный законъ являлся завершеніемъ работы, начатой 30 лѣтъ назадъ. Въ 1869 году министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало представленіе въ государственный совѣтъ о предоставленіи учителямъ министерскихъ училищъ правъ государственной службы. Ходатайство это было отклонено по тому соображенію, что облеченіе народнаго учителя въ форму чиновника отдалило его отъ народа и ослабило желательное вліяніе его на мѣстное населеніе. Но въ то же время государственный совѣтъ, входя въ положеніе народныхъ учителей, призналъ необходимымъ учрежденіе для нихъ особой кассы, которая, съ помощію вычетовъ изъ ихъ содержанія и при содѣйствіи казны, обеспечивала бы учителямъ по выслугѣ опредѣленнаго числа лѣтъ извѣстную пенсію. Министерству народнаго просвѣщенія поручено было выработать проектъ такой кассы. Успѣшному теченію дѣла существеннымъ препятствіемъ послужило крайнее разномысліе, возникшее между работавшими по дѣлу комиссіями относительно тѣхъ началъ, на которыхъ должна быть устроена предположенная касса. Министерству представлено было нѣсколько проектовъ кассы, другъ друга исключавшихъ. Съ своей стороны министерство финансовъ имѣло по этому вопросу свои соображенія. Въ 1898 году была назначена при министерствѣ народнаго просвѣщенія новая комиссія, которая должна была просмотрѣть труды предыдущихъ комиссій и выработать окончательный проектъ пенсіонной кассы народныхъ учителей, въ связи какъ съ послѣдовавшими замѣчаніями министерства финансовъ, такъ съ измѣнившимися условіями времени и по соображенію практики эмеритальныхъ кассъ другихъ вѣдомствъ. 14-го марта 1900 г. министерство имѣло уже возможность представить на разсмотрѣніе государственнаго совѣта выработанный на изложенныхъ основаніяхъ проектъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ.

Учрежденія, имѣющія цѣлю обезпечить служащихъ на случай наступленія инвалидности и ихъ семьи — на случай смерти главы семейства, сводятся къ тремъ главнымъ типамъ: эмеритальному, страховому и сберегательному. Система, которую принято называть эмеритальною, заключается въ назначеніи точно опредѣленныхъ по уставу пенсій, изъ небольшого числа опредѣленныхъ категорій, въ зависимости отъ высоты служебнаго положенія и продолжительности службы участниковъ, безъ соотношенія съ ихъ возрастомъ, и въ признаніи всей суммы капиталовъ кассы общимъ достояніемъ ея членовъ. Ся-

стема страховая, напротивъ, отличается тѣмъ, что суммы, образовавшіяся отъ личныхъ взносов участника, разныхъ на его счетъ поступленій и отъ прибылей на эти платежи вслѣдствіе коммерческаго роста и коопераціи, зачисляются на личный счетъ вкладчика, и пропорціонально размѣру этого накопленія ему рассчитывается пенсія сообразно его возрасту, но въ всякой зависимости отъ высоты служебнаго положенія при оставленіи имъ службы. Наконецъ система сберегательныхъ кассъ отличается тѣмъ, что здѣсь суммы, накопленныя участникомъ, вмѣстѣ съ ихъ ростомъ, составляютъ при всякомъ положеніи дѣла неотъемлемую собственность вкладчика, передаваемую и наследникамъ наравнѣ со всякимъ другимъ имуществомъ.

Уставъ пенсіонной кассы народныхъ учителей ввелъ кассу страховаго типа, и—по слѣдующимъ основаніямъ. Кассы эмеритальнаго типа основаны на многихъ гипотезахъ о будущемъ составѣ ея членовъ и пенсіонеровъ, вѣроятность которыхъ, а посему и устойчивость кассы, не можетъ быть математически учтена. Въ противоположность этому расчеты страховыхъ кассъ опираются на данныя, въ основѣ которыхъ лежитъ точное опредѣленіе размѣра обязательствъ кассы. Обязательства эти строго пропорціональны взносамъ, поступающимъ въ кассу за счетъ участника, и отчисленіямъ въ его пользу изъ доходовъ кассы. Установленіе соотношеній между выдаваемыми пенсіями и зачисляемою въ пользу выходящаго участника суммою производится по правиламъ страховой техники. Теорія страхованія жизни даетъ возможность съ достаточною для практическихъ цѣлей точностію опредѣлить, какія единовременныя или же періодическія выдачи могутъ безубыточно для страховой кассы быть производимы въ пользу стоящихъ въ извѣстныхъ физическихъ условіяхъ лицъ взаменъ поступающихъ опредѣленнымъ образомъ отъ нихъ суммъ. Слѣдовательно, страховая система въ состояніи во всякое время выяснить: 1) размѣры предстоящихъ ей, сообразно поступленію средствъ и условіямъ производства выдачъ, обязательствъ, равно какъ и современную стоимость этихъ обязательствъ; 2) размѣръ суммы, подлежащей выдачѣ данному лицу въ той или иной предписанной уставомъ формѣ, взаменъ приобретенныхъ имъ и состоящихъ на его счетѣ накопленій. Чѣмъ шире кругъ участниковъ кассы, тѣмъ вѣрнѣе оправдываются всѣ эти расчеты, основанные на массовыхъ статистическихъ наблюденіяхъ и на общей мысли объ извѣстной закономерности явленій физической жизни человѣка. Что касается сберегательныхъ кассъ, то существеннѣйшимъ недостаткомъ ихъ является то, что накопленная въ нихъ средства

должны быть распредѣляемы между гораздо большимъ числомъ лицъ, чѣмъ въ кассахъ страховыхъ, а потому каждый участникъ въ отдѣльности получаетъ гораздо меньше. Это обстоятельство обуславливается тѣмъ, что всѣ суммы, накопленныя кѣмъ либо въ сберегательной кассѣ, въ случаѣ его смерти выдаются его наслѣдникамъ, а не поступаютъ въ пользу кассы, или, говоря другими словами, въ пользу другихъ участниковъ кассы. Цѣль обезпеченія достигается гораздо вѣрнѣе при такомъ устройствѣ кассы, когда выдачами изъ кассы пользуется лишь болѣе тѣсный и строго опредѣленный кругъ лицъ, который признается заслуживающимъ особой о нихъ заботливости. Такими кассами являются кассы страховыя, въ которыхъ посмертное обезпеченіе не идетъ далѣе жены участника и дѣтей.

Посмотримъ, что же беретъ у учителя пенсіонная касса, и что она ему дастъ.

Прежде всего должно различать участниковъ обязательныхъ и добровольныхъ. Обязательными участниками состоятъ учителя училищъ, содержимыхъ съ пособіемъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, если служба ихъ не соединена съ правомъ на пенсію изъ государственнаго казначейства или спеціальныхъ капиталовъ, а также содержимыхъ другими вѣдомствами, земствами и обществами, если эти вѣдомства, земства и общества пожелали привлечь учителей къ участию въ кассѣ на установленныхъ закономъ условіяхъ. Добровольными участниками могутъ быть народные учителя и учительницы всякихъ иныхъ категорій. Со всѣхъ участниковъ кассы, при вступленіи ихъ въ кассу, одновременно, съ разсрочкою на годъ, взыскивается вступной взносъ въ размѣрѣ 6% содержанія, получаемого учителемъ въ моментъ зачисленія въ кассу. Затѣмъ за счетъ участника кассы поступаетъ ежемѣсячно 12% получаемого имъ содержанія, при чемъ если это участникъ обязательный, то половина этой суммы вносится учрежденіемъ, содержащимъ училище.

Права, приобретаемая участіемъ въ кассѣ, состоятъ въ слѣдующемъ.

Право на обыкновенныя пенсіи принадлежитъ лицамъ, оставившимъ службу способными къ труду, если они участвовали въ кассѣ не менѣе 15 лѣтъ. Право на усиленныя пенсіи принадлежитъ лицамъ, оставившимъ службу не способными къ труду, если они участвовали въ кассѣ не менѣе 5 лѣтъ.

Участникамъ кассы, оставившимъ службу способными къ труду, безъ права на пенсію, если участіе ихъ въ кассѣ продолжалось бо-

лѣтъ 5 лѣтъ, предоставляется право получить обратно свои личные взносы. Лицамъ, участвовавшимъ въ кассѣ менѣе 10 лѣтъ, личные ихъ взносы возвращаются безъ процентовъ, а участвовавшимъ отъ 10 до 15 лѣтъ взносы эти выдаются съ сложными процентами, по расчету изъ 4% годовыхъ.

Участники кассы, оставившіе службу неспособными къ труду, но безъ права на пенсію получаютъ обратно свои личные взносы съ сложными процентами изъ 4% годовыхъ.

Право семейства на пенсію открывается смертію мужа, отца или матери, получавшихъ пенсію или участвовавшихъ въ кассѣ не менѣе 10 лѣтъ и умершихъ въ бытность участниками кассы.

Жонамъ и вдовамъ лицъ, участвовавшихъ въ кассѣ менѣе 10 лѣтъ, выдаются въ этомъ случаѣ стоящія на ихъ личныхъ счетахъ суммы.

Дѣтямъ тяжело увѣчнымъ, страдающимъ параличомъ, потерю зрѣнія или разсудка или одержимымъ глухонѣмотою, лишаящими ихъ всякой возможности существовать собственнымъ трудомъ, пенсія производится пожизненно. Въ означенныхъ случаяхъ производство пенсін дѣтямъ прекращается съ достиженія ими 18-лѣтняго возраста, а если они продолжаютъ ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ—21 лѣтняго.

Въ практическомъ отношеніи наиболѣе важное значеніе представляетъ вопросъ о размѣрахъ пенсій. Кассы, основанныя на эмеритальныхъ началахъ, прямо устанавливаютъ за выслугу извѣстнаго числа лѣтъ въ извѣстныхъ должностяхъ извѣстные оклады пенсій. Такой опредѣлительности правъ не можетъ быть въ кассѣ страховаго типа, такъ какъ пенсія является страховой суммой, размѣръ которой зависитъ отъ поступившихъ за счетъ пенсионера платежей на обезпеченіе этой суммы. Участникъ пенсионной кассы народныхъ учителей въ качествѣ пенсін получаетъ извѣстный пожизненный доходъ, соответствующій размѣру накопленныхъ за его счетъ сбереженій въ моментъ его смерти или выхода въ отставку. Тѣмъ не менѣе участникъ кассы имѣетъ возможность въ каждый данный моментъ опредѣлить если не совершенно точно, то приблизительно тѣ пенсионныя права, которыя онъ приобрѣлъ участіемъ въ кассѣ. Ему нужно только знать, какую сумму опредѣляется его личный счетъ въ кассѣ.

Какъ формируются личные счета участниковъ, видно будетъ изъ нижеслѣдующаго.

На личный счетъ участника записывается прежде всего его вступной взносъ, за тѣмъ ежемѣсячные 6% вычеты изъ содержанія. Далѣе въ этотъ счетъ заносится ежегодно причитающаяся участнику

доля изъ 6% пособія казны или учреждений, содержащихъ училище, остающаяся свободною за отчисленіемъ отъ нея а) суммъ, необходимыхъ на покрытіе убытковъ по операціямъ кассы, б) суммъ, подлежащихъ отчисленію въ сиротскій фондъ, в) суммъ, подлежащихъ занесенію въ личные счета жонъ участниковъ ¹⁾. Накопецъ въ счетъ участника включается слѣдующая ему доля изъ доходовъ отъ капиталовъ и имущества кассы и (въ извѣстныхъ случаяхъ) прибылей отъ операцій кассы. Въ ряду этихъ поступленій существеннѣйшую часть составляютъ взносы самого участника, размѣръ которыхъ ему точно извѣстенъ. За тѣмъ, сколько на счетъ участника должно быть записано всѣхъ прочихъ поступленій, участникъ можетъ знать изъ ежегодныхъ отчетовъ пенсіонной кассы, которые публикуются во всеобщее свѣдѣніе и рассылаются по дирекціямъ народныхъ училищъ.

Еще проще контролируется личный счетъ жены участника кассы. Счетъ этотъ слагается изъ извѣстнаго опредѣленнаго отчисленія изъ средствъ кассы и установленныхъ процентовъ. На личный счетъ жены вступившаго въ бракъ участника кассы переводится изъ запаснаго фонда кассы сумма, равная двумъ третямъ сдѣланныхъ участникомъ до вступленія въ бракъ обязательныхъ взносовъ, безъ процентовъ. Сумма эта зачисляется какъ единовременный взносъ, поступившій на счетъ жены въ соответственномъ году службы мужа. За тѣмъ счетъ этотъ ежегодно пополняется отчислениями изъ средствъ кассы въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$ шестипроцентныхъ вычетовъ изъ мужнина жалованья. На эту сумму начисляются извѣстные проценты, размѣръ которыхъ измѣняется въ зависимости отъ числа лѣтъ службы мужа и возрастовъ мужа и жены. Начисленіе процентовъ производится на основаніи особыхъ таблицъ, опубликованныхъ въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства (13-го апрѣля 1901 г. ст. 700) и имѣющихся въ каждой дирекціи народныхъ училищъ. При помощи этихъ таблицъ каждый учитель можетъ въ каждый данный моментъ точно опредѣлить состояніе личнаго счета своей жены къ началу наступающаго года.

Когда возникаетъ вопросъ о назначеніи пенсіи участнику или его вдовѣ, пенсіонная касса приводитъ въ извѣстность сумму накопленій на личномъ счету лица, которому предстоитъ назначеніе пенсіи, и за тѣмъ, на основаніи новой таблицы, тоже опубликованной въ общее

---

¹⁾ Для участника добровольнаго — 6% пособие учреждений замѣняется 6% дополнительнымъ вычетомъ изъ его содержанія.

свѣдѣніе и имѣющей въ каждой дирекціи, опредѣляетъ, какой размѣръ пенсіи, при извѣстномъ возрастѣ участника, долженъ быть назначенъ при наличности извѣстнаго размѣра накопленій.

Права дѣтей по уставу пенсіонной кассы уже не представляютъ никакой неопредѣленности и исключаютъ всякую случайность. Дѣти участниковъ и пенсіонеровъ кассы получаютъ, при жизни матери, пенсію на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) одному ребенку назначается въ пенсію 5% содержанія, которымъ пользовался его отецъ или мать въ послѣдній годъ участія въ кассѣ, если оно продолжалось 10 лѣтъ; 2) за каждый годъ дальнѣйшаго участія въ кассѣ отца или матери, до тридцати лѣтъ включительно, пенсія одному ребенку увеличивается на одну десятую размѣра, указаннаго въ п. 1; 3) за участіе въ кассѣ свыше 30 лѣтъ пенсія дѣтямъ участника не увеличивается; и 4) двумъ дѣтямъ пенсія назначается въ размѣрѣ $1\frac{3}{4}$ оклада, тремъ— $2\frac{1}{2}$, а четверымъ и болѣе въ размѣрѣ 3 окладовъ пенсіи одного ребенка.

Управленіе пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ, желая содѣйствовать разъясненію естественныхъ недоумѣній, вызываемыхъ вопросомъ о размѣрахъ пенсіонныхъ выдачъ своимъ кліентамъ, составило слѣдующій примѣрный расчетъ пенсій участнику кассы при условіяхъ: 1) возрастъ при поступленіи на службу 21 годъ; 2) окладъ содержанія—360 р., 3) размѣръ отчисленія изъ пособій отъ казны въ счетъ участника—16 р. ¹⁾ и 4) жена моложе мужа на 4 года.

---

¹⁾ Размѣръ этотъ составляетъ средній размѣръ дѣйствительнаго отчисленія за два года дѣйствія кассы.

Годы службы.	Пенсія участника.													
	Личный счет участника.								Процентъ годового прироста на поступившую сумму.	Сумма накопленія къ концу года.		На 1 р. накопленія берется къ исчисленію пенсіи.	Размѣръ пенсіи обыкновенной и усиленной.	
	Сумма накопленія къ началу года.		Текущіе взносы участника.		Приплата содержателей училищъ.		Итого.							
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	К.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1	—	—	43	20	16	—	59	20	4,809	62	05			
2	62	05	21	60	16	—	99	65	4,779	104	41			
3	104	41	21	60	16	—	142	01	4,749	148	75			
4	148	75	21	60	16	—	186	35	4,728	195	16			
5	195	16	21	60	16	—	232	76	4,712	243	73	0,104950успл.	25	59
6	243	73	21	60	16	—	281	33	4,701	294	55			
7	294	55	21	60	16	—	332	15	4,693	347	74			
8	347	74	21	60	16	—	385	34	4,692	404	47			
9	404	47	21	60	16	—	442	07	4,696	462	83			
10	462	83	21	60	16	—	500	43	4,705	523	97	0,100214успл.	52	50
11	523	97	21	60	16	—	561	57	4,718	588	06			
12	588	06	21	60	16	—	625	66	4,737	655	30			
13	655	30	21	60	16	—	692	90	4,760	725	88			
14	725	88	21	60	16	—	763	48	4,786	800	02			
15	800	02	21	60	16	—	837	62	4,819	877	98	0,06184 0,096882успл.	54 85	29 06
16	877	98	21	60	16	—	915	58	4,854	960	02			
17	960	02	21	60	16	—	997	62	4,890	1.046	40			
18	1.046	40	21	60	16	—	1.084	00	4,925	1.137	39			
19	1.137	39	21	60	16	—	1.174	99	4,961	1.233	28			
20	1.233	28	21	60	16	—	1.270	88	4,999	1.334	41	0,06648 0,094953успл.	88 126	71 71
21	1.334	41	21	60	16	—	1.372	01	5,036	1.441	10			
22	1.441	10	21	60	16	—	1.478	70	5,075	1.553	74			
23	1.553	74	21	60	16	—	1.591	34	5,118	1.672	78			
24	1.672	78	21	60	16	—	1.710	38	5,165	1.798	72			

Вдовья пенсія.						Сиротская пенсія.										
Личный счет жены.						На 1 р. накопления берется къ исчисленію пенсіи.	Размѣръ пенсіи.	Одному ребенку.	Двумъ дѣтямъ вмѣстѣ.	Тремъ дѣтямъ вмѣстѣ.	Четыремъ и болѣе дѣтямъ вмѣстѣ.					
Сумма къ началу года.		Годовой приростъ или убыль въ рубляхъ и копѣйкахъ.		Итого.												
Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.							Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.
14	40	—	—	14	40											
28	80	—	10	28	90											
43	30	—	25	43	55											
57	95	—	44	58	39											
72	79	—	66	73	45											
87	85	—	87	88	72											
103	12	1	06	104	18											
118	58	1	27	119	85											
134	25	1	48	135	73											
150	13	1	85	151	98	0,32854	49	93	18	—	31	50	45	—	54	—
166	38	1	86	168	24											
182	64	2	79	185	43											
199	83	3	01	202	84											
217	24	3	19	220	43											
234	83	3	33	238	16	0,30832	72	33	27	—	47	25	67	50	81	—
252	56	3	44	256	00											
270	40	3	53	273	93											
288	33	3	60	291	93											
306	33	3	66	309	99											
324	39	3	67	328	06	0,28414	93	21	36	—	63	—	90	—	108	—
342	46	3	64	346	10											
360	50	3	54	364	04											
378	44	3	36	381	80											
396	20	3	11	399	31											

Годы службы.	Пенсія участника.														
	Личный счетъ участника.								Процентъ годового прироста на поступившую сумму.	Сумма накопления къ концу года.		На 1 р. накопления берется къ исчисленію пенсін.	Размѣръ пенсін обыкновенной и усиленной.		
	Сумма накопления къ началу года.		Текущіе взносы участника.		Приплата содержатель училницъ.		Итого.								
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	К.		Руб.	Коп.		Руб.	Коп.	Руб.
25	1.798	72	21	60	16	—	1.836	32	5,215	1.932	08	} 0,07248 0,095208 уснл.	140	04	
26	1.932	08	21	60	16	—	1.969	68	5,271	2.073	50		183	95	
27	2.073	50	21	60	16	—	2.111	10	5,331	2,223	64				
28	2.223	64	21	60	16	—	2.261	24	5,401	2.383	37				
29	2.383	37	21	60	16	—	2.420	97	5,478	2.553	59				
30	2.553	59	21	60	16	—	2.591	19	5,563	2.735	34	} 0,08038 0,098017 уснл.	219	87	
31	2.735	34	21	60	16	—	2.772	94	5,655	2.929	75		268	11	
32	2.929	75	21	60	16	—	2.967	35	5,752	3.138	03				
33	3.138	03	21	60	16	—	3.175	63	5,849	3.361	37				
34	3.361	37	21	60	16	—	3.398	97	5,951	3.601	24				
35	3.601	24	21	60	16	—	3.638	84	6,054	3.859	13	} 0,09084 0,104956 уснл.	350	56	
36	3.859	13	21	60	16	—	3.896	73	6,163	4.136	89		405	04	
37	4.136	89	21	60	16	—	4.174	49	6.285	4.436	86				
38	4.436	86	21	60	16	—	4.474	46	6,418	4.761	63				
39	4.761	63	21	60	16	—	4.799	23	6,564	5.114	25				
40	5.114	25	21	60	16	—	5.151	85	6,722	5.498	16	} 0,10504 0,117267 уснл.	577	53	
41	5.498	16	21	60	16	—	5.535	76	6,897	5.917	56		644	75	
42	5.917	56	21	60	16	—	5.955	16	7,088	6.377	26				
43	6.377	26	21	60	16	—	6.414	86	7.304	6.883	40				
44	6.883	40	21	60	16	—	6.921	00	7,545	7.443	19				
45	7.443	19	21	60	16	—	7.480	79	7,822	8.065	94	} 0,12437 0,136245 уснл.	1.003	16	
													1.098	94	

Вдовья пенсія.						Сиротская пенсія.										
Личный счет жены.						На 1 р. накопленія безретеня къ исчисленію пенсіи.	Размѣръ пенсіи.		Одному ребенку.		Двумъ дѣтямъ вмѣстѣ.		Тремъ дѣтямъ вмѣстѣ.		Четыремъ и болѣе дѣтямъ вмѣстѣ.	
Сумма къ началу года.		Годовой приростъ или убыль въ рубляхъ и копѣйкахъ.		Итого.			Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	К.
Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	К.
413	71	2	84	416	55	0,27147	113	08	45	—	78	75	112	50	135	—
430	95	2	50	433	45											
447	85	2	13	449	98											
464	38	1	68	466	06											
480	46	1	18	481	64											
496	04	—	60	496	64	0,26652	132	36	54	—	94	50	135	—	162	—
511	04	—	—03	511	01											
525	41	—	—67	524	74											
539	14	—1	27	537	87											
552	27	—1	85	550	42											
564	82	—2	42	562	40	0,26954	151	59	Сиротскія пенсіи, за выслугу болѣе 30 лѣтъ, назначаются въ томъ же размѣрѣ, какъ и за выслугу 30 лѣтъ.							
576	54	—2	96	573	58											
587	98	—3	48	584	50											
598	90	—4	03	594	87											
609	27	—4	68	604	59											
618	99	—5	47	613	52	0,27932	171	37	Круглымъ сиротамъ размѣръ пенсіи увеличивается въ 1½ раза.							
627	92	—6	36	621	56											
635	96	—7	43	628	53											
642	93	—8	65	634	28											
648	68	—9	89	638	79											
653	19	—9	96	643	23	0,29423	189	36								

Изъ изложеннаго выше видно, что если участіе въ пенсіонной кассѣ народныхъ учителей и учительницъ можно разсматривать какъ видъ страхованія жизни, то нельзя не признать, что страхованіе это въ значительнѣйшей мѣрѣ совершается на счетъ не участника кассы, а иныхъ источниковъ, такъ какъ постоянный 6% вычетъ изъ содержанія обязательнаго участника не составляетъ и половины страховой преміи. Иныя условія получаются для участника добровольнаго, и нѣкоторые усматриваютъ въ этомъ несправедливость. Но такая точка зрѣнія едва ли можетъ быть признана правильной. На 6% субсидію, вносимую казною или учрежденіями за обязательныхъ участниковъ кассы, должно смотрѣть какъ на добавочное жалованье, жертвуемое этими учрежденіями учителямъ и учительницамъ подъ условіемъ обращенія этого жалованья на цѣли взаимопомощи. Если усвоить на дѣло эту единственно правильную точку зрѣнія, то нельзя не признать того, что какъ обязательные, такъ и необязательные участники кассы одинаково являются вкладчиками въ кассу въ размѣрѣ 12% своего содержанія, при чемъ для обѣихъ группъ одинаково половина поступленія заносится на личные счета участниковъ, а другая отчисляется на потребности общей совокупности вкладчиковъ, при чемъ условія полученія отъ этой складки вполне тождественны для тѣхъ и другихъ. Если въ чемъ либо можно усматривать здѣсь неравенство, то единственно въ томъ, что нѣкоторой части учителей и учительницъ жалуются добавочное содержаніе на предметъ объясненныхъ взносовъ въ кассу, а другіе лишены этого преимущества. Но это есть неравенство, истекающее не изъ началъ пенсіонной кассы, а изъ условій существованія училищъ, дѣлающихъ совершенно естественнымъ такое положеніе вещей, по которому учрежденіе является съ своею помощію именно учителямъ тѣхъ училищъ, въ содержаніи которыхъ оно участвуетъ.

Безспорно, что постоянный 12% вычетъ изъ содержанія, соединенный въ первый годъ еще съ 6% единовременнымъ вычетомъ, составляетъ условіе для большинства участниковъ крайне обременительное. Однакожь, и при столь чувствительномъ обложеніи, принадлежность къ кассѣ представляетъ столь несомнѣнныя выгоды, что въ предложеніяхъ добровольнаго участія не имѣется недостатка; на первый же годъ дѣйствія кассы въ составъ добровольныхъ вкладчиковъ записались учителя и учительницы училищъ, содержимыхъ на средства фабрикъ Саввы Морозова и Собинова, во Владимірской губерніи, и учи-

теля училищъ въ Финляндіи, не имѣющіе права на обязательное участіе въ кассѣ.

Нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя особенности пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ, выгодно отличающія ее отъ однородныхъ кассъ.

Наиболѣе выгоднымъ является здѣсь положеніе жены. Самое вступленіе жены учителя въ составъ кліентовъ кассы сопровождается пріобрѣтеніемъ болѣе или менѣе существенной выгоды, ибо на счетъ жены, немедленно по ея вступленіи въ бракъ съ участникомъ кассы, отчисляется извѣстная сумма, пропорціональная годамъ участія въ кассѣ ея мужа. Такимъ образомъ касса даетъ такъ сказать маленькое приданое новобрачной.

Затѣмъ, пенсія вдовамъ рассчитывается вообще на болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ ихъ мужьямъ. Нельзя не признать цѣлесообразности этого принципа. Задачей пенсіонной кассы является оказаніе учителямъ и ихъ семействамъ помощи въ случаѣ наступленія острой нужды, и при томъ по возможности соотвѣтственно степени нужды. Поэтому помощь кассы должна быть тѣмъ существеннѣе, чѣмъ значительнѣе степень нужды. Но едва ли нужно доказывать, что семьи учителей испытываютъ наиболѣе затрудненія въ случаѣ смерти главы семейства, хотя бы даже онъ былъ уже пенсіонеромъ, если только онъ еще способенъ къ труду. Поэтому является вполне справедливымъ, чтобы семья, понесшая столь важную потерю, получила изъ кассы помощь въ болѣе значительной степени, чѣмъ до того времени. При этомъ совершенно естественно, что льгота въ исчисленіи пенсіи тѣмъ значительнѣе, чѣмъ сильнѣе тяжесть утраты главы семейства. Такъ потеря трудоспособнаго отца даетъ семейству большія права, чѣмъ потеря лица, не способнаго къ труду, потеря молодого больше, чѣмъ потеря пожилого.

Особенную попечительность уставъ пенсіонной кассы обнаруживаетъ въ отношеніи къ дѣтямъ участниковъ кассы. Дѣти имѣютъ право на пенсію не только въ случаѣ смерти отца, но и тогда, когда онъ вышелъ въ отставку по неспособности къ труду и когда, при незначительности слѣдующей ему за кратковременностью службы пенсіи, онъ не можетъ не затрудняться содержаніемъ дѣтей. Дѣти получаютъ пенсію не только за службу отца, но и за службу матери (хотя не объ вмѣстѣ). Дѣти не лишаются пенсіи и во время нахождения въ учебныхъ заведеніяхъ на казенномъ содержаніи. Въ этомъ случаѣ причитаю-

щаяся имъ пенсія выдается по выходѣ изъ заведенія со сложными процентами изъ 4 годовыхъ. Такимъ образомъ, окончивъ, напримѣръ, среднее учебное заведеніе, они обладаютъ нѣкоторымъ фондомъ для продолженія образованія въ высшемъ.

Введеніе въ дѣйствіе устава пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ ставило на ближайшую очередь вопросъ о повышеніи окладовъ ихъ содержанія. Участіе въ пенсіонной кассѣ приносило педагогическому персоналу народнои школы величайшія выгоды относительно обезпеченія въ будущемъ, но дѣлало положеніе ихъ въ настоящемъ еще болѣе затруднительнымъ, такъ какъ учителю, въ большинствѣ случаевъ получающему не болѣе того, что требуется на удовлетвореніе первыхъ потребностей жизни, не легко вынести какое либо пониженіе содержанія. Между тѣмъ касса довольно чувствительно сокращала содержаніе учителей. Выходомъ изъ этой дилеммы могло быть только одновременное съ введеніемъ въ дѣйствіе пенсіонной кассы увеличеніе содержанія учителей. „Одною изъ существеннѣйшихъ потребностей дѣла народнаго образованія въ настоящее время“, объясняло министерство народнаго просвѣщенія государственному совѣту въ представленіи отъ 16 октября 1901 г. за № 28160 объ отпускѣ 1.000.000 р. на устройство и содержаніе начальныхъ училищъ, „является улучшеніе положенія учителей и учительницъ министерскихъ училищъ. Существующіе оклады содержанія сихъ лицъ (330 р. въ годъ) установлены въ 1875 г. и нынѣ во многихъ мѣстностяхъ признаются весьма недостаточными. Въ настоящее время, съ введеніемъ въ дѣйствіе устава пенсіонной кассы, изъ означеннаго оклада стали производиться вычеты въ эту кассу (6% постоянныхъ и 6% вступныхъ), что значительно усилило жалобы на тяжесть положенія служащихъ. Въ настоящемъ году министерство, пользуясь нѣкоторыми свободными средствами, оказало учителямъ и учительницамъ единовременныя пособія въ размѣрѣ половины причитающихся съ нихъ вычетовъ и такимъ образомъ нѣсколько облегчило временно положеніе служащихъ. Но представляется необходимымъ принять болѣе существенныя мѣры въ этомъ направленіи. По симъ соображеніямъ министерство полагало бы изъ испрашиваемаго кредита отдѣлить 15% спеціально на предметъ увеличенія содержанія учителей“. Предположенія министерства, какъ оказалось, состояли въ полномъ согласіи съ видами и государственнаго совѣта, который въ журналѣ 23 ноября того же года, по дѣлу объ открытіи новыхъ учительскихъ семинарій, далъ министерству слѣдующее авторитетное указаніе. „Изъ представленія

усматривается, что въ 1899 г. изъ общаго числа учительскихъ вакансій 7% остались незамѣщенными, при чемъ, какъ поясняетъ учебное вѣдомство, явленіе это получило нынѣ характеръ обычный и заключаетъ въ себѣ признаки постоянства и устойчивости. По замѣчанію нѣкоторыхъ членовъ, по своей прежней службѣ близко знакомыхъ съ дѣломъ народнаго образованія, упомянутое обстоятельство не можетъ быть поставлено въ зависимость единственно отъ численнаго несоотвѣтствія ежегодныхъ выпусковъ изъ учительскихъ семинарій съ открывающимися вакансіями учителей народныхъ школъ, ибо, при неизмѣннн прямо подготовленныхъ для этой цѣли кандидатовъ, министерство народнаго просвѣщенія опредѣляетъ на названныя должности лицъ, получившихъ низшее и даже домашнее образованіе. Причины явленія, о которомъ идетъ рѣчь, кроются прежде всего въ крайней матеріальной необеспеченности преподавателей начальныхъ училищъ. Получая, въ среднемъ, около 250 р. и въ рѣдкихъ случаяхъ болѣе 300 р. въ годъ, лица эти, за немногими исключеніями, проживаютъ въ глухихъ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ они лишены возможности имѣть какой либо побочный заработокъ, помимо того, что въ школахъ, содержащихся на казенныя средства, встрѣчаются иногда задержки въ выдачѣ учителямъ слѣдующаго имъ жалованья. Указанныя тяжелыя условія существованія, естественно, побуждаютъ многихъ уклоняться отъ поступленія на должности учителей упомянутыхъ школъ, а въ лицахъ, несущихъ учительскія обязанности, вызываютъ стремленіе, какъ только представляется возможность, переходить на болѣе щедро оплачиваемыя занятія. Въ виду изложеннаго, департаменты сочли нужнымъ обратить вниманіе министра народнаго просвѣщенія на необходимость на ряду съ увеличеніемъ числа заведеній, подготовляющихъ народныхъ учителей, озаботиться улучшеніемъ матеріальнаго ихъ положенія,—въ томъ убѣжденіи, что, только при надлежащей постановкѣ обѣихъ сторонъ дѣла, вопросъ о комплектованіи преподавательскаго персонала для начальныхъ училищъ можетъ получить правильное разрѣшеніе“.

Столь полное совпаденіе дѣйствій министерства съ предначертаніями высшаго органа законодательной власти могло сопровождаться лишь самыми благоприятными послѣдствіями для дѣла. Въ 1902 г. министерствомъ народнаго просвѣщенія былъ установленъ планъ дѣйствій по улучшенію быта учащихся, при чемъ министерство исходило изъ слѣдующихъ соображеній. Въ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія трудятся свыше 100.000 преподавателей, изъ

которыхъ половина получаетъ содержаніе недостаточное. Улучшеніе быта столь значительнаго числа лицъ при сравнительно скудныхъ средствахъ министерства можетъ происходить не иначе, какъ постепенно. Прежде всего на обязанности министерства лежитъ обезпечить соотвѣственнымъ содержаніемъ преподавателей тѣхъ училищъ, которыя открыты самимъ министерствомъ, или содержатся при его участіи, такъ какъ за эти училища министерство является отвѣтственнымъ по преимуществу. Признавъ наименьшимъ окладомъ содержанія учителя и учительницы 360 р. въ годъ при готовой квартирѣ, и учительскихъ помощниковъ и помощницъ 300 р. (на окраинахъ 480 и 420 р.), министерство предположило до этихъ нормъ содержаніе учащихся путемъ постепенныхъ прибавокъ. Въ настоящую пору нормы эти достигнуты по министерскимъ училищамъ почти повсемѣстно, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстностей Виленскаго и Оренбургскаго учебныхъ округовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1903 г. начато улучшеніе быта учащихся въ училищахъ земскихъ и общественныхъ, гдѣ это является необходимымъ. Размѣръ новыхъ ассигнованій на объясненную потребность составлялъ въ 1902 г. 134.000 р. и въ 1903 г. 251.954 р. Въ настоящемъ году предположено отпустить на увеличеніе содержанія учителей еще 188.349 р. Въ 1903 г. увеличено содержаніе 3.365 учащихся, въ настоящемъ году должно произойти увеличеніе содержанія еще 2.273 лицъ. Слѣдуетъ сказать, что примѣръ, поданный министерствомъ народнаго просвѣщенія, не остался безъ подражанія, и параллельно улучшенію быта учащихся въ министерскихъ училищахъ въ послѣдніе два года происходило въ значительныхъ размѣрахъ улучшеніе быта учащихся и въ училищахъ земскихъ и общественныхъ на счетъ мѣстныхъ источниковъ.

Заканчивая рѣчь объ улучшеніи быта учащихся въ начальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, нельзя не коснуться еще одной принятой министерствомъ въ истекшее десятилѣтіе мѣры, которая, имѣя въ виду собственно обезпеченіе правильнаго теченія дѣятельности школы путемъ безотлагательнаго удовлетворенія ея случайныхъ непредвидимыхъ нуждъ, въ то же время являлась условіемъ, упрочивающимъ положеніе учащихся и гарантирующимъ ихъ отъ многихъ невзгодъ, которыми столь изобильна карьера народнаго учителя. Для школы, въ ея борьбѣ съ разнообразными затрудненіями, важно не только имѣть поддержку со стороны, но и имѣть ее своевременно. Нужно, чтобы учрежденіе, на помощь котораго школа можетъ рассчитывать, было близко къ школѣ, и чтобы полученіе помощи не было

затруднено излишними формальностями. Не менѣе желательно также, чтобы и учитель, постигнутый какимъ нибудь несчастіемъ или вынужденный произвести необычный расходъ, какъ можно скорѣе былъ выведенъ изъ своего критическаго положенія, ибо чѣмъ дольше онъ остается въ петлѣ долговъ, тѣмъ крѣпче затягивается эта петля. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, еще въ ту пору, когда слагалась наша училищная система, признано было необходимымъ снабдить мѣстныя училищныя начальства особыми суммами на предметъ оказанія пособій учащимъ и училищамъ въ экстренныхъ случаяхъ. Расходы изъ этихъ суммъ должны производиться директорами и инспекторами народныхъ училищъ съ разрѣшенія попечителя округа. Но въ виду того, что нѣкоторыя училища, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, могутъ иногда нуждаться въ безотлагательномъ пособіи, безъ котораго самая дѣтельность ихъ можетъ пріостановиться, директору и инспектору предоставляется въ непосредственное ихъ распоряженіе ежегодно до 300 р.; эти деньги они и получаютъ по мѣрѣ необходимости по собственнымъ требованіямъ изъ подлежащаго казначейства. О расходахъ изъ этой суммы они доносятъ попечителю учебнаго округа съ надлежащими объясненіями (ст. 33 прил. къ ст. 50 уст. уч. зав.).

Кредитъ на объясненныя надобности училищъ установленъ былъ Высочайше утвержденнымъ 29-го мая 1869 г. мѣрніемъ государственнаго совѣта въ размѣрѣ 170.000 р. Сумма эта назначалась собственно на губерніи, гдѣ введены земскія учрежденія, считая по 5.000 р. на каждую. Со времени изданія означеннаго закона до послѣдняго десятилѣтія, не смотря на значительное увеличеніе числа училищъ, сумма эта не только не получила никакого приращенія, но согласно закону 2-го ноября 1882 г. была уменьшена, за переводомъ 25.500 р. духовному вѣдомству на церковно-приходскія школы, вслѣдствіе чего кредитъ для отдѣльныхъ губерній (кромѣ Уфимской) былъ сокращенъ до 4.250 р. Между тѣмъ послѣдующими узаконеніями министерству народнаго просвѣщенія предоставлено за счетъ того же кредита назначать пособия училищамъ и лицамъ, оказывающимъ усердіе къ дѣлу народнаго образованія и въ мѣстностяхъ, не имѣющихъ земскихъ учрежденій. Когда министерство народнаго просвѣщенія получило возможность участливѣе относиться къ нуждамъ школьнаго дѣла, оно не могло не обратить вниманія и на объясненную потребность. Въ 1899 г. министерство увеличило во всѣхъ земскихъ губерніяхъ означенный кредитъ до 6.000 р. Въсѣтъ съ этимъ министерство открыло кредиты указаннаго рода и по тѣмъ мѣстностямъ,

которыя до сихъ поръ ими не пользовались. Такъ на каждую изъ 9 западныхъ губерній отпущено по 3.000 р. и на каждую изъ губерній и областей Сибири, Туркестана и Степнаго края по 2.000 р. Къ 1902 г. общій размѣръ кредита по Имперіи достигъ уже 383.000 р. А затѣмъ, въ этомъ году министерство увеличило отпускъ еще на 150.000 р. Это дополнительное ассигнованіе кромѣ усиленія мѣстныхъ средствъ имѣло въ виду привести размѣры ассигнованій на отдѣльныя губерніи и области въ соотвѣтствіе съ числомъ училищъ, почему прибавка 1902 года была произведена въ разныхъ размѣрахъ, отъ 1.000 до 3.000 р. на губернію или область.

Сводя къ общему итогу все объясненное выше относительно положенія учащихъ, слѣдуетъ сказать, что положеніе это въ истекшее десятилѣтіе существеннѣйшимъ образомъ измѣнилось благодаря устройству пенсіонной кассы, повышенію окладовъ содержанія и увеличенію кредитовъ на пособія учителямъ и училищамъ.

V.

Затѣмъ, истекшее десятилѣтіе ознаменовано было рядомъ мѣръ по вопросу о школьномъ и внѣшкольномъ образованіи взрослого населенія, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что министерство народнаго просвѣщенія вступило на путь активной дѣятельности по удовлетворенію выяснившихся въ этомъ отношеніи потребностей времени.

Нѣтъ надобности говорить о томъ, на сколько серьезное значеніе представляетъ дѣло образованія взрослого населенія въ странѣ, гдѣ масса населенія не обладаетъ даже элементарной грамотностію. Совершенно понятно, что во всѣ тѣ эпохи, когда у насъ серьезно ставился вопросъ о народномъ образованіи, въ той или другой формѣ затрогивался и частный вопросъ объ образованіи взрослого населенія. Къ началу истекшаго десятилѣтія министерство народнаго просвѣщенія обладало уже извѣстною системою учреждений, имѣющихъ задачею распространеніе образованія среди взрослого населенія. Въ систему эту входили школьныя библіотеки для народа, народныя чтенія и уроки для взрослыхъ. Но до послѣдняго времени министерство народнаго просвѣщенія уклонялось отъ всякой инициативы въ этой области народнаго образованія, предоставляя это попеченію общественному. Участіе министерства ограничивалось единственно мѣрами надзора, не рѣдко такими, которыя, мало обезпечивая правительственные интересы, создавали нежелательныя затрудненія для правильнаго раз-

витія дѣла. Истекшее десятилѣтіе внесло въ практику дѣла совершенно нныя начала. Министерство является организаторомъ дѣла, поощряетъ въ этомъ отношеніи частную и общественную инициативу, устраняетъ стѣснительныя формальности, помогаетъ дѣлу матеріально.

Народныя бібліотеки при училищахъ открывались до сихъ поръ распоряженіями центрального управления министерства народнаго просвѣщенія. Продолжительная переписка, являвшаяся необходимымъ послѣдствіемъ такого порядка, охлаждала энергію учредителей и нерѣдко подавляла дѣло въ самомъ началѣ. Другимъ существеннымъ препятствіемъ развитія дѣла являлась недостаточность средствъ. Въ 1903 г. министерство народнаго просвѣщенія выработало правила, устранявшія оба условія, затруднявшія успѣхъ дѣла. Этими правилами разрѣшеніе на открытіе народныхъ бібліотекъ при училищахъ передано мѣстнымъ учрежденіямъ, завѣдующимъ дѣломъ народнаго образованія, уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, инспекторамъ и директорамъ народныхъ училищъ, по принадлежности. Право учрежденія народныхъ бібліотекъ признано за учебнымъ и другими вѣдомствами, земствомъ, общественными управленіями, попечительствами о народной трезвости, частными обществами и отдѣльными лицами. Расходы по устройству и содержанию бібліотекъ отнесены на счетъ ихъ учредителей, но учебному начальству предоставлено назначать на этотъ предметъ пособия изъ суммъ, отпускаемыхъ по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на общія потребности народнаго образованія въ каждой губерніи. При невозможности образовать особую бібліотеку для пользованія публики, разрѣшено открывать для общественнаго пользованія самыя учительскія и ученическія бібліотеки училищъ. За учредителями, по ихъ желанію, оставляется право собственности на книги, назначаемыя для народныхъ бібліотекъ ¹⁾).

Въ непосредственной связи съ объясненными правилами стоятъ выработанныя одновременно и правила о книжныхъ складахъ при народныхъ училищахъ. Еще инструкція 29-го октября 1871 г. возлагала на инспекторовъ народныхъ училищъ обязанность заботиться о томъ, чтобы при каждомъ училищѣ, по мѣрѣ средствъ, учреждался складъ учебниковъ и учебныхъ пособій, предназначаемыхъ частію для безмездной раздачи бѣднымъ учащимся, частію для продажи болѣе достаточнымъ. Но требованіе это имѣло незначительное примѣненіе

---

¹⁾ Правила эти утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 18-го января 1904 года.

на практикѣ. Содержаніе такихъ складовъ относилось на мѣстные источники. Мѣстное же населеніе неохотно давало ассигнованія на склады, потому что складомъ однихъ учебниковъ не исчерпывались потребности мѣстнаго населенія въ книжномъ матеріалѣ. Выработанныя министерствомъ въ 1903 г. правила являлись отвѣтомъ на настойчивые запросы общества въ данномъ отношеніи. Правила эти разрѣшаютъ книжнымъ складамъ продажу не только учебниковъ, но и книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія и признанныхъ министерствомъ соответствующими своему назначенію, и при томъ не только учащимся, но и мѣстному населенію вообще. Они расширяютъ кругъ учредителей и обезпечиваютъ, въ случаѣ надобности, матеріальную помощь министерства народнаго просвѣщенія. Порядокъ открытія установленъ такой же, какъ для народныхъ библиотекъ при училищахъ ¹⁾).

Народныя чтенія по правиламъ 24-го декабря 1876 г. допускались лишь въ губернскихъ городахъ. Въ виду многочисленныхъ ходатайствъ земствъ, по представленію министра народнаго просвѣщенія, комитетъ министровъ положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ 11-го октября 1894 г., распространилъ это право на уѣздные города и селенія съ тѣмъ, чтобы чтенія разрѣшались министромъ народнаго просвѣщенія, каждый разъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ св. Синода, чтобы чтенія производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ представителей духовнаго и учебнаго вѣдомствъ, и чтобы нравственная и политическая благонадежность лицъ, занимающихся устройствомъ народныхъ чтеній, была надлежащимъ образомъ удостовѣрена. Законъ этотъ очень мало удовлетворилъ мѣстное населеніе, такъ какъ процедура разрѣшенія, требовавшая сношенія трехъ вѣдомствъ, поглощала очень много времени, и разрѣшеніе не рѣдко получалось тогда, когда обстоятельства дѣла измѣнились, и разрѣшенные чтенія становились невозможными. При томъ же обязательное назначеніе особаго отвѣтственнаго за чтенія лица, хотя бы не имѣлось никакихъ сомнѣній въ благонадежности учредителей, ставило иногда въ невозможность открыть чтенія. Въ виду обнаружившихся крайнихъ неудобствъ закона, министерство въ 1900 г. внесло ходатайство объ его измѣненіи. Результатомъ этого ходатайства были новыя правила о народныхъ чтеніяхъ, Высочайше утвер-

¹⁾ Правила о книжныхъ складахъ при начальныхъ училищахъ также введены въ дѣйствіе въ 1904 г. распоряженіемъ 18-го января.

жденныя 28-го января 1901 г. Правила эти вполнѣ устранили всѣ формальности, безъ нужды тормозившія дѣло. Народныя чтенія, какъ одно изъ средствъ начального народнаго образованія, поручались общему руководству министерства народнаго просвѣщенія. Разрѣшеніе на устройство народныхъ чтеній, учреждаемыхъ отдѣльными лицами, обществами и общественными учрежденіями, предоставлено директору народныхъ училищъ. Министрамъ и начальникамъ главныхъ управленій, въ вѣдѣніи которыхъ имѣются учебныя или образовательныя заведенія, предоставлено преподавать въ руководство по своимъ вѣдомствамъ правила о народныхъ чтеніяхъ при этихъ заведеніяхъ. Министру финансовъ предоставлено издать правила о народныхъ чтеніяхъ для чтеній, устраиваемыхъ попечительствами о народной трезвости, министру внутреннихъ дѣлъ—чтеній по медицинѣ и гигиенѣ. Къ произнесенію на чтеніяхъ допущены не только изданія, одобренныя для этой цѣли министерствомъ народнаго просвѣщенія, но, въ особыхъ случаяхъ, съ одобренія директора народныхъ училищъ, и сочиненія, не вошедшія въ каталогъ одобренныхъ книгъ и даже еще не отпечатанныя. Произнесеніе чтеній разрѣшено только лицамъ, къ принятію которыми обязанности чтеца не встрѣчается препятствія со стороны губернатора. Допущена и изустная передача сочиненія, предполагаемаго къ прочтенію, не выходя, однакожъ, изъ предѣловъ его содержанія. Въ развитіе этихъ общихъ началъ, 2-го декабря 1902 г. министерствомъ изданы правила для устройства народныхъ чтеній при учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Правилами этими установлено, что народныя чтенія устраиваются а) при училищахъ, подчиненныхъ училищнымъ совѣтамъ, съ разрѣшенія уѣзднаго училищнаго совѣта, а при начальныхъ училищахъ, подчиненныхъ непосредственно дирекціямъ народныхъ училищъ, съ разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ; б) при городскихъ по положенію 1872 г. и другихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ—съ разрѣшенія директора народныхъ училищъ и в) при прочихъ учебныхъ заведеніяхъ по усмотрѣнію ихъ непосредственныхъ начальствъ, съ доведеніемъ объ этомъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа. Расходы по устройству народныхъ чтеній отнесены на мѣстныя средства, но, кромѣ того, разрѣшено на этотъ предметъ давать пособія изъ суммы, ассигнуемой ежегодно по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на общія нужды народнаго образованія въ каждой губерніи.

Къ обращенію въ народныхъ бібліотекахъ, равно какъ къ помѣщенію въ книжныхъ складахъ при училищахъ, по общему правилу,

допускаются только изданія, разсмотрѣнныя ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и признанныя имъ пригодными для указаннаго назначенія. Затѣмъ, и къ публичному произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, допускаются также лишь сочиненія, получившія санкцію упомянутаго учрежденія. Въ виду многочисленныхъ жалобъ на недостаточную полноту издаваемыхъ министерствомъ на основаніи аттестаций ученаго комитета каталоговъ дозволенныхъ изданій, ученый комитетъ министерства въ истекшее десятилѣтіе несъ усиленные труды по разсмотрѣнію сочиненій, подлежащихъ его экспертизѣ. За послѣдніе 4 года къ обращенію въ народныхъ читальняхъ разрѣшено было свыше 3.100 наименованій, при чемъ по годамъ число это распредѣлялось такъ: въ 1899 г. внесено въ министерскій каталогъ 285 сочиненій, въ 1900 г.—486, въ 1901 г.—659, въ 1902 г.—835 и въ 1903 г.—903. Затѣмъ, только за одинъ 1903 г. ученымъ комитетомъ по отдѣльнымъ ходатайствамъ, безъ занесенія въ общіе каталоги, допущено было свыше 2.000 наименованій. Въ то же время область дозволенныхъ изданій весьма значительно была расширена устраненіемъ многихъ формальностей процедуры одобренія. 17-го февраля 1898 г. разрѣшено допускать къ обращенію въ народныхъ читальняхъ и библиотекахъ тѣ изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій, которыя признаны будутъ для того пригодными по соглашенію попечителя округа съ мѣстными губернаторомъ и епархіальнымъ преосвященнымъ. 28-го апрѣля 1901 г. разрѣшено выписывать на будущее время для ученическихъ библиотекъ низшихъ училищъ, а равно для народныхъ библиотекъ, журналы, удостоенные за одинъ или два года одобренія министерства. 10-го ноября того же года утверждены нижеслѣдующія опредѣленія ученаго комитета: 1) книги догматическаго и духовно-нравственнаго характера, а также спеціальнаго сельско-хозяйственнаго и техническаго содержанія, предназначаемыя для училищныхъ и народныхъ библиотекъ, допускать въ эти библиотеки тотчасъ же, какъ онѣ будутъ рекомендованы, одобрены или допущены духовнымъ вѣдомствомъ для библиотекъ церковно-приходскихъ училищъ и духовныхъ семинарій, а министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ—для библиотекъ подвѣдомственныхъ ему низшихъ учебныхъ заведеній; 2) всѣ книги, издаваемыя самимъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, а также издаваемыя въ свѣтъ съ разрѣшенія духовной цензуры, безпрепятственно допускать впредь въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ и въ безылатныя

народныя читальни и библіотеки, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя будутъ признаны святѣйшимъ синодомъ непригодными для помянутыхъ читаленъ и библіотекъ (о чемъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе въ церковныхъ вѣдомостяхъ); и 3) всѣ сочиненія, внесенныя въ каталогъ книгъ для низшихъ училищъ, считать на будущее время допущенными также въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни, и обратно—книги, разрѣшенныя къ приобрѣтенію въ послѣднія учрежденія,—допущенными въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ. 4-го марта 1902 г. разрѣшено пользоваться для народныхъ чтеній сочиненіями, значащимися въ каталогѣ книгъ и періодическихъ изданій для народныхъ библіотекъ, съ дозволенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мѣстнаго директора или инспектора народныхъ училищъ.

Принятія министерствомъ разнообразныя мѣры къ устраненію затрудненій въ пополненіи народныхъ библіотекъ и матеріала народныхъ чтеній не послужили препятствіемъ къ обсужденію вопроса о цѣлесообразности самой системы одобренія книгъ, принятой министерствомъ. Несомнѣнно, что однимъ изъ существеннѣйшихъ затрудненій къ своему временному пополненію министерскихъ каталоговъ вновь выходящими изданіями является сосредоточеніе разсмотрѣнія книгъ въ одномъ центральномъ учрежденіи министерства. Министерство народнаго просвѣщенія, имѣя въ виду, что существующій законъ даетъ извѣстную компетенцію въ одобреніи книгъ совѣтамъ попечителей учебныхъ округовъ, и что новыя правила о народныхъ чтеніяхъ предоставили въ извѣстныхъ случаяхъ право цензуры директорамъ народныхъ училищъ, проектировало новыя правила о порядкѣ одобренія книгъ, назначаемыхъ для народнаго чтенія и слушанія, на началахъ децентрализаціи. Проектъ этотъ составляетъ въ настоящее время предметъ обсужденія высшихъ административныхъ учреждений.

Изъ всѣхъ наличныхъ средствъ образованія взрослого населенія наиболѣе неорганизованнымъ представлялось до послѣдняго времени школьное обученіе. Уставъ учебныхъ заведеній 1828 г. вовсе не предусматрѣлъ школъ для взрослого населенія. Школьное обученіе взрослыхъ началось у насъ только въ эпоху освобожденія, и первоначально вигъ всякаго правительственнаго вѣдѣнія, въ видѣ воскресныхъ школъ. Министерство народнаго просвѣщенія въ это время до такой степени стояло въ сторонѣ отъ этого дѣла, что первое правительственное распоряженіе, относившееся до воскресныхъ школъ, состоялось по вѣдомству не министерства народнаго просвѣщенія, а министерства внутреннихъ дѣлъ. Это былъ циркуляръ отъ 28-го марта

1860 г. Въ этомъ циркулярѣ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Лалской, полагая, что учрежденіе въ городахъ воскресныхъ школъ для ремесленныхъ учениковъ и рабочихъ должно принести существенную пользу для городскихъ обществъ, и что устройство такихъ школъ, какъ показалъ опытъ (по г. С.-Петербургу и Архангельску), не требуетъ значительныхъ издержекъ, по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, предлагалъ губернаторамъ войти въ соображенія по устройству такихъ школъ повсемѣстно. Собственно въ систему образовательныхъ учреждений министерства народнаго просвѣщенія воскресныя школы были введены положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ 25-го іюня 1864 г. Затѣмъ Высочайше утвержденной 31-го октября 1871 г. инструкціей инспекторамъ народныхъ училищъ на обязанность этихъ должностныхъ лицъ возлагалось попеченіе о томъ, чтобы при училищахъ, гдѣ окажется возможнымъ, были устраиваемы особые уроки для взрослыхъ поселянъ, на счетъ мѣстныхъ источниковъ. Положеніемъ о городскихъ училищахъ, Высочайше утвержденнымъ 31-го мая 1872 г., разрѣшалось при этихъ училищахъ, по желанію мѣстнаго общества и на его счетъ, устраивать воскресныя и вечерніе курсы для взрослыхъ. Основными положеніями о промышленныхъ училищахъ 7-го марта 1888 г. предусматрѣна возможность присоединенія къ промышленнымъ училищамъ дополнительныхъ школъ для обученія занятыхъ въ промышленныхъ заведеніяхъ рабочихъ въ свободное отъ промышленныхъ работъ время. Затѣмъ циркуляромъ министерства народнаго просвѣщенія 28-го іюня 1874 г. было объяснено, что допущеніе взрослыхъ лицъ къ обученію въ начальныхъ народныхъ училища признается неудобнымъ, и для такихъ лицъ должны быть открываемы или воскресныя школы, или особые уроки, а циркуляромъ 28-го октября 1885 г. министерство предлагало учебнымъ начальствамъ оказывать всевозможное содѣйствіе профессиональнымъ школамъ, низшимъ техническимъ и школамъ для рабочихъ, стараясь, между прочимъ, обезпечить такія школы, въ особенности вновь учрежденныя, на первое время ихъ существованія постояннымъ удобнымъ бесплатнымъ или наиболѣе дешевымъ помещеніемъ.

Въ этомъ заключалась вся регламентація обученія взрослыхъ до послѣдняго времени. Она оставляла безъ опредѣленія самыя существенныя стороны дѣла. Она открывала возможность возбужденія столь наивныхъ вопросовъ, какъ напр. позволительно ли обучать взрослыхъ татаръ разговорному русскому языку, не обезпечивая при этомъ удовлетворительнаго разрѣшенія подобныхъ вопросовъ. Между тѣмъ въ той мѣрѣ, какъ

распространялась грамотность въ средѣ подростяющихъ поколѣній, сильнѣе проявлялось стремленіе къ образованію и между взрослымъ населеніемъ. Такое положеніе дѣла обязывало министерство народнаго просвѣщенія поставить вопросъ о правильной организаціи училищъ, назначаемыхъ для обученія взрослому населенію. Въ той его части, въ которой онъ подлежалъ юрисдикціи самого министерства, онъ разрѣшенъ утвержденными 22-го августа 1902 г. правилами объ урокахъ, учреждаемыхъ при учебныхъ заведеніяхъ для взрослому населенія. Правилами этими устанавливается, что уроки для взрослыхъ могутъ быть учреждаемы для изученія общеобразовательныхъ или специальныхъ предметовъ или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Уроки могутъ быть учреждаемы для лицъ мужскаго и женскаго пола, но для каждаго пола отдѣльно. Учредителями уроковъ для взрослыхъ могутъ быть не только земства, общества и частныя лица, но и само учебное заведеніе. На урокахъ для взрослыхъ могутъ быть преподаваемы предметы, входящіе въ курсъ того учебнаго заведенія, при которомъ они отырываются, и по программамъ, не превышающимъ этотъ курсъ. Предметы преподаванія, продолжительность курса ученія, объемъ преподаванія, время занятій, число учебныхъ часовъ и способы вознагражденія преподавателей опредѣляются сообразно мѣстнымъ условіямъ директоромъ народныхъ училищъ по соглашенію съ учителями. Затѣмъ, такъ какъ особыя школы для взрослому населенія не предусмотрены дѣйствующимъ закономъ и требуютъ санкціи законодательной власти, министерствомъ разрабатывается соответственный проектъ для внесенія въ государственныя совѣты.

VI.

Все, изложенное выше, свидѣтельствуетъ о томъ, насколько въ послѣднее время дѣло народнаго образованія разрослось въ ширь и въ глубь. Такая перемѣна въ положеніи дѣла вызывала необходимость соответственныхъ измѣненій и въ формахъ завѣдыванія дѣломъ. Въ этомъ отношеніи на первую очередь выступала вопросъ о школьной инспекціи.

Школьная инспекція составляетъ необходимую принадлежность правильно организованной школы, какъ учрежденіе, обеспечивающее ея продуктивность и образовательное значеніе. Поэтому развитіе института инспекціи всегда сопутствовало поступательному движенію школы. Въ нашемъ отечествѣ школьная инспекція явилась одновре-

менно съ установленіемъ плана народнаго образованія и учрежденіемъ первой сѣти народныхъ училищъ, какъ необходимая органическая часть общей системы училищнаго устройства. По уставу училищъ Россійской имперіи 22-го сентября 1786 г., общее руководство учебною частью во всѣхъ училищахъ каждой губерніи ввѣрялось директору училищъ, ближайшій же надзоръ за училищами въ каждомъ уѣздѣ возлагался на смотрителей. Основной принципъ этой организаціи остался неизмѣннымъ до настоящаго времени. Когда, въ эпоху реформъ, правительство обратило особенное вниманіе на дѣло народнаго образованія, учреждены были, впервые въ Сѣверо-Западномъ краѣ, взамѣнъ смотрителей, должности инспекторовъ для ближайшаго завѣдыванія открываемыми начальными училищами. Затѣмъ, когда введены были въ 34 губерніяхъ земскія учрежденія, то въ числѣ первыхъ ходатайствъ, поступившихъ на разсмотрѣніе правительства изъ вновь образованныхъ мѣстныхъ учрежденій, были ходатайства объ учрежденіи особыхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ. Въ 1869 г. эти должности были учреждены по одной на каждую изъ земскихъ губерній, при чемъ общее завѣдываніе училищами продолжало лежать на губернскихъ директорахъ училищъ, которые въ то же время были и директорами гимназій. Въ 1874 г. школьный надзоръ сложился въ ту форму, какую онъ имѣетъ въ настоящую пору. Въ этомъ году на обсужденіе государственнаго совѣта представленъ былъ проектъ организаціи школьнаго надзора, въ основу котораго легла мысль, что въ каждой губерніи долженъ быть особый директоръ народныхъ училищъ и въ каждомъ уѣздѣ его помощникъ въ лицѣ инспектора народныхъ училищъ. Однакожь законъ 25-го мая 1874 г., установивъ этотъ принципъ, въ силу практической необходимости, ограничился лишь нѣкоторыми начальными шагами на пути къ предполагаемой цѣли. Реформа была ограничена лишь губерніями, гдѣ введены земскія учрежденія, но и здѣсь введена далеко не въ законченномъ видѣ: особыя должности директоровъ народныхъ училищъ были введены во всѣхъ этихъ губерніяхъ, но число инспекторовъ было ограничено двумя на губернію. Дальнѣйшія законодательныя мѣры хоти и приблизили организацію школьнаго надзора къ установленной нормѣ, но все же не въ желательной степени. Послѣ того какъ, на основаніи Высочайше утвержденного 27-го апрѣля 1876 г. мнѣнія государственнаго совѣта, число инспекторовъ народныхъ училищъ въ губерніяхъ съ земскими учрежденіями было увеличено еще на 76, вниманіе министерства народнаго просвѣщенія было обращено

преимущественно на введеніе инспекціи въ остальныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Что же касается инспекціи училищъ въ земскихъ губерніяхъ, то здѣсь усиленіе инспекціи происходило почти исключительно на счетъ земства. Въ половинѣ 90 годовъ организація школьнаго надзора представлялась въ такомъ видѣ. На 89 губерній и областей и 757 уѣздовъ и округовъ въ Имперіи состояло 66 директоровъ и 302 инспектора народныхъ училищъ. На 1 инспектора народныхъ училищъ въ среднемъ приходилось по 118 училищъ и 64 тысячи квадратныхъ верстъ пространства. 4 области не имѣли вовсе ни директоровъ, ни инспекторовъ народныхъ училищъ. 23 губерніи и области не имѣли особыхъ директоровъ народныхъ училищъ. Въ 1899 г. министерство внесло въ государственный совѣтъ представленіе объ учрежденіи 8 должностей директоровъ и 108—инспекторовъ народныхъ училищъ. Не имѣя возможности и теперь осуществить организацію школьнаго надзора въ томъ видѣ, какъ она была задумана еще въ 1874 г., министерство признавало возможнымъ не учреждать пока должности директоровъ въ тѣхъ губерніяхъ и областяхъ, гдѣ число училищъ было незначительно, при опредѣленіи же количества инспекторскихъ участковъ принять слѣдующія основанія: 1., участокъ долженъ состояти не болѣе, чѣмъ изъ двухъ уѣздовъ; 2., число училищъ въ участкѣ, состоящемъ изъ двухъ уѣздовъ, не должно превышать 100; 3., уѣзды и города, имѣющіе свыше 100 училищъ, должны составлять особые инспекторскіе участки. Предположенія министерства были приняты государственнымъ совѣтомъ и получили осуществленіе въ законѣ 24-го мая 1900 г. Однакожъ послѣдовавшее увеличеніе штатовъ инспекціи въ скоромъ времени, съ открытіемъ многихъ новыхъ училищъ, очень мало измѣнило положеніе дѣла, и въ 1903 г. министерство внесло въ государственный совѣтъ представленіе о новомъ усиленіи штатовъ инспекціи 66 лицами ¹⁾).

Послѣдовавшее въ теченіи истекшаго десятилѣтія увеличеніе состава школьнаго надзора въ значительной мѣрѣ облегчило тягости инспекторской службы, которая, при меньшемъ числѣ завѣдуемыхъ училищъ и сокращеніи разѣздовъ почти на 50%, оплачивалась въ прежнемъ размѣрѣ. Въ этомъ улучшеніи положенія инспекторовъ народныхъ училищъ, освобождающемъ массу энергій для производительнаго труда, нельзя не усмотрѣть важнаго обезпеченія большей успѣш-

---

¹⁾ Предположеніе это рассмотрѣно и принято государственнымъ совѣтомъ въ текущемъ году.

ности руководительной дѣятельности инспекціи народныхъ училищъ. Къ той же цѣли было направлено распоряженіе министерства, освобождавшее инспекторовъ отъ представленія министерству подробныхъ отчетовъ по осмотру училищъ, требовавшихъ у инспекторовъ обширнаго канцелярскаго труда и отнимавшихъ время отъ живого дѣла. Возбужденный министерствомъ вопросъ объ увеличеніи содержанія инспекторовъ въ теченіи истекшаго десятилѣтія не получилъ разрѣшенія и относится до задачъ, имѣющихся въ виду въ ближайшемъ будущемъ.

Но нельзя не признать въ высшей степени благопріятной перемѣны, послѣдовавшей въ истекшее десятилѣтіе въ положенія директоровъ народныхъ училищъ, а также инспекторовъ, завѣдующихъ училищами на правахъ директоровъ.

Законъ 25-го мая 1874 г. создавалъ для директоровъ народныхъ училищъ условія дѣятельности, которыя нельзя признать благопріятными. До учрежденія дирекцій народныхъ училищъ управленіе низшими учебными заведеніями лежало на обязанности губернскихъ директоровъ училищъ, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ директорами гимназій. При директорахъ гимназій находились правильно организованныя канцеляріи, состоявшія изъ штатныхъ писмоводителей и бухгалтеровъ, а также канцелярскихъ служителей. Въ этихъ канцеляріяхъ сосредоточивалось все дѣлопроизводство и счетоводство какъ по гимназіямъ, такъ и по низшимъ учебнымъ заведеніямъ каждой губерніи. Съ учрежденіемъ особыхъ должностей директоровъ народныхъ училищъ, штатныя канцеляріи остались при директорахъ гимназій, а директорамъ народныхъ училищъ даны канцелярскія суммы, въ размѣрѣ по 300 р. каждому. Располагая такими канцелярскими средствами, директора лишены были возможности приглашать для занятія писмоводствомъ болѣе или менѣе опытныхъ и надежныхъ лицъ, а потому по необходимости занимались сами дѣлопроизводствомъ, счетоводствомъ и денежною отчетностію и такимъ образомъ значительную часть своего времени должны были посвящать канцелярскому труду. Но и при этомъ условіи они оказывались не въ состояніи вести въ строгомъ порядкѣ дѣлопроизводство и исполнять всѣ бумаги съ должною скоростію. Самое же существенное зло, являвшееся послѣдствіемъ переобремененія директоровъ народныхъ училищъ канцелярскою работою, заключалось въ томъ, что эти лица не имѣли достаточно времени, чтобы исполнять свои важнѣйшія обязанности—производить личные осмотры училищъ, провѣрять и направлять дѣя-

тельность подчиненныхъ имъ инспекторовъ народныхъ училищъ и принимать болѣе живое участіе въ дѣлѣ распространенія начальнаго образованія и улучшенія учебно-воспитательной части.

Объясненные обстоятельства побудили министерство народнаго просвѣщенія въ истекшее десятилѣтіе предпринять рядъ настойчивыхъ ходатайствъ предъ государственнымъ совѣтомъ объ учрежденіи при директорахъ народныхъ училищъ особыхъ канцелярій. Въ удовлетвореніе этихъ ходатайствъ, Высочайше утвержденнымъ 24-го мая 1900 г. мѣрніемъ государственнаго совѣта при всѣхъ директорахъ народныхъ училищъ положено имѣть особыхъ штатныхъ дѣлопроизводителей, а канцелярскія суммы директоровъ народныхъ училищъ увеличены на 300 р., и затѣмъ такимъ же закономъ 25-го февраля 1902 г. еще на 700 р.

Далѣе, принимая во вниманіе, что инспекторы народныхъ училищъ тѣхъ губерній и областей, гдѣ не учреждено должностей директоровъ народныхъ училищъ, несутъ обязанности, равносильныя директорскимъ, министерство исходатайствовало учрежденіе должностей дѣлопроизводителей при этихъ инспекторахъ. Выѣстъ съ этимъ увеличены были канцелярскія и разъѣздныя суммы этихъ инспекторовъ въ размѣрѣ отъ 600 до 1000 р. (законы 23-го декабря 1902 г. и юнія 1903 г.).

Улучшеніе условій дѣятельности школьной инспекціи не могло однако же составить послѣдняго слова въ дѣлѣ усовершенствованія училищнаго строя. Ощущалась необходимость болѣе радикальныхъ мѣръ. Измѣнившіяся условія жизни создали въ области народнаго образованія столько новыхъ формъ, что становилось крайне затруднительнымъ подгонять ихъ къ типамъ отношеній, получившимъ происхожденіе въ иное время, при другой фазѣ развитія дѣла. Вслѣдствіе этого становилась настоятельной потребностью пересмотра самыхъ основаній дѣйствующей училищной системы.

Эта система, собственно говоря, давно уже перестала быть системой, превратившись въ механическій агрегатъ отдѣльныхъ частей, плохо прилаженныхъ одна къ другой и трудно совмѣщающихся. Основаніемъ дѣйствующей училищной системы послужилъ уставъ учебныхъ заведеній 8-го декабря 1828 г., въ свою пору представлявшій стройное цѣлое, вполне законченное и округленное. Въ теченіи 70 лѣтъ изъ этого идеально гармоничнаго зданія послѣдовательно извлекали камень за камнемъ, то оставляли пустоту, то замѣщая ее дурно втиснутымъ новымъ матеріаломъ. Въ области начальнаго образованія

въ особенности чуткой къ теченію жизни, это осложненіе системы новыми наслоеніями ощущалось особенно замѣтно. Наряду съ уставомъ 1828 г., частію въ замѣну, частію въ дополненіе его, явилось нѣсколько новыхъ узаконеній съ райономъ дѣйствія то общеимперскимъ, то областнымъ, при чемъ не во всѣхъ случаяхъ опредѣлялось отношеніе новаго закона къ дѣйствовавшему прежде. Въ настоящую пору въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія имѣется 13 типовъ начальныхъ училищъ, существующихъ по особымъ уставамъ, для нихъ только даннымъ. Это значитъ, что заведенія, по существу своему если не тождественныя, то однородныя управляются тринадцатью различными способами. Такая сложная и запутанная система сбиваетъ съ толку даже знатоковъ и является поводомъ къ нескончаемымъ недоразумѣніямъ какъ для населенія, такъ въ особенности для лицъ и учреждений, имѣющихъ отношеніе къ завѣдыванію дѣлами народнаго образованія.

Въ февралѣ 1902 г. образована была при министерствѣ народнаго просвѣщенія особая комиссія, на которую возложенъ былъ пересмотръ всѣхъ узаконеній о начальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія съ цѣлю выработки новаго устава о низшей школѣ, который возвратилъ бы училищному строю утраченную гармонию. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года комиссія закончила свои занятія. Составленный ею проектъ положенія о низшей школѣ сводитъ начальныя училища къ тремъ главнымъ типамъ, училищамъ одноклассному, двухклассному и четырехклассному, общимъ для всѣхъ мѣстностей и всякаго населенія, городского и сельскаго, мужскаго и женскаго; при чемъ училища одноклассныя и двухклассныя подчиняются училищнымъ совѣтамъ, а училища четырехклассныя—исключительному вѣдѣнію директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Этотъ проектъ однако же не вышелъ еще изъ области предположеній и не получилъ окончательной обработки.

VI.

Произведенныя въ истекшее десятилѣтіе министерствомъ народнаго просвѣщенія обширныя работы по предначертанію законовъ должны были опираться на тщательномъ изслѣдованіи и изученіи фактическаго матеріала. Существенными пособіями въ этомъ случаѣ служили, прежде всего, всеподданнѣйшіе отчеты по министерству народнаго просвѣщенія и затѣмъ издаваемые министерствомъ сбор-

ники постановленій и распоряженій по министерству. Но эти источники не представляли достаточнаго матеріала для полнаго освѣщенія тѣхъ сторонъ дѣла, которыя являлась потребностью выяснить со всею очевидностію. Во многихъ случаяхъ это могло достигаться лишь совокупностію статистическихъ данныхъ, достаточно полныхъ и соотвѣтственно группированныхъ. Прилагаемая къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ статистическія таблицы даютъ свѣдѣнія о состояніи дѣла народнаго образованія въ общихъ цифрахъ по учебнымъ округамъ, ограничиваясь при этомъ только исчисленіемъ училищъ, учащихся, учащихся и средствъ содержанія. Представлялась необходимостью имѣть свѣдѣнія по отдѣльнымъ мѣстностямъ по болѣе расширенной программѣ, освѣщающихъ положеніе дѣла во всѣхъ его существеннѣйшихъ чертахъ. Потребность эта была удовлетворена рядомъ соотвѣтственныхъ изданій министерства. Серія изданій этого рода, исполненныхъ министерствомъ въ истекшее десятилѣтіе, началась выпускомъ въ свѣтъ въ 1898 г. книги „Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской Имперіи за 1896 годъ“. Этотъ сборникъ представлялъ собою первую у насъ попытку собрать свѣдѣнія, относящіяся не только къ начальнымъ училищамъ всѣхъ вѣдомствъ и всякаго рода категорій, но и къ прочимъ народообразовательнымъ учрежденіямъ. Въ слѣдующемъ году выпущенъ альбомъ діаграммъ, наглядно представляющихъ тѣ же данныя. Въ 1900 г. данъ второй выпускъ сборника статистическихъ свѣдѣній, съ данными за 1898 г. Въ 1902 г. сдѣланъ третій выпускъ, содержащій опытъ сравнительнаго обзоренія успѣховъ начальнаго народнаго образованія въ разныхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи, съ 10 графическими приложеніями въ особомъ альбомѣ. Въ 1903 г. послѣдовалъ выпускъ IV тома сборника, содержащій данныя за 1900 годъ.

Вл. Фармаковский.

ЭКЗАМЕНЫ ВЪ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛѢ.

Не мало спорятъ теперь о значеніи экзаменовъ. Иные желаютъ совершенно уничтожить ихъ, другіе находятъ въ экзаменахъ и хорошія стороны, говорятъ, что экзамены заставляютъ пройти въ короткое время весь предметъ, что содѣйствуетъ болѣе глубокому пониманію его, и развиваютъ умѣние сосредоточиваться на работѣ и искать въ ней общихъ идей. Много указываютъ и дурныхъ сторонъ въ экзаменахъ, говорятъ о неблагопріятномъ вліяніи ихъ на здоровье.

Но мы намѣрены говорить не о значеніи экзаменовъ вообще, а объ экзаменахъ въ начальныхъ училищахъ, сельскихъ и городскихъ, гдѣ экзамены имѣютъ огромное значеніе, но не то, какое имѣютъ они въ средней школѣ. Между тѣмъ, говоря объ экзаменахъ, обыкновенно думаютъ о средней школѣ и всѣ свои заключенія о послѣднихъ цѣлкомъ относятъ къ экзаменамъ начальной школы, такъ какъ у насъ очень мало лицъ близко знающихъ жизнь начальной школы, и даже экзаменаторами въ ней нерѣдко являются лица, впервые пріѣзжающія въ начальную школу, какъ принявшія по званію попечителя одной изъ таковыхъ порученіе отъ училищнаго совѣта произвести въ ней экзаменъ, хотя такого знакомства со школою далеко недостаточно для пониманія, что нужно спрашивать на экзаменѣ и какъ спрашивать.

Въ средней школѣ экзаменъ—тягота, которую огромное большинство учащихся съ величайшимъ удовольствіемъ свалило бы съ плечъ; но всѣ являются на экзаменъ, чтобы получить даваемые имъ „права“. Если же преподаватели, зная экзаменующагося, ставятъ отмѣтку почти не спрашивая, ученику это доставляетъ только удовольствіе.

Въ начальныхъ школахъ экзаменъ—торжественное событіе, почти праздникъ, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаютъ. Ученики бываютъ

искренне огорчены и недовольны, если ихъ мало спрашиваютъ; недовольны бываютъ и учащіе. Но на экзаменъ являются не всѣ дѣти, потому что родители по бѣдности, не дождавшись экзамена, должны отдавать дѣтей на работы.

Очевидно, многіе крестьяне отдаютъ дѣтей въ школу не потому, что ищутъ правъ на льготу (фактически и не существующую, такъ какъ на дѣйствительной службѣ теперь не держатъ болѣе 4 лѣтъ), а цѣнить знанія. Если у экзаменующихся въ школѣ дѣтей и бываетъ страхъ, то подъ вліяніемъ страха учащихся (у которыхъ есть причины бояться экзаменовъ) или просто смущеніе отъ необычной обстановки. Только отъ окриковъ экзаменаторовъ, любящихъ строгость, дѣйствительно трусятъ дѣти; если же экзаменаторъ просто себя держитъ и интересуется отвѣтами дѣтей, то послѣднія торжественно отвѣчаютъ, а остальные напряженно слушаютъ; на нихъ дѣйствуетъ сознаніе исполненнаго ими долга, они учились—и выучились; еще интересуется ихъ вопросъ: доволенъ-ли учитель или учительница отвѣтами? Сознаніе своего долга „учиться“ необыкновенно сильно развито у большинства дѣтей въ начальныхъ училищахъ, особенно сельскихъ, даже у дѣтей лѣнивыхъ по природѣ. Ученье же само по себѣ страшно интересуется огромное большинство школьниковъ и высоко ими цѣнятся, поэтому-то и удостовѣреніе, что они выучились, чему положено учиться, составляетъ ихъ гордость. Если на экзаменѣ вы мало спрашивали—вы выразили этимъ пренебреженіе къ тому, что школьникамъ дорого, не цѣните ихъ труда, не хотите обратить на него вниманіе, тогда какъ они знаютъ, что вы должны обратить вниманіе, такъ какъ пріѣхали на экзаменъ. Вотъ почему дѣти недовольны и даже уваженіе къ вамъ поколеблено, такъ какъ вы-то не исполнили своего долга.

До какой степени высоко цѣнятся народомъ это признаніе ихъ познаній, очень ясно видно изъ того, что повсюду, гдѣ только дѣлалась провѣрка познаній, сохранившихся у бывшихъ школьниковъ до зрѣлаго возраста, почти всѣ, приглашенные на такого рода испытаніе, не только являлись, но часто еще благодарили за приглашеніе. А такая провѣрка гдѣ-нибудь никаксихъ правъ имъ не давала. Что сказали бы мы, разныхъ степеней совѣтчики, если бы намъ было предложено публично испытать, какія познанія сохранили мы изъ пройденнаго въ школѣ курса Закона Божія, русскаго языка и др. предметовъ?

Замѣтимъ еще, что дѣти въ селахъ очень часто съ торжествомъ идутъ на экзаменъ за нѣскольکو верстъ, во время разлива рѣкъ и

весенней распутицы по дорогамъ, имѣя въ запасѣ только краюху хлѣба. Даже самыя маленькія дѣти бываютъ огорчены и растеряны, если экзаменаторы не спросятъ у нихъ тѣхъ стихотвореній, которыя дѣти учили, и не послушаютъ, какъ они читаютъ.

Для учащихся въ начальныхъ школахъ гораздо болѣе чѣмъ въ средней школѣ представляютъ важное и трудное время эти экзамены. И въ средней школѣ характеръ экзаменационныхъ требованій сильно вліяетъ на ходъ всего учебнаго дѣла. Сильно вліяло, напримѣръ, требованіе на испытаніяхъ зрѣлости переводовъ съ русскаго языка на древніе; въ обратную сторону вліяло отсутствіе экзамена по физикѣ и особенно по космографіи, которую было положено проходить въ послѣдній годъ передъ „испытаніями зрѣлости“.

Въ начальной школѣ вліяніе экзаменовъ на весь строй учебнаго дѣла еще значительнѣе. Оно очень велико, во-первыхъ, потому, что нерѣдко только на экзаменѣ учащіе встрѣчаются со своимъ начальствомъ. У инспекторовъ въ районахъ такъ много школъ, что при короткомъ учебномъ годѣ (не болѣе 25 учебныхъ недѣль) они не успѣваютъ и по одному разу побывать въ каждой школѣ, а другіе члены училищныхъ совѣтовъ обыкновенно даже мало знакомы со школьнымъ дѣломъ, заняты другими своими дѣлами и по большей части въ школахъ только и бываютъ на экзаменахъ. Очень рѣдко посѣщаютъ школы и представители земствъ—объ успѣхахъ школы всѣ судятъ по большей части по экзамену. При такихъ условіяхъ экзаменъ, понятно, долженъ волновать учащихся. Есть уѣзды, въ которыхъ даже размѣръ вознагражденія учащихся зависитъ отъ экзамена (выдаются, напримѣръ, преміи за каждого сдавшаго экзаменъ ученика).

Съ другой стороны экзаменъ волнуетъ учащихся и потому, что, всю зиму живя и работая одиноко, учащіе сами *интересуются* услышать отзывъ о результатахъ ихъ работы, не по практическимъ соображеніямъ только, а по искреннему интересу къ дѣлу; имъ хочется побесѣдовать о школьныхъ дѣлахъ съ человѣкомъ, тоже близко стоящимъ къ школѣ. Если въ экзаменаторѣ учащіе встрѣчаютъ лицо дѣйствительно понимающее ихъ дѣло и интересующееся имъ, тотчасъ же оживляются и готовы толковать безъ конца.

Есть еще и третья причина волненія учащихся на экзаменѣ: чьи ученики лучше отвѣтятъ? Мелочное, но нерѣдко встрѣчающееся соревнованіе школъ.

Во всякомъ случаѣ экзамены въ начальной школѣ составляютъ наиболѣе доступную и потому самую важную форму контроля за хо-

домъ собственно учебнаго дѣла; а во всякомъ дѣлѣ контроль—гигіена дѣла.

Когда въ одномъ изъ большихъ городовъ возникъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли уничтожить экзамены въ начальныхъ школахъ, сами учащіе откровенно признавали, что это совсѣмъ нежелательно, такъ какъ вниманіе учащихся къ дѣлу невольно ослабѣетъ, даже понизится интересъ къ дѣлу, такъ какъ къ нему не будетъ прежняго интереса и у наблюдателей; станетъ развиваться, говорили учащіе, склонность къ примѣненію исключительныхъ пріемовъ. И дѣйствительно оказалось, что въ тѣхъ школахъ, гдѣ экзаменовъ не дѣлалось, общій уровень школъ понизился.

Выше было упомянуто, какъ неблагопріятно отразилось въ средней школѣ на преподаваніи нѣкоторыхъ предметовъ отсутствіе по нимъ экзамена при испытаніяхъ зрѣлости; между тѣмъ въ средней школѣ контроль за ходомъ учебнаго дѣла гораздо полнѣе, чѣмъ въ начальной школѣ, и проявляется въ различныхъ формахъ помимо экзамена.

Вліяніе экзаменовъ на жизнь и развитіе начальной школы велико, могутъ они имѣть и хорошее, оживляющее жизнь школы значеніе, но могутъ и тяжело ложиться какъ на школу, такъ и на учащихся—въ зависимости отъ экзаменаторовъ. Министерство вполнѣ предвидѣло это, издавая правила испытаній на льготу по воинской повинности (въ сущности школьные экзамены) въ 1885 г., и потому позаботилось о коллегіальномъ составѣ экзаменационной комиссіи, въ которой членъ училищнаго совѣта или другое лицо, назначенное совѣтомъ для производства испытаній, состоитъ лишь предсѣдателемъ комиссіи и ставитъ отмѣтки, имѣющія *равное* значеніе съ отмѣтками другихъ экзаменаторовъ, но экзаменовать должны учащіе (см. § 14 правилъ 1885 г.). На дѣлѣ очень часто бываетъ не такъ: предсѣдатели склонны считать себя *единственными* экзаменаторами, заявляютъ, что училищный совѣтъ или поручилъ экзаменовать и отстраняютъ другихъ отъ дѣятельнаго участія въ экзаменѣ, сами выбираютъ и текстъ для диктовки; не позволяютъ они и поддержать ученика въ случаѣ его смущенія, не позволяютъ возражать, поступаая сами несогласно съ обязательными для нихъ правилами 1885 г. Учащіе такъ сильно зависятъ отъ предсѣдателей, что стушевываются и молчатъ, выбѣгая только въ другую комнату, чтобы излить свое негодованіе передъ товарищами. Такъ поступаютъ иногда и инспекторы, пріѣзжающіе на экзаменъ, и члены училищныхъ совѣтовъ, и попечители школы, и помощники предводителей, конечно не всѣ. Инспекторы, вообще говоря, въ подобныхъ

случаяхъ даже легче для учащихся, потому что они все же гораздо ближе стоятъ къ школѣ, лучше ее знаютъ; требованія же экзаменаторовъ, назначенныхъ отъ училищныхъ совѣтовъ, обыкновенно съ трудомъ приписываемыхъ въ достаточномъ числѣ, нерѣдко бываютъ совершенно случайны и даже произвольны, иногда только по незнанію дѣла, иногда по нежеланію даже справиться, что надо и возможно требовать, а иногда надо всѣмъ преобладаетъ желаніе какъ можно скорѣе кончить работу. Бываютъ и такіе, которые любятъ внушать страхъ.

Одинъ предсѣдатель спрашиваетъ очень мало, довольствуется тѣмъ, что ребенокъ расскажетъ о Рождествѣ Христовѣ, прочтаетъ нѣсколько строкъ по книгѣ и скажетъ, что 35 да 25 составляютъ 60; но ни дѣти, ни учащіе не любятъ такихъ экзаменаторовъ, видятъ въ нихъ, какъ сказано выше, только пренебреженіе къ своей работѣ: „учили, учили, а ничего-то насъ и не спросили“. Другіе экзаменаторы, наоборотъ, требуютъ, чтобы экзаменующіеся считали въ умѣ съ милліонами, да еще быстро считали, или спрашиваетъ о томъ, какъ сокращаются придаточныя предложенія, что вовсе не полагается знать дѣтямъ, оканчивающимъ начальную школу, или требуютъ знанія всей книги для чтенія, или заставляютъ перечислить по порядку всѣхъ царей израильскихъ.

Когда на экзаменахъ спрашиваютъ все правила правописанія, зимой въ школахъ стараются изучить побольше и подтверже изъ грамматики, дѣлаютъ какъ можно больше диктовокъ, передъ экзаменомъ упражняются ежедневно, до поздней иногда ночи... а на экзаменъ вдругъ пріѣзжаетъ новый предсѣдатель, любитель арифметики, и спрашиваетъ о томъ, сколько у него въ лѣвомъ карманѣ денегъ, если онъ переложилъ туда изъ праваго кармана столько, сколько было уже въ лѣвомъ, да еще разъ столько же и тогда въ немъ оказалось на 24 р. больше чѣмъ въ правомъ. Ничѣмъ не обезпечена школа и отъ того, что на третій годъ пріѣдетъ опять новый экзаменаторъ, который даже будетъ цѣнить больше развитіе дѣтей (что по существу дѣла и должно быть въ начальной школѣ), но по неумѣлости будетъ требовать объясненій, почему въ южномъ полушаріи зима, когда у насъ лѣто и т. п. Опять, можетъ быть, школа провалится, будутъ плакать дѣти и учащіе.

Такое незнаніе дѣла, такая случайность въ требованіяхъ, трудность урегулировать ихъ, такъ какъ экзаменаторы разбросаны по разнымъ недосыгаемымъ почти угламъ, и наша непривычка соблюдать правила, даже склонность считать „правила“ только неприятными и „мѣ-

шающими развитію дѣла“, и вызвали тѣ нежелательныя явленія въ школахъ, тѣ увлеченія правописаніемъ, диктовкой и хитрыми задачами, которыя всѣми осуждаются и ошибочно приписываются желаніямъ министерства. Говорятъ, что министерство требовало только правописанія, почему и включило въ правила объ испытаніяхъ только требованіе диктовки на письменной работѣ. Прочитайте „правила“. Въ нихъ сказано (§ 37, примѣчаніе е): „письменная работа признается удовлетворительною, если продиктованный отрывокъ написанъ четко и скорописью, безъ линеекъ и безъ пропуска или искаженія продиктованныхъ словъ“. Тутъ никакого увлеченія правописаніемъ нѣтъ, требованіе очень скромное и разумное. Любовь къ правописанію создана экзаменаторами. Мы не говоримъ, что они сознательно къ этому стремились, но о грамматической правильности можетъ судить даже самый неопытный экзаменаторъ, а каждый изъ нихъ учился въ болѣе-шей школѣ, гдѣ правописаніе требовалось, да и глаза рѣжетъ, когда читаешь „одаца квартера“... Экзаменаторы и стали очень часто судить объ успѣхахъ школы по такому внѣшнему, легко уловимому признаку, понятному и неопытному человѣку. Стали считать, сколько сдѣлано ошибокъ, и по счету, а не качеству ихъ, которое опредѣлить можетъ только знающій дѣло экзаменаторъ, ставили отмѣтки, оцѣнивали и дѣятельность учителя. Учащіе стали налегать на правописаніе, что дальше, то больше.

Утвержденіе, что министерство только и цѣнило правописаніе и потому требовало только диктовки, совершенно ошибочно. Въ 1885 г., когда составлялись правила и школы развились еще мало, министерство не считало возможнымъ поставить общимъ требованіемъ для всѣхъ школъ Россіи умѣнье излагать содержаніе только что прочитанной статьи, такъ какъ это требуетъ уже значительнаго развитія, и ограничилось болѣе скромнымъ требованіемъ умѣнья только записать продиктованныя строки „безъ пропуска и искаженія словъ“. Это требованіе, повторяемъ, увлеченія правописаніемъ, охватившаго школы, въ себѣ вовсе не заключаетъ.

Подобное же искаженіе смысла требованій создано и по ариметикѣ. Въ § 36 „правилъ“ говорится: „предлагается экзаменуемымъ рѣшить двѣ ариметическія задачи по назначенію комиссін, съ цѣлью опредѣлить знакомство ихъ съ 4 ариметическими дѣйствіями надъ цѣлыми числами и узнать, насколько у нихъ развито соображеніе для приложенія этихъ дѣйствій къ рѣшенію несложныхъ ариметическихъ задачъ“. Увлеченіе искусственными и трудными задачами, большими

числами или сложными вычислениями, существующее на практикѣ, изъ этого требованія вовсе не вытекаетъ.

Ошибочность требованій экзаменаторовъ уже признана нѣкоторыми училищными совѣтами, которые поэтому составили дополнительные разъясненія для экзаменаторовъ относительно характера требованій, какія должны быть предъявляемы на экзаменахъ, а также говорилось о томъ, чего не надо требовать на экзаменахъ—противовѣсь увлеченіямъ правописаніемъ и изобрѣтеніямъ по арифметикѣ.

Итакъ, 1) экзамены въ начальныхъ школахъ по недостатку другихъ средствъ контроля уничтожить *нельзя*; 2) уничтоженіе экзаменовъ въ начальныхъ школахъ *нежелательно*, такъ какъ оно поведетъ къ пониженію состоянія школъ, а экзамена въ начальныхъ школахъ желаютъ и учащіеся, и учащіе; 3) дурное вліяніе существующихъ въ настоящее время экзаменовъ на характеръ школьной работы вызвано не правилами 1885 г., а создано неподготовленностью къ дѣлу экзаменаторовъ, неправильностью ихъ дѣйствій и необходимостью для учащихся удовлетворять предъявляемымъ требованіямъ; 4) для восстановленія правильности требованій на экзаменахъ нужно настаивать на соблюденіи § 14 „правилъ“: экзаменъ ведутъ учащіе, а не председатель; 5) въ настоящее время исполнѣ могутъ быть усилены и должны быть усилены требованія на экзаменахъ въ смыслѣ умѣнья усваивать содержаніе прочитаннаго и умѣнья выражать свою мысль, хотя бы и съ грамматическими погрѣшностями.

В. Латышевъ.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ.

*1. *Генкель*. Школьный ботанический атласъ. 3-й выпускъ. Биологія растений. Изданіе подвижнаго музея учебныхъ пособій при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ. 12 таблицъ. С.-Петербургъ. 1903. Цѣна 4 рубля.

Атласъ состоитъ изъ слѣдующихъ таблицъ: 1. Горныя и полярныя растенія. 2. Водныя растенія. 3—4. Растенія сухихъ странъ. Соланчаковыя. 5. Эпифиты и ліаны. 6. Симбіозъ. 7. Паразиты изъ высшихъ растений. 8. Плотоядныя растенія. 9. Защита отъ враговъ. 10. Оплодотвореніе при посредствѣ вѣтра и воды. Самоопыленіе. 11. Оплодотвореніе при посредствѣ насѣкомыхъ. Защита пыльцы. 12. Забота о потомствѣ. Какъ видно изъ этого перечня, атласъ иллюстрируетъ всѣ главнѣйшіе моменты пзъ жизни растений. Таблицы въ общемъ исполнены хорошо. Какъ и въ прежнихъ выпускахъ, существеннымъ недостаткомъ является незначительная величина нѣкоторыхъ рисунковъ, вслѣдствіе чего они не будутъ ясно видны на заднихъ скамьяхъ. Не смотря на этотъ недостатокъ названныя таблицы являются очень цѣннымъ пособіемъ при наглядномъ преподаваніи ботаники. Объяснительный текстъ составленъ удовлетворительно, хотя попадаются неточныя мѣста. Напримѣръ, на 9-ой страницѣ говорится: „Простѣйшія зеленыя растенія, еще не имѣющія цвѣтовъ, потому и называются водорослями“. Такое опредѣленіе водорослей, конечно, крайне неточно. Согласно такому опредѣленію водяной папоротникъ *Salvinia* также окажется водорослью.

---

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по особому отдѣлу, а также по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

*С. Павловъ. Вулканы и землетрясенія. С.-Петербургъ. 1903. VIII+424+1 нен. стр. съ 66 рисунками. Цѣна 1 р. 50 коп.

Книга г. Павлова представляет собою сводъ свѣдѣній о вулканахъ и различныхъ проявленіяхъ ихъ дѣятельности, также о землетрясеніяхъ. Въ началѣ книги г. Павловъ даетъ списковъ источниковъ, которыми онъ пользовался, числомъ девять, указывая такимъ образомъ на компилятивный характеръ своего труда. Этимъ объясняются повторенія, которыя встрѣчаются въ книгѣ, нѣкоторыя противорѣчія; кромѣ того, замѣтно, что авторъ мѣстами дѣлаетъ неточные переводы съ иностранныхъ языковъ, пользуясь тѣми книгами, на которыя онъ указываетъ. Замѣтно также отсутствіе общей редакціи содержанія книги. Такимъ образомъ, на стр. 7 и 8 о Везувіи два раза сказано одно и то же, почти тѣми же словами, но съ нѣкоторыми противорѣчіями. На стр. 10 сообщается устарѣлое свѣдѣніе объ изверженіи Арарата въ 1840 году, между тѣмъ, въ настоящее время случай этотъ не принимается за изверженіе; то же повторяется на стр. 19. На стр. 22 дано непонятное объясненіе того, почему въ лавѣ иногда находятъ неповрежденными такіе предметы, которые разрушаются въ открытомъ огнѣ: по мнѣнію г. Павлова, „это объясняется тѣмъ, что они находились въ замкнутомъ пространствѣ, подъ значительнымъ давленіемъ“—очевидно, тутъ что-то не досказано.

По мнѣнію г. Павлова (стр. 12) въ „собачьей пещерѣ“ выдѣляется изъ трещинъ земли окись углерода, а не углекислый газъ. Что это не обмолвка, видно изъ объясненія г. Павлова: „тотъ самый вредный газъ, который образуется въ печахъ“ и т. д. На стр. 79, въ примѣчаніи, упоминается о письмѣ геолога Фука въ *Сенъ-Клеръ-Девиль*, очевидно, г. Павловъ принимаетъ имя извѣстнаго ученаго за названіе города. На стр. 81 г. Павловъ рассказываетъ преданіе о гигантѣ *Энцеладѣ*, забывая, что на стр. 68 уже шла рѣчь объ этомъ гигантѣ подъ именемъ *Энцелада*. На стр. 94 читаемъ: „Остатки большихъ лѣсовъ свидѣтельствуютъ намъ, что въ Исландіи климатъ прежде не былъ такъ суровъ, ибо извѣстно, что съ уничтоженіемъ лѣсовъ, климатъ страны дѣлается холоднѣе“ и т. д. Очевидно, здѣсь причина смѣшана со слѣдствіемъ, но проще предположить, что это просто неправильный переводъ. На стр. 151 сказано, что Караябское море омываетъ берега Сѣверной и Южной-Америки, очевидно, вмѣсто Сѣверной, должно быть, Центральной; непонятно, зачѣмъ здѣсь придуманъ новый географическій терминъ „островныя земли“, вмѣсто „острова“. На стр. 239 г. Павловъ говоритъ о кускахъ какой-то „огарины“, по-

крывающихъ „скаты“ (склоны?) Большаго и Малаго Арарата. На стр. 241 подробно разсказано объ изверженіи на Большомъ Араратѣ въ 1840 году, о которомъ говорилось раньше (стр. 10), говорится и позднѣе (стр. 246), какъ объ изверженіи вулканическомъ, что, по крайней мѣрѣ, не достовѣрно. На стр. 247 вулканъ Демавендъ принимается вышиною до 6.500 метровъ, между тѣмъ, въ „таблицѣ высотъ вулкановъ“, въ концѣ книги, высота Демавенда принимается значительно больше: 13,790 футовъ; объясняется это разногласіе противорѣчивыми свѣдѣніями, но въ популярной книжкѣ необходимо держаться чего-либо одного, такъ какъ всякія противорѣчія препятствуютъ цѣльности впечатлѣнія у читателя. На стр. 249 упоминается о вулканической горѣ *Циндеръ Конъ*, въ другомъ мѣстѣ упоминаются: *островъ Оболиценія*, затѣмъ—*Барренъ Исландъ*, вмѣсто Айлендъ;—нельзя не пожалѣть о томъ, что у насъ географическая номенклатура находится до сихъ поръ въ состояніи неопредѣленномъ и хаотическомъ, съ этимъ обстоятельствомъ особенно приходится считаться въ учебникахъ и популярно-научныхъ книжкахъ. На стр. 250 упоминаются французскіе геологи, „объѣздившіе среднюю Америку въ качествѣ членовъ научной экспедиціи (commission scientifique) во время приключенія мексиканскаго императора“... при чемъ тутъ „приключенія мексиканскаго императора“, догадаться трудно, но переводъ самъ за себя говорить. На стр. 283, въ описаніи извѣстнаго колодца въ Якутскѣ (описаніе его сдѣлано Миддендорфомъ) читаемъ: „Судя по этой скалѣ, температуръ нулевого градуса слѣдовало бы ожидать еще почти черезъ 200 футовъ глубины“. О чемъ здѣсь идетъ рѣчь, понять, конечно, не трудно, но зачѣмъ излагать простую вещь въ такомъ запутанномъ видѣ? Что это за температура нулевого градуса? Очевидно, опять переводъ неудачный. На стр. 286 совершенно непонятно слѣдующее выраженіе, какъ въ отдѣльности, такъ и въ связи съ предъидущимъ: „Мы видимъ, что всѣ продукты изверженій, начиная отъ простого пепла до самыхъ громаднѣхъ и тяжелѣхъ тѣлъ, удерживаются въ магмѣ силою давленія, нарушеніе котораго влечетъ за собою изверженія въ той или другой формѣ“. Мѣсто это производитъ впечатлѣніе какого-то набора словъ, безъ общей мысли.

На стр. 300 читаемъ: „На оконечности полуострова Тамани лежитъ вулканъ Обу или, иначе, *Прекла*“... очевидно, рѣчь здѣсь идетъ о грязевомъ вулканѣ „Пекло“, о которомъ говоритъ еще Палласъ, на него, впрочемъ, г. Павловъ далѣе и ссылается.

На стр. 310 и 311 г. Павловъ, говоря о количествахъ нефти,

которыя были получасмы въ разное время изъ нефтяныхъ бакинскихъ фонтановъ, вездѣ выражаетъ количества этой нефти не въ пудахъ, а въ центнерахъ, что, очевидно, неудобно для читателя тѣмъ болѣе, что въ настоящее время въ Германіи употребляются метрическіе центнеры, которые вдвое больше старыхъ центнеровъ, а здѣсь неизвѣстно, о какихъ центнерахъ идетъ рѣчь. На стр. 347 употребительное и общепринятое выраженіе „центръ землетрясенія“ замѣнено выраженіемъ „гнѣздо землетрясенія“, вмѣсто: „область землетрясенія“ или „сейсмическая область“ — „кругъ сотрясенія“, название также неупотребительное. Вслѣдъ затѣмъ, впрочемъ, упоминается „центръ“, о которомъ раньше не говорилось. На стр. 382 говорится: „Щели (во время землетрясенія) открывались и закрывались, такъ что люди могли спастись отъ провала, распростирая руки“ (?). На стр. 422, въ описаніи Андижана, говорится о „большихъ и бойкихъ *разборахъ*“—очевидно, рѣчь должна идти о *бизарахъ*, это опечатка—опечатокъ, вообще, въ книгѣ много, но останавливаться на нихъ мы не будемъ.

Въ концѣ книги приведена „Таблица высотъ вулкановъ, дѣйствующихъ и потухшихъ“. Таблица эта не свободна отъ ошибокъ, такъ, вмѣсто „*Чивиллючъ*“, очевидно, нужно читать Шевелючъ, вмѣсто „*Чальдинскій*“ — очевидно, должно быть Шишадинъ; Читляпетль и Оризаба представляютъ одинъ вулканъ, а не два, какъ въ таблицѣ; нѣкоторыя большія вершины пропущены,—вообще, таблица эта представляется излишнею, такъ какъ въ текстѣ приведены вулканы въ достаточномъ количествѣ, а таблица не заключаетъ *всѣхъ* извѣстныхъ вулкановъ; трудно понять, для чего она составлена.

* Ф. Мартинъ. Три царства природы. Зоологія.—Ботаника.—Минералогія. Популярно-научное руководство по естествовѣдѣнію. Приспособленный и дополненный для русскихъ читателей переводъ съ нѣмецкаго *И. М. Эйзена*, подъ редакціей профессора *А. М. Никольскаго*. Съ 54 отдѣльными таблицами, печатанными красками и содержащими 1125 рисунковъ и 305 гравюрами въ текстѣ. С.-Пб. 1903. Цѣна ?

Изъ предисловія проф. Никольскаго узнаемъ задачи предлагаемой книги:

„Университетъ дастъ намъ хорошихъ натуралистовъ; основательно и со всѣми подробностями опишутъ они вамъ жизнь самаго ничтожнаго головоногаго моллюска, котораго они не видали и, можетъ быть, не увидятъ никогда, расскажутъ вамъ они объ удивительномъ устройствѣ цвѣтка рѣдкой орхидеи и т. п., но среди природы, въ лѣсу, на полѣ, на берегу рѣчки — такіе натуралисты чувствуютъ себя совершенно без-

помощными“ (стр. III). Можно, конечно, на это возразить, что не всѣ университетскіе натуралисты одинаково свѣдуци: нерѣдко фаунисты не имѣютъ не только представленія о „самомъ ничтожномъ (!) головоногомъ моллюскѣ“, но и о моллюскахъ вообще. Можно недоумѣвать при неудачности выбраннаго примѣра относительно „ничтожнаго головоногого моллюска“, такъ какъ эти животныя вовсе не принадлежатъ къ числу рѣдко встрѣчаемыхъ въ университетскихъ коллекціяхъ. Но нельзя отрицать того, что лабораторія и приморская станція вытѣснили, дѣйствительно, поле, лѣсъ и рѣку. Предлагаемая книга „можетъ служить пособіемъ опытному естествовѣду-учителю и руководителю экскурсій и настольной книгой для любознательнаго читателя“. Такое совмѣщеніе цѣлей, далеко не всегда совпадающихъ, въ одномъ трудѣ — дѣло довольно нелегкое для осуществленія. Книга для экскурсій — одно, настольная книга для любознательнаго читателя — другое. Книга для руководителя или взрослого читателя одно, книга для ученика и юнаго читателя—другое.

Если примѣнять къ означенной книгѣ первую точку зрѣнія, то распредѣленіе животныхъ по общежитіямъ, пожалуй, и излишне: достаточно было бы къ систематическому описанію приложить списки наиболѣе часто встрѣчающихся въ той или другой мѣстности формъ. Вообще, тогда многія свѣдѣнія азбучнаго характера должны быть выдѣлены изъ книги.

Если встать на вторую точку зрѣнія, то разбираемая книга тоже представляетъ многочисленныя неудобства. Однимъ изъ такихъ неудобствъ является отсутствіе строго выдержанной послѣдовательности, частью неизбежное при изложеніи по общежитіямъ, частью — зависящее отъ невнимательности составителя. На стр. 25 говорится о „размноженіи путемъ дѣленія или почкованія“, но безъ всякаго объясненія, что такое эти явленія собой представляютъ; на стр. 45 и 46 говорится о „пузырьчатой стадіи“ ленточныхъ глисть, какъ о чемъ-то уже извѣстномъ; на стр. 124 говорится о „смѣнѣ генераций“, о спороцистахъ и церкарияхъ, о безполомъ и половомъ размноженіи—и тоже безъ достаточныхъ на этотъ счетъ поясненій и т. п.

Оставивъ, наконецъ, въ сторонѣ всякія соображенія о цѣляхъ книги, нельзя не указать на нерѣдко встрѣчающіяся неточности и недомолвки.

Нельзя утверждать, что спинной и головной мозгъ иннервируютъ только органы, зависящіе отъ воли животнаго, а органы, не зависящіе

отъ воли, получаютъ нервы лишь отъ симпатической системы, которую авторъ называетъ системой „растительной жизни“ (стр. 12).

Трихина послѣ того, какъ она „закрѣпится“, по выраженію переводчика, въ мышечной ткани, сама окружаетъ себя капсулой (стр. 47). Правда, одни утверждаютъ, что эта капсула происходитъ на счетъ сарколеммы мышечныхъ волоконъ, другіе—на счетъ соединительной ткани, но никто никогда не утверждалъ, что капсула выдѣляется самой трихиной, да и вообще у паразитовъ, живущихъ въ животныхъ, капсулы образуются хозяиномъ. Впрочемъ, въ подлинникѣ сказано: „Die Trichine *umgibt sich*“ (стр. 45), что, конечно, вовсе не предрѣшаетъ вопроса о происхожденіи капсулы. На стр. 67 говорится, что у птицъ имѣется „для пѣнія особый мышечный аппаратъ“, и приводится сложный рисунокъ, который безъ описанія совершенно непонятенъ. Что это за аппаратъ, какъ онъ функционируетъ?—все остается для читателя тайной.

Затѣмъ безусловно вѣрно, что общій обзоръ системы животнаго царства, данный переводчиками, научнѣе того, который находится въ подлинникѣ, но все же пора перестать соединять приматовъ съ полуобезьянами (стр. 570), сиреновыхъ съ китообразными (стр. 572) и вообще, если измѣнять автора, то надо давать что-нибудь стоящее на уровнѣ современнаго знанія. Переводчикъ не мало внесъ невѣрностей, благодаря нежеланію держаться подлинника. Такъ авторъ называетъ хитигъ насѣкомыхъ похожимъ на рогъ (*hornartig*), а переводчикъ—*розовыми* (стр. 160), что, конечно, невѣрно. Авторъ говоритъ, что большинство насѣкомыхъ (*die meisten Insecten*, стр. 159) проходитъ превращеніе, а переводчикъ говоритъ о *всѣхъ* (стр. 161) насѣкомыхъ, что опять невѣрно. Особенно курьезенъ пассажъ на стр. 24. „Гортань снаружи чувствительна“—пишетъ переводчикъ, которому въ голову не пришло, что гортань наружу у человѣка вообще не выдается. Открываемъ подлинникъ на стр. 22 и читаемъ: „Der Kehlkopf ist von aussen *fühlbar*“, т. е. гортань можно снаружи прощупать. На той же страницѣ переводчикъ терминъ „голосовыя связки“ (*Bänder*) замѣняетъ словомъ „шнуры“, что показываетъ у переводчика отсутствіе представленія объ устройствѣ голосоваго аппарата у человѣка.

Редакцію тоже нельзя назвать тщательной. Альбертъ Великій передѣланъ въ „Albertus Magnus'a“ (съ апострофомъ передъ русскимъ *a*, стр. 565); Сулла, погибшій, по преданію, отъ вшивой болѣзни—передѣланъ въ Сулку (стр. 122); вмѣсто русскаго тер-

мина двусимметричный или двурядно-симметричный — употребляется терминъ „билатеральный“ (стр. 569), и т. п. Въ одномъ случаѣ имѣется латинское названіе, въ другомъ его нѣтъ. Видовыя названія, вопреки всякимъ правиламъ, пишутся иногда съ большой буквы.

Къ числу достоинствъ книги надо отнести прекрасные рисунки и изящную вѣднность, отчасти выкупающіе недостатки изложенія. Конечно, книжка сама по себѣ нѣкоторую пользу принести можетъ, но ни выборъ самой книги для перевода, ни самый переводъ—нельзя назвать очень удачными, по крайней мѣрѣ по отношенію къ зоологической части.

Ботаникѣ (теоретической и прикладной) отведены 392 страницы. Изъ нихъ на первыхъ 10 страницахъ сообщаются свѣдѣнія по органиграфіи растений. Свѣдѣнія эти изложены крайне сжато, конспективно. Далѣе на 22 страницахъ сообщаются свѣдѣнія по анатоміи и физиологій растений. При прежней сжатости и сухости изложенія наблюдается еще и небрежность. Такъ, на 609 стр. упоминается протоплазма и ни слова не сказано, что же это такое. На 616 стр. упоминается „хлорофиллъ“ и опять ни слова въ поясненіе. Говорится нѣсколько разъ о клѣткѣ и снова безъ поясненія. Только далѣе на 618 стр. авторъ, повидимому, вспоминаетъ, что все это надо пояснить, и говоритъ немного о клѣткѣ и ея частяхъ. Слѣдующія 24 страницы посвящены описанію опыленія, распространенія плодовъ, знакомству съ системами и способами составленія коллекцій. Итого общимъ свѣдѣніямъ удѣлено только 56 страницъ. Остальные 336 страницъ посвящены описанію растений. Описанія эти сдѣланы безъ всякой научной системы по слѣдующимъ рубрикамъ: комнатныя растения, садовыя, огородныя, декоративныя, растения, встрѣчающіяся возлѣ заборовъ, луговые злаки и травы (?), съѣдобныя грибы, ядовитыя грибы и т. д. Кромѣ того въ концѣ книги описаніе сортовъ яблокъ, грушъ, косточковыхъ и ягодныхъ плодовъ. Въ каждой группѣ приводится очень большое число растений съ краткими часто описаніями. Попадаютъ характеристики въ 2—3 строчки. Даже въ томъ случаѣ, если растенію удѣлено много мѣста, ботаническая характеристика его остается краткой и совершенно недостаточной. Остальная часть описанія посвящена или практическому приложенію растенія, или же анекдотамъ, какъ, напримѣръ, о табакѣ и чортѣ, о любви Афродиты къ Адонису и т. д. Редакторъ перевода утверждаетъ, что благодаря

популярному изложенію, удобопонятному языку и многочисленнымъ иллюстраціямъ „Три царства природы“ пригодны не только для специалистовъ, но и для каждаго, интересующагося изученіемъ окружающей насъ природы. При чтеніи книги приходится убѣдиться въ противномъ.

Книга не чужда ошибокъ и очень грубыхъ. Такъ, на 597 стр. отрицается у растеній чувствительность. На 598 стр. пенекъ грибовъ называется стеблемъ. На 622 стр. фантастическое раздѣленіе труда между частями клѣтки. Клѣточная оболочка служитъ для защиты, протоплазма занята питаніемъ, ядро—размноженіемъ. На 630 стр. цвѣтъ— вмѣсто цвѣтокъ. На 911 стр. находится нѣчто невѣроятное. Лиственный мохъ кукушкинъ лень описывается, какъ лишайникъ. Описаніе его занимаетъ двѣ страницы. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ правильное описаніе этого мха занимаетъ всего 5 строчекъ. Дѣло объясняется небрежностью корректуры. Порядокъ 910 и 911 страницъ совершенно иной, чѣмъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ вслѣдствіе того, что куски набора поставлены зря. Описаніе кукушкина льна рассыпалось и пропало, а что должно было стоять на 910 стр. передъ 21 строкой снизу, попало на 911 стр., и получилась сплошная чепуха. Такимъ образомъ и разсмотрѣніе ботанической части тоже приводитъ къ заключенію, что иногда хорошіе рисунки побуждаютъ переводить книги, текстъ которыхъ этого и не заслуживалъ бы.

Въ разсматриваемой книгѣ, изъ XVII-ти главъ текста „минеральному царству“ посвящена лишь одна, XV-я, стр. 973—1057, то есть, восемьдесятъ двѣ страницы, иллюстрированныя четырьмя таблицами рисунковъ и 11 политипажками. Подъ именемъ „минеральнаго царства“ составитель книги разумѣетъ не только минералы, но и другія ископаемыя, о которыхъ онъ и даетъ общія свѣдѣнія; кромѣ того, мы находимъ здѣсь отдѣлъ, подъ заглавіемъ „Составъ, строеніе и исторія возникновенія земной коры“. Очевидно, еслибъ составитель книги „Три царства природы“ сдумѣлъ въ одной главѣ, на восьми-десяти двухъ страницахъ, дать ясную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточно полную картину „минеральнаго царства“, онъ оказалъ бы этимъ большую услугу дѣлу популяризаціи знанія, но, къ сожалѣнію, здѣсь мы видимъ нѣчто иное.

Въ началѣ главы, на стр. 973, дана общая характеристика минераловъ. Слово нѣтъ, характеристика, вообще, вещь трудная, особенно въ сочиненіяхъ научно-популярныхъ, но, намъ кажется, лучше, по возможности, избѣгать ихъ въ такихъ случаяхъ, нежели давать

характеристику неудовлетворительную ни съ научной, ни съ научно-популярной стороны. Кристаллографическимъ свѣдѣніямъ посвящены двѣ страницы, 974 и 975. Этихъ двухъ страницъ было бы достаточно для того, чтобъ, принимая въ соображеніе общій характеръ изложенія главы, дать общее понятіе о кристаллической формѣ минераловъ, какъ объ одномъ изъ ихъ внѣшнихъ признаковъ; но къ сожалѣнію, эти двѣ страницы представляютъ собою путаницу, разобратъ въ которой, конечно, возможно, но дать понятіе объ этой путаницѣ въ немногихъ словахъ и трудно и бесполезно. Чтобъ не быть голословнымъ, приведемъ нѣкоторые примѣры. Стр. 974: „Три взаимно пересѣкающіяся линія, мысленно проведенныя изъ центра кристалла по тремъ взаимно-перпендикулярнымъ направленіямъ, называются кристаллическими осями“ — очевидно, это опредѣленіе совершенно не имѣетъ значенія по отношенію къ тремъ кристаллографическимъ системамъ, изъ шести. Далѣе, на той же страницѣ: „Оси могутъ быть или всѣ равны между собой, или одна изъ нихъ больше, и тогда считается главной“ и проч.—это совершенно не вѣрно. Слѣдующую страницу разсматривать въ подробности невозможно, здѣсь ошибки и неправильныя опредѣленія встрѣчаются почти на каждой строчкѣ—не имѣя подъ руками оригинала, трудно сказать, гдѣ здѣсь ошибается авторъ, гдѣ—переводчикъ. На стр. 976 читаемъ: „Некристаллическія аморфныя тѣла могутъ принимать какую угодно форму, являясь въ видѣ пластинокъ, нитокъ, шаровъ, волосковъ, трубокъ, вкраплений, песка, пыли и т. д.“—Подобныя представленія о тѣлахъ аморфныхъ имѣли значеніе лѣтъ 40 тому назадъ, но теперь извѣстно, что, въ видѣ шаровъ, напр., встрѣчаются тѣла кристаллическія, въ зависимости отъ условій кристаллизаціи. На той же страницѣ, въ перечнѣ физическихъ свойствъ кристалловъ, упоминаются, между прочимъ: „отколъ“, вмѣсто „изломъ“, „растяжимость“—вмѣсто упругость. Не останавливаясь на мелкихъ неточностяхъ, мы не можемъ пропустить явной бессмыслицы, на стр. 977: „Минераль называется гибкимъ, когда онъ можетъ безъ разрыва быть согнутъ въ пластинку“—тутъ или крупная ошибка въ подлинникѣ, или же, что вѣроятнѣе, переводчикъ неправильно передалъ смыслъ оригинала. Далѣе, на той же страницѣ слѣдуетъ рядъ неточныхъ выраженій, относящихся къ цвѣту минераловъ; непонятно выраженіе: „микроскопъ.... пролялъ свѣтъ на химическое строеніе минераловъ“. Классификація минераловъ (по Вейсу и Квенштедту), принятая въ разсматриваемой книгѣ, теперь никогда не употребля-

ется, но это не такъ существенно—жаль, что въ описаніи отдѣльныхъ минераловъ встрѣчаются крупныя ошибки; такъ, на стр. 980: „твердость кварца варьируетъ отъ 5 до 7“; „кварцъ встрѣчается въ природѣ какъ въ кристаллическомъ, такъ и аморфномъ состояніи“—очевидно, здѣсь нужно разумѣть не кварцъ, а кремнеземъ. На хромолюитографированной таблицѣ XXXIX подъ номеромъ 12 значится „тиркитъ“, очевидно, это *бирюза*, но нѣмецки—*Türkis*. На стран. 981: „непрозрачный кварцъ, халцедонъ“—сопоставленіе неправильно; неправильна также характеристика агата: „смѣсь различныхъ кварцевыхъ породъ, а именно: халцедона, яшмы, роговика и аметиста“; на стр. 982: „яшма представляетъ плотную глиноземистую кварцевую массу“ и т. д. Все это совершенно невѣрно, и получается такое впечатлѣніе, что авторъ, при составленіи XV-й главы своей книги, пользовался учебникомъ, напечатаннымъ лѣтъ 50 тому назадъ, тогда еще возможны были подобныя опредѣленія. На стр. 982 дается понятіе о роговикѣ, какъ разности кремнезема, это, конечно, правильно, но на стр. 986 мы находимъ „Роговики“ съ подробною характеристиккою, изъ которой ясно, что, очевидно, переводчикъ роговиками здѣсь называетъ группу роговыхъ обманокъ и авгитовъ, что, конечно, совершенно неправильно.

Мы не стали бы обращать вниманія на всѣ эти ошибки, которыми буквально переполнена XV-я глава разсматриваемой книги, еслибъ книга эта своею внѣшностію не производила изданія солиднаго: она напечатана хорошимъ шрифтомъ и на хорошей бумагѣ, рисунки исполнены, вообще, очень порядочно, и невольно приходится въ голову: неужели и другія два царства природы представлены здѣсь также неудовлетворительно, какъ и минеральное царство? Будемъ надѣяться, что нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, было бы лучше, еслибъ авторъ или же переводчикъ удовольствовались описаніемъ *двухъ* царствъ природы, животного и растительнаго, не касаясь вовсе царства минеральнаго, въ знаніи котораго они, очевидно, считаются компетентными не могутъ, — иначе, какъ же можно объяснить, помимо всего, приведеннаго выше, напр., слѣдующее, въ порядкѣ—карбонаты: „Соединеніе кремневой кислоты съ роговой—обманкой и водой образуетъ минералъ *калмей* или цинковый шпатъ“. Дѣйствительно, цинковый шпатъ есть „карбонатъ“, т. е. углекислое соединеніе, но какимъ образомъ онъ можетъ быть составленъ изъ переименованныхъ выше веществъ, не содержащихъ ни цинка, ни угольной кислоты—непонятно. Геологическая часть, занимающая 24

страницы, т. е. значительно менѣе половины главы, составлена лучше, но и въ этой части попадаются ошибки, иногда грубыя.

Такимъ образомъ разсмотрѣніе минералогической части не можетъ измѣнить высказанныхъ выше сужденій объ общемъ характерѣ книги.

*Востокъ и миры (для III класса гимназій). Составилъ К. А. Ивановъ. Съ 76 рисунками. С.-Пб. 197 стр. Цѣна 75 коп.

Названная книжка заполняетъ существенный пробѣлъ въ нашей учебной литературѣ, идя навстрѣчу потребности, созданной послѣдними программами курса исторіи въ средней школѣ. Свою задачу К. А. Ивановъ исполнилъ удовлетворительно и со стороны выбора матеріала, и со стороны изложенія, которое доступно для средняго возраста и интересно. И въ смыслѣ близости къ уровню современнаго состоянія науки, его трудъ почти свободенъ отъ грубыхъ ошибокъ.— Приводимъ списокъ наиболѣе крупныхъ погрѣшностей.

Стр. 22. Вопросъ о первобытныхъ обитателяхъ Нильской долины еще не рѣшенъ: одни стоятъ за ливійцевъ, другіе — за нубійцевъ, а потому лучше не говорить въ учебникѣ, что это были „негрскія племена“.

Стр. 23. Ра и Ам(м)онъ — не одно и то же; Осирисъ не былъ первоначально солнечнымъ божествомъ.

Стр. 24. Имя бога Гора дано почему-то въ латинской транскрипціи „Горусъ“.

Стр. 25. Какъ понимать мысль автора: „на солнце смотрѣли, какъ на слугу Единого Бога“? Солнце было проявленіемъ божества и даже отождествлялось съ нимъ.

Стр. 27. Все еще говорится о вѣрѣ египтянъ въ переселеніе душъ.

Стр. 28. Аляшія не была „незначительной азіатской страной“. Это—островъ Кипръ.

Стр. 35. Есть неточности въ изложеніи іероглифической системы; едва ли учащіяся изъ него много вынесутъ. „Жертвоприношеніе“ не выражалось поднятыми руками, „вѣчность“ не изображалась „кругомъ или кольцомъ“. Авторъ ничего не говоритъ о курсивныхъ іероглифахъ, изъ которыхъ вышли іератическія и демотическія письмена; что же касается коптскаго языка, то онъ несравненно дальне отъ древне-египетскаго не только чѣмъ церковно-славянскій отъ русскаго, но и чѣмъ французскій отъ латинскаго.

Стр. 44. Латинскую форму „Менесъ“ пора оставить уже въ виду хотя бы того, что наше имя „Миша“ съ нимъ тождественно.

Стр. 45. Лучше не называть въ краткомъ учебникѣ египетскаго устройства средняго царства „феодализмомъ“: намъ пока не достаточно ясно ни происхожденіе, ни подробности юридическихъ отношеній египетскихъ поземельныхъ владѣній, а потому для полнаго отождествленія съ среднепѣковимъ феодализмомъ у насъ еще нѣтъ достаточныхъ основаній. Допустивъ это отождествленіе, авторъ самъ впалъ въ дальнѣйшую ошибку: онъ хочетъ видѣть въ среднемъ царствѣ „ожесточенную борьбу“. Между тѣмъ періодъ XII династій—лучшее время Египта.

Стр. 47. Западный берегъ Аравіи и островъ Кипръ не входили въ составъ египетскаго государства. Кипръ только иногда приносилъ почетные подарки; царь его сносился на равныхъ правахъ съ фараономъ.—Въ числѣ „наиболѣе извѣстныхъ“ фараоновъ-завоевателей авторъ не упомянулъ самаго знаменитаго — Тутмоса III. Хорошо бы сказать и о мирныхъ предпріятіяхъ, расширившихъ географическій горизонтъ (напр. экспедиціи въ Пунтъ при Хат-шепсутъ).

Стр. 48. Вопросъ о прародинѣ сумерійцевъ не рѣшенъ, а потому говорить объ Алтаѣ не слѣдуетъ.

Стр. 56. Сказаній о вавилонской башнѣ въ клинописи пока не найдено; то, что принималось за нихъ раньше, отвергнуто.—Вмѣсто стараго „Издубаръ“ пора писать „Гильгамишъ“.

Стр. 58. По мнѣнію специалистовъ (напр. Dr. Oefele въ *Vad Neupahr*) вавилонская медицина заслуживаетъ не такого приговора, какой мы находимъ въ книгѣ. Это было дѣйствительно научное знаніе, оказавшее вліяніе на весь древній міръ и даже на развитіе медицины въ новой Европѣ.

Стр. 64. Ассуръ и Бель—не одно и то же; нельзя смѣшивать и Бела съ Вааломъ.

Стр. 70—71. Хаммураби уже потому не могъ основать „Халдейской“ монархіи, что халдеи впервые появляются на горизонтѣ лишь тысячу лѣтъ спустя; „монархію“ же они основали только въ самомъ концѣ VII вѣка, если не считать нѣсколькихъ болѣе раннихъ попытокъ. Поэтому и Ассирія не могла послѣ XV вѣка „подпасть владычеству Халдеи“.

Стр. 74. Авторъ посвятилъ нѣсколько строкъ и Ванскому царству, за что, конечно, слѣдуетъ его поблагодарить. Но онъ не упомянулъ,

что его владѣнія заходили и въ предѣлы Россіи, и что въ нашемъ Закавказьѣ находятъ его памятники—глинообразныя надписи.

Стр. 78. Слова „когда Сидонъ палъ...“ могутъ повести къ недоразумѣніямъ: извѣстно, что Сидонъ пользовался могуществомъ и благосостояніемъ еще въ персидское и эллинистическое время.

Стр. 120 слѣд.—дается интересный очеркъ Микенской культуры, ея центровъ и раскопокъ Шлимана. Слѣдовало бы остановиться и на древностяхъ главнаго центра этой цивилизаціи—острова Крита, на которомъ теперь производятся раскопки, проливающія свѣтъ не только на Гомера и древнѣйшую Грецію, но и на роль финикянъ въ Средиземномъ морѣ. На важное значеніе какъ Крита, такъ и Кипра для культуры Греціи, въ книгѣ не обращено вниманія.

*Разказы о старинахъ Халдеи. Культурно-историческіе очерки *Ив. Ив. Иванова*. Съ рисунками. (Библіотека для семьи и школы). Москва 1903. Стр. 96. Цѣна 30 коп.

Живо и интересно написанная книжка г. Иванова при небольшомъ объемѣ даетъ достаточно свѣдѣній, большею частью достовѣрныхъ. Погрѣшности, конечно, есть, и прежде всего съ этой стороны заслуживаетъ порицанія заглавіе. Пора знать, что халдеи народъ, не тождественный съ вавилонянами (а тѣмъ болѣе съ ассиріянами), появившійся на историческомъ горизонтѣ лишь съ XI вѣка и окончательно овладѣвающій Вавилономъ только съ Набопалассара. Поэтому всѣ мѣста, гдѣ у автора стоитъ „халдеи“, „Халдеи“ представляютъ недоразумѣніе. А такихъ мѣстъ много.—Нельзя также утверждать, будто вся область двухъ рѣкъ „у грековъ называлась Месопотаміей“—такое имя носила только ея сѣверная часть; южная называлась Вавилоніей (стр. 1).—Изъ другихъ погрѣшностей укажемъ на слѣдующія:

Стр. 12. „Въ Китаѣ, Индіи, даже въ Африкѣ—ездѣ есть преданія о былыхъ странствіяхъ между Тигромъ и Евфратомъ“. Если они и есть, то навѣрно навѣяны кораномъ.

Стр. 19. Въ Вавилоніи и Ассиріи „только нѣкоторые боги носятъ разныя имена“. Имена всѣ тождественны, кромѣ національнаго бога ассирянъ—Ашура, неизвѣстнаго вавилонянамъ.

Стр. 22. „Ассиріецъ это—халдейскій казакъ“!

Стр. 39. Приведенное изображеніе едва ли представляетъ „бой Мардука съ Тіаматъ“. Чудовище, поражаемое здѣсь—мужское.

Стр. 53 и слѣд. Бога „Илу“ не было въ вавилонскомъ пантеонѣ. „Илу“—имя нарицательное „богъ“.

Стр. 55. Сказаніе о потопѣ не имѣетъ никакого отношенія къ Вавилону и времени его основанія, напротивъ, Вавилонъ всегда считался городомъ новымъ сравнительно съ Уромъ, Эрекомъ и др. городами „дней бога Сины“.

Стр. 58. Отожествлять Гильгамиша съ Нимродомъ пока нѣтъ достаточныхъ основаній. — Имя Нимрода, упоминаемое въ туземныхъ преданіяхъ и географической помсклатурѣ, опять-таки обязано христіанству и исламу (стр. 63).

Стр. 64. Авторъ ничего не говоритъ о важныхъ событіяхъ до возвышенія Вавилона. Отсюда понятно, что по его мнѣнію „царство Хаммураби было не велико“. Оно обнимало кромѣ Вавилоніи всю Сирію. — Ничего не говорится ни объ отношеніяхъ къ Эламу, ни о законахъ Хаммураби.

Стр. 66. „Ассирійцы являются“ не „вскорѣ“ послѣ Хаммураби, а только чрезъ 600 лѣтъ; до нихъ еще „являлись“ касситы и эламиты. — Напрасно авторъ безъ оговорокъ считаетъ рассказы о Нинѣ и Семирамидѣ туземными ассирійскими преданіями.

Стр. 90. „Вообще, во всей исторіи древняго Востока нѣтъ славнѣе имени Навуходоносора“!

Стр. 95. Паденіе Вавилона изложено только по старымъ источникамъ, безъ привлеченія новаго матеріала. — Хорошо бы было посвятить нѣсколько лишнихъ страницъ характеристикѣ торговой и промышленной жизни Вавилона — матеріала для этого неисчерпаемое количество.

**Л. К. Якобсонъ*. Школьные изданія нѣмецкихъ авторовъ. Вып. 4-й. W. H. Riehl. Kulturhistorische Novellen. Повѣсти В. Риль. 4-й выпускъ школьныхъ изданій *Л. К. Якобсона* заключаетъ въ себѣ 4 небольшихъ повѣсти В. Риль. С.-Пб. 1904. Стр. 192. Цѣна 50 к.

Wilhelm Heinrich Riehl (съ 1823 по 1897 г.) хорошо извѣстенъ читающей публикѣ не только какъ авторъ не малаго числа (около пятидесяти) прекрасно написанныхъ повѣстей, но также какъ авторъ многихъ весьма цѣнныхъ трудовъ по исторіи культуры. Занимавшись продолжительное время основательнымъ изученіемъ философіи, богословія, исторіи и политической экономіи, В. Риль съ 1846 года состоялъ сотрудникомъ и редакторомъ многихъ весьма распространенныхъ въ то время въ Германіи журналовъ; въ 1854 году онъ былъ назначенъ профессоромъ въ Мюнхенъ, а въ 1862 году, будучи избранъ въ члены Баварской академіи наукъ, одновременно занималъ и должность директора Баварскаго Nationalmuseum'a. Къ числу его

наиболѣе извѣстныхъ сочиненій принадлежатъ: „Naturgeschichte des Volkes“ въ четырехъ частяхъ; „Land und Leute“, „die bürgerliche Gesellschaft“, „die Familie“; „Kulturstudien aus drei Jahrhunderten“; „Die deutsche Arbeit“; „Musikalische Charakterköpfe“ и другія.

Сюжеты повѣстей Рила почти исключительно имъ заимствованы изъ исторіи Германіи, при чемъ однако авторъ обратилъ вниманіе не столько на историческіе факты и внѣшнія событія, сколько на характеръ и отличительныя черты того времени, къ которому относится данный рассказъ; съ большою заботливостью и любовью онъ рисуетъ также характеры дѣйствующихъ въ рассказѣ лицъ, такъ что всѣ его повѣсти могутъ служить прекрасной иллюстраціей того или другого нравственнаго или умственнаго свойства нѣмецкаго народа.

Языкъ Рила, въ особенности въ его повѣстяхъ, отличается большою простотой и ясностью; всегда онъ свободенъ отъ всякой искусственности, иногда, правда, страдаетъ нѣкоторою рѣзкостью, но зато постоянно подкупаетъ своимъ свѣжимъ юморомъ, проявляющимся часто совершенно неожиданно.

Разматриваемое школьное изданіе заключаетъ въ себѣ слѣдующія четыре повѣсти:

1) Der stumme Ratsherr; 2) Rhein gaucr Deutsch; 3) Der Dachs auf Lichtmess и 4) Im Jahr des Herrn. Выборъ этихъ статей слѣдуетъ признать удачнымъ. Содержаніе ихъ относится къ исторіи среднихъ вѣковъ; всѣ онѣ написаны прекрасно и читаются съ живѣйшимъ интересомъ.

Если первыя три повѣсти мѣстами замѣчательны своимъ неподражаемымъ юморомъ, то послѣдняя изъ нихъ—Im Jahre des Herrn—отличается своимъ высоконравственнымъ содержаніемъ, которому вполне соответствуетъ и форма изложенія и самъ языкъ рассказа. Мы нашли бы возможнымъ рекомендовать чтеніе этихъ повѣстей не только нашимъ ученикамъ, но и всякому взрослому человѣку, еще незнакому съ сочиненіями Рила.

Приспособленія, предлагаемыя издателемъ для нашихъ учениковъ, по нашему мнѣнію, можно признать вполне удовлетворительными. Достаточно полный словарь и большое число хорошо составленныхъ примѣчаній, заключающихъ въ себѣ какъ объясненія отдѣльныхъ словъ и выраженій, такъ и не малое число указаній историческаго содержанія, не только значительно облегчаютъ ученикамъ пониманіе нѣмецкаго текста, но и переводъ его на вполне литературный русскій языкъ.

*Иллюстрированная история новейшей французской литературы (1800 — 1900). Подъ общей редакціей проф. Л. Пти-де-Жюльвилля. Пер. съ французскаго подъ редакціей Ю. В. Вессловскаго. Томъ I. Москва 1904 (VI+824). Цѣна 4 рубля.

Сочиненіе Petit de Julleville'я въ оригиналѣ представляетъ роскошное изданіе въ 8 томахъ, украшенное превосходными снимками и портретами и захватывающее исторію французской литературы съ первой поры ея появленія и до нашего времени. Русскій переводъ представляетъ лишь первую половину 7 тома (до 1850 г.) этого превосходнаго монументальнаго изданія и воспроизводитъ его вполнѣ, т. е. со всѣми снимками и портретами оригинала. Недостатокъ оригинала—его сводное творчество: въ сущности это рядъ отдѣльныхъ, иногда блестящихъ, всегда дѣльныхъ монографій отдѣльныхъ авторовъ объ отдѣльныхъ вопросахъ. Но это вмѣстѣ съ тѣмъ и достоинство: нельзя обвинить книгу въ тенденціозности, партійности точекъ зрѣнія; благодаря разнообразію авторовъ является та объективность, которая необходима научному труду, а редакторъ способствовалъ единству своей книги по мѣрѣ своихъ силъ. Русскій переводъ сдѣланъ точно, но не литературно и угловато. Приведу примѣры:

(р. 19) Dès la première page d'Atala l'épithète devient spéciale.

(р. 200). Ces vers d'une simplicité si neuve et si emue ravirent les initiés qui le lurent.

(р. 283). L'aigle dont la chute traverse d'un foudroyant sillon les chants du crépuscule, apparaît pour la première fois dans l'ode XI du livre I.

(р. 361). La tragédie classique telle que l'avaient conçue les théoriciens du XVII siècle et que Racine l'avait amenée à sa perfection était depuis longtemps un genre condamné. Comme on l'a vu aux cha-

(стр. 30) съ первой же страницы Аталы эпитетъ приобрѣтаетъ частный спеціальный характеръ.

(стр. 211). Эти стихи, отличавшіеся совершенно новою и трогательною простотою, привели въ восторгъ всѣхъ посвященныхъ въ тайну лицъ, которыя ихъ прочли.

(стр. 201). Орель, паденіе котораго проходитъ „точно громовой ударъ“ черезъ Пѣсни сумерекъ, является впервые въ одиннадцатой одѣ книги I.

(стр. 377). Классическая трагедія—какъ ее понимали теоретики XVII вѣка—доведенная Расиномъ до высшей степени совершенства, была уже давно какъ бы приговореннымъ къ уничтоженію *жанромъ*.

pitres précédents, tous les changements qui y avaient été introduits pendant le XVIII siècle étaient en contradiction avec le principe essentiel du système: c'est à dire l'étude d'une crise morale concentrée dans le plus petit espace de temps possible.

Измѣненія, произведенныя въ продолженіи XVIII вѣка, противорѣчили основному принципу системы,—т. е. изображенію нравственнаго кризиса, сконцентрированнаго въ самомъ короткомъ промежуткѣ времени.

Портреты фототипіей въ общемъ удовлетворительны, рисунки—снимки со старинныхъ ксилографій—нѣсколько стерты, вѣроятно въ виду пересниманія ихъ съ копій, а не съ оригиналовъ, какъ во французскомъ подлинникѣ. Во всякомъ случаѣ можно порадоваться появленію на русскомъ языкѣ монументальной книги по исторіи французской литературы XIX вѣка: изъ новѣйшихъ общихъ пособій у насъ въ переводѣ существуетъ только книга Лансона въ переводѣ П. О. Морозова.

*Е. К.—ій Стихотворенія и прозаическія статьи для заучиванія наизусть. Изданіе 2-е. Вильна 1901, in 8° стр. VIII+140. Цѣна 45 коп.

Книжка г. Е. К.—аго представляетъ изъ себя родъ выдержки однороднаго матеріала для заучиванія наизусть изъ хрестоматіи Галахова и другихъ пособій. Авторъ на стр. IV выясняетъ мотивы своего изданія. Главный мотивъ—облегченіе при отыскиваніи стиховъ по разнымъ частямъ многотомнаго учебника—является не необходимостью, а своего рода комфортомъ для ученика: многотомную хрестоматію купить все-таки придется. Прозаическія статьи въ настоящее время наизусть заучиваются рѣдко. Стихотворенія выбраны и расположены по степени трудности и соотвѣтствуютъ официальной программѣ 5 классовъ гимназій и прогимназій. Они снабжены примѣчаніями и вопросами, что сдѣлано не вездѣ удачно. Такъ слово *букашки* объяснено словомъ *жучки* (на стр. 4); неполно объясненіе *коралли* (тамъ же, коралль можетъ быть и бѣлымъ, да его опредѣленіе подойдетъ и къ камню); *типа*—объяснена: волокнистое водяное растеніе (стр. 9); слово *корысть*—на стр. 10 вовсе не объяснено; *на чемъ стоитъ стоитъ*—объяснено: страшно (стр. 10 и 11); *кличка*—бываетъ не всегда съ рогами (стр. 11); *блутуетъ*—объяснено словомъ: возмущается (стр. 12); *перечить*—вовсе не объяснено (стр. 13); *богатырь*—объяснено словомъ: силачъ (стр. 15); *долъ*—не объяснено (стр. 15); *тароватый* объяснено ошибочно—не богатый, а щедрый (стр. 17). Врядъ ли уче-

никъ отвѣтитъ на вопросъ (стр. 23): изъ чего видно, что поварь изъ басни „Котъ и поварь“ былъ недоучившійся грамотей; сомнительно, чтобы грамотей и ученый были вещи равносильныя, какъ это толкуетъ авторъ на стр. 23; невѣрно толкованіе смысла басни на стр. 24; и, слишкомъ обще толкованіе на стр. 25; тамъ же и неясный вопросъ: на что указываетъ Кутузовъ словами: ты сѣрь, а я сѣдь? Не объяснено слово истецъ (на стр. 26; срав. стр. 78, 83, 86). Книжка г. Е. К. не представляетъ, какъ видно, особаго вклада въ число пособій по русскому языку для среднихъ учебныхъ заведеній.

*Букварь для народныхъ школъ Сѣверо-Западнаго края Россіи. Составили *Н. Одицковъ и В. Боголюбскій*. Вильна. 1903. Стр. 110. Ц. 30 к.

Поименованный букварь содержитъ въ себѣ, кромѣ уроковъ грамоты, упражненія для первоначальнаго чтенія и письма, первую послѣ азбуки книгу, письменныя упражненія и церковно-славянскую грамоту. Звукорасположеніе букваря нельзя признать удачнымъ. Въ первомъ же урокѣ помѣщены мягкіе гласные, *и, е*, представляющіе затрудненіе для начальныхъ упражненій въ сліяніи; нѣкоторые мгновенные звуки предлагаются раньше дятельныхъ, *э* и *ь* вводятся съ седьмого урока. Подборъ словъ несоразмѣренъ съ силами начинающихъ, ни по звукосочетанію, ни по содержанію. Въ четвертомъ урокѣ ученіе должно понять, что такое суша; въ пятомъ разобрать: кошка, корка, шишка; въ девятомъ—утка, остра и т. п. Въ отдѣльныхъ урокахъ грамоты нѣтъ фразъ для упражненій въ чтеніи,—они предлагаются только для письма; зато введенъ особый отдѣлъ для чтенія послѣ изученія всего алфавита. Это удобно для составителей букваря (не надо подбирать фразъ въ соотвѣтствіи съ пройденными звуками), но неудобно для учащихся, во-первыхъ, потому, что внести однообразіе въ уроки, лишаетъ ихъ того оживленія, которое получается отъ чтенія фразъ, а во-вторыхъ, оттого, что отодвигаетъ чтеніе связныхъ статей, несвоевременно задерживая учениковъ на упражненіяхъ, обыкновенно исполняемыхъ въ періодъ изученія алфавита. Второй отдѣлъ книги для чтенія,—религіозно-нравственный,—хорошъ по направленію, но по содержанію слишкомъ серьезенъ для дѣтей, начинающихъ учиться. Большая часть статей третьяго отдѣла, изъ русской природы и быта, состоитъ изъ описаній. Между тѣмъ въ народныхъ училищахъ, даже на выпускныхъ экзаменахъ избѣга-

ють предлагать подобныя статьи. Сомнительно, чтобы ученики младшаго отдѣленія могли съ ними справиться. Въ концѣ этого отдѣла помѣщена сказка Пушкина „О рыбахъ и рыбкѣ“. Такія произведенія уже по одному объему, едва ли удобно предлагать младшимъ ученикамъ народной школы. Четвертый отдѣлъ, письменныя упражненія, составленъ достаточно полно. Пятый, церковно-славянскій, состоитъ изъ упражненій, расположенныхъ въ обыденной постепенности. Для славянскихъ уроковъ, предлагаются молитвы и чтеніе изъ Св. Евангелія. Исключительное назначеніе букваря—для народныхъ школъ Сѣверо-Западнаго края—отмѣчается только тѣмъ, что надъ каждымъ словомъ текста поставлено удареніе.

Вообще слѣдуетъ отмѣтить недостаточно умѣлое, пожалуй, даже просто безтолковое отношеніе составителей букваря къ тому матеріалу, который они помѣстили въ книгѣ. Многія изъ статей книги безсодержательны, другія изложены такъ, что едва ли ребенокъ самъ будетъ въ состояніи открыть заключающееся въ нихъ поученіе, а затѣмъ есть между ними и такія, которыя вызываютъ недоумѣніе своеобразною моралью, въ нихъ заключающеюся. Едва ли ученики, только что научившіеся читать, слѣдовательно въ возрастѣ 7—8 лѣтъ, могутъ сдѣлать какіе либо выводы изъ статей: „Лгунъ“ (стр. 4—5), „Споръ деревьевъ“ (стр. 5—6), „На пашнѣ“ (стр. 10), „Скворечница“ (стр. 43); стихотвореніе „Сельская церковь“ помѣщено, по видимому, съ цѣлью прославленія „Сумы торговой“ (15). Трудно сказать, что можно вывести изъ статьи: „Богъ - Отецъ сиротъ“ слѣдующаго содержанія: „Мать преподобнаго Пансіа, овдовѣвъ съ семью малолѣтними дѣтьми, горько плакала о смерти мужа. Однажды является къ ней ангелъ и говоритъ: Зачѣмъ ты такъ безутѣшно плачешь о мужѣ? Дѣти твои не на твоемъ теперѣ попеченіи находятся. Богъ - Отецъ сиротъ болѣе тебя заботится о нихъ“. Неизвѣстно, перестала ли вдова послѣ такого авторитетнаго внушенія плакать о мужѣ и заботиться о дѣтяхъ. Своеобразна также мораль статьи „Божіе наказаніе за ложную клятву“ (25). Къ св. Евтихію пришелъ слѣпецъ и рассказалъ, что онъ нѣкогда далъ ложную клятву на судѣ и такимъ образомъ выигралъ дѣло, но вскорѣ ослѣпъ; св. Евтихій сотворилъ о немъ молитву и слѣпецъ прозрѣлъ. Удивительно, какъ св. Евтихій, исцѣляя плута, не предложилъ ему вознаградить невинно потерпѣвшаго.

Непонятно, почему составители книжки нашли необходимымъ снабдить подстрочными объясненіями такія слова, какъ сайка (стр.

2), лотокъ (стр. 6), немощный (стр. 15), и вовсе оставили безъ объясненій, напримѣръ, выраженія: упала безъ чувствъ (4), всё равно предстоятъ предъ Господомъ (14) или слова: слонъ (6), кипаристъ (11), благоговѣно (14) благочестиво (24), трижды (26) и др.

Отдѣлъ „Первое чтеніе послѣ азбуки“ чрезвычайно бѣденъ: всего 11 страничекъ крупнаго шрифта. Съ 12-й страницы начинается отдѣлъ „религіозно-правственый“, въ которомъ помѣщены: „Дикій цвѣтокъ“ (23) съ моралью: „хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ“, пословица „На ворѣ шанка горитъ“, и тутъ же напечатаны: крайне неполная статейка „Царская семья“, портретъ Государя Императора, „Русскій народный гимнъ“, „Слався“ и „Многолѣтіе“.

Въ этомъ же отдѣлѣ останавливаются на себѣ вниманіе статьи „Примѣръ наказанія Божія за оскорбленіе матери“ (19), „Сказаніе о св. Георгіи Побѣдоносцѣ“, будто бы воскресившемъ вола (20), уже упомянутое „Божіе наказаніе за ложную клятву“ (25) и др. Помѣщеніе этихъ статей указываетъ на крайне неосторожное отношеніе составителей книги къ повѣствованіямъ о чудесахъ. Христосъ воскрешалъ людей и человѣку вообще обѣщано воскресеніе изъ мертвыхъ, потому что въ него вложена безсмертная душа; но для чего же внушать дѣтямъ, что могутъ воскреснуть и вола? Вообще деликатныхъ предметовъ нельзя касаться грубыми руками, и составители книги заблуждаются, если полагаютъ, что ихъ рассказы о чудесахъ могутъ вызвать желательное религіозное настроеніе въ душѣ ребенка. Въ помѣщенной на стр. 62 „Сказкѣ о рыбацѣ и рыбкѣ“ золотая рыба тоже производитъ большія чудеса и дѣти будутъ поставлены въ великое затрудненіе рѣшить вопросъ: какія чудеса истинныя и отъ Бога, и какія выдуманныя или отъ суетвѣрія.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О ПРЕПОДАВАНИИ ЗООЛОГИИ ВЪ ГЕРМАНСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ ¹⁾.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОПИСАНИЕ ОТДѢЛЬНЫХЪ ЗООЛОГИЧЕСКИХЪ И АНАТОМИЧЕСКИХЪ ИНСТИТУТОВЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Берлинъ.

Историческій очеркъ.

Берлинскій университетъ является однимъ изъ самыхъ молодыхъ университетовъ Германіи, такъ какъ открытъ менѣе ста лѣтъ тому назадъ (1809). Съ самаго основанія въ связи съ зоологическимъ музеемъ университета учреждается ординарная кафедра зоологіи, независимая отъ кафедры анатоміи ²⁾. Съ 1811 по 1858 годъ директоромъ зоологическаго музея и профессоромъ зоологіи состоялъ К. Лихтенштейнъ (C. Lichtenstein), преемникомъ котораго явился В. Петерсъ (W. Peters, 1858—1883). Послѣ смерти послѣдняго завѣдываніе зоологическимъ институтомъ было отдѣлено отъ завѣдыванія зо-

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1904 годъ.

²⁾ См. Prof. A. Gössler, Die naturwissenschaftliche und medicinische Staatsanstalten Berlin. Festschrift für die 59 Versammlung deutscher Naturforscher und Ärzte. Berlin, Verlag A. Girschwald, 1886.—Prof. W. Waldeyer, Zur Geschichte des anatomischen Unterrichts in Berlin. Rede. Berlin, 1899.

ологическимъ музеемъ и поручено ординарному профессору Ф. Э. Шульце (F. E. Schultze), между тѣмъ какъ директоромъ музея былъ приглашенъ изъ Кюля К. Мёбиусъ, который оказался такимъ образомъ другимъ ординарнымъ профессоромъ зоологіи. Оба эти профессора завѣдуютъ указанными учрежденіями до настоящаго времени.

До назначенія проф. Шульце въ зоологическомъ музеѣ нераздѣльно господствовало систематическое направленіе. Въ историческомъ очеркѣ, который помѣщенъ въ книгѣ Гесслера, мы находимъ слѣдующее указаніе, относящееся къ пятидесятымъ годамъ XIX столѣтія: „Блестяще представлены были въ музеѣ птицы и млекопитающія; но тотъ, кто хотѣлъ изучать низшихъ животныхъ, обращался въ лекціямъ и зоологическимъ упражненіямъ профессора анатоміи и физиологіи I. Мюллера, „анатомическій“ музей котораго представлялъ богатый матеріалъ для изслѣдованія и содержалъ много зоологическаго, чего не было въ зоологическомъ музеѣ“ (Gössler, стр. 224).

И не можетъ быть сомнѣнія, что дѣйствительнымъ центромъ научной зоологіи въ Берлинѣ долгое время являлся анатомическій институтъ, который, распавшись на два учрежденія, до сихъ поръ играетъ весьма существенную роль въ преподаваніи зоологіи, если эту науку понимать въ широкомъ смыслѣ „біологіи животнаго царства“.

Анатомическій институтъ въ Берлинѣ возникъ за сто лѣтъ до учрежденія университета при врачебно-хирургической школѣ, и въ теченіе 18-го столѣтія при немъ дѣйствовали многіе знаменитѣйшіе анатомы того времени, какъ Меккель старшій, Вальтеръ и др. Первымъ профессоромъ анатоміи въ Берлинскомъ университетѣ явился К. Рудольфи (K. A. Rudolphi, 1809—1833); его преемниками были: I. Мюллеръ (Johannes Müller, 1833—1858), Рейхертъ (K. V. Reichert, 1858—1883) и наконецъ Вальдейеръ (W. Waldeyer), до настоящаго времени. Всѣ эти ученые были въ значительной степени, или даже по преимуществу зоологами сравнительно-анатомическаго направленія, и ставили свои задачи значительно далѣе предѣловъ медицинскаго знанія. И если мы къ перечисленнымъ выше именамъ прибавимъ имена ученыхъ, состоявшихъ прозекторами и ассистентами берлинскаго анатомическаго института (какъ Fr. Schlemm, Th. Schwann, I. Henle, R. Remak, R. Virchow, C. Helmholz, E. du Bois Reymond, N. Lieberkühn, G. Wagener, G. Ehrenberg и пр.), а также имена многочисленныхъ разсѣянныхъ по всему свѣту зоологовъ и анатомовъ, получившихъ свое образованіе въ Берлинѣ; то мы должны будемъ признать, что въ срединѣ 19-го столѣтія, въ особенности во времена I. Мюллера

Берлинскій анатомическій институтъ являлся однимъ изъ крупнѣйшихъ центровъ научной зоологии.

Въ связи съ анатомическимъ институтомъ съ самаго основанія университета состоялъ музей сравнительной анатоміи, начало которому было положено въ 1803 г. приобрѣтеніемъ за 100.000 талеровъ коллекціи доктора Вальтера, состоявшей изъ 3070 препаратовъ. За время управленія музеемъ Рудольфи, I. Мюллеромъ и Рейхертонъ количество препаратовъ возрасло до 26.000. Препараты были разнообразнаго характера: по человѣческой, сравнительной и патологической анатоміи, по систематической зоологіи, эмбриологіи, равно какъ микроскопическіе препараты по гистологіи и эмбриологіи. И всѣ эти науки читались въ институтѣ; при немъ велись также различныя практическіе курсы, при чемъ по времени постановки гистологическаго курса Берлингъ опередилъ почти всѣ нѣмецкіе университеты: практическія занятія по гистологіи велись здѣсь непрерывно начиная съ 1841 года. Точно также и регулярныя лекціи по гистологіи начались здѣсь ранѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, а именно съ 1842 года.

Послѣ того какъ во второй половинѣ 19-го столѣтія одна за другой отпали отъ анатомической катедры физиологія и патологическая анатомія, въ 1888 году была учреждена на медицинскомъ факультетѣ новая ординарная катедра гистологіи, эмбриологіи и сравнительной анатоміи, на которую былъ приглашенъ изъ Іены проф. О. Гертвигъ (O. Hertwig). Для него былъ отстроенъ въ 1892 году особый институтъ, который сначала назывался „вторымъ анатомическимъ“, а впоследствии получилъ названіе „анатомио-біологическаго“. Коллекціи прежняго анатомическаго музея были распредѣлены по спеціальностямъ: препараты по нормальной человѣческой анатоміи остались въ 1-мъ анатомическомъ институтѣ, сравнительно-анатомическіе, эмбриологическіе и частью гистологическіе препараты отошли во 2-й анатомическій институтъ, значительная часть кромѣ того была передана въ патолого-анатомическій и зоологическій институтъ.

Хотя для преподаванія гистологіи была такимъ образомъ учреждена особая катедра, тѣмъ не менѣе практическія занятія по гистологіи до настоящаго времени ведутся и въ первомъ анатомическомъ институтѣ. Впрочемъ этотъ курсъ ведется въ Берлинѣ кромѣ того и въ цѣломъ рядѣ другихъ лабораторій, въ физиологическомъ институтѣ, въ городской больницѣ и въ нѣсколькихъ спеціальныхъ клиникахъ.

Зоологическій институтъ ¹⁾

(Invalidenstr. 43).

Зоологическій институтъ помѣщается въ одномъ изъ крыльевъ музея естественной исторіи (Museum für Naturkunde). Это одинъ изъ наиболѣе обширныхъ зоологическихъ институтовъ Германіи; онъ расположенъ въ трехъ этажахъ, не считая подвального и чердачнаго, которые также утилизируются.

Первоначально все зданіе предназначалось для публичнаго музея, и когда часть была отведена для института, то конечно оказались нѣкоторыя неудобства, какъ всегда бываетъ, когда научный институтъ персходитъ въ зданіе, не спеціально для этой цѣли построенное. Недостатокъ помѣщенія не сказывается, но расположеніе комнатъ не вполне удобно.

Большая часть помѣщенія занята „учебными коллекціями“, которыя весьма обширны въ особенности въ сравненіи съ подобными коллекціями въ другихъ германскихъ институтахъ, и конечно не весь выставленный матеріалъ можетъ быть использованъ для цѣлей преподаванія. По отчету 1901 года въ музеѣ состояло 4735 демонстраціонныхъ препаратовъ, большинство препаратовъ систематическаго характера—коллекція чучель птицъ и млекопитающихъ, рептилій и пр., спиртовые экземпляры, коллекція насѣкомыхъ и пр. Въ каждой группѣ представлены преимущественно, во всякомъ случаѣ особенно полно, представители мѣстной фауны, затѣмъ рядъ анатомическихъ препаратовъ и наконецъ модели, въ особенности по исторіи развитія. Моделей въ музеѣ очень много, по отчету 1901 года 1407 номеровъ. Кромѣ восковыхъ, преимущественно Циглеровскихъ, моделей остаются на себѣ вниманіе стеклянныя модели безпозвоночныхъ животныхъ.

Немало также интересныхъ біологическихъ препаратовъ, иллюстрирующихъ преимущественно жизнь насѣкомыхъ. Препараты, выставленные въ музеѣ, либо покупные, какъ почти всѣ модели и значительное число инъекцій; либо готовятся персоналомъ музея, главнымъ образомъ ассистентами. Занимающіеся въ институтѣ студенты и практиканты къ участію въ приготовленіи препаратовъ не привлекаются.

¹⁾ Нижеслѣдующее описаніе составлено главнымъ образомъ на основаніи осмотра въ ноябрѣ 1902 года.

Въ связи съ этимъ стоитъ, вѣроятно, то обстоятельство, что на ярлыкахъ не отмѣчается имя лица, приготовившаго препаратъ. Рисунки при анатомическихъ препаратахъ также почти совсѣмъ отсутствуютъ.

Музей занимаетъ три большихъ залы, которыя помѣщаются одна надъ другой въ трехъ этажахъ. Препараты размѣщены въ прочныхъ деревянныхъ шкапахъ съ хорошими стеклами съ перемѣщающимися полками. Въ одной залѣ помѣщены позвоночныя и нѣкоторыя изъ высшихъ группъ безпозвоночныхъ, въ другой—остальные безпозвоночныя, въ третьей материалъ еще не использованный для препаратовъ. Около оконъ во всѣхъ трехъ залахъ помѣщены столы для занимающихся специальными научными изслѣдованіями. Для послѣднихъ предназначены также три довольно большихъ комнаты, каждая на двухъ занимающихся. Такимъ образомъ институтъ не можетъ пожаловаться на недостатокъ мѣста для специалистовъ, и большинство столовъ остается обыкновенно незанятыми. Для общихъ практическихъ занятій имѣется особая зала, гдѣ можетъ одновременно работать 20—40 человекъ, что вполне удовлетворяетъ потребностямъ института. Кромѣ того имѣются отдѣльныя комнаты для директора, хранителя музея, 1-го и 2-го ассистентовъ, препаратора и служителей.

Акваріумы и терраріумы помѣщаются въ двухъ мѣстахъ: въ подвальному этажѣ (гдѣ имѣются и морскіе акваріумы) и наверху, въ крышѣ подъ стекляннымъ фонаремъ. Такое размѣщеніе акваріумовъ имѣетъ однако большія неудобства. Морскіе акваріумы предполагалось устроить внизу съ тою цѣлью, чтобы охранить отъ повышенной температуры: но въ подвалѣ оказалось слишкомъ мало свѣта. Съ другой стороны акваріумы подъ самой крышей лѣтомъ страдаютъ отъ избытка солнца и жары.

Наверху устроено также фотографическое ателье, комнаты для микрофотографическаго аппарата и темная комната для проявленія. Имѣются также отдѣльная химическая комната и комнаты для хранения посуды.

Аудитории двѣ. Большая (отлогій амфитеатръ) на 300 слушателей почти совершенно темная; лекціи здѣсь читаются при электрическомъ освѣщеніи по вечерамъ, и только зимою. Малая аудитория свѣтлая; здѣсь читается большинство лекцій, за исключеніемъ большого зимаго курса проф. Шульце.

Въ большой аудитории имѣется проекціонный аппаратъ съ микроскопомъ, но онъ почти совершенно не употребляется. За то институтъ

обладаетъ выдающеюся коллекціей таблицъ, большая часть которыхъ приготовлена въ институтѣ препараторомъ съ оригинальныхъ рисунковъ по указаніямъ проф. Шульце. По отчету 1901 года въ институтѣ состояло 1522 №№ стѣнныхъ таблицъ (въ 1890 году 1163 №№). Всѣ таблицы наклеены на холстъ.

Библіотека довольно обширна; къ 1902 году въ ней состояло 1.428 №№. Въ 1890 году значилось всего 688 №№ съ 33 журналами; съ тѣхъ поръ возросло не только количество книгъ, но и списокъ получаемыхъ журналовъ непрерывно расширяется. *Zeitschrift für wissenschaft. Zoologie* имѣется въ двухъ экземплярахъ, одинъ изъ которыхъ пожертвованъ въ память умершаго студента, работавшаго въ институтѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что при большомъ зоологическомъ музеѣ, стало быть, въ томъ же зданіи, имѣется обширная библіотека изданій по систематикѣ, которою также могутъ пользоваться работающіе въ институтѣ.

Всякій изъ занимающихся въ институтѣ имѣетъ право взять любую книгу съ полки и читать ее въ библіотекѣ, или же, поставивъ карту, взять къ своему рабочему столу. Уносить книги изъ зданія института не разрѣшается.

Директоромъ института состоитъ въ настоящее время профессоръ Шульце; хранителемъ—д-ръ Грунеръ (*Dr. M. Gruner*); первымъ и вторымъ ассистентами приватъ-доцентъ д-ръ Геймонсъ (*R. Heumons*) и д-ръ Дегенеръ (*Decgener*).

Въ отчетѣ за 1890 годъ профессоръ Шульце излагаетъ распредѣленіе обязанностей между своими помощниками и служителями при институтѣ. Это распредѣленіе сохраняется и понынѣ, и мнѣ кажется безъинтереснымъ привести его здѣсь:

„Работы въ институтѣ распредѣлены вообще говоря такимъ образомъ, что хранителю предоставляется веденіе по указанію директора хозяйственныхъ дѣлъ института, между тѣмъ какъ первый ассистентъ помогаетъ директору въ подготовкѣ къ лекціямъ и курсовымъ занятіямъ, а равно и въ руководствѣ работами практикантовъ; второй же ассистентъ помогаетъ директору въ его научныхъ работахъ и приготовляетъ препараты для учебной коллекціи. Главный служитель наблюдаетъ за порядкомъ въ зданіи и оказываетъ нѣкоторыя услуги въ научныхъ работахъ и при курсовыхъ занятіяхъ, исполняетъ различныя металлическія, стеклянныя и картонныя работы и заботится о доставленіи потребныхъ для занятій живыхъ животныхъ. Второму служителю поручена ежедневная уборка всѣхъ рабочихъ комнатъ,

музеевъ и аудиторій, управленіе газовымъ моторомъ и динамо-машинной для электрическаго освѣщенія; онъ же является и разсылнымъ. Третій служитель исполняетъ необходимыя столярныя работы, ухаживаетъ за животными и аквариумами и помогаетъ въ уборкѣ¹⁾. Кромѣ того при институтѣ имѣется препараторъ, главная задача котораго готовить таблицы.

Въ институтѣ читаютъ лекціи слѣдующіе доценты: 1) профессоръ Шульце въ зимній семестръ читаетъ „Общую зоологию въ связи съ сравнительной анатоміей“, 5 часовъ въ недѣлю (между 5 и 6 часами вечера) для начинающихъ и медиковъ (privatim). Курсъ состоитъ изъ введенія, общей гистологии, эмбриологии и сравнительной анатоміи и краткаго обзора группъ животнаго царства. Въ лѣтній семестръ профессоръ Шульце читаетъ какой-нибудь небольшой, обыкновенно 2-хъ часовой специальный курсъ, какъ то: „Protozoa“, „Schwämme“, „Nesselthiere und Kammquallen“ и пр. (öffentlich). 2) Профессоръ Мёбиусъ, который, состоя директоромъ зоологическаго музея и въ то же время другимъ ординарнымъ профессоромъ зоологии, читаетъ обыкновенно зимою двухчасовой частный курсъ („Географическое распространіе животныхъ“, „Внѣшнія жизненныя условія и привычки животныхъ“ и пр.); а лѣтомъ одночасовой даровой курсъ—систематика той или иной группы по музейскимъ коллекціямъ („Рыбы зоологическаго музея“, „Амфибии и рептилии зоологическаго музея“). 3) Профессоръ Мартенсъ (v. Martens) изъ зоологическаго музея объявляетъ обыкновенно курсы по систематикѣ: „Общая и специальная конхиология“ (3 часа), „Отечественные моллюски“ (2 часа), „Избранныя главы изъ ученія о географическомъ распространеніи животныхъ“ (2 часа). 4) Приватъ-доцентъ Каршъ (Karsch) объявляетъ „Общую зоологию“, но рѣдко находитъ достаточное количество слушателей для такого параллельнаго курса. 5) Приватъ-доцентъ Геймонсъ читаетъ зимою „Введеніе въ энтомологию“ (2 часа) или „Основы эмбриологии“, а лѣтомъ ведетъ экскурсіи (одинъ разъ въ недѣлю, даромъ), а иногда также небольшой курсъ, какъ „Анатомія и физиология органовъ чувствъ“ (1 часъ). 6) Приватъ-доцентъ Плате (Plate) читаетъ въ зимнемъ семестрѣ 1902—1903 года „Естественную исторію рыбъ въ связи съ морскимъ рыболовствомъ при демонстраціяхъ въ музеѣ

¹⁾ Chronik der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. 1890. S. 128.

естественной исторіи и въ акваріумѣ“ (2 часа); каждую зиму двух-часовой курсъ по зоологіи того или иного класса позвоночныхъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь, на-ряду съ пятичасовымъ вводнымъ курсомъ проф. Шульце, рядъ небольшихъ, болѣе или мене случайныхъ и во всякомъ случаѣ не связанныхъ между собою, специальныхъ курсовъ; слѣдуетъ замѣтить, что изъ перечисленныхъ мною выше, объявленныхъ въ расписаніи курсовъ нѣкоторые не могли состояться по недостатку слушателей.

Практическихъ курсовъ два; оба объявляются отъ имени проф. Шульце. Исключительно лѣтомъ ведется „*Makroskopisch-zootomischer Cursus*“ (2 раза въ недѣлю по 2—3 часа *privatim*). Курсъ этотъ предназначенъ для медиковъ и начинающихъ натуралистовъ. Каждое занятіе посвящено обыкновенно одному, иногда двумъ животнымъ, при чемъ каждый студентъ получаетъ для самостоятельнаго анатомированія особый экземпляръ. Передъ началомъ занятій проф. Шульце читаетъ вводную лекцію. Такъ какъ занимающихся обыкновенно около 30 человекъ (по отчетамъ за послѣднія десять лѣтъ число ихъ колебалось между 14 и 39), то всѣ работаютъ одновременно, но раздѣляются на три отдѣленія, каждое изъ которыхъ поручается особому ассистенту. Курсъ ведется въ порядкѣ отъ болѣе высоко организованныхъ животныхъ къ болѣе простымъ. Такой порядокъ принять, какъ объяснилъ мнѣ д-ръ Геймонсъ, въ виду того, что медикамъ, составляющимъ большинство занимающихся, организациа млекопитающаго наиболѣе знакома.

Программа занятій приблизительно слѣдующая:

1. Кроликъ. 2. Мозгъ и первы барана. 3. Голубь. 4. Черепаха.
5. Змѣя. 6. Лягушка. 7. Костистая рыба. 8. Скатъ (*Raja*). 9. Акула (*Scyllium*). [10. Минога]. 11. Асцидия (*Phallusia mamillata*). 12. Рѣчной ракъ. 13. Крабъ. 14. *Squilla mantis*. 15. Гусеница и бабочка шелкопряда. 16. Тараканъ. 17. Жукъ. 18. *Octopus* или *Sepia*. 19—20. *Anodonta*. 21. *Ostraea* и *Mytilus*. 22. Улитка. 23. Земляной червь. 24. Пиявка. 25. Морской ежъ (*Echinus* или *Strongylocentrotus*). 26. Морская звѣзда (*Asterias* или *Astropecten*). 27. Голотурія¹⁾.

Въ качествѣ руководства къ этимъ занятіямъ, предлагаются учеб-

---

¹⁾ Эту программу мнѣ сообщилъ д-ръ Геймонсъ. Просматривая книгу проф. Госслера (*Prof. Gossler, 1886*), я нахожу, что уже въ 1886 году программа этого курса вполнѣ установилась и съ тѣхъ поръ не подверглась почти никакимъ измѣненіямъ.

ники Кюкенталя и Мойсисовича, но въ виду того, что занятія ведутся подъ непрерывнымъ руководствомъ, большинство занимающихся къ пособиямъ не прибѣгаетъ.

Большой зоологическій практикумъ объявляется здѣсь подъ именемъ „Mikroskopisch-zoologischer Kursus“ и ведется почти подъ исключительнымъ руководствомъ 1-го ассистента. Курсъ этотъ распределяется обыкновенно на два семестра, при чемъ зимою проходятся Protozoa, Coelenterata, Echinodermita и Vermes, а лѣтомъ—остальными безпозвоночными; позвоночныя въ этотъ курсъ не включены. Число занимающихся за послѣднія десять лѣтъ колебалось въ зимнемъ семестрѣ (I часть) между 7 и 19 (въ среднемъ 12 человѣкъ) и въ лѣтнемъ семестрѣ (II часть)—между 3 и 11 (въ среднемъ 7 человѣкъ); въ большинствѣ случаевъ къ этому курсу приступаютъ тѣ, которые уже прошли малый практикумъ, но строго это правило не соблюдается. Курсъ ведется ежедневно въ той же залѣ, гдѣ происходятъ лѣтомъ и вышеописанныя занятія, но въ другіе часы, а именно между 10 и 12. Въ теченіи этого времени завѣдующій занятіями ассистентъ раздаетъ матеріалъ и даетъ объясненія, указываетъ методы и пр. Большинство занимающихся ограничивается этими двумя часами въ день, но желающіе могутъ оставаться и долѣе, если лабораторіи свободны; но внѣ объявленныхъ часовъ занимающіеся руководствомъ уже не пользуются. Матеріалъ по морскимъ формамъ для практическихъ занятій получается преимущественно изъ Ровиньо, а также изъ Берлинскаго акваріума, такъ что въ этомъ отношеніи институтъ поставленъ въ очень благоприятныя условія. Что касается инструментовъ, то послѣднія оставляютъ желать многого: микроскопы—по большей части малыя старинныя модели Винклера; передъ началомъ курса предлагается тѣмъ, кто имѣетъ возможность, завести свои инструменты.

Большой практикумъ ведется бесплатно, также какъ бесплатны и спеціальныя работы въ лабораторіи. Для спеціалистовъ имѣется болѣе чѣмъ достаточно мѣста въ трехъ музейныхъ залахъ и въ трехъ указанныхъ выше комнатахъ. Число лицъ, которыя вели спеціальныя работы за послѣдніе 20 семестровъ, колебалось между 7 и 19 (въ среднемъ 10 человѣкъ). Нуждающіеся въ руководствѣ поручаются обыкновенно тому или иному изъ ассистентовъ, если работою не интересуется самъ директоръ. Въ большинствѣ случаевъ работаютъ лица, ищущія докторской степени, преимущественно тѣ, кто готовится къ учительской дѣятельности; изрѣдка заѣзжаютъ и иностранные ученые.

За послѣдніе три года изъ института вышли слѣдующія диссертации, которыя печатались отдѣльными брошюрами, а нѣкоторыя, позднѣе, перепечатаны въ журналахъ.

1) *Glamann*, Anatomisch-system. Beiträge zur Kenntniss der Tracheopulmonaten. 2) *Berndt*, Beitrag zur Kenntniss der in Darm von *Tenebrio molitor* lebenden Gregarinen. 3) *Wacke*, Beiträge zur Kenntniss der Temnocephalen. 4) *Hintze*, Lebensweise und Entwicklung von *Laensterella minima*. 5) *Stitz*, Der Genitalapparat der Mikrolepidopteren. 6) *Hennings*, Das Tömöswary'sche Organ der Diplopoden. 7) *Schwartz*, Zur Kenntniss der Darmentwicklung bei Lepidopteren. 8) *Pfeiffer*, Die Gattung *Triboniophorus*. 9) *Samter*, Studien zur Entwicklungsgeschichte der *Leptodora hyalina*.

Анатомо-біологическій институтъ.

Этотъ институтъ, принадлежащій, какъ указано выше, медицинскому факультету, открытъ въ 1888 году; съ этого времени онъ непрерывно расширялся и въ настоящее время среди другихъ нѣмецкихъ институтовъ занимаетъ выдающееся мѣсто, какъ по значительному количеству занимающихся, такъ и по своему спеціальному характеру. Сначала онъ помѣщался въ зданіи университета, затѣмъ былъ переведенъ во временное наемное помѣщеніе; въ 1893 году была закончена постройка спеціального отдѣльнаго зданія для этого института, которое въ послѣднемъ году было еще значительно расширено.

Зданіе распланировано весьма цѣлесообразно такимъ образомъ, что во второмъ этажѣ сосредоточено преподаваніе въ собственномъ смыслѣ, а первый этажъ предназначенъ для научныхъ изслѣдованій; въ полуподвальномъ этажѣ помѣщаются, кромѣ того, акваріумы, секціонныя комнаты, мастерскія, отопленіе и квартира служителя; квартира ассистента, препаратора и другого служителя — въ отдѣльномъ небольшомъ домикѣ.

Аудиторія на 300 слушателей и большой залъ для практическихъ занятій, гдѣ можетъ одновременно работать болѣе 100 человекъ, описаны подробно М. М. Гарднеромъ (1901, стр. 40), такъ что ихъ я касаться не буду. Въ послѣднемъ году, благодаря отмѣченной выше пристройкѣ, въ этомъ этажѣ прибавилось двѣ малыхъ лабораторіи, по три окна каждая. Эти лабораторіи предназначены главнымъ образомъ для технического курса по гистологін, о которомъ я буду говорить ниже. Въ каждой комнатѣ вдоль оконъ непрерывный дубовый,

некрашенный столъ, шириною въ 1 метръ; передъ каждымъ окномъ, ширина котораго 2 метра, два рабочихъ мѣста. Простѣнокъ между окнами очень узокъ; ему на столѣ соответствуетъ перегородка, съ каждой стороны которой рядъ полочекъ. Такимъ образомъ каждый занимающійся имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько полочекъ и два, запирающихся особыми „американскими“ ключами, ящика. Для сидѣнья—стулья и поднимающіеся на винтахъ табуреты. Параллельно этому столу, съ лучшими мѣстами около оконъ, идутъ еще два такихъ же стола, только безъ перегородокъ и полочекъ. Такимъ образомъ, въ каждой комнатѣ оказывается 16 рабочихъ мѣстъ, каждое изъ которыхъ заукомплектовано. Въ лабораторіяхъ по два большихъ, во время семестра неугасимыхъ, термостата, которые держатся на 55°, съ особымъ отдѣленіемъ для температуры 35°; каждый занимающійся имѣетъ особую полочку, какъ въ термостатѣ, такъ и въ отдѣленіи для сушки препаратовъ. Рядъ открытыхъ полокъ занятъ реактивами; на верхней полкѣ стоятъ большіе флаконы со стеклянными кранами— для дистиллированной воды и спиртовъ различной крѣпости (55°, 70°, 85°, 95°, 100°, также подкисленный 70°). На остальныхъ полкахъ слѣдующіе реактивы: хромовая, уксусная, азотная, сѣрная, щавелевая, муравьиная и пикриновая (водная и спиртовая) кислоты; амміакъ и ѣдкій кали; мюллеровская и ценкеровская жидкости, сублиматъ, двуххромокислый кали, уксуснокислая мѣдь, марганцевокислый кали, полторахлористое желѣзо, желѣзные квасцы, іодная тинктура, іодъ-іодкали, перекись водорода, физиологическій растворъ поваренной соли; ксилоль, хлороформъ, эфиръ, карболь-кислоль, целлоидинъ слабый и крѣпкій, кайепутовое масло, анилинъ, анилиновая вода. Краски: гематоксилинъ Бемери, спиртовой гематоксилинъ, гематоксилины по Эрлиху и Вейгерту, борный и квасцовый кармины, сафранинъ, метиленовая синька, генціана, эозинъ, оранжевъ, индигокарминъ, тіонинъ, далія, метиліолетъ, Bleu de Lion, рубинъ S, толундинблау, магента, метиловая зелень, кислый фуксинъ, парафинъ ¹⁾).

Такъ какъ реактивы, такимъ образомъ, въ изобиліи у каждого имѣются подъ рукою, то на рабочіе столы, кромѣ канадскаго балъзама, особыхъ реактивовъ не ставится; каждый занимающійся получаетъ лишь нѣкоторое количество посуды— главнымъ образомъ, ци-

¹⁾ Такія полки кромѣ двухъ описываемыхъ имѣются еще въ двухъ нижнихъ лабораторіяхъ; не выставленные реактивы можно получать у д-ра Краузе.

линдры съ простыми пробками для окрашиванія. Каждый получаетъ также микроскопъ.

Рядомъ съ крайней изъ малыхъ лабораторій — комната съ двумя окнами для двухъ ассистентовъ.

Въ нижнемъ этажѣ двѣ большихъ лабораторіи, которыя обставлены въ общемъ такъ же, какъ описанныя выше, только болѣе просторно и комфортабельно: одна въ три окна на 10 рабочихъ мѣсть, а другая въ четыре окна, но менѣе свѣтлая и потому лишь на 8 мѣсть около оконъ. Къ этимъ лабораторіямъ примыкають комнаты: прозектора (2 окна) и „вольнаго ассистента“ (1 окно). Далѣе идутъ: бібліотека (полутемная, съ постояннымъ газовымъ освѣщеніемъ), кабинетъ и приемная профессора (3 окна), комнаты препаратора и служителя.

Обособленно помѣщается музей, который до послѣдняго времени служилъ также въ качествѣ лабораторіи для занимающихся по микроскопической техникѣ. Музей представляетъ большую, довольно свѣтлую залу, съ окнами съ двухъ сторонъ. Только центральная (наименѣе освѣщенная) полоса этой залы занята шкафами съ сравнительно анатомическими коллекціями. А изъ боковыхъ частей — одна занята шкафами, въ которыхъ хранятся микроскопическіе препараты; другая же, отгороженная отъ остальныхъ суконымъ задергивающимся занавѣсомъ, и съ такими же занавѣсами на окнахъ, предназначена для работъ съ проекціоннымъ и микрофотографическимъ аппаратомъ.

Сравнительно-анатомическая коллекція не велика; за исключеніемъ одного шкафа, предоставленнаго безпозвоночнымъ, и занятаго преимущественно цѣльными формами, вся остальная коллекція по позвоночнымъ. Препараты разставлены здѣсь по системамъ органовъ. Характеръ коллекціи — смѣшанный; ее нельзя назвать ни исключительно учебной, ни научной; за исключеніемъ нѣкоторыхъ покупныхъ препаратовъ, въ особенности моделей, большинство приготовлено въ институтѣ препараторомъ Кунце, модели — служителемъ Шпицомъ. Особенно богатъ препаратами, нѣкоторые изъ которыхъ превосходны, отдѣлъ по органу слуха, гдѣ имѣется цѣлый рядъ оригинальныхъ восковыхъ реконструкцій. Но въ виду преимущественно микроскопическаго направленія въ институтѣ, конечно, наибольшій интересъ должны представлять коллекціи микроскопическихъ препаратовъ, и въ настоящее время на расширеніе этихъ коллекцій проф. Гертвигъ обращаетъ особенное вниманіе. Такъ, недавно онъ помѣстилъ въ Апа-

tomischer Anzeiger воззваніе къ изслѣдователямъ присылать въ институтъ дубликаты своихъ эмбриологическихъ и гистологическихъ препаратовъ съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ въ Берлинѣ составила, такъ сказать, центральная коллекція, гдѣ изслѣдователь могъ бы найти разнообразнѣйшій матеріалъ для сравненія. Будетъ ли имѣть успѣхъ такое воззваніе, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, проф. Гертвигъ заботится о составленіи подобной коллекціи своими средствами, при помощи ассистентовъ института. Такъ, въ эмбриологической коллекціи уже въ настоящее время имѣется много рядовъ подробныхъ серій разрѣзовъ по эмбриологіи позвоночныхъ.

Коллекція гистологическихъ препаратовъ также обширна и также непрерывно пополняется.

Для помѣщенія микроскопическихъ препаратовъ въ музей имѣется нѣсколько шкафовъ съ обыкновенными полками, на которыхъ, одна на другой, лежатъ открытыя папки съ препаратами.

Отдѣлъ, предназначенный для микрофотографированія, также обращаетъ на себя вниманіе. Специальныхъ приспособленій, кромѣ указанныхъ выше заавѣсей для — неполнаго, конечно, — затемненія, здѣсь не имѣется и вообще все устройство носитъ нѣсколько случайный, временный характеръ. Имѣются три микрофотографическихъ аппарата; старинный аппаратъ Цейсса; его же послѣдняя модель и небольшой аппаратъ для сниманія мелкихъ объектовъ безъ микроскопа. Аппараты помѣщаются на новѣйшихъ цейссовскихъ подвижныхъ столахъ.

Старый аппаратъ Цейсса стоитъ безъ дѣла и всѣ микроскопическія проекціи производятся при помощи новаго аппарата. Это представляетъ нѣкоторыя неудобства, такъ какъ при весьма широкомъ пользованіи въ институтѣ методами микрофотографированія и реконструкцій, было бы весьма желательно имѣть для каждаго метода особую постоянную установку, тѣмъ болѣе, что для метода реконструкцій цѣлый рядъ сложныхъ, необходимыхъ для микрофотографіи, приспособленій, установка которыхъ отнимаетъ много времени, совершенно излишняя, а съ другой стороны, весьма удобная для рисованія разрѣзовъ подвижная доска при одновременномъ пользованіи аппаратомъ для микрофотографическихъ цѣлей, не можетъ быть устроена. Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе практична та установка, которую мы находимъ въ Фрейбургскомъ анатомическомъ институтѣ. (См. ниже, при описаніи этого института).

Относительно метода реконструкцій, какъ онъ поставленъ въ инсти-

тутъ, отмѣчу нѣкоторыя особенности. Разрѣзы при помощи проекціоннаго аппарата проецируютъ на прикрѣпленную къ экрану пачку довольно тонкой бумаги, занумерованные листки которой одинъ за другимъ по мѣрѣ нанесенія рисунковъ обрываются. Это, конечно, сохраняетъ много времени въ сравненіи съ обычнымъ укрѣпленіемъ на экранѣ бумаги или восковой пластинки для каждаго разрѣза. Въ тѣхъ случаяхъ, когда реконструированію подлежитъ лишь часть разрѣза, выгодно на готовыхъ уже рисункахъ передъ обливаніемъ ихъ восковою массой перенести наводящія линіи ближе къ нарисованной части аппарата. Для этой цѣли готовится въ каждомъ случаѣ особая картонка, въ формѣ приблизительно трапеціи, на одну сторону которой наносится старая направляющая линія, а на другой, короткой сторонѣ, приходящейся близъ рисунка, вырѣзается новая любая линія. Эта новая линія при помощи картонки наносится на всѣ рисунки. Благодаря такому простому способу при обливаніи рисунковъ воскомъ сохраняется много матеріала и времени; вырѣзывать уменьшенные разрѣзы и обращаться съ ними также конечно легче, а точность наложенія врядъ ли много страдаетъ. Масса для обливанія рисунковъ готовится изъ чистаго воска съ очень небольшою примѣсью парафина; за нѣсколько минутъ до приготовленія пластинокъ на литографскій камень для нагрѣванія ставится въ валикъ горячая вода; иначе первыя пластинки окажутся очень ломкими.

Помѣщеніе для акваріумовъ и терраріумовъ построено недавно специально для этой цѣли. Это высокая въ два этажа зала площадью въ 6×6 метровъ; въ нижнемъ (полуподвальномъ) этажѣ помѣщаются акваріумы, на хорахъ, приходящихся на уровнѣ перваго этажа—терраріумы. Въ каждомъ этажѣ по одному окну, занимающему по ширинѣ почти всю стѣну (болѣе 5 метровъ). Вдоль этого окна на поддерживаемой тремя подставками желѣзномъ рельсѣ и на нѣсколькихъ вбитыхъ въ стѣну рельсовыхъ кронштейнахъ деревянный непрерывный столъ, на которомъ стоятъ большіе акваріумы и терраріумы. Большихъ акваріумовъ пять, всѣ вышиною и шириною около 70 сантиметровъ, а въ длину четыре по 1 метру и одинъ 1½ метра. Послѣдній акваріумъ съ металлической массивной рамой, которая благодаря нѣкоторой податливости оказывается весьма прочной. Въ остальныхъ акваріумахъ какъ боковыя стѣнки, такъ и дно изъ шведскаго гранита, въ желобки котораго вставлены два стекла; вслѣдствіе неподатливости такой конструкціи стекла отъ провѣса или отъ измѣненія

температуры часто лопаются. По другимъ стѣнамъ стоятъ болѣе мелкіе акваріумы-банки, а у задней стѣны цементный бассейнъ съ выходомъ на сушу.

Изъ пяти большихъ акваріумовъ четыре съ прѣсной и одинъ съ морскою водою. Прѣсноводные акваріумы благодаря обилію свѣта превосходно заросли растеніями, но животное населеніе пока мало разнообразно и интересно. Имѣются размножающіеся аксолотли-альбиносы, также тритоны, костистыя рыбы, миноги, ракушки и пр. Надъ миногами производились въ мое время эксперименты съ операцией полукружныхъ каналовъ и оперированныя особи жили по недѣлямъ. Въ виду нѣкоторой прихотливости миноги къ ненормальнымъ условіямъ это свидѣтельствуется въ пользу хорошаго устройства акваріумовъ; вода проточная, бьетъ тонкой захватывающей воздухъ струею, при чемъ на отводную трубку надѣтъ болѣе широкій отводной цилиндръ, воткнутый въ песокъ.

Что касается морского акваріума, то вода въ немъ не мѣняется, но въ нее нагнетается воздухъ, для этой цѣли въ сосѣдней комнатѣ имѣется резервуаръ величиною нѣсколько менѣе бочки, въ который дважды въ день воздухъ отъ руки—весьма легко и въ продолженіе немногихъ минутъ—нагоняется до 2 атмосферъ. Нѣкоторыя изъ формъ, въ особенности актиніи, аннелиды, асцидии живутъ здѣсь по долгу, во всякомъ случаѣ населеніе часто подновляется черезъ посредство берлинскаго акваріума, получающаго животныхъ изъ Ровиньо. Во время моего пребыванія въ Берлинѣ нѣсколько практикантовъ работали надъ актиніями и получали постоянно свѣжіе экземпляры *Phal-lusia mamillata* и *Ciona intestinalis*.

Устройство терраріумовъ простое; это большіе ящики, стѣнки которыхъ частью изъ стекла, частью изъ металлической рѣшетки. Въ нихъ жили ужи, ящерицы, улитки. Для мелкихъ млекопитающихъ, въ особенности для оперированныхъ съ экспериментальною цѣлью, имѣется особое помѣщеніе въ подвальномъ этажѣ: три комнаты съ выходомъ наружу, гдѣ имѣется разгороженный рѣшетками также на три части довольно обширный дворикъ.

Занимающіеся имѣютъ право съ соответствующаго разрѣшенія пользоваться этими помѣщеніями для животныхъ, но расходы по приобрѣтенію послѣднихъ несутъ они сами. Для оперированія и анатомированія болѣе крупныхъ животныхъ имѣются три специальныхъ комнаты въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ акваріумами и помѣщеніемъ для млекопитающихъ. Въ каждой комнатѣ съ большимъ

окномъ и достаточно свѣтлой имѣется операціонный столъ, обитый цинкомъ съ отверстіемъ для стока крови. Также шкафъ съ инструментами, проведенная вода, аппараты для нагрѣванія струи воды и пр. Полъ въ этихъ комнатахъ цементный. Одна изъ этихъ комнатъ содержится особенно опрятно и предназначена для операцій. Нерѣдко всѣ три комнаты бываютъ одновременно заняты, въ особенности когда изъ акваріума доставляютъ крупныхъ сдохшихъ животныхъ, которыя представляютъ интересъ и нерѣдко обрабатываются кѣмъ либо изъ практикантовъ. Такъ во время моего пребыванія, одинъ изъ практикантовъ занимался изученіемъ спинного мозга рептилій и получалъ неоднократно питоновъ, а разъ также превосходный экземпляръ *Chelydra* и пр.

Завѣдующимъ институтомъ съ самаго его основанія состоитъ профессоръ О. Гертвигъ (O. Hertwig), который раздѣлялъ институтъ на три отдѣленія: гистологическое, эмбриологическое и сравнительно-анатомическое, поставивъ во главѣ каждаго изъ нихъ троику своихъ помощниковъ—прозектора экстра-ординарнаго проф. Краузе (Pr. W. Krause), 1-го ассистента Рѣтига (Dr. P. Röthig) и 2-го ассистента Поля (Dr. H. Poll). Кромѣ того въ качествѣ „вольнаго ассистента“ дѣйствовалъ, позднѣе перешедшій въ Бреславль приватъ-доцентъ Ветцель (Dr. G. Wetzel), который оказывалъ институту немаловажныя услуги, являясь руководителемъ, такъ сказать, четвертаго отдѣленія—по механикѣ развитія.

Состоящій при музеѣ препараторъ Kunze занимается почти исключительно приготовленіемъ сравнительно-анатомическихъ препаратовъ. Главный служитель Spitz, человекъ весьма способный и ловкій, оказывается полезнымъ институту въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Онъ превосходно рѣжетъ на микротомѣ и готовитъ разрѣзы не только для эмбриологическаго и гистологическаго курса, но также и для частныхъ работъ директора и ассистентовъ. Онъ же завѣдуетъ проекціонными аппаратами и prepares недурныя микрофотографіи, какъ для демонстрацій, такъ и для научныхъ изслѣдованій персонала и занимающихся. Онъ изучилъ методику приготовленія реконструирующей и подъ наблюденіемъ лицъ, производящихъ изслѣдованія, рисуетъ проектируемые разрѣзы, отливаетъ восковыя пластинки, вырѣзаетъ рисунки и готовитъ модели. Наконецъ онъ же рисуетъ болѣе простыя таблицы для демонстрированія. Конечно, при такомъ характерѣ работъ ему уже не приходится заниматься уборкой зданія; для

этой цѣли имѣются два другихъ служителя, одинъ изъ которыхъ зимою исполняетъ обязанности истопника.

Чтеніе общихъ курсовъ и веденіе общихъ практическихъ занятій сосредоточено въ рукахъ профессора Гертвига. Курсъ сравнительной анатоміи позвоночныхъ распредѣляется на два семестра. Въ теченіе лѣтняго семестра профессоръ Гертвигъ читаетъ первую часть (общая эмбриологія), а въ теченіе зимняго—вторую (сравнительная анатомія и исторія развитія органовъ человѣка и позвоночныхъ). Въ каждомъ семестрѣ лекціи читаются три раза въ недѣлю по часу (*privatim*). Слушатели за очень немногими исключеніями медики. Лѣтній курсъ собираетъ почти полную аудиторію (иногда болѣе 250 человѣкъ), зимній обыкновенно менѣе 100 слушателей. Гистологию (подъ именемъ „общей анатоміи“) профессоръ Гертвигъ читаетъ только лѣтомъ (3 часа въ недѣлю, *privatim*). Лѣтомъ же онъ читаетъ также одночасовый бесплатный курсъ „О строеніи и отправленіяхъ кѣтки“.

Въ лабораторіи ведутся непрерывно три практическихъ курса, каждый изъ которыхъ продолжается одинъ семестръ. Курсъ эмбриологіи ¹⁾ ведется въ большой лабораторіи разъ въ недѣлю по субботамъ отъ 11 до 2 часовъ дня подъ непосредственнымъ наблюденіемъ профессора Гертвига, который читаетъ введеніе, даетъ предварительное объясненіе препаратовъ, при помощи служителя раздаетъ препараты (по большей части уже вполне готовые и окрашенные разрѣзы и цѣльныя яйца и зародыши) и затѣмъ послѣ каждого препарата обходитъ занимающихся. При веденіи этого курса ему помогаютъ лѣтомъ два, зимою одинъ ассистентъ и большее или меньшее число прежнихъ студентовъ въ качествѣ „вольныхъ ассистентовъ“; также служитель и препараторъ. Занимающихся бываетъ лѣтомъ свыше 100 человѣкъ (почти исключительно медики), а зимою нѣсколько болѣе половины. Программы и подробное описаніе этого курса приведены у М. М. Гарднера (1901, стр. 68—72).

Желающіе работать по гистологіи записываются на „Mikroskopische Übungen“ (48 часовъ въ недѣлю, *privatim*, гонораръ 30 марокъ) и получаютъ въ свое распоряженіе рабоче мѣсто и микроскопы; каждый можетъ заниматься въ любое время, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ часовъ, когда лабораторія занята эмбриологическимъ курсомъ. По

¹⁾ 3 часа *privatim*, гонораръ 30 марокъ.

собственно практическія занятія ведутся въ опредѣленные часы (тѣмъ три раза въ недѣлю по 2 часа, зимою—2 раза). Порядокъ занятій тотъ же, какъ въ эмбриологическомъ курсѣ, и точно также ведетъ этотъ курсъ профессоръ Гертвигъ при помощи ассистентовъ, нѣсколькихъ вольныхъ помощниковъ изъ студентовъ, препаратора и служителя. Относительно подробностей и программы я снова ссылаюсь на М. М. Гарднера (стр. 50—68). Замѣчу, что по разъясненію ассистентовъ лишь немногіе занимающіеся пользуются своимъ правомъ работать внѣ опредѣленныхъ часовъ, что отчасти объясняется характеромъ препаратовъ, которые получаютъ въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ; точно также зарисовываніе препаратовъ распространено весьма мало. Курсъ гистологій преимущественно лѣтній, такъ какъ въ этотъ семестръ онъ ведется въ большой лабораторіи при болѣе или менѣе полномъ комплектѣ занимающихся; зимою онъ собираетъ обыкновенно не болѣе 10 студентовъ, которые работаютъ въ одной изъ малыхъ лабораторій.

Если практическій курсъ гистологій, а отчасти эмбриологій, ведется по давно установленному болѣе или менѣе общему для большинства германскихъ университетовъ плану, то третій курсъ, который я опишу подробнѣе, представляетъ характерную особенность института, такъ какъ здѣсь онъ, по словамъ профессора Гертвига, впервые былъработанъ и поставленъ. Это практическій курсъ „микроскопической техники“ (Mikroskopisch-technischer Cursus für Geübtere mit Arbeiten im Laboratorium). Къ занятіямъ допускаются лишь тѣ, которые прошли уже общій практическій курсъ гистологій въ здѣшнемъ или иномъ университетѣ. Въ послѣднемъ семестрѣ на этотъ курсъ записалось около 20 человекъ; преимущественный контингентъ медики, рѣже зоологи или же специалисты, ведущіе (въ нижнемъ этажѣ) научныя изслѣдованія. Занимающіеся, за исключеніемъ послѣдней группы, размѣщаются въ верхнихъ малыхъ лабораторіяхъ и пользуются постояннымъ мѣстомъ (гонораръ 50 м.).

Каждую недѣлю проф. Гертвигъ при содѣйствіи проф. Краузе (курсъ объявляется отъ имени обоихъ) прочитываетъ въ лабораторіи двухчасовую лекцію; проф. Гертвигъ излагаетъ при этомъ теорію какого-либо гистологическаго метода, а проф. Краузе показываетъ на практикѣ выполненіе этого метода. Послѣ лекціи занимающіеся получаютъ соответственный матеріалъ и въ теченіе ближайшей недѣли осваиваются съ показаннымъ методомъ; за время этихъ самостоятельныхъ занятій они всегда могутъ обращаться за справками къ

ассистенту д-ру Полю, комната котораго помѣщается рядомъ и который отъ времени до времени обходитъ занимающихся.

Такимъ образомъ, курсъ въ теченіе семестра распадается на 15 недѣль, каждая изъ которыхъ посвящена одному или нѣсколькимъ методамъ. Программа этого курса слѣдующая ¹⁾:

1) Профессоръ Гертвигъ выставляетъ на видъ техническій характеръ курса и его рѣзкое отличіе отъ знакомаго занимающимся общаго курса гистологіи и затѣмъ послѣ краткаго очерка гистологической методики переходитъ къ объясненію заливки въ парафинъ. Проф. Краузе вынимаетъ изъ термостата пропитанный парафиномъ объектъ и задѣлываетъ его въ парафинъ на глазахъ у слушателей. Затѣмъ проф. Гертвигъ объясняетъ устройство микротомъ (модель Шанце, наиболѣе употребляемая въ институтѣ, и модель Юнга), а проф. Краузе приготовляетъ и наклеиваетъ нѣсколько разрѣзовъ изъ только что залитыхъ препаратовъ, окрашиваетъ ихъ борнымъ и квасцовымъ карминомъ и задѣлываетъ въ бальзамъ. Занимающіеся получаютъ куски фиксированной печени, которые они должны залить частью неокрашенными, частью послѣ окраски борнымъ карминомъ и напрактиковаться въ приготовленіи разрѣзовъ.—Въ качествѣ пособій при занятіяхъ рекомендуются руководства микроскопической техники В. Lee und P. Meyer, Boem und Oppel и Encyclopädie der mikroskopischen Technik подъ редакціей R. Krause и другихъ. Показывается также Zeitschrift für wiss. Mikroskopie.

2) Проф. Гертвигъ даетъ общую характеристику фиксирующихъ веществъ, не вдаваясь въ теоретическія подробности, и показываетъ выставленные тутъ же, употребляемыя для приготовленія жидкостей вещества, а равно и самыя фиксирующія жидкости. Проф. Краузе вскрываетъ захлороформированнаго щенка и фиксируетъ различные органы въ соответствующихъ жидкостяхъ, при чемъ на долю cadaго занимающагося фиксируется особый кусочекъ. Въ теченіе недѣли занимающіеся должны промыть зафиксированные объекты и перевести ихъ въ спиртъ, а затѣмъ постепенно заливать.

При этомъ употребляются слѣдующія жидкости. (Слизистая оболочка желудка (pylorus и fundus), gl. submaxillaris, трахеи и лимфатическая железа фиксируются въ сублиматъ; сердце—также въ сублиматъ, 8 дней; слизистая оболочка кишекъ и поджелудочная железа—

¹⁾ Во время пребыванія въ Берлинѣ я прослушалъ пять первыхъ техническихъ лекцій; темы остальныхъ мнѣ любезно сообщалъ проф. Краузе.

въ Ценкоровской жидкости; надпочечныя железы—въ двухромокисломъ кали съ формалиномъ; печень—въ сублиматъ съ уксусной кислотой; почки—въ фанъ-Бенеденовской жидкости (Абс. алк. 60, хлороформъ 30, укс. к. 10); testiculi—въ Флеминговой жидкости; глаза—въ 10% азотной кислотъ.

3) Проф. Гертвигъ излагаетъ старый и новый методы Вейгерта и методъ Паля для окраски мякотныхъ нервныхъ волоконъ, а проф. Краузе на глазахъ у слушателей дифференцируетъ уже окрашенные по этимъ методамъ целлоидиновые разрѣзы спинного мозга собаки. Занимающіеся получаютъ залитые въ целлоидинъ куски того же объекта для упражненія въ теченіе ближайшей недѣли въ приготовленіи целлоидиновыхъ разрѣзовъ и въ ихъ окраскѣ. Кромѣ того они получаютъ зафиксированный въ двухромокисломъ кали спинной мозгъ собаки для заливки въ целлоидинъ.

4) Занятіе посвящено методамъ окраски эластическихъ волоконъ и слизистыхъ вѣтвочекъ. Разрѣзы черезъ кожу и трахею собаки окрашиваются орсеиномъ по Унна и фуксинъ-резорциномъ по Вейгерту; затѣмъ послѣдняя окраска комбинируется съ фуксинъ-пикриновой кислотой по Гильсону. Изъ методовъ окраски слизистыхъ вѣтвочекъ избрана метахроматическая окраска тининомъ и методы П. Майора: муцикарминъ и музгемагенъ; послѣдній методъ комбинируется также съ указаннымъ выше Гильсоновскимъ методомъ; объектами служатъ подчелюстная железа собаки и кишечникъ лягушки. Занимающіеся въ теченіе недѣли упражняются въ показанныхъ методахъ на тѣхъ объектахъ, которые ими были зафиксированы на второмъ занятіи и къ этому времени уже залиты въ парафинъ.

Такъ какъ порядокъ веденія курса изъ вышеприведеннаго изложенія выясняется достаточно ясно, то далѣе я перечисляю только методы и объекты, на которыхъ они демонстрировались.

5) Eisenhaemotaxulin по Гейденгайну. Тройная окраска по Бюнди-Гейденгайну.

Окраска митозовъ генціанъ-віолетомъ по Бизоцери.

6) Инъекція сосудовъ собаки желатиной съ берлинской лазурью. Физиологическая инъскція (индигосѣрюокислымъ натромъ) почечныхъ и желчныхъ канальцевъ.—Занимающіеся получаютъ куски инъцированныхъ органовъ для фиксаціи и заливки.

7) Окраски гранулъ по Альтману и Ниссю.

8) Окраски крови.

9) Инъекціи метиленовой синьки для прижизненной окраски нер-

вовъ: инъекція въ сосуды и подкожная инъекція кролика; инъекція *Astacus* и *Hirudo*.

10) Методъ Гольджи для нервныхъ клѣтокъ.

11) Импрегнація нервныхъ окончаній золотомъ.—Методъ Ранвье съ лимоннымъ сокомъ (роговица).—Методъ Ранвье съ щавелевой кислотою (клювъ утки, мускулы ужа).

12) Методы Вейгера для окраски нитей протоплазмы и нейроглии.

13) Обращеніе съ рисовальнымъ аппаратомъ и приготовленіе реконструкцій.

Вышеприведенная программа настолько широка, что, несомнѣнно, изъ такого курса занимающійся можетъ вынести весьма много. Но несомнѣнно также, что для дѣйствительнаго использованія этого курса необходимо обстоятельное и прочное знакомство съ общей гистологіей; если эти основныя знанія у занимающагося не прочны или нѣсколько забыты, то легко можетъ случиться, что онъ не будетъ въ состояніи понять гистологическое строеніе на тѣхъ препаратахъ, которые онъ самъ приготовилъ, такъ какъ никакихъ объясненій въ этомъ отношеніи не дается. Въ такомъ случаѣ занятія сведутся къ механической работѣ—приготовленію пестрыхъ и красивыхъ микроскопическихъ препаратовъ. Во избѣжаніе этого, я думаю, было бы лучше связать извѣстнымъ образомъ курсъ микроскопической техники съ курсомъ гистологіи. Такъ какъ оба курса ведутся одновременно, то для этого требовалось бы лишь измѣнить порядокъ занятій въ техническомъ курсѣ и ввести въ послѣдній нѣкоторыя гистологическія объясненія.

Кромѣ указанныхъ выше курсовъ въ институтѣ читаютъ проф. Краузе и приватъ-доцентъ д-ръ Ветцель. Первый, какъ отмѣчено выше, ведетъ вмѣстѣ съ проф. Гортвигомъ техническій курсъ. Кромѣ того онъ объявляетъ каждый семестръ двухчасовой спеціальныи курсъ лекцій съ демонстраціями—по нервной системѣ или органамъ чувствъ. Однако, такъ какъ подобные курсы объявляются кромѣ того въ цѣломъ рядѣ другихъ институтовъ, то эти курсы въ особенности зимою нерѣдко не могутъ состояться по недостатку слушателей.—По этой же причинѣ и приватъ-доцентъ Ветцель не всегда читалъ объявляемый имъ одночасовой курсъ по механикѣ развитія.

Во время осеннихъ вакацій 1902 года д-ръ Ветцель велъ весьма любопытный и врядъ ли не единственный въ своемъ родѣ практической курсъ по методикѣ экспериментальной эмбриологіи. Этотъ курсъ лекторъ предполагалъ повторять, во время вакацій, какъ Ferienkursus. Такъ какъ ни въ одномъ другомъ университетѣ, насколько мнѣ

извѣстно, не было сдѣлано попытки поставить такой курсъ, то я считаю нелишнимъ привести его программу.

I. Рядъ экспериментовъ съ живыми яйцами морскихъ сжей, а именно: 1) Нормальное оплодотвореніе и первыя стадіи развитія. 2) Возбужденіе развитія дѣйствіемъ хлористой магнезіи и другихъ солей. 3) Разбиваніе дѣлящихся яицъ встряхиваніемъ на отдѣльные бластомеры и полученіе половинныхъ и частичныхъ личинокъ. 4) Полученіе литевыхъ личинокъ. 5) Воспитываніе яицъ въ лишенной извести водѣ, для полученія расходящихся бластомеровъ.

II. Рядъ экспериментовъ съ живыми яйцами асцидій, а именно: 1) Умерщвленіе бластомеровъ прокалываніемъ съ аппаратомъ Копша (Kopsch, Int. Monatschr. 1900). 2) Различные опыты съ компрессоріемъ Циглера.

III. Регенерація и трансплантація гидры.

IV. Эксперименты съ инфузоріями: разрѣзаніе, полученіе безъядерныхъ и содержащихъ ядро кусковъ, прижизненное окрашиваніе и прочее.

Само собою разумѣется, что такой курсъ оказался возможнымъ лишь благодаря доставкѣ морскихъ животныхъ изъ Ровиньо черезъ посредство Берлинскаго аквариума. Программа его не можетъ считаться постоянной, такъ какъ обусловлена временемъ года и различными случайностями доставки. Такъ для весенняго курса д-ръ Ветцель предполагалъ присоединить эксперименты съ яйцами амфибій; пригодны также эксперименты съ яйцами пыленка. Въ первый разъ въ курсѣ участвовало четыре практиканта; вести подобный курсъ болѣе чѣмъ при шести занимающихся д-ръ Ветцель считаетъ весьма неудобнымъ. Каждый практикантъ оплачивалъ курсъ 40 марками.

Останавливаясь на рассмотрѣнной выше программѣ лекцій и практическихъ занятій въ институтѣ, нельзя не отмѣтить высокой напряженности педагогической дѣятельности проф. Гертвига. Въ теченіе лѣтняго семестра у него занято лекціями и практическими занятіями восемнадцать часовъ, зимою нѣсколько менѣе. Къ этому надо прибавить, что экзамены, которые здѣсь продолжаются почти круглый годъ, занимаютъ также весьма много времени ¹⁾. Въ виду этого представляется вполне естественнымъ, что проф. Гертвигъ не можетъ обращать на спеціальныя изслѣдованія, производящіяся въ институтѣ,

¹⁾ Среднимъ числомъ на недѣлю приходится около 8 экзаменующихся, а это занимаетъ около 4 часовъ времени.

такого же усиленного вниманія. Работающіе въ институтѣ надъ научными вопросами обставлены прекрасно и получаютъ все, что имъ требуется. Нѣкоторые, кромѣ того, самыя темы для работъ избираютъ по совѣту проф. Гертвига. Наконецъ, они всегда могутъ получать указанія относительно микроскопической техники у д-ра Краузе ¹⁾). Но въ остальномъ они въ большинствѣ случаевъ всецѣло предоставлены самимъ себѣ. И только тѣ, которые работаютъ по вопросамъ спеціально интересующимъ д-ра Краузе или проф. Ветцели, пользуются болѣе или менѣе непрерывнымъ руководствомъ.

Это обстоятельство стоитъ въ связи съ тѣмъ, что въ институтѣ ведутъ самостоятельныя занятія по большей части уже вполне подготовленные лица, и только очень немногіе дѣлаютъ здѣсь докторскія работы. Во время моего пребыванія въ Берлинѣ всѣ 20 имѣющихся для этой цѣли рабочихъ мѣстъ были, какъ это обыкновенно случается, заняты. Почти всѣ работающіе изъ нѣмцевъ уже имѣли докторскій титулъ, иностранцы также соотвѣтственной подготовки. Можно было бы ожидать, что многіе студенты, проходящіе курсъ микроскопической техники, остаются въ институтѣ и переходятъ къ самостоятельнымъ работамъ. Но этого не бываетъ въ значительной степени благодаря тому, что въ настоящее время государственные экзамены на медицинскомъ факультетѣ должны необходимо предшествовать докторскимъ. Поэтому студенты, закончившіе техническій курсъ, расходятся по разнымъ клиникамъ и уже здѣсь, ставши врачами, принимаются за научныя изслѣдованія.

Иностранцы, привлекаемые именемъ проф. Гертвига, составляютъ обыкновенно болѣе половины всѣхъ занимающихся. Немало бываетъ въ институтѣ и русскихъ, въ особенности медиковъ изъ военно-медицинской академіи.

Чтобы дать представленіе о характерѣ производимыхъ въ лабораторіи работъ, я приведу списокъ изслѣдованій, опубликованныхъ за 1901—1902 годъ лицами, занимавшимися въ лабораторіи.

Prof. Baginsky—Zur Frage über die Zahl der Bogengänge bei japanischen Tanzmäusen. *D-r Maximoff*—Beiträge zur Hist. und Phys. der Speicheldrüsen. *D-r M. Mosse*—über Silberimprägnation der Nervenzellen. *D-r Rodrigues*—Das Rückenmark des Orang-Utan. *D-r Herzog*—

---

¹⁾ „Leitung wissenschaftlicher Arbeiten im Laboratorium des Anatomisch-biologischen Institutes“ (ежедневно 9—5 ч. privatissime; гонораръ 50 м. въ семестрѣ) объявляется отъ имени проф. Гертвига и проф. Краузе.

Über die Entwicklung der Binnenmuskeln des Auges. *D-r Nowack*—Neue Untersuchungen über die Bildung der primären Keimblätter bei Hühnerembryo. *D-r Becker* — Die Mundschleimhaut von *Cryptobranchus*. *D-r Bickel* — Zur Anatomie des accessorischen Trigemuskernes. *D-r Saul*—Beiträge zur Morphologie des Typhusbacillus und des *Bacterium coli commune*.

Большинство вышеуказанныхъ работъ напечатано въ *Archiv für mikroskopische Anatomie*.

Анатомическій институтъ.

До основанія анатомио-біологическаго института преподаваніе гистологій сосредоточивалось главнымъ образомъ въ анатомическомъ институтѣ. Проф. Вальдсёлеръ (*W. Waldeyer*), состоящій директоромъ института, постоянно энергично возставалъ изъ принципиальныхъ мотивовъ противъ раздѣленія описательной анатоміи человѣка на грубую—макроскопическую и тонкую—микроскопическую. Поэтому до настоящаго времени въ институтѣ ведется лѣтомъ большой практическій курсъ гистологій, который подробно описанъ *М. М. Гарднеромъ* (1901, стр. 1—39), къ описанію котораго я ничего не могу прибавить. До послѣдняго времени этотъ курсъ привлекалъ столько же занимающихся, какъ соответствующій курсъ проф. Гертвига. Мнѣ передавали однако, что въ виду измѣненія за послѣднее время экзаменационныхъ правилъ (согласно новымъ правиламъ экзамены по гистологій переходять всецѣло къ проф. Гертвигу), это равновѣсіе должно необходимо нарушиться.

Лабораторій для специальныхъ изслѣдованій имѣется три. Первая состоитъ подъ совмѣстнымъ руководствомъ директора и профессора *В. Краузе* (*W. Krause*); здѣсь работаютъ обыкновенно 7—8 человѣкъ преимущественно по гистологій. Для характеристики ея я приведу списокъ работъ, вышедшихъ изъ нея за 1898—1902 годы.

Grabower, Über Nervenendigungen in den menschlichen Muskeln, *A. f. mikr. Anat.* 60. — *Apolant*, Über Verhornungsprocess. *A. f. m. A.* 57.—*Kalischer*, Urogenitalmuskulatur des Damms. Diss.—*Fraenkel*, Die Samenblasen bei Menschen. Diss.—*Ginsberg*, Beitrag zur Kenntniss der Microphthalmie. *A. für Ophth.*—*Lubosch*, Die vergl. Anat. des Accessorius-Ursprunges. Diss.

Вторая изъ лабораторій состоитъ подъ руководствомъ прозектора проф. *Вирхова* (*Prof. H. Virchow*); здѣсь работаетъ одновременно

4—5 часовъ, обыкновенно въ области человѣческой анатоміи. Третья лабораторія предоставлена въ распоряженіе перваго ассистента приватъ-доцента Копша (D-r Kopsch). Эта лабораторія представляетъ полукруглый корридоръ подъ амфитеатромъ большой аудиторіи, гдѣ около оконъ поставлено 12 небольшихъ столиковъ, каждый для одного занимающагося. Кромѣ ящика въ столѣ, каждый занимающійся имѣетъ въ своемъ распоряженіи шкафчикъ, ассортиментъ необходимыхъ реактивовъ и стьянокъ и микроскопъ. Въ этой лабораторіи д-ръ Копшъ ведетъ каждый семестръ „практическія занятія по микроскопической анатоміи и микроскопической техникѣ“. Дважды въ недѣлю по два часа онъ читаетъ введеніе, даетъ разъясненія, демонстрируетъ методы, и кромѣ этихъ часовъ также нерѣдко обходитъ занимающихся. Послѣдніе научаются въ этомъ курсѣ не только высшей методикѣ (въ этомъ отношеніи курсъ соответствуетъ приблизительно техническому курсу профессора Гертвига), но и сознательно относятся къ приготовляемымъ препаратамъ, такъ какъ изслѣдуемая при употребляемыхъ методахъ структуры объясняются.

Кромѣ этого технического курса д-ръ Копшъ объявляетъ также двухчасовые курсы по нервной системѣ или органамъ чувствъ. Подъ его руководствомъ исполнены за годы 1898—1901 слѣдующія работы:

Hammer, Das Löwengehirn, Diss. *Ailer*, Die Entwicklung der äusseren Körperform und des Mesoderms bei *Bufo vulgaris*. Intern. Monatschr. *Stricker*, Plattenmodelle zur Entwicklung von Darm, Leber, Pankreas und Schwimmblase der Forelle. Intern. Monatschs.

Гейдельбергъ.

8-го мая — 15-го августа 1902 года.

Зоологическій институтъ (Sophienstr.).

Историческія свѣдѣнія о преподаваніи зоологіи и сравнительной анатоміи и о развитіи зоологическаго музея въ Гейдельбергѣ въ теченіе 19-го столѣтія мы находимъ въ статьѣ профессора Бючли (O. Bütschli, *Zoologie, Vergleichende Anatomie und die zoologische Sammlung an der Universität Heidelberg seit 1800. Heidelberg, Commissionsverlag von Gustav Koester, 1886*); я привожу изъ этой статьи нѣкоторыя данныя.

Въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ со времени возстановленія университета въ 1804 г. лекціи зоологическаго характера читались отъ

времени до времени преимущественно привать-доцентами медицинскаго факультета. Такъ Зукъ (G. A. Suckow) читалъ „зоологію по Блюменбаху“; объявлялись также курсы „объ охотничьихъ животныхъ“, „лѣсная энтомологія“ „о вредныхъ животныхъ“ и проч.

Съ 1815 до 1849 г. касседру анатоміи занималъ Ф. Тидеманъ (Friedrich Tiedemann), при которомъ было положено начало зоологическому музею. Въ 1818 — 1820 гг. онъ читаетъ попеременно сравнительную анатомію и естественную исторію животныхъ. Но уже съ 1822 года Тидеманъ уступаетъ преподаваніе зоологіи и сравнительной анатоміи Ф. С. Лейкарту (Fr. Sig. Leuckart), который сначала дѣйствовалъ въ качествѣ привать-доцента, позднѣе же назначенъ экстраординарнымъ, а потомъ ординарнымъ профессоромъ физиологіи и сравнительной анатоміи. Лейкартъ читалъ въ теченіе 10 лѣтъ разнообразныя зоологическія и сравнительно-анатомическія курсы (14 названій); между прочимъ онъ объявлялъ зоологическія демонстраціи и упражненія въ опредѣленіи животныхъ.

Послѣ ухода Лейкарта во Фрейбургъ (1832 г.) преподаваніе зоологіи переходитъ на философскій факультетъ и поручается Г. Бронну (G. H. Bronn), который занималъ эту касседру и завѣдывалъ зоологическимъ музеемъ до своей смерти (1862 г.). Броннъ читалъ зоологію преимущественно систематическаго характера („по учебникамъ Вигемана и Руте“); кромѣ общаго курса, иногда также спеціальныя (напримѣръ, „естественная исторія глистовъ“) и теоретическія (напримѣръ, „исторія творенія“ въ 1832 г. и проч.). Съ 1842 года Броннъ пользовался для демонстрацій микроскопомъ. Замѣстителемъ Бронна былъ Пагенштетеръ (H. A. Pagenstetter), который читалъ также попеременно общіе и спеціальныя зоологическія курсы, а также палеонтологію, сравнительную анатомію и нѣкоторые курсы по сельско-хозяйственной зоологіи. Въ 1878 году Пагенштетеръ уходитъ въ отставку и его мѣсто занимаетъ О. Бючли, который и понынѣ состоитъ профессоромъ зоологіи и директоромъ зоологическаго музея.

Когда зоологія, при назначеніи Бронна, перешла на философскій факультетъ, преподаваніе сравнительной анатоміи удержалось на медицинскомъ, при чемъ поручалось преимущественно прозектору анатоміи. Эту науку послѣдовательно читали: прозекторъ F. Arnold (1833 — 1835 гг.); профессоръ Th. Bischoff (1836 — 1843 гг.); прозекторъ A. Ecker (1844 г.); профессоръ F. I. Henle; прозекторъ Nuhn. Въ 1873 г. касседру анатоміи занялъ профессоръ Гегенбауръ (Gegenbaur), который въ продолженіе четверти вѣка читалъ каждый

лѣтній семестръ пятчасовой курсъ сравнительной анатоміи. Въ послѣдній разъ Гегенбауръ читалъ этотъ курсъ въ 1896 г., а съ 1897 г. преподаваніе сравнительной анатоміи переходитъ къ Бючли, и такимъ образомъ впервые со времени Лейкарта преподаваніе зоологій и сравнительной анатоміи снова объединяется, но уже на философскомъ факультетѣ.

Постепенный ростъ зоологическаго института характеризуется ростомъ годичнаго бюджета. При основаніи музея на его поддержаніе отпускалось ежегодно 300 фл. (около 515 м.); къ 1863 году бюджетъ возросъ до 975 фл. (изъ нихъ 300 фл. — на содержаніе консерватора); къ 1870 году — до 1.700 фл. (изъ нихъ 600 фл. — на содержаніе консерватора и ассистента); къ 1876 году до 3.200 м., исключая расходы на содержаніе консерватора. Въ настоящее время институтъ получаетъ въ годъ 3.500 м., изъ которыхъ почти половина уходитъ на отопленіе и освѣщеніе; кромѣ того изъ особыхъ суммъ первый ассистентъ и препараторъ получаютъ по 1.500 м. въ годъ и служитель—1.200 м.; всѣ трое пользуются квартирами въ зданіи института. Второй ассистентъ получаетъ содержаніе (800 м.) изъ общаго бюджета института и квартиры не имѣетъ.

Что касается инструментарія, то ко времени смерти Брошнъ (1862 г.) въ институтѣ имѣлся только одинъ микроскопъ Plössl, купленный въ 1840 г. за 400 фл.; въ 1862 г. былъ приобретень еще одинъ микроскопъ (Belthle), въ 1868 г. два инструмента Gundlach.

Въ 1886 году было 8 микроскоповъ, пригодныхъ для болѣе тонкихъ работъ, и 9 микроскоповъ для студенческихъ практическихъ занятій, также луны, 3 Юнговскихъ микротомъ и проч.

Еще въ одномъ отношеніи исторія гейдельбергскаго зоологическаго института представляетъ большой интересъ, спеціально для насъ русскихъ: въ особенности за время дѣятельности профессора Бючли русский элементъ въ его лабораторіи занималъ и продолжаетъ занимать выдающееся мѣсто. За послѣднія 25 лѣтъ при институтѣ смѣнилось семь ассистентовъ, и трое изъ нихъ были наши соотечественники, а именно: М. М. Давыдовъ (нынѣ завѣдующій русскою зоологическою станціей въ Виллафранкѣ); В. Т. Шевяковъ (нынѣ профессоръ С.-Петербургскаго университета) и П. П. Адолунгъ (младшій зоологъ Зоологическаго музея Академіи Наукъ). Изъ занимавшихся въ институтѣ русскихъ назову также П. А. Иванцова (директоръ коммерческаго училища въ Одессѣ), Сивинцева (ассистентъ Лѣсного института); Б. В. Сукачева и С. В. Аверинцева (ассистенты С.-Пе-

тербургскаго университета); В. В. Редикорцева (ассистентъ при Академіи Наукъ); М. Н. Римскаго-Корсакова (приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета); Н. А. Касьянова; Ю. Н. Вагнера (проф. Кіевскаго Политехникума); Д. Е. Жуковскаго; С. П. Метальникова; Г. А. Падсона (проф. С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ) и пр.

Институтъ помѣщается въ особомъ трехъ-этажномъ зданіи, специально выстроенномъ для этой цѣли по планамъ профессора Бюкли. Половина нижняго этажа занята музеемъ (двѣ большихъ комнаты въ два свѣта и одна поменьше); далѣе большая зала въ два свѣта для общихъ практическихъ занятій (20 рабочихъ мѣсть у оконъ), — и двѣ небольшихъ комнаты для препаратора и служителя. Во второмъ этажѣ свѣтлый корридоръ съ акваріумами; три лабораторіи для специалистовъ (20 рабочихъ мѣсть, изъ которыхъ 16 у оконъ), комната ассистента, комната директора, библіотека, химическая и фотографическая комнаты, а также аудиторія, расположенная высокимъ амфитеатромъ, на 100 человѣкъ, съ особымъ входомъ для студентовъ сверху амфитеатра. Въ третьемъ этажѣ комната со скелетами позвоночныхъ, а также квартиры: ассистента и служителя. Въ подвальномъ этажѣ — квартира препаратора, аппараты для отопленія и электрическаго освѣщенія, слесарная мастерская, помѣщенія для животноныхъ. На лѣстницѣ обращаетъ на себя вниманіе бюстъ покойнаго приватъ-доцента Эрлангера (Erlanger), который работалъ въ институтѣ и пожертвовалъ на его постройку значительную сумму, а по смерти завѣщаль институту свою библіотеку.

Музей носитъ характеръ *учебнаго музея* и въ этомъ отношеніи можетъ быть названъ образцовымъ. Значительная часть систематическихъ коллекцій помѣщается отдѣльно, въ анатомическомъ институтѣ, а оставлены здѣсь только такіе препараты, которые такъ или иначе утилизируются въ цѣляхъ преподаванія. Всѣ выставленные препараты можно раздѣлить на три группы: 1) основная сравнительно-анатомическая и систематическая коллекція, 2) систематическая коллекція мѣстной фауны, для упражненій въ опредѣленіи животныхъ, 3) матеріальная коллекція, откуда берутся животныя для приготовленія препаратовъ. Кромѣ того въ 30 стѣнныхъ ящикахъ — препараты по биологій насекомыхъ. Большинство скелетовъ позвоночныхъ, какъ указано выше, помѣщается отдѣльно.

Такъ какъ систематическая учебная коллекція по своему цѣлесообразному устройству представляетъ, по моему мнѣнію, большой

интересъ, то я остановлюсь на ней нѣсколько подробнѣе. Эта коллекція размѣщена въ 30 деревянныхъ шкафахъ со стеклянными дверцами, величиною каждый $3\frac{1}{2}$ арш. $\times$ $2\frac{1}{4}$ арш. $\times$ 1 арш. Всѣ эти шкафы разставлены въ залѣ величиною 10×16 арш., въ два свѣта. Въ серединѣ залы оставленъ проходъ и по сторонамъ его въ каждомъ простѣнкѣ—четыре шкафа, попарно сдвинутыхъ своими спинками. Препараты размѣщены по классамъ, начиная отъ входной двери въ восходящемъ порядкѣ. Передъ началомъ каждого тина и каждой группы выставлены особыя этикетки. Въ каждой группѣ—обыкновенно сначала систематическая коллекція, а затѣмъ анатомическіе препараты и модели. На этикеткахъ при анатомическихъ препаратахъ указывается по большей части и имя лица, сдѣлавшаго препаратъ, а также—что очень важно—рисунокъ, часто художественнаго исполненія, или по крайней мѣрѣ эскизъ. Большинство препаратовъ сдѣлано самимъ Бюкли и его ассистентами; въ особенности обращаютъ на себя вниманіе инъекціи Блохмана (Blochmann, нынѣ проф. въ Тюбингенѣ). Немало также и русскихъ именъ, не говоря о М. М. Давыдовѣ, которому принадлежитъ довольно много старыхъ препаратовъ. Большинство моделей изъ напье-маше работы препаратора института—Энглерта.

Для наглядности я привожу краткій перечень коллекціи, при чемъ обращаю вниманіе на богатство анатомическихъ препаратовъ и на строгій выборъ животныхъ для систематики группъ. Всѣ безъ исключенія препараты показываются на лекціяхъ въ курсѣ проф. Бюкли.

Protozoa. 1) *Rhizopoda*: а) 11 раковинъ крупныхъ корненожекъ на предметныхъ стеклахъ въ канадскомъ бальзамѣ, б) 4 гипсовыхъ модели корненожекъ, в) геологическія породы, состоящія изъ раковинъ корненожекъ (5 преп.) и 5 палеонтологическихъ препаратовъ. 2) *Radialia*: а) 3 спиртовыхъ препарата, б) 6 моделей изъ напье-маше; 3) *Sporozoa*. 5 спиртовыхъ препаратовъ зараженныхъ органовъ; 4) *Mastigophora*. *Noctiluca* спирт.; 5) *Infusoria*: спирт. преп.: крупныя колоніи *Stentor* и *Epistylis*; *Ophridium*.

Spongiae. 1) *Calcarea*: а) 3 спиртовыхъ преп., б) 2 сухихъ скелета; 2) *Silicosa*: а) 19 сухихъ скелетовъ, б) 6 спирт. преп.; 3) *Ceratosa*:—10 сухихъ скелетовъ.

Анатомическія модели *Ascon*, *Sycon*, *Leucon*, известковой губки и ея личинки.

Coelenterata. 1) *Hydroidea*: а) 19 спирт. и форм. препаратовъ, б) 6 моделей, в) 7 коробочекъ съ граптолитами, г) 2 скелета *Hydro-*

corallina; 2) *Siphonophora*: а) 12 спирт. препаратовъ, б) 3 модели (желатинныхъ); 3) *Ascalephae*: а) 7 спирт. преп., б) 3 модели; модель по исторіи развитія *Aurelia aurita*; 4) *Anthozoa*: а) 18 спиртовыхъ и б) 24 сухихъ преп., в) гипсовая самодѣльная модель *Corallium*: часть ствола съ вытянутыми и втянутыми полпями; продольный разрѣзъ полпиа; разборная модель *Plexacoralle*, г) два ящичка съ актиніями, сдѣланными изъ тѣста и раскрашенными, д) 10 ископаемыхъ коралловъ; 5) *Stenophora*: а) 4 спирт. преп., б) инъсцированный препаратъ *Beros*, в) гипсовая раскрашенная (самодѣльная) модель втенофоры въ разрѣзѣ.

Echinodermata. 1) *Crinoidea*: а) 6 спирт. преп., б) модели *Eucrinus* и личинки, в) 14 ископаемыхъ формъ; 2) *Blastoidea* и *Cystoidea*—7 ископ. формъ; 3) *Ophiuroidea*: а) 4 спирт. преп., б) 3 сухихъ скелета, в) 2 анатомическихъ преп., г) 1 ископ.; 4) *Asteroidea*: а) 8 спирт., б) 2 сухихъ скелета, в) 11 анатомическихъ препаратовъ: г) модель *Brachiolaria*; 5) *Echinoidea*: а) 13 цѣльныхъ формъ, б) 8 анатомич. преп., в) модель *Pluteus*; 6) *Holothurioidea*: а) 6 цѣльныхъ формъ б) 3 анатом. преп., в) 2 модели личинокъ.

Vermes¹⁾. 1) *Turbellaria*: 20 препаратовъ, преимущественно зараженныхъ органовъ; 2) *Cestodes*: а) 19 цѣльныхъ преп., б) 1 анатом. (инъсекція), в) 6 восковыхъ моделей по развитію *Taenia solium*; 3) *Rotatoria*: 2 преп.; 4) *Nematodes*: а) 14 цѣльныхъ животныхъ, б) 4 препарата по анатоміи *Ascaris*, в) 1 модель; 5) *Acanthocephala*: а) 2 цѣльныхъ животныхъ и б) анатомія *Echinorhynchus*; 6) *Oligochaeta*: а) 2 цѣльныхъ жив., б) 2 препарата по анатоміи *Lumbricus*; 7) *Polychaeta*: а) 20 цѣльныхъ животныхъ, б) трубки *Sedentaria* (4), в) 3 анатом. преп., г) 3 восковыхъ модели; 8) *Hirudinea*: а) 12 цѣльныхъ формъ, б) 4 препарата по анатоміи *Hirudo medicinalis*; 9) *Gephyrea*: а) 8 цѣльныхъ формъ, б) анатомія *Sipunculus nudus*, в) восковая модель *Actinotrocha*; 10) *Bryozoa*: 18 цѣльныхъ формъ; 11) *Brachiopoda*: 13 соврем. и 17 ископ. формъ; 12) *Chaetognatha*: 1 экз. 13) *Enteropneusta*: а) 2 цѣльныхъ формъ, б) модель личинки.

Arthropoda Crustacea. 1) *Phyllopoda*: а) 11 цѣльныхъ формъ, б) анатомія *Arus*; 2) *Copepoda*—9 видовъ; 3) *Ostracada*—*Cypris*; 4) *Cirripedia*: а) 20 видовъ, б) анатомія *Lepas fascienaris*; 5) *Amphipoda*—5 видовъ; 6) *Isopoda*—8 видовъ; 7) *Cumacea*—1 видъ; 8) *Stomato-*

¹⁾ Паразитическія формы представлѣны особенно тщательно для медицинскаго курса о паразитахъ.

poda: а) 6 анатомическихъ препаратовъ *Squilla mantis*, б) личинка
9) *Schozopoda*—1 видъ; 10) *Decapoda*: а) 9 спиртовыхъ экз., б) 18
анатомическихъ препаратовъ рѣчного рака, омара и краба.

1) *Pocilopoda* *Limulus* и три препарата по анатоміи его; 2) *Arach-*
noidra—*Scorpio* и два препарата по его анатоміи; 3) *Pedipulpi*—
2 вида; 4) *Solifugae*—1 видъ; 5) *Phalangida*—3 вида; 6) *Araneida*—
а) 4 спирт. экз., б) биологія *Argyroneta*, в) 2 анатом. препарата
Myogale; 7) *Acarina*—3 вида; 8) *Linguatulida*—4 вида; 9) *Pantopoda*—
1 видъ; 10) *Protracheata*—1 видъ; 11) *Myriopoda*: а) 13 цѣльныхъ
формъ, б) анатомія *Scolopendra gigantea*.

Insecta. 1) *Orthoptera*—7 анатомич. преп.; 2) *Pseudoneuroptera*:
а) биологія *Termes bellicosus*, б) эмбриологія *Heptagenia*; 3) *Neuro-*
ptera—метаморфозъ *Murgelon*; 4) *Rhynchota*: а) развитіе *Nepa*, б) 2 біо-
логическихъ преп., в) анатомія *Cicada*; 5) *Diptera*—3 метаморфозы;
6) *Lepidoptera*—8 анатомич. преп.; 7) *Hymenoptera*—4 метаморфозы;
8) *Coleoptera*: а) 4 метаморфозы, б) 10 анатомич. преп. Модели го-
ловъ: *Carabus*, *Pyrhocoris*, *Culex*; модель *Apis*; модель ноги пента-
мерного жука.

Mollusca. 1) *Solenogastres*. 1 видъ; 2) *Placophora*: а) 4 вида,
б) 4 анатомическихъ препарата *Chiton*; 3) *Gastropoda (Prosobranchiata)*:
а) 23 вида, б) 7 анатомич. преп. (*Opisthobranchiata*): а) 9 видовъ,
б) 8 анатом. преп. (*Pulmonata*): а) 10 видовъ, б) развитіе *Helix ro-*
matia, в) 13 анатом. преп.—Модель г-жи Гамбургеръ, иллюстрирую-
щая происхожденіе хіастонефрин у *Gastropoda*; модель личинки *Pa-*
ludina; 4) *Pteropoda*—12 видовъ; 5) *Cephalopoda (Tétrabranchiata)*:
а) *Nautilus pompilius*, б) разрѣзъ черезъ его раковину и глазъ его,
в) 25 ископаемыхъ аммонитовъ. (*Dibranchiata*): а) 7 ископаемыхъ
формъ, б) 14 соврем. видовъ, в) 20 анатомич. преп., г) эмбриологія
сепин; 6) *Lamellibranchiata*: а) 35 видовъ, б) 8 анатомич. препаратовъ,
в) модель *Unio pictorum*.

Tunicata: а) 28 видовъ, б) 7 преп. по анатоміи асцидій.

Vertebrata. I. Acrania *Amphioxus* и 2 вскрытыхъ экз.

II. Cyclostoma: а) 6 цѣльныхъ формъ, б) спирт. скелеть *Petrom.*
marinus, в) 4 вскрытыхъ экз. для обнаруженія разныхъ органовъ,
г) 2 преп. нервной системы, д) инъекція, е) половые органы ♀ и ♂,
ж) 3 преп. различныхъ разрѣзовъ.

III. Pisces. 1) *Chondropterygii*: а) 10 сухихъ и спирт. формъ,
б) 7 скелетовъ спирт. и сухихъ, в) 4 преп. нервной системы, г) 5 преп.

органовъ полости тѣла, д) 3 инъекціи, е) 3 преп. органовъ чувствъ, ж) 7 эмбриологическихъ препаратовъ.

2) *Ganoidei*: а) 7 спиртовыхъ соврем. формъ и 6 ископаемыхъ, б) 3 скелета, в) 2 со вскрытой полостью тѣла, г) 3 преп. плавательнаго пузыря, д) 2 преп. мочеполовой системы, е) 2 преп. кровеносной системы, ж) мозгъ, з) органы обонянія и слуха.

3) *Teleostei*: а) 94 вида, спиртовыхъ и сухихъ, б) 18 полныхъ и частичныхъ скелетовъ, в) таблички съ чешулями, г) мускулатура, д) 5 препаратовъ разрѣзовъ, е) 3 преп. со вскрытой полостью тѣла, ж) 7 преп. кишечнаго канала съ придатками з) 10 преп. кровеносной системы, изъ нихъ 6 инъекцій и 1 модель, и) 3 преп. половыхъ органовъ, і) 7 преп. нервной системы, к) 5 преп. органовъ чувствъ.

IV. *Amphibia*. 1) *Caudata*: а) 14 спирт. формъ, б) спирт. скелеть *Cryptobranchus*, в) сброшенный эпидермисъ *Salamandra*, г) 2 преп. мускулатуры, д) 2 преп. внутренностей, е) 3 инъекціи, ж) 2 преп. мочепол. системы, з) 3 преп. нервной системы, и) 3 эмбриол. серіи.

2) *Ecaudata*: а) 19 спирт. экз., б) 4 скелета *R. mugiens*, в) 3 преп. кишечника, г) 2 металлическихъ отливка легкихъ, д) 3 инъекціи, е) 2 преп. нервной системы, ж) 3 преп. мочеполовыхъ органовъ, з) 4 серіи по эмбриологіи, и) 23 восковыхъ модели по развитію лягушки.

3) 6 ископаемыхъ *Stegosauria*.

V. *Reptilia*. 1) *Sauria*: а) 28 спирт. экз., б) 3 цѣльныхъ скелета, в) 6 ящичковъ съ отд. костями, г) 7 преп. внутренностей, д) 4 преп. мочеполовой сист., е) мозгъ, ж) 2 преп. глаза и глазныхъ мускуловъ *Turipambis*, з) обонятельный органъ, и) 3 инъекціи, і) модель кровеносныхъ сосудовъ по Ратке.

2) *Ophidia*: а) 23 спирт. экз. и 2 сухихъ, б) скелеть *Python*, в) 5 череповъ, г) внутренности *Tropidonotus*, д) мозгъ *Python*, е) 2 преп. языка, ж) 3 преп. мочеполовой системы, з) 3 инъекціи, и) лицо *Boa*.

3) *Crocodylia*: а) 2 чучела, б) скелеть *Crocodylus*, в) 5 остеолог. препар., г) 2 преп. мозга, д) поперечный разрѣзъ черезъ обонятельную область, е) прод. разр. черезъ голову. ж) подчелюстная железа, з) языкъ, и) гортань, і) желудокъ, к) кишечный каналъ, л) легкія, м) сердце, н) 2 инъекціи, о) 2 преп. мочеполовой сист., п) яйцо.

4) *Chelonia*: а) 11 спиртов. и сухихъ экз., б) 3 скелета и 2 черепа, в) 3 преп. внутренностей, г) мозгъ, д) глазные мускулы, е) инъекція, ж) 3 преп. мочеполовой сист., з) яйцо.

5) Конечности и позвонки *Ichtyosauria*, превосходные экземпляры *Ichtyosaurus temirostris*, *Plesiosaurus macrocephalus*, и въ особенности *Rhamphorhynchus gemmingi*.

VI. Aves: а) 130 чучель, б) 3 полныхъ скелета и 9 остеолог. преп., в) 2 стѣнныхъ таблицы съ перьями, г) 2 преп. кожи съ распредѣленіемъ птерилій, д) крыло *Milvus* съ перьями, е) 10 преп. типичныхъ лапъ, ж) 14 поперечныхъ разрѣзовъ черезъ голубя, з) 5 преп. кишечнаго канала, и) 6 препаратовъ гортани, і) 4 преп. сердца, к) 5 инъекцій, л) 5 преп. мочеполовой сист., м) 6 преп. мозга, н) перифер. нервы, о) 4 преп. слухового органа, п) модель мозга, р) модель артеріальныхъ дугъ по Ратке, с) 21 спирт. преп. развитія цыпленка соотв. днямъ развитія.

VII. Mammalia: а) 86 чучель и 5 моделей крупныхъ формъ, б) 13 скелетовъ и 49 череповъ, в) эволюція переднихъ и заднихъ конечностей у *Artiodactyla* и *Perissodactyla* (12 преп.), г) 5 паръ роговъ, д) копыта, е) 4 преп. кожныхъ железъ, ж) 3 преп. ротовой полости и гортани, з) 2 преп. слизистой оболочки кишечника, и) 10 высушенныхъ и 6 спирт. преп. кишечника, і) 3 преп. легкихъ (металл. отливъ), к) 9 инъекцій кровен. системы, л) модель артеріальныхъ дугъ по Ратке, м) 15 спирт. преп. мозга различныхъ формъ, н) серія поперечныхъ разрѣзовъ черезъ мозгъ лошади, о) периф. нервы лошади, п) 26 спиртовыхъ препаратовъ мочеполовой системы различныхъ формъ.

Переходя къ преподаванію въ институтъ приходится—какъ главную отличительную особенность—отмѣтить преобладаніе практическихъ занятій въ сравненіи съ лекціями. Что касается послѣднихъ, то проф. Бюкли читаетъ попеременно два общихъ курса: въ зимнемъ семестрѣ 6 часовъ въ недѣлю *Общую зоологію*, т. е. введеніе и обзоръ всѣхъ типовъ животныхъ; а въ лѣтнемъ семестрѣ 5 часовъ въ недѣлю *Сравнительную анатомію* позвоночныхъ и безпозвоночныхъ по органамъ. Эти лекціи можно назвать замѣчательными по ихъ сжатости и содержательности; большинство студентовъ спеціалистовъ прослушиваетъ каждый курсъ по два-три раза, ведя тщательную записъ. Бюкли превосходно рисуетъ на доскѣ цвѣтными мѣлами и иллюстрируетъ свои лекціи оригинальными схемами, которыя остаются на доскѣ до слѣдующей лекціи и обыкновенно зарисовываются студентами. Такимъ образомъ на доску попадаютъ не только сложныя анатомическіе рисунки, но и фигуры животныхъ (напр., млекопитающихъ) со всѣми ихъ систематическими признаками. Большой столъ передъ

каждой уставленъ препаратами, которые остаются по недѣлямъ, пока профессоръ не приступитъ къ слѣдующей главѣ, и все это время доступны студентамъ. Послѣ каждой лекціи, въ особенности въ зимнемъ курсѣ происходитъ демонстрація микроскопическихъ препаратовъ путемъ проекціи. Многія мелкія формы (янфузоріи и пр.) проектируются живыми.

Кромѣ Бючли въ аудиторіи института за послѣдніе годы читаютъ два приватъ-доцента: *Лаутерборнъ* (H. Lauterborn) какой-нибудь зоогеографическій одно-часовой курсъ (напр., животный міръ нѣмецкаго лѣса съ экскурсіями) и *Гербстъ* (C. Herbst) также одно-часовой курсъ по теоріи развитія. Вся остальная дѣятельность происходитъ въ лабораторіяхъ. Отъ имени проф. Бючли при содѣйствіи его 1-го ассистента экстраорд. проф. *Шуберга* (A. Schuberg) объявляется большою зоологическій практикумъ, а также руководство спеціальными изслѣдованіями. Кромѣ того проф. Шубергъ объявляетъ 1) малый практикумъ — зоологическія упражненія и демонстраціи для начинающихъ и медиковъ и 2) введеніе въ отечественную фауну съ упражненіями въ опредѣленіи животныхъ и экскурсіями.

Мѣсто второго ассистента занято г-жей К. Гамбургеръ (C. Hamburger), получившей здѣсь же, въ Гейдельбергѣ, степень доктора зоологій.

„Большой практикумъ“ въ Гейдельбергѣ поставленъ наиболѣе полно въ сравненіи со всѣми остальными нѣмецкими университетамъ. Программа его выработана особенно тщательно, и потому я считаю полезнымъ привести ее ниже. Къ занятіямъ по этой программѣ допускаются студенты, не имѣющіе никакой зоологической подготовки. Каждый студентъ получаетъ опредѣленное рабочее мѣсто, микроскопъ, лупу и можетъ работать въ теченіи цѣлаго дня. Каждый ведетъ работу независимо отъ другихъ, т. е. можетъ приступитъ къ занятіямъ въ любое время и вести ихъ быстро или медленно. Какъ самъ Бючли, такъ и ассистенты внимательно слѣдятъ за работою студентовъ, при чемъ Бючли по два-три раза въ день обходитъ лабораторію, останавливается у каждаго занимающагося, иногда на $\frac{1}{4}$ часа и болѣе, смотритъ препаратъ, спрашиваетъ и объясняетъ. То же самое дѣлаютъ ассистенты, къ которымъ каждый занимающійся обращается въ случаѣ затрудненія. Всякій разъ, когда студенту выдается новый объектъ профессоръ или ассистентъ разъясняютъ, что нужно сдѣлать, и указываютъ также, въ какой книгѣ имѣется описаніе этого объекта. Въ лабораторіи на особой полкѣ выставленъ

рядъ учебниковъ, которые предоставляются въ распоряженіе занимающихся. ¹⁾ Перѣдко также приходится указывать и спеціальныя изслѣдованія

Параллельно курсу проходится методика. Начинаящій, приступая къ гистологіи, учится простѣйшимъ методамъ окраски и приготовления постоянныхъ препаратовъ и довольно много рѣжетъ бритвою. Позднѣе онъ знакомится съ микротомною техникой и приготовляетъ значительное количество разрѣзовъ и серій. Эти послѣднія поступаютъ обыкновенно въ распоряженіе студента; и только нѣкоторыя, особенно удачныя препараты идутъ въ коллекцію института. Также и музей нерѣдко обогащается препаратами, приготовленными студентами.

Каждый изученный препаратъ зарисовывается въ особую тетрадь. Это общее правило, изъ котораго не дѣлается никакихъ исключеній. Хотя профессоръ Бюкли и жаловался мнѣ на отсутствіе у нѣмцевъ таланта къ рисованію, тѣмъ не менѣе, пересмотрѣвъ нѣсколько тетрадей, я долженъ признать, что рисунки, даже сложнѣйшіе, исполняются весьма тщательно. Списокъ, который я привожу ниже, составленъ именно по одной изъ такихъ тетрадокъ. Каждому номеру соответствуетъ одинъ или нѣсколько рисунковъ.

Не всѣ рисунки приготовлены по собственнымъ препаратамъ; многіе рѣдкіе или особенно трудные по методикѣ выдаются изъ коллекціи института.

II. Кольцовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Учебники по анатомической практикѣ: 1) Vogt und Yung; 2) Kükenthal; 3) Hantschek und Cori; 4) Braun; 5) Mojsissovicz. По микроскопической техникѣ: 1) Behrens (Tabellen); 2) Böhm und Oppel; 3) Lee und Mayer. Учебники сравнит. анатоміи и зоологіи: 1) Clauss; 2) R. Hertvig; 3) Boas; 4) Lang; 5) Korschelt und Heider; 6) Lampert; 7) Leuniss; 8) Blochmann (Die mikr. Thierwelt des Süßwassers). По гистологіи: Stör.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ ВЪ 1902—1903 Г.

Отчетный 1902—1903 годъ—четырнацатый со времени Высочайшаго утвержденія 25 іюня 1889 года положенія Комитета Министровъ о С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ, двадцать пятый со времени учрежденія въ С.-Петербургѣ въ 1878 г. высшаго женскаго учебнаго заведенія, носившаго имя проф. К. Н. Бестужева-Рюмина, и тридцать шестой со времени возникновенія въ 1867 году мысли о необходимости устройства правильныхъ лекцій для женщинъ въ объемъ программъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Личный составъ.

Въ минувшемъ году произошли слѣдующія перемѣны: *выбыли*: † членъ попочетельнаго совѣта Константинъ Васильевичъ Кедровъ и исправлявшая должность помощницы инспектрисы Лидія Васильевна Савицкая.

Вновь назначены: магистръ Николай Максимовичъ Гюнтеръ—преподавателемъ по кафедрѣ чистой математики; кандидатъ Императорскаго Московскаго университета коллежскій совѣтникъ Яковъ Лазаревичъ Барсковъ—преподавателемъ методики исторіи; статскій совѣтникъ Николай Сергѣевичъ Карцовъ—преподавателемъ методики русскаго языка (въ связи съ церковно-славянскимъ); Николай Карловичъ Кульманъ—преподавателемъ методики словесности; окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ Лидія Івановна Терешьева—ассистенткой при кафедрѣ астрономіи; окон-

чившая курсъ на С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ Вѣра Дмитріевна *Шумова*—руководительницей практическими занятіями по минералогіи и кристаллографіи и зубной врачъ Марія Владиміровна *Миловидова*.

Въ настоящее время учебно-административный личный составъ С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ слѣдующій: директоръ 1, инспектриса 1, помощницъ инспектрисы 3, профессоръ богословія 1, профессоровъ и преподавателей 52, ассистентовъ 7, руководителей практическими занятіями 17 (6 изъ нихъ въ то же время преподаватели и 4 ассистенты), преподаватель пѣнія 1, библиотекарей 4, при канцеляріи 1 лицо, врачей 3, въ попечительномъ совѣтѣ 7.

Составъ слушательницъ и вольнослушательницъ.

Въ началѣ отчетнаго 1902—1903 учебнаго года на Высшихъ Женскихъ Курсахъ состояло 1132 слушательницы и 22 вольнослушательницы, всего 1154; въ томъ числѣ 754 слушательницы и 15 вольнослушательницъ на историко-филологическомъ отдѣленіи и 378 слушательницъ и 7 вольнослушательницъ на двухъ разрядахъ физико-математическаго отдѣленія; изъ этого числа учащихся 193 слушательницы окончили полный курсъ наукъ и удостоены выпускныхъ свидѣтельствъ и 106 слушательницъ и вольнослушательницъ были до окончанія курса. Такимъ образомъ въ концѣ учебнаго года на Курсахъ числилось 855 человекъ.

Пріемъ новыхъ слушательницъ и вольнослушательницъ въ 1903 году начался съ 1 августа. Поданы были прошенія 928 лицами, изъ которыхъ принято 618: на историко-филологическое отдѣленіе 404 и 214 на физико-математическое; въ томъ числѣ 13 бывшихъ слушательницъ 2, 3 и 4 курсовъ.—Отказано въ пріемъ 310.

Пріемъ на курсы слушательницъ и вольнослушательницъ за послѣднія десять лѣтъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Г О Д Ы.	Число подалныхъ прошеній.	Пріяято.	Отказано.
1894—1895	242	168	74
1895—1896	500	279	221
1896—1897	550	226	324
1897—1898	505	301	204
1898—1899	560	357	203
1899—1900	565	308	257
1900—1901	596	299	297
1901—1902	548	289	259
1902—1903	707	450	257
1903—1904	928	618	310
Итого	5.701	3.295	2.406

Въ виду усиливающегося съ каждымъ годомъ наплыва желающихъ обучаться на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, зданія Курсовъ къ началу 1903—1904 учебнаго года значительно расширены устройствомъ новыхъ аудиторій и кабинетовъ, и затѣмъ, по ходатайству директора Курсовъ и совѣта профессоровъ, господинъ министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ комплектъ слушательницъ изъ христіанокъ на первомъ курсѣ установить въ 550 человѣкъ и кромѣ того ввести правило, чтобы сверхъ ежегоднаго комплекта вновь поступающихъ на С.-Петербургскіе Высшіе Женскіе Курсы слушательницъ, принималось въ началѣ каждаго учебнаго года еще столько слушательницъ, сколько ихъ выбыло до окончанія полнаго курса въ теченіе предшествующаго учебнаго года, при чемъ бывшимъ слушательницамъ, возвращающимся на Курсы, отдается преимущество предъ поступающими вновь, — съ назначеніемъ срока для дополнительнаго пріема 1-го октября.

Въ настоящее время на курсахъ обучается 1473 человѣка.

Историко-филологическое отдѣленіе:

I курсъ	437	слушательницъ	9	вольнослушательницъ.	Всего	446
II	223	"	8	"	"	231
III	139	"	4	"	"	143
IV	150	"	3	"	"	153
<hr/>						
Итого	. 949	"	24	"	"	973

Физико-математическое отдѣленіе.

I курсъ (общій) 224 слушательницы 9 вольнослушательницъ. Всего 232

А. Математическій разрядъ.

II курсъ	54	слушательницы	1	вольнослушательница.	Всего	55
III	22	"	"	"	"	22
IV	27	"	"	"	"	27
<hr/>						
Итого	. 103	"	1	"	"	104

В. Химическій разрядъ.

II курсъ	69	слушательницъ	1	вольнослушательница.	Всего	70
III "	53	"	"	"	"	53
IV "	39	"	2	"	"	41
<hr/>						
Итого	161	"	3	"	"	164

По физико-математическому отдѣленію: 488 слушательницъ и 12 вольнослушательницъ. Всего 500.

На историко-филологическомъ и физико-математическомъ отдѣленіяхъ вмѣстѣ:

I курсъ	661	слушательницъ	17	вольнослушательницъ.	Всего	678
II "	346	"	10	"	"	356
III "	214	"	4	"	"	218
IV "	216	"	5	"	"	221
<hr/>						
Итого	1437	"	36	"	"	1473

Выше было сказано, что такое небывалое число желающихъ учиться можно было принять на Курсы только послѣ расширенія помѣщенія послѣднихъ; поэтому не лишнимъ будетъ тутъ же привести нѣкоторыя данныя о настоящемъ помѣщеніи Курсовъ. Съ открытіемъ вновь пристроеннаго зданія Курсы располагаютъ одиннадцатью аудиторіями, въ которыхъ въ общей сложности могутъ помѣститься 2533 человѣка.

Учебная часть.

С.-Петербургскіе Высшіе Женскіе Курсы попрежнему состоятъ изъ двухъ отдѣленій: историко-филологическаго и физико-математическаго, при чемъ первое съ III курса дѣлится на два разряда: словесный и историческій, а второе со II курса также на два: математическій и химическій.

На историко-филологическомъ отдѣленіи въ отчетномъ году учебныя предметы дѣлились на обязательные (для слушательницъ подлежащихъ курсовъ и разрядовъ), рекомендованные совѣтомъ, и не-

обязательные. Обязательными предметами были: богословіе, психология, исторія новой философіи, исторія педагогики, исторія Россіи, исторія древняго міра (Греціи и Рима), исторіи среднихъ вѣковъ, исторія новаго времени, исторія церкви, исторія искусствъ, исторія русской литературы, исторія всеобщей литературы (въ главнѣйшихъ явленіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ развитію русской литературы), исторія главнѣйшихъ славянскихъ литературъ, русскій языкъ (съ церковно-славянскимъ), славянскія нарѣчія, латинскій языкъ, французскій и нѣмецкій языки (изъ послѣднихъ двухъ обязательнъ только одинъ). Предметами рекомендованными были: исторія античной литературы, введеніе въ славяновѣдѣніе, общее языкознаніе. Наконецъ, въ качествѣ необязательныхъ читались курсы по нѣкоторымъ отдѣламъ философіи (теорія познанія, исторія философіи XIX вѣка) и исторіи западно-европейскихъ литературъ. На физико-математическомъ отдѣленіи читались: богословіе, математика (введеніе въ математическій анализъ, геометрія, тригонометрія, теорія опредѣлителей, аналитическая геометрія, высшая алгебра, дифференціальное исчисленіе, интегральное исчисленіе, приложенію дифференціального исчисленія къ геометріи, опредѣленные интегралы, интегрированіе дифференціальныхъ уравненій, варіаціонное исчисленіе, теорія эллиптическихъ функцій, исчисленіе конечныхъ разностей, теорія чиселъ), механика, астрономія, физика, химія (неорганическая, органическая, аналитическая), кристаллографія и минералогія, физическая географія, зоологія, физиологія, ботаника, языки французскій и нѣмецкій; изъ послѣднихъ двухъ одинъ необязателенъ, равно какъ и латинскій языкъ на этомъ отдѣленіи.

Кромѣ того на обоихъ отдѣленіяхъ преподавалось, какъ обязательный предметъ, хоровое пѣніе.

Если такимъ образомъ въ отчетномъ году, по сравненію съ предшествовавшимъ, программа курсовъ обогатилась двумя предметами: исторіей церкви на историко-филологическомъ отдѣленіи и физиологіей на физико-математическомъ, то въ нынѣшнемъ году прибавились на историко-филологическомъ отдѣленіи еще новые предметы: государствовѣдѣніе и — какъ предметы необязательные, но съ правомъ экзамена для желающихъ — методики русскаго языка, словесности и исторіи.

Кромѣ лекцій, въ отчетномъ году, какъ и къ предыдущіе годы, съ цѣлью лучшаго усвоенія слушательницами читаемыхъ курсовъ и пріученія ихъ къ самостоятельной научной работѣ, профессорами и

преподавателями, а также особыми руководителями, велись практическія занятія, о которыхъ болѣе подробныя свѣдѣнія будутъ изложены ниже.

Общее число часовъ лекцій и практическихъ занятій было слѣдующее:

1. На историко-филологическомъ отдѣленіи:

а) Въ первомъ полугодіи.

На курсахъ:	I.	II.	III слов. разр.		IV сл. разр.	
			III слов. разр.	III ист. разр.	IV сл. разр.	IV ист. разр.
лекцій обязательныхъ . . .	20 ч.	16 ч.	16 ч.	15 ч.	14 ч.	14 ч.
„ рекомендованныхъ . . .	1 „	— „	4 „	1 „	2 „	— „
„ необязательныхъ . . .	9 „	14 „	10		8	
пр. зан. обязательныхъ . . .	3 „	1 „	2 „	3 „	2 „	3 „
„ „ необязательныхъ . . .	7 „	3 „	1		1	
Итого лекцій	30 ч.	30 ч.	30 ч.	26 ч.	24 ч.	22 ч.
практ. занятій	10 „	4 „	3 „	4 „	3 „	4 „

Всего въ первомъ полугодіи 162 часа лекцій и 28 часовъ практическихъ занятій въ недѣлю.

б) Во второмъ полугодіи:

На курсахъ:	I.	II.	III слов. разр.		IV сл. разр.	
			III слов. разр.	III ист. разр.	IV сл. разр.	IV ист. разр.
лекцій обязательныхъ	20 ч.	16 ч.	16 ч.	15 ч.	16 ч.	14 ч.
„ рекомендованныхъ	3 „	2 „	4 „	1 „	2 „	— „
„ необязательныхъ	9 „	14 „	9		7	
пр. зан. обязательныхъ	3 „	1 „	2 „	3 „	2 „	3 „
„ „ необязательныхъ	8 „	4 „	— „	— „	1	
Итого лекцій	32 ч.	32 ч.	29 ч.	25 ч.	25 ч.	21 ч.
практ. занятій	11 „	5 „	2 „	3 „	3 „	4 „

Всего во второмъ полугодіи 164 часа лекцій и 28 часовъ практическихъ занятій въ недѣлю.

II. На физико-математическомъ отдѣленіи:

а) Въ первомъ полугодіи:

На курсахъ:	I.	II мат. разр.	II хим. разр.	III мат. разр.	III хим. разр.	IV мат. разр.	IV хим. разр.
лекцій	34 ч.	24 ч.	31 ч.	18 ч.	12 ч.	18 ч.	6 ч.
практ. занятій	4 "	8 "	13 "	8 "	12 "	8 "	6 "

Всего въ первомъ полугодіи 143 часа лекцій и 59 часовъ практическихъ занятій въ недѣлю.

б) Во второмъ полугодіи:

На курсахъ:	I.	II мат. разр.	II хим. разр.	III мат. разр.	III хим. разр.	IV мат. разр.	IV хим. разр.
лекцій	37 ч.	26 ч.	30 ч.	18 ч.	12 ч.	20 ч.	6 ч.
практ. занятій	6 "	6 "	13 "	7 "	11 "	8 "	6 "

Всего во второмъ полугодіи 149 часовъ лекцій и 57 часовъ практическихъ занятій въ недѣлю.

Въ этотъ расчетъ не вошли, во-первыхъ, практическія занятія по астрономіи, производившіяся ежедневно съ 10 час. утра, и, по химіи, бывшія также съ 10 час. утра до 6 час. вечера, и во-вторыхъ, такія практическія занятія, которыя устраивались по особому соглашенію преподавателей со слушательницами и въ расписаніе не вошли.

О практическихъ занятіяхъ по отдѣльнымъ предметамъ получены отъ лицъ, руководившихъ ими, нижеслѣдующія свѣдѣнія.

I. По историко-филологическому отдѣленію.

1) По философіи на I и II курсѣ занятія велись Е. И. Максимовой по плану, одобренному проф. А. И. Введенскимъ, и сосредоточивались на изученіи психологін, которая излагалась въ отчетномъ году на этихъ курсахъ. Въ виду того, что слушательницы 1-го курса обладаютъ весьма различной подготовкой для прохожденія и усвоенія курса по психологін, представляется желательнымъ предлагать имъ и различныя по трудности практическія занятія, такъ чтобы онѣ, принимая по собственному выбору къ той или другой формѣ ихъ, находили удовлетвореніе своимъ запросамъ. Поэтому въ настоящемъ учебномъ году слушательницамъ 1-го курса, желавшимъ принимать участіе въ практическихъ занятіяхъ, было предложено раздѣлиться на три группы. Самую большую группу составили слушательницы, пожелавшія проштудировать на практическихъ занятіяхъ тѣ книги, знакомство съ которыми было для нихъ обязательно; съ этой группой были прочтены и разобраны слѣдующія сочиненія: „Психологія въ бесѣдахъ съ учителями“ Джемса, „Психологія вниманія“ и „Воля“ Рибо, „Введеніе въ экспериментальную психологію“ Бинэ. Во вторую по численности группу вошли слушательницы, изъявившія желаніе ознакомиться съ психологическими ученіями Вундта, съ какою цѣлью ими было проштудировано сочиненіе Вундта „Очеркъ психологін“. Наконецъ, третья группа, составившаяся преимущественно изъ лицъ, уже знакомыхъ болѣе или менѣе съ психологіей, занималась разборомъ монографій по отдѣльнымъ вопросамъ; обыкновенно одинъ и тотъ же вопросъ разбирался въ изложеніи у нѣсколькихъ авторовъ, чтобы путемъ сопоставленія различныхъ воззрѣній, рассмотреть данный вопросъ съ возможною полнотой. Наиболѣе подробно былъ разобранъ вопросъ о психологін воли. Занятія, какъ и въ предшествующемъ учебномъ году, происходили въ формѣ устныхъ бесѣдъ, которая, какъ показалъ опытъ, имѣетъ за собой большія преимущества.

На II курсѣ въ занятіяхъ участвовали слушательницы, уже прослушавшія курсъ логики и освоившіяся съ философской терминологіей, что дѣлало возможнымъ предлагать имъ для самостоятельной обработки, въ видѣ рефератовъ, небольшія темы; чтеніе и обсужденіе этихъ рефератовъ производилось въ аудиторіи, и многіе изъ нихъ вызвали оживленныя пренія. Такихъ рефератовъ было представлено и разобрано двѣнадцать.

На старших курсахъ слушательницы подъ руководствомъ проф. А. И. Введенскаго изучали философію Фихте старшаго, по подлиннымъ сочиненіямъ этого философа. Для изученія были взяты: *Erste Einleitung in die Wissenschaftslehre*; *Grundriss der gesammten Wissenschaftslehre*, и нѣкоторыя главы изъ *Das System der Sittenlehre* и *Grundlage des Naturrechts*.

Слушательницы, проштудировавъ дома часть одного изъ этихъ сочиненій, излагали въ аудиторіи и сообща обсуждали ея содержаніе, выясняя ея связь съ остальными воззрѣніями Фихте и критически сопоставляя ихъ со взглядами другихъ философовъ.

2) *По русской исторіи* у проф. Платонова практическія занятія шли обычнымъ, давно установившимся порядкомъ. Слушательницы, составляя группы, избирали для каждой группы особую тему, дѣлили ее съ помощью профессора на отдѣльные вопросы и обрабатывали каждый вопросъ въ видѣ письменнаго реферата. Рефераты читались и обсуждались въ аудиторіи при участіи профессора, вызывая иногда очень оживленный обмѣнъ мнѣній. Въ отчетномъ году для разработки избраны были темы: „теорія власти въ Московскомъ царствѣ“, „крѣпостное право въ XVII—XVIII столѣтіяхъ“, „исторія составленія Соборнаго Уложения 1649 г.“. Представлено было всего 15 рефератовъ слушательницами. Почти всѣ слушательницы, представившія эти рефераты, принадлежали къ тому курсу, который и въ предшествовавшемъ 1901—1902 учебномъ году обнаружилъ большое вниманіе къ данному предмету и, находясь тогда еще первый годъ въ стѣнахъ Курсовъ, далъ значительное количество хорошихъ работъ по русской исторіи. Въ отчетномъ году рефераты были также хороши и вполне удовлетворяли профессора. Наконецъ, сверхъ поименованныхъ выше рефератовъ, былъ представленъ еще докладъ по исторіи казачества въ смутное время; и въ этомъ докладѣ между прочимъ вполне самостоятельно разработанъ вопросъ о сношеніяхъ Заруцкаго съ персидскимъ шахомъ по документамъ, опубликованнымъ П. И. Веселовскимъ. Этотъ докладъ вышелъ за предѣлы учебныхъ работъ и заключалъ въ себѣ элементы самостоятельнаго научнаго и притомъ вполне зрѣлаго изслѣдованія.

3) *По исторіи Рима* проф. Ростовцевъ представилъ отчетъ за два послѣднихъ года: 1901—1902, въ которомъ онъ читалъ исторію Рима отъ Гракховъ до Цезаря, и 1902—1903, въ которомъ онъ читалъ исторію Рима при Цезарѣ и Августѣ. Въ оба эти года практическія занятія велись при дѣятельномъ участіи слушательницъ не только I

курса, на которомъ исторія Рима—предметъ обязательный, по всѣхъ курсовъ, при чемъ въ отчетномъ году со слушательницами старшихъ курсовъ велись спеціальныя занятія по чтенію и интерпретаціи историческихъ текстовъ—литературныхъ и эпиграфическихъ. Темы, предложенныя слушательницамъ для разработки, были слѣдующія: I. въ 1901—1902 учебномъ году: „сенатъ и сенаторское сословіе“: 1) „составъ и функціи сената въ первые три вѣка имперіи“, 2) „роль сенаторскаго сословія въ политической жизни Рима и сенаторская карьера“, 3) „сенатская оппозиція“; „всадники“: 4) „всадническая карьера и роль всадниковъ въ государственномъ управленіи“; дополнительная: „императорскій фискъ“; 5) „цезаризмъ въ римскомъ обществѣ по Горацію“, 6) „муниципальная знать и ея карьера“; въ дополненіе къ предыдущему году: „религіозныя воззрѣнія Тацита“ и „религіозныя воззрѣнія Лукреція“; II. въ 1902—1903 учебномъ году: а) для перваго курса: 1) „культура до-исторической Италіи: каменный, бронзовый и начало желѣзнаго вѣка“, 2) „этруски—очеркъ ихъ исторіи и культуры“, 3) „римскіе цари; легенда и исторія; государственный строй“, 4) „патрици и плебен; причины и ходъ сословной борьбы въ Римѣ“, 5) „земельная собственность и владѣніе въ Римѣ до эпохи Гракховъ“, 6) „внутренній строй Рима отъ эпохи пуническихъ войнъ до Гракховъ; магистратура; ея сущность и постепенное развитіе“, 7) „эволюція сената до эпохи Гракховъ“, 8) „народъ и народныя собранія“, 9) „сословія въ Римѣ отъ конца борьбы патриціевъ съ плебеями до эпохи Гракховъ“; б) для старшихъ курсовъ: 1) „основныя черты римской національной религіи; *di indigetes* и ихъ характеръ“, 2) „основныя черты римскаго національнаго государственнаго культа“, 3) „основныя черты римскаго національнаго частнаго культа“, 4) „религія римскаго народа I в. по Р. Хр.“, 5) „императорскій культъ“; дополнительная: „культъ властителей въ Греціи и на Востоку въ эпоху эллинизма“; 6) „египетскіе боги въ Римѣ и римской имперіи“. Завѣдывала практическими занятіями въ оба года оставленная при Курсахъ Н. Н. Кремлева.

4) По *новоучрежденной кафедрѣ исторіи церкви* практическихъ занятій въ собственномъ смыслѣ не было, но нѣкоторыя изъ слушательницъ внѣ лекцій проявили интересъ къ предмету, выразившійся въ разспросахъ и бесѣдахъ съ профессоромъ, особенно по вопросамъ о богословскихъ и историко-философскихъ воззрѣніяхъ Хомякова и о сравнительномъ изученіи религій.

5) По *исторіи искусствъ* у проф. Прахова одной изъ вольнослу-

шательницъ прочитанъ былъ рефератъ на тему: „Аполлонъ по памятникамъ греческой поэзіи и пластическихъ искусствъ“.

6) *По исторіи русской словесности* у проф. Шляпкина слушательницами были прочитаны рефераты на слѣдующія темы: „общій очеркъ литературной дѣятельности Э. Р—вой“, „Хомяковъ, какъ представитель славянофильства“, „общій очеркъ литературной дѣятельности Е. П. Росточниной“. Кромѣ того, въ отдѣльныхъ кружкахъ слушательницы (до тридцати) занимались разборомъ различныхъ критическихъ статей о Достоевскомъ и Толстомъ, подъ руководствомъ профессора, какъ это происходило и въ прежніе годы.

7) *По тому же предмету* у проф. Сиповскаго практическія занятія велись главнымъ образомъ со слушательницами IV курса историко-филологическаго отдѣленія, но въ нихъ принимали живое участіе нѣкоторыя слушательницы и другихъ курсовъ, и даже физико-математическаго отдѣленія. Темы были предложены: 1) изъ Пушкинскаго періода русской литературы (о лирикахъ, романистахъ и журналистахъ), 2) рядъ темъ общаго характера (напр., „поэтика Шерера“, „Историческая поэтика А. П. Веселовскаго“, характеристика трудовъ Elster'a, Lascombe'a и др.), 3) характеристика лириковъ новѣйшаго періода русской литературы (Некрасова, Майкова, Полонскаго и др.), 4) изъ современной беллетристики. Рефератовъ было прочитано четыре: 1) о драмахъ А. Чехова, 2) о литературной дѣятельности М. Горькаго, 3) о Гаршинѣ и 4) о Толстомъ и Достоевскомъ въ освѣщеніи Мережковскаго. Кромѣ этихъ рефератовъ, приготовлены, но не прочитаны, были: работа „Жоржъ-Зандъ въ русской литературѣ“ и работа о Некрасовѣ.

8) *По литературѣ среднихъ вѣковъ* у г-жи Холоднякъ занятія (2 часа въ недѣлю) состояли, во-первыхъ, въ ознакомленіи слушательницъ съ латинскими энциклопедіями первой половины средневѣковья (Исидора Севильскаго, Рабана Мавра, Гуго и Рихарда изъ св. Виктора, Гонорія Отенскаго и Геррады фонъ-Ландспергъ), при чемъ слушательницы читали отрывки текстовъ и разбирали ихъ,—во-вторыхъ, въ практическихъ упражненіяхъ латинской палеографіей, при чемъ читались образцы письма уставнаго, полууставнаго и скорописнаго. Занятія происходили большею частью по вечерамъ въ бібліотекѣ университета.

9) У проф. Холодняка группа слушательницъ старшихъ курсовъ занималась упражненіями въ чтеніи латинскихъ надписей, въ качествѣ

пособія при изученіи исторіи Рима; кромѣ того, начатыя въ предшествовавшемъ году занятія (необязательныя) итальянскимъ языкомъ продолжались и въ отчетномъ году.

10) *По латинскому языку* проф. Гельвихъ, въ виду обнаруженныхъ въ предшествовавшемъ году группой слушательницъ I курса, чловѣкъ въ двадцать, успѣховъ и интереса къ дѣлу, нашелъ возможнымъ въ отчетномъ году заняться на второмъ курсѣ переводами легкихъ статей съ русскаго языка на латинскій.

II. По физико-математическому отдѣленію.

1) *По астрономіи* у проф. Жданова практическія занятія слушательницъ состояли въ наблюденіяхъ универсальнымъ инструментомъ и въ вычисленіяхъ. Въ отчетномъ году установлена была новая должность ассистента при обсерваторіи, на каковую должность назначена была окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ Л. П. Терентьева. Обсерваторія увеличилась еще одной вращающейся башней большихъ размѣровъ, помѣщенной на новомъ зданіи Курсовъ; въ новое же зданіе переведенъ и астрономическій кабинетъ, состоящій изъ двухъ комнатъ. Приобрѣтенъ приборъ для измѣренія фотографическихъ пластинокъ съ двойнымъ микрометромъ изъ мастерской Ренсольда въ Гамбургѣ.

2) *По физикѣ* состоялось подъ предсѣдательствомъ проф. Боргмана одно собраніе слушательницъ, на которомъ былъ прочитанъ рефератъ о катодныхъ и закатодныхъ лучахъ.

3) *По химіи* подъ руководствомъ проф. Яковкина окончившая Курсы г-жа Рихтеръ исполнила въ химической лабораторіи работу: „объ упругости пара брома въ растворахъ бромисто-водородной кислоты“; работа эта напечатана въ журналѣ Русскаго Физико-Химическаго Общества за 1903 годъ.

4) *По аналитической химіи* практическія занятія, по примѣру прежнихъ лѣтъ, происходили на второмъ и третьемъ курсахъ, при чемъ, за отъѣздомъ А. О. Васильевой въ заграничную командировку, занятіями руководилъ одинъ Н. В. Богомолецъ. Слушательницы II курса изучали качественный анализъ, а слушательницы III курса—количественный.

5) *По органической и технической химіи* подъ руководствомъ проф. Фаворскаго и ассистента Дебу работали слушательницы IV курса. Занятія ихъ состояли по органической химіи главнымъ образомъ въ

ознакомленіи съ общими методами работы, примѣняемыми въ этомъ отдѣлѣ химіи, и въ приготовленіи препаратовъ, а по технической химіи — въ изслѣдованіи различныхъ пищевыхъ продуктовъ, сельскохозяйственныхъ кормовъ и почвы. Всего въ лабораторіи работали по органической химіи 14 слушательницъ и 2 оставленные при Курсахъ, а по технической химіи 8 слушательницъ. Нѣкоторыми изъ нихъ, кромѣ вышеупомянутыхъ работъ учебнаго характера, были выполнены работы и изслѣдованія спеціальныя. Такъ, слуш. М. Домброва изслѣдовала жидкіе продукты, образующіеся при полученіи бутиленовъ дѣйствіемъ хлористаго цинка на изобутиловый спиртъ; работа эта была доложена проф. Фаворскимъ въ майскомъ засѣданіи химическаго отдѣленія Русскаго Физико-Химическаго общества. Другія же слушательницы изучали 1) дифенилбензилкарбинолъ и трифенилэтиленъ, 2) способы полученія и свойства фенилпропилена и фенилаллилена и 3) дибензилфенилкарбинолъ и отвѣчающій ему углеводородъ. По технической химіи слуш. А. Бородулиной и Л. Семеновою были произведены анализы нѣсколькихъ сортовъ русскаго мятнаго масла и изслѣдованы два совершенно новыхъ жирныхъ масла, получаемыхъ изъ растеній бабышника и рогагги; изслѣдованія эти будутъ напечатаны въ одномъ изъ спеціальныхъ журналовъ.

6) По *физической географіи* (геологіи) проф. Левинсономъ-Лессингомъ, за отсутствіемъ особаго геологическаго кабинета, въ отчетномъ году не могли быть организованы лабораторныя практическія занятія; взамѣнъ того было предложено слушательницамъ, путемъ чтенія рефератовъ и слѣдующихъ затѣмъ иреній и бесѣдъ, дополнять и развивать нѣкоторые вопросы, которые на лекціяхъ затрогивались лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Слушательницы съ большою охотою откликнулись на призывъ къ такимъ научнымъ работамъ, и во второмъ полугодіи въ особо назначенный для этого вечеръ еженедѣльно читались рефераты. Цѣлью этихъ рефератовъ, которые писались по первоисточникамъ, было научить слушательницъ критическому отношенію къ фактамъ и теоріямъ и показать имъ, какъ теорія должна опираться на факты и какова роль гипотезъ въ объясненіи геологическихъ фактовъ. Съ этою цѣлью выбирались такія темы, въ которыхъ приходилось сталкиваться съ различными теоріями и дѣлать выборъ между ними, или вопросы, имѣющіе по возможности широкое значеніе. Въ отчетномъ году были прочитаны слѣдующіе рефераты: 1) о коралловыхъ островахъ, 2) о пещерахъ, 3) о пустыняхъ, 4) о причинахъ ледниковаго періода, 5) о новыхъ теоріяхъ вулканизма,

6) о древности челоуѣка. Въ виду бѣдности демонстраціоннаго матеріала, служащаго для иллюстраціи лекцій, былъ произведенъ подробный осмотръ геологическаго кабинета университета, на богатыхъ коллекціяхъ котораго можно было иллюстрировать многія изъ описанныхъ на лекціяхъ явленій. Съ такой же цѣлью былъ назначенъ осмотръ геологическаго музея горнаго института, не состоявшійся лишь по случайной причинѣ. Наконецъ, весной была совершена геологическая экскурсія на р. Тосну въ окрестности Саблина и деревни Гертова, гдѣ слушательницы имѣли возможность познакомиться съ напластованіемъ осадочныхъ породъ, съ находженіемъ въ нихъ окаменѣлостей, съ примѣненіемъ горнаго компаса и т. д. Преподаваніе геологіи не можетъ ограничиваться чтеніемъ лекцій, хотя бы и сопровождаемыхъ рефератами и бесѣдами; необходимымъ дополненіемъ должны служить лабораторныя занятія и экскурсіи. Въ настоящее время уже имѣется небольшой геологическій кабинетъ и явилась возможность осуществить лабораторныя практическія занятія; есть также надежда поставить и экскурсіи на болѣе широкую ногу. Остается лишь пожелать, чтобы исполнилось еще одно желаніе какъ слушательницъ, такъ и профессора—чтобы курсъ физической географіи (геологіи) не только по характеру преподаванія, но и по объему былъ доведенъ до размѣровъ университетскаго курса.

7) *По зоологіи* практическія занятія велись подъ руководствомъ П. Ю. Шмидта на второмъ курсѣ разъ въ недѣлю по два часа по анатоміи позвоночныхъ и на третьемъ курсѣ два раза въ недѣлю по два часа по беспозвоночнымъ; подъ руководствомъ Н. Я. Кузнецова велись практическія занятія по энтомологіи, необязательныя, для желающихъ слушательницъ III и IV курсовъ, и подъ личнымъ руководствомъ проф. Фаусека специально занимались въ лабораторіи семь слушательницъ III и IV курсовъ. Изъ числа послѣднихъ двѣ—Александрова и Истомина—сдѣлали о результатахъ своихъ занятій (наблюденій надъ инфузоріями) въ февральскомъ засѣданіи отдѣленія зоологіи С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей сообщеніе; онѣ же по окончаніи курса оставлены при Курсахъ для продолженія своихъ занятій въ лабораторіи. Лабораторія въ отчетномъ году пополнилась слѣдующими предметами: 1) на средства, ассигнованныя совѣтомъ профессоровъ, приобрѣтены отъ фирмы Leitz въ Wetzlarъ шесть микроскоповъ, изъ нихъ одинъ съ иммерзійной системой; 2) послѣдниками умершей въ 1899 г. М. П. Павловой пожертвовано собраніе насѣкомыхъ въ особомъ шкафу; 3) отъ М. Ф. Позеня поступилъ рядъ нарисованныхъ

ую таблицъ; 4) комитетомъ бывшей въ 1902 г. рыбопромышленной выставки пожертвованы два большихъ акварія; 5) окончившая курсъ Федорова и слушательница IV курса Веберъ, занимавшаяся лѣтомъ 1903 г. на зоологической станціи въ Севастополѣ, доставили нѣсколько цѣнныхъ препаратовъ по анатоміи животныхъ (дельфина) и по гистологии (нервная система Amphioxus), а также живыхъ морскихъ животныхъ (актиній, Amphioxus).

8) По ботаникѣ проф. Палладинъ читалъ для II курса въ обоихъ полугодіяхъ морфологию и систематику растений, при двухъ часахъ въ недѣлю, а для III курса, также при двухъ часахъ, въ первомъ полугодіи—анатомію растений, во второмъ—физиологию растений; чтение лекцій сопровождалось практическими занятіями подъ руководствомъ ассистентки г-жи Петрушевской. Несмотря на необязательность практическихъ занятій, наплывъ желающихъ участвовать въ нихъ былъ такъ великъ (а онъ съ каждымъ годомъ увеличивается), что занятія пришлось перенести изъ ботаническаго кабинета въ аудиторію; а такъ какъ послѣдняя часто занята лекціями, то второй курсъ могъ заниматься только два часа въ недѣлю. На практическія занятія этого курса записались 80 слушательницъ, въ томъ числѣ нѣсколько математическаго разряда и историко-филологическаго отдѣленія; пришлось раздѣлить участницъ на двѣ группы по 40 человекъ, такъ чтобы каждая группа занималась разъ въ двѣ недѣли. Первое полугодіе и начало второго посвящены были систематикѣ низшихъ, а послѣдніе мѣсяцы второго полугодія—опредѣленію высшихъ растений. Матеріалъ для практическихъ занятій запасается въ лѣтнее время, и затѣмъ слушательницы пользуются имъ по возможности для самостоятельнаго приготовленія препаратовъ, готовыми же препаратами пользуются только въ случаѣ необходимости. Практическія занятія III курса состояли въ изученіи анатоміи растений; записались на эти занятія 50 человекъ въ двѣ группы, и каждая группа занималась по два часа въ недѣлю. Третьему курсу также, какъ второму, давался преимущественно матеріалъ для самостоятельныхъ работъ, а не готовые препараты для просматриванія. Кромѣ этихъ практическихъ занятій, въ помѣщеніи ботаническаго кабинета была устроена лабораторія для работъ по физиологии растений, подъ личнымъ руководствомъ профессора. Въ эту лабораторію принимались только такія слушательницы, которыя прошли по ботаникѣ общія практическія занятія и по химіи—качественный и количественный анализъ; въ отчетномъ году тамъ работали двѣ оставшіяся при Курсахъ для про-

долженія занятій по ботаникѣ, девять слушательницъ четвертаго курса и одна—третьяго. Изъ нихъ оставленныя при Курсахъ Карпетова и Сабаниникова работали надъ вопросомъ о вліяніи концентраціи питательныхъ растворовъ на интрамолекулярное дыханіе; работа ихъ еще не вполне закончена и въ свое время будетъ напечатана. Нынѣшнія же слушательницы изучали дѣйствіе хинина на проростаніе сѣмянъ, работали надъ вопросами о превращеніи бѣлковыхъ веществъ въ растеніяхъ, о дѣйствіи скипидара на дыханіе и т. п.; слушательница IV курса Лещъ изслѣдовала дѣйствіе скипидара на бѣлковый обмѣтъ (работа напечатана въ журналѣ „Berichte der deutschen botanischen Gesellschaft“ 1903); слушательницы IV курса Коллегорская и Засухина о своей работѣ „измѣненіе дыхательнаго коэффициента дрожжей въ зависимости отъ питанія тройными органическими соединеніями“ сдѣлали докладъ въ ботаническомъ отдѣленіи Общества естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ (работа напечатана въ журналѣ „Centralblatt für Bakteriologie u. s. w.“ 1903); работа слушательницъ Вознесенской и Елисѣевой „о вліяніи различныхъ азотистыхъ питательныхъ средъ на дыхательные коэффициенты различныхъ видовъ дрожжей въ ролькультурахъ“ тоже была доложена въ ботаническомъ отдѣленіи Общества естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ и затѣмъ напечатана въ томъ же журналѣ, при чемъ гонораръ за нее, въ размѣрѣ 23 герм. марокъ, пожертвованъ въ пользу ботаническаго кабинета. Въ виду наплыва желающихъ заниматься и успѣшности научныхъ работъ, проф. Палладинъ просилъ о расширеніи прежняго помѣщенія ботаническаго кабинета или о переводѣ его въ новос; такое помѣщеніе было устроено специально по указаніямъ профессора въ новомъ зданіи, куда лѣтомъ 1903 г. кабинетъ и былъ переведенъ.

Въ видахъ лучшаго усвоенія слушательницами читаемыхъ курсовъ и облегченія имъ подготовки къ экзаменамъ, съ 10-го по 15-е января произведены были полугодовыя репетиціи по слѣдующимъ предметамъ: на историко-филологическомъ отдѣленіи—по философіи на всѣхъ курсахъ и по новой исторіи на III и IV курсахъ, на физико-математическомъ — по математикѣ на всѣхъ курсахъ, по механикѣ на III и IV курсахъ, по астрономіи на III курсѣ и по физикѣ на I и II курсахъ.

Экзамены производились: весенніе съ конца марта до половины мая, и дополнительные осенніе съ 25-го августа (по физико-математическому отдѣленію съ 1-го сентября) по 6-е сентября.

По физико-математическому отдѣленію.

Изъ 193 окончившихъ курсъ, по имѣющимся въ „Памятной книжкѣ окончившихъ курсъ на С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ“, изд. 1903 г., свѣдѣніямъ, оставлены при Курсахъ для усовершенствованія въ наукахъ—21, поступила въ иностранный университетъ—1, вновь поступили на С.-Петербургскіе Высшіе Женскіе Курсы по другому разряду или отдѣленію — 4, поступили въ женскій медицинскій институтъ — 11; получили мѣста учительницъ: реальнаго училища—1, женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній — 42, городского училища—1, еврейскаго училища—1, воскресной школы—1, сельской школы—1; поступили воспитательницами въ семьи—2, занялись частными уроками — 15; получили занятія: въ лабораторіяхъ—3, въ палатѣ мѣръ и вѣсовъ — 1, въ главномъ гидрографическомъ управленіи морского вѣдомства—1, на метеорологической станціи—1; поступила на драматическіе курсы—1; объ остальныхъ свѣдѣній не имѣется.

Плодотворная педагогическая дѣятельность окончившихъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ справедливо оцѣнена нынѣ какъ правительствомъ, такъ и обществомъ. Какъ уже было упомянуто въ предыдущемъ отчетѣ, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, въ 29 день сентября 1901 года Всемилоствѣйше соизволилъ на предоставленіе г. министру народнаго просвѣщенія права давать разрѣшеніе на назначеніе окончившихъ курсъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ преподавательницами *всѣхъ* классовъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Затѣмъ, 31-го мая 1903 года Высочайше утверждено положеніе опекунскаго совѣта о предоставленіи главноуправляющему собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи разрѣшать допущеніе къ преподаванію въ старшихъ классахъ институтовъ домашнихъ наставницъ, окончившихъ курсъ на С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ.

Кромѣ того директоръ курсовъ получилъ благодарность Новоскольскаго уѣзднаго земскаго собранія, начальства Хортицкаго нѣмецкаго ж. уч. заведенія и мн. др. за рекомендацію учительницъ изъ окончившихъ Курсы.

И министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало распоряженіе,

чтобы преподаватели гимназій замѣнялись преподавательницами съ высшимъ образованіемъ.

Подробныя свѣдѣнія о дѣятельности окончившихъ курсъ изложены въ недавно вышедшей книжкѣ: „Памятная книжка окончившихъ курсъ на С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ 1882—1889 гг. 1893—1903 гг.“

Здѣсь также отмѣтимъ, что директоръ Курсовъ ведетъ постоянную переписку съ окончившими курсъ, устраиваетъ ихъ положеніе и защищаетъ ихъ интересы.

Библиотека.

Къ 1-му сентября 1903 года состояло въ библиотекѣ по каталогамъ, вмѣстѣ съ вновь прибрѣтенными и пожертвованными въ отчетномъ году сочиненіями 12,774 названій въ 26.294 томахъ и 3.716 брошюръ, всего 30.010 т.

Кромѣ этого числа въ библиотекѣ находятся:

1. Сельско-хозяйственная библиотека покойнаго проф. Костычева: 400 томовъ и 800 брошюръ. Библиотека эта, какъ строго специальная, не разбирается за исмѣною мѣста и сохраняется въ отдѣльномъ ящикѣ.

2. Въ архивѣ библиотеки (въ одной изъ комнатъ стараго помѣщенія, оставленной временно для библиотеки) находилось къ 1-му сентября 1902 года кромѣ того:

разныхъ пожертвованныхъ дублетовъ въ переплетахъ .	1.650 т.
тоже безъ переплетовъ	1.183 „
разныхъ разрозненныхъ період. изд. пожертвованныхъ	2.200 „

Итого . . . 5.033 т.

Въ отчетномъ году было приступлено къ разбору и сортировкѣ этихъ сочиненій:

1. Исключены совершенно изъ состава библиотеки періодическія изданія разорванныя, разрозненныя, грязныя, проданныя на бумагу и просто пожертвованныя въ попечительство—2.170 томовъ.

2. Исключены старыя иностранныя сочиненія, по преимуществу математическія, которыхъ въ библиотекѣ существуетъ и безъ того

уже не менѣе двухъ экземпляровъ. Книги эти разобраны свѣрены съ каталогами Фридлэндера, Мейера и др. и изъ ихъ числа оставлены для библіотеки и вошли въ ея составъ:

какъ имѣющія цѣнность	128 т.
а утратившія цѣнность проданы букинистамъ	1.830 „
остались еще не разобранными	1.705 „

Итого . . . 5.033 т.

Въ минувшемъ году высылались въ библіотеку бесплатно слѣдующія изданія: Вопросы Философіи и Психологіи, Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, Чтенія Московскаго Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, Труды Императорскаго С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей, Математическій Сборникъ, Записки Повороссійскаго Общества Естествоиспытателей, Архивъ біологическихъ наукъ—изданіе Института экспериментальной медицины въ С.-Петербургѣ, Православный Собесѣдникъ, Русское Общество Пчеловодства, Извѣстія С.-Петербургскаго Лѣсного Института, Ежегодникъ Министерства Финансовъ, Извѣстія историко-филологическаго института князя Безбородко, Изданія русскаго энтомологическаго общества въ С.-Петербургѣ, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, труды Общества Испытателей Природы при Харьковскомъ Университетѣ, Журналъ Русскаго физико-химическаго общества.

Въ отчетномъ году книгами пользовалось 973 слушательницы, и ими было взято 7.302 тома.

По отдѣламъ взятая книги распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

<i>Было взято сочиненій:</i>	На русск. языкѣ	На иностран. языкахъ.	Всего.
По Богословію	16	—	16
„ Философіи, логики, психологіи . .	962	218	1.180
„ Всеобщей исторіи	1.276	432	1.708
„ Беллетристики	638	380	1.018
„ Русскіе и европейскіе классики . .	446	135	581
„ Исторіи всеобщей литературы . .	215	78	293
„ Исторіи русской литературы . . .	266	—	266

По Общественнымъ наукамъ	123	10	133
„ Исторіи искусства	62	13	75
„ Филологіи и лингвистикѣ	49	14	63
„ Математикѣ и астрономіи	385	255	640
„ Физикѣ	302	38	340
„ Біологическимъ наукамъ.	440	87	527
„ Химіи.	266	95	361
„ Геологіи.	83	18	101
Итого	5.529	1.773	7.302

Общества при Курсахъ.

При Курсахъ существуетъ три общества: „Общество для доставленія средствъ С.-Петербургскимъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ“, существующее со дня ихъ основанія и дѣятельность котораго описана въ книгѣ „С.-Петербургскіе Высшіе Женскіе Курсы за 25 лѣтъ“; „Общество вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ“, основанное въ 1893 г., и „Общество вспоможенія слушательницамъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ С.-Петербургѣ“, учр. въ 1898 г. Почтенная дѣятельность послѣднихъ двухъ обществъ изложена въ изданныхъ ими отчетахъ.

Средства содержанія.

Расходъ по Высшимъ Женскимъ Курсамъ за 1902—1903 учебный годъ выразился въ слѣдующихъ общихъ цифрахъ:

1) Жалованье г. директору, гг. де-канамъ и инспекціи.	11.700 р. — к.	
2) Плата гг. профессорамъ, ассистентамъ и за практическія занятія.	48.386 „ — „	
3) Учебныя пособія для кабинетовъ и лабораторій, бібліотека и ея персоналъ	17.177 „ 98 „	
4) Канцелярія Курсовъ.	2.008 „ 84 „	
	<hr/>	79.872 р. 82 к.
5) Хозяйственные расходы	46.954 р. 22 к.	

6) Въ счетъ уплаты за постройку новаго зданія	56.050	„ — „	
7) Стипендіи и пособія слушатель- ницамъ	3.785	„ — „	
			<hr/> 106.789 „ 22 „
8) Общежитіе, обѣды и буфетъ . .	—	—	53.464 „ 79 „
			<hr/>
Итого.	—	—	240.126 р. 83 к.

На приходъ за 1902—1903 г. поступило:

1) Отъ министерства народнаго про- свѣщенія	3.000	р. — к.	
2) Отъ городской думы	3.000	„ — „	
			<hr/> 6.000 р. — к.
3) Отъ слушательницъ за 1902 — 1903 г.	114.050	р. — к.	
въ счетъ платы за 1903 — 1904 г.	2.150	„ — „	
			<hr/> 116.200 „ — „
4) Доставлено о-мъ д. дост. средствъ.	—	—	64.462 „ 04 „
5) Общежитіе, обѣды и буфетъ . .	—	—	53.464 „ 79 „
			<hr/>
Итого.	—	—	240.126 р. 83 к.

Совѣтъ профессоровъ.

Въ отчетномъ году совѣтъ профессоровъ имѣлъ всего (считая съ 26-го августа по 19-е мая) сорокъ одно засѣданіе, а именно: 13 общихъ историко-филологическаго и физико-математическаго отдѣленій (изъ нихъ одно съ участіемъ почетнаго совѣта и комитета общества для доставленія средствъ Курсамъ), 15 засѣданій историко-филологическаго отдѣленія и 13—физико-математическаго. Въ этихъ засѣданіяхъ, кромѣ рѣшенія текущихъ дѣлъ, совѣтомъ, во-первыхъ, возбуждены были ходатайства о введеніи преподаванія новыхъ предметовъ: исторіи церкви для слушательницъ историческаго разряда историко-филологическаго отдѣленія (этотъ предметъ былъ введенъ уже въ отчет-

номъ году), государствовѣдѣнія, какъ обязательнаго предмета на одномъ изъ младшихъ курсовъ того же отдѣленія, и методикъ исторіи, русскаго языка и словесности для желающихъ, но съ правомъ держать экзамены по нимъ, на IV курсъ того же отдѣленія (послѣдніе предметы всѣ введены въ нынѣшнемъ году); во-вторыхъ, постановлено было ходатайствовать о разрѣшеніи принимать на курсы ежегодно сверхъ установленнаго комплекта еще такое число слушательницъ, какое вышло за послѣдній годъ до окончанія полнаго курса (это ходатайство также удовлетворено); въ-третьихъ, выработаны правила для слушательницъ (утвержденные г. министромъ), инструкція кураторамъ и правила о порядкѣ избранія депутатовъ отъ слушательницъ, а равно и новыя правила объ экзаменахъ на историко-филологическомъ отдѣленіи и объ обязательныхъ занятіяхъ слушательницъ того же отдѣленія новыми языками, причемъ для наблюденія надъ этими занятіями организована была особая коммиссія изъ профессоровъ историко-филологическаго отдѣленія; въ-четвертыхъ, разрѣшено слушательницамъ, окончившимъ курсъ по одному разряду историко-филологическаго отдѣленія, оставаться, съ согласія совѣта, на Курсахъ еще на одинъ годъ для изученія специальныхъ предметовъ другого разряда; въ-пятыхъ, обсуждался вопросъ о приспособленіи для надобностей преподаванія вновь отстроеннаго при Курсахъ зданія, причемъ окончательное рѣшеніе вопроса возложено было на особую коммиссію; въ-шестыхъ, избрана была коммиссія для выработки совмѣстно съ комитетомъ общества для доставленія средствъ Курсамъ программы празднованія двадцатипятилѣтія Курсовъ и распредѣлено было между членами совѣта составленіе къ этому торжеству очерка исторіи преподаванія наукъ на Курсахъ по отдѣльнымъ предметамъ; въ-седьмыхъ, постановлено было издавать ежегодно обзорнія преподаванія наукъ, по образцу университетскихъ; въ-восьмыхъ, установлены новыя должности ассистента при кафедрѣ астрономіи и руководителя практическими занятіями при кафедрѣ минералогіи и кристаллографіи; въ-девятыхъ, продолжень еще на годъ срокъ заграничной командировки руководителямъ практическихъ занятій: по математикѣ—Т. А. Лоанасевой и по химіи—А. О. Васильевой; наконецъ, въ-десятыхъ, впервые въ истекшемъ году произведены были выборы кураторовъ (избраны были проф. Д. О. Селивановъ, В. А. Фаусекъ, О. А. Браунъ и А. И. Введенскій, мѣсто котораго, за назначеніемъ его руководителемъ учебною частью историко-филологическаго отдѣленія, занялъ проф. Н. И. Холодникъ), а также личнаго состава профессорскаго дисциплинарнаго

суда (избраны были: председателемъ — проф. П. П. Вилибингъ, членами — проф. И. И. Боргманъ и С. М. Середонинъ и кандидатами къ нимъ — проф. Э. Д. Гриммъ, Б. М. Кояловичъ и О. Д. Хвольсонъ).

Приведенные въ настоящемъ отчетѣ факты и цифры свидѣтельствуютъ, что, подобно предшествовавшимъ годамъ, и минувшій 1902—1903 уч. годъ былъ въ жизни С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ не годомъ застоя, но годомъ прогресса, годомъ оживленной и плодотворной работы. Но онъ былъ въ то же время годомъ юбилейнымъ, годомъ подведенія итоговъ двадцатипятилѣтней дѣятельности. Распространяться объ этой дѣятельности въ годовомъ отчетѣ не мѣсто; въ настоящее время изданъ очеркъ исторіи Курсовъ, изъ котораго видно, съ какими препятствіями Курсамъ приходилось бороться и какъ они съ честью преодолевали эти препятствія. Что Курсы успѣли заслужить благодарность русскаго общества, краснорѣчиво подтвердилось множествомъ привѣтственныхъ телеграммъ и адресовъ, присланныхъ въ день юбилея—21-го ноября 1903 г. Правда, идеалъ еще далеко не достигнутъ, много еще надо сдѣлать, со многими затрудненіями еще до сихъ поръ приходится считаться; но прошлое Курсовъ даетъ право надѣяться, что они и впредь будутъ преусиживать и совершенствоваться, какъ растутъ и крѣпнеть все, что вызвано къ жизни не мимолетнымъ увлеченіемъ или случайной модой, но ясно сознанной настоятельной потребностью. Думается, что къ нашимъ Курсамъ можно примѣнить то, что въ одной одѣ Горация говоритъ о римскомъ народѣ его злѣйшій врагъ—Ганнибалъ:

Merses profundo, pulcrior evenit;
Luctere, multa prouit integerum
Cum laude victorem geritique
Proelia coniugibus loquenda.

Б. Н. ЧИЧЕРИНЪ.

(Некрологъ).

3-го февраля въ 5 час. 10 мин. вечера послѣ непродолжительной болѣзни скончался въ Москвѣ знаменитый ученый и публицистъ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ. Личность покойнаго воплощаетъ собою цѣлую эпоху въ исторіи русскаго просвѣщенія. Мощная и рельефная фигура Чичерина завершаетъ длинный рядъ идейныхъ дѣятелей, выросшихъ на обновленной нивѣ русской общественности. Выступивъ на публичное поприще въ первые годы освободительнаго царствованія, онъ въ теченіе почти полулѣтка неутомимо велъ творческую работу въ различныхъ областяхъ науки, одновременно съ непосредственнымъ участіемъ въ трудахъ городского и земскаго самоуправленія. Прочный авторитетъ покойнаго выходитъ за предѣлы наукъ гуманитарныхъ, присяжннымъ представителемъ которыхъ онъ былъ въ недолгій періодъ своей профессуры: и въ кругу вопросовъ естествовѣдѣнія онъ сумѣлъ сказать независимое мудрое слово, обоснованное богатой эрудиціей. Крупные вклады, внесенные Чичеринымъ въ отечественную науку, заслуживаютъ всесторонней исторической оцѣнки соответствующими специалистами. Настоящій бѣглый очеркъ имѣетъ скромной задачей напомнить содержаніе важнѣйшихъ сочиненій покойнаго въ связи съ его несложной, но весьма поучительной, биографіей.

Старинный аристократическій родъ Чичериныхъ ведетъ свое начало отъ Аванасія Чичерни (Cicerini), выѣхавшаго изъ Италіи въ свѣтъ Софін Палеологъ въ 1472 году, и насчитываетъ на пространствѣ четырехъ вѣковъ среди своихъ представителей немало видныхъ сановниковъ и общественныхъ дѣятелей. Борисъ Николаевичъ родился въ

1828 году въ большой и зажиточной семьѣ тамбовскаго. Своего отца онъ характеризуетъ, какъ человѣка ума, высокаго и нравственнаго строя, съ сильнымъ врожденнымъ чувствомъ изящнаго. Подъ руководствомъ священныя родителей будущій ученый получилъ воспитаніе и съ дѣтства овладѣлъ важнѣйшими еврейскими языками. Живя въ помѣстьяхъ „Уметъ“ и „Караулъ“ Книжники супруги Чичерины поддерживали дружеское гостеприимство съ окрестными землевладѣльцами, среди которыхъ, по словамъ Николаевича, было много достойныхъ представителей „Чувство долга и отвѣтственности, соединенное независимостью, отличало то общество, которое являлось въ своей молодости. Уважать власть и повиноваться ей, дорожить независимостью и презирать чуждую славу — таковы были заветы, которыми мы, рожденные и воспитанные въ провинціальномъ дворянствѣ, получили отъ своихъ родителей... который мы благословляемъ ихъ память“¹⁾... Ближайшимъ знакомымъ среди своей ранней молодости Б. Н. рисуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, слегка идеализирующими чертами. 16 лѣтъ онъ поступилъ на камеральный факультетъ Московскаго университета. Изъ своихъ учителей Чичеринъ съ особымъ теплотой вспоминаетъ Т. Н. Грановскаго, читавшаго лекціи по исторіи. „Свѣтлый образъ Грановскаго, чуждаго всякой однообразности соединять живое сочувствіе къ Западу и его культурѣ, истинной любовью къ Россіи и яснымъ сознаніемъ ея особенностей представляеть гармоническое сочетаніе лучшихъ сторонъ французскаго и русскаго характера... Свобода была для него не только идеаломъ, но и созидательнымъ началомъ, выраженіемъ челоуѣческаго прогресса. Въ 1849 году Борися Николаевичъ окончилъ курсъ въ университетѣ и, специализировавшись по государственному праву, принялъ съ цѣлью научнаго совершенствованія нѣсколько путешествій въ Западную Европу. Заграничныя путешествія описаны имъ въ яркой публицистической формѣ

¹⁾ Ср. Русскій Архивъ 1890, апрѣль.

²⁾ О философ. историческихъ воззрѣніяхъ Грановскаго „Вопросы психологіи“ кн. 36.

„Очерки Англии и Франціи“ (1858 г.). Первые ученые труды Чичерина, сразу создавшие ему почетную известность, относились къ исторіи русскаго права; таковы: „Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ“ (1613 — 1699 г. до учрежденія земскихъ бурмистровъ), вышедшія въ 1856 г. и „Опыты по исторіи русскаго права“, изданныя К. Т. Солдатенковымъ въ 1858 году. По поводу первой изъ означенныхъ работъ, являющейся магистерскою диссертациею Чичерина, возникла у него оживленная полемика съ известнымъ профессоромъ римскаго права П. И. Крыловымъ. Эта діалектика представителей двухъ поколѣній сохраняетъ и до нашихъ дней немаловажный историко-психологическій интересъ. Въ концѣ своей пространной и весьма суровой рецензіи Крыловъ рекомендовалъ молодому ученому „не придумывать путей строптивыхъ и косныхъ, ведущихъ къ заблужденію“, а шествовать „по стопамъ безсмертнаго Карамзина“ („Русская Бесѣда“ 1856 г. IV кн.).

Въ 1861 г. Б. Н. былъ сдѣланъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Московскаго университета по кафедрѣ государственнаго права. Казалось, молодому ученому, вышедшему изъ почетной школы Грановскаго и заявившему себя солидными печатными трудами, не было все-таки достаточныхъ основаній надѣяться на сочувственный пріемъ у большинства учащейся молодежи. Чичеринъ вернулся изъ-заграницы убѣжденнымъ сторонникомъ германскаго философскаго идеализма, а среди тогдашняго студенчества преобладали матеріалистическія теченія. Чичерина воодушевляла романтическая вѣра въ вѣчные идеалы добра, а въ широкой публикѣ находилъ наибольшій спросъ тотъ упрощенный мопизмъ, который предрѣшаетъ въ отрицательномъ смыслѣ всѣ вопросы нравственнаго долженствованія. Чичеринъ раздѣлялъ социально-экономическія воззрѣнія школы *laissez faire*, а въ русскомъ обществѣ всего охотнѣе принимались прямо противоположныя истолкованія задачъ государственнаго хозяйства. Несмотря на эти, исключительно неблагоприятныя, условія молодой профессоръ сразу возбудилъ живѣйшій интересъ въ университетскихъ кругахъ, сразу овладѣлъ напряженнымъ вниманіемъ, а затѣмъ и уваженіемъ многолюдной аудиторіи. Рѣдкостный по тому времени научный багажъ европейски-образованнаго лектора, удивительный даръ изложенія и стойкая послѣдовательность методологическихъ началъ скоро обезпечили ему прочный авторитетъ въ глазахъ товарищей - профессоровъ и студентовъ. Вступительную лекцію свою, прочитанную 28-го октября 1861 года, Чичеринъ посвятилъ памяти

любимѣйшаго учителя. „Тайна могущественнаго дѣйствія Грановскаго на юные умы“, сказала онъ, „заключалась не въ пошломъ исканіи мимолетной популярности, не въ лести юношескимъ страстямъ, или даже заблужденіямъ, не въ громкомъ провозглашеніи новыхъ идей, плѣнительныхъ для молодого воображенія..., а въ томъ возвышенномъ настроеніи духа, которое побуждало его съ вершины науки мягко и любовно относиться ко всѣмъ явленіямъ жизни, выражавшимъ искреннее чувство или благородную мысль“... -

Этому величавому и свѣтлому идеалу профессора-человѣка, завѣщанному Грановскимъ, неизмѣнно служилъ Чичеринъ, несмотря на существенныя отличія своей умственной и нравственной индивидуальности отъ неповторимаго облика учителя. У Бориса Николаевича не было той женственной душевной мягкости, волшебнымъ обаяніемъ которой примирялъ Грановскій всѣ полемическія крайности, обезоруживалъ затаенную враждебность и сглаживалъ остроту противорѣчій. Уступая знаменитому историку въ этомъ отношеніи, Чичеринъ однако былъ достойнѣйшимъ носителемъ его завѣтовъ въ области дисциплины мысли и слова. Со щепетильностью истиннаго ригориста избѣгалъ Чичеринъ всякихъ спасительныхъ лазеекъ и лукавыхъ недомолвокъ въ своемъ изложеніи. Печать безстрашнаго прямодушія лежитъ на всѣхъ его лекціяхъ и ученыхъ трудахъ. Не самонадѣяннымъ доктринерствомъ скороспѣлаго пророка, а хорошо взвѣшенной убѣжденностью дышало всегда безхитростное слово профессора и публициста Чичерина. Не заискивая у своей аудиторіи, не обращая своей катедры ни на минуту въ трибуну дешеваго вольнодумства и никогда не нарушая серьезности своего научнаго повѣствованія, онъ владѣлъ неизмѣннымъ вниманіемъ слушателей. У его катедры тѣснились студенты всѣхъ факультетовъ, увлекательныя лекціи его по исторіи политическихъ ученій горячо обсуждались въ различныхъ кругахъ университетской молодежи.

Искусный лекторъ съ неподражаемой многосторонностью передавалъ и критически освѣщалъ сложный историческій матеріалъ государственно-правовыхъ теорій на пространствѣ отъ классической древности до повѣйшаго германскаго идеализма.

Въ качествѣ профессора Московскаго университета Чичеринъ былъ приглашенъ преподавать государственное право Паслѣднику Николаю Александровичу. Въ 1866 году Борисъ Николаевичъ былъ утвержденъ профессоромъ по государственному праву, а черезъ годъ съ небольшимъ пастушилъ тотъ печальный моментъ, когда онъ счелъ себя

вынужденнымъ оставить кафедру. Огорченная молодежь устроила покидающему ее учителю горлчюю овацію. Чичеринъ обратился 19 декабря 1867 года къ своимъ слушателямъ съ замѣчательнымъ прощальнымъ письмомъ, автографъ котораго хранится въ бібліотекѣ кievскаго университета. Этотъ цѣнный документъ содержитъ въ себѣ завѣтъ русскому студенчеству отъ ея неподдѣльнаго друга. „Россія нуждается въ людяхъ съ крѣпкими убѣжденіями“, пишетъ тамъ Борисъ Николаевичъ, „они составляютъ залогъ ея будущаго. Но крѣпкія убѣжденія не обрѣтаются на площади—они добываются серьезнымъ и упорнымъ трудомъ. Направить васъ на этотъ путь, представить вамъ образецъ науки строгой и спокойной, независимой отъ виѣшнихъ партій, стремленій и страстей — науки, способной возвести человѣка въ высшую область, гдѣ силы духа мужаютъ и приобрѣтаютъ новый полетъ, таковъ былъ для меня идеалъ преподаванія. Насколько я успѣлъ достигнуть своей цѣли, вы сами тому лучшіе судьи“... Покинувъ дорогой университетъ, Борисъ Николаевичъ поселился въ сельской тиши родительскаго помѣстья, расположеннаго на живописномъ берегу р. Вороны, и безраздѣльно отдался научной работѣ.

Въ университетѣ Чичеринъ былъ особенно близокъ съ товарищами-профессорами О. М. Дмитріевымъ, С. М. Соловьевымъ, И. К. Бабстомъ, М. Н. Капустинимъ, С. А. Рачинскимъ и пыгѣ здравствующимъ В. И. Герье. Въ сотрудничествѣ съ послѣднимъ, Борисъ Николаевичъ написалъ вполнѣдствіи обширный разборъ книги князя А. Васильчикова о землевладѣніи и земледѣліи подъ заглавіемъ: „Русскій диллетантизмъ и общинное землевладѣніе“, а первымъ пяти — посвятилъ важнѣйшій трудъ свой „Исторія политическихъ ученій“.

Въ предисловіи къ этому обширному сочиненію Борисъ Николаевичъ говоритъ: „Мысль двигается черезъ одностороннія опредѣленія путемъ раздвоенія и борьбы, чтобы достигнуть окончательной своей цѣли, высшаго единства познанія. Исторія политическихъ ученій съ поразительной ясностью и въ малѣйшихъ подробностяхъ подтверждаетъ этотъ законъ, который одинъ дастъ ключъ къ пониманію всемірной исторіи“...

Въ этихъ словахъ цѣликомъ отражается логическій катехизисъ Гегеля, убѣжденнымъ ученикомъ котораго Чичеринъ оставался всю свою жизнь. Начала діалектической философіи являются методологической основой почти всѣхъ трудовъ покойнаго нашего ученаго. „Исторія политическихъ ученій“—цѣлая эпопея героевъ юрико-философской мысли, точная и планомерная феноменология гражданскаго

самосознанія. Отдѣльныя главы этого, пока незамѣнимаго, сочиненія далеко не равноцѣнны по своему историко-философскому достоинству: нѣсколько строкъ, посвященныхъ ученію Платона объ идеяхъ, не дають почти никакого представленія о безсмертной метафизикѣ греческаго мудреца, характеристики средневѣковыхъ мыслителей образцовы по своей сжатости и мѣткости, пространная глава о Бентамѣ содержитъ въ себѣ уничтожающую критику утилитаризма, страницы о Кантѣ съ классической ясностью опредѣляютъ сущность его радикальной реформы въ теоріи познанія и этикѣ, а въ одностороннемъ и пристрастномъ изложеніи системы Шопенгауэра повсюду сквозитъ предвзятая тенденція правовѣрнаго гегелианца...

Съ конца шестидесятихъ годовъ начинается самая плодотворная эпоха дѣятельности покойнаго ученаго. Въ 1866 г. выходитъ его докторская диссертація „о народномъ представительствѣ,“ могущая серьезно заинтересовать и западно-европейскаго теоретика государственнаго права. Одновременно съ напряженнымъ кабинетнымъ трудомъ Борисъ Николаевичъ принимаетъ дѣятельное участіе въ трудахъ земства родной губерніи, ѣздитъ въ Тамбовъ на засѣданія, поддерживаетъ словомъ и дѣломъ предпріятія мѣстнаго самоуправленія. Въ дали отъ городского шума онъ неутомимо работаетъ надъ расширеніемъ своего научнаго горизонта, овладѣваетъ шагъ за шагомъ всѣми развѣтвленіями какъ гуманитарныхъ, такъ и естественно-историческихъ дисциплинъ. Вслѣдъ за четвертымъ томомъ „Исторіи политическихъ ученій“, увидѣвшимъ свѣтъ только въ 1877 году, Чичеринъ выпускаетъ большое сочиненіе „Наука и религія“. Въ книгѣ этой личность покойнаго ученаго, прошедшаго весь кругъ философскаго развитія и умудреннаго житейскимъ опытомъ, выступаетъ особенно наглядно. „Наука и религія“ (Москва, 1879) является незамѣнимъ матеріаломъ для характеристики убѣжденій Бориса Николаевича, вполне сложившихся ко времени достиженія имъ совершеннолѣтія „мужа разума и совѣта“. Религіозное чувство кристаллизуется здѣсь въ отвлеченныя формулы философской доктрины, религіозная истина размѣцается по смежнымъ и неподвижнымъ клѣткамъ логической системы. Конструируя дѣйствительность по схемѣ перекрещивающихся понятій, Чичеринъ учитъ, отступая отъ Гегеля, что философія относится къ религіи какъ чистая мысль къ живому единенію. вмѣстѣ съ Гегелемъ Чичеринъ считаетъ онтологическое доказательство бытія Божія вполне основательнымъ и достаточнымъ, но и доказательства космологическое, физико-телеоло-

гическое и нравственное признаеть способными открыть новыя черты абсолютнаго.

Религіозное міросозерцаніе покойнаго философа можно упрекать въ томъ отсутствіи живого эмоціональнаго центра, которое вызывается у него недостаточнымъ признаніемъ начала мистическаго. Этотъ существенный недочетъ въ ученіи Чичерина особенно ярко обнаружился въ его полемическомъ сочиненіи „Мистицизмъ въ наукъ“ (Москва, 1880), не вилетающемъ новыхъ лавровъ въ вѣнокъ его литературной славы. Философія христіанской теократіи, такъ вдумчиво развитая Владиміромъ Соловьевымъ, представлялась Б. Н. Чичерину лишь темной бездной мистическаго суетумудрія. Неисправимый односторонній рационалистъ, вѣрнѣйшій послѣдователь гегеліанскаго панлогизма, былъ неспособенъ, вѣрнѣе не желалъ, понять философскую цѣнность религіозной интуиціи.

Къ этому времени относится и послѣдняя попытка вернуться въ столицу на общественную службу, сдѣланная Борисомъ Николаевичемъ по настоянію его друзей. Еще министр народнаго просвѣщенія Сабуровъ предлагалъ ему должность попечителя московскаго учебнаго округа. Переговоры по этому вопросу не привели къ практическому результату. Въ концѣ 1881 года Чичеринъ былъ избранъ московскимъ городскимъ головою. Едва ли не въ одинъ день сдѣлали его предварительно московскимъ домовладѣльцемъ, выбрали въ гласные и наконецъ выбаллотировали значительнымъ большинствомъ въ головы. Въ стародумской партіи и нѣкоторыхъ кругахъ общества слышались упреки за избраніе человѣка, чуждаго Москвѣ.

Въ своей вступительной рѣчи Борисъ Николаевичъ своеобразно отпарировалъ этотъ упрекъ: „Москва—это все, что думаетъ и чувствуетъ въ Россіи и за Россію. Москвѣ принадлежитъ всякій, въ комъ бьется русское сердце“. Со свойственной ему энергіей взялся Б. Н. за упорядоченіе обширнаго хозяйства столицы, отстаивалъ полезныя нововведенія, спокойно и мудро руководилъ думскими засѣданіями. Но не суждено было Москвѣ долго пользоваться плодами своего прекраснаго выбора: въ 1883 году Б. Н. по совершенно независящимъ отъ него обстоятельствамъ покинулъ должность городского головы и на этотъ разъ уже навсегда и всецѣло отдался наукѣ и публицистикѣ.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Чичеринъ закончилъ двухтомный трудъ свой „Собственность и государство“, главной заслугой ко-

торого является глубокой критической анализъ теорій, преувеличивающихъ значеніе общественнаго начала въ ущербъ нравственной свободѣ личности. Считая идеаломъ человѣческаго общежитія расширеніе, а не подавленіе свободы, Б. Н. ждетъ отъ будущаго не стѣсненія, а утвержденія права собственности, какъ и вообще личныхъ правъ. Задача права—не уничтожать разнообразіе, а сдерживать его въ должныхъ границахъ, мѣшая свободѣ одного посягать на свободу другихъ. Источникъ права не въ законѣ, а въ свободѣ. Право является началомъ самостоятельнымъ, право не можетъ разсматриваться какъ низшая ступень или временный суррогатъ нравственности. Принудительная нравственность есть безнравственность, поэтому бессмысленной теоріей права, какъ принудительной части нравственности, искони освящались вопіющія насилія надъ личностью.

Эти взгляды лежатъ въ основѣ и всѣхъ послѣдующихъ юридико-философскихъ работъ покойнаго ученаго. Таковы его „Курсъ государственной науки“ (3 тома 1894, 1896, 1898), „Философія права“ (1901) и „Вопросы политики“ (1903). Идеаломъ общежитія, по Чичерину, является та форма, гдѣ царствуетъ наибольшая степень свободы личности и гдѣ нравственный законъ господствуетъ надъ всѣми отношеніями. Въ пониманіи основоположеній этики Чичеринъ является сознательнымъ ученикомъ и продолжателемъ Канта. Разумная и свободная личность составляетъ у покойнаго философа краеугольный камень всего общественнаго зданія и отправную точку зрѣнія для всѣхъ общественныхъ наукъ. Въ 1892 г. вышло въ свѣтъ одно изъ лучшихъ твореній Б. Н. Чичерина: „Положительная философія и единство науки“ — всесторонняя и безпощадная критика контовскаго позитивизма. Капитальная книга эта обнаруживаетъ въ авторѣ далеко не дилетантское знакомство съ физикой, химіей и біологіей. По широтѣ энциклопедическаго образованія съ Чичеринимъ никто въ Россіи сравниться не можетъ. Едва ли не самую характерную черту умственнаго склада покойнаго мыслителя составляетъ его постоянное тяготѣніе подводить новые факты и идеи подъ прежнія догматическія категоріи, неизмѣннымъ источникомъ которыхъ ему служила діалектическая метафизика Гегеля. Эта неизмѣнная черта ярко сказалась въ критическомъ разборѣ Конта и Дарвина и подорвала значительно его воспитательную цѣнность.

Съ точки зрѣнія діалектической философіи подступаетъ Чичеринъ и къ положительному начертанію началъ логики и метафизики. Не закрывая глазъ на неполноту гегелевскаго панлогизма, усматривая въ

поглощеніи логики метафизикой существенную ошибку своего учителя, Чичеринъ вноситъ въ его систему немаловажныя поправки. Книга „Основанія логики и метафизики“ (М. 1894 г.) посвящена „молодымъ русскимъ философамъ“ и заключаетъ въ себѣ развитіе тѣхъ философскихъ идеаловъ, которые одушевляли русскихъ литературныхъ дѣятелей сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Логика Гегеля, по воззрѣнію Чичерина, грѣшитъ только въ частности и непоколебима въ своихъ основаніяхъ. Въ цѣляхъ обособленія логики отъ метафизики Б. П. опредѣляетъ ее, какъ науку о мышленіи, и признаетъ ее частью психологій въ широкомъ смыслѣ. Эмпирическая логика, отвергающая всякій умозрительный элементъ, есть въ сущности отрицаніе законмѣрнаго мышленія. Съ кристальною ясностью и математической скпатостью излагаетъ Чичеринъ логическую схему, долженствующую исправить Гегелевы законъ развитія. Знаменитую триаду Гегеля онъ замѣняетъ четырьмя опредѣленіями, относящимися не къ моментамъ развитія, а къ четыремъ различнымъ сторонамъ сущаго. Нельзя не замѣтить, что благодаря этой замѣнѣ вмѣсто эволюціи, какъ постуательнаго движенія впередъ, получается движеніе круговое: „Будущее не готовитъ человѣческому разуму новыя, невѣдомыя доселѣ, откровенія—оно не дастъ намъ ничего „существеннаго, чего бы не было въ прошедшемъ“, прямо говоритъ Чичеринъ. Въ реформированной имъ схемѣ Гегеля отвлеченной формулѣ двухъ перекрещивающихся противоположностей соответствуютъ четыре причины, или точнѣе, четыре формы причинности Аристотеля, какъ реальныя опредѣленія абсолютнаго. Чичеринъ не даетъ въ своихъ „Основаніяхъ логики и метафизики“ полного отвѣта на возникающій у читателя вопросъ: почему аристотелевскія „причины“ матеріальная, формальная, производящая и конечная соответствуютъ гегелианскимъ категоріямъ отношенія, сочетанія, множества, единства?.. Оставляя мѣсто нѣкоторымъ недоумѣніямъ и возраженіямъ, книга покойнаго ученаго, увлеченнаго замысломъ восполненія логики Гегеля метафизикой Аристотеля, по смѣлости историко-философскихъ перспективъ и широтѣ творческаго синтеза является цѣннымъ вкладомъ въ небогатую русскую литературу по логикѣ и онтологіи.

Б. Н. Чичеринъ продолжалъ работать, не покладая рукъ, и тогда, когда могучее здоровье его стало гнуться подъ бременемъ лѣтъ и неизлѣчимыхъ скорбей. Немного личныхъ радостей выпало на долю покойнаго за всю его долгую праведную жизнь. Дважды вынужденный отказаться отъ общественной дѣятельности въ столицѣ, горько-

разочарованный въ лучшихъ своихъ гражданскихъ уюваніяхъ Борисъ Николаевичъ имѣлъ еще несчастіе безвременно потерять нѣсколькихъ близкихъ родныхъ и пережить всѣхъ, для него незамѣнимыхъ, сверстниковъ. Вблизи дорогихъ могилъ протекала размѣренная трудовая жизнь маститаго ученаго, окруженнаго нѣжною заботливостію супруги (рожденной графини А. А. Капнистъ).

Рѣдкая физическая молоджавость гармонировала у него съ замѣчательной свѣжестью умственныхъ силъ и съ нечерствѣющей отзывчивостію сердца. Не старческимъ брюзгливымъ пристрастіемъ звучали его бычующіе отзывы объ идейномъ бюджетѣ современности—неумолимо строгій къ себѣ Чичеринъ имѣлъ право не щадить противниковъ своихъ убѣжденій тамъ, гдѣ онъ видѣлъ хрупкіе софизмы подъ мишурнымъ покровомъ мнимой учености, личную корысть подъ фарисейской преданностію общественнымъ интересамъ.

Новымъ силамъ, пришедшимъ ему на смѣну, предстоитъ нелегкая задача опровергнуть *дьяволъ* тѣ грозныя осуждающія обобщенія, которыя порою направлялъ по ихъ адресу незамѣнимый воспитатель молодого поколѣнія русскихъ государствовѣдовъ, философовъ и историковъ. Можно упрекать покойнаго въ пессимистическихъ преувеличеніяхъ грѣховъ современности, въ крупныхъ полемическихъ ошибкахъ, но никто и изъ заклятыхъ враговъ не можетъ заподозрнть пуританскую чистоту его намѣреній.

Въ 1901 году Бориса Николаевича постигъ апоплексическій ударъ, обрекшій его энергичную натуру почти на полную неподвижность. Переѣхавъ въ Москву, онъ старался не измѣнять многолѣтнимъ привычнымъ потребностямъ умственнаго труда и живого общенія съ ближними. Когда рѣчь больного перестала быть затрудненной, онъ съ прежнимъ интересомъ бесѣдовалъ съ представителями столичной интеллигенціи, привѣтливо подавая здоровую лѣвую руку и не измѣняя своей обычной прямотушной общительности. Въ это же время Борисъ Николаевичъ руководилъ переизданіемъ своей знаменитой „Исторіи политическихъ ученій“ и диктовалъ свои воспоминанія. Кончина, наступившая тихо и почти безболѣзненно, застала его вполне подготовленнымъ къ переходу въ вѣчность.

Смерть маститаго ученаго, такъ часто встрѣчавшаго недостаточное пониманіе при жизни, явилась поводомъ къ выраженію симпатій его имени различными кругами интеллигенціи и къ должной оцѣнкѣ его просвѣтительнаго подвига. Сыновья университетскихъ

слушателей Чичерина пришли поклониться его гробу. Ученныя и общественныя учрежденія русскія и иностранныя, земства и періодическая печать различныхъ направленій — всѣ нашли искреннее слово признательности и уваженія, чтобы напутствовать его благородныя останки.

В. Сперанскій.

В. В. ВЕЛЬЯМИНОВЪ-ЗЕРНОВЪ.

(1830—1904).

(Некрологъ.)

Скончавшійся 17-го января 1904 года въ Кіевѣ бывшій попечитель кіевскаго учебнаго округа Владиміръ Владиміровичъ Вельяминовъ-Зерновъ былъ, кажется, послѣднимъ представителемъ этого дворянскаго рода, происходившаго, вмѣстѣ съ Годуновыми и Сабуровыми, отъ ордынскаго выходца Чета. В. В. родился 31 октября 1830 года, а не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ скончался его отецъ Владиміръ Федоровичъ, воспитанникъ московскаго университета, оставившій нѣсколько сочиненій юридическаго содержанія и издававшій одно время въ Петербургѣ журналъ „Сѣверный Меркурій“. Такимъ образомъ, всѣмъ своимъ воспитаніемъ и серьезнымъ направленіемъ въ отношеніи учебныхъ занятій В. В. былъ обязанъ своей матери, которая, чтобы дать сыну надлежащее образованіе, помѣстила его въ Александровскій лицей. Тамъ В. В. учился очень прилежно, въ особенности успѣвалъ онъ въ иностранныхъ языкахъ, такъ какъ вообще къ языкамъ имѣлъ большую склонность. Еще будучи воспитанникомъ лицея, онъ случайно въ мастерской одного еврея, къ которому зашелъ, чтобы заказать особаго рода металлическій свистокъ, тогда распространенный среди петербургской молодежи, замѣтилъ раскрытую еврейскую книгу, заинтересовался таинственными письменами и пожелалъ научиться читать ихъ. В. В. было тогда 14 лѣтъ. Онъ началъ брать уроки еврейскаго языка у извѣстнаго гебраиста Г. П. Павскаго. Съ еврейскаго В. В., быть можетъ подъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата П. В. Ханькова, перешелъ на языки арабскій и персидскій, которые изучалъ подъ руководствомъ петербург-

скихъ профессоровъ. Свои познанія въ персидскомъ языкѣ онъ впервые примѣнилъ къ своему сочиненію, написанному предъ окончаніемъ курса въ лицѣ: „О вступленіи на престолъ Дарія Гистаспа по Геродоту и Фердоуси“. Оно было напечатано въ памятной книжкѣ Александровскаго лица (С.-Пб. 1850—1851 г.) и кромѣ того выпущено отдѣльнымъ оттискомъ (С.-Пб. 1850). Тогда же наша журнальная критика отнеслась къ этому разсужденію очень сочувственно и предугадала въ авторѣ будущаго ученаго.

Лѣтомъ 1850 г. В. В. окончилъ курсъ лица съ чиномъ IX класса и тогда же, согласно желанію, былъ опредѣленъ на службу въ Азіатскій департаментъ. Такъ какъ В. В. состоялъ въ числѣ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, слѣдовательно долженъ былъ служить по назначенію, разрѣшеніе это было ему дано въ видѣ исключенія изъ правилъ и не въ примѣръ прочимъ. Въ 1851 г. В. В., оставаясь на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ былъ откомандированъ въ Оренбургъ въ распоряженіе оренбургскаго генераль-губернатора В. А. Перовскаго. Послѣдній только-что добился учрежденія генераль-губернаторства и, будучи назначенъ на этотъ постъ, собирався вторично управлять краемъ и набиралъ себѣ штатъ чиновниковъ. Въ число ихъ попалъ и В. В.

На новой должности В. В-чу представилась возможность практически ознакомиться съ тюркскими нарѣчіями, которыхъ онъ раньше не зналъ. Онъ усердно изучалъ обитателей степи, знакомился съ ихъ бытомъ при непосредственныхъ сношеніяхъ, и ихъ исторіей по архивнымъ дѣламъ. Сдѣлалъ онъ нѣсколько поѣздокъ съ офиціальнымъ порученіемъ, объѣхалъ Новую линію, осмотрѣлъ Старую, доѣзжалъ до Копала, откуда намѣревался пробраться къ диккаменнымъ киргизамъ (бурутамъ), но это ему не удалось.

Богатый оренбургскій архивъ подвергся со стороны В. В. обстоятельному обследованію, онъ извлекъ оттуда много новыхъ документовъ, которые и началъ печатать въ Оренбургскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Въ 1853 г. тамъ появились его „Историческія извѣстія о киргизъ-кайсакахъ и сношеніяхъ Россіи съ Среднею Азіею со времени кончины Абуль-Хайръ хана (1748—1765 г.)“, съ картою. Трудъ этотъ продолжался и въ 1855 году. Отдѣльные оттиски подъ тѣмъ же заглавіемъ помѣчены: томъ I, Уфа 1853, приложение къ 1-му тому, Уфа 1853; томъ II, тетрадь 1-я, Уфа 1855. Въ томъ же архивѣ онъ нашелъ документы по „тарханству“ и намѣревался заняться изученіемъ ихъ.

Тогда же В. В. посчастливилось приобрести очень важный источник для истории Бухарскаго ханства и сосѣднихъ странъ — Шерефтиномэ-и-шахи, болѣе извѣстную подъ именемъ *Абдулла-намэ*, написанную въ XVII ст. Хафизомъ, сыномъ Таныша, современникомъ хана Абдуллы. Сочиненіе это дѣлится на четыре части: *муаддемэ* (предисловіе), въ которомъ сообщается исторія предковъ Абдуллы хана; два *мекалэ* (главы), первая излагаетъ событія отъ рожденія Абдуллы до его вступленія на престолъ, вторая описываетъ царствованіе этого хана, и *хатимэ* (эпилогъ) представляетъ панегирикъ ему. Кромѣ того въ этомъ сочиненіи находятся біографіи шейховъ и выдающихся ученыхъ той эпохи.

До того времени этотъ памятникъ былъ извѣстенъ только по имени и старательно разыскивался, но безуспѣшно; а потому В. В. поспѣшилъ сообщить въ Академію Наукъ о своей находкѣ письмомъ на имя непремѣннаго секретаря Фусса отъ 12 октября 1854 г.: „Lettre à M. Fuss, secrétaire perpétuel“ (Bull. de la classe hist.-phil. t. XII № 13 и въ *Mélanges Asiatiques*, t. II). Это обширное сочиненіе, въ 900 страницъ in folio, написанное на бухарскомъ нарѣчій персидскаго языка, отличается необыкновенно цвѣтистымъ слогомъ и вычурными фразами и представляетъ относительно пониманія рѣчи автора большія трудности; а потому для изученія этого произведенія и надлежащаго объясненія его требуются глубокія познанія въ персидскомъ языкѣ и продолжительный срокъ. В. В. не испугался предстоящихъ затрудненій и поставилъ основнымъ предметомъ своихъ научныхъ занятій подготовку къ изданію *Абдулла-намэ*, — задача достойная значительной доли ученой жизни. Прежде всего В. В. предполагалъ обнародовать персидскій текстъ и затѣмъ дать русскій переводъ; первыя главы онъ думалъ перевести самымъ точнымъ образомъ, придерживаясь всѣхъ тонкостей оригинала, чтобы дать понятіе о стилѣ автора, а затѣмъ дальнѣйшее изложеніе представить въ извлеченіи или, какъ самъ В. В. выражался, въ видѣ „экстракта“.

Обычныя работы шли своимъ чередомъ. Въ Императорское Археологическое общество В. В. послалъ статью: „Историческія извѣстія о Коканскомъ ханствѣ, отъ Мухаммеда-Али до Худаяр-Хана“ — историческій очеркъ за время съ 1840 по 1853 годъ, составленный имъ съ большимъ тщаніемъ отъ очевидцевъ, добросовѣстныхъ русскихъ и азійскихъ купцовъ (Труды восточ. отд. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. II, С.-Пб. 1856, и Записки, т. IX, С.-Пб. 1857 г.). Для Географическаго общества В. В. далъ статью:

„Свѣдѣнія о Коканскомъ ханствѣ“ (въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, ч. XVII, С.-Пб. 1856 и въ *Extraits de publications de la Soc. Imp. Géographique de Russie*, 1859).

Во всѣхъ своихъ ученыхъ предпріятіяхъ В. В. находилъ нравственную поддержку въ лицѣ извѣстнаго ориенталиста, впоследствии профессора, В. В. Григорьева, тогда находившагося на службѣ въ Оренбургскомъ краѣ. Съ Григорьевымъ В. В. сошелся такъ близко, что называлъ его совѣмъ по родственному—отцомъ; въ Оренбургѣ даже говорили, что онъ во всемъ старается подражать Григорьеву.

При Перовскомъ В. В. пробылъ 5 лѣтъ. Весною 1856 года онъ взялъ продолжительный отпускъ, чтобы больше уже не возвращаться въ Оренбургъ. Сперва онъ поѣхалъ въ свое имѣніе Карсунское, гдѣ долго проболѣлъ лихорадкою, приобретенною въ Оренбургѣ, затѣмъ отправился въ Петербургъ для устройства своихъ служебныхъ дѣлъ. Передъ тѣмъ въ азиатскомъ департаментѣ произошли перемѣны, во главѣ его сталъ извѣстный путешественникъ по различнымъ странамъ Азіи Е. П. Ковалевскій, отъ котораго люди, интересовавшіеся дѣлами на востокѣ, ожидали усиленной дѣятельности и новаго направленія. В. В. былъ отчисленъ отъ оренбургскаго генералъ-губернатора и получилъ назначеніе на должность переводчика татарскаго языка VIII класса при азиатскомъ департаментѣ, съ жалованьемъ 500 рублей. Это назначеніе было временное, такъ какъ предполагалось въ ближайшемъ будущемъ отправить В. В. на востокъ. Тогда имѣлось въ виду открыть консульство въ Софіи, и ему предлагали эту должность. Вообще же В. В. желалъ поѣхать въ Турцію на соотвѣствующую должность, думая тамъ примѣнить свои познанія и принести посильную пользу дѣлу. Мысль о такой поѣздкѣ занимала В. В. очень сильно, въ письмахъ къ своимъ знакомымъ онъ постоянно и съ увлеченіемъ сообщалъ о своихъ планахъ на ближнемъ Востокѣ; но когда онъ короче ознакомился съ департаментомъ, это увлеченіе смѣнилось полнымъ разочарованіемъ. „Потеря я немного въ нашемъ министерствѣ—писалъ онъ въ Оренбургъ Григорьеву—и убѣдился, что Ковалевскій и департаментъ въ киргизахъ ровно ничего не понимаютъ. Толкують такую чушь, что просто уши вянутъ: разсуждаютъ о киргизской національности, о неприкосновенности мусульманства и тому подобныхъ вздорахъ. Все это я слышалъ по поводу представленія В. А. Перовскаго объ измѣненіи Совѣта Внутренней орды, которое сильно не понравилось. Жаль, а что дѣлать“? Про свое учрежденіе В. В. отзывался не совѣмъ одобрятельно: „Сначала я было думалъ ина-

че, но теперь вполне разочаровался. Все то же, Духъ и направленіе измѣнились, но не къ лучшему нѣ замѣнилось другимъ. Съ тѣми же самыми замѣ написано путешествіе въ Китай известной особы департаментъ“.

Чиновничья служба не мѣшала В. В. заниматься тамъ. Въ письмахъ къ Григорьеву онъ сообщалъ, Абдулла-намэ приближается къ концу, но вмѣстѣ что „чѣмъ больше трудишься надъ Абдулла-намэ, вается вещей, которыя нужно изучить“. И еще: тельно никуда не выѣзжаю. Утро сижу въ департаментѣ дома. Вечера я посвящаю наукѣ и Абдулла-намэ пишу онъ положительно не разставался; въ одномъ ходится такое выраженіе: „я и Абдулла-намэ блга въ Петербургъ“. Для Географическаго общества въ то время статью о дикокаменныхъ киргизахъ, гдѣ средоточить всѣ свѣдѣнія, имѣвшіяся тогда объ эта работа не появилась въ печати.

Въ библиотекѣ Азіатскаго департамента В. В. скую рукопись Алтанъ-тобчи, которая затѣмъ была ческимъ обществомъ вмѣстѣ съ переводомъ Галсанъ 1857-й годъ сопровождался для В. В. въ служу многими хлопотами и трудами. На него было возложено департаментскаго отчета и его вѣдѣнію поручены ному управленію, какъ оренбургскія, такъ и сибирскія, то, что касалось нашихъ сношеній съ Среднею Азіею ими совершенно независимо и одинъ“ — писалъ онъ отчетъ В. В. помѣстилъ нѣкоторыя предположенія малъ еще въ Оренбургѣ, какъ на примѣръ, о колонизаціи. На него же было возложено изданіе 4-го тома трудовъ миссіи, но за выходомъ В. В. изъ министерства дѣлъ этотъ трудъ перешелъ къ прежнему редактору же много безпокойства причинили В. В. прибывшіе изъ Средней Азіи поздравительныя посольства, спотомъ бухарское. „Надоѣли же мнѣ хивинцы послѣ онъ въ Оренбургъ въ октябрѣ этого года—возня съ нужно ихъ возить, представлять, а толку отъ нихъ. Что-то будетъ, когда пріѣдутъ бухарцы? Просто и Признаться сказать служба таки не совсѣмъ пріятна“.

бухарцахъ онъ отзывался не лучше: „въ бухарскомъ посольствѣ, какъ мнѣ кажется, хорошаго мало. Совѣтники и секретари его больше ничего, какъ простые слуги“. снаряженіе отвѣтнаго посольства съ нашей стороны также не могло обойтись безъ В. В. „Изъ за этого дѣла — писалъ онъ — работы мнѣ достается порядочно. Съ разныхъ сторонъ сыпятся проекты. Мысль ѣхать водой по Аму, кажется, отлагается и посольство поѣдетъ сухимъ путемъ; впрочемъ, ждуть Бутакова, что онъ скажетъ“. Въ январѣ 1858 г. В. В., извиняясь, что долго не писалъ, сообщалъ Григорьеву: „а всему причиною проклятые хивинцы и бухарцы; ихъ отправлять назадъ, да посольство къ нимъ снаряжать—не шутка. Такъ былъ заваленъ всякою дрянью: счетами да бумагами, что рѣшительно не зналъ какъ управляться. Слава Богу, завтра бухарцы ѣдутъ къ намъ въ сопровожденіи Ко-стромитинова и Сейдалина“. Но и изъ этого обстоятельства, т. е. пріѣзда среднеазиатскихъ посланцевъ, В. В. сумѣлъ извлечь пользу для науки. Благодаря имъ онъ написалъ интересную и для того времени очень полную монографію нумизматическаго содержанія. Статья эта появилась въ запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества въ XIII т. и въ трудахъ восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества въ IV т. (С.-Пб. 1859) подъ заглавіемъ: „Монеты бухарскія и хивинскія“. Въ ней, кромѣ описанія монетъ, помѣщены различные восточные тексты съ переводомъ на русскій языкъ касательно генеалогическихъ и историческихъ вопросовъ Туркестана въ новое время. Отзывъ о ней помѣщенъ въ *Göttingische gelehrte Anzeigen* за 1860 годъ.

Тогда же В. В. напечаталъ въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества (т. XIII) и въ Трудахъ восточн. Отд. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества (т. IV) статью: „Памятникъ съ арабско-татарскою надписью въ Башкиріи“. Она получила начало еще во время пребыванія В. В. въ Оренбургскомъ краѣ и описываетъ одинъ изъ немногихъ остатковъ старины, уцѣлѣвшихъ въ этомъ краѣ, именно древнюю арабско-татарскую надпись, вырѣзанную на камнѣ внутри полуразвалившагося мавзолея недалеко отъ города Уфы. Этотъ памятникъ можетъ дать понятіе о томъ, какъ распространялось мусульманство въ Поволжьѣ. Въ статьѣ также приведены тексты, снабженные русскимъ переводомъ.

Въ концѣ 1857 г. пріѣхалъ въ отпускъ изъ Тавриза въ Петербургъ Н. В. Ханыковъ, и это обстоятельство имѣло для В. В. очень важныя послѣдствія. Ханыковъ, будучи членомъ-корреспондентомъ

Академіи Наукъ и находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ академиками-ориенталистами, сблизилъ съ ними и В. В. Результатомъ этого сблизенія явилось живое участіе съ ихъ стороны въ ученыхъ работахъ В. В. „Академія наукъ — писалъ онъ Григорьеву — взялась издать на свой счетъ Абдулла-намэ, и я надняхъ примусь ее печатать, сначала текстъ, а потомъ экстрактъ и примѣчанія... Каково ваше мнѣніе? Боюсь, что разбраните: зачѣмъ *рано* началъ, еще не поработалъ; но успокойтесь: годъ, проведенный въ Петербургъ, не даромъ прошелъ для Абдулла-намэ“. Въ Bull. de la classe hist.-phil. 1858, и въ Mélanges Asiat., t. III, помѣщена по этому поводу статья В. В. Rapport sur le projet de publier le texte et une traduction de l'Abdoulah-Nameh. Въ то же время Академія Наукъ предложила В. В. издать на ея средства Шерефъ-намэ—исторію курдовъ. Имъ же былъ составленъ отчетъ по департаменту относительно Средней Азіи, Оренбурга и Сибири за 1857-й годъ.

Въ апрѣлѣ 1858 г. В. В. женился на Аннѣ Семеновнѣ Карсаковой и взялъ отпускъ на лѣто, которое провелъ въ Карсуинскомъ, усердно занимаясь приготовленіемъ къ печати Абдулла-намэ.

Въ этомъ же году произошла перемѣна у В. В. и въ служебномъ отношеніи: онъ былъ избранъ въ Академію Наукъ адъюнктомъ по предмету восточной словесности и явился тамъ первымъ изъ русскихъ ориенталистовъ. Тогда онъ сталъ думать объ оставленіи министерства иностранныхъ дѣлъ, чтобы исключительно посвятить себя наукѣ. Это намѣреніе было приведено въ исполненіе весною 1859 года. По этому случаю В. В. писалъ Григорьеву: „Какъ гора съ плечъ свалилась. Наконецъ-то я развязался со службой и могу заняться одной наукой, предаться ей совершенно. Тамъ легко и весело на сердцѣ“.

Въ 1859 г. В. В. напечаталъ въ Бюллетеняхъ Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію три статьи: 1) Notice sur un roignard Boukhare, 2) L'Emir Haider de Boukhara et ses trois fils, (обѣ перепечатаны въ III томѣ Mélanges Asiatiques), и 3) Description de deux monnaies inédites, appartenant à la dynastie des Nasrides d'Espagne (перепечатана въ IV томѣ Mélanges Asiatiques). Вместе съ академиками Броссе и Дорномъ онъ принималъ участіе въ составленіи отзыва о сочиненіи П. С. Савельева „Монеты джучидскія, джагатаидскія, джелаиридскія и другія, обращающіяся въ Золотой ордѣ въ эпоху Тохтамыша“ (Отчетъ 27-го присужденія Демидовскихъ наградъ).

Въ февралѣ 1859 г. В. В. былъ избранъ секретаремъ восточнаго

отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества и исполнялъ эту должность до 1867 г. Въ февралѣ 1861 г. онъ кромя того принялъ на себя обязанности секретаря Археологическаго общества и несъ ихъ до 1872 г. Еще раньше этого В. В. усердно сотрудничалъ въ Восточномъ отдѣленіи, а со времени избранія въ секретари онъ, можно прямо сказать, всего себя отдалъ Археологическому Обществу. Дѣятельность общества оживилась, изданія стали выходить аккуратно, длинный рядъ предпріятій совершено обществомъ, устраивались командировки съ ученою дѣлюю; словомъ, Археологическое общество зажило активной жизнью. Обыкновенно душа ученаго общества заключается въ его секретарѣ, а въ данномъ случаѣ секретарь самъ наполнялъ цѣлые томы изданій общества своими трудами. О томъ, какъ В. В. исполнялъ свои обязанности, можно видѣть изъ письма его къ Григорьеву: „Теперь я сдѣлался секретаремъ Археологическаго Общества. Чрезъ это работы прибавилось не мало. Не повѣрите, сколько стоитъ хлопотъ и труда отучить общество отъ медлительности и проволочекъ во всѣхъ дѣлахъ. Все приходится дѣлать самому: и корректуры читать, и статьи писать; чуть самъ чего не сдѣлаешь, и все останавливается. До сихъ поръ все спало; листы находились въ корректурѣ въ продолженіи 2 и 3 мѣсяцевъ, всѣ изданія запаздывали; приходится теперь нагонять и выпускать по 2, по 3 выпуска „Извѣстій“ заразъ“.

Про свои занятія въ это время В. В. писалъ: „Работы мои идутъ по прежнему: въ нихъ я погружился совершенно, и чѣмъ больше тружусь, тѣмъ больше втягиваюсь; съ трудомъ отрываюсь отъ нихъ, работаю съ утра до ночи... не хочется оставлять работы, такъ я тягаться къ ней. Великая вещь наука, она одна въ состояніи наполнить всю жизнь человѣка и замѣнить ему все. Отраднo сидѣть за работой: чѣмъ болѣе изучаешь предметъ, тѣмъ горизонтъ становится обширнѣе: чувствуешь, какъ мало знаешь и какъ много остается еще развѣдать. Ученъ тотъ, кто дошелъ до того убѣжденія, что учиться надобно всю жизнь, и въ этомъ именно и находятъ наслажденіе“.

Въ 1860 г. В. В. напечаталъ въ Извѣстіяхъ И. Р. А. О., т. II небольшое замѣчаніе по поводу своей статьи „Монеты бухарскія и хивинскія“. Въ Bull. de d'Acad., t. II и въ Mélanges Asiat., t. IV появилась другая нумизматическая замѣтка: „Description de quelques monnaies de l'ouloos de Djagatai, de Khiva et de Kokand“.

Въ томъ же году появился первый томъ персидскаго текста Шерефъ-намэ подъ заглавіемъ: Scheref-nameh, ou histoire des Kourdes,

par Scheref, prince de Bidlis, publiée pour la première fois, traduite et annotée par V. Véliaminof-Zernof. St.-Pétersb., 1860. Общаннаго перевода и примѣчаній не было опубликовано. Второй томъ, заключающій варианты, появился два года спустя. Для него В. В. лѣтомъ 1860 г. совершилъ первую поѣздку за границу; три мѣсяца безвыѣздно провелъ онъ въ Парижѣ, посѣщая ежедневно публичную библиотеку для свѣрки своего текста Шерефъ-намэ съ парижскимъ. Поѣздка эта произвела на В. В. отрицательное впечатлѣнiе. „И вынесъ убѣжденiе — говорилъ онъ — что намъ, русскимъ, надо идти своимъ путемъ и Западу не подражать. Это была всегдашняя моя мысль, и въ ней я еще болѣе укрѣпился“.

Въ 1861 г. В. В. былъ избранъ въ экстраординарные академики.

Для осуществленiя своихъ плановъ по изслѣдованiю Востока В. В. нашолъ усерднаго сотрудника въ лицѣ лектора петербургскаго университета, татарина изъ симбирской губернии, муллы Хуссейна Фейзъ-ханова, обладавшаго хорошими знанiями въ арабскомъ языкѣ и литературно начитаннаго въ своемъ родномъ. На него еще въ Казани обратилъ вниманiе А. К. Казембекъ и впоследствии содѣйствовалъ Фейзъ-ханову поступить на службу въ петербургскiй университетъ. Въ Петербургѣ Фейзъ-ханова, еще молодого человѣка, взялъ подъ свое покровительство В. В., старался ознакомить его съ европейскими учеными приѣмами и требованiями современной критики и выработалъ изъ него очень полезнаго дѣятеля, къ сожалѣнiю рано (въ 1866 г.) скончавшагося отъ чахотки. По представленiю В. В. академiя наукъ весной 1858 г. поручила Фейзъ-ханову списать татарскiя дипломатическiя грамоты крымскихъ хановъ, хранящiяся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. За лѣто Фейзъ-хановъ списалъ значительное количество дѣлъ. Печатанiе ихъ было поручено В. В., который и приступилъ къ работѣ въ 1859 году. Въ слѣдующемъ году И. Р. Археологическое Общество командировало Фейзъ-ханова въ Касимовъ для снятiя копiй съ надгробныхъ татарскихъ памятниковъ, уцѣлѣвшихъ на мѣстномъ мусульманскомъ кладбищѣ. Сдѣланные снимки Общество передало В. В.

Въ 1859 г. В. В. сдѣлалъ докладъ въ историко-филологическомъ отдѣленiи академiи наукъ о важности изданiя въ свѣтъ современныхъ переводовъ съ татарскихъ документовъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ, и на лѣто получилъ командировку въ Москву для занятiй въ архивѣ и заказалъ тамъ сдѣлать копiи съ тѣхъ дѣлъ. Однако, эти копiи не были опубликованы, и мы имѣемъ только татарскiй текстъ

подъ заглавіемъ: „Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства, извлеченныя, по распоряженію И. Академіи наукъ, изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ“, Спб. 1864. Указатели къ 378 документамъ были составлены Фейзь-хановымъ. Въ предисловіи В. В. говорилъ, что если переводы не будутъ изданы, то онъ дастъ изложеніе содержанія ихъ, чтобы сдѣлать ихъ доступными и не для ориенталистовъ. И это предположеніе не осуществилось.

Въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ, т. III (1863) В. В. помѣстилъ небольшую статью: „Описаніе нѣсколькихъ монетъ, привезенныхъ изъ Бухары“.

Въ началѣ 1860-хъ годовъ В. В. увлекся интересной темой о касимовскихъ царяхъ. Въ 1861 г. онъ писалъ Григорьеву: „Все это время я былъ занятъ донельзя и чѣмъ бы вы думали? Исторію Касимова. Да это бы еще ничего, да дѣло въ томъ, что сюда, благодаря Уразъ Мухаммеду, бывшему ханомъ касимовскимъ и вмѣстѣ султаномъ киргизскимъ, примѣшалась и исторія киргизовъ. Хотѣлось разобрать ее, заняло это меня такъ, что я съ утра и до ночи сидѣлъ за работою. Написалъ 100 листовъ (не печатныхъ, а простыхъ конечно) и еще не кончилъ. Впрочемъ уже дѣло приближается къ концу. Самое трудное сдѣлано; открылъ кое-что новаго въ исторіи киргизовъ; будетъ вещь недурная, сами увидите и, Богъ дастъ, похвалите. Теперь дышу посвободнѣе“. Эта работа была вызвана дѣятельностью В. В. въ археологическомъ обществѣ, гдѣ вопросъ о Касимовѣ возбудилъ еще П. С. Савельевъ въ 1858 г. и гдѣ хранилась интересная рукопись—Башмаковская разрядная книга, послужившая В. В. однимъ изъ главныхъ источниковъ для его изысканій. Первая часть „Исслѣдованія о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ“ составила IX томъ Трудовъ восточнаго отдѣленія Археологическаго общества (1863) и кромѣ того вышла особымъ изданіемъ въ количествѣ 500 экземпляровъ. Этотъ томъ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ Ценкеромъ: *Beiträge zur Geschichte der Völker Mittelasiens. Erster Band. Untersuchung über die kasimofschén Zaren und Zarewischen. Aus dem russischen übersetzt von Dr. Julius Theodor Zenker. Leipzig, 1867.*

Григорьевъ восторженно привѣтствовалъ появленіе труда В. В. и посвятилъ ему обширную рецензію въ газетѣ Аксакова „День“ 1863 г. № 29: „Въ касимовскихъ „Исслѣдованіяхъ“ своихъ далъ онъ намъ образчикъ ученыхъ работъ, превзошедшій всѣ ожиданія: такъ могутъ работать только люди, глубоко любящіе науку, и тѣ, кто сами не чужды этой любви, не могутъ и не должны говорить равнодушно о

подобныхъ явленіяхъ въ ея сферѣ, высоко поднимающихъ общіи уровень ученой требовательности въ той средѣ, гдѣ возникли, и потому имѣющихъ благотворное вліяніе на всю умственную производительность этой среды“. Въ этой книгѣ—говорилъ далѣе Григорьевъ—мы получили огромный запасъ превосходныхъ разысканій о разныхъ лицахъ и событіяхъ Сарайскихъ, Крымскихъ, Казанскихъ, Астраханскихъ. Не справившись съ его „Изслѣдованіемъ“, теперь становится невозможнымъ писать что-либо по исторіи татарскихъ ханствъ, возникшихъ изъ развалинъ созданнаго Батыемъ царства“. Въ заключение Григорьевъ заявлялъ: „если продолженіе и конецъ будутъ соответствовать началу,—а сомнѣваться въ этомъ нѣтъ никакого основанія,—то въ трудѣ этомъ отечественная литература приобрѣтетъ произведеніе по части исторіи Востока, какимъ не можетъ похвалиться ни одна изъ европейскихъ литературъ“. Не менѣе благопріятно отзывались объ этомъ трудѣ и за границею. Дефремери, Ланглуа и Моле посвятили ему очень сочувственныя рецензіи.

Въ 1864 г. вышла вторая часть „Изслѣдованій“, составившая X-й томъ Трудовъ восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Въ той же газетѣ „День“ (1865 г., № 3) Григорьевъ отмѣтилъ, что „по достоинствамъ своимъ второй томъ еще выше перваго... Во второмъ томѣ „Изслѣдованій“ Касимовъ собственно занимаетъ еще менѣе мѣста, чѣмъ въ первомъ. Здѣсь, главнѣйшимъ образомъ, идетъ рѣчь о ханахъ киргизъ-кайсацкихъ. Въ эту сторону увлекся авторъ, какъ онъ постоянно увлекается преимущественно малозвѣстностію предмета и трудностию привести его въ ясность“... „только теперь могутъ узнать сами киргизъ-кайсаки, откуда взялись они и что дѣлали въ теченіи двухъ вѣковъ“. Этотъ томъ далъ петербургскому университету поводъ почтить и всѣ прежніе труды В. В. по исторіи и языкамъ Востока, „снискавшимъ ему всеобщую извѣстность“: совѣтъ университета въ засѣданіи 23 марта 1866 г. единогласно присудилъ В. В. степень доктора турецко-татарской словесности.

Такими же достоинствами отличается и третья часть „Изслѣдованій“, появившаяся въ 1866 г. (Труды восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества, т. XI). Этимъ томомъ собственно и заканчивается исторія Касимовскаго ханства, такъ какъ послѣ смерти Фатима-султана царей и царевичей въ Касимовъ болѣе не посылали, но В. В. началъ еще четвертый томъ, въ которомъ намѣревался дать краткій очеркъ исторіи города Касимова послѣ унич-

тоженія ханства, изложитъ исторію рода царевичей касимовскихъ потомковъ Василя Арслановича, представитъ обзорѣніе знатнѣйшихъ родовъ татарскихъ и русскихъ, происшедшихъ изъ Касимова, приложитъ родословныя таблицы и указатели. Это предположеніе, какъ увидимъ дальше, осуществилось только отчасти.

Археологическое общество, кромѣ того, что приняло „Исгѣдованіе“ на страницы своихъ изданій, дало В. В. еще двѣ командировки въ Касимовъ съ денежнымъ пособіемъ, первую въ 1863 г., вторую въ 1865. Отчетъ о первой поѣздкѣ въ Касимовскій уѣздъ Рязанской губерніи напечатанъ въ IV т. Записокъ Академіи Наукъ.

Въ 1864 г. В. В. помѣстилъ въ приложеніи къ IV тому Записокъ Академіи Наукъ „Источники для изученія тарханства, жалованнаго башкирамъ русскими государями“. Повидимому, этотъ трудъ появился не въ томъ видѣ, какъ былъ задуманъ, если судить по письму В. В. къ Григорьеву (отъ 5-го іюля 1856 г.), въ которомъ онъ писалъ: „Тарханы, если только выдутъ въ свѣтъ, нанесутъ жестокой ударъ Березину. Не даромъ же они кузнецы; я заставлю ихъ ковать Березинскіе ярики“. Этотъ матеріалъ является продолженіемъ тѣхъ архивныхъ работъ, которыя В. В. началъ еще въ Оренбургѣ во время службы при Перовскомъ.

Въ томъ же году В. В. напечаталъ въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества (томъ V) рѣчь свою о графѣ Д. П. Блудовѣ, произнесенную въ чрезвычайномъ общемъ собраніи Императорскаго Русскаго Археологическаго общества 3-го марта 1864 г. Въ Bull. de l'Academie, t. VII и въ Mém. Asiat., t. V помѣщена замѣтка В. В. „Notice sur un manuscrit persan du Rauzet-et-tahirin“ (1864).

Въ 1866 г. В. В. вмѣстѣ съ И. П. Срезневскимъ получилъ отъ Археологическаго общества командировку съ денежной субсидіей въ Антверпенъ на международный съѣздъ археологовъ. Съѣздъ передъ самымъ открытіемъ былъ отмененъ вслѣдствіе холеры въ Бельгіи и состоялся въ слѣдующемъ 1867 г. Свое сообщеніе объ этомъ съѣздѣ В. В. доложилъ въ засѣданіи Археологическаго общества 10-го ноября 1867 г.

За это время ученая производительность В. В. выразилась въ слѣдующихъ печатныхъ работахъ. Въ 1868 г. онъ обнародовалъ на средства Археологическаго общества рукописный словарь джагатайскаго нарѣчія, извѣстный подъ названіемъ *Абулика*: „Словарь джагатайско-турецкій“. Въ 1869 г. въ запискахъ Императорской Академіи Наукъ, т. XVII помѣстилъ „Описаніе ящика для Корана“, предметъ изъ

собрания князя М. А. Оболенскаго; къ статьѣ приравненные рисунки. Извѣстно кромѣ того, что онъ и указатель къ джагатайскому тексту „Записокъ но этотъ трудъ, кажется, даже начатый печатаніемъ свѣтъ. Точно также остались въ портфель, приготозвлеченія изъ кашгарской рукописи *Тезкиреи-Ход*

По мысли графа А. С. Уварова возникли у насъ съѣзды. Первый состоялся въ Москвѣ въ 1869 году. Предсѣдатель Петербургскаго Археологическаго общества, принявшее участіе въ устройствѣ этого съѣзда; а когда онъ былъ назначенъ въ Петербургъ въ 1871 г. и соеинимъ юбилеемъ Археологическаго общества, то все вительныхъ работъ къ предстоящему торжеству लेकरъ на В. В., избраннаго предсѣдателемъ организаціи. Воплотивъ естественно, что эти хлопоты должны были зиться, какъ на его ученыхъ занятіяхъ, такъ и трудовъ, которые были уже сданы подъ типографскіе

Все шире и плодотворнѣе разрасталась ученая деятельность, его изслѣдованія стали касаться вопросовъ и очень трудныхъ, а потому возбуждали особенный интересъ и надежды... и надежды эти не сбылись, онъ рухнулъ валось какъ бы на полусловѣ. Усиленные занятія лось, несокрушимую натуру этого человѣка. Археологъ подлил масла въ огонь: организмъ не выдержалъ нія; переутомленіе на которое В. В. не обращалъ нервный ударъ. Доктора безусловно запретили В. В. занятія и потребовали удаленія изъ Петербурга. Не серьезно, что В. В. не могъ даже, какъ слѣдуетъ свои дѣла, бросивъ все, что было въ ходу, и зимокъ за границу, чтобы провести ее и весну въ Веве. Зншенія отъ поѣздки не послѣдовало, но все-таки онъ вился. На лѣто В. В. переѣхалъ въ Карсунское. Тамъ долго установился у него такой режимъ: зиму онъ ницѣй, больше всего во Флоренціи, а лѣто у себя

Прошло много лѣтъ послѣ случившейся катастрофы по малу оправился и могъ вновь поступить на службу минимъ работамъ онъ уже не вернулся. Отпечатанные у ла-намѣ такъ и остались лежать въ складѣ Академіи не были уничтожены, какъ макулатура, за искл.

экземпляровъ. Четвертый томъ изслѣдованія о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, немного не доведенный до конца, покоился въ томъ же складѣ, и немалого труда и даже дипломатической тонкости потребовалось для того, чтобы выпустить въ свѣтъ уже отпечатанные одиннадцатъ листовъ. Они составили первый выпускъ XII тома Трудовъ восточнаго отдѣленія Археологическаго общества, безъ приложенія и указателей, которые предполагалось отнести во второй выпускъ. Въ приложенія должны были войти выписки изъ восточныхъ рукописей, еще не изданныхъ и хранящихся въ Петербургѣ. Когда Григорьевъ впервые возбудилъ вопросъ въ Археологическомъ обществѣ объ изданіи въ свѣтъ 4-го тома, то В. В. такъ былъ недоволенъ поставленными ему условіями, что сложилъ съ себя званіе дѣйствительнаго члена общества (Извѣстія Имп. Русск. Арх. Общ. т. X, стр. 339—340, 342—343, 348—350). Послѣ того общество въ засѣданіи 13-го мая 1881 г. избрало В. В. въ число своихъ почетныхъ членовъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что В. В. утратилъ способность къ ученой работѣ. Итъ, мы увидимъ, что онъ углубился въ занятія даже болѣе трудныя, чѣмъ прежде, но точно воздвиглась какая-то стѣна между нимъ и его прежними трудами. Привыкнувъ къ ученымъ изысканіямъ, онъ не могъ уже обойтись безъ нихъ, но взялся за продолженіе прежнихъ изслѣдованій у него уже не осталось энергіи.

Пока гр. Д. А. Толстой, съ которымъ В. В. находился въ очень хорошихъ отношеніяхъ, оставался министромъ народнаго просвѣщенія, В. В. ежегодно, безъ затрудненій получалъ заграничныя отпуски, но при новомъ министрѣ В. В. сталъ тяготиться такими просьбами и рѣшилъ оставить службу въ Академіи Наукъ. Послѣдняя не могла совѣмъ порвать связи съ академикомъ, несомнѣнно способствовавшимъ ея славы, и избрала В. В. своимъ почетнымъ членомъ.

Семейное горе, смерть единственной дочери, Софьи Владиміровны, не могло пройти безъ новаго потрясенія для В. В. Онъ естественно долженъ былъ почувствовать нѣкоторую пустоту въ своей жизни и сталъ стремиться къ вышней дѣятельности. Въ 1879 г. онъ былъ избранъ малоархангельскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Орловской губерніи и служилъ по выборамъ до 1888 года.

Когда В. В. прекратилъ свои періодическія поѣздки за границу и осѣлъ въ своемъ имѣніи, интересъ къ прошлому Востоку у него оживился; теперь онъ обратилъ вниманіе на восточное оружіе, которое

очень часто бываетъ покрыто надписями труд почерковъ, и увлекся разборомъ ихъ. Онъ ст оружіе и скоро составилъ интересную коллекцію Онъ былъ необыкновенно счастливъ въ отысканіи бывали случаи, когда онъ покупалъ неполный нѣсколько времени ему попадались и неоставав

Въ 1888 г., благодаря содѣйствию гр. Д. вновь поступилъ на государственную службу, по теля Киевскаго учебнаго округа; а въ слѣдующе былъ назначенъ предсѣдателемъ комиссіи по раз губерній Киевской, Подольской и Волынской. Ка пользовался въ своемъ округѣ большимъ уважен его на этомъ поприщѣ должна оставить замѣтны дилось вести свое дѣло въ мѣстностяхъ безъ з которыя вездѣ принимаютъ видное участіе въ д зованія своими средствами. В. В. принужденъ б мѣстное общество къ участію въ расходахъ п щаться къ благотворительности. Благодаря ег мѣстныхъ богачей, число учебныхъ заведеній в увеличилось на счетъ пожертвованій; въ особенн бывать средства на возведеніе зданій для учебны

В. В. отличался всегда ровнымъ, спокойнымъ какъ будто флегматичнымъ. Едва ли кому-либо приходилось видѣть, что В. В. когда-либо воли тельное спокойствіе давало многимъ поводъ думи понятномъ равнодушіи его къ добру и злу. Съ г болѣе усиливалась. Лица, приходившія къ В. В. внѣ положеннаго времени, обыкновенно находили которыхъ онъ иногда не отрывался и во время и потому лица эти думали, что онъ равнодушенъ и рые ихъ волновали.

Въ послѣднее время В. В. видимо началъ уст соединилось несочувствіе В. В. къ реформѣ то также нѣкоторыя служебныя неудовольствія, и с шель въ отставку, получивъ чинъ дѣйствительн ника.

До случившейся съ В. В. катастрофы онъ по ученныя изысканія общимъ достояніемъ, публикуя не напечаталъ ни единой строчки. Все, что далъ

сится къ первымъ двадцати годамъ его самостоятельной жизни, и болѣе тридцати послѣдующихъ лѣтъ не ознаменовались ничѣмъ; но и то, что совершилъ В. В. для востоковѣдѣнія вообще и для русской исторіи въ частности, предоставило ему неоспоримое право занять почетное мѣсто въ первомъ ряду нашихъ ориенталистовъ.

И. Веселовскій.

EXEGETICA ¹⁾).

Scriptisit Georgius Schmid.

XI. *De lusciniā, quae apud Homerum, Sophoclem, Ἀηδῶν avis, quae ab Aristotele non semel commemorabium quin eadem sit, quam Romani lusciniā appellant ceperunt, qui rerum naturam ad artem et praecepta re distinguunt species, alteram alii lusciolem vel Sylviam lusciniā Philomelam appellant, alteram lusciolem vel Sylviam lusciniā maiorem. Quam illius esse simillimam A. Brehm maiorem atque ampliorem eiusque cantum differre ab illa eundem lentiore esse et longioribus intervallis interruptum modulosque minus varios. Quae cum ita sint, alteram saepe non distingui non est mirum. Etiamnunc a Graec vocari Aubert et Wimmer dicunt in Aristotelis An. His p. 84, easque et vocis modulatione et gravitate longe ant in Germania sint, Fr. de Loehér testatur in libro qui insci Kuestenfahrten, Lipsiae emisso a. MDCCCLXXVI p. 7*

Haec avicula cantu suo tam insignis non apud A commemoratur, sed apud alios quoque, praesertim apud p primum apud *Homerum*, qui *Odysseae* l. XVIII v. 51 inducit haec dicentem:

ὥς δ' ὅτε Πανδαρέου κούρη, χλωρῆς ἀηδῶν
καλὸν αἰείδησιν ἔαρος νέον ἰσταμένοιο,
δενδρέων ἐν πετάλοισι καθεζομένη πυκνοῖσιν,

¹⁾ Vid. *Comment. Min. Instr. Publ.* a. MCM I m. Apr.

Ὁστ. κληρονομ. φησολ.

ἦ τε θαμὰ τρωπῶσα χέει πολυηχέα φωνήν
 παῖδ' ὀλοφυρομένη Ἴτυλον φίλον, ὃν ποτε χαλκῶ
 κτεῖνε δι' ἀφραδίας, κοῦρον Ζήθιοιο ἀνακτος.

Atque sunt quidem qui negent hanc ἀηδῶνα eandem esse quae apud Aristotelem est, ut Buchholz, cuius longa de hac re est disputatio Vol. I p. 2 p. 123 sqq. At omnem dubitationem tollit unum nomen filii Philomelae Ityli; neque enim dubium esse potest quin haec sit onomatopoeia Graecique, cum in cantu luscinae sonus potissimum iu vel io ad aures eorum acciderit, inde nomen Ἴτυρος vel Ἴτόλου totamque de occiso Philomelae filio finxerint fabulam. Hic enim sonus nullius avis nisi luscinae videtur proprius esse. De qua re O. Keller disseruit in illo libro qui inscribitur *Thiere des classischen Alterthums etc.* Oeniponti foras dato a. MDCCCLXXXVII p. 317. Idem de luscina disputat a p. 304 usque ad p. 320 et a p. 462 usque ad p. 468 omnes locos collegit, ubi haec avis apud veteres invenitur. Nuper de eadem re scripsit A. Pischinger commentario qui inscribitur *Der Vogelgesang bei den griechischen Dichtern des klassischen Alterthums, programmati Gymnasii Eichstaettensis a. MDCCCCI addito.* Ego, ne longus sim, commemorabo hos locos. Aeschyli *Agam.* v. 1142 est Ἴτυον Ἴτυον στένουσ' ἀμφιθαλῆ κακοῖς ἀηδῶν βίον. Sophoclis *El.* v. 148 ἄ Ἴτυον αἰὲν Ἴτυον ὀλοφύρεται, ὄρνις ἀτυζομένα, Διὸς ἀγγελος. Euripidis *Phaethontis fragm.* 773 v. 23 μέλπει δ' ἐν δένδρεσι λεπτὰν ἀηδῶν ἀρμονίαν ὀρθρευομένα γόοις Ἴτυον Ἴτυον πολύθρηνον. Aristophanis *Av.* v. 211 διὰ θεῖου στόματος θρηγεῖς τὸν ἐμὸν καὶ σὸν πολύδακρον Ἴτυον. Ut autem e Graecis apud unum Homerum, ita e Romanis apud unum Catullum c. LXV v. 13 invenitur Itylus, apud Ovidium *Metam.* l. I v. 412, VI v. 652 et 658, *Heroid.* XV v. 153, *Senecam Agam.* v. 671 Ilyn, nusquam geminatum.

Fingi autem illa fabula potuit non nisi ab eis, qui utriusque sexus lusciniis canere arbitrabantur. Atque arbitratos hoc esse veteres testantur et Aristoteles, qui *Anim. Hist.* l. III c. 9 § 108 ἀηδῶν ἄδει, inquit, καὶ ὁ ἄρρην καὶ ἡ θήλεια, πλὴν ἡ θήλεια παύεται ὅταν ἐπιφάσῃ καὶ τὰ νεόττια ἔχῃ, et Plinius, qui *Nat. Hist.* l. XI c. 51 § 268 'alii (avibus)', inquit, 'eadem (vox) et feminis, ut lusciniarum generi'. Maiorne fuerit rerum naturae peritia in Phaedro et Seneca, cum apud utrumque legatur 'luscinius' (fab. l. III v. 18 et *Epist.* 75 § 9), an hi quidem ita sint intellegendi, ut dicere voluerint, non solum feminam, sed marem quoque canere, incertum. Nunc utique constat, unum marem canere, feminam tantum fritinnire.

Itaque quin Homericā ἀηδῶν lusciniā sit, minime dubium est. Sed oritur quaestio, quid sit χλωρηΐς. De qua re iam veteres grammatici dubitarunt. Est enim in scholiis ἤτοι ἐν χλωροῖς ὄρνειον διατρίβουσα (non dicit διατρίβον): ἤτοι ἅμα τοῖς χλωροῖς φαινομένη· ἔαρος γὰρ φαίνεται. ἢ διὰ τὸ χρῶμα. καὶ παρὰ Σιμωνίδην δὲ χλωραύχενες λέγονται αἱ ἀηδόνες. Eadem fere leguntur apud Apollonium Soph. Lex. Hom. ἀπὸ τοῦ χρώματος. ἢ διὰ τὸ ἐν χλωροῖς διάγειν. Incerti igitur erant, utrum ad lusciniæ colorem esset referendum an ad colorem foliorum, inter quae sedere solet. De qua re nunc quoque inter viros doctos ambigitur. Et Buchholz quidem summo hoc utitur argumento, quo demonstretur, χλωρηΐδα non posse significare ἐν χλωροῖς διατρίβουσαν, quod si hoc ita se haberet, Homerus idem diceret, quod v. δενδρέων ἐν πετάλοις καθεζομένη πικινοῖσιν. At mihi contra ea videtur. Neque enim tautologiam quam dicunt video et mihi persuasum est hic quoque inveniri illam consuetudinem Homeri fere propriam, qua quod una voce leviter significaverit, deinde uberius solet exponere, cuius consuetudinis—epexegeticen nunc grammatici vocant—exempla apud interpretes Homeri congesta invenies, ut apud La Roche ad Il. l. XV v. 238. Itaque mihi quidem χλωρηΐς videtur idem esse quod διατρίβουσα ἐν χλωρῷ vel ἐν χλωροῖς h. e. in flavescentibus primo vere et virescentibus arboribus, atque suspicor Sophoclem idem sensisse, cum in illis Coloni laudibus (v. 673) lusciniā dicat μινύρεσθαι χλωραΐς ὑπὸ βάσσαις. Atque est naturæ quam maxime accommodatum, quod Homerus eam ἔαρος νέον ἰσταμένοιο canere incipientem facit. Aristoteles enim dicit Anim. Hist. l. IX c. 49 § 255 ἄδει συνεχῶς ἡμέρας καὶ νύκτας δεκαπέντε, ὅταν τὸ ὄρος δασύνηται, quae ita interpretatur Plinius Nat. Hist. l. X c. 29 § 81: 'densante se frondium germine'. Hoc quoque secundum naturam est, quod Homerus eam canere dicit δενδρέων ἐν πετάλοις καθεζομένην πικινοῖσιν, ut enim nunc physici dicunt occulta lusciniā amaro fruticeta, ita iam veteres hoc observarunt, ut Euripides Hel. v. 1107 σὲ τὰν ἐναυλείεις ὑπὸ δενδροκόμοις μουσεῖα καὶ θάκους ἐνίζουσαν ἀναβοάσω, ut Aristophanes Av. v. 215, qui lusciniæ, inquit, καθαρὰ χλωρεῖ διὰ φυλοκόμου σμίλακος ἡχῶ πρὸς Διὸς ἔδρας, ut Quintus Smyrnaeus Posthom. l. XII v. 489, ὡς δ' ὅτ' ἐρημαίην περιμύρεται ἀμφὶ καλιήν πολλὰ μάλ' ἀγνομένη κατὰ δάσκιον ἄγκος ἀηδῶν, ut Catullus c. LXV v. 13 'qualia sub densis ramorum concinit umbris Daulias', ut denique Vergilius Georg. l. III v. 511 'populea maerens philomela sub umbra' (quamquam bonus Vergilius de populis videtur errasse). Quod licet non unius lusciniæ sit proprium, tamen memoria dignum est, esse oscines quasdam, quae in summis arborum ramis insidentes canere ament, ut eam, quae nunc aedon

galactodes appellatur a physicis, cuius haec consuetudo adeo propria est, ut A. Brehm dicat rectius eandem agrobaten esse appellandam—acrobaten debebat dicere. Eandem ob causam non puto Euripidem Phoen. v. 1518, cum τίς ἄρ' ὄρνις ἢ ὄρνυς ἢ ἐλάτας ἀκροκόμοις ἀμφὶ κλάδοις ἐξομένα μονομάτορος ὄδουμοῖς ἐμοῖς ἄγεσι συνφῶδες; dicat, spectare lusciniam, nedum Herc. fur. v. 1039 ὧς τις ὄρνις ἄπτερον καταστένων ὠδίνα τέκνων et Troad. v. 829 οἷον δ' ὑπὲρ οἰωνός τακέων βοᾷ, haec enim satis explicantur Homericis exemplo Il. I. II v. 315 μήτηρ δ' ἀμπεποτάτο ὄδουρομένη φίλα τέκνα.

De forma autem vocabuli *χλωρηίς* monuerim inveniri satis similia, sicut ἀλσις h. e. ἐν ἄλσει ναίουσα apud Apollonium Rhodium Argon. I. I v. 1076 et IV v. 1149, sicut Ἰλληίς πόλις vel γαίη I. I v. 535 et 560, sicut Καδμηίς hymn. Hom. in Dionysum v. 57, Ἀγνηίς in C. I. Gr. 3648 (quod est in Kaibelii quoque Del. epigr. p. 86, E. Hoffmanni Syll. epigr. Gr. p. 91).

Quod autem in Homero non videtur dignum fide, eum voci *χλωρηίς* eandem subesse vim voluisse, quam voci *χλωρά*, hoc facile fieri potuit in Nicandro, qui cum Ther. v. 88 erucam quandam dicat ἐπὶ *χλωρηίδα* νότῳ, manifesto eam *χλωρῶν* ἐπὶ τῷ νότῳ, ut est apud scholiastam, in tergo viridem dicit. Sed *χλωραύχενας ἀηδόνας* Simonidis (fragm. 73 B.) et *χλωραύχενα Δαϊάνειραν* Bacchylidis (c. V v. 172 ed. Blass) aliter intelligendas putaverim. Cum enim apud Homerum Il. I. XV v. 4 sit *χλωροὶ* ὑπὸ δαίους et ipse metus pallidus dicatur I. VII v. 479 *χλωρὸν* δέος, sicut apud Horatium I. I carm. 4 v. 13, Deianira dicitur pallido esse collo, luscinia autem pallido gutture; est enim inferior pars colli eius paene cana, sicut Aristoteles An. Hist. I. VIII c. 13 § 82 de corvo vel garrulo glandario dicit τῶν πτερῶν τὸ ὑποκάτω *χλωρὸν* et Plinius Nat. Hist. I. X c. 33 § 51 'avis pallido intus colore pennarum'.

Et quoniam de collo luscinae mentio incidit, de luscinia *ποικιλοδείρη* quoque, quae est Hesiodi Opp. v. 203, pauca dicenda. Est enim huius verbi propria sententia; nam superior pars pectoris, inferior colli insignis est maculis, sicut in conchis quibusdam, 'muschelfleckige oberbrust' dicunt physici Germani, sicut Brehm, id quod in utraque specie luscinarum apparet, sed magis expressum est in luscinia maiore. Itaque nulla correctione opus est, ne Ruhnkenii quidem *ποικιλόγητος*, quocum viri docti *ποικιλόθροος*, *ποικιλόφωνος* (sic luscinia appellatur in scholio ad Pindarum Ol. III v. 11), *ποικιλοφῶς* (Sphinx Sophoclis Oed. Col. v. 130) comparaverunt, praesertim cum C. Flach, qui Ruhnkenii sententiam probat, ipse adferat e Nonni Dion. I. XXXVII v. 31 *αιολόδειρος ἀηδών*.

Sed ut ad Homericam lusciniam redeamus, haec dicitur θαμά τρωπῶσα χέειν πολυηχέα φωνήν. Et θαμά τρωπῶσα quidem quin ad varias vocis flexiones sit referendum, non est dubium. Ita Euripides Hec. v. 336 dicit πάσας ὥστ' ἀηδόνος στόμα φθογγὰς ἰεῖσα et Rhesi v. 535 ὄμνεϊ πολυχορδάτα γήρῳ ἅ παιδολέτωρ μελοποιὸς ἀηδόνις μερίμνας, quos sonos quo modo Aristophanes voce exprimere conatus sit, infra videbimus. Addo ego quoque verba C. Plinii, quibus ieiunus ille auctor Naturalis Historiae demonstrat, quanta cum admiratione cantum luscinae observaverit, nullum ut sit in antiquitatis litteris alterum exemplum; cum enim Aristoteles l. VIII c. 49 p. 255 nihil dicat nisi aestate lusciniam iam non emittere illam vocem παντοδαπὴν οὐδὲ τραχεῖαν καὶ ἐπιστρεφῆ, Plinius singula persequitur his verbis l. X c. 29 p. 81 'in una perfecta musica scientia modulatus editur sonus, et nunc continuo spiritu trahitur in longum, nunc variatur inflexo, nunc distinguitur conciso, copulatur intorto, promittitur revocato, infuscatur ex inopinato, interdum et secum ipse murmurat, plenus, gravis, acutus, creber extentus, ubi visum est, vibrans, summus, medius, imus. breviterque, omnia tam parvulis in faucibus, quae exquisitis tiliarum tormentis ars hominum excogitavit. ...ac ne quis dubitet artis esse, plures singulis sunt cantus nec eidem omnibus, sed sui cuique'.

Xέει autem idem est quod συνεγῶς ἄδει apud Aristotelem, quod ἀκόρητος βοᾷς apud Aeschylum Agam. v. 1142; nam ille continuus quatuordecim dierum cantus adeo proprius et est et visus est veteribus esse luscinae, ut inde Hesiodum (fragm. 120 ed. Kink.) Aelianus V. Hist. l. XII c. 20 testis sit dixisse eam solam ex omnibus avibus ἀμοιρεῖν ὕπνου, et Sophocles Trach. v. 107 Deianiram αἰεὶ, οἷά τιν' ἄθλιον ὄρνιν i. o. lusciniam οὔ ποτ' εὐνάζειν ἀδακρύτων βλεφάρων πύθον, ἀλλὰ... ἐνθυμοῖς εὐναῖς ἀνανδρώτοισι τρύχεσθαι dicat, unde ἀηδόνεις ille ὕπνος, qui apud Nicocharem fragm. 16 ed. Kock. legitur, ortus est. Πολυηχέα denique φωνήν non esso πολλάς μεταβολὰς ποιουμένην, ut est in scholiis, hoc enim idem esset atque θαμά τρωπῶσα, sed 'magnam vocem' apparet, sicut αἰγιαλὸς dicitur πολυηχῆς Il. l. III v. 422, πολύφλοισβος θάλασσα l. l v. 34 al., quod idem est quod ἡχίεσσα v. 157, πολύκλυστος πόντος Od. l. III v. 354 al., πολύφημος ἀγορῆ l. II v. 250, et ipsi Πολύφημος atque Πολοφήτης Il. l. XIII v. 791; sicut apud Apollonium Rhodium Argon. l. III v. 963 est πέτραι πολυήχεις, ita apud Accium fr. v. 571 ed. alt. Ribbeck. 'magna sonantibus saxis'. Ita Plinius miratur tantam vocem tam parvo esse in corpusculo, ita ille avium naturae investigator Naumann, tantam inesse vim in tam parvis gutturis nervis, ita Rossis

hominibus in proverbio est, parvam quidem esse hanc aviculam, sed cum canere incipiat, silvam contremiscere.

A Simonide fr. 73 lusciniās πολοκωτίλους appellari ob continuum cantum Meineke recte dicit ad Moschum vol. III p. 440 et *Com. Gr.* fragm. vol. V p. CCV. Idem cum neget eas loquacitatis molestae exemplo esse posse, in Alexidis fragmento Thrasonis, quod est apud Athenaeum l. III p. 133 B (92 ed. Kock.)

σοῦ δ' ἐγὼ λαλιστέραν
οὐπώποτ' εἶδον οὔτε κερκώπην, γύναι,
οὐ κίτταν, οὐκ ἀηδόν', οὔτε τρογόν', οὐ
τέττιγα

et in Libanii l. III p. 143 τρογόνος λαλιστέρα, κίττης, ἀηδόνος, κερκώπης legendum esse censet χελιδόν' et χελιδόνος. At sicut κοτίλλειν non semper est moleste loquacem esse, cum αἰμύλα, μαλθακά, ἡδέα legatur apud Hesiodum Opp. v. 376, apud Theognidem v. 852, apud Phocylidem Athenaei l. X p. 428 B, ita ne garriendo quidem semper inest notio molesti. Illa enim Aristotelis de continuo luscinae cantu verba Plinius sic convertit 'garrulus sine intermissu cantus'. Deinde Aristoteles An. Hist. l. I c. 1 § 16 animalia distribuit in κοτίλα et σιγηλά, l. III c. 9 § 107 dicit πολόφωνα δ' ἐστὶ καὶ λαλιστέρα τὰ ἐλάττω τῶν μεγάλων (ὄρνεων), quod Plinius vertit Nat. Hist. l. XI c. 51 § 268 'avium loquaciores esse quae minores'. Martialis denique l. XIII c. 75 'flet' inquit 'Philomela nefas incesti Tereos et quae muta puella fuit, garrula fertur avis'.

Addo, quamquam haec ad Homerum vix pertinent, Aristotelem putasse, lusciniam in Graecia hiemare, l. V enim c. 9 § 31 φωλεύει, inquit, ἀπὸ τοῦ μετοπώρου μέχρι τοῦ ἔαρος et l. VIII c. 49 § 255 φαίνεται δ' οὐ πολὺν χρόνον· φωλεῖ γάρ. Neque equidem dubitaverim, quin Sophocles, qui El. v. 149 eandem dicit Διὸς ἄγγελον, eiusdem fuerit sententiae atque Aristoteles. Quocum consentit etiam Plinius Nat. Hist. l. X c. 9 § 85, qui 'hieme ipsa non cernitur' inquit neque in numero abeuntium avium eam recenset. Idem etiam nunc fieri testatur A. Lindermayer in libro qui inscribitur Die Vögel Griechenlands. Ein Beitrag zur Fauna dieses Landes, Passaviae foras dato a MDCCCLX p. 103. Sed Krueper, physicus non minus fide dignus, negat eam in Graecia perennem esse in catalogo avium A. Mommseni libro qui inscribitur Griechische Jahreszeiten fasc. 3 inserto p. 243. Ego hac in re Aristotelem errasse minus concesserim atque, si Krueper recte dicit eam initio mensis Aprilis solere

adventare, mense Augusto abire, potius suspicor, aviculam eam, quam antiquis temporibus habebat, consuetudinem nunc mutasse.

Homeri de luscinia versus quin *auctor hymni* qui dicitur in *Pana* spectaverit, non est dubium. Dicit enim v. 16, ut est in libris manu scriptis,

οὐκ ἂν τόνδε (i. e. *Pana*) παραδράμοι ἐν μελέεσσιν
 ὄρνις, ἧ τ' ἔαρος πολυανθέος ἐν πετάλοισιν
 θρηῆνον ἐπιπροχέουσα χέει μελίγηρον ἀοιδήν.

Sed priusquam de his versibus disputemus, monendum, totum hoc carmen ita esse Homericum, ut centonem ex Homero recte appellaveris. Quod cum explanatores huius poetae adhuc videatur fugisse, non taedet me singula persequi. Itaque confer sodes

- hymni v. 1 Ἑρμείαιο φίλον γόνον ἔννεπε, Μοῦσα,
 et Od. I. I v. 1 ἄνδρα μοι ἔννεπε, μοῦσα,
 v. 2 πίση δεινδρήντα
 et Il. I. XX v. 9 πίσεια ποιήεντα et Od. I. VIII v. 200 ἄλ-
 σεῖ δεινδρήντι,
 v. 3 ἄμοδις φοιτᾶ
 et Il. I. XIII v. 343 ἐρχομένων ἄμοδις,
 v. 4 κατ' αἰγίλιπος πέτρης.. κάρηνα
 et Il. I. XVI v. 4 κ. αἰγ. π. et XX v. 58 ὄρων αἰπεινά κάρηνα,
 v. 6 ὅς πάντα λόφον νιφόεντα λέλογγεν
 et Od. I. XVIII v. 335 Κρήτης ὄρεα νιφόεντα et XI v. 304
 τιμήν δὲ λελόγχασιν ἴσα θεοῖσιν,
 v. 7 καὶ κορυφὰς ὄρων καὶ πετρήεντα κέλευθα
 et Od. I. VIII v. 121 κορυφὰς ὄρων, III v. 117 ἰχθυόεντα
 κέλευθα,
 v. 8 φοιτᾶ δ' ἔνθα καὶ ἔνθα διὰ ῥωπήια πυκνά
 et Il. II v. 779 φοίτων ἔνθα καὶ ἔνθα, XXIII v. 122 διὰ
 ῥωπήια πυκνά (Od. I. XIII v. 473 κατὰ),
 v. 9 ρεῖθροισιν ἐφελκόμενος
 et Od. I. XVI v. 294 αὐτὸς γὰρ ἐφέλκεται ἄνδρα σιδήρους,
 v. 10 πέτρησιν ἐν ἡλίβατοισιν
 et Od. I. XIII v. 196 πέτραι δ' ἡλίβατοι,
 v. 11 ἀκροτάτην κορυφὴν
 et Il. I. XIII v. 228 ἀκροτάτας κορυφὰς,

- v. 12 ἀργινόντα... οὔρεα μακρά
et II. I. II v. 647 ἀργινόντα Λύκαστον et I. XIII v. 18
τρέμε δ' οὔρεα μακρά,
- v. 13 ἐν κνημοῖσι διήλασε θήρας ἐναίρων
et II. I. II v. 821 Ἴδης ἐν κνημοῖσι, XXI v. 485 θήρας
ἐναίρειν,
- v. 14 ὀξέα δερκόμενος
et II. I. II v. 222 ὀξέα κεκληγώς, III v. 342 δεινὸν δερκόμενοι.
- v. 15 μῦσαν ἀθύρων
et II. I. XV v. 364 ποσὶν καὶ χερσὶν ἀθύρων,
- v. 19 νύμφαι ὀρεστιάδες et II. I. VI v. 420,
- v. 20 ἐπὶ κρήνη μελανύδρω
et Od. I. XX v. 158 ἐπὶ κρήνην μελάνυδρον,
- v. 21 μέλπονται· κορυφήν δὲ περιστένει οὔρεος ἡγῶ·
et II. I. XVI v. 182 μετὰ μελπομένην ἐν χορῶ Ἀρτέμιδος,
Od. I. XXIII v. 146 τοῖσιν δὲ μέγα δῶμα περιστεναγίζετο ποσσίν,
- v. 22 ἔνθα καὶ ἔνθα θορών, τοτὲ δ' ἐς μέσον ἔρπων
et II. I. III v. 79 καὶ δ' ἔθορ' ἐς μέσσον,
- v. 23 λαῖφος δ' ἐπὶ νῶτα δαφρινόν
et II. I. II v. 308 δράκων δ' ἐπὶ νῶτα δαφρινός,
- v. 25 ἐν μαλακῶ λειμῶνι, τόθι κρόκος ἦδ' ὑάκινθος,
et Od. I. V v. 72 ἀμφὶ δὲ λειμῶνες μαλακοί,
II. I. XIII v. 348 ἰδὲ κρόκον ἦδ' ὑάκινθον,
- v. 27 θεὸς μάκαρας καὶ μακρὸν Ὀλυμπον
et II. I. I v. 339 θεῶν μακάρων, v. 402 μακρὸν Ὀλυμπον,
- v. 28 Ἑρμείην ἐριούνιον ἔσογον ἄλλων
et II. I. XXIII v. 679 Ἑ. ἐ., Od. I. V v. 118 ἔσογον ἄλλων,
- v. 29 θεὸς ἄγγελος
et Od. I. XV v. 526 ταχὺς ἄγγελος,
- v. 30 Ἀρκαδίην πολυπίδακα, μητέρα μῆλων
et II. I. VIII v. 47 Ἴδην... πολυπίδακα, μητέρα θηρῶν, II v. 696
Ἴτωνά τε, μητέρα μῆλων,
- v. 31 ἔνθα τέ οἱ τέμενος Κυλληνίου ἐστίν
et II. I. VIII v. 48 Γάργαρον· ἔνθα τέ οἱ τέμενος βωμός τε,
- v. 32. 33 μῆλ' ἐνόμειεν ἀνδρὶ παρὰ θνητῶ
et Od. I. VIII v. 217 ἐνόμειε... πίονα μῆλα et XI v. 490
ἀνδρὶ παρ' ἀκλήρῳ,

- v. 34 νόμφη εὐπλοκάμφ Δρύοπος φιλότῃτι μιγῆναι
et Od. I. I v. 86 νόμφη εὐπλοκάμφ, II. I. VI v. 161 ρι-
λότῃτι μιγῆμεναι,
- v. 35 ἐκ δ' ἐτέλεσσε γάμον θαλερόν, τέκε δ' ἐν μεγάροισιν
et Od. I. III v. 7 θεοὶ γάμον ἐξετέλειον, VI v. 66 θαλε-
ρόν γάμον, XVI v. 120 μόνον ἔμ' ἐν μεγάροισι τεκῶν,
- v. 36 ἄφαρ τερατωπὸν ἰδέσθαι
et Od. I. III v. 85 ἄφαρ κεραοὶ τελέθουσιν,
- v. 38 φεῦγε δ' ἀναΐξασα, λίπεν δ' ἄρα παῖδα τιθήνη
et Od. I. XXII v. 240 ἔζετ' ἀναΐξασα, II. I. VI v. 389 φέρει
δ' ἅμα παῖδα τιθήνη,
- v. 39 ὡς ἴδεν ὄψιν ἀμείλιχον ἠυγένειον
et II. XXIII v. 632 εἰσορόων ὄψιν τ' ἀγαθὴν,
Od. III v. 456 λέων... ἠυγένειος,
- v. 40 τὸν δ' αἰψ' Ἑρμείας... ἐς χεῖρα θῆκεν δεξάμενος
et II. I. VI v. 482 ἀλόχοιο φίλης ἐν χερσὶν ἔθηκεν παῖδ'
ἑόν· ἢ δ' ἄρα μιν κηῶδαϊ δέξατο κόλπῃ,
- v. 41 χαῖρεν δὲ νόφ περιώσια
et Od. I. VIII v. 78 χαῖρε νόφ, XVI v. 203 θαυμάζειν
περιώσιον,
- v. 42 ῥίμφα δ' ἐς ἀθανάτων ἔδρας κίε
et Od. I. VI v. 42 ὄθι φασὶ θεῶν ἔδος ἀσφαλὲς ἀεὶ ἔμμεναι,
- v. 43 δέρμασιν ἐν πυκνοῖσιν ὄρεσκόμοιο λαγωῦ
et Od. I. II v. 291 δέρμασιν ἐν πυκνοῖσιν, VIII v. 155 αἴγας
ὄρεσκόμους,
- v. 44 παρ δὲ Ζηνὶ κάθιζε καὶ ἄλλοις ἀθανάτοισιν
et II. I. III v. 1 οἱ δὲ θεοὶ παρ Ζηνὶ καθήμενοι, II v. 49
Ζηνὶ φῶς ἐρέουσα καὶ ἄλλοις ἀθανάτοισιν,
- v. 45 θυμὸν ἔτερφθεν
et II. XXI v. 45 θυμὸν ἐτέρπετο,
- v. 47 Πᾶνα δὲ μιν καλέεσκον
et II. I. VIII v. 562 Ἀλκυόνην καλέεσκον.

Cum igitur auctor huius hymni per totum carmen Homeri verba in suum usum convertat, iam non veri simile, sed certum est, eum in eis quoque, quos initio exscripsimus, versibus non recedere ab Homero. Atque παραδράμοι dicit sicut hic II. I. XXIII v. 636 πόδεσσι παρέδραμον, ἔαρος πολυανθέος sicut Od. I. XIII v. 353 πολυανθέος ὕλης, ἐν πετάλοισι et χεῖρι sicut I. XVIII v. 521 et 522, μελίγηρον αἰοδῆν sicut I. XII v. 187

μελίγηρον ὄπα, sed ἐπιπροχέουσα quis putaverit eum dixisse, quod apud Homerum non est? Verum enim vero hoc esse mendum librarii, **proximo** verbo χέει in errorem inducti, manifestum est.

Itaque minus probanda videntur quae pro χέει proposuerunt **homines** docti, ut Igeni ἀχέει, A. Gemolli ἠχέει, Ruhnkeni ἰαχεῖ, Wolfii ἰάχει, sed in participio scribendo errasse librarium ratus propono

ἐπιτροπέουσα χέει,

cum poeta Homeri θαμὰ τρωπῶσα ante oculos habuisse videatur. **Quam-**quam enim me non fugit, verbis ἐπιτροπέω et ἐπιτρωπῶ aliam ceteris ubi legitur locis subesse vim—de illo disputavit Lobeck ad Phryn. p. 590, hoc invenitur apud Apollonium Rhodium Argon. I. I v. 351 et apud Opprianum Palieut. I. II v. 223 et V v. 172, de τρόπεον, παρατροπέων, περιτροπέων, περιτροπέοντες autem A. Nauck egit in Actis Academiae Petropolitanae quae inscribuntur Mélanges Gréco-Romaines vol. III p. 589 sqq.—tamen tanta videtur necessitas agnoscere Homeri in hac quoque re imitationem, ut auctor hymni novasse vim huius verbi sit credendus.

Eadem ratio ad duos alios huius hymni locos pertinet.

Est enim v. 14

τότε δ' ἔσπερος ἔκλαγεν οἶος,

neque dubito, quin G. Hermann recte restituerit οἶος. Sed quamquam ἔσπερος non redolet Homerum, qui ἐσπέριος dicit Od. I. VIII v. 336, tamen eo magis οἶος ex Homericō more intellegendum esse censeo, atque ea quidem sententia, quam Homerus huic vocabulo subesse vult Il. I. XXIII v. 499 ὃς ὁέ μοι οἶος ἔην i. e. ἔσοχος ἄλλων.

Versu denique 33 legitur in libris manu scriptis

θάλε γὰρ πόθος ὑγρὸς ἐπελθών,

atque sicut ἐπελθών ad exemplum Homeri dicitur Od. I. V v. 472 ὕπνος ἐπέλθη, I. XI v. 200 νοῦσος ἐπήλυθεν, ita priore quoque verbo imitationem Homeri contineri veri simile est. Legimus autem cum ἡμερος ἦραι Od. I. XXII v. 500, ἔλοι πόθος I. III v. 596, πόθος αἰνυται I. XIII v. 144, ποθὴ ἵεται Il. I. I v. 240, tum πένθει, ἀχεῖ βεβολημένος Il. I. VIII v. 3 et 9, Od. I. X v. 247; itaque scripsisse puto poetam

βάλε γὰρ πόθος.

Sophocles ὁ Ὀμηρικώτατος in Oedipode Coloneo celebrat

- 670 τὸν ἀργῆτα Κολωνόν, ἔνθ'
 ἃ λίγεια μινύρεται
 θαμίζουσα μάλιστ' ἀηδῶν
 χλωραῖς ὑπὸ βάσσαις,
 τὸν οἰνῶπ' ἀνέχουσα κισσόν
- 675 καὶ τὰν ἄβατον θεοῦ
 φυλλάδα μυριόκαρπον ἀνάλιον
 ἀνήνεμόν τε πάντων
 χειμῶνων· ἴν' ὁ βακχιώτας
 ἀεὶ Διόνυσος ἐμβατεύει
- 680 θεαίαις ἀμφιπολῶν τιθήναις.

Suo igitur more Homerum imitatur: huius πολυχηέα φωνήν et ὀλοφύρεται Sophocles reddit ita, ut dicat λίγεια μινύρεται, quod autem uno vocabulo χλωρηίς continetur, pluribus exponit, cum dicit χλωραῖς ὑπὸ βάσσαις i. e. sub viridi fronde in campis vel locis demissis. Ita Parthenius in libello π. ἐρωτ. παθ. c. 11 dicit κλαῖεν ἀηδονίδων θαμινώτερον, αἴτ' ἐνὶ βήσσης Σιδονίφ κοῦρῳ πέρι μυρίον αἰάζουσιν. Quae loca re vera incolit illa, de qua supra diximus, luscinia maior adeoque hoc est eius proprium, ut inde viri docti nomen eidem indiderint luscinae campestris s. pratensis, sicut est apud A. Brehmium.

Quae si recte sunt disputata, ultro oritur suspicio etiam illud μάλιστα θαμίζουσα referendum esse ad Homeri verba θαμὰ τρωπῶσα. Plerumque enim verbo θαμίζειν subest eadem vis quae latino 'frequenter venire', ut Hom. II. I. XVIII v. 386. 425, Od. V v. 88 πάρος γε μὲν οὐ τι θαμίζεις, I. VIII v. 161 ἄμα νηὶ θαμίζων, atque ita apud Xenophontem additur eidem ἐπὶ τινα Cyrop. I. VII c. 3 § 2, apud Platonem De Republ. I. I p. 328 ἡμῖν, Hipp. mai. p. 281 B εἰς τόπους, apud Apollonium Rhod. I. II v. 451 κείσε. Itaque Wunder et Wecklein putant Sophoclem dicere, creberrime frequentantium lusciniarum cantu personare lucum. At minus esse veri simile, luscinias dici frequenter adire hunc lucum, cum in hoc ipso degant, quis est quin videat? Videlicet cum v. 17 Sophocles dicat πυκνόπτεροι δ' εἶσω κατ' αὐτὸν εὐστομοῦσ' ἀηδόνες, πυκνόπτεροι, cum Aristoteles auctor sit Anim. Hist. I. I c. 1 p. 3 τῶν ζῴων τὰ μὲν πολύπτερα, τὰ δὲ ὀλιγόπτερα εἶναι, ad verbum intellegendum est neque comprobanda Schneidewini et Nauckii sententia, qui Dindorfium secuti hoc vocabulum ut ἑκατομπόδων v. 718 ita explicant, ut paene idem sit quod πυκναί, 'frequentes'; hoc enim comprobaremus, si non di-

ceret εἰσομοῦσι, sed πέτονται vel simile aliquid. Alia vis est vocabuli θαμίξειν Nicandri Alexipharm. v. 578, ubi genus quoddam ranarum dicitur ἐν θονάκῃσι θαμίξειν i. e. crebrum esse, quod, sicut est v. 568, ποτὶ θάμνοις εἶαρι προσφύεται. Sed uno hoc loco haec est huius vocabuli vis; quod enim Empedoclem Plutarchus tradit dicere σοφίης ἐπ' ἄκροισι θαμίξειν (fragm. 4 ed. Dielsii p. 107, Plut. de mult. amic. c. 1, ed. Moralium Bernardakis I p. 225) videtur errare, nam θοάζειν, quod Sextus Empir. I. VII c. 121 et Proclus in Tim. p. 106 habent, ab omnibus comprobatur. Itaque ne hanc quidem apud Sophoclem ei subesse vim crediderim neque idem esse quod crebro uti aliquo, sicut Soph. fr. 462 ed. N., ad quod referunt Hesychii θαμίξεται· ὀμιλεῖ. Veri igitur similis mihi videtur Sophoclem h. l. vocabulo θαμίξειν ita uti, ut Homericum θαμὰ τρωπῶσα exprimat.

Deinde ab eodem luscinia dicitur μινύρεσθαι τὸν οἰνώπ' ἀνέχουσα κισσὸν καὶ τὴν ἄβατον θεοῦ φυλλάδα μυριόκαρπον h. e. ἄμπελον ἀγρίαν. Sed hoc ipsum paene incredibile est Sophoclem dixisse. Quod enim scholiastae dicunt ἀνέχουσα· ἄνω ἔχουσα, ὑπὲρ αὐτὴν ἔχουσα τὸ φυτόν καὶ ἀπὸ τοῦ κοινοῦ τὸ ἀνέχουσα, ὡς ἐν Λυκούργῳ Αἰσχόλος· ἄκουε δ' ἀν' οὐς ἔχων, ἀντὶ τοῦ ἄνω τὸ οὐς ἔχων (quod fragm. 126 est ed. Nauck), sicut alii eius generis loci, Theogn. v. 887 μηδὲ λίην κήρυκος ἀν' οὐς ἔχε, Homeri Od. I. XVII v. 291 ἂν δὲ κῶων κεφαλὴν τε καὶ οὐατα κείμενος ἔσχεν, aliam esse rei rationem facile demonstrant, cum ἀνὰ tnesi a verbo seiunctum pristinam adverbii vim facilius potuerit retinere. Sed licet hoc sine tnesi fieri posse concedamus, nonne difficile est ad credendum, a Sophocle luscinias dici folia eis imposita sustinere, inde occultari et latere? Sic enim Fr. Ellendt interpretatur illud ἀνέχουσα. Mihi quidem difficultas maior vel inde videtur oriri, quod cum vix intellegamus dici posse lusciniam ἄνω ἔχειν τὸν κισσόν, eandem ἀνέχειν τὴν ἄβατον θεοῦ φυλλάδα μυριόκαρπον ἀνάλιον ἀνήνεμόν τε πάντων χειμῶνων dici iam paene incredibile videtur. Quae cum ita sint, equidem non video aliud fieri posse nisi aut comprobare G. Dindorfi coniecturam satis elegantem οἰνώπα νέμουσα vel Erfurdti οἰνωπὸν ἔχουσα, cum in codd. Par. B et Vat. sit οἰνώπαν ἔχουσα, aut gravius hunc locum esse corruptum suspicari et acriore remedio uti. Atque quid potuit facilius fieri, quam ut librarius, cui luscinia in mente versaretur, ad eandem referendum hoc quoque verbum putaret, deberet scribere ἀνέχοντα? Scilicet hoc si comprobaveris, iam non desiderabis Sophocleam illam concinnitatem, qua dixit τὸν Κολωνόν, ἔνθα μινύρεται ἀηδῶν, τὸν ἀνέχοντα κισσόν καὶ τὴν φυλλάδα, ἔν' ὁ βακχιώτας Διόνυσος ἐμβρατεύει. Nam simili modo Euripides Hec. v. 458 dicit φοῖνξ

δάφνα θ' ἱεροῦς ἀνέσχε πτόρθους. An cum ad φυλλάδα recte in scholiis sit adnotatum παρὰ τὸ Ὀμηρικόν· τὴν μὲν ἄρ' οὗτ' ἀνέμων διάει μένος κτλ. ex Od. l. XVIII v. 440, hoc quoque loco poetam Ὀμηρικώτατον Il. l. XIII v. 347, ubi est τοῖσι δ' ὑπὸ χθῶν δῖα φύεν νεοθηλέα ποίην memorem φύοντα scripsisse ineptum videbitur suspicari? Quid autem sit οἰνωπός, Aristotelis qui fertur libellus de coloribus docet; cap. enim 2 par. 10 legitur τὸ οἰνωπὸν χρῶμα γίγνεται, ὅταν ἀκράτῃ μέλανι καὶ στίλβοντι κραθῶσιν αὐγαὶ ἡεροσιδεῖς· ὡσπερ αἱ τῶν βοτρύων βᾶγες. καὶ γὰρ τούτων οἰνωπὸν φαίνεται τὸ χρῶμα ἐν τῷ πεπαίνεσθαι μελινομένων δὲ τὸ φαινοῦν εἰς τὸ ἀλουργὸν μεταβάλλει. Deinde φυλλάς μυριόκαρπος θεοῦ, ut v. 18, folia sunt ἀμπέλου ἀγρίας, quam ubique in saltibus, ripis, humidis locis crescere C. Fraas dicit in Synopsi plantarum florae classicae p. 95. Dioscorides Mat. Med. l. III c. 180 auctor est hanc vitem viniferam silvestrem φύλλα ὅμοια στρόγγυφ κηπαίῳ (solano hortensi), πλετότερα δὲ καὶ μικρότερα, καρπὸν δὲ ἔχειν βοτρυδίου μικροῦ ὅμοιον, πεπαινόμενον ἐρυθρόν.

Cum autem de plantis sermo incidit, de narcisso quoque et croco pauca dicamus, qui v. 681 θάλλειν οὐρανίας ὑπ' ἄχνας dicuntur. Hoc enim ideo dici arbitrantur Schneidewin et Nauck, quod utraque planta in rupibus nascatur. Neque vero hoc equidem ita se habere usquam inveni. Variæ enim floris narcissi sunt species; quarum una est narcissus qui nunc vocatur serotinus, altera qui poeticus. Hanc Dioscorides spectat Mat. med. l. III c. 158, cum φέεται, inquit, ὁ κάλλιστος νάρκισσος ἐν ὄρεινοῖς τόποις, εὐώδης, deinde florem eius appellat πορφυροειδῆ, cum idem sit candidus, calyx herbaceus, sicut recte est apud Plinium Nat. Hist. l. XXI c. 5 p. 21; omisit, calycem purpureo margine angusto ornatum esse, quam ob causam Vergilius Ecl. V v. 38 purpureum eum appellat. Atque hunc esse eundem qui nunc poeticus nuncupatur, probant viri docti huius rei periti, sicut F. W. Burbidge et I. G. Baker, homines Angli, in libro qui inscribitur The Narcissus: its history and culture, Londini a. MDCCCLXXV emisso, pulcherrimis imaginibus ornato, p. 55; haud rarum eundem esse in montibus mediæ altitudinis, quæ mavrobuna nunc a Graecis dicuntur, C. Fraas in Synopsi illa p. 285 testatur, sed Th. de Heldreich in libello de plantis quæ in Attica planitie gignuntur, A. Mommseni libro de Horis Graecis inserto (fasc. V) eum non recepit in indicem plantarum in collibus et elivis quæ nunc ἐηροβούνα vocantur, sub umbra φρυγάνων h. e. fruticetorum parvorum nascentium, qui est a p. 534 usque ad p. 537, cum eorum locorum minus eum proprium esse videatur existimasse. Narcissum autem serotinum, quem Vergilius Georg. l. III v. 122 dicit sera comantem, et narcissum quem

nunc tazettam vel Hermionen tazettam vocant, idem p. 525 ait esse in numero plantarum, quae eorum locorum, quae nunc ἀλίπεδα dicantur, umidorum et demissorum propriae sint. Itaque narcissum tazettam, quae nunc a Graecis τουμπάκια vocetur, C. Fraas p. 286 a Sophocle dici existimat. Confirmatur hoc adiectivo καλλιβουτρος, nam in narcisso poetico unus flos est cauli insidens, in narcisso tazetta multi sicut uvarum bacae compositi; hymn. in Cererem v. 12 τοῦ καὶ ἀπὸ ρίζης ἕκατὸν κάρη ἐξεπέφκει, Ovid. Met. l. III v. 509 croceum... florem, foliis medium centibus albis. V. C. Sprengeli librum qui inscribitur Theophrast's Naturgeschichte der Gewächse übersetzt und erläutert II vol. p. 242. Idem sentit A. Boetticher, qui illa ipsa loca quae circum collem Coloneum sunt, libro quem infra dicemus p. 195 hoc modo describit, ut dicat, anemonas purpureas et albas, ranunculos et narcissos tazettas, varia iridium genera ibi efflorescere o tenui quasi tela mentae piperitae, prope aequabiliter totum luci solum tegente, una cum mille aliis floribus totam silvam suavissimis odoribus implente. Sicut autem narcissum tazettam Th. de Heldreich negat in numero earum esse plantarum, quae in rupibus nascantur, quas p. 545 recenset, ita ne crocum quidem sativum, quem p. 536 eis adnumerat, quae in collibus sunt. Florere autem tres de quibus agitur plantas in Calendario quod vocat Florae Atticae ab exitu usque mensis Octobris, narcissum serotinum et narcissum tazettam (quae plantae n. 1009 et 1010 sunt notatae) usque ad medium mensem Novembrem, crocum (n. 1025) usque ad medium Decembrem. Theophrastus autem auctor est l. VI c. 8 primum florere λευκόιον, Matthiolam incanam, deinde φλόγιον τὸ ἄγριον Silenen vespertinam, post id νάρκισσον καὶ λείριον. Denique οὐρανία ἄγνη explicatur Homericō versu qui est Od. l. XIII 245 αἰεὶ δ' ὄμβρος ἔχει τεθαλυῖά τ' ἐέρση coll. II. l. XIII v. 351 ἀπέπιπτον ἔερσαι.

Addere liceat, St. Fellnerum in libello de floribus Homericis, Vienne foras dato, p. 52, cum liliū album nusquam sponte crescat, λείριον, ad quod refertur Homericum λειρώεις II. l. III v. 152 et XIII v. 830, eundem esse florem atque narcissum arbitrari. Dignum autem memoratu, hoc iam apud veteres inveniri; legitur enim apud Dioscoridem de mat. med. l. III c. 158 (ed. Sprengel.) ἐνιοὶ τοῦτον (τὸν νάρκισσον) λείριον ἐκάλεσαν, et in Erotiani vocum Hippocraticarum conlectione (rec. I. Klein. p. 94) Νίγρος ἐν τῷ περὶ ὕλης φησὶ καὶ τὸν νάρκισσον παρ, ἐνίοις λείριον καλεῖσθαι.

In *Aristophanis* Avibus lusciniā uxor est ἔποπος. Quod nomen huic inditum esse a voce 'hup', quam ad coitum ciens feminam vel de eadem

cum alio mare contendens perpetuo edit, physici dicunt. Idque cum ad alios populos, tum ad Graecos recte referri ipse Aristophanes docet. Ille enim cum Av. v. 57 Euelpides puerum, ut ianuam upupae aperiat, clamaverit, Pithetaerum inducit eum increpantem, quod παῖ, non ἐποποιῖ dixerit; qui cum illi obsecutus sit, servus intellegit, τὸν δασπότην vocari. Neque vero consentire solent viri docti de appellatione huius avis Germanica; dicunt enim eam a Wiede et hüpfen i. e. a silva et saliendo esse repetendam. At cum A. Brehm auctor sit upupam bene incedere et gradatim neque salire, veri similius duxerim, Germanos illud huic avi nomen indidisse, cum in silvis illam vocem edat. Ut enim in Germania eam illa loca, ubi campis et pratis silvulae intermixtae sint, amare A. Brehm dicit, ita in Graecia montes et silvas Aristoteles Anim. Hist. l. VIII c. 11 p. 75 ἐνιοὶ δὲ τῶν ὀρνίθων ἐν τοῖς ὄρεσι καὶ τῇ ὄλῃ οἰκοῦσιν οἷον ἐποψ, l. I autem c. 1 p. 16 eum ὄρειον appellat.

Aeschyli quoque in fragmento 304 ed. Nauckii, quod est apud Aristotelem l. VIII p. 259, upupa πετραῖος ὄρνις appellatur. Legitur enim

τοῦτον δ' ἐπόπτῃν ἐποπα τῶν αὐτοῦ κακῶν
 πεποικίλωκε κάποδηλώσας ἔχει
 θρασὺν πετραῖον ὄρνιν ἐν παντευχίᾳ·
 ὃς ἤρι μὲν φανέντι διαπαλεῖ πτερὸν
 κίρκου λεπάργου· ὄνο γὰρ οὖν μορφᾶς φανεῖ
 παιδός τε χαυτοῦ νηδύος μιᾶς ἄπο·
 νέας δ' ὀπώρας ἤνικ' ἐξανθῇ στάχυσ,
 σιτικὴ νιν αὖθις ἀμφινομήσει πτέρυξ.
 αἰεὶ δὲ μίσει τῶνδ' ἄπ' ἄλλον εἰς τόπον
 ὄρουμους ἐρήμους καὶ πάγους ἀποικιεῖ.

Qui versus utrum Aeschyli an Sophoclis sint, diiudicare equidem non ausim, cum F. G. Welcker in illo libro De Graecis tragoediis secundum cyclum epicum dispositis hoc potissimum argumento nisus, quod a scholiasta ad v. 280 Avium Sophocles dicatur πρῶτον τὸν Τηρέα ποιῆσαι, eosdem e Tereo, Sophoclea fabula, sumptos et vel Aristotelem ipsum vel librarium errasse existimet (p. 384). Eiusdem sententiam sequitur E. Oder, qui in Museo quod dicitur Rhenano vol. XXXXIII a. MDCCCLXXXVIII foras dato p. 541 sqq. de upupa qualis esset in Graecorum fabulis, doctissime egit, quam commentationem mea iam paene absoluta factum est ut inspicerem. Sed quod Welcker ait pronuntiare videri illos versus Mercurium, veri simillimum est idque, credo,

in fine dramatis, ut de uno Tereo ob facinora sua humana natura exuto sermo fuisse videatur, non de Procne eiusque sorore. Primum igitur poeta demonstrat, quam apte Tereus in upupam sit a deo quodam, Iove scilicet, mutatus, cum Aeschylus Agam. v. 1101 universe deos dicat Iusciniæ induisse *περοφόρον δέμας*, nam nomen *ἔποπος* significare perpetuum contemplatorem facinorum ab ipso perpetratorum. Non raro enim Aeschylus quoque suo more interpretatur nomina propria, velut Agam. v. 665 Helenæ, v. 1034 Apollinis, Prom. v. 85 Promethei, Sept. v. 641 Polynicis, Suppl. v. 46 Epaphi, multaue eius rei e poetis tragicis exempla collegit Elmsley ad Eur. Bacch. v. 508. Deinde apta dicitur illa mutatio, quod et forma et moribus upupa Tereum aequiperet, quem Aristophanes Lys. v. 563 *πέλτην σεῖειν αἰτ' κάκόντιον*, appellari enim *θρασύν*, quod, ut scholiasta dicit, *ἐδίωκεν αὐτὰς ξίφαι*, ob eamque rem gerere *παντευχίαν*, sic enim tragicus poeta verbis in maius extollit aviculæ cristam, sicut comicus *ἡνὶ λόφῳ* non contentus Av. v. 94 *τριλοφίαν* dicit; Ovidius Met. l. VI v. 674 de facie armata loquitur. Tum crudelitate quoque Tereo non esse inferiorem upupam dicit, quod hæc vere similis sit *κίρκου λεπάργου*, accipitris, quem *σικκίρισι φόνον φέρειν ὄρνιθῆσσι* Homerus auctor est Il. l. XVII v. 757. Formam autem pennasque cum upupa dicitur mutare, id quod non fieri in natura rerum compertum est, hæc fabula inde potuit oriri, quod pullos upupæ initio speciem quandam adulatorum minime referre, sed canis plumis vestiri physici dicunt, sicut pullos accipitrum. Atque illas quidem *δύο μορφάς* poeta novit; fabula autem illa utitur, cum demonstrare velit, hæc quoque in re upupam esse similem Terei, qui qua erat inconstantia atque mobilitate animi, fidem non servavit uxori, sed in amorem sororis eius effusus est. Odio denique in utramque summo exarsisse dicitur; duos enim ultimos versus explanandos esse existimo his, quæ refert Aelianus De Nat. An. l. III c. 26: *οἱ ἔποπέες εἰσὶν ὄρνιθων ἀπηγέστατοι καὶ μοι δοκοῦσι τῶν προτέρων τῶν ἀνθρωπικῶν ἐν μνήμῃ καὶ μέντοι καὶ μίσει τοῦ γένους τοῦ τῶν γυναικῶν ὑποπλέκειν τὰς καλιὰς ἐν ταῖς ἐρήμοις καὶ τοῖς πάγοις τοῖς ὑψηλοῖς*. Cum enim ultima Aeliani verba tam prope accedant ad illum tragicum poetam, ut vix sit quod neges, illum eiusdem fuisse memorem, *μίσει τῶνδε* quoque hunc in modum explanandum videtur, ut *τῶνδε* referatur ad Procnen et Philomelam, quæ in scena adesse putandæ sunt, praesertim cum minime sit veri simile, potuisse poetam dicere *τῶνδε ἄπο* i. e. 'procul his locis'. Neque magis veri simile est cum dixisse *ἄλλον εἰς τόπον* sine verbo *abeundi*; *ἀποικιεῖ* enim est 'incolet'. Cum autem in libris manu scriptis sit *ἀπάλλου, ἀσπάλλου, ἀπαλῶν*, crediderim legendum esse

ἀεὶ ὁδὲ μίσει τῶνδ' ἐπαλλάσσων τόπον,

i. e. odio harum mutans locum querceta s. silvas montesque incolet.

Memoratu dignum, Achillem quoque Tatium l. V c. 5 p. 9 de odio Terei loqui. In illa enim tabula picta, in qua ἀγῶν καὶ χελιδῶν καὶ ἔποψ' πάντες ἄνθρωποι καὶ πάντες ὄρνιθες, Tereus, inquit, gladium stringit et in feminas incurrit, ἃς ὁσέχεται ὁ ἀήρ, quippe quae hoc ipso temporis momento in aves commutentur. Idem fit de Tereo; is enim αὐταῖς συναβαίνει καὶ ὄρνις γίνεταί. Fugit igitur luscinia, persequitur eam Tereus. Ita, inquit, ἐφώλαξε τὸ μῖσος καὶ μέχρι τῶν πατρῶν, usque ad id tempus, quo in upupam commutatus est. Immitēm enim et acerbum esse ut Terei, ita upupae animum veteres opinabantur, cum in loca deserta eam se recipere solere recto observassent; nunc physici cum illa fabula non sint illecti, causam eius rei extremam aviculæ timiditatem esse cognoverunt.

Quod autem accipitrem ab Homero dici parvis aviculis mortem inferre supra dixi, id breviter Aeschylus significat Suppl. v. 62, cum dicit ὄπα τᾶς Τηρεΐας μήτιδος οἰκτρᾶς ἀλόγου, κικηλάτας ἀηδόνας, hoc enim falso ita intellexerunt, ut Aeschylum putarent dicere Tereum in accipitrem esse mutatum, ut H. W. Roseher in Lexico Mythologico vol. II p. 751; recte autem scholiasta τῆς ὑπὸ κίρκων ἐλαυνομένης. Nam Tereus vel Philomelam vel Procnen persequitur, non upupa iam mutata in volucrem lusciniam, cantu suo filium interemptum lamentantem. Ne fragm. 304 quidem cum dicit upupam aliquo anni tempore pennas accipitris induere, Aeschylus dicere vult, mutatum in accipitrem esse Tereum, qui apud primum invenitur Hyginum fab. 45. Neque magis est quod consentiamus cum Welckero et E. Otero, qui upupam hic confundi putant cum cuculo. Quamquam enim legitur apud Aristotelem Anim. Hist. l. VI c. 7 par. 41, cuius verba Plinius Nat. Hist. l. X c. 9 p. 25 in Latinum convertit, paene dixerim verbis Ciceronis usus, non 'ut interpres, sed ut rhetor', cuculum a quibusdam dici fieri ex accipitre, quod hic apparere desinat, cum ille conspiciatur, tamen sicut uterque illum errorem redarguit atque refellit, ita ne apud Aeschylum quidem ullam accipitris cum cuculo confusionem esse arbitror. Qui Terei moribus commotus est, ut comminisceretur upupam, in quam ille mutatus esset, ab initio veris usque ad initium aestatis formam quoque cum moribus ab accipitre effingere.

Ut igitur ad Aristophanem redeam, convenienter naturae is locus, quem ab upupa dicitur inhabitari, appellatur v. 54 πέτρα, v. 92 ὄλη,

v. 207 et 224 λόγμῃ (coll. v. 737). Omni vero rerum naturae peritia destitutus videretur Aristophanes, si upupam serio faceret dicentem v. 159 νερόμεσθα δ' ἐν κήποις τὰ λευκὰ σήγμα καὶ μύρτα καὶ μήκωνα καὶ σσύμβρια. Ridicule enim illam inducit sese ipsam in numerum earum avium adscribentem, quae bacis granisque vescuntur, cum re vera non nisi scarabaeis et omnis generis insectis alatur, praesertim eis, quae in stercore vel luto inveniuntur, quae de causa a Plinio Nat. Hist. l. X c. 30 p. 86 'obscena pastu avis' appellatur.

Deinde quod Aristophanes upupam inducit luscinae, quae apud eum Progne est, ut docet v. 665, non maritum solum, sed etiam amantissimum, cum dicat τὴν ἐμὴν ἀηδόνα v. 203 et σύννομέ μοι v. 209, atque ipse quoque Ilyn videatur deflere non ut a matre necatum, sed ut misere mortuum—hoc enim verbis v. 212 τὸν ἐμὸν καὶ σὸν πολύδακρον Ἴτυν videtur contineri—certo credendum, hac re non mediocriter delectatos esse spectatores Athenienses, quippe quibus fabula de Tereo notissima esset. Neque minus sine dubio eidem delectabantur illo carmine, quo upupa uxorem, quae ipsa quoque post prandium meridiat, e somno excitat. Risum enim movere videtur upupa maritus, qui ipse canendi rudis iactat cantum uxoris διὰ θείου στόματος ἱερόν v. 210 et 213, qui ad coelum usque permanet διὰ φυλλοκόμου σμίλακος v. 215. Hederac autem, quae apud Sophoclem est, locum apud Aristophanem tenet smilax aspera, quae nunc a Graecis ἀρκουδόπατος vel ἀηλιάκα vocatur, quam Th. de Heldreich l. c. p. 560 dicit praesertim iuxta ripas fluviorum una cum rosa sempervirenti alte eniti in platanis aliisque arboribus. Nam Aristophanes eadem manifesto loca spectat quae Sophocles, circum collem Coloneum iacentia. Quae nemo magis diserte atque perspicue videtur descripsisse quam A. Boetticher in libro qui inscribitur Auf griechischen Landstrassen p. 193. Sed idem smilacem omisit, fortasse quod hederac est similis; sicut enim hanc, ita smilacem ἐπαλλόκαυλον, φύλλον κιττώδες esse, unas autem pendere κιττώ τῶν τρόπων, παρεγγίζειν δὲ μάλλον πρὸς τὴν σταφυλὴν Theophrastus auctor est Hist. Plant. l. III c. 18 p. 11, ἐλίσσεσθαι autem ea περὶ τὰ δένδρα ὡς ἄνω καὶ κάτω νεμομένην Dioscorides Mat. Med. l. III c. 142. Similis est descriptio luci cuiusdam apud Achillem Tatium l. I c. 15 ἐνίοις τῶν δένδρων τῶν ἀδρότερον κίττος καὶ σμίλαξ περιεπεφύκει, ἡ μὲν ἐξηρητημένη πλατάνου καὶ περιπυκάζουσα ῥαδινῇ τῇ κόμῃ· ὁ δὲ κίττος περὶ πεύκην ἐλιγθαίς φκειούτο τὸ δένδρον ταῖς περιπλοκαῖς, καὶ ἐγίνετο τῷ κίττῳ ὄχημα τὸ φυτόν, στέφανος δὲ ὁ κίττος τοῦ φυτοῦ. ἄμπελοι δὲ ἐκαστέρωθεν τοῦ δένδρου καλάμοις ἐπογοῦμεναι τοῖς φύλλοις ἔθαλλον... τὰ δὲ

ἀνθη ποικίλην ἔχοντα τὴν χροάν ἐν μέρει συνεξέφαινε τὸ κάλλος καὶ τὴν τοῦτο τῆς γῆς πορφύρα (lacuna) καὶ νάρκισσος καὶ ῥόδον.

Ut autem Varro de Lingua Lat. l. III c. 11 recte dicit lusciniam luctuose canere existimari atque esse ex Attica Progne in luctu factam avem—haec enim omnium erat opinio—ita upupam quoque mortem Ityos deflentem primus Aristophanes videtur induxisse, ut animos spectatorum suo more commoveret. Fortasse Socrates Platonicus ipse quoque εἰρωνεῖα quadam usus Aristophanem spectavit, cum pulcherrimo illo loco Phaed. c. 35 p. 85 A olores dicit morientes canere non quod maereant, sed quod brevi tempore se una cum Apolline domino suo fore gaudeant, atque οὐδὲ αὐτῆ, inquit, ἦ τε ἀηδῶν καὶ χελιδῶν καὶ ὁ ἔποψ, ἃ δὴ φασὶ διὰ λόπην θρηνοῦντα ἄδειν· ἀλλ' οὔτε ταῦτά μοι φαίνεται λυπούμενα ἄδειν οὔτε οἱ κόκνοι.

V. 676 chorus lusciniam ipsam appellat ξουθῖν, ut Aeschylus Agam. v. 1142, v. autem 214 dicit ἐλελιζομένης γένους ξουθῆς, quod Euripides mutuatus est Hel. v. 1111; v. 744 denique chorus aviium, cum lusciniam ut Musam silvestrem alloquatur, sibi quoque γένον ξουθῖν esse dicit. Atque hoc quidem mihi non est dubium, quin apud Aristophanem et Aeschylum ad colorem aviculae sit referendum hoc epitheton. Quo fuscum colorem significari plerique dicunt, ut Dindorf in Lexico Aeschyleo (Pischinger germanice vertit braunlich); sed cum physici in colore penarum luscinae ferruginis quandam similitudinem observent, satius duxerim ferrugineam eam appellare. At verine est simile γένον quoque ita posse appellari? Quod qui fieri posse negant, ut Meineke, mobile guttur dici putant probavitque hoc Henricus Schmidt in libro qui inscribitur Synonymik der griechischen Sprache vol. III p. 35, cum proprium esse videatur Graecorum, commutare inter se ea, quae aspectu sentiantur, colores et celeritatem motus. At simplicius videtur utrumque poetam, quoniam ipsa luscinia ξουθῆ sit, enallage quadam usum guttur quoque eius ξουθῶν appellare.

Postquam upupa μέλος ἀπὸ σκηνῆς ad tibiae sonum absolvit, v. 222 παραπιγραφῆ· αὐλεῖ indicat interponi carmen tibicinis luscinae cantum imitantis, sicut est in scholiis μιμεῖται τις τὴν ἀηδόνα ὡς ἔτι ἔνδον ὄϊσαν ἐν τῇ λόγχῃ. Quod quo modo fecerit, incertum. Hoc monere non alienum duco, quod Plinius Nat. Hist. l. X c. 30 § 84 scire se ait homines esse repertos, qui sonum luscinarum addita in transversas harundines aqua foramen inspirantes linguaeve parva aliqua opposita mora indiscreta redderent similitudine. H. A. Lenz quoque in illo libro, quo quae veteres

de animalibus memoriae prodiderunt, collegit, p. 297 adn. 906 auctor est reperiri, qui ex arte imitandi lusciniæ pecuniam faciant.

Post lusciniæ carmen, quo tantopere delectatur Euelpides, alter tacere cum iubet, quoniam urupa accingatur ad artificiosum cantum v. 226; manifesto enim *μελωδεῖν* ironice dictum est, quasi cum lusciniâ ulla esset urupæ certandi ratio; *ε παρασκευάζεται* autem colligendum, histrionem ridiculo aliquo modo se comparare. Atque est cur rideamus. Incipit enim urupa carmen, quo ceteras aves ad contionem convocat, a sua voce minime suavi. Cum autem v. 203 *καλοῦμεν αὐτούς* dixerit i. e. se una cum uxore illas convocaturam, voces aliquas lusciniæ interponit, id quod spectatorum risum non minus movisse veri simile est. Sunt autem hæ v. 228 *ἰὼ ἰὼ ἰτῶ ἰτῶ ἰτῶ*, v. 237 *τιὸ* octies repetitum, v. 243 *τρισιὸ τρισιὸ τοσοβριῖ*. v. 260 *τοροτοροτοροτοροτιῖ*, v. 262 *τοροτοροτοροτορολιλιλιῖ*. Qua in re non ineptum videtur Aristophanem comparare cum aliis, qui lusciniæ cantum litteris exprimere conati sunt. Est autem descriptio Bechsteini, hominis doctissimi aviumque naturæ sua ætate inter Germanos peritissimi, qui cantum cum XXV versibus contineri ait—apud A. Brehmium in libro qui inscribitur *Das Leben der Vögel*, emisso anno MDCCCLXI p. 545—deinde Itali cuiusdam, qui libellum qui inscribitur *Ruben*, hilarotragediæ satiropastorale emisit Parmæ a. MDCXIII, paucaque Angli cuiusdam hominis, quæ apud Blaydesium sunt. Qui inter se ita consentiunt, ut primam lusciniæ vocem reddant sono tiuu (vel tiun, ut Italus); deinde cum Aristophane consentiunt de v. 237, quem Bechstein ita reddit *τιὸ τιὸ τιὸ tio tio tio tio tix*, Italus quinquies repetito *tio*; versus 243 loco apud Bechsteinum et Italum est *qutio, qutio, qutio, qutio* et *zquo, zquo, zquo, zquo*; v. 260 Bechstein reddit ita: *zorre zorre zorre hi*, v. 262 *lii lii lii lii ly ly ly ly li li li li*, v. 243 duodecies repetita syllaba *zo*.

In oda quoque et antoda parabaseos Aristophanes chorum facit lusciniæ vocem imitantem, v. enim 738 et 770 dicit *τιὸ τιὸ τιὸ τιὸ τιὸ τοτιῖ*, v. 741 et 744, 773 et 775 *τιὸ τιὸ τιὸ τοτιῖ*, v. 747 et 779 *τοτοτοτοτοτοτοτοτιῖ*, quæ omnia etiam magis respondent descriptioni Bechsteini.

Quibus lusciniæ vocibus Aristophanes in fine carminis præter expectationem, ad risum movendum, absurdam interponit vocem surniæ noctuæ vel strigis *κικαβζῷ* (v. 261).

V. 739 chorus Musam *λογμαίαν* appellat *ποικίλην* propter varietatem cantus lusciniæ. Aelianus autem De nat. an. l. XII c. 28 ἡ ἀηδών, inquit, διὰ τοῦ θέρους ... μεταβάλλει τὸ φῶνημα· οὐ γὰρ ᾄδει πολυήχως καὶ

ποικίλως. Ad quem locum Jacobs: 'verba haec colorem habent poeticum, unde tamen ducta sint, non reperio'. Ex Homero scilicet et Aristophane. Sed l. I c. 43 cum idem dicit ὀρνίθων λιγυρωτάτη καὶ εὐνουστάτη, καὶ κατὰδει τῶν ἐρημαίων χωρίων εὐστομώτατα ὀρνίθων καὶ τορώτατα, ubi pro εὐνουστάτη Hercher legit εὐμουσοτάτη, λιγυρωτάτη et εὐστομώτατα dixit Sophoclis memor, apud quem Oed. Col. v. 671 est ἄ λίγεια et v. 18 εἶσω κατ' αὐτὸν εὐστομοῦσ' ἀηδόνες.

Denique Aristophanem spectant versus (88 sqq.) carminis, quod Theodori Prodromi esse suspicatur V. Regel, qui primus eos edidit in Commentariis Ministerii Instructionis publicae Petropolitani a. MCMI,

ἔφθασεν ἡμᾶς ἡ καλὴ κωμῳδία,
 ξουθὰς ἀνυμνήσασα τὰς ἀηδόνας,
 ἱππαλεκτρούνας τε τοὺς ἐν Περσίδι,
 τὰς μὲν λαλοῦντα ζῶα καὶ ζῶσαν φύσιν,
 τοὺς δ' ἐν πέπλοις μάλιστα κατεστιγμένους,

ut est Av. v. 676 et Ran. v. 937 sqq. Conf. Nauck ad Aesch. fr. 134 et Dindorf ad fr. 136.

ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ НАДЪ ДРЕВНЕ-РИМСКОЙ КОМЕДЕІЕЙ.

Послѣ работъ R. Leo ¹⁾ можно считать прочно установленной связь между ново-аттической комедіей съ одной стороны и римской элегіей съ другой. Эта связь выражается не только въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ выраженій, общихъ памятникамъ того и другого рода ²⁾, но также и въ томъ, что весьма многіе изъ постоянныхъ типовъ комедій встрѣчаются и въ элегіи; при этомъ жанровая разработка этихъ типовъ такова, что рѣшительно не позволяетъ думать о самостоятельномъ возникновеніи тѣхъ многочисленныхъ деталей, благодаря которымъ типы эти получаютъ такую рельефную и яркую фізіономію. Къ числу этихъ типовъ принадлежитъ между прочимъ типъ сводни. Многочисленные сопоставленія, невольна возникающія у всякаго при чтеніи элегиковъ и хотя бы Плавта, могутъ служить наилучшей иллюстраціей къ приведенному выше положенію.

Первое, что бросается въ глаза при такомъ сопоставленіи, это—чрезмѣрное пристрастіе сводень къ вину. Lena въ комедіи *Cistellaria* дѣлаетъ единственный упрекъ прелестницѣ Селеніи въ томъ, что ея прислуга *garo nimium dabat, quod biberem; id merum infuscabat* ³⁾. Но особенно подчеркнута эта черта въ характерѣ *Leaena*, одной изъ

---

¹⁾ *Plautinische Forschungen*, Berlin 1895, 129 сл. и *Elegie und Komödie*. *Rhein. Mus.* LV (1900). *Fr. Skutsch*, *ibid.*, 285.

²⁾ Соответствующій матеріалъ собранъ въ очень обстоятельной диссертациі *V. Hoelzer'a*, *De poesi amatoria a comicis atticis exulta ab elegiacis imitatione expressa*, Marburg 1899 и въ статьѣ *Fr. Wilhelm'a*, *Zur römischen Elegie*. *Rhein. Mus.* LVII (1902), 599—609, см. также изданіе *P. Brandt'a*, *Ovidi de arte amatoria libri tres*, Leipzig 1902, pp. 152, 182, 197, 214—216, 244.

³⁾ *Cist.* 19, ср. 542. Поэтому *Auxilium* ея и называетъ *multibiba* (т. 149).

героннъ пьесы *Circilio*, не жалѣющей никакихъ эпитетовъ для дара Вакха ¹⁾ и въ заключеніе восклицаетъ: *tu mihi stacte, tu cinnamum, tu rosa, tu crocinum et casia's, tu bdellium, nam ubi tu profusus ibi ego me pervelim sepultam* ²⁾, чѣмъ и вызываетъ замѣчаніе относительно ея Фэдрома: *modicast, capit quadrantal* ³⁾, а его рабъ добавляетъ: *vindemia haec huic anui non satis est soli* (v. 104). Желая ее задобрить, Фэдромъ обѣщаетъ Леэнѣ: *tibi vineam pro aurea statua statuam* (v. 139) ⁴⁾. Отсюда становится ясно, что не могъ выдумать герой пьесы *Asinaria* болѣе тяжелой неустойки для товарки Леэны по профессіи, чѣмъ та, которую онъ обозначилъ въ заключаемомъ имъ съ леной контрактѣ: *haec multa ei esto, vino viginti dies ut careat* ⁵⁾. И Овидій, проклиная *malesuada lena Dipsas* (которая *ex re nomen habet*) ⁶⁾ заканчиваетъ пожеланіемъ: *di tibi dent.. perpetuam sitim* ⁷⁾, а образецъ Овидія въ этой элегіи, Проперцій ⁸⁾, посылаетъ по адресу

¹⁾ *Circ.* 96—102.

²⁾ *Ibid.* 100—102, стр. 119.

³⁾ *Ibid.* 103.

⁴⁾ *M. Rothstein* (d. *Elegien d. Propertius*, II, 214) сопоставляетъ съ этимъ тотъ монументъ, который желаетъ видѣть на могилѣ сводни Проперцій (V, 5, 75): *sit tumulus lenae curto vetus amphora collo*. Изъ *Anthol. Palat.* мы знаемъ, что такіе сосуды ставились на могилахъ паницы, VII, 353, 1—2: τῆς πολιτῆς τότε στήμα Μαρωνίδος, ἧς ἐπὶ τὸν βφ γλοπτήν ἐκ πέτρης αὐτὸς ὄρηξ κώλικα. Содержаніе этой эниграммы Антипатра Сидонскаго повторено Леонидомъ въ эниграммѣ (VII, 455): *Μαρωνίς ἡ φίλοςνος, ἡ πίδων σποδός, ἐνταῦθα καί τε γρηός, ἧς ὑπὲρ τάρου γνωστόν πρόκειται πᾶσιν Ἀττικῆ κώλικ* (стр. VII, 329). *O. Crasius* (*Thongefässe auf Gräbern. Philol.* II (1892), 738—739) думаетъ, что такой же обычай существовалъ и въ Римѣ. *K. Zacher* (*Philol.* LIII (1897), 323—333) сопоставляетъ еще *Aristoph. Eccles.* 1108 и т. д. Относительно Греціи см. *A. Millhofer, Ath. Mitth.* V (1880), 164—194 (*Gemalte Grabstelen*). *P. Wolters* въ статьѣ *Rotfigurige Lutrophoros* (*Ath. Mitth.* XVI (1891), 371—405) указалъ, что глиняные сосуды ставились только на могилахъ бѣдниковъ, тогда какъ болѣе состоятельные люди изображали такіе сосуды на погребальныхъ стѣлахъ, желая придать монументу болѣешую прочность.

⁵⁾ *Asin.* 801.

⁶⁾ *Ovid. Am.* I, 8, 3, стр. *Anth. Palat.* XI, 34, 4: ἔχειν πολυδραχμά πύργην οὐκ ἴδελω.

⁷⁾ *Ibid.* 114.

⁸⁾ Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить: O 6=Р 12; O 8=Р 18; O 12=Р 13; O 13=Р 14; O 19=Р 5—7; O 49=Р 57; O 53=Р 57; O 57=Р 55—56; O 58=Р 54; O 62=Р 53; O 64=Р 50—52; O 71=Р 29; O 74=Р 34; O 85=Р 27; O 87=Р 47; O 96=Р 31; O 98=Р 39; O 114=Р 2. Даже и въ схемѣ обихъ элегій, написанныхъ какъ рассказъ самого автора, переходящій въ серединѣ въ передачу подлинныхъ словъ лена (*Ovid.* 23—108. *Prop.* 21—60), есть много общаго. Вообще Овидій особенно много заимствуетъ у Проперція въ началѣ своихъ стихо-

такой же *lena: et tua, quod non vis, sentiat umbra sitim* (IV, 5, 2).

Кстати отмѣчу, что пункты контракта, заключаемаго Діаболомъ съ *lena*, имѣютъ въ виду пресѣченіе какъ разъ тѣхъ продѣловъ, на которыя пускались влюбленные на пирахъ ¹⁾, какъ это доказываетъ одно изъ стихотвореній Овидія, обращенныхъ къ Кориннѣ ²⁾. По контракту возлюбленная Діаболомъ: *neque illuc ulli pede pedem homini prestat* ³⁾, а Овидій проситъ Коринну: *clam mihi tange pedem* ⁴⁾. Далѣе въ контрактъ находится требованіе: *ad eorum ne quem oculos adiciat suos; siquem alium aspexit, caeca continuo siet* ⁵⁾; Овидій проситъ: *me specta nutusque* ⁶⁾ *meos voltumque loquacem* ⁷⁾. Въ контрактъ включено также требованіе: *tecum una postea aeque pocula potilet, abs te accipiat, tibi propinet* ⁸⁾, *tu bibas* ⁹⁾, а Овидій говоритъ Кориннѣ: *quae tu reddideris, ego primus pocula sumam, et qua tu biberis, haec ego parte bibam* ¹⁰⁾. При общей склонности сводень къ вину восторгъ, съ которымъ у Геронда сводня Гиллисъ встрѣчаетъ приглашеніе Метрихи выпить ¹¹⁾, является весьма характернымъ признакомъ сводни.

Нянька служить посредницей въ любви между двумя дѣвушками-

твореній, ср. O I 5 и P II 29b; O I 10 и P I 3; O I 15 и P I 12; O II 18 и P I 7. О вліяніи Проперція на Овидія хорошій матеріалъ собранъ въ диссертации R. Bürger, *De Ovidii Carminum amatoriorum inventionem et arte*, Guelpherbyti 1901, 12 sq.

¹⁾ Ср. Horat. Carm. III, 6, 25—26: *mox quaerit adulteros inter mariti vina, Tibull. I, 6, 17—20* и *J. Dissen ad locum* Въ анграммѣ Anthol. Palat. V, 267 разсказывается случай, когда романъ завязался именно на пирѣ.

²⁾ Am. I, 4.

³⁾ Asin. 775.

⁴⁾ Am. I, 4, 16.

⁵⁾ Asin. 769.

⁶⁾ Tibull. I, 6, 19: *neu te decipiat nutu.*

⁷⁾ Am. I, 4, 17. А. I. Малкина (Марціалъ, С.-Пб. 1900, 107) доказала связь этой элегии съ пассажемъ въ *Ars amatoria* I, 571 sq. Данному стиху изъ *Amores* соответствуетъ изъ *Ars amatoria* I, 574: *saepe tacens vocem verbaque vultus habet.*

⁸⁾ У Теокрита Киниска отказалась пропріного въ честь Эсхипа, а тотъ сейчасъ же заподозривъ: *ὄ τῃ ἀρέστω; ἄλλο; τῷ γλυκίων ὑποκόλπῃ; ἄλλον ἰοῖσα θάλπη φῶλον* (Theocr. XIV, 20—21 и 36—38).

⁹⁾ Asin. 771. 772.

¹⁰⁾ Am. I, 4, 31—32, ср. *Ars am.* I, 575—576. Пить послѣ возлюбленной особенно приятно: у Агаѳія Схоластикъ читаемъ (Anthol. Palat. V, 260, 2): *πρῶτα σὺ γυνομένη πρόσφατε, καὶ δέχματα.*

¹¹⁾ *Herondae mimambi* I. 86 sq.

сиротками и ихъ возлюбленнымъ въ комедіи Менандра *Ἐυδοῦρακλῆς* ¹⁾. Лишившись матери, дѣвушки попали подъ опеку служанки ²⁾. Чтобы заручиться содѣйствіемъ няньки, возлюбленный одной изъ нихъ соблазняетъ няньку обѣщаніемъ, что ей будетъ вволю вина ³⁾, до котораго такъ падки всѣ *lenae*. Такую же роль нянька играла и въ повеллѣ о любви Аркеофонта къ Арсиноѣ, повеллѣ, входившей въ составъ 2-ой книги элегій Гермесіанакта ⁴⁾: Антонинъ Либераль ⁵⁾, излагая эту повеллу, пишетъ объ Аркеофонтѣ: *ἐπεὶ δὲ αὐτῷ πρὸς τὸ ἔργον οὐδὲν ἐτοῦχάνατο, πείθει τροφόν*. За это родители Арсинон отрѣзали нянькѣ языкъ и носъ, подробность, не вошедшая въ передѣлку Овидія ⁶⁾.

Такая же роль выпадетъ на долю няньки Мирры, способствовавшей соединенію ея пресгупной любовью съ роднымъ отцемъ ⁷⁾. У Антонина, который этотъ эпизодъ соединяетъ съ именами Смирны и отца ея *Θιάντα*, сохранено имя этой *lena nutritrix* — *Ἰππολύτη* ⁸⁾. Такимъ образомъ кормилица — *lena* является типомъ весьма распространеннымъ, проникшимъ даже въ трагедію; это доказываетъ хотя бы кормилица Федры у Еврипида ⁹⁾, о жанровомъ характерѣ которой свидѣлствуютъ соответствующія параллели комедіи и элегій ¹⁰⁾.

Связь между сводничествомъ и пьянствомъ такъ прочно установлена у авторовъ комедій, что они ее переносятъ даже на прислугу сводни. Это мы видимъ въ *Mostellaria* ¹¹⁾, гдѣ старая ¹²⁾ служанка Скафа является въ роли сводни, и гдѣ, по поводу ея словъ,

¹⁾ См. *Th. Kock*. *CAFr.* III, p. 148—151.

²⁾ *Fr.* 520.

³⁾ *Fr.* 521, см. *K. Schenkl*, *Zu den Bruchstücken des Menandros*. *Wiener Studien*, XX (1898), 165 sq.

⁴⁾ *E. Rohde*, *Der griech. Roman*, Leipz. 1876, 79.

⁵⁾ *Anton. Lib.* 39.

⁶⁾ Эта новелла, какъ известно (*Rohde*, ук. соч. 80), послужила источникомъ для Овидія въ *Met.* XIV, 697—764. Тамъ нянька тоже является пособницей влюбленного (v. 703).

⁷⁾ *Ovid. Met.* X, 382 и 439 sq.

⁸⁾ *Anton. Lib.* 34.

⁹⁾ *Fr. Wilhelm*, *Zur römischen Elegie*. *Rhein. Mus.* LVII (1902), 605.

¹⁰⁾ Уже Эсхилъ въ своихъ „Хорфорахъ“ вывелъ няньку безъ всякаго смигченія бытовыхъ чертъ этого типа, см. *A. Dieterich*, *Pulcinella*, Leipz. 1897 и *II. θ. Амменский*, *Мимъ объ Орестѣ у Эсхила*, Спб. 1900, 36.

¹¹⁾ То же самое и въ *Anthol. Palat.* V, 293, 6, гдѣ *σφαρὴ θεράπτρια* сводни хито *χαλικρήτε* *νάματι βιβωμένη*.

¹²⁾ *Most.* 191: *ego illam animum interfecero sibi*.

Филолаhemъ и замѣчаетъ: *non video vidisse lenam* ¹⁾ *callidiorem ullam alteras* (v. 270). Точно также и въ *Persa* служанка *Sophoclidisca*, играющая такую же роль ²⁾ и открыто заявляющая: *fateor me esse ut decet lenonis familiae* (v. 213), страдаетъ склонностью къ вину (v. 170). Ту сводню, которая своими нашептываніями омрачала романъ *Тибуллы* ³⁾, онъ прямо называетъ старухой ⁴⁾. Черты, какими характеризуютъ наружность *Dipsas* ⁵⁾ и *Acanthis* ⁶⁾ Овидій и Проперцій, указываютъ на ихъ старость. То же самое мы видимъ и у Плавта; да иначе и быть не можетъ, если принять во вниманіе проплую жизнь этихъ сводень. Онѣ раньше были *meretrices* ⁷⁾, почему ихъ иногда продолжали называть этимъ именемъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ комедіи *Cistellaria* къ *lena Melaenis* примѣняется этотъ терминъ ея прежней профессіи (v. 575). Опекаемая своднями дѣвушки по большей части или чери ихъ подругъ ⁸⁾ или даже ихъ собственныя ⁹⁾. Это придаетъ ихъ совѣтамъ особый вѣсъ и цѣну, такъ какъ устанавливаемыя ими правила обращенія ихъ питомицъ съ кліентами являются продиктованными собственнымъ, и притомъ подчасъ весьма горькимъ, опытомъ. На свой собственный опытъ и ссылается *Scapha*: *si dictis nequis perducitur ut vera haec credas mea dicta, ex factis nosce rem: vides quae sim: et quae fui ante. Nolo ego quam nunc tu amata sum atque uni*

¹⁾ Это позволяетъ и въ v. 213 принять конъектуру: *malesuada uti lena*.

²⁾ Иначе по поводу ея словъ не замѣчали бы: *omnes sunt lenae levifidae* (v. 243). Такая *ancilla*—*lena* служанка *Astaphium* изъ *Truculentus*; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить ея разсужденія въ 1-ой сценѣ 2-го акта (vv. 210 sq.) съ обычными уроками сводень, о чемъ будетъ рѣчь ниже, а кромѣ того она сама себя называетъ *lena*, см. v. 224.

³⁾ II, 6, 4: *lena nocet nobis, ipsa puella proba*.

⁴⁾ I, 5, 12.

⁵⁾ Ovid. *Am.* I, 8, 110—112; v. 14 *corpus anile*.

⁶⁾ Prop. IV, 5, 65, 66. Гиллель у Геронда тоже старуха (I, 67). Сводни, фигурирующія въ *Anthologia Palatina* (V, 289 и 294),—старухи.

⁷⁾ *Cist.* 39: *ego et tua mater meretrices fuimus, ibid., 565*.

⁸⁾ *Cist.* 2, 38.

⁹⁾ *Asin.* 132, 147, 507. *Miles glor.* 110. *Truc.* 471. У *Тибуллы* родная мать *Делія* исполняетъ ревностно всѣ обязанности заправской *лена*, см. I, 5, 57—62. Нѣтъ нужды объяснять, почему онъ проситъ ее давать дочери наставленія (v. 67—68)—какъ разъ обратныя тѣмъ, какія обыкновенно даютъ *ленае*. Въ *ἐταιρικοί βιβλογοί* *Лукиана* часто мать является въ роли сводни своей собственной дочери (I, 2; III, 1; VI; VII, 3). Ср. *Anthol. Palat.* V, 41 и 43. Мать сводни проникла и въ индійскую драму, см. *S. Levy. Le théâtre indien, Paris 1898, 75*.

modo gessi rem, qui post me, ubi aetate hoc caput calorem commutavit ¹⁾, reliquit deseruitque me: tibi idem futurum credo ²⁾. Ту же мысль о непрочности любви, проходящей вмѣстѣ съ молодостью, встрѣчаемъ и у элегиковъ: напримѣръ, у Проперція Acanthis говоритъ: dum vernat sanguis, dum rugis integer annus, utere, ne quid cras libet ab ore dies. Vidi ego odorati victura rosaria Paesti sub matutino cocta iacere Noto ³⁾. Скафа какъ бы жалѣетъ о томъ, что въ молодости она жила только съ однимъ (v. 200: uni modo gessi morem). Раньше она опредѣленно заявила: tu erras, quae quidem illum exspectes unum atque illi morem praecipue sic geras atque alios aspernere. Matronae non meretriciumst unum inservire amantem ⁴⁾. И у Овидія Dipsas учитъ: nec satis effectus unus et alter habent. certior e multis, nec iam invidiosa rapina est. plena venit canis de grege praeda lupis ⁵⁾. Имѣтъ нѣсколькихъ возлюбленныхъ удобно и въ томъ отношеніи, что ne securus amet nullo rivale, caveto: non bene, si tollas proelia, durat amor ⁶⁾. Твердо помня это правило, одна изъ сестеръ въ Bacchides проситъ влюбленнаго въ нее юношу: miles quom huc adveniat, te volo me amplexari ⁷⁾, а раньше она ему говоритъ, зачѣмъ ей это нужно: ille adveniens tuam med esse amicam suspicabitur (v. 61). Но этотъ приемъ съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ быть обращенъ и противъ meretrices. Такъ у Теренція Гнатонъ учитъ своего недалекаго покровителя, ради успѣховъ у Таиды, увеличивать ея подозрѣніе, будто онъ влюбленъ въ

¹⁾ Asin. 539.

²⁾ Most. 198—202, cp. 195: Stulta plane quae illum tibi aeternum putes fore amicum et benevolentem. Ter. Haut. 390 sq. (forma) ubi inminutast, illi suom animum alio conferunt: nisi si prospectum interea aliquid est, desertae vivimus.

³⁾ Prop. IV, 5, 59—62. Cp. Ovid. Ars amat. III, 59—62: venturae memores iam nunc estote senectae: sic nullum vobis tempus abibit iners; dum licet et veros etiam nunc vivitis annos ludite. Am. I, 8, 49—50: labitur occulte fallitque volubilis aetas ut celer admissis labitur annis aquis; Lucian. Meretr. dial. VII, 4: εὐὸ οἴα, ὦ Μοισάμην, ὄκτολαϊδῆα ἐτῶν ἀσὶ ἑσσεδα; Herond I, 38—40 и 63.

⁴⁾ Most. 188—190; 216—217, cp. Cist 77—80: matronae magis conducibilest istuc unum amare et cum eo aetatem exigere, quoinuptast semel... meretrix non potest rem obtinere sola sine multis viris.

⁵⁾ Am. I, 8, 54—56. Гиллизъ говоритъ то же самое у Геронда въ довольно прозрачной метафорѣ: νῆς μῆς ἐπ' ἀγκῶν σου ἀσφαλῆς ὄρμῶσα (I, 41).

⁶⁾ Am. 95—96, cp. Ars amat. III, 593—598. Lucian. Meretr. dialog. VIII, 2. Зависимость этого мѣста Лукіана отъ комедіи доказала Th. Kock, Rhein. Mus. XLIII (1888), 75.

⁷⁾ Bacch. 76—77.

другую ¹⁾: ubi nominabit Phaedriam, tu Pamphilam continuo. Si quando illa dicet „Phaedriam intro mittamus commissatum“, Pamphilam tantum provocemus; si laudabit haec illius formam, tu huius contra. Denique par pro pari referto, quod eam mordeat ²⁾. Такой совѣтъ даетъ и Овидій, который убѣжденъ: si nulla subest aemula, languet amor ³⁾. То же бывасть и съ любовью мужчинъ; по крайней мѣрѣ, Филематиумъ увѣрена, что если она отдастъ богатому юношѣ свою любовь, то остальные ея поклонники magis amabunt, quam me videbunt gratiam referre rem ferenti ⁴⁾. Отсюда ясно, какъ хитро ведетъ свое дѣло у Геронда Гиллисъ, которая сначала сѣтъ подозрѣніе у Метрихи, что ея мужъ на чужбинѣ πέποιθεν ἐκ κρινῆς ⁵⁾, а уже потомъ старается склонить ее къ измѣнѣ съ своимъ богатымъ кліентомъ ⁶⁾. Она, очевидно, разсчитываетъ, что Метриха изъ ревности согласится на это, чтобы ἀντιλοπῆσαι измѣнившаго ей мужа. Такъ, по крайней мѣрѣ, у Лукіана объясняетъ Филинна свою измѣну Дифилу, начавшему ухаживать за Таидой ⁷⁾.

Овидій по собственному опыту узнать, что quamlibet extinctos iniuria suscitatur ignes, en ego — confiteor — non nisi laesus amo ⁸⁾, и участь хвастливаго воина Тразона у Теренція служить лучшей иллюстраціей этого правила. Послѣ цѣлаго ряда обидъ, нанесенныхъ ему Таидой, которая оказываетъ явное предпочтеніе его менѣе богатому сопернику, Тразонъ смиренно приходитъ къ Таидѣ, ut Thaidi me dedam et faciam quod iubeat, ссылаясь для собственнаго утѣшенія на примѣръ Геракла, служившаго Омфалѣ ⁹⁾. Можетъ быть, онъ дѣлится любовью Таиды съ болѣе счастливымъ соперникомъ потому, что думаетъ, подобно Овидію: rivalem patienter habe: victoria tecum stabit ¹⁰⁾. Между тѣмъ раньше онъ былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ, такъ какъ

¹⁾ Совершенно такую же ситуацію видимъ у Лукіана: Dial. meretr. 3.

²⁾ Ter. Eun. 440—445.

³⁾ Ars amat. II, 436.

⁴⁾ Plaut. Most. 231—232.

⁵⁾ Herond. I, 25.

⁶⁾ Ibid. 50 sq.

⁷⁾ Lucian. Dial. meretr. III, 3. Такъ же поступаетъ и Хармидъ въ XI-омъ диалогѣ (§ 3), ср. dial. XII.

⁸⁾ Ars amat. III, 597—598, ср. Am. II, 19, 8: nil ego, quod nullo tempore laedat, amo.

⁹⁾ Ter. Eun. 1026—1027; на того же Геракла ссылается и Овидій, Ars amat. II, 221—222.

¹⁰⁾ Ovid. Ars amat. II, 539—540.

подарки были гораздо лучше и дороже ¹⁾, и даже посторонніе были раньше увѣрены, что, въ виду цѣннаго подарка Тразона, его сопернику придется разстаться съ Тандой ²⁾. Его поражение должно было быть для него тѣмъ болѣе неожиданнымъ, что онъ прекрасно усвоилъ правило: plurimus auro venit honos; auro conciliatur amor ³⁾. Вотъ почему онъ началъ свое объясненіе въ любви съ вопроса: *ecquid nos amas de fidicina istac* ⁴⁾, въ увѣренности, что передъ богачомъ ни одна женщина не устоитъ: *dummodo sit dives, barbarus ipse placet* ⁵⁾. Деньги дѣлаютъ *lena* крайне услужливой; такъ въ одной комедіи Трабена влюбленный говоритъ: *lena delenita argento nutum observabit meum, quid velim, quid studeam. Adveniens digito impellam ianuam, fores patebunt* ⁶⁾. Въ разговорѣ между влюбленнымъ и служанкой предмета его страсти, переданномъ въ одной изъ эпиграммъ Палатинской антологіи ⁷⁾, какъ только влюбленный сказалъ, что при немъ есть деньги, служанка, очевидно, хорошо знакомая съ нравами своей госпожи, обнадеживаетъ его: *εὐδόμει*. И *Asanthis* Проперція высказываетъ такую мысль: *aurum spectato, non quae manus afferat aurum* ⁸⁾. Поэтому-то *Bacchides* такъ и ухаживаетъ за богатыми старичками, награждая ихъ самыми лестными комплиментами ⁹⁾; сами они и сознаются: *quam odiosumst mortem amplexari* ¹⁰⁾. Но *meretrix* должна какъ разъ умѣть только показывать видъ, что она любитъ. *Nec nocuit simulatus amor*, говоритъ Овидій устами своей сводни ¹¹⁾, *sine credat amari*. То же самое говоритъ у Плавта сводня въ *Cistellaria* (v. 96—97): *adsimulatio amare oportet: nam si ames, extemplo melius illi quem ames consulas, quam rei tuae*. Поэтому первая ея за-

¹⁾ Ter. Eun. 270, 352—355.

²⁾ Ter. Eun. 358, ср. Horat. Carm. IV, 1, 17—18; Epod. XV, 17—20.

³⁾ Ovid. Ars amat. II, 278.

⁴⁾ Ter. Eun. 456.

⁵⁾ Ovid. Ars amat. II, 276. Anthol. Palat. V, 216, 6: χρυσός ἐπιγνάπτει τὰς σοβαροβλήφαρους, ср. ibid 30,5: δοξίω δ' ὅτι καὶ Δανάη Ζεὺς αὐτῆς χρυσός, χρυσοῦς δ' ἔληξε φέρων ἰκατόν.

⁶⁾ Cic. Tusc. Disp. IV, 31, 67.

⁷⁾ Anthol. Palat. V, 101.

⁸⁾ IV, 5, 53. Ovid. Am. I, 8, 38, 62. Plaut. Asin. 166. Lucian. Dial. meretr. VI, 4.

⁹⁾ Bacch. 1193, 1197, 1170, 1173.

¹⁰⁾ Bacch. 1152. Ср. Menandri γυνῆμαί № 90: γέμων ἰραστής ἐσχάτη κακῆ τύχη.

¹¹⁾ Am. I, 8, 71.

¹²⁾ Склонность *meretricium* къ притворству вызвала такую глаголу Менандра (№ 426): ἔμοια πόρνη δάκρυα καὶ ῥήτωρ ἔχει.

бота состоитъ въ томъ, чтобы ся питомица не влюбилась въ кого-нибудь по-настоящему ¹⁾. и сами meretrices глядятъ на любовь, въ случаѣ если она ихъ посѣтитъ, какъ на несчастіе ²⁾. Lena въ Cistellaria находитъ очень глупымъ, что мать Селенія позволила ей жить только съ однимъ тѣмъ, кого она на самомъ дѣлѣ полюбила ³⁾. Всѣмъ этимъ требованіямъ вполнѣ удовлетворяла та женщина, о которой шла рѣчь въ прологѣ ⁴⁾ комедія Менандра Θάϊς; и которую поэтъ называлъ ἀδικῶσαν, ἀποκλειούσαν αἰτιούσαν πικρά, μηδενὸς ἐρῶσαν, προσκοιουμένην δ' αἰεὶ ⁵⁾.

Хорошій возлюбленный для нихъ тотъ, кто больше на нихъ тратится: probust amator, qui relictis rebus rem perdit suam ⁶⁾, и его капиталъ главное достоинство въ ихъ глазахъ, такъ что деньги могутъ замѣнить и талантъ и знатное происхожденіе. Это насмѣшливо твердятъ сводни и у Овидія ⁷⁾ и у Проперція ⁸⁾, жестоко смѣясь надъ возлюбленнымъ поэтомъ-бѣднякомъ: versibus auditis quid nisi verba feres ⁹⁾, говоритъ Acanthis ¹⁰⁾. Давно отмѣчена связь, существующая между Amores и Ars amatoria Овидія ¹¹⁾. Но относительно этого вопроса поэтъ говоритъ совершенно иное въ Amor. I 8 и въ Ars. Овидій утверждаетъ въ Ars amat. ¹²⁾, что поэты должны пользоваться особеннымъ расположеніемъ красавиць, такъ какъ, благодаря имъ, имена ихъ возлюбленныхъ пользуются вѣчной славой (v. 537) ¹³⁾ и, кромѣ того, поэты отличаются особеннымъ постоянствомъ (v. 544) ¹⁴⁾, забывая все для любви (v. 542);

¹⁾ Cist. 119: istoc ergo auris graviter obtundo tuas, nequam ames. Того же собственно мѣтнія держится и Клеарета, когда говоритъ Филенія non voto ted amare qui dant (Asin. 536), ср. Lucian. Dialog. meretr. VII, 3.

²⁾ Most. 179. Cist. 69.

³⁾ Cist. 86.

⁴⁾ Plut. de aud. poet. p. 19 a.

⁶⁾ Meinecke, CGFr. IV, p. 131.

⁹⁾ Truc. 236. Этотъ идеалъ готовъ осуществить Тибуллъ, который ради успѣха у своей жадной Немезиды согласенъ не только лишиться всего отцовскаго наслѣдія (Tib. II, 4, 54—55), но даже пойти на преступленіе (ibid. 21—26).

⁷⁾ Ovid. Am. I, 8, 61—66.

⁸⁾ Prop. IV, 5, 49—50.

⁹⁾ Prop. IV, 5, 54.

²⁰⁾ Ср. Ovid. Am. I, 8, 57—60.

¹¹⁾ O. Ribbeck, Geschichte der röm. Dicht. II, ср. A. I. Маленъ, Марціалъ, 107.

¹²⁾ Ars am. III, 533—551.

¹³⁾ Am. I, 3, 21 sq.

¹⁴⁾ Ср. Am. I, 3, 6.

поэтому *munera det dives* (v. 531), а мы, поэты, *mittamus carmina tantum* (v. 533). По это кажущееся противорѣчіе только подтверждаетъ взглядъ на оба произведенія Овидія, какъ на совершенно схожія по духу и мыслямъ, потому что въ данномъ случаѣ Овидій, говоря отъ своего собственнаго имени, является представителемъ какъ разъ другої партіи, враждебной *Dipsas* и ея товаркамъ, и ту же самую мысль онъ высказываетъ и въ *Amores* ¹⁾. Но онъ прекрасно понимаетъ, что въ этомъ спорѣ побѣда не на его сторонѣ: хотя онъ и утверждаетъ, что *a doctis pretium scelus est sperare poetis, scelus hoc nulla puella timet* ²⁾, потому что *carmina laudantur, sed munera magna petuntur* ³⁾; поэтому *ipse licet venias Musis coronatus, Homere, si nihil attuleris, ibis, Homere, foras* ⁴⁾. Только Проперцію одно время такъ повезло, что онъ могъ сказать: *mea (carmina) cum recitat, dicit se odisse beatos* ⁵⁾. Такое разногласіе вполнѣ понятно, потому что интересы влюбленнаго и предмета его страсти совершенно противоположны, какъ это неоднократно говорятъ сводни въ комедіи, твердя, что *quae amanti parcat, eadem sibi parcat parum* ⁶⁾, убытокъ для влюбленнаго—доходъ для *lena* и ея питомицы ⁷⁾. Обычный финаль такихъ романовъ тотъ, что богачъ становится бѣднякомъ, а богатѣетъ сводня и ея питомица ⁸⁾, которую только нищета и голодъ заставили взяться за такое ремесло ⁹⁾; чтобы избавиться отъ ужасовъ такой бѣдной жизни, *numquamst amatoris meretricem oportet causam noscere* ¹⁰⁾, почему у Теренція сводня *Syra* и говорить свой питомицѣ:

¹⁾ I, 10 53—64.

²⁾ *Ars am.* III, 551—552, ср. *Tibull.* II, 4, 13—14: *nec prosunt elegi.*

³⁾ *Ars am.* II, 275—276.

⁴⁾ *Ibid.* 279—280, ср. *Am.* I, 8, 61: *qui dabit, ille tibi magno sit maior Homero.*

⁵⁾ *Prop.* II, 26, 25.

⁶⁾ *Plaut.* *Asin.* 177.

⁷⁾ *Cist.* 50. Поэтому, вѣроятно, авторъ эпиграммы въ *Anthol. Palat.* V, 12, 4 хвалитъ *Φιλαίκων* особенно за то что она была *αἰτῆσαι πολλάκις φειδομένη.*

⁸⁾ *Plaut.* *Truc.* 216—222. У Лукіана Доріонъ упрекаетъ Мирталу (*Dial. meretr.* XIV, 1): *ὄν με ἀπολαίσεις, ὅτε πέντης ἐγενόμην διὰ σί.* Въ эпиграммѣ Марка Аргентаріи (*Anthol. Palat.* V, 113) Монофила ἢ πάρος καλεῖσα μύρον καὶ τερπνόν Ἄδωνκ своего возлюбленнаго, когда онъ былъ богатъ, теперь, когда онъ разорился, при встрѣчѣ съ нимъ, спрашиваетъ: *τίς πόθεν εἰς ἀνδρῶν, πόθι τοι πόλις;* Въ гимнахъ Менаандра есть сентенція (№ 156): *ἔρωτα πάσαι λιμοῦ ἢ χαλκοῦ σπάνις.*

⁹⁾ *Plaut.* *Cist.* 41, 45; *Asin.* 163. Эта же причина заставляетъ торговать своимъ тѣломъ и участницъ *ἐταίρικοι διάλογοι* Лукіана, см. *Dial.* III, 3. VI.

¹⁰⁾ *Plaut.* *Truc.* 229.

propterea te sedulo et moneo et hortor, ne quoinusquam misereat, quin spoliis, mutiles, laceres, quemque pacta sis ¹⁾). Меньше всего можно вѣрить обѣщаніямъ, и свои ласки слѣдуетъ дарить только тѣмъ, кто приноситъ не слова, а осязательные подарки. Такъ наставляеть и плавтовская Клеарета ²⁾, а Овидіи говоритъ своимъ читательницамъ: si bene promittent, totidem promittite verbis, si dederint, et vos gaudia pacta date ³⁾. Клеарета считаетъ себя поступившей совершенно корректно, прекративъ свиданія возлюбленныхъ, какъ только истощились у юноши капиталы: par pari hostimentumst, opera pro pecunia ⁴⁾, а какъ только у него опять завелись деньги, она снова готова на всѣ услуги ⁵⁾, почему Аргириппъ и говоритъ объ іануае lenoniae: si adfers, tum patent, si non est, quod des, aedes non patent ⁶⁾; это какъ разъ совѣтуетъ Аcanthis у Пронепція: ianitor^d ad dantes vigilet, si pulset inanis, surdus in obductam somniat usque seram ⁷⁾, поэтому divitiis alitur luxuriosus amor ⁸⁾; non habet unde suum paupertas pascat amorem ⁹⁾. Деньги нужны не только на покупку ласкъ; ими надо задобрить и родню ¹⁰⁾ возлюбленной и ея прислугу ¹¹⁾; disciplinast eis demunerarier

¹⁾ Тер. Нес. 63—65. Этотъ урокъ прекрасно запомнила та meretrix, о которой шла рѣчь въ комедіи Турпилія Paedium: quae te semel ut pacta est, semper studuit perdere, detegere, despoliare, implereque adeo fama ac flagitis (O. Ribbeck, Com. fragm. p. 122, v. 161 sq.

²⁾ Asin. 528—533, ср. Lucian. Dial. meretr. VII.

³⁾ Ars amat. III, 461—462. Зато въ 1-ой книгѣ, являясь наставникомъ враждебной партіи, Овидій совѣтуетъ кормить возлюбленныхъ одними обѣщаніями: quod non dederis, semper videre daturus (v. 149), а главное: ne dederit gratis quae dedit, usque dabit (v. 454). Протипъ этого-то и предостерегаетъ lena у Плавта, Asin. 525.

⁴⁾ Asin. 172.

⁵⁾ Asin. 237—240.

⁶⁾ Asin. 242. Тер. Eun. 283: nunc tibi patent fores haec, quia istam ducis (рѣчь идетъ о красивой рабынѣ, которую Тразонъ даритъ Тантѣ).

⁷⁾ Prop. IV, 5, 46—47, ср. Tibull. II, 4, 31—34: sed pretium, si grande feras, custodia victa est, nec prohibent claves. Ovid. Am. I, 8, 77: surda sit oranti tua ianua, laxa ferenti. Anthol. Palat. V, 29, 3—5: ἦν μὲν γὰρ τὸ χάραγμα φίλος, φίλος, οὐτε θυμῶρος ἐν ποσίην, οὐτε κόων ἐν προθύροις δέδοται ἦν δ' ἑτέρως ἔθηκε, καὶ ὁ Κέρβερος.

⁸⁾ Ovid. Rem. am. 746.

⁹⁾ Ibid. 749.

¹⁰⁾ Ovid. Am. I, 8, 91: et soror et mater, nutrix quoque carpat amantem.

¹¹⁾ Ibid. 87—89. Plaut. Asin. 182—184 lena говоритъ: volt placere sese amicae, volt mihi, volt pedisequae, volt famulis, volt etiam ancillis; et quoque catulo meo

ancillas primum, ad dominas qui adfectant viam ¹⁾ говоритъ опытный въ такихъ дѣлахъ Клитифонъ у Теренція, да и Овидій учить ²⁾: prius ancillam captandae nosse puellae cura sit, accessus molliet illa tuos, въ другомъ мѣстѣ онъ совѣтуетъ: fac plebem, mihi crede, tuam; Sit semper in illa ianitor et thalami qui iacet ante fores ³⁾.

Вымогательства красотками денегъ у ихъ возлюбленныхъ были столь обычнымъ явленіемъ, что одинъ изъ персонаскей комедіи Цэцилія Synephebi могъ съ полнымъ правомъ воскликнуть: in civitate fiunt facinora capitalia: nam ab amico amante argentum accipere meretrix noenu volt ⁴⁾. Благодаря тѣмъ безконечнымъ подаркамъ de stipula grandis acervus erit ⁵⁾, потому что nunquam satis dedit suae quisquam amicae amator, neque nos satis accepimus neque unquam ulla satis poposcit ⁶⁾, и влюбленный, въ концѣ концовъ, спрашиваетъ сводню: qui modus dando? nam nunquam tu quidem expleri potes. Modo quam accepisti, haud multo post aliquid quod poscas paras ⁷⁾. Конца подаркамъ нѣтъ потому, что invenit artem femina, qua cupidi carpat amantis opes ⁸⁾.

Если среди фрагментовъ comedia togata не встрѣчается lena, этотъ весьма распространенный типъ fabula palliata, то это допускаетъ двоякое объясненіе: или случайно до насъ не дошли такіе фрагменты, или же авторы fabula togata и относительно этого типа были связаны тѣмъ же правиломъ, о которомъ говоритъ Донатъ: concessum est in palliata poetis comicis servos dominis sapientiores fingere, quod idem in togata non fere licet ⁹⁾.

Приведенныхъ сопоставленій, на мой взглядъ, вполне достаточно для выясненія того, какъ детально былъ разработанъ этотъ tradi-

subblanditur novos amator, se ut quom videat, gaudeat, заключаетъ она, какъ бы предвосхищая у Молчалива мысль о собачкѣ дворника. О подаркахъ влюбленного матери и прислугѣ предмета своей страсти см. Lucian. Meretr. dial. XIV, 3.

¹⁾ Ter. Haut. 300—301.

²⁾ Ars. am. I, 350 sq. ср. II, 225—258.

³⁾ Ars am. II, 259—260.

⁴⁾ O. Ribbeck, Comic. fragm. ³ p. 81, v. 213—214.

⁵⁾ Ovid. Am. I, 8, 90.

⁶⁾ Plaut. Truc. 239—240.

⁷⁾ Plaut. Asin. 167—168.

⁸⁾ Ovid. Ars amat. I, 420.

⁹⁾ In Ter. Eun. I, 1—12.

ціонный типъ античной комедіи. Отдѣльныя черты его отразились почти во всѣхъ произведеніяхъ, которыя общность темы ставила въ соприкосновеніе съ типами комедіи; но нигдѣ это соприкосновеніе не выразилось такъ ясно, какъ въ римской эротической элегій, заимствовавшей всю жанровую сторону у комиковъ. Традиціонность типа *lena* особенно бросается въ глаза при сопоставленіи съ персонажами новой драмы, въ которой представительницы этой профессіи обрисованы совершенно иными красками. Напримеръ, шекспировскія сводни съ *the Kunkle* во главѣ ни одной чертой не напоминаютъ своихъ античныхъ товарокъ по ремеслу. До Шекспира, стало быть, не дошла традиція, такъ тѣсно объединявшая чуть ли не всѣ памятники жанровой литературы древнихъ.

Во сравненіи съ еврипидовской кормилицей Федры у Сенеки нянька Федры сохранила еще меньше чертъ, которыя позволяли бы ее отнести къ разряду типичныхъ *lenae* и видѣть на ней какое-либо вліяніе типовъ комедіи. Всѣми силами старается она погасить пламень, опустошающій сердце Федры, пытаясь внушить ей мысль, что ничего не можетъ остаться скрытымъ (*Sen. Hipp.* 151) и совѣтуетъ ей бояться мужа (v. 217) и помнить объ отцѣ (v. 242). Только желаніе спасти жизнь своей питомицы, рѣшившейся на самоубійство (v. 266), заставляетъ няньку вступить въ переговоры съ Ипполитомъ (v. 271); но и во время этихъ переговоровъ она ни разу не прибѣгаетъ къ тѣмъ уловкамъ, которыми старались заманить въ любовныя сѣти типичныя *lenae* комедіи, и изъ всего ея разговора съ Ипполитомъ только одна ея фраза; *actate frugere, mobili cursu fugit* ¹⁾, со свойственными Сенека риторическими распространеніями, немного приближаетъ ее къ соответствующимъ персонажамъ комедіи.

Также далека отъ знакомаго намъ шаблона комедіи и та старуха изъ *Fiammetta* Боккачіо, который иногда буквально воспроизводитъ сцену Федры со своей кормилицей въ „Федрѣ“ Сенеки ²⁾. Со страницъ элегій Овидія этотъ типъ услужливой для тароватыхъ влюбленныхъ старухи перешелъ въ средневѣковые фавліо, въ романъ *de la Rose*, поэму *de Vetula*, Филострато Боккачіо, дѣйствіе котораго она разрѣшаетъ своимъ появленіемъ ³⁾. Появляется она и въ Дека-

¹⁾ *Sen. Hipp.* 446.

²⁾ *А. Н. Веселовскій*, Боккачіо, его сверстники и среда, I, 400 сл.

³⁾ *А. Н. Веселовскій*, тамъ же, I, 118.

меронъ Боккачіо, въ новеллѣ о женѣ Пьетро да Винчоло ⁴⁾. Но здѣсь она не сохранила никакихъ типичныхъ чертъ античной комедіи и, кромѣ обычнаго совѣта не терять даромъ быстролетную молодость, въ этой новеллѣ имѣтъ рѣшительно ничего, что заставляло бы предполагать въ ней античное вліяніе.

Б. Варшавскіе.

---

⁴⁾ Decam. V, 10.

АЯКСЪ.
ТРАГЕДІЯ СОФОКЛА.

Аонна.

Одиссей.

Аяксъ.

Хоръ саламинскихъ моряковъ.

Текмесса, жена Аякса.

Вѣстникъ.

Тевкръ.

Менелай.

Агамемнонь.

Нѣмья лица: Еврисакъ, малолѣтній сынъ Аякса. Слуги и герольды царей.

Дѣйствіе происходитъ подъ Троей; сначала передъ шатромъ Аякса, расположеннымъ на крыльяхъ лагерь; потомъ въ пустынномъ мѣстѣ на морскомъ берегу.

ПРОЛОГЪ.

Передъ шатромъ Аякса. Аонна, говорящая съ особою возвышенія, съ которою обращались боги въ греческихъ трагедіяхъ, и Одиссей; затѣмъ Аяксъ.

Аонна. Всегда, Лаэртовъ сынъ, тебя я вижу,
Въ стараніи враговъ разстроить ковы.
И нынѣ застаю передъ палаткой
Аякса, на краю ахейскъ стана.

Давно за нимъ ты издали слѣдишь,
 И хочешь по слѣдамъ его узнать,
 Вошелъ ли онъ къ себѣ. Ты не ошибся,
 Ты чутокъ, какъ спартанская собака:
 Онъ только что вошелъ въ палатку; потъ
 Со лба, кровь съ рукъ его течеть усталыхъ.
 Итакъ, подглядывать тебѣ довольно.
 Скажи лишь мнѣ, зачѣмъ свой трудъ предпринялъ,
 И все тебѣ подробно объясню.

Одиссей. Я узнаю твой голосъ, о Аѳина,
 Любимѣйшая изъ богинь, хотя
 Ты и незрима; но знакомъ онъ мнѣ,
 Какъ звукъ тирренскихъ трубъ мѣдяноустыхъ.
 Идущимъ ты увидѣла меня
 По слѣду щитоноснаго Аякса.
 Какъ разъ за нимъ уже давно слѣжу я.
 Онъ совершилъ невиданное почью,
 Коль только вправду сдѣлалъ это онъ.
 Мы точнаго не знаемъ... лишь догадки...
 И разузнать всю правду я взялся.
 Сегодня утромъ всѣ стада, добычу
 Военную, убитыми нашли мы;
 Съ животными погибли пастухи...
 Въ злодѣйствѣ этомъ всѣ винять Аякса.
 А кто-то мнѣ сказалъ, что даже видѣлъ
 Его съ мечомъ въ рукахъ окровавленнымъ.
 Кой-что мнѣ стало ясно, и немедля
 Я по слѣдамъ его пошелъ. Но трудно
 Мнѣ разобраться, некого спросить...
 Ты во время явилась. Какъ и прежде,
 Направь меня на путь рукой державной.

Аѳина. Я это знала, Одиссей. Тебѣ
 На встрѣчу я давно слѣшила.

Одиссей. Значить,
 Я вѣрно поиски направилъ.

Аѳина. Да!
 Стада рукой Аякса поребиты.

Одиссей. Изъ-за чего-жъ безумствуетъ несчастливый?

Аѳина. Онъ гнѣвенъ за оружіе Ахилла.

Одиссей. Причемъ же тутъ невинныя стада?

Аѳина. Онъ не стада, а васъ хотѣлъ убить.

Одиссей. Протинь ахейцевъ шель онъ?

Аѳина. И навѣрно

Погибли-бъ вы, когда-бъ я не вмѣшалась.

Одиссей. Но какъ же онъ осмѣлился на мщенье?

Аѳина. Хотѣлъ врасплохъ напасть на васъ онъ ночью.

Одиссей. И быть ужъ къ цѣли близко онъ?

Аѳина. У самыхъ

Палатокъ полководцевъ.

Одиссей. Какъ же руку,

Грозящую убійствомъ, онъ сдержалъ?

Аѳина. Я не дала преступному свершиться,

Глаза и умъ Аяксу помутить.

Направила его я на стада

Ахейцевъ и на отнятыя съ боя.

Въ нихъ врѣзавшись, онъ умерщвлялъ животныхъ

Вокругъ себя. Порой ему казалось,

Что онъ Атридовъ братьевъ убиваетъ,

Или другихъ начальниковъ ахейскихъ.

Я гнѣвнаго къ злодѣйствамъ поощряла,

Его болѣзнию тяжелой поразивъ.

Когда же утомился онъ отъ свѣчи,

То всѣхъ въ живыхъ оставшихся животныхъ,

По прежнему ихъ за людей считая,

Связавши крѣпко, притащилъ домой,

И ихъ теперь нещадно истязаетъ.

Я покажу его тебѣ безумнымъ,

Чтобъ могъ о немъ ты рассказать ахейцамъ.

Не бойся; зла тебѣ не причинитъ онъ:

Я отвращу зрачки его очей,

И ты останешься ему незримымъ. (Къ Аяксу)

Аякъсь! брось руки плѣнниковъ веревкой

Завязывать, и выходи сюда.

Аякъсь! Тебя зову. Иди изъ дома!

Одиссей. Что дѣлаешь? О, не зови его, Аѳина!

Аѳина. Молчи и не робѣй.

Одиссей. Молю, во имя

Боговъ! Пусть остается онъ внутри.

Аѳина. Чего-жь боишься ты? Не былъ ли прежде...

Одиссей. Онъ мнѣ врагомъ? Онъ врагъ мой и теперь.

Аѳина. Но сладко надъ врагомъ смѣяться.

Одиссей. Мнѣ

Вполнѣ довольно, что теперь онъ дома.

Аѳина. Ужель ты струсилъ жалкаго безумца?

Одиссей. Будь онъ въ умѣ, его я не боялся-бъ.

Аѳина. Но вѣдь тебя онъ не увидитъ.

Одиссей. Развѣ?

Вѣдь онъ глядитъ во всѣ свои глаза.

Аѳина. Но я покрою ихъ густымъ туманомъ.

Одиссей. Конечно, все богамъ возможно...

Аѳина. Стой же

На этомъ мѣстѣ и молчи!

Одиссей. Останусь.

Хоть лучше было бы его не звать.

Аѳина. Гдѣ ты, Аякъсь? Второй ужъ разъ зову я.

Что-жь голосу союзницы не внемлешь?

(Аякъсь выходитъ изъ шатра. Въ рукахъ у него плеть изъ сложеннаго двойнѣ ремня).

Аякъсь. Привѣтъ тебѣ, дочь Зевсова Аѳина!

Я жертвы золотыя принесу

Тебѣ за славную мою побѣду.

Аѳина. Спасибо! Расскажи же мнѣ подробно,

Успѣшно-ль ты сразилъ ахейцевъ войско?

Аякъсь. Могу гордиться. Скромничать не стану...

Аѳина. Въ крови Атридовъ обогрѣлъ ли руки?

Аякъсь. Да, впредь они Аякса не обидятъ!

Аѳина. Обоихъ ты убилъ, коль поняла я?

Аякъсь. Пусть дѣлать мертвые теперь оружье!

Аѳина. Такъ-такъ! А что-жь Лаэртговъ сынъ? какая

Его судьба постигла? Спасся онъ?

Аякъсь. Ты хочешь знать про хитрую лисицу?

Аѳина. Да, расскажи про Одиссея.

Аякъсь. Тамъ онъ,

Владычица! Мой лучший плѣнникъ. Дома

Сидитъ; пока еще онъ живъ.

Аѳина. Что-жь хочешь

Съ нимъ дѣлать? Чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ?

Аяксъ. Я привяжу его къ столбу палатки...

Аонна. Что ты съ несчастнымъ сдѣлаешь?...

Аяксъ. И буду

До смерти бичевать ременной плетью.

Аонна. Не дѣлай этого! Не мучь бѣдняжки.

Аяксъ. Я чѣмъ другимъ готовъ служить Аоннѣ;
Но Одиссеѣ получить эту казнь.

Аонна. Ну если такъ, ступай, берись за дѣло,
И не щади своихъ враговъ.

Аяксъ. Иду я.

Тебя жъ молю, моя богиня, вѣчно

Мнѣ также помогай въ моихъ дѣлахъ. (Уходитъ въ шатеръ).

Аонна. Смотри, Лазртовъ сынъ, какъ сильны боги!

Кто раньше былъ мудрѣй, сильнѣй Аякса,
Способнѣе на подвиги?

Одиссей. Никто!

И жалость мнѣ теперь объемлетъ сердце,

При видѣ бѣдствій моего врага,

Попавшаго подъ колесо судьбы,

Какъ будто бы я самъ страдалъ съ нимъ вмѣстѣ.

Я вижу, что мы, смертные, не больше,

Какъ призраки, какъ тѣнь пустая..

Аонна. Помни-жь

Ты на его примѣрѣ, что безумно

Хулою бога поносить, кичиться,

Когда другихъ людей ты превзойдешь

Богатствомъ или силою тѣлесной.

Какъ день восходить и заходить, такъ

Судьба людей. Благочестивыхъ боги

Благословляютъ и караютъ гордыхъ.

(Исчезаетъ. Одиссей уходитъ).

ПАРОДОСЪ.

(Входитъ хоръ, состоящій изъ саламинскихъ старцевъ, подданныхъ Аякса, сына
Теламонова).

Хоръ. Саламиномъ владѣющій сынъ Теламона,

Саламиномъ водой окруженнымъ,

Далеко отстоящимъ отсюда!

Твое счастье мнѣ радостью служить;
 Если жь горе тебя постигаетъ,
 Ниспосланное Зевсомъ могучимъ,
 Или слово дурное Данайцевъ,
 Я боюсь за тебя и печалюсь,
 Словно голубь крылатый и кроткій.

Я встревоженъ былъ этою ночью
 Ядовитой и шумною рѣчью,
 Будто ты, появившись на полѣ,
 Гдѣ пасется Данайское стадо,
 И блестящимъ мечомъ поражая,
 Истребляя безпощадно животныхъ,
 Отъ враговъ нами отнятыхъ силой.
 Этотъ слухъ распускаетъ по войску
 Одиссей, въ клеветѣ ненасытный;
 И всѣ вѣрятъ ему, такъ какъ рады
 Надъ твоимъ посмѣяться несчастьемъ.
 Клеветѣ на героя охотнѣй,
 Чѣмъ на низкаго смертнаго вѣрятъ:
 Потому-что за славнымъ и сильнымъ
 Вѣчно крадутся зависть и злоба.
 Безъ могучихъ, однако, безсильный
 И послѣдней лишается силы.
 Лишь съ могучимъ безсильный не шатокъ;
 Но и сильный могучъ черезъ слабыхъ.

Невозможно, однако, безумцевъ
 Убѣдить въ справедливости нашей:
 Только крикомъ они отвѣчаютъ.
 Не могли безъ тебя мы, властитель,
 Защититься отъ ихъ оскорбленій.
 Только съ глазъ мы твоихъ удалимся,
 Какъ они окружаютъ насъ съ крикомъ,
 Точно птичекъ крылатая стая...
 Можетъ быть, еслибъ ты появился
 Передъ ними, какъ коршунъ, внезапно,
 То они бы, тебя увидавши,
 Устрашились и вдругъ замолчали.

(Хоръ обходитъ вокругъ сцены, становится въ оркестрѣ и запѣваетъ):

Строфа.

Знать, Артемида тебя Тавропольская
 Вѣчнымъ позоромъ покрыла,
 Намъ причинивши такое несчастье
 Тѣмъ, что твой мечъ обратила
 На беззащитное стадо Данайское...
 Сердится, вѣрно, она,
 Что не принесъ ей за ловъ благодарности,
 Иль къ тебѣ стала грозна
 И потому, что въ охотѣ за серпами
 Дара лишилась она?
 Иль Эниалій тебѣ мѣдиопанцырный
 Мститъ за былыя дѣла?
 За несогласье съ ахейцами
 Вѣрно тебѣ онъ отмстилъ
 Тѣмъ, что на стадо невинное
 Ночью твой мечъ обратилъ.

Аякстрофа.

Въ здоровомъ умѣ никогда, Теламоновъ сынъ,
 Ты бы на зло не склонился,
 И нападать на стада беззащитныя
 Ты никогда-бъ не рѣшился.
 Вѣрно болѣзнь на тебя эта послана
 Богомъ съ лазурныхъ небесъ;
 Но прекратять пусть молву злорѣчивую
 Свѣтлые Фебъ и Зевесъ.
 Если-жь тебя два царя несправедливые
 Снова хотять оскорблять,
 Иль на тебя вѣнукъ Сизифа несчастнаго
 Злобно клевететь опять,
 То не сиди у побережья,
 Слушая ропотъ валовъ,
 И говорить оскорбительныхъ
 Не позволяй врагамъ словъ.

Эподъ.

Но выдь изъ палатки,
 Сія небесной грозою:
 Довольно сидѣть въ ней,
 Терзаясь душевной тоскою.
 Враги слишкомъ дерзко
 Смѣются теперъ надъ тобою.
 Въ прогалинахъ лѣса
 Такъ злобно тебя порицають
 При общихъ насмѣшкахъ,—
 Что горе меня постигаетъ.

 ПЕРВОЕ ДВѢЙСТВІЕ.

(выходить изъ палатки).

ТЕКМЕССА. О, Аяковы спутники на морѣ,
 Съ нимъ приплывшіе вмѣстѣ изъ Аттики,
 Кому дорогъ и здѣсь Теламоновъ домъ!
 Будемъ плакать о немъ.
 Страшный, мощный физической силою
 Нашъ Аякъ пораженъ
 Непонятною тяжелой болѣзнію.
 ХОРЪ. Что за горе былое спокойствіе
 Въ эту ночь замѣнило намъ?
 Телевантова дочь царя Фригій,
 Расскажи намъ. Супругой изъ плѣнницы,
 Полюбивъ, тебя сдѣлалъ герой,
 И о немъ ты все знаешь навѣрное.
 ТЕКМЕССА. Какъ скажу несказанное слово!
 Хуже смерти насъ горе постигло:
 Этой ночью, охваченъ безумствомъ,
 Опозорилъ себя нашъ Аякъ.
 Самъ увидишь внутри ты палатки
 Окровавленныхъ трупы животныхъ:
 Это жертвы безумства героя.

Строфа.

Хоръ. Невыносимую, неотвратимую
 Вѣсть ты о пылкомъ Аякъсѣ сказала,
 Вѣсть отъ Данайскихъ царей разносимую.
 Вѣрить молвь не хотѣлъ я сначала.
 Горе, о горе! страшусь я грядущаго:
 Ясно, умреть нашъ герой, поразившій
 Стадо мечомъ своимъ, не пощадившій
 Пастыря даже пасущаго.

Текмесса. О, несчастье! Оттуда, оттуда привелъ онъ
 Крѣпко связанныхъ вмѣстѣ барановъ.
 Одного, поваливъ, умертвилъ онъ,
 Остальныхъ—подъ ребро поражая.
 Отобралъ онъ затѣмъ среброногихъ
 Двухъ барановъ; изъ нихъ обезглавилъ
 Одного и языкъ ему вырвалъ
 И швырнулъ, а другого барана,
 Привязавши къ столбу, истязалъ
 Онъ двойною ременною плетью,
 И при этомъ такъ страшно бранился,
 Точно демонъ училъ его брани:
 Изъ людей такъ никто не бранится.

Антистрофа.

Хоръ. Время, покрывъ свою голову складками
 Нашихъ одеждъ, намъ въ бѣга обратится.
 Или домой, здѣсь разставшись съ палатками,
 На корабляхъ быстроходныхъ пуститься.
 Страшно грозятъ намъ Атриды всевластные,
 И я боюсь, что побьютъ насъ камнями
 За состраданье къ тому, кто судьбами,
 Бѣдный, гонимъ столь злосчастными.

Текмесса. Не гонимъ онъ судьбами. Какъ вѣтеръ,
 Безъ грозы налетѣвшій, стихаетъ,
 Стихъ и онъ, и о новомъ тоскуетъ:
 Созерцанье великихъ несчастій,

- Если въ нихъ лишь мы сами виновны,
Причиняеть намъ острое горе.
- Хоръ. Но, если онъ утихъ, то значить счастливъ!
Минувшее вѣдь горе легче несть.
- Текмесса. Когда-бъ на выборъ дали, что-бъ ты выбралъ:
Быть радостнымъ средь горестей друзей,
Иль быть печальнымъ съ ними?
- Хоръ. Тамъ, гдѣ тяжело
Страдаютъ,—всѣ.
- Текмесса. Значить, если онъ
Здоровъ, то мы вдвойнѣ страдаемъ.
- Хоръ. Я
- Твоихъ рѣчей, прости, не понимаю.
- Текмесса. Аяксъ, пока безумствовалъ, былъ счастливъ,
И бѣдствій онъ своихъ не сознавалъ;
Но насъ, разсудкомъ здравыхъ, огорчалъ.
Когда-жъ очнулся онъ отъ злой болѣзни,
То предается самъ печали тяжелой,
А намъ отнюдь не легче оттого.
И не одно, а два у насъ страданья.
- Хоръ. Да, ты права. И я страшусь, какое
Еще намъ богъ несчастіе пошлетъ.
Аяксъ, придя въ себя, страдаетъ такъ-же,
Какъ и больной?
- Текмесса. Не меньше—такъ и знай!
- Хоръ. Но какъ же началась болѣзнь Аякса?
Скажи намъ,—будемъ вмѣстѣ горевать.
- Текмесса. Товарищи! Все вамъ скажу подробно.
Въ началѣ ночи, только-что огни
Вечерніе погасли, взялъ Аяксъ
Свой мечъ двуострый и идти собрался.
И говорю ему: куда идешь,
Аяксъ? Никто не вызывалъ
Тебя ни чрезъ глашатая, ни звукомъ
Трубы; теперь давно ужъ спитъ все войско.
А онъ въ отвѣтъ припѣвъ давно привычный:
Жена! молчанье женщинамъ прилично.
И смолкла я, а онъ ушелъ одинъ.
Что было тамъ, сказать вамъ не умѣю;

Но въ домъ пришелъ Ляксъ, гоня съ собой
 Быковъ, собакъ, барановъ густошерстныхъ.
 И ихъ то убиваль, то обративъ
 Къ себѣ спиной, рубилъ на части, или,
 Связавъ, ихъ истязаль, къ нимъ обращаясь
 Не какъ къ животнымъ, — какъ къ героямъ славнымъ.
 Затѣмъ у двери съ призракомъ какимъ-то
 Онъ говорилъ, причемъ бранилъ Атридовъ
 И Одиссея, смѣхомъ заливался,
 И хвастаясь, что онъ отмстилъ обиду.
 Затѣмъ, опять домою вернувшись, вскорѣ,
 Хотя не сразу, онъ въ себя пришелъ,
 И какъ увидѣвъ труповъ полный домъ,
 Себя ударилъ въ голову и вскрикнулъ,
 И на истерзанныхъ барановъ груду
 Усѣлся; волосы онъ въ горѣ рвалъ.
 Въ отчаяннѣ молчалъ онъ долго-долго...
 Потомъ ко мнѣ такъ строго обратился
 И приказалъ ему все рассказать
 И объяснить, какъ было это дѣло.
 И я, о други, страшно испугавшись,
 Ему про все, что знала, рассказала.
 И тутъ Ляксъ ужасно зарыдалъ,
 Какъ никогда еще я не слыхала,
 Такъ какъ рыданья онъ всегда считалъ
 Приличными мужамъ лишь слабымъ, дряблымъ.
 И даже, успокоившись немного,
 Ляксъ стоналъ, какъ быкъ, ревущій въ полѣ.
 Теперь, терзаемый судьбой печальной.
 Безъ пищи, безъ питья, среди убитыхъ
 Животныхъ, все еще сидитъ Ляксъ,
 И ясно что-то злое замышляетъ
 (На это онъ и раньше намекалъ).
 Но, други, я пришла просить васъ слезно —
 Подите вы къ нему, поговорите:
 Быть можетъ, онъ послушаетъ друзей.
 Хоръ. О, что ты рассказала намъ, Текмесса!
 Какое горе бѣдный перенесъ!
 Ляксъ. (За сценой). О горе, горе мнѣ!

- ТЕКМЕССА. А впереди ждетъ худшее еще.
Иль вы не слышите Аякса стоновъ?
- АЯКСЪ. (За сценой). О горе, горе мнѣ!
- ХОРЪ. Опять онъ боленъ, или огорченъ,
Минувшія несчастья созерцая!
- АЯКСЪ. (За сценой). О горе мнѣ! Ко мнѣ, мой сынъ!
- ТЕКМЕССА. О, я несчастная! Онъ Еврисака
Къ себѣ зоветъ. Чего же хочеть онъ?
О, я, несчастная! Гдѣ-жь ты, дитя?
- АЯКСЪ. (За сценой). О Тевкръ, гдѣ Тевкръ? Онъ все еще въ набѣгахъ?
Онъ слышалъ ли о горестяхъ моихъ?
- ХОРЪ. Царь, кажется, пришелъ въ себя. Открой же
Палатку, и меня увидѣвъ, онъ
Очнется.
- (Текмесса раздвигаетъ шатеръ. Въ немъ виденъ Аяксъ, сидящій угрюмо среди убитыхъ имъ животныхъ).

ТЕКМЕССА.   Вотъ! Смотри! Измѣрь очами
Его дѣла и настроенье духа.

Строфа.

- АЯКСЪ. О, други мореходцы! Изъ всѣхъ моихъ друзей
Одни лишь вы остались мнѣ вѣрными еще.
Смотрите, какъ волною мной пролитой крови
Я окруженъ отвсюду.
- ХОРЪ. Сказала намъ, увы! — ты слишкомъ правду.
Аяксъ, конечно, не въ своемъ умѣ.

Антистрофа.

- АЯКСЪ. Сотрудники морскіе, пришедшіе со мною,
Гребя по волнамъ моря искусною рукой!
На васъ, на васъ однихъ я надѣюсь и молю:
Скорѣй меня убейте!
- ХОРЪ. Ты не гнѣви боговъ. Лекарство злое
Лишь отягчить несчастье твое.

Строфа.

- АЯКСЪ.   Ты видишь смѣлаго героя,
Что шель безтрепетно на бой.

Папавинимъ на животныхъ робняхъ!..

Увы! о смѣхъ! позоръ какой!

ТЕКМЕССА. Не говори такъ: я молю тебя!

АЯКСЪ. Прочь съ глазъ моихъ! Уйди, уйдя отсюда!

Ай-ай, ай-ай!

ТЕКМЕССА. О, ради Бога, успокойся!..

АЯКСЪ. О, я несчастный! изъ рукъ упустилъ я обидчиковъ,

И круторогихъ быковъ и барановъ косматыхъ

Кровь неповинную пролилъ.

ХОРЪ. Зачѣмъ скорбить о томъ, что свершено:

Минушаго нельзя вернуть обратно.

Антистрофа.

АЯКСЪ. А между тѣмъ всѣхъ золь виновникъ

Всегда подвижный Одиссей,

Негодившій изъ всѣхъ ахейцевъ,

Смѣется надъ бѣдой моею!

ХОРЪ. И смѣхъ, и плачь даются намъ отъ бога.

АЯКСЪ. Ахъ, если бы теперь онъ мнѣ попался!

О горе мнѣ!

ХОРЪ. Не хвастай! Или мало ты несчастенъ?

АЯКСЪ. Зевсъ! моихъ предковъ родитель. О, дай мнѣ насытиться

Местью тому негодяю и братьямъ Атридамъ.

Послѣ-жь и самъ да умру я!

ТЕКМЕССА. Тогда, о Зевсъ, пошли и мнѣ кончину!

На что мнѣ жизнь, когда умереть Аяксъ?

Строфа.

АЯКСЪ. О мракъ, мой свѣтъ! молюсь тебѣ,

Эребъ, блестящій мнѣ пріятно!

Возьми, возьми меня къ себѣ,

Возьми меня — и безвозвратно.

Въ глаза смотрѣть я не могу

Богамъ и смертнымъ, какъ донинѣ.

Я негоденъ сталъ Аѳинѣ.

Гдѣ буду жить? Куда бѣгу?

Когда средь стадъ, столь не геройски

Убитыхъ мною, останусь я,—

Содержаніе
ТРИСТА-ПЯТЬДЕСЯТЬ-ВТОРОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(мартъ и апрѣль 1904 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именной Высочайшій указъ, данный Правительствующему
Сенату.

	Стран.
23-го января 1904 года	3

Высочайшія повелѣнія.

1. (21-го ноября 1903 года). Объ отпускѣ изъ казны средствъ на содержаніе и оборудованіе Мурманской биологической станціи	3
2. (1-го декабря 1903 года). Объ установленіи входной платы съ посѣтителей Севастопольской биологической станціи	4
3. (1-го декабря 1903 года). Объ отпускѣ средствъ на наемъ рабочихъ столовъ зоологической станціи доктора Дорна въ Неаполѣ	5
4. (6-го января 1904 года). Объ открытіи въ с. Павловскомъ, Томской губерніи, учительской семинаріи	6
5. (24-го сентября 1903 года). Объ учрежденіи стипендіи Имени Его Императорскаго Величества при Елабужскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ	41

6. (29-го ноября 1903 года). Обь учрежденіи при гимназіи, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжнѣ, стипендіи Имени въ Богѣ почивающаго Императора Александра II	—
7. (8-го декабря 1903 года). О служебныхъ правахъ учителей пѣнія учительскихъ институтовъ и о дополнительномъ отпускѣ изъ казны по 300 руб. въ годъ на содержаніе учителя пѣнія въ Тифлисскомъ учительскомъ институтѣ	42
8. (8-го декабря 1903 года). Обь учрежденіи при Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства должности преподавателя садоводства и огородничества	43
9. (8-го декабря 1903 года). О предоставленіи законоучителю и лицамъ женскаго пола, служащимъ въ состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны Кунгурской Елисаветинской женской руководъльной школы, пенсіонныхъ правъ, усталоопенныхъ для служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ	44
10. (15-го января 1904 года). Обь утвержденіи постановленій о разрядѣ изящной словесности отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ	45
11. (9-го февраля 1904 года). О правахъ по отбыванію воинской повинности воспитанниковъ тѣхъ двухклассныхъ приходскихъ, по уставу 1828 года, училищъ, въ коихъ примѣняются установленныя министерствомъ народнаго просвѣщенія для двухклассныхъ сельскихъ училищъ программы преподаванія	48

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

(7-го января 1904 года, № 3)	7
(23-го января 1904 года, № 7)	—
(30-го января 1904 года, № 8)	—
(17-го января 1904 года, № 6)	49
(5-го февраля 1904 года, № 9)	50
(12-го февраля 1903 года, № 12)	57
(20-го февраля 1904 года, № 13)	64
(27-го февраля 1904 года, № 16)	72

Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія.

1. (18-го января 1904 года). Правила о книжныхъ складахъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	18
--	----

2. (18-го января 1904 года). Правила о народныхъ библиотекахъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	20
3. (20-го ноября 1903 года). Положеніе о стипендіи именъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ Василя и Анны Сытовыхъ при С.-Петербургской шестой гимназій	75
4. (20-го ноября 1903 года). Положеніе о стипендіяхъ имени личнаго почетнаго гражданина Алексѣя Парфентьевича Золотарева при Каменскомъ реальномъ училищѣ	76
5. (20-го ноября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени дворянина Николая Андреевича Ротмистрова при Прилукской мужской гимназій	77
6. (23-го ноября 1903 года). Положеніе о стипендіи имени Астраханскаго купца Михаила Николаевича Макарова при Астраханскомъ реальномъ училищѣ	78
7. (3-го декабря 1903 года). Правила пользованія процентами съ капитала имени бывшаго предсѣдателя правленія Харьковскаго общества взаимнаго кредита Ивана Ивановича Яковлева при Харьковскомъ реальномъ училищѣ	79
8. (3-го декабря 1903 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго преподавателя Астраханскаго реальнаго училища (нынѣ директора Царицынской гимназій) статскаго совѣтника Павла Никаноровича Муратовскаго при Астраханскомъ реальномъ училищѣ	80
9. (6-го декабря 1903 года). Положеніе о стипендіи Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II при гимназій, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ	81
10. (14-го декабря 1903 года). Положеніе о стипендіи имени Владимира Галактионовича Короленко при Нижегородской гимназій	82
11. (31-го декабря 1903 года). Положеніе о стипендіи имени коллежскаго ассесора Феранонта Павловича Каплина при Вологодскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ	83
12. (27-го января 1904 года). Положеніе о стипендіи имени надворнаго совѣтника Покровскаго при Нижегородскомъ Кулибинскомъ ремесленномъ училищѣ	—
13. (27-го января 1904 года). Положеніе о стипендіи имени С. А. Владимірскаго при Московскомъ промышленномъ училищѣ	84
14. (29-го января 1904 года). Положеніе о стипендіи имени торговаго дома Л. Кношъ при гимназическомъ отдѣленіи училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской церкви свв. Петра и Павла въ Москвѣ	85
15. (29-го января 1904 года). Положеніе о стипендіи имени коллежскаго совѣтника Павла Юрьевича Мандражи при Аккерманской мужской гимназій	86
16. (29-го января 1904 года). Положеніе о стипендіи имени Вольдемара Циммеръ въ реальномъ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ	87

Отъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ	22
Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.	23 и 88
Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.	27 и 91
Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональ- ному образованію.	35 и 101
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣ- щенія.	36
Отъ постоянной комисіи народныхъ чтеній	38

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Н. А. Насѣкинъ. Корѣвцы Приамурскаго края	1
Л. Д. Воронцова. Икона Богоматери „Неопалимая Купина“ . .	62
А. Л. Погодинъ. Очеркъ развитія латышской этнографіи за по- слѣднія пятнадцать лѣтъ	89
Н. К. Козминъ. О послѣдней редакціи поэмы М. Ю. Лермонтова „Демонъ“	189
С. А. Шумаковъ. Темные пункты исторіи русскаго права . . .	206
В. И. Ламанскій. Славянское житіе Св. Кирилла какъ рели- гиозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. XXVI— XXVIII.	215
Н. И. Амонъ. „Невѣдомое“ въ поэзи Тургенева	240

Критика и библиографія.

М. Грушевскій. Львовское ученое общество имени Шевченка и его вклады въ изученіе Южной Руси	117
Е. О. Будде. Толковный словарь живого великорусскаго языка <i>Владимира Даля</i> . Третье изданіе, подъ редакціей проф. <i>И. А. Бодуэна- де-Куртена</i> . Т. I. Выпускъ 1—3 (А — Втягѣть). С.-Пб. 1903	148

Д. К. Петровъ. <i>Л. Шепелевичъ</i> . „Донъ-Кихоть“ <i>Сервантеса</i> . Опытъ литературной монографіи. С.-Пб. 1903	163 ✓
А. И. Соболевскій. 1) О нѣкоторыхъ архаизмахъ и новообразованіяхъ праславянскаго языка. Морфологическіе этюды <i>Г. А. Ильинскаго</i> . Прага. 1902. 2) Сложныя мѣстоименія и окончаніе родительнаго падежа единственнаго числа, мужскаго и средняго рода неличныхъ мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ. Этимологическое изслѣдованіе <i>Г. А. Ильинскаго</i> . Варшава. 1903	180
Н. И. Коробка. Итоги Гоголевской юбилейной литературы. I	295
И. И. Лапко. Витебскій центральный архивъ и его изданіе	326
А. И. Соболевскій. <i>Zachodnio-europejskie postanowienia rozkute w języku serkiewnosłowańskim. Napisał dr. Wacław Vondrák. W Krakowie. Nakładem Akademii Umiejętności 1904 . . . . .</i>	367
Н. А. Максимейко. Къ вопросу о литовско-русскихъ сеймахъ	370
Г. А. Ильинскій. По поводу рецензій ак. Соболевскаго	388
— Книжныя новости	183 и 393

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИ.

Наша учебная литература.

<i>И. Износковъ</i> . Краткій курсъ естественной исторіи	1
<i>А. Павловъ</i> . Учебникъ ботаники	4
<i>А. Анврасъ & С. ди Лоур</i> . <i>Recueil de mousses choisis</i>	6
<i>Берге, Ф.</i> Иллюстрированная естественная исторія	7

Отдѣлъ по народному образованію.

В. И. Фармаковскій. Дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія въ области начальнаго народнаго образованія въ послѣднее десятилѣтіе	1
В. А. Латышевъ. Экзамены въ начальной школѣ	62

Отзывы о книгахъ: *А. Генксель*, Школьный ботаническій атласъ.—*С. Павловъ*, Вулканы.—*Ф. Мартинъ*, Три царства природы.—*К. А. Ивановъ*, Востокъ и мнѣ.—*И. И. Ивановъ*, Разказы о старинѣ.—*Л. К. Якобсонъ*, Школьныя изданія нѣмецкихъ авторовъ, вып. IV.—*Л. Птиде-Жюльвилль*, Исторія новѣйшей французской литературы.—*Е. К—скій*, Стихотворенія и прозаическія статьи.—*Н. Одинцовъ* и *В. Боголюбскій*, Вукварь . . . . .

69

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Н. К. Колюновъ. О преподаваніи зоологій въ германскихъ университетахъ (<i>продолженіе</i>)	1 и 127
Наши учебныя заведенія. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1902 году	43
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	84
С. И. Соболевскій. В. Г. Зубковъ (<i>искролокъ</i>)	98
П. М. Могиляпскій. Д. А. Корончевскій (<i>искролокъ</i>)	108
— П. С. Ванновскій (<i>искролокъ</i>)	124
Отчетъ о состояніи С.-Петербургскихъ Высшихъ женскихъ курсовъ за 1902—1903 академическій годъ	162
В. Н. Сперанскій. Б. Н. Чичеринъ (<i>искролокъ</i>)	186
Н. И. Веселовскій. В. В. Вельяминовъ-Зерновъ (<i>искролокъ</i>)	197

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

М. Н. Крашенинниковъ. <i>Varia</i> (<i>продолженіе</i>)	97
Г. Э. Зенгеръ. „Пророкъ“ Пушкина въ переводѣ на латинскій языкъ	104
К. В. Хиллинскій. <i>Asoi</i> въ Малой Азіи	106
А. В. Никитскій. Критическія замѣтки (<i>окончаніе</i>)	113
А. Г. Маленъ. Замѣтки къ тексту поэмы Альдгельма „ <i>De laudibus virginum</i> “	138
S. G. Schmid. <i>Exegetica</i>	148
Б. В. Варнеке. Изъ наблюденій надъ древне-римскою комедіей	168
П. Н. Красновъ. Аяксъ. Трагедія Софокла	182

Объявленія . . . . . 1—16

рипъ.— <i>Л. К. Икобсонъ</i> , Школьные изданія нѣмецкихъ авторовъ, вып. IV.— <i>Л. Пти-де-Жюльвилль</i> , Исторія новѣйшей французской литературы.— <i>Е. К—скій</i> , Стихотворенія и прозаическія статьи.— <i>Н. Одищовъ</i> и <i>В. Бюлявленскій</i> , Вульварь	60
---	----

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Н. К. Кольцовъ . О преподаваніи зоологій въ германскихъ университетахъ (<i>продолженіе</i>)	127
— Отчетъ о состояніи О.-Петербургскихъ Высшихъ женскихъ курсовъ за 1902—1903 академическій годъ . . .	182
В. И. Сперанскій . В. Н. Чичеринъ (<i>некрологъ</i>)	186
Н. И. Веселовскій . В. В. Вельяминовъ-Зерновъ (<i>некрологъ</i>) . .	197

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

S. G. Schmid . Exegetica	147
Б. В. Варнекс . Изъ наблюденій надъ древне-римской комедіей .	168
П. Н. Красновъ . Аяксъ. Трагедія Софокла	182

О ВЪ ЯВЛЕНІЯ . . . . . 1—3

Редакторъ **Э. Л. Радловъ**

(Вышла 1-го апрѣля).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогійи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ 12 р. 75 к., съ пересылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу — 16 р. Книжки выходятъ въ началѣ cadaго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902 и 1903 годы.

При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“; но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ на 1904 г.: безъ доставки 2 р. 50 к., съ доставкою 3 р.

**This book is a preservation photocopy
produced on Weyerhaeuser acid free
Cougar Opaque 50# book weight paper,
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)**

**Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
☐
1994**

